

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2022. 17(3)
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

С. И. ДЕГТЯРЕВ (Г. СУМЫ, УКРАИНА)
гл. редактор – д-р ист. наук

А. Ю. ПЕРЕТЯТКО (Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
РОССИЯ)

Т. А. МАГСУМОВ (Г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ,
РОССИЯ) канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Редакционный совет:

Д. ДАРОВЕЦ (Г. ВЕНЕЦИЯ, ИТАЛИЯ)

П. ДЖОЗЕФСОН (Г. ВОТЕРВИЛЬ, США)

Е. Ф. КРИНКО (Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ, РОССИЯ)

Р. МАРВИК (Г. НЬЮКАСЛ, АВСТРАЛИЯ)

Р. В. МЕТРЕВЕЛИ (Г. ТБИЛИСИ, ГРУЗИЯ)

Б. Н. МИРОНОВ (Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

Дж. САНБОРН (ПЕНСИЛЬВАНИЯ, США)

В. САНДЕРЛЭНД (Г. ЦИНЦИННАТИ, США)

С. Г. СУЛЯК (Г. ТИРАСПОЛЬ, МОЛДАВИЯ)

Г. ЧЖАН (Г. ЧАНЧУНЬ, КИТАЙ)

Ф. Б. ШЕНК (Г. БАЗЕЛЬ, ШВЕЙЦАРИЯ)

М. ШМИГЕЛЬ (Г. БАНСКА БЫСТРИЦА, СЛОВАКИЯ)

Учредитель и издатель – Cherkas Global University, США

Адрес для писем:

1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Подписано в печать 01.09.2022 г.

Заказ № 71.

Тел.: +1 202 8437792 (США)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

На обложке слева направо:

Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Виды Российской империи. Архангельск»

BYLYE GODY. 2022. 17(3)
HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE) Editor
in Chief – Dr. (History)

A. Yu. PERETYATKO (ROSTOV-ON-DON,
RUSSIA) PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA) PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Publisher – Cherkas Global University, USA

Postal Address:

1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (USA)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Approved for printing 1.09.2022

Order № 71.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo «Views of the Russian Empire. Arkhangelsk»

CONTENTS

ARTICLES

Marriage and Family Relations among the Peoples of the European North-East of Russia and the Trans-Urals in the XVII – XIX centuries in Customary and Positive Law O.A. Plotskaya, G.F. Ruchkina	1064
The Place and Role of the Historical and Architectural Heritage of Russia in the Eastern Caucasus (XVIII – first half of the XIX centuries) A.A. Gazieva, M.M. Vagabov, M. Ozturk, E.I. Lelina	1073
The History of Kalmyk Everyday Life in the 18th century M.M. Batmaev	1081
The Situation of the Kazakhs after the Entry of the Kazakh Steppe into the Russian Empire in the XVIII-XIX centuries A.A. Umarov, B.N. Abdrakhmanov, A.E. Karimova, G.E. Otepova	1093
About the Nature of the Bashkir Uprisings of the XVII-XVIII centuries B.A. Aznabaev, A.I. Kortunov	1102
Natural and Climatic Conditions as a Factor of Development/Stagnation of Nomadic Societies (on the Example of the Kalmyks) I.V. Lidzhieva	1114
Konstantin Pavlovich Romanov and Poland: Missed Opportunities E.I. Mayorova, R.V. Shagieva, Yu. Ogurlu, V.V. Romanov	1125
Creating a System of Military Facilities on the South of Kazakhstan on the Middle of the 19th century and Their Role in Conducting a Policy of Russian Empire G.B. Zhakibayeva, G.E. Otepova, A.V. Kontev, A.M. Sadykova	1140
The Ukrainian Question in the Activity of the Zemstvo Liberal Opposition of Chernihiv Governorate (60-80th of XIX century) A.E. Lebid, N. Kotelnitsky	1153
Between Local and National History: Analysis of the Specifics of the Don Pre-Revolutionary Historiography A.Yu. Peretyatko	1163
The Idea of Life/Death in the Axiosphere of the Ancient Nomads of the Altai S.Ya. Shchebrova	1177
Comparative Characteristics of the State of the Judicial System of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. Part 1 I.S. Denisov, R.M. Allalyev, M.I. Katsarskiy, M.G. Smirnov	1189
Count A.S. Uvarov and the First Russian Archaeological Dictionary Yu.G. Kokorina, M.M. Vagabov, V.A. Rogozhkin, M. Ozturk	1197
To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916 A.M. Mamadaliev, V.S. Nikitina, N.V. Svechnikova, I.Yu. Cherkasova	1207
Sacred Places of the Kazakhs in the Turkestan region in the Works of Russian Researchers and Travelers (second half of the 19th – early 20th centuries) A.U. Toktabay, N.A. Dossymbetov	1214
The Network of Rural Settlements of the Tobolsk District/County in the second half of the XIX – first third of the XX centuries: Scale and Infrastructure A.I. Tatarnikova	1227

The Journal “Zodchiy” as a Source on the History of Russian Modern in the late XIX – early XX centuries N.M. Leshchinskaia, A.A. Sitnikova, E.A. Sertakova, N.P. Koptseva	1237
Scenarios of Intercultural Communication of the Russian and Indigenous Population of Siberia in the Views of the Leaders of the Siberian Regionalism B.S. Tokmurzayev, M.K. Churkin, Yu.M. Goncharov, U.I. Abdullaev	1250
Slavery in Central Asia and the Caucasus in the XIX century: Common and Particular T.A. Magsumov, T.E. Zulfugarzade, M.B. Kolotkov, S.B. Zinkovskii	1260
The Journal “Zadushevnoe Slovo” as a Source on the History of the First World War G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.E. Epifanov, M.S. Bratanovskya	1267
On the Issue of the Use of Urgent Transactions in the Exchange Trading of Commodity and Stock values in the late XIX – early XX centuries E.R. Bezsmertnaya, I.A. Guseva	1273
An Official of the Lower and Middle Levels of the Russian Empire at the end of the 19th century: Scientific and Literary Comparison V.V. Bezdrabko, S.I. Degtyarev	1283
The Relations between the University Professorship and the Bureaucracy in Late Imperial Russia (based on the History of the Imperial Tomsk University) A.O. Stepnov, S.A. Nekrylov	1301
“Considerations” N.A. Sergievsky as a Source for Studying the Implementation of the “Soft Power” Strategy in the North-Western Territory of the Russian Empire O.O. Zavyalova	1313
The Image of King Carol I of Romania as Reflected in the Russian Diplomatic Reports, 1888–1898 S. Arhire	1325
Kazakh Steppe in the Eyes of Russian Scientists A.N. Kashkimbayev	1335
Yenisei as a Part of the Northern Sea Route: the History of Discovery and Exploration E.A. Akhtamov, A.P. Dvoreckaya, A.G. Gryaznukhin, T.V. Gryaznukhina	1348
Historical and Geographical Description of the Turkestan Region in the Scientific Works of V.V. Bartold (late XIX – early XX centuries): Beginning of Professional Activity L.S. Dinasheva, M.M. Tastanbekov, A.D. Sandybayeva, K.A. Rakhymzhan	1357
Ethnoanthropological Features of the Foreign Population of Achinsk and Minusinsk Counties of the Yenisei Province of the XIX-XX centuries N.P. Koptseva, K.A. Degtyarenko, D.S. Pchelkina, Yu.N. Menzhurenko	1366
The Orenburg – Tashkent Railway and Its Influence on the Formation of the Polyethnic Environment of the Aktobe city at the beginning of the XX century G. Nurlankyzy, R.A. Beknazarov	1375
The Image of the Siberian Territories of the Russian Empire in the Journal “Sibirskii Nablyudatel” (1901–1906) N.N. Seredkina, A.A. Shpak, N.N. Pimenova, Ju.S. Zamaraeva	1385
The Potential of the Power Apparatus of the Moscow Authorities in the Framework of Countering the Revolutionary Movement in 1905 P.S. Seleznev, S.E. Prokofiev, K.V. Simonov	1397

“Barrier” Factors in the Framework of the Struggle of the Moscow Authorities with the Revolutionary Movement in 1905 P.S. Seleznev, O.V. Perfilieva, K.V. Simonov, S.P. Mittrakhovich	1405
To the Issue of the Role of Shipbuilding as a Catalyst for Technological Progress in Russian Industry and Economy at the beginning of the XX century L.V. Shkvarya, I.A. Zein Aidrous	1414
To the Issue of Religious Tolerance in Russia at the beginning of the XX century: Legal Regulation of Old Believers and Sectarianism K.V. Taran, S.D. Ludwig, A.A. Baibarin, N.M. Pestereva	1430
The Problem of “Yellow Labor” in the Russian Far East on the Eve of the First World War in the Public Space of the Region A.V. Antoshin	1440
On the Issue of State Social Policy for the Disabled People During the First World War in Russian Historiography: Was the State a Real Subject of Social Aid? A.S. Kovalev, N.R. Novosel'tsev, D.V. Rakhinsky, N.N. Ravochkin	1451
Forced Migrants as a Political Actor in the Siberian Province during the World War I A.S. Kuzmenko	1461
The Newspaper “Kazak” and its Opponents in the Kazakh Society during the First World War A.A. Absadyk, B.S. Boranbaeva, K. Mukhitov, D.M. Legkiy	1470

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2022. 17(3): 1064-1072
DOI: 10.13187/bg.2022.3.1064

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

Marriage and Family Relations among the Peoples of the European North-East of Russia and the Trans-Urals in the XVII – XIX centuries in Customary and Positive Law

Olga A. Plotskaya ^{a,*}, Gulnara F. Ruchkina ^b

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

Studies of the customary legal nature of relations and the traditional ethnic history of the peoples of the European North-East of Russia and the Trans-Urals in the XVII–XIX centuries, as part of the peoples living on the territory of the vast Russian state, are of particular relevance and importance today.

Customary law in the field of marriage and family relations was formed in stages and gradually, due to the fact that the Russian lawmaker could not always regulate in detail the various spheres of life of the peoples who inhabited the vast expanses of the Russian state, taking into account their lifestyle, ways of doing business and existing customs, providing an opportunity for these peoples to regulate marriage and family relations by norms emanating from the depths of people's legal consciousness. Customary law regulated the functioning of such important legal institutions as marriage and the family. It consolidated not only the requirements for marriage, property relations that arose at the time of marriage and in the process of family life, but also the patriarchal way of families, as well as the status of a family member in its hierarchical structure.

In the XVII–XIX centuries on the territory of settlement of the Komi, Nenets, Khanty, Mansi in a parallel mode, the regulation of legal relations carried out not only customary, but also positive law. The latter regulated the most important principles of the organization and functioning of the institutions of the family and marriage. Customary law sought to supplement the positive, to detail the emerging marriage and family relations, adapting them to the existing economic, climatic conditions, systematizing the norms into a kind of unwritten (oral) code of customary legal attitudes, objectified in legal traditions, rituals. All this made it possible to preserve the value of the institution of the traditional family, as well as the features of the functioning of ethno-local societies. Customary law among the peoples of the European North-East of Russia and the Trans-Urals in the XVII–XIX centuries did not exclude the norms of positive law, but supplemented it.

Keywords: Komi, Nenets, Khanty, Mansi, positive law, customary law, marriage and family relations.

1. Введение

Исследования обычно-правовой природы отношений и традиционно-этнической истории народов европейского северо-востока России и Зауралья в XVII–XIX веках как части народов, проживающих на территории огромного Российского государства, сегодня представляют особенную актуальность и важность, так как позволяют раскрыть обычно-правовой код этих народов,

* Corresponding author

E-mail addresses: olga.plockaya@mail.ru (O.A. Plotskaya), gumer@bk.ru (G.F. Ruchkina)

передающийся из поколения в поколение, пролить свет на традиционные обычно-правовые отношения, показать особенности трансформации и характер историко-правовой динамики.

Общеизвестно, что обычное право, безусловно, играет важнейшую роль в жизнедеятельности любого традиционного общества, так как в условиях практического отсутствия либо малоэффективной работы государственных органов на территории проживания таких обществ обычно-правовые институты являются важнейшими регуляторами правовых отношений, возникающих у этих народов. Обычно-правовые установления, принципы, нормы являлись важнейшим институциональным критерием и фактором, способствующим неукоснительному, безальтернативному соблюдению представителями этого социума традиционных обычно-правовых норм. Обеспечение незыблемости норм обычного права, складывавшихся на протяжении многих веков, являлось фундаментальной основой функционирования традиционного общества и условием, позволявшим сохранять многовековой баланс взаимодействия человека с человеком внутри социума, а также взаимодействия человека с природой, не просто как со средой обитания, а как с «праматерью», дающей жизнь.

Материалы, связанные с изучением историко-правовой культуры и обычно-правового быта народов, населяющих просторы России, представляют историко-методологическую и концептуально-правовую ценность, так как именно в обозначенные хронологические рамки была впервые зафиксирована и отражена в различных работах ученых, путешественников, государевых слуг информация, касавшаяся аутентичного и автохтонно-традиционного образа жизни этих народов, на который не оказали значительного влияния глобализационные процессы и наступающая к концу рассматриваемого периода индустриализация общества.

Научный интерес вызывает исследование брачно-семейных отношений у народов европейского северо-востока России и Зауралья в XVII–XIX веках, а также закрепление их в нормах обычного и позитивного права, так как, кроме исторического аспекта, важное значение настоящее исследование приобретает для осознания современных матримониальных тенденций, присущих не только ненцам, коми, манси, хантам, но и представителям иных народов, населяющих территориальные пространства Приарктической зоны современной России и Зауралья. В настоящей статье речь пойдет о финно-угорских (коми (зыряне), манси (вогулы), ханты (остяки) и самодийских (ненцы (самоеды), юраки) народах, проживавших в территориальной близости и имевших много общего в сферах жизнедеятельности.

Данная статья в определенном смысле является неким продолжением предыдущих работ, посвященных исследованию обычно-правовых отношений у пермских, самодийских народов (Plotskaya и др., 2021; Plotskaya и др., 2022).

В связи с этим исследование видов, особенностей заключения, форм брака у приарктических народов как не только историко-этнографического, но и обычно-правового явления, которому свойственен традиционный национальный колорит, сегодня имеет не столько теоретическое, сколько практическое значение. Особенно важно раскрыть регулятивный потенциал норм обычного права северных народов, которое представляло собой стабилизирующий и нормирующий фактор, обеспечивавший жизнедеятельность этнолокального социума.

2. Материалы и методы

Эмпирическая база исследования представлена найденными и введенными автором в научный оборот архивными материалами и документами Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета (ФА СыктГУ), Национального архива Республики Коми (НА РК), включающими отрывистые и несистематизированные сведения о брачно-семейных отношениях, основанных на нормах обычного права, распространенных и широко применявшихся в этнолокальных группах северных народов на протяжении рассматриваемого периода. Документы и материалы официального делопроизводства, хранящиеся в названных архивных учреждениях, являются значимыми носителями историко-правовой информации о принципах организации брачно-семейных отношений.

Правовые отношения, возникавшие при заключении брака и в семье, основанные на обычаях, применявшихся у названных народов, как правило, представлены в несистематизированном виде в текстах архивных материалов. Среди них можно выделить духовные завещания, мировые, купчие, жилые записи и др. Важно понимать, что подобных документов, датируемых столь ранними периодами, начиная с XVII века, дошло до нас немного. Причиной этого можно назвать стремление сторон решать подобные вопросы, как правило, в устной форме, доверяя сказанному слову, чтобы избежать незапланированных расходов, связанных с соответствующим оформлением документов.

Безусловно, одним из важнейших исторических источников при исследовании значения и роли норм позитивного и обычного права у северных народов будут являться сборники документов, систематизировавших исторические материалы и памятники (источники) права (например, Полное собрание русских летописей. Сибирские летописи. Группа Есиповской летописи, Обдорский край и Мангазья в XVII веке). Особенную важность для настоящей работы имеет изучение нормативно-

правовой базы как эмпирической основы, систематизированной в «Полном собрании законов Российской империи».

Ввиду отсутствия инкорпорированных писанных источников права, основанных на обычаях и содержащих обычно-правовые нормы у исследуемых народов, брачно-семейные отношения, основанные прежде всего на обычном праве, исследуются в основном «...благодаря сохранившимся русским документам» (Вершинин, Визгалов, 2004: 4), отражавшим исторические события в конкретный хронологический период.

Взаимодействие норм позитивного и обычного права, этнолого-исторический материал, раскрывающий обычно-правовой мир и воззрения представителей названных северных народов, как правило, широко анонсированы в периодической печати. Ввиду этого в нашем исследовании использованы публикации из периодики – таких изданий, как «Журнал Министерства народного просвещения», «Вологодские губернские ведомости», «Вятские губернские ведомости».

Методологический инструментарий в работе представлен в виде научно-методических подходов, принципов и методов, взаимосвязанных между собой. Компаративистский подход применен в двух взаимосвязанных и взаимообусловленных направлениях – это диахронно-сравнительное и синхронно-сравнительное. Первое направление позволяет исследовать эволюцию брачно-семейных отношений, основанных на нормах обычного права, а синхронно-сравнительный способствует выделению появившихся особенностей в брачно-семейных отношениях у рассматриваемых народов на протяжении достаточно длительного хронологического периода.

Использование методов анализа и синтеза в данной статье позволило изучить эмпирическую базу и выявить закономерности в функционировании как норм позитивного, так и обычного права у северных финно-угорских и самодийских народов.

Для определения критериев, характеризующих брачно-семейные отношения, применяемый метод структурно-проблемного анализа позволил выявить причинно-следственные связи развития обычно-правовых обычаев, характеризующих матримониальные отношения.

Применение сравнительно-исторического и системного методов позволило рассмотреть объект исследования с учетом тех исторических событий и фактов, которые имели место быть в обозначенный хронологический период, а также осуществить систематизацию, определяя общее и особенное в эволюции институтов брака и семьи. Использование герменевтического метода позволило осуществить толкование привлекаемых в данной работе в качестве источниковой основы нормативных правовых актов и различных материалов.

3. Обсуждение

Историко-правовые источники, отражающие специфические качества правовой культуры и обычно-правового быта народов, населяющих просторы России, имеют особую значимость и нуждаются в тщательном анализе.

Отрывистые, несистематизированные исследования северных финно-угорских и самодийских народов европейского северо-востока России и Зауралья периодически проводились и в более ранние периоды. Однако интерес к изучению коренных народов севера России начинает проявляться по мере освоения и включения в общероссийское экономическое пространство обширнейших северных территорий. Часто исследователи, осуществляя изыскания в различных сферах деятельности, параллельно фиксировали в своих работах этнографо-культурологические материалы и обычаи, отражавшие жизнедеятельность северных народов в рассматриваемый период. Безусловно, такие материалы представляли собой важнейшую источниковедческую и значительную историко-правовую ценность.

Кроме того, важно отметить, что в дореволюционной российской историографии по данной проблеме существует множество материалов с различным уровнем раскрытия этой тематики. Для детального рассмотрения всех трудов, безусловно, требуется специализированное монографическое исследование. Поэтому, учитывая объем и цель настоящей статьи, мы отобрали публикации, олицетворяющие важнейшие достижения и наработки дореволюционной российской науки в сфере изучения матримониальных обычно-правовых отношений у северных народов России.

Среди них необходимо выделить работы О. Ежова, П. Ефименко, М. Михайлова и др. (Ежов, 1857; Ефименко, 1874; Михайлов, 1850).

Современные российские ученые также уделяют значительное внимание обычно-правовым аспектам у различных народов. В этой связи важно отметить работы таких ученых, как М.Б. Аверин, Н.А. Алимбай, С.В. Березницкий, И.И. Галечко, А.В. Дарчиев, С.В. Дарчиева, П.В. Никитин, А.В. Попова, С.А. Правкин, П.В. Примаков, Б.К. Смагулов, В.В. Смирнов, В.В. Титов, Р.В. Шагиева, М.А. Хватова, А.Б. Храмцов и др. (Аверин и др., 2020; Алимбай, Смагулов, 2021; Березницкий, 2020; Дарчиев, Дарчиева, 2021; Правкин и др., 2021; Титов, 2021; Храмцов, 2021 и др.).

В обозначенных научных трудах рассматриваются разнообразные историко-правовые и общетеоретические аспекты обычно-правового мира народов России и ближнего зарубежья, но отсутствует анализ брачно-семейных отношений, регулировавшихся не только нормами

позитивного, но и обычного права у народов европейского северо-востока России и Зауралья в XVII–XIX веках.

Среди современных ученых, внесших значительный вклад в исследование рассматриваемой проблемы, необходимо выделить Е.В. Вершинина, Г.П. Визгалова, Д.В. Вишнякову, А.В. Головнева, В.А. Зибарева, П.А. Колесникова (Вершинин, Визгалов, 2004; Вишнякова, 2014; Головнев, 1995; Зибарев, 1986; Колесников, 1982) и др.

Однако, несмотря на существование огромного числа научных трудов и предпринятых различных попыток исследования и анализа ряда обычно-правовых отношений, на сегодняшний день сведения о брачно-семейных отношениях у рассматриваемых народов в XVII–XIX веках не систематизированы.

Поэтому целью данной работы является изучение брачно-семейных отношений и их особенностей у народов европейского северо-востока России и Зауралья, регулировавшихся обычным и позитивным правом на протяжении XVII–XIX веков.

4. Результаты

Брак у рассматриваемых народов, как сложнейший правовой институт и как комплекс ритуально-обрядовых действий, регламентировался не только правовыми, морально-нравственными, этическими нормами, но и обычаями и традициями. Важность институтов брака и семьи неоспоримы. Именно в семье формируется «внутренний мир» (Пономарева, 2021: 321) человека.

Обычное право в сфере брачно-семейных отношений формировалось поэтапно и постепенно ввиду того, что российский законодатель не всегда детально мог урегулировать различные сферы жизнедеятельности народов, населявших огромные просторы Российского государства, учитывая их образ жизни, способы ведения хозяйства «в условиях экстремального климата» (Копцева, 2021: 990), и существующие обычаи предоставляли этим народам регулировать брачно-семейные правоотношения нормами, исходящими из глубин народного правосознания.

Среди критериев и требований, позволявших заключать браки, российский законодатель закрепил следующие: запреты на вступление в брачный союз без полученного согласия на заключение брака от родителей или лиц, заменявших их (ПСЗ РИ. СВ, 1830: 651–652); с психически больными – безумными людьми (ПСЗ РИ. СП, 1830: 643–644); не ранее достижения возраста 18 лет для представителей мужского пола и 16 – для женщин (ПСЗ РИ. СВ, 1830: 740–741). Также запрещено было вступать в брак без получения взаимного согласия лиц, вступающих в брак, и кровным родственникам (ПСЗ РИ. СП, 1830: 650–652).

Многие требования, предусмотренные действовавшим российским законодательством, соблюдались народами европейского северо-востока России и Зауралья на протяжении XVII–XIX веков.

Однако необходимо сказать и об особенностях, которые встречались в брачно-семейных отношениях, регулировавшихся также и нормами обычного права, так как у северных народов были сформированы условия для появления и существования специфических обычаев и правовых традиций.

Это обусловлено экономической замкнутостью хозяйств, а также социальной обособленностью ряда этногрупп (например, коми-ижемцы, ненцы зачастую вели кочевой либо полукочевой образ жизни, занимаясь оленеводством).

В ряде случаев заключались браки и в более ранней возрастной группе. Однако для этого нужно было получить разрешение, к примеру у архиерея: «Невеста моложе, так... поп не венчал... Кто молодые женились, ходили куда-то..., к архиереям, справки доставали, чтоб венчали» (ФА СыктГУ. АФ 1325-21).

Родители, договариваясь о женитьбе своих детей, заключали устные договоры. Это были гражданско-правовые брачные договоры, которые произносились устно, т.е. «давали слово». Подобные договоры имели название «словесные» (РГАДА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 2. Л. 1).

У многих кочующих народов часто встречались «обычаи ранней женитьбы» (Замараева и др., 2021: 953), а также многоженство (Отписка мангазейского..., 2004: 34) (например, мангазейские юраки, ненцы и др.) и межэтнические браки (Полное собрание..., 1987: 81). Ненцы, демонстрируя свое «нормативное превосходство» (Головнев, 1995: 103), нередко стремились брать в жены девушек из народа ханты (Головнев, 1995: 103).

Исторические документы XVII века фиксируют даже ограниченный правовой статус женщины у самоедов и остяков, так как нередко женщин присваивали в качестве объекта права в процессе борьбы за имущество между родами: «... карачейская самоядь и остяки ... побрали... и самоядок, со всеми их животами и с оленями» (Отписка пустозерского..., 2004: 45).

Причиной столкновения самоедов и представителей угорской группы народов в этот период являлся не просто обычный захват имущества, но и присвоение женщин, «обладание которыми считалось признаком власти и верховенства» (Головнев, 1995: 103).

Важно отметить, что исторические источники отражают существовавшую у ненцев продажу собственных женщин из-за тяжелого финансово-экономического положения: «...купили де те

служилые люди у той воровской самоеди самоедцкую девку на муку» (Отписка тобольских..., 2004: 32). Они вынуждены были продавать не только своих жен, но и даже детей: «...и от того де обнищали и одолжили великими долги, и жены свои, и дети на ясак продают...» (Грамота из..., 2004: 16); «...остяки жены и дети свои для голоду продавали в работу» (Челобитные остяков..., 2004: 26).

Но подобные факты существовали не у всех приарктических народов и не являлись повсеместно распространенными.

Для вступления в брачный союз у коми одним из важнейших и основных было требование об отсутствии кровнородственных, духовно-религиозных отношений. Браки «между кровными родственниками считаются недопустимыми до пятого колена» (Вишнякова, 2014: 19), так же, как и браки между крестными (Вишнякова, 2014: 20).

Часто заключение браков происходило по взаимной симпатии и согласию, а не только строилось на экономическом расчете, поэтому супруги пребывали в состоянии взаимоуважения. Они стремились к семейному благополучию, так как понимали, что «зависимы друг от друга в интересе общего благосостояния, поэтому и уважают друг друга» (Држевецкий, 1872: 42).

Но нельзя исключать случаи, когда «женили и выдавали замуж насильно, без согласия парня или девушки, ибо в этом деле большую роль играло состояние, достаток и возможное приданое невесты» (Традиционная культура..., 1994: 165). Исследователи отмечают, что подобная тенденция по заключению принудительных браков в XIX веке прекратила существовать. Ученые отмечали, что холостым парням «всегда предоставляется полная и совершенная свобода со стороны родителей, как относительно времени женитьбы, так и выбора невесты, без всякого стеснения их и понуждения к браку...» (Попов, 1875: 4).

При заключении брака значение имел размер и состав приданого, зависевший прежде всего от умений и качеств, которыми владела невеста. Приданое могло состоять из частей, одна из которых изготавливалась самостоятельно девушкой, а вторая часть передавалась ее семьей. В состав приданого, как правило, входили предметы хозяйственно-бытового назначения, включая скот (ФА СыктГУ. АФ 1307-16). Само приданое, а также «вещи, нажитые в браке, женщины-представительницы северных народов сильно оберегали» (Замараева и др., 2021: 952).

У кочевых народов олени являлись большой ценностью, поэтому передача их в качестве приданого была широко распространена. Однако олени замужней женщины, которые были переданы ей в качестве «приданого, паслись в стаде мужа, но имели метки ее отца» (Ненцы...).

Архивные документы содержат информацию об увеличивающемся количестве приданого, передаваемого к концу XIX века, есть сведения даже о передаче в качестве приданого «сенокосной пожни» (НА РК. Ф. 130. Оп. 1. Д. 54. Л. 1)

Женщина, выходя замуж, как правило, попадала в большую семью своего супруга и получала статус ее младшего члена.

Мнение главы семьи в процессе принятия решения о согласии на заключение брака являлось решающим. В патриархальных семьях слово главы семейства «составляет для всех прочих членов семейства как бы закон, котораго даже и в отсутствие его нарушить никто не смеет, и сделать вопреки ему никто не признает за собою права» (Попов, 1875: 4).

В патриархальной семье кочевых народов брат, оставшийся главой семьи, мог даже бесплатно отдать в благодарность свою сестру (Головнев, 1995: 103).

Отец семейства не только управлял семьей, но и являлся ее представителем в мирских, государственных органах (НА РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 54. Л. 132). Однако архивные документы сохранили информацию о том, что вдовы также обладали подобным правом ввиду отсутствия мужчины в доме (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 189. Л. 15; Д. 298. Л. 4-5).

Обычное право отстаивало права вдов. Так, им предписывалась вдовья часть доли из общего семейного имущества (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1436. Л. 120б.) А коми женщины, оставшись вдовыми, приобретали равные права с другими членами семьи (Гагиева, 2014: 30) и могли даже завещать это имущество, описывая его в «духовном завещании» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1516. Л. 2).

Обычное право позволяло отцу зырянки, не вышедшей замуж, отдать в наследство часть своего имущества, включая и движимое: «в ...1788-м году отец..., что владеть ей движимым и недвижимым имением и скотом половинною частию...» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 196. Л. 1; Ф. 100. Оп. 1. Д. 348. Л. 1).

5. Заключение

Таким образом, обычное право в исследуемый период регулировало функционирование таких важнейших правовых институтов, как брак и семья. Оно закрепляло не только требования к заключению брака, имущественные отношения, возникавшие в момент заключения брака и в процессе семейной жизни, но и патриархальный уклад семей, а также статус члена семьи в ее иерархической структуре.

В XVII–XIX вв. на территории расселения коми, ненцев, хантов, манси в параллельном режиме регулирование правовых отношений осуществляло не только обычное, но и позитивное право. Последнее регламентировало наиболее важные принципы организации и функционирования институтов семьи и брака. Обычное право стремилось дополнить позитивное, детализировать

возникавшие брачно-семейные отношения, приспособлявая их к существовавшим хозяйственно-экономическим, климатическим условиям, систематизируя нормы в своеобразный неписанный (устный) кодекс обычно-правовых установок, объективировавшийся в правовых традициях, обрядах. Все это позволяло сохранить ценность института традиционной семьи, а также особенности функционирования этнолокальных обществ. Обычное право у народов европейского северо-востока России и Зауралья в XVII–XIX веках не исключало норм позитивного права, а дополняло его.

Литература

- Вершинин, Визгалов, 2004** – Вершинин Е.В., Визгалов Г.П. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. Екатеринбург: «Издательство «Тезис», 2004. 200 с.
- Вишнякова, 2014** – Вишнякова Д.В. Брачно-семейные отношения коми крестьянства и их обычно-правовое регулирование во второй половине XIX – начале XX вв. / Социально-культурные процессы на территории Коми края: история и современность: Сб. статей. Сыктывкар, 2014. С. 17-24.
- Гагиева, 2014** – Гагиева А.К. Коми крестьянка в региональном социуме XVIII в. // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2014. № 1. С. 28-31.
- Головнев, 1995** – Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 1995. 600 с.
- Држевецкий, 1872** – Држевецкий А. Медико-топография Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии: Дис. ... д-ра медицины. СПб., 1872. 106 с.
- Ежов, 1857** – Ежов О. Личность и отличительные качества зырян // *Вятские губернские ведомости*. 1857. № 22. С. 134-137.
- Ефименко, 1874** – Ефименко П. Юридические знаки // *Журнал министерства народного просвещения*. СПб., 1874. № 10. С. 53-170.
- Зибарев, 1986** – Зибарев В.А. Из истории обычного права народов Севера // *Советская этнография*. 1986. № 2. С. 73-79.
- Колесников, 1982** – Колесников П.А. Воздействие народных масс на государственное законодательство России XVII–XVIII вв. / *Проблемы истории крестьянства Европейской части России (до 1917 г.): Межвузовский сборник научных статей*. Пермь, 1982. С. 158-174.
- Михайлов, 1850** – Михайлов М. Усть-Вымь // *Вологодские губернские ведомости*. 1850. № 22. С. 242-243.
- НА РК** – Национальный архив Республики Коми.
- Ненцы...** – Ненцы. Общие сведения о народе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrturizm89.ru/about/information/ethnos/nency> (дата обращения: 06.07.2021).
- Полное собрание..., 1987** – Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи / Отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. 384 с.
- Попов, 1875** – Попов И. Черты из быта, нравов и обычаев Зырян Яренского уезда, Удорского края // *Вологодские губернские ведомости*. 1875. № 90. С. 3-4.
- ПСЗ РИ. СВ, 1830 – V** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. V. СПб., 1830. № 3807. С. 740-741.
- ПСЗ РИ. СВ, 1830 – XI** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XI. СПб., 1830. № 9252. С. 651-652.
- ПСЗ РИ. СП, 1830 – VI** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IV. СПб., 1830. № 3949. С. 643-644.
- ПСЗ РИ. СП, 1830 – VI** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VI. СПб., 1830. № 3963. С. 650-652.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Традиционная культура..., 1994** – Традиционная культура народа коми. Этнографические очерки. Сыктывкар: «Коми книжное издательство». 1994. 272 с.
- ФА СыктГУ** – Фольклорный архив «Сыктывкарского государственного университета».
- Alimbay, Smagulov, 2021** – Alimbay N.A., Smagulov B.K. Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 85-96.
- Averin et al., 2020** – Averin M.B., Nikitin P.V., Popova A.V. The role of the Ministry of Justice in improving the judicial system of the national outskirts of the Russian Empire (late 19th century – 1914) // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 162-172.
- Bereznitsky et al., 2020** – Bereznitsky S.V., Galechko I.I., Primak P.V. Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 31-39.
- Darchiey, Darchieva, 2021** – Darchiey A.V., Darchieva S.V. To the Issue of the Marriage of the Kartlian Prince Bagrat and the Ossetian Princess (late XVIIth century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 461-470.
- Khramtsov, 2021** – Khramtsov A.B. Results and Prospects of Studying the Process of Settlement and Development of Crafts in the Southern Settlements of the Trans-Urals (late XVIII – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 74-84.

- Koptseva et al., 2021** – Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Shpak A.A. The Journal «Nature and People» (1910) as a Source of the Peoples History in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 990-999.
- Plotskaya et al., 2021** – Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G. Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594-1601.
- Plotskaya et al., 2022** – Plotskaya O.A., Ruchkina G.F., Alekseeva D.G., Naumkina V.V. The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 49-56.
- Ponomareva, 2021** – Ponomareva M.A. Family and Ideas of the Worldview of the Russian Local Nobility at the turn of the XIX – early XX centuries (on the Example of the Memoirs of S.E. Trubetskoy, A.A. Kornilov, V.V. Rozanov // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 316-323.
- Pravkin et al., 2020** – Pravkin S.A., Smirnova V.V., Shagiya R.V., Khvatova M.A. Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 620-628.
- Titov, 2021** – Titov V.V. Formation of the All-Russian Imperial identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: historical contexts and Political constraints // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 138-145.
- Zamaraeva et al., 2021** – Zamaraeva Y.S., Sertakova E.A., Sitnikova A.A. Northern Peoples of the Russian Empire in the Materials of the Krasnoyarsk Subdivision of the East Siberian Russian Geographical Society // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 948-959.

References

- Alimbay, Smagulov, 2021** – Alimbay, N.A., Smagulov, B.K. (2021). Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries). *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 85-96.
- Averin et al., 2020** – Averin, M.B., Nikitin, P.V., Popova, A.V. (2020). The role of the Ministry of Justice in improving the judicial system of the national outskirts of the Russian Empire (late 19th century – 1914). *Bylye Gody*. 55(1): 162-172.
- Bereznitsky et al., 2020** – Bereznitsky, S.V., Galechko, I.I., Primak, P.V. (2020). Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia. *Bylye Gody*. 55(1): 31-39.
- Darchiey, Darchieva, 2021** – Darchiey, A.V., Darchieva, S.V. (2021). To the Issue of the Marriage of the Kartlian Prince Bagrat and the Ossetian Princess (late XVIIIth century). *Bylye Gody*. 16(2): 461-470.
- Drzheveckij, 1872** – Drzheveckij, A. (1872). Mediko-topografiya Ust'-Sysol'skogo uezda Vologodskoj gubernii [Medical topography of the Ust-Sysolsky district of the Vologda province]: dis. ... d-ra mediciny. P. 106. [in Russian]
- Efimenko, 1874** – Efimenko, P. (1874) Yuridicheskie znaki Legal signs [Legal signs]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 10: 53-170. [in Russian]
- FA SyktGU** – Fol'klornyj arhiv «Syktyvkarского gosudarstvennogo universiteta» [Folklore archive of Syktyvkar State University].
- Gagiya, 2014** – Gagiya, A.K. (2014). Komi krest'yanka v regional'nom sociume XVIII v. [Komi peasant woman in the regional society of the XVIII century]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 1: 28-31. [in Russian]
- Golovnev, 1995** – Golovnev, A.V. (1995). Govoryashchie kul'tury: tradicii samodijcev i ugrov. [Speaking cultures: traditions of Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg. 600 p. [in Russian]
- Khramtsov, 2021** – Khramtsov, A.B. (2021). Results and Prospects of Studying the Process of Settlement and Development of Crafts in the Southern Settlements of the Trans-Urals (late XVIII – early XX centuries). *Bylye Gody*. 16(1): 74-84.
- Kolesnikov, 1982** – Kolesnikov, P.A. (1982) Vozdejstvie narodnyh mass na gosudarstvennoe zakonodatel'stvo Rossii XVII – XVIII vv. [The impact of the masses on the state legislation of Russia of the XVII – XVIII centuries]. *Problemy istorii krest'yanstva Evropejskoj chasti Rossii (do 1917 g.): 158-174*. [in Russian]
- Koptseva et al., 2021** – Koptseva, N.P., Degtyarenko, K.A., Shpak, A.A. (2021). The Journal «Nature and People» (1910) as a Source of the Peoples History in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(2): 990-999.
- Mikhailov, 1850** – Mikhailov, M. (1850). Ust'-Vym' [Ust-VYM]. *Vologodskie gubernskie vedomosti*. 22: 242. [in Russian]
- Nency...** – Nency. Obshchie svedeniya o narode [Nenets. General information about the people]. [Electronic resource]. URL: <http://www.centrturizm89.ru/about/information/etnos/nency> (date of access: 06.07.2021). [in Russian]
- NA RK** – Natsional'nyi arhiv Respubliki Komi [The National Archive of the Komi Republic].
- Plotskaya et al., 2022** – Plotskaya, O.A., Ruchkina, G.F., Alekseeva, D.G., Naumkina, V.V. (2022). The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 49-56.
- Plotskaya et al., 2021** – Plotskaya, O.A., Sokolskaya, L.V., Kaliakperova, E.N., Alekseeva, D.G. (2021). Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1594-1601.

- [PSZ RI. SV, 1830](#) – V – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. V. SPb., 1830. № 3807. Pp. 740-741. [in Russian]
- [PSZ RI. SV, 1830](#) – XI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2. T. XI. SPb., 1830. № 9252. Pp. 651-652. [in Russian]
- [PSZ RI. SP, 1830](#) – VI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. IV. SPb., 1830. № 3949. Pp. 643-644. [in Russian]
- [PSZ RI. SP, 1830](#) – VI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. VI. SPb., 1830. № 3963. Pp. 650-652. [in Russian]
- [Ponomareva, 2021](#) – *Ponomareva, M.A.* (2021). Family and Ideas of the Worldview of the Russian Local Nobility at the turn of the XIX – early XX centuries (on the Example of the Memoirs of S.E. Trubetskoy, A.A. Kornilov, V.V. Rozanov). *Bylye Gody*. 16(1): 316-323.
- [Popov, 1875](#) – *Popov, K.A.* (1875). Ohotnich'e pravo sobstvennosti u zyryan [Zyryan's hunting ownership]. *Izvestiya Imperatorskogo Obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii*. 28: 96-102. [in Russian]
- [Pravkin et al., 2020](#) – *Pravkin, S.A., Smirnova, V.V., Shagiya, R.V., Khvatova, M.A.* (2020). Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography. *Bylye Gody*. 16(2): 620-628.
- [RGADA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- [Titov, 2021](#) – *Titov, V.V.* (2021). Formation of the All-Russian Imperial identity in the Grand Duchy of Finland in the Reign of Alexander III: historical contexts and Political constraints. *Bylye Gody*. 16(1): 138-145.
- [Tradicionnaya kul'tura..., 1994](#) – Tradicionnaya kul'tura naroda komi. Etnograficheskie ocherki [The traditional culture of the Komi people. Ethnographic essays]. Syktyvkar: «Komi knizhnoe izdatel'stvo». 272 p. [in Russian]
- [Vershinin, Vizgalov, 2004](#) – *Vershinin, E.V., Vizgalov, G.P.* (2004). Obdorskij kraj i Mangazeya v XVII veke [Obdorsky Krai and Mangazeya in the XVII century. Collection of documents]. Yekaterinburg. 200 p. [in Russian]
- [Vishnyakova, 2014](#) – *Vishnyakova, D.V.* (2014). Brachno-semejnye otnosheniya komi krest'yanstva i ih obychno-pravovoe regulirovanie vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Marriage and family relations of the Komi peasantry and their customary legal regulation in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Social'no-kul'turnye processy na territorii Komi kraya: istoriya i sovremennost'*: 17-24. [in Russian]
- [Yezhov, 1857](#) – *Yezhov, O.* (1857). Lichnost' i otlichitel'nye kachestva zyryan [Personality and distinctive qualities of zyryans]. *Vyatskie gubernskie vedomosti*. 22: 134-137. [in Russian]
- [Zamaraeva et al., 2021](#) – *Zamaraeva, Y.S., Sertakova, E.A., Sitnikova, A.A.* (2021). Northern Peoples of the Russian Empire in the Materials of the Krasnoyarsk Subdivision of the East Siberian Russian Geographical Society. *Bylye Gody*. 16(2): 948-959.
- [Zibarev, 1986](#) – *Zibarev, V.A.* (1986). From the history of customary law of the peoples of the North // *Sovetskaya etnografiya*. 2: 73-79. [in Russian]

Брачно-семейные отношения у народов европейского северо-востока России и Зауралья в XVII–XIX веках в обычном и позитивном праве

Ольга Андреевна Плоцкая^{a, *}, Гульнара Флюоровна Ручкина^b

^a Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Исследования обычно-правовой природы отношений и традиционно-этнической истории народов европейского северо-востока России и Зауралья в XVII–XIX веках как части народов, проживающих на территории огромного Российского государства, сегодня представляют особенную актуальность и важность.

Обычное право в сфере брачно-семейных отношений формировалось поэтапно и постепенно ввиду того, что российский законодатель не всегда детально мог урегулировать различные сферы жизнедеятельности народов, населявших огромные просторы Российского государства, учитывая их образ жизни, способы ведения хозяйства и существующие обычаи, предоставляя возможность этим народам регулировать брачно-семейные правоотношения нормами, исходящими из глубин народного правосознания. Обычное право регулировало функционирование таких важнейших правовых институтов, как брак и семья. Оно закрепляло не только требования к заключению брака, имущественные отношения, возникавшие в момент заключения брака и в процессе семейной жизни, но и патриархальный уклад семей, а также статус члена семьи в ее иерархической структуре.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olga.plochkaya@mail.ru (О.А. Плоцкая), gumer@bk.ru (Г.Ф. Ручкина)

В XVII–XIX вв. на территории расселения коми, ненцев, хантов, манси в параллельном режиме регулирование правовых отношений осуществляло не только обычное, но и позитивное право, которое регламентировало наиболее важные принципы организации и функционирования институтов семьи и брака. Обычное право стремилось дополнить позитивное, детализировать возникавшие брачно-семейные отношения, приспособлявая их к существовавшим хозяйственно-экономическим, климатическим условиям, систематизируя нормы в своеобразный неписанный (устный) кодекс обычно-правовых установок, объективировавшийся в правовых традициях, обрядах. Все это позволяло сохранить ценность института традиционной семьи, а также особенности функционирования этнолокальных обществ. Обычное право у народов европейского северо-востока России и Зауралья в XVII–XIX веках не исключало норм позитивного права, а дополняло его.

Ключевые слова: коми, ненцы, ханты, манси, позитивное право, обычное право, брачно-семейные отношения.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1073-1080
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1073

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Place and Role of the Historical and Architectural Heritage of Russia in the Eastern Caucasus (XVIII – first half of the XIX centuries)

Abidat A. Gazieva ^{a, *}, Machach M. Vagabov ^b, Mustafa Ozturk ^c, Elena I. Lelina ^d

^a Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

^c Akdeniz State University, Antalya, Turkey

^d St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

This article makes an attempt to determine the historical and architectural heritage of the Eastern Caucasus, presented in the form of cordon sections of the Left Flank of the Caucasian Cordon Line. Historical and architectural structures include fortresses, fortifications, fortifications, posts, temples, churches, erected by the Russian administration for the purpose of military-political, cultural and everyday development of the region.

Having carried out an analytical analysis of the frontier zone in the geographical space of the Eastern Caucasus, we make an attempt to determine the historical and architectural heritage, which is an important component of the cultural heritage of the region.

Keywords: acculturation, frontier, Eastern Caucasus, fortresses, cities, temples, churches.

1. Introduction

The Caucasus, due to its strategic and geopolitical position, has been an arena of contradictions between major world powers for many centuries. One of the main geopolitical players in the region since the 16th century was the Russian Empire, which wanted to expand and secure the southern borders of the state.

The most optimal system for the entry and further involvement of the Eastern Caucasus in the all-Russian political, economic, administrative and cultural space of Russia was the construction of border fortifications in the south of the state. This practice already existed in the history of the Roman Empire, Austrian and others. The cordon sections, erected for the purpose of the military-political subordination of the region, eventually became sites for the development of interethnic and intercultural communication.

Each fortress, with adjacent fortifications and towers, contributed to the formation of the historical and architectural complex of the Caucasian frontier.

2. Materials and methodology

Primary information on this research topic was collected in the scientific archive of the Institute of Archeology and Ethnography of the DPhIC RAS (Russia, the Republic of Dagestan, the city of Makhachkala). The study also analyzed the documents stored in the funds of the Central State Archives, dedicated to the Caucasian War. Also, as a source base for the study, Acts were used, collected by the Caucasian Archaeographic Commission, in which bills and orders regarding the Caucasian policy of the Russian Empire in the Eastern Caucasus are presented.

* Corresponding author

E-mail addresses: gazieva.abidat@mail.ru (A.A. Gazieva), mustafaozturk@akseniz.edu.tr (M. Ozturk), lelinae@mail.ru (E.I. Lelina)

In our study, a distinction is made between the concepts of "colonization" and "border" as structurally alternating, but not synonymous. In our understanding, colonization is a process, in turn, a border is an end result that may not occur during the historical process of colonization. We regard the creation of border fortifications in the Caucasus as the creation of a border zone, which has shaped the historical and geographical environment of the Eastern Caucasus.

Theoretical terms, we used the theory of the Great Frontier, V.P. Webb ([Webb, 1964](#)), who finalized the «Turner boundaries» (F.J. Turner ([Turner, 2009](#)) – founder of the theory of boundaries) a broader understanding and expanded the geography of its application. In general, the frontier theory, in our understanding, is a historical and geographical landscape that includes all components (peoples, natural and geographical environment, architecture prevailing in a given area, traditions, economic models).

At the heart of the theoretical and methodological basis of scientific research, we have used the following general historical principles: historicism and objectivity. The complex application of general historical research methods - historical-comparative, historical-situational, made it possible to systematically study historical facts in the context of historical events of the military-political subordination of the region in the specified period.

Using this approach allows you to give a historical assessment of phenomena, processes and events, and also allows you to represent a historical event at different levels of research, using such scientific categories as «place», «role», «meaning», «experience».

At the heart of the methods of studying this topic, we used two approaches – systemic and multidisciplinary. The versatility of the phenomenon of fortifications as an object of study suggests its multidisciplinary nature, the range of issues is extremely large: from strategies, goals, processes of acculturation and communication, considering cordon fortresses as the main elements of historical memory.

3. Discussion and results

Historical and architectural base of the Caucasian frontier in the 18th – 19th centuries.

In the course of the centuries-old relations of the peoples of the Eastern Caucasus with the Russian state, various methods of developing these territories were tested, but the most successful, within the framework of historical realities, turned out to be the concept of building a chain of fortifications, by means of which, in parallel, there was a process of military-political subordination of the region with elements civil colonization, which made it possible to involve the highlanders in the socio-economic, cultural and legal life of the Russian Empire.

For the first time, the idea of creating such fortifications was implemented by P. Apraksin, who at the beginning of the 19th century acted as the acting governor of Kazan and Astrakhan. In 1711–1712, he proposed a plan for the construction of defensive structures along the left bank of the Terek River. This is how the first cordon line was formed ([Piotrovskiy, 1988: 409](#)). The lower reaches of the Terek can be considered the first platform for establishing contacts between the Caucasian peoples by the Russian state. For a short period of the 20s of the 18th century, most of the rulers of Dagestan accepted Russian citizenship ([Gasanov, 1986: 118](#)).

The next historical stage of development came during the Persian campaign of Peter the Great. According to the project of Peter I, in 1722 in the lands of the shamkhal estate of Tarkovsky (67 km from the mouth of the Agrokhan Bay, where the Sulak river was divided into two branches), the fortress of the Holy Cross was laid. The military-strategic position of this point was very favorable. On the one hand, it made it possible to observe the situation in Dagestan, on the other hand, it «covered the rear and served as a convenient base for future offensive operations» ([Butkov, 1869: 62](#)).

With the construction of the fortress, the cordon was moved to the south, making new lands and peoples dependent on the empire. From the moment the first fortifications and fortresses appeared in the Eastern Kavaz, the cordon Line was gradually transferred to the mountains, the fortresses changed their appearance, adjusting to the peculiarities of the natural and geographical environment. Not a long-term period of the existence of the fortress of the Holy Cross, nevertheless, it was an experience of the founding and development of cordon fortifications in the Caucasus. Due to the fact that the geopolitical situation in the Caucasus became more complicated, the relations between long-standing rivals and the main political players for leadership in the Caucasus: Russia, Iran, Turkey, were heating up.

As a result of political negotiations between Russia and Iran, the Treaty of Ganja was concluded in 1735, which resulted in the destruction of the fortress of the Holy Cross and the transfer of the cordon to the Terek. Russia began to actively engage in the development of the Terek River region.

The construction of the fortifications began in 1735–1739 the construction of the Kizlyar fortress, which became the center of Russian possessions in the Caucasus, and a number of fortifications along the Terek, which eventually made up the Kizlyar section of the Terek Line.

Historians associate the beginning of construction with 1735, and in subsequent years it was completed and rebuilt. The author of the project of the fortress in 1744 was the engineer-general Lyuberas ([Aganesova, 2007: 55](#)). The fortress looked like a regular pentagon, with five bastions, ravelins, which were additional protection. The fortress was built in accordance with all the rules for the construction of

fortifications. Inside the fortress there were teams of military garrisons, shops, a residential part – a prison, a church, an infirmary.

The city of Kizlyar settled east of the fortress, between the left bank of the Terek and the right bank of the Kizlyarka river. It consisted of eight multi-lingual quarters, separated from each other by earthen ramparts. The Kizlyar section of the Terskaya cordon Line began from the village of Chervlennaya and went to the Caspian Sea. Its construction dates back to the early-first half of the 18th century. It is known that after the Russian-Turkish war of 1787–1791 according to A.V. Suvorov and G.A. Potemkin, it was decided to strengthen the line on which by that time 10 fortresses were located at the Cossack villages (Potto, 1887: 92).

In 1803, the construction of the Sunzhenskaya Line began. The plan for its construction was developed by Lieutenant General P. Tsitsianov, who, during its creation, was guided by the need to subordinate and control the foothill regions of the North-Eastern Caucasus. Under his leadership, a plan-project of the Fortress Line from Yekaterinodar to Vladikavkaz was drawn up. The completed line was supposed to consist of 11 redoubts located in the most strategically important places. P.D. Tsitsianov proposed «to occupy the Cossack settlements line from Yekaterinograd to Vladikavkaz and from Vladikavkaz along the Sunzha River, including the vast expanse of the Sunzha foothills» (Omel'chenko, 1991: 110-111).

He brought to life the project for the development of the territory along the Sunzha River, A.P. Ermolov. He said that «It is necessary to occupy the Sunzha River and build fortresses along its course ... Settlements along the Line will remain safe behind the chain of fortresses ... strengthening gradually and transferring troops from the Line, in two years the entire course of the Sunzha will be in our hands and, giving peace to the Line, we will not inhabit the mountains by captive subjects of Your Imperial Majesty and endure the insolent actions of the Chechens and, without shedding their blood, will force us to change the predatory way of life for our own benefit» (AKAK, 1875: 498-499). The general's idea, ultimately, boiled down to the fact that the denser the fortresses, the guard posts will be located among themselves, the higher will be the possibility of ensuring calm and protecting the borders.

A.P. Ermolov started from the idea «Not a step to the mountains! I will build redoubts and good dugouts. I will collect the grain sown by them (the mountaineers of the Eastern Caucasus) and will not allow them to graze cattle on the plane for the whole winter» (Pis'mo A.P. Yermolova..., 1890).

Alexey Ermolov, addressing the emperor, tried to convince him: «Sooner or later, Emperor, it is necessary to start this ... but now peace and tranquility are favorable everywhere. The Caucasian line requires protection, and I wish that during your reign it will take advantage of peace and security» (Potto). The sovereign gave the go-ahead for transformation and construction activities.

On May 20, 1818, Ermolov submitted a report «On ways to strengthen the left flank of the Caucasian line with a brief description of the population» (Agiyeva), in which he outlined a plan for the construction of the Sunzhenskaya line. The project, which included the creation of the Sunzhenskaya line proper and the founding of the Cossack villages on the territories thus liberated, was approved by the emperor. A characteristic feature of the Yermolov period is that it was he who began to apply in parallel the methods of military-political subordination with civil colonization, the construction of Cossack villages.

On June 10, the Groznaya fortress was laid, which was destined to become the main support of the Russian forces in the North-Eastern Caucasus (Klychnikov, 1998: 49).

At the same time, work was underway to build the Vnezapnaya fortress, which, together with Grozny, was the backbone of the Line. To connect the fortress with the old Terskoy line, a small redoubt was erected at the Staro-Yurtovskiy aul. Subsequently, the cordon line was even more fortified and along the Sunzha, starting from Groznaya to Vladikavkaz, a number of fortifications were built. With the advent of the Sunzhenskaya Line, all fortresses and new cordon Lines along the Terek began to be called the Left Flank. Later, fortifications were built in 1820 Amir-Adzhi-Yurt, which covered the crossing of the Terek, and Umakhan-Yurt, which ensured the crossing of the Sunzha, on the way between Vynezhnaya and Grozny, as if completing and building the fortifications into a clear chain of fortifications that deprived the non-peaceful Highlanders have loopholes for attacking troops.

With the construction of the Fortress Vysenka in the Kumyk Line system, the leadership made a decision to cut down the forest along the Sunzha and to build two new fortifications on the cleared glades: the Ust-Martan redoubt in 1820 and the Evil Trench, at the same time as work towards the Sunzhenskaya line.

On May 3, 1820, at the confluence of the Martana River with the Sunzha, the Ust-Martan redoubt was laid. In the summer, between the Shelkozavodskaya and Shchedrinskaya stanitsa (between the Sunzhenskaya Line and the Kizlyar section of the Terek Line), the Amir-Adzhi-Yurt fortification was set up, which covered the crossing of the Terek. The fortification will be rebuilt in 1825, after the capture of the highlanders. To ensure the crossing of Sunzha, the Umakhan-Yurt fortification is being built on the way between Vnezapnaya and Groznaya, and near the Aksai village, the Gerzel-Aul fortification for 200 people, which stood in the way of communication with the Grozny fortress. In 1825 the Gerzel-Aul fortification was moved to Tash-Kichu. The territory along the banks of the Sunzha was completely built up by the mid-30s of the XIX century.

Almost parallel to the construction of the Sunzhenskaya Line, work was underway to build the Sulak cordon. Until 1845, the Sulak line did not have large fortifications, its protection was entrusted to a number of small fortifications. This was due to the fact that the once existing village of Chir-Yurt was ravaged in 1831

by the troops of the tsarist army, and was not rebuilt. The entire course of Sulak was guarded by several fortifications and watchtowers built at different times. The Line began with the Eugene fortification built in 1841 for the needs of the campaign against the Salavans, as the southernmost on the Line.

In 1841 E.A. Golovin laid the Evgenievsky fortification on the Sulak River, named after the founder. It was erected after the conquest of the Chirkei aul, to anchor in the new territory. The fortification had a citadel, towers across the Sulak River, a bridge, and a number of settlements near the fortress.

The northernmost point of the Kordon was the Kazi-Yurt fortification. It did not have structures that were significant for defense, and was used as a cover for the road to Kizlyar, but with the advent of the Chir-Yurt fortification, it lost its significance and fell into disrepair. Line in the 40s. was divided into two sections: «the Sulak mountain current to the Khudombashevskaya tower was under the jurisdiction of the commandant of the Evgeniy fortress, and the space from Khudombash to Kazi-Yurt inclusive was subordinate to the commander of the Nizhny Novgorod dragoon regiment, with whose title was associated the title and chief of the Sulak lichen» (From travel notes. Caucasus).

The fortifications on the Line also included the Miatlinskaya tower and the Kaziyurtovskaya fortification. The construction of the Line began after the Dargin operation, which was unsuccessful for the Russian troops, when the Caucasian administration realized for itself the rule, the founder of which was still Field Marshal Prince Vorontsov, which boiled down to the idea that «it is impossible to conquer mountains without first conquering the planes and foothills». (From travel notes) The entire territory of the Line was flat, steppe terrain. The line extended from the Sulak River and ended with the forts of the Andean ridge. The main function of the erection of this Line was to divide and prevent clashes between Chechens and residents of the Tarkovsky shamkhal estate. The Chir-Yurt fortress became a barrier and defense for the lands of Shamkhal. To the south of Chir-Yurt, the Miatlinskaya watch tower was built, which, due to the small garrison, wore a signal hacker rather than a defensive one. The Chir-Yurt fortress was the front edge, the forefront of shamkhalism.

Despite the small command structure and relatively short length, in comparison with other Lines, the function of the Sulak Line was extremely great, it acted as a connecting link in the system of fortresses of the left wing of the Caucasian Line.

The construction of the Advanced Kumyk Line was based on the Vnezapnaya fortress, founded in 1819 on the Aktash river near the settlement of Endirey. This fortress with Grozny, in the future, will be considered one of the most fortified and powerful military-defensive fortifications of the Caucasian Line. Its defensive priority was that it was located on the border of the Chechen and Dagestan possessions, controlling movement in both directions. The next fortress of the Kumyk cordon was Tashgechiv the spring of 1820, to cover the Lower Terek on the Kumyk plane on the site of the former aul of Isti-su, which had been moved to another place, under the leadership of Colonel Verkhovsky, a 300-man stronghold was erected (Klychnikov, 1998: 49).

The main task of the fortification was to protect the northern lands of Dagestan from raids. Due to the harsh climatic conditions and the resulting outbreaks of epidemics, the fortification was disbanded.

For greater cover of the Lower Terek, Ermolov laid two more small fortifications on the Kumyk plane: on the site of the former aul of Isti-Su – the Permanent Camp, which provided the way to Kizlyar, and Gerzel-Aul, near Aksai itself, which stood on the way communication with Groznaya.

In addition, a line of fortifications was erected from the Sunzhenskaya Line in the direction of Shamkhalstvo Tarkovsky and the Kumyk front line was fully equipped. The main task of the Kumyk Line was to ensure the safety of the Lower Terek from the raids of the Chechens, especially after the construction of the Grozny fortress, which defended the approaches to the Upper Terek. In order to prevent the ruin of the lands of the Lower Terek, it was decided to build a system of fortresses and fortifications on the Kumyk plane.

The responsibility for the construction of a fortress serving as the fundamental Kumyk Line was entrusted to N.V. Grekov. On the instructions of A.P. Ermolov, he was supposed to carry out an intelligence operation from the Kumyk plane to the lands of the Chechens, cut openings in the forests and bring the recalcitrant auls to obedience.

Energetic activity of N.V. Grekova soon allowed government troops to seize the Khankala Gorge. The population was severely punished for disobedience and «the inhabitants were imposed a new tax – the delivery of logs for fortifications» (Murdalov).

In April 1821 Velyaminov begins construction of the Otravnaya fortress near Tarki (Klychnikov, 1998: 53), which will later be renamed Burnaya. The essence of the construction of this fortress was that in this way the complete subordination of the feudal possession - shamkhalism of Tarkovsky was formalized, and the construction of the Left Wing of the Caucasian Line was completed.

The completion of the construction of the left wing of the line indicated that the region was placed under complete economic and political dependence on Russia. The line of confrontation moved from the Terek to Sunzha made it possible to optimize the costs of maintaining the fortresses, to liquidate the Shelkozavodskaya fortress in 1825, which was also washed away by frequent spills (Klychnikov, 1998: 104).

In 1832, the commander of the Russian troops in Northern Dagestan, Lieutenant Colonel Franz Karlovich Kluki-von-Klugenau laid the foundation of the Temir-Khan-Shura fortress. Since the strategic importance of the fortress was great, the construction proceeded at a rapid pace, after 5 months it began to

function in working order. To increase the defensive capabilities, in 1836 a two-story watchtower was built near the Cavalier Battery, and a battery of cannons was installed over the entire area of the rock. In the 40s, 4 more towers were erected, which were connected by walls. The fortification became more impressive in size, had 4 exits.

During the period of fierce hostilities in Dagestan and Chechnya, all the disadvantages of the structure and location of the Line began to appear. In the 40s, there was a need for reforming activities at the Kumyk Line. The transformations were associated with the activities of M.S. Vorontsov. He realized that in the region there was a need to strengthen and even partially relocate some of the fortifications of the Lines. For him, as for the military who replaced him in the Caucasus, the goals and objectives of the Kumyk and Sunzha Lines were identical, which is why it would be necessary to build up and strengthen the distance between them as much as possible.

By order of M.S. Vorontsov, at the place of the patrol on the banks of the Yaryksuv River, the construction of a large fortress Khasavkala began. Since the area was wooded, work was initially carried out on the laying of clearings and logging for construction needs. From its very foundation, the fortress began to perform not only a defensive function, but also the function of an economic center.

To maintain peace and order on the Kumyk plane, fortifications, pontoon bridges near Nizhniy Chiryurt and Bavtogai, and watch towers from Khasavyurt to Chiryurt were in constant combat readiness. The Sudden Fortress is losing its strategic superiority, as the theater of operations changes its directional vector.

The fortification system of the Kumyk Line was an important component of the fortification system in the Eastern Caucasus. The functions of the Kumyk, Sulak and Sunzhenskaya Lines were the same, so the administration took measures to create communication lines, fortified distances and towers between the main fortifications of fortification systems.

Since the 30s of the XIX century, the situation in southern Dagestan began to heat up as a result of the constant raids of the mountaineers in Kakheti and Dzgary. It was decided to build a number of fortresses and fortifications that made up the Lezgi Cordon Line. The idea of creating and the plan for the geographical justification of the construction belonged to Field Marshal Prince I.F. Paskevich.

According to his plan, 12 posts were built, 7 of which covered the Kakhetian distance, and 5 the Lezgin one. Fortifications were built at the exit of the mountains, where there were loopholes for attack. The posts were located near the villages: «Mukhakh, Dzgary, Katekhi, Belokany, on the tracts of Lagodekhi, Karatuban, Bezhanyan and near the villages of Kvareli, Shildy, Napareul, Pshavel and Matany» (Tri goda..., 1884).

The administration of the Line, realizing the need to move some fortifications and build new ones, after conducting intelligence activities, led by Major General L.Ya. Sevarsemidze, petitioned the leadership about the need for radical reforms at the cordon. As a result of the reconnaissance, a decision was made to build a fortification on a hill near the Akvan mountain, to exercise control over the neighboring gorges and protect Kakheti.

The result of the restructuring of the Line was that many fortifications were abolished and new ones appeared in connection with the emerging strategic need. The line was also presented in the form of a division into three distances: Bezhanyan, Belokanskaya, Zagatala.

In the period 40-50-ies the line continued to be built up, and the existing fortifications were improved, either in terms of weapons, or in matters of expanding fortifications. During this period, the largest and most strategically important structures on the Line were the Zakatala fortress and the Belokana fortification.

In 1846, the Line was divided into two sections and was of the following form: 1) the right flank, enclosing the posts of the Sheki district and the Belokan district, with fortifications: the city of Nukhi, in the village. Kakh, the fortress of the new Zagatala and the Bekan fort (that is, from the Ukrainian Lagodekh to the city of Nukha); 2) the left flank, embracing the posts of the Karelian section and fortifications: Lagodekhi, Karatuban, Bezhanyan, Kvareli, Natlis-Mtsemeli, and since 1847 – the Kodori fortification. Control of the right flank was entrusted to the Belkan district commander, and the left – to the commander of the Georgian line number 16 battalion, located in the Kvareli fortification (Volkonskiy, 1885).

The reconstruction of the Line was associated with the coming to power in the region of Prince M.S. Vorontsov. There is a transformation of the functional tasks assigned to the Lezgin Line.

M. Vorontsov realized that the Line has not only strategic importance, but also geopolitical one. Based on the awareness of this fact, road construction begins. A military Akhtyn road was built – from the town of Nukha along the Shinsky gorge to the fortification of Akhty.

At the same time, a road was being built from Kakheti to Mount Kodori, with further construction of fortifications on the mountain. The old posts and fortifications, which were in a dilapidated state, were demolished, some were built according to a new plan, and those that had lost their strategic importance and were completely moved to more convenient places. In order to increase the defense capability of the Line, a number of decisions were made: «to put up a tower between Zagatala and Belokan, ... to relocate the aul near Bezhanyan, where the Kapuchinians settled, ... to cut through glades in several places, ... to establish a guard post between the fortress of Zakatala and the Muganin ferry» (TsGARD. F. 133. Op. 4. D. 13. L. 5). M. Vorontsov's plan, in its end, boiled down to the fact that over time it was necessary to move the Lezgi Line higher, to the mountains, in order to better control the situation. The implementation of this plan began with the construction of the Kodori fortification. A number of towers and fortresses were built in front of the

location of Kakheti «at the foot of the main Caucasian ridge, partly on the very ridge of the mountains, in the space from Mskhalt Mountain and Ugeltekhili to Mount Sairmo and the Stora River» (Baratov, 1876).

In the spring of 1820, to cover the Lower Terek on the Kumyk Plane on the site of the former aul of Isti-su, which was moved to another place, under the leadership of Colonel Verkhovsky, a 300-man stronghold was erected (Klychnikov, 1998: 98). The main task of the fortification was to protect the northern lands of Dagestan from raids. Due to the harsh climatic conditions and the resulting outbreaks of epidemics, the fortification was disbanded.

For greater cover of the Lower Terek, Ermolov laid two more small fortifications on the Kumyk plane: on the site of the former aul of Isti-Su – the Permanent Camp, which provided the way to Kizlyar, and Gerzel-Aul, near Aksai itself, which stood on the way communication with Groznaya.

According to the statement V.A. Potto «A fortification is a stone thrown in a field: rain and wind will blow it away; the village is a plant that digs into the ground with its roots and gradually covers and covers the entire field» (Klychnikov, 1998: 98).

The fortresses and the adjacent defensive structures were a place where, in parallel with the war, peaceful life was in full swing, in all its manifestations (trade was actively conducted, which contributed to the emergence of elements of the material culture of central Russia among the mountaineers, marriages were concluded, and therefore there was a confusion of mentality, etc.) The arrangement of the villages and the conduct of everyday life proceeded in parallel with the hostilities, this happened until the middle of the 19th century.

Religious buildings of the Russian Orthodox Church as a historical and cultural phenomenon of the Caucasian frontier

From the moment of the gradual development of the territory of the Eastern Caucasus by the Russian Empire, the landscape-historical phenomenon of the Caucasian frontier arose. A process of cultural mutual influence took place on the Caucasian frontier. Since the contact of different civilizations on the Caucasian frontier, the Russian administration has changed the vector of Caucasian politics from military-political subordination to civil colonization, which, by means of acculturation – everyday, material, spiritual culture introduced the highlanders into the Russian economic, political, legal, cultural space, where the key role was played by cordon Lines and fortresses.

From the day of its foundation, the city of Kizlyar was called to become the religious center of Russia in the Caucasus. The city of Kizlyar was the leading edge of the spread of Orthodoxy in the Eastern Caucasus. In Kizlyar, at the beginning of the 19th century, Orthodox religious buildings were represented by the following buildings: the Cathedral in the Fortress, the Exaltation of the Cross for a man's monastery, the Georgian Church in the name of the Life-Giving Source, Stanichnaya and Cemetery «Nikola». The first two of them are stone. In the Georgian Church, the service is performed in the Slavic language, and the Gospel is read in Georgian (Shidlovskij).

In 1736, Archimandrite Daniel founded the Exaltation of the Cross Monastery. Initially, it functioned as a men's monastery. In addition to the monastery, the following religious institutions functioned in the city. Back in 1748, a special commission for baptism was created in Kizlyar. According to some sources, in 1798, 11 thousand Karabakh meliks adopted a new religion, and many of them moved to Kizlyar (Gadzhev, 2006: 46). Also in the city there was a spiritual board that oversaw all religious issues in the Kizlyar region. By the 30s of the XIX century, in connection with the devastation of the city, all its offices and institutions were in a difficult financial situation, and the Kizlyar spiritual government was no exception (Ocherki istorii..., 2002: 176-177).

The monastery was financed from the means of the Diocese, and also had its own subsidiary farm – numerous vineyards were planted at the monastery, which brought income to the monastery. In addition, the monastery owned 2500 thousand dessiatines of arable land, 4 shops, which were rented out and a dacha.

In the 30-s in the 19th century, the monastery fell into decay due to difficult financial problems and the devastation of the city of Gazi-Magomed in June 1831. The main religious Orthodox building in the city was the Kazan Cathedral cross-domed church, built of red brick in the Old Byzantine style, which got its name in honor of the Kazan Icon of the Mother of God. Its erection is connected with the foundation of the fortress and was carried out in parallel.

In the subsequent period, in the 20-s XIX century, when the idea of civil colonization of territories came to replace the tactics of military subordination of the region, the idea of cultural contacts, integration, socio-economic and cultural communication came to the fore.

It was during this period that the increase in the number of churches on the Line, both civil and military, began. This was followed by the Decree of the ruling Senate of October 28, 1835 «On permission to continue to build wooden churches everywhere» (PSZRI).

The control system of religious life in the Caucasus was presented as follows. Regimental churches, Cossack units, military fortifications and stanitsa churches on the territory of the Caucasian Territory were under the jurisdiction of the military department.

In addition to Kizlyar, where the construction of the church and the temple proceeded in parallel with the foundation of the city, at the beginning of the 19th century, religious buildings were erected in all large fortifications of the Left Wing of the Caucasian Line. There was a camp church in Grozny (Levyj flang...).

In Khasav-Yurt, in the second quarter of the 19th century, a forstadt and a new regimental headquarters were built. The sources say that «on the suburb there is a church and many pretty houses and shops» (Ol'shevskij).

There was a military church in the fortification in honor of the Venerable Martyr Andrew of Crete (Sergeev, 2012: 67).

In Temir-Khan-Shur, a chapel was erected in memory of Azarov's squadron, which was hacked to death by the highlanders in the lowlands near the village of Erpeli (Gadzhiev, 2006: 107).

By the 50s of the XIX century, the Temir-Khan-Shura fortress became the administrative center of Dagestan and it became necessary to erect religious Orthodox buildings in it. By order of the regional authorities, the construction of a temple begins, a large center of Orthodoxy «worthy of the name of the Russian» (Dagestanskij sbornik, 1904: 162). The temple was not the first Orthodox religious building in the fortified city. In the city functioned the Church of Our Lady of Joy of All Who Sorrow at the 16th Line Battalion (Sergeev, 2011: 49), founded in 1843.

The new temple was laid in 1854 on the square, in the ancient Georgian style, according to the project of the engineer-lieutenant colonel von Miller and according to the facade drawings of Prince G.G. Gagarin. The interior decoration of the temple was magnificent, there was a carved iconostasis made by «the lower ranks of the Samur regiment» (Sergeev, 2011: 50).

In 1846, at the fortified headquarters of the Nizhny Novgorod dragoon regiment at Chir-Yurt (Sergeev, 2012: 67) the «stone church» was built (Kapkov, 2008: 82). Later, in 1879, another church was built in Chir-Yurt at the expense of officers and lower ranks of the 82nd Infantry Dagestan His Imperial Highness Grand Duke Nikolai Mikhailovich Regiment (Citovich, 1913: 444-445).

Religious architectural structures played a significant role not only in the spread of Orthodoxy in the Eastern Caucasus, but also contributed to the formation of a special cultural and historical space, where tolerant, good-neighborly relations prevailed, elements of the material and spiritual culture of the East and Europe harmoniously existed.

4. Conclusion

The importance of cordon Lines as an important factor in the formation of the historical and architectural landscape of the Eastern Caucasus is great. They contributed to the formation of a special type of frontier identity, which was formed as a result of interethnic dialogue, communication within the multi-confessional environment. Fortresses and adjacent buildings not only shaped the natural and geographical environment, but also became sites for the formation of a special type of culture and cultural relationships.

The Cordon Lines, which ran through the territory of the Eastern Caucasus, were repeatedly rebuilt as a result of geopolitical rearrangements and the mobility of military operations, covering all new territories in their cultural and architectural advance.

These fortress lines, over the centuries, are important links in the cultural development of the region, cultural heritage, becoming the basic centers of cultural and historical tourism.

5. Acknowledgements

This paper was carried out within the framework of the project "The Eastern Caucasus as part of the Russian Empire: the experience of integration and modernization": FMSW-2022-0019.

References

- Aganesova, Suzdal'tseva, 2017 – Aganesova, D.V., Suzdal'tseva, I.A. (2007). Armenian communities of Dagestan in the 18th-19th centuries [Armyanskiye obshchiny Dagestana v XVIII-XIX vv.]. Makhachkala. P. 244. [in Russian]
- Agiyeva – Agiyeva, L.T. K voprosu o Sunzhenskoy linii [On the question of the Sunzhenskaya line]. Chast' I. [Electronic resource]. URL: ghalghay.com (date of access: 11.01.2020). [in Russian]
- AKAK, 1875 - Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, 1875. T. VI. P. 2. P. 950. [in Russian]
- Baratov, 1876 – Baratov, N.N. (1876). Opisaniye nashestviya skopishch Shamilya na Kakheti v 1854 godu [Description of the invasion of Shamil's flocks to Kakheti in 1854]. *Kavkazskii sbornik*. Vol. 1. 1876. Vostochnaya Literatura. Srednevekovye istoricheskie istochniki vostoka i zapada. [Electronic resource]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Baratov_N_N/text1.htm (date of access: 12.11.2020).
- Butkov, 1869 – Butkov, P.G. (1869). Materialy dlya novoy istorii Kavkaza s 1722 po 1803 [Materials for the modern history of the Caucasus from 1722 to 1803]. SPb., 1869. Part 2. P. 62. [in Russian]
- Dagestanskij sbornik, 1904 – Dagestanskij sbornik [Dagestan collection]. Issue II. Compiled by E.I. Kozubsky, full member-secretary of the committee. Temir-Khan-Shura: "Russian printing house" V.M. Sorokin, 1904. P. 551. [in Russian]
- Gadzhiev, 2006 – Gadzhiev, B.I. (2006). Tsarskie i Shamilevskie kreposti v Dagestane [Tsar and Shamilev fortresses in Dagestan]. Epoch. Moscow. 330 p. [in Russian]

- Gasnov, 1986** – Gasnov, M.R. (1986). U istokov bratstva [At the origins of the brotherhood]. Makhachkala. [in Russian]
- Kapkov, 2008** – *Kapkov, K.G.* (2008). Pamyatnaya kniga rossijskogo voennogo i morskogo duhovenstva XIX – nachala XX vekov [Commemorative book of the Russian military and naval clergy of the XIX – early XX centuries]. M.: Informatsionnyi tsentr «Khronika», 136 p. [in Russian]
- Klychnikov, 1998** – *Klychnikov, Yu.Yu.* (1998). Deyatel'nost' A.P. Yermolova na Severnom Kavkaze 1816-1827 gg. [A.P. Ermolov in the North Caucasus 1816–1827]. Dissert, k.i.n. Armavir. [in Russian]
- Levyj flang...** – Levyj flang Kavkazskoj linii v 1848 godu [The left flank of the Caucasian line in 1848]. *Kavkazskii sbornik*. Vol. 10. 1886. [Electronic resource]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Lev_flang_linii_1848/text5.htm (date of access: 15.04.2021). [in Russian]
- Murdalov** – *Murdalov, M.M.* Chechnya i Kavkaz: etyudy, zametki iz proshlogo [Chechnya and the Caucasus: sketches, notes from the past]. [Electronic resource]. URL: <https://mybook.ru/author/muslim-murdalov-2/chechnya-ikavkaz-etyudy-zametki-izproshlogo/read/?page=1> (date of access: 10.10.2020). [in Russian]
- Ocherki istorii..., 2002** – Ocherki istorii Astrahanskoj eparhii za 400 let eyo sushchestvovaniya: v 2 t. : Ocherki istorii Astrahanskoj eparhii s 1902 po 2002 gg. [Essays on the history of the Astrakhan diocese for 400 years of its existence: in 2 volumes: Essays on the history of the Astrakhan diocese from 1902 to 2002]. Under total. ed. Jonah, Archbishop Astr. and Enotaevs. Rostov-on-Don.: Folio, 2002. T. 2. 561 p. [in Russian]
- Ol'shevskij** – *Ol'shevskij, M.* Caucasus from 1841 to 1866. [Kavkaz s 1841 po 1866 g.]. [Electronic resource]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Olsevskij/frametext5.htm> (date of access: 10.03.2021). [in Russian]
- Omel'chenko, 1991** – *Omel'chenko, I.L.* (1991). Terek Cossacks. [Terskoye kazachestvo]. Vladikavkaz. [in Russian]
- Piotrovskiy, 1988** – *Piotrovskiy, B.B.* (1988). Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v. [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century]. M. [in Russian]
- Pis'mo A.P. Yermolova..., 1890** – Pis'mo A.P. Yermolova k A.A. Zakrevskomu 1812–1828 [Letter to A.P. Ermolov to A.A. Zakrevsky. 1812–1828]. SIRIO. M., 1890. T. 73. [in Russian]
- Potto** – *Potto, V.A.* Kavkazskaya voyna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh [The Caucasian War in Selected Essays, Episodes, Legends and Biographies]. T. II. Vostochnaya literatura. Srednevekovyye istoricheskiye istochniki vostoka i zapada. [Electronic resource]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1800-1820/Potto_V_A/Kavk_vojna_2/text13.htm (date of access: 10.08.2020).
- Potto, 1887** – *Potto, V.A.* (1887). Kavkazskaya voyna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh [Caucasian war in separate essays, episodes, legends and biographies]. Vol. 1. V. 1. St. Petersburg. [in Russian]
- PSZRI** – Polnoe sobranie Zakonov Rossijskoj imperii (1825–1881) [Complete collection of the Laws of the Russian Empire. (1825-1881)]. Vol. 10: Part 2. No. 8517.
- Sergeev, 2011** – *Sergeev, A.D.* (2011). K istorii sozdaniya cerkvej na territorii Dagestana po proektam knyazya G. G. Gagarina [On the history of the creation of churches on the territory of Dagestan according to the projects of Prince G.G. Gagarin]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Obshchestvennye i gumanitarnye nauki"*. Makhachkala. 3(16): 43-50. [in Russian]
- Sergeev, 2012** – *Sergeev, A.D.* (2012). Istoriya voennyh pravoslavnyh hramov v sel'skoj mestnosti Dagestana (II polovina XIX – nachalo XX veka) [History of military Orthodox churches in the countryside of Dagestan (II half of the XIX – early XX centuries)]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. Pp. 60-70. [in Russian]
- Shidlovskij** – *Shidlovskij, Yu.* Zapiski o Kizlyare [Notes about Kizlyar]. Vostochnaya literatura. [Electronic resource]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Sidlovskij_Ju/text1.htm (date of access: 02.04.2021). [in Russian]
- TGARD** – Central State Archives of the Republic of Dagestan Foundation [Central State Archives of the Republic of Dagestan Foundation]
- Tri goda..., 1884** – Tri goda na Kavkaze (1837–1839) [Three years in the Caucasus (1837–1839)]. *Kavkazskiy sbornik*. T. 8. 1884. Vostochnaya literatura. Srednevekovyye istoricheskiye istochniki vostoka i zapada. [Electronic resource]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Tri_goda_Kavkaz/text3.htm (date of access: 15.11.2020). [in Russian]
- Turner, 2009** – *Turner, F.J.* (2009). Frontir v amerikanskoj istorii [Frontier in American history]. Per. s angl. A.I. Petrenko. M.: Ves mir. [in Russian]
- Volkonskiy, 1885** – *Volkonskiy, N.A.* (1885). Trekhletniye na lezghinskoy kordonnoy linii (1847–1849 gody) [Three years on the Lezghin cordon line (1847–1849)]. *Kavkazskiy sbornik*. T. 9. Vostochnaya literatura. Srednevekovyye istoricheskiye istochniki vostoka i zapada. [Electronic resource]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Volkonskiy_N_A_4/text1.htm] (date of access: 14.10.2020). [in Russian]
- Webb, 1964** – *Webb, W.P.* (1964). The Great Frontir. Austin: University of Texas Press.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1081-1092
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1081

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The History of Kalmyk Everyday Life in the 18th century

Maksim M. Batmaev^{a,*}

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article deals with the relationship of Kalmyks with neighboring peoples in the 18th century. At this time, they occupied the southern Russian steppes from the Don to Yaik with their nomads. In the southwest of their nomadic territory, the Kalmyks had relations with the Crimean Khanate and the Don Cossacks. In the south with the Kuban Tatars, the bulk of which were Nogais, ousted by the Kalmyks from the interfluvium of the Volga and Yaik. Relations with the peoples of the North Caucasus were less intense, except for a number of Kabardian princes. Kazakhs were the main neighbors in the southeast. On the northern borders of their residence, the Kalmyks already interacted with the Russian population, mainly with Russians, as well as with the Bashkirs.

In the 17th century, busy mainly with the development of new habitats, Kalmyks contacted the Russian population most often sporadically, and contacts were not always, if not more so, peaceful. In the 18th century, the situation gradually, but now without interruption, changes for the better. Armed raids disappear; more and more relations are becoming peaceful, the first steps of acculturation of the Kalmyks are taking place. It goes implicitly: through the resettlement of the Russian population in the Lower Volga region, the North Caucasus and partly on the lands of the Kalmyk steppe; the departure of Kalmyks to neighboring cities to be hired for various jobs; engaging in non-cattle-breeding work; Christianization, etc.

Representatives of other peoples also got into Kalmyk society, most often through captivity: Kuban and Crimean Tatars, Nogais, Bashkirs, and the same Russians. They often created mixed families with the Kalmyks – in addition, this process had an impact on the anthropological type of a part of the Kalmyks.

Keywords: everyday life, predestination of everyday life, household realities, relations between peoples, acculturation, transition to peaceful relations.

1. Введение

Статья посвящена малоизученной и слабо освещенной теме – повседневной жизни в прошлом основной массы калмыцкого народа, так называемых простолюдинов. Между тем именно они были производителями всех материальных основ существования народа, хранителями и продолжателями дальнейшего развития духовных и в целом всех культурных достижений. Хронологически работа охватывает XVIII в. Калмыцкая повседневность рассматриваемого нами периода в целом определялась хозяйственно-бытовыми и социальными реалиями. Занятие основной массы населения экстенсивным кочевым скотоводством обуславливало соответствующие хозяйственные занятия, а они (то есть занятия) – приспособленный к ним быт.

Правящие сословия эксплуатировали труд простолюдинов, но на том уровне общественного развития калмыцкого народа и не могло быть по-иному. Народ в своей массе воспринимал тогдашние социальные отношения как должностные, а в какой-то мере даже как данные сверху, божественным предопределением. Но была и другая повседневность, не вытекавшая напрямую из кочевой жизни. Эта, вторая, параллельная с первой повседневность определялась историческим развитием российской

* Corresponding author

E-mail addresses: maximbatmaev@yandex.ru (M.M. Batmaev)

повседневности. В XVIII в. южнорусские степи, по которым кочевали калмыки, граничили с землями и народами, не входившими в состав России. Отношения с ними не всегда были мирными.

Вместе с тем шло проникновение русского населения на земли Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. В связи с этим случались столкновения калмыков с новопришлым населением; развивались и добрососедские отношения, вплоть до смешанных браков; перенимались новые хозяйственно-бытовые навыки.

Целью данной статьи является выявление и описание новых явлений в социально-поведенческой повседневности калмыцкого народа того времени.

2. Материалы и методы

В ходе работы над статьей были привлечены не опубликованные ранее и не введенные в научный оборот материалы Архива внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ) – Фонд 119 «Калмыцкие дела» и Национального архива Республики Калмыкия (далее – НАРК) – Фонд И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе». Методология исследования базируется на сочетании сравнительного и системного анализа. Сравнительный анализ позволяет находить в процессах, присущих развитию калмыцкой повседневности, общее и особенное с повседневностью, типичной для кочевых народов вообще, что дает возможность лучше понять и ту, и другую. Системный анализ дает возможность изучать калмыцкую повседневность в сцеплении всех ее элементов как взаимосвязанное целое.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии имеется ряд работ, посвященный хозяйственно-бытовой и религиозной жизни калмыцкого народа (Бакунин, 1995; Дуброва, 1998; Костенков, 1870; Небольсин, 1852). В советское и постсоветское время также был опубликован ряд трудов подобного же содержания (Бакаева, 1994; Батмаев, 1993; Батмаев, 2008; Батыров, 2014; Душан, 1976; Пальмов, 1929; Цюрюмов, 2007). Здесь представляется необходимым отметить, что почти все названные работы носят ярко выраженный этнографический характер. Между тем дело в данном случае заключается в первую очередь не в том, чтобы рассматривать хозяйственно-бытовые сюжеты, хотя они и являются (и не в последнюю очередь) важной составляющей людской повседневности. Целью предлагаемой статьи является выявление и описание новых явлений в социально-поведенческой повседневности калмыков в рассматриваемое время.

4. Результаты

Некалмыцкое население в Калмыцком ханстве

Кочевая жизнь таила много опасностей. Жили в безбрежной степи небольшими хотонами, обитатели которых чаще всего были родственниками. Расстояния между хотонами иногда были довольно значительными. В XVIII в. Калмыцкая степь была пограничной и сюда нередко наведывались отряды крымских и кубанских татар, за спиной которых стояла тогда еще сильная султанская Турция. Калмыки не оставались в долгу: их отряды также появлялись в татарских становищах, и тоже не с мирными намерениями. При подобных столкновениях представители обеих сторон попадали в плен и часто оказывались на невольничьих рынках. Для защиты улусов от нападений неприятелей была выработана система их охраны. Когда к зиме улусы переходили для кочевания на нагорную (правобережную) сторону Волги, то вооруженные отряды, по словам хана Аюки представителю царской администрации И.Д. Бахметеву, «всегда с знатными владельцы бывают в походе перед улусами от набегов кубанских и от других неприятелей (АВПРИ. Ф. И-119. Оп. 1. 1720 г. Д. 7. Л. 3об.).

Более подробно эту систему описал В.М. Бакунин: калмыки, по его словам, для защиты от кубанцев и казахов содержат заставы, и когда узнают о приближении неприятеля, то навстречу ему «с войсками своими никогда не выходят, но каждый улус, спасая себя, бежит вдаль, и как верблюды с вьюками ведены, так и стада конские и скотские гонимы бывают калмычками и малолетними детьми, а сами калмыки на лучших лошадях и вооруженные следуют позади своих улусов для отпору от неприятеля. А на встречу неприятеля не выходят для того, что как с обеих около их сторон весьма пространные степи, то в случае выхода их войск на встречу неприятеля могут с оными разойтись», и неприятель, ограбив тем случаем улусы, может, не встретившись с ними, уйти (Бакунин, 1995: 59). На границе с казаками также было беспокойно. Например, в 1723 г. они разбили и разграбили 5 000 кибиток владения Доржи Назарова и Лекбея (АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 5. Л. 22об.). Случались столкновения и с донскими казаками. Так, в письме на имя Анны Иоанновны в мае 1735 г. Дондук-Даши жаловался на их нападения и грабежи, во время которых казаки Чирского городка захватили «пять коробей с книгами и бурханами» (НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 126об.).

Вместе с тем, как уже отмечалось выше, шло проникновение в калмыцкое общество представителей других народностей, в первую очередь русских. Рассмотрим подробнее, какими причинами данный процесс вызывался и имел ли он определенные последствия. Предварительно необходимо сказать, что сближение калмыков и русских началось в XVIII в. не на пустом месте:

определенный приступ к нему был заложен в предыдущем столетии. Так, к 1726 г. относится свидетельство, письменно зафиксированное тогда же, что на Дону «калмыцкая баба покуначилась з женою Филипа Долгова, она калмычка подарила ей телком, а она Долгова жена подарила мешок муки пшеничной, да мешок пшена, денег в алтын» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 98). Это стало возможным не в последнюю очередь потому, что в это время на Дону уже жили «базовые», то есть оседлые казаки-калмыки, разумеется, не надо сбрасывать со счетов и личные симпатии.

В это же примерно время, пишет некий Василий Перфилов, казак из Черкаска, который при торговле задолжал казакам 200 руб., бежал от займодавцев в калмыцкие улусы, где Дондук-Омбо женил его на калмычке и дал для развода скот. Казак пожелал жену свою крестить. К этому моменту он служил толмачом у своего благодетеля и умел читать и писать по-русски и по-калмыцки (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 45. Л. 97). Буквально напрашивается вывод, что жесткий в поведении и далеко не сентиментальный нойон, в будущем хан, знал лично незадачливого торговца. Остается неизвестным, какова была и чем кончилась его служба.

30 января 1734 г. давала показания при допросе вышедшая из улусов женщина: «Мать моя родная была пленница от русских людей, а с которого города того я за малалетством сказать не могу. И по взятии в плен в калмыки выдана была в замужество за вольным калмыком, а по смерти одного калмыка и матери моей взял меня в холопство Галдан-Данжина владения калмык Дондук Геленов, а зовут меня Цацком» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 69. Л. 95). Интересно отметить, что роспись под показанием написана калмыцким письмом; правда, имя не понять – может, не сама поставила подпись.

Возвращаясь назад, к концу 1720-х гг., мы видим, что некоторые русские покупали у калмыков, а при удобном моменте продавали калмыков. Так, казак Киприян Яковлев «купил у них, калмык, татарскую бабу Четерева улусу у калмыка Манжи Лозанга, а дал за такую бабу денег 30 рублей, да бешмет китайчетой, шапку соболью, сапоги сафьянные» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 99). В другом случае, после набега на улусы, «взятых калмык он де, Леонтей с товарищи своими, продал в Черкасской армянину Григорью Муратову, а оной де Григорей продал в Азов. Помянутыя калмыки бежали из Азова обратно в Черкасской, а из Черкаскова отпустил их, калмык, войсковой атаман в улус Досангов» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33. Л. 103об.-104).

Весной 1734 г. явилась в астраханскую контору татарских и калмыцких дел русская женщина Эркиша с двумя малолетними дочерьми (6 и 7 лет), взятая в плен с Дона в Булавинское восстание в возрасте лет пяти. Хозяин Анчика – владения Шакур-ламы, работала на него больше 20 лет. Замужем не была (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 69. Л. 255). 14 августа 1737 г. выехала из улусов в Царицын русская Агафья, 35 лет. Взята в 5-летнем возрасте кубанскими татарами. В 1736 г. российские войска были в Крыму и Агафью взяли Лекбеевы люди (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 74). А вот показания Настасьи Петровой, 43 лет, из малороссийского (т.е. украинского) города Пеный (или Пены), простого отца дочь. 33 года назад ее отец из того города пришел жить в новопоселившееся село Ворону, где жили три года. Потом напали калмыки, село сожгли, а жителей взяли в плен. Настасья жила в улусе Доржи Назарова у калмыка Менки. Он выдал ее за своего свойственника Доржи, и она прижила с ним двух мальчиков и дочь. После смерти мужа детей Менко взял к себе. Настасья, «вспомнив христианский закон», выбрав подходящее время, оставив детей, бежала. В пути она встретила едущих драгун, которые, откликнувшись на просьбу, привезли ее в Астрахань, откуда она добралась до Дубовской станицы, где жили несколько знакомых ей украинских семей (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 1009-1009об.).

Летом 1737 г. вышел для крещения в Царицын Иван Ларионов. В доношении своем царицынскому коменданту полковнику Петру Кольцову он сообщал, что родом был из Качалинской станицы, казачий сын. 31 год назад был пленен калмыками в степи. Женился на калмыцкой девке Кубрюке, имел двух сыновей и дочь. Жена и дети не крещены, просит крестить (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 110. Л. 213). В этом же 1737 г. случилось событие, призванное урегулировать важную проблему. Указом Анны Иоанновны от 16 ноября 1737 г. повелевалось: «Калмык и других наций, которые хозяевам достаются больше малолетние и многие купленные для употребления к воспитанию и обучению их от хозев немалого иждевения, позволяется всякому таким покупать и крестить и у себя держать без всякого платежа подушных денег, только с одною запискою, чтоб ведомо было, сколько оных ныне находитца и впредь прибудет» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 162. Л. 154).

Указы указами, а жизнь шла своим чередом. Из показаний выходца из улусов: Тимофеем зовут, чей сын – не помню, родиной Иловлинской станицы. 31 год назад – дело происходит в 1738 г. – малолетним взят в степи вместе с матерью Анной. Жил у калмыка Гепку, женился на калмыцкой девке Шикире. 6 лет назад Гунга-Доржи – дербетский нойон – ходил в поход под Черкасской для разорения, и он был в том походе. Во время этого похода «продал ево, Тимофея, зайсанг Генджиш в город Азов татарину Хорос мирзе», а через месяц продан в Крым. Через 4 года бежал и сего 1738 г., идучи трактом, пришел к войску калмыцкому, имевшемуся для разорения кубанцев. «И в том де войске отдали ево, Тимофея, вышписанному прежнему хозяину Гепку, у которого де он, Тимофей, пожив малое время, бежал в город Черной Яр» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 110. Л. 284).

О некоторых сдвигах в сторону сближения и потепления в отношениях между местным русским и калмыцким населением говорят сведения, относящиеся к 1739 г. 12 сентября этого года в Царицыне

у Калмыцких дел (местный административный орган по связям с калмыками) П. Кольцова просил определенный на царицынском торгу дарга Солом словесно, что когда по приказу Кольцова кочующие близ Царицына калмыки из-за имеющейся среди них болезни отосланы от города вдаль, и в то время одна женщина умерла, после которой остались дети – мальчик и девочка, которых взяли царицынские жители, подканцелярист Яков Гладков с товарищами. Ныне отец тех детей для розыска их приехал из улусов, и чтоб он, полковник, мальчика и девочку приказал отыскать и отдать ему, Солому, для передачи отцу.

Вскоре Гладков был найден и допрошен. Он поведал, что назад тому пятая неделя принесла жена его Марья Нестерова в дом калмыцкую девочку примерно возрастом одного года. Жена сообщила, что ходила она «для гульбы на реку Царицу к брату своему» царицынскому купцу Анисиму Колесникову в огород, «и в то время сказала ей оного Колесникова купленная женка калмычка Татьяна..., что имеется за рекою Царицею умершая и лежащая в кибитке калмычка и при ней обретаются дети ее малолетние мальчик и девочка, а как зовут – не знает. Жена пошла и взяла девочку, «но притом еще поодаль той же кибитки остался... мальчик. И по взятии реченной девочки объявляла она имеющимся неподалеку той же кибитки кочующим калмыкам, ис которых калмык призналась той девочки и тетка..., которая по приводе той девочки приходила к нему, Гладкову, в дом» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 53-54). Здесь нужно пояснить, что тетя девочки не оказывала помощи ей и ее матери не из-за бессердечия. Очевидно, болезнь была оспой, от нее у тогдашних калмыков не было иммунитета и, чтобы другие не заразились, больных оставляли и откочевывали от них.

Вернемся к нашему повествованию. Через три дня Гладков объявил о девочке определенному при калмыцком базаре царицынскому дворянину Якову Татаринову, к тому же Гладков «у объявленной девочкиной тетки намерен был в том взять и калмыцкое письмо, но точно на другой день та девочкина тетка с протчими калмыки отогната от города Царицына вдаль в степь». После удаления калмыков на третий день узнал Гладков, что и мальчик взят царицынского полка каптенармуса Гарнова женой Василисой Фроловой. Недели три назад девочка захворала, поэтому Гладков ее крестил, а неделю спустя после крещения девочка умерла «и погребена здесь у Троицкой церкви здешним же попом Максимом Степановым».

Василиса Фроловна Гарнова тоже была допрошена: пять недель назад была она за Царицею на калмыцком базаре для покупки коровы. «И в то де время усмотрела она от имеющихся за тою рекою кочующих калмыцких кибиток неподалеку лежащего в степе калмыцкой наци мальчика одного, например четырех лет..., которого де она взяв и привела в дом свой и держала недели с четыре некрещеного, а потом сего сентября 7 дня по прошению ея, Василисину, тому калмыцкому мальчику здешней соборной церкви попом Никоном Панфиловым наречено по руски имя Симеоном, и по наречении имя оной калмыченка тем же попом и крещен... Того калмыченка она, Василиса, и поднесь не объявляла за простотою своею» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 54об.-55). Будем надеяться, что Симеон (видимо, просто Семен) прожил жизнь благополучно, хотя сделать это в то время было не так уж легко.

Очень интересно познакомиться с двумя женскими одиссеями, к тому же они полезны для раскрытия интересующей нас темы. Первую звали Татьяна Эрке, была она крещеной калмычкой, выросла в улусе хана Церен-Дондука в аймаке зайсанга Цахыра. Шесть лет назад (допрос идет в 1739 г.) вышла, желая креститься, на бахчу царицынского жителя Андреяна Тимофеева, который привез ее в Дубовку и крестил. Восприемником у нее был царицынский посадский человек Осип Шобуров, который и выдал ее за тамошнего казака Макара Устимова, с которым жила «малое время». Потом муж поехал по своим делам за Волгу, «где ево воровские калмыки в плен и взяли, а после де ево пришед она на бахчу ж» к царицынскому бобылю, имя не знает, который выдал ее замуж за приемыша своего новокрещеного мордвина Николая Тимофеева. С ним жила один месяц, а потом муж, не захотев с ней жить, отослал ее от себя в Царицын. Здесь пропитание имела до сего дня мирским подаванием. Муж Николай Тимофеев года два назад умер. А что дворянин Иван Толпыгин показывает на нее, что она хочет бежать в улусы, «и то де по ненависти донесла на нее, Татьяну, ему, Толпыгину, здешняго толмача Василья Эрке Хары жена ево Дарья Иванова» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 121-121об.).

Теперь о второй нашей «героине». 27 сентября 1739 г. стоявший в Царицыне на карауле «у гобвахты» астраханского гарнизона терского полка каптенармус Андрей Рострыгин у Калмыцких дел объявил, что сего числа явилась ему на гауптвахте «русская женка, вышедшая ис плену от калмык». Ее допрос: Марьею зовут, Иванова дочь, 65-й год. Родиною Казанского уезда деревни Чистова поля, Сосновое тож, крестьянская дочь. 50 лет назад взята вместе с братом и сестрой и с прочими той деревни россиянами в плен калмыками, главным у которых был башкир. Отдана в улус хана Церен-Дондука, в аймак зайсанга Иштута, а куда брата, сестру и остальных дели – не знает. «И во оном аймаке была она у зайсанга Тулбая», который выдал ее замуж за русского же пленника, по-калмыцки звали его Шороем. Ей дали калмыцкое имя Бика. Родилась у них дочь Элзюка, «которую по возрасту оной зайсанг Тулбай взял за себя в замужество и, прижив с нею пятерых детей, умре. И потом ис того аймака, от урочища Уласту, за старостию и за знанием русского поколения (т.е. что она русская по рождению – Авт.), привезли ее того ж аймака калмыки самовольно на

имеющийся при Царицыне калмыцкий торг и отпустили для житья на волю» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 139-139об.).

Жили в улусах и представители других народов: крымских и кубанских татар, казахов, башкир и, реже, других народов Поволжья – мордвы, чувашей, марийцев. Большинство из них попадало в плен во время набегов калмыков. Приведем несколько примеров. Одна пленная кубанская татарка показывала, что, выбежав из улусов в 1748 г., «по взятии в плен досталась она, Уксажин, в аймак наместника ханства калмыцкого Дондук-Даши бывшего зайсанга Бордона калмыченину Цагану, а оной Цаган по приводе в калмыцкий улус отдал ее дяде своему, того ж Бордонова аймаку калмыченину Дакбе, у которого она, Уксажин жительство имела по се время в холопстве» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 110. Л. 132). Был случай, который произошел с пленной женщиной по имени Кишикта. Приведенная к уже известному нам Кольцову, она заявила, что не помнит, откуда и какой нации, а потому «ныне как в российсках жилищах быть, так и христианской закон восприть не желает, а хочет паки жительство иметь в калмыцких улусах, так как у нее там дочь, которую она прижила, будучи в улусех, с калмыками» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 119. Л. 585-586).

Что касается казахов, их в улусах было настолько большое количество, что они были причислены к отдельной группе населения и назывались Хаск Ковюд (в архивном деле их название пишется Хасак Кобнок) (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 268. Л. 541). 3 октября 1762 г. в Астраханскую губернскую канцелярию подали доношение (просьбу) две мангышлакские туркменки: лет с десять назад были пленены казахами, а потом ими проданы в Оренбурге калмыкам, а те ныне «за старостию» отпустили их на волю (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 342. Л. 290).

Характерный штрих в рисуемую нами картину добавляют показания армянина Аслана Иванисова. Родом он был из Бахчисарая, откуда в 1727 г. по собственному желанию еще с двумя тамошними армянами приехал в калмыцкие улусы и сначала находился для услуг при Досанге. Два его товарища вскоре вернулись обратно, а он остался. По смерти Досанга, при его сыне, он вместе с ним уходил на Кубань к Дондук-Омбо. Когда же Чидан, сын Досанга, был убит по приказу отца, т.е. Дондук-Омбо, Галданом-Нормой, то он пристал к Дондук-Омбо и вместе с ним вернулся к Волге, и с той поры и доныне находится в калмыцких улусах для торгу. Между тем, введя в армянский закон одну калмычку, женился на ней и имеет от нее одного сына и двух дочерей. При Дондук-Даши, хотя он для занятия торговлей из улусов в Астрахань отлучался и находился там лет с шести, однако в число тамошних мещан армян не приписан и числится калмыцким подвластным (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 388. Л. 69).

С увеличением русского населения на юге Европейской России, с введением в хозяйственный оборот ранее пустующих земель сокращались пастбищные территории. С середины XVIII в. в саратовском Заволжье появились поселения иностранных колонистов. Управляющий Калмыцкими делами И.А. Кишенской отправил 7 августа 1767 г. доношение астраханскому губернатору Н.А. Бекетову с массой примеров о хищениях иностранными колонистами лошадей у калмыков, о неудовольствиях наместника и владельцев. Далее он писал о том, что, боясь этих грабежей, калмыки в этом году в верхних местах не кочевали, а скучились в южных (астраханских степях), отчего в воде и корме для животных великий недостаток.

В конце своего доношения Кишенской пишет о своих тревожных наблюдениях: «Сколько мною примечено, то калмыцкий народ и без такого чинимаго им от русских людей озлобления, по причине заводимых ныне на луговой стороне для иностранцев селений в тех местах, в которых они с начала прихода в российское подданство кочевье имели и всем во оных привольством довольствовались, а ныне от того всекрайнее притеснение терпят, в немалой колебленности находятца, представляя в том несносное свое неудовольствие и оскорбление» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 388. Л. 120-125). Надо вспомнить, что это писалось буквально накануне событий января 1771 г.

Еще раньше, 31 августа 1766 г., Кишенской рапортом сообщал астраханскому обер-коменданту генерал-майору К. Розенбергу: «Пред сим неоднократно мне приносили калмыки жалобу, что стоящие от Астрахани до Царицына по казачьим станицам и дистанциям, также и по фарпостам казаки не допускают их, калмык, быть в тех местах, где напред сего они беспрепятственно кочевье имели, и не токмо со оных ссылают, но нигде им при Волге места не дают, отчего они крайнее утеснение, да и в прокормлении скота своего немалую нужду претерпевают, о чем и наместник ханства неоднократно ж мне напоминал» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 386. Л. 132). По этим жалобам послан был от Кишенского «нарочный» с приказом, чтобы казаки в неподлежащих к их станицам, дистанциям и фарпостам землях кочевать калмыкам не запрещали, на что они ответили, «что они поселены тамо с дачею (дали им – Авт.) им всех лесных угодьев и сенных покосов, которых де им против прежняго гораздо больше надобно, и затем (потому – Авт.) они не только в ближние, но и в дальние места допускать калмык не будут». «А вам известно, – продолжал Кишенской, – что калмыцкий народ почти весь по Волге располагает кочевье свое, а особенно бескотные, которые кочевать за главными улусами не могут, остаются на нагорной (правой – Авт.) стороне в займищах, куда их ныне поселенные казаки ни одной кибитки не пускают, отчего калмыки, да и сам наместник оказывает великое неудовольствие» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 386. Л. 133). Он же оповещал К. Розенберга рапортом от 2 сентября 1766 г.: «Наместник жалуется, что казаки Ветляницкой

станции, не довольствуясь захватом всех мест на нагорной стороне, еще и на луговой в урочище Цаган-Амане, где с давних пор отец его и он сам со своими улусами осенью месяца по два в одном и том же месте, до самого перехода с луговой на нагорную сторону, пребывают, всю траву выкосили, и в том ему всекрайнюю обиду сделали». Кишенской посылал осмотреть те места, о которых шла речь, и оказалось все правдой, причем выкосили именно в том месте, где останавливается наместник (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 386. Л. 138-139).

Наконец, Кишенской доносил Н. Бекетову рапортом от 4 октября 1766 г., что ныне на луговой стороне по рекам Большой и Малый Караманы поселилось немалое число иностранцев, а через эти реки не переправясь, калмыки не могут иметь торг в Саратове, куда следуя, они, по обыкновению своему, где только завидят поселение, туда и заезжают для продажи своего скота, не рассуждая, есть там бодокчей (калмыцкий представитель на базарах и иных местах) или нет, а потому их всякий обидеть может, как это произошло нынешним летом с людьми нойона Бамбара. Они ехали для продажи овец в Саратов и заехали к поселившимся на реке Большой Караман немцам колонистам, которые объявили их ворами и, сковав «в железа», привезли в Саратов в городскую канцелярию, где, по доказательству их невинности, были освобождены.

Недовольство калмыков вызывала и начавшаяся в это время практика разбора спорных дел между ними и окружающим российским населением в канцеляриях нижеволжских городов. По этому поводу наместник Убаши при личной встрече с Кишенским выразил свое крайнее неудовольствие тем, что при этом необходимо отсылать в эти города истцов калмыков. Отправлять людей в городские канцелярии они не будут: 1) раньше такого не было; 2) да и посланные до этого в Саратов, Царицын, Дмитриевск никакого удовольствия не получили и, немало пробыв там, с крайним разорением назад воротились (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 388. Л. 153).

Кишенской в рапорте Коллегии иностранных дел от 19 октября 1767 г. замечал: «И в самом деле истцы калмыки ни по одному своему делу удовольствия получить не могут, а единственно делается время от времени одна проволочка, как то в Дмитриевской комендантской канцелярии ныне тому другой год по двум делам, ...и по другим калмыцким жалобам поныне ещё следствия не окончаны» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 388. Л. 153). Ответом на представления Кишенского стал указ ему от Коллегии иностранных дел от 31 декабря 1767 г., где говорилось среди прочего о том, что его просьба иметь в городах Астраханской губернии подчиненных ему должностных лиц для разбора дел между калмыками и русскими, к тому же Коллегия считает, что они должны и в канцелярии этих городов входить с представлением о скором решении подобных дел, считается справедливой, и ему то сделать разрешается и отпускается на жалованье таким людям 500 рублей на год (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 395. Л. 59-62).

Территориальные проблемы между калмыцким населением и колонистами усложнились. В 1767 г. Кишенской встречался в селе Золотом с «главноприсутствующим» в «Конторе опекунства иностранных» бригадиром Резановым, где решили ограничить (т.е. провести границы) все занятые под селениями колонистов земли с тем условием, чтобы калмыки не приближались к дачам поселенцев на пять верст. В случае же необходимости, ради прогона скота для продажи и мены к Волге и для покупки хлеба и других необходимых товаров, назначить особые прогоны к Саратову.

По этому поводу было совещание в Москве представителей Коллегии иностранных дел и Конторы опекунства, где присутствовали Н. Бекетов, Кишенской и Резанов. Результатом совещания стал доклад, который был передан Екатерине II для конфирмации. В нем, среди прочего, говорилось: отвести для поселяющихся колонистов на луговой стороне Волги земли, простирающиеся по берегу Волги от р. Иргиз до р. Еруслан, чтобы с обеих сторон их дачи имели живые межи (т.е. реки), но в ширину назначить столько, чтоб вершины некоторых речек, текущих в тех местах, хотя бы на небольшое расстояние остались за межою, так как калмыки имеют нужду в воде во время перехода с Еруслана на Иргиз. Притом необходимо, чтоб до конфирмации не прибавлять селений колонистов, ни места, сверх уже назначенного, не добавлять под поселения.

2 апреля 1768 г. Контора опекунства прислала Кишенскому предложение расширить запретные для кочевания калмыков зоны и т.п., что противоречило договоренности Кишенского с Резановым и докладу императрице, о чем руководитель Калмыцких дел напомнил астраханскому губернатору, т.е. Н.А. Бекетову. В конечном счете проезды и прогоны к Саратову были назначены в количестве трех: 1) ниже Саратова между р. Терновкой и р. Мечетной; 2) выше Саратова, оставляя заселенную украинцами Покровскую слободу в середине; 3) к селу Малыковке (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 400. Л. 235-238). В целом это решение ущемляло права и интересы калмыков.

Донесением от 2 октября 1768 г. Кишенской доводил до сведения губернатора, что наместник выражает неудовольствие в том, что по делам русских с калмыками в Астрахани, а также с армянами, татарами и другими народами разборы происходят в магистрате, армянском радгаузе, азиатском татарском суде, но к тем разборам калмыцких бодокчеев не призывают, а решают дела сами, а о назначении по тем решениям взыскания объявляют бодокчегам задним числом. Поэтому, когда последние призывают судимых людей для исполнения назначенного судом взыскания, то они от того отпираются, якобы то наложено на них напрасно, отчего происходят немалые затруднения. Наместник просит, чтоб все такие разбирательства производились по прежним примерам, как

издревле при предках его происходило, вместе с их бодокчями, ибо если они к тому допускаемы не будут, то и определять их при городах надобности нет. По этому доношению Бекетов в соответствующие места указал производить судные дела в присутствии бодокчеев (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 403. Л. 543).

8 марта 1769 г. Кишешской рапортовал Бекетову: наместник, владельцы и зайсанги жалуются, что астраханские купцы, которые поблизости здешних мест содержат рыбные ватаги, калмыкам запрещают не только в откупных водах, но и в расположенных около ватаг озерах, собственно для пропитания их самих ловить сетями мелкую рыбу, а также и по буграм ближайшим пускать скот, хотя сами купцы своего скота при ватагах и не имеют (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 409. Л. 285). Все территориальные проблемы между калмыками и соседним населением были заглушены и отодвинуты январскими событиями 1771 г. Позже, в XIX в., вопросы землевладения и землепользования временами вновь выходили в Калмыцкой степи на передний план, но они вызывались уже другими причинами и обстоятельствами. Возвращаясь вновь в XVIII в., представляется необходимым обратить внимание на одно явление, которое бытовало в калмыцком обществе того времени и на котором в советской историографии Калмыкии предпочитали не фокусировать внимание. Между тем существенные сдвиги в методологии изучения и освещения истории, в том числе и в первую очередь отечественной, диктуют необходимость при исследовании прошлой жизни того или иного народа нашей страны исходить из принципа объективной истины.

Продажа и дарение людей

В России XVIII в. при существовании крепостного права продажа и дарение людей не были столь уж редким явлением, существовали они и в калмыцком обществе. В русском населении право продажи людей принадлежало дворянам, у калмыков продавали и простолюдины, хотя официально это не разрешалось, особенно вольных людей. Жена Чакдорчжаба, Джала, писала 11 февраля 1713 г. астраханскому коменданту М.И. Чирикову: «У наших попов ушли дворовые две девки, и вы одно девку нам отдали, а другую оставили у себя, и которую оставили девку и тое девку хотел ты у меня просить; и нам отдать нельзя для того, что те калмыки у нас вольные люди, а буде бы полонка (пленная – Авт.) или татарка, или иных родов какая-нибудь, мочно бы вам отдать. А по нашему закону своего калмыцкого роду отдать нельзя» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 14). Мы увидим далее, что этот «закон» на практике не соблюдался.

В декабре 1741 г. В.Н. Татищев, ознакомившись с обстановкой, писал вице-канцлеру, небезызвестному А.И. Остерману: из улуса Джан много продается людей из числа захваченных ею у других владельцев пленных – на Кубань, в горы Северного Кавказа, астраханским татарам, «чрез что весь калмыцкий народ вскоре исчезнуть может». Здесь же он высказывал свое мнение: выход из сложившейся ситуации виделся ему в запрете покупать калмыков нерусским народам при строгом контроле за этим со стороны местной администрации. Русским же покупать позволить, но в здешних городах купленных не держать, а выводить в Русь и отдавать комендантам, за которых из казны платить от 10 до 15 лет (продаваемым – Авт.) по 15 руб., от 15 до 40 лет по 25 руб., которых можно употребить в службу вместо рекрут, в чем немалая польза быть может (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 133. Л. 25-26). Это предложение астраханского губернатора и одного из первых русских историков поддержано не было.

За три года до него, как бы предваряя его мнение, царицынский дворянин Я. Татаринов объявлял в царицынской городской канцелярии: «что как прошлого 1738 зимним, так и нынешняго 1739 годов летним временем при бытности ево на имеющемся при Царицыне калмыцком торгу в продаже розсианом от калмык их люди, как большаго, средняго, так и малаго возрастов мальчики и девочки находились, а имянно большие по осьми рублей, средние по пяти рублей, малолетные по рублю по двадцати копеек» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 115. Л. 107). Разумеется, здесь надо учитывать курсы тогдашних денежных единиц.

В декабре 1741 г. наместник Дондук-Даши говорил В.Н. Татищеву, что он во всех улусах запретил продавать калмычат, только имеется здесь, в Астрахани, «у татар и бухарцев в покупке оных немалое число». Наместник просил, чтобы Татищев запретил этим людям впредь заниматься подобной покупкой, а имеющихся у них уже купленных – переписать (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 132. Л. 217). Предпринимаемые меры по запрету продажи людей не помогали. Возникают вопросы: кого продавали, кто продавал и почему продавал?

Во время болезни В. Татищева Калмыцкими делами управлял коллежский асессор Ф. Черкесов. Он, будучи в марте 1745 г. в улусе наместника, спрашивал Эби-гелюна, с которым был в дружеских отношениях, «для чего так калмыки много своих ясырей (пленников, невольников – Авт.) продают?»

Собеседник со знанием дела отвечал ему: «От скудости, ибо податей берут много, а прибыли ниоткуда нет, а раньше калмыки отгоном скота от казаков и от татар богатели, а ныне между собою воруют и разоряются. К тому же от наместника определяемые судьи каждый разбогатеть хочет, а наместник судей не очень в страхе содержит, и таким образом принуждены и холопей продавать» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 181. Л. 209). Ему же говорил зайсанг Шонхолдок, Саков сын, что «калмыки в крайнее убожество от великих податей пришли, и столько де наместнику не зберут, сколько

зборсчики себе набрали. Посмотри де тех калмык, как набогатились, которые с наместником вверху задержаны были (при правлении Дондук-Омбо его соперник Дондук-Даши временно был поселен на р. Самаре в Симбирской провинции). Ныне оные все зайсангами стали, и цоохуровы богатые улусы почти скудными сверстали, и ныне де многие улусы в великих долгах находятся» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 181. Л. 209).

Ф. Черкесов спросил: «Что ж ты и другие зайсанги об этом наместнику не доносите». На что Шонхолдок ответил: «Разве ты привычки наместниковой не знаешь, если кто-нибудь ему что-то предложит, тотчас резолюцию учинит, а исполнится ли тот приказ, до того ему дела нет, и хотя он сам о чем-нибудь услышит, сделает вид, что это его не касается». Некоторые зайсанги о положении дел ему докладывали, и от него приказ есть о податях сделать рассмотрение, но только бывшие при нем вверху зайсанги до того не допускают, и что хотят, то и делают (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 181. Л. 212-213).

Продажи людей увеличивались во время междоусобий. В то время, когда Дондук-Омбо в борьбе за власть уходил на Кубань, убежавший от него калмык владения бывшего тогда ханом Церен-Дондука показывал: «Да как он, Дундук Батыр, был при улусах Дундук Амбы, то владения ево люди Черен Дундуковых калмык брали себе по приказу Дундук Амбы и продавали кубанцам, крымцам и азовцам, и торгуют де все Черен Дундуковыми людьми» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 66. Л. 152). Позже, когда его правление клонилось к закату, побывавший у солтанульских татар дворянин Яков Ахматов сообщил руководителю Калмыцких дел полковнику Л. Боборыкину, что калмыки продают мурзам «жон и детей своих...». Последний довел сообщение до хана и запрещал не вообще продажу, а чтобы продавали только русским. Дондук-Омбо ответил, что калмыки пришли в самое убожество (к чему приложил руку и он сам – Авт.) и от того принуждены жон и детей своих продавать, а русским не продают потому, что те мало платят, чем татары» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 123. Л. 50-50об.).

Иногда «продажа» и «купля» были довольно необычными. 6 июля 1733 г. занимающий в Саратове воеводскую должность капитан Суровцев написал доношение в канцелярию Симбирской провинции. 21 мая этого же года письменно оповестил его нойон Лабан-Дондук, что у людей его, живущих в селе Мальковке, украли мальчика. Оказалось, что того мальчика видел дворцовый крестьянин Яков Матвеев в Симбирском уезде в вотчине майора Данилы Симонова в селе Каранине у крестьянина Якова Китаева.

Мальковский управитель Тимашев, взяв отца мальчика Утачу, ездил в Симбирск и воеводе Гурьеву, подал доношение, но тот, «знатно по стачке (сговору – Авт.) с ним, Симоновым, или изо взятков решения никакого не учинил». Воевода взял Утачу «к себе в хором», не пуская Тимашева с его толмачом, через другого местного толмача Яфкая о чем-то разговаривал с Утачей. Но Тимашев узнал, что Гурьев при Симонове говорил Утаче: если сын найдется и скажет, что к отцу не пойдет, то Утача получит немалую плату. Потом Гурьев сказал, чтобы Утача ехал домой на месяц, а Симонов, как разыщет его сына, пришлет в город с крестьянином Яковом Китаевым. Послан был солдат Яков Гладышев для взятия мальчика и крестьянина, но последнего дома не оказалось, а мальчика не дал Симонов, сам, мол, будет в городе. О доставке в суд этих двух лиц Симонов дал в Симбирске подписку 27 июля (доставить должен до 4 августа) (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 72. Л. 291-291об.).

13 августа Симонов подал челобитную, что Китаев бежал с несколькими его людьми, а Шору Утачина объявил при подаче прошения. В допросе он сказал, что зовут его Алексеем Петровым, а калмыцкое было Шорой Утачин, Четерева улуса, у которого пас он рогатую скотину, а потом сбежал оттуда в Терсинскую слободу к крестьянину, как зовут, не знает. Тот отвез его в тот же день в вотчину Симонова в с. Каранино и отдал самому ему, у него и жил, а в 1732 г. крещен. После допроса отдан Симонову под расписку (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 72. Л. 294).

Вскоре события дали резкий поворот. Караульные солдаты в Симбирске привели в канцелярию калмычонка «в красном суконном ветхом камзоле, боса, да при нем же была шляпа ветхая». Это был Алексей-Шорой. Он поведал, что пас скотину под селом Мальковкой, и приехали из с. Терсы два человека на саях, кто они – не знает, поймали его, били плетьюми, посадили в сани и привезли в с. Терсу, куда приехали крестьяне Симонова, которые доставили его прямо к своему хозяину. Оказывается, на первом допросе Шорой, по научению Симонова, врал. Яков Китаев никуда не бежал, живет у себя (Симонов дал ложные показания) и даже в сентябре привел хозяину малолетнюю калмыцкую девочку, которая крещена попом Иваном Антоновым. За ним посылали три раза, но якобы «не сыскали». Шора был прислан в Контору калмыцких дел г. Саратова. Окончательно дело решилось тем, что с Симонова определили взыскать за крещение 30 рублей, а Шору определить «в надлежащую службу» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 72. Л. 293, 294об.-295). Описанный выше случай показывает, что в XVIII веке в определенных кругах дворянства – более всего в аристократических – была, если так можно выразиться, мода иметь в своем владении калмыцких детей обоего пола. Как мы видим, желание это достигалось и недозволенными методами.

Впрочем, можно было действовать вполне легально. Ниже воспроизведем с небольшими сокращениями одну просьбу, которая скажет сама за себя. Ее подал в Саратове 30 ноября 1734 г. посадский человек города Орла Иван Федорович Иноземцов на имя императрицы Анны Иоанновны. После пышного титула адресата орловец пишет: «Сего ноября 6-го дня купил я... в Саратове у обретающейся при Саратове некрещеной калмыцкой бабы Дегара сына Азла семи лет, на которого

дала она мне в продаже письмо, а при той продаже свидетели были некрещеные ж калмыки Далхур и Шарап, а крещеной Сандер Иши. И тому их письму владением впрок (так в тексте; речь идет о том, что по этому письму владеть купленным мальчиком орловец опасается – Авт.) надежды я не имею, чего для и держать его у себя опасен».

Всемилолюбивейшая государыня императрица, прошу вашего императорского величества да повелит державство ваше показанное данное мне от помянутой бабы Дегара в продаже на сына Азла письмо к калмыцким делам принять и с того, також и с сего челобитья за свидетельством дать мне копию». Речь здесь идет о том, что простую расписку Дегары могли принять за недостоверную, и Иноземцов перестраховывается, прося официальный документ. Здесь важно подчеркнуть, что такую куплю считают вполне законной (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 72. Л. 419).

Однако незаконные купли продолжались. 10 марта 1734 г. в Астраханской конторе татарских и калмыцких дел присланный от ханши Дармы-Балы посланник Чамчо представил калмыка Дюшея. Тот объявил, что отняли у него двух братьев солдаты команды поручика Ащерина, согласясь с калмыками. Одного солдата он знает, фамилия его Кулаков. Последний был найден и подвергнут допросу. По его словам, на форпосте астраханского драгунского полка поручик Данила Ащерин назад с неделю или больше призвал его к себе и сказал, чтоб он поискал калмыков, купить двух калмычат.

Кулаков ответил, что без посредничества собственно калмыков сделать это трудно. Ащерин сказал, чтоб взял калмыка из кочующих поблизости форпоста. Кулаков взял знакомого ему некоего Булатку, с которым, ходя по кибиткам, спрашивал о продаже, но никто не продал. Об этом Кулаков донес Ащерину и вышел во двор, где Булатка и товарищ его Лозон стали ему говорить: иди к поручику и скажи, что мы ему доставим двух калмычат, только пусть заплатит «за труды». Ащерин велел позвать доставальщиков и сказать им, что, если они достанут требуемое, он им хорошо заплатит. С ними поручик послал двух драгун. Все они приехали на лошадях к кибиткам, от рыбной ватаги в полутора верстах, вошли в одну из них и взяли «сильно» двух калмычат по указанию калмыков-сообщников, т.е. Булата и Лозона, и доставили поручику, который дал им деньги, сколько – Кулаков не знал (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 69. Л. 427-428об.).

Официально считалось, что простолюдины не имеют права продавать людей. Например, секунд-майор П. Гак, бывший на Дону для розыска и возвращения в улусы некрещеных калмыков, уведомлял астраханского губернатора А.С. Жилина доношением от 27 ноября 1755 г.: «Тажкож нашлось несколько ясыря, о которых объявляли, якобы куплены в улусах, а писем и достоверного свидетельства не представляли. По большей же части тот ясырь покупан не у владельцев или зайсангов, но у подлых (простолюдинов – Авт.) людей, кои никакого права продать не имеют» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 285. Л. 8-9). Однако архивный материал показывает, что продавали.

Надо отметить, что покупателями продаваемых людей были и духовные лица. За 1762 г. сохранились показания некоего Кобеня (Ковюна) Очирова сына, 47 лет, пришедшего в Енотаевск для крещения. Владения он был наместника Убаши, Керетева улуса, аймака зайсанга Шарап-Доржи. Однако отец, мать, а в малолетстве и он, были в ведомстве керетева же зайсанга Биоко (Бёко) Марсана, где родители его оба умерли, а он лет с тринадцати продан тем зайсангом «попу Лузан гелюнг», который женил его на имеющейся у него в холопстве девке, с которой прижил детей: трех сыновей и трех дочерей. В недавнем времени одну девочку тот гелюнг отдал в приданое за своей дочерью, а ныне и последних его детей, неведомо за что, хочет продать. У этого Кобеня у жены дед был русский пленник, который бежал на Дон, оставив семью в улусах. Она была Икицатанова улуса, после смерти родителей осталась круглой сиротой и жила того же улуса в аймаке зайсанга Доди, который и продал ее попу Лоузанг гелюнг. Семья была отправлена в Ставрополь-на-Волге, где жили крещеные калмыки (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 339. Л. 168-169).

В том же 1762 г. управляющий Калмыцкими делами А. Бехтеев писал наместнику Убаши: подвластный ваш Цорик Гецюль просил меня, что дядя его Сетерту-Дамбо гелюнг купил на собственный свой скот 19 кибиток людей да особо двух мужчин холостых, а как он умер, то из тех людей 13 кибиток и 25 лошадей отнял зайсанг Джанчип и не отдает (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356. Л. 458-459).

От тех же 60-х гг. XVIII в. дошли два примечательных свидетельства. Некий калмык Энкеш, выходец из Джунгарии, просил Н. Бекетова, что бывшую у него семью его холопа в трех душах наместник взял насильно и отдал «фабриканту Садыку». Из того числа за одного человека приказал с Садыка взять деньги, а если подлежащей цены Садык не захочет платить, то Энкешу взять человека обратно к себе. В числе тех холопов была одна «девка» двадцати лет, за которую Энкеш требовал 100 руб., а Садык давал лишь 30. Энкеш хотел взять девушку обратно, но «фабрикант» не отдавал. Этот Садык был владельцем шелкоткацкой фабрики. Через подарки наместнику он выпросил от него письмо об освобождении из холопства вышедшего на Волгу вместе с калмыками из Джунгарии перса Абдул Керима с женой его казашкой и дочерью. Вот о них то и зашел спор. В конечном счете Энкеш обошелся 30 руб. и какими-то подарками (Ф. И-36. Оп. 1. Д. 365. Л. 34-35).

Раз уж речь зашла о персах, то с ними связаны еще два случая. Дошло в октябре 1734 года до сведения саратовской администрации, что персидский посланник, бывший проездом в Саратове, Махомет Мирза Казым купил у местного казака калмыцкую «девку», причем этот казак обещал

продать персу еще несколько калмыцких детей. По этому делу был допрошен саратовских казаков десятник Петр Баранников. Он показал следующее: пришел ко мне саратовский посадский человек Михаил Федорович Шадрин, нет ли у меня продажных калмычат (вот так!). Я ответил, что одна девочка есть. Он взял ее и повел, а кому продать, не сказал. Через некоторое время опять пришел он и сказал, что продал посланнику за 14 руб. Потом еще раз пришел с персиянином и взял на нее «данное мне в продаже от калмык письмо, которую я купил во время нападения противника калмыцкого владельца Лубжи на хана Черен Дондука на приверхе реки Ахтубы». Посланник дополнительно объявил через переводчика, что купил еще одну девочку за 7 руб. Продал ее некто Сетьбежин сын «за скудость своею, не ведая о том запрещении». Решено было девочку вернуть обратно, а деньги 7 руб. посланник взять обратно отказался (НК РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 72. Л. 333-340).

Бывшие при российском дворе два персидских посла, Махомед Ризахан и Теибхан, просили дать разрешение купить в Астрахани 10 человек малолетних калмычат обоего пола. Им ответили: такое разрешение дать нельзя, так как иноземцам запрещено покупать россиян любой нации. Однако им дано знать, что если они найдут в Астрахани «продажных у кого из калмыцкой нации людей добровольно и некрещеных, то они могут оных купить без разглашения» не более 10 человек. Эту секретную инструкцию предписано отдать для исполнения астраханскому губернатору. Подлинник подписали в Санкт-Петербурге 4 февраля 1740 года Х. Миних и Петр Курбатов (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 75. Л. 306-307).

Наконец, немного о «презентах», то есть о подарках представителей калмыцкой знати таковым же в российском правительстве и местной администрации. Нойон Лабан-Дондук и его мать Доржи-Церен, а также их родственники просили царицынского коменданта П. Кольцова отправить их посланцев ко двору «с письмами и с презентом для поздравления и донесения о некоторых их делах». В презент посылали 15 мальчиков и девочек (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1051). Позднее вице-канцлер А. Остерман поблагодарил Лабан-Дондука: «Я за присланного от вас ко мне черкесского ребенка и от княгини вашей белой шубы вам благодарствую» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 114. Л. 1370б.). Остерману же прислал Дондук-Омбо через посланца своего знатного зайсанга Самтана «двух кубанских из нынешнего взятъя робят», то есть после успешного похода на кубанских татар в 1737 г. (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 113. Л. 65).

Управляющий Калмыцкими делами А. Бехтеев подал объявление, где, перечислив, сколько у него имеется подаренных ему наместником ханства и другими нойонами «в вечное владение» калмыцких семей, а также подаренных поодиночке мальчиков и девочек, просил дать отпись, то есть зафиксировал их за собой (купчая крепость) (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356. Л. 310-311). И последнее, заглянем на минутку на самый верх. Перед нами письмо выдающегося государственного деятеля, воспитателя Павла I, фактического руководителя внешней политики России в 60–70-х гг. XVIII в. Н.И. Панина астраханскому губернатору Н.А. Бекетову из Санкт-Петербурга от 21 октября 1771 г. Вот что пишет граф: «Имея надобность в мальчике и девочке калмыцких от семи до десяти лет, и которыя были б в собственном своем калмыцком роде хороши, то есть широколицыя и с малыми глазами, я покорно ваше превосходительство прошу пожаловать приискать таких купить. Издержанные деньги вам верну» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 432. Л. 108).

Судьба калмыков, попавших таким образом в число «челяди» представителей российского дворянства, причем верхнего, аристократического его слоя, складывалась по-разному. Многое здесь зависело от характера и привычек их господ. Вот что пишет в своих записках князь П.В. Долгоруков (1816–1868 гг.): «Мой дед заехал раз летом на Петербургскую дачу к княгине Голицыной, жене фельдмаршала. «Ах, князь, как я вам рада», встретила она его – «дождь, гулять нельзя, мужа нет, я умираю от скуки и собиралась, для развлечения, велеть пороть моих калмыков». Княгиня была рожденная Гагарина, кавалерственная дама, сестра графини Матюшкиной, личного друга императрицы Екатерины II. В ее салоне собирался цвет лучшего общества Петербурга» (Вокруг трона, 1989: 25). Везло тем калмыкам, которые еще в детстве попадали в семьи высокообразованных, гуманно настроенных дворян. Многим, кто знакомился с жизнью и творчеством А.С. Пушкина, известен факт, относящийся к 1818 г., к периоду существования литературного кружка «Зеленой лампы». Вот как он выглядит в передаче Я.Н. Толстого, участника кружка: «Заседания наши оканчивались обыкновенно ужином, за которым прислуживал юный калмык, весьма смышленный мальчик... Он [Пушкин] иногда говорил: «Калмык меня балует; Азия протезирует Африку!» (Разговоры..., 1991: 8).

Наиболее одаренные из числа таковых навечно остались в российской и калмыцкой истории: это имена художников Федора Ивановича Калмыка (1764–1824), Алексея Егоровича Егорова (1776–1851), гидротехника Михаила Ивановича Сердюкова (1677–1754) (Очерки..., 1967: 398-399, 421-422).

5. Заключение

Как показывают архивные материалы о калмыках, относящиеся к XVII в., отношения их с соседями, в том числе с русскими, были, мягко говоря, часто довольно натянутыми. Пришельцы, каковыми были тогда калмыки в первую очередь, осваивали новые и незнакомые до поры до времени

степные территории в порядке, так сказать, военной разведки. Тайши давали шерти, где говорилось о мирных отношениях, в реальности как раз случались набеги на российские жилища.

В XVIII в. дело изменяется. Столкновения случались, но теперь они больше всего носили бытовой характер и разбирались соответствующими административными учреждениями на местах. Калмыки в этом веке уже реально не осваивали, а обживали заселенные ими территории. Что касается продажи и купли людей, какими бы они ни казались на наш современный взгляд, тогда они были обычными и узаконенными.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Литература

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- Бакаева, 1994** – Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии: историко-этнографические очерки. Элиста. 1994. 128 с.
- Бакунин, 1995** – Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев: сочинение 1761 года. Элиста. Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Батмаев, 1993** – Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт: в 2 книгах. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993. 381 с.
- Батмаев, 2008** – Батмаев М.М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2008. 256 с.
- Батыров, 2014** – Батыров В.В. Очерки истории традиционной культуры калмыков последней трети XVIII – первой половины XIX вв. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 250 с.
- Вокруг трона, 1989** – Вокруг трона. Из записок князя П.В. Долгорукова. Время Императора Петра II и Императрицы Анны Иоанновны. Волгоград: Ниж.-волж. кн. изд-во, 1989. 512 с.
- Дуброва, 1998** – Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.
- Душан, 1976** – Душан У. Обычай и обряды дореволюционной Калмыкии // *Этнографический сборник*. 1976. № 1. С. 5-88.
- Костенков, 1870** – Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870. 368 с.
- НА РК** – Национальный архив Республики Калмыкия.
- Небольсин, 1852** – Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1852. 192 с.
- Очерки..., 1967** – Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 480 с.
- Пальмов, 1929** – Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 3–4. Астрахань: Издание Калм. обл. исп. комитета, 1929. 391 с.
- Разговоры..., 1991** – Разговоры Пушкина: Репринт. Воспроизведение изд. 1929 г. / Сост. С. Гессен, Л. Модзалевский. М.: Политиздат, 1991. 318 с.
- Цюрюмов, 2007** – Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 464 с.

References

- AVPRI** – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire].
- Bakaeva, 1994** – Bakaeva, E.P. (1994). Buddizm v Kalmykii: istoriko-etnograficheskie ocherki [Buddhism in Kalmykia: historical and ethnographic essays]. Elista, 128 p. [in Russian]
- Bakunin, 1995** – Bakunin, V.M. (1995). Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo i postupkov ikh khanov i vladel'tsev: sochinenie 1761 goda [Description of the Kalmyk peoples, and especially of them the Torgout and the deeds of their khans and owners: an essay of 1761]. Elista, 153 p. [in Russian]
- Batmaev, 1993** – Batmaev, M.M. (1993). Kalmyki v XVII–XVIII vekah. Sobytiya, lyudi, byt [Kalmyks in the 17th-18th centuries. Events, people, life]. Elista: Kalmknigoizdat, 381 p. [in Russian]
- Batmaev, 2008** – Batmaev, M.M. (2008). Sem'ya i brak v traditsiyakh kalmykov [Family and marriage in the traditions of the Kalmyks]. Elista, 256 p. [in Russian]
- Batyrov, 2014** – Batyrov, V.V. (2014). Ocherki istorii traditsionnoi kul'tury kalmykov poslednei treti XVIII – pervoi poloviny XIX vv. [Essays on the history of the traditional culture of the Kalmyks in the last third of the 18th – the first half of the 19th centuries]. Elista, 250 p. [in Russian]
- Dubrova, 1998** – Dubrova, Ya.P. (1998). Byt kalmykov Stavropol'skoi gubernii [Life of the Kalmyks of the Stavropol province]. Elista, 181 p. [in Russian]

- Dushan, 1976** – Dushan, U. (1976). Obychai i obryady dorevolyutsionnoi Kalmykii [Customs and rituals of pre-revolutionary Kalmykia]. *Etnograficheskii sbornik*. 1: 5-88. [in Russian]
- Kostenkov, 1870** – Kostenkov, K.I. (1870). Istoricheskie i statisticheskie svedeniya o kalmykakh, kochuyushchikh v Astrakhanskoi gubernii [Historical and statistical information about the Kalmyks nomadic in the Astrakhan province]. St. Petersburg, 368 p. [in Russian]
- NA RK** – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [National Archives of the Republic of Kalmykia].
- Nebolsin, 1852** – Nebolsin, P. (1852). Ocherki byta kalmykov Khoshoutovskogo ulusa [Essays on the life of the Kalmyks of the Khoshoutovsky ulus]. St. Petersburg, p. [in Russian]
- Ocherki..., 1967** – Ocherki istorii Kalmytskoi ASSR. Dooktyabr'skii period [Essays on the history of the Kalmyk ASSR]. M., 1967. 480 p. [in Russian]
- Palmov, 1929** – Palmov, N.N. (1929). Etudes on the history of the Volga Kalmyks [The Studies on the history of the Volga Kalmyks]. Ch. 3–4. Astrakhan': Izdanie Kalm. obl. isp. komiteta, 391 p. [in Russian]
- Razgovory..., 1991** – Razgovory Pushkina: Reprint. Vosproizvedenie izd [Pushkin's Conversations]. 1929 g. Sost. S. Gessen, L. Modzalevskii. M., 1991. 318 p. [in Russian]
- Tsyuryumov, 2007** – Tsyuryumov, A.V. (2007). Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii [The Kalmyk Khanate within Russia: Problems of Political Relations]. Elista, 464 p. [in Russian]
- Vokrug trona, 1989** – Vokrug trona. Iz zapisok knyazya P.V. Dolgorukova. Vremya Imperatora Petra II i Imperatritsy Anny Ioannovny [Around the Throne. From the notes of Prince P.V. Dolgorukov. Time of Emperor Peter II and Empress Anna Ioannovna]. Volgograd, 1989. 512 p. [in Russian]

Из истории калмыцкой повседневности в XVIII веке

Максим Манчиевич Батмаев ^{a, *}

^a Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены взаимоотношения калмыков с соседними народами в XVIII веке. В это время они занимали своими кочевьями южнорусские степи от Дона до Яика. На юго-западе территории своего кочевания калмыки имели отношения с Крымским ханством и донскими казаками. На юге – с кубанскими татарами, основную массу которых составляли ногайцы, вытесненные калмыками из междуречья Волги и Яика. Менее интенсивными были связи с народами Северного Кавказа, кроме ряда кабардинских князей. На юго-востоке основными соседями были казахи. На северных границах своего проживания калмыки взаимодействовали уже с российским населением, в основном с русскими, а также с башкирами.

В XVII веке, занятые в основном освоением новых мест своего обитания, калмыки контактировали с российским населением чаще всего спорадически, и контакты не всегда, если не сказать более, были мирными. В XVIII веке обстановка постепенно, но теперь уже без перерывов, меняется к лучшему. Вооруженные набеги исчезают; все больше отношения становятся мирными, происходят первые шаги аккультурации калмыков. Идет она подспудно: через переселение русского населения в Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и частично на земли Калмыцкой степи; уход калмыков в соседние города для найма на различные работы; занятие не скотоводческими работами; христианизацию и т.д.

Попадали в калмыцкое общество и представители других народов, чаще всего через плен: кубанские и крымские татары, ногайцы, башкиры и те же русские. Они нередко создавали с калмыками смешанные семьи – ко всему прочему, этот процесс имел влияние на антропологический тип части калмыков.

Ключевые слова: повседневность, заданность повседневности, хозяйственно-бытовые реалии, взаимоотношения народов, аккультурация, переход к мирным отношениям.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: maximbatmaev@yandex.ru (М.М. Батмаев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2022. 17(3): 1093-1101
DOI: 10.13187/bg.2022.3.1093

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Situation of the Kazakhs after the Entry of the Kazakh Steppe into the Russian Empire in the XVIII-XIX centuries

Arman A. Umarov ^{a, *}, Baurzhan N. Abdrakhmanov ^a, Anara E. Karimova ^a, Gulmira E. Oteпова ^a

^a Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Abstract

The authors of this article researched the situation of the Kazakhs after the entry of the Kazakh steppe into the Russian Empire. Having worked through archival sources, the Finished Collection of the Russian Empire's Laws, the testimonies of contemporaries and the research of scientists, the authors come to the inference that the social processes that took place from the end of the 18th – 19th centuries, it little studied and have not lost their relevance.

Russian and Kazakh historians studied the accession of the Kazakh steppe in a political context, considered questions about relations and diplomatic connections, the reasons that led to the dependence of the latter, which often led to various disputes. This article does not consider political discussions and the reasons for the accession of Kazakhstan to the Russian Empire.

The key issue in the article is the including problems of conventional Kazakhs in the new management system, the social polarization of society, the change in the traditional way of life, the emergence of slavery, which is the novelty of the study of this article.

Keywords: position of the Kazakhs, dependence, zhataki, nomadic economy, agriculture, arable farming, liveless, crisis, slavery, social polarization.

1. Введение

Исследование положения казахов в составе Российской империи на рубеже XVIII и первой половине XIX вв. требует обращения к его историческому прошлому. По сведениям А.И. Левшина, положение казахов в XVIII веке описывается так: измученные и стесненные со всех сторон враждующим окружением и ежеминутно ожидавшие новые потери людей и имущества, они жили в ожидании новых страданий (Левшин, 1832: 178).

Т.Ж. Шоинбаев в своей работе особо подчеркивал, что к моменту присоединения Казахстана к России кочевое общество казахов переживало глубочайший кризис. Включение Казахской степи в состав Российской империи – сложный процесс, длившийся долго и определявшийся сочетанием разных обстоятельств и факторов (Шоинбаев, 1982: 5).

Но изучение положения казахов в составе Российской империи без политического контекста до сегодняшнего дня является научной проблемой, требующей своего разрешения.

2. Материалы и методы

В нашем исследовании были использованы источники, архивные материалы, сборники опубликованных документов.

* Corresponding author

E-mail addresses: arman.umarorov77@mail.ru (A.A. Umarov),
abdrakhmanov_bayr@mail.ru (B.N. Abdrakhmanov), akeo73@mail.ru (A.E. Karimova),
g.otepova.hist@mail.ru (G.E. Oteпова)

Архивные материалы представлены документами Архива внешней политики Российской Федерации, Центрального государственного архива Министерства культуры и спорта Республика Казахстан.

Наряду с архивными материалами, были использованы и сборники документов, например «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ РИ).

Важное внимание уделено и материалам личного происхождения, а именно мемуарным произведениям, дневникам и т.п. Здесь важно отметить следующие работы: А.И. Левшина «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей» (Левшин, 1832), Л.Л. Мейера «Киргизская степь Оренбургского ведомства» (Мейер, 1850), А.А. Кауфмана «Отчет старшего производителя работ Кауфмана по командировке в Тургайскую область для выяснения вопроса о возможности ее колонизации» (Кауфман, 1897), П. Сартори «Эксперименты империи» (Сартори, 2019), Р. Темиргалиева «Казахи и Россия, история казахского ханства» (Темиргалиев, 2019), С. Акимбекова «Казахстан в Российской империи» (Акимбеков, 2018).

В работе в качестве источника был также использован журнал «Актюбинский городской вестник» (1913 г.).

Методологической базой исследования послужили подходы к изучению отечественной истории, опирающиеся на достижения современной российской и казахстанской историографии, а также результаты зарубежной исторической науки.

Методы исследования: историко-этнографический, с помощью которого мы попытались воссоздать ретроспективную реконструкцию положения казахов в колониальный период; сравнительно-исторический метод позволил определить тенденции развития международных отношений в Центральной Азии, эволюцию господствовавших длительное время концепций вхождения части территории казахов Младшего, Среднего и позднее Старшего жузов в Россию и положение казахов, в частности.

3. Обсуждение

Вопросы о положении казахов после вхождения в Российскую империю нашли свое отражение в исследовательских трудах видных ученых Казахстана и России. Наиболее ценными являются труды исследователей – современников событий, многие из которых являлись чиновниками, служившими в Российской империи на территории Младшего и Среднего жузов.

В трудах П.И. Рычкова «История Оренбургская» (1730–1750) содержится богатейший материал о хозяйстве и быте казахов. Различные стороны их общественных отношений описаны в трудах П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (Паллас, 1809), И. Фалька «Полное собрание ученых-путешественников по России» (Фальк, 1824), И.Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» (Георги, 1799).

Не менее интересные сведения оставил русский посол А. Тевкелев. В его записках имеются данные о социальных разделениях в казахском обществе, а также показан сам ход присоединения казахов к России. В целом все эти источники позволяют получить представление об общественной жизни казахов и его социальных особенностях.

С начала XIX в. изучение территории казахов Младшего и Среднего жузов становится более подробным. В это время организовываются всевозможные экспедиции географического, исторического, этнографического характера. Среди исследователей можно назвать Ф. Назарова, Н. Муравьева, Г. Спаскова, а также А.И. Левшина, более подробно описавшего традиционный образ жизни казахов XVIII–XIX вв., и др.

В советской историографии основное внимание уделялось проблемам классовой борьбы конкретных представителей взаимодействующих сторон. Наиболее важными для нашего исследования являются работы Е.Б. Бекмаханова «Казахстан в 20-е – 40-е годы XIX века» (Бекмаханов, 1992), С.З. Зиманова «Общественно-политические взгляды Мухамеджана Сералина» (Зиманов, 1989), Б.С. Сулейменова, В.Я. Басина «Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века» (Сулейменов, Басин, 1981), Н.Г. Аполовой «Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в.» (Аполова, 1948), Т.Ж. Шоинбаева «Добровольное вхождение казахских земель в состав России» (Шоинбаев, 1982).

По мнению Р.Ю. Почекаева, российские исследователи, занимаясь вопросами политико-правового развития Казахстана, попутно решали проблему своеобразной «реабилитации» российской имперской политики (Почекаев, 2017: 14).

4. Результаты

К концу XVIII в. усиливается процесс социальной поляризации, принимающий все более открытые и острые формы. К началу второй половины XIX в. казахское общество внешне изменилось мало: в основном оно осталось кочевым и полукочевым с низким уровнем производства. Но внутри аула уже происходит социально-экономическая дифференциация, следствием чего были, с одной стороны, разорение рядовых казахов, с другой – рост богатства в руках небольшой группы.

Переход казахов-кочевников на оседлый образ жизни привел к ухудшению их материального положения. Говоря о проблеме обнищания казахов, А.И. Левшин выделяет экономическую нецелесообразность перевода кочевников из традиционного уклада хозяйствования в сельскохозяйственную отрасль (Левшин, 1832: 30).

Известный путешественник хорунжий Н.И. Потанин в своей работе «Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия» писал об «удручающем» положении казахов.

Климатическая особенность и природные условия наложили особый отпечаток на формы хозяйствования на территории современного Казахстана в XVIII–XIX веках: основной деятельностью хозяйствования были различные формы ведения скотоводства.

По мнению российского правительства, развитие земледелия было одной из форм управления кочевыми казахами. Для этих целей во внешнем округе Омской области в течение 10 лет применялись различные виды поощрения в виде зернового хлеба и орудия земледелия (ПСЗ РИ, 231: 10).

Известный историк советского периода Т.Ж. Шоинбаев отмечал, что, согласно запискам местной администрации, киргизское общество разделилось на две равные части: на богатых киргизов, владеющих значительным количеством скота, и на работников (Шоинбаев, 1982: 5).

По реформе 1861 года земли, до того считавшиеся собственностью казахского общества, перестают быть таковыми – их причислили к государственной собственности. Но «новый порядок» в казахстанском землевладении вовсе тогда не исключал и формирование, в пределах современного Казахстана, частной собственности.

По положению 1891 года в разделе «Поземельное устройство» определялись земли, находившиеся в ведении местного кочевого и оседлого населения. Согласно положению, местное население имело право на землю, отведенную для их пользования в качестве зимних стойбищ. Они могли обрабатывать данную землю, разводить на ней сады, огороды и зерновые поля, а также возводить жилые хозяйственные постройки. Возделываемая земля переходила по наследству. Земли могли использоваться либо для ведения земледелия и строительства, либо для размещения заводов и мельниц (ПСЗРИ, 230: 143-145).

В конце XIX – начале XX веков соглашения и договоры заключались не с казахским обществом, подлинным собственником, а с российским государством. Так, например, 2 июня 1900 года «Товариществу нефтяного производства братьев Нобель» было разрешено приобретать (в собственность или в аренду) земли в Туркестанском крае «для устройства нефтяных и керосиновых складов». Но так, чтобы «служащие и уполномоченные представители Товарищества в Туркестанском крае не могли быть лицами, не имеющими права по закону на недвижимость в указанном регионе» (ПСЗРИ, 233: 577).

В хозяйственной жизни и социальной сфере казахского общества происходили структурные изменения в связи с политической надстройкой общества. В законах Российской империи имеются данные, позволяющие проследить общественно-политическую жизнь казахов на протяжении всего периода юридического оформления присоединения Казахстана к России до его завершения. Первые документы по данному вопросу относятся к XVIII веку.

С целью получения услуг в пользу России имперская администрация интерпретировала древнее звание «тархан». Для привлечения к имперской власти влиятельных казахов возводила их в тарханский чин, представляя всевозможные льготы. Также без внимания не оставались старшины и батыры родов. Отмечалось, что за верность и достоинство могли признать их тарханами и почитать в данном чине. Впервые звание тархана было пожаловано указом императрицы Елизаветы Петровны от 11 июля 1743 года батыру Джаныбеку. В 1793 году старшина Младшего жуза Суфрубий был также возведен в «тарханское достоинство». При этом в грамоте отмечалось, что народ должен почитать тархана за верность (ПСЗ РИ, 39: 414). Первоначально звание тархана могло быть пожизненным или даже наследственным. Однако единого мнения по этому вопросу у царской администрации не было. Так, из письма тайного советника Неплюева мы видим, что тарханское достоинство вручалось казахским старшинам, но он считал, что такое достоинство нужно поощрять и у тех, кто более усерден в лояльности к имперской администрации (ПСЗ РИ, 39: 414).

В первой половине XIX века тарханы как особая социальная группа имели еще более существенную роль в общественно-экономической жизни края. Они не только возводились в это достоинство царской администрацией, но и сами стремились к этому. Так, сформировавшиеся в основном из старшин и батыров тарханы оказались выведенными из податного сословия России, – отмечает Б.Н. Абдрахманов (Абдрахманов, 2019).

Итак, ханы и султаны, потомки чингизидов, по уставу 1822 года имели права лишь как служащие, как правители «от высшего начальства, с согласия народа» (ПСЗ РИ, 207: 150). Российская администрация в Степи в качестве главного своего союзника сделала родовую знать, именуемую в Полном собрании законов Российской империи старшинами. Если раньше для избрания в ханы и султаны было достаточно происхождения и личных качеств, то с усилением влияния России в Казахской степи важна была их служба в колониальном аппарате. По сути, они становились чиновниками российской администрации, получая подарки, награды и привилегии за свою службу.

Права другой части знати были приравнены к правам остального феодального сословия. Бии, старшины и батыры, в противоположность султанам, были выходцами из кочевой родоплеменной общины, у них были «свои права», экономические выгоды. Казахские бедняки уходили к казакам в качестве рыболовов и соледобытчиков, на рудники золотодобычи, наемными рабочими к жителям Оренбургской линии. Например, в указе от 12 апреля 1820 года, данном оренбургскому военному губернатору, разрешалось казахам наниматься «в работники к жителям Оренбургской линии» (ПСЗ РИ. 207: 150).

Массовое изъятие крупными султанами, старшинами и русскими колонизаторами казахских земель во второй половине XIX века привело к появлению большого количества безземельных и бесскотных казахов – джатаков (жатаков). А.Б. Максимов дает их определение: обедневшие казахи, которые раньше занимались скотоводством, оставшись безлошадными, неспособные кочевать. Чтобы как-то существовать, поддерживать свою семью, они часто нанимались на различные работы к переселенцам-крестьянам либо сами переходили к землеобработыванию (Максимов, 1902: 117; Козыбаев, 2010: 484). А.Б. Максимов, основываясь на мнении известного русского исследователя Г.Н. Потанина, оставил свое видение этого явления, согласно которому джатак происходит от глагола «лежать», так прозывали казахов, у которых пал скот и которые не могли участвовать в традиционных откочевках (Максимов, 1902: 118; Козыбаев, 2010: 484).

В переработанном, дополненном издании «Русско-казахского словаря» «отходник» – «жатак» – охарактеризован как крестьянин, работающий по сезонам на городских предприятиях (Добросмыслов, 1909: 158; Козыбаев, 2010: 484).

Лишение домашнего скота как части казахских хозяйств приводило к резкому ухудшению имущественного положения. Гибель скота вследствие джута или его болезнь приводили к хозяйственной зависимости от своих богатых сородичей. Дело в том, что для прокормления своих стад в зимнее время казахи-кочевники большею частью не делали никаких запасов фуража, пасли огромные стада в степи, где скот добывал себе корм из-под снега (Пахомов, 1911: 22; Добросмыслов, 1894: 365; Козыбаев, 2010: 485). В случае продолжительной зимы и гололедицы или снежных буранов казахи теряли много скота. «...Упалый скот, в особенности бараны, грудями лежали на зимовках ...по невозможности зарыть в землю или сжечь», – описывал последствия джута исполняющий обязанности военного губернатора области сибирских казахов в мае 1857 г. (История Академии наук СССР, 1964: 624; Козыбаев, 2010: 485).

Джут порою тяжело сказывался и на сельскохозяйственном хозяйстве крестьян-переселенцев, ибо нередко местные казахи снабжали новых поселенцев быками и лошадьми при условии распаивания и засеивания для кочевников земельных участков. Большая часть разорившихся казахов переходила к земледелию. Объективно этому способствовали административные меры правительства, стремившегося облегчить административный надзор за устройством казахского населения, приучая его плавно переходить к сельскохозяйственному труду (Жиренчин, 1987: 132; Козыбаев, 2010: 485). Еще 23 мая 1808 г. правительство приняло решение об устройстве «бесскотных» казахов-бедняков, кочевавших по Оренбургской линии. Оно разрешило обеспечить их беднейшие слои средствами к существованию, в связи с чем было велено выделить землю селениям, которые примут киргизов (Жиренчин, 1987: 97-98; Козыбаев, 2010: 485).

Политическим целям администрации царя соответствовали меры перехода казахов к оседлому ведению хозяйства. Традиционное кочевание массы казахов на огромных степных просторах, трудно контролируемое военно-казахскими линиями и окружной администрацией, выявило трудности «обуздания» кочевников и показало выгоду создания сельскохозяйственных очагов для них вблизи военных линий. Однако все возрастающие масштабы правительственной колонизации пастбищных угодий кочевников, объявление казахских земель государственной собственностью с каждым годом усиливали угрозу для нормального функционирования традиционного скотоводства. Комиссия же по устройству переселенцев не считалась с интересами автохтонных обитателей степи. Согласно Жиренчину, переселенцы, несмотря на наличие местных бесскотных казахов-джатаков, которые могли бы потенциально образовывать поселения, занимали более плодородные и сенокосные угодья (Жиренчин, 1987: 105; Козыбаев, 2010: 485).

Правительство создавало новые поселения из числа крестьян-переселенцев, так как стремилось путем переселения крестьян из внутренних губерний, казаков из Сибири и Оренбуржья создать «новые экономические центры, производящие хлебные продукты» и обеспечить джатаков возможностью заниматься не только скотоводством, но и земледелием» (Акимбеков, 2018: 424).

Среди представителей царской администрации не было единства по вопросам оседлости казахов. 1823 году оренбургский чиновник таможи Звенигородский писал, что при свойствах земли Казахской степи она не может быть заселена постоянными жилищами и народ, в ней обитающий, должен быть кочевым и пастушеским (Шоинбаев, 1982: 113). М.А. Терентьев разъясняет позицию более обстоятельно: «До Сухтелена правительство всеми мерами стремилось приучить киргизов к оседлости, Сухтелен же провел мысль, что киргизы должны быть удержаны в кочевом состоянии, так как они могут быть полезными России, только оставшись кочевым народом, потребителем наших хлебных продуктов и мануфактурных изделий, поставщиком сырья, таких как кожа, шерсть, мясо.

Поэтому стремление некоторых линейных киргизов к земледелию не поддержалось и даже домов строить им не разрешалось» (Терентьев, 1830: 93). Сменивший Сухтелена в 1833 г. генерал В. Перовский придерживался аналогичного мнения, смотря на территории Младшего жуза как на рынок животноводческого сырья.

Подобные мнения оказали влияние на политику царского правительства в данном вопросе, взявшего курс на превращение Казахской степи в сырьевую базу российской промышленности. В 1833 г. по представлению В. Перовского Азиатский комитет принял решение о запрете казахам Младшего жуза заниматься земледелием при приграничной линии и зимовке не ближе 15-верстной полосы, отведенной русским крестьянам из центральной России для заселения (Рожкова, 1949: 210).

Автор известной работы о жизни казахов Оренбургского края И.Ф. Бларамберг отрицательно высказывался о переходе казахов к земледелию. Он считал, что пока казахский народ занимается скотоводством, он более полезен, чем его переход на земледелие (Галиев, 1998: 87; Козыбаев, 2010: 486). В.З. Галиев отмечает, опираясь на труды Завалишина, что в рационе казахов преобладала белковая пища – баранина, конина, мясо птиц, молоко, кумыс, сыр, что вполне естественно, т.к. кочевники не расположены к потреблению хлеба и поэтому не занимались земледелием (Галиев, 1998).

Вхождение в экономику товарно-денежных отношений казахского общества, обнищание местного населения, потеря скотоводческого статуса привело к вынужденной популяризации земледелия как для собственного потребления, так и для особенного товара на рынках. Приведем данные по Кокчетавскому, Атбасарскому уездам Акмолинской области: «за март 1901 г. в двух упомянутых уездах было зарегистрировано 2222 хозяйства джатаков и 2880 хозяйств «отсутствующих» (т.е. находившихся на положении джатаков), официально не зарегистрированных», – писал С.А. Урашев в своей книге «Родники просвещения», изданной в 1998 году. Если считать, что в среднем в каждой кибитке было по 5 человек обоего пола, то всего получится 11 110 джатаков. Прибавив к этому количеству людей половины «отсутствующих» кибиток, получим 19 310 человек, что составляет значительный удельный вес джатаков в общей численности кочевого населения (Козыбаев, 2010: 486).

Кроме земледельческого труда, бескотные скотоводы в поисках пропитания нанимались на работы, преимущественно в летнее время, по строительству.

И. Рамаев пишет, что в летнее время перевозка строительных материалов затруднена тем, что не находятся работники, желающие перевозить строительные материалы под палящим солнцем, кроме более приспособленных к таким природным явлениям казахов (Рамаев, 1926; Амирханов 1988: 10; Козыбаев, 2010: 486). Причем как архивные, так и печатные материалы подтверждают, что большую часть наемных рабочих составляли джатаки (Рамаев, 1926; Амирханов, 1988: 11; Козыбаев, 2010: 486).

Бескотные казахи «джатаки», часто привлекавшиеся к работе на земле, получали более низкую оплату за свой труд. В то же время крестьяне-переселенцы получали оплату в два раза больше (Айкап, 1914; Зиманов, Идрисов, 1989: 48-49; Козыбаев, 2010: 486). Строительство железных дорог в Казахстане и привлечение джатаков для выполнения строительных работ было важным для приобретения производственно-технического опыта, сформировался новый социальный слой рабочих. «Сама дешевизна постройки Воскресной железной дороги (Павлодарский уезд) многим обязана тому, что большую часть рабочих, при ее постройке составляли киргизы», – информировал своих читателей корреспондент «Тургайской газеты» (Субханбердина, 1999: 834; Атабаев, 2000: 101; Козыбаев, 2010: 487). Кроме того, часть джатаков, крайне разоренных стихийными бедствиями, находила заработок в русских крестьянских селениях, казачьих станицах. К примеру, прииртышские казаки, получив большие земельные наделы от переселенческого управления и не располагая возможностью за недостатком рабочих рук развивать свое хозяйство в «полной мере», охотно стали «пускать киргиз» не только на перезимовку, но и на летовку с отдачей им на обоюдовыгодных условиях большей части своих сенокосов (Зиманов, Идрисов, 1989: 62; Козыбаев, 2010: 487). Казахи-джатаки вместе с торговцами из Центральной Азии устраивали «полуоседлые гнезда», получившие название торговых «слободок» (Айкап, 1995; Субханбердина, 1999: 21; Козыбаев, 2010: 487).

Вблизи административного центра часто можно было встретить более зажиточных людей, которые строили и обживали новые дома, составляли часть городского сообщества (Козыбаев, 2010: 487).

Большая часть казахов-бедняков в поисках средств к существованию шла в городские поселения и впоследствии нанималась на различные работы, обживала города. Эти люди становились городскими жителями, приобретали различные профессии, были рабочим классом. К примеру, только по Кокчетавскому округу в 1856, 1857, 1878 гг. волостными управителями было выдано 236 «отпускных» билетов (Бекхожин, 1964: 70; Субханбердина, 1999: 49-50; Козыбаев, 2010: 487).

О масштабе отходничества говорит количество выданных ушедшим на заработки билетов за 1887 г.: по Усть-Каменогорскому уезду – 7 028, по Семипалатинскому – 6 728, по Зайсанскому – 706, по Павлодарскому – 2 036, по Каркаралинскому – 3 536 (Зиманов, Идрисов, 1989: 63; Козыбаев, 2010: 487). В 1895 г. волостными управителями было выдано паспортов (билетов): по Усть-Каменогорскому уезду – 7 450, по Семипалатинскому – 7 156, по Павлодарскому – 2 684, по Зайсанскому – 1 012, по Каркаралинскому – 4 438 (Аул, 1924, Козыбаев, 2010: 487). Разница в количестве выданных

билетов почти за десятилетний срок составила 3 346. Мы полагаем, что приведенные сведения не точно отражают уровень отходничества, ибо зачастую казахи уходили на заработки без паспортов, что затрудняло их регистрацию и учет. Козыбаев, опираясь на труды С.З. Зиманова, К.З. Идрисова определил, что в 1901 году в Кокчетавском уезде джатаки составляли 4,6 %, в северных волостях Атбасарского уезда – 5,3, в южных – 7,9 (Зиманов, Идрисов, 1989: 64; Козыбаев, 2010: 487). К сожалению, в материалах по переписи городского населения сведения о численности джатаков, приехавших на «отхожие» работы, встречаются весьма редко, что затрудняет их учет в городском населении. Общая численность кочевников по Кокчетавскому уезду составляла 95,4 %, остальные составляли джатаки (Козыбаев, 2010: 487).

Аграрно-переселенческая политика метрополии не только сопровождалась изъятием в пользу переселенческого фонда луго-пастбищных угодий коренных обитателей степи, но и в значительной мере усугубила и без того сложное положение джатаков, вытесненных на малопригодные участки, способствовала втягиванию Казахстана в торгово-экономический рынок России (Зиманов, Идрисов, 1989: 69; Козыбаев, 2010: 487).

На основании устава от 1822 года о сибирских киргизах зафиксирована, в том числе, одна «оригинальная» деталь, связанная с правом казахов переписываться из одного сословия в другое. Киргизы могли оставлять у себя в собственности раннее приобретенных невольников с правом их перепродажи либо наследственной передачи. Однако запрещалось владеть вновь приобретенными к неволе киргизами. О каждом приобретении, продаже, обмене ставили в известность окружной приказ. Но данным правом могли воспользоваться казахи, имеющие российское гражданство (ПСЗ РИ. 204: 430; Абдрахманов, 2019: 60-61).

Массовый уход джатаков (наряду с отмеченными обстоятельствами) на предприятия горной, горнодобывающей и угольной промышленности (Восточного, Центрального, Северного Казахстана) падает именно на весенние месяцы, очевидно значение данного положения для воссоздания действительности того периода в обширной степной зоне (Козыбаев, 2010: 488).

XIX век оказался засушливым, особенно в первом десятилетии. Почти ежегодные засухи и джуты приводили к резкому сокращению поголовья скота у казахов Младшего жуза. Не утихающие межплеменные войны, двусторонние разорительные набеги с башкирами и казаками превратила территорию Младшего жуза в непроходимую для караванов, необходимых для получения товаров, обмена скота. В итоге обнищание казахов Младшего жуза достигло критической точки: случаи продажи ими своих детей стали приобретать массовый характер (Темирғалиев, 2019: 196).

23 августа 1805 года директор Оренбургской таможни Величко П.Е. в рапорте на имя министра коммерции Н.П. Румянцева сообщил: «Крайнейшая бедность, постигшая за несколько пред сим лет многия киргизския семьи, даже целые многолюдные их роды, не только между ими не умалывается, но кажется ещё из года в год усиливающеюся; как сия бедность есть единая вина, что киргизцы, удушая даже чувство природы, решаются для спасения от голодной смерти продавать собственных своих детей под именем азиатских пленников» (АВПР. Ф. Гл. архив, П-25, Д. 7. Л. 2699-2703).

Военный губернатор Оренбурга Г.С. Волконский сообщил, что в приграничных районах оренбургских линий местное население находилось в крайне бедственном положении, не гнушаясь продажи детей (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 555. Л. 2-50б.). Сеем предположить, что бедные казахи принимали столь радикальное решение не для того чтобы улучшить свое материальное положение, а с целью сохранения жизни своих детей хотя бы таким способом. Чтобы спасти свои семьи от голода, они вынуждены были уходить в русские селения и города, иногда даже продавать своих детей, о чем свидетельствуют архивные документы. Одним из фактов, подтверждающих продажу детей в рабство хивинским торговцам, является сообщение военного губернатора Оренбурга Г. Волконского от сентября 1805 г. в Государственную коллегию иностранных дел: «...Во время нынешней здесь в меновом дворе ярмарки замечено, что хивинцы, прибывшие в сем лето с караванами, накупили в степи близ границ наших киргизских детей под названием каракалпакских. Сии несчастные дети в самом обществе точно киргизские, а не каракалпаков, но киргизами не только родственниками, даже и самими родителями продаются в неволю по крайней бедности. Хивинцы, пользуясь сею крайностью киргизцев, между тем причиняют зло России, коей киргизцы суть подданные, искупая детей их весьма за маловажную цену, порабощают себе в вечную, так сказать, неволю или рабство» (АВПР. Ф. Гл. архив, П-25, Д. 7. Л. 2699-2703).

«Договор от 14 декабря 1812 г. о продаже своей 6-летней дочери Атыкеи», который был заключен между казахом Б. Каражигитовым и хорунжим Сыртинской крепости И. Замятиним. Семья Атыкеи была многодетной, и так как нарушился традиционный способ хозяйствования, семья бедствовала. И как следует из документа, родители пошли на такой шаг в целях прокормления и выживания детей (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1704. Л. 2-20б.).

Российская власть, столкнувшись с такими фактами, решила запретить покупку и продажу детей, изымала уже приобретенный живой товар у хивинских купцов. Царский указ Александра I от 23 мая 1808 г. предписывал, что все купленные и вымененные киргизские дети обоего пола по достижении 25-го возраста должны быть освобождены и получить разрешение жить в пределах империи (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 555. Л. 2-50б.).

Комиссией, созданной при пограничной линии Оренбурга были разработаны правила, регулирующие порядок и процесс проведения покупок и обмена казахских детей. Покупатель или выменивающий детей у казахов должен был проходить процедуру регистрации в службе линейной комиссии при заставе (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 555. Л. 2-50б.).

5. Заключение

Анализ источников позволяет делать выводы, что казахи в XVIII–XIX вв. находились в кризисном положении; непрекращающиеся распри среди верхушки родоплеменной власти (султанов, ханов Младшего и Среднего жузов), различные войны и набеги ухудшали положение. Вхождение казахов в состав Российской империи привело к изменениям традиционного уклада жизни. Казахи Старшего жуза все большее внимание уделяли земледелию. Такие тенденции появились и в других жузах. Российская власть различными методами поощряла земледелие. Привычный способ кочевого скотоводства также изменился. В Младшем жузе развивалось овцеводство, а в Среднем – коневодство. Овцеводам удалось вывести «едильбаевскую» породу овец путем селекции. Также начали разводить крупнорогатый скот.

Казахи в поисках заработка переходили границы и в качестве работников жили в русских поселениях, учились рыболовству и земледелию. Гибкость и восприимчивость казахов позволила им в кратчайшее время освоить многие профессии и ремесла: учителя, писателя, врача, художника, торговца, генерала, рыбака, спортсмена... В конце XIX века в казахском обществе появилась немногочисленная прослойка национальной интеллигенции.

Литература

- АВПР** – Архив внешней политики Российской Федерации.
- ПСЗ РИ** – Полное собрание законов Российской империи. СПб. Собр. 1. 1828–1830 гг.; Собр. 2. 1830–1884 гг.; Собр. 3. 1884–1916 гг.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Абдрахманов, 2019** – *Абдрахманов Б.Н.* Казахстан в материалах полного собрания законов российской империи. Учебное пособие для студентов исторических специальностей. Павлодар, 2019. С. 56-65.
- Бекмаханов, 1992** – *Бекмаханов Е.* Казахстан в 20-е – 40-е годы XIX века. Алма-ата, 1992.
- Галиев, 1998** – *Галиев В.З.* Библиотечное дело в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX веков). Нац. б-ка Респ. Казахстан. Алматы, 1998. 139 с.
- Георги, 1799** – *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Изданием книгопродавца Ивана Глазунова. СПб., 1799.
- Добросмыслов, 1909** – *Добросмыслов А.И.* Этнографические очерки // *Туркестанский сборник.* Туркестан. 1909. 509 с.
- Жиренчин, 1987** – *Жиренчин А.М.* Из истории казахской книги. Казахстан. Алма-ата, 1987. 144 с.
- Зиманов, Идрисов, 1989** – *Зиманов С.З., Идрисов К.З.* Общественно-политические взгляды Мухамеджана Сералина. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 48-64.
- Крафт, 1898** – *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей / Сост. ст. советник Тург. обл. правл. И.И. Крафт. Оренбург, 1898. 884 с.
- Костенко, 1870** – *Костенко Л.Ф.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870.
- Левшин, 1832** – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. 338 с.
- Максимов, 1902** – *Максимов А.Б.* О необходимости приступить к составлению сборника Киргизского обычного права // *Юбил. сборник.* Омск, 1902. 117 с.
- Мейер, 1850** – *Мейер Л.Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства / Сост. Ген. штаба подполк. Л. Мейер. СПб., 1865. 386 с.
- Отепова, 2017** – *Отепова Г.Е.* Теоретико-методологические аспекты изучения законодательных актов. Павлодар: ПГПИ, 2017.
- Паллас, 1809** – *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809.
- Пахомов, 1911** – *Пахомов И.* Киргизское хозяйство на Ак-Тобе и на верховьях Курчума // *Записки Семипалатинского подотдела.* Оренбург, 1911. Вып. 5. С. 22.
- Потанин, 1909** – *Потанин Н.И.* Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия. Омск: б.и., 1909.
- Почкаев, 2017** – *Почкаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. Издательский дом Высшей школы экономики. М., 2017.
- Рамаев, 1926** – *Рамаев И.* Татарская периодическая печать. Альбом (1905–1925). Казань, 1926.
- Рожкова, 1949** – *Рожкова М.* Экономическая политика царского правительства на среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М., 1949.

- Рычков, 1762** – *Рычков П.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. 406 с.
- Сартори, Шаблей, 2019** – *Сартори П., Шаблей П.* Эксперименты империи. Новое литературное обозрение. М., 2019.
- Темиргалиев, 2019** – *Темиргалиев Р.Д.* Казахи и Россия, история казахского ханства. Алматы, 2019.
- Терентьев, 1903** – *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб., 1903.
- Урашев, 1998** – *Урашев С.А.* Родники просвещения. Алма-ата: Санат, 1998.
- Шоинбаев, 1982** – *Шоинбаев Т.Ж.* Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Казахстан. Алма-ата, 1982.
- Фальк, 1824** – *Фальк И.П.* Полное собрание ученых-путешественников по России. СПб., 1824.
- Фукс, 2008** – *Фукс С.Л.* Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. Астана, 2008.

References

- Abdrakhmanov, 2019** – *Abdrakhmanov, B.N.* (2019). Kazakhstan v materialakh polnogo sobraniya zakonov rossiiskoy imperii. Uchebnoye posobiye dl'ya studentov istoricheskikh special'nostey [Kazakhstan in the materials of the complete collection of the Russian Empire. Textbook for students of specialties]. Pavlodar, pp. 56-65. [in Russian]
- AVPR** – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Archive of foreign policy of the Russian Federation].
- Bekmakhanov, 1992** – *Bekmakhanov, Y.* (1992). Kazakhstan v 20e – 40e XIX veka [Kazakhstan in the 20s – 40s of the XIX century]. Alma-ata. [in Russian]
- CGA RK** – Central'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. [in Russian]
- Dobrocmyslov, 1909** – *Dobrocmyslov, A.I.* (1909). Etnograficheskiye ocherki [Ethnographic essays]. Turkestanskiy sbornik. Turkestan. 509 p. [in Russian]
- Falk, 1824** – *Falk, I.P.* (1824). Polnoe sobranie uchenyh-puteschestvennikov po Rosii [Complete collection of scholars-travelers in Russia]. Saint Petersburg. [in Russian]
- Fuks, 2008** – *Fuks, S.L.* (2008). Ocherki istorii gosudarstva i prava kazahov v XVIII i pervoi polovine XIX v. [Essays on the history of the state and law of the Kazakhs in the 18th and first half of the 19th centuries]. Astana. [in Russian]
- Galiyev, 1998** – *Galiyev, V.Z.* (1998). Bibliotekoynye delo v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX nachalo XX vekov [Librarianship in Kazakhstan (second half of the 19th – early 20th centuries)]. National Library of Rep. of Kazakh. Alma-ata, p. 139. [in Russian]
- Georgi, 1799** – *Georgi, I.G.* (1799). Opisanie vsekh v Rossiiskom gosudarstve obitayuschikh narodov. Izhdeveniyem knigoprodavca Ivana Glazunova [Description of all peoples living in the Russian state. Dependent on the bookseller Ivan Glazunov]. Saint Petersburg. [in Russian]
- Kostenko, 1870** – *Kostenko, L.F.* (1870). Sredniayaia Azia i vodvorenje v nei ruskoj grajdanstvenosti [Central Asia and the establishment of Russian citizenship in it]. SPb. [in Russian]
- Kraft, 1898** – *Kraft, I.I.* (1898). Sbornik uzakoneni o kirgizah stepnyh oblastei. Sost. st. sovetnik Turg. obl. pravl. I.I. Kraft [Collection of legalizations about the Kirghiz of the steppe regions. Comp. Art. adviser Turg. region rule I.I. Kraft]. Orenburg, 884 p. [in Russian]
- Levshin, 1832** – *Levshin, A.I.* (1832). Opisanie kirgiz-kazachih, ili kirgiz-kaisaskih ord i stepei [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. SPb., p. 338. [in Russian]
- Maksimov, 1902** – *Maksimov, A.B.* (1902). O neobhodimosti pristupit k sostavleniu sbornika Kirgizskogo obychnogo prava [On the need to start compiling a collection of Kyrgyz customary law // Yubil. collection]. *Yubil. sbornik.* Omsk, p. 386. [in Russian]
- Maksimov, 1902** – *Maksimov, A.B.* (1902). O neobhodimosti pristupit k sostavleniu sbornika Kirgizskogo obychnogo prava [On the need to start compiling a collection of Kyrgyz customary law // Yubil. collection]. *Yubil. sbornik Omsk,* 117 p. [in Russian]
- Otepova, 2017** – *Otepova, G.E.* (2017). Teoretiko-metodologicheskie aspekty izucheniya zakonodatelnyh aktov [Theoretical and methodological aspects of the study of legislative acts]. Pavlodar: PSPI. [in Russian]
- Pakhomov, 1911** – *Pakhomov, I.* (1911). Kirgizskoe hozyaistvo na Ak-Tobe i na verhovyah Kurchuma // Zapiski Semipalatinskogo podotdela [Kyrgyz economy on the Ak-Tobe and on the upper reaches of the Kurchum]. Zapiski Semipalatinskogo podotdela. Orenburg. Vyp. 5. P. 22. [in Russian]
- Pallas, 1809** – *Pallas, P.S.* (1809). Puteshestvie po raznym provinsiam Rosiskoi imperii [Journey through different provinces of the Russian Empire]. SPb. [in Russian]
- Pochekaev, 2017** – *Pochekaev, R.Yu.* (2017). Gubernatory i hany. Lichnyi faktor pravovoi politiki Rosiskoi imperii v Sentralnoi Azii: XVIII – nachalo XX v. [Governors and khans. Personal factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia: XVIII – early XX centuries]. Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. Moskva. [in Russian]

- Potantin, 1909 – Potanin, N.I. (1909). Kirgizskie stepi i Kokandskogo hanstva v nachale XIX stoletia [Kirghiz steppes and the Kokand Khanate at the beginning of the 19th century] Omsk: B.I. [in Russian]
- PSZ PI – Polnoye sobraniye zakonov Rossiiskoy imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., Coll. 1. 1828–1830.; Coll. 2. 1830–1884.; Coll. 3. 1884–1916. [in Russian]
- Ramaev, 1926 – Ramaev, I. (1926). Tatarskaia periodicheskaia pechat. Album [Tatar periodical press. Album] (1905–1925). Kazan. [in Russian]
- Rozhkova, 1949 – Rozhkova, M. (1949). Ekonomicheskaiia politika carskogo pravitelstva na srednem Vostoke vo vtoroi chetverti XIX v. i ruskaia burjuazia [The economic policy of the tsarist government in the Middle East in the second quarter of the 19th century and the Russian bourgeoisie.]. Moskva. [in Russian]
- Rychkov, 1762 – Rychkov, P. (1762). Topografia Orenburgskoi gubernii [Topography of the Orenburg province]. Orenburg, 1887. 406 p. [in Russian]
- Sartori, Chablai, 2019 – Sartori, P., Chablai, P. (2019). Eksperimenty imperii. Novoe literaturnoe obozrenie [Experiments of Empire. New Literary Review]. Moskva. [in Russian]
- Shoinbaev, 1982 – Shoinbaev, T.Zh. (1982). Dobrovolnoe vhojdenie kazahskikh zemel v sostav Rosii [Voluntary entry of Kazakh lands into Russia]. Kazakhstan. Alma-ata. [in Russian]
- Temirgaliev, 2019 – Temirgaliev R.D., Kazahi i Rosia, Istoria kazahskogo hanstva [Kazakhs and Russia, History of the Kazakh Khanate]. Alma-ata, 2019. [in Russian]
- Terentiev, 1903 – Terentiev, M.A. (1903). Istoria zavoevania Srednei Azii [History of the conquest of Central Asia]. SPb. [in Russian]
- Urashev, 1998 – Urashev, S.A. (1998). Rodniki prosveschenia [Origins of enlightenment]. Sanat. Alma-ata. [in Russian]
- Zhirenchin, 1987 – Zhirenchin, A.M. (1987). Iz istorii kazahskoi knigi. Kazakhstan. Alma-ata [From the history of the Kazakh book]. P. 144. [in Russian]
- Zimanov, Idrisov, 1989 – Zimanov, S.Z., Idrisov, K.Z. (1989). Obschestvenno-politicheskie vzglyady Muhamejana Seralina [Socio-political views of Mukhamedzhan Seralin.]. Alma-Ata: Nauka. Pp. 48–64. [in Russian]

Положение казахов после вхождения Казахской степи в состав Российской империи в XVIII–XIX вв.

Арман Алпамысович Умаров ^{a, *}, Бауржан Нариманович Абдрахманов ^a, Анара Еркеновна Каримова ^a, Гульфира Елюбаевна Отепова ^a

^a Павлодарский педагогический университет, Павлодар, Республика Казахстан

Аннотация. В данной статье авторы исследовали положение казахов после вхождения Казахской степи в состав Российской империи. Проработав архивные источники, законы Российской империи, свидетельства современников и исследования ученых, авторы приходят к выводу: социальные процессы, происходившие с конца XVIII – XIX вв. мало изучены и не потеряли своей актуальности.

Российскими и казахстанскими историками исследовалось присоединение Казахской степи в политическом контексте, рассматривались вопросы об отношениях и дипломатических связях, причинах, приведших казахов к зависимости. Данная статья не рассматривает политические дискуссии и причины вхождения территории Младшего, Среднего, а затем и Старшего жузов в состав Российской империи. Ключевыми проблемами в ней стали включение рядовых казахов в новую управленческую систему, социальная поляризация общества, изменение традиционного уклада жизни, что является новизной данного исследования.

Ключевые слова: положение казахов, зависимость, джатаки, кочевое хозяйство, земледелие, хлебопашество, бесскотный, кризис, рабство, социальная поляризация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: arman.umarorov77@mail.ru (А.А. Умаров), abdrahmanov_bayr@mail.ru (Б.Н. Абдрахманов), akeo73@mail.ru (А.Е. Каримова), g.otepova.hist@mail.ru (Г.Е. Отепова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1102-1113
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1102

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

About the Nature of the Bashkir Uprisings of the XVII-XVIII centuries

Bulat A. Aznabaev ^{a, *}, Aleksey I. Kortunov ^b

^a Bashkir State University, Russian Federation

^b M.Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

To date, the explanation of the nature of the Bashkir uprisings of the XVII-XVIII centuries is reduced to four common concepts: the initial hostility of the nomadic civilization to the settled world, the desire of the Bashkirs to restore the structures of the Mongol empire or even create their own khanate, anti-colonial speech, feudal separatism of the Bashkir nomadic nobility. In our opinion, none of the presented concepts can give a consistent explanation of the phenomenon of Bashkir uprisings. In turn, we offer a look at this problem in the discourse of the method of political theology by K. Schmitt. He revealed an analogy between political ideas and theological concepts of this particular society. We claim that the political ideas of the Bashkirs of the XVII-XVIII centuries had an analogy with the myth of Genghis Khan, reflected in literary texts and the Bashkir shezhere. In this myth, the deeds of Genghis Khan are recognized as the cause of the existing world order, but further history takes place without his leadership role. The demiurgic role of Genghis Khan did not become the basis for the sacralization of his descendants, who were subject to displacement in case they violated the commandments of their ancestor. Such a political and legal system evokes an analogy with deism in theology, which expels a "miracle from the world", forbidding the sovereign to invade the existing legal order. The fundamental divergence of the yasa of Genghis Khan with the concept of the rule of law of Kant and Schmitt begins with the definition of the attitude towards the sovereign who decided to abolish the current law and order, i.e. introducing a state of emergency. In Genghisism, it is excluded and any violation of law and order must be stopped by the overthrow of the ruler. If at the imperial level this prerogative belonged to the Kurultai, then in Bashkiria of the XVII-XVIII centuries, due to the absence of an institutional elite, this role was performed by the "yyyyns". After the voluntary acceptance of Russian citizenship in the middle of the XVI century the myth of Genghis Khan was spread by the Bashkirs to the Russian monarchs. All Bashkir uprisings of the XVII-XVIII centuries were the result of unilateral violation by the Russian authorities of the terms of a voluntary agreement with the Bashkirs. Bashkirs believed that resistance to a ruler who violated his own laws was a manifestation of loyalty to the state. Passive resistance was excluded because Bashkirs could not be integrated into the social structures of neighboring nomadic peoples without losing their identity. In the Southern Urals, back in the period of the Mongol Empire, a special variant of political unification emerged, in which horizontal ties between tribal structures dominated over vertical ones. Such an egalitarian structure of Bashkir society did not have internal tools for resolving intergenerational conflicts. Bashkir polity was supposed to be part of the imperial structure, which would be interested in maintaining law and order and peace between the clans. For the same reasons, the Bashkirs avoided creating their own khanate.

Keywords: Bashkir uprisings, Genghisism, political theology, Bashkir politics.

* Corresponding author

E-mail addresses: azbulatt@rambler.ru (B.A. Aznabaev), kortunov@rambler.ru (A.I. Kortunov)

1. Введение

Безусловно, важнейшими событиями в истории Уральского региона являются башкирские восстания XVII–XVIII вв. Они были одними из самых крупных восстаний нерусских народов эпохи Средневековья в Российском государстве. Башкирские восстания, происходившие с определенной периодичностью в течение XVII и XVIII веков, признаны в исторической науке интересным явлением, достойным всестороннего изучения и анализа. Ученые-историки признают, что без изучения истории башкирских восстаний невозможно понять политическое, социально-экономическое и культурное развитие Башкирского края в обозначенный период. И не случайно в отечественной и зарубежной историографии этому вопросу уделено самое пристальное внимание, что в свою очередь породило ряд дискуссий среди российских исследователей. Это бесспорно подтверждает особую важность и актуальность изучаемой проблемы.

2. Материалы и методы

2.1. Основными источниками, на которые опирались авторы при подготовке исследования, являются неопубликованные документы, извлеченные из фондов: 16 (Разряд XVI. Внутреннее управление – коллекция Государственного архива России), 119 (Калмыцкие дела – коллекция фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии); 248 (Сенат и его учреждения); 342 (Комиссия о сочинении Нового Уложения (коллекция), 1173 (Уфимская приказная изба), 1324 (Материалы генерального и специального межевания Межевой канцелярии и местных межевых учреждений по Оренбургской губернии 1750–1910 гг.) Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также фонда 3 и 23 Научного архива Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (НА УФИЦ РАН). Также в исследовании использованы и опубликованные материалы ([Материалы..., 1936](#); [История..., 2012](#)).

2.2. Методологическую основу исследования составили классические общенаучные принципы объективности и историзма. Основными методами исследования стали хронологический, проблемно-исторический и метод историко-сравнительного анализа. Авторами статьи также использовались такие методы и приемы, как анализ и синтез, индукция и дедукция.

На восстания башкир можно взглянуть с позиции методологического подхода К. Шмитта, представленного в исследовании «Политическая теология» ([Шмитт, 2000](#)). Данный метод предполагает наличие определенной связи между теологическими понятиями и политическими представлениями, распространенными в определенном обществе. Этот подход можно отнести к частным случаям структурализма, однако К. Шмитт, рассуждая об аналогии, подразумевал факт сходства системных структур соответствующих понятий. Важно понимать, что речь идет не о переносе теологических понятий в политико-правовую область. Скорее всего, речь об анализе уже имеющегося соответствия между ними. Это соответствие и представляет собой аналогию ([Кондуков, 2019](#)).

3. Обсуждение

Представителями российской администрации вопрос о причинах восстаний в Башкирском крае обсуждался еще в XVIII в. В последние годы среди историков появилась тенденция усматривать в башкирских восстаниях феноменальную природу ([Акманов, 2016](#); [Пузанов, 2014](#)). В целом все имеющиеся на сегодняшний день исследования башкирских восстаний условно можно разделить на четыре группы.

Хронологически одной из самых ранних, тем не менее, до сей поры актуальных, является трактовка башкирских восстаний, которую можно назвать эссенциалистской. Ее сторонники настаивают на том, что кочевникам вообще, и башкирам в частности, свойственна изначальная враждебность к оседлому земледельческому миру. Умиротворение номадов возможно только через полную их седентаризацию. В 1763 г. оренбургский губернатор Д.В. Волков писал Екатерине II: «Разсуждая о сем и припомянув башкирския бунты, не бросается ли тотчас в глаза, что есть ли б сей народ меньше кочевал, а больше прилежал к домостроительству и хлебопашеству, то и бунтов не случилось бы, хотя бы и таковы огорчения им деланы были, на какия они жаловались» ([РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 813. Л. 118](#)). Из современных исследователей схожие мысли высказал А. Капшлер, увидевший в башкирских восстаниях XVII–XVIII вв. классический конфликт между оседлыми земледельцами и кочевниками ([Капшлер, 2000: 45](#)).

Официальное признание царскими властями всех кочевников «ветренными и непостоянными» подданными удивительным образом сопрягается с постмодернистским дискурсом, который заключается в формулировке, что он (номад) ускользает от нормативных установок, не вписывается в общество, отторгается им и при этом вызывает к себе интерес и иногда даже почтение ([Новиков, 2006: 21-31](#)).

Вторая группа исследователей башкирских восстаний придерживается концепции, которую условно можно назвать ностальгической. Ее последователи утверждают, что спустя столетия после распада Монгольской империи башкиры в той или иной форме стремились воссоздать государство во главе с чингизидами. В 1708 г. казанский комиссар Степан Вараксин отметил: «А учинился воровству начаток на Уфе не от податей, и не от тягостей и не от окладчиков, умыслили они воры башкирцы,

чтоб им не быть под державою его царского величества и посылали от себя посланцов в Турки к салтану и в Крым к хану домогатца» (*Материалы...*, 1936: 236). Из современных авторов отметим позицию Р.Ю. Почекаева. Он напоминает, что во время башкирских восстаний в качестве предводителей восставших многократно приглашались представители рода чингизидов и другие тюрко-монгольские правители. Они признавались башкирами в качестве ханов. Это свидетельствует о том, что башкиры не только стремились освободиться от русского владычества, но и предпринимали попытки восстановления прежнего государственного устройства и правления (*Почекаев, 2014: 111*).

Третью группу исследователей объединяет стремление увидеть в башкирских восстаниях антиколониальный протест. В соответствии с марксистской доктриной такие историки приоритетное внимание уделяют социально-экономическим процессам как в самом башкирском обществе, так и в Российском государстве. При этом авторов, трактующих башкирские восстания как национально-освободительные движения, не смущает очевидная модернизация объекта (*История...*, 2011: 13). Более умеренным представляется положение, согласно которому восстания представляли собой антифеодальное выступление (*Акманов, 2016*).

Наконец, наиболее экзотической представляется точка зрения, объявляющая башкирские восстания типичным проявлением феодального сепаратизма. Основоположник этого подхода Н.В. Устюгов утверждал, что российское подданство башкир являлось в первую очередь вассальной зависимостью башкирской феодальной верхушки от царя (*Устюгов, 1950*). Перенос социально-политической модели классического феодализма на общество евразийских кочевников впервые был осуществлен С.П. Толстовым (*Толстов, 1934: 98-122*) и Б.Я. Владимирцевым (*Владимирцев, 1934*). Несмотря на критику, данный подход еще находит своих последователей (*Sneath, 2009*). Тем не менее сравнение вооруженных выступлений европейских феодалов против королевской власти с башкирскими восстаниями XVII–XVIII вв. приводит нас к различиям в области права. Выступления европейских феодалов против королей носили характер частной войны. К тому же в большинстве стран Европы XIII в. война против монарха была признана войной против государства, и тем самым мятежники лишались возможности оправдать войну личными обидами (*Макглинн, 2011: 101*). Как мы покажем ниже, российское государство до башкирского восстания, причиной которому явилась работа Оренбургской экспедиции, официально признавало вооруженные выступления башкир «войнами», т.е. декриминализовало их.

Следует оговориться, что представленные историографические концепции рассматриваются как идеальные типы, что не исключает возможность появления положений, объединяющих две или даже три позиции. К примеру, Н.Ф. Демидова в 50-е гг. XX в. объясняла башкирские восстания противоборством двух феодализмов – российского (развитого) и башкирского (патриархально-родового). Восстания – классический случай столкновения двух обществ, находящихся на разных ступенях феодальной формации.

4. Результаты

По нашему мнению, ни одна из представленных концепций не дает непротиворечивого объяснения причин и характера башкирских восстаний.

Эссенциалистский подход, полагающий, что все кочевые общества изначально враждебны оседлым земледельческим цивилизациям, не имеет исследовательских перспектив в силу метафизического свойства данного утверждения. К тому же башкиры в XVII–XVIII вв. давно не являлись классическими кочевниками. Вотчинники одной из четырех дорог Уфимской провинции (Осинской) практиковали полностью оседлое земледельческое хозяйство.

Историки, усмотревшие в башкирских восстаниях стремление башкир в той или иной форме восстановить структуры Золотой орды или даже создать собственное ханство, не могут ответить на один вопрос: что помешало башкирам сделать это? К примеру, после восстания 1704–1711 гг. башкиры на 11 лет даже обрели независимость от России *de jure* (*Таймасов, 2009: 113*). Официальное возобновление российского подданства произошло только в 1722 г. (*РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 697*). За это время на территории башкирских волостей побывало несколько чингизидов – настоящих и самозванных. Некоторые представители рода Шибана официально титуловались башкирскими ханами и султанами. Наряду с сомнительным ханом Султан-Хази и явным самозванцем Абдурахманом, выдававшим себя за потомка Кучума (*Валиди, 2010: 104*), у башкир находились вполне легитимные чингизиды. Шибанид Султан-Мурат представлял башкир в ходе переговоров с Крымом и Османской империей. Есть мнение, что хан Младшего жуза Абулхаир был избран именно благодаря своей роли в качестве башкирского хана во время восстания 1704–1711 гг. (*Ерофеева, 2007: 131*). Один из лидеров восстания Алдар Исекеев готовил на роль хана башкир шибанида Рыс-Мухаммеда бин Бошай (*РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 679*). Несмотря на избыточное количество претендентов на ханский престол, башкиры предпочли в 1719 г. обратиться к российскому правительству с просьбой о возобновлении прерванных восстанием отношений подданства.

Идея рассматривать башкирские восстания в дискурсе антиколониальной борьбы вызывает несколько возражений. Во-первых, как отмечает Диттмар Шорковиц, дискурс о России как о колониальной империи всегда был противоречивым, как и связанные с этим коннотации

относительно континентального или внутреннего колониализма России на сегодняшний день (Шорковиц, 2021: 95). В 2018 г. авторы обзорной статьи о российском колониализме были вынуждены повторить этот же тезис, признав, что объективное изучение проблем «российского колониализма» и «антиколониального движения» в России находится в постановочной стадии (Гафаров, Галеева, 2018: 28).

В региональной литературе преобладает марксистская интерпретация колониализма как политического господства с целью экономического ограбления (феодалного или капиталистического) этнических окраин (История..., 1996: 212; Зинуров, 2001; Акманов, 2016).

Однако при обращении к эмпирике колониальной практики мы не всегда можем подтвердить это положение. По утверждению Д. Шорковича, расходы царя в российском Туркестане почти вдвое превышали его доходы от этого региона в период с 1868 по 1910 гг. (Шорковиц, 2021: 99). Исследователи британской колониальной политики Галлахер и Робинсон еще в середине XX в. заметили, что выбор вектора территориальной экспансии правящими кругами Англии определялся не интересами финансового или промышленного капитала, а стремлением обезопасить заморские владения империи (Gallagher, Robinson, 1953).

Насколько Башкирия XVII – начала XVIII вв. соответствовала представлению об экономически эксплуатируемой колонии России? В начале XVIII в. башкиры владели на правах вотчинного права территорией, площадь которой составляла 366,8 тыс. кв. км (Рахматуллин, 1988: 67), то есть превосходила современную территорию Германии. К началу XVIII в. по 306 ввозным и отказным грамотам уфимским служилым людям было отведено 12 240 четвертей земли в поле (Азнабаев, 2005: 97), т. е. 18 360 десятин или 200,5 кв. км. Крестьяне дворцовых волостей Уфимской провинции обрабатывали около 20 000 десятин земли, т. е. приблизительно 220 кв. км (Азнабаев, 2005: 112). Таким образом, к началу XVIII в. за 150 лет колониальной эксплуатации башкиры лишились менее 1,5 % своих владений. Что же касается природных ресурсов края, то до 1736 г. российская администрация не могла получить от башкир доступ до богатейших в стране Илецких соляных месторождений (РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1131. Л. 154). Уфимские власти были вынуждены вкладывать значительные средства для производства соли из минеральных источников в районе Табынска. Основным препятствием для расширения служилого и дворцового землевладения в Уфимском уезде являлось вотчинное право башкирского населения, на законодательном уровне защищаемое российскими властями.

Запрет на любые формы отчуждения башкирских вотчинных земель был установлен, невзирая на то, что государство не имело никаких представлений об этих владениях. Первые измерения башкирских вотчин были проведены только в период Генерального межевания начала XIX в. Реестр башкирских волостей с указанием их местоположения и описанием путей к ним появляется только в 1730 г. (Материалы..., 1936: 130). Ландкарта Башкирии была составлена в период деятельности Оренбургской экспедиции в середине 30-х гг. XVIII в. Первая более или менее полная перепись башкирского населения была осуществлена в 90-е гг. XVIII в. Последователь М. Фуко Бернард Кон утверждает, что политический контроль за колонией был бы невозможен без сбора и систематизации информации о колониальном обществе (Bernard, 1996). Если исходить из этого тезиса, то Башкирия XVI – первой трети XVIII вв. никак не соответствует понятию «колония».

Рассмотрим тезис о «колониальном ограблении» Башкирии в отношении фискальной политики российских властей в регионе. В 1720 г. казанский комиссар Федор Люткин подсчитал, что один башкирский двор уплачивал в казну ясак на сумму 2 копейки. Для сравнения комиссар привел данные о податном обложении ясачных татар в соседней Казанской провинции, где с одного двора собирали по 8 рублей 78 копеек (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 150). По нашим подсчетам, в начале XVIII в. затраты на содержание администрации и гарнизонов в Уфимской провинции в 4 раза превосходили ясак, уплачиваемый башкирами (Азнабаев, 2005: 95-102).

Сами башкиры никогда не жаловались на тяжесть ясачной подати и не просили убавить или отменить ясак. Более того, официальное упразднение ясака 15 марта 1754 г. они восприняли как угрозу своим вотчинным правам. В своем наказе в Уложенную комиссию башкиры Исетской провинции добивались восстановления ясака даже при сохранении соляной казенной монополии, введенной вместо ясачной подати (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Л. 271). В этой связи утверждение казанского профессора Н.А. Фирсова о том, что башкиры в Московскую эпоху являлись самым привилегированным народом Российского государства, не кажется преувеличением (Фирсов, 1871).

Вместе с тем сторонники антиколониального дискурса избегают ответа на вопрос, почему самый благополучный народ России являлся самым упорным противником власти в XVII – первой половине XVIII вв.

Мы выдвигаем гипотезу о том, что политические представления башкир XVII–XVIII вв. имеют аналогию с мифом о Чингисхане, отразившемся в литературных текстах и шежере башкир.

Некоторые исследователи полагают, что данный миф представлял собой законченную религию. К примеру, в трудах В.П. Юдина чингисизм – религия, в корне изменившая мифологические представления как завоеванных народов, так и завоевателей. «Раздел Чингисхана» и «разделы» его преемников стали у кочевых и некоторых других народов высшими категориями

мировоззрения и идеологии (Юдин, 1992: 24). Напротив, И.Л. Измайлов считает, что чингисизм не религия, а особая парадигма монгольской и татарской политической идеологии (авторы полагают, что понятие «идеология», применяемое в отношении средневековых представлений, является ничем не оправданной модернизацией). Чингисхан в золотоордынской традиции, вероятнее всего, выступает в роли отца-основателя, создателя государства и законов. То есть он, по сути, являлся вечным правителем, временно передающим свои права вновь избранному хану. Благодаря этому сформировалось представление о самостоятельном Улусе Джучи, династической легитимности и т.д. (Измайлов, 2002: 192).

А.Г. Юрченко отмечает, что, не будучи религией, чингисизм все же повлиял на характер войн, которые вели монголы. Стоит отметить, что символом монгольского господства в странах ислама стала Великая Яса. Она противопоставлялась исламскому закону (шариату). По монгольским законам власть хана была личной, которая даровалась ему «Вечным Небом», и это свидетельствовало о ее легитимности. По закону в подчинение ему отданы все народы (Юрченко, 2006: 10).

Вместе с тем, по утверждению Р.Ю. Почекаева, с XIV в. позиционируются иные основания легитимации власти, связанные с распространением ислама в Золотой Орде. Автор выделяет несколько наиболее характерных религиозных факторов легитимации политической власти. Во-первых, это ссылка на религиозные нормы и апелляция к духовным авторитетам при принятии важнейших государственных решений; Во-вторых, это породнение правителей с авторитетными представителями мусульманского духовенства. В-третьих, обоснование своих деяний защитой и распространением истинной веры (Почекаев, 2013: 97, 101, 105).

Соглашаясь в целом с наблюдениями Р.Ю. Почекаева, все же отметим, что религиозные факторы, в силу их универсального характера, не могли стать основой для легитимации власти на внешнеполитическом уровне. К примеру, если борьба началась между мусульманскими народами, то апеллировали к исламу обе стороны. Так, в XVI в. ногаи, казахи и башкиры претендовали на территорию Южного Урала. Ногаи, в отличие от казахов и башкир, полностью отказались от любых ссылок на чингисизм. В результате сакрализация правящего дома, происходившего якобы от суфийского подвижника XII в. Ходжа Ахмеда Ясави, не только не дала никаких преимуществ ногаям, но фактически ослабила легитимность власти их правителей. В то время как для казахской государственности и башкирской политики чингисизм выполнял функцию государственно-правового императива. Для башкир чингисизм стал краеугольным камнем их мифа о башкирском вотчинном праве (Азнабаев, 2016).

Особо следует отметить, что сам К. Шмитт не сводит теологические представления к религии. Под теологией Шмитт понимает миф, fasciniрующий массы на самопожертвование и «великое решение». Примерами таких мифов являются представление о славе и великом имени у греков или ожидание Страшного Суда в древнем христианстве, вера в «vertu» и революционную свободу во время Великой французской революции и т.д. (Шмитт, 2000: 241).

Можно задаться вопросом, как миф о Чингисхане повлиял на политические представления башкир? К XVI в. у всех народов, обретших политическую субъектность на развалинах великой империи, чингисизм трансформировался в соответствии с интересами своих элит. В башкирских шежере сакральная роль Чингисхана редуцирована до креационистской роли. В их представлении основатель Монгольской империи принадлежит к чрезвычайно отдаленной пространственной и временной реальности. Деяния Чингисхана признаются в качестве причины существующего мироустройства, однако дальнейшая история происходит уже без его руководящей роли. Чингисхан, согласно башкирским шежере, утвердил за главами башкирскими родами их вотчинные владения, определил каждому роду свою тамгу, уран, дерево и птицу (Кузеев, 1960: 51). Однако демиургическая роль Чингисхана не стала основанием для сакрализации его потомков. В качестве примера можно привести противоречивую историю взаимоотношений башкирских родов с шибанидами. После пресечения линий Орду-Ичена и Бату шибаниды остались единственными представителями законной линии потомков Джучи в башкирском Зауралье. Тем не менее именно зауральские башкиры выступают принципиальными противниками шибанидов. В 1662 г. восставшие башкиры Сибирской дороги решились на переговоры с российскими властями, что явно не входило в намерения сибирских кучумовичей, которые на короткий срок взяли на себя роль руководящего центра восстания в зауральской Башкирии. Попытки султанов Кучука и Чучалея воспрепятствовать переговорам башкир с российскими властями привели к тому, что почти весь сибирский дом шибанидов оказался в плену у башкир. Некоторых султанов башкиры сдали уфимскому воеводе (НА УФИЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 54). Внук Кучума Кчук, ненадолго ставший башкирским ханом, по одной из версий был убит башкирами (Материалы..., 1936: 203). Его сын Султан-Мурат, приехав по приглашению башкир в Уфимский уезд, не спешил раскрывать себя, потому что «наперед сего у них башкирцев по призыву сродник ево Сунчелей салтан был владельцем и отдан от них в полон русским людем» (Материалы..., 1936: 239). Столь же незавидной была судьба его племянника – Рыс-Мухаммеда бин Бошай. Башкирский тархан Алдар Исекеев намеревался сделать его ханом, но в конце восстания 1704–1711 гг. башкиры поймали его и передали уфимским властям (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 679).

Все без исключения конфликтные ситуации были вызваны несогласием чингизидов с решениями башкирских йыйынов – собраний вотчинников. Поскольку вотчинные права утвердил за башкирами сам Чингисхан, то его потомки не имели права вносить инновации в институты башкирского вотчинного права – внутреннее самоуправление, родовое землевладение и племенное ополчение.

Согласно оценке Шмитта, подобная политико-правовая система вызывает аналогию с деизмом в теологии, запрещая суверену вторгаться в действующий правовой порядок. К. Шмитт отмечает, что деизм соотносится в политико-правовой сфере с современным правовым государством (Шмитт, 2000: 57). Тем не менее деистическая концепция Шмитта не исключает «явления чуда» даже в современном правовом государстве. Он утверждает, что чрезвычайное положение имеет для юриспруденции значение, подобное значению чуда для теологии (Шмитт, 2016: 34). Однако Шмитт не выводит чрезвычайное положение за рамки юридического порядка. Оно необходимо для того, чтобы защитить существование нормы и ее применимость в обычной ситуации.

Принципиальное расхождение государственного права Чингисхана с концепцией правового государства начинается с определения отношения к суверену, решившегося на отмену действующего правового порядка, то есть вводящего чрезвычайное положение. Основоположник теории правового государства И. Кант категорически отрицает право подданных на вооруженное восстание. Он утверждает, что обязанность народа – терпеть злоупотребления верховной власти, даже те, которые считаются невыносимыми. Это утверждение основывается на следующем: сопротивление народа, оказываемое высшему законодательству, ни в коем случае не должно пониматься иначе, как противозаконное, и, более того, как уничтожающее все законное государственное устройство (Кант, 1965: 242). Тем не менее в конституциях крупнейших стран Запада право на вооруженное сопротивление правительству, нарушающего основные права граждан, подтверждено нормами позитивного права (Бабин, 2013: 181-200).

В Монгольской империи право на силовое смещение хана, нарушившего установления Чингисхана, не только допускалось, оно являлось обязанностью элиты (курултай) (Почекаев, 2017: 127).

В башкирском обществе отсутствовала институциональная элита в лице чингизидов, поэтому роль полномочных собраний выполняли не курултай, а йыйыны (народные собрания). Чингизиды, приглашенные башкирами, смещались, если выступали против решения йыйынов. Резолюция, принятая на йыйыне, была обязательной для всех, независимо от присутствия на съезде или несогласия с его постановлением. Именно по решению йыйынов ханов приглашали, интронизировали или выдавали российским властям. Все башкирские восстания начинались только с санкции народных собраний. Для уфимских властей информация о сборах и съездах башкир являлась достаточным основанием для начала мобилизации русского населения уезда.

После добровольного принятия российского подданства в середине XVI в. парадигма мифа о Чингисхане была распространена башкирами на русских монархов. Авторы башкирских родословных преданий (шежере) отмечали сходство между подчинением башкирских племен Чингисхану и добровольным присоединением к Российскому государству. Башкиры находили в Иване Грозном правопреемника власти ханов Золотой Орды. С точки зрения башкир, его поступки вполне соответствовали деяниям чингизидов. Иван IV восстановил пожалованные Чингисханом и попорченные ногами вотчинные права башкир. Русские монархи жаловали башкирской знати тарханские звания, что являлось исключительной прерогативой представителей золотого рода. Употребление титула «белый хан» или «белый падишах» в башкирских шежере также подчеркивало преемственность власти московских царей от ордынских правителей.

В соответствии с башкирской версией мифа о Чингисхане русские монархи должны были защищать институты вотчинного права башкир, но вносить какие-либо изменения в существующие отношения без согласия башкир они не имели права (Кузеев, 1960: 44). Вследствие этого условия соглашения уже в начале XVII в. сложилась традиция приема в Москве башкирских посольств. Периодические контакты башкир с монархами были необходимы для улаживания неизбежных конфликтов, возникавших в управленческой практике. Согласно исследованию Н.Ф. Демидовой, башкиры обладали привилегией непосредственного обращения к главе государства по вопросам, которые не были отрегулированы в процессе принятия российского подданства (Демидова, 2003: 180).

Все башкирские восстания XVII–XVIII вв. были следствием одностороннего нарушения российскими властями этого соглашения.

В качестве примера обратимся к началу восстания 1704–1711 гг. Непосредственным поводом для вооруженного выступления стала деятельность прибыльщиков Жихарева, Дохова и комиссара Сергеева, являвшихся служащими Ижорской (Ингерманландской) канцелярии (Материалы..., 1936: 110). Фискальная политика этого учреждения нарушила буквально все условия добровольного подданства башкир: от обещания не увеличивать ясачный оклад без предварительного согласования с представителями башкир до обязательства защищать вотчинные права и не вмешиваться в религиозные дела башкир. Последним отступлением от прежних соглашений с башкирами стал запрет на отправку посольств в столицу. В 1708 г. башкиры жаловались царю: «А о том в прошлых годах присланы к ним великого государя грамоты, что всяких поборов вновь не накладывать,

и вотчин не отымать, и их веры не нарушить до окончания жительствова. И ныне те государевы указы стали нарушены, и прибыльщики наложили на них прибыльные дела и в наказе им прочитали, а тот указ от великого государя к ним прибыльщиком прислан ли, или нет, и прежняя государевы указы у них прочитаны велено ль, или нет, про то они не ведают, и они де того Жихарева с теми прибыльными делами оспорили» (*Материалы...*, 1936: 259).

В 1708 г., отвечая на вопрос о непосредственном поводе восстания, башкиры показали, что военные действия с их стороны спровоцированы арестом и казнью их посланцев и наложением на них противозаконных податей. При этом они поклялись сложить оружие и платить ясак в случае отмены всех нововведений (*Материалы...*, 1936: 216).

Любопытно, что при этом башкиры стремились выполнять свои обязанности перед государством. В 1708 г. в ходе самого крупного башкирского восстания они добровольно направляли своих воинов для участия в Северной войне (*Рахимов, 2014: 234*), тем самым показывая властям, что свои подданные обязательства они выполняют.

О том, что башкиры расценивали свои вооруженные выступления как действия, имеющие законный характер, свидетельствует и лексика восставших. В 1736 г. на язык башкирских челобитных обратил внимание В.Н. Татищев: «Земли, данные е.и.в., называют они своими, а бунты войной, отпущения же вин миром» (*РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1183. Л. 230*). Российские власти до восстания 1735–1740 гг. также называли восстания башкир «войнами». В наказе уфимскому воеводе Ф.И. Сомову от 1664 г. восстание 1662–1664 гг. определено как башкирская война (*История...*, 2012: 71). Как отмечает К. Шмитт, в войне, в отличие от восстания, обе стороны имеют равноправный статус. Враг перестает быть чем-то, что подлежит уничтожению. В итоге становятся возможны мирные договоры (*Шмитт, 2008: 169*). Действительно, в ходе восстания обе стороны вступали в переговоры, заключали перемирия и прибегали к услугам парламентариев. К примеру, один из руководителей восстания 1662–1664 гг. тархан Кипчакской волости Конкас Давлетбаев еще в июле 1663 г. руководил действиями восставших в районе Уфы (*РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 566. Л. 4*), а 1 марта 1664 г. был передан уфимским властям в качестве аманата (*Материалы...*, 1936: 192).

В 1719 г. российские власти официально признали законность коллективных протестов башкир, требующих наказать служащих Ижорской канцелярии, спровоцировавших восстание 1704–1711 гг. Были арестованы наиболее одиозные представители ведомства во главе с А.С. Сергеевым, находившимся в заключении почти 6 лет.

Таким образом, объяснения характера башкирских восстаний XVII–XVIII вв. следует искать в государственно-правовой традиции Монгольской империи, отраженной в трансформированном на башкирской почве мифе о Чингисхане. Особо следует отметить, что в этом мифе не только институализируется определенный государственный правопорядок, но и описывается инструмент его восстановления, в том случае, если правитель нарушит его.

Возникает вопрос: чем объяснить упорство, с которым башкиры отстаивали свои права? Не проще ли было им перейти под защиту калмыков, казахов или каракалпаков? В свое время большинство ногаев и калмыков предпочли откочевать за пределы власти России. Следует отметить, что отдельные прецеденты подобного рода имели место и у башкир. В ходе восстания 1662–1664 гг. около 10 тысяч башкир Ногайской дороги ушли к калмыцкому тайше Аюке (*РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 163. Л. 144*). Однако после восстания практически все они вернулись обратно. Их не устроили калмыцкие порядки. Уголовное уложение «Цааджин-Бичик» калмыков, принятое в 40-е гг. XVII в., утвердило абсолютную власть высшего общества над рядовыми общинниками. Элита в калмыцком обществе свободно распоряжалась свободой, собственностью и даже жизнью простых калмыков (*Нефедьев, 1834: 90*). Башкиры, исповедовавшие ислам и не понимавшие их языка, не могли претендовать на особое положение в общине (*Акманов, 1993: 56*). Предводитель восстания 1662–1664 гг. Досмухаметов признался уфимскому воеводе А.М. Волконскому: «...До сего калмыков не видали – и ныне сами видим и я сам осмотрел – в калмыках нам умереть» (*Устюгов, 1950: 149*). Массовый уход башкир Бурзянской и других южных волостей в казахские степи после восстания 1755–1756 гг. закончился полным разорением и трагедией для большинства беглецов (*НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51. Л. 11-343*).

Башкиры не могли быть интегрированы в социальные структуры соседних кочевых народов без утраты своей идентичности. На Южном Урале еще в период Монгольской империи возник проект политического объединения, где горизонтальные связи между родоплеменными структурами доминировали над вертикальными. Сетевая структура башкирской политики не предполагала организации единого центра власти. Все башкирские роды были равны. Сами башкиры связывали формирование этой политики с именем Чингисхана. В XVII в. в Башкирии появилась особая редакция исторического сказания о Чингисхане и его потомках «Дафтар-и Чингизнаме». В отличие от азиатских источников о Чингисхане, в башкирском варианте описываемые события были перенесены на территорию Башкирского края, а главными героями повествования выступали башкиры (*Надергулов, 2001: 57*). Краткая версия истории о поисках Чингисхана по приказу его матери вошла во многие башкирские шежере. Башкирские роды не были прямо подчинены монгольским улусным правителям. На территории башкирских кочевий не было административных центров чингизидов,

что и было зафиксировано в этом источнике. В башкирской политике не было иерархии родовых структур, венчаемой чингизидом. Эгалитарная структура не принимала в расчет численность родового ополчения, размер территории, где проживал род, или древность его обитания на Южном Урале. Однако такая структура башкирского общества не обладала внутренними инструментами разрешения межродовых конфликтов. Поэтому башкирская политика должна была являться частью имперской структуры, которая была бы заинтересована в поддержании правопорядка и мира между родами. В случае ухода к казахам или каракалпакам башкирские роды уже не могли поддерживать привычные для них горизонтальные связи. Они должны были быть встроены в иерархическую вертикаль во главе с ханом. Альтернативным вариантом являлось поступление башкир в личные дружины ханов. Но подобный вариант ставил башкир в полную зависимость от ханов. По этим же причинам башкиры упорно уклонялись от создания собственного ханства, хотя в ходе каждого восстания ханы у них появлялись.

5. Заключение

Подведем итоги. Рассмотрение башкирских восстаний XVII–XVIII вв. в дискурсе цивилизационного или формационного подходов неизбежно приводит к характеристике их как национально-освободительных или антифеодальных выступлений. Мы считаем, что непротиворечивая трактовка башкирских восстаний возможна в рамках традиционных представлений самих башкир, основанных на мифе о Чингисхане. Этот миф легитимизировал вооруженное выступление против главы государства, который нарушил традиционные основы империи. Исторические истоки этого мифа следует искать в особом статусе башкир в политической конфигурации Монгольской, а впоследствии и Российской империй. Миф о Чингисхане, который установил полномочие курултая на смещение хана, башкиры трансформировали в соответствии с политической спецификой своего общества. Отсутствие в башкирском социуме институциональной элиты (белой кости) обусловило передачу права на смещение хана от съезда чингизидов к народному собранию. Все башкирские восстания начинались только после решений йыйынов, узаконивших вооруженный протест. С другой стороны, отсутствие у башкир своих чингизидов сделало имперский проект единственно возможным вариантом существования башкирской политики. Провозглашение собственного ханства во главе с приглашенным чингизидом могло рассматриваться башкирами лишь как средство давления на империю, но не в качестве основной цели восстания.

6. Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (соглашение №20-09-42053: «Трансформация отношений центра и этнической окраины в период Петровских преобразований (на примере нерусского населения Уфимской провинции первой четверти XVIII в.)»).

Литература

- Азнабаев, 2016** – Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII вв. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.
- Азнабаев, 2005** – Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2005. 210 с.
- Азнабаев, 1999** – Азнабаев Б.А. Уфимское дворянство в конце XVI – первой трети XVIII вв. (землевладение, социальный состав, служба). Уфа: Изд-во Башкирск. университета, 1999. 191 с.
- Акманов, 1993** – Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – первой трети XVIII вв. Уфа: Китап, 1993. 376 с.
- Акманов, 2016** – Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков: феномен в истории народов Евразии. Уфа: Китап, 2016. 376 с.
- Бабин, 2013** – Бабин Б.В. Право на сопротивление как глобальное право // *Юридические исследования*. 2013. № 5. С. 181-200.
- Валиди, 2010** – Валиди А.-З. История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
- Владимирцев, 1934** – Владимирцев Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: АН СССР, 1934. 224 с.
- Гафаров, Галеева 2018** – Гафаров А.А., Галеева М.А. Проблемы российского колониализма и антиколониального движения в отечественной научной литературе (вторая половина XIX–XX вв.) // *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2018. № 3. С. 18-28.
- Демидова, 2003** – Демидова Н.Ф. Башкирские посольства в Москву в XVII в. // *От древней Руси к России Нового времени*. М.: Наука, 2003. С. 176-184.
- Ерофеева, 2007** – Ерофеева И.Н. Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.
- Зинуров, 2001** – Зинуров Р.Н. Башкирские восстания и индейские войны – феномен в мировой истории. Уфа: Гилем, 2001. 536 с.

- Измайлов, 2002** – *Измайлов И.Л.* Формирование этнополитического самосознания населения Улуса Джучи: некоторые элементы и тенденции развития тюркско-татарской исторической традиции // *Источниковедение истории улуса Джучи*. Казань: АН РТ, 2002. С. 244-262.
- История..., 2011** – История башкирского народа. Уфа: Гилем, 2011. Т.3. 467 с.
- История..., 2012** – История башкирского народа // Сборник документов и материалов. 1574–1798 гг. Уфа: Гилем, 2012. Т. 3. 567 с.
- История..., 1996** – История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа: Китап, 1996. 520 с.
- Кант, 1965** – *Кант И.* Общее замечание относительно правовых следствий из природы гражданского союза. М.: Мысль, 1965. Т. 4. 478 с.
- Каппелер, 2000** – Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Традиция, 2000. 344 с.
- Кондуков, 2019** – *Кондуков В.Е.* Политическая теология Карла Шмитта: дискурс и метод // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2019. № 3. Т. 4. С. 49-78.
- Кузеев, 1960** – *Кузеев Р.Г.* Башкирские шежере. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. 304 с.
- Макглинн, 2011** – *Макглинн Ш.* Узаконенная жестокость. Правда о средневековой войне. Смоленск: Русич, 2011. 448 с.
- Материалы..., 1936** – Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.-Л.: АН СССР, 1936. Ч. 1. 631 с.
- НА УФИЦ РАН** – Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.
- Надергулов, 2001** – *Надергулов М.Х.* Башкирские рукописные исторические источники конца XIX – начала XX вв. и письменное наследие Г. Киикова // *Уникальные источники по истории Башкортостана / Материалы Первой межрегиональной научно-практической конференции и ассамблеи народов Республики Башкортостан, 19 декабря 2000 г.* Уфа: РИЦ БашГУ, 2001. 211 с.
- Нефедьев, 1834** – *Нефедьев Н.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 290 с.
- Новиков, 2006** – *Новиков Е.В.* Лики ностальгии // *Человек*. 2006. № 3. С. 21-31.
- Почекаев, 2014** – *Почекаев Р.Ю.* Казахские ханы XVIII в. в борьбе за власть над Башкирией: золотоордынское наследие в новых политико-правовых реалиях // *Научный ежегодник «Средневековые тюрко-татарские государства»*. 2014. № 6. С. 111-118.
- Почекаев, 2017** – *Почекаев Р.Ю.* Легитимация власти, узурпаторство и самозванство в государствах Евразии. Тюрко-монгольский мир XIII – начала XX вв. М.: Высшая школа экономики, 2017. 215 с.
- Почекаев, 2013** – *Почекаев Р.Ю.* Религиозные факторы легитимации власти в Золотой Орде и позднесредневековых тюрко-монгольских государствах XV–XVIII вв. // *Золотоордынское обозрение*. 2013. № 1. С. 65-96.
- Пузанов, 2014** – *Пузанов В.Д.* Размышление о причинах башкирских восстаний XVI–XVIII вв. / История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири / Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. 148 с.
- Рахимов, 2014** – *Рахимов Р.Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX вв. М.: РИСИ, 2014. 544 с.
- Рахматуллин, 1988** – *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII–XVIII вв.: Вопросы формирования небашкирского населения. М.: Наука, 1988. 188 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Таймасов, 2009** – *Таймасов С.У.* Башкирско-казахские отношения в XVIII в. М.: Наука, 2009. 317 с.
- Толстов, 1934** – *Толстов С.П.* Генезис феодализма в кочевых обществах. ИГАИМК. М., 1934. Вып. 103. С. 98-122.
- Устюгов, 1950** – *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.-Л.: АН СССР, 1950. 154 с.
- Фирсов, 1871** – *Фирсов Н.А.* Иностранческое население прежнего казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация Закамских земель // *Ученые записки Казанского университета*. 1871. Т. VI. С. 297-401.
- Шмитт, 2008** – *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
- Шмитт, 2000** – *Шмитт К.* Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. 336 с.
- Шмитт, 2016** – *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 588 с.
- Шорковиц, 2021** – *Шорковиц Д.* Была ли Россия колониальной империей? // *Nomadic civilization: historical research*. 2021. № 2. С. 86-104.
- Юдин, 1992** – *Юдин В.П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая // *Чингиз-наме*. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.

- Юрченко, 2006 – Юрченко А.Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингисхана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб.: Евразия, 2006. 640 с.
- Bernard, 1996 – Bernard S. Cohn. Colonialism and Its Forms of Knowledge. The British in India. Princeton: Princeton university press, 1996. 216 p.
- Gallagher, Robinson, 1953 – Gallagher J., Robinson R. The Imperialism of Free Trade // *Economic History Review. 2nd Series.* 1953. Vol.VI. No.1. P. 1-15.
- Sneath, 2009 – Sneath D. The Headless State, Aristocratic Orders, Kinship Society and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York: Columbia University Press, 2009. 273 p.

References

- Akmanov, 1993 – Akmanov, I.G. (1993). Bashkirskie vosstaniya XVII – pervoi treti XVIII vv. [Bashkir uprisings of the XVII – first third of the XVIII centuries]. Ufa. [in Russian]
- Akmanov, 2016 – Akmanov, I.G. (2016). Bashkirskie vosstaniya XVII-XVIII vekov: fenomen v istorii narodov Evrazii [Bashkir uprisings of the XVII-XVIII centuries: a phenomenon in the history of the peoples of Eurasia]. Ufa. [in Russian]
- Aznabaev, 1999 – Aznabaev, B.A. (1999). Ufimskoe dvoryanstvo v kontse XVI – pervoi treti XVIII vv. (zemlevladienie, sotsial'nyi sostav, sluzhba) [Ufa nobility at the end of the XVI – first third of the XVIII centuries (land ownership, social composition, service)]. Ufa. [in Russian]
- Aznabaev, 2005 – Aznabaev, B.A. (2005). Integratsiya Bashkirii v administrativnuyu strukturu Rossiiskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI – pervaya tret' XVIII vv.) [Integration of Bashkiria into the administrative structure of the Russian state (the second half of the XVI – first third of the XVIII centuries)]. Ufa. [in Russian]
- Aznabaev, 2016 – Aznabaev, B.A. (2016). Bashkirskoe obshchestvo v XVII – pervoi treti XVIII vv. [Bashkir society in the XVII – first third of the XVIII centuries]. Ufa. [in Russian]
- Babin, 2013 – Babin, B.V. (2013). Pravo na soprotivlenie kak global'noe pravo [The right to resist as a global right]. *Yuridicheskie issledovaniya.* 5: 181-200. [in Russian]
- Bernard, 1996 – Bernard, S. Cohn. (1996). Colonialism and Its Forms of Knowledge. The British in India. Princeton.
- Demidova, 2003 – Demidova, N.F. (2003). Bashkirskie posol'stva v Moskvu v XVII v. [Bashkir embassies to Moscow in the XVII century]. Moskva. [in Russian]
- Erofeeva, 2007 – Erofeeva, I.N. (2007). Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician]. Almaty. [in Russian]
- Firsov, 1871 – Firsov, N.A. (1871). Inorodcheskoe naselenie prezhnego kazanskogo tsarstva v novoi Rossii do 1762 goda i kolonizatsiya Zakamskikh zemel' [The foreign population of the former Kazan Kingdom in the new Russia before 1762 and the colonization of the Zakamsky lands]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta.* VI: 297-401. [in Russian]
- Gafarov, Galeeva, 2018 – Gafarov, A.A., Galeeva, M.A. (2018). Problemy rossiiskogo kolonializma i antikolonial'nogo dvizheniya v otechestvennoi nauchnoi literature (vtoraya polovina XIX-XX vv.) [Problems of Russian colonialism and the anti-colonial movement in Russian Scientific Literature (the second half of the XIX-XX centuries)]. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta.* 3: 18-28. [in Russian]
- Gallagher, Robinson, 1953 – Gallagher, J., Robinson R. (1953). The Imperialism of Free Trade. *Economic History Review:* VI. 1-15.
- Istoriya..., 1996 – Istoriya Bashkortostana s drevneishikh vremen do 60-kh godov XIX veka [The history of Bashkortostan from ancient times to the 60s of the XIX century]. Ufa, 1996. [in Russian]
- Istoriya..., 2011 – Istoriya bashkirskogo naroda [History of the Bashkir people]. Ufa, 2011. [in Russian]
- Istoriya..., 2012 – Istoriya bashkirskogo naroda [History of the Bashkir people]. Ufa, 2012. [in Russian]
- Izmailov, 2002 – Izmailov, I.L. (2002). Formirovanie etnopoliticheskogo samosoznaniya naseleniya Ulusa Dzhuchi: nekotorye elementy i tendentsii razvitiya tyurksko-tatarskoi istoricheskoi traditsii [Formation of ethno-political self-consciousness of the population of the Ulus of Jochi: some elements and trends in the development of the Turkic-Tatar historical tradition]. *Istochnikovedenie istorii ulusa Dzhuchi:* 244-262. [in Russian]
- Kant, 1965 – Kant, I. (1965) Obshchee zamechanie otnositel'no pravovykh sledstviy iz prirody grazhdanskogo soyuza [General comment on the legal consequences of the nature of a civil union]. Moskva. [in Russian]
- Kappeler, 2000 – Kappeler, A. (2000). Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia – a multinational empire: The Emergence. History. Disintegration]. Moskva. [in Russian]
- Kondurov, 2019 – Kondurov, V.E. (2019). Politicheskaya teologiya Karla Shmitta: diskurs i metod [Karl Schmitt's Political Theology: Discourse and Method]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk.* 3: 49-78. [in Russian]
- Kuzeev, 1960 – Kuzeev, R.G. (1960). Bashkirskie shezhere [Bashkir shezhere]. Ufa. [in Russian]

- Makglinn, 2011** – *Makglinn, Sh.* (2011). Uzakonennaya zhestokost'. Pravda o srednevekovoï voine [Legalized cruelty. The Truth about the Medieval War]. Smolensk. [in Russian]
- Materialy..., 1936** – Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR. Bashkirskie vosstaniya v XVII i pervoi polovine XVIII vv. (1936). [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Bashkir uprisings in the XVII and first half of the XVIII centuries]. Moskva-Leningrad. [in Russian]
- NA UFITs RAN** – Nauchnyi arkhiv Ufimskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Scientific Archive of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences].
- Nadergulov, 2001** – *Nadergulov, M.Kh.* (2001). Bashkirskie rukopisnye istoricheskie istochniki kontsa XIX – nachala XX vv. i pis'mennoe nasledie G. Kiikova [Bashkir handwritten historical sources of the late XIX – early XX centuries and the written heritage of G. Kiikov]. Ufa. [in Russian]
- Nefed'ev, 1834** – *Nefed'ev, N.* (1834). Podrobnye svedeniya o volzhskikh kalmykakh, sobrannye na meste [Detailed information about the Volga Kalmyks collected on the spot]. SPb. [in Russian]
- Novikov, 2006** – *Novikov, E.V.* (2006). Liki nostalgii [Faces of nostalgia]. *Chelovek*. 3: 21-31. [in Russian]
- Pochekaev, 2013** – *Pochekaev, R.Yu.* (2013). Religioznye faktory legitimatsii vlasti v Zolotoi Orde i pozdnesrednevekovykh tyurkomongol'skikh gosudarstvakh XV-XVIII vv. [Religious factors of legitimization of power in the Golden Horde and the late medieval Turkic-Mongolian states of the XV-XVIII centuries]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 1: 65-96. [in Russian]
- Pochekaev, 2017** – *Pochekaev, R.Yu.* (2017). Legitimizatsiya vlasti, uzurpatorstvo i samozvanstvo v gosudarstvakh Evrazii. Tyurko-mongol'skii mir XIII – nachala XX vv. [Legitimization of power, usurpation and imposture in the states of Eurasia. The Turkic-Mongolian world of the XIII – early XX centuries]. Moskva. [in Russian]
- Pochtekaev, 2014** – *Pochtekaev, R.Yu.* (2014). Kazakhskie khany XVIII v. v bor'be za vlast' nad Bashkiriëi: zolotoordynskoe nasledie v novykh politiko-pravovykh realiyakh [Kazakh Khans of the XVIII century in the struggle for power over Bashkiria: the Golden Horde heritage in new political and legal realities]. Nauchnyi ezhegodnik «Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva». 6: 111-118. [in Russian]
- Puzanov, 2014** – *Puzanov, V.D.* (2014) Razmyshlenie o prichinakh bashkirskikh vosstanii XVI-XVIII vv. [Reflection on the causes of the Bashkir uprisings of the XVI-XVIII centuries]. Kurgan. [in Russian]
- Rakhimov, 2014** – *Rakhimov, R.N.* (2014). Na sluzhbe u «Belogo tsarya». Voennaya sluzhba nerusskikh narodov yugo-vostoka Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX vv. [On the service of the "White Tsar". Military service of non-Russian peoples of the south-east of Russia in the XVIII – first half of the XIX centuries]. Moskva. [in Russian]
- Rakhmatullin, 1988** – *Rakhmatullin, U.Kh.* (1988). Naselenie Bashkirii v XVII-XVIII vv.: Voprosy formirovaniya nebashkirskogo naseleniya [The population of Bashkiria in the XVII-XVIII centuries: Issues of formation of the non-Bashkir population]. Moskva. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Shmitt, 2000** – *Shmitt, K.* (2000). Politicheskaya teologiya [Political Theology]. Moskva. [in Russian]
- Shmitt, 2008** – *Shmitt, K.* (2008). Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum [Nomos of the Earth in the law of peoples jus publicum europaeum]. SPb. [in Russian]
- Shmitt, 2016** – *Shmitt, K.* (2016). Ponyatie politicheskogo [The concept of political]. SPb. [in Russian]
- Shorkovits, 2021** – *Shorkovits, D.* (2021). Byla li Rossiya kolonial'noi imperiei? [Was Russia a colonial empire?]. *Nomadic civilization: historical research*. 2: 86-104. [in Russian]
- Sneath, 2009** – *Sneath, D.* (2009). The Headless State, Aristocratic Orders, Kinship Society and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York.
- Taimasov, 2009** – *Taimasov, S.U.* (2009). Bashkirsko-kazakhskie otnosheniya v XVIII v. [Bashkir-Kazakh relations in the XVIII century]. Moskva. [in Russian]
- Tolstov, 1934** – *Tolstov, S.P.* (1934). Genezis feodalizma v kochevykh obshchestvakh [The genesis of feudalism in nomadic societies]. Moskva. [in Russian]
- Ustyugov, 1950** – *Ustyugov, N.V.* (1950). Bashkirskoe vosstanie 1737-1739 gg. [Bashkir Uprising of 1737-1739]. Moskva-Leningrad. [in Russian]
- Validi, 2010** – *Validi, A.Z.* (2010). Istoriya bashkir [History of Bashkirs]. Ufa. [in Russian]
- Vladimirtsev, 1934** – *Vladimirtsev, B.Ya.* (1934). Obshchestvennyi stroi mongolov. Mongol'skii kochevoi feodalizm [The social system of the Mongols. Mongolian Nomadic feudalism]. Leningrad. [in Russian]
- Yudin, 1992** – *Yudin, V.P.* (1992). Ordy: Belaya, Sinyaya, Seraya, Zolotaya [Hordes: White, Blue, Gray, Gold]. Alma-Ata. [in Russian]
- Yurchenko, 2006** – *Yurchenko, A.G.* (2006). Istorieskaya geografiya politicheskogo mifa. Obraz Chingis-khana v mirovoi literature XIII-XV vv. [The historical geography of the political myth. The image of Genghis Khan in the world literature of the XIII-XV centuries.]. SPb. [in Russian]
- Zinurov, 2001** – *Zinurov, R.N.* (2001). Bashkirskie vosstaniya i indeiskie voiny – fenomen v mirovoi istorii [Bashkir uprisings and Indian wars – a phenomenon in world history]. Ufa. [in Russian]

О характере башкирских восстаний XVII–XVIII вековБулат Ахмерович Азнабаев ^{a,*}, Алексей Иванович Кортунов ^b^a Башкирский государственный университет, Российская Федерация^b Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Российская Федерация

Аннотация. На сегодняшний день объяснение характера башкирских восстаний XVII–XVIII вв. сводится к четырем распространенным концепциям: изначальной враждебности кочевой цивилизации к оседлому миру, стремлению башкир восстановить структуры Монгольской империи или даже создать собственное ханство, антиколониальному выступлению, феодальному сепаратизму башкирской кочевой знати. По нашему мнению, ни одна из представленных концепций не может дать непротиворечивого объяснения феномена башкирских восстаний. В свою очередь, мы предлагаем взгляд на данную проблему в дискурсе метода политической теологии К. Шмитта. Он выявил аналогию между политическими представлениями и теологическими понятиями данного конкретного общества. Мы утверждаем, что политические представления башкир XVII–XVIII вв. имели аналогию с мифом о Чингисхане, отразившимся в литературных текстах и шежере башкир. В этом мифе деяния Чингисхана признаются в качестве причины существующего мироустройства, однако дальнейшая история происходит уже без его руководящей роли. Демиургическая роль Чингисхана не стала основанием для сакрализации его потомков, которые подлежали смещению в случае нарушения ими заповедей своего предка. Подобная политико-правовая система вызывает аналогию с деизмом в теологии, который изгоняет «чудо из мира», запрещая суверену вторгаться в действующий правопорядок. Принципиальное расхождение ясы Чингисхана с концепцией правового государства Канта и Шмитта начинается с определения отношения к суверену, решившемуся на отмену действующего правопорядка, т.е. вводящего чрезвычайное положение. В чингисизме оно исключено и любое нарушение правопорядка должно пресекаться свержением правителя. Если на имперском уровне эта прерогатива принадлежала курултайю, то в Башкирии XVII–XVIII вв. ввиду отсутствия институциональной элиты эту роль выполняли йыйыны. После добровольного принятия российского подданства в середине XVI в. миф о Чингисхане был распространен башкирами на русских монархов. Все башкирские восстания XVII–XVIII вв. являлись следствием одностороннего нарушения российскими властями условий добровольного соглашения с башкирами, которые полагали, что сопротивление правителю, преступающему собственные законы, является проявлением лояльности государству. Пассивное сопротивление было исключено, потому что башкиры не могли быть интегрированы в социальные структуры соседних кочевых народов без утраты своей идентичности. На Южном Урале еще в период Монгольской империи возник особый вариант политического объединения, в котором горизонтальные связи между родоплеменными структурами доминировали над вертикальными. Подобная эгалитарная структура башкирского общества не обладала внутренними инструментами разрешения межродовых конфликтов. Башкирская полития должна была являться частью имперской структуры, которая была бы заинтересована в поддержании правопорядка и мира между родами. По этим же причинам башкиры уклонялись от создания собственного ханства.

Ключевые слова: башкирские восстания, чингисизм, политическая теология, башкирская полития.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: azbulatt@rambler.ru (Б.А. Азнабаев), kortunov@rambler.ru (А.И. Кортунов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1114-1124
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1114

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Natural and Climatic Conditions as a Factor of Development/Stagnation of Nomadic Societies (on the Example of the Kalmyks)

Irina V. Lidzhiyeva ^{a, *}

^a B.B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russian Federation

Abstract

The Kalmyk steppe of the Astrakhan province in the 19th – early 20th centuries was an administrative-territorial autonomy, the vast majority of the autochthonous population of which was engaged in pasture cattle breeding. One of the aspects of the integration policy of the Russian Empire in the region was the creation of a legislative framework that regulates the life of the nomadic people with the introduction of a sedentary lifestyle in the future. But to what extent the natural and climatic conditions of the steppe allowed the plowing of land, and what would be the expected efficiency of such activities in the region in the future, these factors were not taken into account either in the development of the long-term goal of the imperial policy in Kalmykia, or in the short term. The purpose of this article is to determine the influence of climatic conditions on the economic development of the steppe. Particular attention was paid to the analysis of quantitative indicators by year, which made it possible to identify favorable and crisis periods for the Kalmyk economy. In conclusion, the author comes to the conclusion that pastoral cattle breeding corresponded to the natural and climatic conditions and lifestyle of the local population, while attempts to spread arable farming in the steppe under arid climate conditions did not lead to a total improvement in the well-being of nomads, but caused the beginning of environmental problems of our time.

Keywords: Kalmyk steppe, Kalmyks, nomads, nomadic societies, natural and climatic conditions, cattle breeding, agriculture, economic development, welfare, arid climate.

1. Введение

Монотонные степные пространства Калмыкии, расположенные в границах Нижнего Поволжья, по определению Л.Н. Гумилева, входили в состав так называемой Великой Степи, где на протяжении тысячелетий, двигаясь с востока на запад, сменялись разные племена и народы, и только в XVII на берегах Волги водворились калмыки. Добровольно приняв подданство Российского государства, этот кочевой народ на протяжении более чем столетнего периода сохранял автономное положение. Обширные просторы степей выступали благоприятным фактором социально-экономического развития кочевников в новых геополитических условиях. Уход части калмыцкого населения в 1771 г. в Джунгарию послужил поводом к началу моделирования системы имперского управления в среде кочевников. 1800 г. стал датой официального установления института приставства в Калмыцкой степи как формы местной администрации, находившейся в подчинении сначала Коллегии иностранных дел, затем Министерства внутренних дел. Со второй четверти XIX в. на смену приставству приходит институт попечительства, переданный с учреждением в 1838 г. Министерства государственных имуществ в его ведение. Каждая из этих форм административного управления, построенная с учетом традиций и обычаев кочевого народа, была призвана обеспечить его интеграцию в общероссийское социально-экономическое пространство. Так, Правила для управления калмыцким народом 1825 г. определяли цель имперской политики в Калмыцкой степи следующим

* Corresponding author

E-mail addresses: irina-lg@yandex.ru (I.V. Lidzhiyeva)

образом: «введение калмыков постепенным образованием в состав общего гражданского управления» (Правила..., 1830: 155-161).

24 ноября 1834 г. император Николай I высочайше утвердил «Положение об управлении калмыцким народом», которое конкретизировало предыдущую формулировку, указывая на необходимость учреждения «...лучшего хозяйства, возбуждая в них любовь к трудам...» (Положение..., 1836: 18-39). Следующий законодательный акт, регулировавший жизнедеятельность калмыков и действовавший до начала XX в., – «Положение об управлении калмыцким народом» 1847 г. – вменял в обязанность нойонов и правителей улусов по отношению к простолюдином «внушать пользу трудолюбия и обзаведения постоянным хозяйством, приохочивать к оседлости, к устройству загонов для скота, колодцев для водопоя, к заведению садов, лесов, к распространению хлебопашества, огородничества, подавая в сем пример устройства собственного хозяйства и оказывая возможное содействие снабжением нуждающихся семенами, орудиями или образцами орудий и представлением отличившихся в хозяйстве к наградам» (Положение..., 1847: 349-372). Основная идея рассматриваемых законодательных актов заключалась в переводе калмыков-кочевников на оседлый образ жизни, соответственно, в приобщении их к земледельческому труду. Но насколько природно-климатические условия степи позволяли проводить распашку земель и какова в перспективе ожидается эффективность подобного рода деятельности в регионе, эти факторы не учитывались ни в разработке самой долгосрочной цели имперской политики в Калмыкии, ни в ближайшей перспективе.

2. Материалы и методы

Предметом исследования данной статьи выступает хозяйственная деятельность калмыков в XIX – начале XX вв. на фоне природно-климатических условий степи в контексте имперской политики. Основным источником для исследования послужили ежегодные Обзоры Астраханской губернии, выступавшие приложением к всеподданнейшим отчетам губернатора, которые содержали официальные статистические сведения, характеризующие состояние, в том числе, скотоводства и земледелия в регионе. Репрезентативность данного источника неоднократно ставилась под сомнение в связи с сокрытием лицами привилегированных сословий реальных показателей. Однако указанные «Обзоры» являются единственным систематическим изданием, которое иллюстрирует социально-экономическое состояние региона и которое сегодня доступно в электронном варианте на сайтах ведущих библиотек страны.

Исчерпывающую информацию о состоянии двух направлений хозяйственного развития калмыцкого общества в рассматриваемый период позволило получить использование статистического метода, тогда как применение сравнительного – дало возможность определить благоприятные и кризисные для хозяйства калмыков годы. Дальнейший ретроспективный анализ показал их взаимосвязь с погодными условиями и привел к выводу о неоднозначности последствий стремления имперских властей к тотальному приобщению кочевников к земледельческому труду.

3. Обсуждение

Проблема социально-экономического развития калмыцкого общества не раз выступала объектом исследования. Являясь непосредственными свидетелями хозяйственного развития калмыков-кочевников, чиновники, миссионеры и просто путешественники оставили неоценимые сведения о первых их шагах по освоению навыков ведения земледельческого труда и состоянии скотоводства, которые являются важными эмпирическими источниками, позволяющими реконструировать изменения в сознании кочевого народа и в концепции имперской политики в регионе (Хозяйственное..., 1809; Попов, 1839; Костенков, 1868; Житецкий, 1893).

Исследовательский интерес современных ученых в большей степени направлен на анализ хозяйственного развития в меняющихся условиях (Бурчинова, 1977; Горяев, Авлиев, 2015; Лиджиева, 2017). Несомненным авторитетом в разработке данного направления выступает профессор У.Э. Эрдниев, чьи труды базируются не только на архивных документах, но и на практических знаниях, полученных при непосредственном наблюдении (Эрдниев, 1985). Работы А.Н. Команджаева, основанные на многочисленных источниках из фондов как региональных, так и центральных архивных учреждений, представляют комплексное исследование многоаспектной проблемы хозяйственного развития кочевников в переломный период интеграции в общеимперское экономическое пространство (Команджаев, 1977; Команджаев, 1999). Несмотря на обширную историографическую базу, проблема влияния природно-климатических условий на хозяйственное развитие калмыков-кочевников Астраханской губернии осталась вне пределов исследовательской оптики.

4. Результаты

Примерно 15-5 тыс. лет назад на территории Калмыкии, по утверждению авторов фундаментального труда «Очерки истории Калмыцкой АССР», сложилась географическая среда, близкая к современной (Очерки..., 1967: 23). Континентальный климат степи характеризовался жарким, сухим летним периодом и холодным малоснежным – зимним. Климатической особенностью калмыцких степей являются суховеи, чья разрушительная сила наносит значительный ущерб

окружающей экосистеме, высушивая всю влагу и растительность. Однако эти бескрайние степи представляли привлекательное для кочевых народов место обитания. По утверждению К. Маркса, «способ производства племен, занимавшихся скотоводством, охотой и войной, требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени» (Маркс, Энгельс: 568). Калмыки, заняв близкое для привычного образа жизни новое географическое местоположение, перенесли традиционную систему хозяйствования, при этом адаптировались к новым условиям, стремясь не нарушить хрупкий природный баланс степи, что позволяло значительное время сохранять кочевой образ жизни при экстенсивном способе хозяйствования. Данное положение иллюстрируют слова Л.Н. Гумилева, который писал: «Человек, заселяя новый регион, меняет не анатомию или физиологию своего организма, а стереотип поведения» (Гумилев, 2006: 124).

Между тем основная цель имперской политики заключалась в интеграции Калмыцкой степи в общеимперское пространство, и основным способом выступал перевод кочевого населения на оседлость. Привлечение кочевников к оседлому образу жизни проводилось разными путями. Так, 30 декабря 1846 г. император Николай I подписал указ, данный министру государственных имуществ «О заселении дорог на калмыцких землях», согласно которому повелевалось учредить в Калмыцкой степи вдоль дорог 41 станицу. В документе особо акцентировалось внимание на поселении калмыков, прежде всего оно должно было осуществляться с добровольного их согласия и под контролем главного попечителя при непосредственном руководстве в казенных улусах правителей и попечителей, а во владельческих – нойонов-владельцев. Для поселения калмыкам предоставлялся участок земли, размер которого зависел от социального происхождения с правом постоянного пользования и сохранения возможности участия в пастьбе скота на общих землях, находящихся в пользовании улуса (О заселении..., 1847: 725-726).

Весной 1847 г. на правительственном уровне рассматривался вопрос о статусе различных социальных групп калмыцкого общества. Поводом к обсуждению стала жалоба одного из безаймачных зайсангов, поданная в 1842 г. в Правительствующий сенат на опекуна улуса, принуждавшего его «к уплате денежных повинностей наравне с простолюдинами» (РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. 1847 г. Д. 21. Л. 2). В соответствии с мнением Государственного совета от 31 марта 1847 г. безаймачные зайсанги при условии их поселения в учреждаемых на калмыцких землях станицах приравнивались к статусу аймачных зайсангов, «пользуясь преимуществами потомственных граждан». При этом отмечалось, что их «поселение предполагается с той именно целью, чтобы привлечь калмыков к оседлости и потом нечувствительным образом слить их в одно сословие с государственными крестьянами...» (РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. 1847 г. Д. 21. Л. 20). Калмыцкому управлению поручалось, чтобы дети зайсангов, пожелавших поселиться в станицах, в течение пяти лет не подвергались платежу повинностей, лежащих на простых калмыках. Для точного контроля за процессом рекомендовалось составить именные списки. Данная мера, безусловно, получила отклик в отдельных кругах, но не послужила примером для массового перехода калмыков-простолюдинов. Так, главный попечитель калмыцкого народа К.И. Костенков в своем отчете за 1869 г. отмечает, что «при отсутствии удобств и выгод от земледелия в здешнем крае, преимущественно в местности, занятой низменной калмыцкой степью, невозможно требовать от калмыков, чтобы они занимались земледелием, тем более что это занятие непривычное и несродное с характером и с условиями кочевого быта народа, к которому он вынужден отчасти вследствие неблагоприятных территориальных условий, в этих видах обращено должное внимание на устройство их степного хозяйства на более правильных и рациональных началах, которые могли бы приучить народ к постепенному переходу от бродячей жизни» (НАРК. Ф. И-9. Оп. 6. Д. 4. Л. 290б.). В 1862 г. на основании высочайше утвержденного ходатайства калмыкам отводились земли в следующих размерах: для привилегированных сословий на семейство: нойонам – 1500 десятин, зайсангам аймачным – 400 десятин, зайсангам безаймачным – 200 десятин, а калмыкам-простолюдинам от 30 до 60 десятин на душу, исходя от местности. При этом участки отводились компактно для лиц одного рода или аймака при условии постройки в течение одного года строений хозяйственного назначения. В случае неисполнения обязательств земля передавалась сторонним лицам. Именно это условие, как утверждали улусные попечители, вынуждало калмыков к устройству загонов для скота в зимнее время, «а занятие сенокосением для скота и отведенная им земля будут удерживать более на одном месте и отнимать возможность к прежнему бродячему образу жизни» (НАРК. И-9. Оп. 6. Д. 4. Л. 300б.). По мнению министра государственных имуществ М.Н. Островского, причина неудач имперской политики по переводу калмыков на оседлость, «кроме привязанности их к кочевому образу жизни, принесенной ими в Россию из глубины Азии, заключалась в географическом положении Калмыцкой степи» (Островский, 1892: 16).

Пастбищное скотоводство, являвшееся основой хозяйства и источником благосостояния калмыков, на протяжении всего рассматриваемого периода претерпевало значительные количественные колебания, вызванные не только субъективными факторами, к которым мы отнесли деятельность человека/государства, но и объективными – природно-климатическими условиями. Анализ приведенных в таблице 1 количественных показателей, отражающих состояние поголовья скота – лошадей, рогатого скота, овец, коз, свиней и верблюдов – в Калмыцкой степи, показывает,

что характерной особенностью динамики являются колебания всех показателей одного года с необоснованной закономерностью, то есть не обусловленные политическими событиями, военными кампаниями и т.п. Единственной причиной массового сокращения поголовья выступают климатические особенности региона, прежде всего суровые зимы. Так, по сведениям, приведенным К.И. Костенковым, зимой 1798 г. калмыки потеряли более 500 тыс. голов скота и, «не успев еще оправиться, снова потеряли в тридцатых годах нынешнего столетия [XIX – Авт.] почти половину голов и продолжают терять каждую зиму по несколько тысяч голов от болезней, шурганов и бескормицы» (Костенков, 1869: 42-43).

Таблица 1. Динамика количества скота в Калмыцкой степи Астраханской губернии (в шт.) (Обзоры..., 1870–1897 годы)

Год	Лошадей	Рогатого скота	Овец		Коз	Свиней	Верблюдов
			Простых	Тонкорунных			
1870	86 980	163 500	709 000	1 890	23 500	180	22 760
1875	57 832	129 150	584 329	869	7 376	32	18 814
1878	47 080	145 069	469 271	1 460	8 127	18	15 890
1880	38 952	98 784	352 345	3 500	4 995	-	11 839
1884	51 043	180 504	468 161		9 851	260	13 786
1885	55 576	199 227	622 220		12 363	330	13 827
1890	77 635	230 609	1 103 487		нет данных		20 785
1891	107 032	197 472	997 705	2 100	13 572	106	17 262
1892	163 784	158 959	771 215	2 292	13 455	21	18 018
1893	58 493	96 623	549 089	2 303	13 092	57	15 471
1895	69 109	105 973	601 831	8 860	9 097	740	17 409
1896	47 102	100 920	281 426	497	7 061	1 005	15 349
1900	65 381	109 328	337 030			396	16 470

Ознакомившись с жизнью калмыцкого населения, командированный летом 1897 г. в Калмыцкую степь чиновник особых поручений Н.Ф. Бурдуков писал: «Несмотря на огромное экономическое значение для населения степи скотоводства, последнее находится в полной зависимости от разных неблагоприятных атмосферических явлений и, как видно из предшествовавших годов, время от времени несет сильный урон» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. 1897 г. Д. 231. Л. 140б.). Сравнительный анализ количественных показателей в период с 1870 по 1900 гг. позволяет определить кризисные для калмыцкого скотоводства годы: 1) 1874/1875 гг.; 2) 1879/80 гг.; 3) 1892/93 гг.; 4) 1895/1896 гг.

Для подтверждения сделанных выводов мы обращаемся к официальным данным о состоянии погоды, содержащимся в годовых отчетах астраханских губернаторов. Так, в обзоре Астраханской губернии за 1875 год указано, что на состояние скотоводства в губернии повлияла «суровая продолжительная зима, сопровождаемая частыми сильными метелями, а также бывший в марте 1875 г. шторм с дождем и снегом» (Обзор..., 1876: 11). Зима 1879/80 гг. сопровождалась сильными морозами и глубокими снегами, что нанесло значительный ущерб скотоводству, констатируется в приложении к всеподданнейшему отчету за 1880 год (Обзор..., 1881: 13). В сложившихся тяжелых условиях с разрешения Министерства государственных имуществ была произведена организация продуктовой помощи для 8 511 калмыков на сумму в размере 8 345 руб., выделенных из средств общественного калмыцкого капитала. По данным вышеупомянутого министерства, масштабы голода в Киргизской степи, разразившегося по причине той же суровой и продолжительной зимы, были значительнее, чем у калмыков, что опять-таки стало следствием зависимости ее населения от милостей природы в результате экстенсивного скотоводства.

Губернская администрация, занимавшаяся, в том числе, и сбором сведений о климатическом состоянии в регионе, зафиксировала значительный объем осадков в январе и феврале 1893 г., вызвавших значительные снежные заносы и ставших причиной сильного падежа скота (Обзор..., 1893: 13).

И наконец, согласно тем же источникам, зима 1895–1896 гг. выдалась суровой, морозная, необычно снежная и ветряная, с оттепелями, которая началась в первых числах ноября и окончилась в последних числах марта (Обзор..., 1896: 1). Такие погодные условия не позволяли осуществлять выпас скота на подножных кормах, которые были недоступны для скота вследствие глубины снега, а так как сенные запасы или отсутствовали вообще, или были незначительными, закономерно стремление инородцев сбывать свой скот за сравнительно низкую цену на местных ярмарках, чтобы освободиться от расходов на его прокормление. По мнению астраханского губернатора Н.Н. Биппена, «экономические явления, подобные описанному, будут повторяться до тех пор, пока в сознании кочевников не проявится мысль о необходимости изменить условия их хозяйственного быта, поддерживаемая, по преданию, вынесенной из степей Азии, где они, по климатическим условиям,

может быть, не нуждались в принятии предупредительных мер от бескормицы» (Обзор..., 1871: 5). Таким образом, хозяйство кочевника только в зимний период могло пострадать от метелей (покалмычки – шуурган), степных заносов и оттепелей.

Кроме тяжелых зим, приносящих значительный ущерб хозяйству кочевника, не менее разрушительной являлась засуха, приводившая к падежу от бескормицы. В последней четверти XIX в. в результате деятельности попечительской администрации налаживалась заготовка сенных запасов, позволявшая минимизировать падеж. Так, 20 ноября 1884 г. главный попечитель калмыцкого народа Н.О. Осипов в своем рапорте, направленном в департамент общих дел Министерства государственных имуществ, сообщает, что «неурожай трав и плохое состояние подножных кормов в калмыцкой степи могут вызвать в предстоящую зиму нужду у кочевников в кормовых средствах для прокормления своего скота» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 24. Л. 4). При сложившихся обстоятельствах главный чиновник степи ходатайствует о разрешении на проведение закупки сена на 4 000 руб. из средств общественного калмыцкого капитала «с тем условием, чтобы сено это было распродано по заготовительной цене нуждающимся калмыкам за наличные деньги, а в случае необходимости и с отсрочкой платежа на один год» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 24. Л. 5). При благоприятных условиях зимовки предполагалось распродать сенные запасы сторонним лицам по цене, не ниже заготовительной. Следует отметить, что ранее нами рассматривался вопрос о налаживании имперской администрацией системы мониторинга подножных кормов (Лиджиева, 2017: 22-27). В приложении к всеподданнейшему отчету за 1885 год астраханский губернатор генерал-майор Н.М. Цеймерн в разделе о скотоводстве, констатируя рост поголовья скота в Калмыцкой степи, замечает, что «калмыки, видимо, начинают сознавать пользу улучшенного ухода за скотом и обеспечения его продовольствием на зиму путем заготовки сена, а также укрытия его от зимних стуж и буранов посредством устройства базов и загонов, число которых год от году увеличивается в степи» (Обзор..., 1885: 8). Однако во второй четверти XIX в. известный востоковед, профессор Казанского университета А.В. Попов выразил следующее мнение по поводу сенозаготовки: «Положим, что калмык, имеющий 10 голов скота, еще может при особенном усердии кое-как устроить постоянные загоны и косить на зиму сено; но есть ли средство все это сделать довольно зажиточному, который имеет у себя до 7 000 голов?» (Попов, 1839: 35). И то же самое в отношении строительства загонов. Но, несмотря на сохранение приверженности к традиционной форме ведения скотоводческого хозяйства, во второй половине XIX в. калмыцкое население постепенно приобщается к новым для него видам деятельности, пусть в незначительной степени, но позволявшим обеспечить свой скот кормами и обезопасить его в период продолжительных холодных зим.

Что же касается земледелия в Калмыцкой степи, то оно, по оценке губернской администрации в 1878 г., «находится на низкой ступени развития по причине непривычки калмыков к земледелию и неблагоприятных для него почвенных и климатических условий в степи» (Обзор..., 1879: 2). Более того, высшее должностное лицо губернии в 1880 г. утверждает, что «вообще Астраханская губерния по географическому положению, климатическим и почвенным условиям, а равно естественным богатствам, не может быть отнесена к земледельческим местностям по преимуществу» (Обзор..., 1880: 2). Соответственно при таких утверждениях полагаться на земледельческий труд как источник благосостояния нельзя, в особенности в степях Калмыкии. Сравнительно лучшие почвенные условия для земледелия представляет Ергенинская возвышенность, идущая погранично с областью Войска Донского, где калмыки, хотя и немногие, занимались хлебопашеством в более обширных размерах. В низменной же части степи, чем ближе к Астрахани, посевы хлебов даже в селениях крестьян встречались очень редко. Однако, по официальным данным 1880 г., несмотря на неблагоприятные условия, земледелие в Калмыцкой степи с каждым годом расширялось. Так, за исключением Эркетеневского, в Багацохуровском и Харахусовском улусах калмыки, хотя в незначительных размерах, стали заниматься земледелием. Данное направление получило преимущественное развитие в Малодербетовском улусе, тогда как неудавшиеся попытки начать обработку полей в местностях, прилегающих к Каспийскому морю, в Мочагах, послужили к отказу от земледелия «по причине невыгодности» (Обзор..., 1875: 2).

В Таблице 2 представлены сведения о масштабах посева и сбора озимых и яровых культур в Калмыцкой степи с 1870 по 1913 гг., взятые из официальных статистических отчетов.

Таблица 2. Динамика масштабов посева и сбора земледельческих культур в Калмыцкой степи Астраханской губернии (в четвертях) (Обзоры..., 1870–1897 годы)

Год	Пшеница		Овес	Ячмень	Просо	Лен	Рожь
	Озимая	Яровая					
1871							
1872	223/436	425/1 234	-	-	-	-	-
1873	338/428	480/462	-	-	-	-	-
1874	328/1 503	244/1 828	66/708	2/22	36/405	57/57	-
1875	-	164/620	78/530	-	36/300	34/796	334/1495
1876	-	292/478	129/561	-	9/626	43/240	363/1 817

1877	-	495/1 969	260/1 340	-	28/499	92/875	553/2 260
1878	-	1 172/6 828	320/2 058	-	93/2 021	240/1 000	938/5 355
1880	-	8 001/8 637	235/139	-	47/128	42/87	81/485
1881	-	211/970	-	-	7/15	-	204/969
1882	-	2 497/10 934	-	-	-	-	44/456
1883	63/235	1 234/5 876	257/1 231	19/60	121/107	11/240	1 276/6 640
1884	1 319/3 794	1 654/6 756	-	-	-	-	-
1885	102/0	1 317/968	265/108	8/0	106/25	16/0	1 483/1 362
1888	62/464	1045/5 972	174/789	10/68	40/306	18/130	905/3 466
1889	102/338	1 170/6 573	348/1 305	23/67	58/287	35/105	1 014/3 554
1890	127/0	1 227/5 634	267/1 100	14/0	63/74	39/0	1 011/3 200
1891	105/0	1 003/2 150	226/750	18/0	70/228	48/0	822/1 750
1892	54/0	662/1 594	94/54	15/0	49/174	20/0	305/0
1893	6/12	536/818	45/306	12/109	44/390	-	354/455
1895	22/48	450/1 098	88/196	-	59/155	4/32	786/2 527
1896	65/176	461/1 890	74/249	-	24/184	16/135	1 055/3 001
1897	163/70	862/229	102/2	29/5	122/94	-	1 103/229
1898	69/168	729/3 112	103/899	71/486	31/579	-	500/2 832
1900	236/1 109	381/1741	69/377	33/208	64/233	16/46	638/744
1901	119/217	3 325/2 321	951/334	157/18	126/89	117/126	3 494/2 553
1903	2 375/3 481	2 929/6 771	908/1 801	408/1 401	384/1 358	-	5 004/9 228
1904	459/2 747	550/2 468	241/500	57/20	78/28	-	1 001/4 080
1905	143/508	4 076/10 369	715/1 437	374/1 475	365/1 070	-	5 415/21 827
1906	374/717	853/1 107	146/132	212/229	66/328	-	873/396
1909	788/1 174	6 357/21 181	540/2 097	934/3 392	466/1 321	-	6 824/13 872
1910	445/128	5 925/2 595	664/152	308/98	134/160	-	9 543/3 522
1911	450/180	1 107/1 271	200/57	203/242	97/81	-	1 106/1 404
1912	984/890	3 429/5 892	330/244	741/1 019	144/177	30/84	3 593/6 795
1913	10 131 /38 571	37 781 /282 019	3 592 /22 990	7 959 /54 397	2 129/9 169	123/0	41 835 /262 040

Проведенный статистический анализ количественных показателей, представленных в [Таблице 2](#), позволяет разделить период с 1872 по 1913 гг. на две группы по принципу результативности посевов. К группе положительных результатов нами были отнесены годы, когда снято урожая в два раза более, чем посеяно. К группе годов с негативными результатами пришлось 1872, 1873, 1880, 1885, 1890, 1891, 1892, 1901, 1910, 1911, 1912. Обращаясь к описанию погодных условий, мы установили, что неудовлетворительные показатели урожайности засеянных калмыками полей стали следствием поздних холодных весен. Губернские власти вынуждены были констатировать, что «урожай хлебов в 1871 году вследствие холодов, поздней и сухой весны, недостатка дождей, причинивших засуху, а равно вследствие истребления в Енотаевском и Черныярских уездах хлебов на корне сусликами нельзя назвать вполне удовлетворительным» ([Обзор..., 1872: 1](#)). Продолжительная и холодная зима, приводившая к бескормице, обуславливала падеж рабочего скота и, как следствие, сокращение масштабов засеянных площадей в весенний период, как это было весной 1876 ([Обзор..., 1877: 1](#)) и 1880 гг. ([Обзор..., 1881: 3](#)).

Следующей причиной низкой результативности земледельческого труда калмыков стал знойный весенне-летний период с суховеями, на корню уничтожавший всходы. Например, весна 1892 г. отличалась сильными сухими ветрами, от которых пострадали травы и хлеба, оправившиеся только в мае вследствие выпавших дождей, а в июне погорели от жары ([Обзор..., 1892: 1](#)). Или, когда урожай хлебов в 1873 г. «по причине жаров и отсутствия в продолжение лета дождей, был крайне неудовлетворительный» ([Обзор..., 1874: 1](#)). Не меньший вред приносили суслики, истребившие, например, весь хлеб в 1873 г. Но неудачный сбор хлебов отчасти был вознагражден хорошим урожаем сенокосных трав на заливных лугах и в степных пространствах, который благоприятно повлиял на экономические условия населения, вполне обеспечив кормовым довольствием скот, составлявший преимущественный промысел местного населения и кочевников ([Обзор..., 1874: 1](#)).

Суслики – маленькие животные-грызуны, истребляя как посевы, так многолетние травы, являлись настоящим бедствием и для земледельцев, и для скотоводов, настолько, что проблема борьбы с ними обсуждалась на губернском уровне. Весной 1894 г. на основании распоряжения астраханского губернатора в Калмыцкой степи вступили в действие правила об уничтожении сусликов, разработанные особой совещательной комиссией при губернаторе и одобренные Министерством государственных имуществ. На основании указанного документа в Астраханской губернии вводилась натуральная повинность – истребление сусликов. Непосредственно на территории Калмыкии должно было ежегодно истреблено 350 тыс. грызунов, а доказательством исполнения этой повинности должны служить четыре лапки от каждого зверька ([РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 127. Л. 11-110б.](#)).

Состояние земледелия так же, как и садоводства и огородничества, в 1890–1892 гг. претерпевало изменения в худшую сторону, т. е. происходило сокращение масштабов посевных площадей и уменьшение численности людей, желающих заниматься земледельческим трудом.

По мнению губернских чиновников, причинами такого нежелательного явления следует считать качество почвы, малоудобное для земледелия вообще, недостаток во многих местностях пресной воды, а главным образом, обычную в Астраханской губернии весеннюю и летнюю засуху. Неурожай, повторяясь подряд несколько лет, отбивают всякую охоту заниматься земледелием (*Обзор...*, 1893: 5).

Полученный более чем 20-летний опыт распространения земледелия в Калмыцкой степи показал степень его эффективности, и уже к 70-м гг. имперская администрация явно осознавала, что данное направление хозяйственной деятельности астраханских калмыков не может стать основным, прежде всего в силу природно-климатических условий. Главный попечитель калмыцкого народа К.И. Костенков, одновременно являвшийся управляющим государственными имуществами Астраханской губернии и возглавлявший Кумо-Маньчскую экспедицию 1860–1861 гг., непосредственно изучив образ жизни калмыков, писал: «Свое скотоводство калмыки не решатся принести в жертву еще неизведанному ими хлебопашеству и притом такому занятию, которое, судя по опытам оседлых жителей, не может принести в здешнем крае тех выгод, как скотоводство, не представляя вместе с тем для калмыков даже особенной надобности...» (*Костенков, 1869: 40*). Между тем приведенные в таблице 2 сведения о посевах и сборах земледельческих культур показывают, что, несмотря на негативное влияние природно-климатических явлений, калмыки постепенно осваивали навыки обработки земли, и земледелие в Калмыцкой степи с каждым годом расширялось. Этому способствовала и поддержка со стороны властей. Так, например, в 1883 г. для поощрения калмыков к занятию земледелием, многим из них были выданы с разрешения Министерства государственных имуществ ссуды в размере 6 945 руб. 79 коп. на обзаведение и приобретение лучших сельскохозяйственных орудий (*Обзор...*, 1884: 5). Между тем следует согласиться с современными исследователями, утверждающими, что «переход кочующих инородцев к земледелию и оседлости в результате сокращения пастбищных угодий в процессе проводимой Российской империей в конце XIX – начале XX вв. земельной политики можно расценивать как вынужденную адаптацию к изменившимся условиям – сокращение пастбищных наделов» (*Мжельская, 2010*).

5. Заключение

Крайний южный регион Российской империи, обладая обширными степными пространствами, был обделен запасами водных источников, что в совокупности обусловило основное направление хозяйствования автохтонного населения, кочевой образ жизни которого соответствовал этим условиям. Степень урожая хлебов для Астраханской губернии, как губернии не земледельческой, не оказывает особенного влияния на благосостояние населения, для которого гораздо важнее степень урожая трав для поддержания значительного скотоводства, в особенности это относится к ее кочевым народам, всецело зависящим от природных условий. В ходе статистического анализа количественных показателей, характеризующих хозяйственное состояние, с описанием погодных условий была определена прямая зависимость скотоводства и в большей степени земледелия от климатического фактора. Попытки повсеместного распространения пашенного земледелия в степи в условиях аридного климата не привели к тотальному улучшению благосостояния кочевников, однако обусловили начало экологических проблем современности.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00313, <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>.

Литература

Бурчинова, 1977 – *Бурчинова Л.С.* Развитие животноводства в Калмыцкой степи Астраханской губернии в 60 – начале 90-х годов XIX в. // Из истории докапиталистических отношений в Калмыкии. Ставрополь: Краевая типография, 1977. С. 77-105.

Горяев, Авлиев, 2015 – *Горяев М.С., Авлиев В.Н.* Хозяйственная деятельность населения Калмыцкой степи (вторая половина XVIII – первая половина XIX века) // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 2-1. [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20946> (дата обращения: 22.05.2022).

Гумилев, 2006 – *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ: Астрель, 2006. 510 с.

Житецкий, 1893 – *Житецкий Ир. А.* Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1893. 73 с.

Команджаев, 1977 – *Команджаев А.Н.* К вопросу о развитии земледелия у калмыков в конце XIX – начале XX вв. // Из истории докапиталистических отношений в Калмыкии. Ставрополь: Краевая типография, 1977. С. 118-130.

Команджаев, 1999 – *Команджаев А.Н.* Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.

Костенков, 1868 – *Костенков К.И.* Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1868. 162 с.

Костенков, 1869 – *Костенков К.И.* Статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии // *Труды Астраханского губернского статистического комитета*. Вып. 1. Астрахань: Губернская типография, 1969. С. 1-57.

Лиджиева, 2017 – *Лиджиева И.В.* Хозяйство и природопользование в деятельности органов местного самоуправления калмыцкой степи в XIX – XX вв. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 46. С. 22-27.

Маркс, Энгельс, 1957 – *Маркс К., Энгельс Ф.* Вынужденная миграция. Кошут и Мадзини. Вопрос об эмигрантах. Избирательные подкупы в Англии. Г-н Кобден. Т. VIII. М.: Изд-во политической литературы, 1957. С. 565-571.

Мжельская, Воронина, 2010 – *Мжельская Т.В., Воронина А.А.* Переход кочевых инородцев к земледелию и оседлости как результат вынужденной адаптации в процессе реализации земельной политики Российской империи в Сибири в конце XIX – начале XX вв. // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perehod-kochevyh-inorodtsev-k-zemledeliyu-i-osedlosti-kak-rezultat-vynuzhdennoy-adaptatsii-v-protseesse-realizatsii-zemelnoy-politiki> (дата обращения: 13.06.2022).

НАРК – Национальный архив Республики Калмыкия.

О заселении..., 1847 – О заселении дорог на калмыцких землях в Астраханской губернии // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXI. Ч. 2. № 20758. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1847. С. 725-726.

Обзор..., 1870 – Обзор Астраханской губернии за 1870 год: Приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии за 1870 год. Астрахань: б.м., 1871. 64 с.

Обзор..., 1871 – Обзор Астраханской губернии за 1871 год: Приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии за 1871 год. Астрахань: б.м., 1872. 68 с.

Обзор..., 1873 – Обзор Астраханской губернии за 1873 год: Приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии за 1873 год. Астрахань: б.м., 1874. 37 с.

Обзор..., 1874 – Обзор Астраханской губернии за 1874 год: Приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии за 1874 год. Астрахань: б.м., 1875. 48 с.

Обзор..., 1876 – Обзор Астраханской губернии за 1875 год: Приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии. Астрахань: б.м., 1876. 50 с.

Обзор..., 1877 – Обзор Астраханской губернии за 1876 год: Приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии за 1876 год. Астрахань: б.м., 1877. 44 с.

Обзор..., 1879 – Обзор Астраханской губернии за 1878 год: Приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии за 1878 год. Астрахань: б.м., 1879. 54 с.

Обзор..., 1881 – Обзор Астраханской губернии за 1880 год: Приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии за 1880 год. Астрахань: б.м., 1881. 68 с.

Обзор..., 1883 – Обзор Астраханской губернии за 1882 год: Приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии за 1882 год. Астрахань: б.м., 1883. 69 с.

Обзор..., 1884 – Обзор Астраханской губернии за 1883 год: Приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии за 1883 год. Астрахань: б.м., 1884. 83 с.

Обзор..., 1886 – Обзор Астраханской губернии за 1885 год: Приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии за 1885 год. Астрахань: б.м., 1886. 54 с.

Обзор..., 1893 – Обзор Астраханской губернии за 1892 год: Приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии за 1892 год. Астрахань: б.м., 1893. 94 с.

Обзор..., 1894 – Обзор Астраханской губернии за 1893 год: Приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии за 1893 год. Астрахань: б.м., 1894. 75 с.

Обзор..., 1897 – Обзор Астраханской губернии за 1896 год: Приложение ко всеподданнейшему отчету начальника Астраханской губернии за 1896 год. Астрахань: б.м., 1897. 66 с.

Островский, 1892 – *Островский М.Н.* Всеподданнейший доклад Министра Государственных Имуществ по поездке в Калмыцкую степь в 1891 году. СПб.: Б.и., 1892. 72 с.

Очерки истории..., 1967 – *Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период*. М.: Наука, 1967. 479 с.

Положение..., 1836 – Положение об управлении калмыцким народом 1834 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. X. Ч. 2: прибавление к тому IX. № 7560а. Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1836. С. 18-39.

Положение..., 1848 – Положение об управлении калмыцким народом 1847 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXII. Ч. 1. № 21144. Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1848. С. 349-372.

Попов, 1839 – *Попов А.В.* Краткие замечания о приволжских калмыках. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1839. 32 с.

Правила..., 1830 – Правила для управления калмыцким народом / Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XL. № 30290. Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 155-161.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Хозяйственное..., 1809 – Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний: по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию Императорского Вольного Экономического Общества Высочайше одобренному и тщанием и иждивением оного Общества изданное. СПб.: Императорская тип., 1809. 597 с.

Эрдниева, 1985 – *Эрдниева У.Э.* Калмыки: историко-этнографические очерки. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1985. 282 с.

References

Burchinova, 1977 – *Burchinova, L.S.* (1977). *Razvitie zhivotnovodstva v Kalmytskoi stepi Astrakhanskoi gubernii v 60-nachale 90-kh godov XIX v.* [Development of animal husbandry in the Kalmyk steppe of Astrakhan province in the 60s-early 90s of the XIX century]. *Iz istorii dokapitalisticheskikh otnoshenii v Kalmykii.* Stavropol': Kraevaya tipografiya. Pp. 77-105. [in Russian]

Erdniev, 1985 – *Erdniev, U.E.* (1985). *Kalmyki: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Kalmyks: historical and ethnographic essays]. Elista: Kalmyk Book Publishing house, 282 p. [in Russian]

Goryaev, Avliev, 2015 – *Goryaev, M. S., Avliev, V.N.* (2015). *Khozyaistvennaya deyatel'nost' naseleniya Kalmytskoi stepi (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [Economic activity of the population of the Kalmyk steppe (second half of the XVIII – first half of the XIX century)]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya.* 2-1. [Electronic resource]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20946> (date of access: 22.05.2022). [in Russian]

Gumilev, 2006 – *Gumilev, L.N.* (2006). *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. M.: AST: Astrel', 510 p. [in Russian]

Khozyaistvennoe..., 1809 – *Khozyaistvennoe opisanie Astrakhanskoi i Kavkazskoi gubernii: po grazhdanskomu i estestvennomu ikh sostoyaniyu v otnoshenii k zemledeliyu, promyshlennosti i domovodstvu, sochinennoe po nachertaniyu Imperatorskogo Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva Vysochaishe odobrennomu i tschchaniem i izhdiveniem onogo Obshchestva izdannoe* [An economic description of the Astrakhan and Caucasian provinces: according to their civil and natural state in relation to agriculture, industry and home economics, composed according to the outline of the Imperial Free Economic Society, Highly approved and published by the care and dependence of this Society]. SPb.: Imperatorskaya tip., 1809. 597 p.

Komandzhaev, 1977 – *Komandzhaev, A.N.* (1977). *K voprosu o razvitiu zemledeliya u kalmykov v kontse XIX – nachale XX vv.* [On the development of agriculture among the Kalmyks in the late XIX – early XX centuries]. *Iz istorii dokapitalisticheskikh otnoshenii v Kalmykii.* Stavropol': Regional printing house. Pp. 118-130. [in Russian]

Komandzhaev, 1999 – *Komandzhaev, A.N.* (1999). *Khozyaistvo i sotsial'nye otnosheniya v Kalmykii v kontse XIX – nachale XX veka: istoricheskii opyt i sovremennost'* [Economy and social relations in Kalmykia in the late XIX – early XX century: historical experience and modernity]. Elista: APP "Dzhangar", 262 p. [in Russian]

Kostenkov, 1868 – *Kostenkov, K.I.* (1868). *Statisticheskoe-khozyaistvennoe opisanie Kalmytskoi stepi Astrakhanskoi gubernii* [Statistical and economic description of the Kalmyk steppe of Astrakhan province]. St. Petersburg: V. Bezobrazova Type and Comp., 162 p. [in Russian]

Kostenkov, 1869 – *Kostenkov, K.I.* (1869). *Statisticheskie svedeniya o kalmykakh, kochuyushchikh v Astrakhanskoi gubernii* [Statistical information about Kalmyks roaming in the Astrakhan province]. *Trudy Astrakhanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta.* Vyp. 1. Astrakhan: Gubernskaya tipografiya. Pp. 1-57. [in Russian]

Lidzhieva, 2017 – *Lidzhieva, I.V.* (2017). *Khozyaistvo i prirodopol'zovanie v deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya kalmytskoi stepi v XIX – XX vv.* [Agriculture and nature management in the activities of local self – government bodies of the Kalmyk steppe in the XIX - XX centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* 46: 22-27. [in Russian]

Marks, Engels, 1957 – *Marks, K., Engels, F.* (1957). *Vynuzhdennaya migratsiya. Koshut i Madzini. Vopros ob emigrantakh. Izbiratel'nye podkupy v Anglii. G-n Kobden. T. VIII* [Forced migration. Kossuth and Mazzini. The question of emigrants. Electoral bribery in England. Mr. Cobden. Vol. VIII]. M.: Publishing House of Political Literature. Pp.565-571. [in Russian]

Mzhel'skaya, Voronina, 2010 – *Mzhel'skaya, T.V., Voronina, A.A.* (2010). *Perehod kochevykh inorodtsev k zemledeliyu i osedlosti kak rezul'tat vynuzhdennoi adaptatsii v protsesse realizatsii zemel'noi politiki Rossiiskoi imperii v Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.* [The transition of nomadic foreigners to agriculture and settlement as a result of forced adaptation in the process of implementing the land policy of the Russian Empire in Siberia in the late XIX – early XX centuries]. *Interekspo Geo-Sibir'.* [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perehod-kochevykh-inorodtsev-k-zemledeliyu-i-osedlosti-kak-rezultat-vynuzhdennoy-adaptatsii-v-protsesse-realizatsii-zemelnoy-politiki> (date of access: 13.06.2022). [in Russian]

NARK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [National archive of the Republic of Kalmykia].

O zaselenii..., 1847 – O zaselenii dorog na kalmytskikh zemlyakh v Astrakhansko gubernii [About the settlement of roads on the Kalmyk lands in the Astrakhan province]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. XXI. Ch. 2. № 20758. SPb. Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1847. Pp. 725-726. [in Russian]

Obzor..., 1886 – Obzor Astrakhanskoi gubernii za 1885 god: Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu nachal'nika Astrakhanskoi gubernii za 1885 god [Review of the Astrakhan province for 1885: Appendix to the most comprehensive report of the chief of the Astrakhan province for 1885]. Astrakhan: without a place, 1886. 54 p. [in Russian]

Obzor..., 1870 – Obzor Astrakhanskoi gubernii za 1870 god: Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu nachal'nika Astrakhanskoi gubernii za 1870 god [Review of the Astrakhan province for 1870: Appendix to the most comprehensive report of the chief of the Astrakhan province for 1870]. Astrakhan: without a place, 1871. 64 p. [in Russian]

Obzor..., 1871 – Obzor Astrakhanskoi gubernii za 1871 god: Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu nachal'nika Astrakhanskoi gubernii za 1871 god [Review of the Astrakhan province for 1871: Appendix to the most comprehensive report of the chief of the Astrakhan province for 1871]. Astrakhan: without a place, 1872. 68 p. [in Russian]

Obzor..., 1873 – Obzor Astrakhanskoi gubernii za 1873 god: Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu nachal'nika Astrakhanskoi gubernii za 1873 god [Review of the Astrakhan province for 1873: Appendix to the most comprehensive report of the chief of the Astrakhan province for 1873]. Astrakhan: without a place, 1874. 37 p. [in Russian]

Obzor..., 1874 – Obzor Astrakhanskoi gubernii za 1874 god: Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu nachal'nika Astrakhanskoi gubernii za 1874 god [Review of the Astrakhan province for 1874: Appendix to the most comprehensive report of the chief of the Astrakhan province for 1874]. Astrakhan: without a place, 1875. 48 p. [in Russian]

Obzor..., 1876 – Obzor Astrakhanskoi gubernii za 1875 god: Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu nachal'nika Astrakhanskoi gubernii za 1876 god [Review of the Astrakhan province for 1875: Appendix to the most comprehensive report of the chief of the Astrakhan province for 1875]. Astrakhan: without a place, 1876. 50 p. [in Russian]

Obzor..., 1877 – Obzor Astrakhanskoi gubernii za 1876 god: Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu nachal'nika Astrakhanskoi gubernii za 1876 god [Review of the Astrakhan province for 1876: Appendix to the most comprehensive report of the chief of the Astrakhan province for 1876]. Astrakhan: without a place, 1877. 44 p. [in Russian]

Obzor..., 1879 – Obzor Astrakhanskoi gubernii za 1878 god: Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu nachal'nika Astrakhanskoi gubernii za 1878 god [Review of the Astrakhan province for 1878: Appendix to the most comprehensive report of the chief of the Astrakhan province for 1878]. Astrakhan: without a place, 1879. 54 p. [in Russian]

Obzor..., 1881 – Obzor Astrakhanskoi gubernii za 1880 god: Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu nachal'nika Astrakhanskoi gubernii za 1880 god [Review of the Astrakhan province for 1880: Appendix to the most comprehensive report of the chief of the Astrakhan province for 1880]. Astrakhan: without a place, 1881. 68 p. [in Russian]

Obzor..., 1883 – Obzor Astrakhanskoi gubernii za 1882 god: Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu nachal'nika Astrakhanskoi gubernii za 1882 god [Review of the Astrakhan province for 1882: Appendix to the most comprehensive report of the chief of the Astrakhan province for 1882]. Astrakhan: without a place, 1883. 69 p. [in Russian]

Obzor..., 1884 – Obzor Astrakhanskoi gubernii za 1883 god: Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu nachal'nika Astrakhanskoi gubernii za 1883 god [Review of the Astrakhan province for 1883: Appendix to the most comprehensive report of the chief of the Astrakhan province for 1883]. Astrakhan: without a place, 1884. 83 p. [in Russian]

Obzor..., 1893 – Obzor Astrakhanskoi gubernii za 1892 god: Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu nachal'nika Astrakhanskoi gubernii za 1892 god [Review of the Astrakhan province for 1892: Appendix to the most comprehensive report of the chief of the Astrakhan province for 1892]. Astrakhan: without a place, 1893. 94 p. [in Russian]

Obzor..., 1894 – Obzor Astrakhanskoi gubernii za 1893 god: Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu nachal'nika Astrakhanskoi gubernii za 1893 god [Review of the Astrakhan province for 1893: Appendix to the most comprehensive report of the chief of the Astrakhan province for 1893]. Astrakhan: without a place, 1894. 75 p. [in Russian]

Obzor..., 1897 – Obzor Astrakhanskoi gubernii za 1896 god: Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu nachal'nika Astrakhanskoi gubernii za 1896 god [Review of the Astrakhan province for 1896: Appendix to the most comprehensive report of the chief of the Astrakhan province for 1896]. Astrakhan: without a place, 1897. 66 p. [in Russian]

Ocherki istorii..., 1967 – Ocherki istorii Kalmytskoi ASSR. Dooktyabr'skii period [Essays on the history of the Kalmyk ASSR. The pre-October period]. Moscow: Nauka, 1967. 479 p. [in Russian]

Ostrovskii, 1892 – *Ostrovskii, M.N.* (1892), Vsepoddanneishii doklad Ministra Gosudarstvennykh Imushchestv po poezdke v Kalmytskuyu step' v 1891 godu [The most comprehensive report of the Minister of State Property on a trip to the Kalmyk steppe in 1891]. St. Petersburg: Without publishing house, 1892. 72 p. [in Russian]

Polozhenie..., 1836 – Polozhenie ob upravlenii kalmytskim narodom, raspublikovannoe 28 dekabrya 1835 g. [Regulation on the management of the Kalmyk people]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. X. Pribavlenie k T. IX. № 7560a. Otdelenie vtoroe. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1836. Pp. 18-40. [in Russian]

Polozhenie..., 1848 – Polozhenie ob upravlenii kalmytskim narodom, raspublikovannoe 1847 g. [Regulation on the management of the Kalmyk people]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. XXII. № 21144. Otdelenie pervoe. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1848. Pp. 349-372. [in Russian]

Popov, 1839 – *Popov, A.V.* (1839). Kratkie zamechaniya o privolzhskikh kalmykakh. [Brief remarks about the Volga Kalmyks]. SPb.: type. Imp. Acad. Sciences, 32 p. [in Russian]

Pravila..., 1830 – Pravila dlya upravleniya kalmytskogo naroda [Rules for the administration of the Kalmyk people]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. XL. № 30290. Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1830. Pp. 155-161. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Zhitetskii, 1893 – *Zhitetskii, Ir.A.* (1893). Ocherki byta astrakhanskikh kalmykov. Etnograficheskie nablyudeniya 1884–1886 gg. [Essays on the life of the Astrakhan Kalmyks. Ethnographic observations of 1884–1886]. M. Tip. M. G. Volchaninova, 73 p. [in Russian]

Природно-климатические условия как фактор хозяйственного развития кочевых обществ (на примере калмыков)

Ирина Владимировна Лиджиева ^{a, *}

^a Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Российская Федерация

Аннотация. Калмыцкая степь Астраханской губернии в XIX – начале XX вв. представляла собой административно-территориальную автономию, абсолютное большинство автохтонного населения которой занималось пастбищным скотоводством. Одним из аспектов интеграционной политики Российской империи в регионе являлось создание законодательной базы, регулирующей жизнедеятельность кочевого народа с приобщением в перспективе к оседлому образу жизни. Но насколько природно-климатические условия степи позволяли проводить распашку земель и какова в перспективе ожидается эффективность подобного рода деятельности в регионе, эти факторы не учитывались ни в разработке самой долгосрочной цели имперской политики в Калмыкии, ни в ближайшей перспективе. Целью данной статьи является определение влияния климатических условий на хозяйственное развитие степи. Основным источником для написания статьи послужили ежегодные Обзоры Астраханской губернии, выступавшие приложением к всеподданнейшим отчетам губернатора, которые содержали официальные статистические сведения, характеризующие состояние, в том числе, скотоводства и земледелия в Калмыцкой степи. В качестве методов исследования использованы: статистический, сравнительный и ретроспективный. Особое внимание было уделено анализу количественных показателей по годам, позволившему выявить благоприятные и кризисные периоды для хозяйства калмыков. В заключение автор приходит к выводу о том, что пастбищное скотоводство соответствовало природно-климатическим условиям и образу жизни местного населения, тогда как попытки повсеместного распространения пашенного земледелия в степи в условиях аридного климата не привели к тотальному улучшению благосостояния кочевников, однако обусловили начало экологических проблем современности.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, калмыки, кочевники, кочевые общества, природно-климатические условия, скотоводство, земледелие, хозяйственное развитие, благосостояние, аридный климат.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: irina-lg@yandex.ru (И.В. Лиджиева)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1125-1139
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1125

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Konstantin Pavlovich Romanov and Poland: Missed Opportunities

Elena I. Mayorova ^a, Rosalina V. Shagieva ^{a, *}, Yucel Ogurlu ^b, Valery V. Romanov ^c

^a State University of Management, Moscow, Russian Federation

^b Istanbul Commerce University, Istanbul, Turkey

^c Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to a rather important area of relations between the Russian Empire and the Kingdom of Poland over a rather long period – the end of the 18th – the beginning of the 19th centuries, filled with fateful events that determined the negative context of these relations for the next centuries. The authors set the goal of creating a scientific model of such a variant of historical development, in which the reality of the possible influence of Grand Duke Konstantin Pavlovich Romanov on changing the vector of coexistence between Russia and Poland is hypothetically assessed. The main milestones in the life and character traits of this historical figure are analyzed in the context of possible alternatives to his activities before and during his 15-year stay in Poland. Despite the underestimation and even denial of the role of the individual in history by some experts, the qualities inherent in rulers who make fateful decisions that determine the fate of their subjects are of considerable importance. This is clearly seen in the example of the fate and activities of the hero of the article. The author's vision of the person of Tsesarevich Konstantin Pavlovich as a bright and popular personality (it was not for nothing that several False Konstantins appeared after his death) shows that historical science underestimated the power of influence of his character traits on the fate of the Polish state. To substantiate the assumption, the methods of source study, historical and logical analysis and synthesis are used, which made it possible to consider the relationship between the Poland he ruled and the Russian Empire from the point of view of the individual qualities of the governor. The source base includes both classical studies of this issue (S. M. Solovyov), memoirs and memoirs, as well as modern research (Stegniy P. V. and others). The methods of historical retrospection, chronological and problem-analytical approaches make it possible to model the likelihood of an alternative history: smoothing out the contradictions between the two Slavic countries and returning independence to Poland.

Keywords: the Russian Empire, the Commonwealth, Empress Catherine 2, conspiracy, the murder of Paul 1, Tsarevich Konstantin, debauchery, divisions of Poland, Polish gentry constitution.

1. Введение

Несмотря на преуменьшение, а то и отрицание некоторыми специалистами роли личности в истории, качества, имманентно присущие правителям, стоящим у власти, принимающим судьбоносные решения, определяющим участь подданных, имеют значение. Это хорошо просматривается на примере судьбы и деятельности цесаревича Константина Павловича, авторское видение персоны которого как яркой и популярной личности (недаром после его кончины появилось несколько Лже-Константинов) показывает, что историческая наука недооценила силу влияния ее особенностей на судьбы польского государства. Политические явления, исторические события совершаются в немалой степени человеческой волей, человеческими страстями, питаются явными и

* Corresponding author

E-mail addresses: shagsas@mail.ru (R.V. Shagieva), troloo3@mail.ru (E.I. Mayorova), yogurlu@ticaret.edu.tr (Y. Ogurlu), wwr@bk.ru (V.V. Romanov)

сокровенными побуждениями участников. Реальность всегда переплетена куда более прочными нитями человеческих судеб, чем это кажется на первый взгляд. Обладая цесаревич другими качествами характера – решительностью, твердостью, последовательностью, дипломатичностью – он мог бы сохранить относительную независимость Польши, ее конституционное устройство, традиционную выборность верховного правителя, направить развитие страны в русло европейских демократических ценностей с тем, чтобы они эволюционным путем были восприняты и впитаны обществом российским.

Проблема взаимоотношений личности и власти не теряет своей актуальности и продолжает вызывать закономерный интерес у исследователей. Изучение основных вех жизни и особенностей личности великого князя Константина Павловича Романова позволяет в оригинальном историческом контексте раскрыть механизмы взаимоотношений управляемой им Польши и Российской империи. К несчастью, этот представитель дома Романовых не слишком подходил на роль миротворца и устроителя вековых взаимных обид, унижений и попрания прав. Целью статьи выступает рассмотрение характера и обстоятельств жизни великого князя Константина Павловича Романова как предпосылки неудачи очередной попытки сглаживания противоречий и разногласий между Россией и Польшей, а также исторических причин того, что возможность примирения двух славянских народов в очередной раз была упущена.

2. Материалы и методы

Методической базой работы, осуществленной на основе историко-библиографического анализа ряда опубликованных воспоминаний и мемуаров отечественных и зарубежных современников о цесаревиче Константине Павловиче (А.А. Бестужев-Марлинский, княгиня В.Н. Головина, князь П.А. Вяземский, граф Е.Ф. Комаровский, К. Массон, В.И. Штейнгель и др.), а также – на основе критически-аналитического осмысления работ российских авторов, посвященных социально-политическим условиям конца XVIII – начала XIX веков, послужили принципы историзма, научной объективности и достоверности. Как приемы историко-политического исследования использовались ретроспективный, иллюстративный, персонально-биографический методы, а также метод исторической реконструкции. Методом научного синтеза, двигаясь от конкретного к абстрактному, исходя из общих посылок, в т. ч. гипотетического характера, авторы из имеющихся прекурсоров посредством сложного их соединения, объединяя многообразие в единство, диалектически достигли нового знания. С помощью аксиоматического научного подхода не только путем компиляции, эклектики, механического совмещения исходных элементов («научных прекурсоров») в работе осуществлен переход от известного к неизвестному и получен сложный новый продукт. Опираясь на общепризнанные научные теории относительно предмета исследования, авторы сформировали собственное видение рассматриваемой проблемы.

3. Обсуждение

Анализом исторических событий, в которые были вовлечены главные действующие лица данного исследования, занимались и занимаются многие ученые. Однако роль цесаревича Константина Павловича Романова в этих событиях рассматривается как второстепенная. Этот представитель российского царствующего дома, видимо, в связи с тем, что находился в тени царственного старшего брата, так и не получил никакого престола, не удостоился и монографических исследований. Наиболее известное его жизнеописание принадлежит русскому писателю и историку Е.П. Карновичу ([Карнович, 1899: 51-173](#)). Великий князь Константин упоминается в русских и иностранных биографических словарях; воспоминания о нем, в основном негативного характера, встречаются в мемуарах ряда придворных, декабристов ([Головина, 1900: 145-156](#); [Давыдов, 1999: 450-465](#); [Штейнгель, 1985: 148-209](#)). В наше время исследованию его личности и жизненного пути посвятили свои работы О.С. Каштанова ([Каштанова, 2000: 48-134](#)) и М.А. Кучерская ([Кучерская, 2005: 39-78](#)). Во второй работе в условиях дефицита фактического материала повествование дополнено анекдотами, слухами и куплетами.

В отечественной литературе эволюция поведения великого князя Константина в Польше не изучалась. Но польские историки ([Czynski, Demoliere, 1833: 156-167](#); [Pienkos, 1987: 65-89](#)) не могли обойти этот вопрос: с именем цесаревича связан 15-летний период в истории их родины и восстание 1830 года.

Однако до сих пор в различных ретроспективных контекстах мало внимания обращалось на то, какую роль во всем происходящем в то время в России и в Европе могли сыграть (и сыграли ли?) личностные качества героя. Константин Павлович Романов в силу своего происхождения оказался в гуще судьбоносных событий конца XVIII – начала XIX вв. Уместно вспомнить, что в период царствования Петра I внешнеполитические экспансионистские цели России включали, наряду с северо-западным направлением, колонизацию огромной территории до самого Черного и Каспийского морей с целью трансформации России в морскую и торговую державу. Экспансия Правобережной Украины, принадлежавшей в то время Речи Посполитой, являлась важнейшим

направлением российской внешней политики. Можно сказать, что Петр заложил основу средиземноморской дипломатии императрицы Екатерины II (Sanin, 2015: 229-230).

Когда Королевство Польское в 1654 г. подверглось нападению со стороны Российской империи с востока и Швеции с севера, Османская империя силами крымских татар поддержала поляков. Такая ситуация продолжалась до 1669 г., затем конфронтация Польши и Российской империи несколько ослабела (Ogurlu, 2022). Со времени Карловицкого мира 1699 г., в результате которого России не удалось получить Керченский пролив, турецкая угроза постепенно трансформировалась в Восточный вопрос.

Были восстановлены дипломатические связи с Турцией. Россия получила право иметь постоянного посла в Высокой Порте: первым русским послом в Константинополе в 1702 г. стал Петр Толстой (Yinanç, 2012: 29)

При Екатерине Великой, следовавшей для расширения своего влияния на Польшу стратегии Петра I, польские земли, несмотря на сопротивление патриотов, были разделены между Российской империей, Габсбургской монархией и Пруссией королевством (Ogurlu, 2022). Во второй половине правления императрица основывала польскую политику на «миссионерстве» и философии «Москва – третий Рим». Она способствовала признанию свободы вероисповедания и богослужения: не католикам открылся доступ ко всем должностям Речи Посполитой. Православие использовалось Екатериной как политический инструмент для легитимации политики раздела Польши в 1772 г. (Walicki, 2013: 37).

Династическая политика императрицы основывалась на наличии у короны наследников мужского пола, четырех внуков императрицы, «принцев крови». Им предназначалась роль правителей православных государств, которых пока не существовало, но в перспективе возникновение их было возможно и желательно. Особенности характеров и склонностей этих молодых людей оказывали влияние как на внутреннюю жизнь России, так и на внешнеполитические вопросы.

Большинство исторических исследований могли бы многое потерять в убедительности без знаний о людях, участвовавших в значительных событиях прошлого. Наша позиция заключается в том, что, поскольку история творится людьми, не зная характера и судеб этих творцов, мы рискуем остаться в области умозрительных построений и оказаться на зыбкой почве ретроспективных предположений. Биографическое разыскание, не являясь самоцелью, может присутствовать в любом «расследовании» прошлого, позволяя сделать необходимые акценты в его историческом содержании или попытаться ответить на поставленные в настоящее время злободневные вопросы. В связи с таким подходом данная работа является весьма актуальной.

Для восполнения определенных пробелов исторического видения нами проведено исследование, в котором предпринята попытка дать целостную событийную характеристику жизни и деятельности некоторых представителей династии Романовых. Сквозь призму прямых и опосредованных личностных отношений проступают очертания важнейших исторических реалий, относящихся к рассматриваемому периоду. Анализ этих связей представляется весьма результативным в контексте раскрытия малоизвестных деталей и упущенных возможностей в отношениях России и Польши, остающихся весьма сложными и сейчас.

4. Результаты

Императрица Екатерина Великая, принцесса из мелкого северогерманского княжеского дома, вынашивала грандиозные планы расширения Российской империи. С детства воспитанная в лютеранстве, в юности она приняла православие и, встав во главе русского государства, глубоко прониклась идеей, выдвигание которой приписывалось старцу псковского Елеазарова монастыря Филофею: «Москва – Третий Рим». Взор императрицы простирался на юг, где одряхлевшая Османская империя, Блистательная Порта, еще удерживала власть над греческим Константинополем.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор (июль 1774) (Сазонов, 1992: 91-92), закрепивший победы русской армии в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг., стал большим успехом российской дипломатии. К России были присоединены Азов, Керчь, Еникале и Кинбурн с землями между Днепром и Бугом, подготовлена почва для присоединения Крыма и сопредельных татарских областей, установлен русский протекторат над Молдавией и Валахией.

Однако императрица не собиралась останавливаться на достигнутом. Ее грандиозный «греческий проект» предусматривал создание государства Дакии, включавшего Молдавию, Валахию и Бессарабию. По мысли Екатерины, Дакия никогда не должна была объединяться ни с Австрией, ни с Россией; смысл ее существования состоял в ликвидации общих границ России, Австрии и Османской империи. Отвоение у османов юга Балканского полуострова, возрождение Византийской империи и воцарение императора из дома Романовых стало ее «программой-максимум» (Гриффитс, 2013: 349-368).

Но реализация «греческого проекта» была невозможна без урегулирования польского вопроса. Начиная с XVI и до середины XVII веков огромная Речь Посполитая, простиравшаяся от Балтийского до Черного морей, являлась лидером в Центральной и Восточной Европе. Однако со временем она превратилась в государство слабое, неспособное защитить собственные границы и вести самостоятельную политику. В 1764 г. при российской поддержке на престол Польши был избран Станислав Понятовский (1732–1798), фаворит императрицы Екатерины, никогда не проявлявшей

скуности к своим любовникам (Карнович, 1899: 102). В 1767 г. через пророссийски настроенную польскую знать и российского посла в Варшаве князя Репнина Екатерина II инициировала принятие конституции Речи Посполитой, введившей веротерпимость и исключавшую *liberum veto* – право любого шляхтича-депутата отменить обсуждение вопроса или распустить Сейм, аннулировав все акты, принятые во время его заседания. Часть патриотов, недовольная политикой короля, объединилась в вооруженный союз – конфедерацию, созданную в Баре, городе недалеко от границы с Турцией. Барская конфедерация стала первым массовым протестом против российского господства (Сковронек, 1994: 37).

Конфедераты рассчитывали на поддержку Франции и Турции, но Версаль устранился, и активность проявляла только Порта. Пруссия, намеревавшаяся завладеть Поморьем, чтобы соединить свои западную и восточную части и лишить Речь Посполитую выхода к Балтийскому морю, только сеяла раздор.

Вмешательство в военные действия А.В. Суворова в 1770 г. сломило сопротивление конфедерации и положило конец надеждам патриотов.

Первый раздел Польши произошел между Австрией и Россией в 1772 г. Екатерина II рассказала Иосифу II о своем «Великом плане» (Rusakov, 2013: 47-48).

Неустройство в государстве повлекло первый раздел Речи Посполитой в 1772 г. между Пруссией, Австрией и Россией – так называемого «Союза Трех Черных Орлов» (на гербах союзников был изображен черный орел в отличие от польского белого орла) (Стегний, 2002: 102-105).

Екатерина II сначала противилась плану раздела, поскольку ей и без того фактически принадлежала вся Речь Посполитая, но 19 февраля 1772 г. в Вене была подписана конвенция о разделе с условием, чтобы приобретаемые тремя державами доли были равны. России достались части Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, а Австрии и Пруссии – территории Польской «короны» (то есть собственно Польши в сегодняшнем понимании) (Саонов, 1992: 173-176).

Исключительно трудная геополитическая задача – закрепиться на черноморских берегах – решалась путем первой русско-турецкой войны (1768–1774). Настоящий стратег на троне, императрица мыслила с большим задумом на будущее. Весной 1775 г. в Петербурге был создан Греческий кадетский корпус – «Особливое училище для отправляемых в С.- Петербург из Архипелага греческих мальчиков». Нелюбимый матерью цесаревич Павел не вписывался в ее далеко идущие планы, но к его сыновьям, своим внукам, Екатерина испытывала привязанность. Рождение в 1779 г. второго из них показало императрице знаком небес. Идея изгнать турок, передать престол правителю из дома Романовых получила воплощение в выборе имени внуку. В честь великого греческого императора, даровавшего своему народу христианскую веру, младенца нарекли Константином, а его кормилицей символически была назначена гречанка Елена Иордановна.

Екатерина не была бы женщиной, не намеки она *urbi et orbi* на свои державные намерения: изданный правительственный манифест оповещал, что «от новорожденного можно ожидать увеличения славы и могущества России» (Ragsdale, 1988: 93). Убедившись, что ребенок крепок и здоров, царица повелела выбить медаль с изображением Софийского собора в Константинополе.

В этом же году начался выпуск офицеров из Греческого корпуса. Они участвовали во всех военных походах российского флота и в борьбе за независимость Греции. Многие православные юноши достойно служили России до конца жизни.

К семилетнему царевичу был приставлен учитель эллино-греческого языка и одновременно «дядька», 16-летний греческий дворянин Дмитрий Курута. Благодаря греческому окружению великий князь Константин Павлович владел греческим практически наравне с русским.

На протяжении всей дальнейшей жизни Курута оставался рядом со своим воспитанником. Современники считали его близость с великим князем если не спасительной, то исключительно благотворной. Только наставник умел умерять его вспыльчивость и гневливость, успокаивать ярость, обычно выражающуюся в потоке ругательств, преимущественно на греческом языке.

Воинственный характер будущего императора подкреплял надежды греков на возрождение Византийской империи. Посещавшие его с заверениями преданности и почтения греческие моряки, вместе с русскими бывшие турок при Наварине и Чесме, рассказывали, что Константин как реликвию приобрел нож, которым был убит видный турецкий деятель (Kamovich, 1899: 8).

Европейские государства с беспокойством восприняли эту заявку России на Причерноморье и Кавказ. В то время как в Санкт-Петербурге канцлер Безбородко вместе с Григорием Потемкиным работали над «Мемориалом по делам политическим», в котором излагались положения «греческого проекта», Франция и Великобритания вели дипломатическую интригу, направленную против России и ее союзницы Австрии. В результате австрийский император Иосиф II занял двойственную позицию и не поддержал наиболее амбициозные планы Екатерины (Петрова, 2011: 253-276).

Тем не менее русский флот сосредоточился на Черном море, а 8 апреля 1783 г. был выпущен манифест о присоединении к Российской империи Крыма, Тамани и кубанских татар. Новоприосоединенные владения стали называться Тавридой.

Султан вынужден был признать формальным актом присоединение этих территорий к Российской империи, но Порты не смирилась с поражением. Обе стороны стали деятельно готовиться к реваншу (Лебедев, 2011: 28-29).

На пороге войны с Турцией Россия рассчитывала на союз с Польшей, которой предназначалась важная роль в предстоящих военных действиях и дипломатических переговорах. От того, чью сторону примут поляки, зависело и европейское равновесие (Сковронек, 1994: 39). Г.А. Потемкин, князь Таврический, высказывался в пользу нового раздела Речи Посполитой с тем, чтобы ослабить Пруссию и Австрию, мешавших России проводить черноморско-балканскую политику. Он полагал, что «постоянным принципом русской политики в Центральной Европе должно быть поддержание равновесия сил между двумя германскими государствами и создание препятствий для усиления одного из них» (Сковронек, 1994: 40). Более того, он предлагал короновать великого князя Константина короновать великого князя Константина короновать великого князя Константина короновать великого князя Константина короновать великого князя Пястов.

Польская исследовательница З. Зелиньская, рассматривая проект Потемкина 1787–1790 гг. о передаче польской короны Константину, считает, что его осуществлению воспрепятствовала Екатерина II, не желавшая отступать от плана сделать внука византийским императором (Zielinska, 1991: 34). А противодействие Пруссии не позволило России заключить практически уже согласованный союзный договор с Речью Посполитой. Так потерпела крах первая попытка воцарения в Польше Константина Романова.

В результате войны 1787–1791 гг. ослабленная Османская империя была вынуждена подписать Ясский мирный договор, закреплявший Крым и турецкую крепость Ачи-Кале (ныне Очаков) на северном побережье Черного моря за Россией, а также согласиться на установление границы между двумя империями по реке Днестр. Однако Молдавия и Бессарабия были возвращены Турции, которая в свою очередь отказалась от претензий на Грузию и подтвердила условия Кючук-Кайнарджийского мира и Георгиевского трактата 1783 года (Sicker, 2001: 203).

Вплоть до Парижского трактата 1856 года Кючук-Кайнарджийский договор служил русской дипломатии главным инструментом воздействия на Порту.

Христианские государства Западной Европы выступали единым фронтом, поддерживая крупнейшую исламскую державу, чтобы не допустить дальнейшего усиления христианской России. Сохранение этого status quo получило название Восточного вопроса (Чихачев, 1970: 85).

Польская проблема вновь встала перед Екатериной II через два года. Пруссия спровоцировала патристически настроенных поляков на разрыв с Россией и заключение союза с Пруссией. Столкновение группировок в 1793 г. закончилось военным вмешательством России и вторым разделом Польши. Русские военные гарнизоны разместились в крупных польских городах, в том числе в Варшаве, что чрезвычайно нервировало поляков.

В 1794 г. в Польше вспыхнуло антироссийское восстание, возглавляемое генералом Тадеушем Костюшко, которого инсургенты объявили диктатором. Жители Варшавы напали на русский гарнизон, расквартированный в польской столице, тем самым присоединившись к восстанию. Это выступление получило название «Варшавской заутрени», поскольку русские были застигнуты врасплох во время утреннего богослужения накануне Пасхи и практически все перебиты восставшими (Бестужев-Марлинский, 2002: 72-76). На подавление мятежников Екатерина бросила корпус Суворова, вызванный с турецкой границы. 4 ноября 1794 г. русские войска штурмом взяли предместье Варшавы – Прагу. Даже выдавшие виды офицеры Суворова потом писали, что ад Праги был сравним только с адом штурма Измаила (Тарас, 2008: 103). Ожесточенное сражение закончилось практически полным уничтожением польского гарнизона.

После поражения восстания Россия, Пруссия и Австрия провели третий раздел Польши (1795), после которого Польское государство исчезло с карты мира более чем на столетие.

Императрица некоторое время рассматривала еще один проект, связанный с личностью Константина, – славяносербский. Он заключался в воссоздании на Балканском полуострове «Великой Сербии» – монархии Стефана Душана XIV в. с границами от Черного до Адриатического морей – во главе с Константином (Комаровский, 1990: 134-135).

Державная бабушка любила обоих старших внуков, несмотря на то, что Константин пошел в отца: отличался эмоциональной неустойчивостью, иногда приводившей, как сказали бы сейчас, к настоящим аффективным расстройствам. Как и отцу, ему были свойственны приступы агрессии, мнительность, ревность, повышенный уровень тревожности и подозрительность. Великий князь, подобно отцу, не вышел ростом, но был физически развитым, ловким и крепким. Общее строение лица и особенно нос повторяли внешность родителя. Выражение небольших глаз под густыми бровями свидетельствовало о живом уме и проницательности. В этом молодом человеке император Павел видел свое новое воплощение и отличал его среди других своих детей.

Напротив, к первенцу Александру он, по многочисленным свидетельствам современников, не испытывал подобной привязанности, несмотря на его красивое лицо, высокую статную фигуру, большие способности и всеми признанное обаяние. Зато этими достоинствами брата восхищался Константин и без тени зависти охотно признавал его превосходство и первенство во всем. Братья были связаны глубокой родственной и дружеской привязанностью.

Бабушка-императрица находила большую приятность в обществе озорного и остроумного Константина и, слегка браня за нерадивость в учебе, снисходительно относилась к его шалостям.

Тем не менее, с юных лет приучаясь к суровой военной жизни более Александра, Константин получил прекрасное образование. Впоследствии цесаревич участвовал в походах Суворова, который неплохо отзывался о великом князе, хвалил за отвагу, мужество и умение владеть оружием.

Однако неистовый характер, дикие оргии и кутежи, какие-то странные жестокие наклонности давали пищу слухам. Он сам писал о себе в 12-летнем возрасте так: «Быть грубым, невежливым, дерзким – вот к чему я стремлюсь» (Балязин, 2005: 199).

Из неугомонного шалуна он вырос в беспутного юнца, о котором венценосная бабка сильно беспокоилась: «Мне известно бесчинное, бесчестное и непристойное поведение его в доме генерал-прокурора, где он не оставлял ни мужчину, ни женщину без позорного ругательства, столь нагло и постыдно им произнесено было – что не токмо многие из наших, но даже и шведы без соблазна, содрогания и омерзения слышать не могли. Сверх того, он со всякой подлостию везде, даже и по улицам, обращается с такой непристойной фамильярностью, что я того и смотрю, что его где ни есть прибьют к стыду и крайней неприятности» (Половцов, 1903: 160). Единственным радикальным средством воздействия оказался арест – наказание, позорящее великого князя.

Эти домашние грешки не уменьшали значения Константина как представителя династии в проектах занятия вакантных европейских престолов. История не сохранила сведений о собственном отношении великого князя к этим планам. Его реакция на прекращение «греческого проекта» также неизвестна.

Екатерина решила, что чрезмерную энергию внука будет сдерживать семейная жизнь, и в феврале 1796 г. женила 17-летнего Константина на лютеранке Юлиане Генриетте Ульрике Саксен-Кобург-Заальфельдской, немецкой княжне из Тюрингии, ставшей в России после принятия православия Анной Федоровной (1781–1860) (Половцов, 1900: 193-194). Письма супруги наследного герцога Франца Саксен-Кобургского, Августы Каролины из Петербурга, куда она с дочерьми приехала на смотрины, свидетельствуют либо об умении Константина притворяться, либо о желании герцогини выдать за него дочь, несмотря ни на что. «...У него широкое, круглое лицо; и если бы не курносый нос его, он был бы очень красив; у него большие голубые глаза, в которых много огня и ума; ресницы и брови почти совсем черные; небольшой рот и губы совсем пунцовые; очень приятная улыбка, прекрасные зубы и свежий цвет лица, ... красивое, мускулистое телосложение; Константин, кажется, воин и душой и телом, со всею военного ловкостью... более блеску в глазах... Константин имеет больше характера и оттого владеет совершенно старшим братом, что не мешая, однако же, взаимному их доверию» (Карнович, 1899: 146).

Сначала Константин проявлял к супруге некую разновидность привязанности. «Как был тронут, как был нежен добрый, неспорченный юноша! Ни одного зятя не буду я любить столько, сколько люблю этого. Не найдешь другого такого – отличного, умного, с таким чистым сердцем!» – писала его теща мужу (Карнович, 1899: 153).

Однако скоро современники имели возможность наблюдать, как молодой муж грубо толкал, щипал и кусал свою супругу, ревновал ее к брату Александру, запрещал выходить из ее покоев и совершал в отношении молодой женщины многочисленные выходки, поражающие изуверством (Головина, 1900: 150).

В ноябре 1796 г. от инсульта скончалась Екатерина Великая. Согласно легенде, в ее туалете с водопроводом и другими удобствами имелся «стульчак», который императрица приказала сделать из позолоченного трона древней, овечьей легендами династии Пястов. Якобы на нем ее и постиг удар (Madariaga, 1981: 423).

Вступивший на престол Павел I сделал своего любимца Константина шефом лейб-гвардии Измайловского полка, затем – инспектором всей кавалерии, а с июня 1798 г. – начальником кадетских корпусов; он увеличил великокняжеское жалованье до полумиллиона рублей в год и подарил сыну мызу в Стрельне. За отличия в суворовских походах Павел в 1799 г. пожаловал Константину титул цесаревича, который по закону мог носить исключительно наследник российского престола.

Великий князь был весьма неравнодушен к женскому полу и повсюду находил предметы увлечения. Отправленный отцом-императором проверять боеготовность войск на границе с Австрией, он гостил в имении польского магната князя Любомирского и настолько увлекся его дочерью Еленой, что сделал ей формальное предложение руки и сердца. Девушка не ответила на чувства женатого Константина, и расставание с ней и с мечтой о счастье он переживал очень тяжело (Штейнгель, 1985: 153-154).

Он часто ездил обедать к Марии Нарышкиной, дочери польского князя Антония Святополк-Четвертинского, представителя «русской» партии. Из-за своих убеждений тот был растерзан варшавской толпой во время восстания Костюшко. Екатерина приняла участие в судьбе его семьи и выдала Марию замуж за русского вельможу Нарышкина. Как известно, Мария с 1801 г. стала любовницей Александра I. В доме Нарышкиных Константин познакомился со старшей княжной – Жанеттой и создал с нею «теневую семью» (Балязин, 2005: 168).

Тем временем взбалмошность, непоследовательность, ничем не оправданная жестокость Павла I усиливалась в связи с революционными событиями во Франции, казнью королевской четы и расправой с высшей аристократией. Перепады настроения и беспощадность императора вызывали ропот расслабленного либерализмом покойной императрицы придворного общества и возмущение гвардейского офицерства. Гвардейцы еще не забыли столь популярный в прошлом веке в России метод смены власти – переворот и физическое устранение «тирана» (март 1801).

Убийство Павла I наложило отпечаток не только на психику Александра I, что отмечалось всеми историками. Константин, любимый сын покойного, был психологически травмирован еще более глубоко: у великого князя в еще большей степени стали проявляться резкость, несдержанность, упрямство, вспышки ярости (Каштанова, 2000: 53).

Весь Петербург был потрясен очередной эскападой Константина, описание которой приведено в многочисленных мемуарах: А.М. Тургенева, В.И. Штейнгеля и др. Он похитил молодую и красивую жену французско-коммерсанта, мать двоих детей. По версии недоброжелателей великий князь, имевший плохо залеченный сифилис, ее изнасиловал, а потом отдал адъютантам и лакеям. Скоро женщина лишилась чувств, и распалившиеся насильники не нашли ничего лучшего, чем отвезти жертву домой и бросить у крыльца, где ее и обнаружили домашние. Несчастливая женщина находилась в ужасном состоянии, у нее на теле не было живого места, ребра сломаны. Мадам Араужо едва смогла назвать имя своего мучителя и снова потеряла сознание, на следующий день она умерла (Мемуары..., 1981: 275).

Возмущенные родственники пожаловались императору; тот приказал провести расследование, «невзирая на чины и звания». Виновников насилия посадили в крепость, а Константина – под домашний арест. Однако вдовствующая императрица Мария Федоровна стремилась замять скандал и откупилась от родных несчастной 20 тысячами рублей золотом. Заключение следственной комиссии гласило, что мадам Араужо скончалась от эпилептического припадка, во время которого переломала себе суставы рук и ног.

У Константина и Анны Федоровны, бесповоротно возненавидевших друг друга, появилась возможность расстаться. Однако в 1803 г. в разводе им все еще отказывали: подобного в доме Романовых до этого времени не было. Кроме того, вдовствующая императрица Мария Федоровна опасалась вступления влюбчивого Константина в морганатический брак.

Порвав с Жанеттой Четвертинской, *enfant terrible* дома Романовых завел длительный роман с французской авантюристкой Жозефиной Фридрихс, которая в 1808 году родила ему сына Павла. Этого ребенка Константин официально признал своим, хотя современники утверждали, что не только цесаревич ему не отец, но и Жозефина – не мать (Давыдов, 1999: 450-465). Тем не менее крестным отцом мальчика стал император, давший ему фамилию Александров. Считалось, что у великого князя были еще два внебрачных ребенка – от связи с актрисой Анной Клер Лоран сын Константин и дочь Констанция (Madariaga, 1981: 506). Это обстоятельство позволяло надеяться на продолжение династии через Константина, поскольку дети Александра I рано умирали.

В 1804 г. произошел разрыв франко-русских дипломатических отношений, после чего Россия вступила в третью антифранцузскую коалицию. Константин во главе своих полков отважно воевал в Европе против французов и неизменно проявлял отвагу и бесстрашие.

Придя к убеждению, что война с Россией неизбежна, Наполеон стремился подготовить к этому общественное мнение Польши. Французский император намеками давал понять, что судьбу Польши принимает исключительно близко к сердцу: из Галиции он намеревался создать отдельное государство и уже определил основы его конституции. Не все в Польше повелись на посулы Наполеона. Богатейший литовский магнат Михаил Огинский предлагал воссоединить польские и литовские земли и возродить Польское государство под скипетром русского императора (Погодин, 1912: 148).

Герцогство Варшавское, составленное Наполеоном из польских областей, отобранных им у Пруссии в 1807 г. и у Австрии в 1809-м, многими рассматривалось как «воскрешение Польши». Естественно, что популярность Наполеона была громадна, поляки выставили стотысячную армию, сражавшуюся за него с первого до последнего дня войны (Погодин, 1912: 149). Русский историк резко высказался по этому поводу: «Герцогство Варшавское служило Наполеону военным депо, откуда он брал солдат для пополнения своих легионов, погибавших в Австрии, Испании и России» (Устрялов, 1997: 605).

Как командующий гвардией Константин принял участие в «Битве народов» при Лейпциге в 1813 г., где едва не был захвачен в плен и получил за храбрость орден Святого Георгия 2-й степени.

Разгромив Наполеона, русские войска двинулись в Европу и вскоре полностью оккупировали территорию Великого герцогства Варшавского, которое стало управляться русским генерал-губернатором.

Александр утверждал, что желает исправить допущенную бабушкой несправедливость в отношении поляков. По-видимому, он намеревался кардинально решить судьбу не только Польши, но и брата. По его настоянию в 1814 г. Константин навестил в Эльфенау близ Берна свою жену, уже более 10 лет жившую отдельно и родившую двух детей от разных отцов. При этом она имела прекрасную репутацию – особенности характера и поведения мужа делали из нее мученицу.

Время и расстояние не смогли заставить принцессу забыть унижения и мучения, которым ее подвергал супруг – примирения не получилось. Император был вынужден это признать и после согласований со Священным синодом издал официальный манифест о расторжении брака.

Венский конгресс (1814–1815) «на вечные времена» передал большую часть многострадальной Польши (кроме Польского Поморья и Познани с областью, доставшихся Пруссии, а также Кракова, получившего статус вольного города) ее мощному соседу – России. Было создано так называемое «Царство Польское», и его сувереном стал Александр I, который немедленно включил Польшу в свою титулатуру. На присоединенной территории российскому императору предоставлялась неограниченная власть (Тымовский и др., 2004: 385).

В то же время Царство Польское получало самую демократичную конституцию своего времени, на чем особенно настаивал Александр I. Своим наместником император демонстративно назначил немолодого генерала Юзефа Зайончека, старинного врага России, бывшего польского якобинца, участника восстания Костюшко (Фалькович, 2016: 67). В начале 1814 г. Константин стал главнокомандующим всеми войсками, размещенными на территории Польши, а императорским комиссаром при нем – граф Новосильцев (Pienkos, 1987: 78).

На родину потянулись бывшие солдаты, и скоро численность армии была доведена почти до штатного состава в 35 тысяч. Образованная исключительно из польских уроженцев, она содержалась на польские средства и не могла использоваться для нападения, а только для обороны. Жалованье здесь значительно превосходило русские оклады, срок службы для нижних чинов составлял 8 лет в отличие от 20 в русской армии. Главным советчиком Константина в этом деле стал боевой польский генерал, соратник Наполеона, Ян Генрик Домбровский. Но характер и манера поведения великого князя не изменились: он вел себя, как привык в России, безобразно, не задумываясь о том, что в Варшаве другие представления о допустимом и польское национальное чувство сильно ущемлено потерей независимости (Макаров, 1881: 35).

Однако полномочия Константина сразу же простерлись далеко за пределы военного ведомства, а после кончины ветерана Зайончека именно великий князь стал наместником и фактически правителем Царства Польского.

Новым этапом военно-преобразовательной деятельности цесаревича стало формирование Литовского отдельного корпуса, куда из Русской Императорской армии переводились уроженцы Литвы и западных губерний. Некоторые называли великого князя «матерью польского войска и мачехой русского» (Чайковский, 1896: 181).

Александр I, даровав Польше либеральную конституцию, сам же начал ее нарушать, утверждая, что как автор имеет право быть единственным толкователем документа. Константин, оскорбительно распекая своих подчиненных, часто приговаривал: «Я вам покажу конституцию!..» (Макаров, 1881: 41).

Но вскоре произошла эволюция его настроений.

24 мая 1820 г. в Варшаве наследник российского престола Константин Павлович без всякой торжественности женился на старшей из трех дочерей польского графа Антона Грудна-Грудзинского. Они обвенчались по православному обряду, а потом – по католическому. Император Александр I издал манифест, по которому Иоанне Грудзинской даровался титул светлейшей княгини Лович, но брак признавался морганатическим. Там же указывалось, что дети, рожденные в этом браке, не имеют права на российский престол. Однако в документе не сообщалось, что Константин теряет право престолонаследия.

До этого времени в России понятие морганатического брака отсутствовало. Новация Александра неприятно поразила Константина, который, очевидно, не оставлял надежды, что в будущем его дети будут признаны представителями династии.

Это, безусловно, был брак по любви. Князь П.А. Вяземский писал: «Жанетта Антоновна не была красавица, но была красивее всякой красавицы. Белокурые, струистые и густые кудри ее, голубые выразительные глаза, улыбка умная и приветливая, голос мягкий и звучный, стан гибкий и какая-то облегающая ее нравственная свежесть и чистота.... Все ...придавало ей совершенно особенную и привлекающую внимание физиономию в кругу подруг и сверстниц ее» (Вяземский, 1879: 8). Однако наместник не полностью порвал с прошлым и привез в Варшаву Жозефину Фридрихс. Александр I, относившийся к невестке с большой симпатией, приказал выслать любовницу брата из города. Между супругами установилось полное согласие, княгиня расцвела, а привязанность Константина к ней возросла еще более.

В Польше от этого союза ожидали много: считали, что Жанетта, «вторая Валевская», должна повлиять на мужа и изменить судьбу государства. Она отличалась большим тактом, старалась не вмешиваться в политику и умела смирять порывы своего вспыльчивого супруга (Czynski, Demoliere, 1833: 162). С ней он обрел душевное равновесие, стал говорить и даже думать по-польски.

Отрицательные отношения к конституционной Польше сменилось отождествлением своих интересов с польскими (Каштанова, 2000: 125). Он заметно отдавал предпочтение полякам перед русскими, ему недаром приписывали высказывание: «В душе я поляк, совершеннейший поляк!» (Чайковский, 1896: 182).

Распространено мнение, что Константин, потрясенный убийством отца, всю жизнь пребывал в уверенности, что, став императором, тоже погибнет от рук заговорщиков. Поэтому он якобы не хотел наследовать трон, если переживет бездетного старшего брата. Складывается впечатление, что это мнение усиленно насаждалось николаевской пропагандой.

В начале 1822 г. семейство Романовых добилось от Константина отречения от престолонаследия. Документ был оформлен в форме манифеста Александра I от 16 августа 1823 г., который следовало огласить после его кончины. Наследником престола становился следующий брат, великий князь Николай Павлович (1796–1855), который давно знал об этих планах. Вероятно, Константин должен был получить некую компенсацию.

Из-за таинственности, которой окружили вопрос наследования, после неожиданной смерти царя в Таганроге 19 ноября (1 декабря) 1825 г. последовал династический кризис. В Санкт-Петербурге младший брат великий князь Николай принес присягу старшему, Константину, а в Варшаве Константину – Николаю. Трудно поверить, что мысль занять русский трон не приходила в голову Константину или его амбициозному окружению. Все говорит о том, что борьба за престол имела место: не зря Константин так долго медлил с подтверждением отречения.

Историки часто подчеркивали несколько иезуитский характер очаровательного императора Александра. Не исключено, что по принципу «после нас – хоть потоп» он стремился намеренно возбудить соперничество между младшими братьями. Иначе почему он не обнародовал решенное изменение порядка престолонаследия еще при жизни? Не исключено, что Александр учитывал и возможность вмешательства в борьбу за власть матери, энергичной вдовствующей императрицы Марии Федоровны, никогда не дававшей старшему сыну забыть его роль в устранении императора Павла. После отречения Константина она вполне могла претендовать на трон: недавняя русская история давала такому развитию событий множество примеров.

Получилось бы, что Николай отрекся в пользу Константина, а тот тоже отказался от прав на престол (Сафонов, 1995: 166–181). Единственным выходом становился приход к власти Марии Федоровны или 27-летнего великого князя Михаила. Но, как известно, династический кризис привел к восстанию декабристов, закончился большой кровью и воцарением Николая I. Однако целых 16 дней, с 27 ноября (9 декабря) по 13 (25 декабря) 1825 г. официальные учреждения в Петербурге и Москве под присягой признавали Константина Павловича императором и самодержцем Всероссийским Константином I.

Скорее всего, согласие на отречение от российского престола было получено от Константина в обмен на обещание польской короны. То, что он не был поляком, большого значения не имело: несмотря на решение четырехлетнего сейма 1791 г., Польше было не привыкать к правителям-иностранцам (Ядвига Анжуйская, Стефан Баторий, Сигизмунд Ваза...). До самого конца междуцарствия цесаревич надеялся на выполнение этого условия, по-видимому, считая, что императорский дом и брат Николай должны быть благодарны ему за отказ от российского трона. Но, включив в свою титулатуру Польшу манифестом от 14 декабря 1825 г., Николай положил конец надеждам старшего брата.

Тем самым польский престол второй раз ускользнул от Константина.

Ходили слухи, что, соглашаясь уже на меньшее, цесаревич домогался стать вице-королем Польши, присоединив к ней Литву, то есть вернуться к состоянию Речи Посполитой до первого раздела Польши. Но Николай отнюдь не намеревался лишаться северо-западных территорий (Moriolles, 1902: 305). Более того, он тяготился самим существованием соседнего конституционного государства, его правами и свободами и имел для этого основания: в частности, польская армия с согласия Константина отказалась участвовать в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Император стремился лишить Царство Польское всякой самостоятельности и постепенно отбирал у брата важные полномочия в западных губерниях.

Анализ государственной деятельности Константина Павловича в Польше весьма скупо освещен историками. Создается впечатление, что его «промежуточное» правление рассматривается как незначительный эпизод в многовековой истории русско-польских отношений. Между тем женитьба на польке, пребывание в Царстве Польском более 10 лет в разном качестве не могли не повлиять на взаимоотношения великого князя и поляков. Об этом свидетельствуют дальнейшие события.

Революционные события во Франции и Бельгии 1830 года привели в крайнее возбуждение польских националистов. Волнения охватили почти всех армейских офицеров, шляхту, женщин, ремесленные цехи и студенчество. Николай Павлович, коронованный королем польским в 1829 г., намеревался задавить ростки европейских свобод и с этой целью двинул российские войска на запад. Польские штыки, по его мысли, были призваны составить авангард в борьбе против европейской крамолы. Но польские патриоты не намеревались становиться орудием России. Более того, стремясь освободиться от российской зависимости, они готовили разоружение русских войск и восстание, началом которого должно было послужить убийство Константина (Фалькович, 2016: 153).

29 ноября на рассвете восстание началось. Патриоты проникли в Бельведерский дворец, резиденцию наместника, с криками «Смерть тирану!» Несколько польских генералов, пытавшихся остановить заговорщиков, были убиты. Полуодетый Константин успел укрыться в каком-то тайнике.

Воспитатель и учитель великого князя Дмитрий Курута, всегда находившийся вблизи воспитанника, сделал все, чтобы спасти его жизнь. К тому времени Курута, не создавший своей семьи и посвятивший себя Константину и воинской деятельности, заслужил звание генерала. Выполняя волю наместника, Курута организованно отвел гвардейские части в Россию, чтобы избежать кровопролития и по возможности сохранить гражданское население.

Не все польские полки были на стороне повстанцев. Некоторые военные колебались и даже защищали русских, а затем присоединились к Константину (Петров, 1880: 46).

Наместник сдал крепость восставшим и покинул Варшаву. По-видимому, Константин признавал, что поляки имеют основания быть недовольными политикой, проводимой Санкт-Петербургом. Кроме того, его самолюбие было ущемлено действиями брата, неуклонно отодвигавшего его от реальной власти. Воспроизводимые всеми историками слова: «Я не хочу участвовать в этой польской драке», – скорее всего означают, что он умывает руки в конфликте между поляками и их подлинным правителем Николаем.

Но Константину не удалось остаться «над схваткой».

На подавление мятежа император отправил армию под командованием фельдмаршала графа И.И. Дибича. Вполне успешная экспедиция не завершилась, однако, взятием польской столицы – Дибич приказал прекратить бой фактически накануне окончательной победы. Причина, по мнению современников, крылась в позиции Константина. «Думают, что совет, остановивший карательный меч, поднятый над крамольной Варшавой, принадлежал цесаревичу Константину Павловичу», – писал А.Х. Бенкендорф (Бенкендорф, 2020: 342).

По воспоминаниям участника событий Э.И. Стогова, разгневанный цесаревич прискакал к Дибичу в разгар сражения со словами: «Фельдмаршал, поляков режут, как баранов! Фельдмаршал, милосердия!» – и потребовал прекратить резню (Стогов, 1886: 83). Независимо от того, имел ли место на самом деле приведенный эпизод, бой действительно был приостановлен.

Из-за этого война затянулась еще на семь месяцев.

Немногочисленные исследователи этого периода русско-польских отношений так и не пришли к соглашению по поводу желаний и возможности цесаревича подавить польское восстание. Высказываемые точки зрения зависят в основном от позиции автора. Если ряд историков критикует поведение Константина как антирусское, то другие склонны придерживаться противоположного взгляда.

Почти вся Европа сочувствовала восставшим (Соловьев, 1995: 405-628). Русское же общественное мнение разделилось. Конфликт разных этносов, обладавших различной ментальностью, великопольские амбиции польской шляхты определили идеологическое противостояние. Большая часть образованного общества – славянофилы, А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев и другие – приветствовали подавление восстания. Западники и такие видные представители передового общественного мнения, как Герцен, Грановский, братья Тургеневы, оказались на стороне восставших. П.А. Вяземский, в течение многих лет служивший в Варшаве и хорошо знавший поляков, писал по поводу стихов Пушкина «Перед гробницею святой...», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», воспевавших победу русского оружия: «Как огорчили меня эти стихи! Власть, государственный порядок часто должны исполнять печальные, кровавые обязанности, но у Поэта, слава Богу, нет обязанности их воспевать». Он самым резким образом осудил Жуковского и Пушкина за «шинельные» стихи (Муравьева, 1994: 202).

Начавшаяся в Польше эпидемия холеры не щадила ни русских, ни поляков. Осенью 1831 г. император Николай I подавил восстание. Платой за возмущение стали упразднение сейма и польской армии, а главное – принятие Органического статута (26 февраля 1832 г.), отменявшего Конституцию и превращавшего Польшу в обычную провинцию Российской империи.

Но этого Константин Павлович уже не увидел, став жертвой эпидемии. Он умер в Витебске 15 июня 1831 г. в возрасте 52 лет.

5. Заключение

Роли личности в истории, влиянию желаний, воли, характера вождя на мировые события и процессы посвящено множество исследований, поскольку эта тема остается актуальной для каждого поколения.

Субъективный фактор, роль которого так часто игнорируется при описании исторических событий («История без имен» О. Конта»), безусловно, следует оценивать в контексте исторических фактов.

Но не только.

Жизнь и деятельность цесаревича Константина Павловича можно рассматривать в связи с исторической ситуацией, историческими законами, случайностями или со всем сразу. А можно наоборот: оценивать ситуацию и случайности как производные от особенностей личности цесаревича, детерминированных временем, наследственностью и воспитанием.

Качества личности не могут не оказывать существенного влияния на ход исторического процесса.

Если бы Константин Павлович обладал способностью понять чувства поляков, переживших три раздела своей «ойчизны», проникнуться их болью, проявил больше корректности и человеколюбия,

он бы, безусловно, сумел приобрести многочисленную и сильную партию. Ведь даже невольно сделанные в этом направлении шаги увенчались успехом: несколько генералов-поляков погибли, защищая его; некоторые военные плакали, прощаясь с Константином, а один попросил разрешения проводить его до границы. Имея общественную поддержку, опираясь на сильную группировку сторонников, цесаревич мог бы результативно противостоять Санкт-Петербургу, вынуждая брата принимать более выгодные для Польши решения. Правда, соседство с Российской империей под скипетром такого авторитарного властителя, как Николай I Павлович, оставляло немного шансов для буржуазно-демократического развития Польши. Но уже его преемник Александр II проводил более либеральную политику. Не следует забывать, что братья принадлежали к разным поколениям, Константин на момент восстания был почти вдвое старше Николая, и авторитет старшего еще играл определенную роль в доме Романовых. Но добрые намерения цесаревича при отсутствии у него такта, при колеблющемся, непостоянным характере уже не могли кардинально изменить линию твердой и бескомпромиссной воли младшего брата и переломить ход событий. Шанс обрести независимость был для Польши потерян. Пролились реки крови, потребовалась упорная борьба пяти поколений, чтобы национальный дух поляков восторжествовал, и в 1918 г. было восстановлено национальное государство.

Приходится констатировать, что тогда, в первой половине XIX в., очередная, причем вполне реальная возможность двум славянским странам развиваться параллельно, взаимно друг друга обогащая, была упущена. Цесаревич Константин оказался не на высоте исторической задачи.

Литература

- Балязин, 2005** – *Балязин В.Н.* Тайны дома Романовых. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 447 с.
- Бенкендорф, 2020** – *Бенкендорф А.Х.* Воспоминания. В 2 т. Т. 2. 1826–1837. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2020. 552 с.
- Бестужев-Марлинский, 2002** – *Бестужев-Марлинский А.А.* Вечер на Кавказских водах в 1824 году: роман. М.: Директ-Медиа, 2002. 102 с.
- Вяземский, 1879** – *Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского в 12 т. Т. 2. СПб.: Санкт-Петербург: изд. гр. С.Д. Шереметева, 1879. 445 с.
- Головина, 1900** – *Головина В.Н.* Записки (1766–1821). СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900. [2]. XXII. 286 с.
- Гриффитс, 2013** – *Гриффитс Д.М.* Был ли у Екатерины II «греческий проект»? // Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 536 с.
- Давыдов, 1999** – *Давыдов Д.В.* Стихотворения. Военные записки. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. 543 с.
- Карнович, 1899** – *Карнович Е.П.* Цесаревич Константин Павлович: библиографический очерк. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1899. X [2]. 296 с.
- Каштанова, 2000** – *Каштанова О.С.* Великий князь Константин Павлович (1779–1831 гг.) в политической жизни и общественном мнении России: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000. 428 с.
- Комаровский, 1990** – *Комаровский Е.Ф.* Записки графа Е.Ф. Комаровского. М.: Товарищество российских художников, Внешторгиздат, 1990. 172 с.
- Кучерская, 2005** – *Кучерская М.А.* Константин Павлович. М.: Молодая гвардия, 2005. 325 с.
- Лебедев, 2011** – *Лебедев А.А.* От Фидониси до Корфу. За кулисами больших побед Ф.Ф. Ушакова // *Гангут*. 2011. № 66. С. 14–32.
- Макаров, 1881** – *Макаров Н.П.* Цесаревич Константин Павлович и его время в Варшаве. Очерки из воспоминаний старого Литовца. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1881. 29 с.
- Массон, 1916** – *Массон К.* Мемуары Массона о России: Извлечения / Пер. П. Степановой // *Голос минувшего*. 1916. № 10. С. 23–44.
- Мемуары декабристов, 1981** – Мемуары декабристов. Северное общество. М.: Изд-во МГУ, 1981. 400 с.
- Муравьева, 1994** – *Муравьева О.С.* «Вражды бессмысленной позор...». Ода «Клеветникам России» в оценках современников // *Новый мир*. 1994. № 6. С. 198–204.
- Погодин, 1912** – *Погодин А.Л.* Наполеон и Польша // *Отечественная война и Русское общество*. Т. III. М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1912. С. 148–154.
- Петров, 1880** – *Петров А.П.* Восстание 17 (29) ноября 1830 года в Варшаве. СПб.: Б.и., 1880.
- Петрова, 2011** – *Петрова М.А.* Екатерина II и Иосиф II: Формирование российско-австрийского союза: 1780–1790. М.: Наука, 2011. 419 с.
- Половцов, 1900** – Русский биографический словарь: Алексинский – Бестужев-Рюмин / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1900. Т. 2. 796 с.
- Половцов, 1903** – Русский биографический словарь: Кнаппе–Кюхельбекер / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1903. Т. 9. 708 с.
- Сазонов, 1992** – Под стягом России: Сборник архивных документов: Сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерева. М.: Русская книга, 1992. 432 с.

Сафонов, 1995 – Сафонов М.М. Междуцарствие / Исторический опыт русского народа и современность. Дом Романовых в истории России: Материалы к докл. конф. 19–22 июня 1995 г. / Редкол.: И.Я. Фроянов (отв. ред.) и др. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. С. 166–181.

Сковронек, 1994 – Сковронек Е.Л. Удары с трех сторон. Разделы Польши как составная часть европейской истории (1772–1793–1795) // *Родина*. 1994. № 12. С. 36–40.

Соловьев, 1995 – Соловьев С.М. История падения Польши // Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М.: Мысль, 1995. Кн. XVI. С. 405–628.

Стегний, 2002 – Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М.: Международные отношения, 2002. 696 с.

Стогов, 1886 – Стогов Э.И. Посмертные записки // *Русская старина*. 1886. № 10. С. 77–124.

Тарас, 2008 – Тарас А.Е. Анатомия ненависти. Русско-польские конфликты XVIII–XX вв. Минск: Харвест, 2008. 834 с.

Тымовский и др., 2004 – Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М.: Весь мир, 2004. 544 с.

Устрялов, 1997 – Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года, в двух частях. Петрозаводск: Корпорация «Фолиум», 1997. 958 с.

Фалькович, 2016 – Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / Отв. ред. С.М. Фалькович. М.: ИНДРИК, 2016. 777 с.

Чайковский, 1896 – Чайковский М.И. Записки // *Русская старина*. 1896. Т. 85. Вып. 1–3. С. 169–182.

Чихачев, 1970 – Чихачев П.А. Великие державы и Восточный вопрос. М.: Наука, 1970. 224 с.

Штейнгель, 1985 – Штейнгель В.И. Сочинения и письма. В 2 т. Т. 1. Записки и письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985. 608 с.

Czynski, Demolier, 1833 – Czynski J, Demolier H. Le czarewicz Constantin et Jeannette Grudzinska ou les jacobins polonais. Paris: Guillaumin, 1833, 324 p.

Kamovich, 2000 – Kamovich E.P. Tsesarevich Konstantin Pavlovich. St Petersburg, 2000. p. 8.

Madariaga, 1981 – Madariaga I. de. Russia in the age of Catherine the Great. New-Hawen –London: Yale University, 1981. 710 p.

Moriolles, 1902 – Moriolles A. Mémoires du comte de Moriolles sur l'émigration, la Pologne et la cour du grand-duc Constantin. Paris: Paul Ollendorff. 1902. 404 p.

Ogurlu, 2022 – Ogurlu Y. (2022). Turkey-Poland Relations in the Light of Minor Conflicts and “Eternal Peace”. [Electronic resource]. URL: <https://wszystkoconajwazniejsze.pl/prof-yucel-ogurlu-turkish-polish-relations>. Wszystko Co Najważniejsze.

Pienkos, 1987 – Pienkos A.T. The imperfect autocrat Grand Duke Constantine Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. Boulder : East Europ. monogr. XIII. 1987. 186 p.

Ragsdale, 1988 – Ragsdale H. Evaluating the Traditions of Russian Aggression: Catherine II and the Greek Project // *Slavonic & East European Review*. 1988. V. 66. no. 1. Jan. 93 p.

Rusakov, 2013 – Rusakov K.A. Avstryyskaya Dyplomatyya Y Hrecheskyy Proekt Ekateryny II // *Visnyk Luhans'koho Natsional'noho Universytetu Imeni Tarasa Shevchenka. Istorychni Nauky*. 1/2: 47–48.

Sanin, 2015 – Sanin A. Rossiya i Formirovaniye Utrekhtsko-Nishtadtskoy Sistemy v Pervoy Chetverti XVIII v. Pod Red. Anisimov, M.Y. & Vinogradov, A.V. Ot tsarstva k Imperii. Rossiya v sistemakh mezhdunarodnykh otnosheniy. Vtoraya polovina XVI – nachalo XX veka. Moskova, Institut Rossiyskoy Istorii RAN, Litres, pp. 229–230.

Sicker, 2001 – Sicker M. (2001). The Islamic World in Decline: From the Treaty of Karlowitz to the Disintegration of the Ottoman Empire. Praeger Publishers. 1 vol. 264 p.

Walicki, 2013 – Walicki A. (2013). Rus Düşünce Tarihi, Aydınlanmadan Marksizme / Translator: Alaeddin Şenel. İstanbul, İletişim Publishing. 37 p.

Yinanç, 2012 – Yinanç R. (2012). Osmanlı İmparatorluğu'nun Dış Politika Anlayışı ve Uygulamaları. Türk Dış Politikası ed. Haydar Çakmak. Barış Kitap. Ankara. 29 p.

Zielinska, 1991 – Zielinska Z. (1991). O sukcesyi tronu w Polsce, 1787–1790. Warszawa: Wydaw.nauk. PWN. 291 p.

References

Baljazin, 2005 – Baljazin, V.N. (2005). Tajny doma Romanovyh [Secrets of the Romanov House]. Moskva: OLMA-PRESS. 447 p. [in Russian]

Benkendorf, 2020 – Benkendorf, A.H. (2020). Vospominaniya. V 2-h tomah. Tom 2. 1826–1837 [Memories. In 2 volumes. Volume 2. 1826–1837]. Moskva; Berlin: Direkt-Media. 552 p. [in Russian]

Bestuzhev-Marlinskij, 2002 – Bestuzhev-Marlinskij, A.A. (2002). Večer na Kavkazskih vodah v 1824 godu: roman [Evening on the Caucasian waters in 1824: a novel]. M.: Direkt-Media, 102 p. [in Russian]

Chajkovskij, 1896 – Chajkovskij, M.I. (1896). Zapiski [Notes]. *Russkaja starina*. T. 85. 1–3: 169–182. [in Russian]

Chihachev, 1970 – Chihachev, P.A. (1970). Velikie derzhavy i Vostochnyj vopros [Great Powers and the Eastern Question]. M.: Nauka, 224 p. [in Russian]

- Czynski, Demoliere, 1833** – *Czynski, J, Demoliere, H.* (1833). Le czarewicz Constantin et Jeannette Grudzinska ou les jacobins polonaise [Czarewicz Constantin and Jeannette Grudzinska or the Polish Jacobins]. Paris: Guillaumin. 324 p. [in French]
- Davydov, 1999** – *Davydov, D.V.* (1999). Stihotvorenija. Voennye zapiski [Poems. military notes]. M.: OLMA-PRESS. 543 p. [in Russian]
- Golovina, 1900** – *Golovina, V.N.* (1900). Zapiski (1766–1821) [Notes (1766–1821)]. S.-Peterburg: Tip. A. S. Suvorina, [2]. XXII. 286 p. [in Russian]
- Griffits, 2013** – *Griffits, D.M.* (2013). Byl li u Ekateriny II «grecheskij proekt»? Ekaterina II i ee mir: stat'i raznyh let [Did Catherine II have a "Greek project"? Catherine II and her world: articles from different years]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 536 p. [in Russian]
- Kamovich, 2000** – *Kamovich, E.P.* (1899). Tsesarevich Konstantin Pavlovich. St Petersburg. P. 8. [in Russian]
- Karnovich, 1899** – *Karnovich, E.P.* (1899). Tsesarevich Konstantin Pavlovich: Bibliograficheskiy ocherk [Tsesarevich Konstantin Pavlovich: bibliographic essay]. Sankt-Peterburg: Tip. A.S. Suvorina, X[2], 296 p. [in Russian]
- Kashtanova, 2000** – *Kashtanova, O.S.* (2000). Velikij knjaz' Konstantin Pavlovich (1779–1831 gg.) v politicheskoj zhizni i obshhestvennom mnenii Rossii [Grand Duke Konstantin Pavlovich (1779–1831) in the political life and public opinion of Russia]: Diss. ... k-ta istor. nauk. M. 428 p. [in Russian]
- Komarovskij, 1990** – *Komarovskij, E.F.* (1990). Zapiski grafa E.F.Komarovskogo [Notes of Count E.F. Komarovsky]. M.: Tovarishhestvo rossijskih hudozhnikov, Vneshtorgizdat. 172 p. [in Russian]
- Kucherskaja, 2005** – *Kucherskaja, M.A.* (2005). Konstantin Pavlovich [Konstantin Pavlovich]. M.: Molodaja gvardija. 325 p. [in Russian]
- Lebedev, 2011** – *Lebedev, A.A.* (2011). Ot Fidonisi do Korfu. Za kulisami bol'shih pobed F. F. Ushakova [From Fidonisi to Corfu. Behind the scenes of the great victories of F. F. Ushakov]. *Gangut.* 66: 14-32. [in Russian]
- Madariaga, 1981** – *Madariaga I. de.* (1981). Russia in the age of Catherine the Great. New-Hawen – London: Yale University. 710 p.
- Makarov, 1881** – *Makarov, N.P.* (1881). Tsesarevich Konstantin Pavlovich i ego vremja v Varshave. Ocherki iz vospominanij starogo Litovca [Tsesarevich Konstantin Pavlovich and his time in Warsaw. Essays from the memoirs of an old Lithuanian]. SPb.: Tip. Trenke i Fjusno. 29 p. [in Russian]
- Masson, 1916** – *Masson, K.* (1916). Memuary Massona o Rossii: Izvlechenija [Masson's memoirs about Russia: Extracts]. Per. P. Stepanovoj. *Golos minuvshego.* 10: 23-44. [in Russian]
- Memuary dekabristov, 1981** – Memuary dekabristov. Severnoe obshhestvo [Memoirs of the Decembrists. Northern society]. M.: Izd-vo MGU, 400 p. [in Russian]
- Moriolles, 1902** – *Moriolles, A.* (1902). Mémoires du comte de Moriolles sur l'émigration, la Pologne et la cour du grand-duc Constantin [Memoirs of the Count of Moriolles on emigration, Poland and the court of the Grand Duke Constantin]. Paris: Paul Ollendorff. 404 p. [in French]
- Murav'eva, 1994** – *Murav'jova, O.S.* (1994). «Vrazhdy bessmyslennoj pozor...». Oda «Klevetnikam Rossii» v ocenkah sovremennikov ["Enmity is a senseless disgrace...". Ode to "Slanderers of Russia" in the assessments of contemporaries]. *Novyj mir.* 6: 198-204. [in Russian]
- Ogurlu, 2022** – *Ogurlu, Y.* (2022). Turkey-Poland Relations in the Light of Minor Conflicts and "Eternal Peace". Wszystko Co Najważniejsze. [Electronic resource]. URL: <https://wszystkocona.jwazniejsze.pl/prof-yucel-ogurlu-turkish-polish-relations/>
- Petrov, 1880** – *Petrov, A.P.* (1880). Vosstanie 17(29) nojabrja 1830 goda v Varshave [Uprising on November 17 (29), 1830 in Warsaw]. SPb.: B.i. [in Russian]
- Petrova, 2011** – *Petrova, M.A.* (2011). Ekaterina II i Iosif II: Formirovanie rossijsko-avstrijskogo sojuza: 1780–1790 [Catherine II and Joseph II: Formation of the Russian-Austrian Union: 1780–1790]. M.: Nauka. 419 p. [in Russian]
- Pienkos, 1987** – *Pienkos, A.T.* (1987). The imperfect autocrat Grand Duke Constantine Pavlovich and the Polish Congress Kingdom. Boulder: East Europ. monogr. XIII. 186 p.
- Pogodin, 1912** – *Pogodin, A.L.* (1912). Napoleon i Pol'sha [Napoleon and Poland]. *Otechestvennaja vojna i Russkoe obshhestvo.* T. III. M.: Izdanie T-va I.D. Sytina. Pp. 148-154. [in Russian]
- Polovcov, 1900** – Russkij biograficheskiy slovar': Aleksinskij – Bestuzhev-Rjumin. Izd. pod nabljudeniem predsedatelja Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva A. A. Polovcova [Russian Biographical Dictionary: Aleksinsky – Bestuzhev-Ryumin. Ed. under the supervision of the chairman of the Imperial Russian Historical Society A. A. Polovtsov]. Sankt-Peterburg: tip. Gl. upr. Udelov. T. 2. 796 p. [in Russian]
- Polovcov, 1903** – Russkij biograficheskiy slovar': Knappe – Kjuhel'beker. Izd. pod nabljudeniem predsedatelja Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva A. A. Polovcova [Russian Biographical Dictionary: Knappe – Küchelbecker. Ed. under the supervision of the chairman of the Imperial Russian Historical Society A.A. Polovtsov]. Sankt-Peterburg: tip. Gl. upr. udelov. T. 9. 708 p. [in Russian]
- Ragsdale, 1988** – *Ragsdale, H.* (1988). Evaluating the Traditions of Russian Aggression: Catherine II and the Greek Project. *Slavonic & East European Review.* 66(1). Jan. 93 p.

Rusakov, 2013 – Rusakov, K.A. (2013). Avstriyskaya diplomatyia y hrecheskyy proekt Ekateryny II [Austrian diplomacy and the Hellenic Project of Catherine II]. *Visnyk Luhans'koho Natsional'noho Universytetu Imeni Tarasa Shevchenka. Istorychni Nauky*. (1/2). 47-48 pp.

Safonov, 1995 – Safonov, M.M. (1995). Mezhdunarstvie [Interregnum]. *Istoricheskij opyt russkogo naroda i sovremennost'*. Dom Romanovyh v istorii Rossii: Materialy k dokl. konf. 19-22 iyunja 1995 g. Redkol.: I. Ja. Frojanov (otv. red.) i dr. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. Pp. 166-181. [in Russian]

Sanin, 2015 – Sanin, A. (2015). Rossiya i formirovaniye Utrekhtsko-Nishtadtskoy Sistemy v Pervoy Chetverti XVIII v. [Russia and the formation of the Utrecht-Nystadt System in the first quarter of the 18th century]. Pod red. Anisimov, M.Y. & A.V. Vinogradov. Ot tsarstva k Imperii. Rossiya v sistemakh mezhdunarodnykh otnosheniy. Vtoraya polovina XVI – nachalo XX veka, Moskva, Institut Rossiyskoy Istorii RAN, Litres, pp. 229-230. [in Russian]

Sazonov, 1992 – Pod stjagom Rossii: Sbornik arhivnykh dokumentov: Sost., primech. A.A. Sazonova, G.N. Gerasimovoj, O.A. Glushkovej, S.N. Kistereva [Under the banner of Russia: Collection of archival documents: Comp., note. A.A. Sazonova, G.N. Gerasimova, O.A. Glushkova, S.N. Kistereva.]. M., Russkaja kniga, 432 p. [in Russian]

Shtejngel', 1985 – Shtejngel', V.I. (1985). Sochinenija i pis'ma [Writings and letters]. V 2-h t. T 1. Zapiski i pis'ma. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 608 p. [in Russian]

Sicker, 2001 – Sicker, M. (2001). The Islamic World in Decline: From the Treaty of Karlowitz to the Disintegration of the Ottoman Empire. Praeger Publishers. Vol. 1. 264 p.

Skovronek, 1994 – Skovronek, E.L. (1994). Udary s trekh storon. Razdely Pol'shi kak sostavnaya chast' evropejskoj istorii (1772–1793–1795) [Strikes from three sides. Partitions of Poland as an integral part of European history (1772–1793–1795)]. *Rodina*. 12: 36-40. [in Russian]

Solov'ev, 1995 – Solov'ev, S.M. (1995). Istorija padenija Pol'shi [History of the fall of Poland]. Solov'ev S.M. Sochinenija: V 18 kn. M.: Mysl'. Kn. XVI. Pp. 405-628. [in Russian]

Stegnij, 2002 – Stegnij, P.V. (2002). Razdely Pol'shi i diplomatiya Ekateriny II. 1772. 1793. 1795. [Partitions of Poland and diplomacy of Catherine II. 1772. 1793. 1795]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 696 p. [in Russian]

Stogov, 1886 – Stogov, E.I. (1886). Posmertnye zapiski [Posthumous notes]. *Russkaya starina*. 10: 77-124. [in Russian]

Taras, 2008 – Taras, A.E. (2008). Anatomija nenavisti. Russko-pol'skie konflikty XVIII-XX vv. [Anatomy of hate. Russian-Polish conflicts of the XVIII-XX centuries]. Minsk: Harvest, 834 p. [in Russian]

Tymovskij i dr., 2004 – Tymovskij, M., Kenevich, Y.A., Hol'cer, E. (2004). Istorija Pol'shi [History of Poland]. M.: Ves' mir. 544 p. [in Russian]

Ustrjalov, 1997 – Ustrjalov, N.G. (1997). Russkaja istorija do 1855 goda, v dvuh chastjah [Russian history until 1855, in two parts.]. Petrozavodsk: Korporacija «Folium». 958 p. [in Russian]

Vjazemskij, 1879 – Vjazemskij, P.A. (1879). Polnoe sobranie sochinenij knjazja P.A. Vjazemskogo v 12 t. T. 2. [Complete Works of Prince P.A. Vyazemsky in 12 vols. Vol. 2]. SPb.: Sankt-Peterburg : izd. gr. S.D. Sheremeteva. 445 p. [in Russian]

Walicki, 2013 – Walicki, A. (2013). Rus Düşünce Tarihi, Aydınlanmadan Marksizme [Russian Intellectual History, From Enlightenment to Marxism]. Translator: Alaeddin Şenel. İstanbul, İletişim Publishing. 37 p. [in Turkish]

Yinanç 2012 – Yinanç, R. (2012). Osmanlı İmparatorluğu'nun Dış Politika Anlayışı ve Uygulamaları [Foreign Policy Understanding and Practices of the Ottoman Empire]. Türk Dış Politikası ed. Haydar Çakmak. Barış Kitap. Ankara. 29 p. [in Turkish]

Zielinska, 1991 – Zielinska, Z. (1991). O sukcesyi tronu w Polsce, 1787-1790 [For the success of the throne in Poland, 1787–1790]. Warszawa: Wydaw.nauk. PWN. 291 p. [in Polish]

Константин Павлович Романов и Польша: упущенные возможности

Елена Ивановна Майорова ^a, Розалина Васильевна Шагиева ^{a, *},
Юджел Огурлу ^b, Валерий Васильевич Романов ^c

^a Государственный университет управления Москва, Российская Федерация

^b Стамбульский коммерческий университет, Стамбул, Турецкая Республика

^c Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена достаточно важной области отношений Российской империи и Царства Польского на протяжении достаточно длительного периода – конца XVIII – начала XIX вв.,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: shagsas@mail.ru (П.В. Шагиева), trolo03@mail.ru (Е.И. Майорова), yogurlu@ticaret.edu.tr (Yucel Ogurlu), wwr@bk.ru (В.В. Романов)

наполненного судьбоносными событиями, определившими на последующие века негативный контекст этих взаимоотношений. Авторы поставили целью создание научной модели такого варианта исторического развития, при котором гипотетически оценивается реальность возможного влияния великого князя Константина Павловича Романова на изменение вектора сосуществования России и Польши. Анализируются основные вехи жизни и особенности характера этой исторической фигуры в контексте возможных альтернатив его деятельности до и во время 15-летнего нахождения в Польше. Несмотря на преуменьшение, а то и отрицание некоторыми специалистами роли личности в истории, качества, имманентно присущие правителям, принимающим судьбоносные решения, определяющим участь подданных, имеют немалое значение. Это хорошо просматривается на примере судьбы и деятельности героя статьи. Авторское видение персоны цесаревича Константина Павловича как яркой и популярной личности (недаром после его кончины появилось несколько Лже-Константинов) показывает, что историческая наука недооценила силу влияния особенностей его характера на судьбы польского государства. Для обоснования предположения применяются методы источниковедческого, исторического и логического анализа и синтеза, позволившие с точки зрения индивидуальных качеств наместника рассматривать взаимоотношения управляемой им Польши и Российской империи. Источниковая база включает как классические исследования данного вопроса (С.М. Соловьев), мемуары и воспоминания, так и современные изыскания (П.В. Стегний и др.). Методы исторической ретроспекции, хронологического и проблемно-аналитического подходов позволяют смоделировать вероятность альтернативного варианта истории: сглаживание противоречий между двумя славянскими странами и возвращение Польше самостоятельности.

Ключевые слова: Российская империя, Речь Посполитая, императрица Екатерина II, заговор, убийство Павла I, цесаревич Константин, беспутство.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1140-1152
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1140

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Creating a System of Military Facilities on the South of Kazakhstan on the Middle of the 19th century and Their Role in Conducting a Policy of Russian Empire

Guldana B. Zhakibayeva ^{a,*}, Gulmira E. Oteпова ^a, Arkady V. Kontev ^b, Aigul M. Sadykova ^a

^a Pavlodar Pedagogical University, Republic of Kazakhstan

^b Altai State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article, which was based on archive materials, demonstrates a role of military chains and facilities, built on the south of Kazakhstan in the middle of the 19th century. Analysis of historical sources shows that the official policy of Russian Empire was directed to military conquest and occupation of southern Kazakhstan's territory and Central Asia. Military strategical plans of the empire were brought to life as a result of creating strong military chains in the south Kazakhstan, such as Syrdarian, Semirechian and New Kokand. Above listed chains gave an opportunity for Russian army not only to strengthen their positions in Elder Zhuz, but also to move further in the Central Asian region. It was followed by occupation of large Kokand cities. Reconnaissance works conducted by Russian officials from 1847 to 1863 were helpful in receiving actual materials concerning situation in Kazakh Steppe and in Central Asian states. Authors succeeded in analysis of the historical maps of Central State Archive of the Republic of Kazakhstan and Russian State Archive of Military history through the research. These maps made it possible to identify and systematize a list of main fortresses and settlements located along Syrdarian, Semirechian and New Kokand military chains. This research resulted in creation of cartographic material reflecting a system of military facilities and chains on the territory of the south Kazakhstan in the middle of the 19th century.

The article provides a characteristic of the main stages in a progress of Russian army and of tactical decisions, which led to uniting Orenburg's and Siberian military chains. Further, it led to fixation of the southern borders of Russia. Success of above-mentioned task helped Russian government to solve both, domestic and foreign political issues.

Keywords: facility, military chains, South Kazakhstan, Russian Empire, Central Asian Khanate, Elder Zhuz, reconnaissance.

1. Введение

В середине XIX века территория Средней Азии представляла собой большой интерес для России. Это было обусловлено не только экономическими потребностями, но и политическими, поскольку в азиатских владениях Российского государства уже были построены Оренбургская и Сибирская военные линии, а южные границы империи еще не были до конца определены и установлены. В то же время Англия увеличивала свое влияние в Средней Азии и была на подступах к Афганистану, пыталась включить в орбиту своего влияния среднеазиатские ханства, в том числе и Хивинское государство. В этом геополитическом противостоянии у Российской империи был ряд преимуществ, так как к тому времени уже были налажены экономические и политические отношения со среднеазиатскими ханствами и Китаем, велась регулярная торговля с Кокандским и Хивинским государствами, были присоединены территории Младшего и Среднего казахских жузов.

* Corresponding author

E-mail addresses: akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov), advoreckaya@mail.ru (A.P. Dvoreckaya), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina)

Задача данного исследования – раскрыть и показать на основе исторических источников роль военных линий и укреплений как основы проведения официальной политики Российской империи, направленной на военное завоевание и подчинение Средней Азии в середине XIX века. Выполнение поставленной задачи связано с введением в научный оборот ранее не опубликованных материалов, в том числе картографических. На основе этих источников в статье определено и показано пространственное расположение военных укреплений Южного Казахстана, отмеченных на специально созданной карте-схеме, которые способствовали укреплению позиций империи на данной территории.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования являются архивные материалы ЦГА РК и РГВИА, среди которых наибольший интерес представляли следующие делопроизводственные документы:

Распорядительные документы:

1) важную информацию содержат секретные предписания начальников штабов и начальников военных отрядов, которые долгое время находились под грифом «секретно». Данные источники имеют огромное историческое значение и позволяют подробно изучить подготовку и ход военных операций, происходивших на юге современного Казахстана, а также проанализировать политику военных чиновников в отношении местного населения. В документах описывается организация военных сил и состояние вооруженных войск (ЦГА РК. Ф. 3);

2) предписания и приказы командующего Сырдарьинской линией содержат важную информацию о положении дел в среднеазиатских ханствах и Казахской степи, сведения о казахах, кочевавших в соседних ханствах, о военных столкновениях отрядов Сибирского линейного казачьего войска и казахов против кокандцев, материалы о политической ситуации в среднеазиатских ханствах и Казахской степи (ЦГА РК. Ф. 383; РГВИА. Ф. 1441);

3) в переписке о положении дел в среднеазиатских ханствах в 1853, 1855, 1857 гг., обнаруженной в Ф. 382 «Управление командующего Сырдарьинской линией Туркестанского военного округа» ЦГА РК раскрываются военные мероприятия русской армии в Средней Азии.

Деловая переписка:

Важную информацию содержит переписка начальников военных отрядов, производивших рекогносцировку в районе реки Чу. В документах представлена схема движения экспедиционных отрядов, отражена поэтапная подготовка строительства пикетов и выселок, обосновывается выбор мест для строительства укреплений (ЦГА РК. Ф. 3).

Отчетная документация представлена рапортами военных начальников и батальонных командиров, начальников отрядов, в которых содержатся ценные сведения о взаимоотношениях русских властей с казахскими родами и среднеазиатскими ханствами, информация о строительстве военных укреплений в Заилийском крае (ЦГА РК. Ф. 3).

Из многочисленных картографических материалов, которые хранятся в Ф. 689 «Коллекция карт» ЦГА РК, были изучены карты Западной Сибири и Внутренней орды 1840, 1848, 1861, 1863 гг., «Атлас землям ирегулярных войск 1858 года», «Подробный атлас Российской империи» 1871 года (Подробный атлас, 1871), а также карта Туркестанского генерал-губернаторства 1868 г. Созданные в разное время, эти изобразительные источники отражают этапы формирования линейных укреплений, а также позволяют определить место расположения и статус того или иного поселения.

В основу анализа конкретно-исторических сюжетов, представленных в статье, положены принципы системности и историзма. Согласно принципу системности, сооружение военных укреплений и продвижение российских войск представляется в контексте общей политики России в процессе колонизации региона. Кроме того, сами военные укрепления рассматриваются во взаимосвязи с уже имевшейся на юге Азиатской России сетью оборонительных линий. Принцип историзма потребовал от нас изложения материала в строгом соответствии с этапами продвижения русских войск.

Методологической основой данной работы являются современные концептуальные подходы и общенаучные методы исследования. В его основу положен региональный подход, который при рассмотрении колонизационных процессов, с одной стороны, не дает скатиться к «империоцентризму», а с другой – позволяет преодолеть этноцентризм в изучении российской экспансии. Данный подход открывает перед исследователем возможность изучить «характер полиэтнической империи на различных пространственных плоскостях» (Капеллер, 2000: 21). Как отмечал А.В. Ремнев, «региональная история позволяет описать пространство как целостную систему, вобравшую в себя общее и особенное, совместить генерализирующие методы с возможностями локальной истории и микроистории» (Ремнев, Суворова, 2013: 19). Такие пространственные вопросы российской колонизации неразрывно связаны с процессом строительства пограничных укреплений, без которых продвижение России на юг, в районы Средней Азии, было бы невозможно. Профессор Университета Лойолы (г. Чикаго) Майкл Хадарковский, анализируя многообразие способов, используемых Российской империей против кочевых степных сообществ, называет семь стратегий. Он указывает последовательность действий России на новых территориях: «сначала

строительство фортов и укрепленных линий, а затем колонизация и превращение пастбищ в пахотные земли» (цит. по: [Рибер, 2003: 120-121](#)). Именно первому этапу данного процесса колонизации Средней Азии и посвящена наша статья.

Соединение новых теоретических подходов с традиционным анализом архивных источников, собранных в ЦГА РК и РГВИА, позволило изучить строительство военных линий на территории Туркестанского края как целостную военную систему. В ходе написания статьи были использованы методы систематизации и критического анализа архивных материалов, проводился сравнительный анализ как в диахронном (выявление процесса изменения ситуации), так и в синхронном аспектах (сравнение ситуации в разных районах Южного Казахстана). Важное значение в контексте нашего исследования имеет картографический метод, результатом применения которого стало создание на современной топооснове реконструкции административно-территориальных границ и расположения линейных укреплений.

3. Обсуждение

Прошло уже почти два столетия, а вопрос истории Казахстана середины XIX века в общем и вопросы причин возведения военных укреплений на юге края и их последствий волнуют нас до сих пор. Изучением этих вопросов занимались как дореволюционные, советские, зарубежные, так и современные ученые-историки, исследователи. Среди дореволюционных большой интерес вызывают труды офицеров Генерального штаба русской армии, которые находились в азиатских владениях Российского государства десять и более лет, таких как А.И. Макшеев – «Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских», М.И. Вениуков – «Опыт военного обозрения русских границ в Азии», Л.Ф. Костенко – «Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности: с картой Средней Азии», М.А. Терентьев – «История завоевания Средней Азии с картами и планами», К.К. Абаза – «Завоевание Туркестана. Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев», и др. Их работы содержат большой исторический, этнографический и картографический материал, подробно описывается поступательная военная политика царской власти в отношении Туркестанского края и Средней Азии, характеризуются взаимоотношения с местным населением. Возведение военных укреплений большинство авторов обосновывали необходимостью укрепления границ империи со стороны Средней Азии. Поскольку дореволюционные авторы публиковали свои работы, находясь на военной службе, они оценивали события, исходя из своего положения в духе имперской идеологии ([Жакибаева, Отепова, 2019: 76](#)).

В советский период изучением проблемы колонизации региона занимались профессиональные историки, ученые: С.Д. Асфендияров – «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», П.Г. Галузо – «Туркестан-колония», М.Т. Тынышпаев – «История казахского народа», Т.Р. Рыскулов – «Избранные труды». Они в своих работах разделяли концепцию М.Н. Покровского об «абсолютном зле» в отношении казахских земель, т.е. представляли включение в состав России новых территорий сугубо насильственными методами. Также ими освещались социально-политические и экономические изменения, происходившие в казахском обществе ([Дулатова, 1984: 58](#)).

В советской историографической науке 1930–1950-х гг. происходило формирование научных идей в условиях утверждения марксистско-ленинской идеологии. Большой интерес представляют работы М.П. Вяткина «Очерки по истории Казахской ССР», Е.Б. Бекмаханова «Казахстан в 20-е и 40-е годы XIX века», Н.Г. Апполовой «Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века», в которых в научный оборот введено значительное количество новых документальных материалов, позволивших более углубленно изучить данный вопрос. В 60–80-е годы XX в. отмечается утверждение идеи о прогрессивности присоединения Степного края к Российской империи. Исследователи концентрировали свое внимание на изучении отдельных направлений, в рамках которых рассматривались конкретные проблемы ([Жакибаева, Отепова, 2019: 77](#)).

Современный этап историографической оценки данной проблематики начинается после распада СССР и приобретения Казахстаном независимости. В это время происходит реализация новых подходов в области конкретно-исторического изучения отдельных проблем темы, что нашло отражение в применении междисциплинарных подходов, расширении источниковедческой базы. Появились труды, написанные на основе новых архивных материалов, публикации, открывающие неизвестные страницы истории Казахстана. Среди казахстанских ученых, исследовавших данную проблематику, нужно отметить М.К. Козыбаева – «История и современность», М.Ж. Абдирова – «Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость», З.Т. Садвокасову – «Негативные последствия колониальной политики царизма в Казахстане», С.С. Сайфумаликову – «Казахское население Сырдарьинской и Закаспийской областей Средней Азии (политико-экономические аспекты) (1867–1917 гг.)», Г.Е. Отепову – «Вопросы присоединения юга Казахстана в исторических источниках» и многих других. Из числа российских авторов, которые в своих трудах исследовали данную проблему, необходимо подчеркнуть роль ученых Л.М. Дамешека – «Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX века)», А.В. Ремнева – «Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века», В.В. Трепавлова – «Национальные окраины Российской империи. Становление и

развитие системы управления». Среди англо-американских исследователей следует выделить Э. Олуорда – «Центральная Азия: столетие русского правления» и Э. Бэкон – «Центральная Азия под управлением России» (*Вопросы присоединения*, 2015: 19). Из современных российских исследователей, занимающихся вопросами формирования российской государственной границы в Азии, можно назвать А.В. Контева и В.Б. Бородаева (*Бородаев, Контев*, 2007).

Несмотря на различия подходов и оценок в изучении темы, в научный оборот введено было большое количество архивных материалов, которые отражают объективный процесс колонизации края.

4. Результаты

К началу XIX столетия наиболее напряженные отношения в Средней Азии у России складывались с Хивинским ханством. Главной проблемой во взаимоотношениях двух стран была судьба российских невольников, которых, с поощрения хивинских правителей, захватывали «киргизские казахи» и сами хивинцы, продавая их в Хиву и Бухару (*Замечания майора Бланкеннагеля*, 1858: 12). «Хива промышляет себе пленников воровством и разбоями», – высказывал претензию хивинскому хану оренбургский военный губернатор и командир Отдельного оренбургского корпуса В.А. Перовский (*Ганиев*, 2013: 112). По мнению российских стратегов, сдвигание границ империи в Средней Азии далеко на юг могло обезопасить территории проживания русского оседлого населения от набегов и разорения. В это время Хива значительно усилилась и стала играть ключевую роль в регионе. При этом хивинские власти откровенно препятствовали развитию российской трансасиатской торговли (*Кочнев*, 2018: 97-99).

Копившиеся противоречия привели к тому, что в 1839 г. после двухлетней подготовки Россия принимает решение захватить Хивинское ханство. Военный поход возглавил граф В.А. Перовский. Хотя в западной части степи заранее были возведены Эмбенское, Ак-Булакское и Ново-Александровское укрепления, данная операция была обречена на провал. Во-первых, русские военные плохо знали климатические и географические особенности южных регионов современного Казахстана. Во-вторых, существенную роль сыграли большие расстояния от Оренбурга до Хивы. В-третьих, поход был совершен в зимнее время, в степи был очень сильный ветер, буран при полном отсутствии укрытий и топлива. Кроме того, из-за большого количества снега лошади не могли найти себе пропитание. Все эти причины побудили военную экспедицию вернуться назад.

После неудачного хивинского похода генерала В.А. Перовского российские власти принимают следующие тактические решения (стратегия заключалась в завоевании новых территорий):

1) организация предварительного изучения Туркестанского края (проведение топографических и рекогносцировочных работ);

2) строительство военных укреплений и в дальнейшем соединение их в одну военную линию для окончательного включения казахских территорий в состав империи и дальнейшего продвижения в глубь Центральной Азии;

3) военное наступление и завоевание новых территорий Средней Азии путем создания сети военных опорных пунктов. Новые линии предполагалось включить в общую сеть укреплений, уже имевшихся на юге Сибири (*Бородаев, Контев*, 2015).

Для решения поставленных задач Россия в 1845 г. основывает Оренбургское укрепление на реке Ирғиз и Уральское – на реке Тургай, третье укрепление планировалось возвести около соединения рек Темир и Эмба. Однако такое предложение было отклонено правительством в связи с возникшими планам строительства укрепления на р. Сырдарье. Это привело к большему влиянию на отдаленных казахов и позволило лучше контролировать торговые связи со среднеазиатскими ханствами. Поэтому в 1846 г. департамент Генерального штаба направляет капитана Б.Ф. Лемма для определения астрономических пунктов на Сырдарье. С топографическим отрядом был отправлен капитан М.Х. Шульц, который убедил командира Отдельного Оренбургского корпуса генерала В.А. Обручева выбрать урочище Раим в качестве нового места для укрепления. В 1847 г. В.А. Обручев с согласия императора Николая I принимает решение заложить укрепление Раим. В письме военного министра генералу В.А. Обручеву сообщается: «Отношение вашего высокопревосходительства от 21 минувшего декабря за № 301 о выгодах возведения укрепления на полуострове Раим, близ устья реки Сыр-Дарьи в Аральском море, с устройством на этом пункте русского поселения, я имел счастье довести до высочайшего сведения. Государь император, имея в виду сообщенное вашему высокопревосходительству от 26 декабря высочайшее разрешение о постройке трех укреплений в степи, соизволил отозваться, что, по мнению его величества, на реке Сыр-Дарье для возведения форта кажется удобнейшим, нежели избранный на реке Темир, но между тем вопрос об окончательном выборе пункта для сей цели необходимо обсудить подробно и обстоятельно» (*РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 14. Л. 30*). При выборе места учитывалось стратегическое расположение местности, которое имело чрезвычайно важное значение и было, в сущности, первым шагом к подчинению всего Туркестана. Новая крепость обеспечивала России обладание промежуточной полосой в степи и позволила отражать нападения Хивы.

Уже на следующий год, в 1848 г., было решено возвести следующее укрепление вверх по реке Сырдарье – форт Казалинск. В рапорте старшего адъютанта генерального штаба штабс-капитана А.И. Макшеева сообщается: «Казалинский форт предполагается устроить между канавами Первые Ак-чик и Киргиз, которые могут значительно усилить его оборону, если: а) форт будет находиться от них на ружейный выстрел, как значится на представляемом при сем плане; б) канавы очистятся и наводнятся из реки Сыр, и в) бока, их лежащие к стороне форта, будут срезаны напетом. Для удобного сообщения через канавы полезно иметь легкие накладные мостики, которые могут быть в случае опасности немедленно снимаемы. Все главнейшие строения предположены для безопасности внутри форта...» (РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 47. Л. 93). Но только в 1851 г. генералом В.А. Перовским на месте, выбранном капитаном А.И. Макшеевым, был возведен форт Казалинск, получивший название «Аральское укрепление». Однако это место оказалось непригодным для заселения, так как его окружали болота и оно было перенесено вверх по р. Сырдарье. Это укрепление, согласно именному указу от 3 ноября 1853 г., получило название «Форт № 1». В документе написано: «Государь император высочайше повелеть соизволил: трем новым укреплениям, возводимым на Сырдарьинской линии между Аральским укреплением и фортом Перовским, присвоить следующие номера: форту на урочище Казалы – № 1, Кармакчи – № 2, Куван-Дарье – № 3» (Отепова, Ильясова, 2015: 261).

Одновременно с возведением укреплений проводились научные исследования в крае. Так в 1848–1849 гг. экспедиция известного российского гидрографа контр-адмирала А.И. Бутакова (Костенко, 1871: 10) составила первую гидрографическую карту Аральского моря, обследовала водоем для развития судоходства и использования в военных целях, поскольку Россия намеревалась напасть на Хиву как с суши, так и с моря.

Военное наступление готовилось не только по реке Сырдарье, но и со стороны Сибири. Для этого в 1848 г. была учреждена должность пристава при киргизах Большой орды, который являлся официальным представителем имперской власти для казахов Старшего жуза. Местом пребывания пристава стало новое укрепление Копал, заложенное у отрогов Джунгарского Алатау, которое одновременно выполняло роль опорного пункта для дальнейшего продвижения русских войск к границам Средней Азии. После закрепления своих военных позиций в новом укреплении Копал русские войска в 1851 г. начали освоение Заилийского края (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. Л. 1).

Новые укрепления будущей Сырдарьинской линии позволили русским войскам продвинуться вверх по течению реки Сырдарьи и приблизиться к кокандской крепости Ак-Мечеть, располагавшейся на правом берегу реки. После 20-дневной осады в 1853 г. крепость была взята русскими войсками и вскоре по указу его императорского величества от 31 августа 1853 г. была переименована в форт Перовский (в честь генерала В.А. Перовского). Таким образом, в 1853 г. русские власти создали единую систему крепостей по реке Сырдарье, в которую вошли 5 русских крепостей. Две крепости были построены русскими – это Раим и Казалинск. Три из них были образованы на месте старых кокандских укреплений: Кумискорган, Ак-Мечеть, Джулек (См. Рисунок 1). Сырдарьинская военная линия стала военным плацдармом для дальнейшего продвижения русских войск и военного подчинения оставшихся южных территорий современного Казахстана (Отепова, Жакибаева, 2020: 259).

Военные успехи русских войск наблюдались и в Семиречье, где после ряда ожесточенных битв с кокандцами в том же 1853 г. большая часть края была подчинена. Это позволило генерал-губернатору Западной Сибири и командиру Отдельного Сибирского корпуса Г.Х. Гасфорду перейти к захвату территорий между реками Или и Чу. Такой маневр позволил иметь выход в Китай и в Кокандское ханство по верхнему течению реки Или. Генерал поручил приставу при киргизах Большой орды майору М.Д. Перемышльскому найти удобное место за рекой Или для возведения укрепления. Во время изучения данной территории поручалось обратить внимание на близость и возможность приобретения строительных материалов для возведения укреплений, на наличие корма для животных, а также возможность отряда зимовать и заниматься заготовкой леса без угрозы нападения. В результате в 1854 г. в урочище Алматы было основано укрепление Верное. Царским именным указом «О переименовании пристава при киргизах Большой орды в начальника Алатавского округа и киргизов Большой орды и штат управления сего начальника» от 3 ноября 1856 г. должность пристава при киргизах Большой орды была переименована (Отепова, Ильясова, 2015: 304). Границы земель Алатавского округа проходили на западе от устья реки Каратал до южной части озера Балхаш, затем по реке Чу до ее верховьев, на востоке по реке Нарым и китайской границе (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. Л. 1).

Началом формирования Семиреченской военной линии можно считать 1848 год, когда была основана крепость Копал. Далее русские войска продвинулись южнее и заложили укрепление Верное. Однако окончательно военная линия сформировалась в 1858–1864 гг. Она располагалась у подножия Заилийского и Джунгарского Алатау и представляла собой совокупность ряда крупных и мелких укреплений – крепостей, выселок и станиц (Рисунок 1). При выборе места для строительства военных укреплений учитывалось прежде всего наличие водных и лесных ресурсов, а также сенокосных и пастбищных угодий, пашен и многое другое.

Рис. 1. Система укреплений Туркестанских линий во второй половине XIX века

Список укреплений и поселений на военных линиях Туркестана

Сырдарьинская военная линия

- 1 – кр. Аральская (Раим)
- 2 – Форт № 1 (Казылы, Казалинск)
- 3 – Форт № 2 (Кармакчи)
- 4 – Форт 3 (Кумыш-Курган)
- 5 – кр. Перовск (Ак-Мечеть)
- 6 – укр. Джулек
- 7 – укр. Дин-Курган

Ново-кокандская военная линия

- 8 – укр. Туркестан (Азрет)
- 9 – кр. Аулие-Ата
- 10 – укр. Мерке
- 11 – бывш. укр. Ак-Су
- 12 – бывш. укр. Пишпек
- 13 – укр. Токмак

Семиреченская военная линия

- 14 – укр. Кастек
- 15 – укр. Узун-Агачский (Угун-Агачский)
- 16 – выс. Раскеленский
- 17 – укр. Верное (Алматы)
- 18 – станица Софийская (Талгар)
- 19 – выс. Надеждин
- 20 – выс. Заилийский
- 21 – выс. Илийский
- 22 – выс. Чилгиндинский
- 23 – выс. Кара-Чекинский
- 24 – выс. Куинкузский
- 25 – выс. Алтын-Имельский
- 26 – выс. Кугалинский (Кудалинский)
- 27 – пикет Царицынский (Коксу)

- 28 – выс. Джангис-Агачский
- 29 – выс. Сары-Булакский
- 30 – пикет Ак-Ичкенский
- 31 – укр. Копал
- 32 – пикет Тепло-Ключинский (Арасанский)
- 33 – пикет Абакумовский
- 34 – станица Сарканская (в 1858 г. пикет)
- 35 – станица Лепсинская (Чубар-Агачская)
- 36 – пикет Аксуйский
- 37 – пикет Басканский
- 38 – пикет Лепсинский
- 39 – пикет Ащи-Булакский
- 40 – пикет Арганатинский
- 41 – пикет Джуз-Агачский
- 42 – пикет Мало-Аягузский
- 43 – пикет Кызыл-Кайский
- 44 – пикет Талды-Кудукский
- 45 – пикет Аягузский
- 46 – укр. Сергиополь (Аягуз)
- 47 – выс. Нарынский
- 48 – выс. Верхне-Нарынский
- 49 – выс. Каракольский
- 50 – выс. Теректинский
- 51 – укр. Урджар
- Малые кокандские крепости**
- 52 – Сузак
- 53 – Чулак-Курган (Чулы-Курган)
- 54 – Сары-коджа
- 55 – Кара-Булак
- 56 – Сары-Курган (Ит-Куча)

Все укрепления Сырдарьинской военной линии располагались на берегу реки Сырдарья, что способствовало постоянному подмыванию ее речными водами. Для предупреждения обвалов приходилось укреплять берега метловыми фашинами (фашина – связки прутьев). Лесные ресурсы для возведения построек привозились из башкирских лесов, поэтому себестоимость этих укреплений была очень высока. Чтобы удешевить постройки, дерево использовали только на потолки, рамы и двери, а стены возводили из сырцового или воздушного кирпича, т.е. обожженного на солнце. Однако такие постройки быстро разрушались, возведенные плотины спасали от наводнения, но не от просачивания грунта водой. Глина, из которой делали кирпичи, была солонцеватая и легко втягивала сырость, вследствие чего штукатурка разрушалась. Камышовые своды, отделанные глиной, были тяжелыми, что тоже способствовало быстрому разрушению конструкций (Терентьев, 1874: 4). Основными типами военных сооружений и поселений были укрепления, пикеты, выселки, станицы.

Укрепления были представлены крепостями и укрепленными поселениями, огороженными рвом. Пикетами называли временные перевалочные военные пункты вдоль линейной дороги, которые служили своего рода сообщением между укреплениями. Также они выполняли функцию охраны пикетных дорог и оповещения о приходе неприятеля, позже пикеты стали обеспечивать охрану торговых путей. Содержание каждого пикета между Аягузом и Копалом обходилось в среднем около 300 рублей серебром (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. Л. 17). Статус станицы традиционно получали поселения, являвшиеся административными центрами, объединявшими несколько казачьих поселений (хуторов, поселков, выселок) (Советская историческая энциклопедия, 1971: 798). «Выселки» были самыми многочисленными, но малонаселенными сельскими поселениями, основанными вдоль укрепленной линии. Как правило, их жители специально переселялись на линию из других мест (Большой энциклопедический словарь, 1997: 236).

Образование Сырдарьинской военной линии к концу 50-х годов XIX в. и возведение ряда укреплений в Семиреченском крае способствовали дальнейшим военным устремлениям России в глубь Средней Азии. В июле 1854 года по указу императора была создана специальная должность командующего Сырдарьинской линией: «Заведование войсками, киргизами и укреплениями, расположенными на Сырдарьинской линии, также флотилию на реке Сыр-Дарья возложить на особого военного начальника, коего именовать командующим Сырдарьинскою линиею» (Отепова, Ильясова, 2015: 286).

В декабре 1861 года выходит высочайше утвержденное положение Военного совета «О военном устройстве Киргизской степи Оренбургского ведомства и Сырдарьинской линии», в котором были определены основные положения и действия командующего по военному управлению этими

линиями (Отепова, Ильясова, 2015а: 21-24).

Однако отсутствие необходимой информации о положении внутри среднеазиатских ханств побудило русское правительство организовать масштабную военно-экономическую и политическую разведку сопредельных азиатских государств. С целью выяснения торгово-экономической и военно-политической ситуации в Центрально-Азиатском регионе в 1858 г. были отправлены миссии полковника Н.П. Игнатьева в Хиву и Бухару, экспедиция Н.В. Ханькова в Восточный Иран и Герат, миссия Ч. Валиханова в Кашгар. Помимо основных разведывательных отрядов, русское правительство постоянно высылало в среднеазиатские ханства проверенных лазутчиков из числа казахов, обещав им хорошую награду за подробные сведения об этих государствах (Вопросы присоединения, 2015: 28).

В 1859 г. рекогносцировочный отряд под руководством капитана Генерального штаба М.И. Вениукова и командующего артиллерийским отрядом капитана В.В. Обуха провели рекогносцировочные работы в Заилийском крае. В экспедицию вошли инженеры и топографы, которых сопровождал казачий отряд Отдельного Сибирского корпуса. Помимо топографических задач, военным следовало выяснить политическую обстановку в Кокандском ханстве. Для обеспечения проведения рекогносцировки полагалось провести следующие масштабные мероприятия:

1) сосредоточить в укреплении Верном военный отряд в составе пехотной роты 8-го линейного батальона Сибирской линии, «с одним отделением стрелков, вооруженных нарядным оружием», которых предстояло выбрать «самых лучших и наиболее обученных»; 200 казаков 10-го полка Сибирского линейного казачьего войска «с необходимым числом вьючных лошадей»; взвода 21-й конноартиллерийской батареи Сибирского линейного казачьего войска «и при нем три ракетных станка из числа находящихся в укр. Верном, с 20 боевыми ракетами на каждый станок»;

2) предметы продовольствия и все нужные запасы для отряда должны были быть отправлены в Верный одновременно с выступлением туда отряда. Для перевозки припасов предписывалось использовать средства 8-го батальона, а также нанять верблюдов «у киргизов по самым сходным ценам»;

3) по прибытии в Верный командиру отряда предписывалось командировать в свой отряд «инженерного офицера с кондуктором и офицера корпуса топографов с способным топографом». Они должны были проводить съемку дороги и прилегающих территорий «для точного определения выходящих из гор на долину ущелий и берегов р. Чу, со всеми бродами и удобными для переправы местами»;

4) рекогносцировочному отряду и его охранению строго предписывалось «избегать всячески завязывать серьезные военные действия по ту сторону р. Чу» (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 32. Л. 1).

Главную опасность для проведения военно-инженерной рекогносцировки в долине реки Чу представляла кокандская глинобитная крепость Пишпек (Бешкек), построенная в 1825 г. Понимая опасность прямого противостояния, российские военные власти советовали руководству отряда собирать сведения об этой крепости, «равно... о том, что делается вообще за р. Чу по направлению чрез Мерке к Аулие-Ата», а также о политических, военных и гражданских усилиях нового хана Малябека «чрез торговых людей и лазутчиков» (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 32. Л. 2).

Материалы, доставленные ими, позволили царскому правительству выяснить действительную расстановку политических сил в Туркестане и ознакомиться с экономическими и международными связями среднеазиатских ханств.

В ходе разведывательных операций выяснилось, что политическая обстановка в среднеазиатских государствах в середине XIX века была довольно сложной. Периодически происходили военные столкновения между Бухарой и Кокандом. 15 мая 1857 г. командир Отдельного Сибирского корпуса писал коменданту Отдельного Оренбургского корпуса: «Полковник Перемышльский сообщает, что по сведениям, полученным из Ташкента, между ханствами Бухарским и Ташкентским должна возникнуть война. Причина тому следующая: бухарский караван в числе 5 тысяч верблюдов, шедший в г. Троицк, разгромлен и разбит ташкентцами на левом берегу р. Сыр-Дарья невдалеке от форта Перовского. Поэтому бухарский хан требует от кокандцев полного удовлетворения, грозя в противном случае войною и возведением на кокандский престол сына Мухамед Дали, воспитывающегося при бухарском дворе» (ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Д. 14. Л. 67-67об.). Также в записке о событиях в Средней Азии, направленной 1 октября 1858 г. из форта Перовского командующему Сырдарьинской военной линией генерал-майору А.Л. Данзасу, говорится, что бухарский эмир завладел Ура-тюпой (совр. Истаравша́н на севере Таджикистана), оттуда подступил к «первоклассной кокандской крепости Ходженту» и после упорного сражения крепость была захвачена (ЦГА РК. Ф. 382. Оп. 1. Д. 5. Л. 239).

Кроме того, в самих ханствах нарастали социальные конфликты и недовольства. Огромные налоги, которые платили казахи, жители крепостей и кокандских городов возбудили всеобщее недовольство, которое приводило к постоянным вооруженным столкновениям (ЦГА РК. Ф. 382. Оп. 1. Д. 5. Л. 266). В Хиве, помимо внутренних междоусобиц, велась война с туркменами, а также казахи рода конград, находившиеся под хивинским контролем, из-за высоких поборов решили перебраться в российские владения. Эти внутривосточные обстоятельства не позволяли среднеазиатским

народам объединиться, что дало возможность русским войскам успешно продвигаться на юг Средней Азии. Теперь основной целью русского правительства было соединение Сырдарьинской военной линии с пограничными линиями Западной Сибири. Среди архивных материалов была обнаружена записка от 2 января 1863 г. подполковника Н.А. Веревкина, направленная командующим Оренбургским корпусом и Сырдарьинской линией, из которой становится ясно, что русское правительство рассматривало три варианта такого соединения:

1) «от Джулека по Сыру, чрез Ташкент, Аулие-Ата и далее на Мерке и Пишпек» – данная граница была бы очень выгодна в политическом отношении, поскольку позволяла оказывать огромное влияние на Бухару и Среднюю Азию. В военном отношении владения прикрывались бы рекой Сырдарьей и горными хребтами. В торговом – появлялась возможность наладить отношения с Китаем и Бухарой, обезопасить караваны от грабежей, избавиться от кокандских пошлин, взимаемых в Туркестане. В хозяйственном плане большие пространства плодородной земли можно было использовать для земледелия. Для установления такой границы потребовалось бы использование войск Сырдарьинской линии, усиленных двумя батальонами пехоты и батареями артиллерии сибирских войск. По данному военному плану русские войска планировали овладеть сначала Туркестаном, затем Аулие-Атой и потом Ташкентом. При этом констатировалось, что остальные крепости, располагавшиеся на Каратауских горах и на севере (Сузак, Чулы-Курган, Карча, Сары-Коджа и прочие), кокандцы будут вынуждены оставить (ЦГА РК. Ф. 382. Оп. 1. Д. 47. Л. 10 об., 11-11об.);

2) если первый план установления границ окажется сложным, тогда можно ограничиться захватом Туркестана со стороны р. Сырдарья и Аулие-Аты со стороны Сибири. В этом случае сообщение с сибирскими пограничными пунктами полагалось проложить от Джулека или форта Перовского по дороге, идущей у подошвы Каратауского хребта с северной стороны (как раз по старинным крепостям Сузак, Чулы-Курган и Сары-Коджа). Эти крепости после захвата Туркестана кокандцы тоже будут вынуждены оставить (ЦГА РК. Ф. 382. Оп. 1. Д. 47. Л. 12);

3) третий способ установления границы предполагал проведение линии от Джулека к северо-западной оконечности хребта Каратау, потом по самому хребту до Аулие-Аты. «Тогда на долю сибирских войск выпало бы прочное занятие Аулие-Аты, а войска Сырдарьинской линии овладели бы Сузаком и Чулак-курганом» (ЦГА РК. Ф. 382. Оп. 1. Д. 47. Л. 12). Данная задача считалась нетрудной, но и выгоды оценивались как незначительные.

Таким образом, выбор будущих укреплений и их строительство напрямую связывались с определением одного из представленных путей дальнейшего продвижения. При этом подполковник Н.А. Верекин отмечал, что после выбора одного из указанных направлений дальнейшее согласование между военными отрядами будет уже трудно проводить из-за больших расстояний между Сибирской и Семиреченской линиями (ЦГА РК. Ф. 382. Оп. 1. Д. 47. Л. 12).

В контексте этих приготовлений в 1863 г. А.И. Бутаков изучил верхнюю часть Сырдарьи на пароходах «Арал» и «Сырдарья». В рекогносцировочный отряд входили 3 топографа, матросы, отборные стрелки, которые были снабжены боевыми ракетами. Одновременно с движением судов из Джулека были высланы в помощь две роты пехоты, 165 казаков, 54 артиллериста, сапер и 20 конных стрелков. В состав отряда входили офицеры Генерального штаба и два топографа. Помимо обеспечения безопасности пароходам, исследовавшим Сырдарью, отряд выполнял задачу изучения окрестностей Туркестана с западной стороны, он должен был пройти пространства между этим городом и крепостью Дин-Курган и затем вдоль южной подошвы Каратауских гор возвратиться в Джулек. В работе отряда явно прослеживается традиционная для того времени практика совмещения двух целей – военной рекогносцировки и налаживания торговых связей с кокандцами (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 222. Л. 1).

В мае 1863 г. из Верного был выслан отряд под командованием подполковника М.Г. Лерхе для изучения Чуйской долины и пути, ведущего к Аулие-Ата и Чулак-Кургану (Челак-Коргану). В отряд вошли от 4 до 5 рот пехоты, 2 сотни казаков боевого резерва и 4 орудия конноартиллерийской 21-й батареи. «Цель движения летучего отряда или подвижной колонны должна состоять в том, чтобы отныне, не вдаваясь в какие-либо действия против крепости Аулие-Ата, лежащей на р. Талас, исследовать только кратчайшие и удобные пути к ней, очистить от кокандцев всю Чуйскую долину, прикрыть преданные нам киргизские роды, исследовать местность и средства края, произвести съемку и тем облегчить и подготовить будущие предприятия наших отрядов в том же направлении» (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 222. Л. 10). В ходе рекогносцировки стало известно, что стены Аулие-Аты были тонкими и непрочными, военный арсенал города представлял собой небольшую артиллерию из четырех орудий небольшого калибра, основная часть жителей города составляла торговый класс. По мнению начальника летучего отряда, занять Аулие-Ату не составит труда, если собрать все имеющиеся силы в Заилийском крае. Это обеспечит дальнейшее продвижение русских войск в Туркестан и Чимкент, где базировались сильные кокандские гарнизоны (ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 222. Л. 250об.-251).

Реализация масштабного наступления началась весной 1864 года. В мае полковник М.Г. Черняев двинулся из Алатавского округа для захвата Аулие-Аты с отрядом в составе восьми рот пехоты общей численностью 2 571 нижний чин и 68 офицеров, а также 300 казаков. В результате 4 июня город был взят.

22 мая того же года полковник Н.А. Верекин вышел из Сырдарьинской военной линии и

направился к Туркестану. Отряд сопровождал пароход «Перовский». 12 июня Туркестан был захвачен русскими. По распоряжению русского правительства в 1864 г. из завоеванных городов Туркестана и Аулие-Аты, а также укреплений Мерке и Токмак была образована Новококандская линия (См. [Рисунок 1](#)) под начальством генерал-майора М.Г. Черняева, которая поступила в ведение генерал-губернатора Западной Сибири ([Макшеев, 1890: 225](#)).

В 1865 г. из земель Сырдарьинской и Новококандской военных линий была образована Туркестанская область под ведением Оренбургского генерал-губернаторства. Военным губернатором Туркестанского края был назначен генерал-майор М.Г. Черняев. В 1867 г. на территории Старшего жуза и Кокандского ханства было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с центром в городе Ташкенте ([Отепова, Садыкова, 2017: 109](#)).

Таким образом, в период 1847–1863 гг. были проведены рекогносцировочные и топографические работы вдоль течения реки Сырдарья, в Семиреченском и Заилийском крае, построены новые и захвачены старые кокандские военные крепости, которые к концу 60-х годов XIX века сформировали сплошную цепь военных укреплений на территории юга современного Казахстана.

Единая цепь укреплений начиналась с Сырдарьинской линии, протянувшейся от Аральского укрепления до кокандской крепости Дин-Курган. Далее шла Новококандская линия, которая охватила города Туркестан, Аулие-Ата, Мерке, Пишпек, Токмак и плавно соединилась с опорными пунктами Семиреченской военной линии, начинающейся с укрепления Кастек. Последняя линия шла по восточным районам современного Казахстана до укрепления Урджар. Впрочем, был ряд крепостей, таких как Сузак, Чулак-Курган, Сары-коджа, Кара-Булак, Сары-Курган, которые были разбросаны в районе гор Каратау и на берегу реки Чу и не входили в единую военную цепь.

На своем протяжении единая цепь военных укреплений на юге Казахстана охватывала крупные земледельческие районы, территорию, богатую полезными ископаемыми, крупные торговые города, которые привлекали русских купцов, крестьян. В целом Семиреченская и Сырдарьинская военные линии позволили России укрепить свои позиции в регионе и решить внешнеполитические задачи. После соединения Сырдарьинской, Новококандской и Семиреченской военных линий в одно военное кольцо данная территория была преобразована в Туркестанское генерал-губернаторство.

Данная исследовательская работа позволила на основе выявленных и изученных источников выявить и систематизировать основные крепости, выселки и поселения, которые располагались вдоль Сырдарьинской, Новококандской и Семиреченской военных линий, и создать карту военных укреплений. Анализ картографических источников показывает, что на Сырдарьинской линии в качестве линейных станций и укреплений в основном использовали уже существующие поселения. Здесь находилась старая торговая дорога, которая соединяла верховья Сырдарьи с устьем реки. Новококандская линия также включала прежние кокандские укрепления, на ней было очень мало поселений, причем торговая дорога в 1840-х гг. проходила севернее будущей линии, мимо малых кокандских крепостей (№ 52-54). Возникновение новой дороги было связано с созданием линии. К 1870-м годам число небольших поселений вдоль новой дороги заметно возросло, но, поскольку к этому времени линия уже не функционировала, мы не указываем их на нашей карте-схеме.

Семиреченская линия, судя по картам 1840–1850-х годов, была спроектирована вдоль вновь проложенной дороги, которая шла от Семипалатинска на поселение Аягуз, а далее – по верховьям рек, впадающих в озеро Балхаш (на картах 1820-х гг. ее еще нет). Наибольший интерес представляет «Генеральная карта западной Сибири с Киргизской степью», составленная в 1848 г. при штабе Отдельного Сибирского корпуса. На ней показаны запланированные на северо-восточном участке будущей линии «места для вновь предназначенных пикетов» (на нашей карте это № 32, 33, 36-45). Отрезок между укреплениями Сергиополь (Аягуз – № 46) и Урджар (№ 51) располагался на дороге, ведущей в город Чугучак. Изучение карт показывает, что в Семиречье новые поселения возникли в основном в связи с проведением укрепленной линии.

Помимо стационарных военных укреплений, русское правительство регулярно высылало в Казахскую степь подвижные отряды для выполнения военных задач, однако их эффективность была возможна только против оседлого населения, но не кочующего. Опыт показал, что «спокойствие и безопасность в степи» появились только после возведения укреплений. Как отмечалось в записке командующему Оренбургским корпусом и командующим Сырдарьинской линией подполковнику от 2 января 1863 года, «самые незначительные укрепления (иногда до 10 человек) удерживают в своей власти огромные пространства, населенные кочевниками». Использование подвижных войск, по мнению подполковника Н.А. Вережкина, «отнимет много рук от необходимых работ, что в особенности здесь, на Сыре, было бы очень чувствительно». Кроме того, высылать подвижные колонны поздней осенью, зимой или ранней весной считалось небезопасным, поскольку именно в этот период начинались набеги со стороны кокандцев и кокандских киргизов ([ЦГА РК. Ф. 382. Оп. 1. Д. 47. Л. 9-10](#)).

Далее мы представляем разработанную нами карту-схему укреплений военных линий на юге Казахстана «Система укреплений Туркестанских линий во второй половине XIX века». Она была выполнена в программе ArcGIS 10.1, которая позволяет работать с любыми растровыми и векторными данными, составлять различные тематические карты по имеющимся базам данных. Также авторами в результате проведенного исследования был составлен наиболее полный список укреплений и

поселений на военных линиях Туркестана, которые входили в их состав в середине XIX века.

Анализ картографического материала и архивных источников позволил сделать следующие выводы: 1) военные укрепления строились на берегах рек для использования природных ресурсов или располагались в захваченных среднеазиатских городах; 2) между основными военными укреплениями возводились шикеты, выселки и станицы, которые служили опорными пунктами на линейной дороге и позволяли оперативно осуществлять связь между ними; 3) русские войска использовали имеющиеся линейные дороги, которые, как правило, совпадали с караванными и торговыми путями; 4) при строительстве военных укреплений и выселок использовался подручный природный материал, в частности лесные массивы Семиречья; 5) построенные военные укрепления (в виде полукольца) создавали надежную опору и защищали от набегов со стороны среднеазиатских ханств; 6) связующим звеном между Сырдарьинской и Семиреченской линиями стала Новококанская линия, образованная летом 1864 г. Она просуществовала всего лишь несколько месяцев, до зимы 1865 г.

5. Заключение

Проведенное исследование показывает масштабы строительства военных укреплений, которые населялись военными людьми и снабжались вооружением и техникой. Разработанная авторами карта-схема наглядно подтверждает официальную политику империи, направленную на расширение и захват данной территории. Продуманная и подготовленная политика царской администрации и русских военных сил позволила в течение 20 лет завоевать огромную территорию, которая протянулась на западе от низовьев реки Сырдарья до Ташкента на юге, далее по отрогам Заилийского Алатау до Копала на востоке и по южной оконечности озера Балхаш на севере.

Литература

Большой энциклопедический словарь, 1997 – Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. 1456 с.

Бородаев, Контев, 2007 – *Бородаев В.Б., Контев А.В.* Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI века). 2-е изд., испр. и доп. Барнаул: Азбука, 2007. 214 с.

Бородаев, Контев, 2015 – *Бородаев В.Б.* Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. Барнаул: Азбука, 2015. 416 с.

Вопросы присоединения, 2015 – Вопросы присоединения юга Казахстана в исторических источниках: Монография / Г.Е. Отепова, А.С. Ильясова, Н.И. Мошна [и др.]. Павлодар, 2015. 115 с.

Ганиев, 2013 – *Ганиев Р.Т.* Хивинская проблема Российской империи в 1-й половине XIX в.: амбиции и реальность // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (114). С. 107-123.

Дулатова, 1984 – *Дулатова Д.И.* Историография дореволюционного Казахстана (1861–1917). Алма-Ата, 1984. 272 с.

Жакибаева, Отепова, 2019 – *Жакибаева Г.Б., Отепова Г.Е.* Историографические аспекты проблемы присоединения территории Южного Казахстана к Российской империи // Труды VII Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию Т. Рыскулова «Современные тренды педагогического образования». Тараз, 26 декабря. 2019. С. 75-80.

Замечания майора Бланкеннагеля, 1858 – Замечания майора Бланкеннагеля, впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793–94 годах / Изд., с объясн. В.В. Григорьевым. СПб., 1858. 32 с.

Каппелер, 2000 – *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 9–22.

Костенко, 1871 – *Костенко Л.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности с картою Средней Азии. СПб., 1871. 359 с.

Кочнев, 2018 – *Кочнев А.В.* Политика России в отношении Хивинского ханства в начале XVIII – второй половины XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2018. 215 с. [Электронный ресурс]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/66254/1/urfu1929_d.pdf (дата обращения 15.05.2022).

Макшеев, 1890 – *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб., 1890. XII, 376 с.

Отепова, Жакибаева, 2020 – *Отепова Г.Е., Жакибаева Г.Б.* Завоевательная политика России на юге Казахстана в середине XIX века: изучаем архивные документы / *Материалы международной научно-практической конференции «Политические, социально-экономические и межэтнические процессы в пограничных регионах России в XVI – начале XX вв.» (Уфа, 1–4 июня 2020 г.)* / Под ред. Р.Г. Буканова. Уфа: Мир печати. 2020. С. 256-262.

Отепова, Ильясова, 2015 – Законодательные акты Российской империи по истории Казахстана (XIX век): Сб. документов. Часть 1 (1800–1859 гг.). Павлодар, 2015. 343 с.

Отепова, Ильясова, 2015а – Законодательные акты Российской империи по истории Казахстана (XIX век): Сб. документов. Часть 2 (1860–1885 гг.). Павлодар, 2015. 300 с.

Отепова, Садыкова, 2017 – *Отепова Г.Е., Садыкова А.М.* Қазақстанда әкімшілік-аумақтық жүйені өзгертуге катысты Ресей империясының заңнамасы // *Edu.e-history.kz*. 2017. № 3 (07). С. 105-115.

- Подробный атлас, 1871** – Подробный атлас Российской империи с планами главных городов. СПб., 1871. 6 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Ремнев, Суворова, 2013** – *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века: Монография. Омск, 2013. 248 с.
- Рибер, 2003** – *Рибер А.* Изучая империи // Исторические записки. М., 2003. Т. 6 (124). С. 86-131.
- Советская историческая энциклопедия, 1971** – Советская историческая энциклопедия. Том 13. М., 1971. 530 с.
- Терентьев, 1874** – *Терентьев М.А.* Статистические очерки среднеазиатской России. СПб., 1874. 129 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

- Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar', 1997** – Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' [Big encyclopedic dictionary]. 2-e izd. pererabotannoe i dopolnennoe, M., 1997. 1456 p. [in Russian]
- Borodaev, Kontev, 2007** – *Borodaev, V.B., Kontev A.V.* (2007). Istoricheskii atlas Altaiskogo kraia: kartograficheskie materialy po istorii Verkhnego Priob'ya i Priirtysh'ya (ot antichnosti do nachala XXI veka) [Historical Atlas of the Altai Territory: Cartographic Materials on the History of the Upper Ob and Irtysh Region (from Antiquity to the Beginning of the 21st Century)]. 2-e izd., ispr. i dop. Barnaul: Azbuka. 214 p. [in Russian]
- Borodaev, Kontev, 2015** – *Borodaev, V.B., Kontev A.V.* (2015). Formirovanie rossiiskoi granitsy v Irtyshsko-Eniseiskom mezhdurech'e v 1620-1720 gg. [Formation of the Russian border in the Irtysh-Yenisei interfluvium in 1620-1720]: dokumental'naya monografiya. Barnaul: Azbuka. 416 p. [in Russian]
- Dulatova, 1984** – *Dulatova, D.I.* (1984) Istorografiya dorevolutsionnogo Kazakhstana [Historiography of pre-revolutionary Kazakhstan] (1861–1917). Alma-Ata, 272 p. [in Russian]
- Ganiev, 2013** – *Ganiev, R.T.* (2013). Khivinskaya problema Rossiiskoi imperii v 1-i polovine XIX v.: ambitsii i real'nost' [The Khiva problem of the Russian Empire in the 1st half of the 19th century: ambitions and reality]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki.* 2(114): 107-123. [in Russian]
- Kappeler, 2000** – *Kappeler, A.* (2000) Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: nekotorye razmyshleniya vosem' let spustya posle publikatsii knigi [Russia is a multinational empire: some reflections eight years after the publication of the book]. *Ab Imperio.* 1: 9-22. [in Russian]
- Kostenko, 1871** – *Kostenko, L.* (1871). Srednyaya Aziya i vodvorenie v nei russkoi grazhdanstvennosti s kartoyu Srednei Azii [Central Asia and the establishment of Russian citizenship in it with a map of Central Asia]. SPb., 359 p. [in Russian]
- Kochnev, 2018** – *Kochnev, A.V.* (2018). Politika Rossii v otnoshenii Khivinskogo khanstva v nachale XVIII – vtoroi poloviny XIX v. [Russian policy towards the Khiva Khanate at the beginning of the 18th – second half of the 19th centuries]. Dis. kand. ist. nauk. Ekaterinburg. 215 p. [Electronic resource]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/66254/1/urfu1929_d.pdf (date of access: 15.05.2022). [in Russian]
- Maksheev, 1890** – *Maksheev, A.I.* (1890). Istoricheskii obzor Turkestana i nastupatel'nogo dvizheniya v nego russkikh [Historical overview of Turkestan and the offensive movement of the Russians into it]. SPb., XII, 376 p. [in Russian]
- Otepova, Zhakibaeva, 2020** – *Otepova, G.E., Zhakibaeva, G.B.* (2020). Zavoevatel'naya politika Rossii na yuge Kazakhstana v seredine XIX veka: izuchaem arkhivnye dokumenty [The aggressive policy of Russia in the south of Kazakhstan in the middle of the 19th century: we study archival documents]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Politicheskie, sotsial'no-ekonomicheskie i mezhetnicheskie protsessy v pogranichnykh regionakh Rossii v XVI – nachale XXI vv.» (Ufa, 1-4 iyunya 2020 g.)*. Pod red. R.G. Bukanova. Ufa: Mir pechati. Pp. 256-262. [in Russian]
- Otepova, Il'yasova, 2015** – *Otepova G.E., Il'yasova A.S.* Pavlodar, 2015. 343 p. [in Russian]
- Otepova, Il'yasova, 2015a** – *Otepova G.E., Il'yasova A.S.* Pavlodar, 2015. 300 p. [in Russian]
- Otepova, Sadykova, 2017** – *Otepova G.E., Sadykova A.M.* (2017). Kazakstanda әкімшілік-аумақтық жүйені өзгертуге қатысты Ресей империясының заңнамасы [Legislation of the Russian Empire on changing the administrative-territorial system in Kazakhstan]. *Edu.e-history.kz.* № 3 (07). P. 105–115. [in Kazakh]
- Podrobnyi atlas, 1871** – Podrobnyi atlas Rossiiskoi imperii s planami glavnykh gorodov [Detailed atlas of the Russian Empire with plans for the main cities]. SPb., 1871. 6 p. [in Russian]
- РГВИА** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Remnev, Suvorova, 2013** – *Remnev, A.V., Suvorova, N.G.* (2013). Kolonizatsiya Aziatskoi Rossii:

imperskie i natsional'nye stsenarii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Colonization of Asiatic Russia: Imperial and National Scenarios of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]: monografiya. Omsk, 248 p. [in Russian]

[Riber, 2003](#) – *Riber, A.* (2003). Izuchaya imperii [Exploring empires]. Istoricheskie zapiski. M., T. 6 (124). Pp. 86-131. [in Russian]

[Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya, 1971](#) – *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet historical encyclopedia]. T. 13. M., 1971. 530 p. [in Russian]

[Terent'ev, 1874](#) – *Terent'ev, M.A.* (1874). Statisticheskie ocherki sredneaziatskoi Rossii [Statistical essays on Central Asian Russia]. SPb., 129 p. [in Russian]

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

[Voprosy prisoedineniya, 2015](#) – *Voprosy prisoedineniya yuga Kazakhstana v istoricheskikh istochnikakh* [Issues of joining the south of Kazakhstan in historical sources]: monografiya. G.E. Otepova, A.S. Il'yasova, N.I. Moshna [i dr.]. Pavlodar, 2015. 115 p. [in Russian]

[Zamechaniya maiora Blankennagelya, 1858](#) – *Zamechaniya maiora Blankennagelya, vposledstvi poezdki ego iz Orenburga v Khivu v 1793-94 godakh* [Major Blankennagel's remarks after his trip from Orenburg to Khiva in 1793-94]. Izd., s ob'yasn. V.V. Grigor'evym. SPb., 1858. 32 p. [in Russian]

[Zhakibaeva, Otepova, 2019](#) – *Zhakibaeva, G.B., Otepova, G.E.* (2019). Istoriograficheskie aspekty problemy prisoedineniya territorii Yuzhnogo Kazakhstana k Rossiiskoi imperii [Historiographic aspects of the problem of joining the territory of South Kazakhstan to the Russian Empire]. *Trudy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi k 125-letiyu T. Ryskulova «Sovremennye trendy pedagogicheskogo obrazovaniya»*. Taraz, 26 dekabrya. Pp. 75-80. [in Russian]

Создание системы военных укреплений на юге Казахстана в середине XIX века и их роль в осуществлении политики Российской империи

Гульдана Балгабаевна Жакибаева ^{a,*}, Гульфира Елубаевна Отепова ^a,
Аркадий Васильевич Контев ^b, Айгул Маратовна Садыкова ^a

^a Павлодарский педагогический университет, Республика Казахстан

^b Алтайский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных материалов показана роль военных линий и укреплений, построенных на юге Казахстана в середине XIX века. Анализ исторических источников показал, что официальная политика Российской империи была направлена на военное завоевание и подчинение территории Южного Казахстана и Средней Азии. Военно-стратегические планы империи осуществлялись в результате создания крупных военных линий на юге современного Казахстана, таких как Сырдарьинская, Семиреченская и Новококандская. Данные линии позволили русской армии не только укрепить свои позиции на территории Старшего жуза, но и продвинуться в глубь Средней Азии и захватить крупные кокандские города. Благодаря рекогносцировочным работам, проведенным русскими чиновниками с 1847 по 1863 гг., были получены фактические материалы о положении дел внутри Казахской степи и в среднеазиатских государствах.

В ходе исследования авторами были проанализированы исторические карты Центрального государственного архива Республики Казахстан и Российского государственного военно-исторического архива, которые дали возможность выявить и систематизировать список основных крепостей, выселок и поселений, располагавшихся вдоль Сырдарьинской, Новококандской и Семиреченской военных линий. Результатом данной работы явилось создание картографического материала, на котором отображена система военных укреплений и линий на территории юга Казахстана в середине XIX века.

В статье охарактеризованы основные этапы продвижения русских войск, а также тактические решения империи, способствовавшие соединению Оренбургской и Сибирской военных линий, в результате которых были закреплены южные границы России. Осуществление данной задачи позволило русскому правительству решить не только внутривосточные, но и внешнеполитические вопросы.

Ключевые слова: укрепление, военные линии, Южный Казахстан, Российская империя, среднеазиатские ханства, Старший жуз, рекогносцировка.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: zhakibayeva.guldana@gmail.com (Г.Б. Жакибаева), g.tepova.hist@mail.ru (Г.Е. Отепова), arkkont@mail.ru (А.В. Контев), aygulsadyk@mail.ru (А.М. Садыкова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1153-1162
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1153

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Ukrainian Question in the Activity of the Zemstvo Liberal Opposition of Chernihiv Governorate (60-80th of XIX century)

Andrii E. Lebid ^{a, b, *}, Nazar Kotelnitsky ^c

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, USA

^c Academician Y. Bugay International Scientific and Technical University, Kyiv, Ukraine

Abstract

The article, based on unknown and unstudied sources, outlines the position of zemstvo liberals of Chernihiv Governorate on the “Ukrainian question” in the Russian Empire in the 60-80s. The conducted content-analysis of unique historical documents shows that members of the zemstvo liberal opposition in the region had a well-established idea of this problem already at the beginning of their selfless activity. The accent is put on the fact that contemporaries of the liberal opposition in the region publicly supported the work of zemstvo progressives to promote and develop Ukrainism. Archival sources prove that liberal zemstvos of the region were engaged in purposeful activities to preserve the Ukrainian ethnos and its culture in the conditions of imperial reality. The authors conclude that the “Ukrainian question” occupied a worthy place in the system of values and reference points of the zemstvo liberal party of Chernihiv Governorate. Although economic and social problems were dominant in the programmatic imperatives of the opposition aristocratic nobility, still this issue was not outside the system of coordinates of ethno-confessional policy of the second half of the XIX century.

Keywords: “Ukrainian question”, Russian Empire, zemstvo liberal opposition, Ukrainian language, education quality, education environment.

1. Введение

Среди многочисленных программных императивов земского либерального движения Черниговской губернии 60–80 годов XIX века – актуальной, но малоизученной проблемы – остается этноконфессиональная политика земской либеральной партии региона, в частности позиция оппозиционного нобилитета по «украинскому вопросу» в Российской империи. Эпоха Великих реформ (1856–1874 гг.), провозглашенная императором Александром II, стала судьбоносным периодом в истории Российской империи.

Имплантированные современные трансформации способствовали росту процессов национального самосознания в этнически нерусских окраинах огромного государства, которые были инкорпорированы в состав империи на середину XIX в. В кругах прогрессивной общественности страны появились иллюзии относительно реальных модальностей изменения имперской доктрины российского абсолютизма, в частности – по отношению к юго-западным перифериям. Однако национально-освободительное восстание в Великом Царстве Польском (1863 г.) и его подавление принципиальным образом похоронило все призрачные надежды на хотя бы вероятную эволюцию национальной и религиозной политики короны Романовых.

Российская монархия применила тактику консервативного нивелирования национальных движений, в том числе и украинского, путем имплементации юридических инструментов –

* Corresponding author

E-mail addresses: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (A.E. Lebid)

Валуевского циркуляра (1863 г.) и Эмского акта (1876 г.), которые официально провозглашали, что так называемого «малороссийского» (в терминологии Российской империи), то есть украинского языка, не существует, а значит отсутствует и украинский народ, этнос, нация (Миллер, 2013). В условиях доминирования идеологии русского консерватизма и развернулась практическая деятельность либеральных земцев Черниговской губернии.

2. Материалы и методы

Основанием для подготовки статьи стали неопубликованные исторические источники, которые хранятся в Государственном архиве Черниговской области (Чернигов, Украина), специализированном фонде редких и рукописных изданий Черниговской областной универсальной научной библиотеки имени В.Г. Короленко, мемориальной библиотеке Черниговского литературно-мемориального музея-заповедника имени М.М. Коцюбинского, часть которых впервые вводится в научный оборот.

При написании работы была использована общенаучная (методы синтеза и анализа, дедукции и индукции) и специально историческая (критический, историко-генетический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический методы, контент-анализ) методологии исследования.

В частности, критический метод был применен в процессе оценки репрезентативности привлеченных исторических источников и документов, а также существующих точек зрения в исторической науке, с целью обеспечения критического отношения к разного рода аксиоматическим утверждениям, гипотезам и в особенности господствующим в современной историографии взглядам.

Использование историко-генетического метода позволило показать политическую преемственность и идеологическую солидарность во взглядах на «украинский вопрос» в Российской империи как между представителями земской либеральной партии Черниговской губернии и их последователями начала XX в., так и между учеными и публицистами – современниками оппозиционной аристократии, которые писали об этой проблеме уже во второй половине XIX в.

Метод контент-анализа был применен в деле детального анализа текста уникального исторического источника – «Братского послания украинцев сербскому обществу «Заря», датированного 1868 годом.

Использование сравнительно-исторического метода позволило сопоставить позицию земских либералов Черниговской губернии по «украинскому вопросу», изложенную в упомянутом обращении, с публичной риторикой членов оппозиционной аристократии в земских собраниях региона.

Применение проблемно-хронологического метода дало возможность проследить эволюцию воззрений либеральных земцев края по «украинскому вопросу» в своей хронологической последовательности и логической завершенности. Применение указанных материалов и методов обусловило достижение поставленных в публикации целей и задач.

3. Обсуждение

Историография земского либерального движения Черниговской губернии незначительна. Несмотря на то, что первые специальные публикации по истории земского либерализма в российской дореволюционной историографии появились уже в начале XX в., все они ограничивались лишь освещением главных событий политической истории этого течения в освободительном движении Российской империи (Белокопский, 1910; Белокопский, 1914; Веселовский, 1905; Веселовский, 1911).

В советской исторической науке история земского либерализма также была слабо представлена ввиду идеологических и политических соображений. Только в 70-е гг. XX в. появились первые фундаментальные исследования концептуального характера, в которых, наряду с продолжением изучения политической истории, была предпринята успешная попытка исследования генезиса, идеологической среды, социальной базы, политической программы и персонального состава земского оппозиционного течения. Однако, как и российская дореволюционная наука, советская историография не смогла обозначить проблему крайней необходимости изучения разных направлений деятельности этого движения и в связи с этим концептуализации целого ряда соответствующих отраслевых программ (Катренко, 1975; Петров, 1976; Пирумова, 1977; Итенберг, 1983). Тем не менее нужно признать, что упомянутые труды до сих пор не потеряли своей актуальности и являются существенным ориентиром для дальнейшего изучения вопроса.

Зарубежная историческая наука и историография внесла неоценимый вклад в изучение парадигмы земского либерализма и национального состава оппозиционного движения (Моргун, 1969; Timberlake, 1972).

После распада СССР как в российской, так и украинской исторической науке произошли принципиальные изменения и земский либерализм стал предметом научного интереса ученых. Однако даже в новых идеологических условиях историки ограничились обстоятельным исследованием политической истории оппозиционного движения, не ставя для себя цели изучения целого спектра отраслевой деятельности и программ политического течения (Катренко, 1994; Мойсієнко, 1999; Секиринский, 1999; Катренко, 2001; Редькіна, 2002).

И только в последние годы украинским ученым удалось обстоятельно изучить различные аспекты земского либерального движения, в частности на примере Черниговской губернии: как на уровне конкретных исторических персоналий, так и в области изучения широкомасштабной подвижнической деятельности земской либеральной партии в разных отраслях и сферах, с исследованием соответствующих программ оппозиционной аристократии (Котельницький, 2018; Котельницький, 2019; Котельницький, 2021; Рахно, 2017; Рахно, 2018; Юцевич, 2021а; Юцевич, 2021б).

В историографии уже сформировано общее представление относительно личного видения указанной проблемы основателем и бесспорным лидером земской аристократической оппозиции в Российской империи – И. Петрункевичем (1843–1928 гг.) (Котельницький, 2015; Котельницький, 2019). Но, поскольку представители оппозиционного дворянства Черниговской губернии не оставили потомкам опубликованного труда, который был специально посвящен этой тематике, очень трудно судить о целостной позиции представителей земского течения в освободительном движении Российской империи второй половины XIX в.

В связи с этим нам представляется возможным предпринять попытку освещения виденья земской либеральной партией «украинского вопроса», используя выявленные нами исторические первоисточники, которые впервые вводятся в научный оборот.

Поскольку «украинская проблема» в Российской империи не является предметом данного исследования, отметим, что современная российская историческая наука в своем большинстве стала последовательной наследницей официальной имперской идеологии XIX – начала XX вв., особенно в отношении к «украинскому вопросу». Редким исключением из общего правила можно считать единичные примеры в лице выдающихся российских историков демократического направления, продолжающих посвящать свою жизнь исследованию истории Украины, оппонировавшим некоторым политическим конструкциям (Таирова-Яковлева, 2013).

Публикация важнейших первоисточников по истории «украинского вопроса» в Российской империи в некотором роде опровергает господствующие императивы современной исторической науки. Контент статьи так или иначе в очередной раз подтверждает факт того, что «украинский вопрос» в XIX в. актуализировался именно по всей этнической территории украинского народа, включая Черниговскую губернию (ЗДМ).

4. Результаты

Выявленные нами в результате анализа архивных первоисточников данные свидетельствуют о том, что определенная часть персонального состава оппозиционной аристократии имела вполне сложившуюся позицию по «украинскому вопросу» в Российской империи. Например, личный фонд И. Шрага (1847–1919 гг.) – деятельного члена либеральной партии, в будущем – члена Конституционно-демократической партии, депутата Первой Государственной думы и подписанта «Выборгского воззвания», который хранится в Государственном архиве Черниговской области, содержит уникальный документ – «Братское послание украинцев сербскому обществу «Заря», датированный 1868 г. Он проливает свет на философско-мировоззренческие принципы и идеологические основы взглядов земских либералов региона по «украинскому вопросу».

Декларируя свое виденье относительно всевозможных «панславистских» форумов и их решений о том, что русский язык признан официальным языком межнационального общения, земцы категорически заявляли, что это не может быть единственным свидетельством славянского единства. Было подчеркнуто, что украинство считает юридическое установление лингвистической гегемонии родственного языка препятствием в налаживании демократических отношений между народами, попыткой узурпации славянского филологического пространства.

Авторы отмечали, что ни поляки, ни украинцы не были приглашены на эти съезды. Целью этих форумов, по убеждению авторов, было проведение широкомасштабной и всесторонней пропаганды и агитации по комплексной интеграции и создание таким способом панславистской империи. В документе было прямо заявлено, что украинцы и поляки ведут борьбу против системных попыток поглощения и «растворения» этих народов в едином имперском социуме (ГАЧО. Ф. 1081. Оп. 1. Д. 76. Л. 2-20б).

Было также отмечено, что украинские национальные круги всячески помогали практической имплементации преобразований императора Александра II, надеясь, что «мрачные» времена в истории империи закончились. Украинцы, в отличие от поляков, инструментом национального возрождения видели не вооруженное освободительное восстание, а всестороннюю просветительскую деятельность. Именно поэтому в начале эпохи Великих реформ украинцами была создана сеть различного рода культурно-просветительских учреждений. Они не пропагандировали ни оппозиционных, ни антигосударственных идей, но единственным языком общения в них был украинский. Этого было достаточно, чтобы утверждать о революционной, антиправительственной работе этих организаций: «...Нас обвинили в союзе с польскими повстанцами – украинское движение было удушено. Украинские школы были везде закрыты, украинский язык запрещен даже в быту, украинские книги конфискованы и уничтожены» (ГАЧО. Ф. 1081. Оп. 1. Д. 76. Л. 5-50б).

В документе констатировалось, что украинский «...народ ушел в себя, изучает свою историю, традиции, культуру, язык» (ГАЧО. Ф. 1081. Оп. 1. Д. 76. Л. 7-70б.). Было принципиально заявлено, что украинство требует официального признания своих национальных прав и свобод: «...Мы считаем, что украинское племя – необходимое звено славянского мира, без признания национальных прав которого, по нашему убеждению, немыслима свобода в славянском мире, в Восточной Европе» (ГАЧО. Ф. 1081. Оп. 1. Д. 76. Л. 8).

Было высказано убеждение, что именно та империя, которая пойдет навстречу стремлениям славянства, которая первой гарантирует демократические политические императивы, получит для себя симпатии этих этносов. Украинцы готовы помочь стремлениям к свободе южных и западных славян (ГАЧО. Ф. 1081. Оп. 1. Д. 76. Л. 80б-9).

Что же касается языковой проблемы, то авторы документа акцентировали внимание на том, что украинский литературный язык основан на аутентичной разговорной речи украинства и появился по необходимости оформления официального правописания и кодификации филологических норм (ГАЧО. Ф. 1081. Оп. 1. Д. 76. Л. 90б-10).

Говоря о положении подросийской Украины, авторы отмечали, что требования освободительного движения к Романовым идентичны позиции славян короны Габсбургов или османского султаната. И если народы проиграют эту борьбу, они могут исчезнуть как этнический фактор. Авторы документа обращались к сербским братьям с просьбой о посредничестве в координации контактов со всеми славянскими народами, входившими в состав Османской, Австро-Венгерской и Российской империй.

Было отмечено, что идеалом Российской империи является акцепт «Москва – Третий Рим», а, следовательно, философия «панрусизма» будет однозначно господствовать среди репрезентантов русского этноса. При таких обстоятельствах любое слияние украинцев и русских принципиально невозможно, как невозможно слияние поляков и чехов – двух западнославянских народов. В связи с этим авторы призвали растиражировать этот текст для всех славянских организаций Европы (ГАЧО. Ф. 1081. Оп. 1. Д. 76. Л. 18-200б.).

Контент-анализ этнополитического трактата свидетельствует о том, что прогрессивные украинские силы прекрасно понимали природу панславистской политики Российской империи, раскрывали механизмы ее реализации и изобличали идеологию «панрусизма» в славянском пространстве. Следует особо подчеркнуть, что уникальный первоисточник свидетельствует о наличии важного геополитического понимания значения славянской консолидации в противостоянии политике Российской и Османской империй; акцентирует внимание на относительной демократичности государственного устройства Австро-Венгерской империи, на основе которой, по замыслу прогрессистов, может начаться процесс интеграции славянских наций. Украинская прогрессивная общественность, по сути, предлагала альтернативу «панрусистскому» проекту Санкт-Петербурга – создание Союза или Лиги славянских наций.

В контексте вышеизложенного следует заметить, что современники, свидетели и непосредственные участники тех событий полностью солидаризировались с мыслями либеральной земской партии. Так, представительница украинского национального движения С. Русова в одной из своих работ указывала, что ярким примером антиукраинской политики стало закрытие Юго-Западного отдела Российского Императорского географического общества. Членами этой научной институции были и представители аристократической оппозиции Черниговской губернии: А. Линдфорс, Н. Константинович, А. Карпинский и другие. Главной причиной закрытия учреждения автор называет «украинофильскую» направленность работы научного общества, которая для властей представлялась антигосударственной, направленной на нивелирование «народного единства», проявлением «сепаратистских тенденций» (Русова, 1913).

Выдающийся интеллектуал и гуманитарий второй половины XIX – начала XX вв., одна из немногих этнически русских историков Российской империи, которая профильно занималась историей Украины – А. Ефименко, в своей статье, посвященной проблемам функционирования украинского языка, отметила минимизацию достигнутых прогрессивных преобразований периода Великих реформ. Было отмечено, что большинство лингвистов и филологов славянского пространства доказали тот факт, что украинский язык является самостоятельным языком, а украинство – своеобразной переходной нацией от восточных к южным славянам. А. Ефименко указывала, что даже представители русского консерватизма признают, что, хотя русский и украинский языки имеют общий генезис и происходят от древнеславянского языка эпохи Киевской Руси, в период XIV–XVIII вв. состоялась этническая дифференциация наций, продуктом которой и стало формирование национальных языков трех восточнославянских этносов (Ефименко, 1905: 2-14). Она подчеркнула, что крайне необходимо восстановить те прогрессивные начинания, имевшие место в Российской империи в промежутке с 1856 до 1863 гг., например подвижнические усилия украинской общины в Санкт-Петербурге и легендарного альманаха «Основа», и поддержать интенции либеральных земцев, которые публично актуализировали проблемы функционирования украинского языка (Ефименко, 1905: 25-28).

Известный земский деятель рассматриваемого периода Ф. Уманец в своем концептуальном труде о внутренней политике Российской империи акцентировал внимание на том, что главной трагедией истории страны было систематическое уничтожение прав, свобод и элементов местного самоуправления. Он констатировал, что подросийская Украина слишком слаба, чтобы давать отпор имперским посягательствам Москвы.

Он публично прогнозировал, что в сложившихся условиях Украина вынуждена будет уступить великорусской идеологии и общественности, как Шотландия вынужденно пошла на уступки Англии, тем самым реализуя на практике проект «мягкой континентальной империи». Культурно-национальные трансформации украинских территорий в составе Российской империи быстро приведут к минимизации любых проявлений активной общественной жизни. Великорусская доктрина имеет фундаментальную концепцию: все этнически нерусское, инкорпорированное в состав империи, должно быть унифицировано; любое инакомыслие в этом контексте необходимо нивелировать усилиями бюрократии и политической полиции. Результатом этих процессов станет всеобъемлющая маргинализация украинского общества, которая не позволит в ближайшем будущем даже думать об идеалах прогресса просвещения (Уманец, 1881).

Тем не менее даже при таких обстоятельствах члены либеральной оппозиции не оставляли без внимания вопросы, связанные с «украинской проблемой» в Российской империи. Это подтверждает практическая работа прогрессивных аристократов в земских собраниях края. Так, например, 26 апреля 1871 г. на заседании Борзнянского уездного земского собрания был рассмотрен доклад уездной управы об официальном заказе у авторов школьных учебников, приобретении прав на их издание земством и необходимости оптовой закупки указанных книг для земских школ уезда.

Доклад акцентировал внимание депутатов собрания на том, что школьный учебник К. Ушинского «Родное слово» не подходит для Юго-Западного края Российской империи, ведь в этом регионе проживает в большинстве своем нерусское по национальности население. Следовательно, есть необходимость заменить эту книгу другим учебником, например пособием В. Добровольского «Зорька», автор которого работал учителем земской школы в с. Британовка Борзнянского уезда.

Поскольку проблема является срочной (уезд требует новых учебников), управа предварительно приняла следующее решение:

1) передать пособие «Зорька» известному земсколиберальному деятелю Тверской губернии М. Петрункевичу, который на то время учился в Санкт-Петербурге, с тем, чтобы тот подал учебник в официальные цензурные учреждения на предмет его соответствия действующим требованиям;

2) просить его найти в Санкт-Петербурге типографию, которая согласилась бы напечатать для институтов самоуправления Борзнянского уезда Черниговской губернии указанную книгу на приемлемых для бюджета уездного земства условиях;

3) обратиться с просьбой найти в столице учреждение, которое бы предоставило Борзнянскому уездному земству льготный кредит для издания учебника, а также стать посредником в переговорах между Борзнянским уездным земством и столичным «Книжным магазином для иногородних» на предмет поиска складского помещения для хранения тиража напечатанных учебников, подготовки и публикации в столичной прессе информационных сообщений о произведенном земством издании пособия;

4) провести переговоры с В. Добровольским по определению общего объема тиража издания учебника, его распространению и легальной коммерческой распродаже.

Уездная управа сообщила, что автору книги уже отправлено 250 рублей в качестве аванса, части гонорара, причитающегося с управы. Завершая доклад, исполнительный орган земства ходатайствовал перед уездным собранием об ассигнованиях из уездного школьного фонда 900 рублей на издание указанного учебника: 500 рублей – в качестве основной части гонорара автору пособия, 400 рублей – на комплекс различных расходов, связанных с его изданием. Уездная управа гарантировала собранию, что в случае коммерческого успеха от продажи тиража книги, вся прибыль будет зачислена в бюджет школьного земского фонда уезда.

После обсуждения доклада Борзнянское уездное собрание постановило: ассигновать из бюджета земства 500 рублей на приобретение официального права на издание учебника В. Добровольского «Зорька»; осуществить закупку 400 экземпляров пособия; просить автора приступить к написанию следующего издания для удовлетворения культурных потребностей этнического населения Черниговской губернии и системы местного самоуправления в регионе; дать согласие уездной земской управе на ассигнование 900 рублей (ЖБЗС: 61-63).

Даже после начала действия Эмского акта земские либералы не прекратили заниматься национальным вопросом. На очередной сессии Черниговского губернского земского собрания, которая состоялась в январе 1881 г., в повестку дня был внесен специальный доклад особой школьной комиссии губернского парламента, которая в общем контексте исследования процесса просвещения населения края рассмотрела и этнический аспект проблемы. Значительная часть опубликованного документа была посвящена рекомендациям относительно принципов учебного процесса в земских начальных школах.

По инициативе либералов были включены особые рекомендации – обязательно ввести в учебную программу вопросы истории и географии Украины, сведения по истории, культуре, быту и искусству. Особый упор делался на том, что языком преподавания должен быть украинский. Прогрессисты утверждали, что обучение на официальном языке Российской империи, который мало понятен этническому населению и который не используется в домашнем быту, является контрпродуктивным шагом.

Выход из этой ситуации земцы видели в том, чтобы сделать титульный в империи русский язык не средством просвещения, а целью получения элементарных знаний. Под этой моделью они понимали следующий алгоритм: этнически нерусские учащиеся получают первоначальное образование на родном языке, а уже потом, в старших классах, перейдут на русский язык.

Либеральные земцы фундаментально аргументировали свою позицию. Используя результаты земской статистической службы, они обосновали, что регион имеет концептуальные этноконфессиональные и демографические особенности. Так, например, в Черниговской губернии большинство населения составляют украинцы – 85 %, 6 % – русские, 5 % – белорусы, 4 % – евреи и другие народы.

На заседании 26 января 1881 г. документ был детально рассмотрен и обсужден губернским земским собранием. Позицию либеральной оппозиции репрезентовали несколько депутатов. Первым с речью выступил Н. Константинович. Он отметил, что предложения комиссии об использовании «малороссийского языка» на начальном этапе образования нужно всесторонне поддержать, ведь речь не идет об отказе от русского языка. Лучшим примером эволюционного развития является учебник К. Ушинского «Родное слово», где сначала ученики изучают родной язык, культуру, фольклор, а уже потом идет переход к официальному литературному языку государства. Исходя из этого, на территории Черниговской губернии надо начинать с изучения украинского фольклора.

Представитель либералов отметил, что комиссия не настаивает на печатании официальных учебников для школ на «малороссийском языке». Она убедительно просит о выдаче комплекса вспомогательной литературы на украинском языке, которая качественно поможет в изучении родной культуры, используя принцип региональной образовательной автономии. Н. Константинович отметил, что подобные прецеденты уже имеют место на европейском континенте: например, во Франции, где есть учебники на провансальском языке, а также в Германии, где издаются учебники на языках разных народностей. Эту прогрессивную практику, по убеждению депутата, необходимо внедрить и в Украине. Только при этих условиях можно будет надеяться на качественное просвещение населения (ЗСЧГб: 201-203).

Депутат П. Червинский заметил, что специальная комиссия не считает себя истиной в последней инстанции, а всего лишь излагает методические рекомендации, сформулированные на основании мнений ведущих экспертов. Депутат указал, что профессиональные лингвисты доказали, что «малороссийский и великорусский языки» – разные языки, ученики далеко не всегда понимают русский, что является проблемой учебного процесса. Поэтому в случае, если обучение будет проводиться исключительно на русском языке, результаты будут неутешительными – ни государство, ни общественность не получат желаемого интеллектуального продукта. Соответственно, обучение нужно начинать на родном языке региона.

П. Червинский подчеркнул, что указанную проблему лучше всего решить, опираясь на опыт. Необходимо предоставить служащим сферы образования свободу в действиях, а конкретные результаты подтвердят, была ли права комиссия. Если практика покажет, что учебный процесс можно начинать сразу на официальном языке, не используя родной, земские учреждения, оперируя этими данными, смогут аргументировать такую постановку вопроса. Если же наоборот – предложения комиссии будут в очередной раз одобрены на уровне педагогической практики (ЗСЧГб: 203-205).

После длительного обсуждения вопроса Черниговское губернское земское собрание большинством голосов утвердило доклад специальной школьной комиссии. Губернской управе как исполнительному органу было поручено практическое выполнение принятого решения и правовой надзор за просвещением населения (ЗСЧГб: 206).

Как видим, земская либеральная партия Черниговской губернии продолжала работать над решением «украинского вопроса». Используя правовые основания, передовые достижения статистической науки, прогрессивным земцам удавалось систематически заботиться о нуждах украиноязычного издания учебной литературы и необходимости как минимум начального образования на родном языке.

В завершении следует отметить, что земские публицисты 1917–1921 годов единогласно поддержали актуальность идей либеральной оппозиции Черниговской губернии второй половины XIX ст. и стали их последователями. Например, многолетний мэр Чернигова А. Верзилов, симпатизировавший земскому либерализму, в своих фундаментальных трудах указывал на то, что в Украине принципиально не может быть два государственных языка, как того хочет русская демократическая общественность; украинский язык нуждается в патронате и протекционизме украинского государства и власти.

В силу исторических обстоятельств в Украине были русифицированы и ассимилированы ведущие сословия общества: казацья старшина, интеллигенция, многочисленный корпус бюрократии. Бесспорно, все они были кооптированы в элиту Российской империи и получили соответствующие преференции от российской короны (Верзилов, 1918a).

А. Верзилов указывал, что никто еще не доказал, что украинцы Австро-Венгерской и Российской империй – это разные этносы. Следовательно, все предлагаемые варианты функционирования украинского языка доктринально противоречат всем принципам педагогики, лингвистики, идеологии национального самоопределения народов и концепции возрождения единой славянской цивилизации (Верзилов, 1918b).

В конечном итоге, по нашему убеждению, абсолютно прав был украинский исследователь земств А. Моргун, когда утверждал, что демократический прогресс институтов земского самоуправления на территории Левобережной Украины был обеспечен подвижническими усилиями этнического украинского нобилитета (Моргун, 1969).

В дальнейшем, уже после падения династии Романовых, земства продолжали свою активную просветительскую деятельность. В частности, они принимали активное участие в правительственной политике Украинского государства, проводимой в области народного образования. Так, при участии общественной образовательной организации «Просвита» и при материальной поддержке земств в Полтаве 6 октября 1918 г. как отдельное самостоятельное учебное заведение был открыт Украинский историко-филологический факультет (Degtyarev et al., 2020). Активное участие земств наблюдалось и в других регионах государства, например в Каменец-Подольске.

5. Заключение

Обобщая вышеизложенное, можем утверждать, что «украинский вопрос» занимал важное место в системе ценностей и ориентирах земской либеральной оппозиции Черниговской губернии второй половины XIX века. Подтверждением этому служит контент-анализ выявленных нами и впервые вводимых в научный оборот исторических источников. И хотя экономические и социальные проблемы были доминирующими в программных императивах оппозиционной аристократии региона, все же «украинский вопрос» не оказался вне системы координат этноконфессиональной политики исследуемого течения в Российской империи второй половины XIX в.

Литература

- Белокопский, 1910 – Белокопский И.П. Земство и Конституция. М.: Издательство Московского книгоиздательства товарищества «Образование», 1910. 184 с.
- Белокопский, 1914 – Белокопский И.П. Земское движение. М.: Задруга, 1914. 397 с.
- Верзилов, 1918a – Верзилов А.В. Дві мови. *Черниговская земская газета*. 1918. № 81–82. С. 12–13.
- Верзилов, 1918b – Верзилов А.В. Шевченковский и галицкий языки. *Черниговская земская газета*. 1918. № 85–86. С. 10–11.
- Веселовский, 1905 – Веселовский Б.Б. Земские либералы. СПб.: Издательство О.Н. Поповой, 1905. 23 с.
- Веселовский, 1911 – Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб.: Издательство О.Н. Поповой, 1911. Т. 4. 696 с.
- ГАЧО – Государственный архив Черниговской области.
- Ефименко, 1905 – Ефименко А.Я. Малороссийский язык в народной школе. Б.и. 1905. 28 с.
- ЖБЗС, 1871 – Журналы заседаний чрезвычайного Борзенского уездного земского собрания 1871 года. Чернигов: Земская типография, 1871. № 3. С. 61–63.
- Жиленкова, 2000 – Жиленкова І.М. (2000). Ліберально-демократичний рух в Україні (друга половина XIX – початок XX століття). Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ. 2000. 16 с.
- ЗДМ, 2013 – Українська ідентичність і мовне питання в Російській імперії: спроба державного регулювання (1847–1914). Збірник документів і матеріалів. Київ. 2013. 871 с.
- ЗСЧГа, 1881 – Доклад особой специальной школьной комиссии Черниговского губернского земского собрания. *Земский сборник Черниговской губернии*. 1881. № 1–4. С. 664–666.
- ЗСЧГб, 1881 – Журналы Черниговского земского собрания, очередной сессии 1880 года, состоявшейся в январе 1881 года. *Земский сборник Черниговской губернии*. 1881. № 1–4. С. 201–206.
- Итенберг, 1983 – Итенберг Б.С. Либеральная оппозиция. *Россия во время второй революционной ситуации*. М.: Наука, 1983. С. 351–390.
- Катренко, 1994 – Катренко, А.М. (1994). Демократичний рух в Україні (70–80 рр. XIX ст.) Черкаси: РВК ЧДПІ, 1994. 28 с.
- Катренко, 1975 – Катренко А.М. (1975). Земський буржуазно-ліберальний рух на Україні в роки другої революційної ситуації. *Вісник Київського університету. Історичні науки*. 1975. № 17: 27–34.
- Катренко, 2001 – Катренко, А.М. (2001). Політична діяльність земців-лібералів в Україні (друга половина 70 – початок 80 рр. XIX ст.). *Київська старовина*. 2001. № 1. С. 118–137.
- Котельницький, 2015 – Котельницький Н.А. Иван Ильич Петрункевич: жизнь и деятельность на Черниговщине. Историко-биографический очерк. М.: Летний сад, 2015. 124 с.

Котельницький, 2018 – Котельницький, Н.А. (2018). Політика у галузі культури земських лібералів Північного Лівобережжя (60-80 рр. XIX ст.). *Вісник Черкаського національного університету. Серія «Історичні науки»*. 2018. № 3-4. С. 100-107.

Котельницький, 2019a – Котельницький Н.А. (2019). «Статут про загальну військову повинність 1874 р. у Російській імперії та земський лібералізм Північної України. *Українознавство*. 2019. № 1. С. 8-13.

Котельницький, 2019b – Котельницький Н.А. (2019). Іван Ілліч Петрункевич (1843-1928): життя та діяльність в Україні. Riga: GlobeEdit, 2019. 197 с.

Котельницький, 2021 – Котельницький Н.А. «Еврейский вопрос» в деятельности земской либеральной фронды северной Украины 1880 гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России»*. 2021. № 1. С. 32-46.

Миллер, 2013 – Миллер А.И. «Украинский вопрос» в Российской империи. Киев: Laugus, 2013.

Мойсієнко, 1999 – Мойсієнко, В.М. (1999). Ліберально-демократичний рух в Україні (середина 60-80 рр. XIX ст.). Автореф. дис... канд. іст. наук. Київ, 1999. 19 с.

Моргун, 1969 – Моргун, О.М. (1969). Українські діячі в земствах. *Український історик*. 1969. № 21-23. С. 64.

Петров, 1976 – Петров Ф.А. Земское либеральное движение в период второй революционной ситуации (конец 1870 – начало 1880 гг.): Автореф. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. 20 с.

Пирумова, 1977 – Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М.: Наука, 1977. 272 с.

Рахно, 2017 – Рахно О.Я. (2017). Земська діяльність Г.Н. Вовка-Карачевського. *Сіверщина в історії України*. 2017. № 10. С. 275-278.

Редькіна, 2002 – Редькіна О.А. (2002). Земства Лівобережної та Південної України як органи місцевого самоврядування та осередки ліберального руху в другій половині XIX – початку XX століття. Автореф. дис... канд.іст. наук. Запоріжжя, 2002. 18 с.

Русова, 1913 – Русова С.Ф. К 40-летнему юбилею Юго-западного Отдела Императорского Географического Общества. *Украинская жизнь*. 1913. № 11. С. 36-39.

Секиринский, 1999 – Секиринский С.С. Русский либерализм: от 40-х к 80-м годам XIX века (идеи, люди, среда): Автореф. Дис. ... д-ра ист. наук. М.:, 1999. 35 с.

Таирова-Яковлева, 2013 – Таирова-Яковлева Т.Г. «Валуевский циркуляр» и запрет использования украинского языка. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2*. 2013. № 4. С. 55-60.

Уманец, 1881 – Уманец Ф.М. Вопросы нашей внутренней политики. Спб.: Типография А.С. Суворина, 1881.

Юцевич, 2021 – Юцевич П.О. (2021). Громадська та політична діяльність Олександра Федоровича Ліндфорса (1837-1890). Дис. ... канд. іст. наук. Чернігів, 2021. 190 с.

Degtyarev et al., 2020 – Degtyarev S., Zavorodnia V., Polyakova L. Transformations in the Field of public education of the Ukrainian State in 1918. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 971-983.

References

Belokonskij, 1910 – Belokonskij, I.P. (1910). Zemstvo i Konstituciya [Zemstvo and the Constitution]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo knigoizdatel'stva tovarishchestva «Obrazovanie», 184 p. [in Russian]

Belokonskij, 1914 – Belokonskij, I.P. (1914). Zemskoe dvizhenie [Zemstvo movement]. Moskva: Zadruga, 397 p. [in Russian]

Degtyarev et al., 2020 – Degtyarev, S., Zavorodnia, V., Polyakova, L. (2020). Transformations in the Field of public education of the Ukrainian State in 1918. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 971-983

Efimenko, 1905 – Efimenko, A.Ya. (1905). Malorossijskij yazyk v narodnoj shkole [Little Russian language in the folk school]. B.i. 28 p. [in Russian]

GACHO – Gosudarstvennyj arhiv Chernigovskoj oblasti [State Archive of the Chernihiv region].

Itenberg, 1983 – Itenberg, B.S. (1983). Liberal'naya oppoziciya. Rossiya vo vremya vtoroj revolyucionnoj situacii [Liberal opposition. Russia during the second revolutionary situation.]. Moskva: Nauka. Pp. 351-390. [in Russian]

Katrenko, 1975 – Katrenko, A.M. (1975). Zemskiy burzhuzno-liberalnyi rukh na Ukraini v roky druhoi revoliutsiinoi sytuatsii [Zemsky bourgeois-liberal movement in Ukraine in the fate of another revolutionary situation]. *Visnyk Kyivskoho universytetu. Istorychni nauky*. 17: 27-34. [in Ukrainian]

Katrenko, 1994 – Katrenko, A.M. (1994). Demokratychnyi rukh v Ukraini (70-80 rr. XIX st.) [Democratic movement in Ukraine (70-80 years of the XIX century)]. Cherkasy: RVK ChDPI, 28 p. [in Ukrainian]

Katrenko, 2001 – Katrenko, A.M. (2001). Politychna diialnist zemstiv-liberaliv v Ukraini (druha polovyna 70 – pochatok 80 rr. XIX st.) [The political activity of the zemstvo-liberals in Ukraine (the other half of the 70s – beginning of 80s of the 19th century)]. *Kyivska starovyna*. 1: 118-137. [in Ukrainian]

- Kotel'nickij, 2015** – *Kotel'nickij, N.A.* (2015). Ivan Il'ich Petrunkevich: zhizn' i deyatel'nost' na Chernigovshchine. Istoriko-biograficheskij ocherk [Ivan Ilyich Petrunkevich: life and work in the Chernihiv region. Historical and biographical essay]. Moskva: Letnij sad, 124 p. [in Ukrainian]
- Kotelnytskyi, 2018** – *Kotelnytskyi, N.A.* (2018). Polityka u haluzi kultury zemskykh liberaliv Pivnichnoho Livoberezhzhia (60-80 rr. XIX st.) [Politics at the gallery of culture of the zemstvo liberals of Pivnichnogo Livoberezhzhia (60-80 pp. of the 19th century)]. *Visnyk Cherkaskoho natsionalnoho universytetu. Seriiia «Istorychni nauky»*. 3-4: 100-107. [in Ukrainian]
- Kotelnytskyi, 2019a** – *Kotelnytskyi, N.A.* (2019). «Statut pro zahalnu viiskovu povynnist 1874 r. u Rosiiskii imperii ta zemskiy liberalizm Pivnichnoi Ukrainy [“The statute on the total military duty of 1874. Russian Empire and zemstvo liberalism of Pivnichnaya Ukraine]. *Ukrainoznavstvo*. 1: 8-13. [in Ukrainian]
- Kotelnytskyi, 2019b** – *Kotelnytskyi, N.A.* (2019). Ivan Illich Petrunkevych (1843–1928): zhyttia ta diialnist v Ukraini [Ivan Illich Petrunkevich (1843–1928): life and activity in Ukraine]. Riga: GlobeEdit, 197 p. [in Ukrainian]
- Kotel'nickij, 2021** – *Kotel'nickij, N.A.* (2021). «Evrejskij vopros» v deyatel'nosti zemskoj liberal'noj frondy severnoj Ukrainy 1880 gg. [“The Jewish Question” in the Activities of the Zemstvo Liberal Fronde of Northern Ukraine in 1880 Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Istoriya Rossii»*. 1: 32-46. [in Russian]
- Miller, 2013** – *Miller, A.I.* (2013). «Ukrainskij vopros» v Rossijskoj imperii [“Ukrainian question” in the Russian Empire]. Kiev: Laurus, 2013
- Moisiienko, 1999** – *Moisiienko, V.M.* (1999). Liberalno-demokratychnyi rukh v Ukraini (seredyna 60-80 rr. XIX st.) [Liberal-democratic movement in Ukraine (mid 60-80 pp. XIX century)]. Avtoref. dys... kand. ist. nauk. Kyiv, 19 p. [in Ukrainian]
- Morhun, 1969** – *Morhun, O.M.* (1969). Ukrainski diiachi v zemstvakh [Ukrainian children in zemstvos]. *Ukrainskyi istoryk*. 21-23: 64. [in Ukrainian]
- Petrov, 1976** – *Petrov, F.A.* (1976). Zemskoe liberal'noe dvizhenie v period vtoroj revolyucionnoj situacii (konec 1870 – nachalo 1880 gg.) [Zemstvo liberal movement in the period of the second revolutionary situation (late 1870 – early 1880 years)]: Avtoref. dis... kand. ist. nauk. Moskva, 20 p. [in Russian]
- Pirumova, 1977** – *Pirumova, N.M.* (1977). Zemskoe liberal'noe dvizhenie. Social'nye korni i evolyuciya do nachala XX v. [Zemstvo liberal movement. Social roots and evolution until the beginning of the twentieth century]. Moskva: Nauka, 272 p. [in Russian]
- Rakhno, 2017** – *Rakhno, O.Ia.* (2017). Zemska diialnist H.N. Vovka-Karachevskoho [Zemstvo activity of G.N. Vovka-Karachevsky]. *Sivershchyna v istorii Ukrainy*. 10: 275-278. [in Ukrainian]
- Redkina, 2002** – *Redkina, O.A.* (2002). Zemstva Livoberezhnoi ta Pivdennoi Ukrainy yak orhany mistsevoho samovriaduvannia ta osередky liberalnoho rukhu v druhii polovyni XIX – pochatku XX stolittia [Zemstvos of the Livoberezhnoy and Pivdenny Ukraine as an organization of self-regulation and the middle of the liberal movement in the other half of the 19th century – the beginning of the 20th century]. Avtoref. dys. ... kand.ist. nauk. Zaporizhzhia, 18 p. [in Ukrainian]
- Rusova, 1913** – *Rusova, C.F.* (1913). K 40-letnemu yubileyu YUgo-zapadnogo Otdela Imperatorskogo Geograficheskogo Obshchestva [To the 40th anniversary of the Southwestern Department of the Imperial Geographical Society]. *Ukrainskaya zhizn'*. 11: 36-39. [in Russian]
- Sekirinskij, 1999** – *Sekirinskij, S.S.* (1999). Russkij liberalizm: ot 40-h k 80-m godam XIX veka (idei, lyudi, sreda) [Russian liberalism: from the 40s to the 80s of the XIX century (ideas, people, environment)]: Avtoref. dis... dokt. ist. nauk. Moskva, 35 p. [in Russian]
- Tairova-Yakovleva, 2013** – *Tairova-Yakovleva, T.G.* (2013). «Valuevskij cirkulyar» i zapret ispol'zovaniya ukrainskogo yazyka [“Valuev circular” and the ban on the use of the Ukrainian language]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2*. 4: 55-60. [in Russian]
- Umanec, 1881** – *Umanec, F.M.* (1881). Voprosy nashej vnutrennej politiki [Questions of our internal policy]. SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina. [in Russian]
- Verzilov, 1918a** – *Verzilov, A.V.* (1918). Dvi movy [Two movies]. *Chernigovskaya zemskaya gazeta*. 1918. 81-82: 12-13. [in Ukrainian]
- Verzilov, 1918b** – *Verzilov, A.V.* (1918). Shevchenkovskij i galickij yazyki [Shevchenko and Galician languages]. *Chernigovskaya zemskaya gazeta*. 1918. 85-86: 10-11. [in Russian]
- Veselovskij, 1905** – *Veselovskij, B.B.* (1905). Zemskie liberaly [Zemsky liberals]. SPb.: Izdatel'stvo O.N. Popovoj, 23 p. [in Russian]
- Veselovskij, 1911** – *Veselovskij, B.B.* (1911). Istoriya zemstva za sorok let [The history of the Zemstvo for forty years]. SPb.: Izdatel'stvo O.N. Popovoj. T.4. 696 p. [in Russian]
- Yutsevych, 2021** – *Yutsevych, P.O.* (2021). Hromadska ta politychna diialnist Oleksandra Fedorovycha Lindforsa (1837–1890) [Social and political activities of Alexander Fyodorovich Lindfors (1837–1890)]. Dys... kand. ist. nauk. Chernihiv, 190 p. [in Ukrainian]
- ZDM, 2013** – *Ukrainska identychnist i movne pytannia v Rosiiskii imperii: sproba derzhavnogo rehuliuвання (1847–1914) [Ukrainian identity and modern food in the Russian Empire: a test of state regulation (1847–1914)]. Zbirnyk dokumentiv i materialiv. Kyiv. 2013. 871 p. [in Ukrainian]*

ZHBZS, 1871 – Zhurnaly zasedanij chrezvyčajnogo Borzenskogo uezdnogo zemskogo sobraniya 1871 goda [Journals of meetings of the emergency Borzensky district zemstvo assembly of 1871]. Chernigov: Zemskaya tipografiya, 1871. 3: 61-63. [in Russian]

Zhylenkova, 2000 – *Zhylenkova, I.M.* (2000). Liberalno-demokratychnyi rukh v Ukraini (druha polovyna XIX – pochatok XX stolittia) [Liberal-Democratic Movement in Ukraine (another half of the 19th century – the beginning of the 20th century)]. Avtoref. dys... kand. ist. nauk. Kyiv. 16 p. [in Ukrainian]

ZSCHGa, 1881 – Doklad osoboj special'noj shkol'noj komissii Chernigovskogo gubernskogo zemskogo sobraniya [Report of the special special school commission of the Chernigov provincial zemstvo assembly]. *Zemskij sbornik Chernigovskoj gubernii*. 1881. 1-4: 664-666. [in Russian]

ZSCHGb, 1881 – Zhurnaly Chernigovskogo zemskogo sobraniya, ocherednoj sessii 1880 goda, sostoyavshejsya v yanvare 1881 goda [Journals of the Chernigov Zemstvo Assembly, the regular session of 1880, held in January 1881]. *Zemskij sbornik Chernigovskoj gubernii*. 1881. 1-4: 201-206. [in Russian]

«Украинский вопрос» в деятельности земской либеральной оппозиции Черниговской губернии (60–80 гг. XIX в.)

Андрей Евгеньевич Лебедь ^{a, b, *}, Назар Анатольевич Котельницкий ^c

^a Сумской государственный университет, Сумы, Украина

^b Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^c Международный научно-технический университет имени академика Юрия Бугая, Киев, Украина

Аннотация. В статье на основе малоизвестных и малоисследованных источников обозначена позиция земских либералов Черниговской губернии по «украинскому вопросу» в Российской империи 60–80 гг. XIX в. Проведенный контент-анализ уникальных исторических документов показал, что члены земской либеральной оппозиции региона имели сложившееся представление указанной проблемы уже в начале своей подвижнической деятельности. Акцентируется внимание на том, что современники представителей либеральной оппозиции региона публично поддерживали работу земских прогрессистов по промоции и развитию украинства. Архивные источники доказывают, что либеральные земцы края занимались целенаправленной деятельностью по сохранению украинского этноса и его культуры в условиях имперской действительности. Авторы приходят к выводу, что «украинский вопрос» занимал достойное место в системе ценностей и ориентирах земской либеральной партии Черниговской губернии. И хотя экономические и социальные проблемы были доминирующими в программных императивах оппозиционного аристократического нобилитета, все же этот вопрос не оказался вне системы координат этноконфессиональной политики второй половины XIX в.

Ключевые слова: «украинский вопрос», Российская империя, земская либеральная оппозиция, украинский язык, качество образования, образовательная среда.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.lebid@socio.sumdu.edu.ua (А.Е. Лебедь)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1163-1176
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1163

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Between Local and National History: Analysis of the Specifics of the Don Pre-Revolutionary Historiography

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the specifics of the Don pre-revolutionary historiography. This analysis is based on the concepts of N.A. Mininkov (who for the first time attributed the works of the Don pre-revolutionary authors to historiography, and not to historical science), S.I. Malovichko and M.F. Rumyantseva (who introduced the special term «local history» to define the works of amateur historians of the 19th century about their native land). The author chose as the object of analysis the work of the largest Don pre-revolutionary amateur historian A.A. Kirillov «Brief review of the history of the Don Cossacks». This text, written in 1909, largely systematizes and sums up the reflections of the Don pre-revolutionary authors on historical science.

The author shows that an unattainable goal for A.A. Kirillov and a number of his predecessors (A.A. Leonov, A.A. Karaseva, M.Kh. Senyutkina, etc.) was a book that would systematically and consistently describe the history of the Don Cossacks. The Don authors described this book clearly enough so that we could say that it could not be unambiguously attributed to local history (the history of the Don Cossacks had to be considered as an independent phenomenon, the scientific level of the book had to correspond to the practices of modern historians, and the competencies of Russian historians were considered insufficient to write a study about the Don Cossacks). However, the idea of interpreting the history of the Cossacks as a separate national history was categorically rejected, even cases of likening the early Don Army to an independent republic by professional Russian historians were condemned. As a result, the Don historiography occupied an intermediate position between the local history and the national history of the nation.

Keywords: historiography, local history, national history, Don Cossacks, amateur historians, historical writing.

1. Введение

Крайне специфическая и самобытная донская дореволюционная историография до настоящего времени не только не изучена, но и не осмыслена как особый, требующий отдельного изучения феномен. Этому в значительной степени способствует актуальная до сих пор практика составлять историографические обзоры в большинстве случаев не по научным традициям и школам, а по предмету изучения: даже сами донские дореволюционные историки-любители, четко отделяя себя от русских историков, в то же время составляли историографические обзоры не своей научной традиции, но истории Войска Донского. Однако автономность донской историографии от российской доказывает то, что признаваемые значимыми в российской историографии тексты по истории донского казачества в подобные обзоры донских авторов не попадали, зато в них оказывались ныне забытые работы казачьих историков-любителей. Таким образом, формировался параллельный общероссийскому ряд классиков донской историографии, в котором оказывались исключительно

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

казахчи или много лет жившие на Дону исследователи, но в который никогда не попадали профессиональные столичные ученые.

В этом отношении очень показательна самая первая попытка обозрения важнейшей литературы по истории Донского края, предпринятая донским казаком, – небольшое историографическое введение к тому о Земле Войска Донского в серии «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», написанному в начале 1860 гг. представителем одного из известнейших донских родов Н.И. Красновым. Он относился к профессиональным историкам с большим уважением и указывал в своем введении, что использовал труды «С. Соловьева, Н. Устрялова и Н. Костомарова» (Краснов, 1863: 2). Однако самих этих трудов в списке важнейших исследований по донской истории у него нет, зато представлены статьи местных авторов М.Х. Сенюткина, А.А. Попова и А.А. Леонова в «Донских войсковых ведомостях» (Краснов, 1863: 3). При этом, окончательно запутывая ситуацию, Н.И. Краснов включал в число важнейших исследований по истории Войска Донского две нещадно критикуемые им книги русских историков-любителей («История или повествование о Донских казаках» А.И. Ригельмана и «История Донского войска» В.Б. Броневского) (Краснов, 1863: 1).

Из этого примера видно, что даже сами донские авторы не могли четко сформулировать, как соотносятся общероссийская имперская и донская региональная историографии. Безусловно, имперская историография влияла на донских историков-любителей и они с огромным уважением относились к некоторым ее представителям, даже акцентируя внимание на связях с ними наиболее уважаемых местных авторов. Например, в 1866 г. в Новочеркасске был широко отмечен столетний юбилей Н.М. Карамзина, причем одна из публичных речей историка-любителя и журналиста А.А. Карасева была посвящена Н.М. Карамзину как старшему другу и наставнику наиболее влиятельного донского историка В.Д. Сухорукова (Артинский, 1907: 241-244). В заключение юбилея прозвучали стихи о Н.М. Карамзине еще одного историка-любителя и поэта А.А. Леонова:

Дни жизни лучшие и думы все свои
Смирный труженик, он посветил всецело
Бытописаниям отеческой земли.
Великий гражданин, великое он дело

На пользу родины со славой совершил (Артинский, 1907: 241-243).

Однако тот же А.А. Леонов был автором важной для развития донской историографии речи «О пособиях для изучения истории Войска Донского», в 1854 г. публично прочитанной в новочеркасской гимназии (Артинский, 1907: 382). И в ней он обвинил «наших ученых и литераторов и даже самих писателей русской истории» в том, что они не понимали казачества, а Донская земля оставалась для них «terra incognita» (Артинский, 1907: 384). В числе попавших под критику был и Н.М. Карамзин, критикуемый за то, что он, подобно большинству историков-профессионалов, «видел в общине донцов (в XVI–XVII вв. – Авт.) какую-то независимую республику», а не часть русского государства (Артинский, 1907: 384).

Так постепенно складывалась очень сложная и неоднозначная ситуация. С одной стороны, донские историки-любители связывали себя с российской историографией и от них даже исходили инициативы привлечь к написанию истории Войска Донского лучших российских ученых. Так, в конце 1870 гг. А.А. Карасев с разрешения действующего атамана вел соответствующие переговоры с Н.И. Костомаровым (Карасев, 1898: 593-599), а в 1900 гг. местный статистический комитет и войсковая администрация пытались привлечь к написанию официальной истории донского казачества В.О. Ключевского (Волвенко, 2006: 118-120). С другой стороны, в тех случаях, когда российские авторы высказывали какое-то ошибочное, с точки зрения исторической памяти донского образованного общества, утверждение о казачестве (а это происходило регулярно), они немедленно начинали рассматриваться местными историками-любителями как внешние авторы, не понимающие казаков. В частности, когда В.О. Ключевский поставил перед войсковой администрацией вопрос о том, требуется ли от него помощь в сочинении «правдивой истории» или «истории официальной с известными пропусками», старейшиной местных историков-любителей Х.И. Поповым была подготовлена докладная записка, в которой не только доказывалась некорректность поставленного классиком русской науки вопроса, но и утверждалось, будто бы в России нет профессиональных историков, достаточно знакомых с жизнью донских казаков, а без специального «введения в курс этой жизни» ученому разобраться «в малопонятном для него материале будет крайне затруднительно» (Волвенко, 2006: 119-121). Если донские авторы позволяли в таком тоне отвечать на вопросы самого В.О. Ключевского, понятно, насколько критично они относились к имперской профессиональной историографии в принципе.

Итак, донская историография существовала в значительной степени автономно от историографии российской, используя ее идеи и методы, но регулярно полемизируя с ней. При этом формальной сепарации произведено не было и сами донские историки-любители не смогли отразить, осмыслить сложившуюся ситуацию. Между тем после 1917 г. традиция донской дореволюционной историографии была разрушена или вытеснена в эмиграцию, где эволюционировала в направлении публицистики казачьего автономизма. Советская научная

историография донского казачества не является прямой наследницей донской дореволюционной исследовательской традиции: она сложилась преимущественно уже во второй половине XX в. как региональный вариант советской исторической науки, причем ее основоположники А.П. Пронштейн и А.И. Козлов не были казаками по происхождению, а А.П. Пронштейн вообще сформировался как ученый в МГУ (Мининков, 2018: 100-101).

И как раз в советский период сложилось достаточно искаженное и актуальное до сих пор представление о донской дореволюционной историографии. Основное внимание уделялось фигуре ее действительно важнейшего представителя В.Д. Сухорукова, который, однако, рассматривался не в специфически донском, но в общероссийском контексте, трактуясь как «историк-декабрист» (Линин, 1941). Остальные же дореволюционные исследователи Дона особенного внимания не привлекали, в том числе и по идеологическим соображениям: в их числе было много представителей казачьего дворянства и идейных консерваторов. Если специфические вопросы построения их нарратива и освещались советскими авторами, то преимущественно в критических целях: например, автор единственной советской монографии, специально посвященной Донскому краю второй половины XIX в., И.П. Хлыстов демонстративно ругал неназываемых дореволюционных реакционных донских историков за то, что они якобы «нередко сознательно искажали действительность и фальсифицировали историю Дона», затем, однако, давая положительную характеристику донским статистикам Н.И. Краснову и С.Ф. Номикосову, но исключительно за собранный фактический материал, без анализа их концепций и моделей повествования (Хлыстов, 1962: 9-10).

Распад СССР и смягчение идеологического диктата в исторической науке увеличили интерес к донским дореволюционным историкам-любителям. Увы, в наибольшей степени от этого выиграли одиозные и маргинальные авторы, особенно Е.П. Савельев, сторонник древнего происхождения казаков, книги которого ныне массово издаются, а творчество исследуется не только многочисленными сторонниками фольк-хистори, но и серьезными историками (Стегленко, 2015; Стегленко, 2016). На долю менее скандальных авторов приходится меньше внимания, но тем не менее почти забытые в советское время историки и статистики И.В. Тимошенко и Ф.К. Трайлин удостоились даже отдельной монографии (Мининков, 2016). Тем не менее обобщающих трудов о донской историографии по-прежнему почти нет, а в тех немногочисленных работах, где соответствующие вопросы все же затрагиваются, нередко по-прежнему транслируется некритически воспринятая концепция историков советского периода, в соответствии с которой период между творчеством «декабриста» В.Д. Сухорукова (1820 гг.) и революционным началом XX в. имел мало значения для развития исторической науки на Дону. Так, И.Ю. Юрченко, попытавшийся написать обобщающий труд по историографии всего казачества, описывает этот период буквально на нескольких страницах, приходя к следующему выводу: «Официальная православно-самодержавная историография занимала господствующее положение вплоть до революции 1917 г.» (Юрченко, 2013: 88).

Принципиальную новизну для вопроса о взаимоотношениях донских и российских авторов имеют монография А.И. Агафонова «История Донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение)» (Агафонов, 2001) и статья Н.И. Мининкова «Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века» (Мининков, 2010). Однако в центре внимания А.И. Агафонова оказываются исторические источники, а поскольку методы работы с ними донские авторы преимущественно заимствовали из общеимперских практик, современный исследователь описывает в основном сюжеты, сближающие донскую историографию с имперской, например случаи взаимодействия донских историков-любителей со столичными научными обществами (с Академией наук, с Археографической комиссией и т.п.). Н.А. Мининков, напротив, ставит вопрос о специфике донской дореволюционной историографии как составного элемента донской казачьей культуры и приходит к оригинальным выводам, до сих пор не воспринятым в должной мере научным сообществом.

С точки зрения Н.А. Мининкова, творчество большинства донских дореволюционных авторов следует относить не к истории как науке, а к «истории как одной из важных отраслей духовной культуры человечества», и для лучшего понимания данного феномена ученый предлагает использовать для характеристики этого творчества термин «историописание», обозначающий совокупность любых текстов, как научных, так и откровенно ненаучных, «выражающих исторические взгляды своих авторов» (Мининков, 2010: 266-285). Идея для понимания донской дореволюционной историографии очень важная. С научной точки зрения большая часть нарративов донских дореволюционных историков-любителей достаточно слаба, и нередко в них просто реинтерпретируются факты, установленные В.Д. Сухоруковым. Соответственно, в рамках традиционного для советской историографии казачества подхода невнимание к данным работам вполне логично: в них мало информации об описываемых периодах донской истории, которая была бы одновременно достоверной и впервые вводимой в научный оборот. Однако, если рассматривать эти работы как произведения донской культуры и исходить из того, что в них важны не столько описываемые факты, сколько то, как их описывают и трактуют, оценка многих трудов донской дореволюционной историографии должна быть радикальным образом изменена: ее тексты много говорят об отношении казаков к истории, о том, как донские офицеры и чиновники, не имевшие

специального образования, понимали свое прошлое. Насколько нам известно, в других частях Российской империи нет такого обширного пласта любительской историографии, и, соответственно, работы донских авторов позволяют лучше понять, как видели свое прошлое обычные люди XIX в.

Кроме того, Н.А. Мининков показал, что уже в период зарождения донской дореволюционной историографии, в первой половине XIX в., в ней существовали принципиально различные формы историописания, причем к «официальной православно-самодержавной историографии» не сводилась ни одна из них. Он демонстрирует это на примере трех авторов: нарратив В.Д. Сухорукова был ориентирован на «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина и в рамках представлений своей эпохи должен считаться научным; нарратив Е.Н. Кательникова отражал «массовое историческое сознание», фиксируя представления простого казака об истории родной и любимой станицы, далекие от объективности; наконец, нарратив В.М. Пудавова носил скорее философский, чем исторический характер, поскольку центральное место в нем занимал поиск некоего общечеловеческого высшего смысла существования казачества (Мининков, 2010: 266-285). Таким образом, в донской историографии существовали не просто различные течения, но различные подходы к построению своего повествования, то конкурировавшие между собой, то дополнявшие друг друга.

Однако, поскольку идеи Н.А. Мининкова должным образом не были осознаны другими историками донского казачества, термин «историописание» распространения в их среде не получил. Зато ими для обозначения донских историков-любителей часто используется термин «краевед», хотя современниками он никогда не применялся. Например, в одной из немногих современных работ, посвященных творчеству упомянутого выше Х.И. Попова, он уже в преамбуле именуется «выдающимся краеведом» (Камозин, 2006: 33). Между тем специалистами-историографами в последнее десятилетие, напротив, ставится под вопрос уместность использования термина «краевед» для обозначения авторов, писавших до начала XX в. В этом плане наиболее интересны некоторые тексты С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой, концептуально хорошо сочетающиеся с вышеуказанной работой Н.А. Мининкова. Дело в том, что эти исследователи также относят работы местных историков-любителей до начала XX в. к историописанию, «конструированию местной исторической памяти», не имеющему ничего общего с наукой, в то время как краеведение, с их точки зрения, все же «декларирует себя как часть научной историографии» (Маловичко, Румянцева, 2012а: 4-7). Соответственно, для работ местных историков-любителей дореволюционного периода С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцева предлагают использовать не термин «краеведение», а термин «местная история» (Маловичко, Румянцева, 2012а: 5-6). Кроме того, с их точки зрения, несмотря на ненаучный характер, местная история четко ориентировалась на характерную для XIX в. классическую модель национально-государственной истории, выступая ее самым нижним уровнем (в то время как краеведение может существовать и независимо, «рядом» с национальной историей), но по мере профессионализации исторической науки труды по местной истории авторов-любителей все более маргинализировались (Маловичко, Румянцева, 2012а: 6).

Некоторые особенности донской дореволюционной историографии концепция С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой объясняет очень хорошо. Прежде всего, она корректно, в отличие от более традиционных подходов, описывает цель большинства донских авторов той эпохи: им действительно была важна популяризация локальной исторической памяти, как мы убедились выше, прямо противопоставляемой объективным исследованиям профессиональных историков, якобы не понимавших казачество. Объясняет она и инволюцию донской дореволюционной историографии, за сто лет от классического труда В.Д. Сухорукова не только так и не сумевшей развиться до исторической науки, но и не создавшей ни одного труда, равного ему: в рамках данной концепции любительский характер исследований донских авторов был непреодолимым недостатком, и по мере развития профессиональных методов исторического познания он все дальше отдалял историков-любителей от профессиональных историков. Однако в донской историографии есть и элементы, которые концепция С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой заведомо противоречат. Это, прежде всего, сама многовариантность местного историописания, включавшего в себя разные образцы повествования, в том числе и выходящие за рамки классической модели национально-государственной истории (например, философские, а не исторические штудии В.М. Пудавова). Но, возможно, еще важнее то, что донская дореволюционная историография фактически занималась не историей места: сами названия работ донских авторов, например «История о Донском Войске» (Попов, 1814) или «Историческое описание Земли Войска Донского (напомним, Земля Войска Донского – официальное название региона Российской империи до 1870 г. – Авт.)» (Сухоруков, 1867), показывают, что в центре внимания был специфический региональный институт – Войско Донское.

Таким образом, донская дореволюционная историография представляет собой интереснейший объект для изучения, возможно, крупнейший на территории России пласт текстов, фиксирующих историческую память не ученых XIX в. Однако для изучения этих текстов, в силу самой их специфики, необходимо создать специальный терминологический и методологический аппарат, а пока, в рамках консервативных исследовательских практик большинства историков казачества, он предстает нагромождением причудливых нарративов, в большинстве своем сомнительной научной ценности. Исследования Н.А. Мининкова, С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой демонстрируют одну

из возможных методик: тексты донских дореволюционных авторов нужно анализировать как относящиеся к историописанию, а не исторической науке, рассматривая их как труды по местной истории, а не краеведению. И, чтобы хотя бы в общих чертах обозначить особенности донской дореволюционной историографии, в своей статье мы проанализируем с подобных позиций ее важнейшие тексты.

2. Материалы и методы

Какие же тексты по истории Донского Войска представлялись важнейшими самим донским дореволюционным историкам-любителям?

Здесь нам поможет принципиальная для понимания донской дореволюционной историографии работа «Краткое обозрение истории о донских казаках» А.А. Кириллова (Кириллов, 1909). Он, хотя и не казак по происхождению, сам относится к числу наиболее значительных донских дореволюционных историков-любителей: с 1879 г. по 1920 г. преподавал в Донской духовной семинарии, был членом Донского статистического комитета и стал «своим» для других местных авторов. В 1900 г., когда в донских образованных кругах активно обсуждался вопрос о написании официальной истории донского казачества, А.А. Кириллов решил подготовить «Опыт библиографии донской истории» (Кириллов, 1909: форзац). В итоге и появилась небольшая книга, в которой описаны наиболее значимые, с точки зрения А.А. Кириллова, труды о прошлом донского казачества, большая часть которых предсказуемо принадлежит донским авторам. Что еще важнее для нас, А.А. Кириллов не просто попытался охарактеризовать отдельные тексты по истории донского казачества, но сделал выводы об их совокупности, об успехах и неудачах российских профессиональных историков и донских историков-любителей в изучении истории Войска Донского. Таким образом, мы располагаем развернутым исследованием дореволюционной историографии Войска Донского, выполненным одним из авторитетнейших донских историков-любителей, исследованием, в котором подробно описаны как многие существовавшие на 1909 г. отдельные работы по истории донского казачества, так и проблемные поля, по мнению А.А. Кириллова, уже изученные или, напротив, оставшиеся не исследованными более ранними авторами.

Благодаря «Краткому обозрению истории о донских казаках» и другим текстам донских дореволюционных авторов теоретического и историографического характера, мы можем не только понять, какие работы составляли своеобразный канон донской дореволюционной историографии, но и уяснить общепринятое отношение донских историков-любителей к этим работам. На этом основании мы попытаемся реконструировать историописательские идеалы донских дореволюционных авторов, их представления о гипотетической идеальной работе по истории донского казачества. В свою очередь, сопоставление этого идеала с концепцией местной истории С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой, а также классической моделью национально-государственной истории поможет нам уяснить, какое место занимала донская дореволюционная историография в контексте российской имперской историографии, в чем было ее сходство и отличие от общеимперских историописательских практик.

3. Результаты

По мнению А.А. Кириллова, донская история к началу XX в. оставалась изучена далеко не достаточно. Доказывая эту мысль, он приводил отрывки из уже известной нам речи А.А. Леонова «О пособиях для изучения истории Войска Донского»: «Все наши известия о судьбах и действиях донцов большей частью отрывочны, сбивчивы и неопределенны, не имеют характера самостоятельности, почти лишены всякой последовательности и разумной связи в ходе и причинах событий, и оттого мало понятны и объяснимы, даже настолько, насколько они необходимы в общем ходе русской истории» (Кириллов, 1909: 1). Затем А.А. Кириллов подчеркивал, что за полвека, прошедших со времени произнесения данной речи, так и не появилось «удовлетворительного исторического произведения о донских казаках, “как частного проявления отдельной массы русского народа, как исторической корпорации, общины, образовавшейся не случайно, но вследствие исторической необходимости” (в кавычках А.А. Кириллов цитирует еще один отрывок из речи А.А. Леонова – Авт.)» (Кириллов, 1909: 3). Таким образом, главной целью изучения донского прошлого, целью доселе не выполненной, для А.А. Кириллова и А.А. Леонова выступало написание некоей «правильной» истории Войска Донского. А.А. Кириллов даже заранее называл эту ненаписанную книгу «Историей о Донских казаках», выделяя ее название курсивом и указывая, что она должна быть «удовлетворяющей современным требованиям» и «обоснованной на неоспоримых фактических данных» (Кириллов, 1909: 3).

Из приведенных цитат следует, что уже самое целеполагание донских историков-любителей не вполне укладывается в рамки концепции «местной истории» С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой. Для А.А. Леонова и А.А. Кириллова донская история выступала не только нижним уровнем истории российской, но и должна была иметь некий «характер самостоятельности». Схожие идеи излагали и другие донские авторы, а яснее всего на этот счет выразился А.А. Карасев, предсказывая, что произойдет в будущем, когда Донское Войско окажется полностью интегрировано в Российскую

империю: «Тогда Донская история делается только эпизодом из истории России, потеряет колорит истории отдельной общины, политическое устройство которой, быт ее жителей, а также оригинальность и самобытность отношений ее к метрополии заслуживают, в историческом смысле, более счастливой участи» (Карасев, 1898: 599). Итак, с точки зрения местных историков-любителей донской истории только предстояло стать нижним уровнем истории российской. Но пока этого не произошло и история Войска Донского одновременно выступала и важной частью русской истории, и неким самостоятельным феноменом, четкого определения которому донские авторы не давали, используя различные формулировки вроде «история отдельной общины», история «исторической корпорации» или история «отдельной массы русского народа».

Логично, что в полной мере раскрыть самостоятельность и оригинальность донской истории, с точки зрения образованных казаков, можно было только в некоем обобщающем и популярном труде, дающем систематическое представление о донском казачестве с момента его возникновения. Судя по всему, местные историки-любители изначально хотели получить некий аналог «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Во всяком случае еще один местный автор, рассуждавший о необходимости написания донской истории, М.Х. Сенюткин, начинал свои рассуждения на этот счет так: «История, – говорит Карамзин, – есть в некотором смысле книга священная для народов, главная, необходимое зеркало их бытия и деятельности, завет предков потомству, дополнение настоящего и пример для будущего». Как ни ясны эти правдивые слова знаменитого историографа, придававшего такое важное значение национальной истории, на Дону до сих пор как-то худо осознается необходимость изучения последней» (Сенюткин, 1866: 157). Важно отметить, что М.Х. Сенюткин не позиционировал казаков отдельным народом и даже критиковал «прежних историков» за отказ считать казаков русскими (Сенюткин, 1866: 163). Однако при этом, как мы видим, гипотетический будущий главный текст по донской истории он видел построенным в соответствии с тем, что Н.М. Карамзин писал о национальной истории.

О том, насколько донские авторы хотели иметь некий «правильный», самостоятельный и систематический нарратив по истории Войска Донского, говорит уже сам выбор А.А. Кирилловым текстов для характеристики: он отбирал работы не по принципу их научной значимости, не по принадлежности авторов к местной донской или российской имперской историографии и даже не по тематическому принципу в современном понимании. Он считал нужным описать в первую очередь «ряд помянутых попыток создать надлежащую Донскую историю» (курсив А.А. Кириллова – Авт.), на этом основании отбрасывая все «справочные и специальные по частным вопросам издания» (Кириллов, 1909: 4). В результате большинство исследований российских ученых-профессионалов по истории казачества, описывающих, в соответствии с тенденцией возрастающей специализации в профессиональной науке, частные вопросы (например, труд С.М. Соловьева о К. Булавине), сразу отбрасывалось А.А. Кирилловым из числа наиболее важных работ о Донском Войске. Кстати, далее донской автор описывал собранные для гипотетической будущей «Истории о Донских казаках» материалы, однако и в их число попали преимущественно сборники документов и любительские публикации фактографического характера, а не аналитические работы профессиональных ученых (Кириллов, 1909: 21-40).

Соответственно, составленный А.А. Кирилловым список «попыток создать надлежащую Донскую историю» весьма специфичен. Обычно списки важнейших текстов по какой-либо теме предполагают положительные коннотации, даваемые составителем хотя бы части этих текстов. Однако список А.А. Кириллова носит ярко выраженный критический характер уже потому, что это перечисление якобы неудачных попыток написать историю Войска Донского. При этом показательно, что те же самые тексты описываются и в других историографических обзорах донских авторов дореволюционного периода, причем со схожими критическими оценками: например, в речи «О пособиях для изучения истории Войска Донского» А.А. Леонова (Артинский, 1907: 380-390), в предисловии к донскому тому «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» Н.И. Краснова (Краснов, 1863: 1-7) и в записке А.А. Карасева о степени изученности донской истории, написанной в связи с попыткой привлечь к ее написанию Н.И. Костомарова (Карасев, 1898: 594-599). Сходство порой просто разительное: первые четыре разбираемые работы у А.А. Кириллова и Н.И. Краснова совпадают даже в порядке перечисления. При этом стоит отдельно отметить, что «Краткое обозрение истории о донских казаках» А.А. Кириллова создано незадолго до 1917 г. и в некотором роде подводит итог донской дореволюционной историографии, суммируя мнения на ее счет предшественников. Соответственно, приводимый в данной книге список работ с их оценками можно рассматривать как итоговый для рефлексий на эту тему донских дореволюционных исследователей.

Итак, специфическую донскую историографию сами местные историки-любители начинали с трех сильно критикуемых работ, с их точки зрения скорее демонстрирующих, как не надо писать. Речь идет о созданных в конце XVIII – начале XIX вв. «Истории или повествовании о Донских казаках» генерала регулярной российской армии А.И. Ригельмана («в существе своем это и не история, а исторический очерк» – А.А. Кириллов) (Кириллов, 1909: 5); «Истории о Донском Войске» директора Новочеркасской гимназии казака А.Г. Попова («господин Попов углубился в такую даль

веков и захватил такой исторический период, для которого не было и нет в местных архивах данных; недра же Донской земли не открыли ему своих сокровищ» – А.А. Кириллов) (Кириллов, 1909: 6); «Истории Донского Войска» еще одного генерала регулярной армии В.Б. Броневского («нестройная масса фактов, известий и сообщений – без связи, без внутренней идеи и цели» – А.А. Кириллов) (Кириллов, 1909: 8).

Для нас наиболее примечательно то, что как раз негативно оцениваемые А.А. Кирилловым черты трех данных работ типичны для местной истории, в соответствии с концепцией С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой. Перечисляя типичные для дореволюционной местной истории историописательские практики, С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцева приводят ряд примеров, когда любителей, занимавшихся местной историей в Российской империи, критиковали как раз за бессистемное перечисление в нарративе интересных или забавных, с их точки зрения, фактов, и еще больше примеров, когда эти любители искали или сочиняли древнее прошлое своему локусу (Маловичко, Румянцева, 2012b: 16-22). Как мы видим, на начальном этапе подобные практики историописания были характерны и для донской историографии, однако затем с ними начали бороться сами историки-любители: как мы видим, они считали неприемлемым для гипотетической «надлежащей Донской истории» как обращение к баснословным временам, о которых нет достоверных свидетельств, так и бессвязность нарратива, причем именно в смысле отсутствия в нем внутренней логики.

Как нам представляется, главной причиной перелома в донской историографии стал текст, который идет четвертым в списках важнейших трудов по донской истории Н.И. Краснова и А.А. Кириллова: «Историческое описание Земли Войска Донского», автором которого традиционно считают одного из первых донских казаков с университетским образованием, В.Д. Сухорукова (в действительности В.Д. Сухоруков руководил целым коллективом, работавшим над этой книгой, однако вопрос о степени вклада его помощников в итоговый труд остается до конца не выясненным). Данный труд оценивался донскими историками-любителями очень высоко. «Первый серьезный труд по изучению прошлого Донского казачества с начала XVI и до начала XVIII столетия, обоснованный на документальных данных и других материалах, критически проверенных», – писал о нем А.А. Кириллов (Кириллов, 1909: 17-18). «Этот труд составляет основу Донской истории (выделение А.А. Кириллова – Авт.)», – добавлял он (Кириллов, 1909: 18). А когда в начале XX в. местными донскими авторами был подготовлен сборник биографий наиболее выдающихся донских казаков XIX в., от генералов до поэтов, В.Д. Сухоруков позиционировался в нем как автор лучших трудов по истории донского казачества (второе место отводилось Х.И. Попову) (Донцы..., 2003: 407).

Оставим за пределами нашего исследования вопрос о причинах популярности В.Д. Сухорукова в среде донских казаков (они могли быть связаны не только с бесспорным достоинством его текста, но и с репутацией мученика за казачьи привилегии, которую имел данный автор) (Краснов, 1881: 32-50). Для нас важно то, что его нарратив высоко оценивается и современной наукой. Н.А. Мининков выделяет следующие особенности историописания В.Д. Сухорукова: 1) явная ориентация на творчество Н.М. Карамзина; 2) наличие полноценной концепции донской истории, основанной «на представлении о Войске Донском как о свободном сообществе, принципиально отличавшемся от несвободной внутренней России»; 3) соответствие уровню науки своего времени (Мининков, 2010: 266-285). Таким образом, текст В.Д. Сухорукова одновременно в полной мере принадлежит и к российской имперской научной историографии (в ее рамках В.Д. Сухоруков методологически выступает учеником Н.М. Карамзина, а идейно – историком-декабристом), и к донской казачьей любительской историографии (в ней В.Д. Сухоруков сам оказывается в роли своеобразного «донского Карамзина», автора, чей текст впервые перевел любительскую историографию на научный уровень, став образцом и основой для дальнейших исследований). Как нам представляется, подобная ситуация была возможна только в начале XIX в., до полной профессионализации исторической науки: В.Д. Сухоруков, активно взаимодействовавший не только с Н.М. Карамзиным, но и, например, с П.М. Строевым (Сухоруков, 1903: 4), уже соприкасался с кругом профессионализирующихся столичных историков, но при этом еще оставался своим для донского образованного общества. Позднейшие же донские авторы не имели такого соприкосновения с профессиональными историками, и поэтому, являясь классиками местной донской историографии, в научной российской историографии оказывались в положении заведомых маргиналов, не владеющих методикой исследования. С другой стороны, донские казаки, ставшие профессиональными учеными, обычно переставали быть своими для местного общества: так, нет никаких сведений о контактах донской интеллигенции с Г.К. Ульяновым, донским казаком по происхождению, филологом, доктором наук и ректором Варшавского императорского университета. Итак, именно «Историческое описание Земли Войска Донского» стало своеобразным эталоном для донской любительской историографии, и позднейшие донские историки, несмотря на любительский статус и незнание все усложняющейся методологии профессиональной науки, желали иметь историю Войска Донского, основанную на документах и «критически проверенную», т. е. соответствующую уровню лучших исторических нарративов хотя бы начала XIX в.

Более того, А.А. Кириллова в качестве основополагающей истории донского казачества не удовлетворяло и «Историческое описание Земли Войска Донского». Показательно, что и здесь он не формулировал собственного мнения, но приводил мнение другого донского историка-любителя, А.А. Карасева, что еще раз демонстрирует характер «Краткого обозрения истории о донских казаках» как итогового для донской дореволюционной историографии произведения и позволяет говорить о распространении приводимой позиции в донском образованном обществе. С точки зрения А.А. Кириллова и А.А. Карасева, «Историческое описание Земли Войска Донского» было основано на «отживших уже теперь, однако, существовавших во время его составления приемах», сильно пострадало от цензуры и, наконец, просто не содержало информации по большей части истории XVIII в. и всему XIX в. (Кириллов, 1909: 18-19). Как мы видим, запросы донских любителей истории были очень велики, и фактически даже нарратив В.Д. Сухорукова воспринимался ими как методологически устаревший. Донские авторы не знали современной методологии истории, но не сомневались, что гипотетическая «История о Донских казаках» должна основываться на самых новых, а не устаревших «приемах» изучения истории.

Но написанная подобным образом история Донского Войска неизбежно стала бы важным произведением не только в донской, но и в российской имперской историографии, фактически первой высококлассной региональной, а не национальной историей в Империи. Возможно, пониманием этого объяснялись и попытки донских историков-любителей привлечь к написанию подобного труда российских историков первой величины. Во всяком случае, уже А.А. Леонов в речи «О пособиях для изучения истории Войска Донского» помещал гипотетическую «правильную» историю донского казачества не только в местный контекст, но и в контекст «русской истории»: «Будущему историку Дона предстоит завидная и прекрасная участь оправдать донцов перед судом потомства, смыть с них те пятна, которыми заклеямили их недоброжелательство или простодушное невежество летописцев и писателей позднейших, и объяснить самую политику русского правительства в отношении к казакам, и вообще показать их такими, какими они были действительно, а не в том виде, в каком изображала их доселе русская история» (Артинский, 1907: 389). Итак, донским авторам нужен был труд, который перевернет представления о казачестве, раскроет славу Войска Донского во всем ее величии, изменит место казаков в русской истории, но одновременно будет опираться на критически проверенные документы и соответствовать последнему слову исторической науки.

Понятно, что чем дальше, тем более невероятным становилось написание подобного труда непрофессионалом. Профессионалом он тоже не мог быть написан: история донского казачества воспринималась российскими историками достаточно объективно, и предпосылок для полного ее пересмотра в контексте «оправдания донцов перед судом потомства», т.е. их идеализации и героизации, просто не существовало. И, ища варианты решения в действительности неразрешимой задачи, донские авторы обращались к новым, прежде им неизвестным способам историописания, в добавление к модели нарратива местной истории (представленной в трудах А.И. Ригельмана, В.Б. Броневского и А.Г. Попова) и модели карамзинского нарратива национальной истории (представленной в труде В.Д. Сухорукова).

В этом плане показательно, что под пятым номером в списке «попыток создать надлежащую Донскую историю» у А.А. Кириллова перечислено сразу несколько крайне разнородных текстов, написанных в середине XIX в. Из их авторов А.А. Кириллов оценивал выше всего, очевидно, редактора «Донских войсковых ведомостей» М.Х. Сенюткина, об одном тексте которого в «Кратком обозрении истории о донских казаках» сообщается, что он «служит новым обоснованием и продолжением взгляда Сухорукова» и «заслуживает особого внимания» (Кириллов, 1909: 19-20). Действительно, М.Х. Сенюткин задумал написать донскую историю на основании прежде не изучавшихся архивных документов, но как раз достаточно серьезный и научный подход помешал ему в этом: не имея помощников, исследователь за четыре года «успел только описать (и то не вполне) военные действия донцов за десять лет», после чего прекратил свои попытки (Кириллов, 1909: 19). Неудачный опыт М.Х. Сенюткина, на наш взгляд, лучше всего показывает еще одну причину, по которой для отдельного автора было крайне затруднительно написать гипотетическую «настоящую», полноценную историю Донского Войска, соответствующую требованиям донских историков-любителей: чтобы исследование, полноценно описывающее историю Войска Донского с XVI в. по XIX в., хотя бы приблизительно соответствовало требованиям современной науки, нужно было проделать огромную архивную работу, возможную только для коллектива исследователей. Кстати, В.Д. Сухоруков, как мы упоминали выше, как раз руководил подобным коллективом, и даже сторонники его единоличного авторства для собственно текста «Исторического описания Земли Войска Донского» признают существенный вклад его помощников в предварительную архивно-поисковую работу (Коршиков, Королев, 2001: 7-18). А уже в начале XX в. автор классической «Истории Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербина, получив заказ на написание истории казачьего войска, прямо заявил, что подобный труд непосилен для «единичных лиц», и добился выделения ему группы помощников для архивного поиска (Щербина, 1910: II). В итоге М.Х. Сенюткину на основе архивных находок удалось написать несколько качественных, хотя и

методологически наивных любительских статей по частным вопросам истории казачества, но к написанию полноценной истории Войска Донского он даже не приблизился. Показательно, что две его статьи были опубликованы авторитетными столичными изданиями: «Современником» (Сенюткин, 1854) и «Военным сборником» (Сенюткин, 1860). Обратим внимание на забавный поворот логики А.А. Кириллова: близкие к профессиональной историографии работы М.Х. Сенюткина вошли в список важнейших текстов по истории Войска Донского потому, что появились в результате неудачной попытки написать полноценную историю донского казачества, но аналогичные работы других авторов, не ставивших изначально столь амбициозных целей, в данный список не попали (даже оставляя за пределами нашего рассмотрения профессиональных ученых, отметим, что в столичной прессе с качественными статьями по частным вопросам донской истории активно публиковался Н.И. Краснов) (Краснов, 1875; Краснов, 1881).

Любопытен сам факт включения А.А. Кирилловым в число попыток написать историю Войска Донского тома о Земле Войска Донского из «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба», написанных, как мы упоминали выше, Н.И. Красновым. Дело в том, что данное сочинение представляло собой достаточно стандартное для российской имперской историографии историко-статистическое описание края, в котором основное внимание уделялось современной статистике и географии (Кириллов, 1909: 20). Более позднюю работу этого жанра, описывающую территорию Донского Войска и написанную донским автором, – «Статистическое описание Области Войска Донского» С.Ф. Номикосова (Номикосов, 1884) – А.А. Кириллов в своем историографическом обзоре не упоминает вовсе. Да и Н.И. Краснова он критикует как раз за следование избранному жанру, за краткость собственно исторического описания, тут же оговариваясь, что географические и статистические разделы в разбираемой книге «несравненно лучше, капитальнее и подробнее» (Кириллов, 1909: 20). Вероятно, подобное внимание к работе Н.И. Краснова, изначально не предназначенной служить полноценной историей донского казачества, объясняется тем, что именно в рамках этой работы впервые было опубликовано хотя и краткое, но исторически достоверное систематическое описание истории Донского Войска («Историческое описание Земли Войска Донского» на момент издания книги Н.И. Краснова еще оставалось в рукописи).

Что касается упомянутого выше В.М. Пудавова (казачьего полковника, на досуге занимавшегося историческими и философскими исследованиями), то А.А. Кириллов критикует его за желание «пооригинальничать», не давая общей оценки творчеству этого исследователя (Кириллов, 1909: 21). Действительно, нарратив В.М. Пудавова абсолютно оригинален: он в своем творчестве пытался произвести переворот в российской историографии, желая создать «историческую критику, согласную с преданием» (в противовес существующей исторической критике, основанной на рациональном мышлении) (Пудавов, 1890: 91). Творчество этого донского автора заслуживает отдельного исследования, поскольку его работы в принципе не укладываются в классическую модель национально-государственной истории: он пытался написать историю русского мира (термин, действительно использовавшийся В.М. Пудавовым), духовные ценности и идеалы которого, ярче всего выраженные в казачестве и противостоящие западным ценностям и идеалам, восходили к скифским временам (Пудавов, 1890: 87-91).

Наконец, последней попыткой создать полноценную историю донского казачества А.А. Кириллов считал «Трехсотлетие Войска Донского» секретаря Донского статистического комитета А.М. Савельева, сборник исторических очерков, изданный к юбилею (Кириллов, 1909: 21). Этот сборник, представляющий собой компиляцию фактов из собранных предыдущими исследователями исторических актов и изданной литературы, снова можно однозначно отнести к модели местной истории, предлагаемой С.И. Маловичко и С.Ф. Румянцевой, подобно тем текстам, с которых начиналась донская историография. Впрочем, поскольку А.М. Савельев опирался на исследования В.Д. Сухорукова, маргинальные теории о древнем происхождении казачества его не привлекали.

Итак, в предложенном А.А. Кирилловым своеобразном каноне основных попыток написать историю донского казачества – восемь работ (две – генералов русской регулярной армии, шесть – донских историков-любителей, и ни одной, созданной профессиональным историком). Четыре работы (тексты А.И. Ригельмана, А.Г. Попова, В.Б. Броневского и А.М. Савельева) могут быть отнесены к модели местной истории, хотя и с некоторыми оговорками: в частности, в них описывается не история места, а история общины донских казаков. Однако как раз эти работы оценивались донской историографической традицией, а вслед за ней и А.А. Кирилловым достаточно низко. Текст Н.И. Краснова попал в список попыток написать историю донского казачества случайно, по ситуационным причинам, а в действительности он представлял собой качественную реализацию типичной для российской имперской историографии модели историко-статистического описания, с акцентом вообще не на историю, а на статистику и географию. Две работы, оцененные А.А. Кирилловым выше всего (тексты В.Д. Сухорукова и М.Х. Сенюткина), демонстрировали явную близость к современной им профессиональной науке: В.Д. Сухоруков в 1820 г. прямо ориентировался на нарратив Н.М. Карамзина, а М.Х. Сенюткин в 1850 г. вообще вместо любительской истории Войска Донского написал две достаточно качественные исторические статьи, приемлемые для столичной прессы. И наконец, исследование В.Д. Пудавова настолько своеобразно,

что не укладывается даже в характерную для XIX в. классическую модель национально-государственной истории, пытаясь предложить вместо нее свою.

Рассмотренные тексты позволяют нам сделать вывод о том, что историописательские практики местной истории донских историков-любителей явно не устраивали, прежде всего по той причине, что на Дону отказывались считать историю казачества нижним уровнем национальной истории России. С точки зрения местных исследователей, история Войска Донского была очень важна и должна была изучаться не любителями, а лучшими профессионалами, с использованием наисовременнейших методов исторической науки. Однако сами перейти на профессиональный уровень историописания донские авторы были не готовы как по объективным причинам (отсутствие в области Войска Донского университета, поголовная военная/чиновная служба образованных казаков), так и по субъективным (нарративы профессиональных историков не устраивали донское общество недостаточной героизацией казаков). В результате новые попытки написать полноценную историю Донского Войска постепенно сходят на нет: последние по времени создания работы в списке А.А. Кириллова относятся к 1860 гг. (тексты Н.И. Краснова и А.М. Савельева). Зато в 1850–1900 гг. на Дону регулярно выходят тексты, в которых даются советы о том, как следует писать гипотетическую будущую историю Войска Донского (помимо работ А.А. Леонова, М.Х. Сенюткина, А.А. Кириллова и А.А. Карасева, на которые мы ссылались выше, статью о своих взглядах на «правильную» историю донского казачества написал даже Е.П. Савельев, сторонник фантастических теорий о древнем происхождении казаков) (Савельев, 1908).

И, таким образом, в 1870–1900 гг. донские дореволюционные историки-любители существовали в крайне специфической, и притом дискомфортной ситуации. Их исследования (А.А. Кириллов выделял сбор и публикацию исторических документов, работы по церковной истории, открытие музея и т. д.) (Кириллов, 1909: 21–31) представлялись самим авторам недостаточно важными, в лучшем случае подготовительными, способными стать материалом для грядущей гипотетической «настоящей» истории донского казачества, но не ведущими прямо к созданию этой истории. В подобных условиях, возможно, их модель историописания действительно приближалась к местной истории. Однако переход к этой модели носил вынужденный характер. Судя по всему, к 1870 г. донские авторы осознали, что им не под силу написать такой труд, какого они хотят, труд, принципиально важный не только для донской, но и для российской имперской историографии. И в этой ситуации разумной стратегией представлялась как раз концентрация на частных исследованиях, посильных историку-любителю, однако полезных для будущего профессионального автора истории Войска Донского.

5. Заключение

Итак, мы можем сделать предварительный вывод о том, что в первую очередь определяло своеобразие донской дореволюционной историографии. Как минимум с 1820 гг., когда появилось ставшее образцовым «Историческое описание Земли Войска Донского» В.Д. Сухорукова, содержавшее «представление о Войске Донском как о свободном сообществе, принципиально отличавшемся от несвободной внутренней России», сама донская история начала трактоваться местными авторами двояко: одновременно и как часть истории России, и как некое самостоятельное целое, нуждающееся в собственном систематическом описании и при этом значимое для широкого круга лиц, а не только казаков. Сами донские историки-любители не могли четко сформулировать, что представляет собой это целое: они использовали формулировки «отдельная масса русского народа», «корпорация», «община» и т. д. Соответственно, с точки зрения донских историков-любителей, написание значимых текстов по донской истории было выше их уровня и к нему нужно было привлечь историков-профессионалов. В текстах донских авторов даже содержатся прямые предсказания о том, что будущая гипотетическая история Войска Донского станет важным явлением в российской науке.

Однако профессиональные историки России, с точки зрения донской образованной публики, были недостаточно квалифицированы именно в области истории казачества. Таким образом, не исключаясь из истории России как государства, история донского казачества де-факто исключалась из предметного поля русской истории как науки. В итоге возникали две параллельные историографии – историография России и историография Войска Донского, со своими классиками, методами и традициями. Как нам представляется, логическим завершением этой тенденции было бы постепенное полное разграничение российской и донской историй, формальное выделение последней в отдельную предметную область, как произошло с историей Украины и Беларуси.

Однако до начала XX в., когда возник казачий национализм (как нам представляется, во многом подготовленный подобной историографической ситуацией), донские историки, в отличие от украинских, не мыслили себя вне истории России. Как мы показали выше, А.А. Леонов критиковал самого Н.М. Карамзина за то, что тот считал, будто бы у казаков когда-то была своя воинственная республика. Все разобранные А.А. Кирилловым попытки написать донскую историю также предполагали создание истории корпорации, Донского Войска, или территории Земли Войска Донского, но никак не отдельной нации или государства. И в результате творчество донских

историков-любителей все больше приобретало черты своеобразной неудовлетворенности, недовольства написанным, крайне специфической ситуации, когда авторитетнейшие местные авторы публиковали разного рода сочинения о необходимости написания новой истории донского казачества, соответствующей требованиям современной науки, но после 1870 г. ни один местный историк-любитель не сел писать подобный текст, включая даже Х.И. Попова, которого современники считали вторым по значению донским историком после В.Д. Сухорукова (в этой связи интересно отметить, что подобный статус Х.И. Попову принесло создание Донского музея, который, как считал А.А. Кириллов, имел наибольшее значение из всех проектов донских историков-любителей для сохранения памятников казачьей старины, в том числе и архивных, для тех времен, когда наконец начнется написание гипотетической «Истории о Донских казаках» ((Кириллов, 1909: 30).

Таким образом, донская дореволюционная историография заняла промежуточное положение между местной историей и национальной историографией народа, входившего в состав империи. В ней причудливо сочетались полностью любительский характер и определенная автономия от имперской историографии, непонимание методов современной исторической науки и огромное желание уровню этой науки соответствовать. И все это дополняли черты определенной нестабильности: местные историки существовали в режиме недовольства, мечтая получить некий «правильный» нарратив, «настоящую» историю донского казачества, которая в итоге так и не была написана.

Литература

- Агафонов, 2001 – Агафонов А.И. История Донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение). Ростов-на-Дону, 2001. 384 с.
- Артинский, 1907 – Артинский И.П. Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск, 1907. 469 с.
- Волвенко, 2006 – Волвенко А.А. Как донским казакам историю хотели написать... Официальный заказ, историк и местная администрация (1902–1912 гг.) / Историческое сознание и власть в зеркале России XX века. СПб., 2006. С. 115-125.
- Донцы..., 2003 – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- Камозин, 2006 – Камозин Э.Э. Неопубликованные исторические заметки Х.И. Попова и развитие донской региональной исторической науки второй половины XIX – начала XX века // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2006. № 2. С. 33-36.
- Карасев, 1898 – Карасев А.А. История донской истории // *Русский Архив*. 1898. Кн. 12. С. 593-599.
- Кириллов, 1909 – Кириллов А.А. Краткое обозрение истории о донских казаках. Новочеркасск, 1909. 41 с.
- Коршиков, Королев, 2001 – Коршиков Н.С., Королев В.Н. Историк Дона В.Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» / Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001. С. 7-18.
- Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
- Краснов, 1875 – Краснов Н.И. Алексей Васильевич Иловайский, атаман Войска Донского // *Русская старина*. 1875. Т. XII. С. 701-718.
- Краснов, 1881 – Краснов Н.И. Исторические очерки Дона. Борьба Чернышева с войсковыми атаманами // *Русская речь*. 1881. № 8. С. 32-64.
- Линин, 1941 – Линин А.М. Историк Войска Донского В.Д. Сухоруков и А.С. Пушкин / А.С. Пушкин на Дону. Ростов-на-Дону, 1941. С. 94-152.
- Маловичко, Румянцева, 2012a – Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Терминологические проблемы изучения истории локуса // *Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания*. Ижевск, 2012. С. 3-10.
- Маловичко, Румянцева, 2012b – Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История локуса в классической, неклассической и постнеклассической моделях исторической науки // *Региональна історія України*. Київ, 2012. Вип. 6. С. 9-22.
- Мининков, 2010 – Мининков Н.А. Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века / Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 266-285.
- Мининков, 2016 – Мининков Н.А. Исследователи Дона Иван Васильевич Тимощенко и Федор Калинич Траилин. Ростов-на-Дону, 2016. 164 с.
- Мининков, 2018 – Мининков Н.А. Научная школа источниковедения, методологии истории и специальных исторических дисциплин А.П. Пронштейна в ИИМО ЮФУ // *Новое прошлое / The New Past*. 2018. № 1. С. 98-119.
- Номикосов, 1884 – Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.
- Попов, 1814 – Попов А.П. История о Донском войске. Харьков, 1814. 198 с.
- Пудапов, 1890 – Пудапов В.М. История войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890. 328 с.

- Савельев, 1908** – Савельев Е.П. Как нужно писать историю вообще, а донского казачества в частности // *Донские областные ведомости*. 1908. № 219. С. 3-4.
- Сенюткин, 1854** – Сенюткин М.Х. Военные действия донцов против крымского хана Девлет-Гирея и самозванца Пугачева // *Современник*. 1854. Т. XLVI. С. 43-131.
- Сенюткин, 1860** – Сенюткин М.Х. Военные действия донцов против ногайских татар в 1777–1783 гг. // *Военный сборник*. 1860. № 8. С. 345-390.
- Сенюткин, 1866** – Сенюткин М.Х. Донцы. Ч. 2. М., 1866. 282 с.
- Стегленко, 2015** – Стегленко Е.В. Культура северокавказских сообществ в характеристиках донского историка Е.П. Савельева // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 11. С. 148-151.
- Стегленко, 2016** – Стегленко Е.В. Е.П. Савельев о взаимоотношениях русских властей и войска донского и инкорпорации казачества в состав России // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2016. № 1 (189). С. 66-69.
- Сухоруков, 1867** – Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Т. I. Новочеркасск, 1867. 324 с.
- Сухоруков, 1903** – Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903. 471 с.
- Хлыстов, 1962** – Хлыстов И.П. Дон в эпоху капитализма. 60-е – середина 90-х годов XIX в. Ростов-на-Дону, 1962. 331 с.
- Щербина, 1910** – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. I. Екатеринодар, 1910. 734 с.
- Юрченко, 2013** – Юрченко И.Ю. История изучения казачества в отечественной и эмигрантской историографии XV–XX столетий: Историография казачества. Кн. 1. М., 2013. 455 с.

References

- Agafonov, 2001** – Agafonov, A.I. (2001). *Istoriya Donskogo kraya (XVI – pervaya polovina XIX v. Istoricheskie istochniki i ikh izuchenie)* [History of the Don region (XVI – first half of the XIX century. Historical sources and their study)]. Rostov-on-Don. P. 384. [in Russian]
- Artinskii, 1907** – Artinskii, I.P. (1907). *Ocherk istorii Novoчеркасской voiskovoi gimnazii* [Essay about the history of the Novoчеркасс regional gymnasium]. Novoчеркасс. P. 469. [in Russian]
- Doncy..., 2003** – Doncy XIX veka [Don people of the nineteenth century]. Rostov-on-Don, 2003. P. 599. [in Russian]
- Kamozin, 2006** – Kamozin, E.E. (2006). *Neopublikovannye istoricheskie zametki Kh.I. Popova i razvitie donskoi regional'noi istoricheskoi nauki vtoroi poloviny XIX - nachala XX veka* [Unpublished historical notes of H. I. Popov and the development of the Don regional historical science of the second half of XIX-beginning of XX century]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 2: 33-36. [in Russian]
- Karasev, 1898** – Karasev, A.A. (1898). *Istoriya donskoi istorii* [History of Don History]. *Russkii arkhiv*. 12: 593-599. [in Russian]
- Khlystov, 1962** – Khlystov, I.P. (1962). *Don v epokhu kapitalizma. 60-e - seredina 90-kh godov XIX v.* [Don in the era of capitalism. 60s – mid 90s of the XIX century]. Rostov-on-Don. P. 331. [in Russian]
- Kirillov, 1909** – Kirillov, A.A. (1909). *Kratkoe obozrenie istorii o donskikh kazakakh* [Brief review of the history of the Don Cossacks]. Novoчеркасс. P. 41. [in Russian]
- Korshikov, Korolev, 2001** – Korshikov, N.S., Korolev, V.N. (2001). *Istoriik Dona V.D. Sukhorukov i ego «Istoricheskoe opisaniye Zemli Voiska Donskogo»* [Historian of the Don V.D. Sukhorukov and his "Historical description of the Don Host Oblast"]. Sukhorukov V.D. *Historical description of the Don Host Oblast*. Rostov-on-Don, 2001. Pp. 7-18 [in Russian].
- Krasnov, 1863** – Krasnov, N.I. (1863). *Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo* [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. P. 596. [in Russian]
- Krasnov, 1875** – Krasnov, N.I. (1875). *Aleksei Vasil'evich Ilovaiskii, ataman Voiska Donskogo* [Alexei Vasilievich Ilovaisky, ataman of the Don Cossacks]. *Russkaya starina*. XII: 701-718. [in Russian]
- Krasnov, 1881** – Krasnov, N.I. (1881). *Istoricheskie ocherki Dona. Bor'ba Chernysheva s voiskovymi atamanami* [Historical essays about the Don. Chernyshev's struggle with regional atamans]. *Russkaya rech'*. 8: 32-64. [in Russian]
- Linin, 1941** – Linin, A.M. (1941). *Istoriik Voiska Donskogo V.D. Sukhorukov i A.S. Pushkin* [Historian of the Don Army V.D. Sukhorukov and A.S. Pushkin]. A.S. Pushkin na Donu. Rostov-on-Don. Pp. 94-152. [in Russian]
- Malovichko, Rummyantseva 2012a** – Malovichko, S.I., Rummyantseva, M.F. (2012). *Terminologicheskie problemy izucheniya istorii lokusa* [Terminological problems of studying of the history of the locus]. *Regional'naya istoriya, lokal'naya istoriya, istoricheskoe kraevedenie v predmetnykh polyakh sovremennogo istoricheskogo znaniya*. Izhevsk. Pp. 3-10. [in Russian]

[Malovichko, Rumyantseva 2012b](#) – Malovichko, S.I., Rumyantseva, M.F. (2012). Istoriya lokusa v klassicheskoi, neklassicheskoi i postneklassicheskoi modelyakh istoricheskoi nauki [The history of the locus in the classical, non-classical and post-non-classical models of historical science]. *Regional'na istoriya Ukraini*. Kyiv. 6: 9-22. [in Russian]

[Mininkov, 2010](#) – *Mininkov, N.A.* (2010). Praktiki istoriopisaniya i zarozhdenie istoricheskoi nauki v kul'ture Dona pervoi poloviny XIX veka [The practice of historiography and the emergence of historical science in the culture of the Don of the first half of the XIX century]. *Terminologiya istoricheskoi nauki. Istoriopisanie*. M. Pp. 266-285. [in Russian]

[Mininkov, 2018](#) – *Mininkov, N.A.* (2018). Nauchnaya shkola istochnikovedeniya, metodologii istorii i spetsial'nykh istoricheskikh distsiplin A.P. Pronshteina v IIMO YuFU [Scientific School of Source Study, Methodology of History and Special Historical Disciplines of A.P. Pronshtein in IHIR SFedU]. *Novoe proshloe/The New Past*. 1: 98-119. [in Russian]

[Miniskov, 2016](#) – *Mininkov, N.A.* (2016). Issledovateli Dona Ivan Vasil'evich Timoshchenkov i Fedor Kalinich Trailin [Researchers of Don region Ivan Vasilievich Timoshchenkov and Fedor Kalinich Trailin]. Rostov-on-Don. P. 164. [in Russian]

[Nomikosov, 1884](#) – *Nomikosov, S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Voiska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novocherkassk. P. 774. [in Russian]

[Popov, 1814](#) – *Popov, A.P.* (1814). Istoriya o Donskom voiske [History about the Don Host]. Kharkov. P. 198. [in Russian]

[Pudavov, 1890](#) – *Pudavov, V.M.* (1890). Istoriya voiska Donskogo i starobytnost' nachal kazachestva [The history of the Don Host and the antiquity of the basis of the Cossacks]. Novocherkassk. P. 328. [in Russian]

[Savel'ev, 1908](#) – *Savel'ev, E.P.* (1908). Kak nuzhno pisat' istoriyu voobshche, a donskogo kazachestva v chastnosti [How to write history in general, and the Don Cossacks in particular]. *Donskie oblastnye vedomosti*. 219: 3-4. [in Russian]

[Senyutkin, 1854](#) – *Senyutkin, M.Kh.* (1854). Voennye deistviya dontsov protiv krymskogo khana Devlet-Gireya i samozvantsa Pugacheva [Military actions of the Don people against the Crimean Khan Devlet-Girey and the impostor Pugachev]. *Sovremennik*. XLVI: 43-131. [in Russian]

[Senyutkin, 1860](#) – *Senyutkin, M.Kh.* (1860). Voennye deistviya dontsov protiv nogaiskikh tatar v 1777–1783 gg. [Military operations of the Don people against the Nogai Tatars in 1777–1783]. *Voennyi sbornik*. 8: 345-390. [in Russian]

[Senyutkin, 1866](#) – *Senyutkin, M.Kh.* (1866). Dontsy [Don people]. Vol. 2. M. P. 282. [in Russian]

[Shcherbina, 1910](#) – *Shcherbina, F.A.* (1910). Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [History of the Kuban Cossack Host]. Vol. I. Ekaterinodar. P. 734. [in Russian]

[Steglenko, 2015](#) – *Steglenko, E.V.* (2015). Kul'tura severokavkazskikh soobshchestv v kharakteristikakh donskogo istorika E.P. Savel'eva [The culture of North Caucasian communities in description of a Don historian E.P. Savelyev]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 11: 148-151. [in Russian]

[Steglenko, 2016](#) – *Steglenko, E.V.* (2016). E.P. Savel'ev o vzaimootnosheniyakh russkikh vlastei i voiska donskogo i inkorporatsii kazachestva v sostav Rossii [E.P. Savelyev about the relationship between the Russian authorities and the Don Hosts and the incorporation of the Cossacks into Russia]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 1(189): 66-69. [in Russian]

[Sukhorukov, 1867](#) – *Sukhorukov, V.D.* (1867). Istoricheskoe opisanie zemli Voiska Donskogo [Historical description of the land of the Don Host Oblast]. Vol. I. Novocherkassk. P. 324. [in Russian]

[Sukhorukov, 1903](#) – *Sukhorukov, V.D.* (1903). Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo [Historical description of the land of the Don Host Oblast]. Novocherkassk. P. 471. [in Russian]

[Volvenko, 2006](#) – *Volvenko, A.A.* (2006). Kak donskim kazakam istoriyu khoteli napisat'... Ofitsial'nyi zakaz, istorik i mestnaya administratsiya (1902–1912 gg.) [As for the Don Cossacks, history was written ... Official order, historian and local administration (1902–1912)]. *Istoricheskoe soznanie i vlast' v zerkale Rossii XX veka*. SPb. Pp. 115-125. [in Russian]

[Yurchenko, 2013](#) – *Yurchenko, I.Yu.* (2013). Istoriya izucheniya kazachestva v otechestvennoi i emigrantskoi istoriografii XV–XX stoletii: Istoriografiya kazachestva [The history of the study of the Cossacks in national and emigrant historiography of the XV–XX centuries: historiography of the cossacks]. Kn. 1. M. P. 455. [in Russian]

Между местной и национальной историей: анализ специфики донской дореволюционной историографии

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики донской дореволюционной историографии на основании концепций Н.А. Мининкова (впервые отнесшего труды донских дореволюционных авторов к историописанию, а не к исторической науке), С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцевой (введших специальный термин «местная история» для определения трудов историков-любителей XIX в. о родном крае). В качестве объекта анализа избран труд крупнейшего донского дореволюционного историка-любителя А.А. Кириллова «Краткое обозрение истории о донских казаках», в котором даются оценки различных текстов по истории Войска Донского, поскольку именно данный текст, написанный в 1909 г., во многом систематизирует и подводит итог рефлексиям донских дореволюционных авторов об исторической науке.

Автор показывает, что недостижимой целью для А.А. Кириллова и целого ряда его предшественников (А.А. Леонов, А.А. Карасев, М.Х. Сениюткин и др.) была книга, в которой систематически и последовательно описывалась бы история донского казачества. Донские авторы достаточно ясно описывали эту книгу, чтобы мы могли сказать, что она не могла быть однозначно отнесена к местной истории (история донского казачества должна была рассматриваться как самостоятельный феномен, научный уровень книги должен был соответствовать практикам современных историков, а компетенции историков России считались недостаточными для написания исследования о донских казаках). Однако и идея трактовки истории казачества как отдельной национальной истории категорически отвергалась, осуждались даже случаи уподобления раннего Донского Войска независимой республике со стороны профессиональных русских историков. В итоге донская историография заняла промежуточное положение между местной историей и национальной историографией народа, входившего в состав империи.

Ключевые слова: историография, местная история, национальная история, донское казачество, историки-любители, историописание.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1177-1188
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1177

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Idea of Life/Death in the Axiosphere of the Ancient Nomads of the Altai

Svetlana Ya. Shchebrova ^{a, *}

^aA.I. Herzen Russian State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The transition to nomadic animal husbandry, associated with the development of horse riding, began in Eurasia in the 1st millennium B.C. This led not only to economic, cultural and socio-political ties between the nomads of Eurasia and the peoples of the Ancient East, Eastern Mediterranean, Near and Middle Asia, but also to the need to protect cattle as “easily alienated wealth” (F. Engels). As a result, a complex technology of nomadic economy was developed, the value of which was represented by the art of the “animal style” – a special sign system expressing the ideology of the nomads. The sign system is most fully preserved in the barrows of the Pazyryk culture: the “royal” barrows of Tuekta, Bashadar and Pazyryk, the elite barrows of the Ukok and the barrows of ordinary nomads of Sailugem, Ulandryk and Yustyd. Since the funerary ritual on a symbolic level ensures subsequent rebirth, it is relevant to investigate the archaeological sources of the Altai Mountains as a text embodying socially significant information. The ensemble of signifying means located on the surface of the artefacts, connected with the whole sphere of nomadic activity, is represented by such concepts as “mound”, “sarcophagus deck”, “weapon”, “costume”, “body tattoo”, “horse harness”. In accordance with the accumulated experience of social interaction in the axiosphere of the Pazyryk culture two basic semantic systems were formed: “life” and “death”, on the basis of which a man understood the possibilities of his activity in the system of nomadic society. The theme of life and death emerged from observations of natural and climatic conditions, where destruction, extinction is a benign state after which the cycle of life is renewed. In the course of semiotic analysis of the system of status marking of a rider, his weapons and horse, referred to as the Scythian “animal style”, a relationship with the key concept in all Indo-European and Indo-Iranian ritualism “farn” was determined. This notion symbolises military fortune, share, destiny and is the value-motivational core of the Pazyryk culture.

Keywords: axiosphere, Mountain Altai, Pazyryk culture, animal style, life, death, ethnosophy.

1. Введение

К.-Г. Юнг считал культурные символы важными составляющими нашего ментального устройства и рассматривал их как жизненные силы в построении человеческого образа (Юнг, 2018: 96). В I тыс. до н.э. оригинальная знаковая система возникла на просторах Евразии, когда обитавшие здесь народы перешли к кочевому скотоводству. Положительной стороной этого типа хозяйства стали новые хозяйственные технологии, превратившие кочевое скотоводство в основу жизнедеятельности; отрицательной – гибель соплеменников при защите скота от грабительских уюнов.

Анализ курганных материалов скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии показал, что «война и военная организация общества получили широкое развитие в жизни ранних кочевников» (Грач, 1975: 158-182). В I тыс. до н.э. без вооруженной охраны скота кочевое общество не могло выжить, поэтому освоение военного дела стало насущной необходимостью, как и универсальная эстетизация всей предметной среды (Каган, 2003: 175-176). Изображениями в «зверином стиле» были декорированы все вещи кочевников, прежде всего воинские костюмы,

* Corresponding author

E-mail addresses: svetlanaschebrova@herzen.spb.ru (S.Ya. Shchebrova)

оружие, конские сбруи. Эта специфическая образная система, именуемая «скифской триадой», наиболее полно сохранилась в пазырыкской культуре (VI–II вв. до н.э., Горный Алтай).

Сюжеты и образы искусства «звериного стиля» актуальны для исследования, поскольку составляют основу культуры Евразии. Цель статьи заключается в изучении искусства «звериного стиля» как семиотической системы, воплотившей представления о жизни и смерти древних кочевников Алтая. Достижению цели способствует решение следующих задач:

- выявить особенности представлений о структуре мира в пространственном размещении и архитектурном устройстве курганов;
- исследовать погребальный ритуал как текст пазырыкской культуры;
- изучить сюжеты искусства «звериного стиля», иллюстрирующие завершение жизненного цикла;
- определить влияние культуры древних кочевников Алтая на менталитет народов нашей страны.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют опубликованные материалы археологических раскопок «царских» курганов Туэкта-1, Туэкта-2, Башадар-1, Башадар-2 (Руденко, 1960), Пазырык-1, Пазырык-2, Пазырык-3, Пазырык-4, Пазырык-5 (Руденко, 1953), элитных курганов Укока №№ 1–2 могильника Ак-Алаха–1, кургана № 1 могильника Ак-Алаха–3, кургана Кутургунтас, а также рядовых курганов № 1–5 могильника Ак-Алаха–5 (Полосьмак, 2001). Артефакты из курганов знати при сравнении с артефактами из рядовых курганов Сайлюгема, Уландрыка и Юстыда (Кубарев, 1992; Кубарев, 1987; Кубарев, 1991) отличаются только богатством материала: это шелк, соболь, горностаи и большее количество золотой фольги. Для мужчин, женщин и детей покроей одежды был одинаков; различны были только размеры и комплекс нашивавшихся на одежду и головные уборы изображений. Такой комплекс составляет суть статусной трансформации одежды в костюм, дававший важную в условиях военно-кочевого быта видимую предварительную внешнюю характеристику человека (Полосьмак, 1994: 42). Наличие в погребениях одинаковых по форме вещей из кожи, шерсти и войлока, копирование сюжетов и образов звериного стиля, в том числе на детских костюмах из рядовых захоронений, означает, что идеи кочевой элиты были восприняты всем обществом.

Методологической базой настоящей работы является системный подход, согласно которому артефакты пазырыкской культуры рассматриваются в целостном единстве всех компонентов материальной, духовной и художественной культуры. С позиций герменевтического подхода пазырыкское искусство изучено как «текст», развивавшийся в соответствии с социальными запросами общества древних кочевников Алтая. Метод семиотического анализа использован для выявления знаково-символического словаря пазырыкской культуры, определения круга автохтонных и заимствованных образов (кодов), с помощью которого формировались артефактные концепты и задавались символические параметры универсалий, мотивировавших поведение человека. Этнософский метод применен для выявления мифологем и кодирующих программ, а также осмысления картины мира кочевников.

3. Обсуждение

Краткая, но исчерпывающая характеристика работ, опубликованных по этнософии, осуществлена А.В. Малиновым. Он определил, что термин «этнософия», предложенный еще в 1926 г. основоположником евразийства С.Н. Трубецким, развит в зарубежных трудах М. Херсковицем, а в современных российских – В.Р. Арсеньевым, М.Н. Эпштейном, В.В. Ванчуговым и др. (Малинов, 2013: 155–162). Для этнософии, исследующей развитие различных сторон культур, открыто широкое поле исследования пазырыкской культуры.

Несмотря на то, что в XIX в. методика археологических раскопок только начинала разрабатываться, первые археологи определяли культуру кочевников Алтая как воинскую.

Находки оружия (наконечники от стрел) считал важнейшим признаком воинских погребений археолог-любитель Г.И. Спасский, работавший на Алтае в первой половине XIX в. (Спасский, 1817: 14). К особенностям древней культуры Алтая он относил курганы, деревянные срубы из лиственниц, монументы с антропоморфными и зооморфными изображениями. В процессе изучения петроглифов Спасский сделал вывод о единстве культуры древних скотоводов Алтая и Саянских степей, о кочевом образе жизни их создателей (Спасский, 1857: 156).

Первые научные археологические раскопки в горах Алтая во второй половине XIX века проводились востоковедом-тюркологом В.В. Радловым. Под его руководством на протяжении 1863–1869 гг. было раскопано около 150 курганов с целью выявления особенностей погребального обряда. В Горном Алтае в 1865 г. Радлов вел раскопки Большого Катандинского кургана и Большого Берельского кургана (теперь относящегося к Восточному Казахстану). Радлов первым обратил внимание на курганную мерзлоту, способствовавшую сохранению вещей из органических материалов: шелка, шерсти, кожи, войлока, бересты, рога, дерева. В результате анализа материалов раскопок Радлов определил типологические черты культуры древних скотоводов Алтая (в XX в.

получившей название пазырыкская): курганы с каменной наброской, погребения лошадей в северной части кургана, погребальные срубы, накрытые берестяными полотнищами, колоды из лиственницы, оружие, изображения животных и птиц. На основании находок оружия в курганах он предположил воинственность типичной чертой культуры населения степных районов Евразии и Алтая в I тыс. до н.э. (Радлов, 1894: 186-188; Радлов, 1989: 198, 204). Характеристика культуры древних скотоводов Алтая, сделанная Радловым, сохраняет актуальность и в наши дни.

В XX в. на основе обширных археологических исследований был подтвержден военный характер пазырыкской культуры. Поскольку формат статьи не предполагает перечисление всех трудов на эту тему, ограничимся характеристикой основных групп научных работ и наиболее информативных исследований.

В первую группу включим труды, посвященные выявлению роли древних кочевников Алтая в системе военно-кочевого мира Евразии и военного дела Южной Сибири I тыс. до н.э. (Грач, 1975; Гуляев, 2005; Кляшторный, Савинов, 2005; Борисенко, Худяков, 2003: 22-24).

Работы, посвященные исследованию военной культуры древних кочевников Алтая, составляют вторую группу. Поскольку их количество достаточно обширно, выделим внутри этой группы следующие смысловые подгруппы:

- изучение вооружения древних кочевников Алтая (Горбунов, 1998: 47-55; Кубарев, 1981: 29-54);
- характеристика военного дела кочевого общества Алтая (Дашковский, 2005; Кочеев, 1990: 105-118);
- исследования воинского погребального обряда (Ю.Ф. Кирюшин, 2003; Шульга, 2003: 191-194);
- работы, посвященные изучению воинского костюма (Добжанский, 1990; Полосьмак, Баркова, 2005);
- работы, выявляющие эстетизацию воинской доблести в искусстве и героическом эпосе (Переводчикова, 1994; Суразаков, 1987: 53-59). Культурологическое осмысление уникальных артефактов, сохранившихся в «царских» Башадарских, Туэктинских, Пазырыкских курганах, элитных Укокских и рядовых курганах Сайлюгема, Юстыда и Уландрыка, позволило определить тип культуры древних кочевников Алтая как военно-кочевой. Его особенностью была ориентация на войну как специфический порядок мироустройства.

4. Результаты

Война не обходится без смертей, но именно отношение к смерти «является индикатором характера цивилизации, ее мировоззрения» (Гуревич, 1992: 5-6). Взаимосвязь между доминирующими в данном обществе установками в отношении к смерти и самосознанием личности, типичной для данного общества, объясняется тем, что желания и грезы, исходящие из глубины существа человека, выражаются в определенной системе знаков, отбираемых каждой эпохой в соответствии с тенденциями коллективного поведения (Арьес, 1992: 112). Для древних кочевников Алтая смерть была оборотной стороной жизни, поэтому не случайно погребальный обряд мог восприниматься как обмен между миром живых и миром мертвых, происходящий во время обрядов инициации или в сакральных местах, где «кипела» жизнь (Кетова, 2001: 34-36). Такими сакральными местами для горноалтайских кочевников были курганы и сооружаемые рядом с местом погребения восьмикаменные кольцевые выкладки, каменные насыпи овальной формы, балбалы и кенотафы (Илюшин, 1989: 79-81). Близкое расположение могил предков к территории кочевья могло означать, что сакральные места воспринимались как место перехода из мира живых в мир мертвых. Подобное «пересечение» в пространстве «мира живых» и «мира мертвых» соответствовало древним поверьям, что ушедшие в иной мир охраняют территорию рода и способствуют рождающей силе земли (Рязанцев, 1994: 134).

Курганы кочевники возводили на возвышенностях и горных плато рядом с рекой и территорией родового кочевья. Размещение курганных полей рядом с водой могло быть связано с представлениями о фарне – особой сущности Вселенной, наделяющей мир божественной энергией. Она может восприниматься как «свет», «солнце», «слава», «благо», «добрый дух» и т.д. (Мифы..., 1988: 557). Символику и сущность фарна на материале осетинской свадебной обрядности изучал в XIX в. В.Ф. Миллер (Миллер, 1886: 232-283). В XX в. Б.А. Литвинский определил цепочку инкарнаций фарна – от космического огня до орнитоморфных, зооморфных и антропоморфных образов, включая коня и воина-всадника, а также зафиксировал поверье, что душа отлетает в образе хищной птицы (Литвинский, 1968: 70). Многозначное понятие «фарн» В.Ю. Михайлин связывает прежде всего с представлениями о воинской удаче, доле, судьбе (Михайлин, 2005: 28).

Широко представлены образы фарна в пазырыкской культуре (Щеброва, 2019: 181-198). Например, в Большом Катандинском кургане, сооруженном для воина-вождя, были обнаружены Радловым деревянные фигурки двух лошадок с золотыми полосками на копытах, причем одна лошадка увенчана птичьей головой с резко изогнутым клювом. Позолоченные копыта явно «указывают» на небесную сущность лошадок, особенно птичья голова лошадки-фарна, уносящего душу в заоблачные выси. В этом же кургане есть чашеобразный предмет, на дне которого изображены переплетенные друг с другом туловища вытянутых тигров с птичьими головами на кончиках хвостов

(Гаврилов, 2013). Стилизованные или реалистические головы хищных птиц, «прорастающие» из рогов или хвостов зверей, явно символизируют фарн – переносчика души в иной мир.

Не менее интересны прикрепленные на четырех углах колоды-саркофага из Большого Берельского кургана бронзовые хищные птицы с рогом, большими ушами копытного животного и лошадиными глазами. Если учесть, что в алтайском шаманизме так представляли доброго духа Суилу – беркута с лошадиными глазами (Сорокин, 1978: 184-185), то в погребальной обрядности пазырыкской культуры это может означать только фарна.

Скрытый в глубине вод фарн является дарителем победы, неизбежности верховной власти, счастья, судьбы, сияющего сакрального начала, божественного огня и солнечного света (Мифы..., 1988: 557). С культом солнца связан культ огня, выявленный В.Д. Кубаревым на археологических материалах Алтая скифского времени. В ходе исследований поминальных выкладок курганов Юстыда ученым были обнаружены следы кострищ и обгоревшие кости жертвенных животных, а также могильные ямы с прокаленными огнем стенками и обугленными покрытиями срубов погребальных камер (Кубарев, 1991: 25).

Аналогом глади водной поверхности, отражающей солнечные лучи, является зеркало. В зависимости от статуса кочевника хоронили с бронзовым или серебряным зеркалом, как местной, так и китайской работы (Горбунов и др., 2019: 251). Сложная символика зеркала восходит к идее двойника – «зримого эха», воспринимаемая как дверь, через которую осуществляется переход в иной мир (Энциклопедия символов, 2002: 196). В обрядах перехода – и свадебном, и погребальном – зеркала несут особую семантическую нагрузку. В китайской культуре воин, идущий в сражение, или новобрачная, которую везли к ее супругу, помещали на своей груди зеркало, открытое Солнцу (Руденко, 1953: 145), что явно связано с желанием «уловить» удачу/счастье/фарн. В пазырыкских курганах зеркала либо перевернуты на груди покойных, либо спрятаны в специально сшитые чехлы, чтобы закрыть выход солнечному лучу-фарну. Эта традиция сохранения семейного фарна-хранителя, несмотря на забвение первоначального смысла, строго соблюдается в современной культуре: в доме, где есть покойник, обязательно завешиваются зеркала.

Наряду с зеркалом, в погребениях горноалтайских кочевников часто встречаются зеркально-симметричные композиции. Таковы кожаные аппликации в виде сдвоенных фигурок петухов на колоде-саркофаге из Первого Пазырыкского кургана. Деревянное украшение упряжи из Первого Туэктинского кургана вырезано в виде двух профильных фигурок грифонов, увенчанных одной головой анфас. С древности образ петуха в Китае символизировал удачную судьбу, а грифон в Древней Месопотамии считался хранителем золота (Тресиддер, 1999: 66), что также связано с представлениями о фарне. Зеркально-симметричные композиции могут символизировать одновременное присутствие этой неуловимой сущности на «этом» и «том» свете.

Выдающихся воинов-вождей, способствующих возвращению общества к нормальной жизни после смерти соплеменников (Акишев, 1981: 54-64), можно назвать носителями «фарна». В пазырыкской культуре был разработан ритуал подготовки воина-вождя к погребению, включавший расчленение его тела перед бальзамированием и извлечение мышц. Затем кости скреплялись, очищенная от внутренностей полость живота набивалась овечьей шерстью, конским волосом, корешками растений и травой, что в культуре скотоводческих народов означало магическое возобновление жизни, увеличение плодородия и богатства (Полосьмак, 2000: 70). Нарезанные на куски мышцы варились вместе с мясом жертвенных животных, а затем поедались всем племенем, чтобы получить частицу сверхъестественной силы этого человека (Руденко, 1953: 331). Так обеспечивалось возрождение жизни, черпающей силы в смерти, с ней связанной и смертью очищающейся (Шульга, 1999: 217-238). Ритуальный каннибализм трансформировался в христианстве в обряд причащения «телом и кровью Христовой», а также в обряд чудесного исцеления больных, прикоснувшихся к святым мощам, иконам, а в эпоху Средневековья – к правителю государства.

Одежды носителей фарна обильно украшались золотом. К сожалению, в Горном Алтае все царские курганы были ограблены, поэтому сложно определить конфигурацию золотых нашивок. Тем не менее все великолепие убранства воина-фарна можно представить на примере парного погребения, обнаруженного в 2000–2003 гг. в царском кургане Аржан-2 в Республике Тыва. Золотые бляшки в виде фигурок пантер были нашиты в форме языков пламени на женской и мужской куртках, сшитых из красной шерстяной ткани. О популярности символика огня-фарна можно судить по Второму Башадарскому кургану, где сохранились девятнадцать подвесок в виде языков пламени, прикрепленных к конскому седлу.

Особым манипуляциям подвергались кони, приносившиеся в жертву знатным покойным. Эти кони обряжались в парадные уборы со сложными головными наверхами, наглазниками и погребальными масками. Ударом чекана в голову коней убивали и укладывали в конский отсек, примыкавший к северной части погребальной камеры. Кроме жертвенных коней, символически влекущих «повозки смерти», статусным покойным полагались рубленые из листовенницы колоды-саркофаги, напоминающие огромных рыб, в чреве которых умерший «уплывал» в потусторонний мир (Савинов, 1995: 6-8). Рядом помещали зооморфные символы фарна: художественно

оформленные фигурки барана, козла, вепря, коня, «охранявших» умершего и «помогавших» ему в загробной жизни.

Само же превращение живого тела в мертвое можно видеть в искусстве «звериного стиля», зафиксировавшем три стадии перехода в иной мир задолго до появления современной биоэтики, поставившей вопрос о критериях определения момента смерти.

Доктор Елизавета Кюблер-Росс (Чикаго, США), создавшая школу в области науки, изучающей смерть, описывала пять стадий умирания человека (которые не всегда идут строго одна за другой): отрицание и неприятие; гнев и возмущение; просьба об отсрочке; депрессия, когда человек готов принять смерть; последняя стадия – принятие, спокойствие (Калиновский, 2013: 161-162). Швейцарский геолог Альберт Хейм, ставший свидетелем трагедии в Альпах в 1892 г. и пытавшийся спасти пострадавших, определил три фазы умирания. Первой из них является фаза отчаянного сопротивления смерти; во время второй фазы осознается бесплодность борьбы и наступает смирение с неизбежностью смерти, после чего следует фаза отрешенности, мистического состояния, когда перестает испытываться страдание и наступает покой и умиротворение (Уотсон, 1991: 251-253).

Отражением первой стадии в пазырыкском искусстве являются сцены борьбы хищников и копытных, чаще всего встречающиеся на седельных покрывках. Это сцены нападения тигра на лося, тигра на оленя, тигра на барана, барса на горного барана, грифа на лося. Во всех этих композициях изображено яростное сопротивление копытного свирепому хищнику: голова и передняя часть туловища вскинуты в стремительном рывке к небу, активно двигаются передние ноги в попытке нанести мощный удар противнику. И только неестественно вывернутый круп животного, означающий перелом позвоночника, свидетельствует о близящемся конце отчаянного сопротивления.

Рис. 1. Первая стадия: яростное сопротивление (По Руденко, 1953: Табл. СХI)

Цветовая символика не оставляет сомнений в смертельном финале этой борьбы. Нападающий хищник имеет реалистичную «жизненную» окраску желтого или коричневого цвета. Головы и копыта отчаянно борющихся оленей украшены золотыми листками, высунутый язык барана, рог и точка с полуподковкой на туловище выкрашены в красный цвет. Красный и золотой цвета в данной композиции означают присутствие жизненной силы, однако оловянная фольга, покрывающая фигурки копытных, свидетельствует о смертельном исходе неравной борьбы. Цвета изображений ассоциируются с востоком и западом, рассветом и закатом, символизируя равенство сил жизни и смерти. Современные данные исследований показывают, что тело умирает только тогда, когда его покидает дух (Евдокас, 2010). Это понимали древние кочевники Алтая, демонстрируя в искусстве звериного стиля необходимость яростного сопротивления смерти.

Стадия смирения с неизбежной смертью может быть проиллюстрирована на примере деревянного налобника узды из Второго Пазырыкского кургана. Львиный грифон держит в пасти шею двух гусей. Схваченные гуси не оказывают сопротивления: крылья сложены на спине, шея свернута, лапы вытянуты вниз. Вертикальное направление и симметричная композиция подчеркивают отсутствие какого-либо движения. Между тем безвольно обвисших тел копытных в когтях хищников мы никогда не видим: животные всегда показаны в движении, в борьбе, энергия которой ощущается спустя тысячелетия и вызывает ответный отклик в душе.

Рис. 2. Стадия смирения со смертью (По Руденко, 1953: Табл. С)

В изображении гусей в пасти грифона все свидетельствует о том, что жизнь проиграна и смерть накрепко вцепилась в тело. То, что для образа смерти выбраны гуси, можно объяснить несколькими причинами. Согласно древним поверьям, душу умершего уносили птицы на Млечный путь, считавшийся Гусиной дорогой (Тульцева, 1998: 84-87). Близость фарна воде подчеркивалась изображением именно водоплавающей птицы. Возможно, идея исчезновения фарна передавалась изображением неподвижно-тяжелых мертвых птиц, зеркально-симметричное раздвоение которых на конском налобнике означало ничто как абсолютное уравнивание сил жизни и смерти.

Иллюстрацией стадии мистического состояния, когда перестает испытываться страдание и душа переходит в иной мир, может служить уздечная подвеска из Первого Пазырыкского кургана. Она представляет статичную сцену терзания в виде головы барана в пасти волка.

Рис. 3. Стадия мистического состояния (По Руденко, 1960: 295, рис. 150, в)

Покой и умиротворение передаются несколькими лаконичными штрихами: глаза и ноздри барана расположены строго по горизонтальным линиям, прорезанным от носа и закрытого рта животного. Кроме этого, есть ощущение скрытого движения, изменения, «размыкания» статики композиции, создающее позитивные эмоции. Источником этого движения являются подшейная гривка и рог барана, объединенные в почти правильную окружность-спираль, «движущуюся» по часовой стрелке. Началом окружности служат короткие завитки гривки, заканчивающейся на том же уровне под головой животного, где закручивается спираль рога. Окружность рога повторяет траекторию полуокружности-гривки и заканчивается острым концом спирали на уровне уха животного. Параллельно бараньей голове расположена голова хищника, что служит наглядным подтверждением отсутствия борьбы. Но при взгляде на эту композицию нет ощущения трагизма смерти, скорее, это освобождение от страданий.

Автохтонный пласт культуры древних кочевников Алтая воплощал ценности аржано-майэмирской культуры, тесно связанной с горно-таежными племенами и охотничьим образом жизни. В VI в. до н.э. он представлен мирными образами водоплавающих птиц, безрогих лосих, баранов, козлов, волков, барсов и рыб. С появлением на Алтае пришлой ираноязычной элиты утвердился военно-кочевой образ жизни, ценности которого транслировало искусство звериного стиля, поэтизовавшее борьбу за расширение территории, грабежи оседлых племен и настраивающее на героическую смерть. В V в. до н.э. рыбы активно заглатывают добычу, копытные активно обороняются от хищников с помощью огромных рогов и мощных копыт, всеми силами защищая жизнь, – главную ценность пазырыкской культуры.

Смерть предстает оборотной стороной жизни, поскольку вооруженная борьба за скот сопряжена с гибелью кочевников. Сооружая курганы для выдающихся представителей кочевого общества, кочевое общество демонстрировало сплоченность, готовность последовать примеру соплеменников, жертвующих собой во имя жизни остальных. Обоснованием жертвенности служило искусство звериного стиля, воплощавшее идею единства жизни и смерти.

Интересно, что главные этапы современного похоронного ритуала в основном повторяют скифский. За 2,5 тыс. лет технологии манипуляций с телами покойных изменились, но церемония прощания, демонстрация наград, выбор престижного места для могилы, памятник и количество участников похорон дают исчерпывающую характеристику статуса усопшего.

5. Заключение

Изучив пазырыкские артефакты как «тексты», можно сделать вывод о воинственном характере этого древнего народа, о специфических механизмах культивирования воинственности и социокультурных программах, определявших порядок социальной коммуникации. Их образным языком (кодом) было искусство звериного стиля, на основе которого формировались концепты пазырыкской культуры. Это знаково-символический ансамбль («курган», «колода-саркофаг», «конский убор», «костюм», «татуировка тел»), в основе семантики которого скрыты ценности, интегрирующие сообщество. Система универсалий пазырыкской культуры мотивировала кочевников на защиту скота, без которого была невозможна жизнь. В соответствии с накопленным опытом социального взаимодействия в семиосфере пазырыкской культуры сформировались две основные смысловые системы: «жизнь» и «смерть», на основе которых человек понимал возможности своей деятельности в системе кочевого общества.

Древние кочевники умели любить и ценить жизнь во всех ее проявлениях, внимательно относились к состоянию конкретного человека, особенно тяжело больного, помогая в самые тяжелые мгновения. Стойкость и мужество, презрение опасности, предпочтение смерти предательству, бескомпромиссность наши соотечественники унаследовали от своих далеких предков, осваивавших просторы степной Евразии. Мифологемы жизни и смерти, культ гор, белых и черных озер, фарнаудачи в образе барана и хищной птицы известны в алтайской традиционной культуре (охотничьей и свадебной обрядности). Ценность природы, жизни, материнства, побратимства вошли в эпические сказания «Маадай-Кара», «Кан-Алтын», «Очи-бала», «Алтай-Буучай», «Алтын-Бизе», сказки о животных. Отголосками единства представлений о сущности Жизни и Смерти являются куклы-эмегендэры алтайцев, ставшие покровителями женщин, куклы в шаманских мистериях сибирских народов, в современном свадебном обряде, при закладке нового дома у коми-пермяков.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 22-18-00018.

The reported study was funded by RSF, project number 22-18-00018.

Литература

- Акишев, 1981** – Акишев А.К. Костюм «золотого человека» и проблема катафрактария // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 54-64.
- Арьес, 1991** – Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. / Общ. ред. Оболенской С.В.; Предисл. Гуревича А.Я. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. 528 с.
- Борисенко, Худяков, 2003** – Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Функциональный анализ металлических защитных наголовий древних кочевников Центральной Азии // *Степи Евразии в древности и средневековье* / Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. С. 22-24.
- Гаврилов, 2013** – Гаврилов Е. Раскопки Радлова у Катанды в 1865 г. 1 сентября 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vtourisme.com/altaj/istoriya/407-raskopki-radlova-u-katandy-1865-g> (дата обращения 14.05.2022).
- Горбунов, 1998** – Горбунов В.В. Панцири раннего железного века на Алтае // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: Сборник научных статей / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1998. С. 47-55.
- Горбунов и др., 2019** – Горбунов В.В., Грушин С.П., Дашковский П.К. История Алтая: исторический очерк: В 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха. Древность и средневековье / Под общей редакцией А.А. Тишкина. Барнаул, 2019. 391 с.
- Грач, 1975** – Грач А.Д. Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии) // Социальная история народов Азии: [Сборник статей] / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; [Отв. ред. А.М. Решетов, Ч.М. Таксами]. М.: Наука, 1975. С. 158-182.
- Гуляев, 2005** – Гуляев В.И. Скифы: расцвет и падение великого царства. М.: Алетей, 2005. 400 с.
- Гуревич, 1992** – Гуревич А.Я. Предисловие // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер. с фр. / Общ. ред. Оболенской С.В.; Предисл. Гуревича А.Я. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. С. 5-6.

Дашковский, 2005 – Дашковский П.К. Формирование элиты кочевников Горного Алтая в скифскую эпоху // Социогенез в Северной Азии: Сборник научных трудов / Под ред. А.В. Харинского. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. 1. С. 239-246.

Добжанский, 1990 – Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1990. 164 с.

Евдокас, 2010 – Евдокас Т. Смерть – великая иллюзия / Такис Евдокас; [пер. с нем. А.А. Горяниной]. СПб.: Весь, 2010. 189 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/28189/ogl.shtml> (дата обращения 15.05.2022).

Илюшин, 1989 – Илюшин А.М. Комплекс культовых сооружений у кочевников Горного Алтая в скифское время / Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тезисы Всесоюзной археологической конференции. Часть 1. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1989. С. 79-81.

Каган, 2003 – Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Кн. 1: Историографический очерк и проблемы современной методологии. Закономерности культурогенеза, этапы развития культуры традиционного типа – от первобытности к Возрождению. СПб.: Петрополис, 2003. 368 с.

Калиновский, 2013 – Калиновский П.П. Переход: последняя болезнь, смерть и после. М.: ООО «Воздвиженье», 2013. 256 с.

Кетова, 2001 – Кетова Т.Н. Ритуал в пространстве жизни и смерти // Ритуальное пространство культуры / Материалы международного форума 26 февраля – 7 марта 2001 г. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2001. С. 34-36.

Кирюшин, 2003 – Кирюшин Ю.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры / Ю.Ф. Кирюшин, Н.Ф. Степанова, А.А. Тишкин. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2003. 234 с.

Кляшторный, Савинов, 2005 – Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Кочеев, 1990 – Кочеев В.А. Воины пазырыкского общества // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 105-118.

Кубарев, 1981 – Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: «Наука», Сибирское отделение, 1981. С. 29-54.

Кубарев, 1992 – Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1992. 220 с.

Кубарев, 1987 – Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987. 300 с.

Кубарев, 1991 – Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. 190 с.

Литвинский, 1968 – Литвинский Б.А. Кангуйско-сарматский фарн: К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1968. 119 с.

Малинов, 2013 – Малинов А.В. На пути к этнософии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences. 2013. № 4 (184). С. 155-162.

Миллер, 1886 – Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // Отг. из «Журнала Министерства народного просвещения». 1886 г., ч. 247, окт., отд. 2. СПб.: [Б.и.], 1886, октябрь. С. 232-283.

Мифы..., 1988 – Мифы народов мира. Энциклопедия (В 2 томах). Гл. ред. С.А. Токарев. М.: «Советская Энциклопедия», 1988. Т. 2. К–Я. 719 с.

Михайлин, 2005 – Михайлин В.Ю. Тропа звериных слов: Пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 540 с.

Переводчикова, 1994 – Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 206 с.

Полосьмак, 2000 – Полосьмак Н.В. Бальзамирование у пазырыкцев Укока // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. Сб. статей. М.: Институт археологии РАН, 2000. 318 с.

Полосьмак, 2001 – Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Полосьмак, 1994 – Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. 125 с.

Полосьмак, Баркова, 2005 – Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.

Радлов, 1989 – Радлов В.В. Из Сибири (страницы дневника): [Пер. с нем.]. [Примеч. и послесл. С.И. Вайнштейна; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая]. М.: Наука, 1989. 749 с.

Радлов, 1894 – Радлов В.В. Сибирские древности. Из путевых записок В.В. Радлова: (Перевод с немецкого) // Записки императорского Русского археологического общества. Новая серия. Т. VII, вып. 3–4. СПб.: [Б. и.], 1894. С. 186-188.

- Руденко, 1953** – Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1953. 402 с.
- Руденко, 1960** – Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1960. 359 с.
- Рязанцев, 1994** – Рязанцев С. Философия смерти. СПб.: СПИКС, 1994. 320 с.
- Савинов, 1995** – Савинов Д.Г. О ритуальном назначении погребальных камер больших Пазырыкских курганов / *Сакральное в культуре. Материалы III международных Санкт-Петербургских религиозно-научных чтений*. Ноябрь 1995. СПб.: [Б.и.], 1995. С. 6-8.
- Сорокин, 1978** – Сорокин С.С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Алтая / *Культура Востока: Древность и раннее средневековье*. Л.: Аврора, 1978. С. 172-191.
- Спасский, 1857** – Спасский Г.И. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими. 8 разв. л. ил. Отт. Из Записок имп. Русского Географического о-ва, 1857, кн. 12. СПб.: [Б.И.], 1857. С. 113-181.
- Спасский, 1817** – Спасский Г.И. О сибирских древних курганах (Читано в собрании С.П.бургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств 13 сентября 1817). (Отт. Из журн. Сын Отечества, 1817. Ч. 41, № 39. С. 9-22).
- Суразаков, 1987** – Суразаков А.С. О некоторых связанных с оружием образах пазырыкского искусства // *Военное дело древнего населения Северной Азии*. Новосибирск, 1987. С. 53-59.
- Тресиддер, 1999** – Тресиддер Дж. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
- Тульцева, 1998** – Тульцева Л. Семь свечей «Утра стрелецкой казни» // *Родина: Ежемес. обществ.-полит., науч.-попул. ил. журн.* М.: Правда, 1998. № 2. С. 84-87.
- Уотсон, 1991** – Уотсон Л. Ошибка Ромео // *Жизнь земная и последующая* / Сост. П.С. Гуревич, С.Я. Левит; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. С. 207-375.
- Шульга, 1999** – Шульга Е.Н. Идея смерти в миропонимании русского народа / *Идея смерти в российском менталитете* / Под ред. Ю.В. Хен. СПб.: РХГИ, 1999. С. 217-238.
- Шульга, 2003** – Шульга П.И. Архитектура и семантика погребально-поминальных комплексов пазырыкской культуры / *Степи Евразии в древности и средневековье* / Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб., Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. С. 191-194.
- Щеброва, 2019** – Щеброва С.Я. Размышления о феномене «звериного стиля» древних кочевников Алтая // *Перспективы исторической и региональной культурологии в современной России: Сборник научных статей*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 276 с. С. 181-198.
- Энциклопедия символов, 2002** – Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Авт.-сост. В. Андреева и др. М.: ООО «Издательство Астрель»; МИФ: ООО «Издательство АСТ», 2002. 556 с.
- Юнг, 2018** – Юнг К.Г. Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. М.: Канон+, 2018. 336 с.

References

- Akischev, 1981** – Akishev, A.K. (1981). Kostyum «zolotogo cheloveka» i problema katafraktariya [The «golden man» costume and the catafractarian problem]. *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk: Nauka. Pp. 54-64. [in Russian]
- Ar'es, 1991** – Ar'es, F. (1991). Chelovek pered litsom smerti [A man facing death]: Per. s fr. Obshch. red. Obolenskoj S.V.; Predisl. Gurevicha A.Ya. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress» – «Progress-Akademiya», 528 p. [in Russian]
- Borisenko, Khudyakov, 2003** – Borisenko, A.Yu., Khudyakov, Yu.S. (2003). Funktsional'nyi analiz metallicheskih zashchitnykh nagolovii drevnikh nomadov Tsentral'noi Azii [Functional analysis of metal protection heads of the ancient nomads of Central Asia]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchenoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Gryaznova*. Kn. 2. SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. Pp. 22-24. [in Russian]
- Gavrilov, 2013** – Gavrilov, E. (2013). Raskopki Radlova u Katandy v 1865 g. 1 sentyabrya 2013 g. [Radloff's excavations at Katanda in 1865. 1 September 2013]. [Electronic resource]. URL: <https://www.vtourisme.com/altaj/istoriya/407-raskopki-radlova-u-katandy-v-1865-g> (date of access: 14.05.2022). [in Russian]
- Gorbunov, 1998** – Gorbunov, V.V. (1998). Pantsiri rannego zheleznoogo veka na Altae [Early Iron Age shells in the Altai]. *Itogi izucheniya skifskoi epokhi Altaya i sopredel'nykh territorii: Sbornik nauchnykh statei*. Pod red. Yu.F. Kiryushina i A.A. Tishkina. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp. 47-55. [in Russian]
- Gorbunov i dr., 2019** – Gorbunov, V.V., Grushin, S.P., Dashkovskii, P.K. (2019). Istoriya Altaya: istoricheskii ocherk [History of Altai: historical essay]: V 3-kh t. T. 1: Drevneishaya epokha. Drevnost' i srednevekov'e. Pod obshechi redaktsiei A.A. Tishkina. Barnaul, 391 p. [in Russian]
- Grach, 1975** – Grach, A.D. (1975). Printsipy i metodika istoriko-arkheologicheskoi rekonstruktsii form sotsial'nogo stroya (po kurgannym materialam skifskogo vremeni Kazakhstana, Sibiri i Tsentral'noi Azii)

[Principles and methodology for historical and archaeological reconstruction of forms of social structure]. *Sotsial'naya istoriya narodov Azii*: [Sbornik statei]. AN SSSR, In-t etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya; [Otv. red. A.M. Reshetov, Ch.M. Taksami]. M.: Nauka. Pp. 158-182. [in Russian]

Gulyaev, 2005 – *Gulyaev, V.I.* (2005). Skify: rastsvet i padenie velikogo tsarstva [The Scythians: the rise and fall of a great kingdom]. M.: Aleteia, 400 p. [in Russian]

Gurevich, 1992 – *Gurevich, A.Ya.* (1992). Predislovie [Foreword]. Ar'es F. Chelovek pered litsom smerti: Per. s fr. Obshch. red. Obolenskoï S.V.; Predisl. Gurevicha A.Ya. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress» – «Progress-Akademiya». Pp. 5-6. [in Russian]

Dashkovskii, 2005 – *Dashkovskii, P.K.* (2005). Formirovanie elity kochevnikov Gornogo Altaya v skifskuyu epokhu [Formation of the nomadic elite of the Altai Mountains in the Scythian era]. *Sotsiogenez v Severnoi Azii: Sbornik nauchnykh trudov*. Pod red. A.V. Kharinskogo. Irkutsk: Izd-vo IrGTU. Ch. 1. Pp. 239-246. [in Russian]

Dobzhanskii, 1990 – *Dobzhanskii, V.N.* (1990). Nabornye poyasa kochevnikov Azii [The recruitment belts of Asia's nomads]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta. 164 p. [in Russian]

Evdokas, 2010 – *Evdokas, T.* (2010). Smert' – velikaya illyuziya [Death is a great illusion]. Takis Evdokas; [per. s nem. A.A. Goryaninnoi]. SPb.: Ves', 189 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/28189/ogl.shtml> (date of access: 15.05.2022). [in Russian]

Ilyushin, 1989 – *Ilyushin, A.M.* (1989). Kompleks kul'tovykh sooruzhenii u kochevnikov Gornogo Altaya v skifskoe vremya [A complex of religious buildings among the nomads of the Altai Mountains in Scythian times]. *Problemy arkheologii skifo-sibirskogo mira (sotsial'naya struktura i obshchestvennye otnosheniya). Tezisy Vsesoyuznoi arkheologicheskoi konferentsii*. Chast' 1. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet. Pp. 79-81. [in Russian]

Kagan, 2003 – *Kagan, M.S.* (2003). Vvedenie v istoriyu mirovoi kul'tury [Introduction to the History of World Culture]. Kn. 1: Istoriograficheskii ocherk i problemy sovremennoi metodologii. Zakonomernosti kul'turogeneza, etapy razvitiya kul'tury traditsionnogo tipa – ot pervobytnosti k Vozrozhdeniyu. SPb.: Petropolis, 368 p. [in Russian]

Kalinovskii, 2013 – *Kalinovskii, P.P.* (2013). Perekhod: poslednyaya bolezni', smert' i posle [Transition: final illness, death and beyond]. M.: OOO «Vozdvizhen'e», 256 p. [in Russian]

Ketova, 2001 – *Ketova, T.N.* (2001). Ritual v prostranstve zhizni i smerti [Ritual in the space of life and death]. *Ritual'noe prostranstvo kul'tury. Materialy mezhdunarodnogo foruma 26 fevralya – 7 marta 2001 g.* SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva. Pp. 34-36. [in Russian]

Kiryushin, 2003 – *Kiryushin, Yu.F.* (2003). Skifskaya epokha Gornogo Altaya. Chast' II: Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazryrskoi kul'tury [The Scythian era of the Altai Mountains Part II: Burial and memorial complexes of the Pazyryk culture]. Yu.F. Kiryushin, N.F. Stepanova, A.A. Tishkin. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta, 234 p. [in Russian]

Klyashtornyi, Savinov, 2005 – *Klyashtornyi, S.G., Savinov, D.G.* (2005). Stepnye imperii drevnei Evrazii [The steppe empires of ancient Eurasia]. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 346 p. [in Russian]

Kocheev, 1990 – *Kocheev, V.A.* (1990). Voiny pazryrskogo obshchestva [Warriors of Pazyryk society]. *Problemy izucheniya drevnei i srednevekovoi istorii Gornogo Altaya*. Gorno-Altaysk: GANIIYaL. Pp. 105-118. [in Russian]

Kubarev, 1981 – *Kubarev, V.D.* (1981). Kinzhaly iz Gornogo Altaya [Daggers from the Altai Mountains]. *Voennoe delo drevnykh plemen Sibiri i Tsentral'noi Azi*. Otv. red. Yu.S. Khudyakov. Novosibirsk: «Nauka», Sibirskoe otdelenie. Pp. 29-54. [in Russian]

Kubarev, 1992 – *Kubarev, V.D.* (1992). Kurgany Sailyugema [Sailugem Mounds]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 220 p. [in Russian]

Kubarev, 1987 – *Kubarev, V.D.* (1987). Kurgany Ulandryka [Ulandryk Mounds]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 300 p. [in Russian]

Kubarev, 1991 – *Kubarev, V.D.* (1991). Kurgany Yustyda [Yustyd Mounds]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 190 p. [in Russian]

Litvinskii, 1968 – *Litvinskii, B.A.* (1968). Kangyuisko-sarmatskii farn: K istoriko-kul'turnym svyazyam plemen Yuzhnoi Rossii i Srednei Azii [The Kangyu-Sarmatian Farn: Towards Historical and Cultural Connections between the Tribes of Southern Russia and Central Asia]. Dushanbe: Donish, 119 p. [in Russian]

Malinov, 2013 – *Malinov, A.V.* (2013). Na puti k etnosofii [Towards ethnosophy]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 4(184): 155-162. [in Russian]

Miller, 1886 – *Miller, V.F.* (1886). Epigraficheskie sledy iranstva na yuge Rossii [Epigraphic traces of Iranianism in southern Russia]. Ott. iz «Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya». ch. 247, okt., otd. 2. SPb.: [B.i.], 1886, oktyabr'. Pp. 232-283. [in Russian]

Mify..., 1988 – Mify narodov mira [Myths of the world's peoples]. Entsiklopediya (V 2 tomakh). Gl. red. S.A. Tokarev. M.: «Sovetskaya Entsiklopediya», 1988. T. 2. K–Ya. 719 p. [in Russian]

Mikhailin, 2005 – *Mikhailin, V.Yu.* (2005). Tropa zverinykh slov: Prostranstvenno-orientirovannye kul'turnye kody v indoevropskoi traditsii [The Animal Word Trail: Spatially oriented cultural codes in the Indo-European tradition]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 540 p. [in Russian]

- Perevodchikova, 1994** – *Perevodchikova, E.V.* (1994). Yazyk zverinykh obrazov: Ocherki iskusstva evraziiskikh stepei skifskoi epokhi [The language of animal imagery: Sketches of the art of the Eurasian steppes of the Scythian era]. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 206 p. [in Russian]
- Polos'mak, 2000** – *Polos'mak, N.V.* (2000). Bal'zamirovanie u pazyryktsev Ukoka [Embalming by the Pazyryk people of the Ukok]. Skify i sarmaty v VII–III vv. do n. e.: paleoekologiya, antropologiya i arkheologiya. Sb. statei. M.: Institut arkheologii RAN, 318 p. [in Russian]
- Polos'mak, 2001** – *Polos'mak, N.V.* (2001). Vsadniki Ukoka [Riders of the Ukok]. Novosibirsk: INFOLIO-press, 336 p. [in Russian]
- Polos'mak, 1994** – *Polos'mak, N.V.* (1994). «Stere-gushchie zoloto grify» (ak-alakhinskie kurgany) [«Gold-stealing vultures» (ak-alakhinskiye mounds)]. Novosibirsk: VO «Nauka». Sibirskaya izdatel'skaya firma, 125 p. [in Russian]
- Polos'mak, Barkova, 2005** – *Polos'mak, N.V., Barkova, L.L.* (2005). Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n. e.) [Costume and textiles of the Pazyryk people of the Altai (4th – 3rd centuries BC)]. Novosibirsk: INFOLIO, 232 p. [in Russian]
- Radlov, 1989** – *Radlov, V.V.* (1989). Iz Sibiri (stranitsy dnevnika) [From Siberia (diary pages)]. [Per. s nem]. [Primech. i poslesl. S.I. Vainshteina; AN SSSR, In-t etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya]. M.: Nauka, 749 p. [in Russian]
- Radlov, 1894** – *Radlov, V.V.* (1894). Sibirskie drevnosti. Iz putevykh zapisok V.V. Radlova [Siberian antiquities. From the travel notes of V.V. Radlov. Radloff]: (Perevod s nemetskogo). *Zapiski imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva. Novaya seriya.* T. VII, vyp. 3–4. SPb.: [B. i.]. Pp. 186–188. [in Russian]
- Rudenko, 1953** – *Rudenko, S.I.* (1953). Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya [The culture of the population of the Altai Mountains in Scythian times]. M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 402 p. [in Russian]
- Rudenko, 1960** – *Rudenko, S.I.* (1960). Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya [The culture of the Central Altai population in Scythian times]. M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 359 p. [in Russian]
- Ryazantsev, 1994** – *Ryazantsev, S.* (1994). Filosofiya smerti [Philosophy of death]. SPb.: SPIKS, 320 p. [in Russian]
- Savinov, 1995** – *Savinov, D.G.* (1995). O ritual'nom naznachении pogrebal'nykh kamer bol'shikh Pazyrykskikh kurganov [On the ritual purpose of the burial chambers of the great Pazyryk barrows]. *Sakral'noe v kul'ture. Materialy III mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh religiovedcheskikh chtenii.* Noyabr'. SPb.: [B.i.]. Pp. 6–8. [in Russian]
- Sorokin, 1978** – *Sorokin, S.S.* (1978). Otrazhenie mirovozzreniya rannikh kochevnikov Altaya [Reflection of the worldview of the early nomads of the Altai]. Kul'tura Vostoka: Drevnost' i rannee srednevekov'e. L.: Avrora. Pp. 172–191. [in Russian]
- Spasskii, 1857** – *Spasskii, G.I.* (1857). O dostoprimechatel'neishikh pamyatnikakh sibirskikh drevnostei i skhodstve nekotorykh iz nikh s velikorusskimi [On the most remarkable monuments of Siberian antiquities and the resemblance of some of them to Great Russian ones]. 8 razv. 1. il. Ott. Iz Zapisok imp. Russkogo Geograficheskogo o-va, kn. 12. SPb.: [B.I.], 1857. Pp. 113–181. [in Russian]
- Spasskii, 1817** – *Spasskii, G.I.* (1817). O sibirskikh drevnikh kurganakh (Chitano v sobranii S.P.burgskogo Vol'nago obshchestva lyubitelei slovesnosti, nauk i khudozhestv 13 sentyabrya 1817) [On Siberian ancient mounds]. (Ott. Iz zhurn. Syn Otechestva, 1817. Ch. 41, № 39. Pp. 9–22. [in Russian]
- Surazakov, 1987** – *Surazakov, A.S.* (1987). O nekotorykh svyazannykh s oruzhiem obrazakh pazyrykskogo iskusstva [On some weapon-related images of Pazyryk art]. Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoi Azii. Novosibirsk. Pp. 53–59. [in Russian]
- Tresidder, 1999** – *Tresidder, Dzh.* (1999). Slovar' simvolov [Glossary of symbols]. Per. s angl. S. Pal'ko. M.: FAIR-PRESS, 448 p. [in Russian]
- Tul'tseva, 1998** – *Tul'tseva, L.* (1998). Sem' svechei «Utra streletskoi kazni» » [Seven candles of Morning of the Streletsky Execution]. Rodina: Ezhemes. obshchestv.-polit., nauch.-popul. il. zhurn. M.: Pravda. 2: 84–87. [in Russian]
- Uotson, 1991** – *Uotson, L.* (1991). Oshibka Romeo [Romeo's mistake]. Zhizn' zemnaya i posleduyushchaya. Sost. P.S. Gurevich, S.Ya. Levit: Per. s angl. M.: Politizdat. Pp. 207–375. [in Russian]
- Shul'ga, 1999** – *Shul'ga, E.N.* (1999). Ideya smerti v miroponimaniy russkogo naroda [The idea of death in the worldview of the Russian people]. Ideya smerti v rossiiskom mentalitete. Pod red. Yu.V. Khen. SPb.: RKhGI. Pp. 217–238. [in Russian]
- Shul'ga, 2003** – *Shul'ga P.I.* (2003). Arkhitektura i semantika pogrebal'no-pominal'nykh kompleksov pazyrykskoi kul'tury [Architecture and semantics of burial and memorial complexes of the Pazyryk culture]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Gryaznova.* Kn. 2. SPb., Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2003. S. 191–194.
- Shchebrova, 2019** – *Shchebrova, S.Ya.* (2019). Razmyshleniya o fenomene «zverinogo stilya» drevnikh kochevnikov Altaya [Reflections on the "animal style" phenomenon of the ancient nomads of the Altai].

Perspektivy istoricheskoi i regional'noi kulturologii v sovremennoi Rossii: Sbornik nauchnykh statei. Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena. pp. 181-198. [in Russian]

[Entsiklopediya simvolov, 2002](#) – Encyclopaedia of symbols, signs, emblems. Avt.-sost. V. Andreeva i dr. Moscow: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: MIF: OOO «Izdatel'stvo AST». 2002. 556 p. [in Russian]

[Yung, 2018](#) – *Yung, K.G.* (2018). Arkhetip i simvol [Archetype and symbol]. Sost. i vstup. st. A.M. Rutkevicha. Moscow: Kanon+. 336 p. [in Russian]

Идея жизнь/смерть в аксиосфере древних кочевников Алтая

Светлана Яковлевна Щеброва ^{a, *}

^a Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Переход к кочевому скотоводству, связанный с освоением верховой езды, начался на территории Евразии в I тыс. до н.э. Это привело не только к хозяйственно-культурным и социально-политическим связям кочевников Евразии с народами Древнего Востока, Восточного Средиземноморья, Передней и Средней Азии, но и к необходимости защиты скота как «легко отчуждаемого богатства» (Ф. Энгельс). В итоге была выработана сложная технология кочевого хозяйства, ценность которого репрезентировало искусство «звериного стиля» – особая знаковая система, выражающая идеологию кочевников. Наиболее полно знаковая система сохранилась в курганах пазырыкской культуры: «царских» курганах Туэжты, Башадара, Пазырыка, элитных курганах Укока и курганах рядовых кочевников Сайлогема, Уландрыка и Юстыда. Поскольку погребальный ритуал на символическом уровне обеспечивает последующее возрождение, актуально исследование археологических источников Горного Алтая как текста, воплощающего социально значимую информацию. Ансамбль знаковых средств, расположенных на поверхности артефактов, связанных со всей сферой жизнедеятельности кочевников, представлен такими концептами, как «курган», «колода-саркофаг», «оружие», «костюм», «татуировка тел», «конский убор». В соответствии с накопленным опытом социального взаимодействия в аксиосфере пазырыкской культуры сформировались две основные смысловые системы: «жизнь» и «смерть», на основе которых человек понимал возможности своей деятельности в системе кочевого общества. Тема жизни и смерти возникла в ходе наблюдений за природно-климатическими условиями, где уничтожение, исчезновение является благостным состоянием, после которого жизненный цикл возобновляется. В ходе семиотического анализа системы статусной маркировки всадника, его оружия и коня, именуемой скифским «звериным стилем», была определена взаимосвязь с ключевым во всей индоевропейской и индоиранской ритуалистике понятием «фарн». Это понятие символизирует воинскую удачу, долю, судьбу и является ценностно-мотивационным ядром пазырыкской культуры.

Ключевые слова: аксиосфера, Горный Алтай, пазырыкская культура, звериный стиль, жизнь, смерть, этнософия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: svetlanaschebrova@herzen.spb.ru (С.Я. Щеброва)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1189-1196
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1189

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Comparative Characteristics of the State of the Judicial System of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. Part 1

Ivan S. Denisov^{a, b, *}, Ruslan M. Allalyev^{c, d}, Mikhail I. Katsarskiy^c, Mikhail G. Smirnov^{e, f}

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^d Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

^e Gubkin National University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

^f MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Abstract

For almost two hundred years of the existence of the Russian Empire, its judicial system has been reformed repeatedly. However, it was the reform of Alexander II that had the greatest impact, including on the administration of justice in modern Russia. As a result of fundamental changes in the criminal procedure legislation, the reformed Russian judicial system has never lagged behind the judicial systems of the most advanced Western European countries of that time. This work is devoted to the comparative characteristics of the judicial system of the Russian Empire before and after the Judicial reform of Alexander II, carried out in 1864. The study consists of two parts. This article presents the first part of the study, in which the author describes the state of the judicial system of the Russian Empire before the reform of 1864. The author analyzes the key problems and the main reasons that served as prerequisites for Alexander II's decision on the need for a complete reform of the judicial system of the state. The author investigated such pre-reform principles of justice of the Russian Empire as the estate principle, the principle of presumption of guilt, the principle of the rule of law, the principle of evidence, as well as the principle of secrecy of the trial. In this study, the author describes in detail the form and nature of the application of the above-mentioned principles of judicial proceedings. The article examines the main shortcomings of the pre-reform period of judicial proceedings, such as corruption, low qualifications of judges, lack of independence, as well as the inefficiency of the judicial system as a whole. The author also considers earlier attempts to reform the justice system, namely the projects of M.M. Speransky during the reign of emperors Alexander I, as well as the ideas of D.N. Bludov during the reign of Emperor Nicholas I.

Keywords: The Russian Empire, Alexander II, Judicial reform of 1864, The Law on Judicial Proceedings in Cases of Crimes and Misdemeanors, the judiciary, the courts of the Russian Empire, the effectiveness of the judicial system, the principles of justice of the Russian Empire, judicial officials, M.M. Speransky, D.N. Bludov.

1. Введение

Судебная система Российской империи реформировалась неоднократно. Рассматривая период до Судебной реформы 1864 года, следует также упомянуть и реформы Петра Великого 1722 г., а также Екатерины II 1775 г. Тем не менее, Судебная реформа 1864 года, предпринятая императором Александром II, по праву считается наиболее значительной.

* Corresponding author

E-mail addresses: is.denisov@mail.ru (I.S. Denisov)

Десятилетие между 1860 и 1870 гг. по праву считается периодом Великих реформ Российской империи. Безусловно, в качестве самой масштабной необходимо назвать Крестьянскую реформу 1861 года, провозглашенную Манифестом императора Александра II от 19 февраля 1861 г. «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» (РГИА Ф. 1329. Оп. 1. Д. 730 б. Л. 27-410б., 1861). Позднее императором Александром II был предпринят целый комплекс реформ, направленных на социально-экономическое развитие государства. Как утверждает С. Кучеров, «после Петра I Александр II был величайшим реформатором Российской империи. Он стремился улучшить судьбу русского народа, и перемены, которые он внес, не были ни следствием политических потрясений, ни результатом партийной борьбы, а результатом мудрого понимания царем необходимости фундаментальных реформ, особенно очевидных во время катастрофической Крымской войны» (Kucherov, 1950: 77).

Данное исследование посвящено так называемой Судебной реформе 1864 года. Стоит отметить, что, по мнению исследователей, Судебная реформа стала одной из самых радикальных и политизированных среди Великих реформ Александра II (Исаев, 2014: 39).

В первой части исследования проводится анализ состояния системы правосудия Российской империи в дореформенный период, а также рассматриваются ключевые предпосылки для реформирования системы судопроизводства.

2. Материалы и методы

При разработке данного исследования был использован ряд источников, в числе которых в первую очередь необходимо указать нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность судебной системы Российской империи, в частности Закон о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках (Полное собрание..., 1830). Также были использованы архивные материалы, а именно Основного русского фонда НСБ РГИА, в числе которых Судебные уставы, утвержденные 20 ноября 1864 г., материалы периодической печати – журнал «Русская старина», дневники, воспоминания и очерки, в том числе современников судебной реформы, например дореволюционного юриста Анатолия Федоровича Кони, а также иные материалы Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБ) – «Полное собрание законов Российской империи».

В процессе работы над данным исследованием был применен принцип историзма, использование которого дало возможность провести комплексную оценку источников и историографии по указанной теме.

Данное исследование позволило выявить основные недостатки судебной системы дореформенного периода, тем самым сформулировав основные предпосылки для реформирования системы правосудия Российской империи в 1864 году.

Для проведения исследования был выбран сравнительно-правовой метод, благодаря которому удалось провести комплексную оценку состояния законодательства о судопроизводстве, а также подходов к применению принципов работы судебных систем как до, так и после Судебной реформы 1864 года.

3. Обсуждение

Анализ состояния системы судопроизводства Российской империи до Судебной реформы 1864 г. был актуален в качестве предмета рассмотрения как дореволюционных, так и советских ученых. Также данный вопрос остается интересным и для современных исследователей.

Согласно очеркам и воспоминаниям современников Судебной реформы 1864 г., в частности Н.М. Колмакова, сам император Николай I, подавивший восстание декабристов 14 декабря 1825 г. и взошедший на престол, отдавал себе отчет в том, что российская судебная система в первой половине XIX века находилась в плачевном состоянии (Русская старина, 1886: 514). По мнению известного юриста А.Ф. Кони, дореволюционный суд представлял собой безрадостную картину, так как не удовлетворял ни потребностям общественной жизни, ни нравственному чувству (Кони, 1914: 1).

Среди советских исследователей данной темы хотелось бы в первую очередь выделить доктора юридических наук, профессора Б.В. Виленского, а именно его фундаментальный труд в девяти томах «Российское законодательство X–XX веков», где в том числе подробно рассмотрена исследуемая тема. В данной работе ученый уделяет внимание также и состоянию судебной системы Российской империи в дореформенный период и в качестве первопричины Судебной реформы 1864 года называет кризис российского общества, в том числе кризис господствующего класса (Виленский, 1991: 6).

Современные авторы в целом делают акцент на возникшей в середине XIX века необходимости перехода к демократическому обществу. В числе современных ученых, исследовавших состояние судебной системы Российской империи до и после Великих реформ, можно отметить профессора Г.А. Цыкунова, по мнению которого «в первой половине XIX в. существующая в России судебная реформа была приспособлена к защите привилегий и интересов господствующей политической элиты» (Цыкунов 2014: 87).

В рамках обсуждения данной темы интересным выглядит исследование В.Н. Казарина, посвященное анализу оценок Судебной реформы, в рамках которого автор пришел к выводу, что, по мнению современных ученых, Судебная реформа 1864 года стала решительным шагом в сторону становления правового государства и гражданского общества (Казарин, 2014: 37).

4. Результаты

Рассматривая период до принятия Судебной реформы 1864 года, многие исследователи приходят к выводу, что, начиная с эпохи Петра I, в Российской империи деятельность как судебной, так и исполнительной власти во многом основывалась на так называемой западноевропейской модели, которая была сформирована в эпоху абсолютизма. Тем не менее, учитывая существенный прогресс в развитии правовых институтов, европейские государства к середине XIX века посчитали данную модель устаревшей и несовершенной (Тарановски, 1992: 305).

Можно выделить сразу несколько мотивов для принятия реформы, в числе которых в первую очередь стоит назвать недостатки дореформенной судебной системы. Анализируя состояние системы правосудия до Судебной реформы 1864 г., необходимо сказать об отсутствии четкой границы между судебной и административной властью, так как функции и законодательной, и исполнительной, и судебной власти лежали в ведении Сената. Как отмечают ученые, Сенат занимал особое место в системе высших государственных органов Российской империи дореформенного периода: «Будучи сложным по структуре, это учреждение выполняло разнообразные функции, одновременно являясь высшим судом, органом надзора и административным органом» (Shchankina et al., 2020).

Административные чиновники, такие как, например, губернаторы, имели право не одобрить решения судей не только низших судов, но и апелляционных. Таким образом, можно говорить об отсутствии автономности судебной власти по причине ее неотделимости и подчинения административной власти страны. Кроме этого, стоит упомянуть и о деятельности учрежденного в период царствования Николая I Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, выполнявшего функции политической полиции, которое, осуществляя надзор за судебными процессами в данной сфере, оказывало в том числе и давление на принятое судебное решение (Кони, 1914: 2).

Согласно воспоминаниям современников, к середине XIX века в Российской империи складывалась картина недоверия как в адрес управления государством в целом, так и по отношению к действующей судебной системе (Никитенко, 1905: 434). Одной из причин данного явления можно назвать недостаточную компетентность самих судей вследствие отсутствия специализированного закона, предусматривающего необходимые квалификационные требования по отношению к кандидатам на должности судей. На должность судьи суда первой инстанции мог претендовать любой дворянин или купец, поэтому судьи в большинстве своем обладали низкой квалификацией. Проблема отсутствия необходимого количества юристов объясняется также небольшим числом действовавших в Российской империи на тот момент высших учебных заведений, выпускающих высококвалифицированных специалистов в области права. Даже в Сенате, Верховном суде число высокообразованных юристов было совсем невелико. Социальный статус судей носил скорее аристократический характер. Они не идентифицировали себя с должностными лицами судебной власти, охраняющими закон и порядок. Кроме этого, должность судьи нижестоящих судов не считалась престижной и высокооплачиваемой, а соответственно, не обладала высоким спросом у дворян (Блинов, 1914: 15).

Ситуация складывалась таким образом, что гораздо более весомую роль в ведении судебного процесса исполнял не судья, а секретарь, обладавший гораздо более глубокими юридическими знаниями и навыками. Как правило, судебные секретари были неаристократического происхождения. В основном данную должность занимали дети низших канцелярских чиновников. В обязанности секретаря входило составление протокола судебного разбирательства, а также подготовка судебного решения, в то время как судья часто отвечал лишь за подписание судебного вердикта. В результате в данных обстоятельствах, осложнившихся также довольно низкой заработной платой судебных клерков, которая в ряде случаев составляла менее одного рубля (Бочкарев, 1915: 227), в обществе того времени сложилась традиционная картина роста коррупции, когда секретари судебного заседания принимали взятки от участников судебных споров, подготавливая судебные решения в их пользу (Кони, 1914: 2).

В контексте влияния дореформенной системы судостроительства на социально-политическую ситуацию в Российской империи профессор М.Г. Коротких пришел к выводу, что «несостоятельность судов, не способных разрешить задачи правосудия, обуславливалась инквизиционным процессом, являлась в конечном счете результатом кризиса государственности, базирующейся на крепостничестве» (Коротких, 1989: 24).

В дореформенный период основу законодательства, регулирующего судопроизводство в Российской империи, составлял Закон о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках (Полное собрание..., 1830). Анализируя судебную систему Российской империи того времени, безусловно, следует рассмотреть и применяемые принципы судопроизводства. В данном контексте в

первую очередь необходимо сказать о принципе презумпции виновности, который заключался в том, что подсудимый считался виновным, пока его невиновность не будет полностью доказана. Однако обвинительный приговор мог быть вынесен только при наличии так называемых совершенных доказательств. В целом доказательства подразделялись на совершенные и несовершенные. К первым, согласно ст. 197 Закона о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках, относились, в частности, чистосердечное признание, документы, результаты обыска, а также идентичные показания двух и более свидетелей. Большинство других доказательств признавалось несовершенными. В случае отсутствия совершенных доказательств выносились приговоры об оставлении под подозрением (Гессен, 1905: 7). Согласно ст. 308 Закона о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках, несколько несовершенных доказательств, совокупно взятых, могли составить совершенное доказательство (Полное собрание..., 1830).

Стоит отметить, что характер применения принципа доказательности также не позволял судьям проявить собственную значимость в рассмотрении дела. Форму применения данного принципа можно квалифицировать как юридический эвиденциализм, т.е. судья, даже будучи в полной уверенности в достоверности конкретного факта, не был вправе его признать при отсутствии конкретных доказательств, подтверждающих его истинность. Кроме этого, проводить собственную оценку ценности доказательств судьям не позволял принцип верховенства закона, согласно которому весь процесс оценки доказательств сводился к проверке документов, имеющих отношение к рассматриваемому делу. Из всего вышесказанного можно заключить, что судебный процесс дореформенного периода был довольно сложен и отличался строгим формализмом.

К числу применяемых принципов судопроизводства дореформенного периода можно отнести так называемый «сословный принцип», который выражался в функционировании отдельных судов для разных слоев населения: дворян, крестьян, горожан и т.д. Как пишет М.Г. Коротких, «суды имели строго очерченную сословную юрисдикцию. Так, магистраты и ратуши рассматривали дела «обывателей купеческого, мещанского и других податных сословий» (Коротких, 1989: 19). Тем самым можно говорить об отсутствии единой судебной системы, основанной на равенстве и независимости. Применение данного принципа наносило особый удар по классу крестьян, которые составляли значительную часть населения, но не были должным образом защищены законом. По причине выраженного доминирования дворянства по отношению к крепостным нередко выносились суровые приговоры независимо от тяжести их вины. Таким образом, для крепостных закон был не средством защиты прав отдельных лиц, а инструментом обеспечения соблюдения института правил и наказаний. Можно говорить о том, что по отношению к крестьянам суд выступал не в роли ключевого средства защиты прав и интересов, а скорее как репрессивный инструмент для вынесения наказаний.

В качестве еще одной характерной черты судебной системы дореформенного периода можно назвать отсутствие института адвокатуры. Среди представителей подсудимых по уголовным делам и ответчиков по гражданским спорам не было профессиональных юристов с соответствующим образованием. Данных представителей вернее было бы назвать агентами, которыми могли стать практически любые граждане, за лишь некоторыми исключениями. Причина отсутствия квалификационных требований к представителям сторон судебного процесса заключалась в отсутствии их необходимости. Функции представителей сводились к передаче письменных доказательств, а сам судебный процесс носил закрытый характер, и представители сторон так же, как и сами стороны, как правило, не могли присутствовать на самом заседании. Согласно принципу письменности, суд должен был принимать решение на основании представленных письменных доказательств без проведения устного заслушивания сторон. Случаи приглашения на судебное заседание свидетелей или экспертов также были крайне редкими (Коротких, 1989: 17).

Логичным результатом подобного функционирования судопроизводства становится неэффективность самой судебной системы, которая выражалась также и в высоком количестве нерешенных дел в различных судебных инстанциях. В частности, Б.Н. Миронов приводит статистические данные, согласно которым во временной промежуток между 1861 и 1864 гг., то есть непосредственно до реформирования судебной системы, количество неразрешенных гражданских дел в судах первой инстанции превысило половину от общего числа споров (Миронов, 2003: 60).

Сложившаяся картина неудовлетворительного функционирования судопроизводства в Российской империи стала серьезнейшим поводом для беспокойства уже к началу XIX века. Стоит согласиться с А.Ю. Климановым, по мнению которого «дореформенная судебная система России находилась в кризисном состоянии. Ей были присущи многочисленные недостатки: отсутствие гласности, сословность, зависимость суда от административных органов, осуществление органами полиции расследования и осуществления приговора, судебная волокита, распространенное взяточничество» (Климанов, 2017: 123). Также справедлива точка зрения М.Г. Коротких, который отмечает: «К XIX столетию феодализм, базировавшийся на крепостничестве, стал тормозом социально-экономического развития России» (Коротких, 1989: 12).

В итоге совокупность вышеприведенных факторов сформировала наиболее веский аргумент в пользу реформирования действующей на тот момент судебной системы – это социальный кризис

XIX века, который выражался в революционных настроениях, связанных с массовым крестьянским восстанием и эскалацией революционной борьбы в XIX веке.

Вопрос о необходимости реформирования данной сферы рассматривался неоднократно как императором Александром I, так и его младшим братом императором Николаем I. Александр I был заинтересован в проведении либеральных реформ (Страхов, 2016: 12). Во времена его царствования был издан ряд указов, регламентирующих деятельность судебной системы, к которым можно отнести такие нормативно-правовые акты, как «Манифест об упразднении специальных судов за государственные преступления», «Указ об отмене пытки», а также «Указ об ограничении произвола полиции» (Полное собрание..., 1830).

Кроме этого, в данный период была проведена масштабная работа его ближайшего сподвижника М.М. Сперанского над усовершенствованием судебной системы Российской империи: в частности, он в 1803 году подготовил Записку об устройстве судебных и правительственных учреждений в России (Сперанский, 1901). В ней М.М. Сперанский рассматривал и анализировал сущность власти и пришел к выводу о том, что судебная власть принадлежит власти исполнительной. Им также были подготовлены проекты судебных преобразований. Как справедливо указывает М.Г. Коротких, «в планы Сперанского и его сторонников входила реформа материального и процессуального законодательства» (Коротких, 1989: 12). Его главной идеей было разделение властей по причине острой необходимости отделения судебной власти от исполнительной в целях обретения независимости судебной власти. Однако его проектам было не суждено претвориться в жизнь своевременно. Основной причиной стало недовольство высших сословий тем, что, согласно идеям М.М. Сперанского, правосудие должно предусматривать предоставление равных прав всем гражданам государства. В качестве упрека проекту Сперанского высказывалась мысль о том, что он в качестве основы использовал законодательную и судебную системы Франции, а сам являлся приверженцем политики Наполеона Бонапарта (Коротких, 1989: 13).

Николай I, напротив, являлся консерватором, который не спешил вносить в государственную организацию какие-либо новые элементы, которые считались радикальными. В то же время, как утверждают исследователи, Николай I вполне осознавал необходимость наличия высокообразованных специалистов в целях достижения наибольшей эффективности работы правительственного аппарата. (Большакова, 2000: 9). Николай Павлович во многом способствовал широкому развитию юридического образования в России. В качестве примера деятельности, направленной на решение данной задачи, можно назвать учреждение Императорского училища правоведения в Петербурге в 1835 году, которое впоследствии стало одним из самых престижных высших учебных заведений Российской империи.

В дополнение к этому необходимо сказать, что, несмотря на консерватизм императора, и во времена его правления были предприняты попытки по реформированию судебной системы страны. В данном контексте стоит упомянуть о таком важном шаге в направлении реформирования судебной системы, как систематизация законодательства Российской империи (Korneva et al., 2016). Речь идет о Своде законов Российской империи, подготовленных М.М. Сперанским.

Кроме этого, известным государственным деятелем Д.Н. Блудовым в 1857 г. был предложен очередной проект судебной реформы, в котором он поддержал идею Сперанского об отделении судебной власти от исполнительной и предложил упразднить сословный принцип судебной системы того времени.

Стоит отметить, что идеи относительно реформирования судебной системы, сформулированные как М.М. Сперанским, так и Д.Н. Блудовым, были учтены при принятии Судебной реформы Александра II, основополагающим документом которой принято считать Судебные уставы, утвержденные 20 ноября 1864 года (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 770, 1864).

5. Заключение

Осуществление судебной власти в Российской империи претерпевало неоднократные изменения. К наиболее масштабным изменениям судостроительства государства можно отнести следующие реформы: Петра Великого 1722 г., Екатерины II – 1775 г., а также Судебную реформу Александра II, проведенную в эпоху Великих реформ, а именно в 1864 г. В качестве ключевых предпосылок к принятию решения императором Александром II о необходимости реформирования отправления судебной власти можно отнести сразу несколько причин, выраженных в существенных недостатках функционирования действующей на тот момент системы отправления правосудия. К числу указанных недостатков можно отнести отсутствие независимости судебной власти, низкую квалификацию судей, сложную систему отправления правосудия, регулярные задержки вынесения судебных решений, а также рост взяточничества среди судебных служащих. Кроме этого, существенный негативный оттенок отношению населения государства к судопроизводству того времени придавали форма и характер применения в тот период таких принципов правосудия, как презумпция виновности, сословный, верховенства закона, доказательности, а также негласности судебного процесса.

В результате вышеописанных обстоятельств к середине XIX века в Российской империи наблюдался стремительный рост революционных настроений, что во многом и сыграло роль в качестве главного мотива к действиям, направленным на кардинальное реформирование судебной системы государства.

Важным аспектом является то, что еще до времен правления императора Александра II в Российской империи предпринимались неоднократные попытки реформирования действующей на тот момент системы судопроизводства страны. К ним можно отнести деятельность таких видных государственных деятелей начала и середины XIX века, как Михаил Михайлович Сперанский, а также Дмитрий Николаевич Блудов. Данные проекты не смогли быть реализованы своевременно, однако ряд идей М.М. Сперанского и Д.Н. Блудова все же были воплощены в жизнь в эпоху царствования императора Александра II.

Литература

- Блинов, 1914** – Блинов И.А. Судебная реформа 20 ноября 1864 г.: историко-юридический очерк Ив. Блинова. Петроград: Сенатская типография, 1914. [2], 234 с.
- Большакова, 2000** – Большакова О.В. Судебная реформа 1864 года и формирование правовой культуры в дореволюционной России: Обзор англояз. лит. // Социал. и гуманитар. науки. Отеч. и зарубеж. лит. Сер. 5 «История». М., 2000. № 1. С. 7-23.
- Бочкарев, 1915** – Бочкарев В.Н. Дореформенный суд // Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М.: Книгоиздательство «Объединение», 1915. С. 205-241.
- Виленский, 1991** – Виленский Б.В. Российское законодательство X–XX веков. Том 8. Судебная реформа. М., 1991. 496 с.
- Гессен, 1905** – Гессен И.В. Судебная реформа / СПб., 1905. [4]. 267 с.
- Исаев, 2014** – Исаев И.А. Судебная реформа 1864 года: цели и противоречия // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2014. № 9–2. С. 39-43.
- Казарин, 2014** – Казарин В.Н. Судебная реформа 1864 г.: эволюция подходов и оценок на страницах научных журналов (пятьдесят, двадцать пять лет назад и сегодня) // *Сибирский юридический вестник*. 2014. № 4 (67). С. 29-38.
- Климанов, 2017** – Климанов А.Ю. Из отечественной истории реформирования судебной системы: судебная реформа 1864 года // *Вестник Международного института экономики и права*. 2017. № 1 (26). С. 123-130.
- Кони, 1914** – Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы: К пятидесятилетию Судебных Уставов. СПб., 1914. С. 48.
- Коротких, 1989** – Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж: Издательство Воронежского университета. 1989. 183 с.
- Миронов, 2003** – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) // В 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб., 2003. Т. 2. 582 с.
- Никитенко, 1905** – Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был»: записки и дневник (1804–1877 гг.) / Под ред., с примеч. [и предисл.] М.К. Лемке. 2-е изд., испр. и доп. по рукоп., с алф. указ. СПб., 1905. 2 т. 632 с.
- Полное собрание..., 1830** – Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Русская старина, 1886** – *Русская старина*. Г. 17. 1886. Т. 52. КН. 10-12.
- Сперанский, 1901** – Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России. СПб., 1901.
- Страхов, 2016** – Страхов С.Е. Проекты судебных преобразований XIX века в деятельности Комиссии по составлению законов и М.М. Сперанского // *Актуальные проблемы российского права*. 2016. № 7 (68). С. 11-19.
- Тарановски, 1992** – Тарановски Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России, 1855–1874. М., 1992. С. 301-317.
- Цыкунов, 2014** – Цыкунов Г.А. Предпосылки и проведение судебной реформы 1864 г. // *Глаголь правосудия*. 2014. № 2 (8). С. 86-89.
- Korneva et al., 2016** – Korneva M.K., Krapivin M.Yu., Makarov Yu.N., Dalgatov A.G. Anti-corruption legislation of the Russian empire XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 29-44.
- Kucherov, 1950** – Kucherov S. The Jury as Part of the Russian Judicial Reform of 1864 // *American Slavic and East European Review*. 1950. № 9.2. Pp. 77-90.
- Shchankina et al., 2020** – Shchankina L.N., Fedorova I.A., Tyurin I.V. The Special Court of the Governing Senate as the Russian Empire Highest Judicial Body for the Political Cases // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2688-2697.

References

- Blinov, 1914** – *Blinov, I.A.* (1914). Sudebnaya reforma 20 noyabrya 1864 g.: istoriko-yuridicheskij ocherk Iv. Blinova. [Judicial reform on November 20, 1864: a historical and legal essay by Ivan Blinov]. Petrograd: Senatskaya tipografiya. [2], 234 p. [in Russian]
- Bochkarev, 1915** – *Bochkarev, V.N.* (1915). Doreformenny sud [Pre-reform court]. Sudebnaya reforma. Pod red. N.V.Davydova i N.N. Polyanskogo. M.: Knigoizdatel'stvo «Ob"edinenie». Pp. 205-241. [in Russian]
- Bol'shakova, 2000** – *Bol'shakova, O.V.* (2000). Sudebnaya reforma 1864 goda i formirovanie pravovoj kul'tury v dorevolucionnoj Rossii: Obzor angloyaz. lit. [Judicial reform of 1864 and the formation of legal culture in pre-revolutionary Russia: Review of English-language literature]. *Social. i gumanit. nauki. Otech. i zarubezh. lit.* Ser. 5, Istoriya. M., 1: 7-23. [in Russian]
- Tsykunov, 2014** – *Tsykunov, G.A.* (2014). Predposylki i provedenie sudebnoj reformy 1864 g. [Prerequisites and implementation of judicial reform in 1864]. *Glagol" pravosudiya.* 2(8): 86-89. [in Russian]
- Gessen, 1905** – *Gessen, I.V.* (1905). Sudebnaya reforma. [Judicial reform]. Sankt-Peterburg, [4]. 267 p. [in Russian]
- Isaev, 2014** – *Isaev, I.A.* (2014). Sudebnaya reforma 1864 goda: celi i protivorechiya. [Judicial reform of 1864: goals and contradictions]. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs.* 9-2: 39-43. [in Russian]
- Kazarin, 2014** – *Kazarin, V.N.* (2014). Sudebnaya reforma 1864 g.: evolyuciya podhodov i ocenok na stranicah nauchnyh zhurnalov (pyat'desyat, dvadcat' pyat' let nazad i segodnya) [Judicial reform of 1864: the evolution of approaches and assessments on the pages of scientific journals (fifty, twenty-five years ago and today)]. *Sibirskij juridicheskij vestnik.* 4(67): 29-38. [in Russian]
- Klimanov, 2017** – *Klimanov, A.Yu.* (2017). Iz otechestvennoj istorii reformirovaniya sudebnoj sistemy: sudebnaya reforma 1864 goda [From the domestic history of the reform of the judicial system: judicial reform of 1864]. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava.* 1(26): 123-130. [in Russian]
- Koni, 1914** – *Koni, A.F.* (1914). Otcy i deti sudebnoj reformy: K pyatidesyatiletiu Sudebnyh Ustavov [Fathers and Children of Judicial Reform: To the fiftieth anniversary of Judicial Statutes]. SPb. P. 48. [in Russian]
- Korneva et al., 2016** – *Korneva, M.K., Krapivin, M.Yu., Makarov, Yu.N., Dalgatov, A.G.* (2016). Anti-corruption legislation of the Russian empire XIX – early XX centuries. *Bylye Gody.* 39(1): 29-44.
- Korotkih, 1989** – *Korotkih, M.G.* (1989). Samoderzhavie i sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii. [Autocracy and judicial reform of 1864 in Russia]. Voronezh: izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. 183 p. [in Russian]
- Kucherov, 1950** – *Kucherov, S.* (1950). The Jury as Part of the Russian Judicial Reform of 1864. *American Slavic and East European Review.* 9.2: 77-90.
- Mironov, 2003** – *Mironov, B.N.* (2003). Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social History of Russia during the Empire Period [XVIII – early XX centuries]. V 2 T. 3-e izd., ispr., dop. SPb. V.2. 582 p. [in Russian]
- Nikitenko, 1905** – *Nikitenko, A.V.* (1905). Moya povest' o samom sebe i o tom, «chemu svidetel' v zhizni byl» : zapiski i dnevnik (1804–1877 gg.) [My story about myself and about "what I witnessed in my life": notes and diary (1804-1877)]. A. V. Nikitenko ; pod red., s primech. [i predisl.] M. K. Lemke. 2-e izd., ispr. i dop. po rukop., s alf. ukaz. SPb. 2 V. 632 p. [in Russian]
- Polnoe sobranie..., 1830** – *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii.* [Sobranie 1-e. S 1649 po 12 dekabrya 1825 g.]. SPb. : Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. kancelyarii, 1830. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- Russkaya starina, 1886** – *Russkaya starina.* G. 17. 1886, T. 52, Kn. 10-12. [in Russian]
- Shchankina et al., 2020** – *Shchankina, L.N., Fedorova, I.A., Tyurin, I.V.* (2020). The Special Court of the Governing Senate as the Russian Empire Highest Judicial Body for the Political Cases. *Bylye Gody.* 58(4): 2688-2697.
- Speranskij, 1901** – *Speranskij, M.M.* (1901). Zapiska ob ustrojstve sudebnyh i pravitel'stvennyh uchrezhdenij v Rossii. [A note on the structure of judicial and government institutions in Russia]. SPb.
- Strahov, 2016** – *Strahov, S.E.* (2016). Proekty sudebnyh preobrazovanij XIX veka v deyatelnosti Komissii po sostavleniyu zakonov i M. M. Speranskogo [Projects of judicial transformations of the XIX century in the activities of the Commission on Drafting Laws and M. M. Speransky]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava.* 7(68): 11-19. [in Russian]
- Taranovski, 1992** – *Taranovski, T.* (1992). Sudebnaya reforma i razvitie politicheskoy kul'tury carskoj Rossii [Judicial reform and the development of the political culture of Tsarist Russia]. *Velikie reformy v Rossii. 1855–1874.* M. Pp. 301-317. [in Russian]
- Vilenskij, 1991** – *Vilenskij, B.V.* (1991). Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. Tom 8. Sudebnaya reforma. [Russian legislation of the X-XX centuries. Volume 8. Judicial reform]. M., 496 p. [in Russian]

Сравнительная характеристика состояния судебной системы Российской империи до и после Судебной реформы 1864 года. Часть 1

Иван Сергеевич Денисов ^{a, b, *}, Аллалыев Руслан Мурадович ^{c, d}, Михаил Ильич Кацарский ^e,
Михаил Гурамович Смирнов ^{e, f}

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^d Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

^e РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Москва, Российская Федерация

^f МИРЭА Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. За почти 200-летнюю историю существования Российской империи ее судебная система реформировалась неоднократно. Однако именно реформа Александра II оказала наибольшее влияние, в том числе и на отправление правосудия в современной России. В результате кардинальных изменений процессуального законодательства реформированная российская судебная система никогда не отставала от судебных систем наиболее передовых западноевропейских стран того времени. Данная работа посвящена сравнительной характеристике судебной системы Российской империи до и после Судебной реформы Александра II, произведенной в 1864 году. Исследование состоит из двух частей. В данной статье изложена первая часть исследования, в которой автор описывает состояние судебной системы Российской империи до реформы 1864 года. Он анализирует ключевые проблемы и основные причины, которые послужили предпосылками для принятия решения Александром II о необходимости полного реформирования судебной системы государства. Автор исследовал такие дореформенные принципы правосудия Российской империи, как сословный, презумпция виновности, верховенства закона, доказательности, а также негласности судебного процесса. В данной работе подробно описываются форма и характер применения вышеназванных принципов судопроизводства. Также рассматриваются основные недостатки судопроизводства дореформенного периода, такие как коррупция, низкая квалификация судей, отсутствие независимости и неэффективность самой судебной системы в целом. Автором исследуются и более ранние попытки реформирования системы правосудия, а именно проекты М.М. Сперанского в период правления императора Александра I, а также идеи Д.Н. Блудова в период правления императора Николая I.

Ключевые слова: Российская империя, Александр II, Судебная реформа 1864 г., Закон о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках, судебная власть, суды Российской империи, эффективность судебной системы, принципы правосудия Российской империи, судебные чиновники, М.М. Сперанский, Д.Н. Блудов.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: is.denisov@mail.ru (И.С. Денисов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1197-1206
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1197

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Count A.S. Uvarov and the First Russian Archaeological Dictionary

Yulia G. Kokorina ^{a, *}, Machach M. Vagabov ^a, Vasily A. Rogozhkin ^a, Mustafa Ozturk ^b

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

^b Akdeniz University, Turkey

Abstract

This article is devoted to the page of the history of Russian archeology, which, in our opinion, is undeservedly forgotten – the compilation of the first archaeological dictionary in Russia. It was initiated by the Chairman of the Moscow Archaeological Society, Count A.S. Uvarov. The analysis of his contribution to the compilation of the dictionary makes it possible to highlight the features of this unique personality from a new side, which usually escapes the attention of researchers: to show Count A.S. Uvarov as a lexicographer. This is the novelty of this work. Analysis of the participation of Count A.S. Uvarov in the preparation of the dictionary and a detailed review of the articles that he wrote, allow us to reveal the features of the scientist's talent as a historian. His dictionary entries are characterized by extensive use of historical sources, quoting them in the original, knowledge of modern Russian and foreign literature, and the ability to work with a bibliographic apparatus. Count A.S. Uvarov, as an archaeologist, carefully works with pictorial sources, applies statistical methods, combines various groups of sources – written, ethnographic, archaeological. Special mention should be made of the high linguistic competence of A.S. Uvarov, which manifested itself in the competent organization of dictionary entries with an indication of etymology, including in ancient and foreign languages, conducting real etymological research, bringing synonyms, analyzing the writing of ancient fonts. As a result, we see the personality of a unique scientist who understood the need for terminological work and competently conducts it. This experience is also useful for modern archaeologists.

Keywords: history of archeology, archaeological terminology, lexicography, Count A.S. Uvarov.

1. Введение

Любой специальный словарь, в том числе и археологический, представляет собой способ упорядочения знаний. Обращение специалистов к словарной работе является показателем определенной зрелости области знания, в рамках которой ведется данная работа. В полной мере это относится и к археологии. Несмотря на начавшийся в 2000-х годах «словарный бум», число научных словарей по археологии на русском языке невелико, и обратились к их составлению отечественные авторы относительно недавно (Кокорина, 2011: 261). Поэтому изучение опыта российских археологов XIX века, начавших издавать словарь своей науки на полвека раньше, чем французский исследователь Ж. Дешелетт «Справочник по археологии античной, кельтской и галло-римской» (Déchelette, 1908–1934), представляется актуальным.

Инициатором создания словаря был председатель Московского археологического общества (МАО) граф А.С. Уваров (1825–1885). Личность этого выдающегося общественного деятеля, ученого, организатора археологии привлекает все большее внимание исследователей. Мы хотим понять, как преломились в жанре, обычно ускользавшем от внимания исследователей – в словарной статье,

* Corresponding author

E-mail addresses: kokorina@inbox.ru (Yu.G. Kokorina), 9162803@mail.ru (M.M. Vagabov), dmitrow16@yandex.ru (V.A. Rogozhkin), mustafaoturk@akdeniz.edu.tr (M. Ozturk)

черты этой уникальной личности, одного из первых российских археологов. В этом видится новизна данного исследования.

2. Материалы и методы

В качестве источников исследования послужили публикации «Материалов к словарю российских древностей» в ежегодном периодическом издании Московского археологического общества – «Древности». «Материалы» публиковались в первых десяти выпусках «Древностей» с 1864 по 1874 годы, пока был жив и возглавлял MAO граф А.С. Уваров. Нами были проанализированы все эти выпуски и статьи, написанные ученым. Они подписаны, как правило, либо сокращением «Гр. У», либо «Гр. А. Уваров».

Нами использованы такие методы исторической науки, как сравнительно-исторический (сопоставление событий и явлений), классификационный (выделение классов явлений), дескриптивный (описание событий). Мы применяли общеисторические принципы: принцип историзма (выделение структуры и развития явления, подхода к нему конкретно-исторически), принцип объективности (всестороннее рассмотрение явления, без сокрытия и замалчивания фактов). Сравнительно-исторический метод позволил нам сравнить статьи графа А.С. Уварова и его коллег по MAO, публиковавшиеся в «Материалах». Классификационный метод использован нами для выделения черт А.С. Уварова как историка, археолога, лексикографа, оценки уровня его лингвистической компетенции. Мы применили также лингвистический метод – дефиниционный анализ, позволяющий выявить характерные черты определений, применяемых А.С. Уваровым для трактовки терминов.

3. Обсуждение

История создания «Материалов к словарю российских древностей» кратко рассмотрена одним из авторов данной статьи (Кокорина, 2011: 261-266). В науке доминирует мнение о том, что в издании Московского археологического общества «Древности» «преобладают заурядные, ныне устаревшие работы по древнерусскому искусству и быту» (Клейн, 2018: 309). Не ставя целью разворачивание научной дискуссии, позволим себе отметить, что данная оценка не учитывает уровня развития археологической науки XIX века в России.

Личность А.С. Уварова стала объектом изучения сразу после смерти ученого (Граф Алексей Сергеевич Уваров, 1910). Но не уделяется внимание работе исследователя над словарем. В литературе дореволюционного времени преобладало восторженное отношение к деятельности графа А.С. Уварова, кроме статьи А. А. Спицына (Спицын, 1905). Оценки личности и деятельности А.С. Уварова в советское время отражают условия политической конъюнктуры. Это отношение к А.С. Уварову как к основателю российской археологической науки (Готье, 1925; Жебелев, 1923) – и полное отрицание заслуг ученого (Равдоникас, 1930; Арциховский, 1947, Арциховский, 1955). Этапом в изучении личности и творчества графа А.С. Уварова стала работа А.А. Формозова (Формозов, 1993). Именно ее, дополнив сведениями о предках графа, изложил в своем труде Л.С. Клейн (Клейн, 2018). В последних двух работах упоминается, что молодой граф – член Археолого-нумизматического общества в Петербурге, «предложил издавать археологический словарь и сам представил образец статей на букву «А» (Клейн, 2018: 301). В обеих работах сообщается, что «поставив перед Обществом (MAO – Авт.) задачу создать археологический словарь, Уваров всячески поощрял публикацию материалов для него и сам участвовал в этом, написав 30 таких статей: «Апракос», «Алкопос», «Потир», «Божница», «Закомара» и т.д. (Клейн, 2018: 309-310). В воспоминаниях супруги А.С. Уварова, П.С. Уваровой, о работе над словарем информации нет (Уварова, 2005).

Современные авторы изучают различные аспекты многогранной деятельности А.С. Уварова (Пискотина, 2017; Макаров, 2015; Бархат, 1955; Кызласов, 2009), но ни один из них не упоминает работу ученого как лексикографа.

4. Результаты

Формирование А.С. Уварова как ученого-терминолога

А.С. Уваров родился в 1825 году и был единственным сыном министра просвещения С.С. Уварова, автора концепции «Самодержавие – православие – народность». Окончил отделение словесности философского факультета Петербургского университета, что способствовало не только проявлению интереса к античности, но и формированию понимания ценности и необходимости составления научных словарей. Служа в Министерстве иностранных дел, слушал лекции в Берлинском и Гейдельбергском университетах. Став сотрудником Кабинета Его Величества, проводил археологические раскопки славянских курганов и разведки античных памятников Северного Причерноморья, увлекался коллекционированием славянских древностей и античных монет.

Выступил инициатором создания Московского археологического общества, целью которого было преимущественное изучение не античных, а славянских древностей (Клейн, 2018: 324). Как говорил И.Е. Забелин, «эта заветная мысль, которой он отдавался всем сердцем и служил ей до

последних дней, стремилась к той высокой цели, чтобы достояние археологической науки, археологическое знание, сделать достоянием всего общества» (Забелин, 1885: 6).

Исходя из изложенного, понимание графом А.С. Уваровым необходимости терминологической работы в археологии выглядит закономерным. Выступая перед членами МАО 1 декабря 1864 года, «председатель предложил на обсуждение господ членов вопрос о составлении терминологического словаря. По совещании господ члены признали необходимость составить особую комиссию, которой поручили составление словаря. В комиссию избраны большинством голосов граф Уваров, Афанасьев, Иловайский, Филимонов и Забелин» (Доклад..., 1865: 4). «Доклад комиссии по составлению археологического словаря» подписали А.С. Уваров, Д.И. Иловайский, И.Е. Забелин (Доклад..., 1865: 4). Согласно этому документу, «Словарь русских древностей» представляет русскую археологию, «то есть все древности, существующие в России с самых древнейших времен до XVIII века» (Доклад..., 1865: 15-16). Под названием «Материалы для словаря русских древностей» их предполагалось публиковать в издании Общества в алфавитном порядке (Доклад..., 1865: 10). Поражает широта концепции словаря: «мифология, нумизматика, гербы и печати, художественное и ремесленное производство, иконография, символика, палеография, общественный и домашний быт, одежды и домашняя утварь, судоходство, промыслы, государственный и юридический быт, церковные древности и обряды, биографические известия о художниках и писцах, библиография печатных и рукописных сочинений, археологические собрания, географические названия и археологическая топография, названия животных и растений, встречаемых в памятниках, медицина» (Доклад..., 1865: 10). Такой широкий тематический охват отражал представление археологов второй половины XIX в. о задачах своей науки, как говорил сам граф, «бытоописание народа» (Уваров, 1910: 184). «Материалы» публикуются все годы жизни и председательства в МАО А.С. Уварова. Но после 1885 г. в «Древностях» материалы к словарю не публиковались, не был издан и сам «Словарь русских древностей». «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», указывая на публикации Московского археологического общества, сообщает, что «...здесь особенную ценность имеет археологический словарь, в составлении, или, лучше сказать, в собирании материалов для которого среди многих ученых более других приняли участие: граф А.С. Уваров, И.Е. Забелин, Н.А. Котляревский, Д.О. Шеппинг и другие» (Энциклопедический словарь, 1890: 238).

В 1911 г. супруга А.С. Уварова, графиня П.С. Уварова, упоминает в заключительном слове среди дел, которые завещал окончить ее муж, «разработку Археологического словаря, в котором до сих пор ощущается потребность» (Уварова, 1911: 121). Однако в последующих номерах «Материалы» не публиковались (последний том «Древностей» – 25-й – вышел в 1916 г.).

В написании А.С. Уваровым статей для «Материалов» необходимо выделить те качества, которые французский ученый Александр Блок обозначит как «мастерство историка».

А.С. Уваров – мастерство историка

А.С. Уваров проявляет себя как подлинный историк древности, умеющий работать с архивными и библиотечными материалами. В статье «Апракос» он приводит цитаты на церковнославянском языке из Евангелий XIII–XIV веков, давая подробные ссылки на материалы фондов Румянцевского музея. Завершается статья приведением библиографии, что не было частым явлением на страницах «Материалов» (Гр. У, 1865–1867: 26-27). Трактую слово «ердань», А.С. Уваров не только приводит цитату из источника: «ердань отлас желтой травчатой; надложена патрахиль тафтою красною» – с точной ссылкой, но и дает собственное определение этому шейному элементу церковного облачения (Гр. У, 1865–1867: 36).

Даже в небольшой словарной статье «Авдей» граф А.С. Уваров дает анализ: «следовательно, Авдей занимался не простою каменной работою, а ваянием узоров из камня» (Гр. У, 1873: 1). При этом ученый знаком не только с древними источниками, но и с современной литературой, из которой черпает редкие сведения: так, говоря о судьбе острога, основанного Хабаровым, граф ссылается на «Санкт-Петербургские Академические ведомости» 1857 года (Гр. У, 1873: 2). Иногда А.С. Уваров не дает собственных дефиниций, а приводит цитаты из исторического источника, цитирует летопись 1276 года (Гр. У, 1873: 3).

Мастерство А.С. Уварова-историка проявляется в умении составления библиографий. Например, в статье «Архангельская губерния» приведен хронологический список публикаций по истории и археологии Архангельска и близлежащих населенных пунктов, занимающий три страницы «Древностей» (Гр. У, 1873: 15-18). То же по Пермской области (Гр. У, 1873: 31-34).

Одна из излюбленных тем ученого – рассказ о русских зодчих, сведения о которых он по крупицам собирает из различных источников, в том числе и по статистическим описаниям, как, например, указание на то, что Маков Гавриил Дмитриевич построил каменную церковь в Свенском Успенском монастыре близ Брянска (Гр. У, 1873: 28).

А.С. Уваров обладает широкой эрудицией, цитирует работы Д. Сахарова «Сказания русского народа» и Ш. Дюканжа «Топография Царьграда». И здесь же – цитата на церковнославянском языке из рукописи, с указанием даже почерка: «полуустав» (Гр. У, 1865–1867: 78).

Во втором томе «Древностей» Уварову принадлежит, в частности, словарная статья объемом в 17 страниц «Жилища. Деревянные постройки» – специальное исследование, начинающееся с обзора

источников, среди которых письменные (летописи, сказания), этнографические (анalogии в устройстве жилищ викингов) и лингвистические (этимология названий элементов конструкции древнерусского жилища, заимствованных из греческого языка). Использует граф и изобразительные источники – изображение дакского жилища на знаменитой «колонне Траяна». Статья богато иллюстрирована, прориси подобраны по классам: отдельно – изображения дворов, отдельно – ворот, отдельно – дымоходов, отдельно – окон (по миниатюрам из русских летописей и изображениям на иконах). Статья завершается списком литературы из пятнадцати наименований (Уваров, 1870:17-34).

А.С. Уваров умело сочетает работу с письменными, изобразительными и археологическими источниками. Так, в статье «Рало» ученый приводит цитаты из летописей с упоминанием рала, или сохи, комментирует изображение пахаря на летописной миниатюре и сообщает о собственных раскопках и находке рала в могиле (Гр. Уваров, 1870: 45). В небольшой словарной статье проводит целое научное исследование, приводя цитаты на древнегреческом языке со ссылками на публикации о том, что киевская божница находилась рядом с рынком, называемым Туром, и дискутируя с историком Закревским, ассоциировавшим Тура с норманским богом Тором (Гр. У, 1873: 20).

А.С. Уваров как археолог в написании словаря

Мастерство А.С. Уварова как археолога проявляется в стремлении привлечь изобразительные источники к трактовкам терминов в «Материалах»: так, в статье «Август» он указывает на изображение в рукописи XVIII века символа месяца августа «в виде девы, держащей в левой руке сноп, а в правой – пук зелени» (Гр. У, 1873: 1). Давая трактовку термину «Авдий» (святой), исследователь приводит летописное описание его внешности, сравнивая византийские и древнерусские источники с ссылками на них, причем, цитируя рукопись 1658 года из собственного собрания, дает ссылку на издание Ватикана (Гр. У, 1873: 3).

Ученый приводит примечание к статье Д.Ш., указывая, что Алконост – одна из священных птиц в православии – изображается на Дмитровском соборе и на монетах Рязанского князя Василия Иоанновича между двух звезд, что связано с ассоциацией птицы с Плеядами – покровителями мореплавания (Гр. У, 1865–1867: 20).

Свое мастерство археолога он проявляет и в статье, посвященной, казалось бы, утилитарному предмету – «билу, или клепалу». А.С. Уваров приводит названия этой вещи на древнегреческом и латинском языках со ссылками на соответствующих авторов, цитирует упоминания в русских летописях с подробными ссылками, в том числе и на экземпляры из собственного собрания. Наконец, дословно цитирует описание клепала, приведенное в «Отечественных записках» 1828 года. Статья завершается библиографией работ на трех языках – латинском, немецком, греческом (Гр. У, 1865–1867: 30-31). А.С. Уваров – внимательный исследователь. Он трижды возвращается к трактовке термина «било», помечая «добавление» и приводя цитату из памятника XII века – «Путешествия Святого Антония» (Гр. У, 1873: 18), трижды возвращается он и к термину «потир», приводя все новые цитаты из древнерусских документов (Гр. У, 1873: 37). Граф приводит рисунок сосуда и ссылку на источник, из которого взято изображение (Гр. У, 1865–1867: 41).

А.С. Уваров подробно описывает вскрытие пола в церкви в имении князя Курбского, высказывает предположения о личности погребенных. Он приводит планы раскопок и реконструкции гробниц, что было ново для того времени (Гр. У, 1870: 35-37).

В статье «курган» нет ни дефиниции, ни, собственно, текста, а дается список литературы на разных языках объемом в пять страниц, в который включены «издания по части курганов, раскопанных в разных странах, так и описания предметов, найденных в разных курганах» (Гр. Уваров и А. Котляревский, 1870: 36-41). При этом список структурирован: отдельно выделены работы, посвященные польским, чешским и сербским курганам.

А.С. Уваров применяет статистические методы, что было очень ново в то время и необычно для словарной статьи. Так, в статье «серп» ученый не только ссылается на археологическую документацию находок серпов, но и приводит данные о том, что в раскопках у с. Васильки Владимирской губернии из 291 кургана серпы обнаружены всего в двух на глубине 1 и 1,5 аршин (Гр. У, 1870: 46).

Лингвистическая компетентность А.С. Уварова – составителя словаря

Высокая лингвистическая компетентность автора проявляется в стремлении привести как можно больше синонимов к термину уже в названии статьи: «сионь, или ерусалимы, или иерусалимы церковные» (Гр. У, 1865–1867: 74). Граф Уваров указывает на первое применение этого термина в 1175 году в летописи, приводя точную цитату и ссылку на «Полное собрание русских летописей». Проводит он текстологическое и археологическое исследования, анализируя сионь, происходящие из Москвы и Новгорода, при этом указывает на возможное западноевропейское происхождение последних. Основой для этого заключения ученому послужили ошибки в славянских надписях на предметах: употребление латинских букв вместо кириллицы (Гр. У, 1865–1867: 74). Даже в небольшой статье «сиколой» ученый приводит варианты написания и этимологию термина на греческом языке, обозначающего дерево для вырезания икон или панатий (Гр. У, 1865–1867: 72).

Указывая значение слова, А.С. Уваров стремится охватить весь его спектр, обратившись к источникам, описывающим каждый из вариантов. Примером подобного подхода является статья

«комара», в которой исследователь трактует оба значения: камера, комната и свод (такой комнаты) (Гр. У, 1870: 34).

Иностранные термины ученый приводит в древнегреческом и латинском написании, как, например, термин *Asasia* (церемониальный жезл византийских императоров), при этом ссылаясь на труд на латинском языке (Гр. У, 1873: 14). Приводя термин, А.С. Уваров дает к нему синонимы и древнегреческое написание: например, трактуя термин «божница», граф приводит синонимы: «богадельня, странноприимица или странноприимный дом» (Гр. У, 1873: 20). Он осуществляет собственное лингвистическое исследование для термина «вап», указывая его греческий источник и давая значение – краска, макать в краску на воде и клее, которая могла стираться. Подтверждает он свое мнение цитатой и ссылкой на древнерусский источник XII века (Гр. У, 1873: 22). А.С. Уваров проводит терминологическое исследование источника, в частности трактуя терем великий как купол храма у Антония XII века, приводя как греческие источники и эквиваленты, так и проводя археологическое исследование, подсчитав, что 16,25 пудов золота должны покрыть большое пространство (Гр. У, 1873: 45). Граф вводит новый термин «романист», который является из приведенного им греческого эквивалента со ссылкой на Ш. Дюкана – пробой, элемент царских врат в православном храме (Гр. У, 1873: 40).

А.С. Уваров уделял значительное внимание терминологии. В его архиве хранятся «Словарь иконописцев», составленный графом в 1857 году, объемом в 115 листов (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 276) и «Словарь исторический о святых, прославляемых в российской церкви», созданный в 1862 году, объемом в 186 листов (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 279).

Внимание к оформлению библиографического аппарата статей было возможно благодаря тому, что им составлены «Библиографические записки по археологии» объемом в 116 листов (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 235), «Каталог энциклопедий XVIII – первой половины XIX веков с записями разделов по истории и мемуарам» на французском языке на 23 листах (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 61).

Граф А.С. Уваров, составляя библиографические списки археологической литературы, посвященной изучению отдельных губерний, видимо, использовал такие подробные по тому времени географические источники, как хранящийся в его архиве «Дорожный атлас большой дороги Орловского наместничества» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Описание 2. Ед. хр. 39), и составлял лично библиографический указатель не только по истории, но и по географии Европы (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 39).

Свидетельством его высокой лингвистической компетентности является составление «Библиографического указателя иностранных и русских изданий XVII–XIX веков (до 1866 года) по лингвистике», который включает 12 тетрадей общим объемом в 71 лист (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 39).

5. Заключение

Таким образом, А.С. Уваров не только был инициатором написания первого русского археологического словаря, но и проявил исключительное мастерство как историк и археолог, в его статьях видна высокая лингвистическая компетентность. Все эти качества проявляются в том внимании, которое уделял ученый словарной работе.

Среди работ коллег статьи А.С. Уварова отличаются не только научным уровнем, но и особым владением *Ars Lexicographica*. Статьи других членов МАО, как правило, не имеют библиографического аппарата, в них редки синонимы и этимологические изыскания. С одной стороны, это обусловлено блестящим образованием А.С. Уварова, которое нельзя сравнить с образовательным уровнем того же И.Е. Забелина, ставшего выдающимся историком и археологом благодаря упорному труду в Оружейной палате, Московском Кремле, Императорской археологической комиссии (учебным заведением, которое окончил И.Е. Забелин, было Сиротское училище). С другой стороны, статьи графа А.С. Уварова выделяются на общем фоне благодаря его высокой культуре как ученого, высокой ответственности перед читателем словаря, стремлению создать в виде каждой словарной статьи настоящее научное исследование. Таким образом, перед нами предстает масштабная личность талантливого историка, археолога, лингвистически грамотного человека, организатора науки, личность, настоящие масштабы которой нам еще предстоит оценить и которая представляла ряд выдающихся деятелей отечественной археологии XIX века.

Литература

Анучин, 1886 – Анучин Д.Н. Граф Алексей Сергеевич Уваров // *Труды VI Археологического съезда*. Одесса, Б.и. 1886. Т. 1. С. 3-20.

Арциховский, 1947 – Арциховский А.В. Введение в археологию. М.: МГУ, 1947. 220 с.

Арциховский, 1955 – Арциховский А.В. Археология / *Очерки истории исторической науки в СССР*. М.-Л.: Наука, 1955. Т. 1. С. 521-550.

Бархат, 1955 – Бархат И.М. А.С. Уваров – Герцену // *Литературное наследство*. 1955. Т. 62. С. 604.

- Готье, 1925 – Готье Ю.В. Очерки по истории материальной культуры восточной Европы до основания первого русского государства. Л.: Брокгауз–Ефрон, 1925. Т. 1. 270 с.
- Гр. У., 1865–1867 – Уваров А.С. Апракос / *Древности*. М.: Типография Грачева и К, 1865–1867. Т. 1. С. 26–27.
- Гр. У., 1865–1867 – Уваров А.С. Било, или клепало / *Древности*. М.: Типография Грачева и К, 1865–1867. Т. 1. С. 30–31.
- Гр. У., 1865–1867 – Уваров А.С. Ердань / *Древности*. М.: Типография Грачева и К, 1865–1867. Т. 1. С. 36.
- Гр. У., 1865–1867 – Уваров А.С. Кандия // *Древности*. М.: Типография Грачева и К, 1865–1867. Т. 1. С. 41.
- Гр. У., 1865–1867 – Уваров А.С. Обыденные, единокровные церкви / *Древности*. М.: Типография Грачева и К, 1865–1867. Т. 1. С. 45–47.
- Гр. У., 1865–1867 – Уваров А.С. Примечание / *Древности*. М.: Типография Грачева и К, 1865–1867. Т. 1. С. 20.
- Гр. У., 1865–1867 – Уваров А.С. Сиколой или Сикалой / *Древности*. М.: Типография Грачева и К, 1865–1867. Т. 1. С. 72.
- Гр. У., 1865–1867 – Уваров А.С. Сионы или ерусалимы или иерусалимы церковные / *Древности*. М.: Типография Грачева и К, 1865–1867. Т. 1. С. 72–74.
- Гр. У., 1865–1867 – Уваров А.С. Федора Студийского монастырь в Царьграде / *Древности*. М.: Типография Грачева и К, 1865–1867. Т. 1. С. 78.
- Гр. У., 1873 – Уваров А.С. Асасия / *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 1.
- Гр. У., 1873 – Уваров А.С. Август месяц / *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 1.
- Гр. У., 1873 – Уваров А.С. Авдей / *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 1.
- Гр. У., 1873 – Уваров А.С. Авдий, пророк / *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 3.
- Гр. У., 1873 – Уваров А.С. Албазин // *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 2.
- Гр. У., 1873 – Уваров А.С. Алекса, градоруб / *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 3.
- Гр. У., 1873 – Уваров А.С. Архангельская губерния / *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 15–18.
- Гр. У., 1873 – Уваров А.С. Било (добавление) / *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 18.
- Гр. У., 1873 – Уваров А.С. Божница / *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 22.
- Гр. У., 1873 – Уваров А.С. Божница / *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 20.
- Гр. У., 1873 – Уваров А.С. Керемиды / *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1870. Т. 2. С. 35–37. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 26.
- Гр. У., 1873 – Уваров А.С. Маков Гавриил Дмитриевич / *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 28.
- Гр. У., 1873 – Уваров А.С. Малый Алтарь / *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 28.
- Гр. У., 1873 – Уваров А.С. Пермская область / *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 31–34.
- Гр. У., 1873 – Уваров А.С. Потир (добавление) / *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 37.
- Гр. У., 1873 – Уваров А.С. Романист / *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 40.
- Гр. У., 1873 – Уваров А.С. Терем великий // *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 45.
- Гр. У., 1873 – Уваров А.С. Трудоватица // *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1873. Т. 3. С. 46.
- Гр. У., 1925 – подпись А.С. Уварова под созданными им словарными статьями.
- Гр. Уваров, 1870 – Уваров А.С. Рало // *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1870. Т. 2. С. 45.
- Граф Алексей Сергеевич Уваров, 1910 – Граф Алексей Сергеевич Уваров. Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам: Сборник: Издан ко дню 25-летия со дня кончины / Под ред. гр. П.С. Уваровой. М.: Товарищество типографий А.И. Мамонтова, 1910. Т. 3. 1910. 374 с.
- Доклад, 1865–1867 – Доклад комиссии о составлении археологического словаря / *Древности*. Т. 1. М.: Типография Грачева и К, 1865–1867. С. 4–16.
- Жебелев, 1923 – Жебелев С.А. Введение в археологию. Петроград: Наука и школа, 1923. Ч. 1. 172 с.
- Забелин, 1885 – Забелин И.Е. Речь Председателя Императорского общества истории и древностей российских / Незабвенной памяти графа Алексея Сергеевича Уварова. Речи, прочитанные на соединенном заседании ученых обществ 28 февраля 1885 года. М.: В Синодальной типографии, 1885. С. 5–21.
- Клейн, 2018 – Клейн Л.С. История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2018. 704 с.

- Кокорина, 2011** – Кокорина Ю.Г. Терминосистема концептуальной области «Археология». М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2011. 352 с.
- Кызласов, 2009** – Кызласов И.Л. П. Кондаков и А.С. Уваров (по материалам переписки) // *ARCHEOLOGIA ABRAHAMICA*. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М.: Индрик, 2009. С. 93-115.
- Макаров, 2015** – Макаров Н.А. А.С. Уваров и начало археологического изучения Северо-Восточной Руси // *Археология Владимиро-Суздальской земли*. 2015. № 5. С. 3-13.
- ОПИ ГИМ** – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
- Пискотина, 2017** – Пискотина В.А. А.С. Уваров и проведение первых археологических съездов: дело, ставшее традицией // *Актуальные проблемы отечественной истории. Сборник научных трудов*. М.: Планета, 2017. С. 27-32.
- Равдоникас, 1930** – Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры // *Известия Государственной академии истории материальной культуры*. 1930. Т. VII. Вып. 3–4. 94 с.
- Спицын, 1905** – Спицын А.Л. Владимирские курганы. СПб. Б.и. 1905. 90 с.
- Уваров, 1870** – Уваров А.С. Жилища. Деревянные постройки. Материалы к словарю российских древностей / *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1870. Т. 2. С. 17-34.
- Уваров, 1870** – Уваров А.С. Закамара. Материалы к словарю российских древностей / *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1870. Т. 2. С. 34.
- Уваров, 1870** – Уваров А.С. Серп. Материалы к словарю российских древностей / *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1870. Т. 2. С. 46.
- Уваров, 1910** – Уваров А.С. Сборник мелких трудов. Материалы для биографии и статьи по теории археологии. Под ред. П.С. Уваровой. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1910. Т. 1. 408 с.
- Уваров, Котляревский, 1870** – Уваров А.С., Котляревский И.А. Курганы. Материалы к словарю российских древностей // *Древности*. М.: В Синодальной типографии, 1870. Т. 2. С. 36-41.
- Уварова, 1911** – Уварова П.С. Заключительное слово // *Древности*. Т. 23. Вып. 1. М.: Синодальная типография, 1911. С. 121.
- Уварова, 2005** – Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Издательство имени Сабашиных, 2005. 296 с.
- Формозов, 1993** – Формозов А.А. А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // *Российская археология*. 1993. № 3. С. 228-245.
- Энциклопедический словарь, 1890** – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. Т. 2. 1890. 264 с.
- Déchelette, 1908–1934** – Déchelette J. Manuel d'Archéologie Préhistorique, Celtique et Gallo-romaine. Paris: Picard, 1908–1934. Т. 1–6.

References

- Anuchin, 1886** – Anuchin, D.N. (1886). Graf Aleksei Sergeevich Uvarov [Count Alexey Sergeevich Uvarov]. *Trudy VI Arkheologicheskogo s'ezda*. Odessa, B.i. Т. 1. Pp. 3-20. [in Russian]
- Artsikhovskii, 1947** – Artsikhovskii, A.V. (1947). Vvedenie v arkheologiyu [Introduction to archaeology]. М.: MGU, 220 p. [in Russian]
- Artsikhovskii, 1955** – Artsikhovskii, A.V. (1955). Arkheologiya [Archeology]. Ocherki istorii istoricheskoi nauki v SSSR. М.-Л.: Nauka. Т. 1. S. 521-550. [in Russian]
- Barkhat, 1955** – Barkhat, I.M. (1955). A.C. Uvarov – Gertsenu // *Literaturnoe nasledstvo*. 1955. Т. 62. S. 604. [in Russian]
- Déchelette, 1908–1934** – Déchelette, J. (1908–1934). Manuel d'Archéologie Préhistorique, Celtique et Gallo-romaine [Handbook of Prehistoric, Celtic and Gallo-Roman Archeology]. Paris: Picard. Т. 1–6. [in French]
- Doklad, 1865–1867** – Doklad komissii o sostavlenii arkheologicheskogo slovarya [Report of the Commission on the compilation of an archaeological dictionary]. *Drevnosti*. Т. 1. М.: Tipografiya Gracheva i K., 1865–1867. Pp. 4-16. [in Russian]
- Entsiklopedicheskii slovar', 1890** – Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. SPb. Т. 2. 1890. 264 p. [in Russian]
- Formozov, 1993** – Formozov, A.A. (1993). A.S. Uvarov i ego mesto v istorii russkoi arkheologii [Uvarov and his place in the history of Russian archaeology]. *Rossiiskaya arkheologiya*. 3: 228-245. [in Russian]
- Got'e, 1925** – Got'e, Yu.V. (1925). Ocherki po istorii material'noi kul'tury vostochnoi Evropy do osnovaniya pervogo russkogo gosudarstva [Essays on the history of material culture of Eastern Europe before the foundation of the first Russian state]. Л.: Brokgauz–Efron. Т. 1. 270 p. [in Russian]
- Gr. U., 1865–1867** – Uvarov, A.S. (1865–1867). Sikoloi ili Sikaloi [Sikola or Sikala]. *Drevnosti*. М.: Tipografiya Gracheva i K. Т. 1. P. 72. [in Russian]
- Gr. U., 1865–1867** – Uvarov, A.S. (1865–1867). Siony ili erusalimy ili ierusalimy tserkovyne [Zion or Jerusalem or Jerusalem church]. *Drevnosti*. М.: Tipografiya Gracheva i K. Т. 1. Pp. 72-74. [in Russian]
- Gr. U., 1865–1867** – Uvarov, A.S. (1865–1867). Aprakos [Aprakos]. *Drevnosti*. М.: Tipografiya Gracheva i K. Т. 1. Pp. 26-27. [in Russian]

- Gr. U., 1865–1867 – Uvarov, A.S. (1865–1867). Bilo, ili klepalo [Bilo, or riveted]. *Drevnosti*. M.: Tipografiya Gracheva i K. T. 1. Pp. 30-31. [in Russian]
- Gr. U., 1865–1867 – Uvarov, A.S. (1865–1867). Erdan' [Yerdan]. *Drevnosti*. M.: Tipografiya Gracheva i K. T. 1. P. 36. [in Russian]
- Gr. U., 1865–1867 – Uvarov, A.S. (1865–1867). Fedora Studiiskogo monastyr' v Tsar'grade [Fyodor Studiysky monastery in Tsargrad]. *Drevnosti*. M.: Tipografiya Gracheva i K. T. 1. P. 78. [in Russian]
- Gr. U., 1865–1867 – Uvarov, A.S. (1865–1867). Kandiya [Kandiya]. *Drevnosti*. M.: Tipografiya Gracheva i K. T. 1. P. 41. [in Russian]
- Gr. U., 1865–1867 – Uvarov, A.S. (1865–1867). Obydennye, edinodnevnnye tserkvi [Ordinary, one-day churches]. *Drevnosti*. M.: Tipografiya Gracheva i K. T. 1. Pp. 45-47. [in Russian]
- Gr. U., 1865–1867 – Uvarov, A.S. (1865–1867). Primechanie [Note]. *Drevnosti*. M.: Tipografiya Gracheva i K. T. 1. P. 20. [in Russian]
- Gr. U., 1873 – Uvarov, A.S. (1873). Potir (dobavlenie) [Potir (appendix)]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. P. 37. [in Russian]
- Gr. U., 1873 – Uvarov, A.S. (1873). Terem velikii [Terem the Great]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. P. 45. [in Russian]
- Gr. U., 1873 – Uvarov, A.S. (1873). Trudovatitsa [Trudovatitsa]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. P. 46. [in Russian]
- Gr. U., 1873 – Uvarov, A.S. (1873). Acacia [Acacia]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. P. 1. [in Russian]
- Gr. U., 1873 – Uvarov, A.S. (1873). Albazin [Albazin]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. P. 2. [in Russian]
- Gr. U., 1873 – Uvarov, A.S. (1873). Aleksa, gradorub [Alex, bilder]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. P. 3. [in Russian]
- Gr. U., 1873 – Uvarov, A.S. (1873). Arkhangel'skaya guberniya [Arkhangelsk province]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. Pp. 15-18. [in Russian]
- Gr. U., 1873 – Uvarov, A.S. (1873). Avdei [Avdey]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. P. 1. [in Russian]
- Gr. U., 1873 – Uvarov, A.S. (1873). Avdii, prorok [Avdiy, the prophet]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. P. 3. [in Russian]
- Gr. U., 1873 – Uvarov, A.S. (1873). Avgust mesyats [The month of August]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. P. 1. [in Russian]
- Gr. U., 1873 – Uvarov, A.S. (1873). Bilo (dobavlenie) [Bilo (appendix)]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. P. 18. [in Russian]
- Gr. U., 1873 – Uvarov, A.S. (1873). Bozhnitsa [Bozhnitsa]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. P. 22. [in Russian]
- Gr. U., 1873 – Uvarov, A.S. (1873). Keremida [Keremida]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii, 1870. T. 2. S. 35-37. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. P. 26. [in Russian]
- Gr. U., 1873 – Uvarov, A.S. (1873). Makov Gavriil Dmitrievich [Makov Gavriil Dmitrievich]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. P. 28. [in Russian]
- Gr. U., 1873 – Uvarov, A.S. (1873). Malyi Altar' [Small Altar]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. P. 28. [in Russian]
- Gr. U., 1873 – Uvarov, A.S. (1873). Permskaya oblast' [Perm region]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. Pp. 31-34. [in Russian]
- Gr. U., 1873 – Uvarov, A.S. (1873). Romanist [Novelist]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 3. P. 40. [in Russian]
- Gr. U., 1925 – Podpis' A.S. Uvarova pod sozdannymi im slovarnymi stat'yami [The signature of A.S. Uvarov under the dictionary articles created by him]. [in Russian]
- Gr. Uvarov, 1870 – Uvarov, A.S. (1870). Ralo [Ralo]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 2. P. 45. [in Russian]
- Graf Aleksei Sergeevich Uvarov, 1910 – Graf Aleksei Sergeevich Uvarov. Materialy dlya biografii i stat'i po teoreticheskim voprosam: Sbornik: Izdan ko dnyu 25-letiya so dnya konchiny [Count Alexey Sergeevich Uvarov. Materials for a biography and articles on theoretical issues: Collection : Published on the day of the 25th anniversary of his death]. Pod red. gr. P.S. Uvarovoi. M.: Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova, 1910. T. 3. 1910. 374 p. [in Russian]
- Klein, 2018 – Klein, L.S. (2018). Istoriya Rossiiskoi arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti [History of russian archeology: teachings, schools and personalities]. T. 1. Obshchii obzor i dorevolutsionnoe vremya. SPb.: EVRAZIYA. 704 p. [in Russian]
- Kokorina, 2011 – Kokorina, Yu.G. (2011). Terminosistema kontseptual'noi oblasti «Arkheologiya» [The term system of the conceptual field “Archeology”]. M.: Knizhnyi dom LIBROKOM, 352 p. [in Russian]
- Kyzlasov, 2009 – Kyzlasov, I.L. (2009). P. Kondakov i A.S. Uvarov (po materialam perepiski) [P. Kondakov and A.S. Uvarov (based on correspondence materials)]. *ARCHEOLOGIA ABRAHAMICA*.

Issledovaniya v oblasti arkheologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama. M.: Indrik, pp. 93-115. [in Russian]

Makarov, 2015 – *Makarov, N.A.* (2015). A.S. Uvarov i nachalo arkheologicheskogo izucheniya Severo-Vostochnoi Rusi [Uvarov and the beginning of the archaeological study of North-Eastern Russia]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoi zemli*. 5: 3-13. [in Russian]

OPI GIM – Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Department of written sources of the State historical museum].

Piskotina, 2017 – *Piskotina, V.A.* (2017). A.S. Uvarov i provedenie pervykh arkheologicheskikh s"ezdov: delo, stavshee traditsiei [Uvarov and the holding of the first archaeological congresses: a matter that has become a tradition]. *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii. Sbornik nauchnykh trudov*. M.: Planeta. Pp. 27-32. [in Russian]

Ravdonikas, 1930 – *Ravdonikas, V.I.* (1930). Za marksistskuyu istoriyu material'noi kul'tury [For the Marxist history of material culture]. *Izvestiya Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*. T. VII. Vyp. 3-4. 94 p. [in Russian]

Spitsyn, 1905 – *Spitsyn, A.L.* (1905). Vladimirskie kurgany [Vladimir mounds]. SPb. B.i. 90 p. [in Russian]

Uvarov, 1870 – *Uvarov, A.S.* (1870). Serp [Sickle]. Materialy k slovaryu rossiiskikh drevnostei. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 2. P. 46. [in Russian]

Uvarov, 1870 – *Uvarov, A.S.* (1870). Zakamara [Zakamara]. Materialy k slovaryu rossiiskikh drevnostei. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 2. P. 34. [in Russian]

Uvarov, 1870 – *Uvarov, A.S.* (1910). Zhilishcha. Derevyannye postroiiki [Dwellings. Wooden buildings]. Materialy k slovaryu rossiiskikh drevnostei. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii, 1870. T. 2. Pp. 17-34. [in Russian]

Uvarov, 1910 – *Uvarov, A.S.* (1910). Sbornik melkikh trudov. Materialy dlya biografii i stat'i po teorii arkheologii [Collection of minor works. Materials for a biography and articles on the theory of archaeology]. Pod red. P.S. Uvarovoi. M.: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko. T. 1. 408 p. [in Russian]

Uvarov, Kotlyarevskii, 1870 – *Uvarov, A.S., Kotlyarevskii, I.A.* (1870). Kurgany. Materialy k slovaryu rossiiskikh drevnostei [Mounds. Materials for the Dictionary of Russian Antiquities]. *Drevnosti*. M.: V Sinodal'noi tipografii. T. 2. Pp. 36-41. [in Russian]

Uvarova, 1911 – *Uvarova, P.S.* (1911). Zaklyuchitel'noe slovo [Final word]. *Drevnosti*. T. 23. Vyp. 1. M.: Sinodal'naya tipografiya. P. 121. [in Russian]

Uvarova, 2005 – *Uvarova, P.S.* (2005). Byloe. Davno proshedshie schastlivye dni The Past. Happy days long gone]. M.: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh. 296 p. [in Russian]

Zabelin, 1885 – *Zabelin, I.E.* (1885). Rech' Predsedatelya Imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh [Speech of the Chairman of the Imperial society of russian history and antiquities]. Nezabvennoi pamyati grafa Alekseya Sergeevicha Uvarova. Rechi, pročitannye na soedinennom zasedanii uchenykh obshchestv 28 fevralya 1885 goda. M.: V Sinodal'noi tipografii. Pp. 5-21. [in Russian]

Zhebelev, 1923 – *Zhebelev, S.A.* (1923). Vvedenie v arkheologiyu [Introduction to archaeology]. Petrograd: Nauka i shkola. Ch. 1. 172 p. [in Russian]

Граф А.С. Уваров и первый российский археологический словарь

Юлия Георгиевна Кокорина ^{a, *}, Махач Мустафаевич Вагабов ^a, Василий Алексеевич Рогожкин ^a, Мустафа Озтюрк ^b

^a Московский политехнический университет, Российская Федерация

^b Университет Акдениз, Турция

Аннотация. Данная статья посвящена странице истории российской археологии, которая является, на наш взгляд, незаслуженно забытой, – составлению первого археологического словаря в России. Его инициатором выступил председатель Московского археологического общества граф А.С. Уваров. Анализ его вклада в составление словаря позволяет высветить особенности этой уникальной личности с новой стороны, которая обычно ускользает от внимания исследователей: показать А.С. Уварова как лексикографа. В этом видится новизна данной работы. Анализ участия графа в подготовке словаря и подробное рассмотрение статей, которые он написал, позволяют раскрыть особенности таланта ученого как историка. Для его словарных статей характерно широкое использование исторических источников, цитирование их в подлиннике, знание современной российской и зарубежной литературы, умение работать с библиографическим аппаратом. Граф

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина), 9162803@mail.ru (М.М. Вагабов), dmitrow16@yandex.ru (В.А. Рогожкин), mustafaoszturk@akdeniz.edu.tr (М. Озтюрк)

А.С. Уваров как археолог внимательно работает с изобразительными источниками, применяет статистические методы, сочетает различные группы источников – письменные, этнографические, археологические. Особо следует сказать о высокой лингвистической компетентности А.С. Уварова, которая проявлялась в грамотной организации словарных статей с указанием этимологии, в том числе на древних и иностранных языках, проведением настоящих этимологических исследований, приведением синонимов, разбором написания древних шрифтов. В итоге перед нами предстает уникальная личность ученого, понимавшего необходимость терминологической работы и грамотно ее проводящего. Этот опыт полезен и современным археологам.

Ключевые слова: история археологии, археологическая терминология, лексикография, граф А.С. Уваров.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1207-1213
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1207

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916

Anvar M. Mamadaliev ^{a, *}, Valentina S. Nikitina ^b, Natalia V. Svechnikova ^c,
 Irina Yu. Cherkasova ^d

^a Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^b Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

The article is devoted to a historiographical review of the periodicals on pedagogy published in the Caucasian educational district of the Russian Empire in 1867–1916: these are the “Tsirkulyar po Upravleniyu glavnogo inspektora uchebnykh zavedenii na Kavkaze i Zakavkaz'e” (Tiflis), “Circular on the Administration of the Caucasian Educational District” (Tiflis), “Shkola i zhizn'” (Tiflis), “Nuzhdy vospitaniya” (Vladikavkaz), “Kavkazskaya shkola” (Tiflis), “Razumnaya kinematografiya i naglyadnye posobiya” (Ekaterinodar), etc. However, they were published for a very short time and often were focused on commercialization. Given the short circulation period, we can assume that the publication did not achieve commercial success. Some of them had a pronounced political component (for example, “Zapiski Tsentral'nogo soveta roditel'skikh kruzhkov”, Baku), which predetermined their short life. At the same time, there were also semi-official publications: for example, “Kubanskaya shkola” (Ekaterinodar), which was published by the Kuban Directorate of Public Schools and distributed in the network of relevant institutions.

As the main research methods there were used the historical-systemic, historical-genetic, as well as the method of historiographical analysis.

The authors come to the conclusion that nine pedagogical periodicals were published in the Caucasian educational district at different times. Some of them were focused on commercialization (for example, “Razumnaya kinematografiya i naglyadnye posobiya”, “Kavkazskaya shkola”, etc.), the other was semi-official, that is, it was published by state bodies (the educational directorate of the region) and distributed among subordinate institutions free of charge, for example “Tsirkulyar po Upravleniyu glavnogo inspektora uchebnykh zavedenii na Kavkaze i Zakavkaz'e”, “Tsirkulyar po Upravleniyu Kavkazskim uchebnym okrugom”, the journal “Kubanskaya shkola”.

Keywords: periodical press, Caucasian educational district, Tiflis, Ekaterinodar, 1867–1916, pedagogical journals.

1. Введение

Периодическая печать всегда имела важнейшее значение для развития любой науки, так как знакомила ученых и интересующихся читателей с новейшими достижениями. Что касается педагогической науки, то в Российской империи она не стала исключением: на протяжении XIX – начала XX веков в ней издавалось как минимум 252 педагогических журнала (в хронологический период с 1803 по 1916 гг.). Данная работа посвящена исследованию указанных периодических изданий, которые выходили в свет на территории Кавказского учебного округа.

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

Научная новизна этого исследования характеризуется отсутствием в настоящее время работ, которые были бы посвящены изучению педагогических журналов, выпускаемых в Кавказском учебном округе.

2. Материалы и методы

Материалом статьи послужили педагогические периодические издания, публиковавшиеся в Кавказском учебном округе в 1867–1916 гг., а именно:

- «Циркуляр по Управлению главного инспектора учебных заведений на Кавказе и Закавказье» ([Циркуляр инспекторов, 1867](#));
- «Циркуляр по Управлению Кавказским учебным округом» ([Циркуляр по управлению, 1887](#));
- журнал «Школа и жизнь» ([Школа и жизнь, 1906](#));
- журнал «Кубанская школа» ([Екатеринодар, 1906; 1914–1916](#));
- журнал «Кавказская школа» ([Кавказская школа, 1913](#));
- журнал «Нужды воспитания» ([Нужды воспитания, 1910](#));
- журнал «Записки Центрального совета родительских кружков» ([Записки совета, 1910](#));
- журнал «Разумная кинематография и наглядные пособия» ([Разумная кинематография, 1913](#)).

В работе использовался комплекс исторических и общенаучных методов исследования:

- историко-системный – историографический анализ периодических изданий по педагогике был сделан в неотрывной связи с политической и экономической ситуацией в Российской империи в период издания;
- историко-генетический – позволил выявить причинно-следственные связи между определенными событиями в социально-экономической и политической жизни территорий Кавказского учебного округа с изданием определенного журнала;
- историографический анализ – применялся для исследования периодических педагогических изданий России на территории Кавказского учебного округа.

3. Обсуждение

Современных работ, непосредственно посвященных издательской деятельности по педагогике в Кавказском учебном округе, а именно – периодическим педагогическим журналам Кавказа, нет, что подтверждает научную новизну данного исследования.

Из дореволюционных трудов следует отметить статью «Из обзора педагогических журналов. «Кавказская школа» В. Зеленко, опубликованную в журнале «Русская школа» в 1915 г. ([Зеленко, 1915](#)).

Из советских работ отметим библиографический обзор, выполненный Н.Н. Абловым под названием «Педагогическая периодическая печать (1803–1916)», вышедший в Москве в 1937 г. под редакцией профессора Е.Н. Медынского ([Аблов, 1937](#)).

Глубокий анализ системы образования Кавказского учебного округа был сделан А.А. Черкасовым и др. ([Cherkasov, 2011; Cherkasov et al., 2020a; Cherkasov et al., 2020b](#) и др.), Т.А. Магсумовым и др. ([Magsumov et al., 2018; Magsumov et al., 2020](#) и др.), А.М. Мамадалиевым и др. ([Mamadaliyev et al., 2020; Mamadaliyev et al., 2021](#) и др.), В.С. Молчановой ([Molchanova et al., 2019](#) и др.), О.В. Натолочной ([Natolochnaya et al., 2018](#) и др.), а также другими авторами, однако в указанных работах система издательского дела затрагивается лишь косвенно.

4. Результаты

Кавказский учебный округ представляет собой весьма обширные и многонациональные территории юга Российской империи, включающий в себя образовательные дирекции, располагавшиеся в нескольких губерниях, а именно:

- Бакинской – включала такие города, как Баку (административный центр), Ленкорань, Куба, Шемаха, Геокчай, Сальяны;
- Елисаветпольской – города Елисаветполь (административный центр), Шуша, Нуха;
- Кутаисской – города Кутаиси (административный центр), Батум, Артвин, Зугдиди, Лечхум, Озургеты, Рача, Сухум. В некоторые исторические периоды из данной губернии выделялась Батумская – с административным центром в г. Батуме и другим крупным городом Артвин – и Сухумская область с административным центром в г. Сухуме (о развитии системы образования см., напр., [Mamadaliyev et al., 2021](#));
- Тифлисской – города Тифлис (административный центр), Ахалкалаки, Ахалцих, Гори, Душет, Сигнах, Телав, Закаталы. Эта губерния была наиболее развитой в образовательном и культурном отношении, в Тифлисе располагалась штаб-квартира попечителя Кавказского учебного округа, а также административное образовательное окружное управление. Позднее из Тифлисской губернии был выделен Закатальский округ (самый малая самостоятельная административная единица Российской империи) с административным центром в г. Закаталы (более подробно см. в исследовании [Mamadaliyev et al., 2020](#));

- Черноморской – города Новороссийск (административный центр), Туапсе, Сочи (более подробно см. в исследовании [Cherkasov et al., 2020a](#));

- Эриванской – города Эривань (административный центр), Александрополь, Нахичевань, Ново-Баязет, Эчмиадзин;

- Ставропольской – города Ставрополь (административный центр) и Святого Креста, а также ряд крупных поселков (Александровское, Благодарное и др.);

- Дагестанской – город Темир-Хан-Шура (административный центр), а также ряд крупных поселков: Ахты (по численности в 3 200 чел.¹ приближался к городу), Хунзах, Ботлих, Маджалис, Левашаи и др.

Кроме того, образовательные дирекции располагались и в областях:

- Карской – города Карс (административный центр), Ардаган, Кагызман, Ольты (более подробно в исследовании [Magsumov et al., 2020](#));

- Кубанской – города Екатеринодар (административный центр), Майкоп, Армавир, а также ряд станиц, которые по кавказским меркам в пору считать полноценными городами: Славянская (15 167 чел.), Баталпашинская (11 473 чел.), Уманская (11 137 чел.), Кавказская (8 293 чел.) и др. (более подробно см. в исследовании [Molchanova et al.](#));

- Терской – города Владикавказ (административный центр), Кизляр, Моздок, Пятигорск, Грозный, а также ряд крупных сел и станиц: Сунженская, Хасав-Юрт, Нальчик и др. (более подробно см. в статье [Cherkasov et al., 2020b](#));

- Закаспийской – города Асхабад (административный центр), Красноводск, Александровский форт, Мерв, Серахс.

Кавказский учебный округ был создан по инициативе наместника графа М.С. Воронцова и учрежден указом Государственного совета в декабре 1848 года. Считался одной из самых активно развивающихся образовательных территорий в силу того, что был присоединен относительно недавно (см., напр., [Cherkasov, 2011](#); [Magsumov et al., 2018](#); [Natolochnaya et al., 2016](#) и др.). Образовательная стратегия предусматривала мощную издательскую деятельность, в том числе и в сфере педагогической науки. Таким образом было учреждено несколько периодических изданий (перечислены по хронологии, то есть годам выпуска по возрастанию):

1. «Циркуляр по Управлению главного инспектора учебных заведений на Кавказе и Закавказье» (Тифлис) ([Циркуляр инспекторов, 1867](#)).

2. «Циркуляр по Управлению Кавказским учебным округом» (Тифлис) ([Циркуляр по управлению, 1887](#)).

3. «Школа и жизнь» (Тифлис) ([Школа и жизнь, 1906](#)).

4. «Кубанская школа» (Екатеринодар) ([Кубанская школа, 1906](#)).

5. «Нужды воспитания» (Владикавказ) ([Нужды воспитания, 1910](#)).

6. «Записки Центрального совета родительских кружков» (Баку) ([Записки совета, 1910](#)).

7. «Кавказская школа» (Тифлис) ([Кавказская школа, 1913-14](#)).

8. «Разумная кинематография и наглядные пособия» (Екатеринодар) ([Разумная кинематография, 1913](#)).

9. «Кубанская школа», открывшийся вновь журнал в 1914–1916 годах (Екатеринодар) ([Кубанская школа, 1914–1916](#)).

Проанализируем указанные издания более подробно:

«Циркуляр по Управлению главного инспектора учебных заведений на Кавказе и Закавказье» ([Циркуляр инспекторов, 1867](#)) включал в себя сведения и статистические данные главного инспектора учебных заведений. С 1868 г. выходил под названием «Циркуляр по Управлению Кавказским учебным округом».

«Циркуляр по Управлению Кавказским учебным округом» ([Циркуляр по управлению, 1887](#)) издавался в Тифлисе в 1868–1916 гг. и выходил ежемесячно, включал в себя статистические данные, нормативные акты и прочую информацию, которую содержал также отчет попечителя Кавказского учебного округа (см., например, [Отчет..., 1893](#)). При циркуляре в виде приложений помещались также и статьи педагогического содержания.

Журнал «Школа и жизнь» ([Школа и жизнь, 1906](#)), издаваемый в Тифлисе издателем-редактором Н.С. Державиным в 1906 году, выходил с 8 января (1-й номер) по 18 апреля (9-й номер). Его задачей декларировались «объединение кавказского учительства и организация союза кавказских педагогов на почве защиты своих интересов и разработка новых педагогических вопросов, возникших перед школой в связи с революцией 1905 года» ([Школа и жизнь, 1906: 44](#)). Журнал объединил либерально-буржуазные круги местных педагогов.

Журнал «Нужды воспитания» ([Нужды воспитания, 1910](#)) выходил еженедельно во Владикавказе и был практическим, научно-популярным и общественно-литературным изданием. Выпускался органом общественной самодеятельности под руководством издателя-редактора А.Д. Ковердынского в 1910 году. Вышли только номера с 1-го по 4-й (в мае–июне 1910 г.). Выдвигалась

¹ Здесь и далее: данные о численности населенных пунктов взяты из Переписи населения 1897 года.

задача «способствовать помещаемыми в журнале материалами развитию человека, здорового душой и телом, трудоспособного в жизни на почве самодеятельности и стремления к освобождению себя от рабских условий жизни» (*Нужды воспитания, 1910: 6*). Статьи были на тему местных проблем и вопросов народного образования (например, «Воспитание молокан» и др.) и написаны в духе либерализма. В последнем, 4-м номере журнала, редакция заявила, что он будет выходить «по мере накопления материала» (цит. по *Аблов, 1937: 80*), но так больше и не издавался.

«Записки Центрального совета родительских кружков» (*Записки совета, 1910*) издавались в Баку непродолжительное время заинтересованными родителями из либерально-буржуазных кругов. Наряду с официальными публикациями (компиляция) и педагогическими статьями («Книга и дети»), были и статьи пропагандистского содержания («О постановке литературных бесед», «Против классицизма» и пр.).

Журнал «Кавказская школа» (*Кавказская школа, 1913*) издавался в Тифлисе в 1913–1914 гг. В 1913 году вышли пять номеров журнала (с 1-го по 5-й), в 1914 году успели выйти лишь два номера (6-й и 7-й). Редактором-издателем был Х. Самуэлян. Согласно вступительной статье к 1-му номеру «Кавказской школы», «...своеобразные социально-культурные условия Кавказа и его пестрый этнографический состав и особенности быта ставят перед лицами, посвятившими себя делу народного образования, ряд вопросов, имеющих краевой, местный характер, – методы преподавания государственного языка, положение родного языка в школе, нужды местных туземных школ, вопросы ручного труда в начальной школе, нужды средней школы и пр.» (*Кавказская школа, 1913: 3*). Подробное описание этого журнала дано в статье В. Зеленко «Из обзора педагогических журналов. «Кавказская школа». 1913–1914», опубликованной в журнале «Русская школа» в 3-м номере за 1915 год. Далее В. Зеленко пишет: «Освещение (то есть указанных нами выше – *Авт.*) этих вопросов давалось в журнале, основанном группой тифлисских педагогов. Ближайшее участие в журнале принимали педагоги: И.А. Акунев, П.И. Казанцев, Н.М. Спилюти, Э. Султанов, В. Джапаридзе и др. Много статей и заметок по вопросам местной школьной жизни» (*Зеленко, 1915: 50*).

Журнал «Разумная кинематография и наглядные пособия» (*Разумная кинематография, 1913*) выходил ежемесячно в Екатеринодаре, был иллюстрированным, редактором-издателем был Н.П. Тихонов. Как указывает редакция, «...знакомство с пособиями, развивающими инициативу, самодеятельность и художественный вкус, и соиздание «наглядного университета» из кинематографа для просвещения и развития народных масс – вот задача нашего издания (*Разумная кинематография, 1913: 4*). Программа журнала включала следующее содержание:

- статьи по вопросам преподавания, организации кинематографа и наглядных пособий;
- текущие хроники: русские и зарубежные;
- школа и жизнь;
- критика и библиография.

Журнал стал одной из первых попыток популяризировать кинематограф для просветительских педагогических целей при помощи особого издания, ориентированного на широкий круг читателей. Он был создан группой либерально-буржуазных педагогов. Как указывает Н.Н. Аблов, «ранние попытки выпуска журналов (подобного рода – *Авт.*) по применению «волшебного фонаря»: «Волшебный фонарь», издаваемый в Елизаветграде (1899–1907), носивший чисто коммерческий характер, и журнал под тем же названием, начавший выходить в Петербурге в 1878 г. и ограничившийся № 1/2, мало имеют общего с педагогикой» (*Аблов, 1937: 95*).

Журнал «Кубанская школа» (*Кубанская школа, 1906*) в Российской империи имеет весьма непростую судьбу. Первоначально был запущен в серию 15 сентября 1906 года (1-й номер). Выходил дважды в месяц, редактировал и издавал журнал директор народных училищ Кубанской области В.В. Скидан. В 1906 г. было выпущено лишь восемь номеров (8-й номер вышел 15 декабря), после чего деятельность его была свернута. Издание носило полуофициальный характер и распространялось бесплатно по народным училищам, которые были подведомственны Кубанской дирекции. Кроме официальных распоряжений, в нем печатались сведения о положении народного образования в Кубанской области, статьи по вопросам педагогики, методические указания и пр. Обслуживался журнал силами местных учителей в порядке предписаний дирекции. В первоначальном виде он продержался менее чем полгода (сентябрь–декабрь 1906 г.).

Второе дыхание «Кубанская школа» (*Кубанская школа, 1914–1916*) получила в середине второго десятилетия XX века, когда была привлечена спонсорская помощь в виде пожертвований от учащихся и учителей (от «Общества взаимного вспомоществования учащихся и учителей в начальных училищах Кубанской области и Черноморской губернии»). Издателем выступал Г.Д. Чернышев, редактором – Б.М. Городецкий. Предположительно выпускался 10 раз в год (*Аблов, 1937: 101*).

Инициатива издания журнала принадлежит вышеуказанному Обществу. Программа была составлена на основании разработки специальной анкеты; анкетирование проводилось Обществом среди народных учителей Кубанской области, в результате чего было определено содержание «Кубанской школы»:

- статьи-руководства по вопросам воспитания и образования;
- статьи по вопросам физического воспитания;

- указания по внешкольному чтению учителя;
- изучение местного края («кубановедение»);
- обзор педагогической литературы.

Журнал издавался, редактировался, наполнялся материалами силами кубанских учителей либеральных политических взглядов, уделявших значительное внимание народному образованию края. Однако Первая мировая война и связанные с ней условия печати не дали возможности регулярно выпускать журнал, и он был снова закрыт, «продержавшись» два года.

5. Заключение

Подытоживая сказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Историография по издательскому делу в Кавказском учебном округе весьма ограничена; отсюда и весьма скудные данные об имеющихся регулярных/периодических/повременных изданиях.
2. В Кавказском учебном округе имелось девять регулярных/периодических/повременных изданий, которые издавались в период с 1867 по 1916 гг., а именно: «Циркуляр по Управлению главного инспектора учебных заведений на Кавказе и Закавказье» (Тифлис), «Циркуляр по Управлению Кавказским учебным округом» (Тифлис), «Школа и жизнь» (Тифлис), «Кубанская школа» (Екатеринодар), «Нужды воспитания» (Владикавказ), «Записки Центрального совета родительских кружков» (Баку), «Кавказская школа» (Тифлис), «Разумная кинематография и наглядные пособия» (Екатеринодар), вновь открывшийся журнал «Кубанская школа» (Екатеринодар), который имел совершенно другой издательский актив.
3. Большая часть изданий была ориентирована на коммерциализацию, однако успехов не имела (например, «Разумная кинематография и наглядные пособия», «Кавказская школа» и др.).
4. Некоторые издания характеризовались ярко выраженной политизированностью (например, «Школа и жизнь», «Записки Центрального совета родительских кружков») и, несмотря на вероятную поддержку, не смогли издаваться сколь-либо продолжительное время.
5. Часть изданий была полуофициальной, то есть издавалась государственными органами (образовательной дирекцией региона) и распространялась среди подведомственных учреждений бесплатно, например «Циркуляр по Управлению главного инспектора учебных заведений на Кавказе и Закавказье», «Циркуляр по Управлению Кавказским учебным округом», журнал «Кубанская школа». Однако социально-экономические сложности (Первая мировая война, революции 1917 года) не позволили продолжить издание журнала «Кубанская школа», а циркуляры еще в начале XX века в Кавказском учебном округе стали неактуальными.

Литература

- Аблов, 1937 – Аблов Н.Н. Педагогическая периодическая печать (1803–1916) / Под ред. Е.Н. Медынского. М., 1937.
- Записки совета, 1910 – Записки Центрального совета родительских кружков. Баку, 1910.
- Зеленко, 1915 – Зеленко В. Из обзора педагогических журналов. «Кавказская школа». 1913–1914 // *Русская школа*. 1915. № 3. С. 50–53.
- Кавказская школа, 1913–1914 – Кавказская школа. Тифлис, 1913–1914.
- Кубанская школа, 1906 – Кубанская школа. Екатеринодар, 1906.
- Кубанская школа, 1914–1916 – Кубанская школа. Екатеринодар, 1914–1916.
- Нужды воспитания, 1910 – Нужды воспитания. Владикавказ, 1910.
- Отчет..., 1893 – Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1893. Тифлис, 1894.
- Разумная кинематография, 1913 – Разумная кинематография и наглядные пособия. Екатеринодар, 1913.
- Циркуляр инспекторов, 1867 – Циркуляр по Управлению главного инспектора учебных заведений на Кавказе и Закавказье. Тифлис, 1867.
- Циркуляр по управлению, 1887 – Циркуляр по Управлению Кавказским учебным округом. Тифлис, 1887.
- Школа и жизнь, 1906 – Школа и жизнь. Тифлис, 1906.
- Cherkasov et al., 2020a – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. 65(4): 1067–1084.
- Cherkasov et al., 2020b – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(4): 963–970.
- Cherkasov, 2011 – Cherkasov A.A. All-Russian Primary Education (1894–1917): Developmental Milestones // *Social Evolution & history*. 2011. № 2 (10): 138–149.
- Magsumov et al., 2018 – Magsumov T.A., Artemova S.F., Ustinova O.V., Vidishcheva E.V. Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(3): 598–607.

- [Magsumov et al., 2020](#) – Magsumov T.A., Korolev A.A., Ponomareva M.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(2): 459-472.
- [Mamadaliyev et al., 2020](#) – Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Médico A. The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.
- [Mamadaliyev et al., 2021](#) – Mamadaliyev A.M., Karpukhin D.V., Svechnikova N.V., Koroleva L.A. The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 169-181.
- [Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova V.S., Balanyuk L.L., Vidishcheva E.V., Potapova I.I. The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1 // *Bylye Gody*. 2019. 53(3): 1049-1058.
- [Natolochnaya et al., 2018](#) – Natolochnaya O.V., Miku N.V., Zulfugarzade T.E., Médico A. Highland schools in the Caucasus: Historical background // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(3): 608-614.

References

- [Ablov, 1937](#) – Ablov, N.N. (1937). Pedagogicheskaya periodicheskaya pechat' (1803–1916) [Pedagogical periodical press (1803–1916)]. Pod red. E.N. Medynskogo. M. [in Russian]
- [Cherkasov et al., 2020a](#) – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 2. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65(4): 1067-1084.
- [Cherkasov et al., 2020b](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2020). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(4): 963-970.
- [Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov, A.A. (2011). All-Russian Primary Education (1894–1917): Developmental Milestones. *Social Evolution & history*. 2(10): 138-149.
- [Kavkazskaya shkola, 1913–1914](#) – Kavkazskaya shkola [Kuban school]. Tiflis, 1913–1914. [in Russian]
- [Kubanskaya shkola, 1906](#) – Kubanskaya shkola [Kuban school]. Ekaterinodar, 1906. [in Russian]
- [Kubanskaya shkola, 1914–1916](#) – Kubanskaya shkola [Kuban school]. Ekaterinodar, 1914–1916. [in Russian]
- [Magsumov et al., 2018](#) – Magsumov, T.A., Artemova, S.F., Ustinova, O.V., Vidishcheva, E.V. (2018). Public education system in the Caucasus region in the 1850s: Unification and regulation of educational process. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 598-607.
- [Magsumov et al., 2020](#) – Magsumov, T.A., Korolev, A.A., Ponomareva, M.A., Zulfugarzade, T.E. (2020). The System of Public Education in Kars Oblast in the Period 1878–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 459-472.
- [Mamadaliyev et al., 2020](#) – Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Médico, A. (2020). The System of Public Education in Tiflis Governorate in the Period 1802–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(1): 235-247.
- [Mamadaliyev et al., 2021](#) – Mamadaliyev, A.M., Karpukhin, D.V., Svechnikova, N.V., Koroleva, L.A. (2021). The System of Public Education in the Kutaisi Province in 1846–1917. Part 1. *Bylye Gody*. 16(1): 169-181.
- [Molchanova et al., 2019](#) – Molchanova, V.S., Balanyuk, L.L., Vidishcheva, E.V., Potapova, I.I. (2020). The Development of Primary Education on the Cossack Territories in 1803–1917 years (on the Example of the Kuban Region). Part 1. *Bylye Gody*. 53(3): 1049-1058.
- [Natolochnaya et al., 2018](#) – Natolochnaya, O.V., Miku, N.V., Zulfugarzade, T.E., Médico, A. (2018). Highland schools in the Caucasus: Historical background. *European Journal of Contemporary Education*. 7(3): 608-614.
- [Nuzhdy vospitaniya, 1910](#) – Nuzhdy vospitaniya [Needs of education]. Vladikavkaz, 1910. [in Russian]
- [Otchet..., 1893](#) – Otchet popechitelya Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostoyanii uchebnykh zavedenii za 1893 [Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1893]. Tiflis, 1894. [in Russian]
- [Razumnaya kinematografiya, 1913](#) – Razumnaya kinematografiya i naglyadnye posobiya [Reasonable cinematography and visual aids]. Ekaterinodar, 1913. [in Russian]
- [Shkola i zhizn', 1906](#) – Shkola i zhizn' [School and life]. Tiflis, 1906. [in Russian]
- [Tsirkulyar inspektorov, 1867](#) – Tsirkulyar po Upravleniyu glavnogo inspektora uchebnykh zavedenii na Kavkaze i Zakavkaz'e [Circular on the Office of the Chief Inspector of Educational Institutions in the Caucasus and Transcaucasia]. Tiflis, 1867. [in Russian]
- [Tsirkulyar po upravleniyu, 1887](#) – Tsirkulyar po Upravleniyu Kavkazskim uchebnym okrugom [Circular on the management of the Caucasian educational district]. Tiflis, 1887. [in Russian]
- [Zapiski soveta, 1910](#) – Zapiski Tsentral'nogo soveta roditel'skikh kruzhkov [Notes of the Central Council of Parents' Circles]. Baku, 1910. [in Russian]

Zelenko, 1915 – Zelenko, V. (1915). Iz obzora pedagogicheskikh zhurnalov. «Kavkazskaya shkola» [From a review of pedagogical journals]. 1913–1914. *Russkaya shkola*. 3: 50–53. [in Russian]

К вопросу о педагогической периодической печати на территории Кавказского учебного округа в 1867–1916 гг.

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, *}, Валентина Сергеевна Никитина ^b,
Викторовна Свечникова ^c, Ирина Юрьевна Черкасова ^d

^a Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. Статья посвящена историографическому обзору периодической печати по педагогике, изданной в Кавказском учебном округе Российской империи в 1867–1916 гг.: это «Циркуляр по Управлению главного инспектора учебных заведений на Кавказе и Закавказье» (Тифлис), «Циркуляр по Управлению Кавказским учебным округом» (Тифлис), «Школа и жизнь» (Тифлис), «Нужды воспитания» (Владикавказ), «Кавказская школа» (Тифлис), «Разумная кинематография и наглядные пособия» (Екатеринодар) и др. Однако выходили они весьма непродолжительное время и зачастую были ориентированы на коммерциализацию. Учитывая короткий тиражный период, можем предположить, что коммерческого успеха издания не достигли. Некоторые из них имели ярко выраженную политическую составляющую (например, «Записки Центрального совета родительских кружков», г. Баку), что и предопределило их короткую жизнь. Вместе с тем были и полуофициальные издания: например, «Кубанская школа» (г. Екатеринодар), которая издавалась силами Кубанской дирекции народных училищ и распространялась в сети соответствующих учреждений.

В качестве основных методов исследования применялись историко-системный, историко-генетический, а также метод историографического анализа.

В заключении авторы приходят к выводу о том, что в Кавказском учебном округе в разное время издавалось девять периодических изданий педагогической направленности. Одна их часть была ориентирована на коммерциализацию (например, «Разумная кинематография и наглядные пособия», «Кавказская школа» и др.), другая – была полуофициальной, то есть издавалась государственными органами (образовательной дирекцией региона) и распространялась среди подведомственных учреждений бесплатно, например «Циркуляр по Управлению главного инспектора учебных заведений на Кавказе и Закавказье», «Циркуляр по Управлению Кавказским учебным округом», журнал «Кубанская школа».

Ключевые слова: периодическая печать, Кавказский учебный округ, Тифлис, Екатеринодар, 1867–1916 гг., педагогические журналы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1214-1226
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1214

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Sacred Places of the Kazakhs in the Turkestan Region in the Works of Russian Researchers and Travelers (second half of the 19th – early 20th centuries)

Akhmet U. Toktabay ^a, Nurlybek A. Dossymbetov ^{a, b, *}

^a Institute of History and Ethnology named after Ch.Ch.Valikhanov, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Eurasian National University named after L. N. Gumilyov, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article discusses the history of the study of sacred places in relation to Kazakhs of the Turkestan region in the works of Russian researchers in the second half of the XIX – early XX centuries. The Turkestan region under the government of Tsarist Russia includes the southern regions of Kazakhstan, the territories of Uzbekistan, Kyrgyzstan, and Tajikistan. The contribution of the Turkestan circle of archaeology amateurs to the study of the history, culture, archaeological and architectural monuments of the Turkestan region was great. Members of the circle were I.V. Anichkov, E.T. Smirnov, A. Divaev, V.A. Kallaur, V.V. Barthold and others. Architectural features, history and legends of the sacred places of the Turkestan region were considered in their works. Moreover, from special research and daily reports of this period, it is possible to determine the role of sacred places in the region among the population, the cultural image of Kazakhs in the consciousness of Kazakhs. Russia took over the management of the Turkestan region, special research activities increased since the second half of the XIX century. Another reason for this is the policy of special resettlement from the inner regions of Russia to the lands of Central Asia and Kazakhstan. Such studies do not leave unnoticed, from the history of the region to the everyday life of local peoples. Of course, scientists and travelers, in turn, also considered sacred places as objects of study. Memoirs, articles, reports of these researchers were published in newspapers and magazines and special collections “Turkestan Vedomosti”. In the works of Russian scientists and travelers in the half of the XIX – early XX centuries, the irrigation systems of the Turkestan region were described and specially studied. After all, the Tsarist government had the task of providing special settlers with irrigated land for sowing. This article uses articles from newspapers and journals and individual works of Russian researchers, travelers and officials before the October Revolution.

Keywords: Khoja Ahmed Yasawi, Turkestan region, Kokkesene, sacred places, mausoleum, mosques, madrasah, mound, irrigation system, ditches.

1. Введение

С 2017 года в рамках специального государственного проекта ведутся поиск, систематизация и изучение святых мест и святынь Казахстана и казахской диаспоры за рубежом, главная его цель – изучение сакральных мест казахской земли и их широкая популяризация в народе. В рамках этого проекта были осуществлены различные исследования и проведено множество мероприятий с целью их широкого освещения среди народа. В этой связи уместно упомянуть, что сакральные места казахского народа не ограничиваются только территорией нынешнего Казахстана, так как казахская диаспора издавна населяет почти все страны Средней Азии, поэтому до сегодняшнего дня в этом культурном пространстве образованы различные сакральные места. Так, к ним на той или иной территории относятся мечети и медресе, мавзолеи, курганы, кладбища, хозяйственные объекты (колодцы, система орошения), места, где случались значимые события, и другие памятные места.

* Corresponding author

E-mail addresses: nur_dos88@mail.ru (N.A. Dossymbetov)

Вообще, в южных областях Казахстана и Средней Азии много сакральных мест, имеющих прямое или косвенное отношения к казахам, поэтому рассмотрение историографии сакральных мест является актуальной научной задачей. Через историографию можно определить состояние, сохранность, историю памятника и место, которое он занимает в сознании народа. В первую очередь историографию сакральных мест казахов надо начать с анализа материалов, которые появились во времена имперского периода, когда территория Туркестанского края оказалась под влиянием Российской империи, потому что в культурном отношении в этот период Туркестанский край был цельным территориальным регионом. Эти памятники упомянуты в работах разных исследователей, путешественников, чиновников, военных и других авторов.

Начиная со второй половины XIX в., со стороны русских чиновников, ученых и путешественников началось интенсивное изучение истории, исторических мест, систем мелиорации, бытового устройства Туркестанского края. Основанием для этого были полнота власти по управлению регионом и политика заселения края переселенцами.

2. Материалы и методы

В качестве материалов в работе используется разноплановая периодическая печать, а именно газеты и сборники научных трудов. К последним мы относим «Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии», которые публиковались в период с 1896 по 1917 гг. Всего был опубликован 21 том.

Использовался также «Туркестанский сборник», который издавался с 1867 г. и состоял из 594 томов об истории Туркестанского края со второй половины XVIII до начала XX вв. Ценность этого источника заключается в том, что за указанный период были собраны материалы, касающиеся истории, культуры, этнографии, географии Туркестанского края, опубликованные в газетах и журналах, научных трудах, книгах, отчетных сборниках и других изданиях.

Что касается газетной периодической печати, то была использована еженедельная газета¹ «Туркестанские ведомости», которая издавалась в канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства в Ташкенте с 1870 по 1917 годы. В ней освещалась политическая, культурная и экономическая жизнь региона, публиковались статьи таких авторов, как В.В. Бартольд, Н.А. Северцов, Н.Г. Маллицкий и др., поэтому в статьях, опубликованных в данном издании, можно найти много ценных материалов, раскрывающих этнографию региона.

В статье при выборе исследовательского направления отдано предпочтение таким историографическим исследовательским методам, как историческое сопоставление, анализ, системность, проблемная периодичность. Метод исторического сопоставления в этой работе дает возможность повысить значимость рассматриваемой проблемы. Следующий – метод конкретного анализа относительно объекта исследования в ходе научного описания – закладывает основу объективности, не допускающей отклонения от цели. А для того чтобы обобщить работы в рамках изучаемой темы, использовался метод историографической системности. Вместе с тем главная цель применения метода проблемной периодичности – рассмотрение основной проблемы изучаемой темы в связке с хронологическим периодом.

В ходе исследования и анализа историографических работ применялись хронологические и тематические виды историографии, что обеспечивает соблюдение последовательности в достижении главной цели исследования.

3. Обсуждение

Известный ученый Б.В. Лунин внес значительный вклад в изучение сакральных мест Туркестанского края, исследованных любителями археологии Туркестанского кружка. В своей монографии Б.В. Лунин осветил вопросы, касающиеся истории создания Туркестанского кружка, направленности и значения поисков, осуществленных его представителями, и автографий наиболее активных членов. Однако в работе Б.В. Лунина не указаны всесторонние и цельные труды членов кружка, лишь дано краткое описание осуществленных ими работ (Лунин, 1958). Большое значение имеет библиографическая работа данного автора о научных поисках исследователей до Октябрьского переворота, а также краткие библиографические сведения о некоторых наиболее выдающихся представителях историографии народов Средней Азии (в том числе Туркестанского края). Рукописи отечественных и зарубежных авторов историографии Средней Азии иногда порождали объемистую литературу. Включить все ссылки на них в содержание современных эссе, конечно, невозможно. Поэтому составитель ограничился указанием самых значимых и последних (в основном советских) работ. В целом материалы, охваченные в очерке, являются источником информации по истории развития научно-общественной мысли, исследовательским работам, краеведению Туркестанского края (Историография общественных..., 1974).

В период Советской власти было защищено несколько докторских и кандидатских диссертаций по историографии Средней Азии XIX – начала XX веков. Например, в работах таких ученых, как

¹ Вначале газета издавалась еженедельно, а с 4 номера 1893 года выходила два раза в неделю.

Б.В. Лунин (Лунин, 1958), Э.А. Масанов (Масанов, 1966), Д.И. Дулатовой (Дулатова, 1984), Л.Г. Левтеевой (Левтеева, 1986), были проанализированы история, культура, хозяйственная система народов Средней Азии и Казахстана, живших во второй половине XIX – начале XX вв., но не была рассмотрена историография сакральных мест Казахстана. Несмотря на то, что в указанных работах рассматриваемая тема не охвачена, они могут быть основой в теоретико-методологическом плане.

В статье А.У. Токтабаева под названием «Кожа Ахмет Яссауи сәулет ғимаратының тарихнамасы», опубликованной в 2000 г. в журнале «Отан тарихы», осуществлен обзор исследования мавзолея за период, начиная от Средневековья до наших дней (Токтабаев, 2000: 23-35). А работа археолога Ю.А. Ёлгина «Археологические и историко-архитектурные исследования мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави» посвящена истории исследования названного мавзолея с XVIII века до 1950 года. Также автором отдельно рассмотрена история исследования мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави со второй половины XIX века до 1917 года (Ёлгин, 2013: 75-85). В следующей, созданной в соавторстве с Б.А. Байтанаевом работе «Культовая архитектура Южного Казахстана: Архитектурно-археологические исследования памятников позднего ислама», осуществлен анализ культовых памятников исламской культуры Южного Казахстана (в настоящее время Туркестанская область – Авт.). В то же время авторы не оставили без внимания и историю исследования памятников региона (Байтанаев, Ёлгин, 2013: 19-102).

Вместе с тем объектом специального исследования стали труды, жизненный путь и творческое служение некоторых ученых, которые изучали сакральные места Туркестанского края, начиная со второй половины XIX – начала XX в. Например, Б.А. Байтанаев, анализируя научное наследие А.А. Диваева, дает оценку его вклада в исследование Туркестанского края (Байтанаев, 2004).

Несмотря на то, что во второй половине XIX – начале XX в. были опубликованы историографические труды по отдельным памятникам сакральных мест Туркестанского края и некоторым областям нынешнего Казахстана, исследования, охватывающие весь регион в целом, не проводились. А историографические исследования играют большую роль в оценке исторических событий прошлого Казахской степи.

4. Результаты

Исторические сведения о памятниках во второй половине XIX – начале XX вв. различны по содержанию. В большинстве своем это рассказы и легенды, краткие сведения и информации, протоколы заседаний Туркестанского кружка любителей археологии и данные из отчетных докладов административной комиссии и экспедиции, краткие описания мавзолея в книгах по краеведению, опубликованные в «Туркестанских ведомостях».

Подробный рассказ о мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави мы находим у ученого-биолога Н.А. Северцова, который был в плену у кокандцев Туркестана в 1858 г. (Северцов, 1859: 221-318). Важным трудом об истории и эпиграфике Туркестанского мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в указанный период была работа видного востоковеда М.С. Бекчурина. Он, пребывая в 1865–1866 гг. в городе Туркестане, сделал описание мавзолея Ахмеда Ясави и указал, что над некоторыми могилами рядом с ним похороненных личностей возведены мавзолеи, а над другими поставлены надгробные камни с указанием имен арабской вязью. Например, он впервые перевел и опубликовал надписи арабской, которые были нанесены с именами мастеров и даты на стены и двери, дверные ручки и светильники. Вместе с тем он точно указывает признаки ремонтных работ XVI века, произведенных в мавзолее, когда бухарский хан Абдулла владел Туркестаном (Бекчурин, 1866: 209-217).

Видный казахский ученый Ч. Валиханов во время своего путешествия к знаменитому озеру Иссык-Куль, изучив памятник Санташа, дает следующие сведения: «Санташ – счетный камень. Проход этот получил свое название от груды камней, положенных в курган. Высота кургана сажени в 3, окружность 35» (Валиханов, 1984: 325). Далее он приводит легенду о том, что «когда Эмир Тимур отправился в поход на Китай, то приказал каждому воину взять по одному камню и сложить их в виде кургана и по возвращении забрать им свой один камень, дабы узнать сколько у него погибло воинов», но тут же сам отрицает эту легенду. «...Исторические факты совершенно опровергают эту легенду. Эмир Тимур в самом деле отправился в поход на Китай, но, выехав из Самарканда, он умер по дороге, достигнув Отрара...». Валиханов ссылается на известный исторический факт о том, Эмир Тимур во главе 200-тысячного войска прибыл в город Отрар и там скончался в феврале 1405 г. И действительно, что Эмир Тимур, кроме этого случая, никогда не посещал Китай ни с дипломатической миссией, ни в военном походе, также не бывал и на побережье Иссык-Куля. Почти все действия и походы знаменитого полководца были зафиксированы в восточных исторических источниках, поэтому Ч. Валиханов делает такой вывод: «По аналогии с тем, что в средневековой Европе было принято приписывать все дела Карлу Великому, а на Руси – Владимиру Красному Солнышку, здесь также нельзя верить легендам о том, что все мечети и старинные водопроводы Туркестана построены Эмир-Тимуром» (Валиханов, 1984: 325-326). Каракиргизы (киргизы – Авт.) считают, что крепость Санташ построена киргизским ханом (казахским ханом – Авт.) Есимом в честь победы над калмак-джунгарами. Это должно быть более верным. Есим-хан на самом деле выиграл битву в тех местах с джунгарскими хонтайчи (Валиханов, 1984: 326).

Российский ученый-ориенталист, этнограф П.И. Пашино, который в 1866 г. был в средневековом городе Сауран, указал, что стены бастиона, окружавшего город, сложены из кирпича, а две башни, рядом друг с другом, расположенные внутри города, из жженого кирпича и что у них внутри есть ступеньки вкруговую, по которым можно выйти на его крышу. При переезде из Саурана в Туркестан П.И. Пашино видел мавзолей Рабии Султан Бегим, который был использован в качестве артиллерийского склада, и при знакомстве с архитектурными особенностями мавзолея Азрет Султана, он выдвинул предположение о том, что «строительство Азрет Султана возведено по вкусу персидских архитекторов»¹ (Пашино, 1868: 59-66). Он пытается доказать, что архитектура мавзолея идентична памятникам Казвине, Тавриза и Ашрефа времен Аббас-шаха. Вместе с тем автор высказывает ошибочное мнение о том, что мавзолей Ахмеда Ясави был построен им самим при жизни или в строительстве этого памятника принимал участие Улугбек (Пашино, 1868: 61-75).

Ученый П.И. Лерх, который проводил исследование древних городов Сырдарьинского региона в 1867 г. по поручению Императорской археологической комиссии, указал, что средневековый город Сыгнак расположен в Каратауской части реки Сырдарья в восточную сторону от Жолека, затем встречается через такие города Туркестанского оазиса, как Туркестан, Сауран и Миртобе. Он в одной из двух одинаковых башен, построенных из жженого кирпича, в городе Сауран произвел небольшую раскопку, также изучал мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане и зафиксировал в своих записях копии надписей на мавзолеях и надгробных камнях, находящихся рядом с главным мавзолеем (Лерх, 1870: 13-14). Он, ссылаясь на источники XV–XVI веков, доказал, что слова «Туркестан» и «Ясы» означает одно и то же. Он исправил ошибки Бекчурина: прочитанные им слова, написанные на казане (котле) и на мавзолее Рабии Султан Бегим, заново перевел. П.И. Лерх впервые нашел сведения о строительных работах здания (Лерх, 1970: 15-25).

Известный художник В.И. Верещагин, который был в командировке в Семиреченской и Сырдарьинской областях в 1867–1868 гг., оставил литературное описание города Туркестана и самого мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави. Также он написал картины под названиями «У двери мечети», «Верующие» (Верещагин, 1874).

Французский путешественник Мозер пишет, что приезжал в 1885 г. в Туркестан и видел мавзолей. Начиная с 1890 г., в связи с созданием Туркестанского кружка любителей археологии, работ по краеведению, в том числе и о памятнике, стало больше прежнего (Лунин, 1967).

Кроме вышеназванных работ, в 1890 г. нашлась наградная грамота (вакуфнаме) Тимура, адресованная к молебне, и была опубликована. Спустя год, 16 октября 1897 г., на очередном заседании Туркестанского кружка любителей археологии член кружка Е.Г. Смирнов вручает оригинал исторического артефакта вице-председателю Н.П. Остроумову. Позже А. Диваев перевел вакуфнаме с фарси на русский язык (Диваев, 1901). В настоящее время вакуфнаме хранится в библиотеке Академии наук Узбекистана.

Е. Смирнов примерно в 1897 г. посетил такие города, как Мейрам, Кауганата, Кумиян и Артык, расположенные в среднем течении левобережья Сырдарьи. Он сравнивает город Сунак на правом берегу с городом Сыганаком, обращает внимание на некоторую сохранность отдельных немногих строительных мест. Вместе с тем автор приводит следующие сведения о городе Сыганаке и о канале Тюмен-арык, который снабжал его водой: «Вдоль лога извиляется древний канал, бывший начало из р. Сыр-Дарьи и вместе с параллельным ему каналом, известным теперь под именем Тюмен-Арык, тянувшимся вдоль предгорий Каратавского хребта, орошал Кок-Ирымский лог густою сетью мелких разводных канав. В этой местности стоял большой и богатый город Саганак, взятый штурмом и разрушенный в 1219 году монголами под начальством сына Чингиз-Хана – Джучи, или Чигатая, во время движения его на Дженд и другие города Нижнего Сыра» (Смирнов, 1887: 117). Также он пишет, что власть над городом Ташкентом в начале XIX в. принадлежала казахскому роду Дулат и что он занимал пространство, начиная от аула Зенги-ата с правого берега реки Чирчик до крепости Ниязбек². Крепость Ниязбек, о которой упоминает автор, была важной со стратегической точки зрения, так как регулировала подачу воды в город Ташкент через канал Боссу (Смирнов, 1887: 82-83).

Известный востоковед В.В. Бартольд, который в 1893 г. прибыл с целью изучения региона рек Чу и Или по заданию Санкт-Петербургского университета и Российской академии наук, проводил исследование местности между Шымкентом и Аулиеатой и окрестности Таласа. В этой экспедиции он побывал между Шымкентом и Аулиеатой, на строении Тюлкибас на левом берегу реки Арысь, в трех мелких городках на побережье реки Терис, в двух старых строениях, окружность которых была

¹ Вполне возможно, что на такой вывод члена Русского географического общества, писателя, ученого-ориенталиста М.И. Пашино подтолкнуло его пребывание в Иране в 1861 г.

² К сожалению, место указанной крепости, название которой дано в честь сына знаменитого казахского бия Толе, который в тот период управлял Ташкентом, не найдено. Но, если учесть, что до 1917 г. в этих краях существовала Ниязбековская волость, то можно предположить, что крепость имела огромное значение для города Ташкента. В настоящее время мавзолей Толе-бия в Ташкенте, который посещает много казахов, стал одним из сакральных для казахом мест. Этот мавзолей местные жители называют «Карлыгаш би».

обведена валом, на местности под названием Абдрахман, который был расположен в 4-5 верстах от каньона Куюк, и на мавзолее Айша-биби. Он также выдвинул предположение о том, что название Тюлькибас соответствует Тамтаджу, упоминаемому Ибн Хордадбехом (Бартольд, 1966: 29).

На заседании Туркестанского кружка любителей археологии, состоявшемся 5 мая 1897 г., В.А. Каллаур сделал доклад о мавзолеех Карахана и Айша-биби, а В.П. Панков – о мавзолее Аулиеата. Каллаур отмечает, что мавзолеем Карахана с разрушенным куполом представляет собой большой интерес как произведение древнего архитектурного искусства. Он приходит к выводу, что Карахан, один из первых принявший ислам, по легенде, был похоронен в городе Аулиеата, и после возведения над его могилой мавзолея народ стал называть его мавзолеем Аулиеата, и даже город после этого был переименован в связи с этим. А по поводу мавзолея Айша-биби, в народе бытует мнение, что она дочь Карахана, но это не соответствует действительности (Каллаур, 1897: 6). В.А. Каллаур приводит несколько легенд об Айша-биби, фотографирует мавзолеей, эти снимки он отправляет в Ташкент и, предупреждая о его больших разрушениях, выражает просьбу о том, чтобы в будущем этот объект был изучен кем-то, кто имеет соответствующую научную квалификацию (Каллаур, 1897: 7).

В.Н. Панков пишет об отсутствии надписи во внешнем фасаде мавзолея Аулиеата (Карахан) и о том, что высота его приблизительно 6 саженьей. Он в своем докладе так описывает мавзолеей: «С лицевой же стороны эта древность имеет внушительный вид и теперь, хотя время отняло у нее многие, довольно изящные, по-видимому, украшения. Но что особенно достойно внимания, это – правильность и симметричность постройки, сделанной из прекрасного китайского кирпича. Оба минарета, стоящие на углах с лицевой стороны памятника, как вылитые в одну форму» (Панков, 1897: 7). Вместе с тем он говорит о том, что, согласно бытующей легенде среди народа, святой, хоть и был известен под именем Карахан, но настоящее его имя Ша-Махмуд, и что он 15 лет своей жизни провел вдали от людей, поклоняясь богу в молитве (Панков, 1897: 8).

Генерал-лейтенант Русской императорской армии, этнограф А.К. Гейнс, который в 1866 г. путешествовал по Туркестанскому оазису, посетил средневековые города Карнак и Сауран, также съездил в город Ясы, то есть Туркестан, и подробно описал две башни, построенные из жженого кирпича. Эти путевые записи А.К. Гейнса увидели свет позже. Поскольку указанные его мемуары были в дневниковом виде, было мало сведений о самом мавзолее, зато они содержали богатый фольклорный материал об Ахмеде Ясави (Гейнс, 1898: 263-266).

На заседании Туркестанского кружка любителей археологии И. Аничков дает несколько ценных сведений о нескольких сакральных местах, таких как «Бегим-мунара», «Сараман-Коса» и мавзолеей Коркыта. По легенде, жена правителя Жанкента Санжара святая Бегим-ана была дочерью святого Карабуры. За измену она была брошена мужем в яму, но позже, когда выяснилась ее невиновность, она превратилась в птицу и улетела к острову, где в настоящее время расположена башня Бегим-мунара, и там она снова становится женщиной и живет 30 лет (Аничков, 1898: 51-52). Аничков приводит рассказы людей, в которых утверждается, что там, в башне, кто-то сидит, и некоторые люди даже слышали голоса. Высота башни на берегу реки Куандария Сараман-Коса, которая хорошо сохранилась, достигает 15 саженьей. Автор приводит легенду, связанную и с этим памятником: в давние времена каракалпакский джигит по имени Сараман влюбляется в ногайскую девушку из города Ургенч по имени Коса и умыкает ее. Ну, а родственники девушки догоняют их и убивают обоих. Позже к месту убийства двух влюбленных приезжают каракалпакские батыры Жаба и Айдос и устанавливают в их честь памятник. Сохранившаяся до сегодняшнего дня башня возведена в честь Сарамана, а та, что в честь девушки Коса, возведенная вблизи от нее среди песков, практически исчезла (Аничков, 1898: 52-53)¹. Также И. Аничков приводит ценные сведения и о месте захоронения святого Арстана-баба в долине Акирек, и о мавзолее Коркута, расположенном вблизи Кармакчинского форта² (Аничков, 1898: 55).

Российский востоковед Н.Н. Пантусов в ходе исследовательских работ на территории волости Баскан-Саркан Лепсинского уезда 25 мая 1898 г. сфотографировал памятник «Дингек» и записал его параметры. Он отмечает, что, когда он первый раз бывал здесь в 1890 г., памятник находился в целости, позже местные жители стали разбирать его камни, и он наполовину разрушен. Исследователь не был равнодушен к такому положению вещей и обратился к генерал-губернатору с тем, чтобы он дал наказ уездному начальству, ответственному за защиту и сохранность памятников, по организации необходимых мер, и также делает замечание волостному руководству (Пантусов, 1899: 16). Н.Н. Пантусов ищет сведения среди местных жителей об истории возведения упомянутого памятника, выстроенного из камня. Одно народное предание гласило, что это могила калмыцкой девушки из благородного рода, другое – что под

¹ Хотя, по легенде, памятник принадлежит каракалпакскому народу, в настоящее время в этом регионе живут казахи из рода Шекти. Но, у легенды есть своя правда, потому что казалинские казахи в период, указанный автором, пользовались заброшенными арыками и большими системами орошения, которые подтверждают то, что они оставлены оседлыми каракалпаками.

² Автор приводит широко распространенную среди народа легенду о Коркут-ата, который, сев на верблюдицу Желмая, попытался убежать от смерти. По народной легенде, Коркут считается создателем кобыза. В целом Коркут-ата является общей фигурой для всех тюркских народов.

памятником закопан клад. Также один из местных жителей рассказал Н.Н. Пантусову о том, что 35 лет назад китайские чиновники, ссылаясь на то, что встречали упоминание об этом памятнике в китайских летописях, расспрашивали местных жителей, но, боясь быть обвиненными в незаконной связи с иностранцами, никто им не дал никаких сведений (Пантусов, 1899: 17).

Археолог В.А. Каллаур, выехав в 1897 г. от Аулиеата, пройдя по караванному пути каньона Куланауыз в Боралдайских горах, через Тюлькибас дошел до Шымкента, отметив, что дорога эта удобна и коротка. На своем пути он видел торткул Кырк кыз и еще один торткул при входе в каньон Куланауыз. Рассказывая о том, что раньше караваны ходили по этому каньону, он соотносит Тюлькибас, который находится по пути, с Тамтажем, торткул Кулан-ауыза – с Абардаджем, а Бектобе – с городом Жувикатом (Каллаур, 1904: 51-53).

В.А. Каллаур в 1899 г. был в городке Сунаката (Сыгнак), который расположен в 18 верстах (19 км) от села Скоблево (в настоящее время Шиели), и списал его проект. Описывая историко-топографическую структуру, цитадель и крепость этого средневекового города, сохранившиеся следы различных сооружений и улиц, множества арыков, увиденных им возле города, он выражает согласие с мнением Е.Т. Смирнова и Н. Лыкошина, которые этот городок сопоставляют со средневековым городом Сыгнак (Каллаур, 1900: 9-11). В том же своем путешествии В.А. Каллаур посещает средневековый город Бестам, расположенный в 20 верстах от северной части Шиелинского района, определяет, что его топографическая и историческая структура состоит из цитадели, а также внешний периметр огорожен стеной крепости, обнаруживает, что вне крепости пять сооружений из жженого кирпича, из них два полностью разрушены, у третьего сохранен лишь фасад, а четвертое и пятое сооружения, покрытые сверху куполом, в сохранности. Бестам – город, находящийся на берегу Нансайского арыка (Нансай), который протекает, начиная с кладбища Кокымбай, что на правом берегу Сырдарьи, проходит к Копрабаду, минуя по пути Коккесене и Сыгнак (Каллаур, 1900: 12-13).

В.А. Каллаур, проводя работы, похожие на рекогносцировку, на среднем течении реки Сырдарьи как 3-8 апреля 1900 г., так и 23–27 апреля 1901 г., определил, что на ее левом берегу была система орошения, занимавшая большую долину. Он также сделал топографическое и историческое описание таких средневековых городов, как Мейрам (Мейрамтобе), Аккорган, Узгент (Кырлы Узгент), Балапантобе, Абызтобе (Кутулкент), Внутренний Узгент (Сырлы Узгент), Тобеси ойык, Алгыр-Салгыр, Муллакурган и на правом берегу – Ордакент, Актобе, Кызылкала, и дал конкретные сведения об их параметрах (Каллаур, 1901: 70-75).

В.А. Каллаур посещал в 1899–1901 гг. Коккесене, который расположен на севере от станции Тюмен-арык, и обратил внимание на его структуру. В 1901 г. он определил, что это мавзолей, сфотографировал часть надписи арабской вязью внутри купола (Каллаур, 1900: 12).

В.А. Колосовский, который в 1901 г. посетил такие средневековые города, как Бабата, Саудамент, Кумкент, ознакомился с их сохранностью на тот период, описывал их виды и записал легенду, связанную с городом Бабата (Колосовский, 1901: 89-97).

На очередном заседании от 19 марта 1901 г. Туркестанского кружка любителей археологии Н.Н. Пантусов сделал доклад о кладбище Актам в Жаркентском уезде. В нем он, давая описание кладбища, находящегося в 20 км от Каракулдек в сторону Жаркента, публикует фотографию внешнего вида от 1900 г. и от 1884 г., снятого К. Пельмским, и фото внутреннего надгробного камня (Пантусов, 1901а: 7-9). Также он приводит две легенды об Актамском кладбище. По первой легенде, была единственная дочь у богатого китайского чиновника, жившего в Аккенте. Богач однажды из-за нехватки пастбищ отправляет пастись своих верблюдов в пустыню. И, следуя поверью кочевников о том, что если девушка будет рядом с верблюдами, то они преумножатся быстро, свою дочь отправляет тоже, дабы она присматривала за верблюдами. Недолгое время спустя, девушка, проживавшая в пустыне вместе с прислугой, умирает и ее хоронят там же. Девушка, оказывается, часто общалась с одним святым человеком, который приезжал в эту пустыню для совершения молитвы. Отец задумал построить памятное сооружение над могилой дочери. И тогда тот святой человек сказал ему, что девушка, хоть и не была мусульманкой, но делала много добрых дел, поэтому он считает ее святой и просит поручить ему построение мавзолея. После завершения строительства по разным сторонам его вешались колокольчики, которые при ветре издавали мелодичные звуки (Пантусов, 1901б: 9-10). По второй легенде, здесь похоронен калмыцкий лама по имени Ноин-камбу, который жил 100 лет назад (Пантусов, 1901б: 10-11).

Русский этнограф по Средней Азии, вице-губернатор Сырдарьинской области И.И. Гейер в 1901 г. публикует свой, ставший позже популярным, труд «Путеводитель по Туркестану», где всесторонне описывает этнографию казахов и других народов, проживающих в Туркестанском крае. В этой книге автор дает описание таких мечетей и медресе, как Тилла-Кари, Шер-Дор, Улутбек¹, Шах-Зинда и других, которые являются сакральными местами города Самарканда. И.И. Гейер, указывая

¹ «Мечеть Улутбека» как свидетельствует название, построено по приказу Улутбека, внука Эмир Темира.

на то, что Тилла-Кари так назван по причине того, что стены были позолочены, конкретно уточняет, что здание построено в 1618 г. по инициативе батыра Жалантос Бахадура¹ (Гейер, 1901: 160-163).

Сведения о средневековом мавзолее Коккесене первым дал ученый В.А. Каллаур в 1899 г. Это здание высоко возведено из жженных кирпичей и украшено синей краской. Однако упоминается, что местные жители растаскивают эти кирпичи. Н.С. Масич в свой второй приезд в этот край в апреле 1900 г. нашел надписи арабской вязью. А приехав в третий раз, то есть в апреле 1901 г., он обнаружил гроб в задней части сооружения. Дорога, ведущая к этому сооружению, была засыпана камнями, и на участках выше него появились новые кладбища. В упомянутой поездке А.Ю. Уткин первым сфотографировал это здание (Протоколы Туркестанского..., 1901: 98-101).

В протоколе от 1905 г. Туркестанского кружка любителей археологии была опубликована статья ученого А. Диваева под названием «Мавзолей Кок-Кесене» (Диваев, 1905: 40-42). В следующей своей статье, увидевшей свет в декабре 1907 г. под названием «О значении названия «Кок-кесене», в целях выяснения происхождения понятий Аккесене и Коккесене (соответственно, белый и синий мавзолей) он осуществляет анализ сведений, предоставленных просветителями-казахами Перовского уезда, такими как Султан Ералы и Жусупбек Басыгарин (Диваев, 1909: 11-13). По мнению Жусупбека Басыгарина, приведенного в статье, «слово *кесене* происходит от персидского *Кошане* и означает здание. Наш народ по-своему произносил это слово, и оно превратилось в *кесене*. Слово *коккесене*, возможно, произошло из-за того, что добавили *кок* по причине того, что здание было окрашено в синий цвет, потому что ученый А.Ю. Якубовский указывал на то, что слово *кок* в нашем языке означает *синий цвет*, и был согласен с правильностью данного утверждения» (Якубовский, 2008: 113).

Ученым, инициировавшим и заострявшим вопросы, связанные с мавзолеем, в газете «Туркестанские ведомости», был член Туркестанского кружка любителей археологии, руководитель Ташкентской городской думы, а позже профессор САГУ Н.Г. Маллицкий. Он, в 1906 году лишь раз изучив с историко-архитектурной позиции этот памятник, ищет прототип мавзолея на Ближнем Востоке. Не принимая в расчет многовековую историю и традицию и имеющиеся эволюционные особенности архитектуры Средней Азии, он начинает генезис мавзолея с простых изначальных арабских мечетей и далее до плановых иранских храмовых и дворцовых архитектурных сооружений и утверждает, что мавзолей является их производным. Конечно, автор здесь исходил из правил буржуазных исследователей, утверждавших, что «история культуры – история религии». Н.Г. Маллицкий, заметив, что алтарь не ориентирован на киблу, предполагает, что на месте мавзолея раньше было старинное строение. Особенность данного исследования по сравнению с другими в том, что ставит большие теоретические вопросы (Маллицкий, 1906).

Офицер М.А. Терентьев, участвовавший во взятии города Туркестана, пишет в своем воспоминании, что по приказу полковника Веревкина войска выстрелили артиллерией в мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави 12 раз и сильно его повредили. Данный обстрел не решал судьбу битвы и остался в истории как варварское разрушение памятников культуры (Терентьев, 1906: 279-281).

В.П. Нехорошев, который в 1907 г. ознакомился с системой орошения средневекового города Бестама, говоря о том, что город снабжался водой из реки Тюмен-арык, пишет: «Несомненно, что и Бестам брал воду из Тюмен-арыка. На это указывает направление и топографическое положение арыка. Арык проходил через Бестам и исчезал в каньоне Нансай» (Нехорошев, 1934: 17-35). В этом же году И.А. Кастанье во время своего путешествия от Ташкента до Оренбурга, проезжая через средневековый город Сыгнак и исследуя его топографические и исторические структуры, видел разрушенные строения и мавзолей как на месте самого города, так и в его окрестностях. Вместе с тем он изучал и памятники Бестама, Кызыл кала, Окшыата и Копрабада, которые расположены вокруг Шиели, и обратил внимание на состояние их сохранности (Кастанье, 1909: 82-85).

В работе путешественника, археолога И.А. Кастанье, опубликованной в 1910 г., рассматриваются курганы, кладбища, городки, захоронения, статуи, которые являются сакральными местами казахов. Главная особенность этой работы автора в том, что он классифицирует исторические памятники по местам, согласно административному делению царского правительства во второй половине XIX века, в том числе по волостям и уездам. В свою очередь рассмотрены Сырдарьинская и Семиреченская области Туркестанского края². Еще одной особенностью этой работы является то, что автор широко использует научные сообщения и статьи, опубликованные членами Туркестанского кружка любителей археологии, и особое внимание уделяет средневековым

¹ Жалантос Бахаdur, который был правителем Самарканда и является общей фигурой и для казахов, и для узбеков много сделал для процветания города. То, что Жалантос Бахаdur пришел на помощь казахскому хану Джангиру в его битве против Ойратских племен 1643 году с 20 тысячным войском, является доказательством того, что он был по происхождению казах.

² Поскольку указанный труд охватывает Казахскую степь, Оренбургскую и Астраханскую губернии и Тургайская, Уральская, Акмолинская, Семипалатинская, Сырдарьинская и Семиреченская волости полностью включены. Одно замечание: поскольку объектом исследования статьи является лишь Туркестанский край, в указанном труде были проанализированы материалы, касающиеся только Сырдарьинской и Семиреченской областей.

городам и мавзолеям, расположенным вдоль побережья реки Сырдарья ([Кастанье, 1910: 173-226](#)). Также И.А. Кастанье, побывав в мавзолее Хорасан-ата, увидев там древние следы арычной системы, отмечает, что посевная культура в этих краях существовала издавна и что река Огуз была полноводной в свое время ([Кастанье, 1910: 207-226](#)).

Русская администрация после завоевания Туркестана в 1864 г., превратила здания мавзолея Ахмеда Ясави в магазин для военных, а мавзолеем Рабия Султан Бегим – в артиллерийский склад. В августе 1895 г. мавзолеем Рабия Султан Бегим в значительной части саморазрушился. Однако благодаря инициативе любителей археологии туркестанского кружка удалось привлечь средства на восстановление этого объекта. Тем не менее статус объекта продолжал вызывать опасения. Объекты историко-культурного наследия в это время часто подвергались разграблению. Любителей старины и воров интересовали медные светильники и дверные ручки, книги и рукописи, хранимые в библиотеках ([Протоколы Туркестанского..., 1897](#)). «...11 февраля 1906 года воры проникли в знаменитую мечеть Хазрета и украли верхнюю часть одного из медных светильников» ([Покража подсвечника..., 1906](#)), – написала местная пресса. Эта история стала причиной того, что памятник был взят под опеку и стали производиться ремонтные работы. Позже напали на след украденного светильника¹, и была сделана попытка вернуть его ([Попытка вернуть..., 1910](#)).

Крупный общественный и государственный деятель, генеральный консул России в Китае Н.Ф. Петровский написал в местной прессе статью, в которой указал на важную роль мавзолея Ахмеда Ясави в истории мировой культуры ([Петровский, 1906](#)). В качестве дополнения к статье Н.Ф. Петровского знаменитый ориенталист и историк В.Л. Вяткин пишет большой очерк об истории мавзолея. Важность его трудов в том, что он перевел на русский язык «Шерефеддин аль-Иездия» и отрывки, касающиеся строительства мавзолея, из «Книги побед» Тимура. Приводя годы (надписи) на казане и дверях, он указывает, что мавзолеем является памятником XIV века. Вместе с тем В.Л. Вяткин исправляет ошибки исследователей-предшественников. К примеру, если М. Бекчурин утверждал, что год смерти Ахмеда Ясави – 1120–1121 гг., то В.Л. Вяткин правильно указывает, что это 1166–1167 гг. Также он утверждает, что легенда о том, что Тимур построил памятник для внука, не соответствует исторической правде ([Вяткин, 1906](#)).

Российский историк, этнограф, член Оренбургского отделения Русского географического общества и Комиссии научного архива А.Н. Добросмыслов в своей монографии о городах Сырдарьинского края делает обзор предшествующих трудов, классифицируя их по группам. Исследователь особо отмечает, что Ахмед Ясави сильно почитаем у тюркских народов, из них особенно у казахов, так как казахи считают Азрет Султана кровным родственником ([Добросмыслов, 1912: 108-160](#)).

Когда В.Д. Городецкий брал на учет археологические памятники Шымкентского уезда в 1915 г., он описал старый город, расположенный в 4 км к востоку от аула Балыкшы, и нескольких артефактов, найденных в нем, а один из этих артефактов – камень с надписью. По словам В.Д. Городецкого, надпись на камне, вероятно, уйгурской письменности ([Городецкий, 1922: 100-101](#)).

5. Заключение

При рассмотрении историографии второй половине XIX – начала XX вв., касающейся сакральных мест Туркестанского края, в памятных записках, дневниках исследователей, а также военных, принявших участие в экспедициях, организованных российской администрацией до второй половины XIX века, сведения об историко-культурных памятниках края не встречаются. Но со второй половины XIX века, после того как Российская империя начинает контролировать присырдарьинские и другие земли Туркестанского края, которые ныне образуют южные области современного Казахстана, наблюдается рост различных изысканий. Исследованием историко-культурных памятников края, помимо отдельных лиц, занимались и специально организованные кружки. В результате исследований членов кружка были собраны ценные сведения о таких уникальных объектах Туркестанского края, как сооружение Дингек тас, кладбище Актам, мавзолей Қарахана и Айша-биби, мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави, развалины архитектурных сооружений городов Сыгнака, Саурана, Бестама, строение Коккесене, башни Сарамана, Косы, Бегима, мавзолей Коркут-ата и т.д., в виде устных преданий, мифов, описаний, фотографий и рисунков. Позднее эти данные оказали большую помощь при реконструкции и ремонте вышеупомянутых мавзолеев. К сожалению, некоторые из этих памятников были полностью разрушены. Поэтому можно сказать, что историческая ценность фотографий Коккесене, от которого позже остались только руины, двойной башни в Сауране, которая была разрушена, очень высока.

Мемориальный комплекс Ходжи Ахмеда Ясави, который является одним из наиболее сакральных мест Туркестанского края, занял видное место в исследованиях русских путешественников и ученых имперского периода. Анализируя их труды с точки зрения

¹ В настоящее время тот светильник находится в Лувре в качестве одного из видных экспонатов ([Мастера Ирана..., 1939: 282-284](#)).

историографии, можно заметить, что сведения о строительстве и историческом значении комплекса Ходжи Ахмеда Ясави были дополнены и приведены в одну канву. Главная ошибка в исследованиях этого периода в том, что ученые исходили из того, что памятник Ходжи Ахмеда Ясави является производным от иранской среднеазиатской культуры. И не обращали внимания на такие вопросы: ради чего этот комплекс построен, в каких целях и кем он использовался?

Таким образом, анализируя историографию второй половины XIX – начала XX вв. по сакральным местам Туркестанского края, можно сказать, что хотя и нельзя признать некоторые работы отдельных путешественников и ученых Российской империи полноценными научными исследованиями, но они представляют собой несомненный фактологический интерес, поскольку дают ценные исторические сведения. Кроме того, собрать такие ретроспективные данные об этих памятниках в настоящее время не представляется возможным. Благодаря трудам ведущих интеллектуалов России указанного периода – востоковедов, архитекторов, арабистов, путешественников – архитектурное наследие и исторические памятники древнего Туркестана зафиксированы на бумаге и стали бесценным достоянием для будущих поколений. Более того, по этим записям некоторые памятники ремонтируются и реставрируются и поныне. Поэтому можно подытожить, что историко-этнографические данные русских исследователей и ученых по-прежнему имеют практическое значение.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК, проект «Святые места казахов Средней Азии (Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Каракалпакстан): выявление, классификация и исследование». ИРН проекта: AP0885925.

Литература

- Аничков, 1898** – Аничков И.В. О некоторых местностях Казалинского уезда, интересных в археологическом отношении // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (1897–1898), III. Ташкент: Типолитограф. Торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменские, 1898. С. 51-55.
- Байтанаев, 2004** – Байтанаев Б.А. А.А. Диваев – очерк жизни и деятельности. Шымкент: ЮКУ, 2004. 260 с.
- Байтанаев, Ёлгин, 2013** – Байтанаев Б.А., Ёлгин Ю.А. Культурная архитектура Южного Казахстана: Архитектурно-археологические исследования памятников позднего ислама. Алматы, 2013. 302 с.
- Бартольд, 1966** – Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893–1894 гг. // Сочинения. В 9 т. М.: Главная редакция Восточной литературы, 1966. Т. IV: Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. 496 с.
- Бекчурин, 1866** – Бекчурин Мир-Салих. Описание мечети Азрета, находящейся в городе Туркестане // Военный сборник. 1866. № 8. Отд. 2. С. 209-217.
- Валиханов, 1984** – Валиханов Ч.Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль // Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. С. 306-357.
- Вяткин, 1906** – Вяткин В.Л. Историческая справка (о мавзолее Ясави) // Туркестанские ведомости. 1906. № 93.
- Гейер, 1901** – Гейер И.И. Путеводитель по Туркестану: с двумя картами и одним портретом. Ташкент: Типолитограф. В.М. Ильина, 1901. 255 с.
- Гейнс, 1898** – Гейнс А.К. Путешествие в Туркестан. Дневник 1866 г. / Собрание литературных трудов А.К. Гейнса. Т. II. СПб., 1898.
- Городецкий, 1922** – Городецкий В.Д. К археологии Чимкентского уезда // Известия Туркестанского отдела Русского географического общества. Вып. 15. Ташкент, 1922. С. 99-103.
- Диваев, 1901** – Диваев А.А. Жалобная грамота, данная Тимуром Туркестанской мечети Азрета Ясеви // Туркестанские ведомости. 1901. №39, 41.
- Диваев, 1905** – Диваев А.А. Мавзолей Кок-кесене (Историко-археологическая заметка) // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (1904–1905), X. Ташкент: Типолитограф. В.М. Ильина, 1905. С. 40-42.
- Диваев, 1909** – Диваев А.А. О значении названия «Кок-кесене» (Историко-археологическая заметка) / Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (1907–1908). XIII. Ташкент: Типолитограф. В.М. Ильина, 1909. С. 11-13.
- Добросмыслов, 1912** – Добросмыслов А.Н. Города Сыр-Дарьинской области. Ташкент. 1912. 204 с.
- Дулатова, 1984** – Дулатова Д.И. Историография дореволюционного Казахстана (1861–1917 гг.). Алма-Ата: Наука, 1984. 272 с.
- Ёлгин, 2013** – Ёлгин Ю.А. Археологические и историко-архитектурные исследования мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави: Вторая половина XIX в. – середина 1950-х годов: (Очерки и материалы). Алматы, 2013. 225 с.
- Историография общественных..., 1974** – Историография общественных наук в Узбекистане. Библиографические очерки. Составитель Б.В. Лунин. Ташкент: «Фан», 1974. 386 с.

Каллаур, 1897 – *Каллаур В.А.* О Карахане и мазарах Аулияята и Айша-биби // *Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (1896–1897)*, II. Ташкент: Типолитограф. Торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменские, 1897. С. 1-16.

Каллаур, 1900 – *Каллаур В.А.* Древние города Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингисханом в 1219 году / *Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии*. V. Ташкент: Типолитограф. Торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменские, 1900. С. 6-16.

Каллаур, 1901 – *Каллаур В.А.* Древние города, крепости и курганы по реке Сыр-Дарье, в восточной части Перовского уезда / *Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (1900–1901)*. VI. Ташкент: Типолитограф. В.М. Ильина, 1901. С. 69-78.

Каллаур, 1904 – *Каллаур В.А.* Древние местности Аулиеатинского уезда на древнем караванном пути на запад от Аулиеата к границе Чимкентского уезда / *Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (1903–1904)*. IX. Ташкент: Типограф. штаба Туркестанского военного округа. 1904. С. 48-55.

Кастанье, 1909 – *Кастанье И.А.* Отчет за 1907 год // *Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества*. Оренбург, 1909. Вып. XXI. С. 82-85.

Кастанье, 1910 – *Кастанье И.А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края / *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. XXII. Оренбург: Типолит. Т-ва Каримов, Хусайнов и Ко, 1910. 332 с.

Колосовский, 1901 – *Колосовский В.А.* В Каратавских горах Чимкентского уезда // *Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (1900–1901)*, VI. Ташкент: Типолитограф. В.М. Ильина, 1901. С. 89-97.

Левтеева, 1986 – *Левтеева Л.Г.* Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках (историография проблемы). Ташкент: Фан, 1986. 144 с.

Лерх, 1870 – *Лерх П.И.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб., 1870. С. 15-25.

Лунин, 1958 – *Лунин Б.В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.). Ташкент: Изд. Академия наук Узбекской ССР, 1958. 320 с.

Лунин, 1967 – *Лунин В.А.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Ташкент, 1967.

Маллицкий, 1906 – *Маллицкий Н.Г.* Хазрет Султан (Хаджи Ахмед Яссауи, Султан Арефон, Туркестанский мистик и святой XII столетия) // *Туркестанские ведомости*. 1906. № 125.

Масанов, 1966 – *Масанов Э.А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: Наука, 1966. 322 с.

Мастера Ирана..., 1939 – *Мастера Ирана в Средней Азии при Тимуре // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии 1935 г.* М.-Л., 1939. С. 282-284.

Нехорошев, 1934 – *Нехорошев В.П.* Краткий геологический очерк территории Большого Алтая // *Большой Алтай / Сборник материалов по проблеме комплексного изучения и освоения естественных сил Алтайско-Иртышского района*. М., 1934. Т. 1. С. 17-35.

Панков, 1897 – *Панков В.П.* О мазаре Карахана // *Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (1896–1897)*, II. Ташкент: Типолитограф. Торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменские, 1897. С. 1-16.

Пантусов, 1899 – *Пантусов Н.Н.* Древности Лепсинского уезда Семиреченской области / *Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (1898–1899)*, IV. Ташкент: Типолитограф. Торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменские, 1899. С. 16-17.

Пантусов, 1901a – *Пантусов Н.Н.* Могила Актам (Близ города Джаркента) / *Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (1900–1901)*, VI. Ташкент: Типолитограф. В.М. Ильина, 1901. С. 6-9.

Пантусов, 1901b – *Пантусов Н.Н.* Легенда о могиле Актам, построенной на солончаковой долине среди песков / *Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (1900–1901)*. VI. Ташкент: Типолитограф. В.М. Ильина, 1901. С. 9-11.

Пашино, 1868 – *Пашино И.И.* Туркестанский край 1966 г. Путевые заметки П.И. Пашино. СПб., 1868. С. 61-75.

Петровский, 1906 – *Петровский Н.Ф.* Заметка о мечети Ходжа Ахмеда Яссауи в г. Туркестане // *Туркестанские ведомости*. 1906. № 82.

Покража подсвечника..., 1906 – *Покража подсвечника из мечети Хазрета Ходжа Ахмеда Яссауи в г. Туркестане // Туркестанские ведомости*. 1906. № 26.

Попытка вернуть..., 1910 – *Попытка вернуть в Туркестанскую мечеть украденный Темерлановский подсвечник // Туркестанские ведомости*. 1910. № 162.

Протоколы Туркестанского..., 1897 – *Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (1896–1897)*, II. Ташкент: Типолитограф. Торг. дома Ф. и Г. Бр. Каменские, 1897.

Протоколы Туркестанского..., 1901 – *Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (1900–1901)*, VI. Ташкент: Типолитограф. В.М. Ильина, 1901. С. 98-101.

- Северцов, 1859 – Северцов Н.А. Месяц плена у кокандцев // *Русское слово*. 1859. № 10. С. 221-318.
- Смирнов, 1887 – Смирнов Е. Сыр-Дарьинская область. Описание, составленное по официальным источникам. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887. 343 с.
- Терентьев, 1906 – Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1906. С. 279-281.
- Тоқтабаев, 2000 – Тоқтабаев А.У. Қожа Ахмет Яссауи сәулет ғимаратының тарихнамасы // *Отан тарихы*. 2000. № 3-4. 23-35 б.
- Якубовский, 2008 – Якубовский А.И. Развалины Сыгнака (Сутнак). Талкандалған Сыгнак (Сунак). Алматы: Дәуір, 2008. 126 с.

References

- Anichkov, 1898 – Anichkov, I.V. (1898). O nekotorykh mestnostiyakh Kazalinskogo uезда, interesnykh v arkheologicheskom otnoshenii [About some areas of the Kazaly district, interesting from an archaeological point of view]. *Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubitelei arkheologii (1897-1898)*. III. Tashkent: tipo-litogr. Torg. Doma F. i G. Br. Kamenskie. Pp. 51-55. [in Russian]
- Baitanaev, 2004 – Baitanaev, B.A. (2004). A.A. Divaev – ocherk zhizni i deyatel'nosti [Divaev – essay on life and work]. Chymkent: YuKGU, 260 p. [in Russian]
- Baitanaev, Elgin, 2013 – Baitanaev, B.A., Elgin, Iy.A. (2013). Kul'tovaya arkhitektura Yuzhnogo Kazakhstana: Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniya pamyatnikov pozdnego islama [Cult architecture of South Kazakhstan: Architectural and archaeological research of monuments of late Islam]. Almaty, 302 p. [in Russian]
- Bartold, 1966 – Bartold, V.V. (1966). Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoi tsel'yu, 1893–1894 gg. [Report on a trip to Central Asia for a scientific purpose, 1893–1894]. *Sochineniia*; v 9 T. T. IV: Raboty po arkheologii, numizmatike, epigrafike i etnografii. M.: Glavnaya redaktsiya Vostochnoi literatury, 496 p. [in Russian]
- Bekchurin, 1866 – Bekchurin, Mir-Salih. (1866). Opisanie mecheti Azreta, nakhodyasheysya v gorode Turkestane [Description of the Azret Mosque, located in the city of Turkistan]. *Voennyi sbornik*. 8. Otd. 2. Pp. 209-217. [in Russian]
- Divaev, 1901 – Divaev, A.A. (1901). Zhalobnaya gramota, dannaya Timurom Turkestanskoi mecheti Azreta Asevi [Letter of Complaint given by Timur to Azret Yasevi Turkestan Mosque]. *Turkestanskije vedomosti*. 39, 41. [in Russian]
- Divaev, 1905 – Divaev, A.A. (1905). Mavzolei Kok-kesene (Istoriko-arkheologicheskaya zametka) [Mausoleum of Kok-kesene (Historical and archaeological note)]. *Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubitelei arkheologii (1904-1905)*. X. Tashkent: tipo-litogr. V.M. Ilina. Pp. 40-42. [in Russian]
- Divaev, 1909 – Divaev, A.A. (1909). O znachenii nazvanya «Kok-kesene» (Istoriko-arkheologicheskaya zametka) [On the meaning of the name "Kok-kesene" (Historical and archaeological note)]. *Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubitelei arkheologii (1907-1908)*. XIII. Tashkent: tipo-litogr. V.M. Ilina. Pp. 11-13. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1912 – Dobrosmyslov, A.N. (1912). Goroda Syr-Darinskoi oblasti [Cities of the Syr-Dara region]. Tashkent, 204 p. [in Russian]
- Dulatova, 1984 – Dulatova, D.I. (1984). Istoriografiya dorevolyutsionnogo Kazakhstana (1861–1917 gg.) [Historiography of pre-revolutionary Kazakhstan (1861–1917)]. Alma-Ata: Nauka. 272 p. [in Russian]
- Elgin, 2013 – Elgin, Iy.A. (2013). Arkheologicheskie i istoriko-arkhitekturnye issledovaniya mavzoleya Hodzhi Ahmeda Iasavi: Vtoraya polovina XIX v. – seredina 1950-h godov: (Ocherki i materialy) [Archaeological and historical-architectural studies of the mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi: Second half of the 19th century. – mid-1950s: (Essays and materials)]. Almaty, 225 p. [in Russian]
- Geier, 1901 – Geier, I.I. (1901). Putevoditel po Turkestanu: s dvumya kartami i odnim portretom [Guide to Turkestan: with two maps and one portrait]. Tashkent: tipo-litogr. V.M. Ilina. 255 p. [in Russian]
- Geins, 1898 – Geins, A.K. (1898). Puteshestvie v Turkestan. Dnevnik 1866 g. [Journey to Turkestan. Diary 1866]. Sbranie literaturnykh trudov A.K. Geinsa. T. II. SPb. [in Russian]
- Gorodetskii, 1922 – Gorodetskii, V.D. (1922). K arkheologii Chimkentskogo uезда [To the archeology of Chimkent district]. *Izvestia Turkestanskogo otdela Russkogo geograficheskogo obchestva*. Vyp. 15. Tashkent. Pp. 99-103. [in Russian]
- Istoriografiya obchestvennykh..., 1974 – Istoriografiya obshchestvennykh nauk v Uzbekistane. Bio-bibliograficheskie ocherki [Historiography of social sciences in Uzbekistan. Bio-bibliographic essays]. Sostavitel B.V. Lunin. Tashkent: «Fan». 386 p. [in Russian]
- Kallaur, 1901 – Kallaur, V.A. (1901). Drevnie goroda, kreposti i kurgani po reke Syr-Dare, v vostochnoi chasti Perovskogo uезда [Ancient cities, fortresses and burial mounds along the Syr-Darya River, in the eastern part of the Perovsky district]. *Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubitelei arkheologii (1900-1901)*, VI. Tashkent: tipo-litogr. V.M. Ilina. Pp. 69-78. [in Russian]
- Kallaur, 1897 – Kallaur, V.A. (1897). O Karahane i mazarah Auliyaata i Aisha-bibi [About Karakhan and the mazars of Auliyaata and Aisha-bibi]. *Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubitelei arkheologii (1896-1897)*. II. Tashkent: tipo-litogr. Torg. Doma F. i G. Br. Kamenskie. Pp. 1-16. [in Russian]

Kallaur, 1900 – *Kallaur, V.A.* (1900). Drevnie goroda Saganak (Sunak), Ashnas ili Eshnas (Asanas) i drugie v Perovskom uезде, razrushennye Chingis-khanom v 1219 godu [The ancient cities of Saganak (Sunak), Ashnas or Eshnas (Asanas) and others in the Perovsky district, destroyed by Genghis Khan in 1219]. *Protokoly Turkestanskogo kruzha lyubitelei arkheologii*. V. Tashkent: tipolitoigr. Torg. Doma F. i G.Br. Kamenskie. Pp. 6-16. [in Russian]

Kallaur, 1904 – *Kallaur, V.A.* (1904). Drevnie mestnosti Aulieatinskogo uезда na drevnem karavannom puti na zapad ot Aulieata k granitse Chimkentskogo uезда [Ancient areas of the Aulieata district on the ancient caravan route west from Aulieat to the border of the Chimkent district]. *Protokoly Turkestanskogo kruzha lyubitelei arkheologii* (1903-1904). IX. Tashkent: tipogr. shtaba Turkestanskogo voennogo okruga. Pp. 48-55. [in Russian]

Kastane, 1909 – *Kastane, I.A.* (1909). Otchet za 1907 god [Report for 1907]. *Izvestia Orenburgskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshetva*. Orenburg. Vyp. XXI. Pp. 82-85. [in Russian]

Kastane, 1910 – *Kastane, I.A.* (1910). Drevnosti Kirgizskoi stepi i Orenburgskogo kraja [Antiquities of the Kirghiz steppe and the Orenburg region]. *Trudy Orenburgskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii*. Vyp. XXII. Orenburg: Tipolito. T-va Karimov, Husainov i Ko. 332 p. [in Russian]

Kolosovskii, 1901 – *Kolosovskii, V.A.* (1901). V Karatavskikh gorakh Chimkentskogo uезда [In the Karatav mountains of the Chimkent district]. *Protokoly Turkestanskogo kruzha lyubitelei arkheologii* (1900–1901). VI. Tashkent: tipolitoigr. V.M. Ilina. Pp. 89-97. [in Russian]

Lerh, 1870 – *Lerh, P.I.* (1870). Arkheologicheskaya poezdka v Turkestanskii krai v 867 godu [Archaeological trip to the Turkestan region in 1867]. SPb. Pp. 15-25. [in Russian]

Levtteeva, 1986 – *Levtteeva, L.G.* (1986). Prisoedinenie Srednei Azii k Rossii v memuarnykh istochnikakh (istoriografia problemy) [Accession of Central Asia to Russia in memoir sources (historiography of the problem)]. Tashkent: Fan. 144 p. [in Russian]

Lunin, 1958 – *Lunin, B.V.* (1958). Iz istorii russkogo vostokovedeniya i arheologii v Turkestane. Turkestanskii kruzhek lyubitelei arkheologii (1895–1917 gg.) [From the history of Russian oriental studies and archeology in Turkestan. Turkestan circle of lovers of archeology (1895–1917)]. Tashkent: Izd. Akademia nauk Uzbekskoi SSR, 320 p. [in Russian]

Lunin, 1967 – *Lunin, V.A.* (1967). Nauchnye obchestva Turkestana i ikh progressivnaya deyatelnost' [Scientific societies of Turkestan and their progressive activity]. Tashkent. [in Russian]

Mallitskii, 1906 – *Mallitskii, N.G.* (1906). Hazret Sultan (Hadzhi Akhmed Yassavi, Sultan Arefon, Turkestanskii mistik i svyatoi XII stoletiya) [Khazret Sultan (Hadji Ahmed Yassavi, Sultan Arefon, Turkestan mystic and saint of the 12th century)]. *Turkestanskije vedomosti*. 125. [in Russian]

Masanov, 1966 – *Masanov, E.A.* (1966). Ocherk istorii etnograficheskogo izucheniya kazakhskogo naroda v SSSR [Essay on the history of the ethnographic study of the Kazakh people in the USSR]. Alma-Ata: Nauka. 322 p. [in Russian]

Mastera Irana..., 1939 – *Mastera Irana v Srednei Azii pri Timure* [Masters of Iran in Central Asia under Timur]. *III Mezhdunarodnoi congress po iranskomu iskusstvu i arkheologii 1935 g.* M.-L. Pp. 282-284. [in Russian]

Nekhoroshev, 1934 – *Nekhoroshev, V.P.* (1934). Kratkii geologicheskii ocherk territorii Bol'shogo Altaia [Brief geological outline of the territory of the Great Altai]. *Bol'shoi Altai: sbornik materialov po problem kompleksnogo izucheniya i osvoeniya estestvennykh sil Altaiskogo – Irtyskogo raiona*. M. T. 1. Pp. 17-35. [in Russian]

Pankov, 1897 – *Pankov, V.P.* (1897). O mazare Karakhana [About the mazar of Karakhan]. *Protokoly Turkestanskogo kruzha lyubitelei arkheologii* (1896-1897). II. Tashkent: tipolitoigr. Torg. Doma F. i G.Br. Kamenskie. Pp. 1-16. [in Russian]

Pantusov, 1899 – *Pantusov, N.N.* (1899). Drevnosti Lepsinskogo uезда Semirechenskoi oblasti [Antiquities of the Lepsinsky district of the Semirechensk region]. *Protokoly Turkestanskogo kruzha lyubitelei arkheologii* (1898–1899). IV. Tashkent: tipolitoigr. Torg. Doma F. i G.Br. Kamenskie. Pp. 16-17. [in Russian]

Pantusov, 1901a – *Pantusov, N.N.* (1901). Mogila Aktam (Bliz goroda Dzharkenta) [Tomb of Aktam (Near the city of Dzharkent)]. *Protokoly Turkestanskogo kruzha lyubitelei arkheologii* (1900–1901). VI. Tashkent: tipolitoigr. V.M. Ilina. Pp. 6-9. [in Russian]

Pantusov, 1901b – *Pantusov, N.N.* (1901). Legenda o mogile Aktam, postroennoi na solonchakovoi doline sredi peskov [The legend of Aktam's tomb, built on a saline valley among the sands]. *Protokoly Turkestanskogo kruzha lyubitelei arkheologii* (1900–1901). VI. Tashkent: tipolitoigr. V.M. Ilina. Pp. 9-11. [in Russian]

Pashino, 1868 – *Pashino, I.I.* (1868). Turkestanskii krai 1966 g. Putevye zametki P.I. Pashino [Turkestan region 1966 Travel notes P.I. Pashino.]. SPb. Pp. 61-75. [in Russian]

Petrovskii, 1906 – *Petrovskii, N.F.* (1906). Zametka o mecheti Khodzha Ahmeda Yassavi v g. Turkestane [A note about the mosque of Khoja Ahmed Yassavi in the city of Turkestan]. *Turkestanskije vedomosti*. 82. [in Russian]

Pokrazha podsvechnika..., 1906 – *Pokrazha podsvechnika iz mecheti Khazreta Khodzha Ahmeda Yassavi v g. Turkestane* [Theft of a candlestick from the mosque of Khazret Khoja Ahmed Yasawi in the city of Turkestan]. *Turkestanskije vedomosti*. 26. [in Russian]

Popytka vozvratit'..., 1910 – Popytka vozvratit' v Turkestantskuyu mechet ukradennyi Temerlanovskii podsvechnik [An attempt to return the stolen Temerlanovsky candlestick to the Turkestan mosque]. *Turkestantskie vedomosti*. 162. [in Russian]

Protokoly Turkestantskogo..., 1897 – Protokoly Turkestantskogo kruzha lyubitelei arheologii (1896–1897). II. Tashkent: tipo-litogr. Torg. Doma F. i G. Br. Kamenskii. [in Russian]

Protokoly Turkestantskogo..., 1901 – Protokoly Turkestantskogo kruzha lyubitelei arheologii (1900–1901). VI. Tashkent: tipo-litogr. V.M. Pina. Pp. 98-101. [in Russian]

Severtsov, 1859 – *Severtsov, N.A.* (1859). Mesyats plena u kokandtsev [A month of captivity among the Kokand people]. *Russkoe slovo*. 10: 221-318. [in Russian]

Smirnov, 1887 – *Smirnov, E.* (1887). Syr'-Dar'inskaya oblast'. Opisanie, sostavlennoe po ofitsial'nym istochnikam [Syr-Darya region. Description based on official sources]. SPb.: Tip. M.M. Staiylevicha, 343 p. [in Russian]

Terent'ev, 1906 – *Terent'ev, M.A.* (1906). Istoria zavoevanya Srednei Azii [History of the conquest of Central Asia]. T. 1. SPb. Pp. 279-281. [in Russian]

Toktabaev, 2000 – *Toktabaev, A.U.* (2000). Kozha Akhmet Yassau saulet gimaratynyn tarikhnamasy [Historiography of Khoja Ahmet Yassau architectural building]. *Otan tarihy*. 3-4: 23-35. [in Kazakh]

Valihanov, 1984 – *Valihanov, Ch.Ch.* (1984). Dnevnik poezdki na Issyk-kul [Diary of a trip to Issyk-Kul]. *Sobranie sochinenii v pyati tomah*. T. 1. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii. Pp. 306-357. [in Russian]

Viatkin, 1906 – *Viatkin, V.L.* (1906). Istoricheskaya spravka (o mavzolee Yasavi) [Historical information (about Yasavi mausoleum)]. *Turkestantskie vedomosti*. 93. [in Russian]

Yakubovskii, 2008 – *Yakubovskii, A.I.* (2008). Razvaliny Sygnaka (Sugnak). Talkandalgan Sygnakh (Sunakh) [Ruins of Sygnak (Sugnak)]. *Almaty: Daur*. 126 p. [in Russian]

Святые места казахов в Туркестанском крае в трудах русских ученых и путешественников (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Ахмет Уалханович Токтабай ^a, Нурлыбек Айдарбекович Досымбетов ^{a, b, *}

^a Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается история изучения сакральных мест, имеющих отношение к казахам Туркестанского края, русскими исследователями во второй половине XIX – начале XX вв. В период царской России в Туркестанский край входили южные области нынешнего Казахстана, территории Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана. Большую лепту в исследование истории, культуры, памятников археологии и архитектуры Туркестанского края внесли любители археологии Туркестанского кружка. В работах таких членов кружка, как И.В. Аничков, Е.Т. Смирнов, А. Диваев, В.А. Каллаур, В.В. Бартольд и др., рассматривались архитектурные особенности сакральных мест Туркестанского края, история и легенды, мифы, бытующие среди его жителей. А также из тех профильных исследований в отчетах, в дневниках путешественников, военных, членов экспедиции того периода можно выявить культурный образ и значение тех сакральных мест, которые они занимают в представлениях казахов. Россия взяла в свое управление Туркестанский край, в связи с чем, начиная со второй половины XIX века, увеличилось количество проводимых специальных исследовательских работ. Еще одной из причин активного изучения края была политика целенаправленного заселения территории Средней Азии и Казахстана переселенцами из российских глубин. Такие исследования, естественно, не оставляют без внимания культуру, хозяйство, верования и быт местного населения. Конечно, в свою очередь ученые и путешественники рассматривали и сакральные места как объект изучения. Воспоминания, статьи, доклады и информация вышеупомянутых исследователей издавались как в «Туркестанских ведомостях», так и в других газетах и журналах, а также в специальных сборниках. В работах русских ученых и путешественников во второй половине XIX – начале XX вв. специально изучалась и подробно описывалась система орошения Туркестанского края, потому что перед царской администрацией стояла задача обеспечить спецпереселенцев орошаемой землей, чтобы они засеивали зерновые культуры. В статье использованы статьи из газет и журналов и отдельные труды русских исследователей, путешественников и чиновников до Октябрьского переворота.

Ключевые слова: Ходжа Ахмед Ясави, Туркестанский край, Коккесене, сакральные места, мавзолей, мечети, медресе, курган, оросительная система, арыки.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nur_dos88@mail.ru (Н.А. Досымбетов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1227-1236
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1227

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Network of Rural Settlements of the Tobolsk District/County in the second half of the XIX – first third of the XX centuries: Scale and Infrastructure

Anna I. Tatarnikova ^{a, *}

^aTobolsk complex scientific station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The paper presents a characteristic of the dynamics of the development of the network of rural settlements of the Tobolsk district/county in the second half of the XIX – first third of the XX centuries. Based on the calculation of the data contained in a mass statistical source (“Lists of populated places”), the number of rural settlements, their typical structure and size for several time slices, as well as infrastructure are determined. The influence of changing political and socio-economic conditions on the scale of the settlement network, its typology, indicators of the yard and population is analyzed. Changes in qualitative and quantitative indicators of the development of the rural settlement network of the district in the period under review are traced. New types of settlements are coming to replace the settlements, repairs, outposts disappearing by the beginning of the XX century – resettlement settlements, farms. In the first decades of Soviet power, villages with a new status appeared – agricultural communes. The variability of the quantitative growth of settlements was noted: in the period from 1868/1869 to 1893, the number of villages in the district increased, from 1893 to 1926, on the contrary, decreased. The conclusion is made about the predominance of small settlements in the settlement network of up to 25 households, changes in the size of Tobolsk households that were outlined by 1926. The transformation of the social infrastructure of the settlement network of the district/county in the period under review is traced. It manifested itself in the reduction of the number of private trading establishments, the emergence of cooperative organizations in rural areas, the development of the school network and an increase in the number of medical centers, the disappearance in the 1920s of religious institutions (churches, chapels, mosques, prayer houses), the expansion of the network of communication institutions.

Keywords: Tobolsk district, network of rural settlements, scale of settlement network, typical structure, number of settlements, size of settlements, population, social development, infrastructure.

1. Введение

Одной из наиболее острых социально-экономических проблем современной России является уменьшение численности сельского населения, исчезновение с географической карты страны огромного числа сел и деревень, деградация инфраструктуры села. Расширение депрессивных сельских территорий, их постепенная депопуляция, происходящие одновременно с гиперконцентрацией населения в крупных городах, отрицательно сказываются на состоянии российской экономики, провоцируют снижение качества жизни сельского населения, рост негативных социальных явлений (алкоголизм, преступность) в деревне.

Решение комплекса вышеперечисленных проблем требует учета исторического опыта функционирования сельской поселенческой сети, изучения влияния природно-географических,

* Corresponding author

E-mail addresses: tatob777@yandex.ru (A.I. Tatarnikova)

политических, экономических, социокультурных и иных факторов на состояние и развитие региональных/локальных систем расселения, в том числе сложившейся сети населенных пунктов.

В данной статье дается характеристика динамики развития сети сельских поселений Тобольского округа/уезда во второй половине XIX – первой трети XX вв. через такие ее показатели, как численность, типическая структура, величина, социальная инфраструктура. Определение количественных и качественных изменений в развитии поселенческой сети округа проводится с учетом их исторической обусловленности. В пределах названной административно-территориальной единицы, состоявшей из Вагайского, Тобольского, части Уватского и Ярковского районов современной Тюменской области, к концу XVIII в. сложился каркас поселенческой сети. Помимо мелких селений, в нее входили наиболее крупные и значимые с точки зрения выполняемых административных и социально-экономических функций населенные пункты, взаимодействующие между собой. На протяжении XVII–XX вв. одни тобольские сельские поселения успешно функционировали, увеличивались в своих размерах, обзаводились инфраструктурой, другие, наоборот, исчезали с географической карты.

Пример исторического опыта функционирования поселенческой сети Тобольского округа поможет органам центральной и местной власти выстроить грамотную политику по заселению и хозяйственному освоению новых территорий, развитию инфраструктуры населенных пунктов, решению проблем занятости населения.

К задачам исследования относятся анализ типической структуры сельских поселений Тобольского округа/уезда; изучение количественных характеристик населенных пунктов – величины дворов (дворности) и числа жителей (людности); выявление изменений в инфраструктуре поселенческой сети названного округа/уезда в исторической динамике.

2. Материалы и методы

Эмпирической базой для проведения исследования стали «Списки населенных мест» – основной массовый статистический источник по сельскому расселению и функционированию сети поселений в границах различных административно-территориальных единиц. «Списки» издавались в период с 1861 по 1928 гг. центральными органами статистического учета. Содержащиеся в названном источнике сведения о географическом положении, типах и величине населенных пунктов, национальном составе их жителей и элементах инфраструктуры позволяют проследить развитие сельской поселенческой сети на протяжении значительного хронологического периода, сопоставить полученные данные по нескольким временным срезам, выявить закономерности сельского расселения и развития сети поселений в различные исторические периоды.

В работе использованы сведения о населенных пунктах по Тобольскому округу/уезду за 1868–1869, 1893, 1903, 1912 и 1926 гг.

Основной методологической опорой исследования стали концептуальные положения об особенностях сельского расселения и развития сельской поселенческой сети советского географа С.А. Ковалева в зависимости от природно-климатических условий местности, преобладающего способа хозяйствования, размещения производительных сил. При изучении развития сети сельских поселений Тобольского округа учитывались выводы С.А. Ковалева о влиянии производственно-экономического фактора на типическое разнообразие поселенческой сети и величину составляющих ее единиц (Ковалев, 1963).

Первостепенное значение в работе имели такие методы исследования, как сравнительно-исторический (помог выявить закономерности развития населенных пунктов, сопоставить их величину по количеству дворов и числу жителей); проблемный (рассмотрены вопросы функционирования селений в меняющихся социально-экономических условиях); историко-генетический (развитие сети поселений рассматривается на протяжении длительного периода, учитывается последовательность происходящих изменений в характеристиках данной сети); метод графической визуализации полученных данных (многие количественные изменения в развитии тобольских селений представлены в виде диаграммы и таблиц).

3. Обсуждение

Проблема становления и развития сети поселений в отечественной исследовательской литературе приобрела особую значимость в конце XX столетия, когда кризис российской деревни приобрел удручающие масштабы. В дооктябрьский и советский периоды изучались такие аспекты темы, как влияние природно-географических и экономических условий на размещение населения, величину поселений, а также значение развития транспортной сети в формировании системы расселения (Шунков, 1946; Покшишевский, 1951; Ковалев, 1963). Исследователи сосредоточили внимание на описании ключевых отличительных признаков городских и сельских населенных пунктов. На основе массовых статистических данных в 1920–1970-х гг. впервые были изучены особенности промышленного, торгового и санитарно-гигиенического развития сельских поселений края (Нагнибеда, 1917), определено влияние Транссибирской железной дороги на появление селений новых типов (Борзунов, 1961). В 1980–1990-е гг. появились серьезные труды по истории

народонаселения сибирской деревни периода капитализма (Пронин, 1981; Зверев, 1993), становлению системы расселения, особенностям функционирования селений сибирских старожилов (Курилов, 1989).

В постсоветский и современный периоды развития историографии, благодаря появлению новых концептуальных подходов в исторической науке, расширилась проблематика работ по характеризующей теме, появились исследования, посвященные становлению «селитебной системы» в регионе (Балюк, 1997; Колесников, 1999, Зверев, 2014); влиянию переселенческого движения на систему расселения населения (Борисенко, 2017; Татарникова, 2017; Мазур, 2019); социальному развитию сельских поселений региона (Щеглова, 2001; Хорохордин, 2018; Соколова, 2017); внешнему облику жилых и хозяйственных строений старожилов, переселенцев и коренных народов Сибири (Шелегина, 2001). В целом, несмотря на заметный исследовательский интерес к развитию поселенческой сети региона, обозначившийся в последние десятилетия, вопрос о динамике изменений в численности, типической структуре и величине населенных пунктов, их инфраструктуре остается малоизученным, что определяет новизну и актуальность заявленной темы.

4. Результаты

Во второй половине XIX – первой трети XX вв. сельская поселенческая сеть Тобольского округа включала в себя населенные пункты разных типов: деревни, села, слободы, заимки, выселки, поселки, юрты.

Как и повсюду в России, в типической структуре сельских поселений Тобольского округа преобладали деревни. Как правило, деревня представляла собой небольшое селение, жители которого были заняты сельскохозяйственным трудом. В дореволюционный период основным отличительным признаком деревни, в отличие от села, считалось отсутствие церкви. Деревни возникали как по инициативе центральных и местных органов власти, в плановом порядке, так и в результате самовольной крестьянской колонизации сибирских земель. Однако к началу XX в. процесс образования деревень и населенных пунктов других типов, особенно в районах старого земледельческого освоения, был взят под строгий административный контроль.

Поселения со статусом села чаще всего имели бо́льшую величину, нежели деревни и населенные пункты других типов, а также относительно развитую производственно-экономическую и социокультурную инфраструктуру. Помимо церкви, в рассматриваемый период во многих селах функционировали мельницы и/или кузницы, хлебозапасные магазины, торговые лавки, школы грамоты и проч. Село являлось административным, торгово-экономическим и культурным центром для близлежащих поселений.

В поселенческой структуре Тобольского округа конца XIX в. имелись слободы. Населенные пункты с таким статусом были распространены в Сибирском регионе преимущественно в XVII–XVIII вв., когда они выполняли оборонительную функцию и одновременно выступали центрами сельскохозяйственного освоения новых территорий. В XIX в. слобода утратила оборонительную функцию и по своей величине, социальному развитию ничем не отличалась от села, представляя собой поселение, «где более одной церкви, торг или ярмарка, или волостное правление» (Слобода, 1992: 518).

Одной из особенностей землепользования в округе в рассматриваемый период была отдаленность основных угодий некоторых крестьян от селения. Для удобства ведения земледельческих работ отдельные домохозяева образовывали временные сезонные поселения на отдаленных угодьях, называвшиеся заимками. Населенные пункты данного типа также возникали на захваченных самовольно землях либо в лесу, на берегу реки, где крестьяне занимались промыслами. Заимки длительное время были прочно связаны с основным населенным пунктом. Если к заимочникам приселялись новые соседи, заимки могли перерасти в деревни и даже села.

В местах первоначального расселения нередко встречались выселки. Поселения данного типа возникали в результате «выезда», переселения отдельных домохозяев или их группы из старого поселения на отдаленные угодья вследствие земельной тесноты, семейных разделов.

Конец XIX – начало XX вв. ознаменованы появлением в структуре поселенческой сети Сибири населенных пунктов нового типа, так называемых переселенческих поселков. Образование поселков происходило преимущественно административным путем, согласно намеченному плану и предварительно составленным землеустроительными отрядами картам заселения свободных земель. Жителями поселков становились в основном крестьяне-переселенцы.

Кроме русских населенных пунктов распространенных типов (село, деревня, заимка, выселок), в Тобольском округе функционировали «иностранческие» селения со статусом юрты, в которых проживали сибирские татары. И русские, и «иностранческие» селения со временем могли изменить свою типическую принадлежность. Так, деревня могла стать селом, заимка, выселок «дорасти» до деревни. В 1920-е гг. прослеживалась тенденция получения частью тобольских юрт статуса деревень.

Как видно из диаграммы (Рисунок 1), число населенных пунктов Тобольского округа/уезда увеличивалось в период с 1868–1869 по 1903 гг. За это время поселенческая сеть пополнилась

160 новыми поселениями. Однако в последующие годы, с 1893 до 1926, сеть поселений стала сокращаться (на 83 селения).

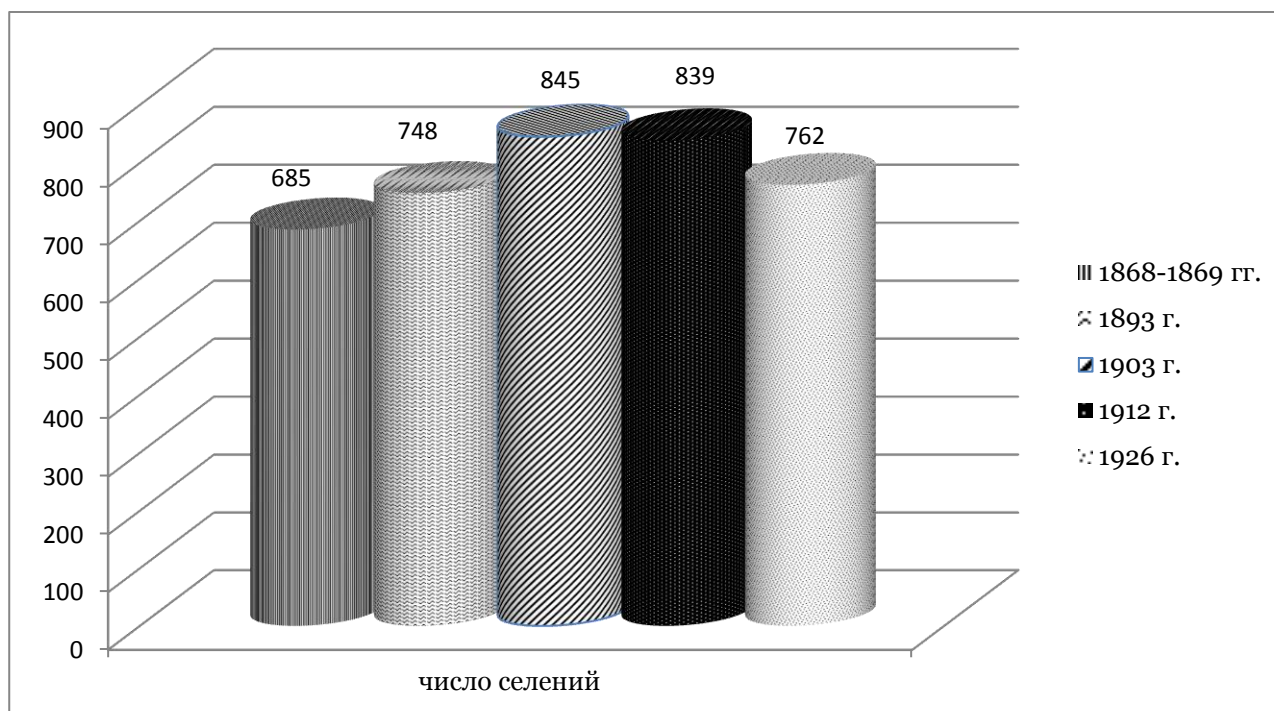

Рис. 1. Численное соотношений тобольских селений в 1868/1869–1926 гг. (подсчитано по: [Список населенных мест, 1871](#); [Список населенных мест, 1904](#); [Список населенных мест, 1912](#); [Список населенных мест, 1928](#); [Статистика Российской империи, 1894](#))

Такие изменения были связаны с тем, что исчезла часть выселков и заимок, являвшихся, как правило, малодворными, непродолжительно существовавшими населенными пунктами. Также к 1926 г. часть селений, ранее значившихся юртами, получила статус деревень.

Количественное соотношение разных типов поселений постоянно менялось (см. [Таблица 1](#)).

Таблица 1. Количество сельских поселений Тобольского округа (1868/1869–1926 гг.) (подсчитано по: [Список населенных мест, 1871](#); [Список населенных мест, 1904](#); [Список населенных мест, 1912](#); [Список населенных мест, 1928](#); [Статистика Российской империи, 1894](#))

Тип поселения	1868/1869 гг.		1893 г.		1903 г.		1912 г.		1926 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
село	36	5,3	38	5,1	43	5,1	42	5,0	33	4,3
деревня	408	59,6	420	56,1	432	51,1	455	54,2	488	64,0
выселок	42	6,2	81	10,8	113	13,4	103	12,3	70	9,2
заимка	1	0,1	2	0,3	23	2,7	9	1,1	11	1,5
поселок	–	–	–	–	3	0,4	8	1,0	16	2,1
слобода	2	0,3	2	0,3	3	0,4	1	0,1	–	–
хутор	1	0,1	–	–	–	–	1	0,1	5	0,7
завод	1	0,1	–	–	–	–	–	–	2	0,3
юрты	194	28,3	199	26,6	226	26,7	217	25,9	133	17,4
иные	–	–	–	–	1	0,1	1	0,3	4	0,5
неизвестен	–	–	6	0,8	1	0,1	2	0,2	–	–
итого	685	100	748	100	845	100	839	100	762	100

Из [Таблицы 1](#) видно, что на протяжении изучаемого периода в сети тобольских поселений постепенно снижалась доля сел и юрт. С 1903 по 1926 гг. растет удельный вес поселков, что стало следствием активизации переселений крестьян из европейской части страны за Урал.

Преобладающим типом населенных пунктов были деревни. На втором месте за ними шли юрты, на третьем – выселки.

В сравнении с сетью поселений других административно-территориальных единиц (тюменскими, курганскими, ишимскими селениями), заимки, хутора и переселенческие поселки не

получили в Тобольском округе большого распространения, что обусловлено более суровыми природно-климатическими условиями округа и связанным с ними слабым развитием земледелия.

В единичном числе в графе «иные» в помещенной выше таблице представлены в разные временные срезы мельница, кордон, пристань. Однако подобного типа селения встречались на территории округа редко.

Основные тенденции развития территориально-поселенческой структуры Тобольского округа в рассматриваемый период отражены не только в численности, но и в величине населенных пунктов, их дворности (числе имеющих в селении усадеб) и людности (численности проживающего населения).

Величина населенных пунктов, как правило, была связана с выполняемыми ими производственными функциями, с наличием достаточного количества земельных угодий, пригодных для сельскохозяйственных и иных работ, а также с формой расселения и традиционными способами жизнедеятельности разных народов.

Все имеющиеся в рассматриваемый период селения Тобольского округа были ранжированы нами по числу дворов на три основные категории. Населенные пункты, насчитывающие от 1 до 25 дворов, вошли в число малых поселений, от 26 до 200 – средних, от 201 и более – крупных. Анализ полученных данных показал, что тобольские поселения в рассматриваемый период были малыми и средними по величине.

Для тщательного изучения количества селений с разной дворностью было произведено их дополнительное ранжирование (Таблица 2).

Таблица 2. Классификация населенных пунктов Тобольского округа по количеству дворов (1868/1869–1926 гг.) (подсчитано по: [Список населенных мест, 1871](#); [Список населенных мест, 1904](#); [Список населенных мест, 1912](#); [Список населенных мест, 1928](#); [Статистика Российской империи, 1894](#))

Число дворов	1868/1869 гг.		1893 г.		1903 г.		1912 г.		1926 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Малые										
1–25	499	72,9	494	66,0	563	66,6	626	74,7	375	49,2
Средние										
26–50	144	21,0	185	24,7	213	25,2	118	14,1	223	29,3
51–75	35	5,1	48	6,4	42	5,0	62	7,4	100	13,1
76–100	2	0,3	9	1,2	15	18,0	22	2,6	40	5,3
101–200	5	0,7	8	1,1	8	0,9	6	0,7	23	3,0
неизвестно			4	0,6	4	0,5	4	0,5	1	0,1
Итого	685	100	748	100	845	100	839	100	762	100

Данные таблицы 2 красноречиво свидетельствуют о доминировании в структуре поселенческой сети малых селений величиной до 25 дворов. Тем не менее заметна тенденция к увеличению доли населенных пунктов средней величины. Особенно это видно на примере поселений с числом дворов от 51 до 75 и от 76 до 100. Колебания в величине селений по количеству дворов связаны, на наш взгляд, с одной стороны, с исчезновением к 1912 г. ряда одиночных заимок, приведшим к сокращению населенных пунктов данного типа с 23 в 1903 г. до 9 в 1912 г. С другой стороны, в эти же годы сократилось количество юрт (с 226 до 217, соответственно).

По сравнению с сетью поселений административно-территориальных единиц, расположенных южнее, величина тобольских селений была незначительной. Крупных населенных пунктов (свыше 200 дворов) в Тобольском округе не существовало вовсе, в то время как, к примеру, в Курганском уезде к 1912 г. насчитывалось 44 поселения с числом дворов от 201 до 500 и 1 селение свыше 500 дворов ([Список населенных мест, 1912](#)). На величину поселений оказывали влияние более суровые по сравнению с южными округами Западной Сибири природно-климатические условия Тобольского округа, неразвитость земледелия.

Сопоставление данных о средней величине тобольских поселений разного типа по количеству дворов и числу жителей по двум временным срезам – за 1893 и 1926 гг. – показало, что в обозначенный период произошло укрупнение сел (с 54 до 87 дворов), деревень (с 22 до 33 дворов), выселков (с 8 до 23 дворов), юрт (с 22 до 41 двора) (см. табл. 3).

Анализ людности представленных типов поселений дает основание сделать вывод о сокращении численности тобольского домохозяйства к 1926 г. Иными словами, на 1 двор стало приходиться меньше жителей, нежели в 1893 г. Если, к примеру, в 1893 г. в селах в одном домохозяйстве в среднем насчитывалось 5,9 человек, то к 1926 г. – 4,2. В деревнях аналогичные показатели составляли, соответственно, 8,8 и 4,7 человек, заимках – 6,3 и 5.

Таблица 3. Средняя величина населенных пунктов разного типа в Тобольском округе (1893–1926 гг.) (подсчитано по: [Статистика Российской империи, 1894](#); [Список населенных мест, 1928](#))

Тип поселения	1893 г.		1926 г.	
	Дворов	Жителей	Дворов	Жителей
село	54	321	87	369
деревня	22	194	33	157
слобода	68	362	–	–
выселок	8	51	23	40
заимка	57	360	2	5
поселок	–	–	20	82
хутор	–	–	10	48
юрты	22	139	41	190
неизвестен	23	149	–	–
итого	22	143	21	88

Не стали исключением показатели людности в «иностранческих» селениях. Так, в 1893 г. в одном домохозяйстве в поселениях со статусом юрты насчитывалось в среднем 6,3 человека, в 1926 г. – 4,6 человек.

Можно предположить, что уменьшение людности населенных пунктов было связано как с участвовавшими семейными разделами, так и с изменениями в демографическом поведении жителей сельских поселений Тобольского округа в первое десятилетие советской власти, проявившимися в сокращении рождаемости, начале перехода от большого числа деторождений (5–6 детей) к меньшему (3–4 ребенка).

Важно отметить появление в структуре поселенческой сети Тобольского округа в 1920-е гг. населенных пунктов нового типа – так называемых сельскохозяйственных коммун. Коммуна представляла собой одну из форм коллективного ведения сельского хозяйства, основанную на совместном труде крестьян и обобществлении всех средств производства.

Возникновение коммун отражало изменения в политическом устройстве и идеологических установках, произошедших с установлением советской власти. Первые коммуны появлялись раньше колхозов, а в ряде случаев (в 1920-е гг.) возникали одновременно с ними.

В Тобольском округе к 1926 г. функционировало 2 коммуны: «Муравей» и «Искра». Они насчитывали в среднем 3 двора и 24 жителя каждая. В отличие от южных округов, в Тобольском – еще не существовало колхозов и совхозов, что неудивительно в условиях слабого развития земледелия и отдаленности рассматриваемой территории от экономических центров региона ([Список населенных мест, 1928](#)).

Важным показателем состояния сети сельских поселений является ее социальное развитие, под которым понимается процесс количественных и качественных изменений в социальных институтах; усложнение производственно-экономической и культурной структур; обустройство различными элементами инфраструктуры, позволяющими обеспечивать необходимый жизненный уровень и удовлетворение материальных и духовных потребностей сельских жителей.

К сожалению, в «Списках населенных мест» за 1868–1869 и 1893 гг. отсутствуют данные об инфраструктуре тобольских селений. В связи с этим изучение динамики социального развития сельских населенных пунктов округа было проведено по двум временным срезам: за 1912 и 1926 гг. (см. [Таблица 4](#)).

Таблица 4. Количество населенных пунктов Тобольского уезда/округа, имевших учреждения социальной инфраструктуры разного вида (1912–1926 гг.) (подсчитано по: [Список населенных мест, 1912](#); [Список населенных мест, 1928](#))

Элементы инфраструктуры	1912 г.		1926 г.	
	абс.	%	абс.	%
Промышленные заведения	212	25,3	–	–
Заведения стационарной торговли*	251	29,9	33	4,3
Духовные учреждения	178	21,2	–	–
Образовательно-просветительские учреждения	54	6,4	150	19,7
Медицинские учреждения	–	–	19	2,5
Учреждения связи**	22	2,6	17	2,2

* В данных за 1926 г. показано количество населенных пунктов, в которых функционировали кооперативы. ** За 1912 г. указано количество селений, в которых имелись почтовые станции, за 1926 г. – количество селений, имевших почту, телефон и/или телеграф.

Особенностью содержания «Списков» 1912 г. является наличие детализированных данных о производственно-экономической инфраструктуре населенных пунктов. В частности, указаны сведения о промышленных (маслодельни, кузницы, мельницы, кожевенные, винокуренные и другие заводы) и торговых (трактиры, лавки, хлебозапасные магазины) заведениях разных видов. В «Списках» за 1926 г. столь детальная информация не представлена. Данных о промышленных заведениях и учреждениях стационарной торговли в сельской местности не содержится.

К 1926 г. в ряде населенных пунктов появляются кооперативы как результат развития сельскохозяйственной кооперации в регионе. Однако число тобольских селений, в которых имелись данные элементы инфраструктуры, было существенно меньше, чем в южных Ишимском, Курганском, Шадринском округах. Наибольшее распространение кооперативы получили в деревнях, в то время как в селениях «инородцев» они встречались реже.

Отражением антицерковной политики большевистской власти стало исчезновение из «Списков» 1926 г. духовных учреждений (церквей, часовен, мечетей, молельных домов). К этому времени многие церкви и мечети действительно были закрыты, а продолжавшие функционировать не были включены в статистику по идеологическим соображениям.

Разворачивающееся школьное строительство, инициированное советским государством в 1920-е гг., привело к увеличению числа образовательных учреждений в стране. Так, в южных районах Тобольского округа число школ в период с 1912 по 1926 гг. выросло с 54 до 150 (почти в три раза). При этом школы I или II ступени имелись практически в каждом селе, в каждой шестой деревне, в каждой четвертой юрте (Список населенных мест, 1912; Список населенных мест, 1928).

В «Списках» 1912 г. сведений об имеющихся в селениях врачебных пунктах нет. Однако в «Обзоре Тобольской губернии» говорится, что в уезде в указанный год функционировало 3 лечебных заведения (Обзор..., 1913: 24). К 1926 г. число медицинских учреждений составило 19, что свидетельствует о начавшихся позитивных сдвигах в решении проблемы развития здравоохранения в сельской местности (Список населенных мест, 1928).

В целом количественные и качественные показатели инфраструктуры поселений Тобольского уезда/округа менялись в зависимости от политических и социально-экономических реалий в стране в первой трети XX в.

5. Заключение

Проведенное исследование показало, что сельская поселенческая сеть Тобольского округа/уезда во второй половине XIX – первой трети XX вв. переживала процесс постепенной трансформации под воздействием разнообразных факторов. На численность и величину населенных пунктов, типологию и социальное развитие сети сельских поселений оказывала влияние расселенческая политика государства, проводимая в зависимости от стратегии экономического и социального развития страны и ее отдельных регионов. Немаловажное значение в изменении количественных и качественных характеристик сети тобольских поселений имела «вольнонародная» колонизация, в ходе которой в границах округа появлялись однодворные, чаще всего временные, сезонные селения.

В изучаемый период менялась типология тобольских поселений. Наряду с привычными современному человеку статусами населенных пунктов (деревня, село, поселок), существовали забытые сегодня выселки, заимки, слободы, хутора. Типическая структура сети поселений Тобольского округа отражала политические и экономические изменения второй половины XIX – первой трети XX вв. На смену исчезнувшим к началу века слободам появились селения нового типа – коммуны. Данный факт свидетельствует о качественных изменениях внутри поселенческой сети, появлении населенных пунктов со статусом коммуны в результате политики коллективной организации сельскохозяйственного производства.

Количественные изменения в сельской сети поселений Тобольского округа в разные промежутки изучаемого периода отражали общие тенденции развития системы расселения в Сибири. Они выражались в постепенном укрупнении населенных пунктов, расположенных вдоль основных транспортных артерий, а также в непосредственной близости от административного центра округа/уезда. Произведенные подсчеты показали непостоянство положительной динамики в численности поселенческой сети. Так, в период с 1868–1869 по 1893 гг. численность поселений округа росла (с 685 до 845), а в период с 1893 по 1926 гг. она сократилась с 845 до 762.

Особенностью структуры поселенческой сети Тобольского округа являлось преобладание малодворных и малолюдных селений. Типичный населенный пункт округа к 1926 г. насчитывал в среднем 21 двор и 88 жителей.

Подсчет статистических данных показал, что одновременно с сокращением численности сети поселений в округе в первой трети XX в. происходил процесс укрупнения сел (с 54 до 87 дворов), деревень (с 22 до 33 дворов), выселков (с 8 до 23 дворов), юрт (с 22 до 41 двора).

К 1926 г. наметилась тенденция к сокращению тобольского домохозяйства. Крестьянская семья в селах уменьшилась с 5,9 человек в 1893 г. до 4,2 человек в 1926 г. В деревнях людность одного двора сократилась, соответственно, с 8,8 до 4,7 человек.

Социальное развитие сети населенных пунктов южной части Тобольского округа претерпело заметные изменения. Значительно сократилось число частных торгово-промышленных заведений (торговых, винных и чайных лавок, кузниц, мельниц, маслоделен и проч.), исчезли религиозные учреждения. При этом произошел существенный рост числа образовательно-просветительских учреждений (школ I и II ступеней), увеличилось число врачебных и фельдшерских пунктов, больниц. К концу 1920-х гг. в отдельных селениях были организованы кооперативы, агрономические и ветеринарные пункты. В районных центрах округа функционировали телеграф, почта, телефон.

Трансформация производственно-экономической и социокультурной инфраструктуры тобольских поселений отражала модернизационные процессы, затронувшие Западно-Сибирский регион в первой трети XX в.

Полученные данные позволяют сделать вывод об эволюции сельской поселенческой сети Тобольского округа/уезда, выразившейся в изменении таких показателей ее развития, как численность, типическая структура, величина, инфраструктура.

Литература

[Балюк, 1997](#) – Балюк Н.А. Тобольская деревня в конце XVI – XIX вв. Тобольск: ЗАО «Штрих», 1997. 224 с.

[Борзунов, 1961](#) – Борзунов В.Ф. К вопросу об экономическом значении Сибирской железной дороги в конце XIX – начале XX в. // *Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения АН СССР, 1961. С. 97-107.

[Борисенко, 2017](#) – Борисенко М.А. Расселение населения в Алтайском крае: исторические этапы и территориальные особенности // *География и природопользование Сибири*. 2017. № 23. С. 38-49.

[Зверев, 1993](#) – Зверев В.А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск: Новосибирский педагогический институт, 1993. 244 с.

[Зверев, 2014](#) – Зверев В.А. Модель изучения динамики сельского населенного пункта в Сибири 1850–1920-х гг. (на примере села Бердского) // *История и историография России и Сибири в исследовательском и образовательном контекстах* / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2014. С. 26-35.

[Ковалев, 1963](#) – Ковалев С.А. Сельское расселение: географическое исследование. М.: Издательство Московского университета, 1963. 371 с.

[Колесников, 1999](#) – Колесников А.Д. Омская пашня: заселение и земледельческое освоение Прииртышья в XVI – начале XX в. Омск: «Моя земля», 1999. Вып. 1. 105 с.

[Курилов, 1989](#) – Курилов В.Н. Система расселения Юго-Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимия // *Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири*. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989. С. 112-130.

[Мазур, 2019](#) – Мазур Л.Н. Демографические катастрофы как фактор трансформации крестьянской семьи в России первой половины XX в. // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2 «Гуманитарные науки»*. 2019. № 3 (190). С. 168-187.

[Нагнибеда, 1917](#) – Нагнибеда В.Я. Поселения сельского типа и их благоустройство // *Томская губерния: статистический очерк*. Томск: Издание Томского губстатбюро, 1917. 34 с.

[Обзор..., 1913](#) – Обзор Тобольской губернии за 1912 год. Тобольск: Изд. Губернского статистического комитета, 1913. 33 [90] с.

[Покшишевский, 1951](#) – Покшишевский В.В. Заселение Сибири: историко-географические очерки. Иркутск: Иркутское областное издательство, 1951. 208 с.

[Пронин, 1981](#) – Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // *История СССР*. 1981. № 4. С. 50-69.

[Слобода, 1992](#) – Слобода // *Энциклоп. словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона 1890 г. М., 1992*. Т. 59. 827 с.

[Соколова, 2017](#) – Соколова Е.В. Формирование сети сельских поселений на территории Колосовского района Омской области в XVI–XVIII вв. // *Современное научное знание в условиях социальных изменений*. Тара: Издательство Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина, 2017. С. 86-89.

[Список населенных мест, 1871](#) – Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг.: Тобольская губ. СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1871. 261 с.

[Список населенных мест, 1904](#) – Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск: Издание Тобольского губернского статистического комитета, 1904. 341 с.

[Список населенных мест, 1912](#) – Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск: Издание Тобольского губернского статистического комитета, 1912. 634 с.

[Список населенных пунктов, 1928](#) – Список населенных пунктов Уральской области. Т. XII. Тобольский округ. Свердловск: Издание орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. 231 с.

Статистика Российской империи, 1894 – Статистика Российской империи: волости и населенные места 1893 г. СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1894. Вып. 10. 582 с.

Татарникова, 2017 – Татарникова А.И. Переселенческие поселки в Западной Сибири конца имперского периода: численность, социальная инфраструктура, санитарное состояние // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 417. С. 155-162.

Хорохордин, 2018 – Хорохордин Г.С. Развитие сети сельских поселений Кривошековской волости в 1893–1911 гг. / *Молодежь XXI века: образование, наука, инновации. Материалы VII Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. В 3 частях. Под редакцией Н.Е. Лукьянова*. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2018. С. 284-286.

Шелегина, 2001 – Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири: Учебное пособие. М.: Логос, 2001. Вып. 1–2.

Шунков, 1946 – Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири, XVII – начало XVIII в. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1946. 228 с.

Щеглова, 2001 – Щеглова Т.К. Традиции, приметы и верования в крестьянском зодчестве и жилищно-бытовой культуре // *Этнография Алтая и сопредельных территорий*. Барнаул: Барнаульский педагогический институт, 2001. Вып. 4. С. 125-131.

References

Balyuk, 1997 – Balyuk, N.A. (1997). Tobol'skaya derevnya v kontse XVI – XIX vv. [Tobolsk village at the end of the XVI – XIX centuries]. Tobol'sk, 224 p. [in Russian]

Borisenko, 2017 – Borisenko, M.A. (2017). Rasselenie naseleniya v Altajskom krae: istoricheskie etapy i territorial'nye osobennosti [Settlement of the population in the Altai Territory: historical stages and territorial features]. *Geografiya i prirodopol'zovanie Sibiri*. 23: 38-49. [in Russian]

Borzunov, 1961 – Borzunov, V.F. (1961). K voprosu ob ekonomicheskom znachenii Sibirskoj zheleznoj dorogi v konce XIX – nachale XX v. [On the question of the economic significance of the Siberian Railway in the late XIX – early XX century]. *Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk: 97-107. [in Russian]

Khorokhordin, 2018 – Khorokhordin, G.S. (2018). Razvitie seti sel'skih poselenij Krivoshekovskoy volosti v 1893–1911 gg. [Development of the network of rural settlements of Krivoshekovskaya volost in 1893-1911]. *Molodezh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovacii*. Novosibirsk: 284–286. [in Russian]

Kolesnikov, 1999 – Kolesnikov, A.D. (1999). Omskaya pashnya: zaselenie i zemledel'cheskoe osvoenie Priirtysh'ya v XVI – nachale XX v. [Omsk arable land: settlement and agricultural development of the Irtysh region in the XVI – early XX century]. Omsk. Vyp. 1. 105 p. [in Russian]

Kovalev, 1963 – Kovalev, S.A. (1963). Sel'skoe rasselenie: geograficheskoe issledovanie [Rural settlement: a geographical study]. Moskva, 371 p. [in Russian]

Kurilov, 1989 – Kurilov, V.N. (1989). Sistema rasseleniya Yugo-Zapadnoj Sibiri v seredine XIX v.: rasselenie i toponimiya [Settlement system of Southwestern Siberia in the middle of the XIX century: settlement and toponymy]. *Pamyatniki byta i hozyajstvennoe osvoenie Sibiri*. Novosibirsk. Pp. 112-130. [in Russian]

Mazur, 2019 – Mazur, L.N. (2019). Demograficheskie katastrofy kak faktor transformacii krest'yanskoj sem'i v Rossii pervoj poloviny XX v. [Demographic catastrophes as a factor of transformation of the peasant family in Russia in the first half of the XX century]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 3(190): 168-187. [in Russian]

Nagnibeda, 1917 – Nagnibeda, V.Ya. (1917). Poseleniya sel'skogo tipa i ih blagoustrojstvo [Rural settlements and their improvement]. *Tomskaya guberniya: statisticheskij ocherk*. Tomsk, 34 p. [in Russian]

Obzor..., 1913 – Obzor Tobol'skoj gubernii za 1912 god [Overview of the Tobolsk province in 1912]. Tobol'sk. 33, [90] p. [in Russian]

Pokshishevskij, 1951 – Pokshishevskij, V.V. (1951). Zaselenie Sibiri: istoriko-geograficheskie ocherki [Settlement of Siberia: historical and geographical essays]. Irkutsk, 208 p. [in Russian]

Pronin, 1981 – Pronin, V.I. (1981). Naselenie Sibiri za 50 let (1863–1913 gg.) [The population of Siberia for 50 years (1863–1913)]. *Istoriya SSSR*. 4: 50-69. [in Russian]

Shcheglova, 2001 – Shcheglova, T.K. (2001). Tradicii, primety i verovaniya v krest'yanskom zodchestve i zhilishchno-bytovoj kul'ture [Traditions, signs and beliefs in peasant architecture and housing and household culture]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nyh territorij*. Barnaul. Vol. 4, pp. 125-131. [in Russian]

Shelegina, 2001 – Shelegina, O.N. (2001). Adaptaciya russkogo naseleniya v usloviyah osvoeniya territorii Sibiri: uchebnoe posobie [Adaptation of the Russian population in terms of development of the Siberia's territory]. Moskva: vol. 1–2. [in Russian]

Shunkov, 1946 – Shunkov, V.I. (1946). Oчерки по истории колонизации Сибири, XVII – начало XVIII в. [Essays on the history of colonization of Siberia, XVII – early XVIII century]. Moskva, Leningrad, 228 p. [in Russian]

- [Sloboda, 1992](#) – *Sloboda* (1992). [Sloboda]. Enciklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza, I.A. Efrona 1890 g. Moskva. Vol. 59, 827 p. [in Russian]
- [Sokolova, 2017](#) – *Sokolova, E.V.* (2017). Formirovanie seti sel'skih poselenij na territorii Kolosovskogo rajona Omskoj oblasti v XVI – XVIII vv. [Formation of a network of rural settlements on the territory of the Kolosovsky district of the Omsk region in the XVI – XVIII centuries]. *Sovremennoe nauchnoe znanie v usloviyah social'nyh izmenenij*. Tara. Pp. 86-89. [in Russian]
- [Spisok naselennyh mest, 1871](#) – Spisok naselennyh mest po svedeniyam 1868–1869 gg. [List of populated places according to information from 1868–1869]. SPb, 1871. 261 p. [in Russian]
- [Spisok naselennyh mest, 1904](#) – Spisok naselennyh mest Tobol'skoj gubernii [List of populated places in Tobolsk province]. Tobol'sk, 1904. 341 p. [in Russian]
- [Spisok naselennyh mest, 1912](#) – Spisok naselennyh mest Tobol'skoj gubernii [List of populated places in Tobolsk province]. Tobol'sk, 1912. 634 p. [in Russian]
- [Spisok naselennyh punktov, 1928](#) – Spisok naselennyh punktov Ural'skoj oblasti [List of settlements in the Ural region]. T. XII. Tobol'skiy okrug. Sverdlovsk, 1928. 231 p. [in Russian]
- [Statistika Rossijskoj imperii, 1894](#) – Statistika Rossijskoj imperii: volosti i naselennye mesta 1893 g. [Statistics of the Russian Empire: volosts and localities of 1893]. SPb., 1894. Vol. 10, 582 p. [in Russian]
- [Tatarnikova, 2017](#) – *Tatarnikova, A.I.* (2017). Pereselencheskie poselki v Zapadnoj Sibiri konca imperskogo perioda: chislennost', social'naya infrastruktura, sanitarnoe sostoyanie [Resettlement settlements in Western Siberia at the end of the Imperial period: population, social infrastructure, sanitary condition]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 417: 155-162. [in Russian]
- [Zverev, 1993](#) – *Zverev, V.A.* (1993). Deti – otcam zamena: vosproizvodstvo sel'skogo naseleniya Sibiri (1861–1917 gg.). [Replacement children for fathers: reproduction of the rural population of Siberia (1861–1917)]. Novosibirsk, 244 p. [in Russian]
- [Zverev, 2014](#) – *Zverev, V.A.* (2014). Model' izucheniya dinamiki sel'skogo naselennogo punkta v Sibiri 1850–1920-h gg. (na primere sela Berdskogo) [A model for studying the dynamics of a rural settlement in Siberia in the 1850s and 1920s (using the example of the village of Berdsky)]. *Istoriya i istoriografiya Rossii i Sibiri v issledovatel'skom i obrazovatel'nom kontekstah. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Novosibirsk. Pp. 26-35. [in Russian]

Сеть сельских поселений Тобольского округа/уезда во второй половине XIX – первой трети XX веков: масштабы и инфраструктура

Анна Ивановна Татарникова ^{a, *}

^aТобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук, Тобольск, Российская Федерация

Аннотация. В работе представлена характеристика динамики развития сети сельских поселений Тобольского округа/уезда во второй половине XIX – первой трети XX вв. На основе подсчета данных, содержащихся в массовом статистическом источнике («Списках населенных мест»), определяется численность сельских населенных пунктов, их типическая структура и величина по нескольким временным срезам, а также инфраструктура. Анализируется влияние меняющихся политических и социально-экономических условий на масштабы сети поселений, ее типологию, показатели дворности и людности. Прослеживаются изменения в качественных и количественных показателях развития сельской поселенческой сети округа в рассматриваемый период. На смену исчезающим к началу XX века слободам, починкам, форпостам приходят новые типы населенных пунктов – переселенческие поселки, хутора. В первые десятилетия советской власти появляются селения с новым статусом – сельскохозяйственные коммуны. Отмечено непостоянство количественного роста населенных пунктов: в период с 1868/1869 по 1893 гг. число селений округа увеличивается, с 1893 по 1926 гг., напротив, сокращается. Сделан вывод о преобладании в поселенческой сети малых селений до 25 дворов, наметившихся к 1926 г. изменениях в величине тобольских домохозяйств. Прослежена трансформация социальной инфраструктуры поселенческой сети округа/уезда в рассматриваемый период. Она проявилась в сокращении числа частных торговых заведений, появлении кооперативных организаций на селе, развитии школьной сети и увеличении числа медицинских пунктов, исчезновении в 1920-е гг. духовных учреждений (церквей, часовен, мечетей, молельных домов), расширении сети учреждений связи.

Ключевые слова: Тобольский округ, сеть сельских поселений, масштабы поселенческой сети, типическая структура, численность населенных пунктов, величина поселений, людность, социальное развитие, инфраструктура.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tatob777@yandex.ru (А.И. Татарникова)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1237-1249
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1237

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Journal “Zodchiy” as a Source on the History of Russian Modern in the late XIX – early XX centuries

Natalia M. Leshchinskaia ^{a, *}, Aleksandra A. Sitnikova ^a, Ekaterina A. Sertakova ^a, Natalia P. Koptseva ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The relevance of this study is associated with the formation and spread of the "Russian style" in the architecture of the Russian Empire at the end of the 19th - beginning of the 20th century – a significant trend in the culture of the era under consideration. The professional journal on architecture and construction “Zodchiy” (1872–1924) played an important role in this process, since it was on its pages that the studies of architects and art historians of ancient Russian antiquity were published, justified the need to form a national version of Modern, based on local traditions, projects of temple and secular buildings in the "Russian style" were published. The publications of this historical source were reviewed using qualitative and quantitative content analysis methods. The study recorded the dynamics of publications about the "Russian style" in architecture, in which there is a rise and fall of interest in original projects, made it possible to identify the traditions that architects relied on when designing modern buildings, and the characteristic features of national Modern in architecture, such as: interest in arts and crafts and folk ornamentation, the processing of elements of ancient Russian temple architecture in secular architecture, fabulous facades, etc.

Keywords: historical document, journal “Zodchiy”, “Russian style”, Russian modern, traditions, ancient Russian culture.

1. Введение

В конце XIX – начале XX вв. в культуре Российской империи проявляется интерес к русской старине (архитектура допетровской эпохи, иконопись, фресковая живопись, деревянное зодчество и т.п.), формируется «русский стиль», происходит становление авангардных направлений, также опирающихся на традиции древнерусского искусства в своей основе. Таким образом, древнерусская культура становится источником для интенсивного развития русского искусства на рубеже веков, источником для формирования национального варианта модерна. Это связано, в частности, с тем, что с середины XIX века начинаются археологические раскопки русской старины, серьезные исследования памятников древнерусской культуры с обмерами и осмыслением их художественных достоинств, интеллектуальные дискуссии на конференциях, выставках, съездах общества архитекторов об особенностях произведений древнерусской культуры. В богатом мире русской прессы конца XIX века появляются журналы и издания, активно публикующие статьи о своеобразии русского искусства – в частности, это журнал «Русская старина» (1870–1918), тетради «Памятники древнего русского зодчества», составленные Ф.Ф. Рихтером (1850–1856) и В.В. Суловым (1895–1901), журнал «Зодчий» (1872–1924).

Целью настоящего исследования является описание материалов на страницах журнала «Зодчий», позволяющих исследовать особенности русского модерна конца XIX – начала XX веков, в частности анализ интеллектуальных дискуссий о древнерусской архитектуре как основной традиции русского варианта стиля модерн.

* Corresponding author

E-mail addresses: trognonulia@gmail.com (N.M. Leshchinskaia), sem_dobrianka@mail.ru (A.A. Sitnikova), sertachok@mail.ru (E.A. Sertakova), decanka@mail.ru (N.P. Koptseva)

В качестве материала для исследования выбраны журналы «Зодчий», вышедшие в свет в 1871–1899 гг.

2. Материалы и методы

2.1 Источником исследовательского материала для данной статьи выступили номера журнала «Зодчий», опубликованные в XIX веке в период с 1872 по 1899 гг. Именно в это время складывается устойчивый интерес к традициям древнерусской культуры как источнику вдохновения для современных произведений искусства, а также происходит формирование нового направления в русском искусстве – псевдорусского стиля, национального варианта стиля модерн, зародившегося в Европе.

Журнал «Зодчий» являлся официальным органом Санкт-Петербургского общества архитекторов, а также значимым дореволюционным российским периодическим изданием, посвященным вопросам архитектуры.

2.2. В качестве основного метода был применен количественный и качественный контент-анализ. Количественный контент-анализ позволил выявить распределение материалов, связанных с описанием древнерусской архитектуры и современных сооружений в стиле модерн, зафиксировать динамику публикаций о «русском стиле» в архитектуре, рост и утрату интереса к самобытным проектам в течение трех десятилетий. Также в ходе исследования был проведен качественный контент-анализ иллюстративного материала в журнале «Зодчий» (зарисовок архитектурных деталей и сооружений, эскизов фасадов конкурсных проектов), что позволило выявить традиции, на которые опирались архитекторы при проектировании современных сооружений, и характерные особенности национального модерна в архитектуре.

3. Обсуждение

Архитектурный и художественно-технический журнал «Зодчий» является богатейшим источником исторических сведений, обладающих ценностью для исследователей, работающих в различных научных сферах, таких как архитектура, строительное дело и технологии, искусствоведение.

Одно из направлений изучения данного периодического издания – анализ публикаций как российского источника о зарубежном искусстве, и архитектуре в частности.

Так, У.К. Брамфилд ([Брамфилд, 2017](#)) в своем исследовании обращается к изучению процесса возникновения и развития русских периодических изданий, посвященных архитектуре. И, в частности, обращается к анализу публикаций в журнале «Зодчий», который был авторитетным для архитекторов в дореволюционной России. Брамфилд сосредоточился на публикациях, посвященных зарубежной архитектуре, и особенно американской.

Публикации в журнале «Зодчий» как источник сведений о китайском искусстве анализирует Ю.Г. Благодер ([Благодер, 2018](#)). Автор раскрывает глубину заинтересованности российских просветителей в распространении китайской культуры.

Изучению истории периодики, посвященной вопросам архитектуры, посвящено исследование И.И. Комаровой и А.Л. Третьякова ([Комарова, Третьякова, 2016](#)). На примере анализа еженедельных приложений к журналу «Зодчий» авторы раскрывают своеобразие отраслевой периодики, а также значение ее для развития архитектурной науки.

Значительная часть публикаций в журнале «Зодчий» посвящена техническим вопросам и проектам, например созданию вентиляций, водопровода, септиков. Ю.А. Егорова, Т.А. Стрелкова, О.И. Нестеренко ([Егорова и др., 2021](#)) на основе материалов из журнала «Зодчий» реконструируют историю решения вопроса водоснабжения в г. Самара.

Огромное значение журнал «Зодчий» имеет для понимания специфики стиля модерн в Российской империи. Е.А. Черная ([Черная, 2017](#)), анализируя архитектурные проекты, представленные в журнале «Зодчий», систематизирует приемы архитектурной графики стиля модерн, подчеркивая не столько эстетическую и техническую стороны, сколько творческий процесс деятельности архитектора.

О.В. Богданова, изучая развитие рационализма в российской архитектуре, обратилась к материалам журнала «Зодчий», чтобы раскрыть проявление данного направления в «кирпичном стиле» и в модерне ([Богданова, 2008](#)).

Исследуя российскую провинциальную православную архитектуру, И.Ю. Позднякова ([Позднякова, 2012](#)) обращается к изданию «Зодчий» как к источнику сведений о проектах, которые определили облик массовых храмовых построек конца XIX – начала XX веков в Тамбовской епархии.

В рамках настоящего исследования архитектурный и художественно-технический журнал «Зодчий» рассматривается как источник исторических сведений о формировании стиля модерн в русской культуре конца XIX – начала XX вв.

4. Результаты

Периодическая печать в конце XIX – начале XX веков выполняла функцию рупора и транслятора официальной позиции того или иного социального слоя, профессионального

сообщества. Архитектурный и художественно-технический журнал «Зодчий» издавался с 1872 по 1917 гг. (ежемесячно и с 1902 года – еженедельно) по инициативе Императорского Санкт-Петербургского общества архитекторов. Инициатором и первым редактором журнала был Иероним Севастьянович Китнер (1839–1929), архитектор – представитель «кирпичного стиля», академик Императорской Академии художеств. Журнал затрагивал широчайший круг вопросов: истории архитектуры и искусства, технического и строительного образования, законодательной проблематики в области архитектуры и городского благоустройства, вопросы археологии и актуальнейшие новости в мире архитектуры. Тематика рассматриваемых вопросов определялась актуально-исторической ситуацией в Российской империи, а также событиями, происходящими в мире. Так, например, журнал за 1884 год был посвящен только публикации конкурсных проектов храма-памятника на месте покушения на жизнь императора Александра II.

«Зодчий» имеет структуру целостного годового журнала, на это указывают два момента: 1. В нем материал, посвященный одной теме, может быть представлен в нескольких номерах частями. 2. Второй момент, подчеркивающий необходимость рассмотрения всех номеров за год в качестве одного документа, – это правила подписки на данный журнал. В любой момент календарного года вновь подписавшийся получает все номера издания, вышедшие в этом году.

Данное издание ориентировано на профессионалов: строителей и архитекторов. В структуре «Зодчего» четко выделены разделы: строительное дело и архитектура. В первом разделе представлены обсуждения строительных технологий, особенностей строительных материалов, рассматриваются насущные проблемы, например возможности улучшения системы вентиляции жилых помещений или же создание уборных, с публикацией точных расчетов, схем, чертежей.

Второй раздел представляет собой иную грань зодчества, где сооружения рассматриваются не столько с технической стороны, сколько с содержательной, как произведение искусства, как пример того или иного стиля. Здесь находится место и для обсуждения отечественной и западной архитектуры.

В журнале документируется деятельность Санкт-Петербургского общества архитекторов: публикуются полные отчеты собраний – обсуждаемые вопросы, принятые решения, а также фиксируется количество участников, их статус (член общества, гость или студент), имена председательствующего, секретаря. Интересен раздел «Смесь», где кратко излагаются новости в области архитектуры, искусства, археологии, события, произошедшие в Российской империи и мире.

В рассматриваемый период, с 1872 по 1899 годы, неоднократно публиковались материалы, в которых отражен интерес к древнерусскому искусству, к исконно русским традициям в архитектуре, оказавший влияние на формирование русского модерна.

Публикации на данную тематику можно структурировать и объединить по общности рассматриваемых вопросов.

Памятники «русского стиля»

Журнал «Зодчий» является важнейшим историческим и искусствоведческим источником по «русскому стилю», или архитектуре русского национального варианта стиля модерн. На его страницах представлено все многообразие современных архитектурных построек в русском стиле: прежде всего это, конечно, храмовые сооружения, так как при строительстве православных храмов обращение к старинным традициям было наиболее органичным; также это светские постройки – музеи, торговые ряды, дачи. В журнале можно найти чертежи и описания как известных произведений в русском стиле в истории искусства, так и информацию о тех постройках, которые редко упоминаются в современных энциклопедиях, учебниках, статьях по истории искусства – это провинциальные храмы и часовни; фамильные усыпальницы; церкви, построенные на деньги частных предпринимателей; частные дачи и загородные дома, размах строительства которых не столь масштабен как при крупных государственных заказах, но они не менее ярко демонстрируют черты русского стиля. Помимо представления построек в русском стиле в провинциях (Нижний Новгород, Смоленская губерния, Владимирская губерния и др.), в журнале «Зодчий» опубликованы проекты, планы, чертежи, зарисовки памятников «русского» и византийского стиля за границей, например, эклектичный собор Александра Невского в Париже по проекту архитектора Р.И. Кузьмина, где более всего ощущается византийский стиль; ныне утраченный Александро-Невский собор в Варшаве по проекту архитектора Л.Н. Бенуа; Никольский собор в Вене по проекту архитектора Г.И. Котова и др. В журнале «Зодчий» опубликованы архитектурные проекты большинства представителей русского стиля в архитектуре: в первую очередь, большинство проектов Л.Н. Бенуа, а также Д. Чичагова, А. Кузьмина, Л. Харламова, А. фон Гогена, А. Кузнецова, А. Померанцева, Ф. Шехтеля и многих других.

Среди подробных описаний проектов интересна публикация архитектора В. Харламова, который представил проект церкви Св. Метрополита на Улянке, экстерьер и интерьер которой представлен в «русском стиле». В предисловии к проделанной работе он отмечает, что *«ввиду постоянно возрастающего интереса к памятникам отечественной старины, к их реставрации или к созданию на местах священнодопотопных, хотя и новых сооружений, необходимо обращаться к духу лучших заветов прошлого, при том родного, русского»* (Харламов, 1887: 91).

Привлекает внимание и ряд проектов фасада городской думы в Москве на Воскресенской площади, на строительство которого был объявлен конкурс. В выпусках журнала за 1888 и 1889 гг.

было опубликовано четыре эскиза ведущих архитекторов, и все они выполнены в современном стиле русского модерна. Основной акцент во всех примерах сделан на центральном фасаде, конструкция которого отсылает к архитектуре теремного типа в Древней Руси. Например, в эскизах А. Резанова и А. Гуна парадная сторона городской думы богато оформлена разнообразной резьбой, перекрытия имеют сложный профиль, покрыты лемехом и украшены башенками и шатровыми завершениями. В оформлении представлено множество отсылок к храмовому зодчеству Московского княжества XVI–XVII вв.: здесь и ряды кокошников, фигурные столбики, декоративные панно и т.д. В целом в проектах официальное здание представлено скорее как сказочный терем, который позволяет переосмыслить сугубо официальное назначение думы как сооружения, в котором осмысливается уникальный путь государства и возрождается истинный русский дух.

Рис. 1. Конкурсные проекты фасада городской думы в Москве. Журнал «Зодчий». 1888–1889. Листы 59, 27. Из личного архива авторов

При исследовании журнала «Зодчий» за несколько десятилетий (1870–1890-е гг.) можно отметить некоторую динамику публикации проектов в русском стиле: например, в конце 1880-х и в начале 1890-х годов 50 % архитектурных проектов в журнале так или иначе репрезентируют черты русского стиля (1887 год – 10 проектов в русском стиле; 1888 – 5; 1889 – 11; 1890 и 1891 – по 9 проектов; 1892 – 5; 1893 год – 9 проектов с подробным описанием, а в 1894 году – 10) в архитектуре, ближе к концу 1890-х годов внимание к постройкам в русском стиле несколько снижается – в 1895 году представлено 2 архитектурных проекта в русском стиле; в 1897 – 5; в 1898 – 3; в 1899 – 5.

Декоративные элементы

Ряд статей в журнале посвящен декоративным элементам, суть и содержание которых воплощают уникальность русской культуры.

В. Леонов в своей статье (Леонов, 1876) обращает внимание читателей на такой элемент традиционной русской архитектуры, как окна, которые к тому же часто утрачиваются за счет позднейших перестроек и «улучшений». Автор описывает их формы, как они меняются в связи с появлением слюды для закрытия отверстий, дает достаточно подробные описания некоторых памятников XVII в.

К рассмотрению декоративных элементов, применяемых в архитектуре, можно отнести и статьи Л.В. Даля, представляющие исторический обзор русских орнаментов, вышедшие в номерах журнала за 1876 и 1877 гг. Автор обозначает свою цель следующим образом: «...охарактеризовать несколько отдельных направлений, или, как их называют, «пошибов» русского орнамента, которые возникали и существовали в разные эпохи, объяснив их, насколько это позволит размер археологического раздела «Зодчего», и рисунками» (Даль, 1877а).

Краткая публикация Б.К. Веселовского (Веселовский, 1879) затрагивает важную грань вопроса о развитии истории русского искусства – изучение памятников русского зодчества, а также старинной мебели и утвари. Автор подчеркивает значимость деятельности в этом направлении Льва Владимировича Даля – своего учителя, а также приводит примеры рисунков русской мебели и утвари из его альбомов.

В продолжение развития темы о важности сохранения памятников русского искусства Б.К. Веселовский (Веселовский, 1880; 1881) напоминает о традиции облицовки печей изразцами, публикует памятники древнерусских железных дверей.

Деревянная резьба

Работы Н.В. Султанова имеют важное значение для осмысления развития русского стиля. В его статье (Султанов, 1879), посвященной деревянным порезкам – декоративным элементам, представляющим собой следы, оставляемые на поверхности дерева полукруглыми стамесками,

подчеркивается сожаление об исчезновении драгоценных остатков деревянного зодчества. Автор отмечает, что актуальность русского стиля безусловна, и в связи с этим имеет смысл собирание и издание мотивов русских порезков, образцов народной орнаментики.

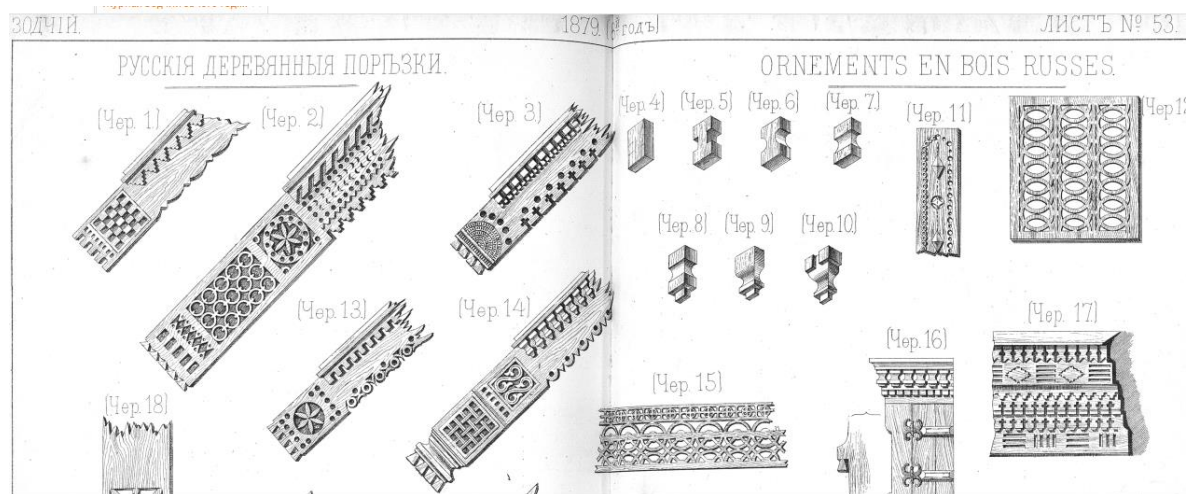

Рис. 2. Образцы русских деревянных порезков. Журнал «Зодчий». 1879. Лист 53-54. Фрагмент. Из личного архива авторов

В речи «Возрождение русского искусства», произнесенной Н.В. Султановым (Султанов, 1881) на торжественном собрании Общества архитекторов по случаю 10-летия учреждения Общества, поднимается важнейший вопрос о необходимости изучения русских традиций, чтобы художники в своем творчестве могли бы опираться на знания истории русского искусства, без необходимости самим «трансформироваться» в археологов, историков, искусствоведов.

Также свою позицию относительно истории русского искусства и национальных традиций Н.В. Султанов озвучил на торжестве в честь освящения нового строительного училища. В речи гражданский инженер подчеркнул, что русский стиль и западный весьма различны, необходимо развивать национальное направление, и особенно в храмовой архитектуре.

В последующие годы архитектор опубликовал ряд проектов частных и общественных сооружений, в которых активно использовались элементы деревянной резьбы. Особенно примечательным из них был эскиз императорской ложи в Манеже (1886), в котором современное с точки зрения конструкции сооружение воспроизводило облик русского терема, богато украшенного народными орнаментами.

Исследования памятников русской старины

Примерно с середины XIX века начинается процесс исследования памятников русской старины: археологи и ученые совершают поездки по старинным русским городам, внимательно изучают произведения древнерусской архитектуры (отчасти это было связано и с необходимостью проведения реставрационных работ, важностью принятия решений о том, что можно изменить в древних памятниках во время реставрации, а что нужно оставить неизменным), обращают внимание на разрушившиеся произведения допетровской эпохи, которые предстоит восстановить, и, погружаясь в этот материал, понимают забытые художественные принципы древнерусского искусства. В некотором смысле этот процесс можно сравнить с тем, как древнеримские памятники стали источником для формирования новой эстетики в Италии в эпоху Возрождения. Журнал «Зодчий» становится важным информационным источником для публикации основных материалов и выводов исследователей, занимающихся археологическими обследованиями памятников русской старины.

Главным автором, освещающим данное тематическое направление, являлся Лев Владимирович Даль, ставший наставником для молодых архитекторов, также публиковавшихся на страницах журнала. «Историческое исследование памятников русского зодчества» – серия статей, выходявших с 1872 по 1875 гг. (Даль, 1872а, Даль, 1872b, Даль, 1872с; Даль, 1873; Даль, 1875b). В первой части Л.В. Даль пишет об истоках интереса архитекторов к истории русской архитектуры, обусловленного общеевропейской модой на старину. Далее автор пишет уже о доисторическом этапе русского искусства, представляя, таким образом, имеющиеся в собственно русском стиле влияния скифского, скандинавского и византийского искусства. Также Л.В. Даль выделяет наиболее значимые в контексте истории русской архитектуры памятники, по большей части это будут храмы, и дает их подробные описания. К таковым можно отнести статьи «Древние деревянные церкви в России» (Даль, 1875а) и «Старинные деревянные церкви Олонецкой губернии» (Даль, 1877b). В целом рассуждения о будущем отечественной архитектуры в текстах Л.В. Даля показывают, что он и его

современники находились в поисках самобытности русской архитектурной школы, при этом вполне улавливая последние тенденции в западноевропейском искусстве.

Интересуют Л.В. Даля также и памятники частной архитектуры, о чем свидетельствует текст о деревянной избе из альбома Чернецова (Даль, 1872d), где, помимо описания ее конструкции, автор также обращает внимание на богатые деревянные украшения. Задает он также векторы обсуждения традиций гражданской архитектуры (как необходимо изучать ее историю), выделяет памятники, относящиеся к северному и южному вариантам великорусского деревянного дома. Сравнивая деревянную и каменную архитектуру, он приходит к выводу о том, что вторая является неосознанной копией первой, исключением и ориентацией на западноевропейские дворцы отличались лишь царские терема (Даль, 1874a, Даль, 1874b, Даль, 1874c).

В 1874 г. на страницах «Зодчего» неоднократно появляются воззвания о необходимости сохранения памятников русского зодчества, подписанные все тем же Л.В. Далем, архитектором графом де Рошефором, редакцией (в номерах 5, 10 и 12).

В 1878 г. году исторические исследования по древнерусской архитектуре ограничиваются лишь извлечениями из текстов французского искусствоведа Виолле-ле-Дюка по этой теме (в номерах 3, 4 и 9 за 1878 г.), при этом редакция отмечает, что далеко не со всеми тезисами автора она соглашается.

Одним из главных археологов и реставраторов этого времени был В.В. Суслов, материалы которого активно публиковались в «Зодчем», а также материалы других исследователей.

Один из важных блоков публикаций журнала «Зодчий» – это материалы, посвященные древнерусским храмам, среди которых описания археологических и реставрационных работ, фресок, а также рассуждения о значении храмов как памятников древнего национального зодчества и необходимого элемента для формирования русского стиля. Например, публикация А.А. Авдеева и А.М. Павлинова (Авдеев, Павлинов, 1882) о Спасо-Преображенском храме в Чернигове, где авторы описывают историю храма, его состояние на момент их исследовательской экспедиции, а также указывают на возможные неточности и расхождения с оригинальным проектом, возникшие вследствие реставрационных работ. В публикации 1886 года А. Павлинов рассматривает более значительное количество храмовых построек Древней Руси. Анализируя Дмитровский собор, Черниговский собор, Успенский собор во Владимире, он не только выводит общие черты древних церковных сооружений, выделяет сугубо «русские» элементы, привнесенные в изначально византийский и романский образцы, но и отмечает аномалии – появившиеся со временем пристройки или дополнительные элементы, не несущие конструктивного значения и только портящие чистоту впечатления (Павлинов, 1886).

Детальное описание архитектурных памятников древнерусской храмовой архитектуры в Московской губернии представил Н.В. Султанов (Султанов, 1883). В докладе 1887 г. он сравнил русские шатровые церкви с пирамидальными грузино-армянскими сооружениями. На материале детального анализа архитектор доказал независимость и оригинальность русского зодчества (Султанов, 1887).

Результатом исследовательской экспедиции В.В. Суслова стало подробное описание храмовой архитектуры в Вологодской и Архангельской губерниях (Суслов, 1883). Позднее по поручению Императорской Академии художеств им же было предпринято исследование памятников в г. Романове-Борисоглебске Ярославской губернии. В опубликованном отчете присутствуют не только описание древних церквей, но и историческая справка, раскрывающая глубину традиции их создания. В статье «Материалы к истории древней Новгородско-Псковской Архитектуры» 1887 года В.В. Суслов очень подробно рассматривает ряд храмовых сооружений Новгорода и Пскова, выявляя значительное количество самобытных архитектурных деталей и характеристик. Он пришел к выводу, что именно элементы деревянной и каменной храмовой архитектуры данных земель носили самостоятельный от византийско-ломбардской архитектуры характер и повлияли на органичное сложение национального искусства в целом (Суслов, 1886).

В 1894 г. были опубликованы материалы исследований В.В. Сусловым Софийского собора в Новгороде. Обследование собора проводилось перед проведением реставрационных работ: в журнале приведены подробные технические планы храма, описано его строение, изучены особенности водоотведения и вентиляции воздуха, а также скрупулезно описаны фресковые росписи собора с аналитическими данными о том, какие фрески обладают большими художественными достоинствами, а какие – меньшими, в результате чего последние могут быть разрушены при проведении реставрационных работ. Изучая фресковые росписи Новгородского собора, В.В. Суслов воспроизводит и традиционную схему росписи храма по византийскому образцу. В 1895 г. выходит материал о приспособлении Дмитровской башни Нижегородского Кремля под музей. В 1894 г. размещена статья с материалами археологических исследований в Старой Ладoge. В 1897 г. опубликована статья А. Дмитриева о древних памятниках Пскова с художественными набросками и зарисовками псковских храмов, древних башен и стен.

Рецензии на книги и издания по произведениям русской старины

Еще одним жанром журнала «Зодчий» является рецензия. Редакторы журнала обязательно рассказывали своим подписчикам о лучших книгах и изданиях в области архитектуры, в частности о

книгах, посвященных древнерусскому искусству. Например, 1) для 9 номера за 1895 год Н. Собко написал восхищенную рецензию на книгу «Словарь русских художников», где он обращает внимание на то, что история русского искусства до сих пор не написана, хотя такие попытки начали предпринимать 50 лет назад, а данный словарь можно рассматривать как первый успешный опыт подобного описания; 2) в 9 номере за 1897 год профессор Н.Л. Султанов рекомендует читателям обратиться к новому научному изданию по истории русской архитектуры «Памятники древнего русского зодчества» В.В. Суслова: *«Ввиду того серьезного интереса, который обнаруживается к русскому стилю в новых сооружениях, прекрасное издание Академии Художеств должно стать настольной книгой архитектора и художника в его мастерской. К сожалению, как слышно, рассматриваемое издание расходуется больше за границей, чем в России. Будем надеяться, что это происходит от малого знакомства с ним русских художников и архитекторов, в особенности провинциальных, и что наша краткая заметка наведет их на мысль обратиться к этому интересному источнику»* (Султанов, 1897: 72).

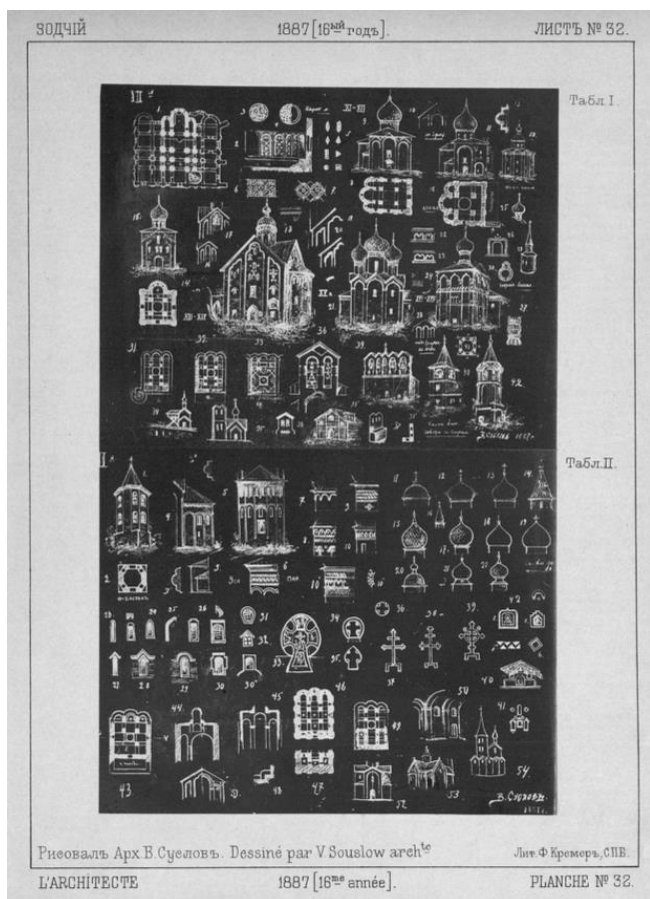

Рис. 3. Зарисовки элементов храмовых построек. Журнал «Зодчий». 1887. Лист 32. Из личного архива авторов

Дискуссии о традициях русского искусства и русском стиле

На страницах журнала «Зодчий» постоянно велись дискуссии о судьбе русского искусства, о большой разнице в развитии русского искусства в допетровскую эпоху и после XVIII века, о необходимости поиска национального стиля, о формировании русского стиля, который уже успешно начал проявляться в произведениях архитектуры конца XIX века. Регулярными участниками этой дискуссии становятся Л.В. Даль – архитектор и исследователь русского деревянного зодчества; Г.Г. Гагарин – архитектор, вице-президент Императорской Академии художеств и историк искусства; архитекторы и реставраторы М.Д. Быковский и К.М. Быковский и др.

В первом номере за 1893 году К.М. Быковский публикует статью под названием «О значении изучения древнерусских памятников для современного зодчества», где рассуждает о том, как переплелись в истории русского искусства традиции византийской, западной и восточной архитектуры. Изучение забытых памятников русской старины может стать источником для создания нового русского стиля, но при этом нельзя просто копировать образы прошлого. Он подводит такой итог в своей статье: *«Изучение древних русских памятников вносит в современное зодчество живительные элементы. Это изучение будет тем плодотворнее, чем более мы будем убеждаться в бесплодности*

стремлений воссоздать допетровский стиль с временными его особенностями и не будем отрекаться от наследия общечеловеческого художественного развития» (Быковский, 1893: 5).

В год смерти князя Г.Г. Гагарина в журнале был опубликован один из его последних текстов «Родник русского искусства. Посвящается строителям русских церквей», где он восхищается византийским стилем, тем, насколько органично этот стиль переместился в русскую архитектуру, а также фактом возрождения византийского стиля в современной архитектуре: «Попытки последних времен вернуться к византийскому элементу заслуживают похвалы и поощрения и доказывают, что наш природный художественный инстинкт стремится к своим первоначальным источникам» (Гагарин, 1893: 12).

В 10 номере за 1895 г. в «Зодчем» изложена оригинальная программа Л.Н. Даля по поиску истоков русского стиля, а также полемика специалистов по этому поводу – И.И. Горностаева, Г.Г. Гагарина и Е.Н. Соколовского. Одним из центральных фокусов разговоров о становлении русского стиля был вопрос о том, какие традиции повлияли на формирование русского искусства и какие традиции повлияли в большей степени – византийские, западные или восточные. Причем вопрос взаимодействия русского искусства с восточным был в наименьшей степени изучен, поскольку неясны были корни восточного влияния (татарское или арабское) на русское искусство. Л.Н. Даль совершил путешествие в Индию и нашел множество сходств русского искусства с индийским, что обозначил в своей программе, а также описал возможные пути проникновения индийских традиций на Русь. Участники полемики частично поддерживают, а частично опровергают мнение Л.Н. Даля.

5. Заключение

В результате исследования материалов, опубликованных в журнале «Зодчий» в период с 1871 по 1899 гг., было установлено следующее:

- В качестве общего вектора в содержании рассмотренных выше публикаций из журнала «Зодчий» можно отметить сожаление об исчезновении традиций древнерусского искусства, особенно в области зодчества. И, как следствие, понимание необходимости проведения исследовательской работы археологами, историками, искусствоведами для создания истории русского искусства. Авторы журнала «Зодчий» неоднократно подчеркивали, что у современников – художников, архитекторов – есть интерес к работе в русском стиле.

- Интересны взгляды на русское искусство извне, где поиски русской самобытности сочетаются с интересом к тем процессам, которые происходят в области практики и теории искусства в Европе.

- Архитекторы изначально опираются на известные чертежи, описания памятников древности, однако, начиная с 1880-х гг., они все чаще работают с данными экспедиций, в которых сами и участвуют.

- Все больше и больше авторов начинают со временем писать о русской архитектуре (в первое десятилетие – это буквально два автора), соответственно увеличивается и количество материалов на эту тему. Пик внимания к изучению, обсуждению, проектированию сооружений русского модерна приходится на период конца 1880-х и начала 1890-х годов: большинство проектов российских архитекторов демонстрирует «возрождение» традиций древнерусской архитектуры и их сочетание с современными технологиями в строительстве. В этот же период в опубликованных проектах активно проявляются особенности национального модерна в архитектуре, такие как интерес к декоративно-прикладному творчеству и народной орнаментике, переработке элементов древнерусского храмового зодчества в светской архитектуре, сказочности фасадов и т.д. В конце 1890-х намечается спад, количество публикаций и проектов заметно сокращается.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта «Формирование модели организации и устойчивого функционирования сельского хозяйства на основе видов традиционного природопользования коренных народов севера Красноярского края в комплексе видов деятельности (оленоводство, охота, рыбная ловля, собирательство, первичная и (или) промышленная переработка» при поддержке Краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности».

Литература

Авдеев, Павлинов, 1882 – Авдеев А.А., Павлинов А.М. Спасо-Преображенский Соборный храм в Чернигове // *Зодчий*. 1882. № 6. С. 81-83.

Благодер, 2018 – Благодер Ю.Г. Китайское искусство в России (по страницам журналов «Вестник изящных искусств», «Зодчий», конец XIX – начало XX вв.) // *Россия–Китай: история и культура*. 2018. С. 46-52.

Богданова, 2008 – Богданова О.Е. К вопросу о рационализме в российской архитектуре // *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 312. С. 74-79.

- Брамфилд, 2017** – *Брамфилд У.К.* Происхождение и развитие русской архитектурной прессы, 1872–1918: Представление за границей // *Экономика и управление в XXI веке: наука и практика.* 2017. № 4. С. 61-76.
- Быковский, 1893** – *Быковский К.М.* О значении изучения древнерусских памятников для современного зодчества // *Зодчий.* 1893. № 1. С. 2-5.
- Веселовский, 1879** – *Веселовский Б.К.* Старинная мебель и утварь // *Зодчий.* 1879. № 4. С. 59.
- Веселовский, 1880** – *Веселовский Б.К.* Изразцовые печи в доме Шумиловой в Гороховце // *Зодчий.* 1880. № 7. С. 51-52.
- Веселовский, 1881** – *Веселовский Б.К.* Древнерусские железные двери // *Зодчий.* 1881. № 2. С. 15.
- Гагарин, 1893** – *Гагарин Г.* Родник русского искусства. Посвящается строителям русских церквей // *Зодчий.* 1893. № 2. С. 9-12.
- Даль, 1872a** – *Даль Л.В.* Исторические исследования памятников русского зодчества // *Зодчий.* 1872. № 2. С. 9-11.
- Даль, 1872b** – *Даль Л.В.* Исторические исследования памятников русского зодчества // *Зодчий.* 1872. № 5. С. 68-70.
- Даль, 1872c** – *Даль Л.В.* Исторические исследования памятников русского зодчества // *Зодчий.* 1872. № 7. С. 101-105.
- Даль, 1872d** – *Даль Л.В.* Старинная деревянная изба из альбома Чернецова // *Зодчий.* 1872. № 3. С. 33.
- Даль, 1873** – *Даль Л.В.* Исторические исследования памятников русского зодчества // *Зодчий.* 1873. № 11-12. С. 56-59.
- Даль, 1874a** – *Даль Л.В.* Материалы для истории русского гражданского зодчества // *Зодчий.* 1874. № 3. С. 30-32.
- Даль, 1874b** – *Даль Л.В.* Материалы для истории русского гражданского зодчества // *Зодчий.* 1874. № 7. С. 93-94.
- Даль, 1874c** – *Даль Л.В.* Материалы для истории русского гражданского зодчества // *Зодчий.* 1874. № 12. С. 153-154.
- Даль, 1875a** – *Даль Л.В.* Древние деревянные церкви в России // *Зодчий.* 1875. № 11-12. С. 132-134.
- Даль, 1875b** – *Даль Л.В.* Исторические исследования памятников русского зодчества // *Зодчий.* 1875. № 11-12. С. 132-134.
- Даль, 1877a** – *Даль Л.В.* Обзор русского орнамента // *Зодчий.* 1877. № 9-10. С. 77.
- Даль, 1877b** – *Даль Л.В.* Старинные деревянные церкви Олонецкой губернии // *Зодчий.* 1877. № 11-12. С. 97-98.
- Даль и др., 1895** – *Даль Л.В., Горностаев И.И., Гагарин Г.Г., Соколовский Е.Н.* О русском стиле // *Зодчий.* 1895. № 10. С. 73-80.
- Дегтяренко и др., 2021** – *Дегтяренко К.А., Середкина Н.Н., Шпак А.А.* Историография исследований этнокультурной динамики в Республике Хакасия // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки».* 2021. № 14 (6). С. 782-796.
- Дмитриев, 1894** – *Дмитриев А.* Некоторые древности Пскова // *Зодчий.* 1897. № 5. С. 35-38.
- Егорова и др., 2021** – *Егорова Ю.А., Стрелкова Т.А., Нестеренко О.И.* История создания и развития водоснабжения г. Самары // *Водоснабжение и санитарная техника.* 2021. № 9. С. 6-13.
- Комарова, Третьяков, 2016** – *Комарова И.И., Третьяков А.Л.* Архитектурная газета второй половины XIX в. // *Библиография и книговедение.* 2016. № 6. С. 56-68.
- Копцева, Резникова, 2015** – *Копцева Н.П., Резникова К.В.* Три картины Здислава Бексински: как возможно искусство «После Освенцима» // *Вестник Томского государственного университета.* 2015. № 400. С. 121-133.
- Копцева, Ситникова, 2022** – *Копцева Н.П., Ситникова А.А.* Историческая память коренных малочисленных народов Эвенкийского муниципального района: методологические подходы к исследованию // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки».* 2022. № 15 (5). С. 666-678.
- Леонов, 1876** – *Леонов В.* Древнерусские окна // *Зодчий.* 1876. № 1. С. 6-7.
- Павлинов, 1886** – *Павлинов А.М.* О древних церковных сооружениях // *Зодчий.* 1886. № 11-12. С. 81-85.
- Позднякова, 2012** – *Позднякова И.Ю.* Влияние проектов, опубликованных в архитектурных изданиях начала XX века, на формирование образа православного храма в Тамбовской епархии // *Архитектура и современные информационные технологии.* 2012. № 2 (19). С. 7.
- Пчелкина, 2021** – *Пчелкина Д.С.* Концептуальный потенциал художественной культуры как формы этнической манифестации коренных северных народов // *Северные архивы и экспедиции.* 2021. № 5 (4). С. 17-24.
- Сертакова и др., 2022** – *Сертакова Е.А., Лещинская Н.М., Колесник М.А., Кистова А.А.* Этнокультурная динамика коренных народов Енисейской Сибири в исследованиях 2010–2020-х гг. // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки».* 2022. № 15 (5). С. 702-716.

Сертакова, Ситникова, 2022 – Сертакова Е.А., Ситникова А.А. Устав об «управлении инородцев», составленный М.М. Сперанским, и особенности его реализации по отношению к коренным малочисленным народам Енисейской губернии в XIX – начале XX веков // *Северные архивы и экспедиции*. 2022. № 6 (2). С. 94-106.

Султанов, 1879 – Султанов Н.В. Русские деревянные порезки // *Зодчий*. 1879. № 11. С. 125-126.

Султанов, 1881 – Султанов Н.В. Возрождение русского искусства // *Зодчий*. 1881. № 2. С. 9-11.

Султанов, 1882 – Султанов Н.В. Одна из задач Строительного училища // *Зодчий*. 1882. № 5. С. 71-72.

Султанов, 1883 – Султанов Н.В. Памятники древнего зодчества в Коломенском и Бронницком уезде Московской губернии // *Зодчий*. 1883. № 2. С. 50-53.

Султанов, 1887 – Султанов Н.В. Русские шатровые церкви // *Зодчий*. 1887. № 9-10. С. 66-80.

Суслов, 1883 – Суслов В.В. Обзор древнерусских построек на Севере // *Зодчий*. 1883. № 2. С. 70-76.

Суслов, 1885 – Суслов В.В. Древние церкви в Романове-Борисоглебске // *Зодчий*. 1885. № 5. С. 32-36.

Суслов, 1887 – Суслов В.В. Материалы к истории древней Новгородско-Псковской архитектуры // *Зодчий*. 1887. № 11-12. С. 81-91.

Суслов, 1894 – Суслов В.В. Краткое изложение исследований Софийского собора // *Зодчий*. 1894. № 11. С. 85-89.

Филько и др., 2021 – Филько А.И., Авдеева Ю.Н., Кистова А.В. [и др.]. Этнокультурная динамика Красноярского края в творчестве красноярских художников // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2021. № 14 (6). С. 873-889.

Харламов, 1887 – Харламов В. Церковь Св. Петра Митрополита на Ульянке // *Зодчий*. 1887. № 11-12. С. 91-93.

Черная, 2017 – Черная Е.А. Архитектурная графика модерна на страницах журнала «Зодчий» с 1890-х до 1917 г. // *Архитектура-строительство-транспорт*. 2017. С. 111-116.

Amosova et al., 2019 – Amosova M.A., Koptseva N.P., Sitnikova A.A. Ethnocultural Identity in the Works of Krasnoyarsk Artists // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2019. № 12 (8). Pp. 1524-1551.

Kistova et al., 2016 – Kistova A.A., Pimenova N.N., Reznikova K.V. Place Management: Decoding the Visual Image of a Siberian City // *Journal of Applied Economic Sciences*. 2016. № 11 (6). Pp. 1144-1156.

Koptseva, Sitnikova, 2019 – Koptseva N.P., Sitnikova A.A. The historical basis for the understanding of a state in modern Russia: A case study based on analysis of components in the concept of a state, established between the fifteenth and sixteenth centuries // *International Journal for the Semiotics of Law- Revue internationale de Sémiotique juridique*. 2019. № 32 (1). Pp. 47-74.

References

Amosova et al., 2019 – Amosova, M.A., Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A. (2019). Ethnocultural Identity in the Works of Krasnoyarsk Artists. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 12(8): 1524-1551.

Avdeyev, Pavlinov, 1882 – Avdeyev, A.A., Pavlinov, A.M. (1882). Spaso-Preobrazhenskiy Sobornyy khram v Chernigove [Spaso-Preobrazhensky Cathedral Church in Chernigov]. *Zodchiy*. 6: 81-83. [in Russian]

Blagoder, 2018 – Blagoder, Yu.G. (2018). Kitayskoye iskusstvo v Rossii (po stranitsam zhurnalov «Vestnik izyashchnykh iskusstv», «Zodchiy», konets XIX – nachalo XX vv.) [Chinese art in Russia (according to the pages of the journals "Herald of Artistic Arts", "Architect", late XIX – early XX centuries)]. *Rossiya–Kitai: istoriya i kul'tura*. Pp. 46-52. [in Russian]

Bogdanova, 2008 – Bogdanova, O.Ye. (2008). K voprosu o ratsionalizme v rossiyskoy arkhitekture [To the question of rationalism in Russian architecture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 312: 74-79. [in Russian]

Brumfield, 2017 – Brumfield, W.C. (2017). Proiskhozhdeniye i razvitiye russkoy arkhitekturnoy pressy, 1872-1918: Predstavleniye za granitsey [Origins and development of the Russian architectural press, 1872-1918: The View Abroad]. *Economics and Management in the 21st Century: Science and Practice*, 4, pp. 61-76. [in Russian]

Bykovskiy, 1893 – Bykovskiy, K.M. (1893). O znachenii izucheniya drevnerusskikh pamyatnikov dlya sovremennogo zodchestva [On the significance of the study of ancient Russian monuments for modern architecture]. *Zodchiy*. 1: 2-5. [in Russian]

Chernaya, 2017 – Chernaya, Ye.A. (2017). Arkhitekturnaya grafika moderna na stranitsakh zhurnala «Zodchiy» s 1890-kh do 1917 g. [Modern architectural graphics on the pages of the journal "Architect" from the 1890s to 1917]. *Arkhitektura-stroitel'stvo-transport*. 111-116. [in Russian]

Dal', 1872a – Dal', L.V. (1872a). Istoricheskie pamyatniki russkogo zodchestva [Historical monuments of Russian architecture]. *Zodchiy*. 2: 9-11. [in Russian]

Dal', 1872b – Dal' L.V. (1872). Istoricheskie pamyatniki russkogo zodchestva [Historical monuments of Russian architecture]. *Zodchiy*. 5: 68-70. [in Russian]

- [Dal', 1872c](#) – *Dal', L.V.* (1872). Istoricheskie pamyatniki russkogo zodchestva [Historical monuments of Russian architecture]. *Zodchiy.* 7: 101-105. [in Russian]
- [Dal', 1872d](#) – *Dal', L.V.* (1872). Starinnaya derevyannaya izba iz al'boma Chernetsova [An old wooden hut from Chernetsov's album]. *Zodchiy.* 7: 33. [in Russian]
- [Dal', 1873](#) – *Dal', L. V.* (1873). Istoricheskie pamyatniki russkogo zodchestva [Historical monuments of Russian architecture]. *Zodchiy.* 11-12: 56-59. [in Russian]
- [Dal', 1874a](#) – *Dal', L. V.* (1874). Materialy dlya istorii russkogo grazhdanskogo zodchestva [Materials for the history of Russian civil architecture]. *Zodchiy.* 3: 30-32. [in Russian]
- [Dal', 1874b](#) – *Dal', L.V.* (1874). Materialy dlya istorii russkogo grazhdanskogo zodchestva [Materials for the history of Russian civil architecture]. *Zodchiy.* 7: 93-94. [in Russian]
- [Dal', 1874c](#) – *Dal', L. V.* (1874). Materialy dlya istorii russkogo grazhdanskogo zodchestva [Materials for the history of Russian civil architecture]. *Zodchiy.* 12: 153-154. [in Russian]
- [Dal', 1875a](#) – *Dal', L. V.* (1875a). Drevniye derevyannyye tserkvi v Rossii [Ancient wooden churches in Russia]. *Zodchiy.* 11-12: 132-134. [in Russian]
- [Dal', 1875b](#) – *Dal', L.V.* (1875). Istoricheskie pamyatniki russkogo zodchestva [Historical monuments of Russian architecture]. *Zodchiy.* 11-12: 132-134. [in Russian]
- [Dal', 1877b](#) – *Dal', L.V.* (1877). Starinnyye derevyannyye tserkvi Olonetskoj gubernii [Ancient wooden churches of the Olonets province]. *Zodchiy.* 11-12: 97-98. [in Russian]
- [Dal', 18877a](#) – *Dal', L.V.* (1877). Obzor russkogo ornamenta [Review of Russian ornament]. *Zodchiy.* 9-10: 77. [in Russian]
- [Dal' i dr., 1895](#) – *Dal', L.V., Gornostayev, I.I., Gagarin, G.G., Sokolovskiy, Ye.N.* (1895). O russkom stile [About the Russian style]. *Zodchiy.* 10: 73-80. [in Russian]
- [Degtyarenko i dr., 2021](#) – *Degtyarenko, K.A., Seredkina, N.N., Shpak, A.A.* (2021). Istorioografiya issledovaniy etnokul'turnoy dinamiki v Respublike Khakasiya [Historiography of studies of ethnocultural dynamics in the Republic of Khakassia]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki».* 14(6): 782-796. [in Russian]
- [Dmitriyev, 1894](#) – *Dmitriyev, A.* (1894). Nekotoryye drevnosti Pskova [Some antiquities of Pskov]. *Zodchiy.* 5: 35-38. [in Russian]
- [Egorova i dr., 2021](#) – *Egorova, Yu. A., Strelkova, T. A., Nesterenko, O. I.* (2021). Istoriya sozdaniya i razvitiya vodosnabzheniya g. Samara [The history of the creation and development of water supply in the city of Samara]. *Vodosnabzhenie i sanitarnaya tekhnika.* 9: 6-13. [in Russian]
- [Fil'ko et al., 2021](#) – *Fil'ko, A.I., Avdeyeva, Yu.N., Kistova, A.V.* (2021). Etnokul'turnaya dinamika Krasnoyarskogo kraja v tvorchestve krasnoyarskikh khudozhnikov [Ethnocultural dynamics of the Krasnoyarsk Territory in the work of Krasnoyarsk artists]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki».* 14(6): 873-889. [in Russian]
- [Gagarin, 1893](#) – *Gagarin, G.* (1893). Rodnik russkogo iskusstva. Posvyashchayet-sya stroitelyam russkikh tserkvey [The source of Russian art. Dedicated to the builders of Russian churches]. *Zodchiy.* 2: 9-12. [in Russian]
- [Kharlamov, 1887](#) – *Kharlamov, V.* (1887). Tserkov' Sv. Petra Mitropolita na Ul'yanke [Church of St. Peter the Metropolitan on Ulyanka]. *Zodchiy.* 11-12: 91-93. [in Russian]
- [Kistova et al., 2016](#) – *Kistova, A.A., Pimenova, N.N., Reznikova, K.V.* (2016). Place Management: Decoding the Visual Image of a Siberian City. *Journal of Applied Economic Sciences.* 11(6): 1144-1156.
- [Komarova, Tret'yakov, 2016](#) – *Komarova, I. I., Tret'yakov, A.L.* (2016). Arkhitekturnaya gazeta vtoroy poloviny XIX v. [Architectural newspaper of the second half of the 19th century]. *Bibliografiya i knigovedenie.* 6: 56-68. [in Russian]
- [Koptseva, Reznikova, 2015](#) – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V.* (2015). Tri kartiny Zdislava Beksinski: kak vozmozhno iskusstvo «Posle Osventsima» [Three paintings by Zdislava Beksinski: how art is possible "After Auschwitz"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* 400: 121-133. [in Russian]
- [Koptseva, Sitnikova, 2019](#) – *Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A.* (2019). The historical basis for the understanding of a state in modern Russia: A case study based on analysis of components in the concept of a state, established between the fifteenth and sixteenth centuries. *International Journal for the Semiotics of Law-Revue internationale de Sémiotique juridique.* 32(1): 47-74.
- [Koptseva, Sitnikova, 2022](#) – *Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A.* (2022). Istoricheskaya pamyat' korennykh malochislennykh narodov Evenkiyskogo munitsipal'nogo rayona: metodologicheskiye podkhody k issledovaniyu [Historical memory of the indigenous peoples of the Evenki municipal district: methodological approaches to research]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences.* 15(5): 666-678. [in Russian]
- [Leonov, 1876](#) – *Leonov, V.* (1876). Drevnerusskie okna [Old Russian windows]. *Zodchiy.* 1: 6-7. [in Russian]
- [Pavlinov, 1886](#) – *Pavlinov, A.M.* (1886). O drevnikh tserkovnykh sooruzheniyakh [On ancient church buildings]. *Zodchiy.* 11-12: 81-85. [in Russian]
- [Pchelkina, 2021](#) – *Pchelkina, D.S.* (2021). Kontseptual'nyy potentsial khudozhestvennoy kul'tury kak formy etnicheskoy manifestatsii korennykh severnykh narodov [Conceptual potential of artistic culture as a

form of ethnic manifestation of indigenous northern peoples]. *Severnye arkhivy i ekspeditsii*. 5(4): 17-24. [in Russian]

Pozdnyakova, 2012 – Pozdnyakoval, I.Yu. (2012). Vliyaniye proyektov, opublikovannykh v arkhitekturnykh izdaniyakh nachala XX veka, na formirovaniye obraza pravoslavnogo khrama v Tambovskoy yeparkhii [The influence of projects published in architectural publications of the early 20th century on the formation of the image of the right temple in the Tambov diocese]. *Arkhitektura i sovremennye informatsionnye tekhnologii*. 2(19): 7. [in Russian]

Sertakova i dr., 2022 – Sertakova, E.A., Leshchinskaya, N.M., Kolesnik, M.A., Kistova, A.A. (2022). Etnokul'turnaya dinamika korennykh narodov Yeniseyskoy Sibiri v issledovaniyakh 2010–2020-kh gg. [Ethnocultural dynamics of the indigenous peoples of the Yenisei Siberia in the studies of 2010–2020]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 15(5): 702-716. [in Russian]

Sertakova, Sitnikova, 2022 – Sertakova, E.A., Sitnikova, A.A. (2022). Ustav ob «upravlenii inorodtsev», sostavlennyy M.M. Speranskim, i osobennosti yego realizatsii po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam Yeniseyskoy gubernii v XIX-nachale XX vekakh [The charter on the "management of foreigners", an essay by M.M. Speransky, and the peculiarities of its implementation in relation to the indigenous peoples of the Yenisei province in the 19th-early 20th centuries]. *Severnye arkhivy i ekspeditsii*. 6(2): 94-106. [in Russian]

Sultanov, 1879 – Sultanov, N.V. (1879). Russkiye derevyannyye porezki [Russian wooden cuttings]. *Zodchiy*. 11: 125-126. [in Russian]

Sultanov, 1881 – Sultanov, N.V. (1881). Vozrozhdeniye russkogo iskusstva [Revival of Russian art]. *Zodchiy*. 2: 9-11. [in Russian]

Sultanov, 1882 – Sultanov, N.V. (1882). Odnazadach Stroitel'nogo uchilishcha [One of the tasks of the Construction School]. *Zodchiy*. 5: 71-72. [in Russian]

Sultanov, 1883 – Sultanov, N.V. (1883). Pamyatniki drevnego zodchestva v Kolomenskom i Bronnitskom uyezde Moskovskoy gubernii [Monuments of ancient architecture in the Kolomensky and Bronnitsky districts of the Moscow province]. *Zodchiy*. 2: 50-53. [in Russian]

Sultanov, 1887 – Sultanov, N.V. (1887). Russkiye shatrovyye tserkvi [Russian hipped churches]. *Zodchiy*. 9-10: 66-80. [in Russian]

Suslov, 1883 – Suslov, V.V. (1883). Obzor drevne-russkikh postroyek na Severe [Overview of ancient Russian buildings on the North]. *Zodchiy*. 2: 70-76. [in Russian]

Suslov, 1885 – Suslov, V.V. (1885). Drevniye tserkvi v Romanove-Borisoglebske [Ancient churches in Romanovo-Borisoglebsk]. *Zodchiy*. 5: 32-36. [in Russian]

Suslov, 1887 – Suslov, V.V. (1887). Materialy k istorii izucheniya Novgorodsko-Pskovskoy arkitektury [Materials for the history of the study of Novgorod-Pskov architecture]. *Zodchiy*. 11-12: 81-91. [in Russian]

Suslov, 1894 – Suslov, V.V. (1894). Kratkoye izlozheniye issledovaniy Sofiyskogo sobora [Brief summary of the research of St. Sophia Cathedral]. *Zodchiy*. 11: 85-89. [in Russian]

Veselovskiy, 1879 – Veselovskiy, B.K. (1879). Starinnaya mebel' i utvar' [Antique furniture utensils]. *Zodchiy*. 4: 59. [in Russian]

Veselovskiy, 1880 – Veselovskiy, B.K. (1880). Izraztsovyye pechi v dome Shumilovoy v Gorokhovtse [Tiled stoves in the Shumilova dome in Gorokhovets]. *Zodchiy*. 7: 51-52. [in Russian]

Veselovskiy, 1881 – Veselovskiy, B.K. (1881). Drevnerusskiye zheleznyye dveri [Old Russian iron doors]. *Zodchiy*. 2: 15. [in Russian]

Журнал «Зодчий» как источник по истории русского модерна конца XIX – начала XX веков

Наталья Михайловна Лещинская ^{a, *}, Александра Александровна Ситникова ^a, Екатерина Анатольевна Сертакова ^a, Наталья Петровна Кошцева ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность данного исследования связана с формированием и распространением «русского стиля» в архитектуре Российской империи в конце XIX – начале XX веков – значимого направления в культуре рассматриваемой эпохи. Большую роль в этом процессе сыграл профессиональный журнал по архитектуре и строительству «Зодчий» (1872–1924), так как именно на его страницах публиковались исследования архитекторов и историков искусства древнерусской старины, обосновывалась необходимость формирования национального варианта модерна на основе местных

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: trognonulia@gmail.com (Н.М. Лещинская), sem_dobrianka@mail.ru (А.А. Ситникова), sertachok@mail.ru (Е.А. Сертакова), decanka@mail.ru (Н.П. Кошцева)

традиций, печатались проекты храмовых и светских сооружений в «русском стиле». Публикации данного исторического источника были рассмотрены с помощью методов качественного и количественного контент-анализа. Проведенное исследование позволило зафиксировать динамику публикаций о «русском стиле» в архитектуре, в которой отмечается рост и затухание интереса к самобытным проектам, дало возможность выявить традиции, на которые опирались архитекторы при проектировании современных сооружений, и характерные особенности национального модерна в архитектуре, такие как интерес к декоративно-прикладному творчеству и народной орнаментике, переработке элементов древнерусского храмового зодчества в светской архитектуре, сказочности фасадов и т.д.

Ключевые слова: исторический документ, журнал «Зодчий», «русский стиль», русский модерн, традиции, древнерусская культура.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1250-1259
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1250

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Scenarios of Intercultural Communication of the Russian and Indigenous Population of Siberia in the Views of the Leaders of the Siberian Regionalism

Bakyt S. Tokmurzayev ^{a, *}, Michael K. Churkin ^{b, c}, Yuri M. Goncharov ^d, Utkir I. Abdullaev ^e

^a «Sirdariya» University, Zhetysai, Republic of Kazakhstan

^b Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

^c Tobolsk Complex Research Station of the Ural, Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russian Federation

^d Aitai State University, Russian Federation

^e Urgench State University, Khorezm, Republic of Uzbekistan

Abstract

In the article, based on the materials of the epistolary and scientific-journalistic heritage of the leaders of the Siberian regionalism, the scenarios of intercultural communication of the Russian and indigenous population of Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries, constructed by the authors, are revealed. The methodological basis of the study was the approaches of a new cultural and intellectual history, and the representativeness of the conclusions is due to the involvement of an array of texts devoted to the reflection by the community of Siberian regionalists of "foreign" and Russian issues as part of the socio-political discourse of the post-reform era. In the course of the study, the authors revealed the main positions of the leaders of the regionalism in constructing scenarios for intercultural communication of the indicated groups. It has been established that the perceptions of the regionalists about Siberia as a colony within Russia actualized in their correspondence, journalism and scientific works the topic of limiting the rights and economic potential of both the indigenous and the Russian population in the implementation of the imperial colonization project. In the opinion of Siberian liberals, overcoming this state of affairs was possible not only by means of spreading agricultural practices, but, mainly, under the condition of extensive enlightenment and educational work among indigenous peoples and Russian settlers. One of the landmark scenarios for the cultural cooperation of the autochthons with the Russian population, the regionalists considered the active inclusion of representatives of the steppe aristocracy in the system of higher education and state activities, which, in their opinion, opened up good chances for the influence of local elites on their fellow tribesmen and contributed to their socialization outside the repressive models of Russification offered national-conservative forces of the Russian Empire.

Keywords: Siberia, colonization, metropolis, outskirts, leaders of Siberian regionalism, socio-political discourse, indigenous peoples, intercultural communication.

1. Введение

Имперский опыт и практики внутренней колонизации Сибири и прилегающих территорий во второй половине XIX – начале XX вв. стали предметной сферой общественно-политического дискурса, репрезентировавшего диаметрально противоположные представления об основных акторах колонизационного процесса и вариантах инкорпорации окраинных пространств в общегосударственное поле. В публицистическом контенте пореформенного времени отчетливо проявилось два подхода к

* Corresponding author

E-mail addresses: b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev), proffchurkin@yandex.ru (M.K. Churkin), yuriig@yandex.ru (Yu.M. Goncharov), utkir112@mail.ru (U.I. Abdullaev)

конструированию моделей организации территорий, вошедших в этот период в орбиту активной государственной деятельности Российской империи. Сторонники национал-консервативной (охранительной) модели соизмеряли свои воззрения с задачами имперской безопасности, что инициировало в их речах и публикациях на страницах периодических изданий тезис о преодолении сепаратистских настроений в условиях политического и географического фронта, отношении к окраинам как естественному продолжению коренной территории. Адепты либерализма, напротив, были склонны воспринимать восточные окраины в качестве российской колонии в экономическом, политическом и культурном отношении, которая нуждается в патерналистском участии со стороны метрополии и, на основаниях опеки, постепенном и продуманном встраивании Сибири и ее народов, в том числе русского, в социальную ткань России.

Данная позиция рельефно отразилась в эпистолярном и научно-публицистическом наследии лидеров сибирского областничества – С.С. Шашкова, Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина, репрезентировавших на страницах своих произведений возможные сценарии межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири в контексте колонизационного процесса второй половины XIX – начала XX вв. В этой связи обращение к трудам областников не только открывает видимые перспективы деконструкции дискурса колонизации и выявления широкого спектра вариантов коммуникации сообществ в рамках конкуренции колонизационных проектов, но и демонстрирует вероятные пути сотрудничества власти и общества по политической организации имперского пространства в обстоятельствах этнокультурного многообразия.

2. Материалы и методы

Решение задач, направленных на выявление и описание сценариев межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири в представлениях областников, предполагало обращение к творческому наследию лидеров этого общественно-политического и интеллектуального движения.

Источниками работы, таким образом, стала переписка сибирских областников, маркированная 1872–1874 гг. – временем их пребывания в политической ссылке (С.С. Шашков и Н.М. Ядринцев в Архангельской губернии, Г.Н. Потанин после отбытия каторги в Свеаборгской крепости – в Вологде). В этот период произошло качественное переформатирование областнической программы, которая заметно эволюционировала от политического радикализма и афиширования сепаратистских лозунгов к вдумчивому анализу статуса Сибири в составе Российской империи. Кроме того, переживание травмы дела «сибирских сепаратистов» несло на себе яркий отпечаток эмоциональной рефлексии, что оказалось запечатлено в стилистике писем, сокровенном и искреннем изложении областниками своих впечатлений, убеждений и представлений.

К исследованию также были привлечены научные статьи, заметки и монографии областников разных лет (1869–1884 гг.), посвященные «иностранному» вопросу как одному из наиболее злободневных, наряду с университетским, ссыльно-каторжным и переселенческим, в сибирской публицистике второй половины XIX в.

В методологическом отношении постановка проблемы, алгоритмы ее решения и выводы статьи опосредованно соприкасаются с такой междисциплинарной областью современных гуманитарных исследований, как «новая культурно-интеллектуальная история», ориентированной на изучение многообразных форм интеллектуальной деятельности в динамике их возникновения, бытования, восприятия, трансформаций и в разных исторических контекстах (Зверева, 2018: 294). Дискурс-анализ текстов лидеров сибирского областничества позволил не только выявить участников коммуникации, но и раскрыть социокультурный ее контекст, что в значительной степени способствовало конструированию сценариев межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири в исследуемый период.

3. Обсуждение

Заявленная в статье тема, именно в аспекте выявления сценариев межкультурной коммуникации русского и коренного населения в общественно-политическом дискурсе, в отечественной историографии специально не рассматривалась, хотя нельзя не отметить, что проблема политики населения в периферийных, и особенно фронтальных, регионах России довольно часто оказывалась в спектре исследовательской оптики ученых, в том числе и в связи с опытом репрезентации «иностранного» и «русского» вопросов в трудах областников (Шиловский, 2004; Ковалешкина, 2005; Айзикова, Макарова, 2009).

Принципиальное значение для настоящего исследования имеют выводы А.М. Эткинды, основанные на тщательном изучении историографической традиции российской колонизации как внутреннего процесса, восходящей к трудам А. фон Гакстгаузена, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и Ф. Тернера. А. Эткинд, ссылаясь на выводы Ф. Тернера (Тернер, 2009) и сопоставляя освоение американского фронта и русскую колонизацию, пишет: «У американского фронта и русской колонизации – разные топологии: первый непрерывен...; вторая оставляла разрывы, карманы и складки» (Эткинд, 2016: 95). По логике А. Эткинды, «...хотя на разных участках огромной границы

внешней колонизации России возникало множество зон, где колонизаторы сотрудничали, соперничали и гибридизировались с колонизируемыми, эти смешанные культуры были локальными, сильно различались между собой и далеко отстояли друг от друга во времени и пространстве» (Эткинд, 2016: 95). И, тем не менее, на наш взгляд, в этой «складчатой» системе, слабо восприимчивой к освоению, периодически возникали условия для продуктивной межкультурной коммуникации, что фиксировалось в текстах эпохи, становясь до определенной степени руководством к действию для империи.

4. Результаты

«Инородческий» вопрос (именно так в нормативно-правовых документах, научно-публицистической и профанной лексике XIX в.), наряду с сюжетами о колониальном статусе Зауралья, ссылке, строительстве сибирской железной дороги, открытии университета и переселенческом движении, являлся одним из ключевых в политической программе областничества как либеральной идеологии и интеллектуального движения.

Симптоматично, что абрис научной теории, в том числе в сфере политики населения на восточных окраинах империи, программа сибирского областничества начала обретать в начале 1870-х гг., с завершением дела «сибирских сепаратистов» (1865 г.) и приобретением лидерами областнического движения «травматического» опыта политической ссылки (Чуркин, 2019). Именно в условиях частичного ограничения свободы, ставшего предметом личного переживания трудной жизненной ситуации, в идеологии областников наметились весьма серьезные трансформации от политического радикализма (отделение Сибири от России) к признанию колониальности как условия и фактора встраивания региональной экономики, административного управления и социума в общеимперское пространство России.

Члены редакционной коллегии журнала «Сибирские записки», взявшие на себя труд публикации эпистолярного наследия Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина 1872–1874 гг., в преамбуле к переписке отмечали, что исходной точкой оформления новой областнической программы стал вопрос об отношении колонии к метрополии, провинции к политическому и экономическому центру (Ядринцев, 1918: 1), а увлечение Н.М. Ядринцева изучением английского языка было напрямую связано с интересом к колониальной литературе (Ядринцев, 1918: 1). Таким образом, сибирские либералы, опираясь на западную колониальную теорию и ее основные постулаты, сообразно с которыми неизбежным итогом колониализма станет отделение колонии от метрополии (Леруа-Болье, 1877; Рошер, 2005), перенесли данный вывод и на сферу межэтнических коммуникаций, постулируя ее в риторике культуртрегерства и сотрудничества локально-этнографических сообществ Сибири с русским населением.

Следует заметить, что участие областников в обсуждении «инородческого» вопроса в Сибири, а также конструирование сценариев межкультурной коммуникации русского и индигенного населения опирались на долгосрочную исследовательскую традицию отечественной этнографии, становление и развитие которой А.В. Головнев определил как отклик на колониальную практику России начала XVIII в. (Головнев, 2018: 7). Очевидно, что накопление этнографического материала о народах Российской империи вообще, и азиатского ее сегмента в частности, открывало широкие перспективы не только для серьезной аналитической экспертизы этнокультурного и этноконфессионального своеобразия коренных народов Сибири, но и для разработки моделей инкорпорации их в региональный социум с опорой на сложившиеся практики государственного патернализма, с одной стороны, и учетом аккультурационного потенциала индигенного населения – с другой.

Последний пункт, ориентированный на сферу решения национального вопроса, в представлениях сибирских областников во многом актуализировался их непосредственной связью с Сибирью как местом рождения и общественно-политической деятельности в обстоятельствах полиэтничного состава населения, интенсивных межэтнических, межкультурных и межрелигиозных контактов, предполагавших разные исходы: метисацию, ассимиляцию, аккультурацию.

Эскалация областнического дискурса межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири в целом реализовывалась в условиях благоприятного общественно-политического и социокультурного фона демократических реформ 1860-х – 1870-х гг. и влияния федералистской теории, активными разработчиками и популяризаторами которой являлись Н.И. Костомаров и А.П. Щапов, сыгравшие значительную роль в формировании мировоззрения молодых сибирских патриотов. Не случайно, что тема гражданского обустройства российской провинции, организации общественных отношений на периферии империи, стала своеобразной «визитной карточкой» сибирских либералов как публицистов и общим фундаментом политической программы областничества во второй половине XIX – начале XX вв.

К основным «площадкам» формулирования теоретических основ и репрезентации «инородческого» вопроса в идеологии областников, а также потенциальных сценариев межкультурной коммуникации индигенного и русского населения Сибири в контексте колонизации в исследуемый период принадлежали – периодические издания (газеты и журналы) либерального толка, личная переписка лидеров сибирского областничества, отчеты по результатам экспедиций под

эгидой ЗСОИРГО, отдельные авторские труды монографического характера, запечатлевшие сформулированные областниками выводы по состоянию «инородческой» проблематики в продолжительной исторической ретроспективе и возможных вариантах решения вопроса в обозримом будущем.

Приоритет в исследовании «инородческого» вопроса как составляющего элемента идейно-политической программы сибирского областничества, воплотившийся в смещении акцентов от этнографического описания автохтонов Сибири к рефлексии сценариев их культурного сближения с русскими переселенцами, принадлежал С.С. Шашкову. Не вдаваясь в нюансы биографии С.С. Шашкова, обратим внимание на тот факт, что современные исследователи, подчеркивая пионерский характер идейного наследия областников, сходятся в признании особой его роли как носителя академического знания в области истории первобытной культуры, ставшего основой его теории исторического процесса (Малинов, Пешперова, 2015). По убеждению С.С. Шашкова, переход к оседлому образу жизни индигенных народов империи, принятие конвенций земледельческой культуры может рассматриваться как фактор их постепенной интеграции в российский социум и новую этническую конфигурацию – сибирско-инородческий тип русского народа. Данная теория была в целом принята сибирскими областниками (Н.М. Ядринцевым, Г.Н. Потаниным) и творчески переосмыслена в публикациях 1870–1880-х гг. Необходимо принимать во внимание, что основные труды С.С. Шашкова в рамках областнического направления, в том числе публикации по «инородческому» вопросу, вышли в свет еще в 1860-е гг., но влияние его личности на мировоззрение членов сообщества сохранялось и после 1869 г., когда С.С. Шашков был приговорен к ссылке в Архангельскую губернию, где уже находились его соратники – Н.М. Ядринцев, Н.С. Щукин, Н.В. Ушаров, А.Д. Шайтанов. Симптоматично, что и Н.М. Ядринцев, и Г.Н. Потанин в личной переписке признавали безусловный авторитет С.С. Шашкова. Так, Н.М. Ядринцев, жалуюсь своему другу на отсутствие рядом людей сходной с ним породы, сообщает: «...Просвещением мы снабжены..., у Серафима (Шашкова) уже есть порядочная библиотека, даже по части исторической... (Ядринцев, 1918: 4). Г.Н. Потанин, в свою очередь, как бы не замечая иронического тона товарища, не без зависти пишет: «Как это Вы устроили, что все трое собрались вместе?» (Потанин, 1987: 83) – не преминув обратиться к С.С. Шашкову – владельцу хорошо укомплектованной научной литературы библиотеки – с весьма характерной просьбой: «...Так как он несколько знаком с литературой об инородцах и обладатель, вероятно, многих иностранных каталогов, то не окажет ли он мне услугу составлением записочки о книгах на французском, немецком и английском языках об инородцах и дикарях Америки, Африки и Австралии, в которых разбирался бы вопрос об их «быть или не быть» (Потанин, 1987: 79).

Самая значительная публикация С.С. Шашкова, в которой были озвучены представления автора о содержании «инородческого» вопроса и исходном сценарии его решения в Сибири, была размещена на страницах общественно-политического журнала либеральной направленности «Дело» в 1867 г. В центре исследовательской оптики С.С. Шашкова оказались вопросы, иллюстрирующие формы экономической эксплуатации коренного населения Сибири, организации быта и семейных отношений автохтонов, санитарное состояние жилищ, демографию, их нравы в связи с влиянием русского колониального элемента. Комментируя сложившиеся в XVIII – первой половине XIX вв. практики администрирования в отношении всех групп населения, Шашков приводит яркие примеры произвола региональной администрации, подчеркивая: «Если так поступали с русскими, даже со значительными чиновниками, то можно себе представить, каково было положение «инородцев», к которым относились как к покоренному и, следовательно, подневольному племени» (Шашков, 1867 а: 266).

Заметим, что общий пафос статьи С.С. Шашкова, материалы которой содержали постоянные ссылки на архивные сведения о насильственном характере русского «культуртрегерства», приведшего к массовому вымиранию и сокращению численности коренных народов Сибири, сводился к констатации факта о том, что значительная масса «инородческого» населения «...находится в страшной нищете, заражена губительными болезнями, подвержена вымиранию» (березовские, нарымские, туруханские, камчатские, частью туринские, тобольские и алтайские) (Шашков, 1867b: 26).

При этом С.С. Шашков отмечал, что относительно благополучной оказалась судьба бурят и якутов, которые благодаря восприятию практик земледелия и скотоводства постепенно подвергались обрусению, что позволяло делать вывод об их «скором вступлении в состав русской народности» (Шашков, 1867 b: 26).

По мнению С.С. Шашкова, продуктивное решение «инородческого» вопроса в Сибири не может быть обеспечено мерами экономической и административно-политической поддержки коренных народов до тех пор, пока не произойдут качественные перемены в культурном облике русского сегмента сибирского общества и окажутся изжитыми нравственные его недостатки, «благодаря которым сибиряки всех сословий так энергично эксплуатируют «инородцев» (Шашков, 1867b: 27). Резюмируя, С.С. Шашков полагал, что единственным сценарием, в рамках которого возможна организация равноправной коммуникации русского и индигенного населения Зауралья, станет распространение образования и основ гуманной нравственности в среде сибиряков. Без этих благодетельных факторов, полагал С.С. Шашков, счастье народов останется безумной мечтой (Шашков, 1867b: 27).

Общий подход к состоянию «инородческой» проблемы как ситуации насилия и дискриминации, сформулированный С.С. Шашковым, был воспринят, творчески переосмыслен и существенно дополнен в эпистолярном, публицистическом и научном наследии Н.М. Ядринцева. В своих исходных представлениях о социальном статусе коренного населения, озвученных в годы ссылки в письмах (1872–1873 гг.) к соратнику и единомышленнику Г.Н. Потанину, он практически буквально транслировал тезис С.С. Шашкова о нещадной эксплуатации индигенных групп населения, безусловно соглашаясь с фактом тотального давления государства на все категории сибирского социума. Н.М. Ядринцев, в частности, писал: «Русский человек «промышляет» инородца. Последствия завоевательной политики – воззрения на Восток, как на завоеванную страну и враждебных «народцев». Завоевательные воззрения отражаются и на русском населении, они проявляются опекой и регламентацией» (Ядринцев, 1918: 21–22). Однако, в отличие от С.С. Шашкова, рассматривавшего значимость перехода коренных народов к оседлому земледелию в качестве фактора преодоления их зависимого статуса, Н.М. Ядринцев подчеркивал важность использования в данном вопросе мирового колониального опыта. Увлечение западноевропейскими теориями колонизации убеждало лидера областников в важности конструирования такого варианта политики населения, при котором автохтоны «достигнут известной степени образования и хорошей репутации» (Ядринцев, 1918: 41). Апеллируя к опыту французских колонистов в Луизиане и Канаде, Н.М. Ядринцев поставил под сомнение господствовавший в XIX в. тезис об ограниченных способностях коренных народов к восприятию форм цивилизованного общежития. Рассказывая о поездке индейских вождей по США, Н.М. Ядринцев отмечал, что они не только свободно объяснялись по-французски, но «это были люди, способные быть полными гражданами» (Ядринцев, 1918: 41).

Будучи типичным представителем русской народнической интеллигенции 1860–1870-х гг., мыслившей и действовавшей в системе координат теорий «неоплатного долга перед народом» и «малых дел», Н.М. Ядринцев в своих рассуждениях 1870-х гг. о судьбах «инородцев» определял культуртрегерство отдельных личностей как один из эффективных сценариев коммуникации представителей колонизаторов и колонизируемых. Так, делаясь с Г.Н. Потаниным своими впечатлениями о публикациях по «инородческому» вопросу в периодической печати, Н.М. Ядринцев обратил внимание на деятельность Джорджа Робинсона, определив его как «избранную европейскую личность, умевшую ладить с инородцами» (Ядринцев, 1918: 85). Далее следовало подробное повествование об этом персонаже как о гуманном простолюдине-колонисте, который основал школу для тасманийцев, стремился обратить их к цивилизации и мирной жизни, доказывал их способность к модерну (Ядринцев, 1918: 85). По свидетельству Н.М. Ядринцева, подобное участие в культурной эмансипации коренных народов не являлось единичным. К таковым «подвижникам» он причислял капитана Смита в Америке, Морица Биановского, ставшего независимым королем Мадагаскара (Ядринцев, 1918: 85).

И все-таки, обращаясь к отечественным условиям, Н.М. Ядринцев оставался реалистом, полагая, что «у Сибири есть будущность, но будущность эта мало зависит от той или другой личности, но весьма много от тех реформ, какими пользуется Европейская Россия» (Ядринцев, 1918: 94). Разработка Н.М. Ядринцевым «инородческого» вопроса и сценариев межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири в 1880-х гг. подверглась достаточно серьезной коррекции. Изменения в представлениях во многом были обусловлены активным участием Н.М. Ядринцева в экспертно-экспедиционной деятельности ЗСОИРГО, членом которого он являлся, и многочисленными поездками по Сибири, позволившими собрать и систематизировать богатейший этнографический материал о коренных народах региона. В преамбуле к книге, посвященной быту и современному положению сибирских инородцев (Ядринцев, 2000), изданной в 1891 г., но охватившей период авторских наблюдений и рефлексии конца 1870–1880-х гг., Н.М. Ядринцев представил детальную периодизацию своей экспедиционной работы, начавшейся в 1878–1880-х гг. с исследования Алтайского горного округа и продолжившейся путешествиями по всей Сибири до Иркутска в 1886 и 1888 гг. Особенно настоятельно Н.М. Ядринцев указывал на благоприятные условия, которые сопутствовали его исследованиям: «Находясь на государственной службе в Западной Сибири, был прикомандирован к Комитету для избрания мест оседлых поселений в степях Западной Сибири с целью привлечения кочевых племен к оседлости. Затем участвовал в работах другого Комитета, учрежденного генерал-губернатором Западной Сибири, а именно по пересмотру проектов уставов для привлечения инородцев к воинской повинности. В этих Комитетах сосредоточены были подробные сведения о числе и положении инородцев всей Западной Сибири» (Ядринцев, 2000: 5). Исследовательская гипотеза, озвученная Н.М. Ядринцевым во вводной части работы, сводилась к идее, что огульное отрицание способности у инородческих племен к восприятию культуры и цивилизации является преждевременным и поверхностным выводом (Ядринцев, 2000: 7–8), который может и должен быть опровергнут в ходе практических исследований и детального погружения в изучение этнографического быта и стереотипов поведения коренных народов Сибири.

В данной связи предметом пристального анализа Н.М. Ядринцева стали вопросы взаимодействия русского и «инородческого» населения, а также влияния культуры и просвещения на межэтническую коммуникацию. Накопленный в ходе экспедиций и переосмысленный на

теоретическом уровне этнографический материал позволил Н.М. Ядринцеву охарактеризовать этнокультурную ситуацию в Сибири, вывести ее научную рефлексию за трафаретные рамки национал-консервативного и либерального дискурсов, постулировавших только крайности: культурную ассимиляцию «инородцев» как абсолютное благо для «охранителей» – русификаторов и физическое вымирание как этническую катастрофу для умеренной и радикальной интеллигенции. Н.М. Ядринцев констатировал, что русское население, оказавшись в одном коммуникационном пространстве с «инородцами», «оказалось менее стойко, чем можно было ожидать, и само отступило от культуры и подверглось инородческому влиянию» (Ядринцев, 2000: 175). Исследователь пришел к заключению о существовании в Сибири двух тенденций метисации населения: обрусения части коренных народов, объясняемого их брачными связями с русскими женщинами и внесением своих национальных признаков в русскую среду, а также обратного процесса «обынородчивания» русского населения, полагая, что данное явление позитивно, поскольку способствует установлению прочных коммуникационных связей в экономической и культурной жизни (Ядринцев, 2000: 180).

Учитывая логику этнокультурной миксации в Сибири, Н.М. Ядринцев полагал, что продуктивность взаимодействия русского и коренного населения края может быть обеспечена только при активном участии в данном процессе государства и общества: просвещение и образование как индигенного, так и русского населения лидер сибирских областников считал первостепенной задачей на восточных окраинах империи (Ядринцев, 2000: 233).

Общий прогноз относительно сценариев межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири в концентрированном виде был представлен Н.М. Ядринцевым на страницах его сочинения «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении» (Ядринцев, 2003).

Во-первых, исследователь позиционировал статус «инородцев» как посреднический между азиатским и европейским культурными типами в Сибири, что обеспечивалось сохранением этнической самобытности при условии усвоения основ европейской просвещенности (Ядринцев, 2003: 158).

Во-вторых, Н.М. Ядринцев призывал российских ученых и общественно-политических деятелей отказаться от узко-ориенталистского подхода к оценке мирозерцания коренных народов Сибири, изучение которого «заставляет видеть в этих племенах... не бессловесных дикарей, у которых желательно сохранить одну физическую жизнь..., но носителей особого духа, причудливого мифа и древнего эпоса, являющихся частью культурного наследия человечества» (Ядринцев, 2003: 160).

В отношении последнего тезиса Н.М. Ядринцев важное значение придавал не только просвещению и образованию в русской и «инородческой» среде как «площадкам» коммуникации и сотрудничества групп, но и равноправному включению представителей индигенного населения в интеллектуальную сферу деятельности – научную экспертизу территорий Азиатской России, изучение ее этнографической карты, быта и повседневности народов, особо выделяя роль в такой работе выходцев из степной аристократии: Д. Банзарова, Н. Болдонова, Ч. Валиханова, М. Чевалкова и др. (Ядринцев, 2003: 157).

Тема формирования и культурной инкорпорации индигенной интеллигенции в аспекте конструирования межкультурной коммуникации русского и коренного населения Сибири получила развитие в литературно-публицистической и научной рецепции Г.Н. Потанина. Солидаризируясь с Н.М. Ядринцевым в вопросе о разработке антиориенталистского понимания культуры автохтонов, основанном на передовых колониальных теориях, Г.Н. Потанин писал своему единомышленнику: «Не знаю, сделаю ли что-нибудь с инородческим вопросом. Очень, кажется, не хлебно. Я, однако ж, выписал Герланда о вымирании рас. В «Zeitschrift für Ethnologie» я нашел беглую заметку, что будто дикари северо-западного берега (Соединенных Штатов Северной Америки) быстро усваивают европейскую культуру и вовсе не рассчитывают вымирать. Подобные случаи «невымирающих дикарей» наиболее важны. Я бы желал, чтобы можно было написать статью: «Невымирающие дикари», добавляя, что «при исследовании инородческой среды важнее, чем во всякой другой среде, проникнуть в дух народа, узнать его живую душу, изучить нравы, обычаи и мирозерцание этого народа, воспитанное веками. Необходимо в инородце видеть человека, полюбить его, а не видеть в нем одного варвара. На эту точку зрения не мог стать ни прежний завоеватель, ни торговец, ни бюрократ-чиновник, занятый внешними регламентаторско-административными проектами» (Потанин, 2014: 63). При этом Потанин, хотя и с некоторой долей скепсиса, обозначил пионерскую функцию национальной интеллигенции, мобилизованной из аристократической среды: «В киргизской степи масса еще слепо следует за своими так называемыми «лучшими людьми», ...за богачами, султанами и биями. С этим сословием нам необходимо пока считаться, так как оно все-таки руководит чувствами массы; создать средства для просвещения последней и оставить верхние слои народа напитываться мусульманским фанатизмом и нелюбовью к науке – было бы с нашей стороны ошибкой» (Потанин, 2014: 67). По констатации В.П. Зиновьева, Г.Н. Потанин пользовался большим авторитетом у казахской элиты, приняв непосредственное участие в судьбе таких известных выходцев из аристократической среды, как М. Жумабаев, А. Ермеков, М. Шорманов, а также передав опыт экспедиционной работы следующему поколению ученых и военных, среди которых были

выдающиеся представители аристократических слоев коренного населения края (Зиновьев, 2011: 35). К числу типичных представителей этой генерации современные казахстанские и российские историки относят, например, Гази Валиханова, вышедшего из старой казахской аристократии рода чингизидов-торе. Г. Валиханов – выпускник сибирского кадетского корпуса, действительный член ИРГО, член экспедиции генерала М.Г. Черняева в Среднюю Азию, предполагаемый автор «Программы этнографической Хивинской экспедиции», участник польской кампании, видный военный и общественный деятель. Состоя в конном казачьем полку Сибирского казачьего войска, размещенном в Тобольске, он возглавил экспедиционный отряд, командированный в район Черного Иртыша, в результате чего часть казахских родов вошла в подданство Российской империи. В 1863 г., принимая непосредственное участие в военных действиях в Средней Азии и имея влияние в элитарной среде коренного населения, Г. Валиханов способствовал включению в русское подданство консолидированных групп казахской и киргизской степной аристократии (Дмитриев, 2013; Абуев и др., 2005).

Выстраивая сценарную модель межкультурных контактов русских и индигенных народов, Г.Н. Потанин подчеркнул необходимость интеграции автохтонной аристократии в российский социум через систему «низшие школы – высшие школы – университет» (Потанин, 2014: 66–67). По убеждению Потанина, в недрах сибирского общества, формировавшегося в обстоятельствах этнокультурной мозаичности, изначально присутствовала тенденция к коммуникативному контакту русского и инородческого населения, их культурной близости, что, полагал Г.Н. Потанин, нуждается в постоянной репрезентации, с использованием таких площадок, как публицистика и художественная литература. Обращаясь в свойственной ему шуточной манере к Н.М. Ядринцеву, Г.Н. Потанин вопрошал: «Не измыслим ли мы втроем, купно с Андреем Павловичем, рассказа из прииртышской жизни? Нужно гуманизировать наших пионеров; изобразить молодую казачку, влюбленную в киргиза, – факт, который у нас на Иртыше не редкость» (Потанин, 1987: 89).

Размышляя о перспективах Сибири как продукта совместных усилий русского и индигенного сегментов населения региона, Г.Н. Потанин особо подчеркивал изменения в акцентах исследовательской работы, произошедшие во второй половине XIX в., что во многом было связано с деятельностью ЗСОИРГО. Областник констатировал, что этнографическое поле Сибири в этот период начинает осваиваться не столько в контексте описания обычаев и факторов бытового устройства коренного населения, сколько с целью выяснения экономических возможностей кочевого хозяйства, перспектив его реформатирования в оседлое производство и интеграции с русским крестьянским земледелием (Потанин, 1987: 96).

5. Заключение

Резюмируя, необходимо отметить, что представления лидеров областничества о сценариях межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири формировались в течение длительного исторического периода, отражая процесс эволюции политической и культурной программы сибирских либералов.

«Инородческий» вопрос в идеологии и дискурсе сибирского областничества был тесно связан с «русским» вопросом, а межкультурная коммуникация русского и коренного населения региона рассматривалась умеренными либералами как фактор продуктивной экономической и социально-политической колонизации восточных окраин империи. Для лидеров сибирского областничества имперская политика населения в обстоятельствах фронта представлялась эффективной только при условии культурной инкорпорации и совместной деятельности этнолокальных сообществ. На этом основании главным посылом, озвученным в эпистолярных и научно-публицистических текстах лидеров областничества, являлось культуртрегерство в отношении как индигенных народов, так и русского сегмента населения региона. При этом в ранних трудах областников очевидно превалировала «разоблачительная» риторика, иллюстрирующая бедственное положение в Сибири как русских переселенцев, так и автохтонов. Статус индигенных народов повсеместно определялся ими в словесных формулах «обнищание» и «вымирание», преодоление которых виделось возможным только при переходе к оседлости и земледельческим практикам. В дальнейшем представления областников о вариантах решения «инородческого» и «русского» вопросов в Сибири значительно усложнилось. В сценариях межкультурной коммуникации русского и индигенного населения на первый план вышли задачи просветительского и образовательного характера, а также формирования национальной интеллигенции, которая позиционировалась областниками как актор трансляции европейской культуры и знания.

6. Благодарности

Работа поддержана средствами программы развития ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» «Приоритет-2030»; The work was supported in the framework of «Priority-2030» by the Altay State University

Литература

- Абуев и др., 2005** – Абуев К.К., Кенесарина Г.М., Онищенко О.А. Султан-Газы Валиханов / Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность: IV Международная научная конференция, посвященная 170-летию со дня рождения Г.Н. Потанина и Ч.Ч. Валиханова: Тезисы докладов и сообщений. Омск, 2005. С. 139-144.
- Айзикова, Макарова, 2009** – Айзикова И.А., Макарова Е.А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск, 2009. 266 с.
- Головнев, 2018** – Головнев А.В. Этнография в российской академической традиции // *Этнография*. 2018. № 1. С. 6-39.
- Дмитриев, 2013** – Дмитриев С.В. Член Русского географического общества генерал султан Гази Валиханов: страницы биографии // *Страны и народы Востока*. 2013. № XXXIV. С. 311-323.
- Зверева, 2018** – Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // *Преподаватель. XXI век*. 2018. № 4. С. 288-302.
- Ковалышкينا, 2005** – Ковалышкينا Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. 326 с.
- Леруа-Болье, 1877** – Леруа-Болье А. Колонизация у новейших народов. М., 1877. 526 с.
- Малинов, Пешперова, 2015** – Малинов А., Пешперова И. Областничество в исторической ретроспективе // *Новое литературное обозрение*. 2015. № 133. С. 101-111.
- Письма Г.Н. Потанина, 1987** – Письма Г.Н. Потанина. Т. 1. Иркутск, 1987. 280 с.
- Письма Н.М. Ядринцева к Потанину, 1918** – Письма Н.М. Ядринцева к Потанину. Красноярск, 1918. 232 с.
- Потанин, 2014** – Потанин Г.Н. Инородческий вопрос в Сибири / Избранное. Томск, 2014. С. 62-69.
- Рошер, 2005** – Рошер В. Система народного хозяйства / *Мировая экономическая мысль*. Сквозь призму веков. М.: Мысль, 2005. Т. 3. С. 68-77.
- Тернер, 2009** – Тернер Ф. Фронтир в американской истории. М., 2009. 304 с.
- Чуркин, 2019** – Чуркин М.К. Историческая «травма» колонизации в рецепции сибирского областничества (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.) / V *Ядринцевские чтения. Материалы V Всеросс. науч.-практ. конференции*. Омск, 2019. С. 66-72.
- Шашков, 1867a** – Шашков С.С. Сибирские инородцы в XIX столетии // *Дело*. 1867. № 10, отд. 1. С. 232-266.
- Шашков, 1867b** – Шашков С.С. Сибирские инородцы в XIX столетии // *Дело*. 1867. № 10, отд. 2. С. 1-27.
- Шиловский, 2004** – Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: Биографический очерк. Новосибирск, 2004. 240 с.
- Эткинд, 2016** – Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2016. 448 с.
- Ядринцев, 2000** – Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень, 2000. 336 с.
- Ядринцев, 2003** – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. 555 с.

References

- Abuev i dr., 2005** – Abuev, K.K., Kenesarina, G.M., Onishchenko, O.A. (2005). Sultan-Gazy Valihanov [Sultan-Gazy Valikhanov]. *Stepnoi krai Evrazii: Istoriko-kul'turnye vzaimodeistviya i sovremennost': IV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 170-letiyu so dnya rozhdeniya G.N. Potanina i Ch.Ch. Valikhanova: Tezisy dokladov i soobshchenii*. Omsk, pp. 139-144. [in Russian]
- Ajzikova, Makarova, 2009** – Ajzikova, I.A., Makarova, E.A. (2009). Tema pereseleniya v Sibir' v literature centra i sibirskogo regiona Rossii 1860–1890-h gg.: problema dialoga [The theme of resettlement in Siberia in the literature of the center and the Siberian region of Russia in the 1860s–1890s: the problem of dialogue]. Tomsk, 266 p. [in Russian]
- Churkin, 2019** – Churkin, M.K. (2019). Istoricheskaya «travma» kolonizatsii v recepcii sibirskogo oblastnichestva (vtoraya polovina XIX – pervaya chetvert' XX vv.) [Historical "trauma" of colonization in the reception of Siberian regionalism (the second half of the 19th – the first quarter of the 20th centuries)]. V *Yadrintsevskie chteniya. Materialy V Vseross. nauch.-prakt. konferentsii*. Omsk, pp. 66-72. [in Russian]
- Dmitriev, 2013** – Dmitriev, S.V. (2013). Chlen Russkogo geograficheskogo obshchestva general sultan Gazi Valihanov: stranicy biografii [Member of the Russian Geographical Society, General Sultan Gazi Valikhanov: biography pages]. *Strany i narody Vostoka*. XXXIV: 311-323. [in Russian]
- Etkind, 2016** – Etkind, A.M. (2016). Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii [Internal colonization. Russia's imperial experience]. M., 448 p. [in Russian]
- Golovnyov, 2018** – Golovnyov, A.V. (2018). Etnografiya v rossijskoj akademicheskoy traditsii [Ethnography in the Russian Academic Tradition]. *Etnografiya*. 1: 6-39. [in Russian]
- Kovalyashkina, 2005** – Kovalyashkina, E.P. (2005). «Inorodcheskiy vopros» v Sibiri. Konceptii gosudarstvennoy politiki i oblastnicheskaya mysl' ["Foreign Question" in Siberia. Concepts of state policy and regional thought]. Tomsk, 326 p. [in Russian]

- Lerua-Bol'e, 1877 – *Lerua-Bol'e, A.* (1877). Kolonizaciya u novejsih narodov [Colonization among the newest peoples]. M., 526 p. [in Russian]
- Malinov, Peshperova, 2015 – *Malinov, A., Peshperova, I.* (2015). Oblastnichestvo v istoricheskoj retrospective [Regionalism in historical retrospective]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 133: 101-111. [in Russian]
- Pis'ma G.N. Potanina, 1987 – Pis'ma G.N. Potanina [Letters from G.N. Potanin]. T. 1. Irkutsk, 1987. 280 p. [in Russian]
- Pis'ma N.M. Yadrinceva k Potaninu, 1918 – Pis'ma N.M. Yadrinceva k Potaninu [Letters to N.M. Yadrintsev to G.N. Potanin]. Krasnoyarsk, 1918. 232 p. [in Russian]
- Potanin, 2014 – *Potanin, G.N.* (2014). Inorodcheskij vopros v Sibiri [Foreign issue in Siberia]. Izbrannoe. Tomsk, pp. 62-69. [in Russian]
- Rosher, 2005 – *Rosher, V.* (2005). Sistema narodnogo hozyajstva [The system of the national economy]. *Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov*. M.: Mysl'. Vol. 3. Pp. 68-77. [in Russian]
- Shashkov, 1867a – *Shashkov, S.S.* (1867). Sibirskie inorodcy v XIX stoletii [Siberian foreigners in the 19 century]. *Delo*. 10, otd. 1. pp. 232-266. [in Russian]
- Shashkov, 1867b – *Shashkov, S.S.* (1867). Sibirskie inorodcy v XIX stoletii [Siberian foreigners in the 19 century]. *Delo*. 10, otd. 2. pp. 1-27. [in Russian]
- Shilovskij, 2004 – *Shilovskij, M.V.* (2004). «Polnejshaya samootverzheniya predannost' nauke». G.N. Potanin: Biograficheskij ocherk [“Total selfless devotion to science”. G.N. Potanin: Biographical sketch]. Novosibirsk, 240 p. [in Russian]
- Tyorner, 2009 – *Tyorner, F.* (2009). Frontir v amerikanskoj istorii [Frontier in american history]. M., 304 p. [in Russian]
- Yadrincev, 2000 – *Yadrincev, N.M.* (2000). Sibirskie inorodcy, ih byt i sovremennoe polozhenie [Siberian foreigners, their way of life and current situation]. Tyumen', 2000. 336 p. [in Russian]
- Yadrincev, 2003 – *Yadrincev, N.M.* (2003). Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. Novosibirsk, 555 p.
- Zvereva, 2018 – *Zvereva, G.I.* (2018). Intellektual'naya istoriya v sovremennoj Rossii: instituty i napravleniya [Intellectual history in modern Russia: institutions and directions]. *Prepodavatel'. XXI vek*. 4: 288-302. [in Russian]

Сценарии межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири в представлениях лидеров сибирского областничества

Бакыт Салманович Токмурзаев ^{a, *}, Михаил Константинович Чуркин ^{b, c},
Юрий Михайлович Гончаров ^d, Уткир Исмоилович Абдуллаев ^e

^a Университет «Сырдария», Жетысай, Республика Казахстан

^b Омский государственный педагогический университет, Российская Федерация

^c Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Российская Федерация

^d Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^e Ургенчский государственный университет, Ургенч, Республика Узбекистан

Аннотация. В статье на материалах эпистолярного и научно-публицистического наследия лидеров сибирского областничества выявлены конструируемые авторами сценарии межкультурной коммуникации русского и индигенного населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Методологической основой исследования стали подходы новой культурно-интеллектуальной истории, а репрезентативность выводов обусловлена привлечением массива текстов, посвященных рефлексии сообществом сибирских областников «инородческого» и русского вопросов как части общественно-политического дискурса пореформенной эпохи. В ходе исследования авторами раскрыты основные позиции лидеров областничества в конструировании сценариев межкультурной коммуникации означенных групп. Установлено, что представления областников о Сибири как колонии в составе России актуализировали в их переписке, публицистике и научных трудах тему ограничения прав и экономического потенциала как коренного, так и русского населения в реализации имперского колониационного проекта. По мнению сибирских либералов, преодоление такого положения вещей было возможно не только средствами распространения земледельческих практик, но и, главным образом, при условии широкой просветительской и образовательной работы среди индигенных народов и русских переселенцев. Одним из знаковых сценариев культурного

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев),
profchurkin@yandex.ru (М.К. Чуркин), yuriig@yandex.ru (Ю.М. Гончаров),
utkir112@mail.ru (У.И. Абдуллаев)

сотрудничества автохтонов с русским населением областники считали активное включение в систему высшего образования и государственной деятельности представителей степной аристократии, что, по их мнению, открывало хорошие шансы влияния местных элит на своих соплеменников и способствовало их социализации вне репрессивных моделей русификации, предлагаемых национал-консервативными силами Российской империи.

Ключевые слова: Сибирь, колонизация, метрополия, окраина, лидеры сибирского областничества, общественно-политический дискурс, индигенные народы, межкультурная коммуникация.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1260-1266
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1260

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Slavery in Central Asia and the Caucasus in the XIX century: Common and Particular

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}, Teymur E. Zulfugarzade ^d, Mikhail B. Kolotkov ^e, Sergei B. Zinkovskii ^f

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^e Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

^f Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article examines the common and particular features of slavery in Central Asia and the Caucasus. The attention is paid to the number of slaves, the nature of their appearance, their legal status, etc.

The article by A.P. Khoroshkhin "Persian slaves in the Khanate of Khiva" and the collection of published documents "The Circassian Slave Narratives" were used as materials. Despite the fact that the volumes of these works are not comparable, the authors made an attempt to compare slavery in Asia and the Caucasus.

In work, the authors widely used the historical-comparative method, which allowed them to compare different aspects of slave-owning relations both in the Caucasus and in Central Asia. Due to this method, it was possible to establish a clear correlation between the content characteristics of the narratives studied and the real situation developing in the Caucasian-Central Asian space in the XIX century.

In conclusion, the authors note that slavery in the Caucasus and Central Asia in the XIX century was similar in many ways. On the one hand, the reason for this was the relatively small distance between these slave-owning centers. And on the other hand, the Caucasian and Central Asian slave trade was equally profitable, with which no production could compare in terms of efficiency. This predetermined the main occupations of the majority of the population of the Caucasian and Central Asian regions – slave grabbing, slave trade and slavery.

Keywords: slavery, XIX century, Central Asia, Caucasus, Circassia.

1. Введение

Рабство как явление было присуще и Востоку, и Западу, другое дело, что именно Запад сумел быстрее осознать неэффективность применения рабского труда и бесчеловечность эксплуатации человека человеком. В результате в конце XVIII – начале XIX вв. в Британии, США и других странах были приняты законодательные меры по запрещению рабства и работорговли. Позднее, в середине XIX века, эти законы начали насаждаться и на территории Кавказа и Центральной Азии. В данной работе мы предприняли попытку сравнить рабство на Кавказе и в Центральной Азии, а также выявить в нем общее и особенное.

2. Материалы и методы

В качестве материалов использованы статья А.П. Хорошхина «Рабы-персияне в Хивинском ханстве» (*Сборник, 1876: 483-487*) и сборник опубликованных документов «Черкесские невольничьи

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

повествования» (Cherkasov, 2020: 1415-2266). Объемы данных трудов настолько не сопоставимы, что может сложиться впечатление о нелогичности подобного использования. Тем не менее, как нам представляется, такую попытку сравнения рабства в Азии и на Кавказе сделать можно. Для этого нужно понимать, что А.П. Хорошхин являлся непосредственным исследователем вопросов рабства в Центральной Азии, он был свидетелем данного явления. Вот как об этом писал сам А.П. Хорошхин: «Я спросил более 1000 рабов; причем записывал места настоящего жительства, число душ обоого пола, наводил справки: сколько по настоящее время находится в действительном рабстве, сколько рабов освобождено и какую эти последние имеют поземельную собственность» (Сборник, 1876: 483).

Несколько слов об авторе: Александр Павлович Хорошхин родился в семье дворян Уральского казачьего войска. Первые годы своего детства он провел на Нижнеуральской линии, где выучил киргизский и калмыцкий языки. Воспитывался в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. В 1859 г. он вышел из корпуса в чине хорунжего в Уральское казачье войско, где до 1865 г. служил в 1-м полку. По возвращении на родину в чине есаула отправился на службу в Туркестанский край. Занимал различные должности по военно-народному управлению, участвовал в походах: Бухарском (1868 г.), Хивинском (1873 г.), Кокандском (1875 г.). В последнем походе подполковник А.П. Хорошхин был убит в деле при крепости Махрам во время преследования отступающего неприятеля (Сборник..., 1876: к читателю). В 1876 г. в память о А.П. Хорошхине был опубликован сборник его статей (Сборник..., 1876).

Что касается второго источника – «Черкесские невольничьи повествования», то это одна из крупнейших коллекций документов по вопросам рабства (1200 документов), которая была издана в 2020 г. на основе документов Государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация). Данная коллекция охватывает разнообразные документы по вопросам рабства в Черкесии, такие как официальная российская переписка, опросы бывших рабов. Помимо этого, в работе представлен список более 2,8 тыс. пленников и рабов, с информацией о возрасте человека, национальности, обстоятельствах пленения и т.д.

Ввиду специфики нашего исследования в работе широко применялся историко-сравнительный метод, который позволил сопоставить разные аспекты рабовладельческих отношений как на Кавказе, так и в Центральной Азии. Благодаря этому методу удалось установить отчетливое соотношение между содержательными характеристиками изучаемых нарративов и реальной ситуацией, складывавшейся в Кавказском и Центрально-Азиатском регионах в XIX веке.

3. Обсуждение

Тема данного исследования неоднократно находила освещение в историографии. Так, вопросами рабства на Кавказе в дореволюционный и советский периоды занимались Ф.А. Щербина (Щербина, 1910–1913), М.В. Покровский (Покровский, 1989). В современный период к теме обращались А.А. Черкасов (Cherkasov et al., 2017), Е. Иноземцева (Inozemtseva, 2010), М. Yaşar (Yaşar, Oh, 2018), М. Шмигель (Šmigel, 2020).

В свою очередь вопросы рабства в Центральной Азии рассматривались в трудах М.А. Терентьева (Терентьев, 1903), Н.А. Халфина (Халфин, 1974), J. Eden (Eden, 2017), И.А. Ермачкова (Ermachkov et al., 2021), Н.Н. Серегина (Seregin, Parshikova, 2014), Б.А. Булгаровой (Bulgarova et al., 2020).

Предпринимались даже попытки сравнить рабство на Кавказе и в Центральной Азии в разные исторические периоды. Так, например, С.В. Зинковский рассматривал черкесское и азиатское рабство на материалах дела о возвращении 80 русских пленников из Бухары в 1839 г. и 15 русских пленников с турецкого работоргового судна, отошедшего из Черкесии в 1810 г. (Zinkovskii et al., 2021).

Помимо этого, и сборник документов «Черкесские невольничьи повествования» уже неоднократно становился источниковой базой для других исследований. Здесь можно перечислить следующие работы: А.Ю. Перетяtko (Peretyatko, 2021; Peretyatko, 2021a; Peretyatko, 2021b), С.Л. Дударев (Dudarev, 2021), В.П. Трут (Trut, 2021), Т.А. Магсумов (Magsumov et al., 2021).

4. Результаты

Данная работа разделена на несколько частей с учетом имеющихся материалов в статье А.П. Хорошхина. Первое, на что хотелось бы обратить внимание, – это численность рабов.

Захват рабов и цены на них

Согласно данным А.П. Хорошхина, «рабы доставлялись в Хиву туркменами – также через Мерв, а иомудами и чаудорами – через Гюрген. Впрочем, хивинские торговцы рабами и сами приезжали в Мерв или кочевья туркмен, где и приобретали себе невольников. Главными рынками служили обыкновенно все большие базары в городах: Хиве, Куня-Ургенче, Кунграде, Чимбае, Ходжейли, Ханке и других, а на правом берегу Аму-Дарьи в Шура-хана и Ша-Аббас-Вали, куда туркмены пригоняли рабов, по их выражению, как баранов. Случалось, что в один базар пригоняли за раз по 200 и более рабов. Продажа при этом шла как в одиночку, так и партиями. За несколько дней до прихода нашего на правый берег Аму-Дарьи, туркмены привели в Хиву до 300 рабов» (Сборник, 1876: 484).

В Черкесии пленники захватывались в ходе набегов на русскую территорию, а также в результате вражды между черкесскими племенами (Cherkasov, 2020: 1417-1430). В своем большинстве торговля людьми велась в индивидуальном порядке, как правило, сразу после захвата пленников. Однако, как и в Центральной Азии, в Черкесии были и невольничьи рынки, которые находились на черкесском побережье Черного моря и где велась активная работоторговля (Cherkasov, 2020: 1421; Cherkasov et al., 2017). Набеги на русскую территорию происходили вплоть до окончания Кавказской войны в 1864 г. (Cherkasov et al., 2017a: 80-81).

А.П. Хорошхин, свидетельствуя о ценах на рабов, отмечал, что «по словам Мат-Мурада, цены на рабов стояли неровные, что зависело от спроса и от наплыва невольников из Туркмении. Независимо от того, цены зависели также от возраста и пола, а еще более – от физических качеств раба или рабыни. Вообще же крепкий, здоровый мужчина, без физических недостатков, не шел дороже 100 тиллей (малых); молодая женщина, а еще более – девушка продавалась дороже 300 тиллей (малых). Дорого, также почти в той же цене, как и девушки, продавались мальчики до 15 лет, и у Мат-Мурада был мальчик, стоивший более 250 тиллей» (Сборник, 1876: 484-485). При этом в другой своей работе – «Очерки Коканда» – А.П. Хорошхин представил информацию об эквиваленте тиллей на российские рубли. Так, в 1860-х гг. кокандская тилля стоила от 3,8 до 4 руб., а бухарская тилля – от 4 до 4,5 руб. (Сборник, 1876: 43).

На Кавказе цены на рабов также очень сильно зависели от спроса. Русская администрация выкупала своих пленников по цене от 68 до 459 руб. за человека. Дети стоили значительно дороже – от 500 руб. Максимальная цена за русского пленника в 1833 г. составила 1774 руб., за эти средства была выкуплена девушка, похищенная из казачьей станицы на русской стороне. Для сопоставления этих денег можно отметить, что годовое жалованье русского офицера в это время составляло 300 руб. (Cherkasov, 2020: 1427-1428). Таким образом, цены на рабов как на Кавказе, так и в Центральной Азии были сопоставимы. Мужчины стоили до 450 руб., а дети – от 500 и выше.

Сроки пребывания в плену и отпуск на свободу

Как на Кавказе, так и в Центральной Азии люди порой находились в рабстве по 50 и более лет. А.П. Хорошхин отмечал, что, «по словам рабов, между ними есть такие, которые находятся в неволе уже более 50 лет (так, например, Дмитрий Матвеевич Постнов, уроженец Нижегородской губернии села Черноречье. Он уже 55 живет в Хиве. Взят он был в плен туркменами 15 лет от роду), и все это время они не могли получить свободу, несмотря на все свои усилия. Рабы отпущались на свободу или в награду за долговременную и верную службу, или по выкупу (от 50 до 300 тиллей). Освобожденные рабы носят название азат, а рабы, освобожденные ханом, – ханазат. В доказательство, как в Хиве относятся к рабам, скажем, что также называются и лошади с ханской конюшни, когда они поступают в частные руки. Ханазаты, сравнительно с азатами, всегда бывают обставлены лучше; многие из них остаются служить и даже до настоящего времени служат хану. Так, например, при ханском саде (намазга), в котором собирается совет, служат несколько человек ханазатов» (Сборник, 1876: 485).

На Кавказе фиксировались аналогичные случаи, когда человек пребывал в рабстве по 50 и более лет. Так, в 1837 г. на русскую сторону перебежал 73-летний черкес Асланж Джамбулат, который 55 лет назад был захвачен в плен и продан черкесами в рабство. Будучи в неволе, он много раз перепродавался, пока в конечном итоге не бежал к русским. Этот человек скончался спустя неделю на русской стороне. Скончался на свободе (Cherkasov, 2020: 1424). Случалось, что пленникам давали свободу только тогда, когда они достигали возраста 70–80 лет, то есть после того, как их использование в труде становилось невозможным (Cherkasov, 2020: 1428). Кстати, и на Кавказе (Абхазия и Черкесия) освобожденный раб также назывался азатом (Cherkasov et al., 2016a: 57).

Что касается применения бывших рабов в Центральной Азии, то А.П. Хорошхин писал: «Большей частью освобожденные рабы нанимаются на полевые работы к частным лицам; платят им за это от 10 до 30 и более тиллей в год. Почти все освобожденные рабы очень бедны» (Сборник..., 1876: 485).

Возвращение рабов на родину как на Кавказе, так и в Центральной Азии всегда было затруднительно, потому что выкуп был дорог, а пытавшиеся бежать рисковали попасть снова в руки к черкесам или туркменам, что и случалось неоднократно. Впрочем, бывали и такие, которые свободно проходили с караванами всю туркменскую степь через Мерв, до самых границ Персии или через горы на русскую сторону.

Численность рабов

А.П. Хорошхин писал в своем труде: «Мат-Мурад диван-беги, который являлся ближайшим советником хана, после продолжительного разговора с ним, отозвался, что он вовсе не знает и не может даже определить приблизительную цифру рабов-персиян, хотя и говорил сначала, что полагает их от 2 тыс. до 4 тыс. человек. Тогда ему указано было, что туркмены в 1863 г. взяли в плен под Мервом 40 тыс. персиян. Если считать, что туркмены оставили у себя из этого числа 5 тыс. рабов, выкупилось или бежало 5 тыс., убито и умерло 5 тыс., продано в Бухару 5 тыс., то и тогда останется на долю Хивы 10 тыс. рабов только из числа плененных в 1863 г., не считая доставок рабов в

предшествующие годы. Тогда Мат-Мурад ответил: «Да, у нас очень много рабов; но мы их не считали, и я даже не знаю, сколько их было у меня». По сведениям же полученным от горожан-персов, у Мат-Мурада было до 150 рабов. Мат-Мурад отозвался также незнанием на вопрос о числе рабов хана» (Сборник, 1876: 483-484). Далее Александр Павлович продолжал: «Не считая вполне верными цифры, полученные мною от персиян-рабов, я все-таки полагаю, что они достаточно верны. Как бы то ни было, придется на первое время, до получения точных статистических данных, удовольствоваться этими цифрами, так как ханское правительство, по-видимому, категорически отказалось дать о персиянах какие бы то ни было сведения. Хан в одном из заседаний дивана, между прочим, также заявил, что цифры дугма – персиян-рабов он не знает и их никто не считал, а каждый рабовладелец был полным и бесконтрольным владельцем своих рабов» (Сборник, 1876: 484).

Интересно, что и на Кавказе считать население, включая рабов, было делом бесперспективным. Именно поэтому в начале XIX века при определении численности населения использовались весьма приблизительные цифры, как правило, в угоду конкретной ситуации. Так, при желании показать значимость того или иного князя цифру подвластных увеличивали, а при учете лиц, подлежащих к освобождению от зависимости, эту цифру сильно преуменьшали (Cherkasov, 2020: 1417).

О числе рабов в 1860-х гг. только в Бухарском ханстве есть у А.П. Хорошхина следующие сведения: «По рассказам освобожденных невольников, находящихся при туркестанском и оренбургском отрядах, число душ дугма (зависимые люди) обою пола в 140 городах и деревнях ханства доходит до 36806 человек. Из них собственно рабов – 29291; освобожденных рабов (азат и ханазат) – 6515 человек. Эти рабы, освобожденные на волю нынешним ханом и его предшественниками, владеют 2634 танами пашен и 3 танами садов» (Сборник, 1876: 486).

В это же время в Закубанском крае после окончания Кавказской войны и освобождения из рабства невольников бывшая зависимая часть общества составляла 17 630 человек, или около 23 % от общей численности населения (Cherkasov et al., 2016: 385).

О жизни зависимых в Центральной Азии есть следующие сведения: «на каждого освобожденного раба приходится немного более 1/3 танапа земли для пропитания; рабы же (дугма) вовсе ничем не обеспечены. Этим, между прочим, объясняется та распущенность, в которой обвиняют их некоторые, и повторявшиеся в последнее время случаи воровства. Впрочем, несмотря на изданный ханом, по предложению командующего войсками, манифест об освобождении рабов, не все рабовладельцы отпустили на волю своих невольников. Некоторые, как утверждают, засадили своих рабов в цепи. Так, например, говорят, что в г. Ханке находятся в цепях 2500 рабов, в Сарголи – 100 рабов, в Ак-мечети – 25, в Тегене – 45 рабов. На день их, будто бы, выводят на работу, а на ночь оковывают цепью и запирают в саклях, из опасения, чтобы они не бежали к русским. Этому можно поверить, зная, как бесчеловечны хивинцы, в большинстве случаев обходились со своими рабами, считая их наравне с рабочим скотом. Забитые и подавленные нравственно, некоторые дугме, виденные мною, действительно более походили на рабочий скот, и только наружность их, правда весьма жалкая, напоминали человека» (Сборник, 1876: 486-487).

Аналогичной была судьба пленников и в Черкесии. Семьи рабов часто распродавались, что, кстати, было запрещено адатами. Рабы подвергались избиениям за малейшие провинности, претерпевали голод и холод, продавались на работы на рудники в Османской империи (Cherkasov, 2020: 1414-1430). Таким образом, отношение к рабам как на Кавказе, так и в Центральной Азии было одинаково бесчеловечным.

5. Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что рабство на Кавказе и в Центральной Азии в XIX веке во многом было похожим. С одной стороны, причиной этому была сравнительно небольшая дистанция между этими рабовладельческими центрами. А с другой – кавказская и центральноазиатская работорговля была одинаково прибыльным делом, сравниться с которым по эффективности не могло никакое производство. Это и предопределило главные занятия большей части населения Кавказского и Центрально-Азиатского регионов – рабозахват, работорговля и рабовладение.

Литература

Покровский, 1989 – Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Краснодар, 1989.

Сборник..., 1876 – Сборник статей А.П. Хорошхина, касающихся до Туркестанского края. С. 483-487.

Терентьев, 1903 – Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В 2 т. СПб., 1903.

Халфин, 1974 – Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974.

Щербина, 1910–1913 – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Екатеринбург, 1910–1913.

Bulgarova et al., 2020 – Bulgarova B.A., Barabash V.V., Muzykant V.L., Kasymaliev K.E. The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3: 1093-1100.

- [Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. 40(2): 382-391.
- [Cherkasov et al., 2016a](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Shmigel M., Molchanova V.S. Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 53-66.
- [Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2017). The List Of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the early 19th Century // *ANNALES. Ser. hist. sociol.* 27(4): 854-864.
- [Cherkasov et al., 2017a](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research // *Bylye Gody*. 2017. 43(1): 68–85.
- [Cherkasov, 2020](#) – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415-2266.
- [Dudarev, 2021](#) – Dudarev S.L. On the Place and Status of Armenian Traders in the Cherkassky Zakubanye and Their Role in Russian-Mountain Relations in the late XVIII – first half of the XIX centuries (according to Documents from the State Archives of the Krasnodar Krai) // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1): 14-25.
- [Eden, 2017](#) – Eden J. Beyond the bazaars: Geographies of the slave trade in central Asia // *Modern Asian Studies*. 2017. 51(4): 919-955.
- [Ermachkov et al., 2021](#) – Ermachkov I.A., Vidishcheva E.V., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1171-1180.
- [Inozemtseva, 2010](#) – Inozemtseva E. On the social and legal status of slaves in the North Caucasus // *Iran and the Caucasus*. 2010. 14(1): 19-26.
- [Magsumov et al., 2021](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Korolev A.A., Krasnenkova E.V. The nogai exodus from circassia (1793-1839) based on the materials of "the circassian slave narratives" // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 97-109.
- [Peretyatko, 2021](#) – Peretyatko A.Y. Slavery as an Element of the Culture of Crossborder Dialogue in the Caucasus on the Cusp of the Eighteenth and Nineteenth Centuries (based on the Circassian Slave Narratives by A. A. Cherkasov) // *Terra Sebus*. 2021. 13: 207-229.
- [Peretyatko, 2021a](#) – Peretyatko A.Yu. Novye tendentsii v organizatsii istoricheskikh issledovaniy na Yuge Rossii: deyatelnost' A. A. Cherkasova po izucheniyu rabstva [New trends in the organization of historical research in the South of Russia: A. A. Cherkasov's activities in the study of slavery] // *Voprosy istorii*. 2021. 6(1): 274-287. [in Russian]
- [Peretyatko, 2021b](#) – Peretyatko A.Y. The Experience of Employing the Slave Narrative Genre in Describing the History of the Caucasus // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Istoriya*. 2021. 66(1): 302-313.
- [Seregin, Parshikova, 2014](#) – Seregin N.N., Parshikova T.S. Slavery in the society of early medieval Turks of Central Asia (based on written and archaeological materials) // *Terra Sebus*. 2014. 6: 223-229.
- [Šmigel', 2020](#) – Šmigel' M. Metamorphoses of the Circassian Slave Trade (13th–19th centuries): Aspects of Women as the "Live Goods" // *Slavery: Theory and Practice*. 2020. 5(1): 19-36.
- [Trut, 2021](#) – Trut V.P. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). Compiler and author of the introductory article A.A. Cherkasov. *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1: 1415-2266 (A Special Issue) // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1): 58-65.
- [Yaşar, Oh, 2018](#) – Yaşar M., Oh C.J. The Ottoman Empire and the Crimean Khanate in the North Caucasus: A Case Study of Ottoman-Crimean Relations in the Mid-Sixteenth Century // *Turkish Historical Review*. 2018. 9(1): 86-103.
- [Zinkovskii et al., 2021](#) – Zinkovskii S.B., Malakhova V.Yu., Denisov I.S., Makarov Y.N. Circassian and central Asian slavery: The general and special (on the example of cases of the return of Russian prisoners) // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 689-698.

References

- [Bulgarova et al., 2020](#) – Bulgarova, B.A., Barabash, V.V., Muzykant, V.L., Kasymalieva, K.E. (2020). The Trade Communication in the Kyrgyz Steppe (first half of the XIX century): Some Characteristic Features. *Bylye Gody*. 57(3): 1093-1100.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 40(2): 382-391.
- [Cherkasov et al., 2016a](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Shmigel, M., Molchanova, V.S. (2016). Demographic characteristics of the Aristocratic Abkhazia in 1800–1860 years. *Bylye Gody*. 39(1): 53-66.
- [Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The List Of Captives from the Turkish Vessel Belifte as a Source of Information on the Slave Trade in the North-Western Caucasus in the early 19th Century. *ANNALES. Ser. hist. sociol.* 27(4): 854-864.

- [Cherkasov et al., 2017a](#) – Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2017). The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research. *Bylye Gody*. 43(1): 68–85.
- [Cherkasov, 2020](#) – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.
- [Dudarev, 2021](#) – Dudarev, S.L. (2021). On the Place and Status of Armenian Traders in the Cherkassky Zakubanye and Their Role in Russian-Mountain Relations in the late XVIII – first half of the XIX centuries (according to Documents from the State Archives of the Krasnodar Krai). *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 14-25.
- [Eden, 2017](#) – Eden, J. (2017). Beyond the bazaars: Geographies of the slave trade in central Asia. *Modern Asian Studies*. 51(4): 919-955.
- [Ermachkov et al., 2021](#) – Ermachkov, I.A., Vidishcheva, E.V., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021), The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(3): 1171-1180.
- [Inozemtseva, 2010](#) – Inozemtseva, E. (2010). On the social and legal status of slaves in the North Caucasus. *Iran and the Caucasus*. 14(1): 19-26.
- [Khalfin, 1974](#) – Khalfin, N.A. (1974). Rossiya i khanstva Srednei Azii (pervaya polovina XIX v.) [Russia and the Khanates of Central Asia (the first half of the 19th century)]. M. [in Russian]
- [Magsumov et al., 2021](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Korolev, A.A., Krasnenkova, E.V. (2021). The nogai exodus from circassia (1793-1839) based on the materials of "the circassian slave narratives". *Bylye Gody*. 16(1): 97-109.
- [Peretyatko, 2021](#) – Peretyatko, A.Y. (2021). Slavery as an Element of the Culture of Crossborder Dialogue in the Caucasus on the Cusp of the Eighteenth and Nineteenth Centuries (based on the Circassian Slave Narratives by A. A. Cherkasov). *Terra Sebus*. 13: 207-229.
- [Peretyatko, 2021a](#) – Peretyatko, A.Yu. (2021). Novye tendentsii v organizatsii istoricheskikh issledovaniy na Yuge Rossii: deyatel'nost' A. A. Cherkasova po izucheniyu rabstva [New trends in the organization of historical research in the South of Russia: A. A. Cherkasov's activities in the study of slavery]. *Voprosy istorii*. 6(1): 274-287. [in Russian]
- [Peretyatko, 2021b](#) – Peretyatko, A.Y. (2021). The Experience of Employing the Slave Narrative Genre in Describing the History of the Caucasus // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Istoriya*. 66(1): 302-313.
- [Pokrovskii, 1989](#) – Pokrovskii, M.V. (1989). Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [From the history of the Circassians at the end of the 18th - the first half of the 19th century]. Krasnodar, 1989. [in Russian]
- [Sbornik..., 1876](#) – Sbornik statei A.P. Khoroshkhina, kasayushchikhsya do Turkestanskogo kraja [Collection of articles by A.P. Horoshkhin, relating to the Turkestan region]. Pp. 483-487. [in Russian]
- [Seregin, Parshikova, 2014](#) – Seregin, N.N., Parshikova, T.S. (2014). Slavery in the society of early medieval Turks of Central Asia (based on written and archaeological materials). *Terra Sebus*. 6: 223-229.
- [Shcherbina, 1910–1913](#) – Shcherbina, F.A. (1910–1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [History of the Kuban Cossack army]. V 2 t. Ekaterinodar, 1910–1913. [in Russian]
- [Šmigel', 2020](#) – Šmigel', M. (2020). Metamorphoses of the Circassian Slave Trade (13th–19th centuries): Aspects of Women as the "Live Goods". *Slavery: Theory and Practice*. 5(1): 19-36.
- [Terent'ev, 1903](#) – Terent'ev, M.A. (1903). Istoriya zavoevaniya Srednei Azii [History of the conquest of Central Asia]. V 2 t. SPb. [in Russian]
- [Trut, 2021](#) – Trut, V.P. (2021). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). Compiler and author of the introductory article A.A. Cherkasov. *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266 (A Special Issue). *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 58-65.
- [Yaşar, Oh, 2018](#) – Yaşar, M., Oh, C.J. (2018). The Ottoman Empire and the Crimean Khanate in the North Caucasus: A Case Study of Ottoman-Crimean Relations in the Mid-Sixteenth Century. *Turkish Historical Review*. 9(1): 86-103.
- [Zinkovskii et al., 2021](#) – Zinkovskii, S.B., Malakhova, V.Yu., Denisov, I.S., Makarov, Y.N. (2021). Circassian and central Asian slavery: The general and special (on the example of cases of the return of Russian prisoners). *Bylye Gody*. 16(2): 689-698.

Рабство в Центральной Азии и на Кавказе в XIX веке: общее и особенное

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Теймур Эльдарович Зульфугарзаде ^d
Михаил Борисович Колотков ^e, Сергей Борисович Зинковский ^f

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^d Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^f Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается общее и особенное рабства в Центральной Азии и на Кавказе. Уделено внимание численности рабов, природе их появления, их юридическому статусу и т.д.

В качестве материалов использованы статья А.П. Хорошхина «Рабы-персияне в Хивинском ханстве» и сборник опубликованных документов «Черкесские невольничьи повествования». Несмотря на то, что объемы данных трудов не сопоставимы, авторы сделали попытку сравнения рабства в Азии и на Кавказе.

В работе они широко применяли историко-сравнительный метод, который позволил сопоставить разные аспекты рабовладельческих отношений как на Кавказе, так и в Центральной Азии. Благодаря этому методу удалось установить отчетливое соотношение между содержательными характеристиками изучаемых нарративов и реальной ситуацией, складывающейся в кавказско-центральноазиатском пространстве в XIX веке.

В заключении авторы отмечают, что рабство на Кавказе и в Центральной Азии в XIX веке во многом было похожим. С одной стороны, причиной этому была сравнительно небольшая дистанция между этими рабовладельческими центрами. А с другой – кавказская и центральноазиатская работорговля была одинаково прибыльным делом, сравниться с которым по эффективности не могло никакое производство. Это и предопределило главные занятия большей части населения Кавказского и Центрально-Азиатского регионов – рабзахват, работорговля и рабовладение.

Ключевые слова: рабство, XIX век, Центральная Азия, Кавказ, Черкесия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1267-1272
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1267

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Journal “Zadushevnoe Slovo” as a Source on the History of the First World War

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c, Aleksandr E. Epifanov ^{d, e}, Milena S. Bratanovskya ^{f, g}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Russian Federation

^e Moscow City University, Moscow, Russian Federation

^f Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^g All-Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the publications of the children's journal “Zadushevnoe slovo” dedicated to the First World War.

The material for the work was the issues of the journal “Zadushevnoe slovo”, which specialized on older children. In total, the authors had 36 issues at their disposal, starting in November 1914 and ending in December 1916.

The main research methods used were historical-systemic, historical-genetic and the method of content analysis.

The journal “Zadushevnoe slovo” became a specialized children's publication in the Russian Empire, was published weekly since 1877 and included informative articles and notes, national and foreign children's stories, short stories and novels, poems, as well as comics.

During the First World War, the journal was also used as a platform for propaganda and charity activities. The issues of 1914 mainly contained articles on military subjects, called for patriotism. With the passage of time and the transformation of the war into a positional military theme disappears from the pages of the publication, the content becomes a “peaceful format”. Thus, in 1916 the journal was practically not used in propaganda and agitation work.

Keywords: periodical press, children's journal, “Zadushevnoe slovo”, propaganda, World War I.

1. Введение

Журнал для детей старшего возраста «Задусhevное слово» является самым популярным изданием в дореволюционной России для этой возрастной категории; издавался в Санкт-Петербурге «Товариществом Вольфа» с 1876 по 1918 гг. (Ефрон, 1894: 135).

Любая война в жизни каждого общества – это случай экстраординарный и воспринимается населением государства как особое явление: когда на карту поставлена жизнь и благополучие общества отдельно взятого государства (или группы государств). Безусловно, пропаганда воюющего государства всячески поощряет эти тенденции, подогревая интерес к событиям на фронте (см., например, Polyakova, 2016; Parkhomenko, 2018). Между тем любое событие вызывает так называемый «эффект усталости», когда жизненно важное для государства и общества в целом событие по прошествии определенного времени перестает рассматриваться как таковое.

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

На примере детского журнала «Задушевное слово» мы попробуем отследить данную метаморфозу в общественном сознании подданных Российской империи в период Первой мировой войны.

2. Материалы и методы

Материалом работы послужили номера журнала «Задушевное слово», который специализировался на детей старшего возраста. Всего в нашем распоряжении оказалось 37 номеров, начиная с ноября 1914 г. и заканчивая декабрем 1916 г.

В статье использовался комплекс исторических и общенаучных методов исследования:

- метод источникового анализа (так называемый контент-анализ или анализ литературы): применялся для изучения содержания материалов журнала «Задушевное слово»;
- историко-системный метод: использовался для комплексного анализа материалов журнала «Задушевное слово» в контексте политических, экономических и социальных событий исследуемого периода;
- историко-типологический метод: применен для выявления логической зависимости между фронтовой ситуацией и содержанием журнала «Задушевное слово».

3. Обсуждение

Работ, посвященных непосредственно исследованию содержания журнала «Задушевное слово», не так уж и много. Одной из таких является статья Н.Н. Родигиной «Журнал "Задушевное слово" как актор образовательного пространства Российской империи второй половины XIX – начала XX в.», опубликованная 2019 году в «Сибирском педагогическом журнале» (Родигина, 2019).

Также журнал «Задушевное слово» упоминается в комплексных работах, в частности в монографии Е.В. Гаймановой «Культурносфера отечественной периодики для детей и юношества 50–80-х годов XIX века» (Гайманова, 2014), изданной в 2014 г.; статье В.В. Корниловой «Детские иллюстрированные журналы Санкт-Петербурга XIX века», опубликованной в журнале «Вестник СПбГУКИ» в 2011 году и др.

По нашему мнению, тема войны в детских журналах является неотъемлемой частью государственной пропаганды. В этой связи полезными оказались работы по пропаганде, в частности, В. Липпмана (Lippmann, 1922), Г. Лассвелла (Lasswell, 1938; Lasswell, 1927), Ж. Демарсьяля (Demartial, 1931), Э. Морелли (Morelli, 2001), Д. Дьюи (Дьюи, 2000; Дьюи, 2002) и других авторов (см., напр., Mamadaliyev, 2021a; Mamadaliyev, 2020b; Mamadaliyev, 2021b).

4. Результаты

Журнал «Задушевное слово» основан С.М. Макаровой и М.О. Вольфом в 1876 году с одобрения Учительской комиссии Министерства народного просвещения. Как указано в предисловии журнала, «...циркуляром по военно-учебным заведениям разрешена предварительная подписка на «Задушевное слово»: подготовительным военным школам – для младшего возраста, а кадетским корпусам для детей I и II классов – для старшего возраста» (Задушевное слово, 1914: 1). Там же указано, что «Задушевное слово» издается в виде двух журналов: один – для младшего возраста (от 5 до 9 лет), другой – для старшего возраста (от 9 до 14 лет). Каждый журнал выходит еженедельно (52 номера в год), с премиями и приложениями. Подписная цена каждого из них: за год (с доставкой и пересылкой) – 6 руб., за полгода – 3 руб., за 3 месяца – 1 руб. 60 коп., за 2 месяца – 1 руб., за 1 месяц – 50 копеек» (Задушевное слово, 1914: 1).

В 1877 г. редактором выступал В. Лапин, а сам журнал выходил еженедельно. «Задушевное слово» включало в себя четыре раздела/отдела, которые выходили в порядковой очередности. Через год (1878) с приходом нового редактора – С. Макаровой – количество отделов уменьшилось до двух; в таком виде издание выпускалось до 1881 года.

С 1882 г. журнал выходит в виде сборника, а с 1883 – издается так называемая «Новая серия» по 52 выпуска в год, в каждом выпуске – по два отдела соответственно для детского старшего и младшего возрастов. С 1909 года выходит приложение «Задушевное воспитание» (под редакцией С. Либровича), всецело посвященное теории и практике воспитания.

Содержание «Задушевного слова» включало в себя познавательные статьи, стихотворения (как оригинальные, так и в переводе), детские повести, рассказы отечественных и зарубежных авторов, а также комиксы (в переводе с французского) и пр. Также часть материала была ориентирована на взрослую аудиторию, в частности педагогические статьи А. Пчельниковой, посвященные теории воспитательной работы с детьми.

Итак, как отмечали многие авторы, в первые дни войны в обществе наблюдается небывалый патриотический всплеск, связанный с необходимостью защищаться от напавшего на Россию агрессора.

Вот как «встречали войну» первые «военные» номера «Задушевного слова» – статьями под названием «Помощь раненым» (Помощь раненым, 1914: 1-2), «Гимназисты-санитары» (Гимназисты-санитары, 1914: 2), «Еще один гимназический лазарет» (Еще один гимназический лазарет, 1914: 2),

«Верный денщик» ([Верный денщик, 1914: 2](#)) буквально был заполнен весь номер. «Воодушевление захватывает и юношей, и подростков, и даже маленькую детвору. ...И деньгами, и личным трудом многие-многие тысячи русских детей стараются внести свою лепту в общее великое дело. ...Каждый день приносит известия о новых и новых пожертвованиях» ([Помощь раненым, 1914: 2](#)).

Безусловно, в каждой из них мы видим работу военной пропаганды, которая не всегда фальсифицирует сведения: «Бельгийский король Альберт наградил недавно орденом одного мальчика за удивительную храбрость. Мальчика зовут Лейзен, он родился в городе Льеж. Лейзен совершил целый ряд подвигов, отличился изумительным мужеством, находчивостью и сообразительностью и способствовал задержанию 11 германских шпионов. Ему же удалось выследить важные передвижения вражеской армии, о чем он вовремя предупредил бельгийцев и тем нарушил все планы врагов. Когда бельгийская армия была отрезана от Антверпена, мальчик предложил доставить в Брюссель официальное донесение, что и исполнил» ([Юный герой-бельгиец, 1914: 2](#)).

В чистом виде пропагандой следует признать и рассказ «Доброволец Петя» ([Лесной-Агафонов, 1914: 8-12](#)) некого автора И. Лесного-Агафонова, который представляет из себя незамысловатую модель агитации к добровольческому движению.

В целом содержание 2-го номера «Задушевного слова» за 1914 год в большей его части следует признать пропагандистским и/или озвучивающим военную тематику.

Следующий номер, оказавшийся в нашем распоряжении, – № 19 за 1915 год. Война уже вошла в свою затяжную/позиционную стадию. И мы видим, что военная тематика не превалирует в содержании материалов данного номера. На первой странице – статья «Час рассказа» о проведении досуга американскими детьми ([Час рассказа, 1915: 1](#)). Лишь на второй странице есть маленькая заметка «Пожертвования»: «Ее Величество Государыня Императрица Александра Федоровна вновь повелеть соизволила объявить благодарность подписчикам «Задушевного слова», приславшим через Редакцию пожертвования на нужды больных и раненых воинов 31 руб. 97 коп. и в пользу сирот увечных и убитых воинов 15 руб. 60 коп., о чем Канцелярия Ее Величества уведомила Редакцию отношением от 17 февраля с.г. за № 1970» ([Пожертвования, 1915: 2](#)). Других военных заметок или статей нет.

В журнале № 9 за 1915 год и вовсе нет статей или заметок, касающихся Первой мировой войны ([Задушевное слово, 1915. № 9](#)). Аналогичная ситуация наблюдается и с другими номерами (см., в частности, [Задушевное слово, 1915. № 7](#); [Задушевное слово, 1916. № 15](#); [Задушевное слово, 1916: 19](#); [Задушевное слово, 1916. № 36](#); [Задушевное слово, 1916. № 32](#); [Задушевное слово, 1916. № 41](#) и др.). Вместе с тем содержатся военно-исторические экскурсы по жизни и деятельности монарших особ (Владимир Мономах, император Николай I Павлович и др.), известных военачальников (Ермак, Минин, Пожарский, Суворов и др.) и пр.

Иногда война прослеживается в художественных военно-исторических рассказах, в частности, это «Свидетель злого дела» о противоправном потоплении немецкими подводниками пассажирского парохода «Лузитания» ([Свидетель, 1916: 218-224](#)), «Помогите нашим пленным» ([Помогите нашим пленным, 1915](#)), «Генерал Келлерман» ([Генерал Келлерман, 1916](#)), «Добрые дела русских скаутов» ([Добрые дела русских скаутов, 1916: 411-414](#)), «Десять дней в окопах» ([Десять дней в окопах, 1916a: 559-560](#); [Десять дней в окопах, 1916b](#)), «Война и животные» ([Война и животные, 1916: 2](#)), «Гибель французского летчика» ([Гибель французского летчика, 1916: 1](#)) и др.

В целом можно отметить, что интерес к войне, явно прослеживающийся в содержании журнала периода осени 1914 г. постепенно начинает угасать и совершенно не прослеживается в материалах журнала осени–зимы 1916 года, как будто никакой войны страна не вела: содержание совершенно не отличается от такового в мирное время. Также отметим, что в определенной степени детский журнал стал неинтересен властям как платформа для пропаганды, либо этот момент явился упущением властных структур, ответственных за пропаганду и агитацию.

5. Заключение

В ходе проделанной работы мы можем сделать следующие выводы:

1. Журнал «Задушевное слово» стал специализированным детским изданием в Российской империи, еженедельно выпускался с 1877 года. Не прекращались выпуски журнала и в годы Первой мировой войны.

2. Содержание журнала включало в себя познавательные статьи, стихотворения (как оригинальные, так и в переводе), детские повести, рассказы отечественных и зарубежных авторов, а также комиксы (в переводе с французского) и пр.; часть материала была ориентирована на взрослую аудиторию.

3. В первые годы войны журнал стал площадкой для пропагандистской и благотворительной деятельности. В нем печатались заметки и рассказы, вызывающие к чувству патриотизма, обвиняющие армию противника в запрещенных способах ведения войны и пр. Также была рубрика «Пожертвования», где назывались имена благотворителей и благодарности императрицы Александры Федоровны.

4. С переходом войны в затяжную стадию интерес к военной теме стал угасать. Это прослеживается в том, что статьи на военную тематику стали печататься значительно реже, а рубрика «Пожертвования» исчезла вовсе. Вместе с тем журнал не стал площадкой для дальнейшей пропагандистской и агитационной деятельности, придерживаясь «мирного формата»; этот факт, на наш взгляд, следует признать упущением властных структур, ответственных за военную пропаганду.

Литература

- [Верный денщик, 1914](#) – Верный денщик // *Задушевное слово*. 1914. № 2. С. 2.
- [Война и животные, 1916](#) – Война и животные // *Задушевное слово*. 1916. № 31. С. 2.
- [Гайманова, 2014](#) – *Гайманова Е.В.* Культурносфера отечественной периодики для детей и юношества 50–80-х годов XIX века. М.: Аналитик, 2014.
- [Генерал Келлерман, 1916](#) – Генерал Келлерман // *Задушевное слово*. 1916. № 11. С. 17-23.
- [Гибель французского летчика, 1916](#) – Гибель французского летчика // *Задушевное слово*. 1916. № 45. С. 1.
- [Гимназисты-санитары, 1914](#) – Гимназисты-санитары // *Задушевное слово*. 1914. № 2. С. 2.
- [Десять дней в окопах, 1916a](#) – Десять дней в окопах // *Задушевное слово*. 1916. № 34. С. 559-560.
- [Десять дней в окопах, 1916b](#) – Десять дней в окопах (продолжение) // *Задушевное слово*. 1916. № 35. С. 711-712.
- [Добрые дела русских скаутов, 1916](#) – Добрые дела русских скаутов // *Задушевное слово*. 1916. № 20. С. 411-414.
- [Дьюи, 2000](#) – *Дьюи Дж.* Демократия и образование / Пер. с англ. М.: Педагогика-пресс, 2000.
- [Дьюи, 2002](#) – *Дьюи Дж.* Общество и его проблемы / Пер. с англ. И.И. Мюрберг, А.Б. Толстова, Е.Н. Косиловой. М.: Идея-Пресс, 2002.
- [Ефрон, 1894](#) – *Задушевное слово* / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 томах. СПб., 1890–1907. Том XII. СПб., 1894. С. 135.
- [Еще один гимназический лазарет, 1914](#) – Еще один гимназический лазарет // *Задушевное слово*. 1914. № 2. С. 2.
- [Задушевное слово, 1915. № 7](#) – *Задушевное слово*. 1915. № 7.
- [Задушевное слово, 1915. № 9](#) – *Задушевное слово*. 1915. № 9.
- [Задушевное слово, 1916. № 15](#) – *Задушевное слово*. 1916. № 15.
- [Задушевное слово, 1916. № 19](#) – *Задушевное слово*. 1916. № 19.
- [Задушевное слово, 1916. № 32](#) – *Задушевное слово*. 1916. № 32.
- [Задушевное слово, 1916. № 36](#) – *Задушевное слово*. 1916. № 36.
- [Задушевное слово, 1916. № 41](#) – *Задушевное слово*. 1916. № 41.
- [Корнилова, 2014](#) – *Корнилова В.В.* Детские иллюстрированные журналы Санкт-Петербурга XIX века // *Вестник СПбГУКИ*. 2011. № 4. С. 82-86.
- [Лесной-Агафонов, 1914](#) – *Лесной-Агафонов И.* Доброволец Петя // *Задушевное слово*. 1914. № 2. С. 8-12.
- [Пожертвования, 1915](#) – *Пожертвования* // *Задушевное слово*. 1915. № 19. С. 2.
- [Помогите нашим пленным, 1915](#) – Помогите нашим пленным // *Задушевное слово*. 1915. № 5. С. 14.
- [Помощь раненым, 1914](#) – Помощь раненым // *Задушевное слово*. 1914. № 2. С. 1-2.
- [Родигина, 2019](#) – *Родигина Н.Н.* Журнал «Задушевное слово» как актор образовательного пространства Российской империи второй половины XIX – начала XX в. // *Сибирский педагогический журнал*. 2019. № 2. С. 73-83.
- [Свидетель злого дела, 1916](#) – Свидетель злого дела // *Задушевное слово*. № 12. 17 января 1916 года. СПб., 1916.
- [Свидетель, 1916](#) – Свидетель злого дела // *Задушевное слово*. 1916. № 10. С. 218-224.
- [Час рассказа, 1915](#) – Час рассказа // *Задушевное слово*. 1915. № 19. С. 1.
- [Юный герой-бельгиец, 1914](#) – Юный герой-бельгиец // *Задушевное слово*. 1914. № 2. С. 2.
- [Demartial, 1931](#) – *Demartial G.* Le mythe de la guerre de légitime défense. Rivière, 1931, 164 p.
- [Lasswell, 1927](#) – *Lasswell H.D.* Propaganda Technique in the World War. New York, 1927.
- [Lasswell, 1938](#) – *Lasswell H.D.* Propaganda Technique in the World War. New York, 1938. Ch. 4: Satanism. Pp. 71-100.
- [Lippmann, 1922](#) – *Lippmann W.* Public Opinion. New York, 1922.
- [Mamadaliyev, 2020b](#) – *Mamadaliyev A.M.* Military Propaganda around the 2020 Nagorno-Karabakh War: Official Materials of Armenia and Azerbaijan Defense Ministries (as illustrated by the first day of the conflict – September 27, 2020) // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2020. 7(2): 29-40.
- [Mamadaliyev, 2021a](#) – *Mamadaliyev A.M.* Military Propaganda at the First Stage of the 2020 Nagorno-Karabakh War (September 27 – October 11): Official Materials of Armenia and Azerbaijan Defense Ministries // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2021. 8(1): 42-51.

[Mamadaliev, 2021b](#) – Mamadaliev A.M. Military Propaganda at the Second Stage of the 2020 Nagorno-Karabakh War (October 12 – November 10): Official Materials of Armenia and Azerbaijan Defense Ministries // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2021. 8(2): 99-114.

[Morelli, 2001](#) – Morelli A. Principes élémentaires de provande de guerre. Br., 2001.

[Parkhomenko, 2018](#) – Parkhomenko V.A. “The Image of the Enemy” in the Russian Empire during the Great War // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2018. 5(2): 49-54.

[Polyakova, 2016](#) – Polyakova L.G. Caricature as a type of propaganda during World War I (as illustrated by materials published in the Ogoniok magazine) // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2016. 5(1): 12-29.

References

[Chas rasskaza, 1915](#) – Chas rasskaza [The hour of the story]. *Zadushevnoe slovo*. 1915. 19: 1. [in Russian]

[Demartial, 1931](#) – Demartial, G. (1931). Le mythe de la guerre de légitime défense [The myth of the war of self-defense]. Rivière, 164 p. [in French]

[Desyat' dnei v okopakh, 1916a](#) – Desyat' dnei v okopakh [Ten days in the trenches]. *Zadushevnoe slovo*. 1916. 34: 559-560. [in Russian]

[Desyat' dnei v okopakh, 1916b](#) – Desyat' dnei v okopakh (prodolzhenie) [Ten days in the trenches (continued)]. *Zadushevnoe slovo*. 1916. 35: 711-712. [in Russian]

[Dobrye dela russkikh skautov, 1916](#) – Dobrye dela russkikh skautov [Good deeds of Russian scouts]. *Zadushevnoe slovo*. 1916. 20: 411-414. [in Russian]

[D'yu, 2000](#) – D'yu, Dzh. (2000). Demokratiya i obrazovanie [Democracy and Education]. Per. s angl. M.: Pedagogika-press. [in Russian]

[D'yu, 2002](#) – D'yu, Dzh. (2002). Obshchestvo i ego problemy [Society and its problems]. Per. s angl. I.I. Myurberg, A.B. Tolstova, E.N. Kosilovoi. M.: Ideya-Press. [in Russian]

[Efron, 1894](#) – *Zadushevnoe slovo* [Intimate word]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. V 86 tomakh. SPb., 1890–1907. Tom XII. SPb., 1894. P. 135. [in Russian]

[Eshche odin gimnazicheskii lazaret, 1914](#) – Eshche odin gimnazicheskii lazaret [One more gymnasium infirmary]. *Zadushevnoe slovo*. 1914. 2: 2. [in Russian]

[Gaimanova, 2014](#) – Gaimanova, E.V. (2014). Kul'turosfera otechestvennoi periodiki dlya detei i yunoshstva 50–80-kh godov XIX veka [The cultural sphere of domestic periodicals for children and youth in the 50-80s of the XIX century]. M.: Analitik. [in Russian]

[General Kellerman, 1916](#) – General Kellerman [General Kellerman]. *Zadushevnoe slovo*. 1916. 11: 17-23. [in Russian]

[Gibel' frantsuzskogo letchika, 1916](#) – Gibel' frantsuzskogo letchika [The death of a French pilot]. *Zadushevnoe slovo*. 45: 1. [in Russian]

[Gimnazisty-sanitary, 1914](#) – Gimnazisty-sanitary [Gymnasium orderlies]. *Zadushevnoe slovo*. 1914. 2: 2. [in Russian]

[Kornilova, 2014](#) – Kornilova, V.V. (2014). Detskie illyustrirovannye zhurnaly Sankt-Peterburga XIX veka [Children's illustrated magazines of St. Petersburg of the XIX century]. *Vestnik SPbGUKI*. 4: 82-86. [in Russian]

[Lasswell, 1927](#) – Lasswell, H.D. (1927). Propaganda Technique in the World War. New York.

[Lasswell, 1938](#) – Lasswell, H.D. (1938). Propaganda Technique in the World War. New York. Ch. 4: Satanism. Pp. 71-100.

[Lesnoi-Agafonov, 1914](#) – Lesnoi-Agafonov, I. (1914). Dobrovolets Petya [Volunteer Petya]. *Zadushevnoe slovo*. 2: 8-12. [in Russian]

[Lippmann, 1922](#) – Lippmann, W. (1922). Public Opinion. New York.

[Mamadaliev, 2020b](#) – Mamadaliev, A.M. Military Propaganda around the 2020 Nagorno-Karabakh War: Official Materials of Armenia and Azerbaijan Defense Ministries (as illustrated by the first day of the conflict – September 27, 2020). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 7(2): 29-40.

[Mamadaliev, 2021a](#) – Mamadaliev, A.M. (2021). Military Propaganda at the First Stage of the 2020 Nagorno-Karabakh War (September 27 – October 11): Official Materials of Armenia and Azerbaijan Defense Ministries. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 8(1): 42-51.

[Mamadaliev, 2021b](#) – Mamadaliev, A.M. (2021). Military Propaganda at the Second Stage of the 2020 Nagorno-Karabakh War (October 12 – November 10): Official Materials of Armenia and Azerbaijan Defense Ministries. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 8(2): 99-114.

[Morelli, 2001](#) – Morelli, A. (2001). Principes élémentaires de provande de guerre. Br.

[Parkhomenko, 2018](#) – Parkhomenko, V.A. (2018). “The Image of the Enemy” in the Russian Empire during the Great War. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(2): 49-54.

[Polyakova, 2016](#) – Polyakova, L.G. (2016). Caricature as a type of propaganda during World War I (as illustrated by materials published in the Ogoniok magazine). *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 5(1): 12-29.

- [Pomogite nashim plennym, 1915](#) – Pomogite nashim plennym [Help our prisoners]. *Zadushevnoe slovo*. 5: 14. [in Russian]
- [Pomoshch' ranenym, 1914](#) – Pomoshch' ranenym [Assistance to the wounded]. *Zadushevnoe slovo*. 1914. 2: 1-2. [in Russian]
- [Pozhertvovaniya, 1915](#) – Pozhertvovaniya [Donations]. *Zadushevnoe slovo*. 1915. 19: 2. [in Russian]
- [Rodigina, 2019](#) – Rodigina, N.N. (2019). Zhurnal «Zadushevnoe slovo» kak aktor obrazovatel'nogo prostranstva Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [The journal “Zadushevnoe slovo” as an actor in the educational space of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*. 2: 73-83. [in Russian]
- [Svidetel' zlogo dela, 1916](#) – Svidetel' zlogo dela [Witness of an evil deed]. *Zadushevnoe slovo*. 12. 17 yanvarya 1916 goda. SPb., 1916. [in Russian]
- [Svidetel', 1916](#) – Svidetel' zlogo dela [Witness of an evil deed]. *Zadushevnoe slovo*. 1916. 10: 218-224. [in Russian]
- [Vernyi denschchik, 1914](#) – Vernyi denschchik [Faithful batman]. *Zadushevnoe slovo*. 1914. 2: 2. [in Russian]
- [Voina i zhiivotnye, 1916](#) – Voina i zhiivotnye [War and Animals]. *Zadushevnoe slovo*. 1916. 31: 2. [in Russian]
- [Yunyi geroi-bel'giets, 1914](#) – Yunyi geroi-bel'giets [Young Belgian Hero]. *Zadushevnoe slovo*. 1914. 2: 2. [in Russian]
- [Zadushevnoe slovo, 1915. № 7](#) – *Zadushevnoe slovo*. 1915. № 7. [in Russian]
- [Zadushevnoe slovo, 1915. № 9](#) – *Zadushevnoe slovo*. 1915. № 9. [in Russian]
- [Zadushevnoe slovo, 1916. № 15](#) – *Zadushevnoe slovo*. 1916. № 15. [in Russian]
- [Zadushevnoe slovo, 1916. № 19](#) – *Zadushevnoe slovo*. 1916. № 19. [in Russian]
- [Zadushevnoe slovo, 1916. № 32](#) – *Zadushevnoe slovo*. 1916. № 32. [in Russian]
- [Zadushevnoe slovo, 1916. № 36](#) – *Zadushevnoe slovo*. 1916. № 36. [in Russian]
- [Zadushevnoe slovo, 1916. № 41](#) – *Zadushevnoe slovo*. 1916. № 41. [in Russian]

Журнал «Задусшевное слово» как источник по истории Первой мировой войны

Горан Райович ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c, Александр Егорович Елифанов ^{d, e}, Милена Сергеевна Братановская ^{f, g}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Академия управления МВД России, Российская Федерация

^e Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

^f Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^g Всероссийский государственный университет юстиции, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются публикации детского журнала «Задусшевное слово», посвященные Первой мировой войне.

Материалом для работы послужили номера журнала «Задусшевное слово», который специализировался на детей старшего возраста. Всего в распоряжении авторов оказалось 36 номеров, начиная с ноября 1914 г. и заканчивая декабрем 1916 г.

В качестве основных методов исследования применялись историко-системный, историко-генетический и метод контент-анализа.

Журнал «Задусшевное слово» стал специализированным детским изданием в Российской империи, выпускался еженедельно с 1877 года и включал в себя познавательные статьи и заметки, отечественные и зарубежные детские повести, рассказы и романы, стихи, а также комиксы.

В годы Первой мировой войны журнал использовался и в качестве площадки для пропагандистской и благотворительной деятельности. Номера 1914 года в основном содержали статьи военной тематики, призывали к патриотизму. С течением времени и превращением войны в позиционную военная тематика исчезает со страниц издания, контент становится «мирного формата». Таким образом, в 1916 году журнал практически не использовался в пропагандистской и агитационной работе.

Ключевые слова: периодическая печать, детский журнал, «Задусшевное слово», пропаганда, Первая мировая война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1273-1282
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1273

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Issue of the Use of Urgent Transactions in the Exchange Trading of Commodity and Stock values in the late XIX – early XX centuries

Ekaterina R. Bezmertnaya ^{a, *}, Irina A. Guseva ^a

^a Financial University under the Government of the Russia Federation, Russian Federation

Abstract

The issues of the development of the derivatives market continue to be relevant in the modern world, the discussion about the possible limits of its further development does not lose its relevance, especially in light of the assessment of the degree of influence of large-scale urgent operations on the development of crisis phenomena in the global financial market. The current regulatory and legal regulation of the derivatives market in Russia, despite the unconditional presence of positive dynamics in this process, nevertheless, still remains fragmented and fragmented, since the current legal acts mainly allow solving narrow applied tasks – preparing reports, determining the tax base, etc. Historically, the domestic stock market gravitated towards the continental system and in many respects its development was based on following the relevant norms, and for a number of reasons it took in a certain sense a “catching up” position in terms of following the trends that were characteristic of the development of the markets of Western European countries.

The purpose of this work is to study the views of contemporaries on the use of term transactions with commodity and stock values during the heyday of stock trading at the turn of the XIX-XX centuries.

As a result of the analysis, the authors come to the conclusion that urgent trading in Russia, even during the heyday of domestic exchanges, was characterized by the absence of a single set of rules for transactions. The judicial protection of fixed-term transactions was not always based on the current rules that do not contain a complete ban on fixed-term transactions, which forced trade participants to treat transactions for a certain period of time and their most unprotected variety - transactions for a difference with some caution. In this regard, urgent transactions did not receive such a wide development in Russia as in the USA and Western European countries, which already at the end of the XIX century legally recognized them as legitimate.

Keywords: exchange trading, derivatives, difference transactions, speculation, commodity exchange, risks.

1. Введение

Биржевая торговля как механизм организации процесса товарного обращения зародилась в России еще в петровские времена (первой регулярной биржей стала созданная в 1703 г. биржа в Санкт-Петербурге), однако долгое время не воспринималась торговым сообществом как эффективная альтернатива традиционным внебиржевым собраниям. Активное развитие биржевая деятельность получила в 60–70-е годы XIX века благодаря социально-экономическому подъему, вызванному реформами, проведенными в годы царствования Александра II. Однако даже на рубеже XIX–XX веков техника биржевой торговли существенно отставала от западноевропейских стандартов (Филипов, 1912: 165). В частности, ряд характеристик товаров, являющихся предметом биржевых сделок, а также сроков их совершения, трактовались правилами большинства российских бирж

* Corresponding author

E-mail addresses: E.Bezsmertnaya@fa.ru (E.R. Bezmertnaya)

слишком широко, что не позволяло в полной мере развивать торговлю так называемым «заменимым», «обезличенным» товаром, что являлось одним из базовых принципов срочных сделок. Тем не менее сделки, характеризующиеся наличием временного интервала между моментами их заключения и исполнения, были известны российским купцам и финансовым посредникам еще с XVIII века, а трансформировавшись в «сделки на разность», не предполагающие физической поставки товара, стали предметом широкой дискуссии цивилистов об их легитимности и целесообразности законодательного урегулирования.

Неоднозначное отношение специалистов к трактовке экономического содержания сделок с расчетными производными финансовыми инструментами, являющимися современными аналогами сделок на разность, придает актуальность аргументам цивилистов, исследовавших данный вопрос на рубеже XIX–XX вв. Их изучение позволит выявить истоки современных дискуссий о роли рынка деривативов в развитии системного экономического кризиса.

2. Материалы и методы

В современной литературе, посвященной исследованию вопросов сущности производных финансовых инструментов и истории развития срочных рынков, нередко можно встретить отсылку к источникам, подтверждающим применение срочных инструментов на российских биржах, функционировавших в период, предшествующий Октябрьской революции 1917 г. При этом существовавшая в то время система регулирования этих рынков не имеет однозначной оценки. И во многом трудности, связанные с воссозданием рынка деривативов в постсоветской России, поиском адекватных правовых подходов, позволяющих обеспечить защиту прав участников срочных рынков, связывают с отсутствием преемственности в применении единообразного правового режима срочных сделок на разных этапах развития рыночных отношений.

Одним из допущений, которым руководствовались авторы статьи, является тезис об опережающей роли развития торговой биржевой практики в конце XIX в. в России в отсутствие системного взгляда на правовую природу срочных сделок и единых принципов защиты прав их участников.

Материалом для статьи послужили исследования российских цивилистов, изучавших теорию и практику биржевого дела, биржевые справочники и отчеты, материалы дореволюционной периодики конца XIX – начала XX веков, в частности публикации в газетах «Биржевые ведомости», «Биржевой день». Отдельное внимание уделено изучению взглядов на природу и целесообразность применения срочных сделок в первые годы советской власти в период реализации новой экономической политики, когда они рассматривались как механизм защиты внешнеторговых сделок с отечественным сырьем и товарами от колебаний валютных курсов. В статье есть отсылки как на источники, ранее упоминавшиеся в ряде современных исследований, посвященных изучению проблем срочной торговли, так и на ранее не упоминавшиеся в специальной литературе публикации.

В основу исследования положены принципы научного исторического познания – историзм, объективность, всесторонность, а также общенаучные методы – анализ, синтез, обобщение исследуемого материала. Методология работы основана на комплексном применении сравнительного и системного анализа. Сравнительный анализ дал возможность сопоставить между собой принципы организации и функционирования рынков производных инструментов в экономически развитых странах с реалиями отечественной биржевой торговли. Системный анализ позволил соотнести результаты действий по совершенствованию подходов к организации регулирования срочных сделок с процессом становления взглядов российских исследователей на их природу как на эффективный механизм защиты от рыночных рисков.

3. Обсуждение

Вопрос о природе срочных сделок, а также их специфической разновидности – сделок на разность – уже в 80-е гг. XIX в. стал предметом оживленной дискуссии среди российских цивилистов. Взгляд европейского законодателя, изначально ориентированный на нормы древнеримского права, негативно относившегося к азартным играм (а именно такой взгляд на спекулятивные срочные сделки превалировал вплоть до конца XIX в. в большинстве европейских юрисдикций), находил свое отражение в российских законодательных актах еще во времена Петра I. Но по мере развития биржевой торговли, дальнейшей формализации ее правил в Европе начинает превалировать иной взгляд на срочную торговлю: уже в 70–80-е гг. XIX в. за срочными сделками, совершаемыми с соблюдением ряда условий, признают юридическую силу. До признания их законом срочные сделки активно проводились, «но только ни одна сторона, в случае невыполнения обязательства, не привлекается к суду. Это дело одной чести. Имена несостоятельных выставляются на бирже, куда они потом и не осмеливаются являться» (Бабст, 1873: 56). В России в это время дискуссия о природе срочных сделок только начинает разворачиваться среди специалистов и исследователей, тогда как судебная практика того времени порой расширительно трактует норму, закрепленную в 1836 г. ст. 2167 т. X Свода законов Российской империи, решительно воспрещавшую любые условия между частными лицами как на бирже, так и вне ее, но касающиеся лишь купли-продажи акций или

расписок «не за наличные деньги, а с поставкой к известному сроку по известной цене» (Победоносцев, 1880: 558). Если отдельные исследователи поддерживали точку зрения законодателя, считая справедливым квалифицировать их как «пари, которое выигрывается теми, кто лучше осведомлен насчет положения рынка и обстоятельств, способных оказать на него влияние» (Шершеневич, 1912: 225), открывающее «широкое поле для самой отчаянной и опасной биржевой игры, известной под именем ажиотажа» (Монигетти, 1896: 18), то другие – трактовали срочные сделки как особую разновидность сделок купли-продажи, требующую судебной защиты (Цитович, 1886; Васильев, 1912).

Возрождение срочной торговли в постсоветской России в начале 1990-х гг. не имело системного характера и проходило в условиях фрагментарного заполнения существующего правового вакуума. Правовые конструкции, формировавшиеся с некоторым опозданием вслед за бурно развивавшимися товарно-денежными рыночными отношениями, несли определенные риски для участников срочной торговли, что особенно явно проявилось в ходе финансового кризиса 1998 г., когда остро проявилась проблема судебной защиты требований, вытекающих из расчетных форвардных контрактов. Даже принятие важных поправок в ст. 1062 ГК РФ в 2007 г. и в 2014 г. о судебной защите срочных сделок, отделивших их от сделок игрового характера, не смогло обеспечить основу для всецелого распознавания производных финансовых инструментов и создания необходимых механизмов для их обращения. В этой связи современные исследователи особое внимание уделяли и уделяют изучению зарубежного опыта регулирования отношений в сфере срочной торговли. А учитывая, что в России до Октябрьской революции 1917 г. в той или иной мере велась торговля срочными инструментами (несмотря на то, что так же, как и в ряде других европейских юрисдикций, она осуществлялась в условиях фрагментарного регулирования и высокого риска неисполнения требований участников сделок), в новейшем периоде отечественные исследователи обращаются к изучению дореволюционного опыта регулирования срочного рынка: в частности, результаты этого анализа содержатся в работах С.И. Абрамова (Абрамов, 2008), С.Р. Амбарцумян (Амбарцумян, 2007), В.А. Белова (Белов, 1999), Г.А. Жолобовой (Жолобова, 2003), Е.В. Ивановой (Иванова, 2005), Р.С. Куракина (Куракина, 2010), Е.А. Павлодского (Павлодский, 2008).

4. Результаты

Сделки на срок (срочные сделки) на рубеже XIX–XX вв. рассматривались как явление, привнесенное в российскую товарную и фондовую торговлю из западноевропейской биржевой практики.

Ключевым свойством, отделявшим сделки на срок от противопоставляемых им наличных сделок, большинство исследователей считали особые временные рамки: под срочными понимали сделки, реализация которых отделяется от момента заключения на некоторое относительно продолжительное время (обычно – от 1 до 3 месяцев, а на некоторых зарубежных биржах – на 6 и даже 8 месяцев (Биржа. Спекуляция..., 1907: 32).

Отличительной чертой срочных сделок являлось также свойство, которое сегодня принято именовать стандартностью: «при срочных товарных сделках количество продаваемых или покупаемых ценностей не может быть представлено исключительно усмотрению контрагентов: срочные сделки можно заключать лишь в отношении определенных, так называемых договорных единиц, т.е. в твердо установленных количествах и в кратных этим количествам» (Банковая энциклопедия, 1916: 351), «сделки на поставку имеют дело с товаром индивидуальным, а срочные сделки – с товаром типичным, взаимозаменяемым» (Обзор организации бирж..., 1903: 57). При этом, если для кассовых сделок допускалась словесная форма их заключения, с использованием ясных и всем понятных выражений, как-то: «кончено», «прошу товар считать за мной» (а на фондовых биржах – еще более краткие: «даю» и «беру»), то сделки на срок с «товаром будущим», являющиеся по своей юридической конструкции договором поставки, должны быть изложены обязательно в письменной форме и совершаются главным образом, а фондовые – даже исключительно – путем маклерской записки, которая должна включать в себя все необходимые реквизиты. Отступление от правил оформления делало записку недействительной, а сделку – ничтожной.

Несмотря на не до конца определенный российским законодательством юридический статус, в торговой практике применялись достаточно разнообразные виды срочных сделок (Рисунок 1), которые сегодня вполне можно отождествить с поставочными форвардами и фьючерсами (покупка с поставкой к сроку), опционами (простая сделка с премией), расчетными форвардами и фьючерсами (сделки на разность), а также некоторыми видами экзотических опционов и форвардов (отдельные виды простых сделок и сделок с премией). Допустимы были и срочные сделки с пролонгацией, если к моменту ликвидации (т.е. исполнения сделки) ожидаемое колебание курса не происходило, но контрагенты продолжали прогнозировать его в обозримом будущем, и оба контрагента соглашались продолжать свой договор, т.е. отсрочить день ликвидации, они заключали вторичную сделку, называемую пролонгацией (Монигетти, 1896: 23), кроме того для обозначения конкретных видов пролонгационных сделок использовались термины «репорт» (для сделки на повышение) и «депорт» (для сделки на понижение) (Ежегодник журнала..., 1915: 43).

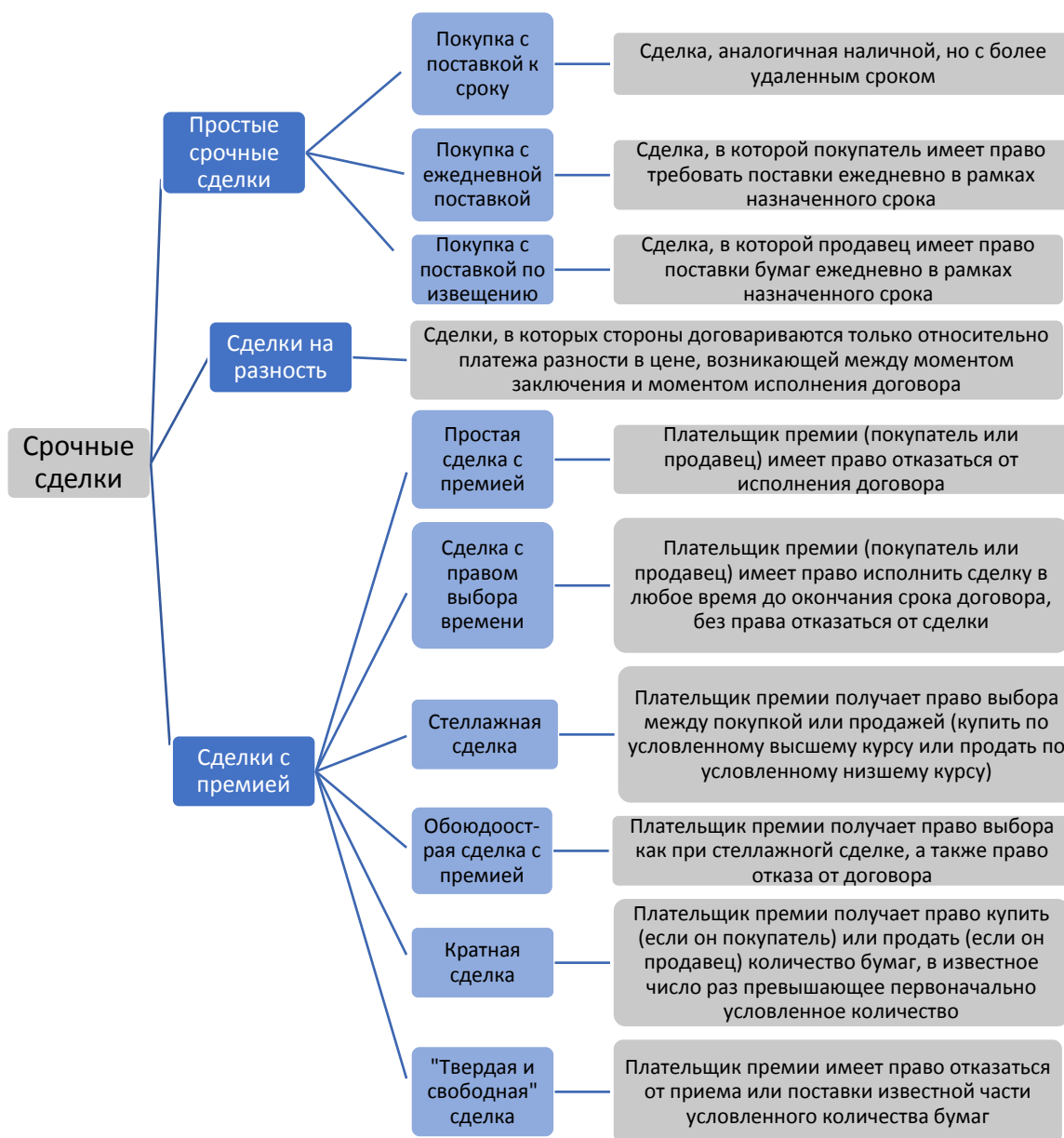

Рис. 1. Разновидности срочных сделок (сост. по: (Гуляев, 1912)

Существенное отличительное свойство сделок на разность состояло в том, что если срочная сделка заключается в действительной поставке и действительном приеме ценностей и окончание этой сделки возможно в виде выплаты разницы в цене лишь в исключительных случаях, когда выполнение сделки одной из сторон невозможно, при согласии обеих сторон, то в сделке на разность «с самого начала никто ничего не покупает и никто ничего не продает», стороны лишь только договариваются о выплате разницы, которая возникнет между ценами в момент заключения и в момент исполнения сделки (Нисселович, 1879: 21). Именно это свойство сделок на разность, дающее возможность оперировать достаточно крупными партиями базового актива при минимальных денежных тратах, которое вводило в искушение неопытных игроков и нередко приводило к катастрофическим финансовым потерям, на рубеже XIX–XX вв. было предметом актуальной дискуссии о «совместимости морали и биржевой спекуляции», где центральное место отводилось вопросу этичности сделок на разность. В ряде источников можно найти подтверждение широкому распространению взгляда на эти сделки как на азартную игру, обогащающую без затрат труда и капитала одних и повергающую в нищету других (Гольмстен, 1895: 184), как на «аномалию в торговом мире: их нельзя подвести ни под одну категорию ни в области торговли, ни тем менее в области промышленности. Это просто азартная игра – чет и нечет, да и еще соединенная зачастую с шулерскими уловками и передержками самого отвратительного свойства, – и место ее в картежном притоне, а никак не в таком солидном и серьезном учреждении, каким является современная

фондовая биржа» (Монигетти, 1896). Даже чрезмерный биржевой ажиотаж, наблюдаемый в 10-е гг. XX века, связывали, в том числе, с широким распространением бланковых сделок (т.е. сделок, не имеющих физического обеспечения): «на биржу медленно надвигается новая и ужасная, по существу, гроза от так называемых «срочных сделок». Правда, срочные сделки еще не утверждены. Но бланкисты уже мечтают об институте срочных сделок, готовясь встретить введение его страшным понижающим штурмом. Вот когда деятельности бланкистов дан будет широкий простор, срочные сделки разовьют еще сильнее «незаконнорожденное дитя биржи – бланк» (Кто виноват?, 1914). Сторонники же рыночного подхода, рассматривавшие сделки на разность лишь как особую категорию рыночных сделок, полагали, что взгляд на биржу, «мало чем отличающийся от взгляда на нехорошее место, куда порядочному человеку ходить зазорно, а честному – и думать о них совестно», был характерен для достаточно широкого круга лиц, плохо понимающих сущность биржевой торговли, на самом же деле биржа является средством, помогающим «пользоваться условиями рынка для успешного достижения цели», которая состоит «или в обогащении, или в доставлении большего удобства» (Васильев, 1912: 2). Отмечая своего рода метафизический смысл срочных сделок, «отрицающих обмен», поскольку «покупатель на срок не рассчитывает получить купленные ценности, а продавец на срок не думает отдать то, что продает», П. Лафарг указывает на ведущую роль в биржевой торговле срочных сделок, которые «увлекают за собой сделки за наличные, которые сами по себе – материальны и заключаются при помощи полновесных монет, с одной стороны, и реальных акций – с другой. Идеальные сделки ведут за собой положительные сделки» (Лафарг, 1900: 25-26).

Неоднократно подвергавшееся критике сторонников рыночных взглядов правило, установленное ст. 2167, было отменено в 1893 г., и введенная ст. 1401 т. X ч. 1 Свода законов гражданских стала предусматривать запрет «на покупку и продажу на срок золотой валюты, тратт и тому подобных ценностей, писанных на золотую валюту, совершаемых исключительно с целью получения разницы между курсом валюты, условленным сторонами, и действительными на какой-либо назначенный ими срок», а также аналогичных сделок с премиями, стеллажных, сделок с правом дотребования и кратных (Вормс, 1914: 26-27). Тем не менее установление новых запретительных мер также подвергалось критике: «воспрещение совершать сделки по покупке и продаже на срок золотой валюты, тратт и тому подобных ценностей, писанных на золотую валюту, получило, с момента перехода России к золотой валюте, совершенно неопределенный смысл» (Шершеневич, 1912: 225-226). Устранить сделки на разность и на срок «какими бы то ни было искусственными или репрессивными мерами не удалось ни одному законодательству, постепенно поэтому европейские правительства допустили и эти виды сделок, довольствуясь лишь необходимыми ограничениями, направленными на предупреждение злоупотреблений, остальное вполне правильно предоставлено было ими здравому смыслу и личному искусству заинтересованных в этом биржевых деятелей» (История С.-Петербургской биржи..., 1903: 141). Исследователи ссылались на конкретные правовые акты, принятые в западноевропейских государствах: «Во Франции сделки на срок легализованы законом 28 марта 1885 г., в Англии они всегда признавались судом легальными, несмотря на запрещения и ограничения их де-юре, в Германии и Бельгии – тоже, в Швейцарии с 29 февраля 1860 г., в Австрии с 1 апреля 1875 г., в Италии – с 13 сентября 1876 г., в Испании с 12 марта 1875 г. Теперь они запрещены только у нас, да еще разве у папуасов» (Ратьков, 1914).

Несмотря на то, что большинство исследователей в своих работах упоминали срочные сделки в большей степени применительно к фондовым ценностям, товарные сделки на срок также имели место. В частности, в сводках об итогах торговли в газете «Биржевые ведомости» нередко встречаются подобные сведения: «С пшеницей настроение в Петербурге на отчетной неделе было малодетельное. Наличного зерна в предложении не было, будущий же товар по жел. дороге на срок не позже 15 июля спрашивали не бойко и предлагали цены на 50 к. дешевле назначенных продавцами» (Биржевые ведомости, 1904). Вместе с тем неразвитая инфраструктура товарных бирж не позволяла производить срочные сделки с товарами в объемах, сопоставимых с североамериканскими и европейскими. Комиссия сенатора Кобылинского на заседании в 1905 отмечала: «Так как срочная хлебная торговля опирается на легкую мобилизацию заменяемого зерна и требует целого ряда вспомогательных организаций: ликвидационных касс, расчетных бюро и пр., то, за отсутствием у нас подобных торговых аппаратов и ввиду существующих условий нашей торговли и сельского хозяйства, являлось бы <...> преждевременным составление теперь же правил о срочной торговле и у нас», но при этом «представлялось бы безусловно нежелательным издание в настоящее время какого-либо запретительного о таких сделках закона или правительственного распоряжения» (Волков, 1905: 96). Данные о торговле товарами и фондовыми ценностями на отдельных российских биржах, приведенные в отчете А.С. Невзорова (Невзоров, 1898: 28), свидетельствуют о том, что правила совершения сделок, в том числе срочных, различались на биржах, поскольку определялись в основном местными обычаями: «общего свода или собрания торговых обычаев и общепринятых правил не имеется». В частности, автор упоминает в материалах о Санкт-Петербургской бирже: «Во время дебатов в комиссии по пересмотру законоположений о биржах 1895 г. выяснилось, что срочные сделки совершаются, хотя относительно редко», «подобные им сделки усиленно скрываются в силу ложного понимания смысла бывшего и нынешнего закона» (Невзоров, 1898: 38). На Московской

бирже «срочных фондовых сделок правила не признают. Все фондовые сделки предполагаются заключенными на наличные и немедленно», «срочные сделки допускаются лишь при продаже иностранных переводов, ассигновок горных правлений, таможенных купонов и т.п., а также золота и серебра в слитках и монет» (Невзоров, 1898: 58). Описывая товарную торговлю на Нижегородской бирже, автор отмечает: «Сделки срочные в Н.-Новгороде довольно часты. Обычно срок не превышает 6 месяцев; встречаются и более длинные сроки. Условия сделок определяются обычаями» (Невзоров, 1898: 107). На Одесской бирже «сделки на хлеб будущего урожая заключаются лишь отдельными спекулянтами и при том через «зайцев» (Невзоров, 1898: 184).

Между тем изучение зарубежного опыта срочной торговли товарами давало веские основания для того, чтобы признавать ее целесообразность. «Германская сахарная промышленность своей лидирующей роли в производстве и сбыте сахара среди других стран-производителей обязана не только производственно-техническим факторам, но и грамотной организации торговых операций, в числе которых особая роль принадлежит срочным сделкам», – отмечает В.М. Ландо (Ландо, 1913: 3). Отсутствие правил торговли еще в первой половине XIX века создавало нездоровую взаимную конкуренцию между местными производителями и позволяло в период окончания процесса производства иностранным торговцам из Англии и Голландии приобретать товар по несоразмерно низким ценам. С 60-х годов XIX в. производители сахара, в начале производственного цикла всегда испытывающие потребность в обеспечении поставок сырья для собственного производства, начали проявлять интерес к срочным сделкам, позволяющим продавать еще не существующий сахар. А благодаря расширению германского сахарного экспорта в 1870-х гг. срочная торговля настолько активизировалась, что со временем срочные сделки, при которых отношения между сторонами донельзя упрощены и все сложные биржевые операции совершаются с чрезвычайной быстротой, с соблюдением солидности и прочности сделок при распределении риска и страховке интересов обоих или всех участников сделки» в торговле, стали доминировать в торговле сахаром.

Любопытно, что срочные сделки использовались в торговле и после Октябрьской революции: они применялись главным образом в торговле товарами. «Основными видами биржевых сделок на товарных биржах являются купля-продажа (кассовые сделки) и поставка (срочные сделки). Особые правила изданы Пленумом Всероссийского Бюро Съездов Биржевой торговли для биржевых хлебных сделок. Эти сделки могут иметь предметом наличный товар или будущий товар, а также заложенный товар» (Канторович, 1925: 119). Указывая, что в частнокапиталистическом хозяйстве срочные сделки далеко не свободны от отрицательных свойств, будучи зачастую использованы не для передачи товара в натуре, а для целей наживы, исследователи тем не менее отмечали, что «совершение биржевых сделок на отсутствующий товар дает возможность избежать ненужных расходов по перемещению товаров в места торговли, что характерно именно для ярмарочного торга». При помощи срочных сделок «выравнивается соотношение спроса во времени и пространстве». «Заключая этого рода сделки, биржевики используют различие уровня цен на тех и других рынках и в разное время. Срочные сделки ослабляют риск, присущий всяким торговым операциям. Этими сделками страхуют себя и против падения, и против повышения цен. Таким путем в пределах мирового хозяйства происходит перераспределение товаров в целях доставки их туда, где на них существует более интенсивный спрос» (Биржи и рынки, 1924: 206).

Особое внимание изучению перспектив развития срочной торговли было уделено в результате введения в оборот золотого червонца. В частности, вопрос о введении котировок на червонец на срок в январе 1924 г. обсуждался Торговым представительством СССР в Великобритании в рамках мероприятий, могущих благоприятствовать внедрению червонца в мировой оборот. «Товарный кредит, приводя к необходимости оплаты той или иной суммы в иностранной валюте через некоторый период времени после дня заключения сделки, вносит в транзакцию значительный элемент риска, связанный с неустойчивостью иностранной валюты, в которой придется произвести оплату за купленный товар. Точно так же в случаях, когда наши хозорганы вынуждены продавать свои товары в кредит, как это имеет место при продаже леса и запородах разных товаров в России на условии получения причитающейся в иностранной валюте суммы через некоторый период времени после заключения сделки, возникает момент риска, так как ценность в червонцах той суммы иностранной валюты, которая в свое время поступит в оплату за товар, неизвестна» (Бердичевский, 1924: 5). Результаты анализа кассовых и срочных котировок мировых валют, задействованных в обороте отечественных товаров, давали основания полагать, что причиной расхождений в курсах являются не только величины национальных учетных ставок, но и «оценка валютным рынком возможных колебаний иностранной валюты в смысле общего улучшения или ухудшения ее в отношении национальной валюты» (Бердичевский, 1924: 24). Срочные сделки рассматривались, таким образом, как единственный способ избежать «сознательной или бессознательной игры» на валютном рынке и превратить волатильные «фунтовые или долларовые» обязательства в устойчивые «червонные».

5. Заключение

Практика срочной торговли в России на рубеже XIX–XX веков имела разрозненный характер и характеризовалась отсутствием единого свода правил совершения сделок. Несмотря на наличие в

действовавшем законодательстве весьма лаконичных формулировок, в разные периоды включавших в себя тот или иной перечень активов, в отношении которых срочные сделки были запрещены, на российских биржах с достаточной осторожностью относились к такого рода сделкам. Слабую правовую защиту срочных сделок неоднократно в своих работах отмечали многие российские цивилисты, ссылавшиеся на неоднократные случаи отказа в признании легитимности конкретных срочных сделок, прямого запрета которых при этом закон не содержал. Несмотря на очевидную целесообразность применения срочных сделок для целей защиты от рисков, подтвержденную примерами из практики стран Западной Европы, уже в 1870–1880 гг., легитимизировавших торговлю на срок, эти операции не нашли в России такого же повсеместного применения, во многом – из-за отсутствия прозрачного механизма стандартизации биржевых товаров и отсутствия необходимой рыночной инфраструктуры. Выбор же базовых активов, в тот или иной период подпадавших под законодательный запрет в отношении возможностей совершения срочных сделок, казался лишенным логики многим современникам. Определенные шансы на внедрение цивилизованного регулируемого срочного рынка появились после Октябрьской революции в начале 1920-х гг., однако они так и не были реализованы из-за постепенного отхода от принципов новой экономической политики и угасания биржевой торговли. Возрождение срочной торговли в постсоветской России в 1990-е гг. было сопряжено с проблемами, в том числе правового свойства, в силу отсутствия сколько-нибудь систематизированных правил и торговых обычаев, которые так и не были выработаны в десятилетия, предшествовавшие Октябрьской революции.

6. Благодарности

Работа выполнена по результатам научно-исследовательской работы (ВТК-ГЗ-ПИ-10-21), выполненной в рамках государственного задания Финуниверситету в 2021 г.

Литература

- Абрамов, 2008** – Абрамов С.И. Защита требований, вытекающих из срочных сделок: эволюция взглядов законодателя // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2008. № 6. С. 91-98.
- Амбарцумян, 2007** – Амбарцумян С.Р. Сделки на разницу (расчетные форвардные контракты) в дореволюционной цивилистике // *История государства и права*. 2007. № 21. С. 22-25.
- Бабст, 1873** – Бабст И.К. Наше банковское дело: Письма в ред. «Рус. вед.» Пайщика и акционера разных банков. М.: Тип. «Рус. вед.», 1873. 92 с.
- Банковая энциклопедия, 1916** – Банковая энциклопедия / Под общ. ред. проф. Л.Н. Яснопольского. Т. 1. Биржа: История и соврем. организация фондовых бирж на Западе и в России. Биржевые сделки. Биржа и война. Киев, 1916. 412 с.
- Белов, 1999** – Белов В.А. Игра и пари как институты гражданского права // *Законодательство*. 1999. № 9. С. 1-23.
- Бердичевский, 1924** – Бердичевский А. Червонец во внешней торговле. (Валютные сделки на срок.). Лондон: Изд. Представит-ва СССР в Великобритании, 1924. 94 с.
- Биржа. Спекуляция..., 1907** – Биржа. Спекуляция. Обогащение: Экон. этюд. СПб.: Банкир. контора «Захарий Жданов». 1907. 67 с.
- Биржевые ведомости, 1904** – Биржевые ведомости. Первое издание. № 313, 21 июня 1904. С. 4.
- Биржи и рынки, 1924** – Биржи и рынки: Сборник: [т. 1, 2]. М.: Изд. Бюро съездов биржевой торговли СССР, 1924. 848 с.
- Васильев, 1912** – Васильев А.А. Биржевая спекуляция: Теория и практика: С прил. правил для покупки и продажи иностр. валюты, фондов и акций на С.-Петербур. бирже, выс. утв. 27 июля 1900 г.: Положение Ком. министров об образовании на С.-Петербур. бирже фондового отд., правил Фондового отд., листа офиц. котировки и полн. перечня гос. долга России. СПб., 1912. 168 с.
- Волков, 1905** – Волков А.Ф. Биржевое право. Биржевой суд и правила биржевой торговли хлебными товарами. Т. 1. (Материалы Калашниковской хлебной биржи г. Санкт-Петербурга в связи с практикою западноевропейских бирж). СПб.: Типография Товарищ. «Общественная польза», Б. Подъячская, 1905. 264 с.
- Вормс, 1914** – Вормс А.Э. Источники торгового права за исключением морского права: Сб. извлеч. из Свода законов по Прод. 1912 г., отдел. неcodифицир. законов, междунар. конвенций, уставов, полис. условий и др. правил, утв. в порядке упр. бирж. обычаев и типичн. договоров. М.: Кн. маг. «Высш. шк.», 1914. 407 с., 1 л. табл.; 28. (с. 26-27).
- Гольмстен, 1895** – Гольмстен А.Х. Очерки по русскому торговому праву. Выпуск 1. СПб.: Тип. Д.В. Чичинадзе. 1895. 210 с.
- Гуляев, 1912** – Гуляев А.И. Торговля и торговые установления. М.: Тип. М.В. Саблина, 1912. 291 с.
- Ежегодник журнала..., 1915** – Ежегодник журнала «Банки и биржа» на 1915 год. (Год издания 6-й). Петроград: Издание И.М. Эн-Янкова. 1915, 311 с.
- Жолобова, 2003** – Жолобова Г.А. Правовое регулирование биржевой деятельности в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2003. № 1 (246). С. 233-246.

- Иванова, 2005** – *Иванова Е.В.* Расчетный форвардный контракт как срочная сделка. М.: Волтерс Клувер, 2005. 143 с.
- История Санкт-Петербургской биржи..., 1903** – История Санкт-Петербургской биржи. 1703–1903. История биржевого законодательства, устройства и деятельности учреждений Санкт-Петербургской биржи / Сост. Г. Тимофеев. СПб.: Типография СПб. Печатного и Издательского дела «Труд», 1903. 295 с.
- Канторович, 1925** – *Канторович Я.А.* Частная торговля и промышленность по действующему законодательству: Систематизированный сборник декретов, постановлений, инструкций, распоряжений и пр., с разъясн. и замечаниями. Л.: «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 1925. 280 с.
- Кто виноват?, 1914** – Кто виноват? // *Биржевой день*. 1914 г., 30 апреля. № 125. С. 2.
- Куракин, 2010** – *Куракин Р.С.* Правовое регулирование биржевого срочного рынка. М.: Волтерс Клувер, 2010. 194 с.
- Лафарг, 1900** – *Лафарг П.* Экономическая роль биржи / Пер. А.П. Ненашева. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900. 33 с.
- Монигетти, 1896** – *Монигетти В.И.* Современная биржа. М.: Типолит. О.И. Лашкевич и К°, 1896. 98 с.
- Невзоров, 1898** – *Невзоров А.С.* Русские биржи. Выпуск I. Отчет по командировке 1896 года. Юрьев: Типография К. Матисена, 1898. 410 с.
- Нисселович, 1879** – *Нисселович Л.Н.* О биржах, биржевых установлениях и мерах ограничения биржевой игры: Обзорение важн. законодательств сравнительно с рус. правом. СПб.: Типолит. А.Е. Ландау, 1879. 189 с.
- Обзор организации бирж..., 1903** – Обзор организации бирж, биржевой торговли товарами и торгово-промышленных палат в Западной Европе. СПб.: Типография В.Ф. Киришбаума, д. М-ва Финансов, на Дворц. Площ., 1903, 136 с.
- Павлодский, 2008** – *Павлодский Е.А.* Расчетный форвардный контракт подлежит судебной защите // *Журнал российского права*. 2008. № 1 (133). С. 33-41.
- Победоносцев, 1880** – *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Ч. 3. Договоры и обязательства. СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1880. 629 с.
- Ратьков, 1913** – *Ратьков А.* Большой вопрос // *Биржевой день*, 1913. 8 января. № 6. С. 2.
- Филипов, 1912** – *Филипов Ю.Д.* Биржа: Ее история, современная организация и функции. СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 202 с.
- Цитович, 1886** – *Цитович П.П.* Очерк основных понятий торгового права. Киев: Типография И.Н. Кушнерева и Ко, 1886. 284 с.
- Шершеневич, 1912** – *Шершеневич Г.Ф.* Учебник торгового права. 6-е изд. М.: Бр. Башмаковы, 1912. 328 с.

References

- Abramov, 2008** – *Abramov, S.I.* (2008). Zashchita trebovaniy, vytekayushchikh iz srochnykh sdelok: evolyutsiya vzglyadov zakonodatelya [Protection of claims arising from urgent transactions: the evolution of the views of the legislator]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 6:91-98. [in Russian]
- Ambartsumyan, 2007** – *Ambartsumyan, S.R.* (2007). Sdelki na raznitsu (raschetnye forvardnye kontrakty) v dorevolutsionnoi tsivilistike [Transactions for difference (settlement forward contracts) in pre-revolutionary civil law]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 21: 22-25. [in Russian]
- Babst, 1873** – *Babst, I.K.* (1873). Nashe bankovskoe delo: Pis'ma v red. «Rus. ved.» Paishchika i akcionera raznykh bankov [Our banking business: Letter to the editorial office of the “Russian Vedomosti” shareholder and shareholder of different banks Pajshchika i akcionera raznykh bankov]. М.: Тип. «Rus. ved.», 92 p. [in Russian]
- Bankovaya entsiklopediya, 1916** – *Bankovaya entsiklopediya* [Bank encyclopedia]. Pod obshch. red. prof. L.N. Yasnopol'skogo. Т. 1. Birzha: Istoriya i sovrem. organizatsiya fondovykh birzh na Zapade i v Rossii. Birzhevye sdelki. Birzha i voina. Kiev, 1916. 412 p. [in Russian]
- Belov, 1999** – *Belov, V.A.* (1999). Igra i pari kak instituty grazhdanskogo prava [Gambling and betting as institutions of civil law]. *Zakonodatel'stvo*. 9: 1-23. [in Russian]
- Berdichevskii, 1924** – *Berdichevskii, A.* (1924). Chervonets vo vneshnei torgovle. (Valyutnye sdelki na srok.) [Chervonets in foreign trade. (Currency transactions for a term.)]. London: Izd. Predstavit-va SSSR v Velikobritanii, 94 p. [in Russian]
- Birzha. Spekulyatsiya..., 1907** – *Birzha. Spekulyatsiya. Obogashchenie: Ekon. etyud* [The exchange. Speculation. Enrichment: An economic study]. SPb.: Bankir. kontora «Zakharii Zhdanov». 1907. 67 p. [in Russian]
- Birzhevye vedomosti, 1904** – *Birzhevye vedomosti*. Pervoe izdanie. № 313, 21 iyunya 1904. P. 4. [in Russian]
- Birzhi i rynki, 1924** – *Birzhi i rynki: Sbornik* [Exchanges and markets: collection]: [t. 1, 2]. М.: Izd. Byuro s"ezdov birzhevoi torgovli SSSR, 1924. 848 p. [in Russian]

Ezhegodnik zhurnala..., 1915 – Ezhegodnik zhurnala “Banki i birzha” na 1915 god. (God izdaniya 6-i) [The yearbook of the journal “Banki i birzha” for 1915. (Year of publication 6th). Petrograd: Izdanie I.M. En-Yankova. 1915, 311 p. [in Russian]

Filipov, 1912 – *Filipov, Yu.D.* (1912). Birzha: Ee istoriya, sovremennaya organizatsiya i funktsii [The exchange: its history, modern organization and functions]. SPb.: Tip. V.F. Kirshbauma, 202 p. [in Russian]

Gol'msten, 1895 – *Gol'msten, A.Kh.* (1895). Ocherki po russkomu torgovomu pravu [Essays on Russian commercial law]. Vypusk 1. SPb.: Tip. D.V. Chichinadze. 210 p. [in Russian]

Gulyaev, 1912 – *Gulyaev, A.I.* (1912). Torgovlya i torgovye ustanovleniya [Trade and trade regulations]. M.: Tip. M.V. Sablina, 291 p. [in Russian]

Istoriya Sankt-Peterburgskoi birzhi..., 1903 – Istoriya Sankt-Peterburgskoi birzhi. 1703–1903. Istoriya birzhevo zakonodatel'stva, ustroistva i deyatel'nosti uchrezhdenii Sankt-Peterburgskoi birzhi [The history of the St. Petersburg Stock Exchange. 1703-1903. The history of exchange legislation, the structure and activities of institutions of the St. Petersburg Stock Exchange]. Sost. G. Timofeev. SPb.: Tipografiya SPb. Pechatnogo i Izdatel'skogo dela «Trud», 1903. 295 p. [in Russian]

Ivanova, 2005 – *Ivanova, E.V.* (2005). Raschetnyi forvardnyi kontrakt kak srochnaya sdelka [Settlement forward contract as an urgent transaction]. M.: Volters Kluver, 143 p. [in Russian]

Kantorovich, 1925 – *Kantorovich, Ya.A.* (1925). Chastnaya torgovlya i promyshlennost' po deistvuyushchemu zakonodatel'stvu: Sistematizirovanniy sbornik dekretov, postanovlenii, instruktsii, rasporyazhenii i pr., s raz'yasn. i zamechaniyami [Private trade and industry under the current legislation: A systematic collection of decrees, resolutions, instructions, orders and other things, with explanations and comments]. L.: «Seyatel'» E.V. Vysotskogo, 280 p. [in Russian]

Kto vinovat?, 1914 – Kto vinovat? [Who is to blame?]. *Birzhevoi den'*. 1914 g., 30 aprelya. № 125. P. 2. [in Russian]

Kurakin, 2010 – *Kurakin, R.S.* (2010). Pravovoe regulirovanie birzhevo srochnogo rynka [Legal regulation of the exchange futures market]. M.: Volters Kluver, 194 p. [in Russian]

Lafarg, 1900 – *Lafarg, P.* (1900). Ekonomicheskaya rol' birzhi [The economic role of the exchange]. Per. A.P. Nenashva. M.: Tip. G. Lissnera i A. Geshelya, 33 p. [in Russian]

Monigetti, 1896 – *Monigetti, V.I.* (1896). Sovremennaya birzha [Modern Exchange]. M.: Tipolit. O.I. Lashkevich i K°, 98 p. [in Russian]

Nevzorov, 1898 – *Nevzorov, A.S.* (1898). Russkie birzhi. Vypusk I. Otchet po komandirovke 1896 goda [Russian exchanges. Issue I. Report on a business trip in 1896]. Yur'ev: Tipografiya K. Matisena, 410 p. [in Russian]

Nisselovich, 1879 – *Nisselovich, L.N.* (1879). O birzhakh, birzhevyykh ustanovleniyakh i merakh ogranicheniya birzhevoi igry: Obozrenie vazhn. zakonodatel'stv sravnitel'no s rus. pravom [About exchanges, exchange regulations and measures to restrict the exchange game: An overview of important legislation in comparison with Russian law]. SPb.: Tipolit. A.E. Landau, 189 p. [in Russian]

Obzor organizatsii birzh..., 1903 – Obzor organizatsii birzh, birzhevoi torgovli tovarami i torgovo-promyshlennykh palat v Zapadnoi Evrope [Overview of the organization of stock exchanges, commodity trading and chambers of commerce in Western Europe]. SPb.: Tipografiya V.F. Kirshbauma, d. M-va Finansov, na Dvorts. Ploshch., 1903, 136 p. [in Russian]

Pavlodskii, 2008 – *Pavlodskii, E.A.* (2008). Raschetnyi forvardnyi kontrakt podlezhit sudebnoi zashchite [The settlement forward contract is subject to judicial protection]. *Zhurnal rossiiskogo prava*. 1(133): 33-41. [in Russian]

Pobedonostsev, 1880 – *Pobedonostsev, K.P.* (1880). Kurs grazhdanskogo prava [Course of civil law. Part 3. Contracts and obligations]. Ch. 3. Dogovory i obyazatel'stva. SPb.: Tip. A.A. Kraevskogo, 629 p. [in Russian]

Rat'kov, 1913 – *Rat'kov, A.* (1913). Bol'noi vopros [A sore point]. *Birzhevoi den'*. 1913. 8 yanvarya. 6: 2. [in Russian]

Shershenevich, 1912 – *Shershenevich, G.F.* (1912). Uchebnik torgovogo prava [Textbook of commercial law. 6th ed.]. 6-e izd. M.: Br. Bashmakovy, 328 p. [in Russian]

Tsitovich, 1886 – *Tsitovich, P.P.* (1886). Ocherk osnovnykh ponyatii torgovogo prava [An outline of the basic concepts of commercial law]. Kiev: Tipografiya I.N. Kushnereva i Ko, 284 p. [in Russian]

Vasil'ev, 1912 – *Vasil'ev, A.A.* (1912). Birzhevaya spekulyatsiya: Teoriya i praktika: S pril. pravil dlya pokupki i prodazhi inostr. valyuty, fondov i aktsii na S.-Peterb. birzhe, vys. utv. 27 iyulya 1900 g.: Polozhenie Kom. ministrov ob obrazovanii na S.-Peterb. birzhe fondovogo otd., pravil Fondovogo otd., lista ofits. kotirovki i poln. perechnya gos. dolga Rossii [Stock speculation: Theory and Practice : With the application of the rules for the purchase and sale of foreign currency, funds and shares on the St. Petersburg Stock Exchange, highly approved on July 27, 1900: The Regulations of the Commission of Ministers on the formation of the Stock Department on the St. Petersburg Stock Exchange, the rules of the Stock Department, the official quotation sheet and the full list of the state debt of Russia]. SPb., 1912. 168 p. [in Russian]

Volkov, 1905 – *Volkov, A.F.* (1905). Birzhevoe pravo. Birzhevoi sud i pravila birzhevoi torgovli khlebnymi tovarami [Stock exchange law. The Exchange Court and the rules of the exchange trade in grain

goods]. Т. 1. (Materialy Kalashnikovskoi khlebnoi birzhi g. Sankt-Peterburga v svyazi s praktikoyu zapadnoevropeiskikh birzh). SPb.: Tipografiya Tovarishch. «Obshchestvennaya pol'za», В. Pod'yacheskaya, 1905. 264 p. [in Russian]

Vorms, 1914 – Vorms, A.E. (1914). Istochniki torgovogo prava za isklyucheniem morskogo prava: Sb. izvlech. iz Svoda zakonov po Prod. 1912 g., otdel. nekodifitsir. zakonov, mezhdunar. konventsii, ustavov, polis. uslovii i dr. pravil, utv. v poryadke upr. birzh. obychev i tipichn. dogovorov [Sources of commercial law with the exception of maritime law: Collection of extracts from the Code of Laws of 1912, Department of Uncodified laws, international conventions, charters, policy. conditions and other rules approved in the order of upr. exchange customs and typical contracts]. М.: Kn. mag. «Vyssh. shk.», 407 p., 1 l. tabl.; 28. (pp. 26-27). [in Russian]

Zholobova, 2003 – Zholobova, G.A. (2003). Pravovoe regulirovanie birzhevoi deyatel'nosti v Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv. [Legal regulation of exchange activity in the Russian Empire at the turn of the XIX-XX centuries]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. 1(246): 233-246. [in Russian]

К вопросу о применении срочных сделок в биржевой торговле товарными и фондовыми ценностями в конце XIX – начале XX веков

Екатерина Рэмовна Безсмертная^{a,*}, Ирина Алексеевна Гусева^a

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. Вопросы развития рынка производных финансовых инструментов продолжают оставаться актуальными в современном мире, дискуссия о возможных границах его дальнейшего развития не теряет своей актуальности, особенно в свете оценки степени влияния масштабных срочных операций на развитие кризисных явлений на мировом финансовом рынке. Современное нормативно-правовое регулирование рынка производных финансовых инструментов в России, несмотря на безусловное наличие положительной динамики в этом процессе, тем не менее до сих пор продолжает оставаться разрозненным и фрагментарным, поскольку действующие правовые акты в основном позволяют решать узкие прикладные задачи – подготовку отчетности, определение налоговой базы и т.д. Исторически отечественный фондовый рынок тяготел к континентальной системе и во многом его развитие опиралось на следование соответствующим нормам, и в силу ряда причин он занимал в определенном смысле «догоняющую» позицию в части следования тем тенденциям, которые были характерны для развития рынков западноевропейских стран.

Целью настоящей работы является исследование взглядов современников на вопросы применения срочных сделок с товарными и фондовыми ценностями в период расцвета биржевой торговли на рубеже XIX–XX веков.

В результате проведенного анализа авторы приходят к выводу о том, что срочная торговля в России даже в период расцвета отечественных бирж характеризовалась отсутствием единого свода правил совершения сделок. Судебная защита срочных сделок не всегда опиралась на действующие правила, не содержащие полного запрета срочных сделок, что заставляло участников торговли с определенной осторожностью относиться к сделкам на срок, и их наиболее не защищенной разновидности – сделкам на разность. В этой связи срочные сделки не получили в России столь широкого развития, как в США и странах Западной Европы, уже в конце XIX в. законодательно признавших их легитимными.

Ключевые слова: биржевая торговля, срочные сделки, сделки на разность, спекуляция, товарная биржа, риски.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: EBezsmertnaya@fa.ru (Е.Р. Безсмертная)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1283-1300
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1283

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

An Official of the Lower and Middle Levels of the Russian Empire at the end of the 19th century: Scientific and Literary Comparison

Valentyna V. Bezdrabko ^a, Sergey I. Degtyarev ^{b, c, *}

^a Kyiv National University of Culture and Arts, Kyiv, Ukraine

^b Sumy State University, Sumy, Ukraine

^c Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

The study clarifies the social features of the bureaucracy of the Russian Empire in the XIX century by the example of novels and stories by Anton Pavlovich Chekhov. At the same time, the authors conducted a comparative analysis of the image of a "Chekhov`s" official and civil servant of the lower and middle levels, constructed on the basis of research by historians of the 20th – early 21st centuries.

Actualization of A.P. Chekhov's writings as a fact of objective reality, a historical source in studying the history of bureaucracy, was the study's goal. This goal led to using historical-chronological, historical-typological, and structural-systemic research methods. The source base of the exploration is the literary heritage of the Russian writer and studies of historians of the XX – early XXI centuries. The authors made conclusions about the everyday lower rank officials, their social origin, qualitative composition, mental attitudes, the features of professional activity, the role of social ties in the official promotion, subordination within the hierarchy of officials, the value of the system of awards and insignia. The specific subculture of the class officialdom is illustrated by the images of Chekhov's literary heroes, written out by the author from his own life experience, acquaintances, and professional activities. The multifaceted nature of the storylines allows for a diverse perception of the bureaucrat image and the historically conditioned background of his life and work.

In general, historians have reconstructed a lower and middle-level official of the late 19th century, which is quite correlated with the collective literary image of an employee created by the classic of literature A.P. Chekhov.

Keywords: history of bureaucracy, rank, official, bureaucracy, Russian Empire, discriminatory policy, governance, effective institutions, judicial system A.P. Chekhov, creativity of A.P. Chekhov.

1. Введение

«Краткость – сестра таланта» – часто цитируемая и широко известная фраза может быть эпиграфом к жизни и творчеству ее автора, одного из самых ярких русских литераторов конца XIX – начала XX веков – Антона Павловича Чехова (1860–1904). За короткий жизненный и творческий отрезок времени писателю удалось создать около 500 произведений, разных по объему и жанру, но необозримо широкой проблематики – от осмысления человеком позиции «быть» до принятия и резюмирования статуса «состояться» в национально-историческом, социальном, личном и личностном измерениях жизни, в которых существуют почти восемь тысяч персонажей (Кормилов, 2013: 381). Для А.П. Чехова его герои значат много, поскольку вокруг них концентрируются диалоги автора с читателем, всесторонне отражающие созревание на фоне исторической эпохи человеческих мыслей и поступков. Поэтому признание Чехова великим мастером короткого слова вполне справедливо.

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

Малоисследованным дискурсом чеховского творчества является чиновник Российской империи. Из-за «пейзажных» зарисовок первого или второго плана вполне возможно реконструировать чиновничий портрет со всей атрибутикой современной для него России. Ряд кратких рассказов А. Чехова может составить картину авторского опыта восприятия чиновника и стать историческим источником к популярной за последние десятилетия истории имперского российского бюрократического аппарата. Речь идет о тех из них, которые явил миру литературы блестящий прозаик-миниатюрист в 1880-х – 1890-х годах.

2. Материалы и методы

При написании данной работы нами были использованы исследования ученых – историков и литературоведов. Но основным источником стали, безусловно, произведения самого Антона Павловича Чехова, опубликованные как в отдельных сборниках рассказов, так и вошедшие в широко известное 30-томное «*Полное собрание сочинений и писем*». В этих произведениях поднимались довольно острые вопросы для эпохи, в которую творил писатель. В частности, большое внимание уделялось повседневности российского чиновника – представителя огромного бюрократического механизма Российской империи.

При написании статьи нами были использованы общенаучные (универсальные) и специальные методы исследования. В частности, используя принципы историзма и объективности, мы смогли учесть жизненные реалии общества Российской империи «чеховского» периода, на фоне которых существуют собирательные образы чиновников, выписанные писателем в его художественных произведениях. Это позволило подойти к пониманию причин существования именно таких поведенческих моделей у «мелких» чиновников и оценить информационный (источниковедческий) потенциал проанализированных рассказов Чехова.

Чрезвычайно важным стало также использование принципа исторического антропологизма. Это является абсолютно логичным, так как центральным ориентиром в исследовании являются представители конкретной общности людей – чиновничества, для которых были характерны своя система ценностей, набор поведенческих моделей и т.п.

Кроме того, в работе использовались различные исследовательские методы: историко-хронологический, историко-типологический, структурно-систематический.

3. Обсуждение

Прибегнув к обзору критики творчества А. Чехова за последние сто лет, можно аргументированно утверждать, что ретроспекция раскрытия ее смыслов достаточно богата и разнообразна. Солидная когорта исследователей многогранной жизни писателя является основанием утверждать о существовании особого направления научных работ, сфокусированных на его творчестве, – чеховедения. Чеховские чтения, ежегодные традиционные тематические конференции, монографические исследования и диссертации – эти и другие известные факты подтверждают неугасающий интерес к наследию классика мировой литературы (Кожевникова, 2010; Чернобров, 1990; Чеховский интеллигент, 2013). Признавая всесторонность научного поиска исследователей биографии А. Чехова, следует указать на наличие пищи для размышлений историков, в частности ретроспективных исследований общества, государства рубежных десятилетий XIX–XX вв.

Существует также определенный массив исследований, посвященных литературному и научному наследию различных деятелей (поэтов, писателей, ученых) XIX века, служивших в государственных учреждениях Российской империи и посвятивших свои труды, в том числе чиновничеству (Молчанов, 2007; Шандра, 2007а; Шандра, 2007б; Degtyarev, 2015а; Degtyarev et al., 2018; Degtyarev et al., 2019; Degtyarev et al., 2020; Lebid et al., 2019; Lebid et al., 2020а; Lebid et al., 2020б; Lebid, Shevchenko, 2021).

Сделаем несколько историографических замечаний. Чиновничество в классической русской художественной литературе – тема достаточно заметная. История бюрократии конкретизировалась через различные сюжеты произведений А. Герцена, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, М. Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого и др. писателей. В XIX – начале XX вв. ее упорно развивали с желанием разоблачить особенности функционирования бюрократического аппарата России, заметно преувеличивая его недостатки, или же раскрыть, по мнению Б. Миронова, недостатки верховной власти, а также общества и его «маленького» человека – чиновника (Миронов, 2000: 173). Обращаясь к произведениям художественной литературы как историческим источникам (Соколов, 2004), важно соотносить их с содержанием авторитетных научных исследований, а также с теми работами, которые концентрируются на особенностях изучения фона написания (Богданов, 2011; Зайончковский, 1978; Никольский и др., 2008; Федосюк, 2012). Чиновничий образ как социальное явление занял заметное место в работах современных профессиональных историков. Много внимания было уделено как представителям бюрократического аппарата Российской империи XIX – начала XX вв. (Degtyarev, 2014), так и чиновникам медицинского ведомства (представителем которого был и сам А.П. Чехов) (Васильев, 2002; Васильев, 2005; Васильев, 2007; Чернобров, 2005; Чернобров, 2007; Bakulina et al., 2022).

4. Результаты

Выяснить статус А. Чехова в обществе чрезвычайно важно для более глубокого осмысления степени свободы автора, понимания специфики его художественного творчества и возможностей объективного считывания образа чиновника. В отличие, например, от Гоголя, ему не суждено было испытать себя непосредственно в области канцелярской службы в гражданском чине. Однако, согласно нормативно-правовым актам, которые имели силу во второй половине XIX – начале XX вв., врачи и учителя также могли находиться на службе и пользоваться соответствующими материальными благами системы поощрений, хотя не заниматься сугубо государственным управлением (Гончаров, 2011; Вязьмитинов, 2017; Смирнова, 2011; Правила об экзаменах, 1810; Зимин, 2003; Degtyarev, Polyakova, 2020; Degtyarev et al., 2022). Корпус, например, медицинских чиновников в России формировался с XVIII в. путем принятия ряда правовых актов, в частности «Генерального регламента о госпиталях» (1735 г.). В приоритете государственной опеки находились военные врачи. Поэтому статус государственного служащего для врача – решение рационально мотивированное и понятное. Сначала чины определялись Медицинской коллегией, а с 1803 г. – соответствующим отделением (департаментом) Министерства внутренних дел (Смирнова, 2011: 7-8).

Такой подход к статусу врачей сохранился и в XIX в. Согласно «Положению о классах медиков, ветеринаров и фармацевтиков и о производстве их в чины» от 5 июня 1834 года все медики имели право быть возведены в чины (Смирнова, 2011: 10). Доктора медицины и хирургии с десятилетней выслугой могли претендовать на чин надворного советника (VII класс), доктора медицины, медико-хирурги, штаб-врачи, старшие ветеринарные врачи при восьмилетней выслуге – коллежского асессора (VIII класс); аптекари, врачи медицинской службы за 3–6 лет безупречной службы рассчитывали на чин титулярного советника (IX класс); ветеринарные врачи и провизоры – коллежского секретаря (X класс); кандидаты медицины, фармации и ветеринарной науки – кабинетского регистратора (XIII класс), а ветеринарные помощники – коллежского регистратора (XIV класс) (ПСЗРИ, 1835: 397). Как и положено чиновникам, врачи, согласно рангу, имели гарантированное жалованье, социальное (в т.ч. пенсионное) обеспечение, материальное и моральное поощрение, вознаграждения, отличия вплоть до «зачисления» в дворянство. Возведение в чины зависело от выслуги, добросовестной службы и протекции «значимого лица» (по выражению Н. Гоголя). На протяжении XIX в. возможности продвижения врачей по бюрократическим, а следовательно, и социальным ступенькам постепенно ограничивались (Смирнова, 2011: 12). Со временем затруднялось получение родового или личного дворянства, что соответствовало общей тенденции усложнения процедуры получения чина и повышения класса должности.

С будущей специальностью Антон Чехов определился еще в гимназические годы (Зобнин и др., 2010: 128). Как отмечал И.М. Зимин, профессия медика во второй половине XIX в. явилась «символом посткрепостнической России, одной из первых массовых интеллигентских профессий» (Зимин, 2004: 35). Затем следовала реализация выбора – поступление на медицинский факультет Московского университета, что совпало с другими жизненными обстоятельствами, в частности переездом семьи в Москву (Зобнин и др., 2010: 127). Окончив в 1884 году университет, А. Чехов получил свидетельство о присуждении звания уездного врача, что соответствовало «учено-служебной» степени. Практическую деятельность он начал в так называемой Чикинской земской больнице г. Воскресенска Звенигородского уезда Московской губернии, хорошо известной еще со студенческих лет, где имел практики у местного врача, первого ее заведующего – Павла Арсеньевича Архангельского. Известным фактом является также то, что в начале 1880-х годов Чехов готовился получить степень доктора медицины и защитить диссертацию по истории медицины в Российской империи, тщательно изучая источники (Шевченко и др., 2010: 142; Зобнин и др., 2010: 128; Роскина, 1976: 122-124). Однако замыслу не суждено было состояться из-за хронической нехватки времени, связанной с поездкой на Дальний Восток (в том числе и на Сахалин) (Зобнин и др., 2010: 129), и состояния здоровья самого писателя.

Врачебное дело стало настоящей закалкой для А. Чехова, обогатив писательский интерес неценным профессиональным и жизненным опытом, который в конце концов вывел его к сияющим вершинам славы и признанию литературного дарования, закалив характер и мощь духа. Сам автор и почитатели его творчества – В. Хижняков (Хижняков, 1947), Е. Ашурков (Ашурков, 1960), А. Чудаков (Чудаков, 1987), И. Чернобров (Чернобров, 1990), М. Мирский (Мирский, 2003) и др. (Чехов в воспоминаниях, 2005) – указывали на профессию как на обстоятельство, оказавшее решающее влияние на определение характера его литературных героев и сюжетных линий. В краткой автобиографии А. Чехов писал: «Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как для писателя, может понять только тот, кто сам врач; они имели также и направляющее действие, и, возможно, благодаря близости к медицине, мне удалось избежать многих ошибок» (Чехов, 1979: 271-272). Твердость и непреклонность, не обремененная сомнениями уверенность в жизненном выборе иллюстрируют отношение А. Чехова к творчеству и профессии.

В одном из частных разговоров писатель признался, что на своем пути встречал многих чиновников (Чехов, 2007: 212). Это сформировало соответствующее видение, восприятие и представление их образов на бумаге, так что многочисленные связи, общение позволили писателю непосредственно наблюдать за «служивыми».

При этом у писателя отсутствует цикл произведений, специально посвященный российскому чиновнику. Однако во многих из них в большей или меньшей степени присутствуют истории бюрократов, что позволяет составить в общих чертах видение писателем реалий государственной службы и ее представителей. В некоторых лишь вскользь раскрыт портрет чиновника, в других – достаточно подробно изложены жизненные истории, что позволило развернуть колоритные нарративные полотна повседневности. Чеховский чиновник – это, прежде всего, социальный типаж, а не сугубо служащий или офисный клерк. Таким его сделал выбор Чехова, которому он оставался верен всю жизнь и благодаря чему состоялся великим писателем. Речь идет не только о врачебном деле, но и о людях, которые обращались за медицинской помощью, и их истории, штатных ситуациях, связанных с необходимостью постоянно проводить время в тарантасе, разъезжая по российской бездорожью в любую погоду, спеша на помощь нуждающимся; о широкой общественной деятельности; отношениях с родными, друзьями, коллегами; быте; природных зарисовках; повседневной жизни.

Чеховская коллекция чиновников достаточно богата и многообразна. Прежде всего, заметим, что служащий А. Чехова преимущественно не из высшего света, а представитель низших классов чиновничества пореформенной России, изображенный на фоне широкого социального контекста и неисчерпаемых культурных ассоциаций. Для мастера такой выбор означал и соответствующий язык персонажей, присущий их профессиональной деятельности, моделирование возможных вариантов развития жизненных событий, не украшенных в избранных реалиях русского общества. Поэтому акцент сделан на личном и личностном измерении чиновника, что отвечало лучшим традициям социально-психологического произведения XIX – начала XX вв. Однако чиновник, изображенный писателем, интересует нас прежде всего не в контексте литературоведческих дискурсов, а через призму повседневной бюрократии, получившей незаурядную популярность в последнее время.

Чаще всего в чеховских текстах в главных ролях выступают провинциальные гражданские чиновники XII–VIII рангов (согласно Табели о рангах): губернский секретарь (чин XII класса), коллежский секретарь (чин X класса), титулярный советник (чин IX класса), коллежский асессор (чин VIII класса). Через жизненные истории успеха и проигрыша, выступления против действительности и примирения с обстоятельностью, другие «знаки» А. Чехов раскодирует (и при этом закодирует) сложности и нюансы их службы, статус и значение. Как отмечает А. Оспанова, приоритетно во все времена изучалась высшая бюрократия, а провинциальное чиновничество, рядовой его представитель оставался на маргине профессиональных интересов (Оспанова, 2015: 501). Поэтому чеховский опыт представления низших звеньев бюрократии весьма интересен и важен для исследователей.

Правда, есть у автора рассказы, посвященные чиновникам высших ступеней власти, например тайным советникам. Эти произведения построены преимущественно так, чтобы оттенить социальное расстояние между широкими слоями населения и управленческой элитой, подчеркнуть отличие жизненных интересов, надежд и ожиданий от судьбы, повседневных хлопот и быта, привычек, предпочтений и т.п. Вот почему такие чиновники описываются «странными людьми», а их «необыкновенная способность сидеть и прирастать к столу» с утра и до поздней ночи производила глубокое впечатление на обычных обывателей. Упрощенное восприятие государственной службы, суть которой для них заключалась в том, чтобы одной рукой писать, а другой листать книгу, подчеркивает «дальные миры» бюрократа высокого чина для рядовых людей (Чехов, 2007).

Попробуем обобщенно представить образ чеховского чиновника. Совокупно это пожилой человек, посредственных интересов и способностей, выходец из низших слоев общества, возложивший многолетний труд на благо чина, руководствуясь при этом желанием изменить собственную жизнь к лучшему, с мизерным жалованьем и маловероятными перспективами роста, в конце концов старостью без блестящих служебных достижений. Итак, перед нами предстает «мужчина среднего роста», «услужливо сутулый», с лицом, «ничего не выражающим», «затылок плоский», который «где-то служит, жалованье получает щедрое, только на табак хватающее; вечно пахнет яичным мылом и карболкой, считает себя страшным волокитой, говорит громко, день и ночь удивляется», с приземленными интересами, ведь «любит больше всего на свете свой почерк, журнал «Развлечение» и сапоги со скрипом, а больше всего самого себя...» (Чехов, 2020f: 11) – так описывает А. Чехов, к примеру, коллежского регистратора Назарьева.

Писатель справедливо указывал на высокую вероятность отнюдь не завидного жизненного сценария, когда бедному чиновнику можно весь век в писцах просидеть, да так, что и «похоронить не на что», хотя и «все превзошел, депеши выдумывать может» (Чехов, 2020a: 159), чин «кровью и потом» снискал (Чехов, 2020d: 186), а «без мыла моется» (Чехов, 2020a: 159), «квартиры же обедневших дворян и чиновников узнаются по промозглому запаху какой-то кислоты» (Чехов, 1974: 259). Чрезвычайно скромное материальное обеспечение влияло на повседневную жизнь служащих и предопределяло ограниченность жизненных планов. В случае чеховских героев речь идет об

откровенной приземленности желаний, сосредоточенных на домашнем хозяйстве, изредка называемых обедах у соседей и приемах «важных» гостей, а зачастую мир развлечений ограничивался вечерним посещением трактиров, где собиралась «вообще вся «шваль» [...] пить чай и пиво» (Чехов, 1975b: 56). «От водки и от сидячей жизни», социальной неустроенности заводились у таких «самых заурядных чиновников», «картежников», «не имеющих пристрастия ни к каким идеям» (Чехов, 1977b: 149), «мелкие чувства зависти, досады, оскорбленного самолюбия, маленького, уездного человеконенавистничества» (Чехов, 1976: 244). Подобные историко-антропологические выводы в современной историографии укоренены в трудах ведущих специалистов и соответствуют характеристикам служащих XIX в. (Борисенко, 1998; Миронов, 2000; Морякова, 1993; Писарькова, 2002; Токмакова, 2008).

Низкий уровень жизни наибольшего пласта чиновников сохранился и в начале XX в., о чем ярко свидетельствуют публикации в печатном издании Общества взаимопомощи служащих государственных учреждений – «Вестник чиновника». В статьях под красноречивыми названиями вроде «Униженные и оскорбленные» описывалась нищета гражданских служащих, жалование которых составляло 25–40 рублей, при том, что «самый скромный холостяцкий угол обходится в 20 рублей». Это означало, «что чиновник, имеющий семью и детей, будет вынужден жить в долг или спасаться невыгодным кредитом» (Оспанова, 2016: 129).

Материальный статус чиновника низших классов детерминировал потребность компенсации ограниченных возможностей, что отражалось на его поведении и рождало рационально непостижимые на первый взгляд потребности подтверждения успеха. Гарантированное с 1764 года всем чиновникам денежное жалование было довольно скромным, «недостаточным для существования» и толкало тех на неблагоприятные поступки (Миронов, 2000: 165). В частности, взяточничество было довольно распространенным явлением, о чем в исторической науке и литературе упоминалось неоднократно, к тому же с ретроспекцией происхождения этого явления как исторически сложившейся традиции. Как отмечал Миронов, на протяжении всего XVIII века «сохранилась раздача чиновникам населенных государственных земель и удерживалась многовековая традиция взимать дополнительную плату» (Миронов, 2000: 162).

Взяточничество как след хронического безденежья мелких чиновников активно исследовалось Л. Писарьковой, называющей это явление неотъемлемым атрибутом жизни служащих низших рангов, акцентируя внимание на том, что основным источником их доходов все же было жалование (Писарькова, 2002: 46). О взятках как явлении в среде русской бюрократии подробно писал также Б. Миронов, акцентировав внимание на серьезных эволюционных, протяженных во времени трансформациях общества на ментальном уровне, для которого отношение к нетрудовым доходам было более чем либеральным (Миронов, 2000). Другие исследователи, обращавшиеся к этой теме, поддерживают идеи авторитетных специалистов. Мы также считаем, что взяточничество сложилось исторически и претерпело изменения формы и содержания через объективные и субъективные факторы, связанные с развитием и реформами аппарата государственного и муниципального управления.

Чеховский фигурант так же не гнушался иметь незаконные доходы. К примеру, показателен диалог чиновников разных рангов – Петра Милкина с Кириллом Кондрашкиным, в котором друг другу откровенно признавались в собственных недостатках: «Мало того, что я запоем страдаю... [...], но я наделён еще и другими пороками [...] – взятки беру...». На это Кондрашкин красноречиво заметил собеседнику: «Да кто же их не берет? Хе-хе-хе. Эка, поразил!» (Чехов, 2020c: 205-206). Несмотря на неоднократные попытки и регулярные меры правительства по преодолению взяточничества как явления в бюрократической среде, ученые придерживаются мнения об их безуспешности. Кроме стремлений самих чиновников к обеспеченной жизни, добавляются еще и социопсихологические установки рядового лица, вынужденного обращаться к чиновнику, общественные стереотипы, которым свойственно снисходительное отношение к «отдельному» вознаграждению.

Чеховский чиновник очень любит государственные награды как внешний атрибут успеха и признания (Шепелев, 1991; Degtyarev, 2015b). В его ценностной иерархии орден или медаль занимали далеко не последнее место и вызывали восхищение и зависимость от стереотипов. Показателен в этом плане рассказ А. Чехова «Орден» (Чехов, 2015a), сюжет которого довольно прост. Готовясь к званому обеду у купца Спичкина, учитель военной прогимназии, коллежский регистратор Лев Пустяков, руководствуясь отношением к орденам и медалям своего визави, который «страшно любит ордена и чуть ли не мерзавцами считает тех, у кого не болтается что-нибудь на шее или в петлице» (Чехов, 2015a: 12), одолжил «младший» в иерархии орденов Российской империи – орден святого Станислава. Это придало ему уверенности и значимости, ведь «как-то и уважения к себе больше чувствуешь! [...] маленькая штучка, рублей пять, не больше стоит, а какой фурор производит!» (Чехов, 2015a: 13). Пустякова распирало от счастья, когда «на груди сверкал золотом и отливал эмалью чужой Станислав», а «извозчик [...], увидев его погоны, пуговицы и Станислава», как показалось ему, «окаменел» от восхищения его персоной (Чехов, 2015a: 14).

Подобное случалось в повседневной жизни чиновников довольно часто. Здесь же Пустяков встретил коллегу – учителя французского языка Трамбляна, который ради случая одолжил «целую

Анну». И единственное, о чем потом жалел коллежский регистратор, это отвергнутая возможность «арендовать» «Владимира», который в иерархии наград находился выше ордена святой Анны. Отношение к наградам у Пустякова измеряется пятью рублями. Нивелированное восприятие ордена, который можно одолжить или купить, – еще одна черта, присущая чиновникам низшего ранга, которые отчаялись в возможности карьерного успеха и радовались временным безделушкам. Мораль этого обыденного сюжета многогранна, поскольку речь идет не только о тщеславии самих чиновников, но и отношении к наградам «людей простых, без этикетов», для которых их влияние и значимость измерялась внешними атрибутами – званиями, наградами, костюмами, балами, приемами и т.д. Об этом справедливо отметила в своих трудах Ю. Токмакова, назвав их жизненной составляющей, что обеспечивало общественный статус (Токмакова, 2008).

Улучшить служебные перспективы чеховский чиновник часто мечтал благодаря праздным делам. Несмотря на образование, способности, добросовестное отношение к обязанностям, достичь, например, чина коллежского регистратора можно было за 10–15 лет (а в отдельных случаях и более) безупречной службы (Писарькова, 2002: 39). Именно поэтому влиятельный брак, покровительство начальства рассматривались важными обстоятельствами успеха в получении чина, свершении карьеры в целом.

Неоднократно в произведениях А. Чехова встречаем мнение о весомом статусе женатого мужчины в обществе, что полностью соответствовало патриархальным скрепам Российской империи. Устами отставного капитана Соусова, Чехов артикулирует общественное мнение того времени: «Будь ты хоть профессор, хоть гений, а ежели ты не женат, то ты и гроша медного не стоишь. Ни ценза в тебе, ни общественного мнения... Кто не женат, тот не может иметь в обществе настоящий вес... Возьмем хоть меня для примера... Я человек образованного класса, домовладелец, при деньгах... Чин тоже вот... и орден, а что с меня толку? Кто я, ежели взглянуть на меня? [...] Бобиль...» (Чехов, 2020b: 107). Подобное мнение выражает «человек образованного класса, при деньгах», обер-кондуктор Стычкин: «Женатый всегда имеет больше весу в обществе, чем холостой», – которого отождествляет с «каким-нибудь ксендзом» (Чехов, 2020g: 305). Так что брак, к тому же выгодный, был довольно желанной «делкой».

Общественное мнение и желание обеспечить карьерный рост побуждали к поискам стоящей партии. При этом кандидаты на выигранный брак не стеснялись совершать торги, чтобы выгоднее обустроить дело, еще и возмущаясь по поводу нечестного сватовства: «Ваш папаша говорила мне, что она надворный советник, а оказывается теперь, что она всего только титулярный. [...] Она обещала дать за вами полторы тысячи, а маменька ваша вчера сказала мне, что больше тысячи я не получу. Разве это не свинство?» (Чехов, 2020f: 14-15). Конечно, возможности титулярного советника были гораздо скромнее, чем надворного, в содействии успешной карьере нового родственника. Расчет улучшить собственное материальное, финансовое, служебное положение для претендента на руку и сердце дочери титулярного советника является очевидным и достаточно распространенным способом обеспечить себя поддержкой и гарантированным содействием влиятельной личности.

Примечательно, что чеховский чиновник считал, что именно благодаря ему жена получает больше дивидендов от бракосочетания, чем он, выторговывая брак, поскольку, «чтоб достигнуть, положим, статского советника, [...] нужно всю жизнь протрубить, а девица в какие-нибудь полчаса обвенчалась со статским советником – вот она и персона. Чтоб [...] князем или графом сделаться, нужно весь свет покорить, Шипку взять, в министрах побывать, а какая-нибудь, прости господи, Варенька или Катенька, молоко на губах не обсохло, покрутит перед графом шлейфом, пощурит глазки – вот и ваше сиятельство...» (Чехов, 2020d: 186), или же, «за что она губернская секретарша? Из поповен и прямо в чиновницы. Хороша чиновница! Дай ты ей наше дело, так она тебе и впишет входящую в исходящие» (Чехов, 2020d: 186).

Герои А. Чехова, выстраивая карьеру благодаря достатку, связям и статусу семей своих избранниц, неизменно оставались при этом невысокого мнения о них. Маскулинность общества Российской империи ярко выражена размышлениями одного из них: «Отечеству женщина не приносит никакой пользы. Она не ходит на войну, не переписывает бумаг, не строит железных дорог, а запирая от мужа графинчик с водкой, способствует уменьшению акцизных сборов» (Чехов, 2020e: 245). Категорически пренебрежительными выглядят взгляды на женщин, не стоящих «перед начальством, когда оно холоду напускает...» (Чехов, 2020d: 186), однако смело может «со статским советником под ручку пройти» (Чехов, 2020d: 187). И в дополнение еще одна красноречивая цитата: «Гоголь говорит, что чиновники берут взятки только потому, что на это их толкают их жены. Это совершенно верно. Пропивают, в винт проигрывают и на Амалий тратят чиновники только жалованье... И имущества антрепренеров, казенных подрядчиков и секретарей теплых учреждений всегда записаны на имя жены. Распущена женщина донельзя» (Чехов, 2020e: 245), однако «подавай ей образованного, а господина чиновника или кого из купечества и не показывай – осмеет!» (Чехов, 2020: 159). И подобных сюжетов у Чехова встречается достаточно.

Поэтому многочисленные чеховские тексты о чиновничестве отражают истории обретения маленькими людьми высшего чина, лучшей должности, наращивания дружелюбия со стороны влиятельных сановников, поиск удачного брачного варианта, попытки возвыситься иным образом,

что связано с самой природой и традициями бюрократии в Российской империи, далекой от веберовского «идеального» образца (Миронов, 2000: 165). Особенно это касалось чинов низших классов, о которых так много писал А. Чехов.

Наряду с отдельными зарисовками, в произведениях писателя есть также специальные посвящения чиновникам и их историям, которые дополняют и подчеркивают описанное выше. Отдельно отметим рассказы о жизненном пути («Торжество победителя (рассказ отставного коллежского регистратора)», «Крыжовник», «Толстый и тонкий») или кульминационные биографические события («Смерть чиновника», «Пережитое (психологический этюд)»), которые были написаны во время наивысшей творческой активности А. Чехова. Их содержание считается хрестоматийным, однако в контексте наших интересов сделаем некоторые замечания, построенные акцентированно на тематических наблюдениях.

Широко известен рассказ «Торжество победителя (рассказ отставного коллежского регистратора)», впервые опубликованный в 1883 г. В центре произведения – визит чиновника невысокого ранга, личности незнакомой для общества, то есть малозначимого для всех, кроме посетителей, – Алексея Ивановича Козулина. Судя по комментариям повествователя, а заодно и автора (известный прием в ранней чеховской прозе) (Подшивалова, 2005: 71), тот был уже в зрелом возрасте и для «брата, не парящего высоко под небесами, он велик, всемогущ, высокомудр», для других – «ничтожество», «нуль» (Чехов, 2018b: 10). Для того чтобы чувствовать свое величие, на званый масленичный обед были приглашены «составляющие его [...] подножие», «братия смиренная» (Чехов, 2018b: 10). Это позволило Козулину наслаждаться «властным» превосходством и показным покровительством, собственным успехом, победой. Название рассказа довольно точно отражает внутреннее состояние главного героя, переполненное радостью по поводу удачи на служебном поприще.

Для повествователя визит связан с надеждой добиться от Козулина содействия занять в канцелярии должность письмоводителя или его помощника. Достаточно распространенная практика – патронаж, несмотря на попытки от нее избавиться, однако имевшая место в конце XIX – начале XX вв. И, очевидно, поскольку рассказ исходит от имени отставного коллежского регистратора, это произошло. При этом особыми достижениями в конце жизненного пути похвастаться визави Козулина не мог, так как редко кто из канцеляристов уходил в отставку в чине коллежского регистратора (Кормилов, 2013: 381).

Жизнь Козулина сложилась так, что благодаря чину удалось обеспечить стабильное существование семьи и сформировать мнение о себе как о победителе. С чеховским мастерством состояние рядового чиновника измеряется базовыми потребностями с акцентом на их полной реализации или удовлетворении. Редкая для текстов Чехова зарисовка обеденного стола, обильно заставленного бутылками и блюдами, выписана довольно подробно с целью подчеркнуть выгоды успешного продвижения по служебной лестнице: «блины [...] великолепные, [...] пухленькие, рыхленькие, румяньенькие [...] обмакнешь его [блин] в горячее масло, съешь – другой сам в рот лезет» (Чехов, 2018b: 11-12). «Детальями, орнаментами и комментариями» к столу стали: «сметана, свежая икра, семга, тертый сыр», «вин и водок целое море». После блинов подали уху осетровую, а затем куропаток с подливкой и сигары (Чехов, 2018b: 12). Обеденные блюда должны повлиять на присутствующих и убедить в особом статусе хозяина.

Однако не блюда, а светские разговоры стали экспрессионным, идейным стержнем повествования отставного коллежского регистратора, во время которых Козулин демонстрирует свое превосходство. «Трибуном» доминантно выступал хозяин дома. Остальные же имели довольно посредственную роль, как и положено «подножию», – кивать головами и смеяться, когда «начальник» пытался казаться острым на словцо, хотя наверняка присутствующим, по словам рассказчика, было неизвестно, сказал ли он что-нибудь умное и веселое (Чехов, 2018b: 12). Авторский интерес заключался в том, чтобы подчеркнуть превосходство Козулина над гостями путем презентации повседневных вещей и его ситуативного поведения при отсутствии морально-нравственных ограничений. Среди присутствующих – бывший начальник Козулина – Курицын, над которым откровенно публично глумится, напоминая о прошлом и копируя его поведение с подчиненными (Чехов, 2018b: 11). Социальная непреодолимая бездна между Козулиным и приглашенными дополнительно усиливается благодаря описанию коммуникации между ними, для которой характерны не только монолог хозяина стола, но и унижительные приказы для гостей, обращенные ко всем: «не ропщите», «не сетуйте», чи конкретно до когось із гостей: «трагедию представь», «съешь [...] кусок хлеба с перчиком», «бегай вокруг стола и пой петушком», «когда встанем, пропоешь что-нибудь» (Чехов, 2018b: 12).

Выражают его успехи воспоминания о прошлом. Начиная карьера «победителя» «без сапог, в рваных штанишках, со страхом и трепетом», когда «за целковый [...] две недели работаешь», который потом «скомкают да в лицо бросят» (Чехов, 2018b: 11). Мелкого канцеляриста «всякий [...] раздавить может, уколоть, обухом хватить... [...] оконфузить [...] собаченка на тебя: рррр... Швейцар тебя локтем – толк!», а начальник «что ни слово – то нож острый, что ни взгляд – то пуля в грудь» (Чехов, 2018b: 11). Ради должности и возможности продвигаться по службе приходилось и писать, и за

пирожками бегать, перья чинить, тещу начальника в театры водить, табак нюхать и другие «всякие угождения» делать. Однако начальник недоволен ворчал и жаловался на подчиненного: «лентяй, [...] дармоед, [...] Под суд [...] попадет!» (Чехов, 2018b: 12). Когда же мать услышала такое о сыне, то уже по известному сценарию – «пошла старушечка домой да и слегла, заболела с перепугу, чуть не померла в ту пору...» (Чехов, 2018b: 12). Важным текстовым дополнением к сюжету о прошлом является присутствие бывшего начальника – «Нептуна», а ныне лица «смирненного», «маленького, сгорбленного старичка», «червячка убогенького» Курицына (Чехов, 2018b: 13). Именно ему достаются язвительные команды табакерку подать, тещу в театры сводить, петь «Умри, вероломная! Кррррови жажду!!», есть хлеб с перцем и тому подобное (Чехов, 2018b: 13). Без высокого стиля свой успех главный персонаж воспринимает в однозначной оценке прошлого и очерчением своих возможностей угнетать подчиненных в неоднократно присутствующей в тексте фразе – «а теперь я», «а теперь зато я...» (Чехов, 2018b: 12-13). Традицию отношений с подчиненными Козулин объясняет собственным опытом, когда приходилось терпеть издевательства старших по чину.

Мотив «чинопочитания» довольно банален – возможные выгоды от начальства. Ради этого «смирненькие», «ничтожненькие», «маленькие», «серенькие» предпочитают собственное оскорбление «сигом копченым», «крокодиллом», «варваром» «мучителем». Чинопочитание считается в мелочах: «закурили, с дозволения начальства», «мы слушали, а его превосходительство [...] говорил», «чего изволите-с [...] вставая и вытягиваясь» (Чехов, 2018b: 9-13) и другие штрихи к общей картине отношений между начальником и подчиненными. Козулин не смог подняться над собственным частным, служебным опытом, а, следовательно, так же, как и его бывший начальник, унижал подчиненных, зависимых от его воли, оставаясь измельченным человеком, несмотря на регалии, титулы, материальные и моральные достижения.

За кадром остается «перемена в жизни» мелкого канцеляриста, приведшая к осуществлению величайших мечтаний о квартире, икре свежайшей, жене белотелой и дочерях к паре князьям или графам. Несмотря на полное удовлетворение собственной жизнью, модель отношений между руководителем и подчиненным остается увековеченной, неизменной со времен полного безденежья и голого «зада» Козулина, когда приходилось терпеть поругание и несмело надеяться на высшие чины, до полной реализации жизненных ожиданий. Дотошность Чехова к отношениям между людьми разных чинов, гротескно выписанная в миниатюре в шутку и всерьез, является важным аспектом его произведений, чтобы читатели могли делать собственные выводы о чертах российского бюрократа конца XIX – начала XX вв. Чехов завершает сочинение тайным чаением рассказчика: «Быть мне помощником письмоводителя!» (Чехов, 2018b: 13). Цитируемый финал произведения точно передает цель визита и угодническую коммуникацию с Козулиным во имя реализации претензий на чин.

Судьбу еще одного канцеляриста А. Чехов искусно выписал в рассказе «Крыжовник» (1898 г.) (Чехов, 1977a). История достаточно распространена, взята из жизни и неоднократно повторена в литературе. Речь идет о сыновьях по фамилии «в сущности несообразной» отца Чимши-Гималайского, который был из кантонистов и выслужил офицерский чин, оставив им потомственное дворянство и имение. Один из них – Иван Иванович, «пошел по ученой части, стал ветеринаром», а другой – Николай Иванович, «уже с девятнадцати лет сидел в казенной палате» (Чехов, 1977a: 55). Их детство прошло в деревне, где «дни и ночи проводили в поле, в лесу, стерегли лошадей, драли лыко, ловили рыбу, и прочее тому подобное». Это наложило отпечаток на внутренний мир братьев, ведь «кто хоть раз в жизни поймал ерша или видел осенью перелетных дроздов, [...] тот уже не городской житель, и его до самой смерти будет потягивать на волю» (Чехов, 1977a: 56). Именно этим объяснялась печаль и грусть брата в казенной палате: «Годы проходили, а он всё сидел на одном месте, писал всё те же бумаги и думал всё об одном и том же, как бы в деревню» (Чехов, 1977a: 56). Так сформировалась совершенно конкретная мечта – «купить себе маленькую усадьбу где-нибудь на берегу реки или озера». Впоследствии она приобрела четкие черты, которые постоянно рисовало воображение: «дорожки в саду, цветы, фрукты, скворечни, караси в прудах [...]» (Чехов, 1977a: 57). Несмотря на калейдоскопическую сменность картинок в воображении, константой в них был крыжовник. Чертежи плана собственного имения тоже постоянно были однотипными: «барский дом, людская, огород, крыжовник» (Чехов, 1977a: 58).

Это наложило отпечаток на его образ жизни, что привело к абсолютной экономии на всем: «недоедал, недопивал, одевался бог знает как, словно нищий, и всё копил и клал в банк». Мечта заставила его жениться на денежной, «старой, некрасивой вдове, без всякого чувства». Режим экономии, несмотря на состояние жены, сохранился, и та, не выдержав полуголодного существования, через несколько лет умерла, а Николай Иванович даже не подумал о своей косвенной причастности к ее смерти. В конце концов, на сэкономленные собственные и покойной жены деньги купил желаемое имение. Хотя усадьба находилась в неприглядном месте – с одной стороны кирпичный, а с другой – «костопальный» заводы, однако важным преимуществом этого недостатка было наличие земли под двадцать кустов крыжовника (Чехов, 1977a: 59).

Годы прошли, чиновник оставил службу и вышел в отставку, а мечта, как заметил брат, некрасиво воплотилась в жизнь: «везде канавы, заборы, изгороди, посажены рядами елки, – и не знаешь, как проехать во двор, куда поставить лошадь». Его наивные представления о «рае»

дополняют штрихи приобретенного изобилия: «рыжая собака, толстая, похожая на свинью», «кухарка, голоногая, толстая, тоже похожая на свинью» и т.д. (Чехов, 1977а: 60–61).

Последовательно воплощая идею раскрытия изменений в жизни чиновника, А. Чехов дополнил рассказ внешним портретом его самого – «постарел, располнел, обрюзг; щеки, нос и губы тянутся вперед – того и гляди, хрюкнет в одеяло». Но куда интереснее выглядят его личностные изменения. Это уже не «прежний робкий бедняга-чиновник», а настоящий помещик, хорошо ужившийся с новой ролью для себя и не только, «кушал много, в бане мылся, полнел», даже судился с общиной, с заводами, требовал соответствующего обращения к себе «ваше высокоблагородие» и дела творил «не просто, а с важностью» (Чехов, 1977а: 62). Дела были сомнительного содержания, ибо «лечил мужиков от всех болезней содой и касторкой и в день своих именин служил среди деревни благодарственный молебен, а потом ставил полведра, думал, что так и нужно» (Чехов, 1977а: 61). Однако эти изменения развили в нем «самое наглое самомнение» (Чехов, 1977а: 62). И вот уже человек, который в казенной палате боялся «даже для себя лично иметь собственные взгляды, теперь говорил одни только истины, и таким тоном, точно министр» (Чехов, 1977а: 63), величая себя дворянином, забыв, что дед был мужиком, а отец солдатом. По наблюдению брата, он стал счастливым человеком, доволен собой и судьбой (Чехов, 1977а: 64). Хотя для него все сложилось удачно, но не для того общества, которому бюрократ служил всю жизнь. Впереди «успешного» чиновника в отставке ждали, как и прочих смертных, только «три аршина».

Автор появляется в произведении под видом брата чиновника и в завершение истории комментирует призрачность счастья в условиях тотальных невзгод, неустроенности жизни соотечественников, удивляясь неразумному выбору героя. Постоянное приспособление к условиям выживания фактически означало травматический отказ от самого себя, а принятие правил игры повлекло за собой душевное самоубийство и потерю самости. Затем следовало «вживание» в образ «дворянина», «господина», но счастье оставалось очень иллюзорным. Отречение от самого себя и всего того, что имело значение в прошлом – это цена, уплаченная за кусты крыжовника. Попытка Чимши-Гималайского идентифицироваться с аристократической средой побуждает его к морализаторству и просвещению. Следовательно, желание казаться, а не быть, побеждает и доминирует в его словах, мыслях и поступках.

Комплекс зависти к победителю жизни со всей очевидностью можно отследить в рассказе «Толстый и тонкий» (1883) (Чехов, 2015b). Как обычно, отметим неслучайный выбор названия произведения. «Тяжеловес» Михаил, тайный действительный советник – «толстый», по статусу и поведенчески доминирует над «тонким» Порфирием – коллежским ассессором. Без фамилий, только по антропологическому признаку и имени – «толстый» (Михаил) и «тонкий» (Порфирий), два приятеля, бывшие одноклассники одной гимназии встретились на вокзале Николаевской железной дороги. В ходе разговора выяснилось, что «тонкий» дослужился только до коллежского ассессора (чин VIII класса), а «толстый» за это же время стал действительным тайным советником (чин II класса). Сначала разговор протекал на равных, как и положено сверстникам с общим прошлым, а впоследствии, после озвучивания «толстым» собственного бюрократического ранга, «тонкий» кардинально изменил поведение, возвеличивая приятеля каждым движением, подчеркивая действием и словом динамическое умаление своей персоны. Именно поэтому после слов «толстого» о том, что он «уже до тайного дослужился» и имеет две звезды (Чехов, 2015b: 10), «тонкий» вдруг «побледнел, окаменел, [...] лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой [...] съежился, сгорбился, сузился...» (Чехов, 2015b: 10). При этом все его чемоданы, узелки, картонки так же сморщились, длинный подбородок жены от сужения стал еще длиннее, а сын вытянулся, застегнув все пуговицы мундира (Чехов, 2015b: 10). Изменился и тон разговора между ними. «Тонкий» сразу перешел на обращение к гимназическому другу «ваше превосходительство». Попытки собеседника возразить против обращения согласно чину в неформальной беседе были разбиты наголову об выражение лица Порфирия. На нем читалось столько «благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило», заставило отвернуться и проститься (Чехов, 2015b: 10), когда тот начал кланяться всем туловищем, икать, «еще более съеживаясь», жена криво усмехаться, а сын шаркать ногой (Чехов, 2015b: 11).

Вновь добавляет колорита лаконичное сравнительное описание приятелей. Позади общие воспоминания о детстве, гимназические годы, а нынче – от одного пахнет «хересом и флерд'оранжем», а от другого «ветчиной и кофейной гущей» (Чехов, 2015b: 10). Без комментариев оставляет Михаил вопрос о своем достатке и семейном статусе. Однако Порфирий за короткое время общения «вываливает» на одноклассника все обозначенное словами «жизненный путь»: коллежский ассессор, получил орден святого Станислава, жалованье кое-какое, женат (жена – Луиза, лютеранка, урожденная Ванценбах), имеет сына Нафанаила, ученика третьего класса, служил в департаменте, а теперь в том же ведомстве при смене должности в другом городе – столоначальник. Из-за малого дохода имел дополнительный заработок – частно изготовлял портсигары из дерева, а жена давала уроки музыки. Однако за этим простым перечнем изначально чувствовалась радость и удовольствие от жизни, пока не стало известно о чине Михаила.

Важной частью сюжета является трансформация обращений «тонкого» к «толстому». Сначала – «друг детства», «милый мой», «душонок», «щеголь», «красавец», а затем – «ваше превосходительство», «вельможи-с», «вы-с» (Чехов, 2015b). И хотя Михаил призывал избегать чиновничества, однако Порфирий не смог освободиться от военной закалки «гнутья» перед начальством. Этот авторский ход с возвышением обращений между друзьями дополнительно усиливает впечатление читателя об особенностях иерархических отношений между чинами и карикатурно раскрывает обесценивание школьной дружбы.

Вопросы Порфирия к Михаилу («Богат?», «Женат?», «Небось, уже статский?») (Чехов, 2015b: 9-10) тоже довольно показательны касательно приоритетов, системы ценностей мелкого чиновника. «Вопросник» «толстого» к «тонкому» более ограничен: «Как живешь, друг?», «Служишь где? Дослужился?» (Чехов, 2015b: 9-10). Вопросы сталкиваются и пересекаются со «знаками» разговора, к которым можно отнести ситуативную реакцию, реплики участников диалога, обусловленные индивидуальными и социальными контекстами. Общение между ними сначала становится паритетным, а впоследствии происходит диспозиция «тонкого», который сам подчиняет себя «главному» – «толстому», после того, как узнал о высоком чиновничьем классе гимназического друга. Таким образом, иерархия отношений для «тонкого» – превыше всего. Это не просто момент служебного этикета, а жизненное кредо, определившее его человеческую сущность и запрограммировавшее на «умаление» себя перед сильными мира сего.

Еще одним знаковым для творчества А. Чехова рассказом является «Смерть чиновника» (1883) (Чехов, 2018a). В центре произведения – история посещения театра мелким чиновником, экзекутором Иваном Дмитриевичем с красноречивой фамилией Червяков, который неудачно и случайно чихнул на посетителя театра в соседнем ряду. Сначала экзекутор несколько не смутился, потому что чихают все: «и мужики, и полицмейстеры, и иногда даже тайные советники» (Чехов, 2018a: 14). Сконфузиться пришлось после того, когда он узнал в «пострадавшем» от его чихания «статского генерала Бризжалова, служащего по ведомству путей сообщения» (Чехов, 2018a: 14). Это стало причиной его страшной тревоги, нервного трепка и надоеданий статскому советнику с неоднократными извинениями. Хорошо иллюстрируют развертывание сюжетной линии искусно подобранные автором глаголы, передающие экспрессию напряжения экзекутора даже перед «чужим» (не своим) начальником. Сначала Червяков чувствовал себя на вершине блаженства, глядя в бинокль на «Корневильские колокола», а после описанного выше приключения – «наклонившись», «подался туловищем вперед», «прошептал», «skonфузился», «бормотал», «шепотом спросил», навсегда утратив ощущение блаженства и покой.

Кульминацией сюжета стал энный визит Червякова к Бризжалову с целью извинений за театральное приключение, на что услышал убийственную для себя фразу: «Пошел вон!» (Чехов, 2018a: 16). Раздражение генерала от визитов Червякова достигло высшего возмущения, поскольку это стало восприниматься издевкой. Но для экзекутора все это было очень серьезно, поскольку «смеяться я и не думал. Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам ... не будет...». После этого «в животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплелся...» (Чехов, 2018a: 16). Уязвимый к крику высших чинов, как и кто-либо из «маленьких людей», экзекутор не смог этого пережить и умер.

Присущее маленькому чиновнику поведение было производным продуктом иерархии отношений между чинами. То, что предстает в описании, является образом почитания государственных мужей, сложившееся в обществе исторически. Бесспорно, чеховский Бризжалов очень близок к гоголевскому титулярному советнику Акакию Акакиевичу Башмачкину, который умер после того, как на него накричало «значимое лицо» (Bezdrabko, 2019: 25).

Подобные истории встречаются у А. Чехова довольно часто и выразительно в рассказе «И прекрасное должно иметь пределы» (Чехов, 1975a: 82-83). Речь идет об одном чиновнике, «сыне благочестивых и добронравных родителей», который с большим удовольствием выражал уважение к рангам, снимая шапку. Ради этого ему приходилось нарочито бродить по городу в поисках «старших» «только для той цели, чтобы лишний раз снять перед ними шапку и тем воздать должное». Имея натуру «почтительную и уважительную», он снимал шапку «не только перед своим непосредственным и косвенным начальством, но даже перед старшим возрастом». Следствием такого «благородства души» стало то, что, «встретясь в одно зимнее, холодное утро с племянником частного пристава, он снял шапку, простудил голову и умер без покаяния» (Чехов, 1975a: 82).

Иерархия чиновников, чиновничество – это то, о чем довольно часто пишут профессиональные историки. В частности, Л. Писарькова, изучая особую черту взаимоотношений между служащими, пришла к выводу об историчности традиции (Писарькова, 2002: 45). Страх перед чиновником высокого ранга и в то же время восхищение им выражают их «превосходство» в обществе не только для подчиненных, но и для любого рядового человека. Как отмечают критики, таких примеров в русской литературе достаточно много, но Чехову, по их мнению, кратким рассказом удалось исчерпать тему (Сухих, 1987; Громов, 1989).

Короткий рассказ под названием «Пережитое (психологический этюд)» (Чехов, 1996) обещает читателю интересный сюжет. Однако произведение об обычном в практике канцеляриста – подписи и почерке и вызванных ими психологических фреймах главного героя. Сила и сакральное значение документа вызвали соответствующее отношение чиновника к нему. Поэтому почерк и подпись должны были отражать его значимость и статус в обществе и государстве, а тот, кто их оставлял на бумаге, считалось, должен соответствовать образу порядочного человека. Перед читателем разворачивается драматический рассказ канцеляриста, который едва не стал жертвой коллеги-«шутника» после того, как «осторожно умакнул перо в чернильницу, неизвестно чего ради сконфузился, притаил дыхание и осторожно начертил свою фамилию», дополнив подпись вне обычая для солидности «конечным “ера”» (Чехов, 1996: 435). Старания были прерваны коллегой Петром Кузьмичем, рассказавшим, как одним росчерком пера сгубил его карьеру фон Кляузен. Апеллируя к опыту, он даже описал возможный сценарий уничтожения подписью для любого из канцеляристов. Для этого достаточно сделать подпись «неуважительной» – «поставить закорючку», «росчерк сделать», или «капнуть чернилами около [...] подписи», фамилии (Чехов, 1996: 435). Монолог Петра Кузьмича не отягощен причинностью, то есть оправданием намерений или действий, что детерминировало напряжение и осознание беспомощности главным героем, вдруг побледневшим и понявшим: «Как мало нужно для того, чтобы скovyрнуть человека!» (Чехов, 1996: 436) и позорно завершить карьеру.

Конструируя следственную модель провозглашенных действий, рассказчик соглашается с тем, что «действительно, жизнь моя была в руках этого человека с сизым носом» (Чехов, 1996: 436), что вызвало в его душе страх и уважение к силе. Это вообще характерно для людей несвободных в своих поступках, что дополняет психологический портрет чиновника. Автор иронически обыграл два образа служащих: одного из «с сознанием своей силы», «величавого, гордого, с губительным ядом в руке», кто «впился в [...] бледное лицо своими буркалами» и другого с «сознанием своего бессилия», «жалкого, готового погибнуть», который «избегал его взгляда» (Чехов, 1996: 436) и был благодарен коллеге за шутку, пафосное великодушие. И в этом противостоянии выигрывает тот, кто бросает беспомощному рассказчику в лицо примеры возможной письменной «расправы», ведь «все-таки могу», потому что у меня достаточно смелости для позорного поступка (Чехов, 1996: 436).

Еще одна тема была поднята в рассказе – это почерк как образ самого себя, и наоборот, другого себя, когда автограф не соответствует «содержанию» человека – «вижу знакомые имена, но не узнаю их». И тогда у рассказчика возник вопрос: «Не переменили ли эти господа свои почерки?» (Чехов, 1996: 436). Почерк как образ, характер, модель поведения человека и бюрократа – еще один чеховский сюжет, заслуживающий отдельного внимания.

5. Заключение

В упомянутых и других повестях и рассказах А. Чехова запечатлено много интересного. Образ чеховского чиновника можно бесконечно дополнять наблюдениями и выводами к ним. Но следует отметить, что в целом собирательный образ служащего государственных учреждений Российской империи, обладающего низшими или средними чинами по Табели о рангах, вполне коррелируется с типом государственных служащих, реконструированным учеными-историками на основе дневниковых записей современников и архивных документов.

Перед нами предстает человек, имеющий невысокий чин, который в служебной повседневности занимается регистрацией, переписыванием документов, другой канцелярской практикой, с минимальным состоянием, несемейный, глубоко одинокий человек с многолетним опытом службы и мелкими жизненными радостями. Обстоятельства вступления в действие и продвижение по карьерной лестнице достаточно удачно подмечены писателем и описаны без украшений: патронаж, выгодные знакомства, благоприятный брак и т.д. Известным фактом является то, что численность чиновников низших рангов количественно значительно превосходила представительство высших классов. Поэтому «пробиться» в высшие эшелоны бюрократического аппарата было непросто и требовало незаурядных профессиональных качеств и других благоприятных сопутствующих объективных или субъективных факторов.

Сам Чехов не отрицал альтернативный сценарий государственной службы, когда чиновники уверенно достигали профессиональных вершин и попадали в «первенствующее сословие». И таковые исторические примеры имели место быть. Однако такие примеры были достаточно уникальны.

Литература

- Ашурков, 1960 – Ашурков Е.Д. Слово о докторе Чехове. М.: Медгиз, 1960. 48 с.
 Богданов, 2011 – Богданов В.П. «Крапивенное семя»: чиновничество и российская саморефлексия // *Диалог со временем: образы и представления*. М., 2011. № 37. С. 101-125.
 Борисенко, 1998 – Борисенко Т. Чиновничество в России XIX века: предписания, образы и стереотипы // *Социально-культурные и этнические стереотипы: Материалы науч. конф.* М., 1998. С. 80-86.

Васильев, 2002 – Васильев К.К. Биобиблиографический словарь Л.Ф. Змеева «Русские врачи писатели» как источник для изучения истории медицины Сумщины // *Сумська старовина*. № X. 2002. С. 150-166.

Васильев, 2005 – Васильев К.К. Из истории медицинского дела Сумщины XVIII–XIX вв. (к 350-летию г. Сумы) // *Сумська старовина*. № XV. 2005. С. 163-185.

Васильев, 2007 – Васильев К.К. Профессор Н.И. Кефер (1864–1944) и его воспоминания // *Сумський історико-архівний журнал*. № II/III. 2007. С. 80-116.

Вязьмитинов, 2017 – Вязьмитинов М.Н. Система материального обеспечения и поощрения преподавателей и учителей в образовательных учреждениях императорской России // *Вестник Ульяновского государственного технического университета*. 2017. № 2. С. 4-14.

Гончаров, 2011 – Гончаров М.А. Социально-правовой статус и материальное положение учителей гимназии в России XIX века // *Наука и школа*. 2011. № 5. С. 129-135.

Громов, 1989 – Громов М.П. Книга о Чехове. М.: Современник, 1989. 384 с.

Зайончковский, 1978 – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 289 с.

Зимин, 2003 – Зимин И.М. Медицинская интеллигенция в сословной структуре Российской империи XIX века // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2003. № 6. С. 49-51.

Зимин, 2004 – Зимин И.М. Подготовка медицинских кадров в России (XIX – начало XX вв.). СПб.: Изд-во СПбГМУ, 2004. 367 с.

Зобнин и др., 2010 – Зобнин Ю.В., Блохина Н.Н., Калягин А.Н. Врач и писатель – Антон Павлович Чехов (к 150-летию со дня рождения) // *Сибирский медицинский журнал*. 2010. № 4.

Кожевникова, 2010 – Кожевникова А.А. Тип творческой личности в трактовке А.П. Чехова (к 150-летию со дня рождения писателя) // *Сумський історико-архівний журнал*. № VIII/IX. 2010. С. 174-183.

Кормилов, 2013 – Кормилов С.И. «Майор ведь чин значительный!». Официальные знаки государственного и общественного престижа в творчестве Чехова // *Вопросы литературы*. 2013. № 5. С. 381-384.

Миронов, 2000 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. 565 с.

Мирский, 2003 – Мирский М. Доктор Чехов. М.: Наука, 2003. 238 с.

Молчанов, 2007 – Молчанов В.Б. Життєвий рівень чиновників правоохоронних установ в Україні у XIX – на початку XX ст. Київ, 2007. 113 с.

Морякова, 1993 – Морякова О.В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // *Вестник Московского университета*. Сер. 8 «История». 1993. № 6. С. 14-29.

Никольский и др., 2008 – Никольский С.А., Филмонов В.П. Русское мировоззрение. Как возможно в России позитивное дело: поиски ответа в отечественной философии и классической литературе 40–60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 416 с.

Оспанова, 2015 – Оспанова А.А. Изучение чиновничества в российской исторической науке // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2015. Т. 17. № 3. С. 499-502.

Писарькова, 2002 – Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – начале XIX века // *Отечественная история*. 2002. № 5. С. 33-49.

Подшивалова, 2005 – Подшивалова Е.А. Чехов и Зоценко: к вопросу о соотношении авторских сознаний // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика»*. 2005. № 1. С. 70-74.

Правила об экзаменах, 1810 – Правила об экзаменах медицинских чиновников. СПб., 1810. 27 с.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 9. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1835, 832 с.

Роскина, 1976 – Роскина Н.А. П. Чехов – историк медицины (с публикацией выписок из рукописи А.П. Чехова «Врачебное дело в России». 1884–1885 гг.) // *Наука и жизнь*. 1976. № 10. С. 122-124.

Соколов, 2004 – Соколов А.К. История, литература и искусство // *Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика*. М.: Наука, 2004. С. 393-445.

Смирнова, 2011 – Смирнова Е.М. «Медицинские чины» в российской провинции (XVIII – середина XIX вв.) // *Новый исторический вестник*. 2011. № 5. С. 6-19.

Сухих, 1987 – Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1987. 184 с.

Токмакова, 2008 – Токмакова Ю.Н. «Блеск и нищета»: повседневная жизнь провинциального чиновничества в первой половине XIX века // *Курский край*. 2008. № 3/4. С. 46-50.

Федосюк, 2012 – Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта, 2012. 264 с.

- Хижняков, 1947** – Хижняков В.В. Антон Павлович Чехов как врач. М.: Медгиз, 1947. 133 с.
- Чернобров, 1990** – Чернобров И.В. О врачебной деятельности А.П. Чехова на Украине // *Врачебное дело*. 1990. № 5. С. 116-118.
- Чернобров, 2005** – Чернобров И.В. Земский врач К.А. Зильберник – организатор здравоохранения в Лебединском уезде (к 150-летию со дня рождения) // *Сумський історико-архівний журнал*. № I. 2005. С. 33-40.
- Чернобров, 2007** – Чернобров И.В. Д.Д. Плетнев – известный деятель медицины // *Сумський історико-архівний журнал*. № II/III. 2007. С. 45-52.
- Чехов в воспоминаниях, 2005** – Чехов в воспоминаниях современников. М.: Захаров, 2005. 717 с.
- Чехов, 1974** – Чехов А.П. Бабы царство. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 8. [Рассказы, повести]. М.: Наука, 1974. С. 258-296.
- Чехов, 1975a** – Чехов А.П. И прекрасное должно иметь пределы. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 3. [Рассказы, повести]. М.: Наука, 1975. С. 82-83.
- Чехов, 1975b** – Чехов А.П. Из огня да в полымя. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 3. [Рассказы, повести]. М.: Наука, 1975. С. 56-61.
- Чехов, 1976** – Чехов А.П. Муж. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 3. [Рассказы, повести]. М.: Наука, 1975. С. 242-246.
- Чехов, 1977a** – Чехов А.П. Крыжовник. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 10. [Рассказы, повести]. М.: Наука, 1977. С. 55-65.
- Чехов, 1977b** – Чехов А.П. Рассказ неизвестного человека. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 8. [Рассказы, повести]. М.: Наука, 1977. С. 139-213.
- Чехов, 1979** – Чехов А.П. Автобиография. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 16: Сочинения 1881–1902. М.: Наука, 1979. С. 271-272.
- Чехов, 1996** – Чехов А.П. Пережитое (психологический этюд) // Чехов А.П. Избранное: В 3 т. Т. 1: Рассказы. Фельетоны. М.: Издатцентр, 1996. С. 435-436.
- Чехов, 2007** – Чехов А.П. Тайный советник. М.: АСТ, 2007. С. 120-132.
- Чехов, 2015a** – Чехов А.П. Орден. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, 2015. С. 11-14.
- Чехов, 2015b** – Чехов А.П. Толстый и тонкий. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, 2015. С. 9-11.
- Чехов, 2018a** – Чехов А.П. Смерть чиновника. Лошадиная фамилия: рассказы. М.: Махаон, 2018. С. 14-17.
- Чехов, 2018b** – Чехов А.П. Торжество победителя (рассказ отставного коллежского регистратора). Лошадиная фамилия: рассказы. М.: Махаон, 2018. С. 9-13.
- Чехов, 2020a** – Чехов А.П. В бане // Руководство для желающих жениться: рассказы. Харьков: КСД, 2020. С. 158-160.
- Чехов, 2020b** – Чехов А.П. Дура, или Капитан в отставке / Руководство для желающих жениться: рассказы. Харьков: КСД, 2020. С. 105-108.
- Чехов, 2020c** – Чехов А.П. Жених и папенька / Руководство для желающих жениться: рассказы. Харьков: КСД, 2020. С. 204-207.
- Чехов, 2020d** – Чехов А.П. Женское счастье / Руководство для желающих жениться: рассказы. Харьков: КСД, 2020. С. 184-188.
- Чехов, 2020e** – Чехов А.П. О женщинах / Руководство для желающих жениться: рассказы. Харьков: КСД, 2020. С. 242-246.
- Чехов, 2020f** – Чехов А.П. Перед свадьбой / Руководство для желающих жениться: рассказы. Харьков: КСД, 2020. С. 11-15.
- Чехов, 2020g** – Чехов А.П. Хороший конец / Руководство для желающих жениться: рассказы. Харьков: КСД, 2020. С. 305-307.
- Чеховский интеллигент, 2013** – Чеховский интеллигент: статика образа – динамика культуры. Сборник докладов Международных Чеховских чтений в Сумах (май 2012 – май 2013). Сумы: Издательство «МакДен», 2013. 278 с.
- Чудаков, 1987** – Чудаков А.П. Антон Павлович Чехов. М.: Просвещение, 1987. 176 с.
- Шандра, 2007a** – Шандра В.С. Формування бюрократії в Правобережній Україні // *Український історичний журнал*. 2007. № 2. С. 143-158.
- Шандра, 2007b** – Шандра В.С. Чиновник з особливих доручень при Київському Генерал-губернаторові: соціологічний портрет // *Проблеми історії України XIX-початку XX ст.* 2007. № 13. С. 156-176.
- Шевченко и др., 2010** – Шевченко Ю.Л., Шальгин Л.Д., Матвеев С.А., Логинов А.Ф. А.П. Чехов – врач – гражданин и выдающийся русский писатель // *Вестник Национального медико-хирургического центра им. Н.И. Пирогова*. 2010. Т. 5. № 4. С. 142-146.
- Шепелев, 1991** – Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. М.: Наука ЛО, 1991. 228 с.
- Bakulina et al., 2022** – Bakulina A.A., Fedotova M.A., Krishtaleva T., Igonin V.V. Material Support of Medical Personnel in Pre-Revolutionary Russia in the 18th – 19th centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 631-639.

- Bezdrabko V., 2019 – Bezdrabko V. Bureaucrat's portraitin "The St. Petersburg Tales" by Mykola Hohol // *East European Historical Bulletin: Special Issue: Scientific conference pro.* 2019. Pp. 8-30.
- Degtyarev, 2014 – Degtyarev S.I. The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century. *Bylye Gody.* 2014. 34(4): 554-558.
- Degtyarev, 2015a – Degtyarev S.I. Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeevich Aksakov. *Bylye Gody.* 2015. 36(2): 254-259.
- Degtyarev, 2015b – Degtyarev S.I. Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries. *Bylye Gody.* 2015. 38(4): 865-875.
- Degtyarev et al., 2018 – Degtyarev S.I., Zavorodnia V.M., Polyakova L.G. The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research. *Bylye Gody.* 2018. 50(4): 1530-1537.
- Degtyarev et al., 2019 – Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Yehorova O.I., Gut J., Yakov I. Kostenetsky (1811–1885): Life of a Typical Representative of the Noble Intelligentsia of the XIX century // *Bylye Gody.* 2019. 53(3): 1067-1077.
- Degtyarev et al., 2020 – Degtyarev S.I., Tkachenko O.G., Polyakova L.G., Gut J. Ivan Klyushnikov and His Time (1811–1895): the Poet's Spiritual Quest // *Bylye Gody.* 2020. 56(2): 571-582.
- Degtyarev, Polyakova, 2020 – Degtyarev S.I., Polyakova L.G. The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education.* 2020. 9(2): 451-458.
- Degtyarev et al., 2022 – Degtyarev S.I., Honcharenko A.V., Gut J. Employees within the Public Education Sector in the Russian Empire in the first half of the 19th century: Their Place within the Bureaucratic Apparatus and Some Characteristics of Their Service // *European Journal of Contemporary Education.* 2022. 11(1): 258-265.
- Lebid et al., 2019 – Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V. The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part I // *Bylye Gody.* 2019. 54(4): 1490-1505.
- Lebid et al., 2020a – Lebid A., Shevchenko N., Chuikov O., Svechnikov V. The Officialdom of the Russian Empire: a Modern Historiography of the Issue. Part II // *Bylye Gody.* 2020. 55(1): 115-129.
- Lebid et al., 2020b – Lebid A., Shevchenko N., Volkov A., Ponomareva M. The Officialdom of the Russian Empire: a Modern Ukrainian Historiography // *Bylye Gody.* 2020. 56(2): 495-507.
- Lebid, Shevchenko, 2021 – Lebid A., Shevchenko N. Ukrainian «Enlightened Bureaucracy» in the System of Higher Education of the Russian Empire in the XIX century // *Bylye Gody.* 2021. 16(4): 1716-1727.

References

- Ashurkov, 1960 – Ashurkov, Ye.D. (1960). Slovo o doktore Chekhove [Word about Doctor Chekhov]. Moskva: Medgiz. 48 p. [in Russian]
- Bakulina et al., 2022 – Bakulina, A.A., Fedotova, M.A., Krishtaleva, T., Igonin, V.V. (2022). Material Support of Medical Personnel in Pre-Revolutionary Russia in the 18th – 19th centuries. *Bylye Gody.* 17(2): 631-639.
- Bezdrabko, 2019 – Bezdrabko, V. (2019). Bureaucrat's portraitin "The St. Petersburg Tales" by Mykola Hohol. *East European Historical Bulletin: Special Issue: Scientific conference pro.* Pp. 8-30.
- Bogdanov, 2011 – Bogdanov, V.P. (2011). «Krapivennoye semya»: chinovnichestvo i rossiyskaya samorefleksiya ["Nettle seed": bureaucracy and Russian self-reflection]. *Dialog so vremenem: obrazy i predstavleniya.* Moskva. 37: 101-125. [in Russian]
- Borisenok, 1998 – Borisenok, T. (1998). Chinovnichestvo v Rossii XIX veka: predpisaniya, obrazy i stereotipy [Officialdom in Russia of the 19th century: prescriptions, images and stereotypes]. *Sotsial'no-kul'turnyye i etnicheskiye stereotipy: materialy nauch. konf.* Moskva. Pp. 80-86. [in Russian]
- Chekhov, 1974 – Chekhov, A.P. (1974). Bab'ye tsarstvo [The kingdom of women]. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. T. 8.* [Rasskazy, povesti]. Moskva: Nauka. Pp. 258-296. [i Russian]
- Chekhov, 1975a – Chekhov, A.P. (1975). I prekrasnoye dolzhno imet' predely [And the beautiful must have limits]. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. T. 3.* [Rasskazy, povesti]. Moskva: Nauka. Pp. 82-83. [in Russian]
- Chekhov, 1975b – Chekhov, A.P. (1975). Iz ognya da v polymya [From the fire and into the frying pan]. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. T. 3.* [Rasskazy, povesti]. Moskva: Nauka. Pp. 56-61. [in Russian]
- Chekhov, 1976 – Chekhov, A.P. (1976). Muzh [Husband]. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. T. 3.* [Rasskazy, povesti]. Moskva: Nauka. Pp. 242-246. [in Russian]
- Chekhov, 1977a – Chekhov, A.P. (1977). Kryzhovnik [Kryzhovnik]. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. T. 10.* [Rasskazy, povesti]. Moskva: Nauka. Pp. 55-65. [in Russian]
- Chekhov, 1977b – Chekhov, A.P. (1977). Rasskaz neizvestnogo cheloveka [The story of an unknown person]. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. T. 8.* [Rasskazy, povesti]. Moskva: Nauka. Pp. 139-213. [in Russian]

- [Chekhov, 1979](#) – *Chekhov, A.P.* (1979). Avtobiografiya [Autobiography]. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. T. 16: Sochineniya 1881–1902. Moskva: Nauka. Pp 271-272. [in Russian]
- [Chekhov, 1996](#) – *Chekhov, A.P.* (1996). Perekhitoye (psikhologicheskii etyud) [Experience (psychological study)]. Izbrannoye: v 3 t. T. 1: Rasskazy. Fel'yetyony. Moskva: Izdatsentr. Pp. 435-436. [in Russian]
- [Chekhov, 2007](#) – *Chekhov, A.P.* (2007). Taynyy sovetnik [Privy Councillor]. Moskva: AST. Pp. 120-132. [in Russian]
- [Chekhov, 2015a](#) – *Chekhov, A.P.* (2015). Orden [Order]. Maloye sobraniye sochineniy. Sankt-Peterburg: Azbuka. Pp. 11-14. [in Russian]
- [Chekhov, 2015b](#) – *Chekhov, A.P.* (2015). Tolsty i tonkiy [Thick and thin]. Maloye sobraniye sochineniy. Sankt-Peterburg: Azbuka. Pp. 9-11. [in Russian]
- [Chekhov, 2018a](#) – *Chekhov, A.P.* (2018). Smert' chinovnika [Death of an official]. Loshadinaya familiya: rasskazy. Moskva: Makhaon. Pp. 14-17. [in Russian]
- [Chekhov, 2018b](#) – *Chekhov, A.P.* (2018). Torzhestvo pobeditelya (rasskaz otstavnogo kollezhskogo registratora) [The triumph of the winner (the story of a retired collegiate registrar)]. Loshadinaya familiya: rasskazy. Moskva: Makhaon. Pp. 9-13. [in Russian]
- [Chekhov, 2020a](#) – *Chekhov, A.P.* (2020). V bane [In the bath]. Rukovodstvo dlya zhelayushchikh zhenit'sya: rasskazy. Khar'kov: KSD. Pp. 158-160. [in Russian]
- [Chekhov, 2020b](#) – *Chekhov, A.P.* (2020). Dura, ili Kapitan v otstavke [Stupid, or retired Captain]. Rukovodstvo dlya zhelayushchikh zhenit'sya: rasskazy. Khar'kov: KSD. Pp. 105-108. [in Russian]
- [Chekhov, 2020c](#) – *Chekhov, A.P.* (2020). Zhenikh i papen'ka [Groom and dad]. Rukovodstvo dlya zhelayushchikh zhenit'sya: rasskazy. Khar'kov: KSD. Pp. 204-207. [in Russian]
- [Chekhov, 2020d](#) – *Chekhov, A.P.* (2020). Zhenskoye schast'ye [Women's happiness]. Rukovodstvo dlya zhelayushchikh zhenit'sya: rasskazy. Khar'kov: KSD. Pp. 184-188. [in Russian]
- [Chekhov, 2020e](#) – *Chekhov, A.P.* (2020). O zhenshchinakh [About women]. Rukovodstvo dlya zhelayushchikh zhenit'sya: rasskazy. Khar'kov: KSD. Pp. 242-246. [in Russian]
- [Chekhov, 2020f](#) – *Chekhov, A.P.* (2020). Pered svad'boy [Before the wedding]. Rukovodstvo dlya zhelayushchikh zhenit'sya: rasskazy. Khar'kov: KSD. Pp. 11-15. [in Russian]
- [Chekhov, 2020g](#) – *Chekhov, A.P.* (2020). Khoroshiy konets [Good End]. Rukovodstvo dlya zhelayushchikh zhenit'sya: rasskazy. Khar'kov: KSD. Pp. 305-307. [in Russian]
- [Chekhov v vospominaniyakh, 2005](#) – Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov [Chekhov in the memoirs of his contemporaries]. Moskva: Zakharov, 2005. 717 p. [in Russian]
- [Chekhovskiy intelligent, 2013](#) – Chekhovskiy intelligent: statika obraza – dinamika kul'tury. Sbornik dokladov Mezhdunarodnykh Chekhovskikh chteniy v Sumakh (may 2012 – may 2013) [Chekhov intellectual: image statics - culture dynamics. Collection of reports of the International Chekhov Readings in Sumy (May 2012 – May 2013)]. Sumy: Izdatel'stvo «MakDen», 2013. 278 p. [in Russian]
- [Chernobrov, 1990](#) – *Chernobrov I.V.* (1990). O vrachebnoy deyatelnosti A.P. Chekhova na Ukraine [About the medical activity of A.P. Chekhov in Ukraine]. *Vrachebnoye delo*. № 5. S. 116–118. [in Russian].
- [Chernobrov, 2005](#) – *Chernobrov, I.V.* (2005). Zemskiy vrach K.A. Zil'bernik – organizator zdravookhraneniya v Lebedinskom uyezde (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya) [Zemsky doctor K.A. Zilbernik – the organizer of health care in the Lebedinsky district (on the occasion of the 150th anniversary of his birth)]. *Sums'kii istoriko-arkhivnyi zhurnal*. I: 33-40. [in Russian]
- [Chernobrov, 2007](#) – *Chernobrov I.V.* (2007). D.D. Pletnev – izvestnyy deyatel' meditsiny [D.D. Pletnev is a well-known figure in medicine]. *Sums'kii istoriko-arkhivnyi zhurnal*. II-III: 45-52. [in Russian]
- [Chudakov, 1987](#) – *Chudakov, A.P.* (1987). Anton Pavlovich Chekhov [Anton Pavlovich Chekhov]. Moskva: Prosveshcheniye. 176 p. [in Russian]
- [Degtyarev, 2014](#) – *Degtyarev, S.I.* (2014). The History of Bureaucracy of the Russian Empire in the Russian Historiography of XIX – Early XX Century. *Bylye Gody*. 34(4): 554-558.
- [Degtyarev, 2015a](#) – *Degtyarev, S.I.* (2015). Bessarabian Functionaries in the Epistolary Legacy of Ivan Sergeyevich Aksakov. *Bylye Gody*. 36(2): 254-259.
- [Degtyarev, 2015b](#) – *Degtyarev, S.I.* (2015). Public and State Significance The Ranks of the Table of Ranks in the Russian Empire at the End of XVIII – the First Half of the XIX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 865-875.
- [Degtyarev et al., 2018](#) – *Degtyarev, S.I., Zavorodnia, V.M., Polyakova, L.G.* (2018). The Contribution of Nikolai Vasilievich Varadinov to the Development of Russian Civil Law and Historical and Legal Research. *Bylye Gody*. 50(4): 1530-1537.
- [Degtyarev et al., 2019](#) – *Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G., Yehorova, O.I., Gut, J.* (2019). Yakov I. Kostenetsky (1811–1885): Life of a Typical Representative of the Noble Intelligentsia of the XIX century. *Bylye Gody*. 53(3): 1067-1077.
- [Degtyarev et al., 2020](#) – *Degtyarev, S.I., Tkachenko, O.G., Polyakova, L.G., Gut, J.* (2020). Ivan Klyushnikov and His Time (1811–1895): the Poet's Spiritual Quest. *Bylye Gody*. 56(2): 571-582.
- [Degtyarev, Polyakova, 2020](#) – *Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G.* (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century

- (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 451-458.
- [Degtyarev et al., 2022](#) – *Degtyarev, S.I., Honcharenko, A.V., Gut, J.* (2022). Employees within the Public Education Sector in the Russian Empire in the first half of the 19th century: Their Place within the Bureaucratic Apparatus and Some Characteristics of Their Service. *European Journal of Contemporary Education*. 11(1): 258-265.
- [Fedosyuk, 2012](#) – *Fedosyuk, Yu.A.* (2012). Chto neponyatno u klassikov, ili Entsiklopediya russkogo byta XIX veka [What is incomprehensible among the classics, or Encyclopedia of Russian life of the XIX century]. Moskva: Flinta. 264 p. [in Russian]
- [Goncharov, 2011](#) – *Goncharov, M.A.* (2011). Sotsial'no-pravovoy status i material'noye polozheniye uchiteley gimnazii v Rossii XIX veka [Social and legal status and financial situation of gymnasium teachers in Russia in the 19th century]. *Nauka i shkola*. 5: 129-135. [in Russian]
- [Gromov, 1989](#) – *Gromov, M.P.* (1989). Kniga o Chekhove [A book about Chekhov]. Moskva: Sovremennik. 384 p. [in Russian]
- [Kormilov, 2013](#) – *Kormilov, S.I.* (2013). «Mayor ved' chin znachitel'nyy!». Ofitsial'nyye znaki gosudarstvennogo i obshchestvennogo prestizha v tvorchestve Chekhova [“Major, after all, the rank is significant!”. Official signs of state and social prestige in Chekhov's work]. *Voprosy literatury*. 5: 381-384. [in Russian]
- [Khizhnyakov, 1947](#) – *Khizhnyakov, V.V.* (1947). Anton Pavlovich Chekhov kak vrach [Anton Pavlovich Chekhov as a doctor]. Moskva: Medgiz. 133 p. [in Russian]
- [Kozhevnikova, 2010](#) – *Kozhevnikova, A.A.* (2010). Tip tvorcheskoy lichnosti v traktovke A.P. Chekhova (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya) [The type of creative personality within of A.P. Chekhov's interpretation (confined to the 150th anniversary of the writer's birth)]. *Sums'kii istoriko-arkhivnii zhurnal*. VIII-IX: 174-183. [in Russian]
- [Lebid et al., 2019](#) – *Lebid, A., Shevchenko, N., Chuikov, O., Svechnikov, V.* (2019). The Officialdom of the Russian Empire: A Modern Historiography of the Issue. Part I. *Bylye Gody*. 54(4): 1490-1505.
- [Lebid et al., 2020a](#) – *Lebid, A., Shevchenko, N., Chuikov, O., Svechnikov, V.* (2020). The Officialdom of the Russian Empire: a Modern Historiography of the Issue. Part II. *Bylye Gody*. 55(1): 115-129.
- [Lebid et al., 2020b](#) – *Lebid, A., Shevchenko, N., Volkov, A., Ponomareva, M.* (2020). The Officialdom of the Russian Empire: a Modern Ukrainian Historiography. *Bylye Gody*. 56(2): 495-507.
- [Lebid, Shevchenko, 2021](#) – *Lebid, A., Shevchenko, N.* (2021). Ukrainian «Enlightened Bureaucracy» in the System of Higher Education of the Russian Empire in the XIX century. *Bylye Gody*. 16(4): 1716-1727.
- [Mironov, 2000](#) – *Mironov, B.N.* (2000). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX century). Genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]. T. 2. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Dmitriy Bulanin». 565 p. [in Russian]
- [Mirskiy, 2003](#) – *Mirskiy, M.* (2003). Doktor Chekhov [Doctor Chekhov]. Moskva: Nauka. 238 p. [in Russian]
- [Molchanov, 2007](#) – *Molchanov, V.B.* (2007). Zhittêviy rîven' chinovnikîv pravookhoronnikh ustanov v Ukraini u XIX – na pochatku XX st. [The life of officials of law enforcement agencies in Ukraine in the 19th century – at the beginning of the 20th century]. Kiyv. 113 p. [in Ukrainian]
- [Moryakova, 1993](#) – *Moryakova, O.V.* (1993). Provintsial'noye chinovnichestvo v Rossii vtoroy chetverti XIX veka: sotsial'nyy portret, byt i nrayv [Provincial bureaucracy in Russia in the second quarter of the 19th century: a social portrait, way of life and customs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 8. Istoriya. 6: 14-29. [in Russian]
- [Nicol'skiy i dr., 2008](#) – *Nicol'skiy, S.A., Filimonov, V.P.* (2008). Russkoye mirovozzreniye. Kak vozmozhno v Rossii pozitivnoye delo: poiski otveta v otechestvennoy filosofii i klassicheskoy literature 40–60-kh godov XIX stoletiya [Russian worldview. How a Positive Deed Is Possible in Russia: Searching for an Answer in Russian Philosophy and Classical Literature of the 40s–60s of the 19th Century]. Moskva: Progress-Traditsiya. 416 p. [in Russian]
- [Ospanova, 2015](#) – *Ospanova, A.A.* (2015). Izucheniye chinovnichestva v rossiyskoy istoricheskoy nauke [The study of bureaucracy in Russian historical science]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. T. 17. 3: 499-502. [in Russian]
- [Pisar'kova, 2002](#) – *Pisar'kova, L.F.* (2002). Rossiyskiy chinovnik na sluzhbe v kontse XVIII – nachale XIX veka [Russian official in the service at the end of the 18th – beginning of the 19th century]. *Otechestvennaya istoriya*. 5: 33-49. [in Russian]
- [Podshivalova, 2005](#) – *Podshivalova, Ye.A.* (2005). Chekhov i Zoshchenko: k voprosu o sootnoshenii avtorskiikh soznaniy [Chekhov and Zoshchenko: on the issue of the correlation of author's consciousness]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 1: 70-74. [in Russian]
- [Pravila ob ekzamenakh, 1810](#) – *Pravila ob ekzamenakh meditsinskiikh chinovnikov* [Regulations on Examinations of Medical Officials]. Sankt-Peterburg, 1810. 27 p. [in Russian]

PSZRI – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobraniye vtoroye. T. 9. Sankt-Peterburg: v Tip. 2 Otd-niya Sobstv. Ye. I. V. Kantselyarii, 1835, 832 p. [in Russian]

Roskina, 1976 – *Roskina, N.* (1976). A.P. Chekhov – istorik meditsiny (s publikatsiyey vypisok iz rukopisi A. P. Chekhova «Vrachebnoye delo v Rossii». 1884–1885 g.g.) [A.P. Chekhov - a historian of medicine (with the publication of extracts from the manuscript of A.P. Chekhov "Medicine in Russia", 1884–1885)]. *Nauka i zhizn'*. 10: 122-124. [in Russian]

Shandra, 2007a – *Shandra, V.S.* (2007). Formuvannia biurokratii v Pravoberezhnii Ukraini. [Formation of bureaucracy in the Right-Bank Ukraine]. *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*. 2: 143-158. [in Ukrainian]

Shandra, 2007b – *Shandra, V.S.* (2007). Chynovnyk z osoblyvykh doruchen pry Kyivskomu Heneral-hubernatorovi: sotsiologichnyi portret. [Official on special assignments under the Kyiv Governor-General: a sociological portrait]. *Problemy istorii Ukrainy XIX-pochatku XX st.* 13: 156-176. [in Ukrainian]

Shepelev, 1991 – *Shepelev, L.Ye.* (1991). Tituly, mundiry, ordena v Rossiyskoy imperii [Titles, uniforms, orders in the Russian Empire]. Moskva: Nauka LO. 228 p. [in Russian]

Shevchenko i dr., 2010 – *Shevchenko, Yu.L., Shalygin, L.D., Matveyev, S.A., Loginov, A.F.* (2010). A.P. Chekhov – vrach – grazhdanin i vydayushchiysya russkiy pisatel' [A.P. Chekhov – a doctor – a citizen and an outstanding Russian writer]. *Vestnik Natsional'nogo mediko-khirurgicheskogo tsentra im. N.I. Pirogova*. T. 5. 4: 142-146. [in Russian]

Sokolov, 2004 – *Sokolov, A.K.* (2004). Istoriya, literatura i iskusstvo [History, literature and art]. *Istchnikovedeniye noveyshey istorii Rossii: teoriya, metodologiya i praktika*. Moskva: Nauka. Pp. 393-445. [in Russian]

Smirnova, 2011 – *Smirnova, Ye.M.* (2011). «Meditsinskiye chiny» v rossiyskoy provintsii (XVIII – seredina XIX vv.) [“Medical ranks” in the Russian provinces (XVIII – mid-XIX centuries)]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 5: 6-19. [in Russian]

Sukhikh, 1987 – *Sukhikh, I.N.* (1987). Problemy poetiki A.P. Chekhova [Problems of poetics A.P. Chekhov]. Leningrad: Izd-vo Leningrad. un-ta, 184 p. [in Russian]

Tokmakova 2008 – *Tokmakova, Yu.N.* (2008). «Blesk i nishcheta»: povsednevnyaya zhizn' provintsial'nogo chinovnichestva v pervoy polovine XIX veka [“Shine and poverty”: everyday life of provincial officials in the first half of the XIX century]. *Kursk region*. 3/4: 46-50. [in Russian]

Vasil'yev, 2002 – *Vasil'yev, K.K.* (2002). Biobibliograficheskiy slovar' L.F. Zmeyeva «Russkiye vrachi pisateli» kak istochnik dlya izucheniya istorii meditsiny Sumshchiny [Biobibliographic Dictionary of L.F. Zmeyeva "Russian Doctors Writers" as a source for studying the history of medicine in the Sumy region]. *Sums'ka starovina*. X: 150-166. [in Russian]

Vasil'yev, 2005 – *Vasil'yev, K.K.* (2005). Iz istorii meditsinskogo dela Sumshchiny XVIII-XIX vv. (k 350-letiyu g. Sumy) [From the history of medical affairs of the Sumy region of the XVIII-XIX centuries. (to the 350th anniversary of the city of Sumy)]. *Sums'ka starovina*. XV: 163-185. [in Russian]

Vasil'yev, 2007 – *Vasil'yev, K.K.* (2007). Professor N.I. Kefer (1864–1944) i yego vospominaniya [Professor N.I. Kefer (1864–1944) and his memoirs]. *Sums'kii istoriko-arkhivnii zhurnal*. II-III: 80-116. [in Russian]

Vyaz'mitinov, 2017 – *Vyaz'mitinov, M.N.* (2017). Sistema material'nogo obespecheniya i pooshchreniya prepodavateley i uchiteley v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh imperatorskoy Rossii [The system of material support and incentives for teachers and teachers in educational institutions of Imperial Russia]. *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2: 4-14. [in Russian]

Zayonchkovskiy, 1978 – *Zayonchkovskiy, P.A.* (1978). Pravitel'stvennyy apparat samodержavnoy Rossii v XIX v. [The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century]. Moskva: Mysl'. 289 p. [in Russian]

Zimin, 2003 – *Zimin, I.M.* (2003). Meditsinskaya intelligentsiya v soslovnoy strukture Rossiyskoy imperii XIX veka [Medical intelligentsia in the estate structure of the Russian Empire of the 19th century]. *Problemy sotsial'noy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 6: 49-51. [in Russian]

Zimin, 2004 – *Zimin, I.V.* (2004). Podgotovka meditsinskih kadrov v Rossii: (XIX – nachalo XX vv.) [Training of medical personnel in Russia in XIX – the early XX centuries]. St. Petersburg. 367 p. [in Russian]

Zobnin i dr., 2010 – *Zobnin, Yu.V., Blokhina, N.N., Kalyagin, A.N.* (2010). Vrach i pisatel' – Anton Pavlovich Chekhov (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya) [Doctor and writer – Anton Pavlovich Chekhov (to the 150th anniversary of his birth)]. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal*. 4:128. [in Russian]

Чиновник низшего и среднего звена Российской империи в конце XIX века: научное и литературное сопоставление

Валентина Васильевна Бездрабко ^a, Сергей Иванович Дегтярев ^{b, c, *}

^a Киевский национальный университет культуры и искусств, Киев, Украина

^b Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^c Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В рамках исследования выясняются социальные свойства чиновничества русской империи XIX века на примере повестей и рассказов Антона Павловича Чехова. Одновременно авторы провели компаративный анализ образа «чеховского» чиновника и государственного служащего низшего и среднего звена, сконструированного на основе исследований ученых-историков XX – начала XXI веков.

Актуализация произведений А.П. Чехова как факта объективной действительности, исторического источника в изучении истории бюрократии составила цель исследования, для реализации которой были применены историко-хронологический, историко-типологический, структурно-системный методы изучения художественной литературы. Источниковую базу исследования составляет литературное наследие русского писателя, а также труды историков XX – начала XXI веков. На основании проведенного исследования сделан вывод о повседневном чиновничестве низших рангов, их социальном происхождении, качественном составе, ментальных установках, особенностях профессиональной деятельности, роли социальных связей в служебном продвижении, субординации в пределах иерархии чинов, значении системы наград и знаков отличия. Специфическую субкультуру классного чиновничества иллюстрируют образы чеховских литературных героев, выписанных автором из собственного жизненного опыта, знакомств и профессиональной деятельности. Многовекторность сюжетных линий позволяет разносторонне воспринимать образ бюрократа и исторически обусловленный фон его жизни и деятельности.

В целом ученые-историки реконструировали образ чиновника низшего и среднего звена конца XIX века, который вполне коррелируется с собирательным литературным образом служащего, созданным классиком литературы А.П. Чеховым.

Ключевые слова: история чиновничества, чин, чиновник, бюрократия, Российская империя, дискриминационная политика, управление, эффективные институты, судебная система, А.П. Чехов, творчество А.П. Чехова.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: starsergo2014@gmail.com (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1301-1312
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1301

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Relations between the University Professorship and the Bureaucracy in Late Imperial Russia (based on the History of the Imperial Tomsk University)

Alexei O. Stepnov ^{a, *}, Sergei A. Nekrylov ^a

^aTomsk State University, Russian Federation

Abstracts

The article examines the relations between the professors of the Imperial Tomsk University and the bureaucracy in late Imperial Russia. These relations are interpreted ambiguously. On the one hand, the professorship of Imperial Universities is characterized as a trans-estate professional and corporate group with its own subculture, and on the other – as a corporation in many ways similar to the bureaucratic elite. It is emphasized that the modern bureaucracy of the late Imperial Russia really had qualities that brought it closer to the professorship. This is, first of all, a high level of education and awareness of their cultural mission to transform Russia based on the experience of European development. At the same time, the patronizing rhetoric and personalized control that the trustees and officials of the Ministry of National Education (MNE) used in their relations with the professorship indicate the patrimonial tradition. During the validity period of the University Charter of 1884 these elements have become a means for the restriction the academic autonomy. It is proved that professors mostly preferred non-conflict dealing with this restriction. Evasion of control and fencing of the space of direct self-expression, in particular in lecture halls, from fixation by sources having "evidentiary force", however, led to the fact that the trustee and officials of the MNE lose confidence in the professor to the professors. Under these circumstances the collective image of the professorship built up in the narratives of officials turned out to be loaded with often unverified conspiracy features of a force threatening the "legal order of things" in the Russian Empire.

Keywords: universities, the Russian Empire, professorship, bureaucracy, patrimonial traditions, academic autonomy.

1. Введение

Самодержавная архитектура режима в России императорского периода оказала определенное влияние на рецепцию идеи университета. Подчас это влияние переоценивается, и в крайних своих воплощениях экзотизация университетов в России доходит до характеристики их как института воспроизводства и поддержания сословно-патриархального порядка. Понятен скепсис в отношении такого подхода, не оставляющего места для феномена академической автономии, а сами российские университеты представляющего в корне отличными от европейского прототипа. Однако в свете современной историографии концепция сращивания университетов и бюрократии в Российской империи выглядит не столь однозначно. В последние десятилетия существенному переосмыслению подвергся коллективный портрет российского чиновника позднеимперского периода, когда, по мнению ряда исследователей, шел переход от патримониальной к рациональной бюрократии. И хотя последствия этого процесса интерпретируются и как фатальные в силу столкновения модерна элит и традиции масс, в контексте нашего исследования он обнаруживает размытость границ между профессорско-преподавательским корпусом императорских университетов и чиновничеством, прежде всего по ведомству Министерства народного просвещения (далее также МНП). Вместе с тем

* Corresponding author

E-mail addresses: asaom@yandex.ru (A.O. Stepnov)

устойчивы унаследованные еще от советской историографии представления об антагонистичности этих социально-профессиональных групп. Следует признать, что эти представления достаточно основательны и подтверждаются распространенными практиками самоописания профессоров и прочих членов преподавательского состава дореволюционных российских университетов. Весомыми их делает и история фронды ученых, нередко настроенных оппозиционно по отношению к самодержавию. Однако же весьма убедительны и доводы в пользу причисления университетской корпорации к привилегированному слою российского чиновничества не только по юридическому критерию, но и в контексте ощущения собственной социальной миссии. Связующие элементы современной бюрократической элиты рассматриваемого периода, которые Йорг Баберовски определяет как служебный этос, образование и культурный код (Баберовски, 2008: 82), явно родственны идентичности профессуры. Для выяснения природы такой неопределенности в статье предлагается рассмотреть отношения университетской профессуры и чиновничества в поздней имперской России с точки зрения особенностей их социального взаимодействия. Динамика и контекст конструирования «чужого» в восприятии чиновничеством образа профессора позволят оценить феномен конфронтации сообществ, идентичных по некоторым критериям.

2. Материалы и методы

Исследование подготовлено преимущественно на материалах делопроизводственной документации, хранящейся в Государственном архиве Томской области, Российском государственном историческом архиве, отделе хранения документальных источников Национального музея Республики Татарстан. Часть архивных источников вводится в научный оборот впервые. Задействованы и источники личного происхождения, и материалы периодической печати.

Опорными для исследования, выполненного с использованием сравнительно-исторического, историко-типологического и проблемно-хронологического методов, являются понятия, характеризующие процесс модернизации бюрократии в контексте социального развития: присутственное общество, патримониальное и рациональное чиновничество, персонафицированный контроль.

3. Обсуждения

В классических исследованиях истории императорских университетов в России подчеркивается двойственное положение университетской профессуры в социальной иерархии Российской империи. С одной стороны, чиновническое «бремя» справедливо толкуется как привилегия. По Общему уставу императорских российских университетов 1884 г. по полной выслуге лет профессора достигали от V до III чина по Табели о рангах. По сведениям, сообщаемым А.Е. Ивановым, вплоть до 1917 г., несмотря на демократизацию профессорско-преподавательского корпуса, значительную часть профессоров составляли дворяне по рождению, преимущественно потомки служилого дворянства, что, с точки зрения историка, было результатом «сословной фильтрации» (Иванов, 1991: 226). Величественные интерьеры, в которых проходили торжественные акты и заседания советов университетов, вручения профессорам государственных наград всякий раз напоминали об их принадлежности к учреждениям императорского статуса. Такие атрибуты долгое время усиливали эстетику грубого вмешательства государства в дела университетов. С другой стороны, Г.И. Щетинина систематически подчеркивала обреченность этого вмешательства, «враждебность самодержавия передовой науке» и «любому проблеску независимости», а разделяемую немалым числом профессоров убежденность, по крайней мере до начала XX века, в возможности академической автономии при царском режиме считала «иллюзией» (Щетинина, 1976: 55, 172, 174). В монографии Р.Г. Эймонтовой несовместимость университетской профессуры и бюрократического аппарата была интерпретирована и как социально-психологическая (Эймонтова, 1985: 234). А.Е. Иванов и И.П. Кулакова в более поздних исследованиях характеризуют профессоров и преподавателей высшей школы Российской империи как бессловную профессионально-корпоративную группу со своей субкультурой (Иванов, Кулакова, 2013: 134). При этом Иванов подчеркивает «антибюрократический» характер этой группы. В новейшей историографии социальной истории императорских российских университетов такой подход, в общем, находит свое отражение. Несмотря на то, что Устав 1884 г., по компромиссному видению, был направлен на превращение профессоров и преподавателей в чиновников, в университетской среде конца XIX – начала XX веков сохранялись устремления к «чистой науке», нетерпимость к внешним формам давления и верность, с другой стороны, идеалам автономии. Возникавшие на этом фоне конфликты исследованы И.В. Черказьяновой, М.В. Новиковым и Т.Б. Перфиловой (Черказьянова, 2005; Новиков, Перфилова, 2013). В трудах С.А. Некрылова, Е.А. Ростовцева, М.В. Грибовского отчуждение университетских ученых от чиновничества прослежено и в нарративах самоописания (Некрылов, 2010; Ростовцев, 2017; Грибовский, 2018). Ростовцев при этом подчеркивает, что оппозиционность власти со стороны «ученого сословия» приводило к игнорированию социального заказа и утилитарных целей государства (Ростовцев, 2021: 685-686).

Практики самоописания ученых в зеркале их «антагонистов» – царских чиновников – неоднозначно отражают корпоративный портрет профессуры и прочих членов преподавательского

состава университетов. Такой подход вполне объясним с точки зрения реалий советской историографии. Вместе с тем исследования последних десятилетий предлагают иное видение поздней Российской империи, где осуществлялась трансформация бюрократической элиты от патримониального к рациональному типу. В фундаментальном труде Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну» подчеркивается, что развитие юстиции и поступление на государственную службу высокообразованных иностранцев и до реформ 1860-х гг. способствовали этой трансформации. К этому добавлялось и то, что государственная служба была одним из немногих пристанищ, где образованный человек мог реализовать свои способности и амбиции. Развитие сети высших учебных заведений, хотя и недостаточно динамичное, давало свои результаты, и, по приводимым Мироновым данным, в 1897 г., к примеру, по ведомству МНП доля чиновников с высшим образованием составляла 54,9 % (Миронов, 2018: 502). Высокий уровень образования бюрократической элиты и, с другой стороны, «огосударствленность научного сообщества» России конца XIX – начала XX вв. позволяют С.В. Куликову делать вывод о конвергенции, взаимопроникновении этих групп, хотя и не тождественности их (Куликов, 2003). Освещавшиеся неоднократно процессы участия ученых в осуществлении государственных проектов, прежде всего через членство в создаваемых различными министерствами комиссиях, в известной мере обосновывают эти выводы. В то же время обращает на себя внимание то, что Куликов фактически смешивает понятия «бюрократия», «интеллигенция» и «научное сообщество». Не в полной мере безупречным и аргументированным выглядит и своеобразное объяснение им частых конфликтов между учеными и чиновниками в рассматриваемый период. Более нюансированный подход к этой проблеме предлагает Труде Маурер (Maurer, 1998: 835-864). И если в личных достижениях, профессиональной этике и идентичности она усматривает базовые отличия университетской профессуры от чиновничества, то это не дает ей повода отождествлять ученых с интеллигенцией. Напротив, гражданская и профессиональная ответственность профессоров, воспитанная десятилетиями ученой деятельности и практической вовлеченности в общественные дела, с точки зрения как Маурер, так и Кэссоу, не позволяли им идентифицировать себя с радикальной интеллигенцией (Маурер, 2015; Kassow, 1989). Однако, как показало исследование Д. Вартенвейлера, это приводило подчас к трагическому противоречию между непотворением самодержавию революционными методами и сохранением интеллектуальной свободы, призванной воспитать сознательного гражданина и тем самым направить развитие страны по эволюционному пути (Wartenweiler, 1999). Заметим, что именно в этом трагическом аспекте профессура, в свою очередь, оказалась близка модернизирующейся бюрократической элите поздней Империи.

Таким образом, имеющиеся интерпретации отношений профессуры и чиновничества в поздней имперской России отмечены двумя тенденциями. Прежде всего, это вполне справедливое стремление историков сохранить четкость очертаний исследуемого объекта – университетской профессуры и тем самым вывести за пределы исследуемого дискурса их родство с той социально-профессиональной группой, которая и в нарративах самоописания представляется как антагонистичная. Во-вторых, это опора на зачастую нерелевантный образ этого антагониста – царского бюрократа, который в нарративных репрезентациях ученых неизбежно подчинялся диктату ненадежного рассказчика. Вместе с тем авторы статьи намерены подчеркнуть обратный эффект – искажение образа университетского профессора в восприятии чиновника. Природа видения «чужого» в близкой в социально-профессиональном плане группе, думается, скрыта в самих коммуникационных реалиях их взаимодействия, к которым и хотелось бы обратиться.

4. Результаты

В соответствии с положениями Общего устава императорских российских университетов 1884 г. заполнение вакантных кафедр и в целом формирование профессорско-преподавательских коллегий преимущественно зависело от решений Министерства народного просвещения. Однако министр нередко руководствовался при этом мнением профессуры, выраженным голосованием на заседаниях совета, и ходатайством попечителя учебного округа. По А.Е. Иванову, последняя практика превалировала, в то время как замещение вакансий «по собственному усмотрению» министра практиковалось в экстремальных ситуациях по типу той, что случилась в Императорском Московском университете после массовой отставки профессоров и преподавателей в феврале 1911 г. (Иванов, 1991: 230). Традиционно считается, что такая процедура ставила членов университетской корпорации в довольно униженную зависимость от бюрократической власти (Щетинина, 1976: 165; Новиков, Перфилова, 2013: 32-33).

Отступление от принципа свободного комплектования профессорско-преподавательского корпуса символизирует Устав 1884 г. и выделяет его на фоне предыдущего, часто считающегося либеральным. Императорский Томский университет (далее также ИТУ), учрежденный указом Александра II в 1878 г. и открытый в 1888 г., в отличие от многих других университетов Российской империи, формировался и развивался исключительно в условиях действия Устава 1884 года. В проекте «Записки о состоянии русских университетов», составленной избранной Советом ИТУ на заседании 23 мая 1901 г. комиссией, Томский университет назван «детищем Устава 1884 г.» (Записка..., 1901: 1).

Отмечавшиеся современниками негативные тенденции (связанные с положениями Устава 1884 г.) «искательства» и «угодничества» ученых перед чиновниками, то, что в прессе называлось «паломничеством в Петербург» (Новиков, Перфилова, 2015: 92-93), уступали протестным аспектам, вызванным и значительным ограничением в суверенных полномочиях советов университетов. Устав, который в России, где университеты, в отличие от европейских стран, в защите от государственного произвола не могли опереться на гражданское общество, призваны были, по замечанию Кэссоу, заменить доверие (Кэссоу, 1992: 323), после 1884 г. стал источником недоверия, достигавшего, как нам предстоит увидеть, параноидального уровня.

Влияние государства на университеты через процедуру замещения вакантных мест ограничивала заметная нехватка кадров. В Томском университете эта проблема будто бы стояла особенно остро. Во многом неблагоприятные условия (провинциальное окружение, суровый климат, отдаленность от центров науки и образования), несмотря даже на некоторые льготы и преференции, долгое время затрудняли поиск претендентов на свободные позиции. Достаточный молодой состав первых профессоров Томского университета, определенная неопытность их в делах ученой коллегии отнюдь не стали предпосылкой для их скорой адаптации к условиям Устава 1884 г. Напротив, ни попечитель, ни министр народного просвещения не обнаруживали в их лице «идеальных» членов сообщества. Повторим здесь ранее сказанное: этот «идеал» был идентичен чиновнику – государственному служащему, от которого, по крайней мере, следовало бы ждать предсказуемости в действиях и открытости в мотивациях. Важны, однако, не столько конфронтационные предпосылки, заложенные Уставом 1884 г. и предысторией и контекстом его принятия, сколько то, что профессор ИТУ и чиновник от просвещения находились в отношениях, в которых конфликт был загружен в матрицу компромисса.

Конфликтным было взаимодействие членов Совета ИТУ и попечителя Западно-Сибирского учебного округа (далее также ЗСУО). Устроитель Томского университета В.М. Флоринский, внесший значительный вклад в дело реализации идеи первого университета в Азиатской России, занимал пост попечителя ЗСУО с 1885 по 1898 г. Первые профессора Томского университета, среди которых были экстраординарные профессора: по кафедре гистологии и эмбриологии – А.С. Догель, по кафедре геологии и минералогии – А.М. Зайцев, по кафедре ботаники – С.И. Коржинский, а также ординарный профессор по кафедре химии (с 1890 г. – неорганической и органической, совместно с медицинской) С.И. Залесский – не пользовались доверием попечителя. Их предосудительные, с точки зрения Флоринского, действия привели к тому, что освобождены от обязанностей членов правления были: в октябре 1889 г. Залесский, а летом 1890 г. – Догель и Коржинский. Е.В. Корш, первый секретарь Правления ИТУ, вспоминал: «На мне, как на секретаре, лежала тяжелая обязанность докладывать попечителю постановления Правления, а Правлению – замечания попечителя и выслушивать взаимные нарекания и обиды, причем обе стороны не скупались на резкие выражения. Часто во время моего доклада попечитель распорядился пригласить к нему того или другого профессора, и тут же, при мне, начинался тяжелый, нередко прямо грубый спор, превращавшийся в непристойное препирательство. ...Такие сцены стали повторяться почти при каждом моем докладе. Взаимное раздражение росло и обещало породить серьезный конфликт между университетом и попечителем» (Корш, 1910: 54-55). Флоринский отмечал, что, «не имея иного выбора, пришлось организовать первый состав Правления из лиц, совершенно неопытных, мало к тому способных и, как оказалось, довольно легкомысленных» (НМРТ. ОХДИ: ед. хр. КППи-117959-226). В то же время репутация самого Флоринского, сконструированная в коллективном восприятии профессуры ИТУ, приняла с тех пор весьма определенные очертания. Так, и.д. экстраординарного профессора по кафедре истории русского права ИТУ И.А. Малиновский по приезду своем в Томск в 1898 г. обнаружил, что город, «в особенности при попечителе Флоринском, был тише воды ниже травы». «Эраст Гаврилович Салищев (ординарный профессор по кафедре оперативной хирургии ИТУ – Авт.), – вспоминал Малиновский, – рассказывал мне много любопытных эпизодов из истории самодержавного управления Флоринского Томским университетом» (Малиновский, 2014: 293).

Сам И.А. Малиновский, наряду, прежде всего, с и.д. ординарного профессора по кафедре политической экономики и статистики М.Н. Соболевым и ординарным профессором по кафедре уголовного права и уголовного судопроизводства Н.Н. Розиным, в силу уже преимущественно их либеральных политических взглядов, имел нарекания со стороны МНП и Л.И. Лаврентьева, попечителя Западно-Сибирского учебного округа с 1899 по 1914 г. Недоверие вызывали с 1906 г. и приват-доцент, а впоследствии ординарный профессор по кафедре полицейского права ИТУ Н.Я. Новомбергский, а также экстраординарный профессор по кафедре политической экономики и по кафедре государственного права М.А. Рейснер.

Взаимное недоверие попечителя ЗСУО и профессоров ИТУ порой выливалось в конфликт. Было бы, однако, заблуждением полагать, что конфликтность эта являлась столь бескомпромиссной, чтобы ее можно было назвать открытой борьбой за академическую автономию. Напротив, случай, описанный Коршем, носил скорее характер эпизодический, в то время как практики нормативного взаимодействия профессоров и попечителя имели несколько иные траектории. Так, обращает на себя внимание решение Правления ИТУ, вынесенное на заседании 13 января 1890 г. В тот день поступило

ходатайство университетского библиотекаря С.К. Кузнецова о приеме на работу в библиотеку второго служителя, а вместе с тем о повышении жалования первого служителя Д. Попова. Большинство голосов С.И. Коржинского, А.С. Догеля и ординарного профессора по кафедре нормальной анатомии Н.М. Малиева С.К. Кузнецову в ходатайстве было отказано (ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 30. Л. 40б.-5). В журнале Правления не нашло отражения содержание «дебатов» по этому вопросу, что обратило внимание В.М. Флоринского, которому, согласно 45 ст. Университетского устава, этот документ представлялся для утверждения. Следует отметить, что попечитель следил за делопроизводством весьма основательно, всякий раз требуя исправлений и объяснений там, где считал это необходимым. И в этот раз Флоринский потребовал «в возможно непродолжительном времени» изложить мотивы, «побудившие сих членов Правления отклонить упомянутое ходатайство», которое нашел «вполне основательным» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 480. Л. 900б.).

В своем заявлении на имя попечителя от 19 марта 1890 г. Догель, Малиев и Коржинский апеллировали к тому, что довольствие служителя библиотеки не может быть равным жалованью служителей естественно-исторических кабинетов и упомянутого Кузнецовым ботанического сада ИТУ в силу большей нагрузки у последних и необходимости «некоторых специальных знаний». Данное заявление, безупречный дипломатический стиль которого не вызывает подозрений в антипатии его авторов по отношению к попечителю, содержит отсылку к более ранним ходатайствам профессоров относительно жалования служащих кабинетов: «Самая мысль об увеличении содержания, как известно членам Правления, решительно была отклонена Вашим превосходительством по крайне бережному отношению к университетским средствам, расходуемым лишь на неизбежные потребности». И далее: «Мы не находим в данном случае никакого достаточного основания отступить от этой руководящей идеи, делать исключение и выделять служителей библиотеки из ряда других, не менее его заслуживающих поощрения» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 480. Л. 97-970б.). Значение этих слов не может быть раскрыто вполне без контекста. Дело в том, что вопрос о распределении финансирования в ИТУ был камнем преткновения. Покупка книг и оборудования для учебно-вспомогательных учреждений, оплата по счетам за товары для них, наконец, решения Правления о развитии материально-технической базы университета нередко вызвали жесткую реакцию попечителя. Ограниченность в средствах бюджета ИТУ заставляла Флоринского указывать профессорам на «недопустимость излишеств». Предметом разногласий был и пожертвованный предпринимателем А.М. Сибиряковым капитал в 100 тыс. руб. на устройство и содержание «Сибирского университета с четырьмя факультетами». Поскольку ИТУ был открыт в составе одного медицинского факультета, то и расходование, как полагал Флоринский, следовало разделить паритетно, с учетом открытия в будущем трех недостающих факультетов. Однако члены Правления подчас пренебрегали волей жертвователя. По воспоминаниям Корша, одно из «тяжелых препирательств» между В.М. Флоринским и А.М. Зайцевым было вызвано именно инициативой Правления воспользоваться предназначенной для дальнейшего устройства физико-математического факультета (открыт в составе ИТУ в 1917 г.) частью Сибиряковского капитала (Корш, 1910: 54-55). Подчеркнутое указание в заявлении Догеля, Малиева и Коржинского на верность «руководящей идее» «бережного отношения к университетским средствам» обнаруживает альтернативную открытому столкновению скрытую конфронтацию. Апроприация риторики В.М. Флоринского позволяла профессуре имитировать ожидаемую от нее покорность, сохраняя автономное состояние в скрытом виде и лишая тем самым попечителя возможности реализовать силу своей «самодержавной» воли.

Разумеется, Флоринский считывал подтекст заявлений и действий профессоров. Он назвал «неблагоразумным» отказ Коржинского и Догеля «без объяснения причин» от посещения заседаний Правления, на которых рассматривалось поведение студентов. Этому отсутствию предшествовало несколько решений Правления. 21 декабря 1889 г. после заявления инспектора ИТУ А.С. Еленева о неподобающем поведении, в основном о пьянстве, нескольких студентов Правление большинством голосов Догеля, Малиева и Коржинского сочло этот вопрос «выходящим за пределы его компетенции», а определение меры взыскания предоставило ректору, ординарному профессору по кафедре физиологии В.Н. Великому (ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 21. Л. 2090б.). Ознакомившись с журналом Правления, В.М. Флоринский в своем послании профессорам указал, что «взгляд, требующий полного индифферентизма Правления к проявлениям среди студентов упадка нравственности, не согласен ни с духом действующего Университетского устава, ни с дальнейшим правильным развитием студенческой жизни». Попечитель «просил» профессоров принять это разъяснение на «будущее время к надлежащему руководству» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 480. Л. 39-390б.). Однако уже 3 февраля 1890 г., на заседании Правления был рассмотрен проступок студента М. Святского, в пьяном виде ударившего в общежитии служителя инспекции (педея), и в прениях профессора Догель и Малиев встали на защиту Святского. Догель, в частности, высказал сожаление в связи с тем, что «на должности служителей инспекции избираются лица не интеллигентные». Ректор Великий и инспектор Еленев тогда высказались за «временное увольнение» Святского из числа студентов ИТУ, что и было принято окончательным решением. Профессор С.И. Коржинский на том заседании отсутствовал (ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 30. Л. 30-320б.). И в связи с данным решением

Флоринский «поставил на вид» отдельным членам Правления несоответствие их позиции «нравственно-воспитательным задачам» университета и ужесточил решение профессорской коллегии, «исключив из университета» Святского, согласно п. Ж § 31 «Правил для студентов университета» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 480. Л. 48). Подчеркнем, что в данном параграфе указывается, что «проступки студентов по нарушению ими вышеозначенных правил разбираются инспектором, ректором или правлением» (Правила для студентов: 15). Таковы были условия, в которых отдельные профессора стали воздерживаться от посещения заседаний Правления ИТУ, когда на них разбирались дела о дисциплинарных проступках студентов. В одном из служебных писем Флоринский заподозрил, что они «умышленно уклонялись от заседаний, зная, по какому случаю эти заседания были назначены» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 480. Л. 94).

28 октября 1902 г. товарищ министра народного просвещения С.М. Лукьянов обратился к ректору ИТУ и управляющему ЗСУО А.И. Судакову с просьбой «произвести безотлагательное расследование» о соответствии одной газетной заметки содержанию лекции профессора Рейснера (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 15). Речь шла о публикации «Первая лекция профессора М.А. Рейснера» на страницах газеты «Сибирская жизнь» (1902, 10 окт.). Незадолго до этой публикации, 7 октября того же года, в переполненной аудитории главного корпуса ИТУ Рейснер по недавнем своем возвращении из заграничной командировки прочел вступительную лекцию (Профессора..., 1996: 205). Довольно скандализующее содержание газетной публикации (сравнение политического строя России и Европы с заметными элементами критики самодержавия), в которой предположительно излагалась эта лекция, и привлекло внимание Лукьянова. Впрочем, в письме от 22 ноября 1902 г. на имя А.И. Судакова М.А. Рейснер заявил: «Означенной репортерской заметки я отнюдь текстом моей лекции признать не могу». И далее: «Не могу вместе с тем не выразить моего крайнего удивления, что научные лекции в университете, будучи предметом моей должностной деятельности, становятся предметом репортерских отчетов в местной прессе, которые в свою очередь по общему правилу являются полным искажением истины» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 22). «Сообщения из самых достоверных источников», однако, заставили А.И. Судакова усомниться в словах Рейснера, а его ответ воспринять как «несомненно уклончивый» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 32-320б.). Для подтверждения своих подозрений Судакову требовалась рукопись публикации, которую редакция «Сибирской жизни» «по литературным обычаям» изначально предоставить отказалась. Однако издатель газеты известный меценат П.И. Макушин изменил свои намерения, когда 11 января 1903 г. во время личной встречи с Судаковым узнал об упомянутом письме Рейснера. Судаков получил рукопись. «Я был поистине изумлен увиденным, – делился он своими впечатлениями в служебном письме Лукьянову, – рукописный отчет, слитенный мною с напечатанным в № 220 газеты, оказался дословно написанным самим профессором Рейснером, причем все поправки в отчете сделаны были также его рукою» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 410б.). По сообщению Судакова, и ранее Рейснер «категорически отказался» от «не соответствующих достоинству нашего правительства выражений», якобы употребленных им 26 февраля 1901 г. в посвященной памяти Т. Шевченко речи (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 33).

Нередко считается, что Устав 1884 г. ограничивал свободу преподавания в университетах. И хотя это имеет под собой основание, следует обратить внимание на то, что лекционное пространство, в сущности, оставалось неподконтрольным администрации. По воспоминаниям И.А. Малиновского, даже вступительную свою лекцию в ИТУ он читал при почти полном отсутствии коллег (Малиновский, 2014: 288). Достоверно узнать о содержании лекции, ставшей предметом скандала и общественного резонанса, зачастую не представлялось возможным. Конспект лекции, в частности упомянутой вступительной лекции Рейснера, который предоставил его по запросу Судакова, едва ли всегда мог гарантированно отражать сказанное в университетской аудитории. Не в полной мере надежным источником были и служащие инспекции студентов. Так, инспектор студентов ИТУ В.П. Григоровский не смог вполне доложить Судакову о содержании лекции Рейснера, состоявшейся 19 ноября 1902 г. и посвященной предположительно памяти покойного и.д. экстраординарного профессора по кафедре финансового права ИТУ П.С. Климентова: об «истинном» содержании лекции Судаков также узнал из газетной заметки (Сибирская жизнь: 1902, 19 нояб.), а не из предусмотренного программой курса государственного права предмета (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 24). И.д. ординарного профессора по кафедре гражданского права и гражданского судопроизводства И.А. Базанов, занимавший тогда должность декана юридического факультета ИТУ, в письме А.И. Судакову подчеркнул, что «содержание лекций профессора Рейснера не известно факультету», а «репортерские отчеты о лекциях не могут иметь никакой документальной силы». Кроме того, Базанов отметил в том письме: «Лекции, выходящие из предметов текущего курса, в частности посвященные памяти скончавшегося товарища или имеющие общий характер вступления в курс, допустимы и ходу преподавания не препятствуют» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 30).

Следует заметить, что должность ректора или декана как промежуточная между профессурой и чиновничеством в исследуемых играх уклонения накладывала бремя непростого выбора. И если Базанов выразил солидарность с принципом неприкосновенности лекционного пространства, то иную позицию избрал его предшественник в должности декана юридического факультета,

экстраординарный профессор по кафедре римского права И.Г. Табашников. 21 сентября 1901 г. в ответ на запрос А.И. Судакова он сообщил о том, как годом ранее стал свидетелем экзамена по энциклопедии права. Принимал его тот же М.А. Рейснер. По словам Табашникова, «ни один из экзаменовавшихся студентов не обнаружил вполне ясного и точного представления о главнейших институтах права, входящих в состав всех юридических дисциплин» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1564. Л. 44-45). Профессор апеллировал к явному несоответствию программы курса действительному содержанию лекций Рейснера, хотя и не взял на себя ответственности судить об этом действительном содержании. Ролевая модель, которую в данном случае избрал Табашников, не соответствовала доминировавшим среди профессоров тактикам уклонения в отношениях с чиновничеством. Альтернативную модель избрал Базанов, когда, вопреки заявлению Табашникова, заявил Судакову позднее, что «факультет имеет честь удостоверить, что результаты экзаменов всегда признавались факультетом удовлетворительными» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 30). Все, что происходило в лекционной аудитории, оставалось в лекционной аудитории.

Не добавляли определенности в картину лекционного пространства и записи студентов. В феврале 1910 г. во время обыска у студента ИТУ Яницкого «в числе различной переписки революционного характера» была обнаружена рукопись, содержание которой признавалось политически крамольным. Яницкий заявил, что рукопись является записью лекции, прочитанной в ИТУ профессором И.А. Малиновским в декабре 1909 г. Министр просвещения А.Н. Шварц охарактеризовал содержание рукописи как «совершенно недопустимое для профессора Императорского университета» и попросил попечителя ЗСУО Л.И. Лаврентьева проверить достоверность показаний студента. В своем довольно основательном ответе на это обвинение Малиновский указал на незнание автором рукописи фундаментальных основ истории и теории права, допущенные им понятийные и фактические ошибки, просторечные, «вульгарные выражения», небрежность в формулировках. Все это справедливо признавалось неммыслимым для лекции университетского профессора. Не отрицая некоторые совпадения между текстом рукописи и тематикой его лекций, профессор все же отметил искажения даже в этих фрагментах со ссылкой на программу и конспект собственных лекций по истории русского права. Малиновский отмечал: «Можно предполагать, что сделанные автором рукописи заметки являются отголоском того, что он вычитал в книгах или слышал на лекциях, но несомненно, что это отголосок слабый, отдаленный и фальшивый» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2604в. Л. 320б.).

Представленный в рукописи текст «ожидаемо» приписывался Л.И. Лаврентьевым Малиновскому. В служебном письме товарищу министра просвещения Г.К. Ульянову Лаврентьев заметил: «Будучи очень близко знаком с деятельностью Малиновского, я нисколько не сомневался, что означенная рукопись, если и не представляет собой буквальную передачи лекции Малиновского, то, во всяком случае, мысли, в ней изложенные, бесспорно, во всех отношениях вполне отвечают воззрениям Малиновского» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2604в. Л. 25-250б.). Однако юрист И.А. Малиновский не мог не понимать, что, в отличие от рукописи Яницкого, его объяснение имеет «документальную силу», что не оставляло попечителю формального повода для обвинения.

Любое свидетельство о содержании лекций, изложенное и в конспектах студентов, могло быть оспорено. В отличие от дела Рейснера, найти документальное доказательство цитирования слов Малиновского в рукописи Яницкого не удалось. Однако даже добросовестная запись лекции не всегда отражала ее содержание. В свое время Р.Г. Эймонтова обратила внимание на эффект нерелевантности «восприятия слушателей лекции» «мыслям и настроениям лектора» (Эймонтова, 1985: 229). Этот эффект отчасти мог сработать и в случае со студентом Чадовым, который был обвинен в искажении упомянутой уже лекции Рейснера о П.С. Климентове. Так или иначе, Лаврентьев оказался готов поверить в версию Яницкого, а Судаков – в версию Чадова. Как и Флоринский ранее, они прониклись подозрением к профессорам, ожидая от них уклончивых действий. Эти ожидания проявились и в 1910 г., когда А.Н. Шварц предложил И.А. Малиновскому и М.Н. Соболеву либо отказаться от редактирования оппозиционной газеты «Сибирская жизнь» (профессора состояли редакторами этой газеты сначала в 1905–1906, а затем в 1907–1910 гг.), либо оставить службу в ИТУ. И.А. Малиновский 15 июня 1910 г. сообщил И.А. Базанову, что «никакого участия» в редактировании газеты он уже не принимает. В августе того же года и М.Н. Соболев проинформировал руководство ИТУ, что еще в начале года «по личным соображениям» сложил с себя обязанности редактора (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2604в. Л. 43). Однако же ввиду «таких уклончивых, двусмысленных, а отчасти и совершенно несообразных ответов» Лаврентьев обратился в управление Томской губернией, дабы убедиться в чистоте намерений Малиновского и Соболева. Из полученной справки Лаврентьев узнал, что утверждение Малиновского «есть наглая ложь». В дальнейшем редактором «Сибирской жизни» стал «тюменский мещанин» Г. Баитов, а издательство ее перешло к Сибирскому товариществу печатного дела. Однако, поскольку учредителями этого товарищества были Малиновский и Соболев, Лаврентьев и впредь сохранил убеждение, что новый редактор исполняет свои обязанности фиктивно, а фактическое редактирование по-прежнему осуществляют два профессора ИТУ. «Довольно прозрачный эзопов язык», который обнаруживал Лаврентьев в материалах «Сибирской жизни», подогревал его подозрения (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2604в. Л. 92).

Надежным свидетелем, который был бы в состоянии заблокировать очередную попытку уклонения, не мог стать даже министр народного просвещения. Это подтвердила история перешедшего в судебную тяжбу конфликта Н.Я. Новомбергского с и.д. ординарного профессора по кафедре государственного права ИТУ П.М. Богаевским. В это противостояние, получившее общественный резонанс, пришлось вмешаться Л.А. Кассо, который 20 декабря 1911 г. принял в Санкт-Петербурге двух этих профессоров, а в письме Лаврентьеву от 22 декабря сообщил об их «полном примирении» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2707. Л. 109). 3 января 1912 г. об этом было напечатано в «Сибирской жизни». Однако 10 января Н.Я. Новомбергский, который в самом деле присутствовал вместе с Богаевским в кабинете министра, публично опроверг данные о «примирении» (Сибирская жизнь: 1912, 10 янв.).

Тактика уклонения от прямого конфликта с чиновничеством, и прежде всего с попечителем, имела двойственную природу. С одной стороны, свою роль в ней играли карьерные соображения. Вместе с тем отказ от жесткого противопоставления себя чиновничеству со стороны профессуры обнаруживало и общие основания двух этих социально-профессиональных групп, прежде всего в аспектах образования, культурной миссии в развитии страны, а нередко и ученой деятельности. Как известно, к ученому сословию принадлежали упомянутые в нашей работе А.Н. Шварц и Л.А. Кассо. Свою преподавательскую деятельность доктор медицины В.М. Флоринский начинал в Медико-хирургической академии, а в дальнейшем продолжил в Императорском Казанском университете. В 1861–1863 гг. он пребывал в научной командировке в странах Европы. И хотя Флоринский испытал некоторое влияние славянофилов и в целом придерживался консервативных взглядов, он не отделял исторический путь России от Западной Европы. По замечанию Н. Кременцова, он с энтузиазмом принял Великие реформы в России и нередко критически относился к тем государственным инициативам, которые сдерживали развитие страны и пренебрегали западным опытом (Krementsov, 2018: 64, 68–69). Консервативность в политических воззрениях была свойственна и Л.И. Лаврентьеву. Он, как и Флоринский, имел длительный опыт «совершенствования в науках» в Европе, и, хотя так и не защитил магистерскую диссертацию, еще студентом Московского университета слыл «большим знатоком римского права» (Черказьянова, 2005: 177). Со всем тем во взаимоотношениях с профессурой они делали ставку на персональный контроль и личное доверие к каждому конкретному профессору и даже студенту, а не к профессорской и студенческой корпорации как институтам. О масштабах этого контроля можно судить по тому, что студенты одно время получали разрешение на женитьбу через ходатайство попечителя лично от министра народного просвещения. В этом аспекте видны пределы развития рациональной бюрократии в поздней Российской империи, где, несмотря на модернизацию института чиновничества, ярким проявлением которой является, прежде всего, опыт межкультурного обмена и образовательный бэкграунд Флоринского, Лаврентьева, Шварца и Кассо, сохранялись элементы ментальности т.н. присутственного общества. Устойчивость патримонической традиции, с точки зрения Р. Пайпса, высказанной им в монографии «Россия при старом режиме», распространялась даже на советскую эпоху. Как подчеркивал Й. Баберовски, эта ментальность подразумевает недоверие членов общества друг к другу, стремление к тотальному персонифицированному контролю (Баберовски, 2008: 73). Покровительственная риторика Флоринского и пессимистические ожидания от действий профессоров со стороны Лаврентьева только усиливались вплоть до агрессивного неприятия, когда просвещенные чиновники встречали уклонение профессоров от опеки и нелинейную (неконфликтную) защиту автономного пространства университетской жизни. Обманутые в своем доверии к профессорам, чиновники придерживались худших ожиданий в их отношении.

Хроническое недоверие усиливали особенности той коммуникационной среды, в которой обитали профессоры и чиновники. Хорошо известно о неусыпном контроле Министерства внутренних дел, который велся за профессорами. Сведениями об их общественно-политической деятельности снабжались администрации университетов, и нередко по их получению решения принимались незамедлительно (Иванов, 1991: 240). Особым вниманием, разумеется, пользовались профессора либеральных взглядов, члены партии «Народной свободы» и деятели Академического союза, среди которых были профессоры ИТУ И.А. Малиновский, М.Н. Соболев, Н.Н. Розин, В.В. Сапожников, П.М. Богаевский, С.Г. Сабинин. Однако неприкосновенность частной жизни и осторожность ученых, которые, как мы убедились, сохраняли бдительность как внутри университета, так и в поле общественной деятельности, устанавливали известные ограничения для этого контроля. В конфиденциальном послании от 24 мая 1901 г. Д.С. Сипягин сообщал министру просвещения П.С. Ванновскому, что Министерство внутренних дел не всегда обладает достаточными данными для формального расследования в отношении тех или иных лиц, в частности и ученых, а «в других случаях и самая проверка их не всегда возможна и удобна». Сипягин при этом подчеркнул, что доводимые до ведомств данные, часто предназначенные только для «более усиленного наблюдения», «нередко вызывают со стороны подлежащих министерств и ведомств принятие немедленно решительных мер к удалению таких лиц от службы», «что не всегда соответствует строгой справедливости» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1564. Л. 22-220б.).

Действительно, дефицит данных зачастую компенсировался обманутым доверием чиновников от просвещения по отношению к профессорам, чей образ «чужого» находил законченное воплощение в конспирологических нарративах. В.М. Флоринский довольно скоро убедился в том, что толерантное отношение к дисциплинарным проступкам студентов со стороны ряда профессоров является неслучайным. Судя по его записям, мало сомневался Флоринский в том, что профессора Залесский, Догель и Коржинский состоят в близких отношениях с местной ссыльнополитической средой и либеральной прессой Томска, которая подчас критично освещала деятельность попечителя. Разговоры со студентами привели его к выводу о том, что «избиение педеля» Святским «было не случайностью, а преднамеренным фактом развращения студентов» со стороны тех же профессоров (НМРТ. ОХДИ: ед. хр. КППи-117959-226). И.Г. Табашников, повторим ранее сказанное, затруднился судить о действительном содержании лекций М.А. Рейснера, на которых ему «не представилось ни одного случая присутствовать» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1564. Л. 44). Однако для А.И. Судакова это обстоятельство не помешало сделать вывод о том, что «деятельность профессора Рейснера» побуждала студентов «относиться с неуважением и враждой к установленному в России законному порядку вещей» (ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1673. Л. 93об.). Л.И. Лаврентьев в июне 1909 г. докладывал товарищу министра народного просвещения Л.А. Георгиевскому о том, что профессора Малиновский, Соболев и Розин еще до революции 1905–1907 гг. вели «везде, где только можно», «противоправительственную агитацию», хотя при этом подчеркивал, что, «разумеется», они «никогда и нигде явных следов своей преступной деятельности не оставляли» (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 108. Л. 6-6об.). Непросто оценить и выводы Лаврентьева о продолжающейся деятельности Малиновского и Соболева в качестве редакторов «Сибирской жизни», ведь охранке так и не удалось внедрить в редакцию и типографию этой газеты ни одного агента (Зиновьев, Харусь, 2013: 40). Группу профессоров И.А. Малиновского, М.Н. Соболева и С.П. Мокринского Лаврентьев называл «революционным триумvirатом», В.В. Сапожникова – «кадетствующим ректором», при этом присовокупив, что сочувствуют и примыкают к ним профессора ИТУ Н.Н. Розин, П.И. Тихов, С.В. Лобанов, С.М. Тимашев, А.Е. Смирнов, В.А. Уляницкий, И.В. Михайловский, Г.М. Иосифов, Н.Я. Новомбергский. В 1909 г. Л.И. Лаврентьев был убежден в том, что «группа академистов», не оставляя, впрочем, при этом «никаких документальных данных», не прекращала своей деятельности в Томске с 1905 г. «Но, разумеется, – подчеркивал Лаврентьев, – никто из участвующих в ней лиц расписки не даст, что он к ней принадлежит, а, пожалуй, даже станет уверять, что ему ровно ничего не известно о существовании таковой...» (РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 108. Л. 8об.). Ректор ИТУ П.П. Орлов, однако, отрицал существование в университете Академического союза или другой организации, «“преступной” и “революционной”», так же, как и наличие в его архивах «компрометирующих протоколов».

5. Заключение

В поздней имперской России границы между университетской профессурой и чиновничеством были довольно размытыми. Все же редко принято объединять эти группы. Однако во второй половине XIX – начале XX вв. осуществлялась модернизация российской бюрократии, и высокий уровень образования, опыт межкультурного взаимодействия, уважение перед культурой Европы и в то же время осознание социальной миссии по преобразованию России, безусловно, сближал ее с университетской средой. В то же время деятельность попечителей и чиновников МНП, которая осуществлялась в период действия Университетского устава 1884 г., обнаруживает пределы в преодолении патримониальных традиций. В случае с их взаимодействием с профессорами Императорского Томского университета, который называли «детисцем Устава 1884 г.», эти пределы манифестированы покровительственной риторикой и обманутыми ожиданиями относительно оказанного профессуре персонального доверия. При значительной ограниченности суверенных полномочий ученых коллегий профессора ИТУ сохраняли традиции автономии, как правило, нелинейными методами, избегая прямых конфликтов. Апроприация профессорами риторики попечителя, отказ их от посещения некоторых заседаний Правления, ограждение пространства прямого самовыражения от фиксации источниками, имеющими «доказательную силу», сеяли подозрения у попечителя и чиновников МНП. Утрата доверия создавала предпосылки для конструирования образа профессора как «чужого», который в коммуникационных реалиях тех лет не мог найти доказательного и верифицированного подтверждения в действительности. Нагруженная в восприятии чиновников конспирологическим недоверием профессура зачастую нерелексивно представлялась ими угрожающей «законному порядку вещей» в Российской империи. В то время как значительная часть профессоров поздней имперской эпохи, как и просвещенная бюрократия, в целом оставалась верна принципам мирного и эволюционного обновления, их «воображаемый» образ стал революционным. Так, профессоров сделали радикальными, и это отделило их от во многом гомогенной социально-профессиональной группы.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Литература

- Баберовски, 2008** – *Баберовски Й.* Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи // *Ab Imperio*. 2008. № 3. С. 71-95.
- ГАТО** – Государственный архив Томской области.
- Грибовский, 2018** – *Грибовский М.В.* Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. – февраль 1917 г.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2018. 804 с.
- Записка..., 1901** – Проект Записки о состоянии русских университетов, составленной комиссией, избранной Советом Императорского Томского университета в заседании 23 мая 1901 г. // Мнения членов Совета Императорского Томского университета относительно предложенных г. министром народного просвещения изменений в действующий Университетский устав 1884 г. Томск, 1901. С. 1-91.
- Зиновьев, Харусь, 2013** – *Зиновьев В.П., Харусь О.А.* Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880 – феврале 1917 г. Хроника. Томск, 2013. 398 с.
- Иванов, 1991** – *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. 392 с.
- Иванов, Кулакова, 2013** – *Иванов А.Е., Кулакова И.П.* Ипостаси русского профессора: социальные высказывания рубежа XIX–XX вв. // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: Коллект. моногр. / Под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013. С. 114-134.
- Корш, 1910** – *Корш Е.В.* Восемь лет в Сибири. XVI–XXXIII. (Окончание) // *Исторический вестник. Историко-литературный журнал*. 1910, июль. С. 27-57.
- Куликов, 2003** – *Куликов С.В.* Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX века: закономерности и типы отношений / *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: Материалы Международного научного colloquium*. СПб., 2003. С. 54-72.
- Кэссоу, 1992** – *Кэссоу С.* Университетский устав 1863 г.: новая точка зрения // Великие реформы в России. 1856–1874: Сб. / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 317-334.
- Малиновский, 2014** – *Малиновский И.А.* Маруся и дети // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых (отв. редактор), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск, 2014. С. 286-340.
- Маурер, 2015** – *Маурер Т.* «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015. 527 с.
- Миронов, 2018** – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. Т. 2. СПб., 2018. 912 с.
- Некрылов, 2010** – *Некрылов С.А.* Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Т. 1. Томск, 2010. 514 с.
- НМРТ. ОХДИ** – Национальный музей республики Татарстан. Отдел хранения документальных источников.
- Новиков, Перфилова, 2013** – *Новиков М.В., Перфилова Т.Б.* Университетский устав 1863 г.: пределы академического самоуправления (Часть I) // *Ярославский педагогический вестник (Гуманитарные науки)*. 2013. Т. 1. № 4. С. 18-31.
- Новиков, Перфилова, 2015** – *Новиков М.В., Перфилова Т.Б.* Университетский устав 1863 г.: пределы академического самоуправления (Часть II) // *Ярославский педагогический вестник (Культурология)*. 2015. Т. 1. № 1. С. 89-101.
- Правила для студентов** – Правила для студентов университета. Томск, б.г. 54 с.
- Профессора..., 1996** – *Профессора Томского университета.* Биографический словарь. Вып. I. 1888–1917 / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск, 1996. 288 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Ростовцев, 2017** – *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017. 903 с.
- Ростовцев, 2021** – *Ростовцев Е.А.* Санкт-Петербургский университет рубежа XIX–XX вв. как центр науки и общественной жизни // *Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллект. моногр.* / Под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьева. М., 2021. С. 669-689.
- Сибирская жизнь** – Сибирская жизнь. Томск.
- Черказьянова, 2005** – *Черказьянова И.В.* Попечитель учебного округа Л.И. Лаврентьев и Томский университет: сотрудничество и конфликты // *Вестник Том. гос. ун-та. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология»*. 2005. № 289 (декабрь). С. 177-187.
- Щетинина, 1976** – *Щетинина Г.И.* Университеты в России и Устав 1884 года. М., 1976. 231 с.
- Эймонтова, 1985** – *Эймонтова Р.Г.* Университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985. 352 с.
- Kassow, 1989** – *Kassow S.* Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. Berkley; Los Angeles: London, 1989. 438 p.
- Krementsov, 2018** – *Krementsov N.* With and without Galton: Vasilii Florinskii and the Fate of Eugenics in Russia. Cambridge, 2018. 667 p.
- Maurer, 1998** – *Maurer T.* Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 1998. 959 s.

Wartenweiler, 1999 – *Wartenweiler D.* Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905–1914. Oxford, 1999. 252 p.

References

- Baberovski, 2008** – *Baberovski, I.* (2008). Doverie cherez prisutstvie. Domodernye praktiki vlasti v pozdnei Rossiiskoi imperii [Trust through Presence. Premodern Practices of Authority in Late Imperial Russia]. *Ab Imperio*. 3: 71-95. [in Russian]
- Cherkaz'yanova, 2005** – *Cherkaz'yanova, I.V.* (2005). Popechitel' uchebnogo okruga L.I. Lavrent'ev i Tomskii universitet: sotrudnichestvo i konflikty [Trustee of the Educational District L.I. Lavrentiev and Tomsk University: cooperation and conflicts]. *Vestnik Tom. gos. un-ta. Seriya «Istoriya. Kraevedenie. Etnologiya. Arkheologiya»*. 289 (dekabr'): 177-187. [in Russian]
- Eimontova, 1985** – *Eimontova, R.G.* (1985). Universitety na grani dvukh epokh. Ot Rossii krepostnoi k Rossii kapitalisticheskoi [Universities are on the verge of two eras. From Serf Russia to Capitalist Russia]. M., 352 p. [in Russian]
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archive of the Tomsk Oblast].
- Gribovskii, 2018** – *Gribovskii, M.V.* (2018). Professorsko-prepodavatel'skii korpus imperatorskikh universitetov kak sotsial'no-professional'naya gruppa rossiiskogo obshchestva. 1884 g. – fevral' 1917 g. [The Teaching Staff of the Imperial Universities as a Socio-professional Group of Russian Society. 1884 – February 1917]: dis. ... d-ra ist. nauk. Tomsk, 804 p. [in Russian]
- Ivanov, 1991** – *Ivanov, A.E.* (1991). Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Higher School of Russia in the late XIX – early XX centuries]. M., 392 p. [in Russian]
- Ivanov, Kulakova, 2013** – *Ivanov, A.E., Kulakova, I.P.* (2013). Ipostasi russkogo professora: sotsial'nye vyskazyvaniya rubezha XIX–XX vv. [Hypostases of a Russian Professor: Social Statements of the turn of the XIX–XX centuries.]. *Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov: kollekt. monogr.* Pod red. E.A. Vishlenkovo, I.M. Savel'evoi. M., pp. 114-134. [in Russian]
- Kassow, 1989** – *Kassow, S.* (1989). *Students, Professors, and the State in Tsarist Russia.* Berkley; Los Angeles: London, 438 p.
- Kessou, 1992** – *Kessou, S.* (1992). Universitetskii ustav 1863 g.: novaya tochka zreniya [The University Statute of 1863: a reconsideration]. *Velikie reformy v Rossii. 1856–1874: Sb.* Pod red. L.G. Zakharovoi, B. Eklafa, Dzh. Bushnella. M., pp. 317-334. [in Russian]
- Korsh, 1910** – *Korsh, E.V.* (1910). Vosem' let v Sibiri. XVI–XXXIII. (Okonchanie) [Eight years in Siberia. XVI–XXXIII]. *Istoricheskii vestnik. Istoriko-literaturnyi zhurnal.* iyul'. Pp. 27-57. [in Russian]
- Kremontsov, 2018** – *Kremontsov, N.* (2018). With and without Galton: Vasilii Florinskii and the Fate of Eugenics in Russia. Cambridge, 667 p.
- Kulikov, 2003** – *Kulikov, S.V.* (2003). Tsarskaya byurokratiya i nauchnoe soobshchestvo v nachale XX veka: zakonomernosti i tipy otnoshenii [Tsarist Bureaucracy and the Scientific Community at the beginning of the XX century: patterns and types of relations]. *Vlast' i nauka, uchenye i vlast': 1880-e – nachalo 1920-kh godov: Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma.* SPb., pp. 54-72. [in Russian]
- Malinovskii, 2014** – *Malinovskii, I.A.* (2014). Marusya i deti [Marusya and Children]. Imperatorskii Tomskii universitet v vospominaniyakh sovremennikov. Sost. S.F. Fominykh (otv. redaktor), S.A. Nekrylov, M.V. Gribovskii i dr. Tomsk, pp. 286-340. [in Russian]
- Maurer, 1998** – *Maurer, T.* (1998). Hochschullehrer im Zarenreich [University teacher in the Tsarist Empire]. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 959 p. [in German]
- Maurer, 2015** – *Maurer, T.* (2015). «Barometry» ili «mayaki» obshchestva? Izbrannye stat'i po sotsial'noi istorii russkikh i nemetskikh universitetov ["Barometers" or "Lighthouses" of Society? Selected Articles on the Social History of Russian and German Universities]. M., 527 p. [in Russian]
- Mironov, 2018** – *Mironov, B.N.* (2018). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t. [The Russian Empire: from Tradition to Modernity]. T. 2. SPb., 912 p. [in Russian]
- Nekrylov, 2010** – *Nekrylov, S.A.* (2010). Tomskii universitet – pervyi nauchnyi tsentr v aziatskoi chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.) [Tomsk University is the first Scientific Center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. T. 1. Tomsk, 514 p. [in Russian]
- NMRT. OKhDI** – Natsional'nyi muzei respubliki Tatarstan [The National Museum of the Republic of Tatarstan]. Otdel khraneniya dokumental'nykh istochnikov.
- Novikov, Perfilova, 2013** – *Novikov, M.V., Perfilova, T.B.* (2013). Universitetskii ustav 1863 g.: predely akademicheskogo samoupravleniya (Chast' I) [General University Charter of 1863: Limits of academic self-government (Part I)]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik (Gumanitarnye nauki)*. 1(4): 18-31. [in Russian]
- Novikov, Perfilova, 2015** – *Novikov, M.V., Perfilova, T.B.* (2015). Universitetskii ustav 1863 g.: predely akademicheskogo samoupravleniya (Chast' II) [General University Charter of 1863: Limits of academic self-government (Part II)]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik (Kul'turologiya)*. 1(1): 89-101. [in Russian]
- Pravila dlya studentov** – Pravila dlya studentov universiteta [The Rules for the University Students]. Tomsk, b.g. 54 p. [in Russian]
- Professora..., 1996** – Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskii slovar'. Vyp. I. 1888–1917 [Professors of the Tomsk University. Biographical dictionary. Iss. I. 1888-1917]. Otv. red. S.F. Fominykh.

Tomsk, 1996. 288 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian State Historical Archive].

Rostovtsev, 2017 – Rostovtsev, E.A. (2017). Stolichnyi universitet Rossiiskoi imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The Metropolitan University of the Russian Empire: Academic Class, Society and Government (the second half of the XIX – early XX centuries)]. M., 903 p. [in Russian]

Rostovtsev, 2021 – Rostovtsev, E.A. (2021). Sankt-Peterburgskii universitet rubezha XIX–XX vv. kak tsentr nauki i obshchestvennoi zhizni [Academic corporation of St. Petersburg University at the beginning of the XX century: Relationship to the State and the Civil Society]. Rossiiskaya imperiya mezhdru reformami i revolyutsiyami, 1906–1916. Kollekt. monogr. Pod red. A.I. Millera i K.A. Solov'eva. M., pp. 669-689. [in Russian]

Shchetinina, 1976 – Shchetinina, G.I. (1976). Universitety v Rossii i Ustav 1884 goda [Universities in Russia and General University Charter of 1884]. M., 231 p. [in Russian]

Sibirskaya zhizn' – Sibirskaya zhizn' [Siberian Life]. Tomsk. [in Russian]

Wartenweiler, 1999 – Wartenweiler, D. (1999). Civil Society and Academic Debate in Russia, 1905–1914. Oxford, 252 p.

Zapiska..., 1901 – Proekt Zapiski o sostoyanii russkikh universitetov, sostavlennoi komissiei, izbrannoi Sovetom Imperatorskogo Tomskogo universiteta v zasedanii 23 maya 1901 g. [The Plan of the Report on State of Russian Universities, compiled by the Commission elected by the Council of the Imperial Tomsk University, May 23, 1901.]. Mneniya chlenov Soveta Imperatorskogo Tomskogo universiteta otnositel'no predlozhenykh g. ministrom narodnogo prosveshcheniya izmenenii v deistvuyushchii Universitetskii ustav 1884 g. Tomsk, 1901. pp. 1-91. [in Russian]

Zinov'ev, Kharus', 2013 – Zinov'ev, V.P., Kharus', O.A. (2013). Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Tomskoi gubernii v 1880 – fevrale 1917 g. Khronika [Socio-political Life in Tomsk Governorate, 1880 – February 1917. The Chronicle]. Tomsk, 398 p. [in Russian]

Университетская профессура и чиновничество позднеимперской России: к проблеме отношений (на материалах по истории Императорского Томского университета)

Алексей Олегович Степнов ^{a, *}, Сергей Александрович Некрылов ^a

^aТомский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на материалах делопроизводственной документации, источников личного происхождения и периодической печати исследуются отношения профессуры Императорского Томского университета и чиновничества Российской империи конца XIX – начала XX веков. В историографии эти отношения интерпретируются неоднозначно. С одной стороны, профессура императорских университетов характеризуется как бессловная профессионально-корпоративная группа со своей субкультурой, а с другой – как корпорация, во многом схожая с бюрократической элитой. Подчеркивается, что модернизированная бюрократия позднеимперской России действительно обладала качествами, сближавшими ее с профессурой. Это, прежде всего, высокий уровень образования и осознание своей культурной миссии по преобразованию России с опорой на опыт развития Европы. Вместе с тем покровительственная риторика и персонифицированный контроль, которые попечители и чиновники Министерства народного образования использовали в отношениях с профессурой, указывают на сохранение элементов патримониальной традиции. В условиях действия Университетского устава 1884 г. эти элементы стали средством ограничения академической автономии. Доказывается, что со своей стороны профессора преимущественно предпочитали неконфликтные способы борьбы с этими ограничениями. Уклонение от контроля и ограждение пространства прямого самовыражения, в частности в лекционных аудиториях, от фиксации источниками, имеющими «доказательную силу», привели, однако, к тому, что попечитель и чиновники МНП утрачивали персональное доверие к ученому сословию. В этих условиях выстраиваемый в нарративах чиновников коллективный образ профессуры оказался нагружен зачастую неверифицируемыми конспирологическими чертами силы, угрожающей «законному порядку вещей» в Российской империи.

Ключевые слова: университеты, Российская империя, профессура, бюрократия, патримониальные традиции, академическая автономия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: asaom@yandex.ru (А.О. Степнов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1313-1324
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1313

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Considerations” N.A. Sergievsky as a Source for Studying the Implementation of the “Soft Power” Strategy in the North-Western Territory of the Russian Empire

Oksana O. Zavyalova ^{a, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

For the first time in the article, a document is introduced into scientific circulation, containing the considerations of the trustee of the Vilna educational district N.A. Sergievsky dated December 14, 1884, prepared in response to the proposals expressed in the note of the Vilna Governor-General I.S. Kakhanov «On the composition of employees in the North-Western Territory», presented to the emperor in August of the same year. The published document is currently stored in the Russian State Historical Archives (RGIA), fund 733 (Department of Public Education), in a file called «On measures to attract Russian natives to serve in the North-Western Territory».

Considerations of the trustee of the Vilna educational district N.A. Sergievsky are devoted to one of the key problems of the national policy towards the North-Western Territory of the second half of the 19th century – to attract officials of Russian origin to the region in order to integrate the region into the imperial space and oust Polish influence. They represent an understanding of the difficulties of personnel policy in the northwestern provinces, carried out in the 1860–1870s, and contain an assessment of the degree of effectiveness of the measures taken to provide financial incentives for officials of Russian origin in the outlying region. The published document is of considerable interest in the context of the analysis of communication channels between central and local governments, allowing a better understanding of the mechanism for developing management decisions in relation to the North-Western Territory.

In the views of N.A. Sergievsky on the task of attracting Russian officials to the region, expressed in his program document, showed a change in the placement of accents in the conduct of personnel policy in the region in the 1880s. Along with the previous task of replacing the Polish «element» in the region with Russian principles, special attention was given to creating a positive image of imperial power among the local population as part of the emerging «soft power» strategy and preparing a personnel basis for its practical implementation.

Keywords: Russian Empire, Northwestern Territory, Alexander III, I.S. Kakhanov, N.A. Sergievsky, national policy, russification, «soft power».

1. Введение

Либерализация политического режима в Царстве Польском в первые годы царствования Александра II в сочетании с отсутствием ясной программы действий в отношении данной окраины и завышенными ожиданиями польской общественности, вступившей на путь «революционного национализма», привели к очередному Польскому (Январскому) восстанию 1863–1864 гг., охватившему и Северо-Западный край Российской империи. После подавления восстания российское правительство приступило к оформлению новой стратегии стабилизации социально-политической ситуации в северо-западных губерниях, одной из значимых аспектов которой стало изменение кадровой политики в регионе. На службу в Северо-Западный край привлекались чиновники из внутренних губерний Российской империи, поощряемые к этому льготами, преимуществами и

* Corresponding author

E-mail addresses: zavyalova@sfnu.ru (O.O. Zavyalova)

денежными надбавками. Замещение в местной администрации чиновников-католиков всех высших должностей по всем ведомствам чиновниками русского происхождения и православного вероисповедания рассматривалось как одна из важнейших мер в политике успокоения и русификации региона, основы которой были заложены в период генерал-губернаторства М.Н. Муравьева, предложившего единую программу мероприятий по усмирению края с упором на силовые методы воздействия (Комзолова, 2002: 22).

В годы правления Александра III политика в отношении национальных окраин формировалась под влиянием реализации консервативно-охранительной концепции внутривластного развития страны, опираясь на идею построения гомогенной и внутренне однородной национальной монархии (Национальные окраины, 2020: 182). В 1880-е гг. были предприняты отдельные меры по возвращению к практике выплат первой половины 1860-х гг. Особую роль в этом процессе сыграли представители местной высшей русской администрации, представившие свой взгляд на кадровую политику в Северо-Западном крае и необходимые меры по ее изменению. Публикуемый документ представляет собой осмысление политики по привлечению в северо-западные губернии русских чиновников, проводимой в 1860-х – 1870-х гг., и содержит оценку степени эффективности предпринимаемых мер по их материальному стимулированию в окраинном регионе. Соображения попечителя Виленского учебного округа Н.А. Сергиевского позволяют подробнее рассмотреть проблему выработки новых льгот и денежных пособий для служащих в северо-западных губерниях, к которой российское правительство вновь обратилось в первой половине 1880-х гг., что было вызвано необходимостью пересмотра предпринимаемых ранее русификаторских мероприятий.

2. Материалы и методы

В статье впервые вводится в научный оборот документ, содержащий соображения попечителя Виленского учебного округа Н.А. Сергиевского от 14 декабря 1884 года, подготовленные в ответ на предложения, высказанные в записке виленского генерал-губернатора И.С. Каханова «О составе служащих в Северо-Западном крае», подробное рассмотрение которой под названием «Отчета за 1884 год» И.С. Каханова с приведением отдельных фрагментов предпринял А.Д. Кузьмин (Кузьмин, 2018: 83-84).

Публикуемый документ был выявлен в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 833. Л. 1-17). В настоящее время он находится в архивном деле под названием «О мерах к привлечению на службу в Северо-Западный край русских уроженцев». Наряду с указанными документами (соображения Н.А. Сергиевского и записка И.С. Каханова), в нем также представлены обращение к министру народного просвещения И.Д. Делянову помощника управляющего делами Комитета министров Э.В. Шольца (РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 833. Л. 1-2об.) и предложение министра народного просвещения попечителю Виленского учебного округа Н.А. Сергиевскому представить свои соображения по обозначенному вопросу (РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 833. Л. 7-9об.).

Основу теоретико-методологической базы работы составил междисциплинарный концепт «мягкой силы», позволяющий выявить неконфликтные методы интеграции окраинных регионов в состав Российской империи, представленные в публикуемом документе, посредством формирования предпочтений «других» через создание собственного позитивного символического капитала и привлекательности (Нye, 2004: 6-7).

Также для анализа проблем исследования используется другой междисциплинарный конструкт – «неконфликтные интегративные практики», предполагающий реализацию комплекса мер, направленных на выстраивание диалога, выработку форм взаимовыгодного партнерства через формирование горизонтальных связей между имперским центром и западными окраинными территориями. В основу работы положен принцип системности и проблемно-хронологический метод, которые позволили выявить степень участия представителей высшей русской администрации Северо-Западного края в проектировании новых законодательных актов в контексте развития кадровой политики российского правительства в 1880-е гг., а также рассмотреть анализируемый источник как результат деятельности региональных органов власти в конкретный исторический период.

Л. 10

**МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.
ПОПЧИТЕЛЯ
ВИЛЕНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА.
КАНЦЕЛЯРИЯ**

**Стол 1
Декабря «14» дня 1884 года.
№ 7859
г. Вильно**

Господину Министру народного просвещения.

Вследствие предложения Вашего Высокопревосходительства, от 15 октября, за № 14315¹, по поводу внесенной в Комитет г. г. Министров всеподданнейшей записки Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора, генерал-лейтенанта Каханова², о распространении на чиновников русского происхождения, служащих в Северо-Западном крае и занимающих должности от XIV до VIII классов включительно, некоторых прав и преимуществ, какими пользуются, на основании Высочайше утвержденных 30 июля 1867 года правил³, чиновники русского происхождения

Л. 10об.

... в Привислинских губерниях, – имею честь представить на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства нижеследующие мои соображения по настоящему предмету.

1. Цель, положенная в основание означенного ходатайства генерал-губернатора, т.е. привлечение на службу в здешний край возможно большего числа надежных русских людей, заслуживает полного внимания, и к достижению этой цели необходимо стремиться всемерно, в видах наибольшего утверждения в крае чисто русских начал.

2. Распространение на чиновников русского происхождения, служащих в Северо-Западном крае, тех служебных преимуществ, какие указаны в записке генерал-губернатора⁴, несомненно повлияет на прилив сюда из внутренних губерний свежих русских сил для служебной деятельности. Из этих преимуществ

Л. 11

... особенное значение может иметь сокращение сроков выслуги пенсий. Несомненно также, что для наилучшего достижения цели было бы необходимо рядом с предполагаемыми служебными преимуществами проектировать увеличение средств содержания чиновников, но генерал-лейтенант Каханов не решается ходатайствовать о проведении этой меры, так как она сопряжена со значительным расходом. Действительно, из средств Государственного казначейства потребовался бы очень значительный расход, если бы к чиновникам русского происхождения в здешнем крае были всецело применены пункты 7 и 8 правил 30 июля 1867 года, действующих ныне в губерниях Царства Польского⁵. Означенными двумя пунктами дарованы всем русским чиновникам

Л. 11об.

... права на получение прибавок к жалованью чрез каждые пять лет службы в одном ведомстве и денежных пособий на воспитание детей; но по сему мнению есть возможность низвести новый расход до такого размера, при котором он едва ли бы мог составить особенное обременение для Государственного казначейства. Во-первых, оклады прибавок за пятилетние выслуги и пособий на воспитание детей возможно сократить на половину; во-вторых, право на получение этих денежных воспособлений со стороны казны предоставить исключительно тем русским, не женатым на польках, чиновникам, которые состоят в низших должностях от XIV до X классов, пользуются сравнительно самыми ничтожными штатными окладами содержания, граничащими с безвыходной

Л. 12

... бедностью, и для которых нет возможности рассчитывать на какую-либо материальную поддержку из каких-либо специальных источников того учреждения, где они служат. Таких чиновников много и большинство их, по своему служебному положению, непосредственно соприкасаются с низшим классом народа. Для русского дела в крае было бы весьма желательно и полезно иметь на всех таких должностях людей с чисто русским направлением, людей, безгранично преданных своей православной церкви, Царю и отечеству. И такие люди явятся, если жизнь их будет обставлена, в материальном отношении, сколько-нибудь сносно, а без этого условия нельзя рассчитывать на то, чтобы ради получения чинов в ближайшие сроки и надежды получить дворянское достоинство по ордену

Л. 12об.

... Св. Владимира⁶ уроженцы внутренних губерний решились променять родину на отдаленный край с его бытовыми, религиозными, политическими и другими разными особенностями, развившимися под влиянием многовекового польского господства в крае, и поступить на службу, полную всевозможных случайностей и материальных лишений. Ничтожные оклады содержания, присвоенные низшим должностям, при давно установившейся здесь чрезвычайной дороговизне на все предметы первой необходимости, ставят чиновников, особенно семейных, в невыразимо бедственное положение, при котором убивается всякая энергия к труду и развивается недовольство жизнью.

Я часто и много вижу этого рода людей по шести губерниям округа в качестве родителей, желающих воспитывать детей своих в учебных заведениях

Л. 13

... и молящих к преподаванию им средств к тому.

3. В пункт 4 ст. 13 т. III Св. Зак. (изд. 1876 г.) устава о пенс. и единовремен. пособ.⁷ чиновники гражданского ведомства, выслужившие уже пенсию, сохраняют право на получение оной сверх жалованья по должности, если продолжают службу в губерниях Виленской, Ковенской и

Гродненской. Это очень важное преимущество для служащих, по моему мнению, следовало бы распространить, как и все вообще проектируемые служебные преимущества, и на остальные три губернии Северо-Западного края: Минскую, Витебскую и Могилевскую – жизнь в которых близко граничит с жизнью в губерниях теперешнего генерал-губернаторства

и 4. Что касается собственно служащих по ведомству Министерства народного просвещения, то применение к

Л. 13об.

... ним всех указанных выше преимуществ составляет очень незначительный процент в сравнении с теми расходами, которые потребуются для служащих по другим Министерством. Служба по учебной части в средних учебных заведениях даст достаточные материальные средства, и в замещении учительских должностей лицами русского происхождения и православного исповедания особых затруднений не встречается. В низших учебных заведениях учительские места замещаются по преимуществу лицами, получившими здесь же специальную подготовку к педагогической деятельности на казенный счет.

К последней категории принадлежат три типа учебных заведений, учителя которых пользуются правами действительной службы. Это а) городские училища, открытые по

Л. 14

положению 31 мая 1872 года⁸; б) уездные училища и в) приходские училища.

Первые из них, сравнительно с уездными училищами, предоставляют служащим значительные преимущества в отношении средств содержания. Учителя уездных училищ из великорусских уроженцев в добавок к штатному жалованью, на основании Высочайше утвержденных 21 ноября 1869 г. правил⁹, пользуются 50, 40 или 20 процентами из сбора с имений польских помещиков; постоянно получают квартирные деньги из специальных средств местных училищ, а иногда и единовременные пособия из тех же средств или же из сумм, находящихся в распоряжении Управления Округа. Совершенно в иных условиях с этой стороны находятся учителя приходских училищ: при ничтожном для потребностей городской жизни содержании от 150 до 250 р. в год, они не могут рассчитывать на какие бы то ни было сторонние пособия.

Забота о материальном обеспечении

Л. 14об.

... приходских училищ и их учителей лежит на обязанности местных городских дум, но последние, постоянно ссылаясь, иногда и справедливо, на недостаток средств, не оказывают учителям никакой помощи. Вместе с этим нельзя не отметить особенно выдающуюся черту, имеющую роковое значение для служебной деятельности учителя приходского училища. Это закон 9 января 1845 года¹⁰, в силу которого служба приходского учителя, в случае перехода его на какую бы то ни было другую должность, не засчитывается в сроки на получение пенсий ни по какой другой службе. Такого ограничения не существует в ведомствах прочих министерств ни для каких должностей, даже самых низших. Поэтому я полагал бы вполне справедливым и необходимым изменить к лучшему служебное положение приходского учителя в отношении средств содержания, так и в правах на пенсию.

Л. 15

О бедственном положении приходских учителей я имел честь высказать Вашему Высокопревосходительству в представлении от 26 декабря 1881 г. за № 8027, а соображения об увеличении средств для их содержания сообщены Департаменту в дополнительном отзыве от 24 сентября сего года за № 6337. Теперь остается сказать о лицах гражданской службы, состоящих в ведомстве министерства народного просвещения, положение которых требует улучшения. Их очень немного, всего 38 человек. Из них 26 служат в канцеляриях при средних учебных заведениях и 12 человек при канцеляриях дирекций народных училищ. Первые получают по штатам содержание от 300 до 500 р. в год, но в то же время пользуются нередко с разрешения окружного начальства пособиями из специальных средств учебных заведений, и последние, пользуясь штатным жалованьем от 280 до 600 р. в год, никаких пособий

Л. 15об.

... не получают по отсутствию для этого в дирекциях народных училищ каких-либо специальных источников.

Между тем служба в канцеляриях народных училищ несравненно сложнее и труднее, чем в канцеляриях при средних учебных заведениях. На необходимость возвышения штатных окладов для служащих в дирекциях народных училищ мною сделано было несколько представлений в Министерство народного просвещения и в последний раз 29 февраля настоящего года за № 1167. Хотя на означенных должностях служат чиновники православного исповедания, но нельзя сказать, чтобы при замещении вакансий не было затруднений, и не редко приходится давать места таким кандидатам, для которых не совсем по силам исполнение всех обязанностей по должности.

Попечитель Н. Сергиевский

3. Обсуждение

Кадровая политика российского правительства в Северо-Западном крае является довольно разработанной проблемой в историографии. Подробно исследовано законодательство и практика денежных выплат и льгот в целях поощрения массового перевода чиновников на службу в северо-западные губернии в 1863–1865 гг., деятельное участие виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева и его всеподданнейшая записка от 14 мая 1864 года в рамках реализации этой задачи (Комзолова, 2002; Луговцова, 2014). Меры по материальному поощрению чиновников, предпринимаемые правительством в крае в 1870-е – 1880-е гг., и их оценка представителями местной администрации – губернаторами и генерал-губернаторами, представленная в отчетах и всеподданнейших записках, также становилась предметом ряда исследований (Киселев, 2018; Кузьмин, 2018; Подорожня, 2012).

Проблема репрезентативности отчетов представителей высшей региональной власти – генерал-губернаторов – выступала главной темой дискуссии, развернувшейся в журнале «Новое прошлое / The New Past». Перспективное наблюдение в рамках дискуссии высказал М.Н. Крот, отметивший наличие нескольких информационных пластов в подобного рода документах, один из которых включает предложения по решению проблем и совершенствованию управления краем (Крот, 2021: 250).

Однако недостаточно изученным остается механизм проектирования новых государственных законов с участием местной администрации, способной в силу своего положения учитывать региональную специфику и местные условия при характеристике общественно-политической ситуации в крае. Недостаточно внимания уделялось неконфликтным методам и практикам интегративного воздействия, предлагаемым в отчетной и иной документации представителями административного аппарата северо-западных губерний в 1880-е гг., когда происходил пересмотр русификаторских мероприятий предшествующего периода, продемонстрировавших по ряду показателей свою неэффективность. Публикуемый документ представляет значительный интерес в контексте анализа каналов коммуникации между органами центрального и местного управления, позволяя лучше понять механизм выработки управленческих решений в отношении имперских окраин.

4. Результаты

Особую роль в определении политики в крае после подавления Январского восстания 1863–1864 гг. сыграл Западный комитет, в котором на основании предложений видных государственных деятелей П.А. Валуева и М.Н. Муравьева выработывалась единая линия политики в отношении западных окраин (Крот, Нарезный, 2019: 265). В его Высочайше утвержденном 27 мая 1864 года журнале была намечена цель по замещению всех служебных мест в регионе, имеющих непосредственное соприкосновение с народом, чиновниками русского происхождения, которая была сформулирована на основании обсуждения специальной записки М.Н. Муравьева от 14 мая 1864 года, намечавшей основные меры «для утверждения Русского владычества» в крае (Муравьев, 1885: 187). Карательная политика и запретительные меры, проводимые в северо-западных губерниях, вскоре достигли ожидаемого результата. На протяжении второй половины 1860-х гг. местные чиновники-католики, которые за проявленную в годы восстания симпатию к польским политическим идеалам рассматривались русской администрацией как политически неблагонадежные, были вынуждены в массовом порядке увольняться с занимаемых должностей.

Однако постепенно денежные выплаты и льготы для русских чиновников, прибывающих в край, уменьшались и сокращались, а проект «Правил о преимуществах чиновников, служащих в Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерниях» конца 1860-х гг., составители которого ориентировались на «Правила о преимуществах чиновников русского происхождения, служащих в губерниях Царства Польского» от 30 июля 1867 года (ПСЗРИ. Т. 42: С. 1195–1198), не получил одобрения в правительстве и не был реализован.

Публикуемый документ представляет собой соображения попечителя Виленского учебного округа Н.А. Сергиевского, оформленные в ответ на предложения, высказанные во всеподданнейшей записке виленского генерал-губернатора И.С. Каханова «О составе служащих в Северо-Западном крае» (РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 833. Л. 3), которая была подготовлена им после вступления в должность в феврале 1884 года и представлена императору в августе этого же года (РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 758. Л. 206.). В ней вновь поднималась давняя проблема расширения льгот и преимуществ для чиновников, служащих по разным ведомствам и учреждениям Виленской, Ковенской и Гродненской губерний. При этом особое внимание Каханов уделял составу низших чиновничьих должностей, имеющих непосредственное соприкосновение с народом, среди которых, как отмечалось в документе, большой процент продолжали составлять католики (РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 833. Л. 3). В своей записке виленскому генерал-губернатору удалось раскрыть основные причины недостаточного притока русских служащих в край, связанные с их неполной обеспеченностью в материальном и служебном отношениях, увеличением служебных обязанностей из-за отсутствия в крае земств и выборных должностных лиц, а также другими сложностями по службе, которые возникали из-за «состава местного населения, значительно чуждого всему русскому» (РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 833. Л. 306.). Указывая на «скрытую враждебность» со стороны местной интеллигенции к

чиновникам русского происхождения, Каханов обратил особое внимание на значимость мер по формированию в глазах местного населения привлекательного образа русского чиновника, чему вредила «польская интрига», выставлявшая непригодность русских людей к службе в крае (РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 833. Л. 4). В своем более развернутом отчете за два года и семь месяцев пребывания в должности (с 14 января 1884 года по 1 августа 1886 года) Каханов отмечал, что во всех своих распоряжениях он стремился донести до местного населения главные и неизменные стремления российского правительства в отношении северо-западных губерний, «клоняющиеся к совершенному водворению порядка и спокойствия, к устранению враждебных элементов» и конечную цель этих стремлений – «прочное объединение этого искони русского края с прочими частями русского государства» (РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 758. Л. 106.).

По мнению Каханова, выраженному в записке «О составе служащих в Северо-Западном крае», трудности и проблемы, с которыми сталкивались чиновники из центральных российских губерний, переходившие на службу в северо-западные губернии, вели к несостоятельности кадровой политики и неполной реализации цели по замещению всех служебных мест в регионе чиновниками русского происхождения, намеченной в Высочайше утвержденном 27 мая 1864 года журнале Западного комитета. Обозначив проблему, Каханов предложил ряд мер, способных исправить ситуацию и сделать службу в крае более привлекательной для чиновников русского происхождения от XIV до VII классов включительно, путем распространения на них некоторых преимуществ и служебных прав «Правил о преимуществах чиновников русского происхождения, служащих в губерниях Царства Польского», утвержденных 30 июля 1867 года (РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 833. Л. 406.).

Записка Каханова «О составе служащих в Северо-Западном крае» в августе 1884 года была представлена Александру III, который оставил на ней пометку: «Представить соображения» (РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 833. Л. 106.). 25 сентября 1884 года она в соответствии с повелением императора была рассмотрена на заседании Комитета министров, по итогам работы которого было принято решение сделать запросы сведений и соображений от начальников главных ведомств – министров внутренних дел, народного просвещения, путей сообщения, финансов, государственных имуществ и юстиции, а также государственного контролера и обер-прокурора Святейшего синода для доставления их Комитету и последующего представления их в установленном порядке императору (РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 833. Л. 1-2). Таким образом, Комитет министров должен был сыграть консолидирующую роль в согласовании интересов различных ведомств по вопросу, обозначенному в записке Каханова.

Соображения попечителя Виленского учебного округа Н.А. Сергиевского, оформленные в ответ на запрос министра народного просвещения с просьбой высказаться по вопросу, который в своей записке обозначил И.С. Каханов, получили характер программного документа, содержащего конкретные предложения по решению имеющихся в кадровой политике проблем. Сергиевский, высоко оценивая обозначенные виленским генерал-губернатором меры по привлечению в край русских служащих, отмечал, что они способны обеспечить прилив в северо-западные губернии «свежих русских сил» для служебной деятельности и могут способствовать утверждению в регионе «чисто русских начал» (РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 833. Л. 10).

Сергиевский осознавал специфику Северо-Западного края, сложившуюся под влиянием «многовекового польского господства», и отмечал, что данный регион «по своим политическим и социальным особенностям резко отличается от великорусских губерний и от центральных столичных пунктов. Эти особенности очень разнообразны, сильно живучи, нередко стараются охватить собою все течения местной жизни и направить его по-своему». По его мнению, в такой противоречивой общественно-политической ситуации «сводить счеты» со слишком «тенденциозными и узкосвоекорыстными» особенностями края может «только высшая местная власть как хорошо ознакомленная с ними» (РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1113. Л. 21).

За 30 лет пребывания в должности попечителя Виленского учебного округа Сергиевскому удалось основательно ознакомиться с бурным течением местной жизни и внести значительный вклад в развитие народного образования в Северо-Западном крае на основе распространения в нем «русских начал» и внедрения «русского элемента», выразившегося в усилении влияния на учащихся православной религии. В открытых при содействии Сергиевского учительских семинариях происходило формирование православной западнорусской интеллигенции, которая на рубеже XIX–XX вв. способствовала развитию русской народности в крае (Табунов, 2017: 82). Воспитание в учениках уважения к русскому правительству Сергиевский считал одной из важнейших составляющих образовательного процесса в учебных заведениях северо-западных губерний. Долго работавший с ним управляющий Виленским учебным округом А.В. Белецкий отмечал, что к окончанию срока пребывания его на должности попечителя Виленского учебного округа русская школа в крае уверенно «стояла на ногах» (Белецкий, 1903: 18).

В своей деятельности в сфере народного образования Сергиевский руководствовался принципами, заложенными в начальный этап деполонизации края, развивая их в «духе заветов Муравьева» (Бендин, 2011: 12). Он также способствовал реализации одной из главных целей национальной политики периода правления Александра III, которая заключалась в утверждении

русских истоков в истории Северо-Западного края. На торжественном открытии памятника графу М.Н. Муравьеву в Вильно 8 ноября 1898 года Сергиевский выступил с речью в поддержку официальной великодержавной версии истории Западной России, особо отметив, что служение Северо-Западному краю, как и в муравьевскую эпоху, «должно происходить на основе спокойного и твердого сознания национального русского достоинства» ([Циркуляр..., 1899: 37](#)).

По мнению Сергиевского, выраженному в его соображениях от 14 декабря 1884 года, русский чиновник «с чисто русским направлением», исповедующий православие, безгранично преданный царю и Отечеству, удовлетворенный своим материальным положением, чувствующий попечение со стороны государства, мог стать действенным «инструментом» мягкого насаждения русских начал в крае, то есть выступить в качестве агента «мягкой силы» империи, воздействующего прежде всего на «низший класс народа» ([РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 833. Л. 12](#)). Тем более, если такой чиновник был задействован в системе образования, выступавшей наиболее эффективным механизмом приобщения коренного населения северо-западной окраины к общеимперским ценностям. Образование в контексте стратегии «мягкой силы» выполняло функцию формирования политической лояльности и приобщения к ключевым маркерам русскости, таким как русский язык, культура и православная вера. По мнению Сергиевского, русский чиновник учебного ведомства должен был занять достойное место в образовательной политике края, стать проводником русских начал в народные массы окраины и «средством» реализации неконфликтных методов влияния на них в «русском духе». Однако воплощение данной стратегически важной задачи лежало на плечах лиц, обремененных бедственным материальным положением, а потому неспособных справиться с возложенной на них цивилизаторской миссией империи ([РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 833. Л. 120б.](#)).

Для выхода из сложившегося положения Сергиевский предлагает распространить на чиновников низших должностей от XIV до X классов служебные преимущества 7 и 8 пунктов «Правил о преимуществах чиновников русского происхождения, служащих в губерниях Царства Польского» от 30 июля 1867 года, но с некоторыми ограничениями, которые позволила бы, по его мнению, сократить расходы казны на новые льготы для чиновников русского происхождения в крае ([РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 833. Л. 11-110б.](#)).

Сергиевский особо оговаривал пути решения проблемы скудного материального обеспечения для служащих по ведомству Министерства народного просвещения, а именно для учителей приходских училищ, которые зачастую остаются вообще без какой-либо денежной помощи. В связи с этим попечитель Виленского учебного округа выступает за предоставление учителям приходских училищ дополнительных преимуществ в отношении средств содержания, а также изменение их прав на пенсию, ограниченных еще в 1840-е гг. ([ПСЗРИ. Т. 20: 106](#)).

Необходимость корректировки кадровой политики в северо-западных губерниях в 1880-е гг. в полной мере была осознана русской администрацией не только в связи с ее соприкосновением с особенностями местной общественно-политической жизни, но и с критикой, распространяющейся в центральных правительственных кругах. Так, например, выдающийся государственный деятель Н.Н. Покровский в своих мемуарах раскритиковал основные правительственные мероприятия в Северо-Западном крае, направленные на его слияние с русской государственностью и на борьбу с полонизацией. «Пополнение состава служащих» он оценил, как «одно из наиболее слабых мест русской политики в Западном крае» ([Покровский, 2015: 34](#)). Покровский отмечал, что состава служащих русского происхождения, который «сумел бы заставить, по крайней мере, уважать русскую государственность, не образовалось вовсе», и связано это было с нежеланием «хороших кандидатов» из-за трудных условий службы задерживаться в крае. Он также указывал на то, что основная масса служащих русского происхождения по отношению к местному населению «держала себя враждебно, в роли завоевателей» ([Покровский, 2015: 36](#)).

Наблюдая весь комплекс проблем, накопившийся в кадровой политике российского правительства в Северо-Западном крае к 1880-м гг., И.С. Каханов и автор публикуемого документа Н.А. Сергиевский осознали, что от уровня образования, культуры и нравственности русского чиновника зависит формирование отношения местного крестьянского населения к российской власти в целом. Недостаток в материальном обеспечении русских чиновников приводил к снижению уровня их социальной ответственности, что вело к падению авторитета имперской власти, формированию ее негативного образа. Меры, предлагаемые представителями высшей российской администрации в крае по корректировке кадровой политики, были направлены на умножение социальных ресурсов управления, обеспечивающих политическим институтам устойчивость и гибкость, воспроизводство таких источников легитимации, как признание, согласие и лояльность ([Пономарева, 2013: 19](#)).

В результате обсуждения записки Каханова и поступления на нее соображений, в том числе и от Сергиевского, 13 июня 1886 года были изданы дополнительные «Правила об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского» ([Правила об особых преимуществах, 1886](#)). В соответствии с новыми правилами в Виленской, Гродненской, Минской губерниях учителям приходских училищ установили надбавку в размере 50 % от получаемого жалованья. Такие же надбавки устанавливались для чиновников городских и уездных полицейских управлений, канцелярий губернаторов и духовных консисторий. Для служащих на

должностях от XIV до VIII классов в губернском правлении, в комиссиях народного продовольствия, в приказах общественного призрения и почтовых конторах, духовных учебных заведениях, канцеляриях ведомства Министерства народного просвещения, уездным врачам и землемерам, чиновникам Министерства путей сообщения полагалась 20-процентная надбавка к жалованью. Семейные чиновники русского происхождения, определяемые в учебные заведения Виленского учебного округа, сверх прогонов получали пособие в размере половины годового жалованья, а одинокие могли рассчитывать на треть годового жалованья ([Правила об особых преимуществах, 1886: 14-15](#)).

Значительные изменения «к лучшему» в составе служащих Северо-Западного края по пути снижения процента католиков-поляков, служащих по штатным должностям, к августу 1886 года в своем отчете зафиксировал и Каханов ([РГИА. Ф. 1604. Оп. 1. Д. 758. Л. 20б.-3](#)).

5. Заключение

Во взглядах И.С. Каханова и Н.А. Сергиевского на задачу привлечения в край русских чиновников проявилось изменение в расстановке акцентов в проведении кадровой политики в крае в 1880-е гг. Наряду с прежней задачей замены «польского элемента» в крае русскими началами, особое значение стало придаваться созданию позитивного образа имперской власти среди местного населения в рамках формирующейся стратегии «мягкой силы» и подготовки кадровой основы для ее практической реализации. Патриотически настроенный русский чиновник стал позиционироваться как «агент» влияния в крае, наиболее часто соприкасающийся с местным населением и способный привлечь его симпатии к основополагающим институциональным и ценностным имперским установкам, вызвать у него уважение к русской государственности.

Таким образом, публикуемый документ позволяет обратить внимание на представителей высшей русской администрации в Северо-Западном крае не только как на исполнителей государственных решений, но и как на участников процесса проектирования новых законов, учитывающих общественно-политическую ситуацию в северо-западных губерниях. Подготовка документа к публикации осуществлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (Правила издания, 1990). Стилистические и фонетические особенности текста сохранены, орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами русского языка. Документ публикуется впервые.

6. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РНФ 22-28-01912 ««Мягкая сила» империи: неконфликтные формы и практики интеграции западных регионов России в 1881–1904 гг.».

Примечания

¹ 15 октября 1884 года министр народного просвещения И.Д. Делянов обратился к попечителю Виленского учебного округа Н.А. Сергиевскому с предложением представить свои соображения по вопросу, обозначенному в записке виленского генерал-губернатора И.С. Каханова «О составе служащих в Северо-Западном крае», которая в августе этого же года была представлена императору Александру III.

² Каханов Иван Семенович (1825–1909) – русский государственный деятель, генерал-лейтенант от артиллерии. С 1884 по 1893 гг. занимал пост Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора. С 1893 года назначен членом Государственного совета. Активно поддерживал правительственные мероприятия по уничтожению верховенства «польского элемента» в среде крупных землевладельцев северо-западных губерний, выступал последовательным сторонником политики умиротворения и интеграции Северо-Западного края в состав Российской империи.

³ «Правила о преимуществах чиновников русского происхождения, служащих в губерниях Царства Польского» были опубликованы 21 августа 1867 года. Их проект был разработан в Собственной его императорского величества канцелярии по делам Царства Польского. Высочайше утверждены 30 июля 1867 года ([ПСЗРИ. Т. 42: 1195-1198](#)).

⁴ Предложения И.С. Каханова по увеличению служебных преимуществ чиновникам русского происхождения от XIV до VII классов включительно в северо-западных губерниях, изложенные им в записке «О мерах к привлечению на службу в Северо-Западный край русских уроженцев», включали несколько пунктов, основанных на статьях 3–6 и 11 «Правил о преимуществах чиновников русского происхождения, служащих в губерниях Царства Польского» от 30 июля 1867 года ([РГИА. Ф. 733. Оп. 121. Д. 833. Л. 40б.-5](#)).

⁵ Статья 7 «Правил о преимуществах чиновников русского происхождения, служащих в губерниях Царства Польского» от 30 июля 1867 года предполагала назначение чиновникам русского происхождения, отличившимся особыми способностями и усердием, через каждые пять лет службы в одном ведомстве прибавку к жалованью в размере 15 %, а служащим образовательных учреждений – 25 %. В конечном итоге надбавка не могла вдвое превышать начальный оклад, и привилегия распространялась только на 30 % общего числа чиновников, служащих в данном ведомстве.

Согласно статье 8 «Правил», чиновникам русского происхождения, прослужившим в Царстве Польском не менее двух лет, в силу их материальной необеспеченности предоставлялась возможность обучать своих детей за казенный счет либо получать ежегодное пособие на воспитание в размере 100 рублей на одного ребенка от 9 до 13 лет и в размере 150 рублей на одного ребенка в возрасте от 13 до 17 лет (ПСЗРИ. Т. 42: 1196-1197).

⁶ Орден Святого равноапостольного князя Владимира – одна из высших наград в Российской империи, учрежденная в 1782 году. Жаловался за военные и гражданские заслуги и имел 4 степени. Получение любой степени (кроме 4-й с 1900 года) предоставляло право потомственного дворянства.

⁷ В «Общем Уставе о пенсиях и единовременных пособиях по гражданским ведомствам», помещенном в Своде законов Российской империи издания 1857 года, упоминаемое Н.А. Сергиевским положение помещено в пункте 5 статьи 12: «...определяемые на службу в губернии Виленскую, Ковенскую и Гродненскую, а также по таможенному ведомству в Царстве Польском чиновники русского происхождения: сверх производимого им по должности жалования они сохраняют и пенсии, пожалованные им за прежнюю службу, военную или гражданскую» (Иванов, 1873: 5).

⁸ Помимо начальных народных училищ «низшими» учебными заведениями в Российской империи являлись городские училища, созданные по Положению «О городских училищах» от 31 мая 1872 года на базе уездных училищ с 6-летним сроком обучения. Согласно Положению, городские училища имели целью «доставление детям всех сословий начального умственного и религиозно-нравственного образования» (ПСЗРИ. Т. 47: 728).

⁹ 21 ноября 1869 года были утверждены «Правила о назначении и производстве процентной прибавки к содержанию и пособий чиновникам русского происхождения, служащим в Западных губерниях». В соответствии с ними в отношении вновь прибывающих на службу в Северо-Западный край с 1870 года полагалась надбавка в 30 % от оклада для членов присутствий, а остальным чиновникам – 40 %. С 1875 года процентная надбавка для чиновников, поступающих на службу в северо-западные губернии, уменьшалась в 2 раза и составляла 15 и 20 % соответственно (ПСЗРИ. Т. 44: 305-306).

¹⁰ Н.А. Сергиевский имел в виду «Положение о пенсиях и единовременных пособиях учителям начальных учебных заведений Министерства народного просвещения», утвержденное 9 января 1845 года (ПСЗРИ. Т. 20: 105-106).

Литература

Белецкий, 1903 – Белецкий А.В. Попечитель Виленского учебного округа Н.А. Сергиевский (24 октября 1869 г. – 25 июня 1899 г.). Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1903. 18 с.

Бендин, 2011 – Бендин А.Ю. Российская империя и Католическая церковь: борьба за этническую идентичность белорусов Северо-Западного края (1863–1914) // *Русский сборник: исследования по истории России*. Том X. М.: Регнум, 2011. С. 7-66.

Иванов, 1873 – Иванов В.А. Уставы о пенсиях и единовременных пособиях: (По Своду законов изд. 1857 г. и по продолж. 1863, 1864, 1868, 1869, 1871 и 1872 гг.). СПб.: Тип. А. Траншеля, 1873. 512 с.

Киселев, 2018 – Киселев А.А. Особенности прохождения государственной службы в губерниях Северо-Западного края (1863–1917 гг.) // *Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана*. 2018. № 2 (11). С. 36-49.

Комзолова, 2002 – Комзолова А.А. Западный комитет (1862–1864) и виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев // *Россия и реформы: Сб. ст.* Вып. 5. М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2002. С. 9-34.

Крот, 2021 – Крот М.Н. Губернаторские отчеты: рапорт о проделанной работе или программа развития края? // *Новое прошлое*. 2021. № 1. С. 246-256.

Кузьмин, 2018 – Кузьмин А.Д. Конфессиональный и национальный состав чиновничества белорусских губерний в 1864–1914 гг. // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А «Гуманитарные науки»*. 2018. № 1. С. 81-88.

Луговцова, 2014 – Луговцова С.Л. Кадровая политика российских властей на территории Беларуси после подавления восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг.: (попытка сравнительного анализа) // *Российские и славянские исследования: Науч. сб.* Минск: БГУ, 2014. Вып. 9. С. 28-38.

Муравьев, 1885 – Муравьев М.Н. Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края 14 мая 1864 года // *Русский Архив*. 1885. № 6. С. 186-197.

Национальные окраины, 2020 – Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. 608 с.

Подорожная, 2012 – Подорожная Е.А. Особенности формирования губернской администрации в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А «Гуманитарные науки»*. 2012. № 2. С. 61-64.

Покровский, 2015 – Покровский Н.Н. Последний в Мариином дворце: Воспоминания министра иностранных дел. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.

Пономарева, 2013 – Пономарева Е.Г. Железная хватка «мягкой силы» // *Однако*. 2013. № 6. С. 18-26.

Правила об особых преимуществах, 1886 – Правила об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. (Высочайше утверждены 13 июня 1886 г.). СПб.: Литотипография и словолитня Эрнста Платеса, 1886. 19 с.

Правила издания, 1990 – Правила издания исторических документов в СССР. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Глав. архив. упр. при СМ СССР, 1990. 83 с.

ПСЗРИ. Т. 20 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 20. № 18606. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1846. С. 105-107.

ПСЗРИ. Т. 42 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 42. № 44887. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1867–1871. С. 1195-1198.

ПСЗРИ. Т. 44 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 44. № 47700. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1873. С. 305-307.

ПСЗРИ. Т. 47 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 47. № 50909. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1875. С. 727-736.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Табунов, 2017 – Табунов В.В. Православная церковь и римско-католический костел в борьбе за влияние на белорусских землях в конце XIX – начале XX столетий // *Аспект*. 2017. № 3 (3). С. 81-86.

Циркуляр..., 1899 – Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1899 год. Вильна, 1899. 836 с.

Krot, Narezhny, 2019 – Krot M.N., Narezhny A.I. P.A. Valuev and the Formation of Government Policy in Relation to the Western Territory (1861–1865) // *Bylye Gody*. 2019. 51(1): 262-271.

Nye, 2004 – Nye J.S., Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs, 2004. 192 p.

References

Beletskii, 1903 – Beletskii, A.V. (1903). *Popechitel' Vilenskogo uchebnogo okruga N.A. Sergievskii (24 oktyabrya 1869 g. – 25 iyunya 1899 g.)* [Trustee of the Vilna educational district N.A. Sergievsky (October 24, 1869–June 25, 1899)]. Vil'na: Tip. A.G. Syrkina, 18 p. [in Russian]

Bendin, 2011 – Bendin, A.Yu. (2011). *Rossiiskaya imperiya i Katolicheskaya tserkov': bor'ba za etnicheskuyu identichnost' belorusov Severo-Zapadnogo kraya (1863–1914)* [The Russian Empire and the catholic church: the struggle for the ethnic identity of belarusians in the North-Western territory (1863–1914)]. *Russkii sbornik: issledovaniya po istorii Rossii*. Tom X. M.: Regnum. Pp. 7-66. [in Russian]

Ivanov, 1873 – Ivanov, V.A. (1873). *Ustavy o pensiyakh i edinovremennykh posobiyakh: (Po Svodu zakonov izd. 1857 g. i po prodolzh. 1863, 1864, 1868, 1869, 1871 i 1872 gg.)* [Charters on pensions and lump-sum benefits: (According to the Code of Laws, published in 1857 and continued in 1863, 1864, 1868, 1869, 1871 and 1872)]. SPb.: Tip. A. Transhelya, 512 p. [in Russian]

Kiselev, 2018 – Kiselev, A.A. (2011). *Osobennosti prokhozheniya gosudarstvennoi sluzhby v guberniyakh Severo-Zapadnogo kraya (1863–1917 gg.)* [Features of civil service in the provinces of the North-Western Territory (1863–1917)]. *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tikhogo okeana*. 2(11): 36-49. [in Russian]

Komzolova, 2002 – Komzolova, A.A. (2002). *Zapadnyi komitet (1862–1864) i vilenskii general-gubernator M.N. Murav'ev* [Western Committee (1862–1864) and Vilna Governor-General M.N. Murav'yev]. *Rossiya i reformy: Sb. st. Vyp. 5*. M.: Modest Kolerov i «Tri kvadrata». Pp. 9-34. [in Russian]

Krot, 2021 – Krot, M.N. (2021). *Gubernatorskie otchety: raport o prodelannoii rabote ili programma razvitiya kraya?* [Governor's reports: a report on the executed work or a program for the development of the region?]. *Novoe proshloe*. 1: 246-256. [in Russian]

Krot, Narezhny, 2019 – Krot, M.N., Narezhny, A.I. (2019). P.A. Valuev and the Formation of Government Policy in Relation to the Western Territory (1861–1865). *Bylye Gody*. 51(1): 262-271.

Kuz'min, 2018 – Kuz'min, A.D. (2018). *Konfessional'nyi i natsional'nyi sostav chinovnichestva belorusskikh gubernii v 1864–1914 gg.* [Confessional and national composition of the bureaucracy of the Belarusian provinces in 1864–1914]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A "Gumanitarnye nauki"*. 1: 81-88. [in Russian]

Lugovtsova, 2014 – Lugovtsova, S.L. (2014). *Kadrovaya politika rossiiskikh vlastei na territorii Belarusi posle podavleniya vosstaniia 1830–1831 gg. i 1863–1864 gg.: (popytka sravnitel'nogo analiza)* [Personnel policy of the Russian authorities on the territory of Belarus after the suppression of the uprisings of 1830–1831. and 1863–1864: (an attempt at a comparative analysis)]. *Rossiiskie i slavyanskije issledovaniya: Nauch. sb. Minsk: BGU*. Vyp. 9. Pp. 28-38. [in Russian]

Murav'ev, 1885 – Murav'ev, M.N. (1885). *Zapiska o nekotorykh voprosakh po ustroistvu Severo-Zapadnogo kraya 14 maya 1864 goda* [Note on some questions on the organization of the North-Western Territory May 14, 1864]. *Russkii Arkhiv*. 6: 186-197. [in Russian]

Natsional'nye okrainy, 2020 – Natsional'nye okrainy v politike Rossiiskoi imperii i russkoi obshchestvennoi mysli [National Outskirts in the Politics of the Russian Empire and Russian Public Thought]. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNTs RAN, 2020. 608 p. [in Russian]

Nye, 2004 – Nye, J.S., Jr. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs, 2004. 192 p.

Podorozhnyaya, 2012 – *Podorozhnyaya, E.A.* (2012). Osobennosti formirovaniya gubernskoi administratsii v Belarusi vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Features of the formation of the provincial administration in Belarus in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A «Gumanitarnye nauki»*. 2: 61-64. [in Russian]

Pokrovskii, 2015 – *Pokrovskii, N.N.* (2015). Poslednii v Mariinskom dvortse: Vospominaniya ministra inostrannykh del [The Last One at the Mariinsky Palace: Memoirs of the Minister of Foreign Affairs]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 488 p. [in Russian]

Ponomareva, 2013 – *Ponomareva, E.G.* (2013). Zheleznaya khvatka «myagkoi sily» [The iron grip of «soft power»]. *Odnako*. 6: 18-26. [in Russian]

Pravila izdaniya, 1990 – *Pravila izdaniya istoricheskikh dokumentov v SSSR* [Rules for publishing historical documents in the USSR. 2nd ed. revised and additional]. 2-e izd. pererab. i dop. M.: Glav. arkhiv. upr. pri SM SSSR, 1990. 83 p. [in Russian]

Pravila..., 1886 – *Pravila ob obykh preimushchestvakh grazhdanskoi sluzhby v otdalennykh mestnostyakh, a takzhe v guberniyakh zapadnykh i Tsarstva Pol'skogo.* (Vysochaishe utverzhdeny 13 iyunya 1886 g.) [Rules on the special advantages of civil service in remote areas, as well as in the provinces of the west and the Kingdom of Poland. (Highest approved June 13, 1886)]. SPb.: Litotipografiya i slovolitnyia Ernsta Platesa, 1886. 19 p. [in Russian]

PSZRI. T. 20 – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 2-e. T. 20. № 18606. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. ee imperat. velichestva kantselyarii, 1846. Pp. 105-107. [in Russian]

PSZRI. T. 42 – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 2-e. T. 42. № 44887. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. ee imperat. velichestva kantselyarii, 1867–1871. Pp. 1195-1198. [in Russian]

PSZRI. T. 44 – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 2-e. T. 44. № 47700. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. ee imperat. velichestva kantselyarii, 1873. Pp. 305-307. [in Russian]

PSZRI. T. 47 – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 2-e. T. 47. № 50909. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. ee imperat. velichestva kantselyarii, 1875. Pp. 727-736. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Tabunov, 2017 – *Tabunov, V.V.* (2017). Pravoslavnaya tserkov' i rimsko-katolicheskie kostel v bor'be za vliyanie na belorusskikh zemlyakh v kontse XIX – nachale XX stoletii [The Orthodox Church and the Roman Catholic Church in the struggle for influence on the Belarusian lands in the late 19th – early 20th centuries]. *Aspekt*. 3(3): 81-86. [in Russian]

Tsirkulyar..., 1899 – *Tsirkulyar po Vilenskomu uchebnomu okrugu za 1899 god* [Circular on the Vilna educational district for 1899]. Vil'na, 1899. 836 p. [in Russian]

«Соображения» Н.А. Сергиевского как источник для изучения реализации стратегии «мягкой силы» в Северо-Западном крае Российской империи

Оксана Олеговна Завьялова ^{а, *}

^а Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье впервые вводится в научный оборот документ, содержащий соображения попечителя Виленского учебного округа Н.А. Сергиевского от 14 декабря 1884 года, подготовленные в ответ на предложения, выраженные в записке виленского генерал-губернатора И.С. Каханова «О составе служащих в Северо-Западном крае», представленной императору в августе этого же года. Публикуемый документ в настоящее время хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА), фонд 733 (Департамент народного просвещения), в деле под названием «О мерах к привлечению на службу в Северо-Западный край русских уроженцев».

Соображения попечителя Виленского учебного округа Н.А. Сергиевского посвящены одной из ключевых проблем национальной политики в отношении Северо-Западного края второй половины XIX века – привлечению в регион чиновников русского происхождения в целях интеграции региона в имперское пространство и вытеснения польского влияния. Они представляют собой осмысление трудностей кадровой политики в северо-западных губерниях, проводимой в 1860-х – 1870-х гг., и содержат оценку степени эффективности предпринимаемых мер по материальному стимулированию чиновников русского происхождения в окраинном регионе. Публикуемый документ представляет значительный интерес в контексте анализа каналов коммуникации между органами

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: zavyalova@sfedu.ru (О.О. Завьялова)

центрального и местного управления, позволяя лучше понять механизм выработки управленческих решений в отношении Северо-Западного края.

Во взглядах Н.А. Сергиевского на задачу привлечения в край русских чиновников, выраженных в его программном документе, проявилось изменение в расстановке акцентов в проведении кадровой политики в крае в 1880-е гг. Наряду с прежней задачей замены «польского элемента» в крае русскими началами, особое значение стало придаваться созданию позитивного образа имперской власти среди местного населения в рамках формирующейся стратегии «мягкой силы» и подготовки кадровой основы для ее практической реализации.

Ключевые слова: Российская империя, Северо-Западный край, Александр III, И.С. Каханов, Н.А. Сергиевский, национальная политика, русификация, «мягкая сила».

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1325-1334
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1325

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Image of King Carol I of Romania as Reflected in the Russian Diplomatic Reports, 1888–1898

Sorin Arhire ^{a, *}

^a University of Alba Iulia, Romania

Abstract

The reports drawn up by the members of the Russian Legation to Bucharest analysed several aspects of the Romanian state with King Carol I being a major topic thereof. Given that the Romanian sovereign belonged to the Hohenzollern-Sigmaringen dynasty, he was often perceived by the Russian diplomats accredited in the kingdom to the north of the Danube as making a strong contribution to the intensification of German and Austro-Hungarian influence in Romania, especially between 1888 and 1893 when Russian-Romanian relations were particularly tense. Although not unanimously, most reports depicted the Romanian king as a ruler who could not adapt to his new country, often describing him as a “foreigner” or a “German” with some even predicting his abdication. Since the king was a decisive factor in the promotion of Romania’s foreign policy, he was often described as a worthy representative of Germanophilia and hostile to Russia. As a Catholic in a country whose population was overwhelmingly Orthodox, the Romanian sovereign was often shown as an “agent of Catholicism” in Romania although there were also cases when the reports emphasised the balance that he was able to strike between Catholicism and Orthodoxy.

Keywords: Carol I of Romania, Russian diplomats, diplomatic reports, the Romanian Orthodox Church, Romania’s foreign policy, Russian-Romanian relations, Bessarabia, the Triple Alliance, Germany, Austro-Hungary.

1. Introduction

Russia, just like all the other great European powers, had a complex network of diplomatic offices abroad from as early as the second half of the eighteenth century. Towards the late nineteenth century, more precisely in 1885, the Tsarist Empire had 6 embassies, 18 legations and 2 diplomatic agencies (Ceobanu, 2012: 295). Since the embassies were only located in the capital cities of the great powers, i.e. London, Paris, Berlin, Vienna, Rome and Istanbul, in Bucharest they had a legation which, as only natural, was headed not by an ambassador but by a minister plenipotentiary. Knyaz Leon Urusov was the first head of the Russian Legation to Bucharest from late 1880 to 1886.¹ In the decade prior to the visit of King Carol I to Saint Petersburg, the Russian diplomats in Romania drew up countless reports; among the authors of these documents one can find Mihail A. Hitrovo,² extraordinary envoy and minister plenipotentiary, Alexandr Lodiĵenski, chargé d’affaires, Alexandr A. Giers, consul in Jassy, Nikolai A. Fonton, extraordinary envoy and minister plenipotentiary, and A.S. Somov and V.E. Lvov, legation secretaries. Romania’s foreign policy, the Romanian society, the Romanian Orthodox Church and the Royal House are only a few of the topics

* Corresponding author

E-mail addresses: sorin.arhire@uab.ro (S. Arhire)

¹ For further details about his activity and about the other members of the Russian Legation to Bucharest at the time, see (Ceobanu, 2012: 295-308).

² He was the head of the Russian Legation to Romania between 3/15 November 1886 and 2/20 October 1891 (Ceobanu, 2011: 151). For further biographic details about M. A. Hitrovo, see (Solomon, Cuşco, 2014: 28).

tackled in the reports drafted by the Russian diplomats in Romania, to which we could also add their perceptions on King Carol I.

The history of Moldova and of Wallachia had seen a constant battle between the boyars' camps to impose the person they were supporting as head of state¹; then, once they took the throne, the rulers of the two principalities would support the camp that had put them in office to the detriment of the other camp; so already at the end of the third decade of the nineteenth century the political class of the two principalities agreed on the idea of bringing a foreign prince from one of the West's ruling families. This wish of the political class took shape in 1857 with the request for a foreign prince to inherit the throne, chosen from one of Europe's ruling dynasties whose heirs were to be raised in the country's religion. Not privy to the previous political battles, and with no relatives or protégés in his new country, the foreign prince could ensure the implementation of the principle that "a king rules but doesn't govern." In addition to that, his ties with a great European dynasty were to increase the prestige of the Romanian monarchy at a time when the republics that had emerged following the revolutionary movements had been short-lived, as proven by the European Revolutions of 1848 (Ivănescu, 2011: 22-23). Under these circumstances, after a failed attempt to bring Philip of Flanders,² the brother of King Leopold II of Belgium, and following a plebiscite organised between 2 and 8 April, in April 1866 Prince Carol of Hohenzollern-Sigmaringen was proclaimed head of state of the two united principalities, although he was only 27 years old. It is, however, difficult to believe a better solution could have been found since the potential candidates were quite few and through his coming Carol brought precisely what the Romanian society lacked: order, rigour, discipline, punctuality and perseverance. Certainly, the arrival of a Hohenzollern on the Romanian throne was also a blow to the image of the state to the north of the Danube, which was still a vassal of the Ottoman Empire, because Prince Carol was a relative of the Prussian king (and soon of the future emperors of the German Empire) and of Emperor Napoleon III of France (Boia, 2014: 23, 38).

2. Discussion

The adaptation/failure to adapt of Prince Carol of Romania

Due to the fact that after 1871 the influence of Germany and Austro-Hungary in South-Eastern Europe increased and Russia found itself in some sort of diplomatic isolation, especially after 1882 when the Triple Alliance was created, the existence of a German prince at the helm of Romania was not seen by the diplomacy in Saint Petersburg in the brightest of lights; people in the capital of the Tsarist Empire believed that all this situation did was contribute even more to the increased German and Austrian influence over the Romanian kingdom while the Russian-Romanian relations remained very tense until 1893. Therefore, between 1888 and 1898 most of the reports drawn up by the Russian diplomats in Romania were not favourable to the role played by the Romanian king in the leadership of his state even though they unanimously recognised his personal qualities.

Thus, in a report sent to Nikolai K. Giers, Nikolai A. Fonton,³ who had been appointed extraordinary envoy and minister plenipotentiary in Romania in 1891, said that the king had not grown accustomed to the position he was in although over 25 years had passed since his coming to Romania.

"Despite all of the above, King Carol still remains a 'foreigner' in this country; so far, he has not managed to get familiar with the people who called him to the throne, in whose eyes he remains a 'German,' just like in the past. He speaks Romanian – and French for that matter – with a strong German accent. From what I have been told, sometimes while he was reading the Message of the Throne, his pronunciation even raised hilarity among the attendees. His cold disposition, his methodical, pedantic character, his proneness to loneliness and isolation, even his simplicity, do not fit with the local customs. There is no ardour or

¹ Between 1716 and 1821 the rulers appointed by the Ottoman Empire to both principalities came from among the members of the noble Greek origin families from the Phanar district of Istanbul. Although in theory the position was for life, those appointed to rule over Moldova or Wallachia held it for a short period of time, which made them collect riches as fast as possible as they had gotten the title in question against the payment of huge amounts of money to the sultan and his advisors. A contemporary of those days noted that "it is from the Phanariots that we have inherited this cruelty towards the people, this indifference to the needs of the country, this disrespect for the law, this contempt towards an honest job to the benefit of the people, this mistrust in everything ethnic, this praise and imitation of everything foreign." Besides, historian Ulcini states that "The throne had become an auctioned item. As soon as he'd take over his principality, the Phanariot was guided by one thought alone – make a fortune, collect wealth for himself and his aides who followed him like a flock of greedy birds of prey and pounce over the wretched country. For fear they'd soon be overthrown, they wreck their brains for new plans to squeeze out of the country as much as they can in the shortest time possible to pay the huge debts they made in order to get the throne" (Lindenberg, 2003: 32).

² The first option was Philip of Flanders because already in April 1866 when debates on the adoption of a constitution were organised, the Belgian constitution of 1831 was used as a model. Given that the Romanian fundamental law was largely a copy of the Belgian one, Romanian politicians believed it had better chances to work in Romania too if the prince came from the same country as the constitution.

³ He held this position from 12/24 June 1891 until 1/18 June 1901 (Ceobanu, 2011: 155).

passion in the king's nature. His Majesty only finds some indulgent appreciation in those few people who are extremely close to the king and who can make a direct judgment of the subtleness of his intelligence, his multilateral development and his hardworking nature" (Solomon et al., 2014: 266-267).

In most of the reports sent from Bucharest to Saint Petersburg, Russian diplomats emphasise the absence of a mystical connection between the Romanian king and his subjects, in contrast with the situation of the Tsarist Empire, as the issue of the foreign dynasty was a constant topic of the documents they drew up. Besides, the same reports concluded that the existence of a German-born ruler in Romania only symbolised and strengthened the uprooting of the elites from the people, thus deepening the imported nature of the modernisation process of the Romanian society which covered the last third of the nineteenth century (Solomon, Cuşco, 2014: 37). This piece of information which was constantly sent to the Russian Foreign Ministry with regard to the modernisation of Romania did not seem to depict the reality at all as even the Romanian society itself was faced with a fierce dispute over the rush with which Western laws and institutions were copied although they did not fit the local realities at all. The "theory of the form without substance" was outlined by Titu Maiorescu in 1868 (Maiorescu, 1868) and to a certain extent it is still valid for contemporary Romania, as in 1989 the Romanian society made a sudden shift from Europe's toughest Communist regime to the values of democracy; there were other important personalities of Romanian culture who wrote about it, such as Mihai Eminescu, Mihail Kogălniceanu, Constantin Rădulescu-Motru, Constantin Stere, Garabet Ibrăileanu and Mihail Manoilescu.

Even though he did acknowledge the personal qualities of King Carol, among them his vast intelligence and political skills, which exceeded those of many "born Romanians," the Russian Minister Plenipotentiary Mihail N. Hitrovo was consistent in highlighting the Romanian monarch's status of "foreigner," his lack of popularity and the failure of his acclimatisation to the Romanian realities, as well as the fulfilment of an ill-fated role of promoting the Austrian-German interests on the Romanian territory (Solomon, Cuşco, 2014: 38). The Russian diplomat, whose thinking was dominated by an unconditional attachment to the Romanovs' dynasty, a deep religiousness and the conviction of the exceptional role of the Tsarist Empire on the international stage and especially in the Balkans, considered that the late nineteenth century saw a confrontation between two worlds – the Slavic-Orthodox one (represented by Russia) and the Western-German one (represented by Germany and Austro-Hungary) (Solomon, Cuşco, 2014: 28-29). Within the context of the peasants' revolt of 1888, when the Romanian king and political class were confronted with a serious problem, the same M.A. Hitrovo believed that the revolt broke out due to the "sheer weakness of the current administrative and military construction of the kingdom" as well as due to the Romanian sovereign's lack of popularity:

"As far as political ideals are concerned, ideals such as the adoration of the king's authority, these have never even existed; in the eyes of the Romanian peasant, the German King Carol has been and still is just some random non-believer who has nothing categorical to offer except for submission to something that's foreign and loathed by their natural, historical instincts" (Solomon et al., 2014: 139, 142).

Given the constant reports sent to the Foreign Ministry in Saint Petersburg underlining the maladjustment of Carol I to his new position as head of the Romanian state, it is no wonder that the members of this ministry adopted an official belief that the king had not developed a long-lasting connection with his people, as one understands from a piece of instruction given in August 1888 and mentioned seven years later in the report drawn up by V. E. Lvov.

"In spite of his long stay in Romania, King Carol could not adapt to the country which entrusted him with its own destiny; he sees the current situation as ephemeral and that's why he'd rather serve those interests to which he harbours a certain personal sympathy instead of the properly understood interests of the Romanian people with whom he has no solid bond whatsoever" (Solomon et al., 2014: 344-345).

Even though he replaced Minister Plenipotentiary M. A. Hitrovo as head of the Russian Legation to Bucharest for a short time period, in his capacity as chargé d'affaires, Alexandr Lodijski sent reports to Nikolai K. Giers, the foreign minister in Saint Petersburg, depicting King Carol as a monarch who had not managed to grow accustomed to his adoptive homeland; the Russian diplomat stated that in Romania the anti-dynastic tendencies were strong and there were even voices anticipating the abdication of the Romanian sovereign.

"In society and among the deputies the abdication of King Milan made if not a great impression, then at least a very clearly expressed one. Special attention was given, among others, to an occasional newspaper note published in no. 4665 of the "Novoye Vremya" from last 23 February hereby sent by telegraph, which reminded that after Prince Alexander and King Milan¹ it was now the turn of King Carol of Romania. The same note argued that all these monarchs were following a hostile policy towards Russia which was why two of them had already fallen" (Solomon et al., 2014: 176).

Nevertheless, there were also exceptions in the texts of these reports by the Russian Legation to Bucharest, like the one drafted by V. E. Lvov on 6 August 1895 where the head of the Romanian state was

¹ On 22 February 1889, the Serbian King Milan Obrenović abdicated in favour of his son, Alexander. Since the latter was still a minor, the ruling of the country was entrusted to a 3-person regency.

presented as very well accustomed to his duties with no issues between himself and the political class of the Romanian kingdom.

“I, however, will allow myself to express the opinion that the king has long since accustomed to Romania entirely, that his Majesty sees the current situation as rather safe and long-lasting, that *all circumstances are favourable to the total overlapping of the visions of this country’s ruling class with the visions of their monarch*” [emphasis in original] (Solomon et al., 2014: 345).

Although between 1888 and 1898 the Russian diplomatic reports depicted King Carol as a “foreigner” in Romania and as a monarch who had not adapted to the country’s realities, things were not like that. In reality, King Carol¹ was only confronted with significant adaptation issues from 1866 to 1871 when his running-in was cumbersome and the political cooperation between him and the Romanian political class seemed to be extremely difficult if not impossible. During these five years, Bucharest saw no less than 10 governments with about 30 governmental reshuffles (Maiorescu, 1994: 19), a testament to the deep political instability which existed in Romania during that period. The primary character of the country’s political life also reverberated to Prince Carol; there were countless anti-dynastic² newspapers that used very strong language against the head of state, even though the bringing of a foreign prince to rule the United Principalities of Moldova and Wallachia had gathered the unanimity of the Romanian political class.

Although Carol did show a lot of patience, caution and tolerance, a big part of the problem came from the fact that Romanians had no dynastic sense whatsoever as for generations they had been used to ephemeral rule and were also indifferent to the frequent throne ascents that had happened over the years. As Alexandru Ioan Cuza, a popular ruler, had just been forced to abdicate in 1866, one extra change to the head of state did not seem to matter too much (Maiorescu, 1994: 16, 21). In this unstable political atmosphere, on 8/20 August 1870, a group of radical liberals led by Alexandru Candiano-Popescu, a former artillery captain, took over the Ploiești Prefecture, army post and telegraph office and proclaimed the republic and the overthrowing of Prince Carol. But the “Ploiești republic”³ only existed for a day as the conspiracy was rapidly annihilated by an army battalion, thus proving the non-viability of the conspirators’ action. To understand the lack of firmness of Romania’s political beliefs back then, it is worth mentioning that in 1880, only 10 years after his failed attempt to install the republican regime, Alexandru Candiano-Popescu, who had been a virulent opponent of the foreign dynasty almost his whole life, accepted to become King Carol’s aide, a position that he was to hold for 12 years.

During the French-Prussian War, which broke out in the summer of 1870 and ended in the spring of the following year with the absolute victory of Prussia, the anti-dynastic movement reached its peak, with most Romanian politicians and journalists showing their support for France, although considering that the country was led by a Hohenzollern, it should have done the opposite and wished for Prussia to win. As the military conflict between the two great European powers extended, the Romanians’ enthusiasm towards France was growing⁴ and their aversion for everything German was also on the up. Under these circumstances, in January 1871 Carol even made an attempt to abdicate, as expressed in a letter sent to one of his friends, who has remained unidentified; the text of the letter was published in the “Augsburger Allgemeine Zeitung” newspaper in 15/27 January 1871 and then taken over by the Romanian newspapers.

The establishment of the conservative government led by Lascăr Catargiu on 11 March 1871 brought much-needed political stability since it functioned for over five years and so, after the establishment of this government, the Romanian monarchy went through a consolidation process. The participation of the

¹ On 9/21 September 1878, after the declaration and the acknowledgement of state independence, it was decided to grant Prince Carol the title of Royal Highness. On 14 March 1881 Romania was proclaimed a kingdom and on 10 May 1881, following a vote in Parliament, Carol and his wife Elisabeth of Wied were crowned as monarchs.

² Firstly, we may mention the socialist newspapers “Munca,” “Adevărul,” “Lumea nouă” and “Lumina,” plus the “Telegraful,” a media outlet of the nihilists and anarchists. In 1899 when the liberals moved to the opposition, the “Românul” newspaper took on a deeply anti-dynastic stance. The renowned Bogdan Petriceicu Hasdeu, who was a philologist, a historian, a journalist, a legal consultant and a political figure, also published antimonarchic ideas in the publication he edited, “Traian.” In his turn, Alexandru V. Beldiman, the manager of “Adevărul,” publicly recognised that he had an anti-dynastic attitude as proven by the motto of the Bucharest publication: “Down with Carol, a stranger to our people, a stranger to our law.”

³ For further details about this event as well as about the ensuing process, see (Onescu, 2011: 189-203).

⁴ To give just two examples of the Romanian’s Francophile nature, it is worth mentioning that between 17 February and 1 April 1871 the “Românul” newspaper was printed with a black frame and its frontispiece titled “the Teutonic hoards step on the sacred land [of France]” while the prominent liberal leader Ion C. Brătianu stated in a speech held in the Chamber of Deputies on 24 February that “In the unfortunate case that the power of the government in Berlin grows bigger and it forcefully imposes on us to pay the coupon, then it should be known that we are not paying a debt, but rather the requisition of the sympathies we had and still have for the French nation. We shall pay, gentlemen. But even if we’re poor, even in tatters, even crushed, our sympathies for France will not weaken, on the contrary, they will grow stronger” (Maiorescu, 1994: 26).

Romanian army in the Russian-Turkish War from 1877 to 1878, where the Russian-Romanian troops from Plevna were led by Prince Carol, led to the development of a strong bond between the prince and his people; there were no more problems after that and the ruler of the Romanian state was no longer perceived by his subjects as a “German” and, of course, there was no more talk about abdication, either.

Carol I and Romania’s foreign policy

Given that King Carol I played a decisive role in Romania’s foreign policy, an aspect which was also noted by Al. Lodijski in March 1889, many reports drawn up by the Russian diplomats accredited in Romania referred to their role in modelling the diplomacy of the kingdom between 1888 and 1898 and to how Russian-Romanian relations were influenced by the Romanian sovereign’s attitude. The leadership exercised by the king on Romanian diplomacy while going around his ministers, as N. A. Fonton stated in 1896 (Solomon et al., 2014) may be explained both by the fact that he made use of the prestige of his family, the House of Hohenzollern, and by the significant weight of his home country, Germany, in the field of international relations considering that after the 1871 unification, it had become the main force on the European continent (Damean, 2011: 59).

“On the one hand, the foreign policy which has such a significant influence on the state’s domestic life has been left in the king’s hands, out of any control, and on the other hand, the political parties which had seemed united until then crumbled and the prestige of Parliament could only fall significantly in the eyes of the people. However, these successes seem to have come at a rather big cost [...] in transferring to the king, cautiously for now but certain nonetheless, although there is no explicit mention of it anywhere, the responsibility which under normal circumstances should have fallen entirely and exclusively on the shoulders of His Majesty’s ministers” (Solomon et al., 2014: 170).

In March 1889, seen from the perspective of the Russian interests, the largest number of documents drawn up in the abovementioned period are not at all favourable to the role played by Carol, as one may also notice from the report drawn up by M. A. Hitrovo at the end of 1888:

“Of all the debates currently taking place in the Chambers, of this whole political battle between the parties which we witness today in Romania and of all the intrigues accompanying it, what has become crystal clear to us is the irreconcilable and already undisguised attitude of King Carol and his loyal government towards us. Romania’s allegiance to an alliance that is hostile to us, its acceptance, in front of this alliance, of certain positive obligations, are realities which can no longer be questioned” (Solomon et al., 2014: 153).

Two years after the report sent in 1888, M. A. Hitrovo sends another one drawn up in pretty much the same terms but this time with many more details about the antagonistic position of King Carol against Russia in the Romanian foreign policy:

“Romania has developed a whole constellation of political figures who are utterly blinded by the greatness of Germany and trust the indestructibility and the almightiness of its politics. To the forefront of these fanatics of the German influence are average individuals like Dimitrie Sturdza, Carp and others. These alleged Romanian politicians have created a whole political theory based on the supposed incompatibility between Germany and Russia [...]. According to this theory, as per its authors, by tying its fate to the interests of the Central-European league, Romania will soon have to gain supremacy on the Lower Danube and in the Balkan Peninsula, a supremacy that Russia would never have given it. [...] In the eyes of all these supporters of pro-German politics, already convinced or yet to be convinced, King Carol represents the best available impersonation” (Solomon et al., 2014: 233).

Alexandr Lodijski, who briefly replaced Mihail A. Hitrovo as head of the Russian Legation to Bucharest, also emphasised the pro-German attitude of the Romanian political class from those days and depicted it as in opposition with how the masses saw things.

“Educated in Jena, Heidelberg or Vienna, overly enthusiastic about the force of Germany, not knowing anything about Russia and not being able to understand the politics of the Imperial Government, the current rulers of Romanian destinies believe that by showing an especially unfriendly behaviour towards us they would get the praise and trust of their allied protectors. The needs of the people, their aspirations and traditions seem to have no importance for them, as far as this question is concerned, especially since they have never studied them in an impartial way [...]. The tension between their political tendencies and the sacred, intimate aspirations of the Romanian people is the premise of an inevitable perdition both for their chimerical theories and for themselves” (Solomon et al., 2014: 165-166).

What is interesting is that in very many reports sent to the Ministry of Foreign Affairs in Saint Petersburg the Russian diplomats repeatedly said that there was a genuine precipice between the ruling elite of the Balkan kingdom and its people. While the elites were described as “alienated” as they had uncritically taken over Western development models, the peasants were perceived as representing an “authentic” and truly “national” part of the Romanian population which indirectly sympathised with Russia due to their common affiliation to Orthodoxy. Nevertheless, the same peasants who were seen as the only chance to bring Romania onto the route of collaboration with Russia were being described as resigned, submissive and without any influence on the affairs of the state, except for in some violent, irrational outbursts like the 1888 revolt. “[T]he [Romanian] people remain silent and submissive to their own destiny which is unknown to them” concluded Al. Lodijski (Solomon et al., 2014: 175).

The difficulties encountered by the government in Bucharest with regard to the international recognition of its independence in the year of 1878 as well as the tense Russian-Romanian relations made the political class and Prince Carol himself understand that Romania's international isolation was extremely dangerous and it was necessary to become part of a system of alliances (Damean, 2011: 84). Even though several million Romanians lived in Austro-Hungary and the Romanian government and society from the Old Kingdom¹ were showing an increased interest in their fate, within the context of the pan-Slavic policy promoted by Russia, Romania looked for some support for "its national existence within the sphere of action of a multi-language Austria who had formed with Germany (and soon with Italy) a strong shield of defence against the European expansion valences of the Northern giant precisely at that time" (Măiorescu, 1994: 118). As such, 30 October 1883 saw the secret signing of the Treaty of Alliance between Austro-Hungary and Romania;² Germany also joined the Treaty on the same day. It is certain that the head of the Romanian state would have wanted a direct alliance with Germany, his home country, which had proven at that time that it was the continent's greatest power, but he had to content himself with one by "ricochet" (Ciupală et al., 2006: 451). What mattered a lot in Romania's accession to the Triple Alliance was the fact that King Carol belonged to the great Hohenzollern dynasty and that certain Romanian politicians had been educated in Germany, plus the economic situation of the young kingdom situated to the north of the Danube as 50 % of its imports came from Austro-Hungary compared to only 5% from Russia (Ceobanu, 2017: 118). This was not a unilateral approximation; Romania and Austro-Hungary took steps "towards each other, sometimes supported by Germany, too" (Platon 1972: 171-172).

Although the accession of the Romanian state to the Triple Alliance was secret and the Russian diplomats in Romania did not know anything certain, they did sense that a political or military agreement had been reached between the kingdom on the Danube and the two Central European powers as one may notice from the reports sent to the Ministry of Foreign Affairs in Saint Petersburg, especially starting with the last years of the 9th decade of the nineteenth century. Neither the visit of Emperor Franz Joseph to Romania in September 1896 nor the return visit by the Romanian king who was the guest of the Austrian monarch in Budapest in October 1897 were perceived as random events. Nor did they miss the warming of German-Romanian relations from the late nineteenth century. In a report sent to the head of the Russian diplomacy, Al. Lodijski had little doubt that Romania was in the sphere of Austro-German interests, while V. E. Lvov believed that the foreign affairs vision of King Carol overlapped with that of the political elite, which had established their inclination towards Germany and Austro-Hungary (Solomon et al., 2014: 165, 345).

Formed in 1882, the Triple Alliance was directed especially against Russia as the signatory states promised one another mutual help in the case of a Russian attack even though this was not mentioned anywhere in the text of the treaties. Under these circumstances, the forming of the alliance contributed to the worsening of the diplomatic isolation of the Tsarist Empire, a phenomenon which had already started showing since the unification of Germany and the proclamation of the Second Reich. As such, the matter of Romania joining the camp of the Central Powers or not represented a constant concern for the Russian diplomats; most of them believed that something had been signed, although officially nothing was known for certain. At the helm of a government which lasted for less than a year, Lascăr Catargiu was not informed about the accession to the Triple Alliance, as he confessed to M. A. Hitrovo in 1889 when the Romanian prime minister was asked by the minister plenipotentiary in Bucharest. The report drawn up by the Russian diplomat mentions the words of Catargiu, who truly did not know anything at the time,³ although he had been prime minister.

"When I expressed my consent to form a cabinet at the king's request' – he said to me [L. Catargiu] – , 'I asked him to tell me clearly if His Majesty had not by any chance had some earlier obligation that would have limited his freedom to act on foreign policy issues and the king replied that he had no formal commitments and that his hands were free' ('Il m'a répondu: Je n'ai aucuns engagements formels et j'ai les mains libres')" (Solomon et al., 2014: 221).

In 1891, when it had been almost eight years since the king had signed the accession to the Triple Alliance but without making his decision public, the leadership of the Ministry of Foreign Affairs in Saint

¹ Syntagm used for designating the Romanian state which existed between 14 March 1881, the day when the kingdom was proclaimed, and 1 December 1918, when the Romanian population of Transylvania decided to union this province with Romania.

² The Alliance had a defensive and secret nature and was operational for five years with an automatic extension for another three years if not denounced by any signatory state one year before its expiry or if no one asked for its revision. The treaty had seven articles and the main provisions were the fact that in the case of a war, the signatory parties could not negotiate separately with the enemy nor were they allowed to sign a separate peace. In case of an unprovoked attack by a third power, the two states undertook the obligation to help each other mutually (Dinu, 2011: 123).

³ Lascăr Catargiu had not been informed by the king in any way about the treaty signed by Romania with Austro-Hungary to which Germany had also acceded. He would, however, learn about its existence one year later on the occasion of the renewal of Romania's Treaty of Accession to the Triple Alliance signed on 25 July 1892 (Solomon et al., 2014: 222, note 3).

Petersburg had no doubt about the orientation of the Romanian state in foreign affairs matters, as illustrated by the instructions given to Nikolai A. Fonton, who had been recently appointed minister plenipotentiary of Russia to Romania:

“During the extended governing of Ion Brătianu [1881–1888], Romania has distinguished itself through a rather strong penchant towards the Central Powers despite the fact that even during the most confidential confessions King Carol has always denied the existence of a written agreement with the Triple Alliance formed by Germany, Austro-Hungary and Italy” (Solomon et al., 2014: 254).

Although King Carol repeatedly denied the fact that he had signed any formal agreement with Germany and Austro-Hungary, these statements did not prevent the Russian diplomats to Romania from understanding that the Romanian foreign policy had significantly aligned itself to the one promoted by Germany and Austro-Hungary. The official visit of Emperor Franz Joseph to Romania between 15/27 and 18/30 September 1896 was seen by the members of the Russian Legation to Bucharest not just as an act of courtesy, but as a confirmation of the proximation of the Romanian kingdom to the states of the Triple Alliance. Less than a month after this visit, in a report sent to the ad-interim foreign minister in Saint Petersburg, Nikolai A. Fonton argued that the purpose of the Austrian Emperor’s visit was either the signing of a separate convention with the Austro-Hungarian Empire or Romania’s formal accession to the Triple Alliance with Franz Ferdinand acting as a proxy for his other two allies (Solomon et al., 2014: 399). The organisation of a big military parade on the occasion of the emperor’s visit to Romania and the fact that he visited numerous forts gave the impression of a general inspection aimed at showing the top guest the armed forces available to the Romanian state (Solomon et al., 2014: 399).

Bessarabia together with the three counties to its south – Cahul, Bolgrad and Ismail – are rarely mentioned in the Russian diplomatic reports sent to Saint Petersburg; this fact confirms that these territories were not a priority for Romania’s foreign policy.¹ An important role in the adoption of this attitude was played by Prince Carol, who already in 1878 considered that the three counties annexed by Russia had been irrevocably lost. With regard to Dobruja, the head of the Romanian state had a realistic attitude, although apparently this decision was rather painful for him because in 1866 he had sworn to defend the territorial integrity of the Romanian state in accordance with the text of the Constitution adopted that same year. Besides, in 1877 this integrity had been guaranteed by the great European powers and reconfirmed through the Russian-Romanian Convention signed on 4/16 April 1877. The forced Magyarisation policy deployed by the government in Budapest against Romanians from Transylvania, however, turned the attention of the king and of the Bucharest government to the intra-Carpathian province to the detriment of the one between the Prut and the Dniester. Even though the loss of the three counties to the south of Bessarabia, considered more important than Dobruja, was initially deplored, the possibilities that came with holding the territory between the Danube and the Black Sea were later on discovered. These aspects are also evident in the manner in which A. S. Somov, the secretary of the Russian Legation to Bucharest, drew up a report in 1898:

“Besides that, one cannot ignore the encouraging fact that the matter of Bessarabia no longer interests the public opinion and that this aspect is mentioned increasingly rarely by the media. Such a change may be explained by the fact that all the kingdom’s attention is currently absorbed on the one hand by the truly unprecedented discrimination applied by the Hungarian Government to its Romanian subjects and on the other hand, by the interest raised by Dobruja with its new Constanza harbour and its commercial and military fleet which the Romanians are working on with this childish passion that is so specific to them. And it is very unlikely for them to agree to trade Dobruja for Bessarabia now. Under these circumstances, their only option is to silently go around the latter. Finally, one cannot miss the wise actions of the king in this matter; having understood from the very beginning the sheer futility of whining over Bessarabia, he firmly disapproves of any fuss and manages to raise the Romanians’ interest in Dobruja and channel their activity in the direction of this new, rich region” (Solomon et al., 2014: 432).

In 1894, following a discussion between Casimir Leyden, minister plenipotentiary of Germany to Bucharest, and King Carol I, the German diplomat expressed his conviction that the Romanian sovereign was not a fan of bringing the Bessarabian issue to the fore due to the success of the Russification process that had taken place in that province.² Considering it a lost territory, the Romanian king “has never had any illusions concerning the fate of his former subjects of the territory ceded through the Berlin Treaty” (Ardeleanu et al., 1983: 242). This giving up on the territory between the Prut and the Dniester and on the three counties to its south is also made visible by the fact that in 1897 Carol I met the governor of Bessarabia, Lieutenant General

¹ In 1812, following the Bucharest Peace, Bessarabia was integrated into the Tsarist Empire. After the 1878 Berlin Congress Romania received Dobruja, the Danube Delta and the Snake Island but lost the three counties to the south of Bessarabia – Cahul, Bolgrad and Ismail – to Russia.

² After having become part of the Tsarist Empire in 1812, in the late nineteenth century Bessarabia had somehow found its place in the order of the empire and its development followed a path different from Romania’s. This may be explained both through the important role played by Russian language and culture and through the fact that there was an identity of religion between the population of Bessarabia and the representatives of the Russian administration. For further details about the situation of this province between 1812 and 1918, see (Livezeanu, 1995: 89-97).

Alexandr P. Konstantinovici,¹ in Jassy. Not only was this the first visit of a governor of this province to Romania, but the Romanian king also insisted on decorating the high Russian dignitary with the Order of the Star of Romania, rank Grand Cross.

The province between the Prut and the Dniester is mentioned in two reports: one from 1889 and the other from 1892, both within the context of the monitoring of the activities of Russian socialists in Romania by the members of the Russian Legation to Bucharest, considering that the socialist movement from the Romanian kingdom had been formed due to the arrival of emigrants from the Tsarist Empire, including from Bessarabia, in the 1870s. The report sent by Al. Lodijski shows his concern about the development of socialism in Romania, about the strong influence exercised by the anarchists arrived from Russia and his discontent with the attitude of the government in Bucharest.

“On this occasion I will allow myself to remind you that in Romania there is no Russian socialist who has not already successfully taken part in the criminal actions committed in Russia in the past and that the Romanian government could not have assumed under any circumstances that these were just some free-thinking theoreticians (Solomon et al., 2014: 180).

The same Lodijski also deplors the fact that Carol I allowed these socialists to live in Romania following the intervention of the manager of the Romanian State Archives, Professor B. P. Hasdeu,² who argued that some were from Bessarabia and would have allegedly suffered because of their sympathies towards Romania (Solomon et al., 2014: 182). The existence of such a significant number of Russian emigrants on the territory of Romania who “have found harbour and safety here” is also signalled by N.A. Fonton in 1892; the latter also made some interesting remarks about the reasons of those who were in Bucharest for studies.

“[H]ere there are also some young fellows who declare that they have left Russia because of their special appreciation for everything that’s Romanian and of the impossibility to live anywhere else than in the middle of the ‘highly developed Romanian society.’ Such flattering words that strike the ego of the Romanians offer these young fellows who use to register as students at the local university certain financial means together with the possibility to make a living. Often times, this also offers them the protection of university professors who are characterised, with no exception, by extreme liberalism” (Solomon et al., 2014: 269).

Carol I – A Catholic King in a Mostly Orthodox Country

In the reports sent by the Russian diplomats accredited in Romania between 1888 and 1898 a special place is given to the matter of Orthodoxy, which is considered an essential part of Romanian traditional identity but also a binder between the Russian and Romanian peoples. As Carol I was Catholic, the link between Orthodoxy and the Romanian collective identity is often analysed through the lenses of the Romanian king’s attitude towards the majority religion. The “Catholicism” of Carol I was perceived as a fundamental element of the consolidation of Western influence in Romania and its distancing from Russia (Solomon, Cușco, 2014: 41), considering that the Romanian society was perceived by the Russian diplomats as strongly polarised. On the one hand, there were the westernised elites who had taken over and replicated liberal models, mostly from France, and on the other hand there was the large mass of peasants representing the “authentic,” truly “national” layer of the Romanian population, attached to the values of Orthodoxy, who represented a resilient link between the kingdom to the north of the Danube and Russia.

Although Carol I was frequently accused by the Russian diplomats of being an “agent of Catholicism” in Romania and the topic of royal Catholicism was recurrent and frequent throughout his reign, there was no unanimous opinion in the reports drawn up by them. Even though most descriptions wanted to emphasise the difference of religious beliefs between Carol I and the Romanian people in order to strengthen the non-autochthonous character of the dynasty, there were also positive communications sent to Saint Petersburg (Solomon, Cușco, 2014: 42). Hence, in February 1892 when there was a rumour that the metropolitan bishop of the Romanian Orthodox Church was supposed to take part at the sanctification of an Orthodox church in Paris, the Russian minister plenipotentiary Nikolai A. Fonton depicted the Romanian king as having a balanced attitude:

“[...] in spite of his religion, King Carol undoubtedly understood his duty and has constantly held an irreproachable attitude towards the Orthodox Church. While having the possibility to inaugurate a Catholic chapel in his palace, the king has never made use of this right” (Solomon et al., 2014: 266).

The matter of succession to the Romanian throne was also covered by the reports sent to Saint Petersburg since, as is well-known, King Carol I and Queen Elisabeth had had only one child, a girl, who had died when she was 4 during a scarlet fever epidemic. Under these circumstances, on 18 March 1889 Ferdinand, the second son of Prince Leopold de Hohenzollern, was proclaimed heir to the throne; the latter was the older brother of the Romanian king. As a Catholic, the marriage of Crown Prince Ferdinand was not

¹ Alexandr Petrovici Konstantinovici was the governor of Bessarabia between the years 1883 and 1889.

² B. P. Hasdeu was a director of the Romanian State Archives between 1876 and 1901 and for a brief time period he was an officer in the Russian army. In 1890 he created a special organisation aimed at assisting students from Bessarabia with insufficient financial means which he named “Milcovul.”

simple, since according to the 1866 Constitution, the children of the crown prince had to be baptised “in the Orthodox religion of the East” (Mamina, 2000: 22). As Mihail A. Hitrovo reported to Nikolai K. Giers, if the future wife were Catholic, the situation would have caused endless complications and the pope’s approval was unimaginable. Nor was marrying a Protestant seen as a solution since the Russian minister plenipotentiary in Bucharest believed that “a family made up of a Catholic father, a Protestant mother and Orthodox children is a nonsense anomaly” (Solomon et al., 2014: 238). Nevertheless, after 1893, the year when Prince Ferdinand married Princess Mary of Edinburgh, the Russian diplomats’ viewpoint changed in spite of the fact that the prince’s bride was a Protestant; this could certainly be explained by the fact that the future queen of Romania was of Russian origin through her mother (and British through her father), her maternal grandfather being Tsar Alexander II himself.

3. Conclusion

Due to the fact that after the 1878 Berlin Peace Congress most South-Eastern European states had been drawn to the orbit of Germany and Austro-Hungary and the Tsarist Empire had lost its influence in the Balkans while also having wasted the moral high ground granted by the war against the Ottoman Empire (Solomon, Cușco, 2014: 22), the reports drawn up by the Russian diplomats in Romania almost unanimously depicted King Carol as still unfamiliarised with his new country although, in reality, as one could see from the above, these problems had only existed in the period 1866–1871. This state of affairs was toppled by the tense relations between Russia and Romania immediately after the military cooperation of the two states in 1877 and 1878; the tension did de-escalate to a certain extent in 1893 when Crown Prince Ferdinand of Romania married Princess Mary of Edinburgh, a descendant of the Russian imperial family. The improvement of the Russian-Romanian relations in the 1890s was also helped by the proximation between France and Russia which started in 1891 and took the concrete form of a military alliance signed the following year and ratified in 1894. The forming of the Franco-Russian alliance directed against the Triple Alliance – as the Tsarist Empire committed itself to provide military support to France if the latter were attacked by Germany or Italy and the Hexagon promised its military help if Russia were attacked by Germany or Austro-Hungary – determined King Carol I to harness relations with the French-Russian camp too, even though Romania had secretly joined the Triple Alliance. This context explains the official visit made by the Romanian king to Saint Petersburg in the summer of 1898.

4. Acknowledgements

This paper was financially supported by University of Alba Iulia on the program to improve the scientific research.

References

- Ardeleanu et al., 1983 – Ardeleanu, I., Arimia, V., Gal, I., Mușat, M. (eds) (1983). 1918 la români. Desăvârșirea unității național-statale a poporului român. Documente externe 1879–1916 [1918 for the Romanians. Completion of the National State Union of the Romanian People. External Documents 1879–1916]. Vol. I. Bucharest. 779 p. [in Romanian]
- Boia, 2014 – Boia, L. (2014). Suveranii României. Monarhia, o soluție? [Sovereigns of Romania: Is Monarchy a Solution?]. Bucharest 112 p. [in Romanian]
- Ceobanu, 2011 – Ceobanu, A.-B. (2011). Diplomați ruși la Curtea Regelui Carol I [Russian Diplomats at the Court of King Carol I]: In Cliveti Gh., Ceobanu A.-B., Nistor I. (eds). Cultură, politică și societate în timpul domniei lui Carol I. 130 de ani de la proclamarea Regatului României [Culture, Politics and Society during the Reign of Carol I. 130 Years since the Proclamation of the Kingdom of Romania]. Bucharest: 145-161. [in Romanian]
- Ceobanu, 2012 – Ceobanu, A.-B. (2012). La légation de Russie à Bucarest (1880–1886). Représentants et activité [The Russian Legation in Bucharest (1880–1886). Representatives and activity]. *Revue des études sud-est européennes*. 50. 1–4: 295-308. [in French]
- Ceobanu, 2017 – Ceobanu, A.-B. (2017). Politică și diplomație la sfârșitul secolului XIX. Din istoria relațiilor româno-ruse (1878-1899) [Politics and Diplomacy in the Late Nineteenth Century. A History of the Romanian-Russian Relations, 1878–1899]. Jassy. 464 p. [in Romanian]
- Ciupală et al., 2006 – Ciupală, A., Dinu, R., Lukács, A. (eds) (2006). Documente diplomatice române [Romanian Diplomatic Documents]. Series I. Vol. 11. 1883. Bucharest. 743 p. [in Romanian]
- Damean, 2011 – Damean, S.L. (2011). Carol I și politica externă a României (1866-1914) [Carol I and Romania’s Foreign Policy]: In Cliveti Gh., Ceobanu A.-B., Nistor I. (eds). Cultură, politică și societate în timpul domniei lui Carol I. 130 de ani de la proclamarea Regatului României [Culture, Politics and Society during the Reign of Carol I. 130 Years since the Proclamation of the Kingdom of Romania]. Bucharest: 59-92. [in Romanian]
- Dinu, 2011 – Dinu, R. (2011). Diplomația Vechiului Regat, 1878–1914: management, obiective, evoluție [The Diplomacy of the Old Kingdom, 1878–1914: Management, Objectives, Evolution]: In Cliveti Gh., Ceobanu A.-B., Nistor I. (eds). Cultură, politică și societate în timpul domniei lui Carol I. 130 de ani de

la proclamarea Regatului României [Culture, Politics and Society during the Reign of Carol I. 130 Years since the Proclamation of the Kingdom of Romania]. Bucharest. Pp. 119-143. [in Romanian]

Ivănescu, 2011 – *Ivănescu, D.* (2011). Ideea „prințului străin” în deceniul premergător instaurării monarhiei constituționale (1856–1866) [The Idea of the ”Foreign Prince” in the Decade Prior to the Establishment of the Constitutional Monarchy, 1856–1866]: In Cliveti Gh., Ceobanu A.–B., Nistor I. (eds). *Cultură, politică și societate în timpul domniei lui Carol I. 130 de ani de la proclamarea Regatului României* [Culture, Politics and Society during the Reign of Carol I. 130 Years since the Proclamation of the Kingdom of Romania]. Bucharest. Pp. 21-31. [in Romanian]

Lindenberg, 2003 – *Lindenberg, P.* (2003). Regele Carol I al României [King Carol of Romania]. Bucharest. 287 p. [in Romanian]

Livezeanu, 1995 – *Livezeanu, I.* (1995). Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building & Ethnic Struggle, 1918–1930. Ithaca and London. 340 p.

Mamina, 2000 – *Mamina, I.* (2000). Monarhia constituțională în România. Enciclopedie politică. 1866–1938 [Romania’s Constitutional Monarchy. Political Encyclopaedia, 1866–1938]. Bucharest. 423 p. [in Romanian]

Maiorescu, 1868 – *Maiorescu, T.* (1868). În contra direcției de azi din cultura română [Against the Current Direction of Romanian Culture]. *Convorbiri literare*, 1 December. [in Romanian]

Maiorescu, 1994 – *Maiorescu, T.* (1994). Istoria politică a României sub domnia lui Carol I [Romania’s Political History under the Reign of Carol I]. Bucharest. 349 p. [in Romanian]

Oncescu, 2011 – *Oncescu, I.* (2011). Vinovați sau nevinovați. Procesul politic de la Târgoviște (1870) [Guilty of Not Guilty. The Political Process from Târgoviște (1870)]: In Cliveti Gh., Ceobanu A.–B., Nistor I. (eds). *Cultură, politică și societate în timpul domniei lui Carol I. 130 de ani de la proclamarea Regatului României* [Culture, Politics and Society during the Reign of Carol I. 130 Years since the Proclamation of the Kingdom of Romania]. Bucharest. Pp. 189-203. [in Romanian]

Platon, 1972 – *Platon, Gh.* (1972). Considerații privind situația României în preajma aderării la Tripla Alianță [Considerations of the Situation of Romania around the Accession to the Triple Alliance]. *Analele Științifice ale Universității Alexandru Ioan Cuza*. *Istorie*. XVIII/2: 156-186. [in Romanian]

Solomon, Cușco, 2014 – *Solomon, F., Cușco, A.* (2014). Introduction to Solomon F., Ceobanu A.–B., Cușco A., Șkundin G. (eds) (2014). Rapoarte diplomatice ruse din România (1888–1898) [Diplomatic documents of Russian representatives in Romania (1888–1898)]. Jassy. 459 p. [in Romanian and Russian]

Solomon et al., 2014 – *Solomon, F., Ceobanu, A.–B., Cușco, A., Șkundin, G.* (eds) (2014). Rapoarte diplomatice ruse din România (1888–1898) [Russian diplomatic reports from Romania (1888–1898)]. *Diplomatische dokumenty rossiiskikh predstavitelei v Rumynii (1888-1898)*. Jassy. 459 p. [in Romanian and in Russian]

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1335-1347
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1335

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Kazakh Steppe in the Eyes of Russian Scientists

Amangeldy N. Kashkimbayev ^{a, *}

^a Institute of History of the State of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Abstract

The formation of Kazakh-Russian contacts in the 19th – early 20th centuries is one of the most important issues in the history of international relations as part of the geopolitical system of interests of Russia in Central Asia and the territories adjacent to this region.

The Soviet historical science often characterized this historical stage as “the time of Kazakhstan's voluntary entry into Russia”, sometimes changing the focus to “Kazakhstan being part of the Russian Empire” (Suleimenov, Basin, 1981; Shoinbaev, 1982).

In this article, the main focus is on the study of the works of the Orenburg Scientific Archival Commission (hereinafter referred to as OUAК) identified by the author in the Russian National Library of St. Petersburg. For the most part, the works of the commission's employees were compiled on the basis of reporting documents and diaries of the expedition members. They contained valuable information about the steppe regions of the Kazakh lands and local residents. At the same time, the main attention of the commission members was paid to the study of Kazakh history, elements of ethnography, economic structure, geography, trade and economic prospects, geopolitical situation, and the potential of available natural resources.

The article attempts to examine in detail and study some aspects of the formation of Kazakh-Russian relations in the context of studying and analyzing the works of Russian scientists, military and officials of the 19th – early 20th centuries. Including for the analysis, the works of A. Anikhovsky, I. Anichkov, V. Vodopyanov, G. Volkonsky, Y. Gaverdovsky, G. Gens, V. Zotov, V. Illeretsky, I. Castagne, S. Sevastyanov, L. Slovokhotov, D. Sokolov, I. Shukshintsev.

Keywords: Kazakh-Russian relations, Orenburg Scientific Archival Commission, Orenburg, Bukhara, Khiva, Central Asia, expeditions.

1. Введение

История взаимоотношений между государствами относится к одной из важных проблем современной исторической науки. С момента распада СССР берет начало новое ретроспективное сложного, многовекового процесса становления и развития казахстанско-российских отношений. Процесс сближения их растянулся на несколько столетий и состоял из нескольких этапов, которые являют собой череду политических, экономических, социальных событий, на которые не могли не реагировать ни Казахстан, ни Россия. Поэтому их следует отнести к разряду международных субъектов, взаимоотношения между которыми на разных стадиях становления и развития могли иметь различный характер. Так, например, наиболее сложным для анализа и обобщения представляется период, известный в истории двух народов как «вхождение Казахстана в состав Российской империи», корни которого уходят в глубь веков.

* Corresponding author

E-mail addresses: amangeldy51@mail.ru (A.N. Kashkimbayev)

Первые их контакты на межгосударственном уровне относятся ко времени Касым-хана. В своде законов «Қасым ханның қасқа жолы» имелся специальный раздел, где оговаривались нормы и этикет международных отношений (Кузембайулы, 2000). Начиная же с 60-х годов XVI века, наблюдается возобновление контактов между двумя государствами. В 1559 г. казахский хан Хак-Назар принимает в качестве первого посланца Ивана IV английского купца Антони Джениксона, еще 10 лет спустя, в 1569 г., – русского посла Семена Мальцева (Мажиденова, 2005: 247; Посольские..., 2005: 150), когда в 1594 г. Тевеккел-хан (Тауекел – Авт.) направляет Султана Кул-Мухамеда для установления союзнических отношений с Московским государством (Казахско-русские, 1961: 3-9).

В истории известны факты, когда правители государств в исключительных случаях (военная угроза, необходимость сохранения централизованной власти) обращались к услугам друг друга. По мнению историка В.О. Ключевского, «...таковы были разнообразные туземные струи, вносящие в состав московского служивого люда боевые силы из разных классов обществ, ...приехал служить с отрядом татар казанский царевич Касим» (Ключевский, 1987: 191-192). Так было в годы казахско-джунгарских войн, в период противостояния среднеазиатским ханам, когда казахские правители выступали с предложением о создании военно-политического союза с Россией, просили «огненные ружья».

Со временем угрозы над государствами стали принимать национальный характер, как это было в начале XVIII века в войне казахов с джунгарами или во время Отечественной войны (1812 г.) России с французами, когда война становилось «не обыкновенной, а национальной», где казахи и русские действовали совместно и уже в защиту Отечества. Это было новой формой борьбы против захватчиков, когда французы даже «требовали» от Кутузова, чтобы он запретил вести своим татарам «скифскую войну» (Кузнецов, 2012: 38). Ибо прозванные европейцами «северными Амурами» воины из Оренбургского края буквально терроризировали своими внезапными действиями регулярные части французов (Лазарев, 2008: 35). А сам Наполеон Бонапарт впоследствии признает, что он недоволен был действием Союза европейских государств, который оказался бессильным в войне против России: «Если бы конфедерация (европейских стран – Авт.) была бы способна к чему-нибудь, вся страна (Россия) давно была бы охвачена восстанием» (Абалихин, 1987: 35-36).

Казахско-русские отношения, вследствие которых Казахская степь стала представлять собой составную часть Российской империи, – один из самых противоречивых периодов в истории двух государств. Недостаточная разработанность документально-источниковой базы, отсутствие соответствующего объективного исторического анализа по сей день являются причиной множества «белых пятен» во взаимоотношениях двух государств.

2. Материалы и методы

За основу исследования взяты труды российских ученых XIX – начала XX вв., в том числе членов Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК). Следует отметить, что она занималась составлением местного исторического архива, сбором сведений о древней истории края. Ученые комиссии принимали также участие в раскопках курганов в окрестностях города Кустаная, в Орском уезде (1914 г.) и других местностях Оренбургской губернии и Тургайской области. За двадцать лет работы комиссии (1897–1917 гг) было издано 35 номеров «Трудов Оренбургской ученой архивной комиссии» (ОГАОО. Ф. 96. Оп. 2. Д. 213).

ОУАК тесно сотрудничала с Петербургским археологическим институтом и Императорской академией наук, другими научными организациями. Почетными членами данной комиссии стали известные ученые В.В. Бартольд, П.Ф. Дубровин, И.Е. Забелин, В.О. Ключевский.

В Российской национальной библиотеке города Санкт-Петербурга сохранены 16 выпусков трудов ОУАК. Среди статей имеются публикации, в которых обозначены проблемы становления и развития казахско-русских отношений и социально-экономического состояния Казахской степи в период активизации политики Российской империи в этом регионе.

Труды оренбургских ученых, по нашему мнению, служат достижению исследовательских задач, основанных на главном принципе методологии изучения истории – принципе историзма. Работы историков-архивистов важны в том плане, что некоторые из них могли быть очевидцами событий, имели широкий доступ к документам, хранящимся в канцелярии Оренбургского генерал-губернаторства и других учреждениях.

Для объективности исследования казахско-русских отношений для нас важным представлялся сравнительный метод изучения истории, который позволял определить изменения в историографии проблемы, ее особенности и тенденции развития, подходы в исследованиях разных авторов с учетом господствовавшей на определенном этапе концепции, охарактеризовать степень изученности обозначенной проблемы, показать динамику и факторы, влияющие на ее развитие.

3. Обсуждение

Начиная с XIX в., Казахская степь стала просматриваться в контексте взаимоотношений ее с Россией. В 1891 году Глеб Успенский написал очерк «Кочевники и русские переселенцы (Дополнение к письмам переселенцев)», который был опубликован в мартовском номере 1891 г. газеты «Русская мысль». В 60–80-е гг. XIX века в русском обществе предметом обсуждения становится решение

правительства о переселении крестьян в Акмолинскую степь. По мнению Г. Успенского, правительство приняло поспешное решение, т.к. для русских крестьян под поселение отдавались наиболее плодородные земли, что вызывало недовольство казахских шаруа.

В 20-х годах XX в. казахско-русские отношения найдут отражение в работах историка А.П. Чулошникова, представлявших научный итог исследований по истории «одного из крупных тюркских народов», для того чтобы «оттенить промахи и пробелы, которые были сделаны предшествующей историографией и которые желательно было бы теперь исправить и дополнить» (Чулошников, 1924: 10).

Среди казахских ученых 40–60-х годов XX в. Е. Бекмаханов (Бекмаханов, 1992) стал первым историком, чей труд был посвящен всестороннему исследованию социально-экономической и политической жизни Казахской степи.

Наиболее заметным вкладом в историографию стало появление в научном обороте архивных материалов, содержащихся в сборниках документов «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках» и «Казахско-русские отношения в XVIII–XX веках», изданных в 1961 г. в Алма-Ате. Их составителями стали ученые-историки Ф.Н. Киреев, Б.Я. Басин, Т.Ж. Шоинбаев, К.Ж. Жунисбаев, В.С. Мусаева (Казахско-русские..., 1961).

На современном этапе казахско-русские отношения пополнились новыми, впервые публикуемыми источниками. В 2007 г. в 5 томе «История Казахстана» (составители И.В. Ерофеева и др.) запущен в научный оборот фундаментальный труд дипломата и путешественника Я.П. Гавердовского «Обозрение Киргиз-кайсацкой степи» (в двух частях), написанный в 1804 г.

В статье Р.Ю. Почекаева «Мнимый союзеренитет: московские цари и казахские ханы (по русскоязычным посольским документам конца XVI – начала XVIII вв.)» идет речь о том, как казахские ханы «стремились к выстраиванию равноправных отношений с русскими государями. Лишь формирование российской имперской идеологии в начале XVIII в. привело к существенному изменению формата русско-казахских отношений» (Почекаев, 2019).

4. Результаты

XVIII – начало XIX вв. относится к периоду, когда царское правительство России стало активно перестраивать свою политику в отношении Средней Азии. Неудачная экспедиция А. Бековича-Черкасского в Хиву, вызванная отсутствием подходящих условий для осуществления планов России на Востоке (Иллерецкий, 1940: 41), вынужденное отступление подполковника Бухгольца от намеченного маршрута в Малую Бухару, неудавшееся посольство в Бухару поручика Гавердовского (Водопьянов, 1897: 1-2), динамичное изменение геополитической ситуации во внутренней части Евразийского континента значительно актуализировали роль Казахской степи в восточной политике Российской империи. «Огромное значение имели для России экономические, т.е. прежде всего торговые, связи с Западом, – писал В. Иллерецкий, – являясь по своему географическому положению мостом между Западом и Востоком, Россия имела возможность превратиться в торговую посредницу между ними» (Иллерецкий, 1940: 41).

В этих условиях в сфере внимания Российской империи все чаще стала оказываться Киргизская (Казахская) степь. В 1803 г. в сторону Бухары была снаряжена очередная экспедиция во главе с поручиком Я.П. Гавердовским. «Сношения русских с жителями Средней Азии начались с давних пор и носили первоначально часто торговый характер, – пишет в статье «Неудавшееся посольство в Бухару поручика Гавердовского в 1803 году» В. Водопьянов, – ...но, в сущности, начали упрочиваться они при Петре Великом, когда правительство наше берет на себя не только инициативу этих сношений, но и изъявляет готовность поддержать их силою оружия» (Водопьянов, 1887: 1-3).

Поводом для отправки экспедиции Я.П. Гавердовского послужили слухи о том, что в Бухару бежал тептяр по имени Валит Халитов, преследуемый в России за печатание фальшивых денег. Поручик Гавердовский должен был предъявить бухарскому правителю требование Российской империи о выдаче В. Халитова, деяние которого было оценено как государственное преступление. Однако действия Я.П. Гавердовского в ходе подготовки к экспедиции, итоги его посещения Бухары именно через Казахскую степь свидетельствуют не только о политических задачах, которые ставились перед руководителем экспедиции, но и пресечь попытки Бухары «волновать сопредельные с русскими киргиз (казахов – Авт.)» (Водопьянов, 1887: 3).

Вместе с тем перед руководителем экспедиции была поставлена другая, не менее важная задача: исследовать территорию степи, по которой проходила экспедиция. Прибыв в конце февраля 1803 г. с группой офицеров, среди которых были люди разных специальностей, Гавердовский представляет «в пограничную комиссию «объяснение о средствах к отправлению его в Бухару», согласно высочайше данной ему инструкции» (Водопьянов, 1887: 5), требуя предоставления ему хорошо знающих степь казахов именно из тех родов, которые кочуют постоянно по дорогам из Орска в Бухару.

В середине XVIII в. органы российской пограничной администрации имели довольно смутное представление о степном мире, о географии региона, образе жизни степного народа. Знание степи в основном строилось на трудах европейских путешественников, купцов или же случайных разговорах.

Поэтому, отправляя в степь доверенных лиц из среды чиновников административного управления, специалистов горного ведомства, купцов и сибирских казаков, правительство вменяло им в задачу «просмотреть» Казахскую степь строго через призму заинтересованности России.

Согласно Инструкции правительства, данной руководителю экспедиции «[Гавердовскому] рекомендовалось, наряду с обстоятельным «разведанием» состояния экономики и общественного устройства Бухарского ханства, собирать «основательные» сведения о казахских жузах» (Ерофеева, 2007: 7). Для России были важны все сведения, включая то, какие казахские рода могут находиться на пути следования экспедиции, кто именно стоит во главе их (султаны, старшины, бии и др.), степень признания ими России. Экспедиции также надлежало выяснить наличие полезных ископаемых в Мугоджарских горах, что расположены в верховьях рек Орь и Эмба. Здесь можно заметить, что «Обозрение» Я.П. Гавердовского со временем станет своеобразным путеводителем для тех, кто желал найти наиболее безопасный, наименее затратный путь от границы Русского государства до богатейших стран Средней Азии.

Вот почему для сопровождения экспедиции поручика Я.П. Гавердовского специально был вызван в 1803 г. из Петербурга султан Младшего жуза, военный деятель, сын хана Каипа – Каипов Шергазы. Он пользовался доверием Оренбургской пограничной комиссии благодаря тому, что принимал активное участие в русско-шведской войне 1788–1790 гг., во время которой находился под командованием бывшего генерала Симбирского и Уфимского наместничества барона О.А. Игельстрома (Казахи в России, 2007: 75-76).

На своем пути в Бухару через Казахскую степь Я.П. Гавердовский сумел наладить отношения со знатными степняками, воспользоваться оказанными ими услугами. Таким был для поручика глава тюрткаринского рода бий (правитель рода – Авт.) по имени Каракубек. Поручик был поражен тем, как этому богатейшему человеку, владельцу до 2 000 лошадей, 5 000 овец, 200 верблюдов, не составляло большого труда принять в своем ауле на несколько дней практически всех членов экспедиции, не требуя за это большого денежного вознаграждения (Гавердовский, 2007: 202).

Глава же казахского рода свои действия относил к самому главному этикету своего народа – гостеприимству. «Гостеприимство почитается между киргизцами за долг священный. Они столь строго исполняют сию общую их обязанность, что открытый враг, захвативший в аул, принимается как гость (куняк, кунак, конак – Авт.). Путешественники из их соотечественников повсюду довольствуются без платы. Здесь богатый угощает всем, что есть лучшего, а неимущий делится последним бедным куском своим», – писал в своих донесениях правительству поручик (Гавердовский, 2007: 204).

По итогам экспедиции Я.П. Гавердовский вместе со своими помощниками подготовит журнал, куда будут занесены все сведения по географии, истории и этнографии Казахстана, которые затем будут приняты за основу монографии – «Обозрение Киргиз-кайсацкой степи».

Я.П. Гавердовский – первый русский ученый, который осуществил физико-географическое разделение равнинных земель Казахской степи. Исследователи также относят его к числу первых русских ученых, собравших информацию о законах знаменитого казахского хана Тауке – «Жеты Жаргы».

После неудачного завершения миссии и своего возвращения в Петербург поручик Я.П. Гавердовский переживал, но все-таки сумел довести до сведения царского правительства свою главную мысль: России очень нужно «спокойство и богатство киргизцев». Поэтому считал, что «следует избегать ненужного насилия и причинения материального ущерба основной массе казахского населения» (Ерофеева, 2007: 10-11).

Основательному познанию степи в немалой степени способствовали «Журнал путешествия от города Троицка на Оренбургской линии до найденного в Киргизской степи на реке Кара-Тургай свинцового прииска, писанный инженер-поручиком Генсом» (1814 г.) и «Журнал, содержащий наблюдения, в особенности топографические, сделанные в походе от Учть-Уинской крепости к находящемуся в Киргизской степи на реке Кара-Тургай к свинцовому прииску и обратно в Троицк и в Звериноголовскую крепость, писанный инженер-штабс-капитаном Генсом» (1815 г.).

В мае 1814 г. по приказу оренбургского военного губернатора Г.С. Волконского специальная команда, состоявшая из более чем 1 000 человек, выступила из города Троицка в Казахскую степь и направилась в сторону реки Кара-Тургай для выяснения месторасположения Свинцовой горы, где, по имеющимся сведениям, казахи с давних пор добывали свинцовую руду. Пройдя 734 версты, экспедиция дошла до искомого места – правого берега реки Кара-Тургай в горной местности. По описанию военного инженера Г.Ф. Генса «...Направление жил от севера на восток к юго-западу, и они проходят другие сопредельные горы... По сим обстоятельствам можно судить о великом количестве руды, содержащейся в сих горах, к чему же нужно еще прибавить, что на правом берегу реки Кара-Тургай, не меньше как на 25 верст, все горы составлены из такого же, как и Свинцовая, на левом берегу ... несколько высоких гор. ...Видны горы беспредельные..., одна часть называется киргизами Улугау (Большая гора). Между сей и Улугау, по правую руку, находится Мыстау (Медная гора), содержащая великое множество медной руды..., недалеко от сей горы... находятся остатки двух

каменных домов, служивших жилищами прежним ханам. Сии известия подтверждаются почти всеми киргизцами, знающими здешние места» (Генс, 1814: 176-177).

Г.Ф. Генс и сопровождавшие его участники очередного похода в Киргизскую (Казахскую) степь уже по другому маршруту на всем пути следования экспедиции отмечали на берегах рек и озер следы хозяйственной деятельности местных жителей. «Киргизы выбирают для хлебопашества берега озер..., по их мнению, на сих местах хорошо родится просо..., – описывал руководитель экспедиции Г.Ф. Генс, – около самого берега всякий киргизец выкапывает для поливки своего участка яму, около четырех аршин в поперечнике. Если же участок сей несколько удален от воды, то прокапывают узкий, около $\frac{3}{4}$ аршина, ров до того места, которое требуется поливать, и здесь уже выкапывают упомянутую яму. В сей яме устроено вертикальное колесо, поперечником от 2 до 2 $\frac{1}{2}$ сажен, к окружности которого приделаны круглые узкие ведра.Все киргизы, занимающиеся около здешних мест хлебопашеством, принадлежат Средней орды аргинского рода к бегалинскому отделению» (Генс, 1814: 188). Аккуратно заносил в журнал Г.Ф. Генс и названия местностей, встреченных на пути: Кара-Тургай, Яллама-Тургай, Сюлюкликуль, Мукуркупы, Сары-Тургай, Киик-Купа, Наурузумские леса, Сурсу, Чочкакуль, Тырсык Карагай, горы Толагай, Аман-Карагай, Ащы, Малый Казан Башлы, Большой Казан Башлы, Большой Кендирли, Старо-Аргинской, озеро Эбелей, Тобол, Аят, Каракульская соляная дорога, Тизигум, Тоузак и др.

И все же губернатор Г.С. Волконский остался недоволен результатом первой экспедиции, ибо «сведения доставленные были более похожи на описание дороги, нежели самого рудника. Кроме того, через местных жителей узнано было, что имеется удобная и кратчайшая дорога к руднику от Усть-Уйской и Звериноголовской крепостей, о Медной горе, находящейся в недельном расстоянии от Свинцовой, о реке Ишим, протекающей от обнаруженных в 100–150 верстах. Важность открытия требовала доставления обо всем подробнейшего известия, и, чтобы возмездием казны, положено было вывезти 6 000 пудов руды» (Генс, 1814: 79).

Оренбургское начальство не могло не понимать всей важности свинцовой руды для казахов. Становилось понятным, почему местные жители всячески старались обходить этот вопрос стороной. Как отмечает Генс, в составе отряда находился Алтай Миняшев, старшина рода. Но однажды он не вышел на встречу с отрядом в условленном месте. За ним был отправлен вооруженный отряд. Но только после переговоров с султаном рода по имени Джума и батыром Мусой выяснилось, что проводник, назначенный в отряд, сам по себе не имел право, «равно как и с прочими киргизцами, которые без продолжительного и подробного общего совета», сопровождать русский отряд (Генс, 1815: 229-230).

Поэтому во вторую команду уже были включены несколько переводчиков из Оренбургской пограничной комиссии, а также люди, пользующиеся особым доверием у местных жителей, известные старшины из казахских родов и др.

Во время второй экспедиции удалось получить более удачное описание Свинцовой горы и ее окружностей: «Около 150 верст от Свинцовой горы вниз по течению реки Кара-Тургай начинается по правому берегу... возвышающееся более и более по мере приближения к вершинам реки. В 90 верстах от начала своего оно подходит к реке, образует горы, прерываемые оврагами и речками, от того обыкновенно длинные, сначала большей частью отлогие, но крутые и утесистые около рек... Важнейшая из сих гор есть та, в которой первоначально найдена свинцовая руда... Она называется киргизцами Кургантау (Свинцовая гора) и просто Кара-Кургамтау (черное олово, свинец)... На вершине горы находится киргизское кладбище. Могилы покрыты взятыми с горы камнями, складенные без водою глины» (Генс, 1815: 299-300).

Согласно записям инженера Г.Ф. Генса, на небольшом расстоянии от Свинцовой горы участниками экспедиции были обнаружены неглубокие углубления, похожие на завалившиеся шахты. Было похоже, что местные жители прежде здесь добывали руду.

Судя по тому, что в ходе и первой, и второй экспедиций упоминается название реки Ишим, следует предположить, что участникам экспедиций поручено было уточнить место ее расположения, расстояние от Свинцовой горы. Возможно, для использования ее как судоходного водного пространства. Г.Ф. Генс же писал: «...Но все объявления вожаров по сему предмету (сведения о реке Ишим –Авт.) были так разнообразны, что нельзя было решиться послать особый отряд в страну неизвестную, особливо потому, что все киргизцы старались представить затруднения и опасность... Расстояние полагали различно, от 300 даже до 1 000 верст... Река Ишим приближается, по их словам, к нынешней дороге наиболее близко около реки Яллама-Тургай» (Генс, 1815: 303-304).

Второй поход в Казахскую степь завершился удачно. Было добыто и привезено в Троицк 6 086 пудов 23 фунта свинцовой руды, среди которой находились куски чистого свинцового блеска весом до 15 пудов. Вывезенная руда была переплавлена на Мияском заводе, в 140 верстах от Троицка, и получено чистого свинца 2 500 пудов (Генс, 1815: 290).

«Киргизский вопрос» красной нитью проходит и в статье русского ученого С.Н. Севастьянова «События в Оренбургском крае, подготовившие экспедицию в Хиву в 1839–1840 гг.». Анализируя причины неудач экспедиций Черкасского, Бухгольца, Гавердовского, Перовского в Среднюю Азию, автор напишет: «Для будущего более подробного исследования этих причин мы решаемся

представить материалы, ...основанные на делах архива Оренбургской ученой комиссии, в надежде, что они могут быть также полезными и при изучении прошлого Оренбургского края, тесно связанные с историей взаимных отношений России со среднеазиатскими ханствами...» (Севастьянов, 1905: 95). «Необходимо указать, что правительство еще со времен Екатерины II держалось крайне осторожной политики по отношению киргиз-кайсаков...», – отмечает С.Н. Севастьянов, – но вот Коллегия иностранных дел склонна отойти от этой установки и готова наказывать за «дерзости ордынцев», как и всякого русского подданного...» (Севастьянов, 1905: 112-113).

По мнению С.Н. Севастьянова, для принятия Коллегией подобного решения послужил случай, когда 1-го июля 1823 года пятеро казахов совершили нападение на проезжавших по линии двух русских офицеров, в результате чего они и сопровождавшие их люди оказались в плену у местных жителей (Севастьянов, 1905: 116).

Вместе с тем причину нападений казахов на русские поселения, в данном случае захвата ими в плен русских офицеров, ученый видит в действиях Оренбургского начальства. «...Вплоть до 1803 года у киргиз не было существенных причин быть недовольными Россией, между тем набеги их никогда не прекращались, – пишет Севастьянов, – поэтому «объяснять все эти нападения одной их физической потребностью к грабежам – было бы несправедливо» (Севастьянов, 1905: 100). Так, он напоминает причину недовольства жителей Младшего жуза, когда, вопреки их желанию видеть своим правителем Каратая, при вмешательстве князя Волконского ханом назначен был Джантюре, не имевший авторитета у местного населения. Казахи были также недовольны действиями уральских казаков, которые, вопреки запрету начальства не переходить реку Урал, «тайком пробирались на берег киргизский» и совершали нападения на чужой территории (Севастьянов, 1905: 107).

Князь Волконский же решение проблемы видел по-иному. В 1804 г. он представляет императору Александру I предложение об отправке в Хиву экспедиции для наказания казахов. Оренбургский губернатор полагал, что только таким образом можно «искоренить гнездо грабителей», только так «произведется в киргизах спасительный страх и они не отважатся более оскорблять честь России; им же восстановится тишина и порядок в недрах окружающих народов» (Севастьянов, 1905: 110).

Каким представляется будущее казахско-русских отношений? Подобный вопрос звучит в трудах Севастьянова. Во время работы в Объединенном государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО), в специальном фонде ученого С.Н. Севастьянова, мы обратили внимание на его рукопись «О путешествии в 1891 году наследника императора по Оренбургскому казачьему войску». Вторая глава – «Встреча государя наследника на границе войска 20 июля 1891 года», где Севастьянов пишет о прибытии наследника императора в Оренбург. Для торжественной встречи его недалеко от стен крепости, на Акмолинской стороне, были поставлены красивые юрты акмолинских киргиз (казахов – Авт.). Ученый отмечает прибытие наследника в коляске, сопровождаемой конвоем из сибирских казаков и молодых киргизок-наездниц (ОГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Л. 23). «Его Высочество остановился шагов за сто от границы войска и государь наследник, выйдя из коляски, пешком изволил направиться к приготовленной ему на Акмолинской стороне кибитке, заправленной внутри коврами, и находился внутри ее около 20 минут...» (ОГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 5. Л. 24).

По мере выяснения ситуации в Казахской степи, возрастания степени расположенности степных жителей (рост торгово-экономических отношений, привлечение к наемному труду казахов и др.), распознавания геополитической ситуации коренному видоизменению предавалась политика Российской империи относительно степи. В 14-м выпуске Трудов ОУАК за 1905 год наше внимание привлекла статья И.С. Шукшинцева «О железной дороге между Каспийским и Аральским морями». Как свидетельствует автор публикации, 26 июля 1856 г. управляющим Особой канцелярией Чевкиным К.В. было передано графу Перовскому письмо на 44 страницах неизвестного автора о строительстве железной дороги через Усть-Урть (Устюртское плато – Авт.) между Каспийским морем и озером Арал. По мнению автора письма, такая дорога «...сосредоточивала бы всю торговлю сопредельных стран, доставила бы нашим товарам самый отдельный сбыт, могла бы даже обогатиться выгодами кратчайшего и удобнейшего транзита и в то же время была бы путем исключительно русским, свободным от всякого совместничества и постороннего вмешательства... В политическом смысле она утвердила бы наше нравственное владычество на отдаленном Востоке. Таким образом, пользуясь одними преимуществами, дарованными ей природой, Россия беспрепятственно бы упрочила свое влияние в местах, недоступных другим европейским державам, но предлагающих ей новые источники богатства и силы» (Шукшинцев, 1905: 149-150).

По свидетельству И. Шукшинцева, русское правительство очень серьезно отнеслось к вопросу строительства новой ветки железной дороги. Это видно по архивному делу Оренбургской ученой архивной комиссии, где хранились документы по вопросам строительства железной дороги от Каспийского моря до Арала, начиная с 28 июля 1856 г. по 20 января 1857 г. (Шукшинцев, 1905: 149). Как указывает автор, в Военном министерстве хранились документы, которые были использованы при составлении вышеуказанной Записки: Департамента генерального штаба 1840 года за № 61 и 62; Дела за №№ 49, 862 «Ханство Хивинское»; Описание Аральского моря генерального штаба капитана

Макшеева: Топографическое описание северной части Усть-Урта корпуса топографов подпоручика Алексеева» ([Шукшинцев, 1905: 160](#)).

И все же, несмотря на определенную поддержку проекта строительства железной дороги от Каспия до Арала со стороны графа В.А. Перовского, в определенных кругах России, по всей вероятности, преобладала другая тенденция: «...нельзя рассчитывать и на установление торговых связей с Афганистаном и Индией по Аму (р. Амударья – Авт.), а с Китаем по Сыр-Дарье; кроме препятствующего тому политического положения промежуточных Среднеазиатских владений, бассейны рр. Аму и Сыра отделяются от Индии и Афганистана несколькими кряжами высочайших в мире и почти непроходимых горных хребтов, почему трудно согласиться с запиской, что от Петербурга до Кабула и Каспийского Туркестана существует водяное сообщение, прерываемое только возвышенностью Усть-Урта» ([Шукшинцев, 1905: 173-174](#)).

Труды авторов XIX в. представляют большой интерес тем, что через них можно выйти и на малоизвестные страницы казахско-русских взаимоотношений. И здесь, воспользовавшись работой еще одного из ученых Оренбургского архива, мы возвращаемся к совместной борьбе народов России против армии Наполеона в 1812 г. Об этом шла речь в статье Д. Соколова «Башкирское войско в походе русских против Наполеона», где автор, ссылаясь на конкретные факты, говорит об этом событии. В битве 1812 г. против войск Наполеона принимали участие воинские части, сформированные в Оренбургском крае, – башкирские и тептярские полки. Имеются сведения, что в их составе были казахи Оренбургского края. Данное событие является одним из обсуждаемых вопросов в современной казахстанской историографии.

За основу статьи Д. Соколова взяты опубликованные в 1891 г. воспоминания одного из очевидцев Бородинского сражения – французского офицера барона де Марбо, участника войны 1812–1813 гг., полковника, командира 23-го легкого конно-егерского полка. Ссылаясь на воспоминания французского военного, Д. Соколов указывает два случая столкновений французов с «башкирско-мещерякским войском Оренбургской губернии». Это когда «...неприятель, в особенности русские, получил многочисленные подкрепления, из которых главное под начальством Беннигсена, не менее как из 60 тыс. человек. Это подкрепление было приведено из-за Москвы и заключало в себе очень большое количество татар и башкир, вооруженных одними луками и стрелами...» ([Соколов, 1900: 5](#)).

На первый взгляд может показаться, что французский генерал вроде как озобочен лишь тем, что «русское правительство привело из такой дали и с большими издержками такое количество иррегулярной конницы, которая, не имея ни сабель, ни пик и никакого огнестрельного оружия, могла только истощать страну и обременять остальные регулярные войска» ([Соколов, 1900: 2](#)).

Но уже в скором времени французы убедились в том, кто такие «Амуры» (так станут называть их далее французские солдаты) и как умеют они воевать. И почему русское командование пришло к решению о создании воинского формирования из числа населения Оренбургской губернии России. Татарские воины, по традиции кочевников, вновь и вновь повторяли свои атаки на французов, которые поздно поняли тактику их действий. Как вспоминал впоследствии Марбо, все это нужно было для того, чтобы при поддержке отрядов русских гусар башкирские всадники на низкорослых лошадях должны были вносить беспорядок в том или ином месте красиво выстроенной линии французов. Что и стало вызывать сильное беспокойство Наполеона, который приказал своим генералам удвоить бдительность и возможно чаще объезжать аванпосты ([Соколов, 1900: 2-3](#)).

В следующий раз французы были поражены их действиями во время «битвы гигантов», когда на поле боя в какой-то момент появляются башкиры и татары. Конница их ровной волной несется на противника. Французы заряжают пушки и ружья и готовы их встретить ураганным огнем... В последний момент конная лава рассыпается, уходит, тем самым вводя в заблуждение французов, и через некоторое время уже нападает с другого фланга. Генерал М. Марбо по этому случаю вспоминает: «Варвары с громкими криками окружили наши эскадроны, пуская в них тучи своих стрел» ([Соколов, 1900: 5](#)).

В Бородинском сражении 1812 г. и в дальнейшем в составе тептярских полков против французов воевали и казахские воины, далекими предками которых были скифы. В добровольном порядке служили казахи и в воинских частях, сформированных на Иртышской линии, участвовали при штурме Лейпцига и Глогау: Жанжигитов Нарынбай, старшина из Младшего жуза, особо отличился при взятии Парижа, был награжден орденом и двумя медалями ([ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5441. Л. 48](#)); Байбатыров Амен – служил в Башкирском полку, награжден серебряной медалью за храбрость в сражениях под Лейпцигом и Глогау ([Казахи в России, 2007: 32](#)).

Статья Д. Соколова выводит нас еще на одного автора, заинтересовавшегося воспоминаниями генерала М. Марбо. Это В.Р. Зотов – автор статьи «Изложение наиболее существенного в трех томах воспоминаний Марбо». Она была напечатана во втором номере историко-литературного журнала «Исторический вестник» в 1892 г. ([Зотов, 1892а](#)).

В.Р. Зотов писал: «Из всех книг исторического содержания... большим успехом пользовались, несомненно, мемуары генерала Марбо. Мало известный и как военный деятель, и как писатель, оставивший только специальное сочинение о военном искусстве, он вдруг выдвинулся вперед с

появлением своих «Записок». Правда, [что] Наполеон в своем завещании обратил на него внимание как на писателя, оставив ему 100 тысяч франков (Зотов, 1892b: 554).

О том, как и при каких условиях писались мемуары генерала Марбо, мы писали выше. Остается лишь добавить, что после начала войны с французами император Александр выступил с призывом ко всем народам, которых считал союзниками России против французов в Отечественной войне 1812 г. Его текст, переведенный и на татарский язык, был распространен и среди населения Оренбургского края. О том, что призыв дошел и до казахского населения, говорит «Дело о переселении киргиз в 9-й Башкирский кантон и причислении их в башкиры» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 2216).

5. Заключение

Труды российских ученых, на наш взгляд, позволяют понять объективные причины вступления Казахской степи в сферу межгосударственных отношений, почему именно и Казахстан, и Россия пошли по пути совместного обеспечения социально-экономических, политических интересов казахского и русского общества. В этом отношении труды русских ученых представляют определенный интерес в том плане, что они располагали серьезной документальной базой: сведениями о положении в Казахской степи, распоряжениями и приказами губернаторов Оренбургского края, русской администрации на местах.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан (Грант № АР08856071 «Казахстан и Россия: комплексное изучение истории становления и развития двусторонних взаимоотношений в новое и новейшее время (XVIII – начало XXI вв.)»).

Литература

- Абалихин, 1987 – Абалихин Б.С. Героическая эпопея народного подвига: (к 175-летию Отечественной войны 1812 г.). М.: Знание, 1987. 63 с.
- Абусейтова, 1985 – Абусейтова М.Х. Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII вв.: история, политика, дипломатия. Алматы: Дайк-Пресс, 1998. 268 с.
- Акимбеков, 2018 – Акимбеков С. Казахстан в Российской империи. Алматы: ТОО «Институт азиатских исследований», 2018. 562 с.
- Аниховский, 1905 – Аниховский А. Древние курганы-могильники в Кустанайском уезде Тургайской области // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Выпуск XIV. Оренбург, 1905 г. С. 52-79.
- Аяган, Кашкимбаев, 2011 – Аяган Б.Г., Кашкимбаев А.Н. Россия – Казахстан: история взаимоотношений и современность. Историко-хрестоматийный очерк. Алматы: Раритет, 2011. 240 с.
- Бекмаханов, 1992 – Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е годы XIX века (под ред. Н.Б. Жиенгалиева. Алма-Ата, 1992. 400 с.
- Васильев, 2014 – Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: Административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 471 с.
- Васильев, 2015 – Васильев Д.В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М.: ИБП, 2015. 302 с.
- Водопьянов, 1887 – Водопьянов В. Неудавшееся посольство в Бухару поручика Гавердовского в 1803 году // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Выпуск III. Оренбург, 1897. С. 1-23.
- Гавердовский, 2007 – Гавердовский Я.П. Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (Часть 1-я), или Дневные записки в степи Киргиз-кайсацкой 1803 и 1804 годов // *История Казахстана в русских источниках XVI– XX веков*. Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы, 2007. С. 155-283.
- Генс, 1814 – Генс Г.Ф. Журнал путешествия от города Троицка на Оренбургской линии до найденного в Киргизской степи на реке Кара-Тургай свинцового прииска мая с 29 по июля 1814 г., писанный инженер-поручиком Генсом // Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XX в.: Сб. док. и мат-лов / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, И.М. Самиуллин. Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. 758 с.
- Генс, 1815 – Генс Г.Ф. Журнал, содержащий наблюдения, в особенности топографические, сделанные в походе от Учть-Уинской крепости к находящемуся в Киргизской степи на реке Кара-Тургай свинцовому прииску и обратно в Троицк и в Звериноголовскую крепость от 11 июня до 12 августа 1815 года, писанный инженер-штабс-капитаном Генсом / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, И.М. Самиуллин. Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. 758 с.
- Ерофеева и др., 2012 – Ерофеева И.В., Жанаев Б.Т., Самиуллин И.М. (сост). Путевые дневники и записки российских чиновников и исследователей о Казахской степи XVIII – середины XX в.: Сб. док. и мат-лов. Астана: ТОО «Общество инвалидов – Чернобылец», 2012. 758 с.
- Ерофеева, 2007 – Ерофеева И.В. Рукописное наследие поручика Я.П. Гавердовского по истории, географии и этнографии Казахской степи // *История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков*.

- Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы. 2007. С. 5-17.
- Жанаев, 2016** – *Жанаев Б.Т. (сост) О слухах и событиях в Средней Азии // Сб. док. Т. 1: 20 апреля 1853 г. – 31 июля 1862 г. / М-во культуры и спорта РК, Нац. центр археологии и источниковедения [редкол.: Л.А. Абдирасилова, Б.Т. Жанаев, И.М. Самигулин]. Караганда: Карагандинское УПП обществ. об-ния «Казахское общество слепых», 2016. 798 с.*
- Зотов, 1892a** – *Зотов В.Р. Изложение наиболее существенных в трех томах воспоминаний Марбо // Исторический вестник. 1892. 201 с.*
- Зотов, 1892b** – *Зотов В.Р. Последние годы Наполеоновской эпопеи // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Год тринадцатый. Февраль. 1892. С. 554-572*
- Иллерецкий, 1940** – *Иллерецкий В. Экспедиция князя Черкасского в Хиву // Исторический журнал. 1940. № 7. С. 40-51.*
- Казахи в России, 2007** – Казахи в России. Библиографический сборник в 2 томах. М., 2007. Т. 1. 288 с.
- Казахско-русские..., 1961** – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1961. 743 с.
- Кастанье, 1896** – *Кастанье И. Отчет о поездке в Туркестан // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Выпуск XVI. Оренбург, 1896. С. 176-201.*
- Касымбаев, 1999** – *Касымбаев Ж. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). Алматы: Білім, 1999. 288 с.*
- Кашкимбаев, 2021** – *Кашкимбаев А.Н. Неизведанные горизонты Шокана // Поведенческие теории и практика российской науки / Сб. научных статей по итогам Международной научно-практической конференции. 26–27 февраля 2021 года. Санкт-Петербург. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. С. 61-65.*
- Ключевский, 1987** – *Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 2 . Курс русской истории. Ч. 2 / Послесл. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зимица. М., 1987. 447 с.*
- Кузембайулы, 2000** – *Кузембайулы А., Абиль Е. История Республики Казахстан. Астана: Фолиант, 2000. 400 с.*
- Кузнецов, 2012** – *Кузнецов В.А. Участие Оренбургского края в Отечественной войне 1812 г. // Народы Южного Урала на страже Родины: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 г., 400-летию победы Народного ополчения К. Минина и Д. Пожарского, 1150-летию Российской государственности / Под общ. ред. В.В. Амелина. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2012. С. 41-50.*
- Лазарев, 2008** – *Лазарев А. Герои 1812 года: Денис Давыдов, Александр Сеславин, Яков Кульнев, Иван Дорохов и другие / худож. Ю. Каштанов. М.: Белый город, 2008. 47 с.*
- Лапин, 2012** – *Лапин Н.С. Деятельность О.А. Игельstromа в контексте казахско-русских взаимоотношений (1780–1790-е годы). Астана: Издательство «Сарыарка», 2012. 384 с.*
- Лапин, 2021** – *Лапин Н.С. Ранняя история казахско-русских отношений в опубликованных и неопубликованных работах А.П. Чулошникова / XXXI Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени. 23–25 июня 2021 г.: Материалы конгресса / Отв. ред.: Н.Н. Дьяков, П.И. Рысакова, А.О. Победоносцева. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2021. Т. 1. С. 227-229.*
- Лапин, 2022** – *Лапин Н.С. Описание обряда утверждения казахского хана Нуралы в 1749 году // Вестник НГУ. Серия «История, филология». 2022. Т. 21, № 1: История. С. 125-136.*
- Лихачев, 1991** – *Лихачев Д.С. Раздумья. М.: Дет. лит., 1991. 316 с.*
- Любичанковский, 2021** – *Любичанковский С.В. Формирование казахской интеллигенции в учебных заведениях Оренбургского края: ответ на вызовы пореформенной модернизации // Уральский исторический вестник. № 4 (73). 2021. С. 106-114.*
- Мажиденова, 2005** – *Мажиденова Д.М. Дипломатическая служба в контексте эволюции мировой политики: (с древнейших времен до Венского регламента). Астана: Күлтегін, 2005. 239 с.*
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Посольские..., 2005** – *Посольские материалы Русского государства (XV–XVII вв.). Т. I. Составление, транскрипция скорописи, специальное редактирование текстов, вступительная статья, комментарии, составление словарей, указателей А. Исина. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 704 с.*
- Почекаев, 2019** – *Почекаев Р.Ю. Мнимый сюзеренитет: московские цари и казахские ханы (по русскоязычным посольским документам конца XVI – начала XVIII вв.). Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 1 (75).*
- Севастьянов, 1905** – *Севастьянов С.Н. События в Оренбургском крае, подготовившие экспедицию в Хиву 1839–1840 гг. / Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Выпуск XIV. Оренбург, 1906. С. 95-148.*
- Словохотов, 1905** – *Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргизов // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Выпуск XV. Оренбург: Тургайская обл. типолит., 1905. 156 с.*

Соколов, 1900 – Соколов Д.Н. Башкирское войско в походе русских против Наполеона // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. VIII. Оренбург: Оренбург: типолит. Ф.Б. Сачкова, 1900. 104 с.

Сулейменов, Басин, 1981 – Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XIX в. Алма-Ата: Наука, 1981. 243 с.

Успенский, 1891 – Успенский Г.И. Кочевники и русские переселенцы // *Русская мысль*. 1891. Кн. III [март]. С. 90-97.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Чулошников, 1924 – Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Часть первая. Древние и средние века. Оренбург, 1924. 248 с.

Шоинбаев, 1982 – Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата, 1982. 279 с.

Шукшинцев, 1905 – Шукшинцев И.С. О железной дороге между Каспийским и Аральским морями и др. // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Выпуск XIV. Оренбург, 1905. С. 149-175.

Abil, Kuzembayuly, 2021 – Abil E.A., Kuzembayuly A. Materials on Kyrgyz Land Use “as a Source for Studying the Historical Memory of the Kazakhs of Northern Kazakhstan // *Bylye Gody*. 2021. 16 (3): 1463-1472.

Lapin, Akanov, 2021 – Lapin N.S., Akanov K.G. Ambassadorial Relations of the Kazakh Khanates and the Russian Empire in Late Soviet and Modern Historiography // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1568-1577.

Lyubichankovsky, Akanov, 2018 – Lyubichankovsky S.V., Akanov K.G. Orenburg in the History of the Integration of the Kazakh Steppe Into the Russian Empire in the 18th – early 20th centuries // *Bylye Gody*. 2018. 2(48): 484-495.

References

Abalikhin, 1987 – Abalikhin, B.S. (1987). Geroicheskaya epopeya narodnogo podviga: (k 175-letiyu Otechestvennoi voyny 1812 g.) [The heroic epic of the national feat: (to the 175th anniversary of the Patriotic War of 1812)]. Moskva: Znanie, 63 p. [in Russian]

Abdirov, 2021 – Abdirov, M.Zh. (2021). Kazahskij han v Russkom gosudarstve: monografija [Kazakh Khan in the Russian state: monograph]. Pod nauchnoj redakciej Z.E. Kabul'dinova. Almaty, 542 p. [in Russian]

Abil, Kuzembayuly, 2021 – Abil, E.A., Kuzembayuly A. (2021). Materials on Kyrgyz Land Use “as a Source for Studying the Historical Memory of the Kazakhs of Northern Kazakhstan. *Bylye Gody*. 16 (3): 1463-1472.

Akhimbekov, 2018 – Akhimbekov, S. (2018). Kazahstan v Rossijskoj imperii [Kazakhstan in the Russian Empire]. Almaty: TOO «Institut Aziatskih issledovanij», 562 p. [in Russian]

Anihovskij, 1905 – Anihovskij, A. (1905). Drevnie kurgany-mogil'niki v Kustanajskom uезде Turgajskoj oblasti [Ancient burial mounds in the Kustanaysky district of the Turgay region]. *Trudy Orenburgskoj uchenoj arhivnoj komissii*. Vyp. XIV. Orenburg. Pp. 52-79. [in Russian]

Ayagan, Kashkimbayev, 2011 – Ayagan, B.G., Kashkimbayev, A.N. (2011). Rossiya–Kazahstan: istorija vzaimootnoshenij i sovremennost'. Istoriko-hrestomatijnij ocherk [Russia–Kazakhstan: the history of relations and modernity. Historical and textbook essay]. Almaty: Raritet. 240 p. [in Russian]

Erofeeva, 2007 – Erofeeva, I.V. (2007). Rukopis'noe nasledie poruchika Ja.P. Gaverdovskogo po istorii, geografii i jetnografii Kazahskoj stepi [The manuscript heritage of Lieutenant Ya.P. Gaverdovsky on the history, geography and ethnography of the Kazakh steppe]. Istorija Kazahstana v russkih istochnikah XVI–XX vekov. T. V. Pervye istoriko-jetnograficheskie opisanija kazahskih zemel'. Pervaja polovina XIX veka. Sost. Erofeeva I.V., Zhanaev B.T. Almaty. Pp. 5-17. [in Russian]

Erofeeva et al., 2012 – Erofeeva, I.V. et al. (2012). Putevye dnevniki i zapiski rossijskih chinovnikov i issledovatelej o Kazahskoj stepi XTIII – serediny XX v.: Sb. dok. i mat-lov [Travel diaries and notes of Russian officials and researchers about the Kazakh steppe of the XIII – mid-XX century.: Sat. doc. and materials]. Sost. Erofeeva I.V., Zhanaev B.T., Samiullin I.M. Astana. TOO «Obshhestvo invalidov – Chernobylec», 758 p. [in Russian]

Gaverdovsky, 2007 – Gaverdovsky, Ya.P. (2007). Obozrenie kirgiz-kajsackoj stepi (Chast' 1), ili Dnevnye zapiski v stepi kirgiz-kajsackoj 1803–1804 godov [Review of the Kirghiz-Kaysat steppe (Part 1), or Daily notes in the Kirghiz-Kaysat steppe of 1803–1804]. Istorija Kazahstana v russkih istochnikah XVI–XX vekov. T.V Pervye istoriko-jetnograficheskie opisanija kazahskih zemel'. Pervaja polovina XIX veka. Sost. Erofeeva I.V., Zhanaev B.T. Almaty. Pp. 155-283. [in Russian]

Gens, 1814 – Gens, G.F. (1814). Zhurnal puteshestviya ot goroda Troitska na Orenburgskoi linii do naidennogo v Kirgizskoi stepi na reke Kara-Turgai svintsovogo priiska maya s 29 po iyulya 1814 g. pisannyi inzhener-poruchikom Gensom [Travel journal from the city of Troitsk on the Orenburg line to the lead mine found in the Kirghiz steppe on the Kara-Turgai River from May 29 to July 1814, written by lieutenant engineer Gens]. Putevye dnevniki i zapiski rossijskih chinovnikov i issledovatelej o Kazahskoi stepi XVVIII – serediny XX v.: Sb. dok. i mat-lov. Sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev, I.M. Samiullin. Astana: TOO «Obshchestvo invalidov – Chernobylets», 2012. 758 p. [in Russian]

Gens, 1815 – *Gens, G.F.* (1815). Zhurnal, Soderzhashchii nablyudeniya, v osobennosti topograficheskie, sdelannye v pokhode ot Ucht'-Uinskoi kreposti k nakhodyashchemusya v Kirgizskoi stepi na reke Kara-Turgai k svintsovomu priisku i obratno v Troitsk i v Zverinogolovsuyu krepost' ot 11 iyunya do 12 avgusta 1815 goda, pisannyi inzhener-shtabs-kapitanom Gensom [Travel diaries and notes of Russian officials and researchers about the Kazakh steppe of the 18th – mid-20th centuries: Collection of documents and materials. Sost. I.V. Erofeeva, B.T. Zhanaev, I.M. Samiullin. Astana: TOO «Obshchestvo invalidov – Chernobylets», 2012. 758 p. [in Russian]

IGAOO – Istoricheskii gosudarstvennyi arkhiv Omskoi oblasti [Historical State Archive of the Omsk Region].

Illeretsky, 1940 – *Illeretsky, V.* (1940). Ekspeditsiya knjazja Cherkasskogo v Hivu [Expedition of Prince Cherkassky to Khiva]. *Istoricheskij zhurnal*. 7: 40-51. [in Russian]

Kashkimbaev, 2021 – *Kashkimbaev, A.N.* (2021). Neizvedannye gorizonty Shokana [Unexplored horizons of Shokan]. *Povedencheskie teorii i praktika rossijskoj nauki: sbornik nauchnyh statej po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii*. 26-27 fevralja 2021 goda. Sankt-Peterburg. SPb.: Izd-vo SpbGJeU. Pp. 61-65. [in Russian]

Kastan'e, 1896 – *Kastan'e, I.* (1896). Otchet o poezdke v Turkestan [Report on a trip to Turkestan]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi Arkhivnoi komissii*. Vyp. XVI. Orenburg. Pp. 176-201. [in Russian]

Kasymbaev, 1999 – *Kasymbaev, Zh.* (1999). Gosudarstvennye dejateli kazahskih hanstv (XVIII v.) [Statesmen of the Kazakh khanates (XVIII century)]. Almaty: Bilim, 288 p. [in Russian]

Kazahi v Rossii, 2007 – Kazahi v Rossii. Bibliograficheskij sbornik v 2-h tomah [Kazakhs in Russia. Biographical collection in 2 volumes]. Moskva, 2007. T. 1. 288 p. [in Russian]

Kazahsko-russkie..., 1961 – Kazahsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vekakh (sbornik dokumentov i materialov). [Kazakh-Russian relations in the XVI–XVIII centuries (collection of documents and materials)]. Alma-Ata: Izd. AN KazSSR, 1961. 743 p. [in Russian]

Khalfin, 1974 – *Khalfin, N.A.* (1974). Rossiya i hanstva Srednej Azii (pervaja polovina XIX v.) [Russia and the Khanates of Central Asia (the first half of the XIX century)]. AN SSSR. In-t vostokovedeniya. Moskva: Nauka. Pp. 149-175. [in Russian]

Klyuchevskii, 1987 – *Klyuchevskii, V.O.* (1987). Sochineniya. V 9 t. T.2. Kurs russskoi istorii. Ch. 2. [Works. In 9 vols. T.2. Russian history course. Part 2]. Poslesl. i komment. sostavili V.A. Aleksandrov, V.G. Zimina. M. 447 p. [in Russian]

Kuzembaiuly, Abil 2000 – *Kuzembaiuly, A., Abil', E.* (2000). Istoriya Respubliki Kazakhstan [History of the Republic of Kazakhstan]. Astana: Foliant. 400 p. [in Russian]

Kuznetsov, 2012 – *Kuznetsov, V.A.* (2012). Uchastie Orenburgskogo kraja v Otechestvennoi» voine 1812 g. [Participation of the Orenburg Territory in the Patriotic War of 1812]. *Narody Yuzhnogo Urala na strazhe Rodiny: materialy Vse rossijskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu Otechestvennoi voiny 1812 g., 400-letiyu pobedy Narodnogo opolcheniya K. Minina i D. Pozharskogo, 1150-letiyu Rossijskoi gosudarstvennosti*. Pod obshch. red. V.V. Amelina. Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAU, 2012 g. Pp. 41-50. [in Russian]

Lapin, 2012 – *Lapin, N.S.* (2012). Dejatel'nost' O.A. Igel'stroma v kontekste kazahsko-russkih vzaimootnoshenij (1780–1790-e gody) [Igelstrom's activity in the context of Kazakh-Russian relations (1780–1790s)]. Astana, 384 p. [in Russian]

Lapin, 2021 – *Lapin, N.S.* (2021). Rannjaja istorija kazahsko-russkih otnoshenij v opublikovannyh i neopublikovannyh rabotah A. P. Chuloshnikova [Early history of Kazakh-Russian relations in published and unpublished works of A.P. Chuloshnikov]. *XXXI Mezhdunarodnyj kongress po istochnikovedeniju i istoriografii stran Azii i Afriki: Rossiya i Vostok. K 100-letiju politicheskikh i kul'turnyh svjazej novejshego vremeni. 23–25 ijunja 2021 g.: Materialy kongressa*. Otv. red.: N.N. D'jakov, P.I. Rysakova, A.O. Pobedonosceva Kaja. SPb.: Izd-vo Studija «NP-Print». V. 1. Pp. 227-229. [in Russian]

Lapin, 2022 – *Lapin, N.S.* (2022). Opisanie obrjada utverzhdenija kazahskogo hana Nuraly v 1749 godu [Description of the rite of approval of the Kazakh Khan Nuraly in 1749]. *Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija*. T. 21. 1: 125-136. [in Russian]

Lapin, Akanov, 2021 – *Lapin, N.S., Akanov, K.G.* (2021). Ambassadorial Relations of the Kazakh Khanates and the Russian Empire in Late Soviet and Modern Historiography. *Bylye Gody*. 16(3): 1568-1577.

Lazarev, 2008 – *Lazarev* (2008). A. Geroi 1812 goda: Denis Davydov, Aleksandr Seslavin, Yakov Kul'nev, Ivan Dorokhov i drugie [Heroes of 1812: Denis Davydov, Alexander Seslavin, Yakov Kulnev, Ivan Dorokhov and others]. Khudozh. Yu. Kashtanov. Moskva: Belyi gorod, 47 p. [in Russian]

Likhachev, 1991 – *Likhachev, D.S.* (1991). Razdum'ya [Reflections]. M.: Det. lit., 316 p. [in Russian]

Lyubichankovskiy, 2021 – *Lyubichankovskiy, S.V.* (2021). Formirovanie kazahskoj intelligencii v uchebnyh zavedenijah orenburgskogo kraja: otvet na vyzovy poreformennoj modernizacii [Formation of the Kazakh intelligentsia in the educational institutions of the Orenburg Territory: a response to the challenges of post-reform modernization]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 4(73): 106-114. [in Russian]

Lyubichankovskiy, Akanov, 2018 – *Lyubichankovskiy, S.V., Akanov, K.G.* (2018). Orenburg in the History of the Integration of the Kazakh Steppe Into the Russian Empire in the 18th – early 20th centuries. *Bylye Gody*. 2(48): 484-495.

Mazhidenova, 2005 – *Mazhidenova, D.M.* (2005). Diplomaticeskaya sluzhba v kontekste evolyutsii mirovoi politiki: (s drevneishikh vremen do Venskogo reglamenta) [Diplomatic service in the context of the evolution of world politics: (from ancient times to the Vienna Regulations)]. Astana: Kyltegin, 239 p. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti. [State Archive of the Orenburg Region].

Pochekaev, 2019 – *Pochekaev, R.Yu.* (2019). Mnimyj suzerenitet: moskovskie cari i kazahskie hany (po russkojazychnym posol'skim dokumentam konca XVI – nachala XVIII vv.) [Imaginary suzerainty: Moscow tsars and Kazakh khans (according to Russian-language embassy documents of the late 16th – early 18th centuries)]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija»*. V. 10. Vypusk 1(75). [in Russian]

Posol'skie..., 2005 – Posol'skie materialy Russkogo gosudarstva (XV–XVII vv.). [Ambassadorial materials of the Russian state (XV–XVII centuries)]. Tom I. Sostavlenie, transkriptsiya skoropisi, spetsial'noe redakirovanie tekstov, vstupitel'naya stat'ya, kommentarii, sostavlenie slovnikov, ukazatelei A. Isina. Almaty: Daik-Press, 2005. 704 p. [in Russian]

Sevast'janov, 1905 – *Sevast'janov, S.N.* (1905). Sobytiya v Orenburgskom krae, podgotovivshija jekspeditsiju v Hivu 1839-1840 gg. Materialy, sobrannye S.N. Sevast'janovym i Obrabotannye I.S. Shukshincevym [Events in the Orenburg region, which prepared the expedition to Khiva in 1839–1840. Materials collected by S.N. Sevastyanov and Processed by I.S. Shukshintsev]. *Trudy Orenburgskoj Uchenoj Arhivnoj Komissii*. Vypusk XIY. Orenburg. Pp. 95-148. [in Russian]

Shoinbaev, 1982 – *Shoinbaev, T.Zh.* (1982). Dobrovol'noe vkhozhdenie Kazahskikh zemel' v sostav Rossii [Voluntary entry of Kazakh lands into Russia]. Alma-Ata. 279 p. [in Russian]

Shukshincev, 1905 – *Shukshincev, I.S.* (1905). «O zheleznoj doroge mezhdru Kaspijskim i Aral'skim morjam i dr. [On the railway between the Caspian and Aral seas, etc.]. *Trudy Orenburgskoj Uchenoj Arhivnoj Komissii*. Vyp. XIV. Orenburg. [in Russian]

Slovohotov, 1905 – *Slovohotov, L.A.* (1905). Narodnyj sud Obychnogo prava kirgizov [People's Court of Customary Law of the Kirghizs]. *Trudy Orenburgskoj uchenoj arhivnoj komissii*. Vyp. XY. Orenburg. Orenburg: Turgajskaja obl. tipo-lit. 156 p. [in Russian]

Sokolov, 1900 – *Sokolov, D.N.* (1900). Bashkirskoe voisko v pokhode russkikh protiv Napoleona. [Bashkir army in the Russian campaign against Napoleon]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arhivnoi komissii*. Vyp. VIII. Orenburg: Orenburg: tipo-lit. F.B. Sachkova, 104 p. [in Russian]

Suleimenov, Basin, 1981 – *Suleimenov, B.S., Basin, V.Ya.* (1981). Kazahstan v sostave Rossii v XVIII – nachale XIX v. [Kazakhstan as part of Russia in the XVIII – beginning of the XIX century]. Alma-Ata: Nauka, 243 p. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Vasiliev, 2015 – *Vasiliev, D.V.* (2015). Forpost imperii. Administrativnaja politika Rossii v Central'noj Azii. Seredina XIX veka [Outpost of the Empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. Middle of the XIX century]. Moskva: IBP, 302 p. [in Russian]

Vasiliev, 2014 – *Vasiliev, D.V.* (2014). Rossiya i Kazahskaja step': Administrativnaja politika i status okrainy XVIII – pervaja polovina XIX v [Russia and the Kazakh Steppe: Administrative policy and the status of the outskirts. XVIII – the first half of the XIX century]. M.: Politicheskaja jenciklopedija. 471 p. [in Russian]

Vodopyanov, 1887 – *Vodopyanov, V.* (1887). Neudavsheesja posol'stvo v Buharu poruchika Gaverdovskogo v 1803 godu [The failed embassy to Bukhara of Lieutenant Gaverdovsky in 1803]. *Trudy Orenburgskoj Uchenoj Arhivnoj Komissii*. Vyp. III. Orenburg. Pp. 1-23. [in Russian]

Zhanaev, 2016 – *Zhanaev, B.T.* (2016). O sluhah i sobytijah v Srednej Azii: sb. dok. T. 1: 20 aprelja 1853 g. – 31 ijulja 1862 g. [About rumors and events in Central Asia: Sat. doc. Vol. 1: April 20, 1853 – July 31, 1862]. M-vo kul'tury i sporta RK, Nac. centr arheologii i istochnikovedenija; [redkol.: L.A. Abdirasilova, B.T. Zhanaev, I.M. Samigulin; sost. B.T. Zhanaev]. Karaganda: Karagandinskoe UPP obshhestv. ob-nija «Kazahskoe obshhestvo slepyh». 798 p. [in Russian]

Zotov, 1892a – *Zotov, V.R.* (1892). Izlozhenie naibolee sushchestvennykh v trekh tomakh vospominanii Marbo [Presentation of the most significant memoirs of Marbo in three volumes]. *Istoricheskii vestnik*. 201 p. [in Russian]

Zotov, 1892b – *Zotov, V.R.* (1892). Poslednie gody Napoleonovskoi epopei [The last years of the Napoleonic epic]. *Istoricheskii vestnik. Istoriko-literaturnyj zhurnal*. God trinadtsaty. Fevral'. Pp. 554-572. [in Russian]

Казахская степь глазами российских ученых

Амангельды Нуркеевич Кашкимбаев^{a, *}

^a Институт истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Нур-Султан, Республика Казахстан

Аннотация. Становление казахско-русских контактов в XIX – начале XX веков относится к одному из наиболее важных вопросов в истории международных отношений как части геополитической системы интересов России в Средней Азии и соседних с данным регионом территориях.

Советская историческая наука зачастую характеризовала этот исторический этап «временем добровольного вхождения Казахстана в состав России», иногда меняя акцент на «нахождение Казахстана в составе Российской империи» (Сулейменов, Басин, 1981; Шоинбаев, 1982).

В настоящей статье основной упор делается на анализе трудов Оренбургской ученой архивной комиссии (далее ОУАК), выявленных автором в Российской национальной библиотеке г. Санкт-Петербурга. В большинстве своем труды сотрудников комиссии были составлены на базе отчетных документов и дневниковых записей участников экспедиции. В них содержались ценные сведения о степных районах казахских земель и местных жителях. При этом основное внимание участников комиссии уделялось изучению казахской истории, элементов этнографии, хозяйственного уклада, географии, торгово-экономических перспектив, геополитической обстановки, потенциала имеющихся природных ресурсов.

В статье предпринимается попытка детально рассмотреть и изучить некоторые стороны становления казахско-русских отношений в контексте проведения изучения и анализа трудов российских ученых, военных и чиновников XIX – начала XX веков. В том числе для проведения анализа использовались работы А. Аниховского, И. Аничкова, В. Водопьянова, Г. Волконского, Я. Гавердовского, Г. Генса, В. Зотова, В. Иллерецкого, И. Кастанье, С. Севастьянова, Л. Словохотова, Д. Соколова, И. Шукшинцева.

Ключевые слова: казахско-русские отношения, Оренбургская ученая архивная комиссия, Оренбург, Бухара, Хива, Средняя Азия, экспедиции.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: amangeldy51@mail.ru (А.Н. Кашкимбаев)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1348-1356
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1348

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Yenisei as a Part of the Northern Sea Route: the History of Discovery and Exploration

Evgeny A. Akhtamov ^{a, *}, Anna P. Dvoreckaya ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^a, Tatyana V. Gryaznukhina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The problem of navigation in the Arctic region is constantly in the focus of attention of researchers. At the turn of the XX–XXI centuries, the issue of Arctic shipping began to be raised more often, which was due both to global warming, freeing this region from ice and making it more accessible for navigation and scientific research, and the development of technology and transport, allowing to explore this region. In maintaining interest in the issue of northern shipping, the importance of the Arctic region for world transport links also plays an important role. The object of study of this article is the history of the study of the Northern Sea Route, namely the Yenisei. In the field of view of the authors are expeditions made by both compatriots and European navigators. The authors note that at the initial stage of the study of the Northern Sea Route, researchers from Europe were the most active, while the tsarist government saw a threat to its monopoly in Siberia in the existence of sea communication with Europe. The situation changed only in the second half of the 19th century, when, thanks to the initiative of private individuals and the changed position of the government, the Northern Sea Route was reopened. At the end of the 19th century, the government took an active role in the study of the Northern Sea Route, establishing expeditions to explore the mouths of the Yenisei, the Ob and part of the Kara Sea. On the example of the descriptions of the Yenisei navigation conditions, the types of vessels used, the authors raised the issue of the difficulties faced by the participants of the research expeditions, as well as the local population living in the lower reaches of the Yenisei.

Keywords: Siberia, Yenisei, Northern Sea Route, Arctic, Turukhansk, Kara Sea, shipping conditions, research, traveler, description of the Yenisei.

1. Введение

С того момента, как приенисейские земли стали частью российского государства, началась история покорения Енисея. Несмотря на сложные для судоходства условия (пороги, непредсказуемость погоды, суровый климат), Енисей оставался самой главной для судоходства рекой как для местного населения, так и для заезжих путешественников и предпринимателей, искавших водные пути, которые бы соединили этот богатый край с мировыми рынками. Хотя история судоходства на Енисее, а также в устьях Енисея и Оби стала темой целого ряда исследований, считать этот вопрос до конца изученным не представляется возможным.

2. Материалы и методы

Для проведения исследования авторами были привлечены как опубликованные, так и неопубликованные источники. Основу работы составили результаты гидрографической экспедиции, проведенной под руководством А.И. Вилькицкого в 1894–1897 годах, по исследованию Обской губы и Енисейского залива. Ее данные дополнили описания Енисея, составленные топографом И.Е. Андреевым. Важным источником сведений о судоходстве на Енисее стали описания,

* Corresponding author

E-mail addresses: akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov), advoreckaya@mail.ru (A.P. Dvoreckaya), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina)

составленные неизвестным автором и сохранившиеся в фондах Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация).

Работа базируется на методологии исторической науки, принципах научной объективности и историзма. Изучение истории и особенностей исследования Енисея в составе Северного морского пути, выявления гидрографических и климатических условий, зависимости от политической конъюнктуры основано на исследовании данных явлений в составе единого целого комплекса исторических условий развития судоходства на Енисее.

3. Обсуждение

История освоения арктических территорий стала темой многих исследований. Прежде всего, это были труды самих путешественников и исследователей: М.М. Геденштрома ([Геденштром, 1822](#)), Ф.П. Врангеля ([Врангель, 1836](#)), Г.Л. Майделя ([Майдель, 1894–1896](#)). Эти работы содержат научные сведения об открываемых землях, бытовые аспекты их путешествий, их идеи, мысли и настроения во время экспедиций.

1920-е годы были отмечены ростом интереса общественности к проблеме исследования и к сохранению арктических и приарктических территорий. Ответом на этот интерес стала публикация в 1928 году работы А. Александровского и П. Матвеева ([Александровский, Матвеев, 1928](#)). Книга, рассчитанная на массового читателя, охватывает широкий круг вопросов: от географической и климатической характеристики Северного и Южного полюсов до истории их исследования. Авторы отмечали, что наступает эпоха регулярного транспорта в Арктике.

В советский период изучению истории Арктики был посвящен ряд работ. Б.Г. Островский ([Островский, 1934](#)) рассматривал деятельность полярных исследователей предвоенного периода – Седова и Русанова. М.И. Белов ([Белов, 1977](#)) уделял значительное внимание поиску пропавших экспедиций. В.М. Пасецкий изучал биографию выдающегося исследователя Арктики В.А. Русанова ([Пасецкий, 1955](#); [Пасецкий, 1961](#)). В монографии он ([Пасецкий, 1974](#)) рассматривает эволюцию целей и задач организации полярных экспедиций и указывает, что в связи с активным участием Академии наук меняются и цели полярных исследований.

После распада Советского Союза интерес к проблеме арктических путешествий только возрос. Этот период отмечен появлением большого количества трудов зарубежных, прежде всего норвежских, исследователей: С. Барра ([Барр, 2003](#)), Э.А. Дривенеса, Х.Д. Йёлле и К. Захариассена ([Дривенс и др., 2004](#)). В круг научных интересов ученых входили также проблемы коренных народов, проживающих в арктическом регионе ([Балзер, 1999](#)).

В коллективной работе «Тобольск и вся Сибирь» рассмотрены различные аспекты изучения приарктических российских территорий, многочисленные арктические экспедиции, которые предпринимали отечественные исследователи на протяжении XIX и XX веков, в том числе Карские экспедиции, по исследованию Северного морского пути ([Перминов, 2018](#)). И.А. Прядко ([Прядко, 2001](#)) рассмотрел историю путешествия Фритъофа Нансена из норвежского порта Тромсё в устье Енисея и на Дальний Восток, уделив значительное внимание путешествию Нансена по Енисейской губернии, его пребыванию в Красноярске. В этом подробном обзоре также есть и описание заседания Географического общества, на котором присутствовал путешественник, а также его частных встреч с С.В. Востротинным, И. Лорис-Меликовым и другими общественными деятелями. Ф. Нансен говорил о необходимости освоения морских путей между Сибирью и Европой. При этом современники отмечали его убежденность в великом будущем Сибири.

В Красноярском крае вопросы освоения Арктики и Северного морского пути изучали В.Н. Загребаева ([Загребаева, 2012](#)), Г.Ф. Быконя ([Быконя, 2006](#)). В.Г. Седельниковым на основании полевых исследований, малоизученных архивных фондов А.П. Дворецкой, Д.А. Меньщиковой был опубликован ряд статей, посвященных изучению Арктики как российскими, так и зарубежными исследователями ([Седельников, Дворецкая, 2020](#); [Дворецкая, Седельников, 2020](#); [Меньщикова, 2021](#)). Культурные контакты сибиряков с европейскими путешественниками рассмотрены в статьях Т.В. Грязнухиной и А.Г. Грязнухина ([Gryaznukhina, Gryaznukhin, 2013](#); [Gryaznukhina et al., 2020](#)). Таким образом, интерес к арктической проблематике и к вопросам изучения Северного морского пути остается неизменно высоким.

4. Результаты

Целью первых экспедиций, организованных европейцами, было открытие северо-восточного прохода в Китай и Индию. В открытии этого пути соперничали Англия, Голландия и Дания. Первым, кто стал изучать возможность попасть северо-восточным морским путем в Тихий океан, был Себастьян Кабо, которого считают отцом полярных исследований. Экспедиция, снаряженная в 1553 году под его руководством, потерпела неудачу, однако одному кораблю под руководством Ченслера удалось достичь устья Северной Двины.

В последующие годы были снаряжены все новые и новые экспедиции, однако судам не удавалось проникнуть дальше Новой Земли, острова Вайгач и реки Кары. Льды Карского моря заставляли их возвращаться назад. Лишь в ходе большой северной экспедиции, проходившей с 1734 по 1743 годы,

удалось описать северные берега России и Сибири на значительном протяжении. Прилегающая же к Сибири часть Ледовитого океана оставалась без всякого исследования, хотя еще ранее некоторые английские и голландские мореплаватели, такие как Стефан Бурро (в 1556 году), Корнелиус Ной (в 1595 году) и другие, упоминали, что в северных водах они встречали русских, которые следовали на своих кочах на Обь и Енисей. При этом количество судов иногда достигало 30. Путь этот лежал вдоль берегов Европейской России и Сибири до Ямала, который они проходили по речкам, впадающим в Карское море и Обскую губу, перетаскивая суда через небольшие волоки, отделявшие вершины этих речек, а иногда и огибали кругом Ямал. Очевидно, уже в этот период был известен морской путь между Европейской Россией и Сибирью. Это свидетельствует о том, что путь по Ледовитому океану вдоль северных берегов европейской России и Сибири в сибирские реки еще раньше был пройден русскими, занимавшимися промыслами и торговлей. Скорее всего, это были новгородцы.

В 1601 году в 200 верстах выше устья реки Таза, впадающей в Обский залив, был основан город Мангазея, который очень быстро стал центром торговли, привлекавшим не только промышленников и торговцев с берегов Белого моря, но и иностранцев.

Однако тобольский воевода князь Куракин, не сочувствовавший торговым отношениям с Сибирью, в 1616 году добился запрета для иностранной торговли севернее Архангельска под предлогом возможного захвата ими края, «богатого всякой мягкой рухлядью, а затем, неудовлетворенный и этим, стал направлять торговых и промышленных людей, пришедших морем, на заставу через Березов и Тобольск на верхотурскую заставу для того, чтобы казне в пошлинах потери не было» (Востротин, 1906: 2). Притеснения же разных служилых людей при сборе пошлин заставили и русских окончательно прекратить торговые отношения морским путем. В 1620 году было велено запретить морской ход в Сибирь и русским людям под страхом смертной казни посредством даже сажания на кол.

Всякое торговое движение прекращается более чем на 250 лет. Исчезает с лица земли торговый город Мангазея. Северный торговый морской путь был не только забыт, но даже исчезла вера в возможность плавания по Карскому морю, которое впоследствии считалось многими отечественными исследователями непроходимым ледником (Востротин, 1906: 3). Вот, что мог сделать в то отдаленное от нас время ратовавший о пошлинах и закрывший морской путь исторический теперь воевода.

Вопрос о плавании к берегам Сибири вновь поднял Михаил Константинович Сидоров в 1860-х годах. Он изучил историю плаваний по Ледовитому океану, состояние льдов в устье Енисея в разное время года, а также местные промыслы, после чего начался его долгий поиск единомышленников и спонсоров. К сожалению, цели и проекты Сидорова не нашли понимания ни среди администрации, ни среди русских ученых обществ того времени. Объехав север России и Финляндию и не найдя ни капитанов, ни матросов, желавших попытаться счастье пройти через Карское море в Сибирь, М.К. Сидоров поневоле обращается с подобными предложениями за границу, главным образом к норвежским промышленникам. Рассказами о богатых звериных промыслах в устье Оби и Енисея М.К. Сидоров старался пробудить в них желание отправиться в Карское море, в чем и имел успех.

Во второй половине 1870-х гг. английский капитан Виггинс и шведский профессор Норденшельд окончательно доказали возможность пройти к устью Енисея и как бы вновь открыли Северный морской путь.

В 1878–1898 годы Северный морской путь попал под внимание правительства. С высочайшего позволения по представлению министра финансов был разрешен беспошлинный ввоз иностранных товаров в устья Енисея и Оби. Причем ввоз был ограничен лишь некоторыми товарами и в определенном количестве.

Надо отметить, что в XIX веке было предпринято несколько экспедиций для обследования Карского моря. Так, в 1824–1828 гг. штурманы Иванов и Рагозин работали над описью берега от Печоры до Ямала включительно. В 1881 г. гидрографическая экспедиция под начальством Моисеева работала по описи Обской губы. Вначале Морское министерство относилось скептически к гидрографическому изучению Карского моря, указывая на то, что при свободном ото льда Карском море суда могут пройти до Обской губы, при наличии же льда «никакие денежные средства, потраченные на изучение Карского моря, не дадут других результатов, как только трату средств и времени» (Визе, 1948: 142).

Интенсивная работа по съемке берегов началась с 1894 года, когда по воле императора Александра III была учреждена гидрографическая экспедиция для изучения устьев рек Оби и Енисея и части Карского моря под руководством А.И. Вилькицкого, которая в 1894–1897 гг. произвела опись Обской губы и Енисейского залива.

Следует отметить, что достоверных описаний реки Енисея не было. Начало им было положено топографом И.Е. Андреевым в 1866 г. во время его экспедиции в Туруханск. Он описал часть Енисея от города Туруханска до впадения его в Ледовитый океан. А.И. Вилькицкий отмечал, что, несмотря на короткие сроки, в которые проходила эта экспедиция, карта, составленная И.Е. Андреевым, отличается «достаточною правильностью», что, очевидно, свидетельствует о большом опыте ученого. Выше Туруханска карты Енисея еще не существовало. Это обстоятельство побудило Еленева, преподавателя Енисейской прогимназии, спускавшегося на шлюпке в город Туруханск из Енисейска, составить описание реки на этом протяжении. Затем эта же часть реки была зарисована и описана в 1893 г.

полуинструментально, насколько позволяли время и средства, экспедициями лейтенантов Добротворского и Залевского.

В 1894 г. экспедиция под руководством А.И. Вилькицкого, поднимаясь по реке на зимовку в город Енисейск, пополнила опись И.Е. Андреева и провела съемку (по правилам описи с судна) части реки от города Туруханска до города Енисейска ([Атлас реки Енисей, 2009: 1](#)). Значительное число пунктов, определенных астрономически на берегу, позволило составить достаточно подробную карту и использовать опись И.Е. Андреева в навигации.

Согласно описанию, составленному А.И. Вилькицким, общая протяженность Енисея составляет около 3 300 верст. Енисей принимает несколько притоков, самые значительные из которых Ангара или Верхняя Тунгуска, Подкаменная Тунгуска и Нижняя Тунгуска ([Атлас реки Енисей, 2009: 1](#)).

Исследователь отмечал, что населенность берегов незначительна: на всем протяжении от Енисейска до залива не более 7 000 жителей, при этом большая часть населения сосредоточена в районе Енисейска.

Описание Енисея, составленное А.И. Вилькицким, оказало положительное влияние на развитие судоходства на Енисее. «Атлас реки Енисей от Енисейска до Енисейского залива», опубликованный А.И. Вилькицким в 1900 году, содержал подробные карты фарватера Енисея и южной части Карского моря, а также детальные рекомендации по навигации с описанием глубин в разных местах реки.

Так, А.И. Вилькицкий пишет: «Судоходство на Енисее сопряжено с большими трудностями. В восьми верстах от Енисейска, с левой стороны впадает в Енисей река Кемь, против устья которой надо придерживаться левого берега, однако не приближаясь к нему. Ниже деревни Комарова, в одной версте, надо остерегаться «осередыша» (мели в русле реки, по обеим сторонам которой можно проходить на судне) и оставить его по правому борту» ([Атлас реки Енисей, 2009: 5](#)).

Что не менее важно, А.И. Вилькицкий дал подробные описания безопасных якорных стоянок, а также рекомендации по заходу судов в места стоянок: «Самая лучшая якорная стоянка для морских и речных судов имеется в Луковой протоке. В 15 верстах от мыса Казанцева вверх по реке лежит под правым берегом группа островов, отделяющихся от мыса узкой полосовой воды, называемой Луковой протокой. Длина протоки составляет около восьми верст, ширина – от версты до 175 сажен. Правый берег протоки высокий. Левый, образуемый островами, – низкий, местами заливаемый в период большой воды при весеннем разливе Енисея. <...> Вход в протоку – снизу, то есть с севера; глубина при входе составляет 16 футов, далее в глубь протоки глубина увеличивается и доходит до девяти сажен. В верхнем конце протоки глубина небольшая – около четырех футов при малой воде. Грунт представляет собою мелкий песок. Берег большого острова и острова поменьше закрывает рейд Луковой протоки от всех ветров, кроме западных, но и тот не может создать большого волнения, так как волна входит в протоку разбитая и несколько раз отраженная. Луковая протока представляет собой отличную гавань для разгрузки судов. На зимовку в протоке оставаться не следует: через низменный остров при половодье в протоку заходит лед» ([Атлас реки Енисей, 2009: 1](#)).

Также описание плавания по Енисею дал другой, уже неизвестный автор. Состояние пути и судоходные условия Енисея он описал как «весьма различные»: по судоходным условиям Енисей делился на восемь частей, при этом каждой части соответствовали свои климатические и гидрологические особенности ([ГАКК. Ф. Р-1380. Очерк неизвестного автора «Водные пути сообщения». Оп. 2. Д. 117. Л. 2](#)).

На участке от Красноярска до Минусинска и от Минусинска до села Назимовского судоходство могло осуществляться без всяких препятствий обыкновенными речными пароходами с деревянными баржами и без них. В этих местах ширина реки составляет от 150 сажен до двух верст, а скорость течения от шести до десяти верст в час. Естественных препятствий на плесе Красноярск–Минусинск, если не считать перекатов в пределах Минусинского округа, затрудняющих движение в малую воду, не было. На плесе Красноярск–Енисейск на 219–223 верстах от Красноярска имелся Казачинский порог, где подъем судов, идущих снизу с буксиром, производился туером. Вниз суда проходили самостоятельно. Порог расчищен и больших опасностей для судов не представлял. Из других естественных препятствий, не составляющих большой опасности, следовало отметить Шиверу в 73 верстах от Красноярска и Ладейские перекаты (в 6–8 верстах от Красноярска), затрудняющие проход глубоководных судов по малой воде. По воспоминаниям адмирала С.О. Макарова, река Енисей представляла собой безопасный водный путь: устье реки не имело отмели, обычно образующейся между устьем и морем, и, как следствие, в реку могли зайти суда любого водоизмещения. При этом глубина Енисея до Енисейска и даже до самого места впадения в него Ангара была достаточной, чтобы по нему могли ходить суда с самой глубокой речной осадкой ([ГАКК. Ф. Р-1380. Очерк неизвестного автора «Водные пути сообщения». Оп. 2. Д. 117. Л. 6](#)).

Условия плавания по реке Енисей ниже села Монастырское принимали полуморской характер. Енисей здесь принимал грандиозные размеры, имея ширину большей частью 3–4 версты, а местами и более. Преобладали глубины в 7–11 саженей.

От устья реки Гольчихи начинался Енисейский залив Северного Ледовитого океана, представляющий из себя неглубокую воронкообразную впадину по направлению северо-запад-юго-восток. Вследствие невыгодной конфигурации берегов почти на всем протяжении от реки Гольчихи

до острова Диксон не имелось укрытых от штормов стоянок для судов, за исключением бухты Широкой и мыса Сопочная Карга (ГАКК. Ф. Р-1380. Очерк неизвестного автора «Водные пути сообщения». Оп. 2. Д. 117. Л. 6).

В то же время в Енисейском заливе постоянно дули сильные ветры, главным образом северо-западные и юго-восточные, часто, особенно осенью, доходящие до степени шторма, с беспокойной и высокой волной. Волны, сталкиваясь и громоздясь друг на друга, придавали судну особенно стремительную качку. Зыбь также неправильна и бывало, что, вопреки дующему ветру, шла не от того направления, по которому дует ветер. Сказанное, вместе с отсутствием укрытых стоянок, справедливо и без преувеличения создавало Енисейскому заливу характеристику бурного и тяжелого плавания (ГАКК. Ф. Р-1380. Очерк неизвестного автора «Водные пути сообщения». Оп. 2. Д. 117. Л. 7).

Между тем перевозка пассажиров-рыбаков и грузов по Енисейскому заливу совершалась речными пароходами с буксиром в составе 1–2, а иногда и 3 лихтеров. Пароходы эти, если они были вполне пригодны для плавания в низовьях Енисея, совершенно не соответствовали условиям плавания в открытом море, вследствие чего движение судов в Енисейском заливе происходило с большими затруднениями и постоянным риском.

Весной при высадке рыбаков по рыболовным пескам Енисейского залива пароходы и не паровые суда теряли много времени из-за льдов, преодоление которых было возможно для одновинтовых пароходов, но не для двухвинтовых буксиров, которые преимущественно использовались в Енисейском заливе в то время.

Осенью, при господстве постоянных северо-западных ветров, речные пароходы массу времени простаивали на якорях из-за штормов. Съемка рыбаков и рыбы с рыболовных песков затягивалась на неопределенное время и зачастую проходила в тяжелейших условиях, следствием чего были случаи гибели грузов (в 1904, 1912, 1916 и 1920 гг.) и даже людей (1916 г.).

Если низовые пароходы запаздывали с приходом вверх, то большую часть рыбы приходилось оставлять в Енисейске и оттуда отправлять ее до Красноярска гужевым транспортом. Суда, используемые для судоходства в низовьях Енисея, в большинстве случаев по своей конструкции не подходили для плавания в Енисейском заливе как по своим мореходным качествам, так и с точки зрения стоимости их эксплуатации. Чтобы вывести из залива и низовьев Енисея 50–60 тыс. пудов рыбы, обычно отправлялось не менее двух пароходов и пяти лихтеров, тогда как такое количество груза можно было доставить на двух судах с соответствующей грузоподъемностью и небольшой осадкой. Кроме общих конструктивных недостатков, пароходы отличались большим пожогом топлива (ГАКК. Ф. Р-1380. Очерк неизвестного автора «Водные пути сообщения». Оп. 2. Д. 117. Л. 8). Так, например, пароход «Лена» в 1924 г. взял с собой в рейс по Енисейскому заливу 37 тыс. пудов угля и на обратный путь его хватило только до Туруханска. В том же году пароходу «Ангара» запаса угля в 25 тыс. пудов хватило на половину рейса. Снабжение топливом судов, идущих в Туруханский край, было тяжелым и значительно удорожало себестоимость перевозок. Снабжать суда топливом приходилось почти весь рейс до Красноярска и обратно. Все имевшиеся пароходы сжигали много топлива. На один рейс обычно уходило от 35 до 48 тыс. пудов угля. Для этого количества топлива каждый караван судов сопровождал большой лихтер, а часть угля также грузилась в другие суда. Случалось, что пароход вез с собой столько же угля, сколько и груза. В лучшем случае только одна треть каравана была занята топливом.

Практиковалось снабжение пароходов Туруханской линии дровами, но перевод их полностью на дрова был невозможен. Весенняя прибиль воды в нижнем течении, как правило, достигала 5–7 саженей, иногда она поднималась до 8–9 саженей. Таким образом, складировать дрова приходилось далеко от берега, что в дальнейшем делало доставку их на пароход тяжелой и длительной работой. При этом для обеспечения движения пароходов требовалось огромное количество дров. Также после станка Плахинского (1861 верста от Красноярска) уже не было возможности заготавливать дрова, и дальнейший путь до Диксона (1 632 версты) пароходы должны были проходить на угле. Кроме того, после села Монастырское (Туруханск), где условия плавания принимали полуморской характер, во время частых северных и южных ветров погрузка топлива с берега была совершенно невозможна. Это делало неизбежным угольное отопление, что приводило к значительному увеличению стоимости эксплуатации низовой линии и тем более значительному вследствие того, что все плавающие суда были старотипными, оснащенными несовершенными машинами и котлами.

Также необходимо добавить, что перевозка пассажиров находилась в еще более сложном положении, чем перевозка грузов. Так, пассажиры, направляющиеся в низовья Енисея и в залив, размещались на так называемых пассажирских лихтерах, где им отводились помещения в трюме без иллюминаторов. Нары были установлены по бортам корпуса и в середине в три яруса. Так как в корпусе не было иллюминаторов, свет проходил исключительно через световые люки. Верхний ярус был отделен от нижних особой палубой, сделанной решеткой, чтобы свет мог проходить на нижние ярусы. При таком устройстве вся грязь, окурки и сор сыпались на пассажиров, размещавшихся на нижних двух ярусах. При этом свет, проходящий сквозь решетку верхнего яруса, был настолько скудным, что нижние ярусы находились практически в полной темноте. Современники отмечали, что представить себе худшие условия для перевозки пассажиров достаточно трудно (ГАКК. Ф. Р-1380. Очерк неизвестного автора «Водные пути сообщения». Оп. 2. Д. 117. Л. 10).

В таких условиях могли ехать только люди в крайних обстоятельствах. Классных кают, за исключением нескольких кают первого класса, не было. Обустройство кают было невозможно из-за конструкции судов. Положение осложнялось тем, что общее время в пути составляло около полутора месяцев. При этом общее количество пассажирских мест было недостаточным, поэтому часто пассажиров размещали в грузовых трюмах, на палубе на бочках с рыбой. Таким образом, поездка в Туруханский край была трудным и рискованным делом.

В начале XX века обслуживание пароходством низовьев Енисея и Енисейского залива было убыточным, причина чего заключалась в неблагоприятных условиях, с которыми приходилось сталкиваться пароходному делу в Туруханском крае: огромные расстояния, которые должны были проходить суда (до 2 500 верст в одну сторону), небольшой для начала XX века грузооборот, система грузооборота, при которой в первую половину навигационного периода суда проходили обратный путь порожними. К неблагоприятным факторам следует отнести также длительную оторванность судов от портов, что в целом приводило к увеличению издержек.

Для достижения бездефицитности пароходства в Туруханском крае Министерство путей сообщения по предложению Государственной Думы выработало ряд мероприятий: обновление судового состава для работы в низовьях Енисея специальными судами и коренное изменение тарифов для низового пароходства в сторону их незначительного повышения. В результате за счет уменьшения стоимости эксплуатации судов и соответствующего повышения тарифов предполагалось достигнуть безубыточности. В 1914 году правительством был одобрен кредит на постройку новых судов в размере полутора миллионов рублей. Однако начало Первой мировой войны не дало осуществить планы по обновлению флота.

О повышенном интересе к судоходству на Енисее в начале XX века свидетельствует возросшее количество исследовательских экспедиций. Так, в 1912 году экспедицией Е.В. Близняка было составлено геологическое описание берегов Енисея от Красноярска до Енисейска. Продвигаясь вперед по 3-4 версты в день, экспедиция прошла маршрут общей протяженностью в 415 верст.

На основе сведений, собранных в ходе экспедиции, были составлены карты пород, образующих берега Енисея между г. Красноярском и д. Погадаевой (30 верст севернее Енисейска). Полученные данные были необходимы для решения разных технических вопросов, связанных с проведением работ на водном потоке.

Согласно описанию, составленному Е.В. Близняком, Енисей «прорезывает коренные породы, собранные в ряд цепей, ориентированных с северо-запада на юго-восток (реже с северо-востока на юго-запад). В зависимости от направления увалов и высот, сложенных коренными породами, долина Енисея то сильно суживается – тогда берега реки образованы увалами, то расширяется иногда на несколько верст» (Близняк, 1915: 7).

Е.В. Близняк также указал на наличие разных металлов в местных породах: «Желтый цвет песков иногда переходит в ржаво-красный от примеси окислов железа. Последние кое-где являются цементом, связывающим гальку третьей террасы в род конгломерата. В песках кое-где встречаются гнездовые скопления бурого железняка (в «Железной горе» у почтового тракта, в нескольких верстах от устья реки Кеми)» (Близняк, 1915: 7).

В описании Е.В. Близняка также присутствуют сведения, которые могли заинтересовать археологов: он указывает на кости животных, найденные в пластах, по мнению А.К. Мейстера, постплиоценового периода (Близняк, 1915: 7).

Также описание, составленное Е.В. Близняком, содержало сведения о горных породах, которые могли служить строительным материалом. Эти данные были необходимы городам и земствам. Дешевизна перевозки таких горных пород по воде делала их добычу и доставку экономически выгодным предприятием. «Большое распространение имеет также вторая терраса. Ее высота не больше 5–6 сажень. Она образована песчано-глинистыми древними речными отложениями, часто очень богатыми растительным гумусом, реже включает прослой гальки. В окрестностях Енисейска, в районе второй террасы, можно встретить очень пластичную серовато-синюю и желтую глину. Глину это употребляют на выработку кирпичей. Непосредственно ниже Енисейска вторая терраса образована толстым слоем торфа (до 1 сажени), под которым залегают жирные глины различной окраски: от серо-зеленой до желтой. Цвет, видимо, зависит от вивианита и окислов железа, которые в виде конкреций во множестве встречаются в глине под торфом» (Близняк, 1915: 8). В целом, поскольку в этот период был велик интерес общества к возможностям судоходства по Енисею и Северному морскому пути, описание реки, составленное Е.В. Близняком, могло заинтересовать широкий круг читателей. Натуралисты, любители местной истории в описании Е.В. Близняка могли найти разнообразные сведения о местном ландшафте и истории его происхождения. Так, например, по Е.В. Близняку, валуны, которые в большом количестве встречались на берегу, появились вследствие ударов льдин о берега во время весеннего ледохода. Также интерес представляет история местных озер, которые образовались вследствие изменения русел рек. Подтверждая выводы Л.А. Ячевского и А.К. Мейстера, Е.В. Близняк приходит к выводу о том, что причины сглаженности рельефа заключаются в существовании здесь некогда Силурийского моря (Близняк, 1915: 8).

5. Заключение

Описания Енисея, составленные исследователями в конце XIX – начале XX веков впоследствии были использованы не только для развития судоходства в арктической зоне. Данные о геологических отложениях, составе почв использовались в качестве отправного пункта дальнейших геологических изысканий, а также при определении места размещения добывающих производств. Сведения о характере течения в русле Енисея, особенностях строения его дна, розе ветров в его бухтах стали важным подспорьем при принятии решений о местах обустройства стоянок судов и размещения необходимых вспомогательных служб.

История развития судоходства на Енисее насчитывает не одно столетие. Несмотря на сложные для судоходства условия (пороги, непредсказуемость погоды, суровый климат), Енисей оставался самой главной для судоходства рекой как для местного населения, так и для заезжих путешественников и предпринимателей, искавших водные пути, которые бы соединили этот богатый край с мировыми рынками. Сложные условия для судоходства не остановили первопроходцев, промышленных и служилых людей, которые, не страшась тягот и невзгод, исследовали Енисей и прилегающие земли. Благодаря труду этих людей, был накоплен опыт, позволивший наладить прочное сообщение Енисея с европейскими государствами, сделать его важной частью Северного морского пути.

Литература

- Александровский, Матвеев, 1928** – Александровский А., Матвеев П. Борьба за полюсы Земли от Нансена до наших дней. Популярные очерки. Л.: Изд-во «Красная газета», 1928. 118 с.
- Атлас реки Енисей, 2009** – Атлас реки Енисей: от г. Енисейска до Енисейского залива / Сост. Гидрографической экспедицией под начальством подполковника А.И. Вилькицкого. Факсимильное издание 1900 г. СПб.: Альфарет, 2009. 9 л.
- Бальцер, 1999** – Бальцер М.М. Стойкость этничности: сибирская сага в глобальной перспективе. Принстон: Издательство Принстонского университета, 1999. 344 с.
- Барр, 2013** – Барр С. Действительно ли Норвегия – полярная нация? Анализ образа через историю Норвежского полярного института. Хефтет, 2013. 409 с.
- Белов, 1977** – Белов М.И. По следам полярных экспедиций. Гидрометеиздат, 1977. 144 с.
- Близняк, 1915** – Близняк Е.В. Енисей от Красноярска до Енисейска. Издание управления внутренних водных путей и шоссе дорог. Материалы для описания русских рек. Ч. 3. Геологическое описание берегов рек. Петроград: Типография министерства путей сообщения (Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко). 1915. 25 с.
- Быконя, 2006** – Быконя Г.Ф. Потомственный почетный гражданин Российской империи. Йонас (Юнас) Лид в Сибири (1910–1919 гг.) // *Енисейская провинция*. Выпуск 2. Красноярск, 2006. С. 24–32.
- Визе, 1948** – Визе В.Ю. Моря советской Арктики: Очерки по истории исследования. М.-Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948. 416 с.
- Востротин, 1906** – Востротин С.В. Наши водные пути в Сибирь. СПб.: Типография Альтушера, Фонтанка, 96, 1906. 74 с.
- Врангель, 1836** – Врангель Ф.П. Историческое обозрение путешествий по Ледовитому океану. 1836. 475 с.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Геденштром, 1822** – Геденштром М.М. Путешествие Геденштрома по Ледовитому морю и островам оного, лежащим от устья Лены к востоку // *Сибирский вестник*. 1822. 124 л.
- Дворецкая, Седельников, 2020** – Дворецкая А.П., Седельников В.Г. По следам экспедиции Руаля Амундсена на шхуне «Мод»: формирование мест памяти // *Баландинские чтения. Новосибирск: Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств*. Т. 15. 2020. С. 323–332.
- Драйвнес, 2004** – Драйвнес Э.А., Йолле Х.Д., Захариассен К. Норвежская полярная история. Том 1. Осло, 2004.
- Загребаева, 2012** – Загребаева В.Н. «Вверх по Енисею»: Из воспоминаний С.В. Востротина о путешествии с Ф. Нансеном по Сибири в 1913 г. // *Исторический архив*. 2012. № 3. С.161–170.
- Майдель, 1894** – Майдель Г.Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 гг. СПб., 1894.
- Меньщикова, 2021** – Меньщикова Д.А. Спор о Шпицбергене: историография вопроса // *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 34. С. 3401–3408.
- Меньщикова, 2021** – Меньщикова Д.А. Экспедиция по поиску спутников Р. Амундсена под руководством Н.А. Бегичева // *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 35. С. 3334–3339.
- Островский, 1934** – Островский Б.Г. Безвременно ушедшие: Г.Я. Седов, В.А. Русанов, Г.Л. Брусилов и Э.В. Толь. Л.: Изд-во Всес. арктич. ин-та, 1934. 256 с.
- Пасецкий, 1955** – Пасецкий В.М. Владимир Русанов. М.: Морской транспорт, 1955. 164 с.
- Пасецкий, 1961** – Пасецкий В.М. «Геркулес» исчезает во льдах: Жизнь и путешествия В.А. Русанова. 2-е изд., доп. М.: Географгиз, 1961. 208 с.
- Пасецкий, 1974** – Пасецкий В.М. Арктические путешествия россиян. М.: Мысль, 1974. 232 с.

Перминов, 2018 – Перминов Ю.П. Тобольск и вся Сибирь: [ист.-культурол. лит.-худож. альманах]. Кн. 28 Северный морской путь. В 4 т. // Обществ. благотвор. фонд «Возрождение Тобольска» / Ред.-сост. Ю.П. Перминов; оформление И.Е. Лукьянов. Тобольск: ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2018. Т. 3. 652 с.

Прядко, 2001 – Прядко И.А. Фритъоф Нансен на берегах Енисея // *Вестник Красноярского государственного университета*. 2001. № 1. С. 39-44.

Седельников, Дворецкая, 2020 – Седельников В.Г., Дворецкая А.П. Норвежские моряки на Диксоне: по следам экспедиции Руаля Амундсена на шхуне «Мод» (1918–1983 гг.) // *Северные архивы и экспедиции*. Красноярск: ООО «МЦПК г. Красноярск». Т. 4. № 2. 2020. С. 41-54.

Gryaznukhina et al., 2020 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Malyutina L.F., Belgorodskaya L.V. Historical stereotypes of foreign travelers about Russia in the 19th century // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 595-603.

Gryaznukhina, Gryaznukhin, 2013 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G. Development of cultural dialogue between Russians and Siberians at the turn of the 19th-20th centuries // *European Researcher*. 2013. 9-1 (58): 2269-2274.

References

Aleksandrovsii, Matveev, 1928 – Aleksandrovsii, A., Matveev, P. (1928) Bor'ba za polyusy Zemli ot Nansena do nashikh dnei. Populyarnye ocherki. [The struggle for the poles of the Earth from Nansen to the present day. Popular essays]. Leningrad: Izd-vo «Krasnaya gazeta», 118 p. [in Russian]

Atlas reki Eniseya, 2009 – Atlas reki Eniseya: ot g. Eniseiska do Eniseiskogo zaliva [Atlas of the Yenisei River: from the city of Yeniseisk to the Yenisei Bay]. Sost. Gidrograficheskoi ekspeditsiei pod nachal'stvom podpolkovnika A.I. Vil'kitskogo. Faksimil'noe izdanie 1900 g. Spb.: Alfaret, 2009. 9 p. [in Russian]

Bal'tser, 1999 – Bal'tser, M.M. (1999). The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective. Princeton: Princeton University Press, 344 p.

Barr, 2013 – Barr, S. (2013). Norway – a consistent polar nation? Analysis of an image seen through the history of the Norwegian Polar Institute. Heftet, 2003. 409 p.

Belov, 1977 – Belov, M.I. (1977). Po sledam polyarnykh ekspeditsii [In the footsteps of polar expeditions]. Gidrometeoizdat, 144 p. [in Russian]

Bliznyak, 1915 – Bliznyak, E.V. (1915). Enisei ot Krasnoyarska do Eniseiska [Yenisei from Krasnoyarsk to Yeniseisk. Publication of the Office of Inland Waterways and Highways]. Izdanie upravleniya vnutrennikh vodnykh putei i shosseinykh dorog. Petrograd. Tipografiya ministerstva putei soobshcheniya (Tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko). 25 p. [in Russian]

Bykonya, 2006 – Bykonya, G.F. (2006). Potomstvennyi pochetniy grazhdanin Rossiiskoi imperii. Ionas (Yunas) Lid v Sibiri (1910 – 1919 gg.) [Hereditary honorary citizen of the Russian Empire. Jonas (Yunas) Lead in Siberia (1910 – 1919)]. *Eniseiskaya provintsiya*. Vol. 2. Krasnoyarsk, pp. 24-32. [in Russian]

Draivnes, 2004 – Drivenes, E.A., Jølle, H.D., Zachariassen, K. (2004). Norsk polarhistorie. [Norwegian Polar History]. Vol. 1-3 Oslo. [in Norwegian]

Dvoretskaya, Sedel'nikov, 2020 – Dvoretskaya, A.P., Sedel'nikov, V.G. (2020). Po sledam ekspeditsii Rualya Amundsena na shkhune «Мод»: formirovanie mest pamyati [In the footsteps of the expedition of Roald Amundsen on the schooner "Maud": the formation of places of memory]. *Balandinskie chteniya*. Novosibirsk. Vol. 15. Pp. 323-332. [in Russian]

ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].

Gedenshtrom, 1822 – Gedenshtrom, M.M. (1822). Puteshestvie Gedenshtroma po Ledovitomu moryu i ostrovam onogo, lezhashchim ot ust'ya Leny k vostoku [Gedenstrom's journey through the Arctic Sea and its islands, lying from the mouth of the Lena to the east]. *Sibirskii vestnik*. 124 p. [in Russian]

Gryaznukhina et al., 2020 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina, L.F., Belgorodskaya, L.V. (2020). Historical stereotypes of foreign travelers about Russia in the 19th century. *Bylye Gody*. 56(2): 595-603.

Gryaznukhina, Gryaznukhin, 2013 – Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G. (2013). Development of cultural dialogue between Russians and Siberians at the turn of the 19th-20th centuries. *European Researcher*. 9-1 (58): 2269-2274.

Maidel, 1894 – Maidel', G.L. (1894). Puteshestvie po severo-vostochnoi chasti Yakutskoi oblasti v 1868-1870 gg. [Journey through the north-eastern part of the Yakutsk region in 1868-1870.] Sankt-Peterburg. [in Russian]

Men'shchikova, 2021 – Men'shchikova, D.A. (2021). Spor o Shpitsbergene: istoriografiya voprosa [The Svalbard dispute: the historiography of the issue]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*. 34: 3401-3408. [in Russian]

Men'shchikova, 2021a – Men'shchikova, D.A. (2021). Ekspeditsiya po poisku sputnikov R. Amundsena pod rukovodstvom N. A. Begicheva [Expedition to search for R. Amundsen's satellites led by N.A. Begichev]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*. 35: 3334-3339. [in Russian]

[Ostrovskii, 1934](#) – *Ostrovskii, B.G.* (1934). *Bezvremenno ushedshie*: G.Ya. Sedov, V.A. Rusanov, G.L. Brusilov i E.V. Tol. [Untimely departed: G.Ya. Sedov, V.A. Rusanov, G.L. Brusilov and E.V. Tol]. Leningrad: Print house Vses. arktich. in-ta, 256 p. [in Russian]

[Pasetskii, 1955](#) – *Pasetskii, V.M.* (1955). Vladimir Rusanov [Vladimir Rusanov]. M.: Morskoi transport, 164 p. [in Russian]

[Pasetskii, 1961](#) – *Pasetskii, V.M.* (1961). «Gerkules» ischezaet vo l'dakh: Zhizn' i puteshestviya V.A. Rusanova ["Hercules" disappears in the ice: Life and travels of V.A. Rusanova]. 2-e izd., dop. M.: Geografiz, 208 p. [in Russian]

[Pasetskii, 1974](#) – *Pasetskii, V.M.* (1974). Arkticheskie puteshestviya rossiyan [Arctic travel of Russians]. M.: Mysl, 232 p. [in Russian]

[Perminov, 2018](#) – *Perminov, Yu.P.* (2018). Tobol'sk i vsya Sibir'. Book 28. Severnyi morskoi put': v 4 vol. [Northern Sea Route: in 4 volumes]. Tobol'sk: TROBF «Vozrozhdenie Tobol'ska». Vol. 3, 652 p. [in Russian]

[Pryadko, 2001](#) – *Pryadko, I.A.* (2001). Frit'of Nansen na beregakh Eniseya [Fridtjof Nansen on the banks of the Yenisei]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1: 39-44. [in Russian]

[Sedel'nikov, Dvoret'skaya, 2020](#) – *Sedel'nikov, V.G., Dvoret'skaya, A.P.* (2020). Norvezhskie moryaki na Diksone: po sledam ekspeditsii Rualya Amundsena na shkhune «Mod» (1918–1983 gg.). [Norwegian sailors on Dixon: in the footsteps of Roald Amundsen's expedition on the schooner Maud (1918–1983)]. Severnye arkhivy i ekspeditsii. Krasnoyarsk: OOO «MTsPK g. Krasnoyarsk». 4(2): 41-54. [in Russian]

[Vize, 1948](#) – *Vize, V.Yu.* (1948). Morya sovetskoj Arktiki: Ocherki po istorii issledovaniya [Seas of the Soviet Arctic: Essays on the history of research]. Moskva; Leningrad : Izd-vo Glavsevmorputi, 416 p. [in Russian]

[Vostrotin, 1906](#) – *Vostrotin, S.V.* (1906). Nashi vodnye puti v Sibir' [Our waterways to Siberia]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Al'tushera, Fontanka 96, 74 p. [in Russian]

[Vrangel, 1836](#) – *Vrangel, F.P.* (1836). Istoricheskoe obozrenie puteshestvii po Ledovitomu okeanu [Historical review of travels in the Arctic Ocean]. 475 p. [in Russian]

[Zagrebaeva, 2012](#) – *Zagrebaeva, V.N.* (2012). «Vverkh po Eniseyu»: Iz vospominanii S.V. Vostrotina o puteshestvii s F. Nansenom po Sibiri v 1913 g. ["Up the Yenisei": From the memoirs of S.V. Vostrotin about the journey with F. Nansen in Siberia in 1913]. *Istoricheskii arkhiv*. 3: 161-170. [in Russian]

Енисей как часть Северного морского пути: история открытия и исследования

Евгений Александрович Ахтамов^{a, *}, Анна Павловна Дворецкая^a, Александр Григорьевич Грязнухин^a, Татьяна Владимировна Грязнухина^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Проблема судоходного использования Арктики постоянно привлекает внимание исследователей. На рубеже XX–XXI веков вопрос об Арктическом судоходстве стал подниматься чаще, что было обусловлено как глобальным потеплением, освобождающим этот регион ото льда и делающим его более доступным для судоходства и научного исследования, так и развитием техники и транспорта, позволяющим исследовать данный регион. В поддержании интереса к вопросу северного судоходства важную роль играет и значение Арктического региона для мирового транспортного сообщения. Объектом изучения данной статьи является история исследования Северного морского пути, а именно – Енисея. В поле зрения авторов находятся экспедиции, совершенные как соотечественниками, так и европейскими мореплавателями. Авторы отмечают, что на первоначальном этапе изучения Северного морского пути наиболее активными были исследователи из Европы, в то время как царское правительство в существовании морского сообщения с Европой видело угрозу своей монополии в Сибири. Ситуация изменилась только во второй половине XIX века, когда, благодаря инициативе частных лиц и изменившейся позиции правительства, Северный морской путь был открыт вновь. В конце XIX века правительство взяло на себя активную роль в изучении Северного морского пути, учреждая экспедиции по исследованию устьев Енисея, Оби и части Карского моря. На примере описаний судоходных условий Енисея, типов используемых судов авторами поднят вопрос о трудностях, с которыми сталкивались участники исследовательских экспедиций, а также местное население, проживавшее в низовьях Енисея.

Ключевые слова: Сибирь, Енисей, Северный морской путь, Арктика, Туруханск, Карское море, судоходные условия, исследование, путешественник, описание Енисея.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов), advoreckaya@mail.ru (А.П. Дворецкая), agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1357-1365
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1357

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Historical and Geographical Description of the Turkestan Region in the Scientific Works of V.V. Bartold (late XIX – early XX centuries): Beginning of Professional Activity

Lazzat S. Dinashева^{a,*}, Murat M. Tastanbekov^b, Akmaral D. Sandybayeva^a, Karlygash A. Rakhymzhan^a

^a Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkistan, Republic of Kazakhstan

^b Azret Sultan state historical-cultural reserve-museum, Turkistan, Republic of Kazakhstan

Abstract

In 1867, after the accession of the Turkestan region to the Russian Empire, along with the trend of socio-economic development of the region, the way was opened to the process of its entry into the world scientific integration. Modern cultural and educational institutions have appeared in the cities of the region. Museums were organized in Tashkent and Ashgabat. Medieval historical manuscripts were concentrated in museums. The history, culture and geography of Turkestan aroused the interest of Russian researchers. The local tsarist administration in every possible way demonstrated its material and financial support for the research work of scientists. V.V. Bartold's scientific trips carried out during this period put an end to a number of myths and distortions about the history and culture of Turkestan. The scientist demonstrated not only a high command of Oriental languages, but also an outstanding example of close work with representatives of the local intelligentsia. V. V. Bartold is known for his historical and geographical research concerning any corner of the Turkestan Governor-General, which occupies a large territory. The history of the city of Merv in the far west of Turkestan and the Semirechye region in the northeast has not gone unnoticed. The theoretical provisions laid down by V. Bartold constitute a fundamental tool for studying the history of the Turkic peoples. Of great importance in the problematic context are the orientalist's expressed scientific views on the formation and prosperity of the Mongol Empire. V. Bartold conducted a comparative analysis of the modern nature of geographical names and locations reflected in ancient Greek and Arabic sources. He also explained the reasons for the deviation of geographical points in ancient manuscripts. Summing up the general results, we will make sure of the high contribution of Academician V.V. Bartold to the formation and development of Russian Oriental studies.

Keywords: V.V. Bartold, Turkestan, Turkestan Governor-General, historical monuments, Central Asia.

1. Введение

В исторической науке хронология историко-географического описания Туркестанского края восходит к греческой эпохе. Такие историки, как Геродот, Страбон, являются первыми исследователями, которые обратили внимание на географическое положение водных бассейнов Арала, Сырдарьи, Амударьи. Но следует учитывать, что свои труды они писали, используя данные других путешественников, то есть сами они не бывали на землях Центральной Азии. В Средние века арабские и персидские путешественники писали труды, рассказывающие об истории и географических характеристиках Туркестанского края. Однако, поскольку в их работах не были освоены методы систематизации, классификации и критического анализа географических объектов, их трудно отнести к категории объективных научных исследований.

* Corresponding author

E-mail addresses: history.kz78@gmail.com (L.S. Dinashева)

С XVIII–XIX веков российские исследователи стали проявлять научный интерес к характеру географического положения Туркестанского края. Во главе их стоят имена Мейера, Аристов, Левшина и др. Особую роль в проблемном изучении истории и географической особенности края играют труды В.В. Бартольда, которые сформировали профессиональную направленность изучения истории и географии Центральной Азии. С именем В.В. Бартольда тесно связана работа по сбору, систематизации письменных и устных источников, касающихся истории, культуры и характера географического положения Средней Азии. В связи с этим ученого часто называют энциклопедистом по народам Средней Азии.

2. Материалы и методы

Оценивая типы материалов по теме исследования, их можно разделить на две группы:

1. Базовую часть материалов, относящихся к теме, представляют документы Центрального государственного архива Казахстана (г. Алматы, Казахстан) и Центрального государственного архива Узбекистана (г. Ташкент, Узбекистан). Виды документов в основном состоят из решений и распоряжений канцелярии туркестанского генерал-губернатора по координации научных учреждений и работ.

2. Закономерно, что каждый, кто интересуется Туркестанским краем, первым делом знакомится со сборником материалов «Туркестанский сборник» (Бартольд, 1910). Его составление осуществлялось по предложению первого генерал-губернатора Туркестанского края К.П. Кауфмана с целью информационного обеспечения российской администрации и представителей интеллектуального общества относительно ситуации в различных сферах жизни Средней Азии. Эта уникальная коллекция материалов по Туркестану состоит из 594 томов и охватывает различные направления информационных ресурсов.

Помимо «Туркестанского сборника», важное значение в нашей исследовательской работе приобрел «Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области» (Сборник материалов..., 1891). В нем были даны описания историко-культурных объектов Сырдарьинской области. Данные характеристики имели большую актуальность в исследованиях В.В. Бартольда.

При написании статьи учитывался метод систематизации в классификации историко-географических названий в работах В.В. Бартольда по порядку административного деления. Одним из историко-географических явлений, которому исследователь придавал особое значение, было происхождение названий регионов, кишлаков, городов, рек и озер. В связи с этим при анализе этапов формирования, развития и причин изменения происхождения исторических названий был принят во внимание историко-генетический метод. По мнению В.В. Бартольда, многие исторические названия Туркестанского края восходят к тюркскому языку (Бартольд, 1910: 214), то есть фактором, объединяющим их внутренние свойства, является древнетюркский язык. При выявлении связей, обеспечивающих сохранение основных свойств исторических названий, мы руководствовались структурным методом. Средняя Азия после присоединения к Российской империи пережила развитие социально-экономических, политико-культурных процессов. Историко-динамический метод дал возможность комплексного анализа общего развития научных изменений в ходе этих процессов.

3. Обсуждение

По степени изученности темы в зависимости от ее хронологических особенностей и содержательной направленности выделим 3 этапа:

1. Дореволюционные труды В.В. Бартольда.
2. Работы советского периода или дополнения В.В. Бартольда.
3. Другие исследования.

Дореволюционные исследования В.В. Бартольда привели к двум важным результатам:

1. Сформировался его прочный путь в науке как профессионального востоковеда.
2. С его деятельностью возникло научное описание историко-географических названий Туркестанского края.

Первая научная работа В.В. Бартольда как востоковеда стала публиковаться с 1896 года (Бартольд, 1896) и была посвящена образованию империи Чингисхана. В ней ученый дает оценку присоединению Средней Азии к Монгольской империи и его политико-культурным последствиям.

Крупнейшие водные бассейны Туркестанского края – Амударья и Аральское море – являются одними из основных объектов исследования в трудах В.В. Бартольда. Историческая роль названных географических мест была рассмотрена в его специальной работе (Бартольд, 1902). Особое внимание ученый уделил описаниям реки Амударья и Аральского моря в древнегреческо-персидских источниках. Оценивая трансграничную задачу реки Амударья, он отмечает, что она не утратила геополитической актуальности и в Российской империи, потому что, с точки зрения В.В. Бартольда, эта река испокон веков служила естественной границей между Тураном и Ираном (Бартольд, 1902: 69).

В данном труде востоковед представил всестороннее осмысление роли и влияния средневековых городов вдоль бассейнов Арала, Амударья в культурно-цивилизационном движении. По мнению В. Бартольда, освоение местными народами водных ресурсов ирригационной системой

позволило добиться значительного прогресса в хозяйственно-культурном развитии. В данной работе ученый полагает, что процесс формирования ирригационной орошаемой системы между Амударьей и Сырдарьей непосредственно способствовал развитию оседлой культуры и проложил путь к расцвету средневековой городской цивилизации (Бартольд, 1902: 71).

В 1904 году В.В. Бартольд публикует результаты научных изысканий своей первой поездки в Туркестан, изданные как специальная научная работа (Бартольд, 1904). Во время этой поездки у В.В. Бартольда появилась возможность познакомиться со средневековым письменным наследием, всесторонне информирующим об истории, культуре, географии и этнографических элементах народов Средней Азии.

Следующий труд востоковеда (Бартольд, 1943) был посвящен истории Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. В нем дана характеристика особенностей историко-географического положения Семиреченского края, проведен анализ процессов изменения этнического состава. Кроме того, в нем уделено внимание происхождению историко-географических названий Семиреченской области и степени их изученности в письменных источниках. В.В. Бартольд провел источниковедческий анализ описаний средневековых городов региона Семиречье, таких как Баласагун, Талгар, Кулан, Алмалык в письменных источниках (Бартольд, 1943: 19-23).

В дореволюционный период были опубликованы обзорные труды В.В. Бартольда по истории отдельных городов и регионов Туркестанского края. Одним из них является научно-обзорная работа, касающаяся истории города Мерв (Бартольд, 1909). В данной публикации ученый обратил внимание на особенности географического положения и историю древнего города Мерв, расположенного на окраине Туркестанского края. В.В. Бартольд объяснял, что расположение города на границе Туркестана и Ирана имело значение в любые исторические эпохи (Бартольд, 1909: 74). Кроме того, ученый описывает причины, по которым Мерв был столицей Сельджукского государства в Средневековье и дал оценку некрополю сельджукских султанов, расположенных в городе. В частности, он подробно остановился на архитектурном стиле мавзолея Санджара, одного из известных правителей государства Сельджуков (Бартольд, 1909: 85).

В.В. Бартольд является одним из первых ученых, проводивших исследование жизни и деятельности личностей, сыгравших значительную политико-историческую роль в истории Туркестана, как профессиональный историк. Его очерк (Бартольд, 1915) о погребении Амира Тимура, правителя Мавераннахра, является одним из проявлений многогранного научного изыскания. В этой работе ученый дает описание причин смерти Тимура в Отраре и подробно рассказывает о проведении похорон в Самарканде. В.В. Бартольд уделял пристальное внимание сакральной сущности мавзолея Гур Эмир, в котором похоронен Амир Тимур (Бартольд, 1915: 36).

Его труд, посвященный жизни и исторической деятельности внука Амира Тимура и известного восточного астронома Улугбека (Бартольд, 1915), несомненно, сформировал направление изучения исторических личностей Туркестана. В работе широко освещены хозяйственно-культурные особенности исторических мест, где прошло детство Улугбека и его жизнь как правителя.

2. Установление советской власти не оказало существенного влияния на направление научного творчества В.В. Бартольда. Дело в том, что власти большевиков были заинтересованы в развитии востоковедения. Советское правительство стремилось уничтожить следы либеральных форм правления, существовавших при Российской империи, а взамен провести кардинальные социалистические преобразования. В числе первых проблем были установление равенства женщин в Туркестане и борьба с влиянием религиозных институтов как главным препятствием в этом направлении.

Для реализации вышеизложенных мер необходимы были фундаментальные труды и взгляды востоковедов. В этом направлении появились работы В.В. Бартольда, охватывающие культурно-духовные сферы Туркестана (Бартольд, 1927; Бартольд, 1927). В них системно была описана культурная жизнь туркестанского общества, в том числе проанализированы вопросы религии, городских и сельских культурных различий, традиций и роли женщин в обществе, уровня грамотности и др. Кроме того, ученый опирается на множество источников, умело их сравнивает и анализирует, что способствует актуальности его трудов для современной науки.

3. В историографии советской эпохи работам В.В. Бартольда дана однозначная оценка. Советские исследователи с опасностью отнеслись к дореволюционным опубликованным трудам ученого, по возможности стараясь закрыть глаза на вопросы, рассматриваемые в них.

В советской историографии научное наследие В.В. Бартольда начали изучать с 1930-х годов. В этом вопросе важно отметить имена В. Яродского (Яродский, 1933) и А.Н. Бернштама (Бернштам, 1945), которые имели непосредственные научные отношения с самим В.В. Бартольдом. В. Яродский в своем труде (Яродский, 1933) дал оценку вкладу В. Бартольда в разработку концепции истории Средней Азии. А.Н. Бернштам (Бернштам, 1945) подробно остановился на деятельности и научных взглядах востоковеда в изучении древних и средневековых городов Туркестанского края.

В историографии 1950–1970-х годов часто публиковались исследования, касающиеся научно-теоретического вклада В.В. Бартольда в сферу советского востоковедения. Среди них особо выделяются имена И.И. Умнякова (Умняков, 1957), И.К. Крачковского (Крачковский, 1958), А.Н. Кононова (Кононов, 1971). И.И. Умняков (Умняков, 1957) в своей публикации придавал особое

значение теоретической ценности трудов В. Бартольда. И.К. Крачковский (1958) обращал внимание на проблемы переиздания и дополнения трудов ученого. А.Н. Кононов (Кононов, 1971) проанализировал роль научных работ В. Бартольда в повышении теоретико-практического значения истории тюркских народов.

В работах П.П. Тумановича (Туманович, 1976), Б.В. Лунина (Лунин, 1981) подробно рассмотрена личность академика В. Бартольда. В них обсуждались такие важные аспекты, как состав и типология личного архивного фонда ученого, его творческое влияние на среду, жизненные принципы и др.

Оценивая состав и исследовательскую направленность советской историографии в рамках темы, отметим, что в ней большое внимание было уделено научной деятельности ученого в период советской власти, в то время как дореволюционный – не имел существенного значения.

Исследования общенаучного наследия В.В. Бартольда, рассматривающие его с теоретико-методологической и концептуально-комплексной точек зрения, соответствуют современным тенденциям.

Следует отметить, что в постсоветский период изучение научного наследия В.В. Бартольда шло не только на постсоветском уровне, но и приобрело мировой масштаб. В работе в данном направлении активное участие приняли российские, узбекские, таджикские и казахстанские авторы. Для исследователей каждого государства образ В.В. Бартольда имел свой характер и значение. Для российских авторов В. Бартольд имеет значение благодаря вкладу в расширение познания академической структуры Российской империи, а для среднеазиатской интеллектуальной среды роль ученого приобретает особую актуальность тем, что он выводил историко-культурные ценности края на академический уровень.

Российские авторы пытаются дать оценку деятельности В. Бартольда в представлении и определении историко-культурных слоев Туркестана. В работах данного направления актуальны публикации А.И. Яковлева (Яковлев, 1993), В.В. Корнеева (Корнеев, 2001), С. Абашина (Абашин, 2009), Ю.А. Лысенко (Лысенко, 2010), С.Н. Брежневой (Брежнева, 2017) и др. В них дана оценка совокупности теоретико-концептуальных подходов и результатов научных изысканий В.В. Бартольда в Туркестанском крае. Российские авторы не скрывают, что относятся к деятельности ученого как к одному из механизмов системы империи (Брежнева, 2017: 38).

Исследователи стран Центральной Азии придают большое значение работам В. Бартольда по краеведению, внедрению в научный оборот средневековых рукописей, изучению историко-географических названий и происхождения этносов, составлению карт древних городов.

Ученые из Таджикистана Л. Мухторов, Л. Рахматуллоев (Мухторов, Рахматуллоев, 2002), Р. Масов (Масов, 2005), С. Мухиддинов (Мухиддинов, 2010) и др. стремились глубоко оценить вклад академика в изучение элементов культуры, исторических памятников, образа жизни народов Памира и Зеравшана.

Казахстанский исследователь Н.Д. Нуртазина (Нуртазина, 2010) высоко оценивает вклад В.В. Бартольда в изучение проблемы принятия ислама тюркскими народами. Т. Наджмиддинов (Наджмиддинов, 2010) в своем труде сделал выводы о деятельности востоковеда в переводе рукописей на чагатайском языке и научном изложении. З.А. Джандосова (Джандосова, 2014) проанализировала методы и подходы ученого к изучению топонимов Средней Азии.

Вклад В.В. Бартольда в мировое становление и развитие востоковедения приобретает важное значение в исторической науке. Американский историк И. Брегель (Bregel, 1997) дает систематическую оценку особенностей методов перевода средневековых персидско-арабских рукописей ученым. А. Юрукчу (Yurukcu, 2015) провел комплексный анализ вклада В. Бартольда в развитие востоковедения в российской и советской академической системе.

Анализ вышеприведенных данных подтверждает то, что современные исследователи придают важное значение деятельности В.В. Бартольда в изучении истории и культуры отдельных регионов и этносов.

4. Результаты

Первое путешествие В.В. Бартольда в Туркестанский край состоялось в 1893 году. В 1893–1894 гг. ученый ознакомился с историческими памятниками и старинными рукописями в Ташкенте, Самарканде. Этому посвящен его сборник специальных отчетов (Бартольд, 1904). В 1903 г. на совещании губернаторской кацелярии в Ташкенте он выступил с докладом по организации и повышению эффективности научных маршрутов (ЦГА РУ. Ф. 18. Кн. 1. Оп. 1. Д. 4369. Л. 23).

Первая концептуальная работа В.В. Бартольда по истории тюркских народов Туркестана была опубликована в 1896 году. В ней дается всесторонний анализ факторов, способствовавших созданию империи Чингисхана. Также он критически рассматривал степень достоверности данных, дошедших из эпохи существования империи. В.В. Бартольд называет процесс кратковременного образования кочевой империи, занимающей большую территорию, частым явлением, происходящим в истории Средней Азии (Бартольд, 1896: 1).

С точки зрения автора, существовали три империи, которые одновременно охватывали Восток и Запад Средней Азии: империя гуннов, Тюркский каганат и Монгольская империя. Две предыдущие

кочевые империи, которые существовали до Монгольской, вошли в историю с объединением тюркских народов и нападениями на соседние культурные регионы. Монгольская империя отличается покорением культурных пространств, ранее не достигавших территории тюрко-монгольских народов (Бартольд, 1896: 1).

В. Бартольд полагает, что в историографии сформировалось отношение к завоевательным походам монголов как к силе беспорядочного, бессистемного движения. Однако автор отмечает, что такой подход не является объективным: по мнению ученого, монгольские походы подчинялись конкретным стратегическим планам и стремлению управлять подчиненными народами оптимальными формами правления (Бартольд, 1896: 106).

В. Бартольд в этой работе придавал большое значение теоретическому решению двух проблем:

1. Феномену существования Монгольской империи как устойчивой системы после ее создания.
2. Роли личности в становлении и процветании Монгольской империи.

Эти две проблемы ученый пытается оценить, проведя сравнительный анализ текущих теоретических положений. По научному утверждению академика, управление постимперской ступенью стало более сложной задачей, чем создание Монгольской империи (Бартольд, 1896: 89). Он утверждает, что в становлении и процветании империи велика роль гения Чингисхана и его советников (Бартольд, 1896: 90). В этом смысле историк является сторонником теории И.Н. Березина, предшествовавшей ему.

Следующим трудом ученого, описавшего историю и географическое положение Туркестана, является «Очерк истории Семиречья» (Бартольд, 1943). Хронологию государственного становления в регионе Семиречья В. Бартольд начинает с Союза усуньских племен III–II вв. до н. э. В этот период в китайских летописях впервые упоминались географические названия региона Семиречья. Послы Китая оставили данные об озере Иссык-Куль, хребтах Тянь-Шаня, реке Аксу (Бартольд, 1943: 10). Академик в данной работе, опираясь на китайские источники, подробно остановился на причинах прибытия послов Поднебесной в Усунское государство. Несмотря на различные исторические позиции относительно прибытия китайского посла в Семиречье, В. Бартольд придерживается точки зрения, что его основной миссией было донести до правителя Усуна предложение о создании союза против гуннов (Бартольд, 1943: 11). Академик выдвинул аргументы о том, что в войне против гуннов китайцы столкнулись с большими трудностями и то же самое испытывали усунь, в том числе и смерть своего царя в битве с гуннами на реке Булунцир (Бартольд, 1943: 11).

В.В. Бартольд направил в канцелярию губернатора области рекомендательное письмо по составлению древних исторических карт на территории Семиреченской области и их специальному учету. Однако эти инициативы не были осуществлены по неизвестным причинам (ЦГА РК. Ф. 25. Кн. 1. Оп. 1. Д. 47. Л. 34).

Ученый всесторонне обосновывает, что регион Семиречье, территория которого богата большими реками и благоприятным климатом, в разные исторические эпохи стал политико-культурным центром. В VII веке регион становится центром Западной части Тюркского каганата, в качестве его основного населения указаны племена дулу и нушеби.

В. Бартольд отметил, что Семиречье в VII–VIII веках стало основным караванным путем с Запада в Китай. Караван из Самарканда, двигаясь в северо-восточном направлении, выходил в долину Семиречья через города Ташкент, Аулие-Ата (Бартольд, 1943: 16). Очевидно, что В. Бартольд в описании процесса исторического развития региона преимущественно опирался на китайские источники. Но он не исключает факторов несовпадения данных во времени и искажения событий в них. Например, сведения об истории Средней Азии, относящиеся к VII–VIII векам, сосредоточены в Сборнике летописей Китая «История династии Тан» (Бартольд, 1910: 274). Последняя его часть была написана в IX веке. Но, по мнению В. Бартольда, описания политико-культурной жизни тюркских народов в последней версии летописи написаны на основе предыдущих источников и не имеют отношения к событиям IX века (Бартольд, 1943: 17).

Хронологическая рамка этого труда В. Бартольда охватывает период со II века до н. э. до конца XVIII века. В конце работы даны пояснения к указателям хронологических и географических названий событий. Источниковая база и выводы научной работы являются фундаментальным пособием по истории казахского и кыргызского народов.

В 1902–1904 г. были опубликованы две работы В. Бартольда (Бартольд, 1902; Бартольд, 1904), включающие исторические памятники и географические характеристики Туркестанского края. В «Сведениях об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейшего времени до XVII века» (Бартольд, 1902) академик акцентировал внимание на изучении элементов развития городской культуры и механизмов хозяйственной системы в Аральском и Амударьинском регионах.

Экспедиция В. Бартольда по изучению Амударьи и Аральского моря была направлена на анализ его геологических, географических возможностей в сфере сельского хозяйства и исторических названий в древних рукописях. В средневековых арабских источниках упоминаются данные о впадении Амударьи в Каспийское море, а не в Аральское (Маджидов, 2021: 44). В связи с этим в российских академических кругах XIX века шли дискуссии о возможностях слияния Амударьи с Каспием. В. Бартольд также уделял этому академическому спору некоторое внимание в своей работе.

Но академик признает, что это проект, реализация которого невозможна с учетом современных географических, гидрологических, технических возможностей (Бартольд, 1902: 1).

Ученый также размышлял о процессе вхождения территорий Аральского моря и Амударьи в круг истории. В. Бартольд отметил, что Средняя Азия поздно вошла в общую историческую ось развития (Бартольд, 1902: 4).

В египетских, шумеро-аккадских, ассирийских записях нет данных об Аральском, Каспийском морях и реках Амударья, Сырдарья. Только возникновение персидского государства сформировало сближение Средней Азии с мировой культурой. Востоковед обосновывает, что северо-восточной границей Персидского государства служила река Сырдарья. По мнению автора, территория Средней Азии не считалась активной частью персидской государственности. Например, в надписях Бехистуна при персидском царе Дарии I регионы Амударьи, Аральского моря назывались Хорезмом. Но достоверных данных о его народе, обычаях не приведено (Бартольд, 1902: 4).

В. Бартольд дает всестороннюю оценку историко-географическим характеристикам Аральского и Каспийских морей и рек Амударья, Сырдарья в источниках греческих, арабских путешественников (Бартольд, 1902: 6). Кроме того, академик критически отнесся к непосредственному отношению путешественников к описываемым событиям и историческим местам. По мнению В. Бартольда, произведения ряда греческих, арабских путешественников о Средне-Азиатском регионе написаны по словам купцов и других путешественников, побывавших в них. Поэтому необходима большая академическая подготовка к определению степени достоверности данных, упомянутых в них (Бартольд, 1902: 8).

В последних разделах труда автором проведен анализ направлений изменения течения Амударьи на основе рукописей XVI–XVII веков. В частности, он ссылается на произведение Абулгазы Бахадур-хана «Родословная туркмен» и данные нидерландского историка Яна де Гуге.

Основываясь на данных арабского историка Ибн-Хаукаля, академик обращает внимание на то, насколько далеко от Аральского моря были расположены средневековые города Отрар, Шавгар вдоль Сырдарьи. В ходе анализа данных он утверждал, что течение реки Сырдарьи в X веке соответствует современному течению (Бартольд, 1902: 36).

В. Бартольд предпринял шаги к глубокому источниковедческому анализу того, в какие периоды средневековый город Ургенч и его дельта на территории реки Амударьи превращались в пустыню. На основании этого ученый делает вывод, что основные причины этого связаны с изменением направления реки Амударьи в XVI веке, которая проходила мимо города Ургенч на север (Бартольд, 1902: 109).

В 1904 году В. Бартольд опубликовал сборник материалов «Отчет о командировке в Туркестан» (Бартольд, 1904). В этой работе академик основное внимание уделял произведениям на персидском языке, рассказывающим о средневековой истории Туркестана. Он знакомится с содержанием шести средневековых произведений на персидском языке, находящихся в Азиатском музее в Ашхабаде. В них была описана история династий Тимура, Шейбани, Аштархани, правивших в Туркестане в разные эпохи. Академик проводит сопоставление данных в рукописях с другими источниками. Он проводит источниковедческий анализ разделов произведений, посвященных ходу и результатам войн между шейбанидами и иранским шахом Исмаилом. Автор предположил, что поражение Шейбани-хана от иранского шаха стало причиной противоречий между его родственниками (Бартольд, 1904: 176). В конце сборника В. Бартольд отметил, что произведения на персидском языке играют большую роль в познании истории Средней Азии (Бартольд, 1904: 258).

Обобщая вышеизложенные сведения и суждения, подчеркнем высокую академическую значимость трудов В. Бартольда в изучении истории Туркестана. Следует признать, что после научных изысканий В. Бартольда в области мирового востоковедения изменилось отношение к истории и культурным ценностям Средней Азии. По сей день центральноазиатские историки и ученые-востоковеды делают ссылки на труды В. Бартольда и его выводы и пояснения.

5. Заключение

Результаты научных поездок В.В. Бартольда в Туркестан при Российской империи подняли направление изучения истории и культуры края на профессиональный уровень. Его блестящее владение восточными языками помогло перевести древние и средневековые рукописи. Интеллектуальные способности привели к созданию теоретико-методологических основ истории тюркских народов. Труды В. Бартольда пробудили интерес к изучению образа жизни и истории народов Средней Азии в области мирового востоковедения. Для тех, кто занимался востоковедением, его работы играли роль источниковедческой базы и вспомогательного средства теоретических знаний.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Министерства культуры и спорта Республики Казахстан «Комплексное исследование социально-экономической и культурной истории города Туркестан середины XIX – начала XXI века» (проект № 1016479).

Литература

- Абашин, 2009** – Абашин С. Национализм и национализм: Средняя Азия // *Россия и мусульманский мир*. 2009. № 3. С. 112-131.
- Бартольд, 1896** – Бартольд В.В. Образование империи Чингисхана. Записки Восточного отдела. Том X. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1896.
- Бартольд, 1902** – Бартольд В.В. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века. Ташкент: Тип. штаба. Турк. воен. окр., 1902.
- Бартольд, 1904** – Бартольд В.В. Отчет о командировке в Туркестан (Записки Восточного отдела Археологического общества. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1904.
- Бартольд, 1909** – Бартольд В.В. К истории Мерва. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1909.
- Бартольд, 1915** – Бартольд В.В. О погребении Тимура. Петроград: Тип. Акад. наук, 1915.
- Бартольд, 2015** – Бартольд В.В. Улугбек и его время (переиздание). М.: Ленанд, 2015.
- Бартольд, 1927** – Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.
- Бартольд, 1927** – Бартольд В.В. Киргизы: Исторический очерк. Фрунзе, 1927.
- Бартольд, 1943** – Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья (переиздание). Фрунзе: Киргизгосиздат, 1943.
- Яродский, 1933** – Яродский В. Бартольд и его концепция истории Средней Азии // Социалистическая наука и техника. 1933. Вып. I. С. 51-61.
- Бернштам, 1930** – Бернштам А.Н. Академик Василий Владимирович Бартольд (15.11.1869–19.08.1930) // *Известия Киргизского филиала АН СССР*. 1945. Вып. 2–3. С. 130-131.
- Брежнева, 2017** – Брежнева С.Н. Народы Туркестана в составе Российской империи // *Российские регионы: взгляд в будущее*. 2017. № 2. С. 1-24.
- Джандосова, 2014** – Джандосова З.А. Десять Туркестанов: разные значения одного топонима // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Алматы, 2014. С. 56-65.
- Кононов, 1971** – Кононов А.Н. Василий Владимирович Бартольд (к сорокалетию со дня смерти) / Народы Азии и Африки. М.: Наука, 1971. С. 220-222.
- Корнеев, 2001** – Корнеев В.В. Управление Туркестанским краем: реальность и правовые мечтания (60-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.) // *Вопросы истории*. 2001. № 5. С. 59-68.
- Крачковский, 1958** – Крачковский И.К. К переизданию трудов В.В. Бартольда / Избр. соч. Т. 5. М.: Наука, 1958. С. 428-443.
- Лунин, 1981** – Лунин Б.В. Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда: Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент: Фан, 1981. 223 с.
- Лысенко, 2010** – Лысенко Ю.А. «Татарский вопрос» в конфессиональной политике Российской империи в Казахстане (конец XVIII – начало XX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2010. № 3–4. С. 146-152.
- Маджидов, 2021** – Маджидов О.Ш. Куда впадала река Амударья: палеогеографическое исследование // *Центральноазиатский журнал географических исследований*. 2021. № 2. С. 43-50.
- Масов, 2005** – Масов Р. Актуальные проблемы историографии и истории таджикского народа. Душанбе: Дониш, 2005.
- Мухиддинов, 2010** – Мухиддинов С. Исследование востоковедов в оттенках академика Бартольда / Роль академика В.В. Бартольда в изучении истории таджикского народа. Душанбе, 2010. С. 143-151.
- Мухторов, Рахматуллоев, 2002** – Мухторов Л., Рахматуллоев Л. История таджикского народа. Т. I. М.: ООО Иптранс дорнаука, 2002. 384 с.
- Наджмиддинов, 2010** – Наджмиддинов Т. Вклад В.В. Бартольда в изучение истории Чагатаидов / Роль академика В.В. Бартольда в изучении истории таджикского народа. Душанбе, 2010. С. 136-142.
- Нургазина, 2010** – Нургазина Н.Д. Вклад академика В.В. Бартольда в изучение истории исламизации тюрков // *Проблемы востоковедения*. 2010. № 1. С. 58-64.
- Сборник материалов..., 1896** – Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Т. V. Ташкент: С.И. Лахтин, 1896.
- Туманович, 1976** – Туманович П.П. История изучения архива В.В. Бартольда // *Бартольдовские чтения*. М.: АН СССР, 1976. С. 78-80.
- Умняков, 1957** – Умняков И.И. Значение трудов В.В. Бартольда по истории Средней Азии / *В кн. I. Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений*. Ташкент, 1957. С. 27-33.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РУ** – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.
- Яковлев, 1993** – Яковлев А.И. Сравнительные заметки о преобразованиях в Туркестане и советской Средней Азии // *Кентавр*. 1993. № 2. С. 18-27.
- Bregel, 1997** – Bregel Y. Rewriting Central Asian History // *Oriens*. 1997. Is. 5: 109-120.
- Yurukcu, 2015** – Yurukcu A. V.V. Barthold and Russian Orientalism in Central Asia // *Journal of Balkan Libraries Union BLUJ Review*. Vol. 3. Is. 2: 6-7.

References

- Abashin, 2009** – *Abashin, S.* (2009). Naciestroitel'stvo i nacionalizm: Srednyaya Aziya [Nation-building and Nationalism: Central Asia]. *Rossiya i musul'manskij mir*. 3: 112-131. [in Russian]
- Bartol'd, 1896** – *Bartol'd, V.V.* (1896). Obrazovanie imperii Chingiskhana [Formation of the Genghis Khan Empire]. *Zapiski Vostochnogo otdela*. Vol. X. Sankt-Peterburg: Tip. imp. akad. nauk. [in Russian]
- Bartol'd, 1902** – *Bartol'd, V.V.* (1902). Svedeniya ob Aral'skom more i nizov'yah Amudar'i s drevnejshih vremyon do XVII veka [Information about the Aral Sea and the lower reaches of the Amu Darya from ancient times to the XVII century]. Tashkent: Tip. Shtaba. Turk. Voen. okr. [in Russian]
- Bartol'd, 1904** – *Bartol'd, V.V.* (1904). Otchyot o komandirovke v Turkestan (Zapiski Vostochnogo otdela Arheologicheskogo obshchestva [Report on a business trip to Turkestan (Notes of the Eastern Department of the Archaeological Society)]. Sankt-Peterburg: Tip. imp. akad. nauk. [in Russian]
- Bartol'd, 1909** – *Bartol'd, V.V.* (1909). K istorii Merva [To the history of Merv]. Sankt-Peterburg: Tip. Imp. akad. Nauk. [in Russian]
- Bartol'd, 1915** – *Bartol'd, V.V.* (1915). O pogrebenii Timura [About Timur's burial]. Petrograd: tip. Akad. Nauk. [in Russian]
- Bartol'd, 2015** – *Bartol'd, V.V.* (2015). Ulugbek i ego vremena (pereizdanie) [Ulugbek and his Time (reprint)]. Moskva: Lenand. [in Russian]
- Bartol'd, 1927** – *Bartol'd, V.V.* (1927). Istoriya kul'turnoj zhizni Turkestana [The history of the cultural life of Turkestan]. Leningrad. [in Russian]
- Bartol'd, 1927** – *Bartol'd, V.V.* (1927). Kirgizy: Istoricheskij ocherk [The Kyrgyz: A Historical Essay]. Frunze. [in Russian]
- Bartol'd, 1943** – *Bartol'd, V.V.* (1943). Ocherk istorii Semirech'ya (pereizdanie) [Bartold V.V. An essay on the history of Semirechye (reprint)]. Frunze: Kirgizgosizdat. [in Russian]
- Bernshtam, 1930** – *Bernshtam, A.N.* (1945). Akademik Vasilii Vladimirovich Bartol'd (15.XI. 1869–19.VIII. 1930) [Academician Vasily Vladimirovich Bartold (15.XI. 1869–19.VIII. 1930)]. *Izvestiya Kirgizskogo Filiala AN SSSR*. 2-3: 130-131. [in Russian]
- Bregel, 1997** – *Bregel, Y.* (1997). Rewriting Central Asian History. *Oriens*. 5: 109-120.
- Brezhneva, 2017** – *Brezhneva, S.N.* (2017). Narody Turkestana v sostave Rossijskoj imperii [The peoples of Turkestan as part of the Russian Empire]. *Rossijskie regiony: vzglyad v budushchee*. 2: 1-24. [in Russian]
- CGA RK** – Centralny gosudarstvenny arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- CGA RU** – Centralny gosudarstvenny arhiv Respubliki Uzbekistan [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan].
- Dzhandosova, 2014** – *Dzhandosova, Z.A.* (2014). Desyat' Turkestanov: raznye znacheniya odnogo toponima [Ten Turkestans: different meanings of one toponym]. *Problemy izucheniya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov Kazahstana i Central'noj Azii: toponimika, epigrafika, iskusstvo*. Almaty. Pp. 56-65. [in Russian]
- Kononov, 1971** – *Kononov, A.N.* (1971). Vasilij Vladimirovich Bartol'd (k sorokoletiyu so dnya smerti) [Vasily Vladimirovich Bartold (on the fortieth anniversary of his death)]. *Narody Azii i Afriki*. Moscow: Nauka. Pp. 220-222. [in Russian]
- Korneev, 2001** – *Korneev, B.B.* (2001). Upravlenie Turkestanskim kraem: real'nost' i pravovye mechtaniya (60-e gg. XIX v. – fevral' 1917 g.) [Management of the Turkestan Region: reality and Legal dreams (60s of the XIX century – February 1917)]. *Voprosy istorii*. 5: 59-68. [in Russian]
- Krachkovskij, 1958** – *Krachkovskij, I.K.* (1958). K pereizdaniyu trudov V.V. Bartol'da [To the reprint of the works of V.V. Bartold]. *Izbr. Soch.* Vol. 5. M.: Nauka. Pp. 428-43. [in Russian]
- Lysenko, 2010** – *Lysenko, Yu.A.* (2010). «Tatarskij vopros» v konfessional'noj politike Rossijskoj imperii v Kazahstane (konec XVIII – nachalo XX v.) [The «Tatar Question» in the Confessional Policy of the Russian Empire in Kazakhstan (late XVIII – early XX centuries)]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3-4: 146-152. [in Russian]
- Lunin, 1981** – *Lunin, B.V.* (1981). Zhizn' i deyatel'nost' akademika V.V. Bartol'da: Srednyaya Aziya v otechestvennom vostokovedenii [Life and work of Academician V.V. Bartold: Central Asia in Russian Oriental Studies]. Tashkent: Fan. [in Russian]
- Madzhidov, 2021** – *Madzhidov, O.Sh.* (2021). Kuda vpadala reka Amudar'ya: paleogeograficheskoe issledovanie [Where the Amu Darya River flowed: paleogeographic study]. *Tsentral'noaziatskij zhurnal geograficheskij issledovanij*. 2: 43-50. [in Russian]
- Masov, 2005** – *Masov, R.* (2005). Aktual'nye problemy istoriografii i istorii tadjhikskogo naroda [Actual problems of historiography and history of the Tajik people]. Dushanbe: Donish. [in Russian]
- Muhiddinov, 2010** – *Muhiddinov, S.* (2010). Issledovanie vostokovedov v ottenkah akademika Bartol'da [The study of Orientalists in shades of Academician Barthold]. *Rol' akademika V.V. Bartol'da v izuchenii istorii tadjhikskogo naroda*. Dushanbe. Pp. 143-151. [in Russian]
- Muhtorov, Rahmatulloev, 2002** – *Muhtorov, L., Rahmatulloev, L.* (2002). Istoriya tadjhikskogo naroda [History of the Tajik people]. Vol. I. Moscow: OOO Iprans dornauka. [in Russian]

Nadzhmiddinov, 2010 – *Nadzhmiddinov, T.* (2010). Vklad V.V. Bartol'da v izuchenie istorii Chagataidov [V.V. Bartold's contribution to the study of the history of the Chagataids]. *Rol' akademika V.V. Bartol'da v izuchenii istorii tadhikskogo naroda*. Dushanbe. Pp. 136-142. [in Russian]

Nurtazina, 2010 – *Nurtazina, N.D.* (2010). Vklad akademika V.V. Bartol'da v izuchenie istorii islamizatsii tyurkov [Contribution of academician V.V. Bartold to the study of the history of the Islamization of the Turks]. *Problemy vostokovedeniya*. 1: 58-64. [in Russian]

Sbornik materialov..., 1896 – *Sbornik materialov dlya statistiki Syrdar'inskoj oblasti* [Collection of materials for statistics of the Syrdarya region]. Vol. V. Tashkent: S.I. Lahtin, 1896. [in Russian]

Tumanovich, 1976 – *Tumanovich, P.P.* (1976). Istoriya izucheniya arhiva V.V. Bartol'da [The history of the study of the V.V. Bartold archive]. *Bartol'dovskie chteniya*. Moscow: AN SSSR. Pp. 78-80. [in Russian]

Umnyakov, 1957 – *Umnyakov, I.I.* (1957). Znachenie trudov V.V. Bartol'da po istorii Srednej Azii [The significance of V.V. Bartold's works on the history of Central Asia]. *V kn. I. Vsesoyuznaya konferenciya vostokovedov. Tezisy dokladov i soobshchenij*. Tashkent. Pp. 27-33. [in Russian]

Yakovlev, 1993 – *Yakovlev, A.I.* (1993). Sravnitel'nye zametki o preobrazovaniyah v Turkestane i sovetskoj Srednej Azii [Comparative notes on transformations in Turkestan and Soviet Central Asia]. *Kentavr*. 2: 18-27. [in Russian]

Yarodskij, 1933 – *Yarodskij, V.* (1933). Bartol'd i ego koncepciya istorii Srednej Azii [Barthold and his concept of the history of Central Asia]. *Socialisticheskaya nauka i tekhnika*. I: 51-61. [in Russian]

Yurukcu, 2015 – *Yurukcu, A.* (2015). V.V. Barthold and Russian Orientalism in Central Asia. *Journal of Balkan Libraries Union BLUJ Review*. 3(2): 6-7.

Историко-географическое описание Туркестанского края в научных трудах В.В. Бартольда (конец XIX – начало XX вв.): начало профессиональной деятельности

Лаззат Сарсембековна Динашева ^{a, *}, Мурат Мейрбекович Тастанбеков ^b,
Акмарал Даировна Сандыбаева ^a, Карлыгаш Алибековна Рахымжан ^a

^a Международный Казахско-Турецкий Университет имени Ходжи Ахмеда Ясави, Туркестан, Республика Казахстан

^b Государственный историко-культурный заповедник-музей «Азрет-Султан», Туркестан, Республика Казахстан

Аннотация. В 1867 г., после присоединения Туркестанского края к Российской империи, наряду с тенденцией социально-экономического развития края, был открыт путь к процессу его вхождения в мировую научную интеграцию. В городах края появились современные культурные и образовательные учреждения. В Ташкенте, Ашхабаде была организована деятельность музеев, в которых были сосредоточены средневековые исторические рукописи. История, культура и география Туркестана вызвали интерес у российских исследователей. Местная царская администрация всячески демонстрировала свою материально-финансовую поддержку изыскательским работам ученых. Осуществленные в этот период научные командировки В.В. Бартольда поставили точку в ряде мифов и искажений об истории и культуре Туркестана. Ученый продемонстрировал не только высокое владение восточными языками, но и выдающийся пример тесной работы с представителями местной интеллигенции. В.В. Бартольд известен своими историко-географическими исследованиями, касающимися любого уголка Туркестанского генерал-губернаторства, занимающего большую территорию. История города Мерв на дальнем западе Туркестана и региона Семиречье на северо-востоке не осталась незамеченной. Теоретические положения, заложенные В. Бартольдом, составляют фундаментальный инструмент по изучению истории тюркских народов. Большое значение в проблемном контексте имеют высказанные научные взгляды востоковеда на становление и процветание Монгольской империи. В. Бартольд провел сравнительный анализ современного характера географических названий и месторасположений, отраженных в древнегреческих и арабских источниках. Он также дал разъяснения относительно причин отклонения географических точек в древних рукописях. Подводя общие итоги, можно констатировать высокий вклад академика В.В. Бартольда в становление и развитие русской востоковедческой науки.

Ключевые слова: В.В. Бартольд, Туркестан, Туркестанское генерал-губернаторство, исторические памятники, Центральная Азия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: history.kz78@gmail.com (Л.С. Динашева)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1366-1374
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1366

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Ethnoanthropological Features of the Foreign Population of Achinsk and Minusinsk Counties of the Yenisei Province of the XIX-XX centuries

Natalia P. Koptseva ^{a, *}, Ksenia A. Degtyarenko ^a, Daria S. Pchelkina ^a, Yulia N. Menzhurenko ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article provides a source analysis of the publication, which is part of the series “Notes of the Krasnoyarsk sub-department of the Imperial Russian Geographical Society on Ethnography” – “Materials on the anthropology of Siberia” (Issue 1, Volume 2, 1905). The author is a representative of the provincial branch of the IRGO Konstantin Ivanovich Goroshchenko. The purpose of this article is to identify the features of the image of the foreigners of the Yenisei province (Soyots, Beltirov, Koibals, Kachin, Sagaev, Kiziltsev and Meletsky (Chulym) foreigners) presented on the pages of the publication, as well as to determine the information potential of the “Materials on the Anthropology of Siberia” as a historical source. The basis of the content of the publication is seven tables of a wide range of anthropological features of different nationalities. The tables include anthropometric material about the nationalities living in the remote Achinsk and Minusinsk counties of the Yenisei province, as well as a nominal list of subjects indicating the names, places of observation and some features of subjects not included in the tables. The significance of the studied publication as a historical source lies in the uniqueness of the collected data on the foreigners of the province; as well as not only in the collection of ethnoanthropological information about them, but also in the primary processing, an attempt to systematize.

Keywords: Russian Russian Empire, foreigners, Russian Geographical Society, Imperial Russian Geographical Society, Yenisei province.

1. Введение

На рубеже XIX–XX веков в Енисейской губернии было создано отделение Императорского Русского географического общества. Его ключевыми направлениями деятельности стали природоохранная, просветительская работа, а также исследовательская, а именно – историко-этнологические исследования губернии. И достижения этой сферы внесли существенный вклад в развитие Енисейской Сибири.

На территории Енисейской Сибири проживали географически локализованные группы инородцев, консолидированные в рамках культурных традиций, языка, вероисповедания и места обитания. И этнографы, антропологи красноярского подотдела ИРГО активно участвовали в экспедиционных исследованиях, результаты которых были представлены в научных изданиях, в частности в серии «Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества». Одним из направлений исследований являлись этноантропологические.

Результаты исследований, полученных в ходе этноантропологических экспедиций губернским подотделом ИРГО в начале его деятельности, представляют интерес для современных исследований ввиду того, что благодаря сбору, обработке и систематизации исследовательского материала

* Corresponding author

E-mail addresses: yulia-avdeeva2406@mail.ru (Yu.N. Menzhurenko)

возможно проследить динамику этнической истории народностей, проживавших и проживающих на этой территории.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковая база исследования – второй выпуск первого тома издания «Материалы по антропологии Сибири» (автор – К.И. Горощенко), входящего в серию «Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по этнографии» за 1905 год.

2.2. В статье проводится источниковедческий анализ указанного выше письменного научного источника. В данном случае источниковедческий анализ позволяет проанализировать извлекаемые факты антропологического характера о проживавших на территории Енисейской губернии на рубеже XIX–XX веков инородческих племен. Также он позволяет ввести в научную практику этот источник и его содержание, рассмотреть значимость, информационный потенциал труда в рамках этноантропологических исследований изучаемого периода.

3. Обсуждение

Опубликованные исследования, посвященные изучению сойотов, бельтиров, койбалов, качинцев, сагайцев (сагаи), кызыльцев (кызыльцы, кызыльцы), мелецких (чулымских) инородцев, обширны. Стоит отметить, что большинство работ содержали лишь этнографические, лингвистические и статистические сведения об этих народах (Klaproth, 1823; Катанов, 1894; Аристов, 1897; Патканов, 1911; Ольденбург, Руденко, 1929 и др.).

Исследованием минусинских и ачинских инородцев, организованным в 1897 г. Енисейским губернским статистическим комитетом, занимались А.А. Кузнецова, А.А. Ярилов, П.Е. Кулаков. Результаты исследований были опубликованы в 1898 г. (Кузнецова, Кулаков, 1898) и содержали сведения о процессах трансформации традиционной жизни инородческого населения в Абаканской, Аскизской, Кызыльской и Мелецкой инородных управах. Материал А.А. Ярилова был опубликован в 1899 г. и освещал результаты изучения инородцев Мелецкой управы – чулымских татар (Ярилов, 1899).

Е.К. Яковлев, описывая этнографические коллекции Минусинского музея, в общем этнографическом очерке об инородческом населении долины Южного Енисея – качинцах, сагайцах, бельтирах, койбалах, сойотах – уделяет внимание и антропологическим характеристикам перечисленных народов (Яковлев, 1900).

Известны также антропологические исследования народов Южной Сибири А.В. Адрианова (Адрианов, 1888), К.И. Горощенко (Горощенко, 1901), И.П. Силинича (Силинич, 1901), А.А. Ивановского (Ивановский, 1907), Д. Каррутерса (Каррутерс, 1914), Г.Е. Грумм-Гржимайло (Грумм-Гржимайло, 1926), А.И. Ярхо (Ярхо, 1936; Ярхо, 1947), М.Г. Левина (Левин, 1954), В.И. Богдановой (Богданова, 1978), А.Р. Кима (Ким, 1978), В.П. Алексеева, И.И. Гохмана (Алексеев, Гохман, 1984) и др.

В современных исследованиях также имеются упоминания антропологических, генетических и этнокультурных особенностей народов, населяющих в прошлом Минусинский и Ачинский уезды Енисейской губернии (Копцева, 2015; Кистова, 2016; Кривоногов, 2019; Амосова, 2019; Дегтяренко, 2019; Харьков и др., 2020; Пестряков и др., 2021; Агджоян и др., 2021; Авдеева, 2021; Дегтяренко, 2021; Пчелкина, 2022).

Что касается публикационной и издательской деятельности Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, которая была важна и необходима для распространения научных сведений и материалов, полученных в ходе исследовательских экспедиций представителями Красноярского подотдела, стоит отметить, что она привлекает особый интерес исследователей (Волкова, 1988; Базылева, 2003; Эрлих, 2005; Базылева, 2008; Хорина, 2016). В том числе периодическое издание «Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества» было рассмотрено в качестве исторического источника в рамках изучения северных народов Енисейской губернии (Zamaraeva et al., 2021).

4. Результаты

4.1. Общая характеристика журнала

10 февраля 1901 г. в Красноярске было положено начало деятельности Красноярского краевого отделения Императорского Русского географического общества, и на протяжении своей истории оно существовало под разными названиями. Основными направлениями в работе краевого отделения ИРГО были этнография, антропология, естественнонаучные исследования, геология, география, история Приенисейской Сибири.

Сфера интересов определила и значимость исследовательских экспедиций в отдаленные и малоизученные части Енисейской губернии, например север губернии или Урянхайский край. Результаты экспедиций издавались в серии «Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» с указанием дисциплины – этнография, почвоведение, история, статистика, метеорология, география и т.д.

«Материалы по антропологии Сибири» входят в серию по этнографии за 1902–1906 гг., издавались в типографии Енисейского губернского управления. В содержании «Материалов» К.И. Горощенко систематизировал антропометрические данные о народностях Ачинского и Минусинского уездов губернии (сойоты, бельтиры, койбалы, качинцы, сагаи, кизильцы и мелецкие (чулымские) инородцы) и представил их в виде больших таблиц, которые содержат количественные данные, носят описательный характер.

4.2. Материалы по этноантропологическим особенностям инородцев в периодическом издании «Записки Красноярского подотдела Императорского Русского географического общества»

В рамках данной статьи за источниковедческую основу был взят 2-й выпуск 1 тома «Записок Красноярского подотдела Императорского Русского географического общества» под названием «Материалы по антропологии Сибири» К.И. Горощенко.

Кроме антропометрических данных, обработка которых составляет главное содержание этого издания, были собраны и сведения описательного характера: приведены числовые данные в таблицах широкого ряда антропологических признаков разных народностей – сойотов, бельтиров, койбалов, качинцев, сагаев, кизильцев и мелецких (чулымских) инородцев. У значительного числа субъектов встречаются разнообразные признаки и особенности, которые не могут уложиться в цифровую таблицу, не нарушая ее сравнительной сжатости и наглядности. По этой причине автор нашел наиболее удобным отмечать эти особенности в порядковом списке субъектов.

Примечательно, что цифровые таблицы описательных признаков для сойотов составлены несколько иначе, чем для остальных народностей. Автор описывает их по особой, более подробной схеме: представлены частности формы головы и лица. В таблице для сойотов отмечены графы для обозначения цвета волос и телосложения, так как имеющиеся у автора отметки по этим пунктам почти у всех субъектов тождественны. Исключения крайне редки, они отмечены в примечаниях к таблице. Таким образом, автор выносит характеристики сойотов в следующем виде (рядом с каждой из них прописаны числовые значения): *лоб* (крутой и круглый; прямой и высокий; убегающий; плоский; лобные бугры сильны или нет; прямой, но низкий; надбровные дуги сильны или нет; лоб в горизонтальном разрезе – резко очерченный или круглый); *темя* (короткое; сводом; длинное; плоское; равномерно поднимающееся ото лба и также спускающееся к затылку); *затылок* (плоский, спускающийся от макушки вниз прямой линией; округлый; не выдающийся; выдающийся конический/плоско/полушаром); *лицо* (равномерно широкое вверху, посередине и снизу; сужающееся кверху/к низу/кверху и к низу, но широкое у скул; овальное; круглое; плоское или нет); *нос*: спинка – низкая/высокая; всюду/у корня/на конце; бока резко отграничены от щеки или незаметно переходят в них, спинка приплюснута у корня или вся, нос равномерно широкий; к низу одутловатый; с горбом; прямой; курносый; *щели глаз* (широкие/узкие); *третье веко* (есть; нет; сильно; слабо).

Для остальных народностей данные в таблицах описательных признаков имеют следующие значения: *глаза* (средне-карие; темно (черно) карие; светло-карие; черные; серые; голубые; по голубому или серому полю от зрачка идут к окружности карие или желтые штрихи); *волосы* (на голове; светлорусые; темнорусые; черные; черные с русым отливом (что наблюдалось почти всегда только вокруг лба); черные с бурым отливом); *кожа* (на закрытых местах; очень темная; немного темная; светлая); *нос* (спинка приплюснутая вся; у корня низкая/средней высоты/высокая; бока резко отграничены от щек; бока незаметно переходят в них; нос прямой; курносый; с горбом; седлообразный); *лоб* (малый; средней величины; большой; прямой; убегающий (покатый); надбровные дуги: большие; средней величины; малые); *лицо* (овальное; продолговатое (удлиненное); короткое; широкое всюду; широкое в середине; широкое в верхних двух третях); *степень приращения ушной мочки* (нормальная; слабая; средняя; сильная); *зубы* (верхняя челюсть выступает (вперед нижней/наоборот); зубы сидят вертикально (нормально); сидят косо вперед; редкие; сидят не очень тесно (нормально); сидят очень тесно (вытесняют друг друга) – на обеих челюстях; только на верхней челюсти; только на нижней челюсти); *усы* (нет, малые, средней величины; большие; густые; редкие; черные; темно-русые; светло-русые; рыжие); *борода* (нет, малая; средней величины; большая; густая; редкая; черная; темно-русская; светло-русская; рыжая).

В таблицы, составленные по последней (второй) схеме, не вошло несколько элементов, отсутствие которых может с первого взгляда навести на мысль о неполноте той или иной группы признаков (в цвете волос на голове, например, нет белокурого или рыжего цвета, также для глаз нет некоторых цветов), такие признаки опущены автором вследствие того, что они не встречались у исследованных народностей.

Далее автор представляет список субъектов, составленный в порядке размещения их в общих (главных) таблицах, и дает к нему некоторые пояснения.

После номера субъекта стоит его имя, чаще всего (для некоторых народностей) оно инородческое, а за ним следует православное, в редких случаях – фамилия. Инородческие имена помещались в список ввиду заметного преобладания в улусе (и даже в целом районе) одного и того же православного имени. Кроме того, нередко, особенно среди женщин, наблюдалось незнание

инородцами своего православного имени, инородческое имя являлось самым надежным средством к удовлетворению в аутентичности субъекта.

За именем и фамилией следует число, обозначающее возраст, затем место исследования, обычно это улус. Как отмечает автор, мужчины практически все без исключения – уроженцы тех улусов, где он их и встречал; женщины же довольно часто были родом из других, но недалеко расположенных улусов.

Если удавалось узнать наименование костей (соёковъ) и рода бабушек субъекта, то эти данные тоже помещались в списке. Кроме того, автор отмечает все описательные признаки, которые по той или иной причине не могли найти места в цифровых таблицах. Иногда в качестве этих описательных признаков автор отражал в списке особенности, характерные для конкретного субъекта. Так, например, встречаются такие отметки: подбородок узкий или очень узкий, губы очень толстые, лицо у скулы очень широкое и т.п. Эти особенности не следует принимать как черты, исключительные для представителей данной народности: в менее резкой форме они могут встречаться и у многих других соплеменников субъекта. Автор также пытается объяснить значение слова «типичный», которым он иногда характеризует субъекта: «слово это я употребляю в том смысле, что данный субъект представляет тип, не встречавшийся мне среди других народностей, кроме той, к которой субъект принадлежит» ([Материалы по антропологии Сибири, 1905: 6](#)).

В списке также отмечаются и случаи кровного родства одного субъекта с другим. Кроме того, ввиду чрезвычайной распространенности глазных болезней, автор нашел не лишним отмечать в списке и случаи болезни глаз, хотя, как отмечает сам исследователь, это прямого отношения к его задаче не имело.

В список, о котором шла речь выше, не вошли сойоты. Автор объясняет это рядом причин: во-первых, в рамках местных условий редко удавалось узнать имя субъекта; во-вторых, не всегда отмечалось место исследования в силу того, что большинство субъектов приходилось исследовать очень далеко от места их постоянного жительства. Здесь автор отмечает, что выяснять постоянное место жительства в этом случае он и не старался, указывая на крайнюю подозрительность сойотов (имея в виду, главным образом, случаи исследования китайско-подданных сойотов, временно переходивших нашу границу; подозрительны, по мнению автора, также и сойоты, проживающие в Саянах на самой границе и избегающие зависимости от того или другого правительства). Между тем и на своей родине сойоты относились к исследователю очень недоверчиво.

Списки с именами делятся на разделы по народностям и, кроме сойотов (а внутри раздела с конкретной народностью делятся еще на два: «мужчины» и «женщины») и местами сопровождаются примерами изображений представителей исследуемой народности.

Этот список соответствует номерам субъектов, характеристики которых приведены в общих таблицах; кроме этого, числа описаны и измерены по сокращенной схеме еще 208 субъектов (№ 601–808) и все данные, относящиеся к ним, заключены в последующие таблицы «Материалов по антропологии Сибири». Место исследования для каждого из субъектов не отмечено, но его можно найти в находящемся в конце таблиц распределении субъектов по улусам.

Из числа 208 номера 94 субъектов выделены под конец под именем метисов, так как родители их принадлежат к разным народностям, что видно из соответствующих граф таблицы.

Как неоднократно подчеркивает автор, описательные признаки для сойотов отмечались по особым печатным бланкам и по схеме более обширной, чем описывались остальные народности. В завершающих таблицах в «Материалах по антропологии Сибири», отражающих описательные признаки сойотов, опущены данные относительно цвета волос и глаз и особенностей телосложения. По мнению автора, включение этих данных значительно увеличило бы масштаб таблиц и при этом без какой-либо пользы, так как глаза у всех карие, а волосы, за пятью отмеченными в таблицах исключениями, резко-черные. Что же касается телосложения и особенностей волос, то общие указания на это даны автором в статье «Сойоты» ([Русский антропологический журнал, 1901: 2](#)).

Автор также отмечает, что цифровые обозначения в таблицах для сойотов могут вызвать некоторые недопонимания, и поэтому дает пояснения: цифры в каждой графе ставились обычно, начиная с самой меньшей из всех, которые должны были попасть в графу, поэтому, например, число 141114 необходимо разделить так: 1-4-11-14; в тех случаях, когда стоят две цифры, что взяты вместе, они также представляют один признак, то, если нет скобок, их следует считать за два самостоятельных признака; взятые же в скобки, они представляют один признак; встречающийся иногда между цифрами знак – (тире) означает, что надо брать признак средний между двумя соединенными этим знаком.

«Материалы по антропологии Сибири» завершаются обширными таблицами с краниометрическими особенностями сойотов, бельтиров, койбалов, качинцев, сагаев, кизильцев и мелецких (чулымских) инородцев. Среди таких особенностей встречаются следующие: величина головы, длина лица, верхняя и нижняя ширина лица, ушной диаметр, ширина и высота носа, межглазничное пространство, скуловой диаметр и т.д.

5. Заключение

Таким образом, в работе К.И. Горощенко предприняты первые попытки сбора, обработки и структурирования этноантропологических особенностей инородческого населения Ачинского и Минусинского уездов Енисейской губернии рубежа XIX–XX вв. Труд не представляет собой глубокого анализа полученных данных, однако исследовательский материал имеет свое самостоятельное значение. Значимость собранных данных и дальнейшая их систематизация обусловлена рядом факторов: во-первых, это трудность в получении этих данных ввиду территориальной отдаленности; во-вторых, комплексность изучения (на момент совершения экспедиции и дальнейшей обработки этноантропологических материалов) инородцев уездов Енисейской губернии в рамках деятельности краевого отделения Императорского Русского географического общества; в-третьих, успешность проведенного исследования, поскольку оно проводилось на личные средства К.И. Горощенко; в-четвертых, опасность осуществления исследования – проживающие в отдаленных местностях народы не были привычны к приезжающим исследователям, ввиду чего исследование могло быть не проведено в полной мере; в-пятых, развитие и усиление исследовательского всестороннего интереса к локальной специфике губерний Российской империи.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта «Формирование модели организации и устойчивого функционирования сельского хозяйства на основе видов традиционного природопользования коренных народов севера Красноярского края в комплексе видов деятельности (оленоводство, охота, рыбная ловля, собирательство, первичная и (или) промышленная переработка» при поддержке Краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности».

Литература

- Авдеева и др., 2021 – Авдеева Ю.Н., Дегтяренко К.А., Пчелкина Д.С., Румянцев И.А., Шпак А.А. Принципы советской национальной политики 1920–1970 гг. по отношению к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока, компактно проживающим на территории Эвенкийского национального (автономного) округа // *Северные архивы и экспедиции*. 2021. 5 (3). С. 8-25.
- Агджоян и др., 2021 – Агджоян А.Т., Дамба Л.Д., Запороженко В.В. и др. К вопросу о самодийском субстрате в генофонде коренного населения Южной Сибири: филогеография Y-хромосомной гаплогруппы N-L666 // *Вестник Московского университета. Серия XXIII «Антропология»*. 2021. № 2. С. 75-86.
- Адрианов, 1888 – Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году // *Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по общ. географии*. 1888. № 9.
- Алексеев, Гохман, 1984 – Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М., 1984. 208 с.
- Аристов, 1897 – Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897.
- Базылева, 2003 – Базылева Е.А. Книгоиздание научных учреждений и вузов Сибири. Вторая пол. XIX в. – 1917 г. Новосибирск, 2003. 228 с.
- Базылева, 2008 – Базылева Е.А. Научно-издательская деятельность сибирских отделов ИРГО (фрагменты истории) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2008. № 3. С. 41-46.
- Богданова, 1978 – Богданова В.И. Некоторые вопросы формирования антропологического состава современных тувинцев // *Советская этнография*. 1978. № 6. С. 46-60.
- Волкова, 1988 – Волкова В.Н. Сибирская книга второй половины XIX в. // *Двести лет книгопечатания в Сибири*. Новосибирск, 1988. С. 58-87.
- Горощенко, 1905 – Горощенко К.И. Материалы по антропологии Сибири. Сойоты. Бельтиры. Койбалы. Качинцы. Сагаи. Кизильцы и Мелецкие (Чулымские) инородцы. Том 1. Вып. 2. Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. Красноярск, 1905. 100 с.
- Горощенко, 1901 – Горощенко К.И. Сойоты // *Русский антропологический журнал*. 1901. № 2. С. 62-73.
- Грумм-Гржимайло, 1926 – Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л., 1926. 414 с.
- Дегтяренко, 2021 – Дегтяренко К.А. Концептуальные основания этнических исследований: научное издание // *Северные архивы и экспедиции*. 2021. 5 (4). С. 8-16.
- Ивановский, 1907 – Ивановский А.А. Енисейские инородцы // *Русский антропологический журнал*. 1907. № 1–2. С. 165-223.
- Каррутерс, 1914 – Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Т. 1. Урянхайский край. Петроград, 1914. 341 с.

- Катанов, 1894** – Катанов Н.Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен Центральной и Восточной Азии. Казань, 1894.
- Ким, 1978** – Ким А.Р. Материалы к краниологии кызыльцев // *Этнокультурные явления в Западной Сибири*. Томск, 1978. С. 208-216.
- Кривоногов, 2019** – Кривоногов В.П. Изменение антропологического облика народов Сибири (по данным генеалогий) // *Северные архивы и экспедиции*. 2019. №3 (3). С. 6-19.
- Кузнецова, Кулаков, 1898** – Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и Ачинские инородцы. (Материалы для изучения). Красноярск, 1898. 296 с.
- Левин, 1954** – Левин М.Г. К антропологии Южной Сибири // *Краткие сообщения Института этнографии АН СССР*. 1954. № 20. С. 17-26.
- Ольденбург, Руденко, 1929** – Ольденбург С.Ф., Руденко С.И. Объяснительная записка к этнографической карте Сибири. Л., 1929. 104 с.
- Патканов, 1911** – Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб., 1911. 210 с.
- Пестряков и др., 2021** – Пестряков А.П., Григорьева О.М., Пеленицына Ю.В. Краниологическая дифференциация большой монголоидной расы. Часть 1. Характеристика краниосерий северных монголоидов // *Вестник антропологии*. 2021. № 2. С. 274-291.
- Силинич, 1901** – Силинич И.П. К краниологии сойот // *Русский антропологический журнал*. 1901. № 2. С. 74-79.
- Харьков и др., 2020** – Харьков В.Н., Новикова Л.М., Штыгашева О.В. и др. Генофонд хакасов и шорцев по маркерам Y-хромосомы: общие компоненты и генетическая структура родов // *Генетика*. 2020. № 7. С. 826-833.
- Хорина, 2016** – Хорина В.В. Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (КОРГО) как центр научного изучения Енисейской Губернии // *Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin)*. 2016. № 9. С. 21-28.
- Эрлих, 2005** – Эрлих В.А. Научная книга Сибири и Дальнего Востока в XVIII – начале XX века. Новосибирск, 2005. 390 с.
- Яковлев, 1900** – Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог Этнографического отдела Музея // *Описание Минусинского музея*. Вып. 4. Минусинск, 1900. 221 с.
- Ярилов, 1899** – Ярилов А.А. Мелецкие инородцы // *Былое и настоящее сибирских инородцев. Материалы для их изучения*. Вып. 2. Юрьев, 1899. 150 с.
- Ярхо, 1936** – Ярхо А.И. Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей за 10 лет (1924–1934) // *Антропологический журнал*. 1936. № 1. С. 47-64.
- Ярхо, 1947** – Ярхо А.И. Алтае-саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан, 1947. 148 с.
- Avdeeva, 2020** – Avdeeva Y.N., Degtyarenko K.A., Koptseva N.P. Compensatory Role of Symbolic Mediators in Constructing Ethnocultural Identity // *Journal of Siberian Federal University: Humanities & Social Sciences*. 2020. 13(5): 702-715.
- Amosova et al., 2019** – Amosova, M.A., Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A., ... Kolesnik, M.A., Pimenova, N.N. Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists // *Journal of Siberian Federal University - Humanities and Social Sciences*. 2019. 12(8): 1524-1551.
- Degtyarenko et al., 2022** – Degtyarenko K.A., Menzhurenko J.N., Pchelkina D.S., Shpak A.A. Ancient works of art of Central Siberia // *Journal of Siberian Federal University - Humanities and Social Sciences*. 2022. 15(6): 799-810.
- Kistova, 2016** – Kistova A., Pimenova N., Reznikova K., ... Serechkina N., Filko A. Place management: Decoding the visual image of a Siberian city // *Journal of Applied Economic Sciences*. 2016. 11(6): 1143-1155.
- Klaproth, 1823** – Klaproth J. Asia polyglotta. Paris, 1823. 445 с.
- Koptseva, 2015** – Koptseva N.P., Reznikova K.V. Three paintings by Zdzisław Beksiński: Making art possible “After Auschwitz” // *Tomsk State University Journal*. 2015. № 400. Pp. 121-133.
- Koptseva, 2019** – Koptseva N.P., Sitnikova A.A. The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries // *International Journal for the Semiotics of Law*. 2019. 32(1): 47-74.
- Pchelkina et al., 2022** – Pchelkina D.S., Pimenova N.N., Zamaraeva Y.S., Degtyarenko K.A., Timoshkin D.O. Nation-building on the territory of the Evenk and Taimyr national districts in 1920–1970: Cultural and Artistic Practices // *Journal of Siberian Federal University: Humanities and Social Sciences*. 2022. 15(10): 1465-1479.
- Zamaraeva et al., 2021** – Zamaraeva Yu.S., Sertakova E.A., Sitnikova A.A. Northern Peoples of the Russian Empire in the Materials of the Krasnoyarsk Subdivision of the East Siberian Russian Geographical Society // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 948-959.

References

- Adrianov, 1888** – *Adrianov, A.V.* (1888). Puteshestvie na Altai i za Sayany, sovershennoe v 1881 godu [Journey to the Altai and beyond the Sayans, made in 1881]. *Zap. I. Russk. Geogr. Obshch. po obshch. geografii*. 9. [in Russian]
- Agdzhoyan i dr., 2021** – *Agdzhoyan, A.T., Damba, L.D., Zaporozhchenko, V.V. i dr.* (2021). K voprosu o samodiiskom substrate v genofonde korennoogo naseleniya Yuzhnoi Sibiri: filogeografiya Y-khromosomnoi gaplogruppy N-L666 [On the Question of the Samoyedic Substratum in the Gene Pool of the Indigenous Population of Southern Siberia: Phylogeography of the Y-Chromosomal Haplogroup N-L666]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya*. 2: 75-86. [in Russian]
- Alekseev, Gokhman, 1984** – *Alekseev, V.P., Gokhman, I.I.* (1984). Antropologiya aziatskoi chasti SSSR [Anthropology of the Asian part of the USSR]. Moskva. 208 p. [in Russian]
- Amosova et al., 2019** – *Amosova, M.A., Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A., ... Kolesnik, M.A., Pimenova, N.N.* (2019). Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists. *Journal of Siberian Federal University: Humanities and Social Sciences*. 12(8): 1524-1551.
- Aristov, 1897** – *Aristov, N.A.* (1897). Zametki ob etnicheskom sostave tyurkskikh plemen i narodnostei i svedeniya ob ikh chislennosti [Notes on the ethnic composition of the Turkic tribes and nationalities and information about their numbers]. S-Peterburg. [in Russian]
- Avdeeva i dr., 2021** – *Avdeeva, Y.N., Degtyarenko, K.A., Pchelkina, D.S., Rumyantsev, I.A., Shpak, A.A.* (2021). Principy sovetskoj nacional'noj politiki 1920-1970 gg. po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka, kompaktno prozhivayushchim na territorii Evenkijskogo nacional'nogo (avtonomnogo) okruga [Principles of the Soviet national policy 1920-1970. in relation to the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East, compactly living on the territory of the Evenk National (Autonomous) District]. *Severnye arhivy i ekspedicii*. 5(3): 8-25. [in Russian]
- Avdeeva, 2020** – *Avdeeva, Y.N., Degtyarenko, K.A., Koptseva, N.P.* (2020). Compensatory Role of Symbolic Mediators in Constructing Ethnocultural Identity. *Journal of Siberian Federal University: Humanities & Social Sciences*. 13 (5): 702-715.
- Bazyleva, 2003** – *Bazyleva, E. A.* (2003). Knigoizdanie nauchnykh uchrezhdenii i vuzov Sibiri. Vtoraya pol. XIX v. – 1917 g. [Book publishing of scientific institutions and universities of Siberia. Second floor. 19th century – 1917]. Novosibirsk. 228 p. [in Russian]
- Bazyleva, 2008** – *Bazyleva, E.A.* (2008). Nauchno-izdatel'skaya deyatel'nost' sibirskikh otdelov IRGO (fragmenty istorii) [Scientific and publishing activity of the Siberian departments of the IRGS (fragments of history)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3Ж 41–46. [in Russian]
- Bogdanova, 1978** – *Bogdanova, V.I.* (1978). Nekotorye voprosy formirovaniya antropologicheskogo sostava sovremennykh tuvintsev [Some questions of the formation of the anthropological composition of modern Tuvans]. *Sovetskaya etnografiya*. 6: 46-60. [in Russian]
- Degtyarenko et al., 2022** – *Degtyarenko, K.A., Menzhurenko, J.N., Pchelkina, D.S., Shpak, A.A.* (2022). Ancient works of art of Central Siberia. *Journal of Siberian Federal University: Humanities and Social Sciences*. 15(6): 799-810.
- Degtyarenko, 2021** – *Degtyarenko, K.A.* (2021). Konceptual'nye osnovaniya etnicheskikh issledovaniy: nauchnoe izdanie [Conceptual Foundations of Ethnic Studies: Scientific Edition]. *Severnye arhivy i ekspedicii*. 5(4): 8-16. [in Russian]
- Erlikh, 2005** – *Erlikh, V.A.* (2005). Nauchnaya kniga Sibiri i Dal'nego Vostoka v XVIII – nachale XX veka [Scientific book of Siberia and the Far East in the 18th - early 20th centuries]. Novosibirsk. 390 p. [in Russian]
- Goroshchenko, 1901** – *Goroshchenko, K.I.* (1901). Soioty [Soyots]. *Russkii antropologicheskii zhurnal*. 2: 62-73. [in Russian]
- Goroshchenko, 1905** – *Goroshchenko, K.I.* (1905). Materialy po antropologii Sibiri. Sojoty. Bel'tiry. Kojbaly. Kachincy. Sagai. Kizil'cy i Melecike (Chulymskie) inorodcy [Materials on the anthropology of Siberia. Soyots. Beltiry. Coybals. Kachinty. The saga. Kiziltzy and Meletsky (Chulymsky) foreigners.]. T. 2, Vyp. 1. Zapiski Krasnoyarskogo podotdela Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Krasnoyarsk, 100 p. [in Russian]
- Grumm-Grzhimailo, 1926** – *Grumm-Grzhimailo, G.E.* (1926). Zapadnaya Mongoliya i Uryankhaiskii krai [Western Mongolia and Uryankhai region]. T. 3, Vyp. 1 Antropologicheskii i etnograficheskii ocherk etikh stran. Leningrad. 414 p. [in Russian]
- Ivanovskii, 1907** – *Ivanovskii, A.A.* (1907). Eniseiskie inorodtsy [Yenisei foreigners]. *Russkii antropologicheskii zhurnal*. 1-2: 165-223. [in Russian]
- Karruters, 1914** – *Karruters, D.* (1914). Nevedomaya Mongoliya [Unknown Mongolia]. T. 1. Uryankhaiskii krai. Petrograd. 341 p. [in Russian]
- Katanov, 1894** – *Katanov, N.F.* (1894). O pogrebal'nykh obryadakh u tyurkskikh plemen Tsentral'noi i Vostochnoi Azii [On the funeral rites of the Turkic tribes of Central and East Asia]. Kazan'. [in Russian]
- Khar'kov i dr., 2020** – *Khar'kov, V.N., Novikova, L.M., Shtygasheva, O.V. i dr.* (2020). Genofond khakasov i shortsev po markeram Y-khromosomy: obshchie komponenty i geneticheskaya struktura rodov

[Gene pool of Khakass and Shors by Y-chromosome markers: common components and genetic structure of genera]. *Genetika*. 7: 826-833. [in Russian]

Khorina, 2016 – Khorina, V.V. (2016). Krasnoyarskii podotdel Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva (KORGO) kak tsentr nauchnogo izucheniya Eniseiskoi Gubernii [Krasnoyarsk subdepartment of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society (KORGO) as a center for scientific study of the Yenisei Province]. *Vestnik TGPU*. 9: 21-28. [in Russian]

Kim, 1978 – Kim, A.R. (1978). Materialy k kranilogii kyzyl'tsev [Materials for the craniology of the Kyzyls]. *Etnokul'turnye yavleniya v Zapadnoi Sibiri*. Tomsk. Pp. 208-216. [in Russian]

Kistova, 2016 – Kistova, A., Pimenova, N., Reznikova, K., Seredkina, N., Filko, A. (2016). Place management: Decoding the visual image of a Siberian city. *Journal of Applied Economic Sciences*. 11(6): 1143-1155.

Klaproth, 1823 – Klaproth, J. (1823). *Asia polyglotta*. Paris. 445 p.

Koptseva, 2015 – Koptseva, N.P., Reznikova, K.V. (2015). Three paintings by Zdzisław Beksiński: Making art possible “After Auschwitz”. *Tomsk State University Journal*. 400: 121-133.

Koptseva, 2019 – Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A. (2019). The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries. *International Journal for the Semiotics of Law*. 32 (1): 47-74.

Krivotogov, 2019 – Krivotogov, V.P. (2019). Izmenenie antropologicheskogo oblika narodov Sibiri (po dannym genealogii) [Changes in the anthropological appearance of the peoples of Siberia (according to genealogies)]. *Severnnye arkhivy i ekspeditsii*. 3(3): 6-19. [in Russian]

Kuznetsova, Kulakov, 1898 – Kuznetsova, A.A., Kulakov, P.E. (1898). Minusinskie i Achinskie inorodtsy. (Materialy dlya izucheniya) [Minusinsk and Achinsk foreigners. (Materials for study)]. Krasnoyarsk. 296 p. [in Russian]

Levin, 1954 – Levin, M.G. (1954). K antropologii Yuzhnoi Sibiri [To the anthropology of Southern Siberia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR*. 20: 17-26. [in Russian]

Ol'denburg, Rudenko, 1929 – Ol'denburg, S.F., Rudenko, S.I. (1929). Ob'yasnitel'naya zapiska k etnograficheskoi karte Sibiri [Explanatory note to the ethnographic map of Siberia]. Leningrad. 104 p. [in Russian]

Patkanov, 1911 – Patkanov, S. (1911). O priroste inorodcheskogo naseleniya Sibiri. Statisticheskie materialy dlya osveshcheniya voprosa o vymiranií pervobytnykh plemen [On the growth of the foreign population of Siberia. Statistical materials to cover the issue of the extinction of primitive tribes]. S-Peterburg. 210 p. [in Russian]

Pchelkina et al., 2022 – Pchelkina, D.S., Pimenova, N.N., Zamaraeva, Y.S., Degtyarenko, K.A., Timoshkin, D.O. (2022). Nation-building on the territory of the Evenk and Taimyr national districts in 1920–1970: Cultural and Artistic Practices. *Journal of Siberian Federal University: Humanities and Social Sciences*. 15(10): 1465-1479.

Pestryakov i dr., 2021 – Pestryakov, A.P., Grigor'eva, O.M., Pelenitsyna, Yu.V. (2021). Kranilogicheskaya differentsiatsiya bol'shoi mongoloidnoi rasy. Chast' 1. Kharakteristika kranioserii severnykh mongoloidov [Craniological differentiation of the great Mongoloid race. Part 1. Characteristics of the cranioseria of the Northern Mongoloids]. *Vestnik antropologii*. 2: 274-291. [in Russian]

Silinich, 1901 – Silinich, I.P. (1901). K kranilogii soiot [To the craniology of the Soyot]. *Russkii antropologicheskii zhurnal*. 2: 74-79. [in Russian]

Volkova, 1988 – Volkova, V.N. (1988). Sibirskaya kniga vtoroi poloviny XIX v. [Siberian book of the second half of the 19th century]. *Dvesti let knigopechataniya v Sibiri*. Novosibirsk. Pp. 58-87. [in Russian]

Yakovlev, 1900 – Yakovlev, E.K. (1900). Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i ob'yasnitel'nyi katalog Etnograficheskogo otdela Muzeya [An ethnographic review of the non-native population of the Southern Yenisei valley and an explanatory catalog of the Ethnographic Department of the Museum]. *Opisanie Minusinskogo Muzeya*. Vyp. 4. Minusinsk. 221 p. [in Russian]

Yarilov, 1899 – Yarilov, A.A. (1899). Meletskie inorodtsy [Mielec foreigners]. *Byloe i nastoyashchee sibirskikh inorodtsev. Materialy dlya ikh izucheniya*. 2. Yur'ev. 150 p. [in Russian]

Yarkho, 1936 – Yarkho, A.I. (1936). Kratkii obzor antropologicheskogo izucheniya turetskikh narodnostei za 10 let (1924-1934) [Brief review of the anthropological study of Turkish peoples for 10 years (1924-1934)]. *Antropologicheskii zhurnal*. 1: 47-64. [in Russian]

Yarkho, 1947 – Yarkho, A.I. (1947). Altae-sayanskii tyurki. Antropologicheskii ocherk [Altai-Sayan Turks. Anthropological essay]. Abakan. 148 p. [in Russian]

Zamaraeva et al., 2021 – Zamaraeva, Yu.S., Sertakova, E.A., Sitnikova, A.A. (2021). Northern Peoples of the Russian Empire in the Materials of the Krasnoyarsk Subdivision of the East Siberian Russian Geographical Society. *Bylye Gody*. 16(2): 948-959.

Этноантропологические особенности инородческого населения Ачинского и Минусинского уездов Енисейской губернии рубежа XIX–XX вв.

Наталья Петровна Кошцева ^a, Ксения Александровна Дегтяренко ^a, Дарья Сергеевна Пчелкина ^a, Юлия Николаевна Менжуренко ^{a, *}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится источниковедческий анализ издания, входящего в состав серии «Записки Красноярского подотдела Императорского Русского географического общества по этнографии», – «Материалы по антропологии Сибири» (второй том первого выпуска, 1905 год). Автор – представитель губернского отделения ИРГО Константин Иванович Горощенко. Цель данной статьи связана с выявлением особенностей образа инородцев Енисейской губернии (сойоты, бельтиры, койбалы, качинцы, сагаи, кизильцы и мелецкие (чулымские) инородцы), представленного на страницах издания, а также с определением информационного потенциала «Материалов по антропологии Сибири» как исторического источника. Основа содержания издания – семь таблиц широкого ряда антропологических признаков разных народностей. Таблицы включают в себя антропометрический материал о проживающих в отдаленных Ачинском и Минусинском уездах Енисейской губернии народностях, а также именной список субъектов с указанием имен, мест наблюдения и некоторых особенностей субъектов, не вошедших в таблицы. Значимость изучаемого издания как исторического источника заключается в уникальности собранных данных об инородцах губернии, а также не только в сборе этноантропологической информации о них, но и первичной обработке, попытке систематизации.

Ключевые слова: Российская империя, инородцы, Русское географическое общество, Императорское Русское географическое общество, Енисейская губерния.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: yulia-avdeeva2406@mail.ru (Ю.Н. Менжуренко)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1375-1384
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1375

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Orenburg – Tashkent Railway and Its Influence on the Formation of the Polyethnic Environment of the Aktobe city at the beginning of the XX century

Gauharshakhnaz Nurlankyzy ^{a, *}, Rakhym A. Beknazarov ^a

^a K. Zhubanov Aktobe Regional University, Kazakhstan

Abstract

The article examines the construction of the Orenburg– Tashkent railway at the beginning of the XX century, as well as how it influenced on the polyethnic picture of the Aktyubinsk city (now Aktobe), its industry, trade and the development of the entire urban infrastructure. In addition, the influence of this fact on the creation of streets and districts of the city, the relationship with representatives of other nationalities, on the change of Aktobe as a multiethnic city is taken into account.

As materials there were used the documents of the State Archive of the Orenburg region (Orenburg, Russian Federation). A significant part of them was introduced into scientific circulation for the first time. Besides this, we used materials from the pre-revolutionary regional periodical press, namely the “Turgaiskaya gazeta” (“Turgay Newspaper”).

In conclusion, the author states that the Orenburg–Tashkent railway turned Aktyubinsk into a major railway junction, and transformed Aktobe County into a regional trade center. From Aktyubinsk county, several railway stations and commercial and industrial settlements began to be built. Fair trade played an important role in the development of economic ties of nomadic Kazakhs with the border region and the settled population of the region. At the same time, merchants created a wide network of trading posts in the Kazakh steppe.

Keywords: Orenburg – Tashkent, Aktobe, railway station, trade, infrastructure, polyethnic, street, station, hospital.

1. Введение

Железная дорога Оренбург – Ташкент была построена в 1901–1905 годах и передана в эксплуатацию. Общая протяженность составляет 2 090 км, в том числе часть дороги, проходящей по казахской территории, – 1 660 км. Строительство железной дороги Оренбург – Ташкент было начато на основании Указа императора Николая II от 21 апреля 1901 года (Антипин, Левашев, 1903: 400). Главной целью русского правительства при строительстве этой железной дороги было стремление победить в конкуренции с Англией за Среднюю Азию, перевозить дешевое сырье из регионов в Россию и создать прямой путь в Туркестанскую область. Железная дорога была разделена на две части: южную и северную.

Строительство началось 10 мая 1901 г. со стороны Оренбурга, а 9 ноября – со стороны Ташкента. В общей сложности на строительные нужды было потрачено около 70 млн руб., а уже 1 января 1904 г. началось временное движение поездов по всей железной дороге Оренбург – Ташкент (Аксенов, 1958: 20).

* Corresponding author

E-mail addresses: gaukharshahnaz@mail.ru (G. Nurlankyzy)

2. Материалы и методы

В качестве материалов в работе были использованы документы Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация). Значительная их часть была впервые введена в научный оборот. Помимо этого, нами были использованы материалы дореволюционной региональной периодической печати, а именно «Тургайской газеты».

Методологическую основу работы составляют принципы исторической и научной объективности. Кроме общенаучных методов индукции и дедукции, анализа и синтеза, сравнительного и описательного, использовались специфические методы исторического познания: хронологический, систематически-структурный, статистический – они также позволили нам решить некоторые задачи исследования. Традиционное внимание уделено хронологическому методу, благодаря которому удалось рассмотреть строительство железной дороги в исторической последовательности, а также выявить механизмы влияния железной дороги на развитие железнодорожной станции Актюбинск.

3. Обсуждение

Историографию нашего исследования мы хотели бы разделить на две группы: посвященную железнодорожному строительству и относящуюся к развитию города Актюбинска.

Историография, посвященная железнодорожному строительству. В дореволюционный период вопросами строительства железной дороги Оренбург – Ташкент и ее влияния на экономику Центральной Азии занимались Н.П. Верховский ([Верховский, 1910](#)), В.Н. Антипин и Н.Н. Левашев ([Антипин, Левашев, 1903](#)). При этом В.Н. Антипин и Н.Н. Левашев фокусируются на первых законодательных инициативах российского правительства относительно строительства Оренбургско-Ташкентской железной дороги ([Антипин, Левашев, 1903: 386](#)).

В советской историографии строительство железной дороги Оренбург – Ташкент рассматривалось в контексте интеграции азиатских территорий в состав Российской империи. При этом значительное внимание уделялось рабочему классу (железнодорожникам), развитию экономических отношений и роли в этом железной дороги ([Соловьева, 1975; Суворов, 1962; Ахмеджанова, 1984; Асылбеков, 1968](#)). Традиционное внимание уделялось революционным и предреволюционным событиям 1905 г. и влиянию рабочих-железнодорожников на революционную ситуацию в регионе ([Дилмухамедов, Маликов, 1963; Асылбеков, 1965; Асылбеков, 1973; Browser, 1990; Reichman, 1987; Sahadeo, 2007](#)). Развитие сети железных дорог в Российской империи не могло не оказывать существенное влияние и на сопутствующую индустрию: развивалось локомотиво- и вагоностроение, производство рельсов и другого оборудования. Это позволяло динамично развивать систему начального образования и систему здравоохранения ([Калиев, 1997](#)).

Историография, относящаяся к развитию города Актюбинска. Как известно, Актюбинск был основан в 1869 г. и за это время ему было посвящено значительное количество работ.

Статистические материалы об Актюбинске начинают публиковаться еще в XIX веке. Так, одним из наиболее ранних трудов, в котором были опубликованы статистические сведения об Актюбинске, был «Обзор Тургайской области» ([Обзор..., 1885](#)). Позднее сведения о городе публиковались в «Памятной книге Тургайской области» ([Памятная книга..., 1899](#)).

Среди таких работ нужно назвать сборники, посвященные 140-летию и 150-летию города. Например, пополняются ряды трудов, посвященных 140-летию и 150-летию деятельности ([Тажигаев, 1999; Султангалиева, 2005](#)).

Сведения о послевоенном периоде Актюбинска, касающиеся общественной, культурной жизни города, можно встретить в фундаментальном труде историка, профессора Г.С. Султангалиевой и Г.И. Кобеновой ([История Актюбинской области, 2006](#)). В нем последовательно исследуются различные события жизнедеятельности Актюбинска с момента его образования в виде крепости. Также здесь содержатся сведения о железнодорожной сети, которая внесла положительные изменения в историю города, об инфраструктуре, повлиявшей на строительство города и т. д.

Кроме того, стоит упомянуть работы исследователей-краеведов, написанные об Актюбинске, ставшем полиэтничным городом. Г.Б. Избасарова привела данные о том, как железная дорога Оренбург – Ташкент повлияла на казахское общество в Торгайской области. Говорится, что она привела к строительству новых отраслей производства и крепостей ([Избасарова, 2011](#)).

Со дня сооружения Актюбинской крепости в истории города, кроме сети железных дорог, большую долю занимают и другие строительные объекты. Например, в городе было начато строительство мечети. В 1885 г. начальником Актюбинского уезда был Сунгуров, который получил разрешение от генерал-губернатора Оренбурга на ее строительство. Но из-за отсутствия средств строительство мечети не было начато. После Сунгурова округом правил султан Сейдалин. При нем вновь поднимался вопрос о строительстве мечети. Согласно данным, на 1 января 1900 года деньги в фонд мечети внесли 500 человек ([Нурланкызы, 2021](#)). Первоначальное строительство мечети началось в 1901 году и закончилось через 2 года. Комплекс мечети, кроме основного здания, состоял из медресе, гостиницы, конюшни и дома священнослужителей. Говорят, что конструкция этой мечети была разобрана для строительных нужд во время Великой Отечественной войны. В работе Ф. Тарасенко

«Город. Годы. Люди. Жизнь» написано, что фундамент мечети в восточной части Актюбинска был заложен в 1901 г. Но, несмотря на завершение проекта будущей мечети, по материальным причинам и из-за неурожая строительство было временно приостановлено. Согласно данным, мечеть построена в 1903 году, первый намаз здесь был прочитан в 1904 г. (Тарасенко, 2006: 127).

4. Результаты

Железная дорога Оренбург – Ташкент способствовала поднятию на новый индустриальный уровень полиэтнического города Актюбинска. Его статус начал меняться в уездный период, возросло количество населения, оно стало приспосабливаться к новым рабочим местам. Таким образом, данная железнодорожная сеть стала первой международной железнодорожной магистралью, которая пролегла по современной территории Казахстана.

Первые попытки обсуждения строительства железной дороги в Центральной Азии рассматривались еще в 1870-е гг. (ГАОО. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 338. Л. 4).

С момента основания Актюбинская крепость приобрела значение важного экономического пункта: во-первых, она располагалась вдоль железной дороги; во-вторых, благодаря близости к Оренбургу, это место было выгодно для торговых отношений с русскими; в-третьих, русским представителям (купцам и торговцам) было удобно обменивать свои мелкие товары и продукты на казахский скот и корм для скота. Иначе говоря, было выбрано оптимальное место для торгового центра, где также особое место занимал обмен российского зерна на азиатский хлопок (ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 87. Л. 11-16).

Таким образом, российские купцы начали использовать новый вид торговли – ярмарочную торговлю. Со временем в городе Актюбинске открылись 33 трактира, 14 швейных мастерских, 25 магазинов. Однако из-за отсутствия развитых путей сообщения развитие производительных сил в регионе тормозилось. Поэтому правительство России приняло решение о строительстве железных дорог в Центральной Азии (История Актюбинской области, 2006: 180).

Строительство железной дороги проводилось с Оренбурга до Ташкента, через Илек, Актюбинск, Казалинск, Перовск, Туркестан. Железная дорога, проведенная через Актюбинск, повлияла на увеличение числа жителей города. Были введены в эксплуатацию первые промышленные объекты – «железнодорожные мастерские». В 1903 г. было образовано Актюбинское паровозное депо, в 1905 г. население города увеличилось и достигло 8,5 тыс. человек (Асылбеков, Жаркенова, 2001: 8-9): этому демографическому росту способствовали рабочие, прибывшие на строительство железной дороги.

Например, в первое время Актюбинск входил в состав пяти крупных станций, что имело эффективные и полезные стороны. Главным образом, строительство железной дороги сформировало первые рабочие кадры Казахстана. Кроме этого, обедневшие казахские крестьяне – «жатаки» – нанимались на строительство железной дороги для пропитания и зарабатывали себе на жизнь. Но они в основном нанимались на сдельную, временную или черную работу. Казахские крестьяне, нанятые на строительство железной дороги, начинали постепенно переходить от кочевой жизни к оседлой. Постепенно они освоились, большинство из них постоянно работало на этой железной дороге. Они первыми в Казахстане объявили забастовку, в ходе которой выставили свои требования о необходимости перейти на 8-часовой рабочий день. Как было указано выше, негативные тенденции были побудительной причиной.

Вместе с запуском железной дороги Оренбург – Ташкент изменился и облик экономического развития региона. Если раньше развивалось в основном традиционное хозяйство, то после строительства железной дороги стало интенсивно развиваться преимущественно сырьевое хозяйство.

В городе Актюбинске с железнодорожной магистралью начали открываться несколько строительных производств и культурных очагов. Например, паровозное депо, строительство мечети, отделения ярмарки, образовательные учреждения, специальные училища по подготовке специалистов, уличные районы. Имеется история каждой улицы города Актюбе, основанием которой является исследование отечественных историков Г.С. Султангалиевой и Г.И. Кобеновой «Улицы города Актюбе: история и современность» (Султангалиева, Кобенова, 2007: 3).

Станция Актюбинск была построена в 1905 г. и превратилась в густонаселенную часть города. Первая в городе гостиница называлась «Россия» (Султангалиева, Кобенова, 2007: 5). Через год после открытия железнодорожного вокзала, в 1906 году, город начал мощение улиц камнем и бетоном. На улицах появилось первое освещение – 10 простых свечей с восковыми свечами, затем их заменили керосиновыми. Жизнь города начала меняться, одним из важных факторов стала Актюбинская ярмарка, которая проводилась три раза в год, что способствовало возрастанию роли торговой отрасли, где встречалась продукция как российской промышленности, так и Средней Азии. В городе увеличивается количество частных лавок и магазинов, посредников, получающих выгоду с обеих сторон (Султангалиева, Кобенова, 2007: 11).

Строительство железной дороги в Казахстане значительно изменило социально-экономическую жизнь страны. В районах, близко расположенных к железнодорожным путям, были хорошо развиты зерновые и хлопчатники, сенокосы, рыболовство и производство соли. Например, в северных районах Торгайской области в 1885 г. было засеяно в среднем 69 тыс. десятин земли,

а в 1900 г. ее объем достигал 182,4 тыс. десятин, увеличился показатель сбора урожая, большая часть была экспортирована в Россию (Асылбеков, 1965: 182).

Железная дорога Оренбург – Ташкент была построена в 1901–1905 гг. и передана в эксплуатацию. Общая протяженность ее составляла 2 090 км, в том числе часть дороги, проходящая по казахской территории, – 1 660 км. Строительство этой железной дороги было начато на основании Указа императора Николая II от 21 апреля 1901 г. (Бекназаров, Нурланкызы, 2021: 150).

Главной целью русского правительства при строительстве железной дороги Оренбург – Ташкент было стремление составить серьезную конкуренцию Англии в Средней Азии путем перевозки сырья из Центральной Азии в Россию и обратно. Вся сеть строящейся дороги была административно разделена на две части (Верховский, 1910: 14).

Забегая вперед, скажем, что уже 20 августа 1902 г. в Актюбинск прибывает первый железнодорожный состав с рабочими, а с 1 января 1904 г. по всей железной дороге Оренбург – Ташкент было открыто движение временных поездов (Верховский, 1910: 1-10).

Строительство железной дороги началось ранней весной 1901 года, этот процесс состоял из двух частей. Протяженность северной части с Оренбурга до Казалинска была 946 километров, и протяженность южной части с Ташкента до Казалинска – 790 километров. В строительстве железной дороги участвовало до 30 тысяч человек. Что касается этнического состава, то в нем принимали участие русские крестьяне, бедные казахские крестьяне – жатаки, каракалпаки, узбеки, персы, афганцы, татары и представители других национальностей. Большинство строителей составляли казахи. Их количество в период строительства (1903–1904 гг.) достигало 10–12 тысяч и составило 30–40 % от общего количества. Газеты писали, что в некоторых местах в строительных работах задействованы представители местного населения (Асылбеков, 1968: 117). В январе 1904 г. на участке Оренбург – Казалинск, а 1 апреля 1906 г. – по всей магистрали началось движение грузовых и пассажирских поездов. Строительство полностью завершилось в 1906 году. Общая протяженность составила 1 736 верст, в том числе по территории современного Казахстана – 1 600 верст (Асылбеков, 1968: 89).

С запуском железной дороги Оренбург – Ташкент была создана крупная уникальная система сообщения, включавшая в себя Среднеазиатскую и Закавказскую железные дороги. В этих регионах усилилась позиция царской России. С Петербурга в Кущу и Красноводск были налажены прямые военные, пассажирские и грузовые перевозки. Была поставлена преграда британскому империализму, целью которого было сделать Среднюю Азию своей колонией. Железная дорога Оренбург – Ташкент, изначально построенная для военных и стратегических целей, выполнив свою основную задачу, постепенно стала превращаться в средство преумножения капитала русских капиталистов.

Таким образом, в результате были сформированы железнодорожные станции, что привело к положительным изменениям в г. Актюбинске: начал меняться состав города, что в свою очередь оказало влияние на демографическое и языковое состояние населения. Таким образом, этот период стал толчком в становлении Актюбинска как полиэтнического города.

Строительство Оренбургской железной дороги дало определенный импульс к изменениям в экономике и торговле. Железная дорога Оренбург – Ташкент превратила Актюбинск в крупный железнодорожный узел, а Актюбинский уезд – в региональный торговый центр. В развитии экономических отношений между кочевыми казахами и оседлыми жителями приграничья ярмарочная торговля сыграла важную роль. Торговцы создали в казахских степях широкую сеть торговых пунктов, по которым скот и продукты животноводства отправлялись в центральные районы Российской империи на скотоводческие пункты. Преимущество татарских купцов по сравнению с русскими в Казахстанском крае было связано с хорошим знанием языка, местной конъюнктуры, наличием традиционных социальных и деловых связей, постоянной клиентуры из числа религиозных людей.

В этот период произошли изменения и в культурной жизни города. Если до строительства железной дороги в нем были двухклассные учебные заведения, то после завершения ее строительства в связи с увеличением населения города возникла необходимость в наличии других. И первым высшим учебным заведением в городе стало открытое в 1907 г. 4-классное училище. Здесь вместе с мальчиками обучались и девочки. При училище были открыты двухгодичные педагогические курсы. Здесь должны были обучать учителей начальных классов. В 1905–1912 гг. в городе были открыты железнодорожное училище, двухгодичные педагогические курсы, женская гимназия, мужская семинария. Из-за политики царя по русификации численность казахов была невелика. Другим показателем культурной среды стала библиотека, начавшая свою работу в начале XX века (История Актюбинской области, 2006: 237), что способствовало обеспечению населения книгами.

Железная дорога Оренбург – Ташкент привела к изменениям в жизни станции. С ее строительством возникла острая необходимость в аптеках и лекарственных препаратах. В Актюбинске в это время открылась аптека Ливица (Султангалиева, Кобеннова, 2007: 11).

Жизнь привлеченных к работе строителей в то время была очень трудной. В этот период был рассмотрен вопрос об организации сети по оказанию медицинской помощи вдоль магистрали, в связи

с чем на каждой станции началось открытие железнодорожных больниц и санитарно-приемных отделений ([Қазақстан теміржолдары медицинасының тарихы, 2006: 60](#)).

В 1907 г. в городе Актюбинске было 4 медицинских работника: врач, фельдшер, акушерка и фармацевт. Данный показатель свидетельствует об остром дефиците людей, оказывающих медицинские услуги. В Актюбинске было открыто отделение по оказанию медицинской помощи на 10 коек ([Қазақстан теміржолдары медицинасының тарихы, 2006: 15-20](#)).

В связи с открытием железной дороги начал меняться традиционный уклад жизни казахов города Актюбинска: внедрение товарно-денежных отношений в казахское хозяйство и начало распада натурального хозяйства привели к увеличению количества людей, выезжающих за границу в поисках работы, и наемной рабочей силы. Так как была нехватка специалистов железнодорожной магистрали, царское правительство со своей стороны было намерено отправить группу специалистов на станцию. Некоторые из них считали местность неудобной для проживания и не хотели переселяться далеко, поэтому в связи с острой нехваткой специалистов и усилением роста безработицы на каждую станцию начали принимать людей на «черную» работу.

Население, проживавшее в домах на станциях и разъездах вдоль железных дорог, нанималось в качестве рабочих. Из этого следует, что количество населения быстро возросло: в 1906 г. вдоль железной дороги Оренбург – Ташкент проживало 40 846 человек, в 1913 г. – уже 58 тысяч. Следует отметить, что железнодорожные станции, появившиеся в казахских степях, превратили регион в новый экономический, политический и культурный центр и стали в то время густонаселенным местом. Количество людей на крупных станциях достигало нескольких тысяч человек. Например, в 1916 г. на станциях проживали: Оренбург – 9 720 человек, Актюбинск – 3 163, Шалкар – 5 300, Казалинск – 3 600, Перовск – 1 852, Туркестан – 2 984 ([Асылбеков, 1965: 69](#)).

В начале XX века возрастало и количество строительных рабочих, особенно при строительстве железной дороги Оренбург – Ташкент (1901–1906 гг.). Если осенью 1901 года на строительстве железной дороги работало 4 тыс. человек, в мае–июне 1902 г. – более 17 тыс., в 1902–1904 годах – около 30 тыс. человек ([Асылбеков, 1965: 73](#)).

В это время на станцию города Актюбинск начала прибывать группа простых рабочих и состав населения стал существенно меняться.

В 1901 г. после начала строительства железной дороги, после того, как пятый пункт был утвержден территорией Актюбинского уезда, Степной край сразу стал претерпевать новые изменения, как будто наступил новый период в жизни кочевого общества и русских поселенцев. С приходом железной дороги цены увеличились: дворовых мест – в 10 раз, а магазинов (лавки) во дворе гостиницы – с 24 до 75 рублей. Железнодорожная станция в городе по своему расположению принадлежала главе Актюбинского уезда. Улица от железнодорожного вокзала до рынка называлась Инженерной, так как это был район проживания железнодорожных строителей и рабочих ([Султангалиева, Кобенова, 2007: 14](#)).

В первое время на строительство железной дороги в Актюбинск прибыли специалисты из Москвы, которые образовали новый жилой район под названием «Москва» ([Избасарова, 2019](#)). Появилась улица Кладбищенская ([Султангалиева, Кобенова, 2007: 13](#)).

С прибытием большого количества железнодорожников из Москвы произошли некоторые изменения и в этнической среде казахов, проживавших вдоль железной дороги (на станциях Шубар, Шалкар, Сексеуил), для обозначения родственных связей появились жаргонизмы «махан» и «пахан» ([Избасарова, 2011: 72](#)).

С каждым годом состав и численность населения стали расти, и Актюбинск превратился в уездный город.

До этого в городе был район «Татарка» (Оторвановка, Татарская слободка). Первыми переселенцами на этом месте были татары, район занимал верхнюю часть города. Вся основная торговля была сосредоточена в нем. В районе Оторвановки появились улицы Астраханская, Новочеркасская, Кубанская, созданные переселенцами из различных регионов Южной Украины, России, а также донскими и кубанскими казаками ([Султангалиева, Кобенова, 2007: 6](#)).

Большинство улиц Актюбе были покрыты песчаным грунтом. Привокзальная площадь города и район Оторвановка были расположены на солончаковой почве, эти места в весенне-осенний и дождливый периоды превращались в непролазную полосу препятствий. Названия улиц в Актюбе менялись несколько раз, но есть и такие, которые сохранили свое название до настоящего времени ([Султангалиева, Кобенова, 2007: 9](#)).

Таким образом, с введением в эксплуатацию Ташкентской железной дороги началось увеличение доходов города. Если в 1896 г. приход в городской бюджет составлял 10 288 рублей, в 1903 г. он повысился в 2,5 раза и составил 28 631 рублей. С этого периода началось плановое увеличение городского бюджета, который в 1914 г. составил 86 тыс. рублей. В связи с увеличением денежных поступлений возросли и расходы на строительство городских зданий. Это особенно стало заметным через сорок лет после образования города Актюбинска с началом деятельности городской общественной управы. Ее председателем был В. Мощенский, который отметил, что создание городской управы является «показателем гражданской зрелости города» ([Тарасенко, 2006: 248](#)).

Городская управа разработала план благоустройства Актюбинска. Во-первых, требовалось строительство подъездных путей к железнодорожной магистрали и моста через Илек. Дорога протянулась от реки Илек до городской ярмарки. 13 июня 1910 года состоялось открытие моста со шпалабаумами через реку Илек по направлению трассы Актюбинск – Орск, где было сосредоточено основное движение города и уезда. Строительство моста дало новый импульс их экономическому развитию. Кроме того, возле привокзальной площади города была построена каменно-бетонная трасса, во дворе гостиницы появились магазины (Тарасенко, 2006: 118).

Казахи, имеющие вьючных животных, а именно верблюдов, начали заниматься промысловыми перевозками. Они осуществляли перевозку с соляной крепости Илецк до Оренбурга, Троицка и Самары. В газете «Оренбургский край» опубликовано, что для перевозки грузов прибыли казахи со 150 верблюдами. В 1892 году для перевозки соли летом провозная плата составляла 6-7 тиынов, осенью достигала 12 тиынов за один фунт (Оренбургский край, 1893: 4). Последствия новых форм землевладения и землепользования привели к постепенному развитию оседлости и земледелия среди казахских родов. В Актюбинске и Актюбинском уезде существовало сельское хозяйство с мукомольными мельницами. Корреспондент «Тургайской газеты» писал, что «...одна из важнейших потребностей населения – нехватка мукомольных мельниц обратила на себя внимание и за один год их число удвоилось (в городе Актобе – Г.И.)» (Тургайская газета, 1896: 4).

Одна из крупных станций железной дороги Оренбург – Ташкент – Челкар. Расположенная на юге города Актюбинска, она превратилась в крупную железнодорожную станцию. Судьба ее похожа на судьбу других станций, находившихся на торговом пути, соединявшем Среднюю Азию и Россию через старый Оренбург, и их географические и экономические условия были похожи, а вдоль железнодорожных путей преобладало казахское население. Челкар появился как торгово-промышленный пункт на Ташкентской железной дороге. 29 июля 1905 г. состоялось освящение храма в Челкаре, где приняли участие епископ Оренбургский и Уральский, преосвященнейший Иоаким, оренбургский генерал-губернатор Я. Барабаш (Казахстан. Национальная энциклопедия. 2004: 209). В 1908 г. в Челкаре проживало 2 000 жителей, и к этому времени поселение уже имело свою инфраструктуру. В 1909 г. открылась аптека, заведовала которой Яковлева (Тургайская газета, 1905). В Челкаре функционировало 2-классное русско-киргизское училище, где обучалось 60 учащихся. Его директором был Г. Сыров (Кастанье, 1909: 58).

Вместе с железнодорожной магистралью были построены паровозное депо, железнодорожный вокзал, двухэтажная начальная школа. В то время на небольших станциях, где проходило это железнодорожное направление, стало произноситься выражение «московское» время. Например, на станции Челкар следили за железнодорожными путями, сверяя с «московским» временем. До сих пор местные жители города Шалкар ориентируются как по местному, так и по «московскому» времени (Шалкар энциклопедиясы, 2009: 315). Челкарское паровозное депо (Локомотив) было введено в эксплуатацию в 1905 г. Первые паровозы серии «ОВ», «Ш», «ЭМ», далее паровозы серии «СО», «ОС» проезжали через станцию Челкар, ездили до 1940-х годов. В 1906 г. в депо работали 159 человек, в 1911 г. их количество возросло до 600. Первоначальный состав работников депо состоял из представителей русской национальности. Его рабочие также столкнулись с движением русской революции. Эхо революции в России начала XX века оказало значительное влияние на население Челкара. 17 октября 1905 г. в Челкаре прошла политическая демонстрация. 16 ноября ко Всероссийской забастовке присоединились почтовые служащие и телеграфисты Челкара. Среди рабочих депо был сформирован новый взгляд: они начали стремиться к освоению не одной, а нескольких профессий, так как был дефицит знаний, большинство рабочих были неграмотным (Кастанье, 1909: 58). Поэтому в Челкарском паровозном депо было организовано открытие рабочего факультета. Для железнодорожников начали строиться жилые дома. Эта железнодорожная магистраль в военное время считалась вторым фронтом в военных условиях. Училище локомотивного и вагонного депо готовило кузнецов, помощников машиниста, ремонтников паровоза и токарей (Обзор Тургайской области, 1885: 17).

Стоит отметить, что, согласно краткому отчету медико-санитарного отделения Ташкентской железной дороги за 1913 год, Челкарская железнодорожная больница на 35 коек была построена в 1905–1907 годах. Причиной этого является появление среди рабочих таких инфекционных заболеваний, как холера (малярия) (Казакстан теміржолдары медицинасының тарихы, 2006: 84).

В густонаселенных железнодорожниками местах, на крупных и средних станциях, начали свою деятельность мастерские и депо. В 1906 г. на железной дороге Оренбург – Ташкент работали 14 693 рабочих и в мастерских и депо – 4 071 человек, в конце 1906 г. в основных мастерских станции Оренбург работали 741 человек, в участковых мастерских станциях: в Оренбурге – 317, в Актюбинске – 151, в Челкаре – 159, в Казалинске – 151, в Перовске – 159, в Туркестане – 168 человек. Кроме того, на этих станциях были сосредоточены многие депо. На одной только железной дороге Оренбург – Ташкент в 1906 г. количество рабочих депо достигло 1 979 человек. Также в городе оборудуется почтово-телеграфная сеть: в 1914 г. были установлены первые два почтовых ящика – в городской управе и во дворе гостиницы (Асылбеков, 1965: 65).

В целом нужно отметить, что железнодорожная магистраль привнесла положительные изменения в развитие города. Железная дорога Оренбург – Ташкент стала началом формирования Актобе как полиэтничного города. Помимо русских переселенцев, в городе стали появляться и представители других национальностей, что, в свою очередь, оказало положительный эффект на демографическую ситуацию в городе.

5. Заключение

Завершая данное исследование, хочется отметить, что железная дорога Оренбург – Ташкент превратила Актюбинск в крупный железнодорожный узел, а Актюбинский уезд преобразовался в региональный центр торговли. От Актюбинского уезда далее начали строиться несколько железнодорожных станций и торгово-промышленных поселений. Ярмарочная торговля сыграла важную роль в развитии экономических связей кочевых казахов с приграничьем и оседлым населением края. В то же время купечество создало широкую сеть торговых пунктов в Казахской степи.

6. Благодарности

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ГФ № АР09259029 «Исторические личности Великой степи XVIII – 30-гг. XX вв. (на материалах Западного Казахстана)» (руководитель проекта Г.Б. Избасарова).

Литература

- [Аксенов, 1958](#) – Аксенов А.В. Строительство Оренбургско-Ташкентской железной дороги (1901–1905 гг.) // *Ученые записки Оренбургского гос. пед. инс-та*. Оренбург, 1958. Вып. 13. С. 20.
- [Антипин, Левашев, 1903](#) – Антипин В.Н., Левашев Н.Н. Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге: с историческим очерком сооружения и эксплуатации Закаспийской железной дороги и очерком сооружения Оренбург-Ташкентской железной дороги. СПб.: В. Березовский, 1903. С. 400.
- [Асылбеков, 1965](#) – Асылбеков М.Х. Железнодорожники Казахстана в первой русской революции (1905–1907 гг.). Алма-Ата, 1965.
- [Асылбеков, 1968](#) – Асылбеков М.Х. Развитие сети железной дороги Казахстана в конце XIX – начале XX веков // Казахстан в канун Октябрьской революции. Алма-Ата, 1968.
- [Асылбеков, Жаркенова, 2001](#) – Асылбеков М.Х., Жаркенова А.М. Население Казахстана (1897–1917). Алма-Ата: Оркениет, 2001.
- [Ахмеджанов, 1984](#) – Ахмеджанов З.К. Железнодорожное строительство в Средней Азии. Ташкент, 1984.
- [Бекназаров, Нурланкызы, 2021](#) – Бекназаров Р.А., Нурланкызы Г. Историографический обзор истории города Актобе. Алматы, 2021.
- [Верховский, 1910](#) – Верховский Н.П. Туркестан в районе Ташкентской железной дороги и грузы этой дороги. СПб. 1-15 с.
- ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.
- [Горюнов, 2008](#) – Горюнов Ю.А. Оренбург-Ташкентская железная дорога как один из факторов развития промышленности в Оренбургской губернии и Туркестане в начале XX века // *Аспирант, или Молодое поколение ученых о. : науч.-практ. альм/ред. кол.: А.Г. Иванова и др.* Оренбург. 55-58 с.
- [Дильмухамедов, Маликов, 1963](#) – Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Очерки истории рабочего класса дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1963.
- [Добросмыслов, 1898](#) – Добросмыслов А.С. Торговля в Тургайской области. Оренбург, 1898.
- [Избасарова, 2011](#) – Избасарова Г.Б. Оренбургско-Ташкентская железная дорога и хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв. Aral-Caspian region in the history and culture of Eurasia. II-d International Scientific Conference to the 20th Anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan. Aktobe, 2011.
- [Исингарин, 2011](#) – Исингарин Н.К. История железных дорог Казахстана. Алматы: Экономтрансконсалтинг. 768 с.
- [История Актобе в документах, 2009](#) – История Актобе в документах (20–40-е годы XX в.). Актобе, 2009.
- [История Актюбинской области, 2006](#) – История Актюбинской области. Актобе: Областной центр истории, этнографии и археологии. Актобе, 280 с.
- [История медицины..., 2006](#) – История медицины железных дорог Казахстана. I Т. Алматы, 2006.
- [Казахстан. Национальная энциклопедия, 2004](#) – Казахстан. Национальная энциклопедия. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2004.
- [Калиев, 1997](#) – Калиев Е.Ж. Вековая деятельность железнодорожного транспорта Казахстана. Алматы: РГП “Казахстан Теміржолы”, 1997.
- [Кастанье, 1909](#) – Кастанье А. Поездка по Тургайской и Сырдарьинской областям вдоль Ташкентской ж/д 1906–1909. Оренбург, 1909.

- Нурланкызы, 2021** – *Нурланкызы Г.* История центральной мечети г. Актобе // *Интернаука*. № 17 (193) май, 2021 г. Часть 4. Москва, 2021. РФ. 22-24 с.
- Обзор..., 1885** – Обзор Тургайской области за 1894 г. Оренбург, 1885.
- Оренбургский край, 1893** – *Оренбургский край*. № 7. 4 с.
- Памятная книга..., 1899** – Памятная книга Тургайской области. Оренбург, 1899.
- Суворов, 1962** – *Суворов А.В.* Историко-экономический очерк развития Туркестана. Ташкент, 1962.
- Суворов, 1965** – *Суворов А.В.* Железнодорожный транспорт Туркестанского края в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). Ташкент, 72 с.
- Султангалиева, 2005** – *Султангалиева Г.С.* История Актюбинского уезда (1869–1917) / Учебное пособие. Актобе, 264 с.
- Султангалиева, Кобенова, 2007** – *Султангалиева Г.С., Кобенова Г.И.* Улицы города Актобе: история и современность. Актобе, 2007. 160 с.
- Тажибаяв, 1999** – *Тажибаяв М.К.* Актобе облысының тарихы (1864-1991). Актобе., 80 б.
- Тарасенко, 2006** – *Тарасенко Ф.Н.* Город. Годы. Люди. Жизнь. Актобе. 248 с.
- Тогаева, 2010** – *Тогаева З.А.* Железная дорога Ташкент – Оренбург и ее место в социально-экономической жизни Туркестана. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук., 14 с.
- Тургайская газета, 1896** – *Тургайская газета*, № 90. 4 с.
- Тургайская газета, 1901a** – *Тургайская газета*, 1901. № 22.
- Тургайская газета, 1901b** – *Тургайская газета*, 1901. № 27.
- Тургайская газета, 1905** – *Тургайская газета*, 31 июля 1905 г. № 31.
- Тургайская газета, 1909** – *Тургайская газета*, 1 июля 1909 г. № 15.
- Черников, 1960** – *Черников К.С.* Актюбинск в прошлом и настоящем. Актюбинск, 1960.
- Шалкар энциклопедия, 2009** – Шалкар энциклопедия. Шалкар, 2009. 337 с.
- Brower, 1990** – *Brower D.R.* The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900. Berkley, 1990.
- Izbassarova, 2019** – *Izbassarova, G.B.* (2019). Orenburg-Tashkent Railway and the Kazakh Society at the turn of the XIX–XX centuries (on the example of the Turgai region). *Bylye Gody*. 54(4): 1647-1655.
- Morrison, 2008** – *Morrison A.* Russian Rule in Samarkand 1868-1910: A Comparison with British India. Oxford and New York: Oxford University Press, 395 p.
- Reichman, 1987** – *Reichman, H.* (1987). Railway men and Revolution. Russia 1905. Berkley.
- Sahadeo, 2007** – *Sahadeo, J.* (2007). Russian colonial society in Tashkent, 1865-1923. Indianapolis: Indianauniv. press, 336 p.

References

- Antipin, Levashev, 1903** – *Antipin, V.N., Levashev, N.N.* (1903). Putevoditel' po Turkestanu i Sredneaziatskoy jeleznoy dorogi: s istoricheskim ocherkom sooruzheniya i ekspluatatsii Zakaspiyskoy jeleznoy dorogi: s istoricheskim ocherkom sooruzheniya Orenburg-Tashkentskoy jeleznoy dorogi. [Guide to Turkestan and the Central Asian railway: with a historical sketch of the construction and operation of the Transcaspian railway and an outline of the construction of the Orenburg-Tashkent railway]. SPb.: V. Berezovskiy. P. 400. [in Russian]
- Aksenov, 1958** – *Aksenov, A.V.* (1958). Stroitel'stva Orenburgsko-Tashkentskoy jeleznoy dorogi (1901–1905 gg.) [Construction of the Orenburg-Tashkent railway (1901–1905)]. Uchenie zapiski Orenburgskogo gos. ped. ins-ta. Orenburg. Vyp. 13. P. 20. [in Russian]
- Asylbekov, 1965** – *Asylbekov, M.H.* (1965). Zheleznodorozhniki Kazahstana v pervoy russkoy revoliucii (1905–1907 gg.) [Kazakhstan railway workers in the first Russian revolution (1905–1907 years)]. Alma-Ata. [in Russian]
- Asylbekov, 1968** – *Asylbekov, M.H.* (1968). Razvitie seti zheleznoy dorogi Kazahstana v konce XIX – nachale XX veka [The development of the railway network of Kazakhstan in the late XIX – early XX centuries]. Kazahstan v kanun Oktyabr'skoi revoliucii. Alma-Ata. [in Russian]
- Asylbekov, Zharkenova, 2001** – *Asylbekov, M.H., Zharkenova, A.M.* (2001). Naseleniie Kazahstana (1897–1917) [Population of Kazakhstan (1897–1917)]. Almaty. [in Russian]
- Ahmedzhanov, 1984** – *Ahmedzhanov, Z.K.* (1984). Zheleznodorozhnoe stroitel'stvo v Sredney Azii. [Railway construction in Central Asia]. Tashkent. [in Russian]
- Brower, 1990** – *Brower, D.R.* (1990). The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900. Berkley.
- Beknazarov, Nyrlankyzy, 2021** – *Beknazarov, R.A., Nyrlankyzy, G.* (2021). Aqtobe qalasynyn tarihynda tarihnamalyq sholy. Al-Farabi at.Qazaq Ul'tyq yniversiteti. Habarshy. Tarih seriasy. Almaty. "Qazaq yniversiteti", 2021. [in Kazakh]
- Chernikov, 1960** – *Chernikov, K.S.* (1960). Aktiubinsk v proshlom i nastoiashchem [Aktiubinsk in the past and present]. Aktiubinsk. [in Russian]
- Goryunov, 2008** – *Goryunov, Yu.A.* (2008). Orenburg-Tashkentskaya zheleznaya doroga kak odin iz faktorov razvitiya promyshlennosti v Orenburgskoi gubernii Turkestanе v nachale XX veka [The Orenburg-

Tashkent railway as one of the factors in the development of industry in the Orenburg province and Turkestan at the beginning of the 20th century]. *Aspirant, ili Molodoe pokolenie uchenykh*.: nauch.-prakt. alm/red. kol.: Ivanova A. G. i dr. Orenburg. Pp. 55-58. [in Russian]

[Dil'muhamedov, Malikov, 1963](#) – *Dil'muhamedov, E., Malikov, F.* (1963). Ocherki istorii rabocheho klassa do revoliucionnogo Kazahstana [Essays on the history of the working class of pre-revolutionary Kazakhstan]. Alma-Ata. [in Russian]

[Dobrosmyslov, 1898](#) – *Dobrosmyslov, A.S.* (1898). Torgovlia v Turgaiskoj oblasti. Orenburg. [in Russian]

[GAOO](#) – Gosudarstvennyi arhiv Orenburgskoy oblasti [State Archive of the Orenburg Region].

[Izbassarova, 2019](#) – *Izbassarova, G.B.* (2019). Orenburg-Tashkent Railway and the Kazakh Society at the turn of the XIX-XX centuries (on the example of the Turgai region). *Bylye Gody*. 54(4): 1647-1655.

[Izbassarova, 2011](#) – *Izbassarova, G.B.* (2011). Orenburgsko-Tashkentskaia zheleznaia doroga i khoziaistvo kazakhov na rubezhe XIX-XX vv. Aral-Caspian region in the history and culture of Eurasia. *II-d International Scientific Conference to the 20th Anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan*. Aktobe. [in Russian]

[Istoriya Aktobe v dokumentakh, 2009](#) – *Istoriya Aktobe v dokumentakh (20-40-e gody XX vv.)* [History of Aktobe in documents (20-40s of the XX century)]. Aktobe, 2009. [in Russian]

[Istoriya Aktiubinskoi oblasti, 2006](#) – *Istoriya Aktiubinskoi oblasti* [History of Aktobe region]. Aktobe: oblastnoi tsentr istorii, etnografii i arkheologii. Aktobe, 280 p. [in Russian]

[Istoriya mediciny..., 2006](#) – *Istoriya mediciny zheleznykh dorog Kazahstana* [History of medicine of the railways of Kazakhstan]. T 1. Almaty, 2006. [in Kazakh]

[Isingarın, 2011](#) – *Isingarın, N.K.* (2011). Istoriia zheleznykh dorog Kazahstana [History of railways in Kazakhstan]. Almaty: Ekonom trans konsalting. 768 p. [in Russian]

[Kazakhstan. Natsionalnaia entsiklopediia, 2004](#) – *Kazakhstan. Natsionalnaia entsiklopediia* [Kazakhstan. National encyclopedia]. Almaty: Kazak entsiklopediiasy, 2004. [in Kazakh]

[Kaliev, 1997](#) – *Kaliev, E.Z.* (1997). Vekovaia deiatelnost zheleznodorozhnogo transporta Kazahstana [The age-old activity of the railway transport of Kazakhstan]. Almaty: RGP "Kazakhstan Temir zholy". [in Russian]

[Kastane, 1909](#) – *Kastane, A.* (1909). Poezdka po Turgaiskoi Syrdarinskoi oblastiam vdol' Tashkentskoi zh/d 1906-1909 [A trip through the Turgai and Syrdarya regions along the Tashkent railway 1906-1909]. Orenburg. [in Russian]

[Morrison, 2008](#) – *Morrison, A.* (2008). Russian Rule in Samarkand 1868-1910: A Comparison with British India. Oxford and New York: Oxford University Press, 395 p.

[Nurlankyzy, 2021](#) – *Nurlankyzy, G.* (2021). Istoriya tsentral'noi mecheti g. Aktobe [The history of the central mosque in Aktobe]. *Internauka*. 17 (193) may. T. 4. Moskva. RF. Pp. 22-24. [in Kazakh]

[Obzor..., 1885](#) – *Obzor Turgaiskoi oblasti za 1894 god* [Overview of the Turgai region for 1885]. Orenburg. [in Russian]

[Orenburgskii krai, 1893](#) – *Orenburgskii krai*. № 7. [in Russian]

[Reichman, 1987](#) – *Reichman, H.* (1987). Railwaymen and Revolution. Russia 1905. Berkley.

[Sahadeo, 2007](#) – *Sahadeo, J.* (2007). Russian colonial society in Tashkent, 1865-1923. Indianapolis: Indiana univ. press, 336 p.

[Suvorov, 1962](#) – *Suvorov, A.V.* (1962). Istoriko-ekonomicheskii ocherk razvitiya Turkestana [Historical and economic outline of the Turkestan's development]. Tashkent. [in Russian]

[Suvorov, 1965](#) – *Suvorov, A.V.* (1965). Zheleznodorozhnyi transport Turkestanskogo kraia v gody grazhdanskoi voyny (1918-1920 gg.) [Railway transport of the Turkestan region during the civil war (1918-1920)]. Tashkent., 72 p. [in Russian]

[Sultangalieva, 2005](#) – *Sultangalieva, G.S.* (2005). Istoriia Aktiubinskogo uezda (1869-1917) [History of Aktobe County (1869-1917)]. Uchebnoe posobie. Aktobe., 264 p. [in Russian]

[Sultangalieva, Kobenova, 2007](#) – *Sultangalieva, G.S., Kobenova, G.I.* (2007). Ulitsy goroda Aktobe: istoriia i sovremennost [Streets of the city of Aktobe: history and modernity]. Aktobe, 160 p. [in Russian]

[Shalkar entsiklopediya, 2009](#) – *Shalkar entsiklopediya* [*Shalkar encyclopedia*]. Shalkar, 2009. 337 p. [In Kazakh]

[Tarasenko, 2006](#) – *Tarasenko, F.N.* (2006). Gorod. Gody. Liudi. Zhizn [City. Years. People. Life]. Aktobe., 248 p. [in Russian]

[Tazhibaev, 1999](#) – *Tazhibaev, M.K.* (1999). Aktobe oblysynyntarikhy (1864-1991). Aktobe., 80 b. [in Kazakh]

[Togaeva, 2010](#) – *Togaeva, Z.A.* (2010). Zhelezniadoroga Tashkent-Orenburg i ee mesto v sotsialno-ekonomicheskoi zhizni Turkestana [Railway Tashkent - Orenburg and its place in the socio-economic life of Turkestan]. Avtoref. diss. kand. ist. nauk., 14 p. [in Russian]

[Turgaiskaya gazeta, 1896](#) – *Turgaiskaya gazeta*. № 90. 4 p. [Turgay newspaper]. Orenburg. [in Russian]

[Turgaiskaya gazeta, 1901a](#) – *Turgaiskaya gazeta* (1901). № 22 [Turgay newspaper]. Orenburg. [in Russian]

[Turgaiskaya gazeta, 1901b](#) – *Turgaiskaya gazeta* (1901). № 27. [Turgay newspaper]. Orenburg. [in Russian]

[Turgaiskaia gazeta, 1905](#) – *Turgaiskaia gazeta*. 31 iulia 1905 g. № 31. [Turgay newspaper]. Orenburg. [in Russian]

[Turgaiskaia gazeta, 1909](#) – *Turgaiskaia gazeta*. 1 iiulia 1909 g. № 15. [Turgay newspaper]. Orenburg. [in Russian]

[Verhovskij, 1910](#) – *Verhovskij, N.P.* (1910). Tashkentskaja zheleznaja doroga, kak pioner kul'tury i civilizacii [Tashkent railway as a pioneer of culture and civilization]. Kiev. [in Russian]

Железная дорога Оренбург-Ташкент и ее влияние на формирование полиэтнической среды города Актюбинска в начале XX века

Гаухаршахназ Нурланкызы ^{a, *}, Рахым Агибаевич Бекназаров ^a

^a Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается строительство железной дороги Оренбург – Ташкент в начале XX века, а также то, как оно повлияло на полиэтническую картину города Актюбинска (ныне Актобе), его промышленность, торговлю и развитие всей городской инфраструктуры. Кроме этого, учитывается влияние данного факта на создание улиц и районов города, взаимосвязь с представителями других национальностей, на изменение Актюбинска как полиэтнического города.

В качестве материалов в работе были использованы документы Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация). Значительная их часть была впервые введена в научный оборот. Помимо этого, нами были использованы материалы дореволюционной региональной периодической печати, а именно «Тургайской газеты».

В заключении автор отмечает, что железная дорога Оренбург – Ташкент превратила Актюбинск в крупный железнодорожный узел, а Актюбинский уезд преобразовала в региональный центр торговли. От Актюбинского уезда далее начали строиться несколько железнодорожных станций и торгово-промышленных поселений. Ярмарочная торговля сыграла важную роль в развитии экономических связей кочевых казахов с приграничьем и оседлым населением края. В то же время купечество создало широкую сеть торговых пунктов в Казахской степи.

Ключевые слова: Оренбург – Ташкент, Актюбинск, железная дорога, станция, торговля, инфраструктура, полиэтнический, улица, станция, больница.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gaukharshahnaz@mail.ru (Г. Нурланкызы)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1385-1396
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1385

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Image of the Siberian Territories of the Russian Empire in the Journal “Sibirskii Nablyudatel” (1901–1906)

Natalya N. Seredkina ^{a, *}, Anna A. Shpak ^a, Natalya N. Pimenova ^a, Julia S. Zamaraeva ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the image of the Siberian territories of the Russian Empire in the XIX – early XX centuries through consideration of the management system, industry, agriculture, education and population of Siberia. These are the areas that received the most extensive coverage on the pages of the Tomsk historical edition “Sibirskii nablyudatel” published in the 1901–1906. The analyze results of the content of the magazine articles show that the image of the Siberian territories in the field of their management and education is characterized by significant transformations, and their role is defined as the leading one. Thanks to well-established office work, regular reporting, redistribution of financial income and expenses, a management system arises that functions in cities and still remains unchanged. Significant transformations that took place in the field of education in Siberia by the end of the 19th-beginning of the 20th centuries made it possible to determine the leading role of Siberian cities, headed by Tomsk, in the all-Russian education system of that time. The ethnic image of the Siberian territories is defined as multinational and multicultural, characterized by a tendency for the synthesis of cultures, manifested in some customs and in linguistic borrowing.

Keywords: image of Siberia, Russian Empire, “Sibirskii nablyudatel”, territorial administration, agriculture, industry, population of Siberia, education, the turn of the XIX-XX centuries.

1. Введение

В научной среде исследования образа Сибири основаны на различных типах источников. Одним из таких источников является и периодический журнал «Сибирский наблюдатель», издававшийся в Томске в период с 1901 по 1906 гг. При анализе данного источника в рамках темы образа Сибири не все материалы сегодня введены в научный оборот и проанализированы. Это определило актуальность и цель нашего исследования – дополнить имеющиеся сведения посредством анализа образа сибирских территорий через рассмотрение системы управления, промышленности, сельского хозяйства, образования и народонаселения Сибири, того, что получило широкое освещение на страницах издания «Сибирский наблюдатель» начала XX в.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами исследования выступили статьи журнала «Сибирский наблюдатель» за 1901 (№ 5–6, 10–12), 1902 (№ 1–7, 9, 11–12), 1903 (№ 1, 4, 6–12), 1904 (№ 1, 3–4, 7, 9–10) и 1905 (№ 7) годы выпуска.

2.2. Исследование основано на применении источниковедческого анализа. Анализ содержания материалов журнала «Сибирский наблюдатель» был сопряжен с интерпретацией

* Corresponding author

E-mail addresses: nnevolko@sfu-kras.ru (N.N. Seredkina), annaheyy@gmail.com (A.A. Shpak), pimenovapluzhnik@mail.ru (N.N. Pimenova), rybka08@bk.ru (Ju.S. Zamaraeva)

источниковедческой информации. С целью упорядочивания исторических сведений, представленных на страницах анализируемого журнала, был применен метод систематизации.

3. Обсуждение

Актуальны сегодня исследования медиаобразов в рамках определенной территории (Tosoni, Tarantino, 2013; Plovan, Doroftei, 2017; Anderson, 2019; Banini, Plovan, 2021). Образ территорий раскрывается учеными через анализ различных культурных форм: искусства (Amosova, 2019; Ситникова, 2022; Koptseva, 2015, 2022; Kistova, 2020), визуального облика городов (Kistova, 2016; Lusan, 2019), идентичности: территориальной (Замараева, 2020), локальной и национальной (Guillaume, 2020; Ланцевская, 2015). Образ территорий в информационной среде оценивается как средство значительного влияния на их имидж (Глушкова, Зайцева, 2017). Медиаобразы оказывают влияние и на формирование экономических, политических и социальных отношений (Ерофеева, Мельник, 2021, Хочунская, 2011, Ковач, 2019). Современная наука признает периодические издания как особо значимые исторические источники, отражающие актуально-исторический контекст и представления людей эпохи (Рынков, 2010; Артамонова, 2017; Каменская, 2017). Одновременно с этим медиаобраз формирует определенное мировоззрение индивида (Балалуева, 2014). В то же время стоит учитывать значимость источников Российской империи и образов государства в них как исторически повлиявших на образ государства в современности (Koptseva, 2019). Журнал «Сибирский наблюдатель» также не оставлен исследователями без внимания. Он рассматривается как исторический источник о становлении библиографического дела в Сибири (Яковенко, 2003), о социально-экономическом положении Сибири в контексте страны (Сунгуров, 2016), о специфике сибирских публикаций (Демина, 2015; Нисова, 2016).

3. Результаты

3.1. Городское и общественное управление сибирскими территориями

Организация системы городского общественного управления Сибирью относится к 1871 году, когда было принято Городовое Положение от 16 июня 1870 г. о создании Городской управы (Серебряников, 1903, № 6: 96). В течение 4 лет была организована деятельность системы городской власти. В выпусках журнала 1903–1904 гг. А.М. Серебряниковым отражен ход событий совместной работы структурной власти города Томска, деятельность которого была сосредоточена на городском благоустройстве, сборе казенного налога с недвижимого имущества и с торговых документов с избирателей, имеющих право имущественного ценза. Купеческое сословие, к которому принадлежал городской глава, было преобладающим в составе избирателей. Именно на них была возложена миссия установления порядка по хозяйственной и финансовой части (Серебряников, 1903, № 7: 106). С 1873 г. был введен новый порядок сбора налога на недвижимое имущество, отменивший подушную подать, что позволило Городскому общественному управлению с 1871 по 1875 гг. направить часть средств на просветительское дело (Серебряников, 1903, № 8: 89).

Статьи А.М. Серебряникова о деятельности Красноярского городского общественного управления в 1898 г. показывают, что структура городского общественного управления состояла из городской думы (29 гласных) под председательством городского главы, городской управы (глава и 3 его заместителя) (Серебряников, 1904, № 7: 33). Направлениями деятельности управления были: сбор аренды пастбищ рогатого скота и со скотобоев; сбор аренды за рыбные ловли, участки под паромные пристани и стоянки судов, за переправу и причал плотов; сбор за размещение складов строевого и дровяного леса по берегу реки Енисей; доходы с городских имуществ и оброчных статей, оценочного сбора, сбора с промышленников, вспомогательных доходов (Серебряников, 1904, № 7: 30). Расходы шли на содержание городского общественного управления и городских общественных зданий, на благоустройство города, на нужды воинской части, тюрьмы, медицинской и санитарной части, содержание полиции и пожарной части, перевоз, народное образование. К 1898 г. в достаточном объеме было движимое и недвижимое имущество, приносящее стабильный доход городу. В количественном перечислении имущества (подлежащего налогу) создается образ гостеприимного богатого купечества города: каменные и деревянные церкви, каменная часовня, деревянный еврейский молитвенный дом, деревянный католический костел, каменная лютеранская кирха; улицы, бульвары, сады и площади, паромные пристани по реке Енисей. Для жителей города и иногородних в 1898 году была открыта городская лечебница (Серебряников, 1904, № 9–10: 23). В конце года состоялось открытие музея, имелись общественная публичная библиотека, бесплатная читальня, 2 воскресных женских и 2 мужских школы. На средства города и общества содержалось 9 начальных училищ и одно народное. На особом контроле городского управления был сиропитательный дом (воспитанницы от 5 до 17 лет).

3.2. Сельское хозяйство в сибирских губерниях

Вопрос урегулирования землепользования впервые возник в губерниях Сибири в конце XVIII века, когда был утвержден первый сибирской штат землемеров (Сибирский наблюдатель, 1902, № 3: 15). В 1831 г. последовало государственное распоряжение о нарезке наделов государственным крестьянам, в 1837 г. начался процесс межевания казенных земель, цель которого – образование

волостных районов (15 десятин полагалось старожильческому населению на ревизскую душу и по 3 десятины переселенцу). Процесс межевания был длительным в связи с охватом больших территорий, к этому времени развились общинные порядки и формы землевладения по причине прироста населения и сокращения удобной для обработки земельной площади (*Сибирский наблюдатель*, 1902. № 1: 74). В Сибири в процессе развития форм землевладения сложились три стадии: семейно-захватные, общинно-отводные и общинно-передельные (*Сибирский наблюдатель*, 1902. № 2: 91; *Сибирский наблюдатель*, 1902. № 3: 113).

О ведении сельского хозяйства в Енисейской губернии пишется немного, поскольку в конце XIX века происходят экономические изменения, связанные с проведением Сибирской железной дороги (*Анучин*, 1904. № 1: 101). Широкого применения еще не достигли такие области, как огородничество, садоводство, пчеловодство. На сокращение скотоводства влияли частые неурожаи. Лесной промысел и звероловство зависели от лесных пожаров и доступности свободной земли. Ценными промыслами были добыча кедрового ореха и рыбы. В 1900 г. император дает высочайшее соизволение приступить в Сибири к развитию свеклосахарной промышленности (*Чмелев*, 1904. № 3: 79), во многом на основе действующего в Минусинском уезде сахарного завода И.Г. Гусева. Крестьяне-плантаторы на договорной основе присоединяются к развитию свекловичного хозяйства (*Чмелев*, 1904. № 4: 80).

3.3. Сибирская промышленность

Развитие золотопромышленности в Сибири и капитальная добыча золота начинаются в 1812 г., когда был официально разрешен поиск золота частным лицам. Первыми в этом деле стали богатые фирмы, стремящиеся охватить разработкой месторождений как можно больше территорий. Затем в связи с улучшением путей сообщения с Сибирью появились технико-промышленные предприятия, улучшилась доставка орудий производства (*Яренский*, 1903. № 4: 88). Большой приток населения в Сибирь и темпы развития новых сельхозугодий привели к тому, что крестьяне-хлебопашцы шли на приисковые работы. Каждые 5 лет созывались местные съезды сибирских золотопромышленников для обсуждения проблем золотого промысла, чрезвычайно важного для государства.

Отраслевая промышленность была значима как источник дохода для империи. К истории зарождения и развития горного дела на Алтае имеют отношение две научные экспедиции (1769 и 1781 гг.), ставшие причиной развития обработки яшмы и порфира для производства столешниц. На Колыванской фабрике изготавливались ценные изделия, которые украшают залы Эрмитажа. До 1850-х гг. производились чаши, колонны, камни, канделябры, с 1868 года – копии со скульптурных групп животных, вазы.

3.4. Образование в Сибири в XIX – начале XX веков

Большое значение для становления образовательной политики начала XX в. оказал опыт предыдущего столетия, анализу которого посвящена большая часть выборки материалов журнала «Сибирский наблюдатель» на тему образования.

Период до конца 1850-х гг. определен в статье А.М. Серебряникова «самым темным временем для Сибири вообще, и для ее школы в частности» (*Серебряников*, 1903. № 9–10: 138–139). Тем не менее именно в это время ценность образования среди населения была уже осознана, о чем свидетельствуют предлагаемые для обсуждения проекты 1803, 1823 и 1853 гг., посвященные открытию в Сибири высших школ. Вопрос высшего образования находился в первой половине XIX в. на уровне обсуждения, но ряд других учебных заведений в это время уже работал. Это сельские школы Западной Сибири, гимназия в Томске, женский сиропитательный дом и девичий институт в Иркутске, Мариинская женская школа в Тобольске (*Серебряников*, 1903. № 9–10).

Во второй половине XIX в. темпы развития образования были настолько значительными, что к началу XX в. Сибирь в деле народного образования опередила Европейскую Россию. Главным центром развития образования в этот период стал г. Томск, в котором сосредоточилась разветвленная сеть образовательных учреждений (*Серебряников*, 1903. № 9–10). Большую роль в развитии образования играли генерал-губернаторы отдельных сибирских городов и частные лица. В результате частной инициативы были открыты просветительские общества, школы, повторительные и дополнительные вечерние классы, университет. Также важное значение в развитии народного образования играли воскресные школы (*Вольфсон*, 1902. № 5), первыми из них в Сибири были школы Томска, начавшие свою работу в 1881 г. До 1894–1895 учебного года школы «влачили незавидное существование» (*Вольфсон*, 1902. № 3: 119), но с 1894 г. начато возрождение школьного дела и народного образования, выразившееся в динамике всех показателей развития образования вплоть до начала XX в.: количества школ, численности педагогического персонала и обучающихся, числа новых учреждений, наглядных пособий, поступающих в школы. Учиться в томских школах можно было в любом возрасте и с разным уровнем подготовки. Самый ранний возраст обучающихся – 8 лет (1883–1884 гг.), к 1902 г. он увеличился до 12 лет (*Вольфсон*, 1902. № 6: 109), самый поздний – 50 (*Вольфсон*, 1902. № 9: 130). Наибольший процент учащихся приходился на подростковый возраст. В отличие от женских, мужские школы принимали на обучение учеников любого возраста.

К началу XX в. отмечается и ряд проблем, существующих в сфере образования. Связаны они были с недостатком учителей и частой их сменой, малым финансированием, теснотой помещений при большом количестве обучающихся в группе (среднее число учеников в одной группе доходило до 23 человек,

по данным 1897–1898, 1898–1899 уч.г.), негативным отношением родителей и хозяев к образованию своих детей (Вольфсон, 1902, № 6, 9), изолированностью школ относительно друг друга (Вольфсон, 1902, № 3). В результате большинство учащихся не оканчивали полного курса школы, что особенно характерно было именно для женских школ. Кроме того, большой процент обучающихся в воскресной школе в результате прохождения курсов не овладевал грамотой вовсе (Вольфсон, 1902, № 9).

Согласно положению 1874 г., воскресные школы приравнивались к начальным училищам. Образовательный процесс был строго регламентирован, однако, по замечанию Д. Вольфсона, эта регламентация не отвечала потребностям обучающихся, а также реализации воспитательной функции образовательного учреждения (Вольфсон, 1902, № 1). В качестве меры по улучшению ситуации в начале XX в. поднимается вопрос о расширении программ для удовлетворения потребностей учащейся молодежи (Вольфсон, 1902, № 5). Кроме того, цель школы виделась не только в том, чтобы передать ученикам знания из рекомендованных учебников, но и в том, чтобы воспитать и сформировать у обучающихся определенные нравственные ценности. Смысл и цель воскресной школы состояли в воспитании сознательного гражданина (Вольфсон, 1902, № 9: 129–130).

Особое внимание на страницах журнала «Сибирский наблюдатель» отводится истории становления женского образования в Сибири. Согласно Д. Вольфсону, первая попытка организации развития женского образования в Сибири относится к 1838 г., когда в Иркутске был учрежден сиропитательный дом, занимающийся впоследствии подготовкой прислуги. Следующий этап в развитии женского образования приходится на 1840–1960-е гг., период открытия девичьего института в Иркутске и ряда училищ и гимназий во многих городах Сибири, в частности в Красноярске, Омске, Томске, Иркутске. С 9 марта 1899 г. организованы женские вечерние классы для тех, кто окончил курс в начальных училищах.

Ряд статей, посвященных проектам и предложениям по изменению педагогического подхода в школах Сибири, свидетельствует об активном поиске в начале XX в. новых форм обучения, соответствующих актуальным потребностям общества, выработанных в т.ч. в результате анализа образовательной практики XIX столетия. Освещаются преимущества проекта семейной школы С. Григорьева (Боголепов, 1902, № 7). То, что система образования в начале XX в. находилась в стадии активного развития подтверждается данными статей о развитии библиотечного дела в томских воскресных школах (Вольфсон, 1902, № 7), об организации вечерних классов (Вольфсон, 1902, № 11), деятельности школьных советов (Вольфсон, 1902, № 12) и Томского общества вспомоществования учащимся (И.Г., 1903, № 7). Фиксируется и изменение подхода учителей к обучающимся: менее выраженной стала проблема субъективной оценки учащегося и навязывания ему ярлыка неспособного ученика. Как замечает Н. Никитин, данный «приговор» все меньше произносится в школах, что является признаком того, что средняя школа вступила в новый, «более совершенный фазис развития (Никитин, 1903, № 8: 127). Большим шагом вперед признается также осознание современной школой необходимости поиска иного подхода к подаче материала и его выборке (Никитин, 1903, № 8: 128). По мысли автора, школа должна давать ученикам интересные и полезные знания, что изменит отношение ученика, и он будет идти в школу не ради диплома, а ради знаний (Никитин, 1903, № 8: 132).

3.4. Народонаселение Сибири

Образ народонаселения Сибири в выпусках журнала «Сибирский наблюдатель» носит описательный характер, но прослеживается и личное отношение авторов к «инородцам». Наряду с материалами о коренном населении, имеются сведения об изучении русских переселенцев, которые в качестве причины для переезда в Сибирь часто ссылались на нехватку земли (Горбатовский, 1901, № 11: 88). Буряты Забайкальской области упоминаются в русле споров с русскими переселенцами за наиболее пригодные для земледелия земли (Ордынский, 1902, № 7: 65).

Встречаются и особенности синтеза культур при близком соседстве разных этнических групп, таких как описание взаимоотношений жителей Кежмы и Богучан с тунгусами. Взаимоотношение народов порождает языковое и религиозное смешение: у тунгусов (эвенков) наиболее выражено религиозное – приносить дары в лесу, а у русских жителей – заимствования из тунгусского языка в повседневной жизни (Скорняков, 1901, № 6: 35). Некоторые элементы, связанные с религией тунгусов, нашли отражение в русских поверьях: в основном это отношение к шаманскому костюму и ритуальным вещам (Скорняков, 1901, № 10: 13). Коренные народы предстают как гармонично уживающиеся с природой (Клюге, 1901, № 6: 2). Этнографические очерки журнала включают и описание быта коренного населения: например, в отношении олекминских тунгусов, монголо-бурятов исследуются география их расселения, климатические условия, культурные и хозяйственные особенности (Кузьмин, 1901, № 10: 16; Ордынский, 1902, № 9: 4).

Народы Кузнецкого Алатау описываются в связи с их расселением. Это чатские татары, киргизы, телеуты, калмыки, умыцкие татары, чулымские татары, кузнецкие татары. География – до южной стороны Алатау, озера Телецкого, и восточных границ до Чулыма и Кетского острога. По восточной стороне расселены киргизы, «моторцы», «тубинцы», «десары» – коренное население, названное по территориям (Самохвалов, 1902, № 5: 75). Еще немного восточнее Алатау – алтайцы, черневые татары, кумандинцы, сагайцы, койбалы, бельтиры. В статьях даются некоторые оценочные антропологические особенности коренного населения и их расселения.

Анализ внутренней миграции тюркских народов южнее Енисейской губернии проводится на базе исторических источников, описания лингвистических и антропологических особенностей (Кузнецов-Красноярский, 1902. № 6: 21; Самохвалов, 1902. № 7: 6). Наиболее подробно описываются «кочевники Горного Алтая» со ссылкой на данные переписи о составе (Ю.Г., 1902. № 12: 5), отмечаются отношения между этими народами и Китаем.

Сибирь в Русской империи – понятие широкое и охватывает даже такую область, как Семипалатинская. В связи с этим в публикациях упоминаются такие народы, как киргизы, татары, сарты (Ев. К-в., 1901. № 6: 75). Павлодар исследуется в связи с изучением быта и культуры киргизов (Никольский, 1903. № 8: 25), Урал – башкир (Блиновский, 1903. № 11–12: 3) и урянхайцев (Островских, 1903. № 11–12: 51), северные территории – вогулов, остяков, орочен, вотяков (Горшенин, 1905. № 7: 67). Очерк по северным народам изобилует перечислением различных проблем их жизни на Севере и влияния на них русского населения. В очерках отражен и фольклор коренных народов Сибири, встречаются некоторые сказки остяков, отдельные мифологические персонажи (Алатаев, 1903. № 1: 76). В публикациях упоминаются торговые отношения между русскими и коренным населением. Юкагиры, чукчи оомолонской стороны, анадырщики, чуванцы, ломуты (эвены) (Клюге, 1901. № 5: 34) значимы в качестве охотников, описывается торговля с алтайцами (Дмитриев, 1901. № 5: 61), бурятами.

Изучение быта и культуры коренного населения отражается в деятельности Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. Приполярное население – чукчи, якуты – описаны через их быт, мировоззрение, язык, антропологические особенности, общественно-экономическое состояние и отношение к русскому населению (Н.Г., 1901. № 12: 6).

5. Заключение

В материалах «Сибирского наблюдателя» фиксируется программный переход в 1890-е годы к системному управлению в Сибири, требуемому многосложными городскими хозяйствами. Ключевыми сферами становятся городское благоустройство и народное образование, далее медицинская и культурно-просветительская деятельность. Благодаря налаженному делопроизводству, регулярной отчетности, перераспределению финансовых доходов и расходов, возникает система управления, функционирующая в городах и по сию пору в неизменном виде. О развитии сельского хозяйства в сибирских губерниях можно судить на основании рассмотрения процесса государственного межевания земель и существующих форм землевладения, возникших в процессе общинного крестьянского труда. Анализ выпусков журнала позволяет выделить большое количество этнических групп, проживающих на сибирской территории. Этнографические очерки в выпусках журнала охватывают в большей степени коренное население юго-восточной, западной и северо-восточной Сибири и русских переселенцев. В материалах издания рассматриваются все стороны жизни народов, выделяется синтез культур, отраженный в некоторых обычаях и языковом заимствовании. Значительные трансформации, произошедшие в сфере образования в Сибири к концу XIX – началу XX вв., позволили определить ведущую роль сибирских городов во главе с Томском в общероссийской системе образования того времени.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта «Формирование модели организации и устойчивого функционирования сельского хозяйства на основе видов традиционного природопользования коренных народов севера Красноярского края в комплексе видов деятельности (оленоводство, охота, рыбная ловля, собирательство, первичная и (или) промышленная переработка» при поддержке Краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности».

Литература

- Алтаев, 1903 – Алатаев И. Из сибирских сказок // *Сибирский наблюдатель*. 1903, № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3106/>
- Анучин, 1904 – Анучин В.И. Современное положение сельскохозяйственной промышленности в Енисейской губернии // *Сибирский наблюдатель*. 1904. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-5044/>
- Артамонова, 2017 – Артамонова Л.М. Самарские публикации В.Г. Варенцова в столичной и местной периодике 1860-х гг. как исторический источник // *Библиография. Археография. Источниковедение*. 2017. С. 61-70.
- Балалуева, 2014 – Балалуева И. Медиаобраз и социообраз: процессы взаимоправления в информационном обществе // *Право и управление*. XXI век. 2014. № 4 (33). С. 86-91.
- Блиновский, 1903 – Блиновский П. Иностранцы Урала: (очерки) // *Сибирский наблюдатель*. 1903. № 11–12 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3130/>
- Боголепов, 1902 – Боголепов М. Семейные школы: (по поводу одного проекта) // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3100/>

- Вольфсон, 1901** – *Вольфсон Д.* Томский бунт, 1637–1638 гг. // *Сибирский наблюдатель*. 1901. № 9. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3042/>
- Вольфсон, 1902** – *Вольфсон Д.* Воскресные школы в Томске // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3031/>
- Вольфсон, 1902** – *Вольфсон Д.* Воскресные школы в Томске // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3096/>
- Вольфсон, 1902** – *Вольфсон Д.* Воскресные школы в Томске // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3099/>
- Вольфсон, 1902** – *Вольфсон Д.* Воскресные школы в Томске // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3100/>
- Вольфсон, 1902** – *Вольфсон Д.* Воскресные школы в Томске // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 9. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3102/>
- Вольфсон, 1902** – *Вольфсон Д.* Воскресные школы в Томске // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 11. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3104/>
- Вольфсон, 1902** – *Вольфсон Д.* Воскресные школы в Томске // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3105/>
- Вольфсон, 1902** – *Вольфсон Д.* Школьное дело: (по журналам и газетам) // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3098/>
- Глушкова, Зайцева, 2017** – *Глушкова Т.С., Зайцева О.А.* Медиаобраз как инструмент создания территориального имиджа: когнитивный аспект // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2017. № 3 (29). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaobraz-kak-instrument-sozdaniya-territorialnogo-imidzha-kognitivnyy-aspekt>
- Горбатовский, 1901** – *Горбатовский Ю.О.* Как Россиянка переселилась в Сибирь: (из истории одного переселения) // *Сибирский наблюдатель*. 1901. № 11. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3044/>
- Горшенин, 1905** – *Горшенин.* На заре XX века: (инородцы Севера) // *Сибирский наблюдатель*. 1905. № 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-5781/>
- Демина, 2015** – *Демина М.О.* Первый частный журнал Томска «Сибирский наблюдатель»: типологические особенности // *Проблемы массовой коммуникации: новые подходы*. 2015. С. 7.
- Дмитриев, 1901** – *Дмитриев П.* По Алтаю // *Сибирский наблюдатель*. 1901. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3039/>
- Ев. Кв., 1901** – *Ев. К-в.* Поездка из Зайсана на Черный Иртыш: (дорожные впечатления) // *Сибирский наблюдатель*. 1901. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3040/>
- Замараева, 2020** – *Замараева Ю.С.* Сложные формы этнической идентичности // *Северные архивы и экспедиции*. 2020. 4/2. С. 75–89.
- Золотопрмышленность в Сибири** – *Золотопрмышленность в Сибири* // *Сибирский наблюдатель*. 1903. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3126/>
- Каменно-делательное производство..., 1903** – *Каменно-делательное производство на Алтае* // *Сибирский наблюдатель*. 1903. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3106/>
- Каменская, 2017** – *Каменская Е.В.* Советские газеты как исторический источник: специфика и возможности использования // *Человек, общество, власть*. 2017. № 100. С. 37–44.
- Клюге, 1901** – *Клюге А.* Повесть о черной лисице // *Сибирский наблюдатель*. 1901. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3039/>
- Клюге, 1901** – *Клюге А.* Сибирская тайга // *Сибирский наблюдатель*. 1901. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3040/>
- Кузнецов-Красноярский, 1902** – *Кузнецов-Красноярский.* Заметки о древних обитателях южных частей Енисейской губернии // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3099/>
- Кузьмин, 1901** – *Кузьмин П.* Из поездки к Олекминским тунгусам) // *Сибирский наблюдатель*. 1901. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3043/>
- Кустарная промышленность, 1903** – *Кустарная промышленность: [очерки муниципального Барнаула]* // *Сибирский наблюдатель*. 1903. № 11–12 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3130/>
- Ланцевская, 2015** – *Ланцевская Н.Ю.* Медиаобраз территории как комплекс стереотипов брендинга места // *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*. 2015. № 4 (28). С. 101–103.
- Н.Г., 1901** – *Н. Г.* Пятидесятилетие Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества: (очерк) // *Сибирский наблюдатель*. 1901. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3045/>
- Никитин, 1903** – *Никитин Е.* Неспособные и школьные неудачники: (наблюдения сибирского репетитора) // *Сибирский наблюдатель*. 1903. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3128/>

- Никольский, 1903** – *Никольский В.К.* Киргизы: (очерк общественно-экономической жизни киргиз) // *Сибирский наблюдатель*. 1903. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3128/>
- Нисова, 2016** – *Нисова М.В.* Первые очерки В.В. Курицына в «Сибирском наблюдателе»: особенности сюжета и организации текста // *Журналистский ежегодник*. 2016. № 5. С. 98-100.
- Об урегулировании..., 1902** – Об урегулировании крестьянского и инородческого землепользования в Сибири: (очерк) // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3096/>
- Образование общинных..., 1902** – Образование общинных порядков в Сибири // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3031/>
- Образование общинных..., 1902a** – Образование общинных порядков в Сибири // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3095/>
- Образование общинных..., 1902b** – Образование общинных порядков в Сибири // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3096/>
- Ордынский, 1902** – *Ордынский А.* Забайкалье и монголо-буряты буддисты: (этнографические наброски) // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3100/>
- Ордынский, 1902** – *Ордынский А.* Забайкалье и монголо-буряты: (этнографические наброски) // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 9. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3102/>
- Островских, 1903** – *Островских П.* Дитя природы: (из жизни урянхов) // *Сибирский наблюдатель*. 190. № 11–12. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3130/>
- Рынков, 2010** – *Рынков В.М.* Периодическая печать: место в системе исторических источников // *Отечественные архивы*. 2010. № 3. С. 44-50.
- Самохвалов, 1902** – *Самохвалов М.М.* Кузнецкий Алатау: (инородцы западного склона и южной части хребта) // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3100/>
- Самохвалов, 1902** – *Самохвалов М.М.* Кузнецкий Алатау: (инородцы западного склона и южной части хребта) // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3098/>
- Серебренников, 1901** – *Серебренников А.М.* К вопросу об открытии в Томске учительского института в начале семидесятых годов: Материалы для истории г. Томска // *Сибирский наблюдатель*. 1901. № 11. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3044/>
- Серебряников, 1903** – *Серебряников А.М.* Материалы для истории развития просвещения в Сибири // *Сибирский наблюдатель*. 1903. № 9–10 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3129/>
- Серебряников, 1903** – *Серебряников А.М.* Организация и деятельность Томского городского общественного управления на началах Положения 16 июня 1870 года: Материалы для истории города Томска // *Сибирский наблюдатель*. 1903. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3126/>
- Серебряников, 1903** – *Серебряников А.М.* Организация и деятельность Томского городского общественного управления на началах Положения 16 июня 1870 года: Материалы для истории города Томска // *Сибирский наблюдатель*. 1903. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3127/>
- Серебряников, 1903** – *Серебряников А.М.* Организация и деятельность Томского городского общественного управления на началах Положения 16 июня 1870 года: Материалы для истории города Томска // *Сибирский наблюдатель*. 1903. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3128/>
- Серебряников, 1904** – *Серебряников А.М.* Красноярское городское общественное управление: Материалы для истории города Красноярска // *Сибирский наблюдатель*. 1904. № 7–8. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-5048/>
- Серебряников, 1904** – *Серебряников А.М.* Красноярское городское общественное управление: Материалы для истории города Красноярска // *Сибирский наблюдатель*. 1904. № 9–10. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-5049/>
- Серебряников, 1904** – *Серебряников А.М.* Первый Томский городской голова: Материалы для истории города Томска // *Сибирский наблюдатель*. 1904. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-5047/>
- Ситникова, 2022** – *Ситникова А.А.* Северные экспедиции и образ Арктики в зарубежной живописи XIX века // *Северные архивы и экспедиции*. 2022. 6/1. С. 240-249.
- Скорняков, 1901** – *Скорняков Н.В.* Приангарский край в этнографическом отношении // *Сибирский наблюдатель*. 1901. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3040/>
- Скорняков, 1901** – *Скорняков Н.В.* Приангарский край в этнографическом отношении // *Сибирский наблюдатель*. 1901. № 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3043/>

Сунгуров, 2016 – Сунгуров П.А. Социально-экономическое положение Енисейской губернии в начале XX в. (по сведениям журнала «Сибирский наблюдатель») // *Политематический сетевой электронный научный журнал КГАУ*. 2016. № 116. С. 1529-1539.

Чмелев, 1904 – Чмелев Н. О свекловичном сельском хозяйстве, сахарном деле в Сибири и о возможном его развитии // *Сибирский наблюдатель*. 1904. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-5046/>

Чмелев, 1904 – Чмелев Н. О свекловичном сельском хозяйстве, сахарном деле в Сибири и о возможном его развитии // *Сибирский наблюдатель*. 1904. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-5047/>

Ю.Г., 1902 – Ю.Г. Кочевники Горного Алтая // *Сибирский наблюдатель*. 1902. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3105/>

Яковенко, 2003 – Яковенко А.В. Отдел «Библиография» журнала «Сибирский наблюдатель» (1901–1906): к истории критической библиографии и рецензирования в Сибири / *Народная культура: личность, творчество, досуг: Сб. ст. и материалов конф.* 2003. С. 359-361.

Яренский, 1903 – Яренский К. По поводу упадка золотопромышленности и реформы ее // *Сибирский наблюдатель*. 1903. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3124/>

Amosova, 2019 – Amosova M.A., Koptseva N.P., Sitnikova A.A., Seredkina N.N., Zamaraeva Yu.S., Kistova A.V., Reznikova K.V., Kolesnik M.A., Pimenova N.N. Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2019. 12(8). Pp. 1524-1551.

Anderson, 2019 – Anderson B. Cultural geography II: The force of representations // *Progress in Human Geography*. 2019. 43(6). Pp. 1120-1132.

Banini, Iovan, 2021 – Banini T., Iovan O.-R. Representing Place and Territorial Identities in Europe Discourses, Images, and Practices. 2021.

Erofeeva, Melnik, 2021 – Erofeeva I., Melnik G., Prostokishina N. Teaching methods for modeling the image of territory in a media text: the problem of meaning formation // *Mediaobrazovanie*. 2021. № 4. Pp. 601-611.

Guillaume, 2020 – Guillaume E. Territorial imagery and the creation of a Dutch identity, ArtHist.net, Paris. 2020.

Iovan, Doroftei, 2017 – Iovan O.-R., Doroftei I. Qualitative research in regional geography: A methodological approach. Cluj-Napoca. 2017.

Kistova, 2016 – Kistova A., Pimenova N., Reznikova K., Zamaraeva J., Koptseva N., Seredkina N., Filko A. Place management: Decoding the visual image of a Siberian city // *Journal of Applied Economic Sciences*. 2016. 11(6). Pp. 1143-1155.

Kistova, 2020 – Kistova A.V., Bulak K.A., Pimenova N.N., Shimanskaya K.I., Pashova E.V. The Image of the Yenisei in the Paintings of Krasnoyarsk Artists // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2020. 13 (6). Pp. 891-903.

Koptseva, 2015 – Koptseva N.P., Reznikova K.V. Three Paintings by Zdzislaw Beksinski: The Possibility of Art' After Auschwitz Authors // *Tomsk State University Journal*. 2015. № 400. Pp. 121-133.

Koptseva, 2019 – Koptseva N.P., Sitnikova A.A. The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries // *International Journal for the Semiotics of Law*. 2019. 32(1): 47-74.

Koptseva, 2022 – Koptseva N.P., Reznikova K.V., Kvashnina Yu.V., Seredkina N.N., Leshchinskaya N.M. Cultural Dynamics of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Krasnoyarsk Territory in Paintings and Graphic Works // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2022. 15(6): 840-852.

Lusan, 2019 – Lusan V.S., Pimenova N.N., Khrebtov M.Ya., Khudonogova A.E., Sertakova E.A., Shimanskaya K.I. Transformation of the Krasnoyarsk Urban Space in the 90s of the 20th Century // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2019. 12(6): 1017-1034.

Tosoni, Tarantino, 2013 – Tosoni S., Tarantino M. Media territories and urban conflict Exploring symbolic tactics and audience activities in the conflict over Paolo Sarpi, Milan // *The International Communication Gazette*. 2013. 75: 573-594.

References

Altaev, 1903 – Alataev, I. (1903). Iz sibirskih skazok [From Siberian fairy tales]. *Sibirskij nabljudatel'*. № 1. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3106/> [in Russian]

Amosova, 2019 – Amosova, M.A., Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A., Seredkina, N.N., Zamaraeva, Yu.S., Kistova, A.V., Reznikova, K.V., Kolesnik, M.A., Pimenova, N.N. (2019). Ethnocultural identity in the works of Krasnoyarsk artists. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 12(8): 1524-1551.

Anderson, 2019 – Anderson, B. (2019). Cultural geography II: The force of representations. *Progress in Human Geography*. 43(6): 1120-1132.

- Anuchin, 1904** – Anuchin, V.I. (1904). Sovremennoye polozheniye sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti v Yeniseyskoy gubernii [The current situation of the agricultural industry in the Yenisei province]. *Sibirskij nabljudatel'*. 4. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-5044/> [in Russian]
- Artamonova, 2017** – Artamonova, L.M. (2017). Samarskiye publikatsii V.G. Varentsova v stolichnoy i mestnoy periodike 1860-kh gg. kak istoricheskii istochnik [Samara publications by V.G. Varentsov in the capital and local periodicals of the 1860s. as a historical source]. *Bibliografiya. Arkheografiya. Istochnikovovedeniye*. Pp. 61-70. [in Russian]
- Balalueva, 2014** – Balalueva, I. (2014) Mediaobraz i socioobraz: processy vzaimoupravleniya v informacionnom obshchestve [Media image and social image: processes of mutual management in the information society]. *Pravo i upravlenie, XXI vek*, Nr 4 (33), pp. 86-91. [in Russian]
- Banini, Ilovan, 2021** – Banini, T., Ilovan, O.-R. (2021). Representing Place and Territorial Identities in Europe Discourses, Images, and Practices.
- Blinovskij, 1903** – Blinovskij, P. (1903). Inorodcy Urala: (ocherki) [The Aliens of the Urals: (essays)]. *Sibirskij nabljudatel'*. № 11-12. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3130/>
- Bogolepov, 1902** – Bogolepov, M. (1902). Semejnye shkoly: (po povodu odnogo proekta) [Family schools: (about one project)]. *Sibirskij nabljudatel'*. 7. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3100/> [in Russian]
- Chmelev, 1904** – Chmelev, N. (1904). O sveklovichnom sel'skom khozyaystve, sakharnom dele v Sibiri i o vozmozhnom yego razvitiy [About beet agriculture, sugar business in Siberia and its possible development]. *Sibirskij nabljudatel'*. 3. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-5046/> [in Russian]
- Chmelev, 1904** – Chmelev, N. (1904). O sveklovichnom sel'skom khozyaystve, sakharnom dele v Sibiri i o vozmozhnom yego razvitiy [About beet agriculture, sugar business in Siberia and its possible development]. *Sibirskij nabljudatel'*. 4. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-5047/> [in Russian]
- Demina, 2015** – Demina, M.O. (2015). Pervyy chastnyy zhurnal Tomska «Sibirskiy nabljudatel'»: tipologicheskiye osobennosti. *Problemy massovoy kommunikatsii: novyye podkhody*. Pp. 7-8. [in Russian]
- Dmitriev, 1901** – Dmitriev, P. (1901). Po Altaju [Across the Altai]. *Sibirskij nabljudatel'*. 5. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3039/> [in Russian]
- Ev.Kv., 1901** – Ev.K-v. (1901). Poezdka iz Zajsana na Chernyj Irtysh: (dorozhnye vpechatleniya) [A trip from Zaisan to the Black Irtysh: (road impressions)]. *Sibirskij nabljudatel'*. 6. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3040/> [in Russian]
- Erofeeva, Melnik, 2021** – Erofeeva, I., Melnik, G., Prostokishina, N. (2021). Teaching methods for modeling the image of territory in a media text: the problem of meaning formation. *Mediaobrazovanie*. 4: 601-611.
- Glushkova, Zaitseva, 2017** – Glushkova, T.S., Zaitseva, O.A. (2017). Mediaobraz kak instrument sozdaniya territorial'nogo imidzha: kognitivnyy aspekt [Media Image as a Tool for Creating a Territorial Image: Cognitive Aspect]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnyye issledovaniya*. 3(29): 5-57. [in Russian]
- Gorbatovskij, 1901** – Gorbatovskij, Ju.O. (1901). Kak Rossijanka pereselilas' v Sibir' : (iz istorii odnogo pereseleniya) [How a Russian woman moved to Siberia: (from the history of one resettlement)]. *Sibirskij nabljudatel'*. 11. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3044/> [in Russian]
- Gorshenin, 1905** – Gorshenin (1905). Na zare XX veka: (inorodcy Severa) [At the dawn of the XX century: (foreigners of the North)]. *Sibirskij nabljudatel'*. 7. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-5781/> [in Russian]
- Guillaume, 2020** – Guillaume, E. (2020). Territorial imagery and the creation of a Dutch identity, ArtHist.net, Paris.
- Ilovan, Doroftei, 2017** – Ilovan, O.-R., Doroftei, I. (2017). Qualitative research in regional geography: A methodological approach. Cluj-Napoca.
- Ju.G., 1902** – Ju.G. (1902). Kochevniki Gornogo Altaja [Nomads of the Altai Mountains]. *Sibirskij nabljudatel'*. 12. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3105/> [in Russian]
- Kameno-delatel'noye proizvodstvo..., 1903** – Kameno-delatel'noye proizvodstvo na Altaye [Stone-making production in Altai]. *Sibirskij nabljudatel'*. 1903. 4. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3106/> [in Russian]
- Kamenskaya, 2017** – Kamenskaya, E.V. (2017). Sovetskiye gazety kak istoricheskii istochnik: osobennosti i vozmozhnosti ispol'zovaniya [Soviet newspapers as a historical source: specifics and possibilities of use]. *Chelovek, obshchestvo, vlast'*. 100: 37-44. [in Russian]
- Kistova, 2016** – Kistova, A., Pimenova, N., Reznikova, K., Zamaraeva, J., Koptseva, N., Serehdina, N., Filko, A. (2016). Place management: Decoding the visual image of a Siberian city. *Journal of Applied Economic Sciences*. 11(6): 1143-1155.
- Kistova, 2020** – Kistova, A.V., Bulak, K.A., Pimenova, N.N., Shimanskaya, K.I., Pashova, E.V. (2020). The Image of the Yenisei in the Paintings of Krasnoyarsk Artists. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 13 (6): 891-903.

- Kljuge, 1901** – Kljuge, A. (1901). Povest' o chernoj lisice [The Tale of the Black Fox]. *Sibirskij nabljudatel'*. 5. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3039/> [in Russian]
- Kljuge, 1901** – Kljuge, A. (1901). Sibirskaja tajga [Siberian taiga]. *Sibirskij nabljudatel'*. 6. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3040/> [in Russian]
- Koptseva, 2015** – Koptseva, N.P., Reznikova, K.V. (2015). Three Paintings by Zdzislaw Beksinski: The Possibility of Art' After Auschwitz Authors. *Tomsk State University Journal*. 400: 121-133.
- Koptseva, 2019** – Koptseva, N.P.; Sitnikova, A.A. (2019). The Historical Basis for the Understanding of a State in Modern Russia: A Case Study Based on Analysis of Components in the Concept of a State, Established Between the Fifteenth and Sixteenth Centuries. *International Journal for the Semiotics of Law*. 32(1): 47-74.
- Koptseva, 2022** – Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Kvashnina, Yu.V., Sereckina, N.N., Leshchinskaya, N.M. (2022). Cultural Dynamics of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Krasnoyarsk Territory in Paintings and Graphic Works. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 15(6): 840-852.
- Kustarnaya promyshlennost'..., 1903** – Kustarnaya promyshlennost' [Handicraft industry]. *Sibirskij nabljudatel'*. 1903. 11-12. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3130/> [in Russian]
- Kuz'min, 1901** – Kuz'min, P. (1901). Iz poezdki k Olekminskim tungusam [From a trip to the Olekminsky tunguses]. *Sibirskij nabljudatel'*. №10. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3043/> [in Russian]
- Kuznecov-Krasnojarskij, 1902** – Kuznecov-Krasnojarskij (1902). Zametki o drevnih obitatelej juzhnyh chastej Enisejskoj gubernii [Notes on the ancient inhabitants of the southern parts of the Yenisei province]. *Sibirskij nabljudatel'*. 6. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3099/> [in Russian]
- Lancevskaja, 2015** – Lancevskaja, N.Ju. (2015). Mediaobraz territorii kak kompleks stereotipov brendinga mesta [Media image of the territory as a set of stereotypes of place branding]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4(28): 101-103. [in Russian]
- Lusan, 2019** – Lusan, V.S., Pimenova, N.N., Khrebtov, M.Ya., Khudonogova, A.E., Sertakova, E.A., Shimanskaya, K.I. (2019). Transformation of the Krasnoyarsk Urban Space in the 90s of the 20th Century. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 12(6): 1017-1034.
- N.G., 1901** – N.G. (1901). Pjatidesjatiletie Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva: (oherk) [Fiftieth anniversary of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society: (essay)]. *Sibirskij nabljudatel'*. 12. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3045/> [in Russian]
- Nikitin, 1903** – Nikitin, E. (1903). Nesposobnye i shkol'nye neudachniki: (nablyudeniya sibirskogo repetitora) [Incapable and school losers: (observations of a Siberian tutor)]. *Sibirskij nabljudatel'*. 8. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3128/> [in Russian]
- Nikol'skij, 1903** – Nikol'skij, V.K. (1903). Kirgizy: (oherk obshhestvenno-jekonomicheskoy zhizni kirgiz) [Kirghiz: (an essay on the socio-economic life of the Kirghiz)]. *Sibirskij nabljudatel'*. 8. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3128/> [in Russian]
- Nisova, 2016** – Nisova, M.V. (2016). Pervyye ocherki V.V. Kuritsyna v «Sibirskom nablyudatele»: osobennosti syuzheta i organizatsii teksta. *Zhurnal'skiy yezhegodnik*. 5: 98-100. [in Russian]
- Ob uregulirovanii..., 1902** – Ob uregulirovanii krest'yanskogo i inorodcheskogo zemlepol'zovaniya v Sibiri: oherk [On the regulation of peasant and foreign land use in Siberia: feature article]. *Sibirskij nabljudatel'*. 3. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3096/> [in Russian]
- Obrazovaniye obshchinnykh..., 1902** – Obrazovaniye obshchinnykh poryadkov v Sibiri [Formation of communal orders in Siberia]. *Sibirskij nabljudatel'*. 1902. 1. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3031/> [in Russian]
- Obrazovaniye obshchinnykh..., 1902a** – Obrazovaniye obshchinnykh poryadkov v Sibiri [Formation of communal orders in Siberia]. *Sibirskij nabljudatel'*. 1902. 2. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3095/> [in Russian]
- Obrazovaniye obshchinnykh..., 1902b** – Obrazovaniye obshchinnykh poryadkov v Sibiri [Formation of communal orders in Siberia] (1902). *Sibirskij nabljudatel'*. 3. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3096/> [in Russian]
- Ordynskij, 1902** – Ordynskij, A. (1902). Zabajkal'e i mongolo-burjaty buddisty: (jetnograficheskie nabroski) [Transbaikalia and the Mongol-Buryat Buddhists: (ethnographic sketches)]. *Sibirskij nabljudatel'*. 7. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3100/> [in Russian]
- Ordynskij, 1902** – Ordynskij, A. (1902). Zabajkal'e i mongolo-burjaty: (jetnograficheskie nabroski) [Transbaikalia and the Mongol-Buryats: (ethnographic sketches)] *Sibirskij nabljudatel'*. 9. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3102/> [in Russian]
- Ostrovskih, 1903** – Ostrovskih, P. (1903). Ditja prirody: (iz zhizni urjanhov) [The Child of Nature: (from the life of the Uriankhs)]. *Sibirskij nabljudatel'*. 11-12. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3130/> [in Russian]

Rynkov, 2010 – *Rynkov, V.M.* (2010). Periodicheskaya pechat': mesto v sisteme istoricheskikh istochnikov [Periodical press: a place in the system of historical sources]. *Otechestvennye archives*. 3: 44-50. [in Russian]

Samohvalov, 1902 – *Samohvalov, M.M.* (1902). Kuzneckij Alatau: (inorodcy zapadnogo sklona i juzhnoj chasti hrebta) [Kuznetsky Alatau: (peoples of the western slope and the southern part of the ridge)]. *Sibirskij nabljudatel'*. 5. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3098/> [in Russian]

Samohvalov, 1902 – *Samohvalov, M.M.* (1902). Kuzneckij Alatau: (inorodcy zapadnogo sklona i juzhnoj chasti hrebta) [Kuznetsky Alatau: (peoples of the western slope and the southern part of the ridge)]. *Sibirskij nabljudatel'*. 7. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3100/> [in Russian]

Serebrennikov, 1901 – *Serebrennikov, A.M.* (1901). K voprosu ob otkrytii v Tomske uchitel'skogo instituta v nachale semidesyatyh godov: materialy dlya istorii g. Tomska [On the issue of opening a teacher's institute in Tomsk in the early seventies: materials for the history of the city of Tomsk]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 11. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3044/> [in Russian]

Serebryanikov, 1903 – *Serebryanikov, A.M.* (1903). Materialy dlya istorii razvitiya prosveshcheniya v Sibiri [Materials for the history of the development of education in Siberia]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 9-10. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3129/> [in Russian]

Serebrynikov, 1903 – *Serebrynikov, A.M.* (1903). Organizatsiya i deyatelnost' Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya na nachalakh Polozheniya 16 iyunya 1870 goda: materialy dlya istorii goroda Tomska [Organization and activities of the Tomsk city public administration on the basis of the Regulations of June 16, 1870: materials for the history of the city of Tomsk]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 6. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3126/> [in Russian]

Serebrynikov, 1903 – *Serebrynikov, A.M.* (1903). Organizatsiya i deyatelnost' Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya na nachalakh Polozheniya 16 iyunya 1870 goda: materialy dlya istorii goroda Tomska [Organization and activities of the Tomsk city public administration on the basis of the Regulations of June 16, 1870: materials for the history of the city of Tomsk]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 7. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3127/> [in Russian]

Serebrynikov, 1903 – *Serebrynikov, A.M.* (1903). Organizatsiya i deyatelnost' Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya na nachalakh Polozheniya 16 iyunya 1870 goda: materialy dlya istorii goroda Tomska [Organization and activities of the Tomsk city public administration on the basis of the Regulations of June 16, 1870: materials for the history of the city of Tomsk]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 8. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3128/> [in Russian]

Serebrynikov, 1904 – *Serebrynikov, A.M.* (1904). Krasnoyarskoye gorodskoye obshchestvennoye upravleniye: materialy dlya istorii goroda Krasnoyarska [Krasnoyarsk city public administration: materials for the history of the city of Krasnoyarsk]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 7-8. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-5048/> [in Russian]

Serebrynikov, 1904 – *Serebrynikov, A.M.* (1904). Krasnoyarskoye gorodskoye obshchestvennoye upravleniye: materialy dlya istorii goroda Krasnoyarska [Krasnoyarsk city public administration: materials for the history of the city of Krasnoyarsk]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 9-10. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-5049/> [in Russian]

Serebrynikov, 1904 – *Serebrynikov, A.M.* (1904). Pervyy Tomskiy gorodskoy golova: materialy dlya istorii goroda Tomska [The first Tomsk mayor: materials for the history of the city of Tomsk]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 4. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-5047/> [in Russian]

Sitnikova, 2022 – *Sitnikova, A.A.* (2022). Severnyye ekspeditsii i obraz Arktiki v zarubezhnoy zhivopisi XIX veka [Northern Expeditions and the Image of the Arctic in Foreign Painting of the 19th Century] *Severnyye arkhivy i ekspeditsii*. (6/1): 240-249. [in Russian]

Skornjakov, 1901 – *Skornjakov, N.V.* (1901). Priangarskij kraj v jetnograficheskom otnoshenii [The Angara region in ethnographic terms]. *Sibirskij nabljudatel'*. 6. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3040/>

Skornjakov, 1901 – *Skornjakov, N.V.* (1901). Priangarskij kraj v jetnograficheskom otnoshenii [The Angara region in ethnographic terms]. *Sibirskij nabljudatel'*. 10. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3043/> [in Russian]

Sungurov, 2016 – *Sungurov, P.A.* (2016). Sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye Yeniseyskoy gubernii v nachale XX v. (po svedeniyam zhurnala «Sibirskiy nablyudatel'»). *Politematicheskij setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal KGAU*. 116: 1529-1539. [in Russian]

Tosoni, Tarantino, 2013 – *Tosoni, S., Tarantino, M.* (2013). Media territories and urban conflict Exploring symbolic tactics and audience activities in the conflict over Paolo Sarpi, Milan. *The International Communication Gazette*. 75: 573-594.

Vol'fon, 1901 – *Vol'fon, D.* (1901). Tomskij bunt, 1637-1638 gg. [Tomsk riot, 1637-1638 years]. *Sibirskij nabljudatel'*. 9. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3042/> [in Russian]

Vol'fon, 1902 – *Vol'fon, D.* (1902). Shkol'noe delo: (po zhurnalnam i gazetam) [School business: (according to magazines and newspapers)]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 5. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3098/> [in Russian]

- Vol'fson, 1902 – Vol'fson, D. (1902). Voskresnye shkoly v Tomske [Sunday Schools in Tomsk]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 1. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3031/> [in Russian]
- Vol'fson, 1902 – Vol'fson, D. (1902). Voskresnye shkoly v Tomske [Sunday Schools in Tomsk]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 3. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3096/> [in Russian]
- Vol'fson, 1902 – Vol'fson, D. (1902). Voskresnye shkoly v Tomske [Sunday Schools in Tomsk]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 6. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3099/> [in Russian]
- Vol'fson, 1902 – Vol'fson, D. (1902). Voskresnye shkoly v Tomske [Sunday Schools in Tomsk]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 7. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3100/> [in Russian]
- Vol'fson, 1902 – Vol'fson, D. (1902). Voskresnye shkoly v Tomske [Sunday Schools in Tomsk]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 9. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3102/> [in Russian]
- Vol'fson, 1902 – Vol'fson, D. (1902). Voskresnye shkoly v Tomske [Sunday Schools in Tomsk]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 11. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3104/> [in Russian]
- Vol'fson, 1902 – Vol'fson, D. (1902). Voskresnye shkoly v Tomske [Sunday Schools in Tomsk]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 12. [Electronic resource]. URL: <https://www.elib.tomsk.ru/purl/1-3105/> [in Russian]
- Yakovenko, 2003 – Yakovenko, A.V. (2003). Otdel «Bibliografiya» zhurnala «Sibirskiy nablyudatel'» (1901–1906): k istorii kriticheskoy bibliografii i retsenzirovaniya v Sibiri [Department “Bibliography” of the journal “Sibirskii nablyudatel'” (“Siberian Observer”) (1901–1906): on the history of critical bibliography and review in Siberia]. *Narodnaya kul'tura: lichnost', tvorchestvo, dosug: sb. st. i materialov konf.* Pp. 359–361. [in Russian]
- Yarensky, 1903 – Yarensky, K. (1903). Po povodu upadka zolotopromyshlennosti i reformy yeye [Regarding the decline of the gold industry and its reform]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 4. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3124/> [in Russian]
- Zamarayeva, 2020 – Zamarayeva, Yu.S. (2020). Slozhnyye formy etnicheskoi identichnosti [Complex Forms of Ethnic Identity]. *Severnyye arkhivy i ekspeditsii.* 4/ 2). Pp. 75–89. [in Russian]
- Zolotopromyshlennost' v Sibiri, 1903 – Zolotopromyshlennost' v Sibiri [Gold industry in Siberia]. *Sibirskiy nablyudatel'*. 1903. 6. [Electronic resource]. URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-3126/> [in Russian]

Образ сибирских территорий Российской империи в журнале «Сибирский наблюдатель» (1901–1906 годы издания)

Наталья Николаевна Середкина ^{a, *}, Анна Андреевна Шпак ^a, Наталья Николаевна Пименова ^a, Юлия Сергеевна Замараева ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Образ сибирских территорий является сегодня одним из актуальных объектов исследования в гуманитарной науке. Значимость имеют не только исследования современного облика территории, но и исторического. Данная статья посвящена анализу образа сибирских территорий Российской империи в XIX – начале XX вв. через рассмотрение системы управления, промышленности, сельского хозяйства, образования и народонаселения Сибири. Это те области, которые получили наиболее широкое освещение на страницах исторического издания начала XX в. – «Сибирский наблюдатель». Данное издание представляет собой периодический журнал, издававшийся в Томске в период с 1901 по 1906 гг. и послуживший источниковедческой базой для данной статьи. Проанализировано содержание большого количества материалов журнала по выделенным репрезентативным тематическим направлениям статей. Результаты проведенного исследования показывают, что образ сибирских территорий в материалах журнала в сфере их управления и в сфере образования характеризуется существенными трансформациями, а роль их определяется как ведущая. Благодаря налаженному делопроизводству, регулярной отчетности, перераспределению финансовых доходов и расходов, возникает система управления, функционирующая в городах и по сию пору в неизменном виде. Значительные трансформации, произошедшие в сфере образования в Сибири к концу XIX – началу XX вв., позволили определить ведущую роль сибирских городов во главе с Томском в общероссийской системе образования того времени. Этнический образ сибирских территорий определен как многонациональный и поликультурный, характеризующийся тенденцией к синтезу культур, проявленному в некоторых обычаях и языковом заимствовании.

Ключевые слова: образ Сибири, Российская империя, «Сибирский наблюдатель», управление территориями, сельское хозяйство, промышленность, народонаселение Сибири, образование, рубеж XIX–XX веков.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nnevolko@sfu-kras.ru (Н.Н. Середкина), annahey@gmail.com (А.А. Шпак), pimenovapluzhnik@mail.ru (Н.Н. Пименова), rybka08@bk.ru (Ю.С. Замараева)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1397-1404
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1397

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Potential of the Power Apparatus of the Moscow Authorities in the Framework of Countering the Revolutionary Movement in 1905

Pavel S. Seleznev ^{a, *}, Stanislav E. Prokofiev ^a, Konstantin V. Simonov ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

As part of the study, an assessment is made of the potential of the power apparatus available to the authorities of Moscow in 1905, in terms of combating the revolutionary movement. The work methodology includes systemic, structural and comparative analysis. The source base of the article includes sources of personal origin and previously unpublished office materials from the fund of the Department for the Protection of Public Security and Order in Moscow under the mayor. Based on the study of empirical material, it was concluded that by the beginning of the acute phase of the revolution of 1905–1907 the power apparatus of the old capital did not have sufficient resources for the prompt and full-scale suppression of unrest. Insufficient funding and limited staffing of police units were combined with a lack of weapons, a relatively low degree of development of the undercover apparatus, the absence of specialized riot control units, as well as a well-developed methodology for their actions. In a number of cases, police units did not have sufficient rights to carry out full-fledged search activities. The low level of wages and the practice of abuse of power by the local middle management had a negative impact on the level of motivation of the police personnel. Since 1903, the number of troops stationed in Moscow has been decreasing on a regular basis, primarily due to the transfer of soldiers and officers to the Far East. The loss of personnel was compensated only partially, mainly by calling up reserve soldiers who were not very suitable for solving the problems of fighting the revolution. At the same time, a significant part of the available military resources was spent on secondary functions, due to which the workload on the units designed to help the police in the fight against riots increased significantly. Logistical problems prevented the timely return to Moscow of units released after the conclusion of peace with Japan. Decisions to increase the material base and expand the staff of the Moscow security forces were taken by the central leadership of the Ministry of Internal Affairs with a great delay - at the very end of 1905. Accordingly, the relatively low effectiveness of the Moscow security forces in countering the revolutionary movement in the old capital was primarily due to their lack of sufficient material base and prolonged disregard for their needs by the central administration.

Keywords: revolution, 1905, police, army, gendarmes, security department, Moscow.

1. Введение

Противодействие московских властей революционному движению в 1905 г. традиционно является одним из наиболее широко обсуждаемых аспектов истории первой российской революции. Старая столица выступала в качестве одной из главных локаций в рамках революционного движения, ход событий на ее территории во многом определял динамику соответствующих процессов в общероссийских масштабах. И потому меры реагирования со стороны местных властей закономерно отображались на развитии антиправительственного движения на территории всей империи.

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), SEProkofev@fa.ru (S.E. Prokofiev), KVSimonov@fa.ru (K.V. Simonov)

Однако изучению соответствующих событий на объективной основе длительное время препятствовала социально-политическая конъюнктура. Оценки противодействия властей Москвы революционному движению зачастую выстраивались в зависимости от положений официальной идеологии или личных политических предпочтений авторов. Отдельные исследователи под влиянием авторитета конкретных современников революции подменяли полноценные научные изыскания подбором фактов в подтверждение тезисов, сформулированных в том или ином источнике личного происхождения. Негативное влияние на изучение темы борьбы с революцией в Москве оказала и практика ревизионизма – как в рамках разрыва с наработками дореволюционных исследователей со стороны представителей советской исторической школы, так и в ходе переосмысления ее наследия в современный период.

Потенциал московских силовых структур в 1905 г. является одним из аспектов данной темы, в наибольшей степени ощутившим на себе влияние указанных негативных трендов. Его оценки в значительном числе опубликованных работ обуславливались в первую очередь стремлением привести картину событий в соответствие с заранее сформулированной позицией посредством избирательного подбора фактов. Равным образом многие исследователи стремились отобразить имидж правоохранителей империи в сугубо негативном либо, напротив, сверхпозитивном ключе. Как следствие, искажались представления об условиях функционирования силового аппарата в Москве, в том числе – в ключе обсуждения обстоятельств принятия конкретных решений.

Следствием этого стало искажение системы представлений о процессе противодействия московских властей революционному движению в 1905 г. и в целом состоянии силового аппарата государства в соответствующем периоде.

Цель исследования заключается в оценке потенциала силового аппарата, доступного властям Москвы на 1905 г., в рамках борьбы с революционным движением.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы этой статьи формируют неопубликованные архивные документы – делопроизводственные материалы Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве при градоначальнике, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации. Их дополняют воспоминания участников, очевидцев и современников революции 1905 г. (Бобровская, 1924; Буренин, 1961; Герасимов, 2004; Мартынов, 2004; Новицкий, 1991).

Методологический аппарат исследования включает в себя системный, структурный и сравнительный анализ. Использование системного анализа позволило реконструировать модель организации силового аппарата, доступного московским властям. Структурный анализ дал возможность выделить наиболее значимые подразделения данного аппарата и изучить их взаимоотношения. Сравнительный анализ был использован для сопоставления состояния элементов силового аппарата на разных временных отрезках и оценки релевантности его реального потенциала текущим задачам.

3. Обсуждение

В рамках дореволюционной историографии тема состояния силовых подразделений Москвы 1905 г. исследовалась в контексте изучения противодействия террористическим организациям и общего анализа криминогенной ситуации в старой столице в 1900-х гг. При этом авторы были вынуждены опираться преимущественно на материалы периодической печати, источники личного происхождения и данные включенного наблюдения (Берман, 1913; Гредескул, 1912).

В советский период затрагиваемая проблематика получила широкое освещение, в том числе за счет активного вовлечения в научный оборот новых источников, включая архивные материалы. Но общая концепция оценки состояния силового аппарата искусственным образом приводилась в соответствие с тезисами официальной историографии большевистской партии (Гуляев, 1935; Кальманович, 1928; Панкратов, Поляков, 1965; Панкратова, 1951; Ростов, 1926; Яковлев, 1957).

Для современной историографии заявленной темы характерны как активные попытки переоценки накопленных ранее знаний на основе принципа объективности (проявляющейся в том числе в отказе от идеологизации), так и следы политизации, связанные с попытками как апологии, так и дискредитации руководства силового аппарата Москвы в 1905 г. (Алмазов, 2020; Ананьич, Ганелин, 2000; Варфоломеев, 2008; Галкин, 1996; Овченко, 2012; Перегудова, 2000).

4. Результаты

Характеризуя потенциал силовых подразделений, оказавшихся в распоряжении московских властей на период начала острой фазы революции, в первую очередь стоит отметить их сравнительную немногочисленность. 15 ноября 1905 г. московский генерал-губернатор П.П. Дурново докладывал руководству Министерства внутренних дел, что в его распоряжении находятся лишь около 2 тыс. полицейских и приблизительно 8–9 тыс. солдат и офицеров городского гарнизона (значительную часть которых приходится ежедневно выделять для формирования усиленных нарядов, осуществлявших дежурство на территории города). При этом генерал-губернатор

подчеркивал, что расширение масштабов привлечения войск к полицейским мероприятиям может привести к существенному росту недовольства среди солдат, так как власти не имеют ресурсов, чтобы в достаточной мере обеспечить участвующих в работе нарядов военнослужащих продовольствием и спальными местами. Как отмечал П.П. Дурново, неудовлетворительные условия несения службы в рамках усиленных нарядов даже становились причиной начала солдатских сходок (одна из них имела место 13 ноября) (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 79-80).

Сходную оценку состоянию наличных силовых ресурсов дал и градоначальник Г.П. Медем. В письме от 16 ноября 1905 г. на имя управляющего Министерством внутренних дел П.Н. Дурново он подчеркивал, что располагает лишь ограниченным контингентом наружной полиции, одновременно указывая, что организация розыска преступников и правонарушителей в ее подразделениях поставлена на неудовлетворительном уровне (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 93-94).

Отдельно следует отметить, что как П.П. Дурново, так и Г.П. Медем в рамках переписки с руководством МВД заявили об отсутствии объективной возможности должным образом исполнять возложенные на них обязанности и обратились к руководству с прошением об отставке (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 80, 94).

Сведения, приводимые в отчетах московских властей, подтверждают подсчеты историков на основе анализа делопроизводственных документов. Так, изыскания Н.Н. Яковлева позволили установить, что на начало декабря в распоряжении властей старой столицы находились приблизительно 2,3 тыс. полицейских и 4 тыс. жандармов, 6,5 тыс. солдат и офицеров пехотных подразделений, а также личный состав 5 кавалерийских полков и 2 артиллерийских бригад (Яковлев, 1957: 44). По оценке Дж. Сандерса, численность полицейских в Москве в начале декабря 1905 г. составляла около 1,5–2,2 тыс. человек, с учетом жандармов – приблизительно 3,5 тыс. (Sanders, 1987: 59). По подсчетам М.Г. Алмазова, на начало декабря 1905 г. в Москве при исполнении обязанностей находился 2 301 представитель наружной полиции (Алмазов, 2020: 53).

При этом численность полицейских была ощутимо ниже значений, закрепленных в штатах ведомства. Так, из 2 028 полагавшихся по штату городских в распоряжении властей реально находились 1 865 человек, из 150 городских резерва – только 74, из 288 околоточных надзирателей – лишь 264, из 126 приставов и помощников пристава – 98. Соответственно, из 2 952 штатных сотрудников реально в Москве присутствовали лишь 2 301. Таким образом, масштаб некомплекта составлял около 22 %. В итоге на одну тысячу официально учтенных жителей столицы приходилось лишь 2–3 сотрудника полиции. Отчасти данная ситуация обусловливалась последствиями войны против Японии: многие полицейские были мобилизованы на условия сохранения занимаемых должностей (Алмазов, 2020: 53; ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 15. Л. 47).

Серьезные проблемы испытывала и фабрично-заводская полиция. Как правило, количество ее представителей даже на крупных предприятиях было крайне невелико. Так, численность персонала фабрики Товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры на октябрь 1905 г. составляла более 5,9 тыс. человек, в то время как для контроля над ними были выделены 7 представителей полиции (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 782. Л. 83).

При этом важно отметить, что находившиеся на службе полицейские были в массе своей слабо мотивированы к полноценному выполнению своих обязанностей, в первую очередь – материально. Околоточный надзиратель в Москве, например, получал, по данным за ноябрь 1905 г., 50–58 рублей в месяц. Как следствие, многие полицейские охотно меняли профессию, переходя на более высокооплачиваемые вакансии ночных сторожей в частном секторе экономики (Буренин, 1961: 16; ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 9. Л. 54).

Руководство МВД было хорошо осведомлено о проблеме нехватки кадров в московской полиции: еще в 1902 г. было принято решение увеличить штаты полиции в старой столице на 26 %. Однако полноценно реализовать данное намерение не позволила острая нехватка финансов. Городская дума Москвы всячески препятствовала увеличению расходов местного бюджета на содержание полиции. В результате в 1905 г. транши из бюджета Москвы на содержание полиции составили лишь 1,2 млн рублей, или около 37,5 % от бюджета правоохранителей. В то же время МВД не могло полноценно финансировать московскую полицию из-за позиции Министерства финансов, пытавшегося оптимизировать государственные расходы. Как следствие, из государственного бюджета на нужды полиции старой столицы выделили в 1905 г. только 2 млн. В результате к ноябрю 1905 г. лишь каждый третий городской в Москве имел на вооружении револьвер (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784. Т. I. Л. 58-59; Гурьев, 2014: 112).

Ситуацию усугубляло то, что в составе московской полиции на 1905 г. отсутствовали специализированные подразделения, способные эффективно подавлять массовые беспорядки. Например, хорошо подходившие для решения соответствующих задач подразделения конной полиции были созданы лишь годом позже (Ерошкин, 1952: 668; Островитянинов, 1967: 34).

Отдельно необходимо отметить, что для значительной части полицейских был характерен высокий уровень недовольства масштабами распространения коррупции среди руководителей среднего звена, что проявлялось в том числе в форме направляемых в Санкт-Петербург петиций с жалобами (в частности, одна из них была направлена в адрес С.Ю. Витте). Некоторые полицейские и

дворники Москвы даже принимали участие в митингах. Полицейские декларировали требование освободить их от участия в розыскных мероприятиях по политическим преступлениям, дворники выражали недовольство своей ролью в качестве вынужденных помощников полиции. Имели место и попытки создания профсоюзов сотрудников полиции (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 782. Л. 75; Сторожев, 1920: 110; Таратута, 1925: 71).

В то же время среди московских полицейских фиксировались и иные тенденции: тревожно широкие масштабы приобрели антисемитизм и правый экстремизм, распространение которых также снижало степень управляемости силовиками и увеличивало вероятность эксцессов, способных спровоцировать новые вспышки протестов (Алмазов, 2020: 55; Вознесенский, 1928: 56; Чебарин, 1953: 28).

Жандармский дивизион Москвы насчитывал лишь около 500 человек. При этом его сотрудники не были полноценно подготовлены к борьбе с массовыми беспорядками. В подразделениях отсутствовали даже инструкции по методам противодействия толпе, а отсутствие организации по участкам препятствовало оперативному реагированию на сообщения о волнениях (Бобровская, 1924: 32; Брачев, 2002: 72; Герасимов, 2004: 196).

В случае жандармских подразделений, отвечавших за безопасность и спокойствие на железных дорогах, работа правоохранителей во многом блокировалась действиями местных представителей Всероссийского железнодорожного союза. Положение дел усугубляло то, что работавшие на железных дорогах жандармы не были наделены достаточным объемом полномочий. Они обладали лишь правом формального дознания и потому не могли производить полноценные оперативно-розыскные мероприятия. При этом на 1905 г. у «железнодорожных» жандармов отсутствовала агентура в среде рабочих и служащих, к ее созданию приступили лишь после декабрьского восстания (Звездов, 1925: 26; Мартынов, 2004: 37; Новицкий, 1991: 27; Таратута, 1925: 39).

Московское охранное отделение на 1905 г. переживало серьезный кризис, связанный в первую очередь с растущей нехваткой финансирования (ощутимо проявлявшийся еще в период пребывания во главе данного подразделения С.В. Зубатова). В 1905 г. руководство Департамента полиции выделило московскому охранному отделению годовой бюджет в 112 тыс. рублей, что далеко не соответствовало ее реальным потребностям. В результате уже в апреле представители «охранки» были вынуждены обратиться к градоначальнику с просьбой о заимообразном возмещении в размере 11 тыс. рублей. Однако им была выдана лишь ссуда на 5 тыс. рублей. Дефицит денежных средств в итоге существенным образом отразился в том числе на состоянии системы наружного наблюдения: в ноябре 1905 г. в распоряжении московского охранного отделения находились только 84 филера (при учете того, что численность населения старой столицы превышала 1,5 млн человек) (Sanders, 1987: 68).

В качестве дополнительного источника проблем для организации борьбы с революционным движением в Москве выступала практика высокой частоты кадровых перестановок в руководстве регионального охранного отделения. За 1905 г. центральный аппарат трижды менял главу данного ведомства (Черномордик, 1926: 31).

Как уже было отмечено выше, численность расположенных в Москве воинских подразделений, пригодных для борьбы с революционными беспорядками, также была сравнительно невелика. Однако в данном случае необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство: численность личного состава размещенных в городе войск последовательно сокращалась на протяжении 1903–1905 гг. Более того, данный процесс не прекращался даже накануне декабрьского восстания. По данным за 1 октября 1905 г., в Москве размещались 15,2 тыс. солдат и офицеров. Но к 25 ноября их количество сократилось уже до 10,9 тыс. человек (Алмазов, 2020: 57; Панкратова, 1951: 74–75).

Еще осенью 1903 г. начался процесс активной переброски подразделений, размещенных в Московском военном округе, в Маньчжурию. К середине лета 1904 г. только из Астраханского, Екатеринославского, Киевского, Несвижского, Перновского, Ростовского, Самогитского и Таврического подразделений на Дальний Восток было переброшено 2,6 тыс. солдат и офицеров. Всего к началу июня 1905 г. из Москвы переместили 5,9 тыс. военнослужащих. В то же время еще в мае руководство Военного ведомства потребовало от командования Московского военного округа подготовить к отправке на Дальний Восток еще 5,5 тыс. солдат и офицеров (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 839. Л. 33).

В итоге численность многих подразделений, размещенных в Москве либо в ее окрестностях, упала до критически низкого уровня. Так, по данным на 7 июня 1905 г., в рядах гренадерского корпуса осталось немногим более 1 тыс. нижних чинов. В частях Екатеринославского и Несвижского полков, расквартированных в старой столице, осталось менее 100 человек (в каждом подразделении) (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 839. Л. 39).

Возникающую нехватку кадров местному командованию предлагалось возмещать за счет двух ресурсов – призыва запасных (самых старших сроков службы и многосемейных) и удержания отслуживших солдат-срочников. Как следствие, качество подготовки и уровень мотивации личного состава начал падать (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 839. Л. 42).

Завершение войны с Японией в сентябре 1905 г. не привело к существенному улучшению ситуации. С одной стороны, началась массовая демобилизация. Так, к концу ноября только из

пехотных частей московского гарнизона были демобилизованы более 700 человек только в рамках призыва 1901 г. При этом возникли ощутимые проблемы с возвращением в Москву ранее переброшенных на Дальний Восток подразделений. На фактор малой пропускной способности Транссибирской магистрали налагались нарушения в расписании переброски войск, негативные последствия которых усугублялись плохо организованным процессом возвращения домой запасных солдат (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 118).

При этом доступные московским властям военные подразделения были обязаны выполнять многочисленные дополнительные обязанности, закономерным следствием чего становился дефицит ресурсов для решения основных задач. Так, в сентябре–октябре 1905 г., т.е. в период пика забастовочного движения, в обязанности войск входили:

- несение двухсменного ежедневного караула в рамках отведенных районов (что требовало выделения около 50 человек на территорию в день);
- выполнение домашних нарядов с посыльными (что предполагало отвлечение приблизительно 130 человек);
- отвлечение сил для выполнения обязанностей дежурных и дневальных по ротам (примерно 130 человек);
- выделение кадров для обучения ожидающихся новобранцев (приблизительно 190 человек) и т.д. (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 123-124).

В среднем в рамках одного пехотного полка на исполнение соответствующих приказов выделялось около 660 солдат и унтер-офицеров (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 124).

При этом были и дополнительные обязанности, не имевшие прямого отношения к воинской службе. В частности, нижних чинов регулярно направляли в качестве «наряда статистов» в театры, использовали в качестве прислуги в офицерских собраниях, сапожников, портных или поваров (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 117).

Росту нагрузки на армейские подразделения способствовала также отправка части наличных сил на подавление крестьянских восстаний осенью 1905 года (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 839. Л. 92).

Необходимо отметить, что московские власти проявляли достаточно большую активность, пытаясь решить обозначенные выше проблемы. В частности, в сентябре 1905 г. генерал-губернатор П.П. Дурново добивался от руководства Московского военного округа отправки в Москву дополнительных армейских подразделений, в том числе – 2 пехотных дивизий, 2 кавалерийских полков и 1 артиллерийской бригады. Однако в итоге в старую столицу направили лишь 9 казачьих сотен. П.П. Дурново также ставил вопрос о двукратном увеличении сил полиции перед управляющим Министерством внутренних дел в ноябре 1905 г. (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 125).

В итоге с целью усиления полицейского аппарата в Москве руководство МВД направило в старую столицу ассигнования в размере 19 млн рублей. В начале декабря было принято решение о расширении штатов московской полиции на 1 тыс. человек, однако его формально одобрили лишь в конце месяца, т.е. после завершения декабрьского восстания (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 129).

5. Заключение

Количественные данные о численности сил армии и полиции в Москве, объеме их обязанностей и материальном обеспечении позволяют заявить, что к началу острой фазы революции 1905–1907 гг. силовой аппарат старой столицы не располагал достаточными ресурсами для оперативного и полномасштабного подавления беспорядков. Недостаточный объем финансирования и ограниченные размеры штатов полицейских подразделений сочетались с нехваткой оружия, сравнительно невысокой степенью развития агентурного аппарата, отсутствием специализированных подразделений по борьбе с беспорядками, а также проработанной методики их действий. В ряде случаев подразделения полиции не обладали достаточным объемом прав для проведения полноценной розыскной деятельности. Низкий уровень заработной платы и практика злоупотреблений должностными полномочиями со стороны местного руководства среднего звена отрицательным образом отражались на уровне мотивации личного состава полиции. Численность расквартированных в Москве войск на регулярной основе сокращалась с 1903 г., в первую очередь – за счет переброски солдат и офицеров на Дальний Восток. Убыль личного состава компенсировалась лишь частично, преимущественно – путем призыва малопригодных к решению задач борьбы с революцией солдат запаса. При этом значительная часть доступных военных ресурсов расходовалась на выполнение второстепенных функций, в силу чего нагрузка на подразделения, призванные помогать полиции в борьбе с беспорядками, существенно возрастала. Логистические проблемы препятствовали своевременному возвращению в Москву подразделений, высвободившихся после заключения мира с Японией. Решения об увеличении материальной базы и расширении штатов московских силовиков были приняты центральным руководством МВД с большим опозданием – в самом конце 1905 г.

Таким образом, сравнительно низкая эффективность противодействия московских силовиков революционному движению в старой столице была обусловлена в первую очередь отсутствием у них

достаточной материальной базы и длительным игнорированием их потребностей центральным аппаратом управления.

Литература

- Алмазов, 2020 – Алмазов М.Г. Ф.В. Дубасов и подавление Декабрьского восстания в Москве // *Российская история*. 2020. № 1. С. 51-74.
- Ананьич, Ганелин, 2000 – Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000.
- Берман, 1913 – Берман Я. Влияние социально-правового и экономического фактора на государственную преступность // *Право*. 1913. № 33. С. 1912-1914.
- Бобровская, 1924 – Бобровская Ц. Записки рядового подпольщика (1894–1914). М., 1924.
- Брачев, 2002 – Брачев В.С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 2002.
- Буренин, 1961 – Буренин Н.Е. Памятные годы. Воспоминания. Л., 1961.
- Варфоломеев, 2008 – Варфоломеев Ю.В. «Русский способ»: Феномен революционного терроризма в России начала XX в. // *Российский исторический журнал*. 2008. № 2. С. 3-51.
- Вознесенский, 1928 – Вознесенский А.Н. Тени прошлого: (По царским судам). Из воспоминаний политического защитника. М., 1928.
- Галкин, 1996 – Галкин В.В. Царская тайная полиция в борьбе с революционным движением в России (1880–1910 гг.). М., 1996.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Герасимов, 2004 – Герасимов А.В. На лезвии с террористами / «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 141-345.
- Гредескул, 1912 – Гредескул Н.А. Террор и охранка. СПб., 1912.
- Гуляев, 1935 – Гуляев А.И. Боевые дружины большевиков. Работа боевой организации большевиков Нарвской заставы г. Петербурга в 1905–1907 гг. Л., 1935.
- Гурьев, 2014 – Гурьев В.И. Московская полиция 1881–1917 гг. СПб., 2014.
- Ерошкин, 1952 – Ерошкин Н.П. Административно-полицейский аппарат / История Москвы. Т. 5. Период империализма и буржуазно-демократических революций. М., 1952. С. 663-675.
- Звездов, 1925 – Звездов А.А. Рядовой подпольщик в революции 1905 г. М., 1925.
- Кальманович, 1928 – Кальманович С.Е. Царская расправа. М., 1928.
- Мартынов, 2004 – Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов: Воспоминания / «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 28-410.
- Новицкий, 1991 – Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.
- Овченко, 2012 – Овченко Ю.Ф. Безопасность империи: политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия (1880–1917 гг.). М., 2012.
- Островитянинов, 1967 – Островитянов К.В. Думы о прошлом (из истории первой российской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве). М., 1967.
- Панкратов, Поляков, 1965 – Панкратов Н.Р., Поляков И.М. Военно-боевая работа большевиков 1903–1917 гг. М., 1965.
- Панкратова, 1951 – Панкратова А.М. Первая русская революция. 2-е изд. М., 1951.
- Перегудова, 2000 – Перегудова З.И. Политический сыск в России (1881–1917). М., 2000.
- Сторожев, 1920 – Сторожев В.Н. Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам) / Декабрьское восстание в Москве 1905 г. М., 1920. С. 109-114.
- Таратута, 1925 – Таратута В.К. 1905 год и Московское восстание. М., 1925.
- Чебарин, 1953 – Чебарин А.С. Москва в революции 1905–1907 гг. М., 1953.
- Черномордик, 1926 – Черномордик С.И. Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года. М.-Л., 1926.
- Яковлев, 1957 – Яковлев Н.Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957.
- Sanders, 1987 – Sanders J. The Uprising of December 1905. N. Y., 1987.

References

- Almazov, 2020 – Almazov, M.G. (2020). F.V. Dubasov i podavlenie Dekabr'skogo vosstaniya v Moskve [Dubasov and the suppression of the December uprising in Moscow]. *Rossiiskaya istoriya*. 1: 51-74. [in Russian]
- Anan'ich, Ganelin, 2000 – Anan'ich, B.V., Ganelin, R.Sh. (2000). Sergei Yul'evich Vitte i ego vremena [Sergei Yulievich Witte and his time]. SPb. [in Russian]
- Berman, 1913 – Berman, Ya. (1913). Vliyanie sotsial'no-pravovogo i ekonomicheskogo faktora na gosudarstvennyuyu prestupnost' [Influence of the socio-legal and economic factor on state crime]. *Pravo*. 33: 1912-1914. [in Russian]

- Bobrovskaya, 1924** – *Bobrovskaya, Ts.* (1924). Zapiski ryadovogo podpol'shchika (1894–1914) [Notes of an ordinary underground worker (1894–1914)]. M. [in Russian]
- Brachev, 2002** – *Brachev, V.S.* (2002). Mastera politicheskogo syska dorevolyutsionnoi Rossii [Masters of political investigation of pre-revolutionary Russia]. SPb. [in Russian]
- Burenin, 1961** – *Burenin, N.E.* (1961). Pamyatnyegody. Vospominaniya [Memorable Years. Memories]. L. [in Russian]
- Chebarin, 1953** – *Chebarin, A.S.* (1953). Moskva v revolyutsii 1905–1907 gg. [Moscow in the revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Chernomordik, 1926** – *Chernomordik, S.I.* (1926). Moskovskoe vooruzhennoe vosstanie v dekabre 1905 goda [Moscow armed uprising in December 1905]. M.; L. [in Russian]
- Eroshkin, 1952** – *Eroshkin, N.P.* (1952) Administrativno-politseiskii apparat [Administrative and police apparatus]. Istoriya Moskv. V. 5. Period imperializma i burzhuazno-demokraticheskikh revolyutsii. M.: 663-675. [in Russian]
- Galkin, 1996** – *Galkin, V.V.* (1996). Tsarskaya tainaya politsiya v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v Rossii (1880–1910 gg.) [Tsarist secret police in the fight against the revolutionary movement in Russia (1880–1910)]. M. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation].
- Gerasimov, 2004** – *Gerasimov, A.V.* (2004). Na lezvii s terroristami. «Okhranka»: Vospominaniya rukovoditelei okhrannykh otdelenii [On the edge with terrorists]. T. 2. M.: 141-345. [in Russian]
- Gredeskul, 1912** – *Gredeskul, N.A.* (1912). Terror i okhranka [Terror and secret police]. SPb. [in Russian]
- Gulyaev, 1935** – *Gulyaev, A.I.* (1935). Boevye druzhiny bol'shevikov. Rabota boevoi organizatsii bol'shevikov Narvskoi zastavy g. Peterburga v 1905–1907 gg. [Fighting squads of the Bolsheviks. The work of the fighting organization of the Bolsheviks of the Narva outpost in St. Petersburg in 1905–1907]. L. [in Russian]
- Gur'ev, 2014** – *Gur'ev, V.I.* (2014). Moskovskaya politsiya 1881–1917 gg. [Moscow police 1881–1917]. SPb. [in Russian]
- Kal'manovich, 1928** – *Kal'manovich, S.E.* (1928). Tsarskaya rasprava [Tsarist massacre]. M. [in Russian]
- Martynov, 2004** – *Martynov, A.P.* (2004). Moyasluzhba v otdel'nomkorpusezhandarmov: Vospominaniya. «Okhranka»: Vospominaniyarukovoditeleiokhrannykhotdelenii [My service in a separate gendarme corps: Memoirs]. T. 1. M.: 28-410. [in Russian]
- Novitskii, 1991** – *Novitskii, V.D.* (1991). Iz vospominanii zhandarma [Novitsky From the memoirs of a gendarme]. M. [in Russian]
- Ostrovityaninov, 1967** – *Ostrovityanov, K.V.* (1967). Dumy o proshlom (iz istorii pervoi rossiiskoi revolyutsii, bol'shevistskogo podpol'ya i oktyabr'skikh boev protiv kontrevolyutsii v Moskve) [Dumas about the past (from the history of the first Russian revolution, the Bolshevik underground and the October battles against the counter-revolution in Moscow)]. M. [in Russian]
- Ovchenko, 2012** – *Ovchenko, Yu.F.* (2012). Bezopasnost' imperii: politicheskii rozysk-sredstvo obespecheniya bezopasnosti Rossiiskogo samoderzhaviya (1880–1917 gg.) [The security of the empire: political search as a means of ensuring the security of the Russian autocracy]. M. [in Russian]
- Pankratov, Polyakov, 1965** – *Pankratov, N.R., Polyakov, I.M.* (1967). Voенно-boevaya rabotabol'shevikov 1903–1917 gg. [Military combat work of the Bolsheviks 1903–1917]. M. [in Russian]
- Pankratova, 1951** – *Pankratova, A.M.* (1951). Pervaya russkaya revolyutsiya [The first Russian revolution]. 2-e izd. M. [in Russian]
- Peregudova, 2000** – *Peregudova, Z.I.* (2000). Politicheskii sysk v Rossii (1881–1917) [Political investigation in Russia (1881–1917)]. M. [in Russian]
- Sanders, 1987** – *Sanders, J.* (1987). The Uprising of December 1905. N.Y.
- Storozhev, 1920** – *Storozhev, V.N.* (1920). Dekabr'skoe vooruzhennoe vosstanie (Po arkhivnym materialam) [December armed uprising (According to archival materials)]. Dekabr'skoe vosstanie v Moskve 1905 g. M.:109-114. [in Russian]
- Taratuta, 1925** – *Taratuta, V.K.* (1925). 1905 god i Moskovskoe vosstanie [1905 and the Moscow uprising]. M. [in Russian]
- Varfolomeev, 2008** – *Varfolomeev, Yu.V.* (2008). «Russkiis posob»: Fenomen revolyutsionnogo terrorizma v Rossii nachala XX v. [“Russian Way”: The Phenomenon of Revolutionary Terrorism in Russia at the Beginning of the 20th Century]. *Rossiiskii istoricheskii zhurnal*. 2: 3-51. [in Russian]
- Voznesenskii, 1928** – *Voznesenskii, A.N.* (1928). Teni proshlogo: (Po tsarskim sudam). Izvospominanii politicheskogo zashchitnika [Shadows of the Past: (According to the royal courts). From the memoirs of a political defender]. M. [in Russian]
- Yakovlev, 1957** – *Yakovlev, N.N.* (1957). Vooruzhennye vosstaniya v dekabre 1905 goda [Armed uprisings in December 1905]. M. [in Russian]
- Zvezdov, 1925** – *Zvezdov, A.A.* (1925). Ryadovoi podpol'shchik v revolyutsii 1905 g. [An ordinary underground worker in the revolution of 1905]. M. [in Russian]

Потенциал силового аппарата властей Москвы в рамках противодействия революционному движению в 1905 г.

Павел Сергеевич Селезнев ^а*, Станислав Евгеньевич Прокофьев ^а, Константин Васильевич Симонов ^а

^а Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

Аннотация. В рамках исследования производится оценка потенциала силового аппарата, доступного властям Москвы в 1905 г., с точки зрения борьбы с революционным движением. Методология работы включает в себя системный, структурный и сравнительный анализ. Источниковая база статьи включает в себя источники личного происхождения и ранее не опубликованные делопроизводственные материалы из фонда Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве при градоначальнике. На основании изучения эмпирического материала сделан вывод о том, что к началу острой фазы революции 1905–1907 гг. силовой аппарат старой столицы не располагал достаточными ресурсами для оперативного и полномасштабного подавления беспорядков. Недостаточный объем финансирования и ограниченные размеры штатов полицейских подразделений сочетались с нехваткой оружия, сравнительно невысокой степенью развития агентурного аппарата, отсутствием специализированных подразделений по борьбе с беспорядками, а также проработанной методики их действий. В ряде случаев подразделения полиции не обладали достаточным объемом прав для проведения полноценной розыскной деятельности. Низкий уровень заработной платы и практика злоупотреблений должностными полномочиями со стороны местного руководства среднего звена отрицательным образом отражались на уровне мотивации личного состава полиции. Численность расквартированных в Москве войск на регулярной основе сокращалась с 1903 г., в первую очередь – за счет переброски солдат и офицеров на Дальний Восток. Убыль личного состава компенсировалась лишь частично, преимущественно – путем призыва мало пригодных к решению задач борьбы с революцией солдат запаса. При этом значительная часть доступных военных ресурсов расходовалась на выполнение второстепенных функций, в силу чего нагрузка на подразделения, призванные помогать полиции в борьбе с беспорядками, существенно возрастала. Логистические проблемы препятствовали своевременному возвращению в Москву подразделений, высвободившихся после заключения мира с Японией. Решения об увеличении материальной базы и расширении штатов московских силовиков были приняты центральным руководством МВД с большим опозданием – в самом конце 1905 г. Соответственно, сравнительно низкая эффективность противодействия московских силовиков революционному движению в старой столице была обусловлена в первую очередь отсутствием у них достаточной материальной базы и длительным игнорированием их потребностей центральным аппаратом управления.

Ключевые слова: революция, 1905 г., полиция, армия, жандармы, охранное отделение, Москва.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), SEProkofev@fa.ru (С.Е. Прокофьев), KVSimonov@fa.ru (К.В. Симонов)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1405-1413
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1405

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Barrier” Factors in the Framework of the Struggle of the Moscow Authorities with the Revolutionary Movement in 1905

Pavel S. Seleznev ^{a, *}, Olga V. Perfilieva ^b, Konstantin V. Simonov ^a, Stanislav P. Mitrakhovich ^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^b National University of Science and Technology MISiS, Moscow, Russian Federation

Abstract

The study reveals the question of the factors that prevented effective opposition to the revolutionary movement in Moscow in 1905 before the start of the armed uprising. The methodological set of tools used in the survey includes structural, diachronic and synchronous analysis. The source base of the work was formed by attracting unpublished archival documents from the funds of the Department for the Protection of Public Security and Order in Moscow under the Moscow mayor and the Police Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, as well as a wide range of sources of personal origin. The results of the conducted research allow us to conclude that the Moscow authorities failed to fully realize the potential of the methods of combating the revolution available to them due to the presence of a number of circumstances, both objective and subjective. The police apparatus of Moscow and the military units stationed in the city and its environs were too few in number to solve the tasks assigned to them. Effective communication was not established between law enforcement and other law enforcement agencies, as a result of which their actions were poorly coordinated and often had an uncoordinated character. The Moscow leadership, represented by the governor-general and the mayor, was disoriented by the lack of clear and unambiguous instructions regarding the implementation of domestic policy after the publication of the manifesto on October 17. As a result, officials tried to delegate responsibility whenever possible and refrained from decisive action, showing high passivity. The importance of the exchange of information between departments and within them was leveled by the low speed of processing even the most important messages: the latter often reached the addressee with a colossal delay. Attempts to interact with loyalists also did not bring the expected result. The authorities cooperated with public organizations that did not have real support among the broad masses, and at the same time they did not take measures to prevent representatives of criminals and marginalized elements from being involved in the street activity of the monarchists. The consequence of this was an increase in the number of episodes of violence, which stimulated both the radicalization of the revolutionary movement and an increase in public fears about the outbreak of pogroms and riots. At the same time, some of the leaders of monarchist structures often poorly coordinated their actions with the Moscow authorities, and grassroots activists even spread various destructive rumors. A natural consequence of a combination of various factors that reduced the effectiveness of opposition to the revolutionary movement on the part of the authorities was the escalation of revolutionary violence, which resulted in the events of the armed uprising in December 1905.

Keywords: revolution, 1905, opposition, Moscow, police, gendarmerie, rallies, riots, pogroms.

1. Введение

Политика российских властей в отношении борьбы с революционным движением в 1905 г. неоднократно становилась предметом исследований. Однако система научных представлений о

* Corresponding author

E-mail addresses: PSeleznev@fa.ru (P.S. Seleznev), oyperfilieva@gmail.com (O.V. Perfilieva), KVSimonov@fa.ru (K.V. Simonov), SPMitrakhovich@fa.ru (S.P. Mitrakhovich)

соответствующих событиях по-прежнему остается во многом лакунарной. Ее также характеризует наличие явных следов влияния общественно-политической конъюнктуры. В советский период действия силовых и административных структур империи демонизировались. Их отображали в строгом соответствии с оценками, изложенными в трудах лидеров большевистской партии. В последующем созданные советскими исследователями концепции подверглись ревизии. Однако далеко не всегда их переоценка основывалась на принципах объективности. Если ранее отображение событий 1905 г. осуществлялось в соответствии с точкой зрения современников-большевиков, то теперь исследователи начали выстраивать объяснительные модели на основе мнений противников революции. Положение усугубляет то, что зачастую очевидцы революции, ставшие объектом симпатии для современных историков, сохранили в источниках противоречащие друг другу трактовки событий 1905 г. Последнее во многом объяснялось обстоятельствами происхождения источников, включая взаимоотношения их авторов между собой, места и времени создания нарратива и т.д. Аналогичные недостатки можно выявить также внутри корпуса делопроизводственных документов: чиновники, относящиеся к категории «лиц, принимающих» решения, активно пытались переложить ответственность на коллег.

Естественным следствием этого стало появление запроса на ревизию истории противодействия властей революционному движению. И в первую очередь это касается вопроса о противоборстве власти и революционеров в главном центре революционного движения 1905–1907 гг. – Москве.

Целью нашего исследования выступает выявление факторов, препятствовавших усилиям московских властей по борьбе с революционным движением в 1905 г. до начала вооруженного восстания, т.е. перехода активности противников существующего режима в стадию, на которой ее пресечение было возможно лишь сугубо силовыми методами с привлечением внешних ресурсов.

2. Материалы и методы

Источниковая база этой статьи включает в себя не опубликованные ранее архивные документы. К ним относятся материалы из фондов Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве при московском градоначальнике и Департамента полиции Министерства внутренних дел (хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации). Также активно использовались источники личного происхождения (мемуары Ц. Бобровской, Н.Е. Буренина, С.Д. Урусова и др.) (Бобровская, 1924; Буренин, 1961; Урусов, 2009).

Методологический фундамент исследования выстраивался на основе сочетания структурного, синхронного и диахронного анализа: структурный – позволил выделить и классифицировать методики противодействия революционному движению, синхронный – дал возможность сравнить действия властей внутри одного хронологического отрезка, диахронный – сопоставить политико-правовые практики разных периодов.

3. Обсуждение

Данную работу подготовил коллектив авторов из Финансового университета при Правительстве РФ.

В дореволюционной историографии интересующая нас тема изучалась в ключе исследования отдельных аспектов, таких, как прямое противодействие властей революционному насилию, в частности – борьба с террором. При этом в распоряжении исследователей имелась достаточно узкая источниковая база, внутри которой доминировали нарративные источники (Берман, 1913; Гредескул, 1912).

В советской историографии соответствующая проблематика получила всестороннее освещение, в том числе – за счет использования отложившихся в архивах документов. Однако историки были вынуждены следовать тезисам официальной идеологии (Гуляев, 1935; Ерошкин, 1952; Кальманович, 1928; Мицкевич, 1940; Панкратов, Поляков, 1965; Панкратова, 1951; Ростов, 1926; Сторожев, 1920; Таратута, 1925; Чебарин, 1953; Черномордик, 1926).

Современную историографию темы характеризует наличие двух противоположных трендов: с одной стороны, предпринимаются попытки ее пересмотра на основе принципа объективности, с другой – оформляется апологетический тренд к освещению событий в комплементарном для властей империи русле (Алмазов, 2020; Ананьич, Ганелин, 2000; Брачев, 2002; Будницкий, 1994; Варфоломеев, 2008; Галкин, 1996; Гурьев, 2014; Овченко, 2012; Перегудова, 2000).

4. Результаты

В рамках борьбы с революционным движением в столице в распоряжении властей к моменту начала политического кризиса имелся достаточно обширный комплекс мер. К моменту начала революции в нормативно-правовых актах империи уже были закреплены и достаточно детализированы разнообразные процедуры административно-полицейского, военно-полицейского и чисто военного характера. К первым относилась возможность издавать разнообразные распоряжения, регулирующие общественно-политическую активность, и добиваться их выполнения за счет ресурсов органов государственной власти. К мерам второй категории относилось использование смешанных групп силовиков (полицейских нарядов с приданными им войсками) для обеспечения общественного порядка. Меры чисто военного характера сводились к открытому использованию войск для

подавления революционного движения. Однако необходимо подчеркнуть, что мероприятия органов власти в рамках подавления революционного движения не ограничивались использованием чисто силовых методов. В частности, были предприняты попытки консолидации подданных-лоялистов и привлечения общественных организаций с целью укрепления социальной базы действующей власти, модерации общественного мнения посредством воздействия на средства массовой информации и т.д. (Алмазов, 2020: 53).

«Положения о мерах к укреплению государственного порядка и общественного спокойствия», принятые в 1881 г., наделяли власти правом издавать разнообразные нормативно-правовые акты репрессивного характера, а также заключать неблагонадежных лиц под стражу, штрафовать их или вовсе удалять за пределы территории Москвы. Первоначально (в феврале – сентябре 1905 г.) столичное руководство активно и достаточно эффективно использовало соответствующие возможности – у силовиков имелся достаточно богатый опыт их применения (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 784. Т. I. Л. 84-87). Однако после издания манифеста 17 октября Министерство внутренних дел издало ряд распоряжений, существенно ограничивающих применение положений 1881 г. Возникла ситуация, в рамках которой московские власти были совершенно дезориентированы. С одной стороны, новые инструкции затрудняли проведение высылки, установление гласного полицейского надзора и применение иных традиционных мер, с другой – предписывали поддерживать режим усиленной охраны в Москве. В итоге вплоть до начала всероссийской почтово-телеграфной стачки в ноябре 1905 г. московские силовики действовали в отношении революционеров крайне нерешительно (Перегудова, 2000: 53; Герасимов, 2004: 42).

В результате высшая бюрократия старой столицы оказалась в сложном положении: любые действия репрессивного характера, равно как и последовательное соблюдение новых прав подданных, были чреваты нарушением противоречивых указаний высшего руководства. Как следствие, чиновники зачастую предпочитали бездействовать либо прилагали все усилия, чтобы делегировать свою ответственность коллегам. В данном плане показательным является то, что в течение первых 10 дней после публикации манифеста 17 октября генерал-губернатор Москвы воздерживался от издания обязательных постановлений. Только 29 октября московские власти начали ощутимым образом реагировать на рост революционной активности (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 9. Л. 39-41; Урусов, 2009: 78-79).

В рамках мер административно-полицейского характера они в первую очередь попытались усилить контроль за:

- прибытием и выездом новых жителей Москвы (через отчетность владельцев гостиниц, «заезжих домов», подворий и меблированных комнат, а также квартирантов перед полицией);
- проведением публичных собраний и забастовок. Последнее предполагало, в том числе, борьбу с принуждением к прекращению работы или препятствованию ее продолжению;
- оборотом оружия и взрывчатых веществ. Продажа оружия допускалась только при наличии именного разрешительного свидетельства от градоначальника, а его хранение и ношение – особого свидетельства главы московской полиции (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 33-35).

Однако на практике власти крайне редко привлекали жителей Москвы к ответственности за соответствующие преступления. Так, за период с середины октября по середину ноября 1905 г. за нарушение норм распространения оружия и взрывчатых веществ задержали всего 26 человек, а за нарушение правил сообщения полиции о смене места жительства – 280. С 12 ноября по 12 декабря полицейские смогли схватить лишь двух участников «незаконных сборищ» и 48 рабочих, заподозренных в причастности к забастовкам (Вознесенский, 1928: 79; ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 156-157). При этом стоит отметить, что размер наказания за одни и те же правонарушения зачастую определялся бессистемно и произвольно, без учета предшествующей правоприменительной практики. В отдельных случаях тяжесть наказания явно не соответствовала тяжести проступка. Так, у служащего Николаевской железной дороги Е.Т. Хохлова (члена партии эсеров) были обнаружены 4 винтовки, 27 револьверов и почти 2 тыс. патронов, однако он получил в качестве наказания лишь штраф в размере 500 рублей (Алмазов, 2020: 55; Дейч, 1926: 43; Козлинина, 1913: 478; Островитянинов, 1967: 37).

В целом способность московской полиции эффективно выполнять предписания генерал-губернатора и градоначальника в отношении борьбы с революционным движением можно поставить под сомнение в силу одной лишь ее относительной немногочисленности: на момент начала революции в распоряжении московских властей имелось, по разным оценкам, от 2 до 2,3 тыс., то есть на 1 тыс. москвичей приходилось в среднем 2–3 сотрудника полиции. При этом в ее составе отсутствовали отдельные подразделения, специально обученные для борьбы с массовыми беспорядками и в целом противодействия революционерам. Полицейские также были перегружены разнообразными дополнительными задачами (в частности, на них возлагался контроль за соблюдением административных, санитарных и

противопожарных норм, выполнением установленных правил торговли, а также архитектурных стандартов). Уровень оплаты труда полицейского оставался сравнительно небольшим (около 50–60 рублей в месяц). Специфика формы зачастую подрывала общественный статус полицейских. Так, околоточный надзиратель (позиция, соответствующая положению губернского

секретаря) был вынужден носить погоны бомбардира-наводчика и потому отдавал честь лицам, формально занимавшим более низкую позицию в «Табели о рангах». В совокупности с низкими возможностями для карьерного роста это провоцировало высокую текучесть кадров среди полицейских, еще больше понижая их потенциал с точки зрения противодействия революционерам (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 783. Л. 185; Гурьев, 2014: 87-89; Ерошкин, 1952: 670; Мартынов, 2004: 94).

Ситуацию усугубляла неудовлетворительная работа управленческого аппарата. Так, 17 ноября в Москву поступили сведения от киевского, подольского и волынского генерал-губернатора В.А. Сухомлинова относительно отправки в город партии из 16 ящиков приобретенного контрабандным путем в Германии оружия. Однако это срочное извещение было рассмотрено адресатом только 9 декабря. 12 октября в Москву из Петербурга было направлено извещение о планах революционеров в период 14–23 октября провести серию съездов таких организаций, как Всероссийский крестьянский союз, Союз союзов, Союз учителей и Союз инженеров и техников. В случае, если они попытаются провести мероприятия без уведомления и разрешения властей, московскому градоначальнику предписывалось разогнать собравшихся. Однако с соответствующим приказом в Москве ознакомились лишь 28 октября (Алмазов, 2020: 56).

Использование военно-полицейских методов также не приносило желаемого результата по причине недостаточности ресурсов и организационных проблем. С одной стороны, московские власти в принципе могли рассчитывать на поддержку лишь небольшого числа силовиков. В городе размещалось, по разным оценкам, от 1 200 до 4 000 жандармов и до 9 000 военнослужащих (солдат и офицеров пехотных полков московского гарнизона, драгун, казаков, гренадеров и артиллеристов). При этом жандармы, несмотря на наличие тесных связей с охранным отделением, почти не взаимодействовали с полицией (Алмазов, 2020: 56-57; Новицкий, 1991: 68; Овченко, 2012: 49).

Коммуникация сил правопорядка с армейскими частями также была организована не лучшим образом. Гражданская администрация была обязана согласовывать вызов и использование войск с руководством Московского военного округа. Равным образом ни генерал-губернатор, ни градоначальник не имели права напрямую распоряжаться войсками. Они могли лишь давать соответствующие указания непосредственным командирам войск. При этом на практике данные указания носили скорее характер рекомендаций. В ходе подавления революционного движения в Москве имели место случаи, когда даже штаб-офицеры открыто игнорировали распоряжения градоначальника. При этом на низовом уровне также была широко распространена практика «переподтверждения» распоряжений обер-офицерами, если приказ передавался им через сотрудиников полиции (ГАРФ. Ф. 102. 2-е д-во. Оп. 62. Д. 41. Ч. 2. Л. 7; ГАРФ. Ф. 102. ДП. 4-е д-во. 1905. Оп. 316. Д. 2586. Л. 19).

Положение ухудшалось то, что соединения московского гарнизона осенью 1905 г. проходили через процесс демобилизации. Как следствие, зачастую командование размещенных в Москве полков отказывало гражданским властям в выделении войск для особых нарядов по причине острой нехватки личного состава. Так, в ноябре в Ростовском полку свободные резервы насчитывали всего 15 человек, так как ранее в Москву были направлены 2 роты и 3 полуроты, т.е. практически весь личный состав соединения на тот момент (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 782. Л. 12).

Следует подчеркнуть, что отказы в предоставлении воинских команд также обуславливались низким уровнем организации их обеспечения и транспортировки. Военнослужащих могли доставить на место задолго до начала ожидающихся беспорядков (или же приказ о назначении приходил с большим опозданием), а само время пребывания в наряде, как и очередность привлечения к ним подразделений, ничем не регламентировались. В результате солдат мог находиться в наряде в течение нескольких суток бессменно. При этом военнослужащих могли размещать на ночлег в сараях или товарных вагонах. Организация питания также являлась предметом постоянной критики в адрес полиции. Представителям МВД выделялись средства на содержание военнослужащих, однако на практике солдаты и офицеры зачастую были вынуждены приобретать еду за свой счет (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 43).

С учетом положения войск и полиции открытое применение военной силы без получения значительных подкреплений извне фактически было невозможным, что достаточно хорошо осознавалось революционерами и во многом подтолкнуло их к организации вооруженного восстания в декабре 1905 г. (Бобровская, 1924: 75; Головков, 2005: 59-60; Звездов, 1925: 15).

Политика властей Москвы в отношении консолидации подданных-лоялистов и управления общественным мнением также может быть охарактеризована как малоэффективная. Летом 1905 г. генерал-губернатор предпринял попытку реанимировать работу структур добровольной охраны – общественного объединения, сформированного для «охраны императора» на время его пребывания в старой столице из членов объединений хоругвеносцев. В итоге добровольная охрана достаточно быстро начала проявлять признаки политической субъектности (хотя ее работу и курировало охранное отделение). Ее руководство выдвинуло идею отправки депутации к императору. Монарх принял ее 10 октября и остался вполне доволен этой встречей. Однако вскоре выяснилось, что лидеры добровольной охраны откровенно дезинформировали императора. Ими было заявлено, что они могут мобилизовать до 100 тыс. членов. Однако в реальности их структура не смогла вывести на улицы и

малой части от этого количества в период октябрьских стачек (Засулич, 1931: 112; ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 15. Л. 30-31).

Московские власти также поддержали инициативу «Союза русских людей» о создании приходских комитетов монархистов на основе церковных общин. Но в итоге эту инициативу так и не смогли реализовать по причине отсутствия достаточного количества активистов (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 15. Л. 49).

После этого генерал-губернатор и градоначальник переориентировали своих подчиненных на поддержку уличной активности лоялистов, однако те вскоре начали выступать с откровенно опасными требованиями. Так, 19 октября монархисты провели на Бахметьевской улице шествие с требованием закрытия фабрик и ремесленных заведений, рабочие которых были заподозрены в антиправительственных настроениях. Одновременно на низовом уровне среди жителей Москвы начали распространяться слухи о возможном начале еврейского погрома (о чем жителям по собственной инициативе зачастую сообщали нижние чины полиции) и системных чистках в рабочих районах. Последнее, наряду с частыми вооруженными стычками между правыми и левыми экстремистами, породило панику среди общественности. Массовый поток обращений в адрес С.Ю. Витте и Д.Ф. Трепова вынудил центральные власти жестко надавить на московское руководство. Однако генерал-губернатор и градоначальник не сумели оперативно предпринять необходимые меры, в результате чего к 22 октября число манифестаций радикальных монархистов достигло своего пика (как, впрочем, и количество вооруженных столкновений между сторонниками и противниками революции). Причиной частых конфликтов на улицах Москвы стали грубые требования групп представителей «патриотической общественности» публично продемонстрировать свою лояльность к монархии, сама форма которых провоцировала жителей Москвы на активное сопротивление (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 839. Л. 22).

Многочисленность демонстраций монархистов в данный период объяснялась во многом тем, что слухи о возможных погромах мотивировали присоединиться к манифестациям представителей криминала и московских маргиналов, присутствие которых дезориентировало и демотивировало реальных сторонников императора. К организации шествий также активно привлекались «профессиональные манифестанты», за плату принимавшие участие в мероприятиях и левых, и либералов. Уже 23 октября полиция получила прямые распоряжения о пресечении «патриотических шествий», что в том числе привело к попыткам нападения на правоохранителей со стороны их участников (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 797. Т. II. Л. 61; Караев, 1953: 93).

В последующем первую крупную уличную акцию монархисты смогли провести лишь в середине ноября, однако она привела лишь к новым проблемам для московского руководства. Николай II лично усомнился в достоверности данных о численности участников манифестации и приказал проверить их достоверность. В результате был вскрыт факт широкого привлечения организаторами «профессиональных манифестантов». При этом с конца октября в Москве начали распространяться анонимные воззвания, адресованные православным и старообрядцам, содержавшие призыв собираться в Кремле и отправляться в поход, чтобы «освободить царя». Это вызвало новые приступы паники среди общественности. Собрания граждан разного уровня (в том числе профессиональных объединений и групп, объединяющих родителей учащихся гимназий и реальных училищ) начали направлять властям коллективные постановления с просьбой защитить их от возможных беспорядков (Головков, 2005: 85-87).

Все это в итоге способствовало саботажу планов московских властей по использованию ресурсов монархических объединений (в том числе в рамках создания «городской полиции» из «русских людей»).

5. Заключение

В 1905 г. властям Москвы был доступен относительно широкий арсенал методов борьбы с революционным движением. Однако они не смогли реализовать их потенциал в силу наличия ряда обстоятельств объективного и субъективного характера. Полицейский аппарат Москвы и размещенные в городе и его окрестностях военные части были слишком немногочисленны, чтобы решать поставленные перед ними задачи. Между правоохранительными и иными силовыми ведомствами не была выстроена эффективная коммуникация, в результате чего их действия плохо координировались и зачастую носили несогласованный характер. Московское руководство в лице генерал-губернатора и градоначальника было дезориентировано отсутствием четких и однозначных указаний относительно реализации внутренней политики после издания манифеста 17 октября. В результате чиновники старались при возможности делегировать ответственность и воздерживались от решительных действий, проявляя высокую пассивность. Значение обмена информацией между ведомствами и внутри них нивелировала низкая скорость обработки даже важнейших сообщений, которые зачастую достигали адресата с колоссальным опозданием. Попытки взаимодействия с лоялистами также не принесли ожидаемого результата. Власти сотрудничали с общественными организациями, не имевшими реальной поддержки в широких массах, и в то же время ими не были предприняты меры по предотвращению вовлечения в уличную активность монархистов

представителей криминала и маргинализированных элементов. Следствием этого стал рост числа эпизодов насилия, что стимулировало как радикализацию революционного движения, так и увеличение опасений общественности относительно начала погромов и беспорядков. При этом часть лидеров монархических структур зачастую слабо координировала свои действия с властями Москвы, а низовые активисты и вовсе распространяли разнообразные деструктивные слухи. Естественным следствием сочетания разнообразных факторов, снижавших эффективность противодействия революционному движению со стороны властей, стала эскалация революционного насилия, вылившаяся в события вооруженного восстания в декабре 1905 г.

Литература

- Алмазов, 2020 – Алмазов М.Г. Ф.В. Дубасов и подавление Декабрьского восстания в Москве // *Российская история*. 2020. № 1. С. 51-74.
- Ананьич, Ганелин, 2000 – Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000.
- Берман, 1913 – Берман Я. Влияние социально-правового и экономического фактора на государственную преступность // *Право*. 1913. № 33. С. 1912-1914.
- Бобровская, 1924 – Бобровская Ц. Записки рядового подпольщика (1894–1914). М., 1924.
- Брачев, 2002 – Брачев В.С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 2002.
- Будницкий, 1994 – Будницкий О.В. «Кровь по совести»: терроризм в России. Вторая половина XIX – начало XX вв. // *Отечественная история*. 1994. № 6. С. 203-209.
- Буренин, 1961 – Буренин Н.Е. Памятные годы. Воспоминания. Л., 1961.
- Варфоломеев, 2008 – Варфоломеев Ю.В. «Русский способ»: Феномен революционного терроризма в России начала XX в. // *Российский исторический журнал*. 2008. № 2. С. 3-51.
- Вознесенский, 1928 – Вознесенский А.Н. Тени прошлого: (По царским судам). Из воспоминаний политического защитника. М., 1928.
- Галкин, 1996 – Галкин В.В. Царская тайная полиция в борьбе с революционным движением в России (1880–1910 гг.). М., 1996.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Герасимов, 2004 – Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 141-345.
- Головков, 2005 – Головков Г.З. Бунт по-русски: палачи и жертвы: Рандеву с революцией 1905–1907 гг. М., 2005.
- Гредескул, 1912 – Гредескул Н.А. Террор и охранка. СПб., 1912.
- Гуляев, 1935 – Гуляев А.И. Боевые дружины большевиков. Работа боевой организации большевиков Нарвской заставы г. Петербурга в 1905–1907 гг. Л., 1935.
- Гурьев, 2014 – Гурьев В.И. Московская полиция 1881–1917 гг. СПб., 2014.
- Дейч, 1926 – Дейч Л.Г. Провокаторы и террор. По личным воспоминаниям. Тула, 1926.
- Ерошкин, 1952 – Ерошкин Н.П. Административно-полицейский аппарат // *История Москвы*. Т. 5. Период империализма и буржуазно-демократических революций. М., 1952. С. 663-675.
- Засулич, 1931 – Засулич В.Н. Воспоминания. М., 1931.
- Звездов, 1925 – Звездов А.А. Рядовой подпольщик в революции 1905 г. М., 1925.
- Кальманович, 1928 – Кальманович С.Е. Царская расправа. М., 1928.
- Караев, 1953 – Караваев П.Н. В дооктябрьские годы. На партийной работе, в тюрьме и ссылке. М., 1953.
- Козлинина, 1913 – Козлинин Е.И. За полвека. 1862–1912 гг. (Пятьдесят лет в стенах суда). Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913.
- Мартынов, 2004 – Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов: Воспоминания // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 28-410.
- Мицкевич, 1940 – Мицкевич С.И. Революционная Москва. М., 1940.
- Новицкий, 1991 – Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.
- Овченко, 2012 – Овченко Ю.Ф. Безопасность империи: политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия (1880–1917 гг.). М., 2012.
- Островитянинов, 1967 – Островитянов К.В. Думы о прошлом (из истории первой российской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве). М., 1967.
- Панкратов, Поляков, 1965 – Панкратов Н.Р., Поляков И.М. Военно-боевая работа большевиков 1903–1917 гг. М., 1965.
- Панкратова, 1951 – Панкратова А.М. Первая русская революция. 2-е изд. М., 1951.
- Перегудова, 2000 – Перегудова З.И. Политический сыск в России (1881–1917). М., 2000.
- Ростов, 1926 – Ростов Н.М. Южное Военно-техническое бюро при ЦК РСДРП // *Каторга и ссылка*. 1926. № 1. С. 93-108.

- Сторожев, 1920** – *Сторожев В.Н.* Декабрьское вооруженное восстание (По архивным материалам) // Декабрьское восстание в Москве 1905 г. М., 1920. С. 109-114.
- Таратута, 1925** – *Таратута В.К.* 1905 год и Московское восстание. М., 1925.
- Урусов, 2009** – *Урусов С.Д.* Записки. Три года государственной службы. М., 2009.
- Хлобустов, 2000** – *Хлобустов О.М.* Большевики и терроризм в России. Большевики и политический терроризм в России // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 28-35.
- Чебарин, 1953** – *Чебарин А.С.* Москва в революции 1905–1907 гг. М., 1953.
- Черномордик, 1926** – *Черномордик С.И.* Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года. М.-Л., 1926.

References

- Almazov, 2020** – *Almazov, M.G.* (2020) F.V. Dubasov i podavlenie Dekabr'skogo vosstaniya v Moskve [Dubasov and the suppression of the December uprising in Moscow]. *Rossiiskaya istoriya*. 1: 51-74. [in Russian]
- Anan'ich, Ganelin, 2000** – *Anan'ich, B.V., Ganelin, R.Sh.* (2000). Sergei Yul'evich Vitte i ego vremya [Sergei Yulievich Witte and his time]. SPb. [in Russian]
- Berman, 1913** – *Berman, Ya.* (1913). Vliyanie sotsial'no-pravovogo i ekonomicheskogo faktora na gosudarstvennyuyu prestupnost' [Influence of the socio-legal and economic factor on state crime]. *Pravo*. 33: 1912-1914. [in Russian]
- Bobrovskaya, 1924** – *Bobrovskaya, Ts.* (1924). Zapiski ryadovogo podpol'shchika (1894–1914) [Notes of an ordinary underground worker (1894–1914)]. M. [in Russian]
- Brachev, 2002** – *Brachev, V.S.* (2002). Mastera politicheskogo syska dorevolyutsionnoi Rossii [Masters of political investigation of pre-revolutionary Russia]. SPb. [in Russian]
- Budnitskii, 1994** – *Budnitskii, O.V.* (1994). «Krov' posovesti»: terrorizm v Rossii. Vtorayapolovina XIX – nachalo XX vv. ["Blood for Conscience": Terrorism in Russia. Second half of the 19th – early 20th centuries]. *Otechestvennayaistoriya*. 6: 203-209. [in Russian]
- Burenin, 1961** – *Burenin, N.E.* (1961). Pamyatnyegody. Vospominaniya [Memorable Years.Memories]. L. [in Russian]
- Chebarin, 1953** – *Chebarin, A.S.* (1953). Moskva v revolyutsii 1905–1907 gg. [Moscow in the revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Chernomordik, 1926** – *Chernomordik, S.I.* (1926). Moskovskoe vooruzhennoe vosstanie v dekabre 1905 goda [Moscow armed uprising in December 1905]. M.; L. [in Russian]
- Deich, 1926** – *Deich, L.G.* (1926). Provokatory i terror. Po lichnym vospominaniyam. Tula. [Provocateurs and terror. From personal memories]. [in Russian]
- Eroshkin, 1952** – *Eroshkin, N.P.* (1952). Administrativno-politseiskii apparat [Administrative and police apparatus]. *Istoriya Moskvy*. V.5. Period imperializma i burzhuzno-demokraticheskikh revolyutsii. M.: 663-675. [in Russian]
- Galkin, 1996** – *Galkin, V.V.* (1996). Tsarskaya tainaya politsiya v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v Rossii (1880–1910 gg.) [Tsarist secret police in the fight against the revolutionary movement in Russia (1880–1910)]. M. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation].
- Gerasimov, 2004** – *Gerasimov, A.V.* (2004). Na lezvii s terroristami. «Okhranka»: Vospominaniya rukovoditelei okhrannykh otdelenii [On the edge with terrorists]. T. 2. M.: 141-345. [in Russian]
- Golovkov, 2005** – *Golovkov, G.Z.* (2005). Bunt po-russki: palachi i zherty: Randevu s revolyutsiei 1905–1907 gg. [Revolt in Russian: Executioners and Victims: Rendezvous with the Revolution of 1905–1907]. M. [in Russian]
- Gredeskul, 1912** – *Gredeskul, N.A.* (1912). Terror i okhranka [Terror and secret police]. SPb. [in Russian]
- Gulyaev, 1935** – *Gulyaev, A.I.* (1935). Boevye druzhiny bol'shevikov. Rabota bovoi organizatsii bol'shevikov Narvskoi zastavy g. Peterburga v 1905–1907 gg. [Fighting squads of the Bolsheviks. The work of the fighting organization of the Bolsheviks of the Narva outpost in St. Petersburg in 1905–1907]. L. [in Russian]
- Gur'ev, 2014** – *Gur'ev, V.I.* (2014). Moskovskaya politsiya 1881–1917 gg. [Moscow police 1881–1917]. SPb. [in Russian]
- Kal'manovich, 1928** – *Kal'manovich, S.E.* (1928) Tsarskaya rasprava [Tsarist massacre]. M. [in Russian]
- Karavaev, 1953** – *Karavaev, P.N.* (1953). V dooktyabr'skie gody. Na partiinoirabote, v tyur'me i ssylke [Karavaev in the pre-October years]. M. [in Russian]
- Khlobustov, 2000** – *Khlobustov, O.M.* (2000). Bol'sheviki i terrorizm v Rossii. Bol'sheviki i politicheskii terrorizm v Rossii [Bolsheviks and terrorism in Russia. Bolsheviks and political terrorism in Russia]. *Sovremennyi terrorizm: sostoyanie i perspektivy*. M.: 28-35. [in Russian]

- Kozlinina, 1913** – *Kozlinina, E.I.* (1913). Zapolveka. 1862–1912 gg. (Pyat'desyat let v stenakhsuda). Vospominaniya, ocherki i kharakteristiki [For half a century. 1862–1912 (Fifty years in the walls of the court). Memories, Essays and Characteristics]. M. [in Russian]
- Martynov, 2004** – *Martynov, A.P.* (2004). Moyasluzhba v otdel'nomkorpusezhandarmov: Vospominaniya. «Okhranka»: Vospominaniyarukovoditeleiokhrannykhotdelenii [My service in a separate gendarme corps: Memoirs]. T. 1. M.: 28–410. [in Russian]
- Mitskevich, 1940** – *Mitskevich, S.I.* (1940). Revolyutsionnaya Moskva [Revolutionary Moscow]. M. [in Russian]
- Novitskii, 1991** – *Novitskii, V.D.* (1991). Iz vospominanii zhandarma [Novitsky From the memoirs of a gendarme]. M. [in Russian]
- Ostrovityaninov, 1967** – *Ostrovityanov, K.V.* (1967). Dumy o proshlom (iz istorii pervoi rossiiskoi revolyutsii, bol'shevistskogo podpol'ya i oktyabr'skikh boev protiv kontrrevolyutsii v Moskve) [Dumas about the past (from the history of the first Russian revolution, the Bolshevik underground and the October battles against the counter-revolution in Moscow)]. M. [in Russian]
- Ovchenko, 2012** – *Ovchenko, Yu.F.* (2012). Bezopasnost' imperii: politicheskii rozysk-sredstvo obespecheniya bezopasnosti Rossiiskogo samoderzhaviya (1880–1917 gg.) [The security of the empire: political search as a means of ensuring the security of the Russian autocracy (1880–1917)]. M. [in Russian]
- Pankratov, Polyakov, 1965** – *Pankratov, N.R., Polyakov, I.M.* (1967). Voennno-boevaya rabotabol'shevikov 1903–1917 gg. [Military combat work of the Bolsheviks 1903–1917]. M. [in Russian]
- Pankratova, 1951** – *Pankratova, A.M.* (1951). Pervaya russkaya revolyutsiya [The first Russian revolution]. 2-e izd. M. [in Russian]
- Peregudova, 2000** – *Peregudova, Z.I.* (2000) Politicheskii sysk v Rossii (1881–1917) [Political investigation in Russia (1881–1917)]. M. [in Russian]
- Rostov, 1926** – *Rostov, N.M.* (1926). Yuzhnoe Voennno-tekhnicheskoe byuro pri TsK RSDRP [Southern Military-Technical Bureau under the Central Committee of the RSDLP]. *Katorga i ssylka*. 1: 93–108. [in Russian]
- Storozhev, 1920** – *Storozhev, V.N.* (1920) Dekabr'skoe vooruzhennoe vosstanie (Po arkhivnym materialam) [December armed uprising (According to archival materials)]. Dekabr'skoe vosstanie v Moskve 1905 g. M.:109–114. [in Russian]
- Taratuta, 1925** – *Taratuta, V.K.* (1925). 1905 god i Moskovskoe vosstanie [1905 and the Moscow uprising]. M. [in Russian]
- Urusov, 2009** – *Urusov, S.D.* (2009). Zapiski. Tri goda gosudarstvennoi sluzhby [Notes. Three years of public service]. M. [in Russian]
- Varfolomeev, 2008** – *Varfolomeev, Yu.V.* (2008). «Russkiisposob»: Fenomen revolyutsionnogo terrorizma v Rossii nachala XX v. [“Russian Way”: The Phenomenon of Revolutionary Terrorism in Russia at the Beginning of the 20th Century]. *Rossiiskii istoricheski izhurnal*. 2: 3–51. [in Russian]
- Voznesenskii, 1928** – *Voznesenskii, A.N.* (1928). Teniproshlogo: (Po tsarskimsudam). Izvospominanii politicheskogo zashchitnika [Shadows of the Past: (According to the royal courts). From the memoirs of a political defender]. M. [in Russian]
- Zasulich, 1931** – *Zasulich, V.N.* (1931) Vospominaniya [Memories]. M. [in Russian]
- Zvezdov, 1925** – *Zvezdov, A.A.* (1925). Ryadovoi podpol'shchik v revolyutsii 1905 g. [An ordinary underground worker in the revolution of 1905]. M. [in Russian]

«Барьерные» факторы в рамках борьбы властей Москвы с революционным движением в 1905 г.

Павел Сергеевич Селезнев ^{a,*}, Ольга Владимировна Перфильева ^b, Константин Васильевич Симонов ^a, Станислав Павлович Митрахович ^a

^a Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

^b НИТУ Московский институт стали и сплавов, Российская Федерация

Аннотация. В исследовании раскрывается вопрос о факторах, препятствовавших эффективному противодействию революционному движению в Москве в 1905 г. до начала вооруженного восстания. Используемый при проведении изысканий методологический набор инструментов включает в себя структурный, диахронный и синхронный анализ. Источниковая база работы сформирована путем привлечения неопубликованных архивных документов из фондов Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве при московском

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: PSeleznev@fa.ru (П.С. Селезнев), ovperfilieva@gmail.com (О.В. Перфильева), KVSimonov@fa.ru (К.В. Симонов), SPMitrahovich@fa.ru (С.П. Митрахович)

градоначальнике и Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи, а также широкого корпуса источников личного происхождения. Результаты проведенных изысканий позволяют заключить, что власти Москвы не сумели полностью реализовать потенциал доступных им методов борьбы с революцией в силу наличия ряда обстоятельств как объективного, так и субъективного характера. Полицейский аппарат Москвы и размещенные в городе и его окрестностях военные части были слишком немногочисленны, чтобы решать поставленные перед ними задачи. Между правоохранительными и иными силовыми ведомствами не была выстроена эффективная коммуникация, в результате чего их действия плохо координировались и зачастую носили несогласованный характер. Московское руководство в лице генерал-губернатора и градоначальника было дезориентировано отсутствием четких и однозначных указаний относительно реализации внутренней политики после издания манифеста 17 октября. В результате чиновники старались при возможности делегировать ответственность и воздерживались от решительных действий, проявляя высокую пассивность. Значение обмена информацией между ведомствами и внутри них нивелировала низкая скорость обработки даже важнейших сообщений, которые зачастую достигали адресата с колоссальным опозданием. Попытки взаимодействия с лоялистами также не принесли ожидаемого результата. Власти сотрудничали с общественными организациями, не имевшими реальной поддержки в широких массах, и в то же время ими не были предприняты меры по предотвращению вовлечения в уличную активность монархистов представителей криминала и маргинализированных элементов. Следствием этого стал рост числа эпизодов насилия, что стимулировало как радикализацию революционного движения, так и увеличение опасений общественности относительно начала погромов и беспорядков. При этом часть лидеров монархических структур зачастую слабо координировала свои действия с властями Москвы, а низовые активисты и вовсе распространяли разнообразные деструктивные слухи. Естественным следствием сочетания разнообразных факторов, снижавших эффективность противодействия революционному движению со стороны властей, стала эскалация революционного насилия, вылившаяся в события вооруженного восстания в декабре 1905 г.

Ключевые слова: революция, 1905 г., противодействие, Москва, полиция, жандармерия, митинги, беспорядки, погромы.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1414-1429
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1414

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Role of Shipbuilding as a Catalyst for Technological Progress in Russian Industry and Economy at the beginning of the XX century

Lyudmila V. Shkvarya ^{a, *}, Irina Akhmed Zein Aidrous ^a

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the historical experience and features of the origin and development of shipbuilding as a branch of national industry in the late XIX – early XX centuries, shows the objective necessity, possibility and conditionality of the development of shipbuilding in Russia. The paper characterizes the growth of the use of ships, primarily cargo and passenger, sea, river and mixed types, as well as military, shows the influence of shipbuilding as a catalyst for the development of national industry and market relations in the early XX century. On the basis of archival documents, national statistical collections and scientific works of Russian pre-revolutionary researchers, the problems of Russian shipbuilding and the peculiarities of its development are analyzed. The relevance of the research is determined by the need to study the development of shipbuilding in Russia, taking into account the innovation saturation as the most important feature of the industry.

The scientific novelty lies in the comprehensive study of shipbuilding in Russia at the stage of its formation (late XIX – early XX centuries).

In work, statistical, graphical, historical-system and retrospective methods were used from the traditional methods of historical and economic research; methods of system analysis and historiographic analysis were also applied.

During the work, the main features and directions of shipbuilding development are identified, the conclusions are drawn about the high importance of Russian shipbuilding, based on the introduction of new technologies, as a catalyst for national socio-economic development.

Keywords: Russian Empire, industry, shipbuilding, technical progress, innovations, economy, Russian fleet, civil fleet, navy.

1. Введение

После завершения промышленного переворота в России в конце XIX века в стране активизировалось развитие промышленности. Важную роль среди отраслей промышленности в России с учетом ее географического, геоэкономического и геополитического положения занимало судостроение, которое было весьма перспективным сегментом отечественной экономики, в том числе – с технической и инновационной точек зрения, а также способствовало возможности обеспечения обороноспособности страны. В то же время развитие судостроения в России сталкивалось с серьезными трудностями, нуждалось в зарубежном сотрудничестве и, несмотря на применение зарубежного опыта, техники и технологий, отставало от западного (и японского) уровня развития, что проявилось, в частности, в поражении России в русско-японской войне.

Данная статья посвящена исследованию становления и эволюции судостроения в России, формирования русского флота, как гражданского, так и военного. Научная новизна работы

* Corresponding author

E-mail addresses: destard@rambler.ru (L.V. Shkvarya)

характеризуется историографическим анализом дореволюционных и позднейших исследований по анализируемой проблематике с формулировкой оригинальных выводов.

2. Материалы и методы

В качестве материалов были привлечены несколько групп источников: источники личного происхождения (воспоминания, дневники участников событий), материалы периодической печати, а также справочная литература.

Значительный интерес представляют архивные данные о деятельности различных судостроительных заводов России и крупнейших русских пароходств, таких как «Общество пароходства по Волге», «Енисейская компания пароходства» и др.

Ко второй группе относятся публикации в различных дореволюционных журналах. Так, широкую известность получила статья «Русский флот в русско-японской войне» капитана 2-го ранга Н.Л. Кладо, изданная в Лондоне в 1905 году, которая изобличала недостатки русского флота и остро критиковала русское военно-морское руководство (Klado, 1905).

По большей части в трудах дается анализ различных характеристик военных судов. Из работ, посвященных непосредственно отдельным судам, можно назвать монографию В. Катаева «Кореец» в лучах славы «Варяга». Все о легендарной канонерской лодке» (Катаев, 2012), изданной в Москве в 2012 г., где ее автор делает подробнейший анализ «жизненного пути» лодки, открывая новые, неизвестные до этого сведения о знаменитом корабле.

Большое внимание уделяют вопросам судоходства и судостроения отечественные исследователи. В первом томе работы Л.М. Гранкова «Русское судоходство: история и современность», выпущенной в 2004 г. анализируются вопросы судостроения в аспекте коммерческого флота России (Гранков, 2004).

Н.Н. Афонин в журнале «Судостроение» за 1986 год посвятил статью «Канонерские лодки «Сивуч» и «Бобр»; в ней он проанализировал их тактико-технические характеристики и вкратце описал боевые действия, в которых они участвовали (Афонин, 1986).

Монография известного российского историка флота Р.М. Мельникова «Минные крейсера России. 1886–1917 гг.» (Мельников, 2005), хотя и посвящена другому классу кораблей, тем не менее освещению характеристик и деятельности артурских канонерок в ней тоже нашлось место.

В свою очередь к третьей группе источников относится разнообразная справочная литература. Значительный интерес представляют так называемые справочные книжки, в том числе – и по русскому флоту, в частности «Военные флоты и морская справочная книжка за 1897 год», изданные И.В. Будиловским (Будиловский, 1898; Будиловский, 1900; Будиловский, 1902; Будиловский, 1904). Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 г., выпущенный в Санкт-Петербурге, предоставляет обширную информацию о количестве и качестве судов на сибирских реках, прежде всего на Енисее, их строительстве и некоторых характеристиках, включая транспортирование этими судами людей и грузов, в том числе различных механизмов, рельсов для строительства железных дорог, строительных материалов и др. (СТПК, 2010). Стоит отметить также Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за 100 лет его существования (1798–1898), который представляет обширный и интересный материал о развитии судоходства в Российской империи (Краткий исторический очерк..., 1898).

Четвертую группу источников составляют современные научные исследования российских авторов, которые посвящены различным историческим, техническим и инновационным аспектам, связанным с судостроением в историческом аспекте.

В работе используется комплекс традиционных историко-экономических методов и принципов научного исследования, а также ряд общенаучных методов. Из традиционных методов исследования применялись:

- исторический – используется для последовательного анализа фактов и генезиса судостроения в России в конце XIX – начале XX веков;
- системно-структурный – применяется для изучения судостроения во взаимосвязи с другими отраслями промышленности, прежде всего тяжелого машиностроения, и отечественной экономической системы в целом;
- статистические – дают возможность обработки и анализа информации и статистических данных, чтобы выявить те процессы и явления, которые являются наиболее характерными для отечественного судостроения в рассматриваемый период;
- историко-сравнительный – используется для историко-экономического анализа отечественного судостроения во временном аспекте для выявления особенностей развития отрасли, применяемых в ней способов производства.

Из общенаучных методов в статье применяется хронологический.

3. Обсуждение

Исследуемый нами вопрос освещен в научной и популярной литературе недостаточно полно. Большинство историков флота предпочли анализировать главным образом военно-промышленную

составляющую русского судостроения. Сюда можно отнести некоторую общую информацию, которая содержится в 16-томной «Советской исторической энциклопедии», изданной в 1961–1976 гг. ([Советская историческая энциклопедия, 1961–1976](#)), а также в 30-томной «Большой советской энциклопедии», изданной в 1969–1978 гг. ([БСЭ, 1969–1978](#)). Из советских работ отметим монографию А.И. Сорокина «Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904–1905», основанную на воспоминаниях современников и участников войны. Несмотря на глубину и выразительность содержания, работа не лишена идеологических элементов советской пропаганды ([Сорокин, 1952](#)).

Из зарубежных трудов следует упомянуть монографию Дж.А. Ленса «Русско-японская война», изданную в 1967 г.; особую ее ценность составляет тот факт, что при ее написании использовались японские и британские источники ([Lensen, 1967](#)).

Некоторые историко-технические и организационные аспекты развития русского судостроения рассматриваются в работах П.А. Кротова ([Кротов, 1986](#); [Кротов, 1988](#); [Кротов, 1991](#)). Н.В. Митюков в журнале «Былые годы» за 2021 год опубликовал статью «Деревянное судостроение Воткинского завода начала XX в.», в которой сделал акцент на особенностях деревянного судостроения в соответствующий период ([Mitiukov, 2022](#)). Ряд работ посвящен исследованию вопросов развития судоходства и судостроения в отдельных регионах России в конце XIX – начале XX вв. и их роли в развитии экономических и социальных процессов на соответствующих территориях. В частности, исследователь А.С. Павлов акцентирует внимание не только на ускоренном развитии торговли и производства, в том числе промышленного в Сибири, благодаря строительству пароходов и их эксплуатации, но и развитию научных географических исследований, благодаря проведению морских экспедиций ([Павлов, 2000](#)). В журнале «Судостроение» в 1997 году была опубликована работа коллектива авторов, посвященная особенностям становления Тихоокеанского флота ([Ермаков и др., 1997](#)).

Однако историко-экономические аспекты становления и развития судостроения как передовой в техническом отношении отрасли отечественной экономики остались практически вне глубокого исследования в историческом аспекте. В то же время современная значимость отрасли, отраженная в научной литературе, вызывает интерес и к историко-экономическим аспектам, что повышает актуальность выбранной тематики.

Из современных комплексных работ, посвященных непосредственно экономическим аспектам судостроительной отрасли, особый интерес представляет работа Т.Е. Александровой «Судостроение России: проблемы и перспективы развития», в которой преимущественно анализируются современные социально-экономические аспекты российского судостроения. В ней подчеркивается, что «судостроение является би-функциональной отраслью, так как одновременно является частью глобальной или национальной системы производства средств транспорта и составной частью морской инфраструктуры морехозяйственной деятельности на глобальном и национальном уровнях» ([Александрова, 2010](#)).

Безусловно, это лишь небольшая часть работ, посвященная развитию отечественного судостроения в историко-экономическом аспекте, в том числе в направлении применения современных на тот момент техники и технологий; влиянию как самой отрасли, так и применяемых в ней инноваций на машиностроение и всю экономику; проблема эта вызывает интерес у исследователей и продолжает разрабатываться.

В то же время некоторые авторы, и с этим можно согласиться, отмечают наличие разногласий и неточностей в оценке отечественного судостроения второй половины XIX – начала XX веков в целом, включая их технико-технологические характеристики, модернизационные аспекты, динамики преобразования отечественного парусного флота в паровой ([Золотарев, Козлов, 2004](#)).

4. Результаты

Развитию судостроения как отрасли отечественной промышленности способствовал прежде всего общий подъем экономического развития в России, начавшийся с конца 1880-х гг. (первый промышленный подъем) и затем в 1909–1913 гг. (второй промышленный подъем). Этот процесс сопровождался становлением капитализма, в частности ростом предпринимательства, преобразований, в том числе технических, производства, количества предприятий и наемных рабочих, появлением новых отраслей. Этот подъем обеспечивал близость социально-экономических показателей к среднему мировому уровню, а по некоторым показателям и превышал его. В частности, «общий прирост промышленной продукции составлял в этот период около 9 % в год, экономический рост достигал в среднем 10–12 % ежегодно. Только за пятилетие 1908–1913 годов общее число российских промышленных предприятий увеличилось примерно на 1/3, а работников на них на 1/4» ([Гладков, Зорина, 2009](#)). Россия в 1912–1913 гг. по объему производства занимала 1-е место в мире и 2-е в Европе.

Судостроение оставалось одной из стратегических отраслей российской промышленности. Его развитию как одной из важнейших в стратегическом плане отраслей, одной из наиболее наукоемких, использующих и генерирующих новейшие технологии и методы производства и организации труда, также способствовала разветвленная ([Рисунок 1](#)) и растущая ([Таблица 1](#)) сеть российских рек и других водных путей сообщения, а с другой – необходимость использовать

речной и морской транспорт для ускорения доставки растущего количества грузов как по внутренним водным артериям, так и за рубеж.

Таблица 1. Сооружение и улучшение водных путей сообщения и портов

	До 1895 г.	В 1895–1898 гг.	Всего к концу февраля 1898 г.
Сооружено (открыто) судоходных каналов, верст	768	-	768
Шлюзовано и канализировано рек, верст	1 121	109	1 230
Исполнено работ в коммерческих портах, число портов	12	18	30
Имеется естественных водных путей, верст	155 000	155 000	155 000
В том числе судоходных, верст	858 000	85 000	85 000

Источник: [Краткий исторический очерк..., 1898](#)

Уделяя большое внимание поступательному движению промышленности, государство поддерживало создание промышленных предприятий, включая внедрение машинных усовершенствований производства, продолжало содействовать в рамках Корпуса инженеров и других институтов улучшению образования, в том числе инженерного и технического, способствовало прогрессу транспорта и путей сообщения в условиях роста городов, производства и развития страны в целом. Создавались гидротехнические сооружения, включая каналы (в том числе их расширение и углубление) и шлюзы, происходило выравнивание дна в порогах на некоторых реках, строились мосты, порты, пристани, что облегчало судоходство и содействовало его росту.

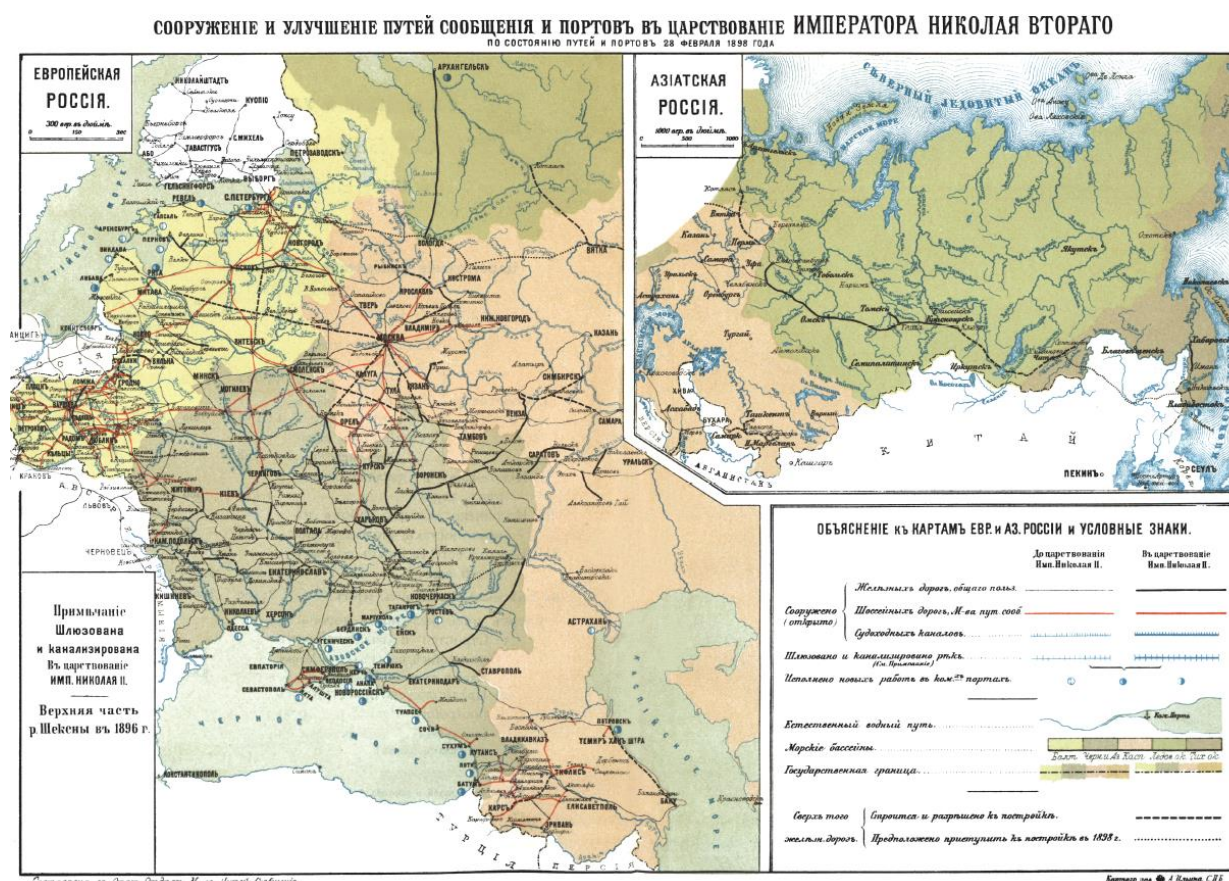

Рис. 1. Сооружение и улучшение путей сообщения и портов в царствование императора Николая II
Источник: Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за 100 лет его существования (1798–1898).

СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1898.

Мировой опыт показывает, что мощный современный флот всегда является результатом усилий, в том числе развития научно-исследовательской базы. Поэтому в 1894 г. на петербургском острове Новая Голландия начал функционировать первый в Российской империи исследовательский

центр Морского ведомства с опытовым бассейном. Именно здесь разрабатывались модели перспективных судов, здесь они проходили испытания, определялись их заданные характеристики. Алексей Николаевич Крылов был заведующим этим опытовым бассейном с января 1900 г. Именно он предложил создать научно-исследовательский центр, который бы располагал бассейном, испытательной, электротехнической механической, а также физико-химической лабораториями, которые бы занимались исследованиями в области судостроительных материалов. Эскадренный броненосец «Ослябя» стал первым кораблем, созданным на базе испытаний, проводившихся в опытовом бассейне. Именно здесь впервые в России начались также проектирования и испытания отечественных подводных лодок, получивших название «Дельфин», проводились испытания модели первого в мире, разработанного в России арктического ледокола «Ермак».

Следовательно, создание судостроения стало к концу XIX века важной задачей для страны – экономической, технической и военной. Ее решение опиралось на имеющиеся ресурсы и экономическую, научно-образовательную и техническую базу. В 1810 г. был выпущен Манифест «Об утверждении учреждения о судоходстве относительно системы вод реки Волги через Вышневолоцкий канал до Петербурга». В нем было указано, что «внутреннее судоходство, составляя весьма важную отрасль государственной промышленности, требует постоянных правил в устройстве его движения» ([Краткий исторический очерк..., 1898: 37](#)).

Стоит отметить, что уже в 1815 г. был построен первый отечественный речной пароход, который назывался «Елизавета», а в 1830 г. в столице Российской империи было введено в эксплуатацию грузовое судно «Нева», имевшее два паруса и две паровые машины. В 1838 г. на Неве было успешно испытано первое на планете электрическое судно. Десять лет спустя генерал-инженер Иван Афанасьевич Амосов построил первый винтовой фрегат, который получил название «Архимед» ([Головин, 1994](#)).

В середине XIX века только на Волге грузы и пассажиров перевозили уже более 300 пароходов, в том числе достаточно крупных ([Рисунок 2](#)).

Рис. 2. Товаро-пассажирский 3-палубный пароход «Самодержец» общества «По Волге»

Ходили они и по другим рекам как волжского бассейна, так и в Сибири (например, Енисейская компания пароходства), во многом – благодаря появлению пароходных обществ, таких как «Самолет», «По Волге», «Меркурий», создаваемых как товарищества на паях и акционерные общества российскими и иностранными предпринимателями.

Отечественные гражданские суда стали строиться первоначально на иностранных верфях (в Англии). Но в 1852 г. в Костроме был открыт первый в городе механический завод Д.П. Шипова, достаточно передовой для своего времени в смысле оснащения, на котором с 1957 г. стали производиться элементы судов, сборка судов из элементов, произведенных за рубежом, а затем и отечественные суда (пароходы) целиком ([Рисунок 3](#)). Сегодня это Костромской судомеханический завод, который производит разнообразную современную продукцию ([Костромской судомеханический завод](#))

Музей
История
Кострома

МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗАВОД Д. П. ШИПОВА В КОСТРОМЕ

Рис. 3. Механический завод Д.П. Шипова в Костроме

С начала XX в. суда стали выпускаться Воткинским заводом (Mitiukov, 2022) и другими промышленными предприятиями России, причем не только в центральных регионах, но и в Сибири (Павлов, 2000), на Черном море и т.д.

Если говорить об изменениях судовой тяги и внедряющейся в этой сфере модернизации, то стоит отметить, что до 1814 г. суда в России поднимались вверх по течению бечевой, для чего использовались люди (бурлаки), судно могло двигаться с помощью бросаемого вперед якоря и его последующего выбирания (завозная форма), были конно-машинные суда. Впоследствии лошадей заменили паровой машиной и такие суда стали называться кабестанными. После 1820-х годов пароходы стали достаточно широко применяться на российских реках, чему содействовал генерал А.А. Батенкур – главный директор водяных и сухопутных сообщений в 1818–1822 гг. А пионером нового дела считается русский помещик Евреинов, купивший у Пуадебара «привилегию» и соорудивший пароход «Волга» при Мологской пристани. Этот пароход имел в длину 84 фута, в воде сидел на 3,5 фута, мощность его паровой машины составляла 60 лошадиных сил. Он мог вести за собой 2–3 баржи с грузом от 30 до 50 пудов и около 150 пассажиров. Из Астрахани до Саратова в 1821 г. он добирался примерно за 12 дней (Краткий исторический очерк..., 1898: 54).

Большой вклад отечественные производители внесли не только в строительство и «копирование» западных моделей судов и их оснащения, но и в модернизацию и техническое развитие судостроения.

Так, в 1907 г. в городе Рыбинске была построена «Верфь братьев Нобель», и этот судостроительный завод функционирует и в настоящее время (Верфь братьев Нобель). Еще в конце XIX века владельцы приобрели лицензию на дизельный двигатель (двигатель внутреннего сгорания), в который на предприятии были внесены серьезные конструктивные изменения. В результате появился новый двигатель, работавший на сырой нефти, а не на керосине, как «родной» дизель. Эти новые двигатели в массовом масштабе стали производиться в России с 1899 г. Стоит отметить, что в Европе они были широко известны под названием «русский дизель». На Сормовской верфи в 1903 г. был построен первый отечественный речной нефтеналивной танкер, названный «Вандалом». На нем были установлены собственные двигатели («русский дизель»). Таким образом, «Вандал» стал первым в мире не только теплоходом, но и дизель-электроходом. Через 5 лет, в 1908 г., первые дизельные двигатели были построены для российских подводных лодок. Эти лодки типа «Минога» в результате стали первой в мире дизельной подводной лодкой. В 1911 г. на воду был спущен и «первый в мире» пассажирский теплоход «Урал».

На Сормовской верфи, основанной еще в 1849 г., на тот момент в 48 цехах и семи конструкторских бюро трудились 20 тыс. человек, а само предприятие неустанно развивалось и расширялось. Здесь выпускались пароходы, дизельные танкеры, специальные суда для нефтепромысла. За весь дореволюционный период Сормовская верфь построила 489 кораблей и судов различных типов. В советское время и по сей день – это «Красное Сормово» – одна из крупнейших верфей страны, выпускавшая все: от пассажирских речных теплоходов до атомных подводных лодок (Парусов, Шульгин, 1949).

В России в рассматриваемый период стали применять для конструирования гражданских и военных судов в качестве базовых такие материалы, как кованое железо и, позднее, прокатная сталь. Это потребовало существенной реконструкции всех предприятий отрасли, ранее строивших преимущественно деревянные суда, в результате чего судостроительные заводы стали соответствовать новым и высоким требованиям технологического прогресса.

Таким образом, в отечественном судостроении российские инженеры зачастую оставляли позади иностранных специалистов, и в России были разработаны принципиально новые типы кораблей, элементы их оборудования и оснащения, включая двигатели, агрегаты и механизмы для их строительства и спуска на воду. При этом нужно отметить, что в конце XIX века отечественное гражданское судостроение значительно отставало от военного. Судостроение, прежде всего в рамках военного флота, способствовало решению задачи повышения обороноспособности страны. К началу XX века военный флот России переживал серьезную модернизацию как в военных кораблях, так и в их вооружении, что требовало от отрасли обеспечить военному флоту необходимые количественные и качественные, включая технические, параметры (Mamadaliyev et al., 2018). Поэтому в большей степени технический прогресс и инновации затрагивали именно военный флот России.

Так, в 1864 г. в нашей стране впервые была создана броненосная плавучая батарея, а броненосец «Петр Великий», который в 1872 г. вошел в состав российского морского флота, был признан одним из сильнейших в мире. В 1877 г. именно в России впервые в мире были разработаны и сконструированы торпедные катера, первым из которых был введен в эксплуатацию мореходный миноносец «Взрыв».

С конца XIX в. в русском военном флоте активно применялись канонерские лодки. Функции русских канонерок включали огневую поддержку миноносцев, дозорную и сторожевую службы, а также боевые действия против сухопутных сил противника. Наиболее старыми канонерками 1-й Тихоокеанской эскадры были лодки типа «Бобр» (1885), состоящие из двух судов – головного корабля и систершипа «Сивуч» (1884) (см. Рисунок 4).

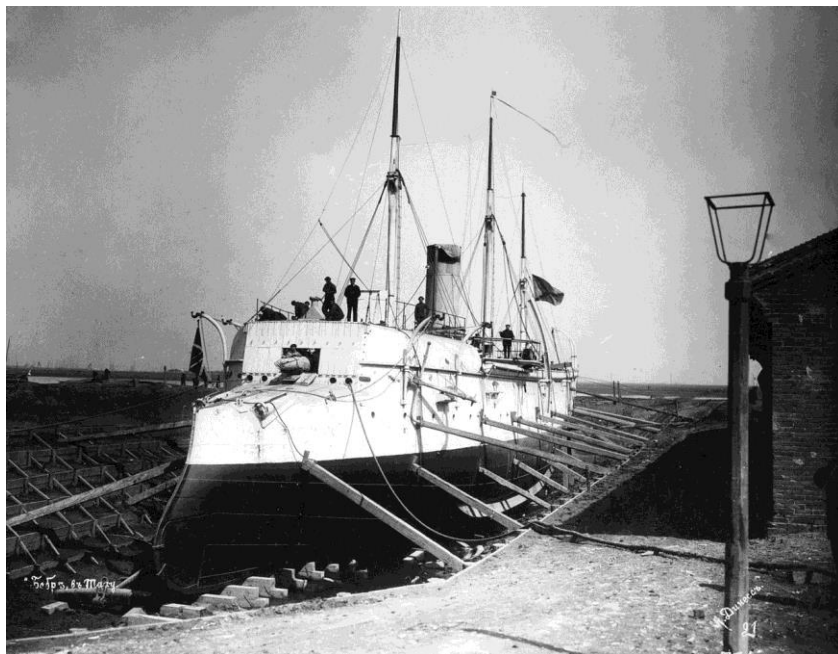

Рис. 4. Канонерская лодка «Бобр» (1885) в сухом доке: на рисунке хорошо видна характерная носовая часть с 229-мм орудием

Обычно головным считается корабль, первый спущенный на воду (по морской традиции, именно спуск на воду считается «рождением» корабля). Однако «Бобр» был заложен на три месяца раньше «Сивуча» (январь 1884 г.), а спущен на воду на 9 месяцев позже (10 апреля 1885 г.¹; «Сивуч»

¹ Здесь и далее – даты по старому стилю.

был спущен 21 июля 1884 г.). Отметим, что последний строился на шведской верфи «Бергзунд» в Стокгольме и шведские корабельщики умудрились построить корабль менее чем за полгода: 4 октября 1884 г. «Сивуч» вышел на ходовые испытания, а 28 октября был принят во флот, и это при том, что контрактный срок был еще меньше – шведы обещали сдать лодку к 1 августа! Головной же «Бобр» был заказан верфи Вильгельма Крейтона, расположенной в Финляндии (в тот момент входила в состав Российской империи – *Авт.*), в г. Або, и вошел в строй аж в 1886 г.

Канонерки типа «Бобр» имели проектное водоизмещение в 950 тонн, длину 60,3 м, ширину 10,7 м, осадку 3,7 м. Обе канонерки оказались перегружены: «Бобр» имел полное водоизмещение в 1 187 тонн, «Сивуч» – 1 134 тонны. Предусматривалась противоосколочная карапасная¹ броневая палуба толщиной в полдюйма (12,7 мм), защищавшая силовую установку. Проектная мощность двух горизонтальных машин двойного расширения в 1 140 л.с. позволяла развивать максимальную скорость 11,7 узлов (*Военная энциклопедия, 1911b*). На испытаниях «Бобр» достиг 12,14 узла, «Сивуч» – 12,53 узла; правда, на кораблях отсутствовало боевое и массивное парусное вооружение.

Лодки считались мореходными (т.е. пригодными для использования в открытом море); однако своеобразная (и неудачная) форма носовой оконечности, выполненной в виде срезанного в носу борта, уходящего в таранный форштевень и «накрытого» карапасным баком² (см. *Рисунок 1*), отнюдь не способствовала хорошей мореходности: на полном ходу даже при небольшом волнении канонерки зарывались носом в воду. Подобный «дизайн» носовой части был продиктован необходимостью сильного фронтального огня (так как канонерки, как правило, используются на реках и возможность ведения огня во фронт при движении вверх по течению весьма важна) – 9-дюймовое (229-мм) орудие было расположено как раз в носу. При традиционной форме носовой оконечности тяжелое оружие пришлось бы поднять выше, что неизменно повлекло бы за собой ухудшение остойчивости; таким образом, можно утверждать, что именно мореходность была принесена в жертву. Речной (а вовсе не морской) характер канонерок подтверждает и плоскодонная конструкция корпуса. Рангоут³ предполагал вооружение брига.

Боевое вооружение «бобров» включало мощнейшее для корабля такого водоизмещения (но вполне обычное⁴ для данного класса судов) погонное⁵ 229-мм орудие главного калибра (с длиной ствола в 30 калибров), представлявшее «накоротке» очень грозную силу – снаряд весил 126 кг (*Титушкин, 1994: 28*). Однако углы горизонтальной наводки были невелики (36%), что неудивительно, если учесть расположение орудия. Ретирадное⁶ ютовое 152-мм орудие длиной в 35 калибров располагалось на верхней палубе, поэтому имело отличные углы обстрела. Помимо указанных, канонерки несли по шесть 107-мм 9-фунтовых полевых («батареиных») 20-калиберных орудия, имеющих в номенклатуре только фугасные и осколочно-фугасные снаряды и предназначенные прежде всего для поражения пехоты, хотя дальность в 28,6 кбт осколочно-фугасным боеприпасом (*Военная энциклопедия, 1911a: 413*; в кабельтовы пересчитано нами – *Авт.*) позволяла весьма эффективно бороться против небронированных морских целей, в частности миноносцев. «Ансамбль» завершали установленные позднее четыре 20-калиберные 37-миллиметровки, а также десантное 63,5-мм орудие системы Барановского.

Вооружение по соотношению к водоизмещению следует признать очень сильным. Для главной боевой задачи канонерских лодок – огневое подавление противника по берегам и в фарватере рек, несение дозорной службы на внешнем рейде военно-морских баз – вооруженность была более чем достаточной.

Однако атавизм в виде парусного вооружения сохранился, и острую критику советских историков (Степанов, Новиков-Прибой, Пикуль, Мельников и др.) в адрес «отсталого марсоходного⁷ царского адмиралтейства» в данном случае нельзя не признать справедливой. С.В. Несолёный в монографии «Канонерские лодки первой эскадры флота Тихого океана в русско-японской войне. 1904–1905 гг.» (2011) указывает, что на проект корабля видный авторитет тогдашнего морского

¹ Т.е. «черепахообразная» – выпуклая в центре корабля и заниженная ниже ватерлинии к бортам и, таким образом, «накрывающая» котлы и машины.

² Верхняя палуба в носу корабля.

³ Комплекс приспособлений для хода под парусами.

⁴ Одни из наиболее мощных канонерских лодок в истории флота – британские мониторы (монитор – похожий с канонерками класс судов, отличающийся наличием мощной брони и башенными орудийными установками) типа «Маршал Ней» при водоизмещении в 6 670 тонн несли два спаренных 15-дюймовых (381-мм) орудия в бронированной башне; аналогичные башни были на линкорах типа «Ривендж» (31 000 тонн), «Куин Элизабет» (33 000 тонн), а также линейном крейсере «Худ», водоизмещением в 46 500 тонн.

⁵ Т.е. стреляющее по курсу корабля.

⁶ Т.е. стреляющее в противоположную движению судна сторону.

⁷ Марс – площадка на топе (верхней части) составной мачты, является неотъемлемой частью военного парусного судна с составными мачтами; «марсоходный», т.е. прочно ассоциируемый с парусным двигателем.

командования, морской министр, адмирал И.А. Шестаков лично наложил следующую резолюцию: «Согласен, но винтов Бевина иметь ни к чему, так как лодка под одними парусами ходить может» (Несолений, 2011: 6). Чем именно было вызвано подобное ретроградство, сказать сложно: «всемерной экономией», или относительной ненадежностью паровой машинной установки, либо же необходимостью в топливе и связанными с этим логистическими сложностями. Очевидно одно: пройдет еще 10 лет, пока русское адмиралтейство окончательно осознает не только бесполезность, но и вред рангоута на боевых кораблях, пусть даже и второстепенных. Справедливости ради, отметим, что адмиралы других флотов в своей любви к парусам мало чем отличались от русских военных. К счастью, резолюцию во внимание не приняли, но полное парусное вооружение все же сохранили. Будущее покажет, что оно не только ухудшало остойчивость, поднимая центр тяжести корабля и понижая метацентрическую высоту, но было еще и абсолютно бесполезным (как в боевых, так и в походных условиях), результатом чего стал его демонтаж.

Таким образом, можно констатировать, что канонерские лодки типа «Бобр» по соотношению цена (считай, водоизмещение)/качество были весьма эффективными кораблями, причем активно участвовали не только в боевых действиях, но и в гидрографических работах. «Сивуч» во время восстания ихэтуаней («боксеров») обстреливал китайский форт (инпань), а с началом русско-японской войны был в охране г. Инкоу, оказавшись в ловушке; чтобы не допустить попадания в руки противника, экипаж поднялся на 72 мили вверх по реке Ляохэ, пока позволяла глубина фарватера. «Упершись в дно» у деревни Санчихэ, 20 июля 1904 года лодка была взорвана, фактически не принеся никакой пользы.

«Бобр» также активно использовался в гидрографических работах, до войны успел побывать стационаром в г. Ханькоу. Участвовал и в ихэтуаньском восстании, обстреливая форты в г. Таку вместе в «Корейцем», «Гиляком» и парой миноносцев (не считая канонерок и эсминцев англичан, японцев, французов и немцев).

Несмотря на небольшие размеры и «вспомогательную» роль в предназначенных боевых задачах, канонерки в русско-японскую войну сыграли весьма заметную роль; одна из них – канонерская лодка «Кореец» – и вовсе стала наиболее прославленной канлодкой в истории русского военно-морского флота.

Бронированные канонерки типа «Грозный» оказались куда более эффективными, нежели их «легкие» одноклассники. Японские канонерки, в отличие от русских, оказались более сильными и эффективными (при меньшем водоизмещении) за счет своевременной модернизации, от которой русские адмиралы отказались.

На основе канонерских лодок типа «Бобр» было решено строить улучшенные канонерки типа «Кореец» (1886) (см. Рисунок 5).

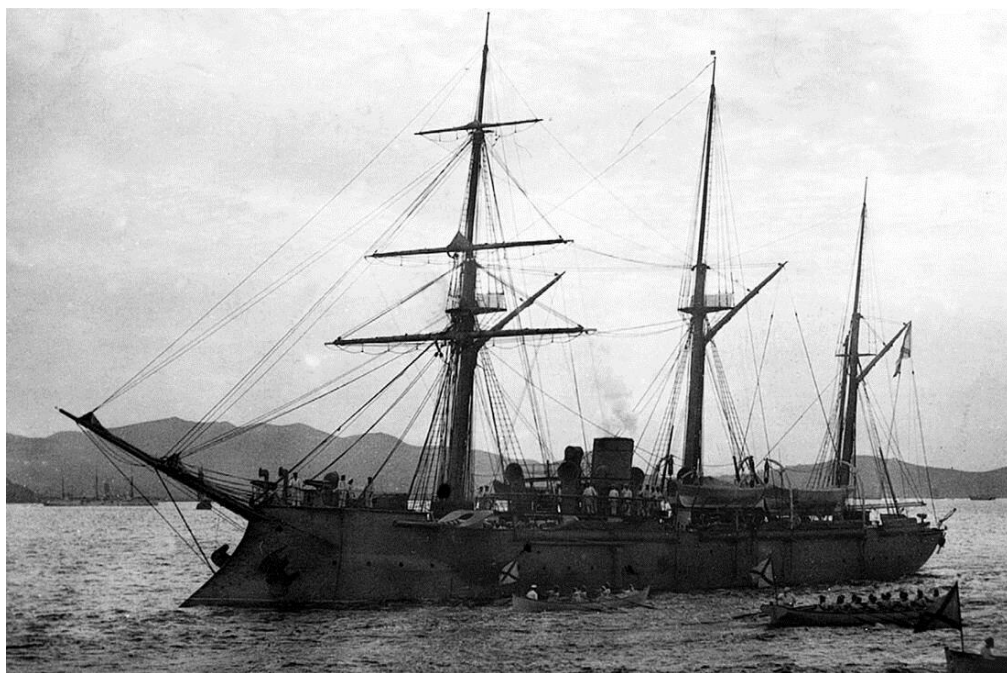

Рис. 5. Канонерская лодка «Кореец» (1886) стала наиболее прославленным кораблем этого класса в истории российского военно-морского флота

Водоизмещение решили увеличить до 1 300 тонн, а вооружение оптимизировать: вместо одного погонного 9-дюймового орудия по бортам ближе к носу установили два 8-дюймовых 35-калиберных

орудия с весом снаряда 88 кг, начальной скоростью в 660 м/с и дальностью стрельбы до 51 кбт (Титушкин, 1994: 28); также увеличилась и скорострельность до 2 выстр./мин. Угол обстрела одним из двух орудий главного калибра составил 360 градусов, а во фронт, т.е. по курсу судна, могли стрелять обе пушки – «погонные» углы ведения огня оставались для канонерок приоритетными. В целом от уменьшения калибра главной артиллерии в огневой мощи канлодки типа «Кореец» не только не проиграли, но и выиграли, так как вес боеприпасов, выбрасываемый орудиями главного калибра в минуту, вырос почти в два раза. Ретирадное 152-мм орудие сохранили, но дальноточность его резко выросла (до 49 кбт), так как длина ствола увеличилась до 35 калибров. Еще корабли несли по четыре 107-мм орудия, аналогичных с предыдущим типом лодок, а также два 47-мм 43-калиберных орудия и четыре 37-мм пушки. Следует признать, что эффективность вооружения значительно возросла.

«Кореец» и однотипный с ним «Манчжур» (1886) несколько отличались друг от друга размерениями корпуса и, соответственно, водоизмещением при идентичном парусном и боевом вооружении. Полный вес «Корейца» составлял 1 334 тонны при длине 66,3 м, ширине 10,7 м с осадкой в 3,5 м. «Манчжур» имел полное водоизмещение 1 418 тонн, длину 66,7 м, ширину 12,2 м при осадке 3,8 м (Несолёный, 2011). Лодки, в этот раз уже по праву, можно было назвать мореходными: седловатый корпус с поднятым баком и высокими бортами не боялся свежей погоды в открытом море, а скорость падала не так значительно при усилении волнения. К слову, она увеличилась до 13,5 узлов («Манчжур» – 14 узлов). Двигатели у судов различались, что дает право не считать их сестершипами: «Кореец» имел одну паровую машину и один винт, «Манчжур», соответственно, две машины (суммарной мощностью в 1 724 л.с.) с приводом на два винта; силовая установка оснащалась огнетрубными паровыми котлами. Мореходность и дальность плавания («Кореец» – 2 850 миль 8-узловым ходом, «Манчжур» – 2 660 миль) вполне позволяли судам сопровождать конвой, однако главной их задачей, указанной в техническом задании на проект, была служба стационарами¹. Экипаж обоих кораблей состоял из 12 офицеров и 162 матросов. Обе лодки строились в Швеции.

Отметим, что стационарная деятельность представлялась тогдашнему морскому руководству делом весьма важным, особенно когда речь идет о беспокойных иностранных колониях. Малой ценой обеспечивались весьма важные задачи по охране не только своих судов в зарубежных портах, но и торговых коммуникаций. Вместе с тем мощное артиллерийское вооружение предполагало, что для нейтрализации этих канонерок противник (а уже было ясно, что это Япония) вынужден будет отправить против них как минимум крейсер; таким образом предполагалось, что ценная (и более дорогая!) единица, которая могла бы быть задействована для выполнения более важных боевых задач, будет отвлечена на второстепенные цели второстепенным же (и дешевым) военным судном.

Нельзя в этой связи не вспомнить еще один момент: «корейцы» с их парусным вооружением и очень приличной автономностью могли выполнять роль своеобразных «дешевых» рейдеров. Да, скорость у них весьма посредственная, и от погони они не уйдут (равно как и не догонят быстроходный океанский торговый пароход), но опять-таки для их потопления необходимо судно со значительно более сильным вооружением и скоростью. Причем с момента обнаружения могло пройти достаточно времени для того, чтобы канонерка могла затеряться в океане. Вероятно, такие цели сразу закладывались при проектировании «корейцев» – неплохая для данного класса судов мореходность и автономность при сохранении рангоута косвенно подтверждают нашу идею.

Свое наследие канонерские лодки типа «Бобр» подарили не только двум «корейцам». В 90-х годах XIX века была построена серия из четырех канонерок типа «Грозный», две из которых – «Отважный» (1892) и «Гремящий» (1892) – приняли самое непосредственное участие в обороне Порт-Артура (см. [Рисунок 6](#)).

Первое и главное нововведение: новый тип канонерок стал бронированным (став, таким образом, первыми бронированными кораблями данного класса в России). Броневой пояс был переменной толщины: в центральной части имел весьма внушительные для корабля такого размера 127 мм, сужаясь к оконечностям до 76 мм (это больше, чем в оконечностях наиболее удачного по соотношению цена/качество линкора русско-японской войны «Ретвизан»). При длине в 72,3 м и полном водоизмещении в 1 700 тонн бронепояс, разумеется, нельзя было сделать сколь-либо широким, вместе с тем энергетическая установка и вся ватерлиния при отсутствии волнения оставались под надежной защитой. Верхняя бронепалуба имела 47,6 мм, а толщина нижней бронепалубы колебалась от 19 до 38 мм. Рубка имела 25,4-миллиметровое противоосколочное бронирование.

Ширина канонерок типа «Грозный» составляла 12,7 м; осадка 4,4 м, которая не позволяла в полной мере использовать канонерку в реках. Мощность двух паровых машин составляла 2 500 л.с., что позволяло развивать скорость 13,3 узла. Дальность плавания была весьма скромной – 990 миль ([Военная энциклопедия, 1912b](#)). Экипаж включал 11 офицеров и 117 нижних чинов.

¹ Стационар – сторожевое военное судно, находящееся на стоянке в иностранном порту для охраны интересов своего государства.

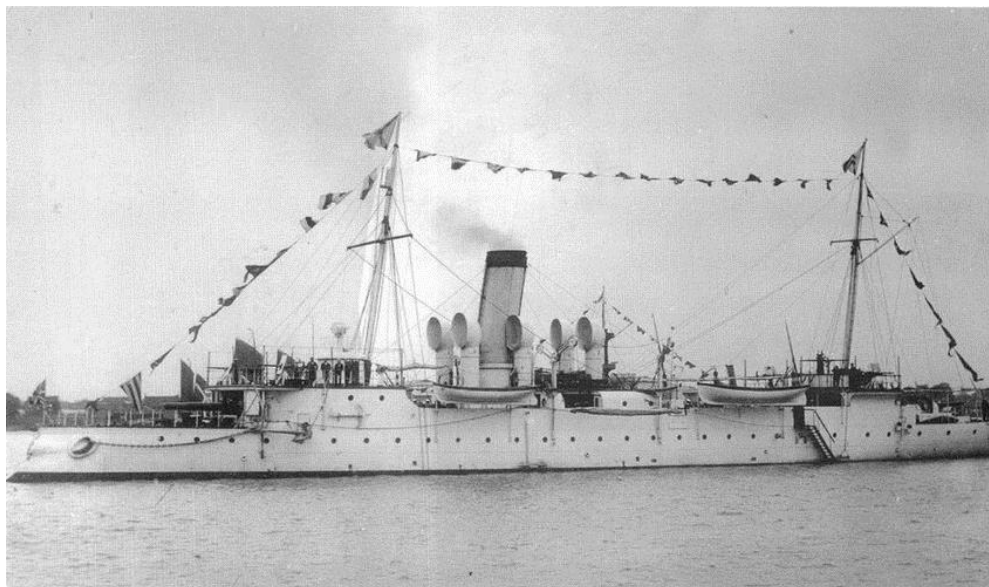

Рис. 6. Первые российские бронированные канонерки типа «Грозный» при обороне Порт-Артура в полной мере показали свою эффективность.
На рисунке: канонерская лодка «Отважный» (1892)

Вооружение корабля составляло одно 9-дюймовое орудие с длиной ствола в 35 калибров, аналогичное орудиям, установленным на эскадренных броненосцах типа «Император Александр II» (1887), один из которых – «Император Николай I» (1889) – участвовал в Цусимском сражении. Дальнобойность орудия выросла 55 кбт (Титушкин, 1994: 28). Сохранилось также ретирадное 6-дюймовое орудие. 107-миллиметровую артиллерию убрали, увеличив до 6 шт. 47-миллиметровые пушки и уменьшив до двух количество 37-мм «короткостволок». Все канонерки строились на отечественных верфях и предназначались для службы на Дальнем Востоке.

Русско-японскую войну обе канонерки встретили в Порт-Артуре, причем «Гремящий» – в доке (замена артиллерии). В течение апреля они активно отражали атаки японских брандеров на внешнем рейде. Также канонерки осуществляли прикрытие тральщиков, охрану прохода на внутренний рейд, отражение атак японских миноносцев, а также обстрел береговых позиций японской армии, осадившей Порт-Артур. 5 августа 1904 г. «Гремящий» наскочил на мину, взорвался и достаточно быстро затонул, унеся с собой 8 членов команды. «Отважный» же был в Артуре до самой его сдачи: чтобы канонерка не досталась врагу, она была затоплена в бухте Белого Волка 20 декабря 1904 г.

К концу XIX столетия русские канонерки наконец-то избавились от парусов: единственным двигателем «Гиляка» была паровая силовая установка, включающая две паровые машины тройного расширения с приводом на два винта общей мощностью 1 179 л.с., которые питались от шести водотрубных котлов Бельвиля. Мощность машин позволяла развивать ход в 11,64 узла (Военная энциклопедия, 1912а). Канлодка относилась к типу мореходных, что предусматривало высокий борт и хорошую мореходность, которую обеспечивал также длинный полубак (на 2/3 длины судна). Ходовая и дальномерная рубки были закрыты, что позволяло комфортно вести огонь даже в штормовую погоду.

Водоизмещение «Гиляка» составляло 1 239 тонн при длине в 63 м, ширине 11,3 м с осадкой в 3,1 м. Лодка имела противоосколочную защиту машинного отделения в виде 12-миллиметровых продольных переборок и настила верхней палубы, а также 19-миллиметровую защиту рубки, орудийных щитов (за исключением мелких 47-мм и 37-мм пушек) и, почему-то, некоторых участков фальшборта, в том числе на марсовой площадке (Военная энциклопедия, 1912а), что, на наш взгляд, представляется совершенно бесполезным (если не вредным, так как ухудшало остойчивость) против осколочных боеприпасов (разве что позволяло марсовым укрыться от пулеметного и винтовочного огня в условиях речного боя).

Пересмотрено также было и вооружение. От массивных медленных крупнокалиберных орудий отказались в пользу малокалиберных скорострельных дальнобойных орудий. Главный калибр включал в себя 120-мм орудие длиной ствола в 45 клб, которое предусмотрительно было спрятано за противоосколочным щитом (каковых, к слову, не имели даже тихоокеанские крейсера 1 ранга «Варяг», «Диана» и «Паллада»). Вспомогательный (а на деле, пожалуй, и основной) калибр был представлен пятью 75-миллиметровыми орудиями в 50 клб, также оснащенными щитами. Артиллерию дополняли четыре 47-мм и две 37-мм пушки, предусматривалось и два 7,62-мм пулемета системы Максим; 63,5-мм десантное орудие системы Барановского «по умолчанию» имели практически все боевые корабли русского флота, за исключением разве что миноносцев. Номенклатура вооружения была расширена одним 381-мм торпедным аппаратом и 16 сферическими

якорными минами заграждения (*Военная энциклопедия, 1912а*). Экипаж состоял из 7 офицеров и 159 нижних чинов. Строилась лодка на Балтике на заводе «Нового Адмиралтейства».

В техзадании канонерки приоритетной задачей ставился речной/береговой бой против сухопутных сил. Поэтому первоначальный проект предусматривал установку аж четырех 120-мм орудий, однако позднее вооружение было пересмотрено в сторону универсальности. После постройки были определенные опасения в неудовлетворительной остойчивости, однако испытания в штормовую погоду были признаны удовлетворительными.

Попытка сделать универсальный корабль всегда связана с компромиссами. Безусловными достоинствами «Гиляка» были: отличная боевая скорострельность патронных 120-мм и 75-мм орудий, противоосколочные щиты, отличные углы обстрела 120-мм орудия, наличие закрытых рубок, весьма приличная мореходность; для «береговых» боев полезными были бронированные боевые марсы.

Вместе с тем были и существенные недостатки. В речном бою «накоротке» против сухопутных сил 75-мм орудия представлялись сомнительным средством поражения, так как до 1905 г. не имели в номенклатуре фугасных и шрапнельных снарядов (только бронебойный и стальная болванка). Поэтому главная сила «Гиляка» серьезной угрозы для пехоты не представляла. Также в условиях рек хорошая мореходность была сомнительным достоинством. А вот слабое бронирование было серьезным недостатком. Поэтому в плотном бою с сухопутными силами при условии наличия у противника артиллерии судьба канонерки была бы незавидной. Бой с фортами Таку 4 июня 1900 г. показал это со всей очевидностью; сражение едва не стало для «Гиляка» последним. И в этой связи нельзя не упомянуть еще об одном его достоинстве – великолепной живучести (в том числе и благодаря сплошным продольным переборкам в центре корпуса): в судно попало минимум три снаряда (два из которых были 152–203 мм; один из них зашел ниже ватерлинии), но канонерка сохранила боеспособность и вела огонь до конца боя.

Пришлось «Гиляку» поработать и стационаром, как и полагалось мореходной канонерской лодке, в том числе и в печально известном Чемульпо. Практически всю артурскую кампанию «Гиляк» провел на внешнем рейде в охранении, защищая проход во внутренний рейд от японских миноносцев и брандеров, обстреливая с другими канонерками сухопутные позиции. В конце ноября 1904 года уже поврежденная канонерка погибла после попадания пяти (!) 280-мм снарядов осадных мортир. В эффективности «Гиляк» вполне может разделить пальму первенства с «Гремящим» и «Отважным».

После поражения в Русско-японской войне военно-морские силы России на Балтике и Тихом океане практически перестали существовать. Цусима вылилась холодным душем на головы чиновников Морского министерства, которым пришлось пересмотреть свои взгляды и заняться воссозданием российского флота буквально с нуля (во времена Александра III наш флот уступал только британскому и французскому, а после Цусимы переместился на шестое место в мире). По итогам этих событий специалисты Морского генерального штаба разработали закон «об Императорском Российском флоте» и «программу усиленного судостроения», которые были утверждены императором 25 апреля 1911 г. и представляли собой концепцию развития военно-морского флота до... 1930 г.

В контексте новой концепции развития флота интересно содержание «Памятной записки по поводу закона „О флоте“ и кораблестроительной программы» от 30 января 1912 г., составленной начальником Морского генерального штаба светлейшим князем Александром Александровичем Ливеном.

5. Заключение

Подытоживая сказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Формирование судостроения и русского флота, как гражданского, так и военного, стало следствием, с одной стороны, социально-экономического развития государства, становления промышленности, успешных финансовой и банковской систем, роста уровня технического и технологического развития.

2. Русское судостроение во многом отставало от западных аналогов, несмотря на наличие большого количества различных видов судов. Русское судостроение в значительной степени опиралось на сотрудничество с западными странами, несмотря на наличие и ряд самостоятельных важных технических разработок. Это касается как гражданского, так и военного флотов.

3. В наибольшей степени технический прогресс и инновации затрагивали именно военный флот России. Так, канонерские лодки в русско-японской войне стали одними из самых активных и эффективных кораблей, ничуть не уступая миноносцам и более крупным кораблям. Мореходные канонерские лодки типа «Кореец» могли бы сыграть неопределимую роль, имея исключительно мощное и рационально расположенное вооружение.

4. Наиболее эффективными в русском военном флоте стали бронированные канлодки типа «Грозный», которые не боялись коротких дистанций. Но они нуждались в модернизации

вооружения (например, замене всех орудий на единообразный 120-мм калибр). Однако модернизация проведена не была и соперничать с японскими канлодками они не смогли.

5. Японские канонерские лодки (на примере типа «Майя») оказались образцом эффективности использования водоизмещения, особенно после модернизации. В дуэльном бою они были значительно сильнее русских канонерок при меньшем водоизмещении; бронированные артурские канлодки типа «Грозный» могли бы стать достойным конкурентом, если бы имели рационально расположенное вооружение.

6. Японские адмиралы, в отличие от русских, вовремя занимались модернизацией своих кораблей: как устаревших крейсеров, так и канонерок. Поэтому сила (и боевая эффективность) японских малых судов оказалась выше при меньшем водоизмещении.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках НИР: тема № 060415-0-000 «Цифровое государство и цифровая экономика: мир и Россия».

Литература

[Александрова, 2010](#) – Александрова Т.Е. Судостроение России: проблемы и перспективы развития // *Транспортное дело России*. 2010. № 10. С. 58–62.

[Афонин, 1986](#) – Афонин Н.Н. Канонерские лодки «Сивуч» и «Бобр» // *Судостроение*. 1986. № 9. С. 68–70.

[БСЭ, 1969](#) – Большая советская энциклопедия. В 30 т. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.

[Будиловский, 1898](#) – Будиловский И.В. Военные флоты и морская справочная книжка за 1897 год. СПб., 1898.

[Будиловский, 1900](#) – Будиловский И.В. Военные флоты и морская справочная книжка за 1899 год. СПб., 1900.

[Будиловский, 1902](#) – Будиловский И.В. Военные флоты и морская справочная книжка за 1901 год. СПб., 1902.

[Будиловский, 1904](#) – Будиловский И.В. Военные флоты и морская справочная книжка за 1903 год. СПб., 1904.

[Верфь братьев Нобель](#) – Официальный сайт ООО «Верфь братьев Нобель» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nobel-shipyard.ru>

[Военная энциклопедия, 1911b](#) – «Бобр» // Военная энциклопедия. В 18 т. / Под ред. Новицкого В.Ф. и др. Т. 4. СПб.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911.

[Военная энциклопедия, 1911a](#) – Батарейное орудие // Военная энциклопедия. В 18 т. / Под ред. Новицкого В.Ф. и др. Т. 4. СПб.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911.

[Гладков, Зорина, 2009](#) – Гладков И.С., Зорина И.Ю. Развитие российской промышленности в XIX – начале XX веков // *Региональная экономика: теория и практика*. 2009. № 5 (98). С.72–76.

[Головин, 1994](#) – Головин Ю.И. Первый русский винтовой фрегат «Архимед» // *Судостроение*. 1994. № 10. С. 58–62.

[Гранков, 2004](#) – Гранков Л.М. Русское судоходство. История и современность: В 3 т. 1. Коммерческий флот России. Страницы истории. М.: Марин-Пресс, 2004. С. 14–50.

[Ермаков и др., 1997](#) – Ермаков Э.В., Антоненко С.В., Троицкая Н.А., Каневская Г.И. Российский флот на Тихом океане: история и современность // *Судостроение*. 1997. № 6 (715). С. 107–108.

[Золотарев, Козлов, 2004](#) – Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота, XIX – начало XX века. М.: АСТ, 2004.

[Катаев, 2012](#) – Катаев В. «Кореец» в лучах славы «Варяга». Все о легендарной канонерской лодке. М.: Эксмо, 2012.

[Костромской судомеханический завод](#) – Костромской судомеханический завод. [Электронный ресурс]. URL: <https://boat-ksmz.ru/>

[Костромской судомеханический завод](#) – Костромской судомеханический завод. [Электронный ресурс]. URL: <https://boat-ksmz.ru/>

[Краткий исторический очерк..., 1898](#) – Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за 100 лет его существования (1798–1898). СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1898.

[Кротов, 1986](#) – Кротов П.А. Табель Петра I о корабельных пропорциях // *Судостроение*. 1986. № 9. С. 58–59.

[Кротов, 1988](#) – Кротов П.А. Верфи Петра I у Нерлинской и Дубенской пристаней // *Судостроение*. 1988. № 1. С. 54–55.

[Кротов, 1991](#) – Кротов П.А. Петровская верфь в Селицком рядке на Волхове // *Судостроение*. 1991. № 3. С. 61–63.

[Мельников, 2005](#) – Мельников Р.М. Минные крейсера России. 1886–1917 гг. / Технический редактор Арбузов В.В. СПб.: Издатель М.А. Леонов, 2005.

Несоленый, 2011 – *Несоленый С.В.* Проектирование и постройка канонерских лодок «Бобр» и «Сивуч» // Канонерские лодки первой эскадры флота Тихого океана в русско-японской войне. 1904–1905 гг. СПб.: ИстФлот, 2011.

Павлов, 2010 – *Павлов А.С.* Развитие судостроения на Енисее // *Судостроение*. 2000. № 1. С. 72-75.

Парусов, Шульгин, 1949 – *Парусов А.И., Шульгин П.И.* 100 лет завода «Красное Сормово» имени Жданова А.А. (1849–1949 гг.). Горький, 1949.

Советская историческая энциклопедия, 1962–1976 – Советская историческая энциклопедия. В 16 т. М.: «Советская энциклопедия», 1961–1976. Т. 1.

Сорокин, 1952 – *Сорокин А.И.* Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904–1905. М.: Воениздат, 1952.

СТПК, 2010 – Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 г. СПб., 1910.

Титушкин, 1994 – *Титушкин С.И.* Корабельная артиллерия в русско-японской войне // *Гангут*. 1994. Выпуск 7.

Чугунов, 2008 – *Чугунов В.В.* Российское судостроение: возможности и перспективы на отечественном рынке заказов судов и морской техники // *Судостроение*. 2008. № 4. С. 12-18.

Klado, 1905 – *Klado N.* The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell, 1905.

Lensen, 1967 – *George Alexander Lensen.* The Russo-Chinese War. Diplomatic Press, 1967.

Mamadaliyev et al., 2018 – *Mamadaliyev A.M., Venkov A.V., Miku N.V., Médico A.* On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905 // *Bylye Gody*. 2018. 50(4): 1734-1743.

Mitiukov, 2022 – *Mitiukov N.W.* Wooden Shipbuilding of the Votkinsk Plant at the beginning of the 20th century // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 440-453.

References

Afonin, 1986 – *Afonin, N.N.* (1986). Kanonerskie lodki «Sivuch» i «Bobr» [Gunboats “Sivuch” and “Bobr”]. *Sudostroenie*. 9: 68-70. [in Russian]

Aleksandrova, 2010 – *Aleksandrova, T.E.* (2010). Sudostroenie Rossii: problemy i perspektivy razvitiya [Shipbuilding in Russia: problems and development prospects]. *Transportnoe delo Rossii*. 10: 58-62. [in Russian]

BSE, 1969 – Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia]. V 30 t. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1969–1978. [in Russian]

Budilovskii, 1898 – *Budilovskii, I.V.* (1898). Voennye floty i morskaya spravoch'naya knizhka za 1897 god [Military fleets and naval reference book for 1897]. SPb. [in Russian]

Budilovskii, 1900 – *Budilovskii, I.V.* (1900). Voennye floty i morskaya spravoch'naya knizhka za 1899 god [Military fleets and naval reference book for 1899]. SPb. [in Russian]

Budilovskii, 1902 – *Budilovskii, I.V.* (1902). Voennye floty i morskaya spravoch'naya knizhka za 1901 god [Military fleets and naval reference book for 1901]. SPb. [in Russian]

Budilovskii, 1904 – *Budilovskii, I.V.* (1904). Voennye floty i morskaya spravoch'naya knizhka za 1903 god [Military fleets and naval reference book for 1903]. SPb. [in Russian]

Chugunov, 2008 – *Chugunov, V.V.* (2008). Rossiiskoe sudostroenie: vozmozhnosti i perspektivy na otechestvennom rynke zakazov sudov i morskoi tekhniki [Russian shipbuilding: opportunities and prospects in the domestic market for ordering ships and marine equipment]. *Sudostroenie*. 4: 12-18. [in Russian]

Ermakov i dr., 1997 – *Ermakov, E.V., Antonenko, S.V., Troitskaya, N.A., Kanevskaya, G.I.* (1997). Rossiiskii flot na Tikhom okeane: istoriya i sovremennost' [The Russian fleet in the Pacific: history and modernity]. *Sudostroenie*. 6(715): 107-108. [in Russian]

Gladkov, Zorina, 2009 – *Gladkov, I.S., Zorina, I.Yu.* (2009). Razvitie rossiiskoi promyshlennosti v XIX – nachale XX vekov [Development of Russian industry in the 19th – early 20th centuries]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. 5(98): 72-76. [in Russian]

Golovin, 1994 – *Golovin, Yu.I.* (1994). Pervyi russkii vintovoi fregat «Arkhimed» [The first Russian screw frigate “Archimedes”]. *Sudostroenie*. 10: 58-62. [in Russian]

Grankov, 2004 – *Grankov, L.M.* (2004). Russkoe sudokhodstvo. Istoriya i sovremennost' [Russian shipping. History and Modernity]: V 3 t. 1. Kommercheskii flot Rossii. Stranitsy istorii. M.: Marin-Press. Pp. 14-50. [in Russian]

Kataev, 2012 – *Kataev, V.* (2012). “Koreets” v luchakh slavy “Varyag”. Vse o legendarnoi kanonerskoi lodke [Korean in the glory of “Varyag”. All about the legendary gunboat]. M.: Eksmo, 2012. [in Russian]

Klado, 1905 – *Klado, N.* (1905). The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell.

Kostromskoi sudomekhanicheskii zavod – Kostromskoi sudomekhanicheskii zavod [Kostroma Ship Mechanical Plant]. [Electronic resource]. URL: <https://boat-ksmz.ru/> [in Russian]

Kratkii istoricheskii ocherk..., 1898 – *Kratkii istoricheskii ocherk razvitiya i deyatelnosti vedomstva putei soobshcheniya za 100 let ego sushchestvovaniya (1798–1898)* [A brief historical sketch of the development and activities of the Department of Railways for 100 years of its existence (1798-1898)]. SPb.: Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya, 1898. [in Russian]

- Krotov, 1986** – Krotov, P.A. (1986). Tabel' Petra I o korabel'nykh proporsiyakh [Report of Peter I on ship proportions]. *Sudostroenie*. 9: 58-59. [in Russian]
- Krotov, 1988** – Krotov, P.A. (1988). Verfi Petra I u Nerlinskoi i Dubenskoj pristanei [Shipyards of Peter I at the Nerlinskaya and Dubenskaya piers]. *Sudostroenie*. 1: 54-55. [in Russian]
- Krotov, 1991** – Krotov, P.A. (1991). Petrovskaya verf' v Selitskom ryadke na Volkhove [Petrovskaya Shipyard in Selitsky Row on Volkhov]. *Sudostroenie*. 3: 61-63. [in Russian]
- Lensen, 1967** – George Alexander Lensen (1967). The Russo-Chinese War. Diplomatic Press.
- Mamadaliyev et al., 2018** – Mamadaliyev, A.M., Venkov, A.V., Miku, N.V., Médico, A. (2018). On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. *Bylye Gody*. 50(4): 1734-1743.
- Mel'nikov, 2005** – Mel'nikov, R.M. (2005). Minnye kreisera Rossii. 1886–1917 gg. [Mine cruisers of Russia. 1886–1917]. Tekhnicheskii redaktor Arbuzov V.V. SPb.: Izdatel' M.A. Leonov. [in Russian]
- Mitiukov, 2022** – Mitiukov, N.W. (2022). Wooden Shipbuilding of the Votkinsk Plant at the beginning of the 20th century. *Bylye Gody*. 17(1): 440-453.
- Mitiukov, 2022** – Mitiukov, N.W. (2022). Wooden Shipbuilding of the Votkinsk Plant at the beginning of the 20th century. *Bylye Gody*. 17(1): 440-453.
- Nesolenyi, 2011** – Nesolenyi, S.V. (2011). Proektirovanie i postroika kanonerskikh lodok «Bobr» i «Sivuch» [Design and construction of gunboats "Bobr" and "Sivuch"]. Kanonerskie lodki pervoi eskadry flota Tikhogo okeana v russko-yaponskoj voine. 1904–1905 gg. SPb.: IstFlot. [in Russian]
- Parusov, Shul'gin, 1949** – Parusov, A.I., Shul'pin, P.I. (1949). 100 let zavoda «Krasnoe Sormovo» imeni Zhdanova A.A. (1849–1949 gg.) [100 years of the plant "Krasnoe Sormovo" named after Zhdanov A.A. (1849–1949)]. Gor'kii. [in Russian]
- Pavlov, 2010** – Pavlov, A.S. (2010). Razvitie sudokhodstva na Enisee [Development of shipping on the Yenisei]. *Sudostroenie*. 1: 72-75. [in Russian]
- Sorokin, 1952** – Sorokin, A.I. (1952). Oborona Port-Artura. Russko-yaponskaya voina 1904–1905 [Defense of Port Arthur. Russo-Japanese War 1904–1905.]. M.: Voenizdat. [in Russian]
- Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya, 1962–1976** – Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [Soviet historical encyclopedia]. V 16 t. M.: «Sovetskaya entsiklopediya», 1961–1976. T. 1. [in Russian]
- STPK, 2010** – Sibirskii torgovo-promyshlennyi kalendar' na 1911 g. [Siberian commercial and industrial calendar for 1911]. SPb., 1910. [in Russian]
- Titushkin, 1994** – Titushkin, S.I. (1994). Korabel'naya artilleriya v russko-yaponskoj voine [Naval artillery in the Russo-Japanese war]. *Gangut*. Vyp. 7. [in Russian]
- Verf' brat'ev Nobel'** – Ofitsial'nyi sait OOO «Verf' brat'ev Nobel'» [Official site of LLC “Verf' brat'ev Nobel'”]. [Electronic resource]. URL: <http://www.nobel-shipyard.ru> [in Russian]
- Voennaya entsiklopediya, 1911a** – Batareinoe orudie [Battery gun]. Voennaya entsiklopediya. V 18 t. Pod red. Novitskogo V.F. i dr. T. 4. SPb.: Tip. t-va I.D. Sytina, 1911. [in Russian]
- Voennaya entsiklopediya, 1911b** – «Bobr» [“Bobr”]. Voennaya entsiklopediya. V 18 t. Pod red. Novitskogo V.F. i dr. T. 4. SPb.: Tip. t-va I.D. Sytina, 1911. [in Russian]
- Zolotarev, Kozlov, 2004** – Zolotarev, V.A., Kozlov, I.A. (2004). Tri stoletiya Rossijskogo flota, XIX – nachalo XX veka [Three centuries of the Russian fleet, XIX – early XX centuries]. M.: AST. [in Russian]

К вопросу о роли судостроения как катализатора технического прогресса в российской промышленности и экономике в начале XX века

Людмила Васильевна Шкваря ^а, Ирина Ахмед Зейн Айдрус ^{а, *}

^а Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу исторического опыта и особенностей зарождения и развития судостроения как отрасли отечественной промышленности в конце XIX – начале XX веков, показаны объективная необходимость, возможность и обусловленность развития судостроения в России. В работе характеризуется рост применения судов, прежде всего грузовых и пассажирских, морских, речных и смешанного типа, а также военных, показано влияние судостроения как катализатора развития отечественной промышленности и рыночных отношений в начале XX в. На основе архивных документов, отечественных статистических сборников и научных трудов российских дореволюционных исследователей проанализированы проблемы русского судостроения, особенности его развития. Актуальность исследования обуславливается необходимостью изучения развития судостроения в России с учетом инновационной насыщенности как важнейшей особенности отрасли.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: destard@rambler.ru (Л.В. Шкваря)

Научная новизна заключается в комплексном изучении судостроения в России на этапе его становления (конец XIX – начало XX вв.).

В работе из традиционных методов историко-экономического исследования были применены статистический, графический, историко-системный и ретроспективный; также использовались методы системного анализа и историографического анализа.

В ходе работы выявлены основные особенности и направления развития судостроения, делаются выводы о высокой значимости российского судостроения, базировавшегося на внедрении новых технологий, как катализатора национального социально-экономического развития.

Ключевые слова: Российская империя, промышленность, судостроение, технический прогресс, инновации, экономика, русский флот, гражданский флот, военный флот.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1430-1439
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1430

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of Religious Tolerance in Russia at the beginning of the XX century: Legal Regulation of Old Believers and Sectarianism

Konstantin V. Taran ^{a,*}, Sergey D. Ludwig ^b, Andrey A. Baibarin ^c, Nina M. Pestereva ^{d,e}

^a Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^d Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

^e Harbin International Sports Cooperation and Exchange Association, Harbin, China

Abstract

This article is devoted to the legal regulation of old faith and sectarianism in the Russian Empire at the beginning of the XX century. The main source was the Decrees, Manifestos and Resolutions of Emperor Nicholas II, orders of the Ministry of Internal Affairs and the Ministry of Public Education of the Russian Empire, as well as the definitions of the Holy Synod; the work also uses the norms of the Criminal Code and the General Regulations on Peasants.

Based on the study of sources, it was concluded that the basis for the regulatory regulation of the institute of religious tolerance in general, and old faith and sectarianism in particular, were the Manifesto of Nicholas II of February 26, 1903, the Decrees of the Emperor of December 12, 1904 and April 17, 1905, as well as the Regulations of the Committee of Ministers of April 17, 1905.

According to these regulations, old believers and sectarians were completely legalized (only the so-called “fanatical” teachings, that is, movements that preached religious fanaticism, were prohibited) and had equal legal status with representatives of other faiths. Their communities operated on the basis of a charter agreed with the Ministry of Internal Affairs and the Committee of Ministers, could own movable and immovable property, create their own primary-level schools (subject to the availability of certified teaching staff and educational programs agreed with the Ministry of Public Education).

Keywords: sectarianism, old faith, Russian Empire, legislation on old believers and sectarians.

1. Введение

Старообрядчество и сектантство в Российской империи имеет непростую судьбу. На протяжении всей истории Российского государства (за исключением периода монголо-татарского ига) к ним относились враждебно, начиная от духовных течений так называемых «нестяжателей» и других, получивших ярлык «сектантов», и, соответственно, еретиков («иосифляне» также долгое время «балансируют» на грани легального положения), и заканчивая так называемыми «раскольниками».

Однако либеральные тенденции, начавшиеся после реформ Александра II, изменили отношение к представителям «раскольников» и сектантов. Первая русская революция 1905–1907 годов, имевшая буржуазный характер, резко усилила эти тенденции и, соответственно, конфессиональную толерантность. Правительство Николая II вынуждено было идти навстречу подданным для смягчения народного недовольства, вызванного в том числе и революционными силами; хотя бы «религиозный вопрос» император попытался решить кардинально и весьма четко.

* Corresponding author

E-mail addresses: taran.constantin@yandex.ru (K.V. Taran), pnm_o6@mail.ru (N.M. Pestereva)

Данная статья посвящена исследованию нового правового статуса сектантов и старообрядцев, который они получили благодаря «религиозной реформе» Николая II.

2. Материалы и методы

Материалами нашей работы послужили нормативные акты, изданные императором Николаем II, которыми регламентировался правовой статус сектантских и старообрядческих православных конфессий.

Нами были проанализированы:

- Манифест Николая II от 26 февраля 1903 года, который устанавливал общие положения религиозной реформы ([Манифест от 26.02.1903](#));

- Именной Высочайший указ от 12 декабря 1904 года Императору Правительствующему Сенату ([Указ от 12.12.1904](#)), в котором даются общие основы веротерпимости;

- Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату об укреплении начал веротерпимости, подписанный императором 17 апреля 1905 года в Царском Селе ([Указ о веротерпимости от 17.04.1905](#)), регламентирующий особенности правового состояния религиозных конфессий;

- Высочайше утвержденное Положение Комитета министров от 17 апреля 1905 года ([Положение КМ от 17.04.1905](#)), которое расширяло и дополняло нормы, принятые Указом от 17 апреля 1905 года.

В работе использовался комплекс исторических и общенаучных методов исследования.

Из традиционных исторических методов были применены:

- историко-системный – для анализа законодательства о старообрядчестве и сектантстве в соответствии с политической, экономической и социальной ситуацией в исследуемый хронологический период;

- историко-сравнительный – для сравнения правового статуса старообрядцев и сектантов с православными верующими;

- историко-генетический – для изучения причин принятия законодательства о веротерпимости.

Из нетрадиционных методов исторического исследования был использован семиотический, подразумевающий использование соответствующих исторических терминов.

Из специальных юридических методов исследования был применен формально-юридический (догматический), предусматривающий правовую интерпретацию законодательных норм о веротерпимости, старообрядчестве и сектантстве.

Из общенаучных методов исследования применены метод библиографического/источникового анализа, системный метод.

3. Обсуждение

Проблемой института религии в Российской империи занималось большое количество исследователей.

В дореволюционной России тема движения старообрядцев была весьма популярной (в отличие от темы сектантства).

В 2010 г. коллектив ученых (В.В. Нехотин, В.Н. Анисимова, М.Л. Гринберг и др.) издал работу известного промышленника и купца из старообрядцев В.П. Рябушинского под названием «Старообрядчество и русское религиозное чувство» ([Рябушинский, 2010](#)), в которой, так сказать «от первого лица», был освещен взгляд на быт и религию старообрядцев, их социальный статус, а также вопросы равенства и дискриминации данной конфессии в Российской империи.

Фундаментальный двухтомный труд Е.Е. Голубинского исследует историю русской церкви, в которой проблеме деятельности сект и старообрядцев нашлось также весьма значительное место ([Голубинский, 1901](#)). Вместе с тем автор весьма сильно полемизирует с представителями движения старообрядчества как в догматическом, так и в бытовом аспекте; данная дискуссия нашла свое отражение не только в вышеуказанном труде, но еще и в некоторых статьях (см., напр., [Голубинский, 1892](#)).

Его оппонентом выступал В.М. Карлович, который в своем трехтомном труде «Исторические исследования, служащие к оправданию старообрядцев» защищал старообрядческое религиозное движение ([Карлович, 1881](#); [Карлович, 1883](#); [Карлович, 1886](#)).

Сторонником веротерпимости был и А.Д. Градовский, полезность которой он доказывал в своих работах (см., напр., [Градовский, 1875](#)).

Весьма обширны и интересны с исторической точки зрения и статьи в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона о расколе ([Василенко, 1899](#)), старообрядцах и сектантах ([Ивашенко, 1891](#)).

В Советской России тема религии была табуированной, поэтому фундаментальных исследований на этот счет практически нет, в отличие от русской зарубежной печати, которая датируется существованием Советского Союза. Среди таких трудов отметим 2-томную монографию А.В. Карташева «Очерки по истории русской церкви», изданную в Париже в 1959 г. ([Карташев, 1959](#)) и

монографию С.А. Зеньковского «Русское старообрядчество: духовное движение XVII века» (Зеньковский, 1970).

Современных работ по движению старообрядчества и сектантства в России весьма много, мы остановили свое внимание лишь на нескольких исследованиях, которые, по нашему мнению, наиболее точно отражают особенности «законодательства о веротерпимости» начала XX века в Российской империи.

Крупнейшим исследователем старообрядческого движения современного (и отчасти советского) периода является Е.М. Юхименко, которая опубликовала более 350 работ по указанной тематике. В написании данной работы мы ориентировались на ее монографию «Старообрядчество: история и культура» (Юхименко, 2016), изданную в 2016 году, в которой делается глубочайший анализ старообрядчества с момента возникновения до нашего времени.

Значительный интерес представляет и монография А.С. Палкина «Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика» (Палкин, 2016), изданная в Екатеринбурге в 2016 г., в которой старообрядчеству и сектантству уделено достаточно много внимания. В сфере нашего внимания оказался и 2-томный труд упомянутого выше С.А. Зеньковского «Русское старообрядчество» (Зеньковский, 2006), изданный в Москве в 2006 г. Исследование известных личностей в религиозной истории России провел К.Я. Кожурин (Кожурин, 2007).

Традиционно нами использованы и энциклопедические издания, в которых дается краткая характеристика соответствующих терминов и понятий (см., напр., Раскол, 1995).

Разумеется, есть еще огромный пласт работ, указывать который в силу ограниченности объема данной статьи считаем нецелесообразным.

Вместе с тем историко-правовая специфика веротерпимости, включая старообрядчество и сектантство, до сегодняшнего дня осталась вне поля пристального внимания исследователей. Эта работа призвана восполнить данный научный пробел.

4. Результаты

Старообрядчество (или древлеправославие) берет свое начало от религиозной реформы патриарха Никона, которая получила свое законодательное оформление на Московском соборе 1656 года и Большом Московском соборе 1666–1667 гг. Несмотря на низложение с должности патриарха в 1666 г., царь Алексей I Михайлович Тишайский продолжил дело Никона. Как известно, русская православная религия претерпела в своем историческом пути весьма сильные изменения, затронувшие прежде всего его обрядовую сторону. Наиболее масштабные изменения были внесены Стоглавым собором 1551 года, инициированным Сильвестром и Макарием при полной поддержке царя Ивана IV Грозного, с целью унифицировать обрядовые элементы русского православного христианства на территории всей страны. Суть же реформы Никона заключалась в возвращении к истокам православной религии, то есть к византийскому варианту, который некогда принял великий киевский князь Владимир I Святославич Красно Солнышко (Святой). Бывший крестьянин Никита Минов, сделавший великолепную карьеру и ставший патриархом Никоном, был в свое время близким другом царя Алексея Михайловича и гибкостью во внедрении нововведений отнюдь не отличался: реформирование проходило весьма жестко, книги (стоившие в те времена немалые суммы денег) «старого письма» безжалостно изымались и сжигались, последователи преследовались. Большая часть населения в итоге поддержала реформу, меньшая же часть во главе с протопопом Аввакумом «ушла в раскол» и после смерти лидера вынуждена была бежать от гонений в глухие восточносибирские районы России. Во второй половине XVII века «раскольники» преследовались правителями (Федором I Алексеевичем и «царевной» Софьей), однако Петр I снял с них опалу. Вместе с тем предубеждение к ним и негативное отношение у большинства населения России осталось, особенно в правление Николая I Павловича (1825–1855), который сделал ставку на православное большинство, упрочив «теорией официальной народности» идеологическую составляющую русского православного христианства и выраженную лаконичной формулой С.С. Уварова «православие, самодержавие, народность».

Однако в середине XIX века ситуация изменилась. Понимая, что Российская империя является «колоссом на глиняных ногах» не только в части экономики и армии, но еще и в идеологии (ибо Россия была страной многонациональной и поликонфессиональной, активно присоединяющей новые земли с «неправославными» этносами), Александр II провел серию либеральных реформ, которые косвенно коснулись и религии. Попытки Александра III нивелировать либеральные начинания и вернуться к политике Николая I дали лишь кратковременный результат и усилили напряжение в империи. К началу XX века ситуация в духовно-религиозной сфере стала взрывоопасной, как, собственно, и в российском социуме в целом. Это подвигло Николая II на реформирование духовной сферы, и прежде всего определение правового статуса «неправославных» конфессий. Не стали исключением и «раскольники».

Итак, рассмотрим основные документы, принятые императором Николаем II, регламентирующие правовой статус старообрядцев.

В Манифесте Николая II от 26 февраля 1903 года прямо говорится о том, что «...укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах Империи Российской, которые, благоговейно почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляют всем подданным Нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной» ([Манифест от 26.02.1903: 4](#)).

Особенно актуальной религиозная реформа стала в период русско-японской войны, которая пошла совсем не так, как планировало правительство, военное руководство страны и сам император: требовалось сплочение нации.

12 декабря 1904 г. был издан «Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату», в котором «...для закрепления выраженного Нами в Манифесте от 26-го февраля 1903 года неуклонного желания охранять освященную основными законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же, в административном порядке, соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения» ([Указ от 12.12.1904: ст. 6](#)). Указ от 12 декабря дал общее направление в части веротерпимости в России.

Следующим шагом на пути к веротерпимости стал «Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату об укреплении начал веротерпимости» (далее – Указ о веротерпимости; [Указ о веротерпимости от 17.04.1905](#)) – важнейший документ, обосновавший теоретическое и нормативное регулирование конфессиональной толерантности.

Считаем уместным процитировать данный документ весьма обширно, ибо он является фундаментом нормативного регулирования веротерпимости. Преамбула закона указывает следующее: «В постоянном, по заветам предков, общении со святою православною церковью неизменно почерпая для Себя отраду и обновление сил душевных, Мы всегда имели сердечное стремление обеспечить и каждому из наших подданных свободу верования и молитв по велениям его совести. Озабочиваясь выполнением таких намерений, Мы в число намеченных в указе 12-го минувшего декабря преобразований включили принятие действительных мер к устранению стеснений в области религии» ([Указ о веротерпимости от 17.04.1905: 137](#)). Как видим, в Указе четко прослеживается идея веротерпимости; подобная конфессиональная толерантность явно была вызвана началом Первой русской революции, поэтому Николай II явно пытался найти социальную опору в представителях иных, кроме православной веры, конфессий, лояльных монархии. Как известно, еще со времен церковного раскола к старообрядцам относились как к сектантам (то есть с недоверием, переходящим в презрение), поэтому подобная тенденция со стороны правительства является, без преувеличения, революционной.

Статья 1 Указа говорит о свободном избрании веры: «Признать, что отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем, отпавшее до достижения совершеннолетия от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало» ([Указ о веротерпимости от 17.04.1905: 138](#)). Некоторые современники и историки критиковали данный Указ по следующим причинам. Дело в том, что абсолютное большинство подданных Российской империи были православными и подобное отношение императора к православной религии воспринималось чуть ли не как святотатство. Формула «самодержавие, православие, народность», активно насаждаемая во второй четверти XIX века Николаем I, весьма прочно успела «пустить корни» среди населения, особенно среди большей его части – крестьян. Толерантное отношение к другим конфессиям, в особенности к сектантам и старообрядцам, воспринималось как своего рода «смута», угрожавшая основам государственной власти. По нашему мнению, законодательное закрепление принципа веротерпимости, хоть и было прогрессивным явлением для России, но все же мерой вынужденной...

Статьи 5–12 Указа регламентируют правовой статус старообрядцев. Статья 5: «Установить в законе различие между вероучениями, объемлемыми ныне наименованием «раскол», разделив их на три группы: а) старообрядческие согласия, б) сектантство, и в) последователи изуверных учений, самая принадлежность к коим наказуема в уголовном порядке» ([Указ о веротерпимости от 17.04.1905: 138-139](#)). Таким образом, законом предусматривалось легальное положение «староверов» и «сектантов», в отличие от «изуверов» (то есть религиозных фанатиков), которые считались преступниками и преследовались уголовным законом.

Статья 6 Указа делает оговорку, что старообрядческие и сектантские верования не должны призывать к нарушению действующего законодательства: «Признать, что постановления закона, дарующие право совершения общественных богомолений и определяющие положение раскола в гражданском отношении, объемлют последователей как старообрядческих согласий, так и сектантских толков; учинение же из религиозных побуждений нарушения законов подвергает виновных в том установленной законом ответственности» ([Указ о веротерпимости от 17.04.1905: 139](#)).

Законом устанавливалось название для «староверов»: теперь вместо понятия «раскольник», каковое более двухсот лет имело негативный оттенок, употребляется термин «старообрядцы» (ст. 7 Указа): «Присвоить наименование старообрядцев, взамен ныне употребляемого названия раскольников, всем последователям толков и согласий, которые приемлют основные догматы церкви православной, но не признают некоторых принятых ею обрядов и отправляют свое богослужение по старопечатным книгам» ([Указ о веротерпимости от 17.04.1905: 139](#)).

Статьи 8–9 Указа устанавливают правовой статус старообрядческих и сектантских церквей. Так, согласно статье 8 Указа признавалось, что «сооружение молитвенных старообрядческих и сектантских домов, точно так же, как разрешение ремонта их и закрытие, должны происходить применительно к основаниям, которые существуют или будут постановлены для храмов инославных исповеданий» ([Указ о веротерпимости от 17.04.1905: 139-140](#)). Таким образом, церкви сектантов и старообрядцев отграничивались от православных церквей, что исключало их государственное финансирование. Статья 9 Указа, регламентирующая положение священнослужителей в соответствующих церквях предусматривала присвоение «...духовным лицам, избираемым общинами старообрядцев и сектантов для отправления треб, наименование «настоятелей и наставников», причем лица эти, по утверждению их в должностях надлежащею правительственною властью, подлежат исключению из мещан или сельских обывателей, если они к этим состояниям принадлежали, и освобождению от призыва на действительную военную службу и именованию, с разрешения той же гражданской власти, принятым при постриге именем, а равно допустить обозначение в выдаваемых им паспортах, в графе, указывающей род занятий, принадлежащего им среди духовенства положения, без употребления, однако, православных иерархических наименований» ([Указ о веротерпимости от 17.04.1905: 140](#)). Статьей 10 Указа разрешалось свободное проповедование, но лишь в соответствующих церквях, молитвенных и частных домах; в случае проповедования в других местах им запрещалось одевать подтверждающую их духовный сан форменную одежду: «Разрешить тем же духовным лицам свободное отправление духовных треб, как в частных и молитвенных домах, так и в иных потребных случаях, с воспрещением лишь надевать священнослужительское облачение, когда сие будет возбранено законом» ([Указ о веротерпимости от 17.04.1905: 140](#)). «Настоятелям и наставникам, при свидетельстве духовных завещаний, присвоить те же права, какими в сем случае пользуются все вообще духовные лица» ([Указ о веротерпимости от 17.04.1905: 140](#)), то есть статья 10 Указа уравнивала священнослужителей сектантов и старообрядцев с православными священниками в случаях предсмертной исповеди о волеизъявлении.

Отдельно оговорены и брачные отношения; соответствующие нормы содержатся в статье 11 Указа: «Уравнять в правах старообрядцев и сектантов с лицами инославных исповеданий в отношении заключения ими с православными смешанных браков» ([Указ о веротерпимости от 17.04.1905: 140-141](#)).

Статьи 12–13 Указа переводили на легальное положение закрытые ранее молитвенные дома.

На основе Указа о веротерпимости и, соответственно, очередным шагом к уравниванию в правах всех религий в Российской империи, в том числе и старообрядческого православия, стало «Высочайше утвержденное от 17 апреля 1905 года Положение Комитета министров» (далее – Положение о веротерпимости; [Положение КМ от 17.04.1905](#)), которое дополняет и расширяет нормы Указа. Ст. 1 раздела 1 данного Положения гласила: «Признать, что отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижению совершеннолетия от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало» ([Положение КМ от 17.04.1905: 142](#)).

Раздел 2 Положения о веротерпимости был полностью посвящен вопросам старообрядчества и сектантства, поэтому считаем целесообразным проанализировать его более подробно. «II. По старообрядчеству и сектантству: 1) Установить в законе различие между вероучениями, объемлемыми ныне наименованием раскол, разделив их на три группы: а) старообрядческая согласия, б) сектантство и в) последователи изуверных учений, самая принадлежность к коим наказуема в уголовном порядке» ([Положение КМ от 17.04.1905: 143](#)). Как видим, норма не нова и целиком повторяет положения Указа о веротерпимости.

«2) Признать, что постановления закона, дарующие право совершения общественных богомолений и определяющие положение раскола в гражданском отношении, объемлют последователей как старообрядческих согласий, так и сектантских толков; учинение же из религиозных побуждений нарушения законов подвергает виновных в том установленной законом ответственности» ([Положение КМ от 17.04.1905: 143](#)). В целом статья 2 Положения о веротерпимости повторяет нормы Указа и гласит о том, что вероисповедание старообрядцев и сектантов становятся полностью легальными, если в исповедании не предусматривается другого состава преступления.

«3) Присвоить наименование старообрядцев, взамен ныне употребляемого названия раскольников, всем последователям толков и согласий, которые приемлют основные догматы церкви православной, но не признают некоторых принятых ею обрядов и отправляют свое богослужение по старопечатным книгам» ([Положение КМ от 17.04.1905: 143-144](#)). Таким образом, статья 3 раздела 2

Положения также полностью повторяет нормы Указа о веротерпимости. Расширяет эти нормы статья 4 Положения «4) Присвоить религиозным обществам старообрядцев и сектантов наименование «общин», признать за ними в законе право на владение движимым и недвижимым имуществом на имеющих быть особо установленными для сего основаниях, а равно распространить право это на учреждаемые старообрядцами и сектантами богоугодные заведения, на основании уставов их, надлежащим образом утверждаемых (Положение КМ от 17.04.1905: 144). То есть Положение дает собирательное название обществам сектантов и старообрядцев, которые теперь именуется «общинами». Положение разрешает иметь таким общинам движимое (церковную утварь, предметы религиозного обихода, соответствующее одеяние и пр.) и недвижимое имущество (здания, помещения, землю и пр.). Общины вправе издавать собственные уставы, на основе которых и будут осуществлять свою деятельность. Более точные требования к содержанию Положением не установлены; есть лишь общие требования, изложенные в статье 2, которые сводятся к тому, что уставы общины не должны нарушать действующее законодательство.

Статьи 5–6 Положения требует «5) Признать, что сооружение молитвенных старообрядческих и сектантских домов, точно так же, как разрешение ремонта их и закрытие, должно происходить применительно к основаниям, которые существуют или будут постановлены для храмов инославных исповеданий. 6) Разрешить старообрядцам и сектантам устройство скитов и обителей, с согласия Министра Внутренних Дел, с тем, чтобы предположения об отклонении ходатайств по сему предмету вносились каждый раз на уважение Комитета Министров» (Положение КМ от 17.04.1905: 144). Следовательно, статья 5 Положения повторяет нормы статьи 8 Указа о веротерпимости, а статья 6 расширяет их. Указанным конфессиям разрешается иметь собственные помещения, называвшиеся «скитами» и «обителями», однако их создание и деятельность должны быть согласованы с Министерством внутренних дел с тем, чтобы их существование не нарушало законов Российской империи. Ходатайство о согласовании деятельности скитов и обителей выносится на рассмотрение Комитета министров.

Статьи 7 и 8 раздела 2 Положения о веротерпимости регулируют правовой статус духовенства старообрядческих и сектантских конфессий. Традиционно статья 7 повторяет статью 9 Указа о веротерпимости, а статья 8 расширяет ее. «7) Присвоить духовным лицам, избираемым общинами старообрядцев и сектантов для отправления духовных треб, наименование «настоятелей и наставников», причем лица эти, по утверждении их в должностях надлежаще правительственной властью, подлежат исключению из мещан или сельских обывателей, если они к этим состояниям принадлежали, и освобождению от призыва на действительную военную службу и именованию, с разрешения той же гражданской власти, принятым при постриге именем, а равно допустить обозначение в выдаваемых им паспортах, в графе, указывающей род занятий, принадлежащего им среди духовенства положения, без употребления однако православных иерархических наименований» (Положение КМ от 17.04.1905: 144). То есть старообрядческому и сектантскому духовенству, согласно его традиции, было присвоено наименование «настоятелей» и «наставников», в то время как использовать традиционные православные иерархические обозначения духовенства им было запрещено. Как и православные священнослужители, они включались в духовное сословие с соответствующим правовым статусом (запрет на военную службу и пр.) и, соответственно, исключались из других сословий (мещан, крестьян и пр.).

Статья 8 Положения, как уже было указано выше, уточняла нормы статьи 7, а также в значительной мере повторяла положения статьи 10 Указа о веротерпимости: «Разрешить тем же духовным лицам свободное отправление духовных треб как в частных и молитвенных домах, так и в иных потребных случаях, с воспрещением лишь надевать священнослужительское облачение, когда сие будет возбранено законом. Настоятелям и наставникам (п. 7) при свидетельстве духовных завещаний присвоить те же права, какими в сем случае пользуются все вообще духовные лица» (Положение КМ от 17.04.1905: 144). Статья не только уравнивала правовой статус старообрядческих и сектантских священнослужителей с православными, но и узаконивала их деятельность в молебных домах.

Статья 9 Положения о веротерпимости устанавливала особенности образовательной деятельности на территориях общин сектантов и старообрядцев.

Так, согласно статье 9, разрешалось «...устройство старообрядцами и сектантами начальных школ и преподавание детям их Закона Божия на нижеследующих основаниях:

а) в местностях с значительным старообрядческим или сектантским населением старообрядцам и сектантам разрешается учреждение начальных школ, содержимых на их средства, с тем, чтобы школы эти состояли в ведении Министерства Народного Просвещения, преподавание в них велось применительно к утвержденным для сего типа школ программам и было поручено учителям, избираемым учредителями школ, но обладающим образовательным цензом учителей народных училищ и утверждаемым подлежащим учебным начальством;

б) в тех же школах, а равно в общих учебных заведениях, разрешить преподавание детям старообрядцев и сектантов Закона Божия по вере их родителей с тем, чтобы в случаях, когда

преподавание это будет поручено особому наставнику, этот последний назначался также из лиц с указанным выше образовательным цензом» (Положение КМ от 17.04.1905: 144-145).

Итак, статьей 9 Положения представителям анализируемых конфессий разрешалась образовательная деятельность лишь самой низшей ступени¹ (то есть начальных школ; аналог православных церковно-приходских школ – Авт.) за счет средств религиозных общин; открытие учреждения должно было быть согласовано с соответствующей региональной образовательной дирекцией Министерства народного просвещения. Учителя школ должны были иметь соответствующий уровень образования (такой же, как и учителя остальных учебных заведений соответствующего уровня), так же, как и программы обучения в данных школах (которые тоже согласовывались с Министерством народного просвещения). Основы религии (Закон Божий) также должны преподаваться аттестованным учителем. В случаях же, когда дети старообрядцев и сектантов учились в общих учебных заведениях, в данное учреждение разрешалось нанимать учителя соответствующей веры, но только при наличии уровня образования, позволявшего заниматься преподавательской деятельностью.

Статья 10 Положения о веротерпимости регламентировала просветительскую деятельность на территориях старообрядческих и сектантских общин, предусматривала «отменить действующие по отношению напечатания и ввода в империю старообрядческих и сектантских богослужебных книг особые постановления» (Положение КМ от 17.04.1905: 145), то есть печатать соответствующие религиозные издания можно было без особых разрешений со стороны Министерства народного просвещения.

Статьи 11–13 Положения регламентировали записи актов гражданского состояния представителей исследуемых конфессий. Так, статья 11 уравнивала «в правах старообрядцев и сектантов с лицами инославных исповеданий в отношении заключения ими с православными смешанных браков» (Положение КМ от 17.04.1905: 145); статья 12 требовала «возложить ведение метрических книг для записей, рождений, браков и смерти старообрядцев и сектантов на их духовных лиц, под наблюдением подлежащих правительственных или общественных учреждений, по особым правилам, имеющим быть составленными применительно к ныне по сему предмету действующими» (Положение КМ от 17.04.1905: 145). То есть браки с представителями других конфессий можно было заключать совершенно свободно, а акты гражданского состояния должны были вестись священнослужителями в порядке и на условиях, принятых в Российской империи. Также было разрешено иметь свои кладбища, обустроенные в соответствии с религиозными обычаями данной социальной группы (статья 13 Положения): «Разрешить старообрядцам и сектантам для погребения умерших иметь особые кладбища» (Положение КМ от 17.04.1905: 145).

Таким образом, указанные нормативные акты не только устанавливали основы веротерпимости, но и достаточно полно регламентируют деятельность старообрядческих и сектантских общин, вводя их в правовое поле Российской империи.

5. Заключение

Подытоживая сказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Социальная и политическая ситуация, сложившаяся в Российской империи в начале XX века, требовала от правительства Николая II нормативного закрепления института веротерпимости. Манифест от 26 февраля 1903 года устанавливал общие положения религиозной реформы 1903–1905 годов, Указ от 12 декабря 1904 – общие положения о веротерпимости, Указ от 17 апреля 1905 года регламентировал особенности правового состояния религиозных конфессий, а Положение Комитета министров от 17 апреля 1905 года расширяло и дополняло нормы Указом от 17 апреля 1905 года.

2. Вышеуказанными нормативными актами старообрядцы юридически были приравнены не только к сектантам и имели тождественный правовой статус, но и к любым другим конфессиям, в том числе и к русскому православному христианству, которое на протяжении многих веков являлось официальной (государственной) религией России. Следовательно, деятельность старообрядцев и сектантов становилась полностью легальной.

3. Законом устанавливались три группы указанных конфессий:

- старообрядческое движение;
- сектантство;
- изуверские учения, проповедовавшие религиозный фанатизм. Данное религиозное движение было запрещено и преследовалось уголовным законом, то есть миссионерская и проповедническая деятельность, а также приверженность данным учениям являлись преступлением.

¹ Система гражданского образования Российской империи включала в себя начальные образовательные учреждения (низшая ступень – включала в себя 2-классные начальные школы и училища, церковно-приходские школы и т.п.), низшие образовательные учреждения (городские, ремесленные, промышленные, высшие начальные училища), низшие образовательные учреждения (гимназии и прогимназии, реальные училища, учительские семинарии и институты и т.п.) и высшие образовательные учреждения (университеты, академии и пр.).

4. В соответствии с принятыми нормативными актами вместо прежнего названия «раскольники» стали использовать термин «старообрядцы», религиозные старообрядческие и сектантские сообщества стали именоваться «общинами», а помещения для отправления религиозного культа – называться, соответственно, «скитами» и «обителями». Общинам разрешалось иметь движимое и недвижимое имущество, а деятельность их регулировалась издаваемым данными общинами уставом, текст которого согласовывался Министерством внутренних дел и Комитетом министров.

5. Согласно закону, священнослужители старообрядческих и сектантских религиозных обществ именовались «настоятелями» и «наставниками», могли облачаться в соответствующее религиозное одеяние, но вести проповеди они были должны только в особых молебных домах и помещениях; запрещено было использовать церковную иерархию, характерную для православной христианской религии.

6. Старообрядцы и сектанты могли иметь собственные начальные образовательные учреждения при условии, что учителя будут иметь необходимый уровень образования, а образовательные программы будут согласованы с Министерством народного просвещения.

7. Браки с представителями других конфессий на основании указанных законов можно было заключать совершенно свободно, а акты гражданского состояния должны были вестись священнослужителями в порядке и на условиях, принятых в Российской империи; старообрядцам и сектантам было разрешено иметь свои кладбища, обустроенные соответственно их религиозным обычаям.

Литература

[Василенко, 1899](#) – *Василенко Н.П.* Раскол // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (82 т. и 4 доп.). Т. XXVI. СПб., 1899.

[Голубинский, 1892](#) – *Голубинский Е.Е.* К нашей полемике со старообрядцами. (Частные вопросы: О песни аллилуйя) // *Богословский вестник*. 1892. № 5. С. 197-223.

[Голубинский, 1901](#) – *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т. 1–2. М.: Университетская типография, 1901.

[Градовский, 1875](#) – *Градовский А.Д.* О веротерпимости / Начала русского государственного права. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1875.

[Зеньковский С.А.](#) – *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: духовное движение XVII века. Мюнхен: Wilhelm Fink Verlag, 1970.

[Зеньковский, 2006](#) – *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. В 2-х томах. М., 2006.

[Иващенко, 1891](#) – *Иващенко Н.И.* Старообрядцы и сектанты / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (82 т. и 4 доп.). Т. Па. СПб., 1891.

[Карлович, 1881](#) – *Карлович В.М.* Исторические исследования, служащие к оправданию старообрядцев. Т. 1. М.: Типография А. Малюкова и Ко., 1881.

[Карлович, 1883](#) – *Карлович В.М.* Исторические исследования, служащие к оправданию старообрядцев. Т. 2. Черновцы: Типография Германа Чоппа, 1883.

[Карлович, 1886](#) – *Карлович В.М.* Исторические исследования, служащие к оправданию старообрядцев. Т. 3. М., 1886.

[Карташев, 1959](#) – *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1. Париж: YMCA-Press, 1959.

[Кожурин, 2007](#) – *Кожурин К.Я.* Духовные учителя сокровенной Руси. СПб.: Питер, 2007.

[Манифест от 26.02.1903](#) – Высочайший Манифест от 26-го февраля 1903 года // *Правительственный вестник*. 1903. 27 февраля. № 46.

[Палкин, 2016](#) – *Палкин А.С.* Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург: Университетское изд-во, 2016.

[Положение КМ от 17.04.1905](#) – Высочайше утвержденное Положение Комитета министров от 17 апреля 1905 года // *Циркуляр по Одесскому учебному округу*. 1905. № 3–4. С. 142-152.

[ПСЗРИ](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. В 33-х томах. СПб., 1915.

[Раскол, 1995](#) – *Раскол* // *Христианство: Энциклопедический словарь*. Т. II. М.: Большая российская энциклопедия (издательство), 1995.

[Рябушинский, 2010](#) – *Рябушинский В.П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.: Мосты культуры, 2010. 452 с.

[Указ о веротерпимости от 17.04.1905](#) – Именной Высочайший от 17 апреля 1905 года Указ Правительствующему Сенату об укреплении начал веротерпимости // *Циркуляр по Одесскому учебному округу*. 1905. № 3–4. С. 137-141.

[Указ от 12.12.1904](#) – Именной Высочайший от 12 декабря 1904 года Указ Правительствующему Сенату // *Циркуляр по Одесскому учебному округу*. 1905. № 3–4. С. 133-136.

[Юхименко, 2016](#) – *Юхименко Е.М.* Старообрядчество: История и культура. М., 2016.

References

- [Golubinskii, 1892](#) – *Golubinskii, E.E.* (1892). K nashei polemike so staroobryadtsami. (Chastnye voprosy: O pesni alliluiya) [To our controversy with the Old Believers. (Private questions: On the song of hallelujah)]. *Bogoslovskii vestnik*. 5: 197-223. [in Russian]
- [Golubinskii, 1901](#) – *Golubinskii, E.E.* (1901). Istoriya Russkoi Tserkvi [History of the Russian Church]. T. 1–2. M.: Universitetskaya tipografiya. [in Russian]
- [Gradovskii, 1875](#) – *Gradovskii, A.D.* (1875). O veroterpimosti [On religious tolerance]. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. SPb.: Tip. M. Stasyulevicha. [in Russian]
- [Ivashchenko, 1891](#) – *Ivashchenko, N.I.* (1891). Staroobryadtsy i sektanty [Old Believers and sectarians]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: V 86 t. (82 t. i 4 dop.). T. IIa. SPb. [in Russian]
- [Karlovich, 1881](#) – *Karlovich, V.M.* (1881). Istoricheskie issledovaniya, sluzhashchie k opravdaniyu staroobryadtsev [Historical research serving to justify the Old Believers]. T. 1. M.: Tipografiya A. Malyukova i Ko. [in Russian]
- [Karlovich, 1883](#) – *Karlovich, V.M.* (1883). Istoricheskie issledovaniya, sluzhashchie k opravdaniyu staroobryadtsev [Historical research serving to justify the old believers.]. T. 2. Chernovtsy: Tipografiya Germana Choppa. [in Russian]
- [Karlovich, 1886](#) – *Karlovich, V.M.* (1886). Istoricheskie issledovaniya, sluzhashchie k opravdaniyu staroobryadtsev [Historical research serving to justify the Old Believers]. T. 3. M. [in Russian]
- [Kartashev, 1959](#) – *Kartashev, A.V.* (1959). Ocherki po istorii russkoi tserkvi [Essays on the history of the Russian church]. T. 1. Parizh: YMCA-Press. [in Russian]
- [Kozhurin, 2007](#) – *Kozhurin, K.Ya.* (2007). Dukhovnye uchitelya sokrovennoi Rusi [Spiritual teachers of secret Russia]. SPb.: Piter. [in Russian]
- [Manifest ot 26.02.1903](#) – Vysochaishii Manifest ot 26-go fevralya 1903 goda [The Highest Manifesto of February 26, 1903]. *Pravitel'stvennyi vestnik*. 1903. 27 fevralya. № 46. [in Russian]
- [Palkin, 2016](#) – *Palkin, A.S.* (2016). Edinoverie v seredine XVIII – nachale XX v.: obshcherossiiskii kontekst i regional'naya spetsifika [Co-Religionism in the middle of the XVIII – early XX centuries: the All-Russian context and regional specifics]. Ekaterinburg: Universitetskoe izd-vo. [in Russian]
- [Polozhenie KM ot 17.04.1905](#) – Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie Komiteta ministrov ot 17 aprelya 1905 goda [The highest approved Regulations of the Committee of Ministers of April 17, 1905]. Tsirkulyar po Odesskomu uchebnomu okrugu. 1905. № 3–4. S. 142-152. [in Russian]
- [PSZRI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie tret'e. V 33-kh tomakh. SPb., 1915. [in Russian]
- [Raskol, 1995](#) – Raskol [Split]. Khristianstvo: Entsiklopedicheskii slovar'. T. II. M.: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya (izdatel'stvo), 1995. [in Russian]
- [Ryabushinskii, 2010](#) – *Ryabushinskii, V.P.* (2010). Staroobryadchestvo i russkoe religioznoe chuvstvo [Old faith and russian religious feeling]. M.: Mosty kul'tury, 452 p. [in Russian]
- [Ukaz o veroterpimosti ot 17.04.1905](#) – Imennoi Vysochaishii ot 17 aprelya 1905 goda Ukaz Pravitel'stvuyushchemu Senatu ob ukreplenii nachal veroterpimosti [Nominal Imperial Decree of April 17, 1905 to the Governing Senate on strengthening the principles of religious tolerance]. *Tsirkulyar po Odesskomu uchebnomu okrugu*. 1905. № 3–4. Pp. 137-141. [in Russian]
- [Ukaz ot 12.12.1904](#) – Imennoi Vysochaishii ot 12 dekabrya 1904 Ukaz Pravitel'stvuyushchemu Senatu [Nominal Supreme of December 12, 1904 Decree to the Governing Senate]. *Tsirkulyar po Odesskomu uchebnomu okrugu*. 1905. 3–4: 133-136. [in Russian]
- [Vasilenko, 1899](#) – *Vasilenko, N.P.* (1899). Raskol [Split]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: V 86 t. (82 t. i 4 dop.). T. XXVI. SPb. [in Russian]
- [Yukhimenko, 2016](#) – *Yukhimenko, E.M.* (2016). Staroobryadchestvo: Istoriya i kul'tura [Old Believers: History and Culture]. M. [in Russian]
- [Zen'kovskii, 1970](#) – *Zen'kovskii, S.A.* (1970). Russkoe staroobryadchestvo: dukhovnoe dvizhenie XVII veka [ussian Old Believers: a spiritual movement of the 17th century.]. Myunkhen: Wilhelm Fink Verlag. [in Russian]
- [Zen'kovskii, 2006](#) – *Zen'kovskii, S.A.* (2006). Russkoe staroobryadchestvo [Russian Old Believers]. V 2-kh tomakh. M. [in Russian]

К вопросу о веротерпимости в России в начале XX века: правовое регулирование старообрядчества и сектантства

Константин Викторович Таран ^{a,*}, Сергей Давыдович Людвиг ^b, Андрей Андреевич Байбарин ^c
 Нина Михайловна Пестерева ^{d,e}

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: taran.constantin@yandex.ru (К.В. Таран),
pnm_06@mail.ru (Н.М. Пестерева)

- ^a Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
^b Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация
^c Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация
^d Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация
^e Харбинская ассоциация международного спортивного сотрудничества и обменов, Китай

Аннотация. Данная статья посвящена правовому регулированию старообрядчества и сектантства в Российской империи в начале XX века. Основными источниками стали Указы, Манифесты и Постановления императора Николая II, распоряжения Министерства внутренних дел и Министерства народного просвещения Российской империи, а также определения Святейшего синода; в работе используются также нормы Уголовного уложения и Общего положения о крестьянах.

На основании исследования источников был сделан вывод о том, что основой нормативного регулирования института веротерпимости в целом, и старообрядчества и сектантства в частности, стали Манифест Николая II от 26 февраля 1903 года, Указы императора от 12 декабря 1904 года и от 17 апреля 1905 года, а также Положение Комитета министров от 17 апреля 1905 года.

Согласно данным нормативным актам, старообрядцы и сектанты были полностью легализованы (запрещались лишь так называемые «изуверские» учения, то есть движения, проповедовавшие религиозный фанатизм) и имели равный правовой статус с представителями других конфессий. Их общины действовали на основании устава, согласованного с Министерством внутренних дел и Комитетом министров, могли иметь в собственности движимое и недвижимое имущество, создавать собственные школы начального уровня (при условии наличия аттестованного преподавательского состава и согласованных с Министерством народного просвещения образовательных программ).

Ключевые слова: сектантство, старообрядчество, Российская империя, законодательство о старообрядцах и сектантах.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1440-1450
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1440

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Problem of “Yellow Labor” in the Russian Far East on the Eve of the First World War in the Public Space of the Region

Alexey V. Antoshin ^{a,*}

^aUral Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the place of labor migrants from East Asian countries in the public space of the Russian Far East on the eve of the First World War. The source base for this study was the materials of the regional periodicals – the newspapers Priamurskiye Vedomosti (Khabarovsk), Priamurye (Khabarovsk), Priamurskaya Zhizn (Khabarovsk), Dalniy Vostok (Vladivostok). In addition, documents stored in the funds of the Russian State Historical Archive of the Far East (RGIADV) and the State Archive of the Khabarovsk Territory (GAHK) were used. The methodological basis of the study was the theoretical developments of domestic and foreign migration scientists. Using these conceptual constructions, the author comes to the conclusion that the specific of the Far East region was the special attention of the media and public organizations that existed in the region to the problem of labor migrants. It is proved that the peculiarity of the Far East was closer than in most other regions of Russia, the connection between the power structures (represented primarily by the administration of the Amur Governor-General) and a small local intelligentsia. In contrast to the central regions of the empire, the intelligentsia here was largely united in expert communities that worked to meet the needs of the authorities. It was these structures (the Amur departments of the Russian Geographical Society and the Society of Oriental Studies, the newspaper Priamurskiye Vedomosti) that were characterized by the most in-depth analysis of the problem of labor migrants, which they considered, first of all, in the context of the needs of the development of the regional economy. The author proves that the analysis of this problem, which was presented on the pages of Priamurye, Priamurskiye Vedomosti and other opposition publications, was much less profound. These publications only sought to use the sensitive issue of migrants for political purposes.

Keywords: Far East, labor migrants, Chinese, Koreans, public space, Russian Geographical Society, periodicals, Amur Vedomosti, Amur Region, Amur Life.

1. Введение

Проблематика миграционных процессов в последние годы вызывает все больший общественный интерес. В условиях глобализации резко возрастает пространственная мобильность населения, все большее число людей во всем мире так или иначе вовлекается в международные миграционные потоки. В результате миграции они оказывают колоссальное влияние на социально-экономическую и политическую ситуацию в различных странах, воздействуют на морально-психологическую атмосферу в принимающих обществах. Данное обстоятельство приводит к тому, что вопрос о мигрантах начинает все активнее подниматься в средствах массовой информации, обсуждается положительный и отрицательный эффект, который оказывают мигранты на экономическое состояние страны-реципиента. В ряде стран стремительно растут антииммигрантские настроения, которые нередко умело используются различными группировками в политической борьбе, становятся факторами дестабилизации ситуации в обществе. Весьма неоднозначно

* Corresponding author

E-mail addresses: alex_antoshin@mail.ru (A.V. Antoshin)

отношение общественности многих стран к такой группе, как трудовые мигранты, которые составляют значительную часть миграционных потоков.

Однако следует учесть, что подобные тенденции не являются характерными чертами общественной атмосферы лишь эпохи глобализации: все это было характерно для ряда стран и в прошлом. Среди них можно назвать и Россию, прежде всего Дальневосточный регион. Недавно присоединенный к империи край в конце XIX – начале XX вв. испытывал острейший дефицит рабочей силы, и эту проблему долгое время пытались решить с помощью трудовых мигрантов из соседних государств Восточной Азии. Фактически сами действия России в регионе сделали вновь присоединенные земли весьма привлекательными для китайцев и корейцев. Строительство городов, создание современной инфраструктуры, экономическое развитие вновь присоединенных территорий – все это создавало постоянную потребность в использовании дешевого труда мигрантов. Однако стремительное увеличение их численности привело к тому, что в предвоенные годы именно на Дальнем Востоке миграционная проблематика значительно чаще, чем в других регионах империи, привлекала внимание общественности, вызывала дискуссии в публичном пространстве. Это обуславливает актуальность данной темы.

2. Материалы и методы

Важнейшим историческим источником для исследования вопроса о роли проблемы мигрантов в публичном пространстве Дальневосточного региона кануна Первой мировой войны является местная периодическая печать. Прежде всего стоит выделить «Приамурские ведомости», печатавшиеся в Хабаровске в типографии приамурского генерал-губернатора. В силу специфики региона, о которой пойдет речь в данной статье, это издание содержало значительно больше ценных материалов по исследуемой тематике, чем подобные официозные газеты в других регионах империи.

Во многом альтернативной «Приамурским ведомостям» была также издававшаяся в Хабаровске газета «Приамурье», которую выпускало одноименное товарищество. Для нее были характерны оппозиционные настроения, редакторы газеты нередко оказывались в тюрьме за публикуемые на страницах «Приамурья» материалы. Среди авторов газеты был и знаменитый исследователь Дальнего Востока В.К. Арсеньев, 150-летие со дня рождения которого отмечается в 2022 г.

Во многом схожими были идеологические установки редакции другой хабаровской газеты – «Приамурская жизнь», которые также можно охарактеризовать как прогрессистские. Спецификой данного издания, однако, было то, что оно гораздо в большей степени ориентировалось на общероссийские политические тренды, в результате на его страницах петербургским новостям уделялось значительно более серьезное внимание, чем ситуации в регионе.

Среди владивостокских изданий особое место занимала газета «Дальний Восток». Она ориентировалась на позицию Всероссийского национального союза и именно с позиций русских националистов рассматривала многие проблемы региона, в том числе и вопрос о мигрантах.

Материалы периодической печати дополняются источниками, хранящимися в региональных архивохранилищах. В статье использованы материалы фонда И-2 «Приамурский отдел Императорского Русского географического общества» Государственного архива Хабаровского края (ГАХК). Именно местный отдел Русского географического общества (РГО) был одной из ключевых дискуссионных площадок, в рамках которых обсуждались многие проблемы региона, в том числе и миграционный вопрос.

Международные миграционные потоки, связанные с данным регионом, в значительной мере характеризуются в документах ряда фондов Российского государственного архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), находящегося во Владивостоке. Здесь можно выделить, в частности, фонд 626 «Русская духовная миссия в Сеуле», посвященный российскому присутствию в Корее в начале XX в. Интерес также представляют материалы фонда 117 «Никольск-Уссурийское китайско-корейское национальное общество», посвященные пребыванию выходцев из соседних стран Восточной Азии на российском Дальнем Востоке.

Наконец, ценные материалы по данной проблематике можно найти в фондах Архива Общества изучения Амурского края (ОИАК), находящегося во Владивостоке. Так, в частности, здесь хранится личный фонд 24, содержащий документы редактора-издателя упоминавшейся выше газеты «Дальний Восток» В.А. Панова.

Рост международных миграционных потоков, усиление внимания СМИ к ним в конце XX–XXI вв. приводят к тому, что в последние десятилетия данная проблематика активно изучается в современной гуманитаристике. В рамках таких концепций, как теории человеческого капитала, «притяжения-выталкивания», миграционных сетей и т.д., анализируются ключевые факторы, оказывающие решающее влияние на ход и специфику миграционного обмена между государствами. В работах П. Сталкера, Д. Гросса и других авторов отмечается, что миграционный обмен между странами Запада и Востока относится к числу ключевых в международных миграционных потоках (Stalker, 2000; Gross, 1998). Значительное внимание в миграциологии уделяется проблематике межкультурных коммуникаций, анализу формирования образа мигрантов в сознании принимающего

общества (Martin, Nakayama, 1997). Специалистами в области диаспоральных исследований также разрабатываются теоретические подходы к анализу места мигрантов в публичных пространствах отдельных стран и регионов (Malakhov, 2019; Libman, Obydenkova, 2020). Появляются и труды, где данные методологические подходы применяются при исследовании положения мигрантов на российском Дальнем Востоке (Park, 2015). Теоретические наработки ведущих российских и зарубежных миграциологов являются методологической основой данной статьи.

3. Обсуждение

Особая значимость миграционной проблематики для российского Дальнего Востока привела к тому, что исследователи уже не раз обращались к анализу ее различных аспектов. Уже в дореволюционный период внимание исследователей не могла не привлечь миграция на российский Дальний Восток из соседних стран Восточной Азии. Особое внимание, конечно, вызывали китайские мигранты, однако в большинстве работ так или иначе затрагивались также корейцы и японцы (Граве, 1912; Богословский, 1913; Арсеньев, 1914 и др.).

В советской историографии миграционная проблематика чаще всего рассматривалась в контексте истории переселенческой политики П.А. Столыпина и развития революционного движения в регионе. Вместе с тем предпринимались и отдельные попытки специального анализа места миграционной проблематики в публичном пространстве региона (Акашев, 1972). Постепенная нормализация советско-китайских отношений и усиление внимания к Китаю в годы «перестройки» привели к появлению трудов, посвященных роли китайцев в экономике дореволюционного Дальнего Востока (Соловьев, 1989).

Новая историографическая ситуация, сложившаяся в 1990–2000-е гг., стремительный рост миграционных потоков между Россией и КНР способствовали тому, что данная проблематика стала все более актуальной. Появились труды, посвященные хозяйственной деятельности китайских и корейских мигрантов на Дальнем Востоке (Хроленок, 1995; Алепо, 1996; Сорокина, 1999; Ларин, 2000 и др.). Значительный вклад в разработку данной проблемы внес труд Т.З. Позняк, в котором дана широкая панорама места китайских, японских и корейских мигрантов в городах Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. (Позняк, 2004). Вопрос об отношении к мигрантам из Восточной Азии со стороны центральных и региональных властей также уже привлекал внимание историков (Осипов, 1994; Ларин, 1996; Нестерова, 2004 и др.).

Данная проблематика вызывала интерес и у западных исследователей. Широкую известность, в частности, получили работы Дж. Стефана и Д. Схimmelпеннинка ван дер Ойе (Stefan, 1994; Schimmelpenninck van der Oye, 2001).

Из изданий последних лет нельзя не отметить коллективную монографию, выпущенную в Новосибирске под редакцией С.С. Пайчадзе и И.А. Вальдмана. Обобщающий труд, подготовленный международным авторским коллективом, который объединяет ученых из России, Японии и Казахстана, охватывает широкий спектр проблем, связанных с анализом специфики межкультурной коммуникации в рамках трансграничного региона (Россия и страны АТР, 2019).

4. Результаты

Специфика общественно-политической ситуации на российском Дальнем Востоке уже не раз отмечалась исследователями. Созданное в 1884 г. Приамурское генерал-губернаторство делилось на Приморскую, Амурскую, Забайкальскую, Камчатскую области и Сахалинскую губернию. Местопребыванием генерал-губернатора был определен Хабаровск, во главе областей стояли военные губернаторы. Во многом в центре истории региона в дореволюционный период находились личности генерал-губернаторов, с каждым из которых связан важный период в истории Приамурья.

Такая персонификация региональной истории во многом связана и с дефицитом квалифицированных кадров управленцев, образованных людей, интеллигенции, формировавшей социокультурную среду российского Дальнего Востока. Тем большим оказывалось значение тех немногочисленных специалистов, которые по тем или иным причинам оказались в этом малонаселенном колониальном крае. Один из крупнейших исследователей имперской политики России А.В. Ремнев отмечал, что среди этих людей были и некоторые либералы, которые в специфических условиях Дальнего Востока оказывались рядом с властными структурами, а то и в их составе (Ремнев, 2004: 26).

Причины этой ситуации были разнообразны. Следует учесть, что на дореволюционном Дальнем Востоке земства не было. Причем, как указывают исследователи, в начале XX в. сами местные власти ставили вопрос о необходимости введения земств, чтобы передать им некоторые функции, которые выполняли эти органы местного самоуправления в центральных районах. Однако центральная власть полагала, что для Дальнего Востока наиболее оптимальным являлась «сильная, облеченная доверием монарха» власть генерал-губернатора (Сергеев и др., 2002: 60).

Тесная связь в регионе либеральной интеллигенции и властных структур была связана еще и с тем, указывает А.В. Ремнев, что российские либералы XIX в. «были не чужды идей, как казалось, благородных – колониализма и имперского расширения» (Ремнев, 2004: 26). В результате

формировался, пользуясь его выражением, «сложный дискурс интеллектуалов (обосновывавших идеальные геополитические конструкции и пугавших мир возможными глобальными конфликтами) и политических прагматиков, которые, хотя и скептически относились к интеллектуальным писаниям, но не могли не использовать их в имперской политической и управленческой практике» (Ремнев, 2004: 27).

Вместе с тем после поражения России в русско-японской войне значительная часть общества разочаровалась в популярных прежде концепциях, связанных с «движением России в Азию», основанных на «евразийстве», идее «цивилизующей миссии России в Азии» и т.д. Идея «разворота России на Восток» фактически потерпела крах. Главной задачей власти становится заселение края русскими в условиях усиления страха перед «желтой опасностью». Именно с миграционными процессами в этот период стали связывать безопасность региона как власть, так и значительная часть общественности.

Это заметно, в частности, при анализе деятельности одного из ключевых экспертных сообществ региона – отделов РГО. Следует учесть, что во многом они формировались по инициативе властей, стремившихся к преобразованию Общества изучения Амурского края (возникшей «снизу» структуры) в Приамурский отдел РГО. Документы показывают, что объединившиеся в ОИАК представители общественности выражали сильные сомнения, боясь потерять независимость (ГАХК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 60б.). Тем не менее Приамурскому генерал-губернатору С.М. Духовскому удалось осуществить данную трансформацию, что во многом сделало преобразованный отдел структурой, обслуживавшей нужды власти. Очень показателен тот факт, что выборы председателя Приамурского отдела РГО проходили в доме генерал-губернатора.

Эти тенденции заметны и в том, какие исследования проводил Приамурский отдел РГО в отношении китайцев. Характерны ключевые вопросы, которые он задавал в рамках реализации своей программы: «Какие племена и роды живут постоянно на нашей территории? Какие племена и роды, в какое время года, куда и в каком количестве перекочевывают в пределы Китая и обратно на нашу территорию? Справедливо ли, что кочующие по Зее, считая себя китайскими подданными, несут службу пограничных китайских пикетов берега Амура и отбывают многие повинности? Увеличилось ли население маньчжуров и дауров около Благовещенска со времени Айгунского договора и насколько? Как относятся инородцы к русским и китайским властям и порядкам?» (ГАХК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 56). Тесная связь данной программы с государственными потребностями, с задачей обеспечения национальной и региональной безопасности является очевидной.

Эти тенденции в деятельности Приамурского отдела РГО были заметны и в дальнейшем. Так, перед самым началом Первой мировой войны, в июне 1914 г., на заседании данной структуры Б.И. Боровский выступил с докладом о «желтом труде» в регионе. «Докладчик, – отмечал присутствовавший на заседании журналист, – категорически высказался за необходимость поставить преграды распространению на окраине желтого труда, а также, с другой стороны, поддерживать и усиливать применение русских рабочих». После этого выступили другие члены Приамурского отдела РГО, и общее отношение к «желтому труду» оказалось «совершенно отрицательным» (В географическом обществе).

Другой структурой, являвшейся на дореволюционном Дальнем Востоке своеобразной дискуссионной площадкой для обсуждения интеллигенцией различных аспектов жизни края, были отделения Общества востоковедения. На их заседаниях также поднимались вопросы, связанные с притоком в регион мигрантов из Восточной Азии, и тоже – в контексте обеспечения национальной безопасности. Характерно, что в июне 1912 г. основной темой заседания Приамурского отделения Общества востоковедения стали корейские школы. Выступавшие заявляли, что в регионе был открыт целый ряд японских школ для корейских детей, кроме того, существовал институт «ходячих учителей», которые, переходя из деревни в деревню, учили детей «корейской грамоте». При этом подчеркивалась недопустимость того положения, при котором «корейские дети обыкновенно обучаются по учебникам, изданным японским правительством в духе любви к Японии»: представители местной интеллигенции выступали за разработку российских учебников для корейских детей (Приамурские ведомости. 1912. 21 июня. № 1865). Безусловно, в данном случае ставилась задача интеграции мигрантов в принимающее общество; впрочем, нередко страх «перед желтой опасностью» был сильнее, и раздавались призывы к тому, чтобы «поставить барьер» на пути проникновения мигрантов в край.

При этом следует учесть, что задачи интеграции края в информационном отношении во многом лежали на органах периодической печати, которые воспринимались как важное средство просвещения населения и его информирования о правительственных мероприятиях. Безусловно, в советской историографии ключевое внимание уделялось формированию в регионе большевистской печати, таких изданий, как «Забайкальский рабочий» (Чита), «Приморский рабочий» (Владивосток), «Амурский отголосок» (Благовещенск), «Голос приказчика» (Благовещенск) и т.д. (Колыхалова, 1979: 201 и др.). Однако в реальности, конечно, подобные газеты носили маргинальный характер и не пользовались популярностью у местной общественности. Первым и самым длительно существовавшим периодическим изданием в официальной «столице» региона Хабаровске стали

«Приамурские ведомости», которые начали выходить с 1 января 1894 г. Конечно, молодая пресса только колонизируемого края сталкивалась с большими трудностями. Даже «Приамурские ведомости» первоначально негде было печатать: не было профессиональной типографии, квалифицированных наборщиков, шрифтов. Некоторое время газета печаталась в военной типографии силами нижних чинов (ГАХК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 24).

Тем не менее постепенно на Дальнем Востоке появилась не только официальная, но и оппозиционная периодическая печать. Как и в других регионах России, между ними быстро возникла борьба за читателя, стремление оказывать определяющее воздействие на сознание местного населения. При этом специфика региона, на наш взгляд, проявилась в том, что именно официальные «Приамурские ведомости» могут быть, прежде всего, здесь отнесены к разряду т.н. «качественной» прессы. Очевидно, именно теснейшая связь на Дальнем Востоке администрации генерал-губернатора с экспертными сообществами, образованной частью местной общественности обусловила тот факт, что «Приамурские ведомости» наиболее глубоко анализировали проблемы региона, в том числе и те, которые были связаны с миграционными процессами. Зачастую они выгодно отличались от оппозиционных изданий, которые (особенно газета «Приамурье») были переполнены слухами и материалами на общеполитические темы общеимперской «повестки дня».

Внимание к проблеме присутствия в регионе большого количества мигрантов из соседних стран Восточной Азии постепенно усиливалось в региональной прессе начала XX в. Как отмечает Т.З. Позняк, «после русско-японской войны масштабы китайской иммиграции стали настолько велики, что служили причиной постоянного беспокойства местной администрации» (Позняк, 2004: 31). Анализ региональной прессы показывает: роль китайцев в экономике Дальнего Востока была очень значимой. Так, летом 1912 г. «Приамурские ведомости» указывали, что в регионе «широко распространен труд желтых – корейцев и, главным образом, китайцев...Весь обиход русской жизни в Приамурье держится на широком пользовании китайским трудом» (Условия водворения..., 1912).

Особенно заметными позиции китайцев во многих сферах региональной экономики были в крупнейших городах региона. К началу 1912 г. только во Владивостоке китайцам принадлежало более тысячи предприятий, притом в это число не входили торговцы вразнос (в этой сфере, по данным газеты «Приамурье», были заняты «исключительно китайцы») и некоторые другие категории, где доля китайского труда была весьма велика (Желтая раса..., 1912). Действительно, как показывают архивные источники, основные доходы китайско-корейские общественные управления получали от китайцев, «торгующих горячими закусками с роспийским пивом» (РГИА ДВ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1. Л. 120б.).

По выражению А.В. Ремнева, «заслоном нежелательному притоку на Дальний Восток России китайцев и других иностранцев» должен был служить иммиграционный закон от 21 июня 1910 г. Он закреплял права приамурского генерал-губернатора облагать китайцев и корейцев особым сбором, а также ограничивать найм иностранных рабочих на золотые прииски и аренду иностранцами казенных земель» (Ремнев, 2004: 461). В январе 1912 г. вышло постановление Совета министров Российской империи о том, что рабочие-китайцы «не могут быть применяемы казенными подрядчиками в Амурской, Приморской и Забайкальской областях при выработке материалов для строительных работ» (Приамурские ведомости. 1912. 3 января. № 1799). Более того, по инициативе Н.Л. Гондатти в 1912 г. был подготовлен проект нового закона, еще более ужесточившего контроль за иностранцами. Однако против этого проекта выступил МИД (Ремнев, 2004: 462).

Как показывают материалы прессы, Н.Л. Гондатти пошел по иному пути: используя свои полномочия как генерал-губернатора, он издавал распоряжения, которым вынуждены были подчиняться местные предприниматели. Так, на постройке восточной части Амурской железной дороги работало множество китайцев и корейцев. Н.Л. Гондатти «указал заведующему постройкой, что труд желтых, в том числе корейцев, не принявших русское подданство, безусловно, не должен применяться». Одновременно им было заявлено о необходимости прекратить приобретение кирпича и других стройматериалов на китайских заводах. Был также усилен контроль за регистрацией и выдачей паспортов китайцам и корейцам, что имело и финансовый аспект: «Приамурские ведомости» не преминули отметить, что доходы казны за счет получения сборов за оформление паспортов существенно выросли (Приамурские ведомости. 1912. 2 февраля. № 1812).

Впрочем, анализ публикуемых на страницах регионального официоза распоряжений Н.Л. Гондатти показывает: ключевой для власти все-таки была не финансовая составляющая всех этих распоряжений, а желание «поставить барьер» на пути проникновения в регион больших масс мигрантов. При этом, очевидно, эта направленность политики региональных властей имела тенденцию к усилению. Еще в январе 1912 г. «Приамурские ведомости» опубликовали серию материалов о росте количества корейцев, желающих перейти в русское подданство (Приамурские ведомости. 1912. 12 января. № 1803; 14 января. № 1804). Эта тенденция явно рассматривалась официозом как позитивная, свидетельство стремления части мигрантов к интеграции в российское общество. Однако уже в феврале 1912 г. тон газеты изменился: генерал-губернатор распорядился прекратить выдачу корейцам удостоверений о подаче ими прошений о принятии в русское подданство. Было предложено отобрать такие удостоверения даже у тех корейцев, которые уже их получили (Приамурские ведомости. 1912. 9 февраля. № 1814). При этом обращает на себя внимание

то обстоятельство, что речь в данном случае шла не о временных трудовых мигрантах, а о тех, кто, очевидно, стремился интегрироваться в принимающее общество: именно этим всегда отличались корейцы, в отличие от китайцев. Однако, видимо, страх перед «желтой опасностью» у руководителей региона был слишком силен.

Предпринимались, впрочем, и некоторые меры по интеграции корейцев, чему, в частности, служила деятельность духовной миссии. В 1913 г. обер-прокурор Синода издал распоряжение об отпуске средств на организацию миссии для проповеди православия среди корейцев, проживающих в пределах Владивостокской епархии. Это обосновывалось активной деятельностью среди корейцев иностранных миссионеров (прежде всего протестантов), которые переносили свою деятельность и на территорию России. В результате, отмечали «Приамурские ведомости», «корейцы-пресвитериане объединяются с русскими сектантами-баптистами и, таким образом, на русской территории начинает расти и крепнуть группа лиц, духовно тяготеющих не к России, что является крайне нежелательным с точки зрения наших государственных интересов» (Корейская духовная миссия). Необходимость усиления финансирования этой деятельности обуславливалась еще и тем, что, как свидетельствуют архивные документы, масштабы Сеульской миссии были скромными, ее штат был очень ограничен и противостоять работе протестантских проповедников она, конечно, была не в состоянии (РГИА ДВ. Ф. 626. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

В рамках общего направления, заданного Н.Л. Гондатти, действовали накануне Первой мировой войны и руководители отдельных региональных ведомств. Так, ветеринарный инспектор Приморской области предложил хабаровскому ветеринарному врачу удалить с бойни всех китайских рабочих, в том числе и китайцев-бойщиков свиней, с заменой их русскими рабочими (Приамурские ведомости. 1912. 23 февраля. № 1820). Одновременно «Приамурские ведомости» рапортовали о том, что в некоторых сферах региональной экономики русские рабочие уже вытесняли китайцев: так, на коммерческой пристани Владивостока на разгрузке пароходов всегда работали китайцы, «теперь же этим почти исключительно занимаются русские» (Приамурские ведомости. 1912. 21 февраля. № 1819).

«Приамурские ведомости» активно участвовали в пропагандистской кампании по формированию негативного имиджа китайских мигрантов. Целая серия материалов газеты и публикуемых на ее страницах распоряжений генерал-губернатора была направлена на формирование представления о тесной связи между волной китайской иммиграции и ростом преступности в регионе. Так, в январе 1912 г. военный губернатор Приморской области издал распоряжение о борьбе с китайскими притонами. Содержателей этих заведений (которые были названы в распоряжении «центрами курения и тайного разврата») предполагалось депортировать в Китай, административные меры собирались применять и в отношении тех русских владельцев домов, которые сдавали свои помещения арендаторам-держателям притонов (Приамурские ведомости. 1912. 10 января. № 1802). На страницах газеты регулярно публиковались объявления о розыске китайцев, подозреваемых в различных преступлениях, совершенных на территории российского Дальнего Востока.

Реализуя меры по вытеснению из региона китайского бизнеса, местные власти использовали различные аргументы. Так, ими эксплуатировались религиозные чувства верующих жителей края: хабаровский полицмейстер обращал внимание на то, что торговцы-китайцы игнорировали православные праздники, производя торговлю через окна, форточки и т.д. (Приамурские ведомости. 1912. 17 января. № 1805). Важным аргументом было и то обстоятельство, что китайская торговля велась таким образом, что наносила ущерб внешнему виду городов Дальнего Востока. Особенно это, конечно, касалось Хабаровска – «столицы» края. Так, осенью 1913 г. губернатор сообщил городской управе о недопустимости сдавать в аренду торговцам-китайцам для торговли квасом, фруктами и т.д. киоски на центральной улице города – улице Муравьева-Амурского «ввиду известной их нечистоплотности и затруднительности для санитарного надзора наблюдать за ними» (Приамурские ведомости. 1913. 26 сентября. № 2044).

Таким образом, на страницах «Приамурских ведомостей» была представлена широкая картина присутствия китайских и корейских мигрантов в экономике Дальнего Востока. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что областной официоз уделял особое внимание именно этому аспекту проблемы мигрантов: «Приамурские ведомости» отличались особым вниманием к проблемам региона, глубоким анализом ситуации в местной экономике. Поскольку роль мигрантов (особенно китайцев) в дальневосточной экономике была весьма велика, то обсуждению этой проблемы в газете придавалось большое значение.

Эти черты редакционной политики областного официоза особенно заметны при сравнении его публикаций с материалами оппозиционной прессы. Так, «Приамурская жизнь» редко обращалась к данному вопросу, изредка приводя лишь количественные параметры, касающиеся удельного веса рабочих-мигрантов в экономике региона (Приамурская жизнь. 1912. 29 ноября. № 1062). Несмотря на название, газета вообще была скорее ориентирована на знакомство жителей Дальнего Востока с событиями в имперском центре, чем на анализ проблем самого края. Составлявшие редакцию газеты «Приамурье» русские интеллигенты стремились прежде всего к большей свободе личности, распространению на Дальний Восток элементов самоуправления, присущих земским губерниям. Для них миграционная проблематика была лишь еще одним поводом для того, чтобы обвинять власть в

неэффективном управлении регионом. Поэтому в феврале 1912 г. «Приамурье» заявляло, что власти не проявляют необходимой энергии для выполнения распоряжений о замене китайцев и корейцев русскими рабочими. «Надо не ограничиваться бумагой, а добиваться живых результатов», – утверждала редакция газеты (Приамурье. 1912. 2 февраля. № 1592). Фактически речь шла об использовании вопроса о мигрантах оппозицией в политической борьбе. Кроме того, желание редакции «Приамурье» развлечь своего читателя, ориентация на невзыскательную аудиторию вели к тому, что большое место в газете занимала криминальная хроника. В ней часто фигурировали китайские и корейские мигранты, совершавшие преступления в регионе.

Интересно, однако, что иногда объективное содержание материалов «Приамурья» расходилось с приведенным выше тезисом редакции. Так, например, в январе 1912 г. в газете было опубликовано интервью с начальником постройки восточной части Амурской железной дороги инженером М.С. Навроцким, который сообщил читателям газеты, что руководимая им структура страдает от нехватки рабочей силы. При этом он заметил: «Попытка применить труд корейцев-русских подданных не увенчалась успехом. Корейцы, получая больше по сравнению с бывшими на работах китайцами, оказались удивительно неработоспособными и, несмотря ни на что, не желали переходить на сдельные работы» (О постройке..., 1912). Таким образом, получалось, что китайским рабочим в регионе не было альтернативы, если не рассматривать переселенцев из центральных районов империи, которые с трудом приживались на новом месте.

Особое место в региональной прессе занимала газета «Дальний Восток», выпускавшаяся в экономическом центре региона – Владивостоке, известном своей «Миллионкой» – районом концентрации китайских мигрантов. Издателем «Дальнего Востока» был В.А. Панов – выпускник Морского технического училища в Кронштадте, штабс-капитан, заведовавший Владивостокским и Александровским мореходными классами (Архив ОИАК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 1). Газету и типографию «Дальний Восток» он основал в 1892 г., т. е. еще за два года до того, как начали выходить «Приамурские ведомости». В 1916 г. сотрудники типографии торжественно поздравили В.А. Панова с 25-летием существования газеты, что для данного региона являлось рекордом. Накануне Первой мировой войны газета «Дальний Восток» стала фактическим органом местного отдела Всероссийского национального союза – структуры, которая наиболее четко ориентировалась на позицию правительства П.А. Столыпина, оказывая ему полную поддержку. Газета прямо призывала население края: «Торопитесь, русские люди, стать под русское национальное знамя и организуйте Клуб русских националистов!» (Националист, 1910). Приверженность идеям русского национализма была характерна для всех публикаций газеты того времени: так, ее авторы были уверены, что «инородцы всегда были и остаются врагами нашей родины» (Н.М., 1910). Конечно, на страницах «Дальнего Востока» трудно было найти материалы, в которых содержалась бы позитивная оценка вклада китайских и корейских мигрантов в экономику Дальнего Востока.

5. Заключение

Таким образом, как показывает проведенный в статье анализ материалов региональной прессы, а также хранящихся в Государственном архиве Хабаровского края и Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока документов, проблематика мигрантов из стран Восточной Азии занимала существенное место в публичном пространстве Дальнего Востока накануне Первой мировой войны. Особое внимание к этой проблеме и одновременно ее наиболее глубокий анализ были представлены на страницах официозных «Приамурских ведомостей», а также на заседаниях тех структур, которые представляли собой тесно связанные с региональной властью экспертные сообщества. В данном случае речь шла не только о том, что эти структуры были ближе всего к генерал-губернатору Н.Л. Гондатти, который в предвоенные годы начал активную борьбу против «желтого труда» в крае. В таких организациях, как Приамурские отделы РГО и Общества востоковедения аккумулировался потенциал немногочисленной в крае прослойки интеллектуалов: именно эти люди глубже всего понимали нужды региона, стремились к серьезному анализу ситуации в его экономике, понимали, что фактор трудовых мигрантов в ней играл серьезную роль. В условиях отсутствия в регионе земства здесь, в отличие от центральных районов империи, наиболее квалифицированные специалисты из числа интеллигенции не уходили в альтернативные власти структуры, а являлись связанным с областной администрацией экспертным сообществом.

Значительно менее глубокий анализ проблемы мигрантов был представлен на страницах оппозиционной прессы, которая зачастую лишь пыталась использовать страх перед «желтой опасностью», характерный для части населения России начала XX в., чтобы в очередной раз обвинить власть в неэффективном управлении регионом. При этом для оппозиционных газет не было характерно стремление к глубокому анализу тех последствий, которые может иметь отказ от трудовых мигрантов для экономики региона. Вместе с тем иногда даже на страницах оппозиционных изданий появлялись материалы, которые показывали, что реальная ситуация сложнее громких политических заявлений, существовавший в крае дефицит рабочей силы невозможно ликвидировать лишь путем привлечения переселенцев из центральных районов империи, поскольку последние с большим трудом приживались на Дальнем Востоке.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства "Приоритет-2030".

The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

Литература

- Акашев, 1972 – Акашев Д.Ю. Полемика о заселении Приамурья на страницах русской периодической печати (1858–1860) // *Вопросы всеобщей истории*. Хабаровск, 1972. С. 177-183.
- Алепко, 1996 – Алепко А.В. Китайцы в Амурской тайге. Отходничество в золотопромышленности Приамурья в конце XIX – начале XX вв. // *Россия и АТР*. 1996. № 1. С. 79-86.
- Арсеньев, 1914 – Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914. 204 с.
- Архив ОИАК – Архив Общества изучения Амурского края.
- Богословский, 1913 – Богословский Л. Крепость-город Владивосток и китайцы // *Вестник Азии*. 1913. № 1. С. 20-33.
- В географическом обществе, 1914 – В географическом обществе // *Приамурские ведомости*. 1914. 3 июля. № 2152.
- ГАХК – Государственный архив Хабаровского края.
- Граве, 1912 – Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912. 489 с.
- Желтая раса..., 1912 – Желтая раса в торгово-промышленных предприятиях Владивостока // *Приамурье*. 1912. 28 января. № 1588.
- Кольхалова, 1979 – Кольхалова Т.Ф. Социал-демократическое движение на Амуре в период революционной борьбы с самодержавием (январь 1905 – февраль 1917 гг.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. 260 с.
- Корейская духовная миссия – Корейская духовная миссия // *Приамурские ведомости*. 1913. 5 декабря. № 2073.
- Ларин, 2000 – Ларин А.Г. Китайцы в России. М., 2000. 122 с.
- Ларин, 1996 – Ларин В.Л. Синдром «желтой опасности» в дальневосточной политике России в начале и конце XX в. // *Известия РГИАДВ*. 1996. Т. 1. С. 34-53.
- Националист, 1910 – Националист. К вопросу об открытии на дальневосточной окраине национальных организаций // *Дальний Восток*. 1910. 26 января. № 20.
- Нестерова, 2004 – Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 372 с.
- Н.М., 1910 – Н.М. К выборам во Владивостокскую городскую думу // *Дальний Восток*. 1910. 6 февраля. № 29.
- О постройке..., 1912 – О постройке Амурской железной дороги // *Приамурье*. 1912. 31 января. № 1590.
- Осипов, 1994 – Осипов Ю.Н. Китайская эмиграция в Приморье и отношение к ней российских властей в конце XIX в. // *Миграционные процессы в Восточной Азии*. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, 1994. С. 107-108.
- Позняк, 2004 – Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток: Дальнаука, 2004. 316 с.
- Приамурская жизнь – Приамурская жизнь. 1912. 29 ноября. № 1062.
- Приамурские ведомости, 1912 – *Приамурские ведомости*. 1912. 3 января. № 1799. 12 января. № 1803. 14 января. № 1804. 17 января. № 1805. 2 февраля. № 1812. 9 февраля. № 1814. 21 февраля. № 1819. 23 февраля. № 1820. 21 июня. № 1865.
- Приамурье – *Приамурье*. 1912. 2 февраля. № 1592.
- РГИАДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
- Россия и страны АТР, 2019 – Россия и страны АТР: миграционные процессы и проблемы межкультурной коммуникации. Азия в России / Под ред. С.С. Пайчадзе и И.А. Вальдмана. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. 518 с.
- Сергеев и др., 2002 – Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тригуб Г.Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. Очерки истории. Владивосток: Дальнаука, 2002. 296 с.
- Соловьев, 1989 – Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917). М.: Наука, 1989. 124 с.

[Сорокина, 1999](#) – *Сорокина Т.Н.* Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 1999. 264 с.

[Условия водворения..., 1912](#) – Условия водворения на постоянное жительство русских рабочих, вызванных на казенные работы в Амурской области // *Приамурские ведомости*. 1912. 16 июня. № 1863.

[Хроленок, 1995](#) – *Хроленок С.Ф.* Китайские и корейские отходники на золотых приисках русского Дальнего Востока // *Восток*. 1995. № 6. С. 70-81.

[Gross, 1998](#) – *Gross D.* Immigration Flows and Regional labor Markets Dynamics. Washington. 1998.

[Libman, Obydenkova, 2020](#) – *Libman A., Obydenkova A.V.* Proletarian Internationalism in Action? Communist Legacies and Attitudes Towards Migrants in Russia // *Problems of Post-Communism*. 2020. Vol. 67. Is. 4-5. Pp. 402-416.

[Malakhov, 2019](#) – *Malakhov V.* Why Tajiks Are (Not) Like Arabs: Central Asian Migration into Russia Against the Background of Maghreb Migration into France // *Nationalities Papers*. 2019. Vol. 47. Is. 2. Pp. 310-324.

[Martin, Nakayama, 1997](#) – *Martin J., Nakayama T.* Intercultural communication in contexts. New York: McGraw Hill, 1997.

[Park, 2015](#) – *Park H.* A House of Our Own: Diaspora Politics Among Koreans in the Russian Far East // *The Asia Pacific Journal of Anthropology*. 2015. Vol. 16. Is. 5. Pp. 431-447.

[Schimmelpenninck van der Oye, 2001](#) – *Schimmelpenninck van der Oye D.* Toward the Rising Sun. Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. Northern Illinois University Press, 2001.

[Stephan, 1994](#) – *Stephan J.* The Russian Far East: A history. Stanford, 1994.

[Stalker, 2000](#) – *Stalker P.* Workers without Frontiers: the impact on Globalization on International Migration. Boulder, 2000.

References

[Akashev, 1972](#) – *Akashev, D.Ju.* (1972). Polemika o zaselenii Priamuryja na stranitsah russkoy peridicheskoj pechati (1858–1860) [The controversy about the settlement of the Amur region on the pages of Russian periodicals]. *Voprosy useobschey istorii*. 177-183. [in Russian]

[Alepkov, 1996](#) – *Alepkov, A.V.* (1996). Kitaitsy v Amurskoi taiga. Othodnichestvo v zolotopromyshlennosti Priamurya v konce XIX – nachale XX vv. [The Chinese in the Amur taiga. Otkhodnichestvo in the gold industry of the Amur region in the late 19th – early 20th centuries]. *Rossija i ATR*. 1: 79-86. [in Russian]

[Archiv OIAK](#) – Archiv obschestva izuchenija Amurskogo kraja [Archive of the society for the study of the Amur Krai].

[Arseniev, 1914](#) – *Arseniev, V.K.* (1914). Kitaitsy v Ussuriyskom krae [The Chinese in the Ussuri Territory]. Khabarovsk. 204 p. [in Russian]

[Bogoslovsky, 1913](#) – *Bogoslovsky, L.* (1913). Krepost-gorod Vladivostok i kitaitsy [The fortress-city of Vladivostok and the Chinese]. *Vestnik Azii*. 1: 20-33. [in Russian]

[GAKhK](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraja [State Archive of the Khabarovsk Krai].

[Grave, 1912](#) – *Grave, V.V.* (1912). Kitaitsy, koreitsy i yapontsy v Priamur'e [Chinese, Koreans and Japanese in the Amur Region]. SPb., 489 p. [in Russian]

[Gross, 1998](#) – *Gross, D.* (1998). Immigration Flows and Regional labor Markets Dynamics. Washington. 30 p.

[Khrolenok, 1995](#) – *Khrolenok, S.F.* (1995). Kitaiskie i koreiskie othodniki na zolotykh priiskakh russkogo Dalnego Vostoka [Chinese and Korean otkhodniks in the gold mines of the Russian Far East]. *Vostok*. 6: 70-81. [in Russian]

[Kolyhalova, 1979](#) – *Kolyhalova, T.F.* (1979). Sotsial-demokraticeskoe dvijenie na Amure v period revoliucionnoy borby s samoderjavie (janvar 1905 – fevral 1917). [The social democratic movement on the Amur during the revolutionary struggle against the autocracy]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 260 p. [in Russian]

[Koreiskaya duhovnaja missija, 1913](#) – Koreiskaya duhovnaja missija [Korean Spiritual Mission]. *Priamurskie vedomosti*. 1913. 2073. [in Russian]

[Larin, 1996](#) – *Larin, V.L.* (1996). Sindrom jeltoi opasnosti v dalnevostochnoy politike Rossii v nachale i kontse XX v. [Syndrome of "yellow danger" in the Russian Far East policy at the beginning and end of the 20th century]. *Izvestija PRIADV*. 1: 34-53. [in Russian]

[Larin, 2000](#) – *Larin, A.G.* (2000). Kitaitsy v Rossii. [Chinese in Russia]. Moscow. 122 p. [in Russian]

[Libman, Obydenkova, 2020](#) – *Libman, A., Obydenkova, A.V.* (2020). Proletarian Internationalism in Action? Communist Legacies and Attitudes Towards Migrants in Russia. *Problems of Post-Communism*. 2020. 67(4-5): 402-416.

[Malakhov, 2019](#) – *Malakhov, V.* (2019). Why Tajiks Are (Not) Like Arabs: Central Asian Migration into Russia Against the Background of Maghreb Migration into France. *Nationalities Papers*. 47 (2): 310-324.

- Martin, Nakayama, 1997** – *Martin, J., Nakayama, T.* (1997). Intercultural communication in contexts. New York: McGraw Hill, 560 p.
- N.M., 1910** – *N.M.* K vyboram vo Vladivostokskuju gorodskuju dumu [Elections to the Vladivostok City Duma]. *Dalny Vostok*. 1910. 29 p. [in Russian]
- Natsionalist, 1910** – *Natsionalist*. K voprosu ob otkrytii na dalnevostochnoy okraine natsionalnyh organizatsiy [On the question of the opening of national organizations in the Far Eastern outskirts]. *Dalny Vostok*. 1910. 20. [in Russian]
- Nesterova, 2004** – *Nesterova, E.I.* (2004). Russkaya administratsija i kitaiskie migranty na juge Dalnego Vostoka (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka) [Russian Administration and Chinese Migrants in the South of the Russian Far East (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 372 p. [in Russian]
- O postroike..., 1912** – O postroike Amurskoj zheleznoi dorogi [On the construction of the Amur railway]. *Priamurie*. 1912. 1590. [in Russian]
- Osipov, 1994** – *Osipov, Ju.N.* (1994). Kitaiskaya emigratsija v Promorie I otnoshenie k nej rossijskikh vlastey v kontse XIX veka [Chinese emigration in Primorye and the attitude of the Russian authorities towards it at the end of the 19th century]. *Migratsionnye protsessy v Vostochnoi Azii*. Vladivostok: Institut istorii, arkhologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN. P. 107-108. [in Russian]
- Park, 2015** – *Park, H.* (2015). A House of Our Own: Diaspora Politics Among Koreans in the Russian Far East. *The Asia Pacific Journal of Anthropology*. 16(5): 431-447.
- Poznyak, 2004** – *Poznyak, T.Z.* (2004). Inostrannye poddannye v gorodah Dalnego Vostoka Rossii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka) [Foreign nationals in the cities of the Russian Far East (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Vladivostok: Dalnauka. 316 p. [in Russian]
- Priamurie** – *Priamurie*. 1912. 1592. [in Russian]
- Priamurskaya jizn** – *Priamurskaya jizn*. 1912. 1062. [in Russian]
- Priamurskie vedomosti, 1912** – *Priamurskie vedomosti*. 1912. 3 yanvarja. № 1799.12 yanvarja. № 1803. 14 yanvarja. № 1804. 17 yanvarja. № 1805. 2 fevralja. № 1812. 9 fevralja. № 1814. 21 fevralja. № 1819. 23 fevralja. № 1820. 21 iyunya. № 1865. [in Russian]
- RGIADV** – Rossijskij gosudarstvenny istorichesky archiv Dalnego Vostoka [Russian State Historical Archive of the Far East]. [in Russian]
- Rossija i strany ATR, 2019** – *Rossija i strany ATR: migratsionnye process i problemy mejkulturnoy kommunikatsii. Azija v Rossii* [Russia and Asia-Pacific countries: migration processes and problems of intercultural communication. Asia in Russia]. Novosibirsk: NGTU, 2019. 518 p. [in Russian]
- Schimmelpenninck van der Oye, 2001** – *Schimmelpenninck van der Oye, D.* (2001). Toward the Rising Sun. Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. Northern Illinois University Press, 329 p.
- Sergeev i dr., 2002** – *Sergeev, O.I., Lazareva, S.I., Trigub, G.Ja.* (2002). Mestnoe samoupravlenie na Dalnem Vostoke Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Local self-government in the Far East of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. History essays]. Vladivostok: Dalnauka. 296 p. [in Russian]
- Soloviev, 1989** – *Soloviev, F.V.* (1989). Kitaiskoe othodnichestvo na Dalnem Vostoke Rossii v epohu kapitalizma (1861-1917) [Chinese otkhodnichestvo in the Far East of Russia in the era of capitalism]. Moscow: Nauka. 124 p. [in Russian]
- Sorokina, 1999** – *Sorokina, T.N.* (1999). Khozyaistvennaya dejatel'nost' kitaiskikh poddannykh na Dalnem Vostoke Rossii i politika administratsii Priamurskogo kraja (konets XIX – nachalo XX vv.) [Economic activities of Chinese subjects in the Far East of Russia and the policy of the administration of the Amur region (late XIX – early XX centuries)]. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet im. F.M. Dostoevskogo, 264 p.
- Stalker, 2000** – *Stalker, P.* (2000). Workers without Frontiers: the impact on Globalization on International Migration. Boulder. 163 p.
- Stephan, 1994** – *Stephan, J.* (1994). The Russian Far East: A history. Stanford. 508 p.
- Uslovija vodvorenija..., 1912** – Uslovija vodvorenija na postojannoe jitel'stvo russkikh rabochih, vyzvannuh na kazennye raboty v Amurskoj oblasti [Conditions for the establishment of permanent residence of Russian workers called for state work in the Amur Region]. *Priamurskie vedomosti*. 1912. 1863. [in Russian]
- V geographicheskom obschestve, 1914** – V geographicheskom obschestve [In a geographical society]. *Priamurskie vedomosti*. 1914. 2152. [in Russian]
- Zheltaya rasa..., 1912** – Zheltaya rasa v torgovo-promyshlennykh predpriyatiyakh Vladivostoka [The yellow race in the commercial and industrial enterprises of Vladivostok]. *Priamurie*. 1588. [in Russian]

Проблема «желтого труда» на российском Дальнем Востоке накануне Первой мировой войны в публичном пространстве региона

Алексей Валерьевич Антошин^{a, *}

^a Уральский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена месту трудовых мигрантов из стран Восточной Азии в публичном пространстве российского Дальнего Востока накануне Первой мировой войны. Источниковой базой данного исследования послужили материалы региональной периодической печати – газет «Приамурские ведомости» (Хабаровск), «Приамурье» (Хабаровск), «Приамурская жизнь» (Хабаровск), «Дальний Восток» (Владивосток). Кроме того, использованы документы, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИАДВ) и Государственного архива Хабаровского края (ГАХК). Методологической основой исследования послужили теоретические наработки отечественных и зарубежных миграциологов. Используя эти концептуальные построения, автор приходит к выводу о том, что спецификой Дальневосточного региона являлось особое внимание средств массовой информации и существовавших в регионе общественных организаций к проблеме трудовых мигрантов. Доказано, что особенностью Дальнего Востока являлась более тесная, чем в большинстве других регионов России, связь между властными структурами (представленными прежде всего администрацией приамурского генерал-губернатора) и немногочисленной местной интеллигенцией. В отличие от центральных районов империи, интеллигенция здесь была в значительной мере объединена в экспертные сообщества, которые работали на обеспечение потребностей власти. Именно эти структуры (Приамурские отделы Русского географического общества и Общества востоковедения, газета «Приамурские ведомости») характеризовались наиболее глубоким анализом проблемы трудовых мигрантов, которая рассматривалась ими, прежде всего, в контексте потребностей развития региональной экономики. Автор доказывает, что значительно менее глубоким был анализ этой проблемы, который был представлен на страницах «Приамурья», «Приамурских ведомостей» и других оппозиционных изданий, которые лишь стремились использовать острый вопрос о мигрантах в политических целях.

Ключевые слова: Дальний Восток, трудовые мигранты, китайцы, корейцы, публичное пространство, Русское географическое общество, периодическая печать, «Приамурские ведомости», «Приамурье», «Приамурская жизнь».

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alex_antoshin@mail.ru (А.В. Антошин)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1451-1460
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1451

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

On the Issue of State Social Policy for the Disabled People During the First World War in Russian Historiography: Was the State a Real Subject of Social Aid?

Alexander S. Kovalev ^{a, *}, Nikolai R. Novosel'tsev ^a, Dmitry V. Rakhinsky ^{a, b, c}, Nikita N. Ravochkin ^{d, e}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation

^c Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

^d Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Russian Federation

^e Kuzbass State Agricultural Academy, Russian Federation

Abstract

The article is a continuation of the study devoted to the problems of the formation of social assistance to war invalids in 1914–1917, considered in modern Russian historiography. As the analysis of most publications shows, their authors claim that during the First World War in Russia, a full-fledged state social policy was developed in relation to disabled soldiers who were injured at the front. Meanwhile, individual charitable actions of the imperial family, private individuals, self-government bodies, public organizations in the regions are issued for "state" actions. However, theoretical ideas about social policy and social protection allow us to conclude that the state in 1914-1917 was not yet ready to become a full-fledged subject of social assistance to the disabled population, since there was no working social legislation in the country, social guarantees were not established for military personnel from the lower ranks, the interaction of state bodies with zemstvo and city organizations, charitable societies and institutions did not imply the existence of real mechanisms for cooperation foremost from the government. Therefore, speaking about the state social policy during the First World War, one can state absence of such, but at the same time find an attempt to create a new, more effective system of social assistance, in which both state and non-state subjects of social assistance would take part. This new practice of assistance was already distinguished by the gradual professionalism increase of humanitarian activities, by the assistance to the disabled person in his adaptation instead of traditional material assistance. However, its ideological and value orientations were not formed during this period, the state still did not play a key role, and the system of social assistance itself was unable to overcome the framework of public relief and private charity.

Keywords: history of social aid, charity, World War I, state social policy, disability, war invalids.

1. Введение

В предыдущем номере журнала «Былые годы» была опубликована статья «К вопросу о государственной социальной политике в отношении инвалидов в годы Первой мировой войны в российской историографии: проблемы численности и идентификации» (Kovalev et al., 2022), в которой нами рассматривался вопрос, являлась ли категория «инвалиды войны» в 1914–1917 гг. особой группой нуждающихся и объектом отдельного внимания со стороны как государственных и негосударственных субъектов социальной помощи. Проведенное исследование позволило идентифицировать инвалидов войны как отдельную группу нуждающихся и прийти к выводу, что в период Первой мировой войны ее инвалиды требовали несколько иного по сравнению с близкими по

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), sirdar@mail.ru (D.V. Rakhinsky), nickravochkin@mail.ru (N.N. Ravochkin)

статусу больными, ранеными и увечными военными служащими отношения со стороны государства и общества. Поэтому настоящая статья, являясь продолжением этого исследования, ставит целью ответ на вопрос, являлось ли государство в период Первой мировой войны реально действующим субъектом социальной помощи и можно ли говорить о том, что в 1914–1917 гг. в стране реализовывалась государственная социальная политика в отношении инвалидов войны.

2. Материалы и методы

Исследование опирается на опубликованные документы, нашедшие отражение в сборнике, посвященном повседневной жизни Сибирского региона в период Первой мировой войны ([Когда..., 2014](#)), позволившие изучить особенности открытия курсов слесарей для инвалидов в Томске в конце 1916 – начале 1917 гг., роль государственных и общественных организаций в этом процессе, а также включает анализ Устава Чесменского и Измайловского инвалидных домов Императора Николая I ([Устав..., 1996](#)), приводимого авторами одной из публикаций по теме исследования, на предмет релевантности источника как содержащего доказательную базу для представленных выводов по проблеме.

Основными принципами исследования стали: 1) принцип историзма, предполагающий различие между прошлым и настоящим и соблюдение исторического контекста и позволяющий отделить современное понимание государственной социальной политики от его исторических «аналогов» в прошлом и интерпретировать происходившие в годы Первой мировой войны события в собственных критериях этого прошлого; 2) принцип объективности, являющийся определенной установкой на получение знаний о развитии процессов социальной помощи, адекватных тому, что происходило в стране в 1914–1917 гг., и связанный со стремлением свести к минимуму противоречия между интерпретациями государственной социальной политики в отношении инвалидов войны в изучаемый период с опорой на научные факты.

В исследовании применялись следующие методы исторической науки: а) ретроспективный – ориентированный на познание исторической сущности государственной социальной политики через понимание ее проявлений на более высокой ступени развития, дошедших до современников; б) сравнительный – выступающий способом познания специфики государственной социальной политики в отношении инвалидов войны через сопоставление ее проявлений с базовыми характеристиками на основе метода аналогии; в) идиографический – описывающий реальное участие государства и прочих субъектов социальной помощи инвалидам на основе объективных фактов; г) историко-критический – способствующий получению достоверной информации через сопоставление выводов о характере социальной помощи инвалидам войны со стороны государства в период Первой мировой войны, сделанных представителями разных направлений в отечественной историографии.

3. Обсуждение

Перечень публикаций, в которых ставится вопрос о государственной социальной политике в отношении инвалидов войны, представлен работами С.В. Букаловой, И.А. Еремина, А.С. Ковалева, О.В. Леоновой, П.А. Меркулова, А.А. Смирновой, М.А. Смирнова, К.А. Тишкиной, М.В. Шиловского, П.П. Щербинина и др. ([Kovalev, 2021](#); [Merkulov et al., 2021](#); [Букалова, Щербинин, 2020](#); [Еремин, 2006](#); [Смирнова, Смирнов, 2018](#); [Тишкина, 2018](#); [Шиловский, 2015](#); [Щербинин, 2005](#)). Подробный анализ их трудов уже был представлен в соответствующем разделе в предыдущей статье. Ниже в тексте мы подробно остановимся на некоторых из них, полемизируя с их авторами по поводу того, было ли государство ведущим субъектом социальной политики и какую роль играли прочие ее акторы. При этом следует особо оговорить, что мы уважительно относимся к авторской позиции каждого исследователя и наша с ними дискуссия носит исключительно научный характер. Фактически эта публикация призвана до конца раскрыть суть проблемы, обозначенной в предыдущей статье: насколько государство действительно защищало интересы такой существенной категории нуждавшихся, как инвалиды войны.

4. Результаты

Вообще, ответственность за социальную помощь инвалидам войны в период крупномасштабных военных конфликтов должно нести именно государство. Призывая в ряды армии представителей гражданского населения, оно тем самым фактически берет на себя риски утраты этими людьми жизни и здоровья. Как пишут П.А. Меркулов, С.В. Букалова и О.В. Леонова, «средств к существованию и привычного места в социальной иерархии» инвалиды лишились «по вине государства» ([Merkulov et al., 2021: 394](#)). В связи с этим мысль о том, что в 1914–1917 гг. должна была реализовываться государственная социальная политика в отношении инвалидов войны, в целом правильная.

С.В. Букалова и П.П. Щербинин справедливо говорят о том, что «построение общегосударственной системы помощи инвалидам войны есть масштабный и затратный процесс» ([Букалова, Щербинин, 2020: 154](#)). В связи с этим возникает важный вопрос: можно ли считать мероприятия, направленные на ее создание и реализацию в годы Первой мировой войны, государственной социальной политикой. В отечественной историографии ответ на него практически

всегда однозначный – в пользу того, что эта политика появилась именно в годы Первой мировой войны, активно реализовывалась в течение 1915–1916 гг. и государство было ее ведущим субъектом. Однако подобное утверждение, на наш взгляд, требует серьезного критического анализа.

Прежде всего стоит вспомнить, что такое государственная социальная политика, и определить ее основные характерные черты. Под социальной политикой обычно понимают систему конкретных мер, направленных на жизнеобеспечение населения. Эти меры могут предпринимать самые разные субъекты – государство, негосударственные объединения, предприятия и организации, частные лица. Когда же речь идет о государственной социальной политике, то предполагается, что она: 1) финансируется из государственного бюджета; 2) целенаправленно реализуется органами власти на общегосударственном, региональном и местном уровнях; 3) предоставляет нуждающимся в помощи четко установленные социальные гарантии (т.е. основанный на государственном обязательстве устойчивый доход); 4) действует в социальной сфере в соответствии с установленными правовыми нормами, регулирующими предоставление социальных гарантий; 5) опирается на широкую общественную поддержку.

Соответственно, традиционными методами влияния государства на развитие социальной сферы являются: принятие законодательных и правовых актов в области социальной помощи населению; прямые государственные расходы на решение конкретных социальных проблем; обязательные социальные гарантии, чаще всего выражающиеся в социальном страховании и пенсионном обеспечении; координация деятельности прочих субъектов социальной помощи.

Для того чтобы понять, насколько реальной была государственная политика в отношении инвалидов войны в 1914–1917 гг., попробуем выяснить, кто реально ее оказывал: центральные или региональные органы власти, благотворительные общества или частные лица.

Говоря о государственном управлении в годы Первой мировой войны, стоит вспомнить, что в этот период чрезвычайные полномочия получил Совет министров, происходило расширение компетенции генерал-губернаторов, имевших самые широкие права при решении любых вопросов на местах. Параллельно с государственными органами власти действовали Земский и Городской союзы – буржуазные организации, появившиеся в 1914 г. с целью помощи больным и раненым воинам. Фактически это были органы самоуправления, а самоуправление означает способность осуществлять какие-либо функции без вмешательства внешней власти.

Для координации деятельности отдельных ведомств в период войны были созданы «особые совещания» – чрезвычайные правительственные учреждения, которые власть рассматривала в качестве противовеса общественным организациям. Стоит напомнить, что также были организованы особые совещания по обороне, топливу, продовольствию, перевозкам. Все они были подотчетны царю, а их распоряжения были обязательными для исполнения всеми государственными органами, общественными организациями и отдельными гражданами.

Особые совещания были призваны координировать действия в экономической области, и, наверное, не совсем уместно было бы упрекнуть власть в том, что в сферу их деятельности не входило решение социальных вопросов. Однако именно в условиях, когда заметно усилился поток возвращавшихся с фронта инвалидов, наличие подобного органа публичной власти, распоряжения которого неукоснительно соблюдались бы на местах и способствовали более эффективной социальной заботе об этой категории населения, свидетельствовал бы, что в стране действительно реализуются меры государственной социальной политики.

И.А. Еремин пишет о том, что помощь в трудоустройстве инвалидов оказывали «попечительные о раненых и больных воинах комитеты», но это были не государственные, а общественные, благотворительные организации, деятельность которых еще не говорит о системе государственной социальной политики. Далее он указывает, что к решению проблем «увечных воинов» подключились министерства и ведомства, которые пытались найти возможности их трудоустройства. Это уже ближе к государственной «составляющей», но опять же не говорит о том, что министерства и ведомства создали систему социальных гарантий для инвалидов войны. Открытие курсов для обучения портняжному, сапожному, переплетному и прочим ремеслам – всего лишь одно из направлений социальной политики (Еремин, 2006: 32).

Еще одним субъектом помощи И.А. Ереминым называется «Особая комиссия по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших во время настоящей войны, а также их семей». И здесь очень важно понять статус этой организации. Комиссия была образована 8 января 1915 г., и в ее обязанности входили разработка и осуществление мероприятий по трудоустройству пострадавших военнослужащих, а также дополнительное снабжение одеждой тех, кто возвращался в строй. Таким образом, речь идет о тех нижних чинах, кто еще не стал полным инвалидом.

М.В. Шиловский пишет, что сами инвалиды, вернувшиеся с фронта, занимались пчеловодством, но для этого им вряд ли требовалось государственное участие. В Иркутске комитет Союза городов проводил вечер в пользу инвалидов-фронтовиков, собрав больше 2 тыс. руб. В Томске и Новониколаевске в 1916 г. для инвалидов начали строить специальные дома, «в фундамент поместили медную закладную доску, с указанием, что Дом инвалидов строится “Обществом

увековечения памяти героев великой мировой войны»» (Шиловский, 2015: 118, 159, 211), т.е. субъектом помощи снова выступала общественная организация, а не органы власти.

К.А. Тишкина среди субъектов помощи инвалидам называет Сибирское общество для подачи помощи раненым. После призыва со страниц газеты «Жизнь Алтая» население Барнаула «приносило для прибывавших инвалидов продукты (свежеиспеченный хлеб, пельмени, ветчину, колбасу, чай, сахар)». Члены местного кружка дам духовного звания давали инвалидам в дорогу «кульки с гостинцами (булки, кренделя, чай, сахар, масла, полотенца и др.)». В январе 1916 г. на средства жителей Енисейской губернии начали строить «Дом инвалидов», рассчитанный на 100 человек. При городской лечебнице для инвалидов открылось бюро труда. Наконец, Алтайский губернский союз увечных воинов выдавал инвалидам разовые пособия и ссуды, содержал санаторий, общежития с мастерскими (Тишкина, 2018: 103-105, 109-110, 113-114, 151, 183).

Очевидно, что все эти меры предпринимались опять же благодаря стихийной общественной инициативе без участия со стороны государства. При этом речь не идет даже о том, чтобы правительственные или местные органы власти были активными субъектами социальной помощи: государство даже не выполняло ни организационных, ни координирующих, ни контрольно-надзорных функций – инвалиды были фактически предоставлены сами себе.

П.А. Меркулов, С.В. Букалова и О.В. Леонова отмечают, что в России еще в 1912 г. был принят закон «О призрении нижних воинских чинов и их семейств», который будто бы гарантировал «со стороны государства удовлетворение минимальных потребностей солдатских семей и вводящий пенсии для военных инвалидов», ибо «потерявшим на войне здоровье и трудоспособность полагалась пенсия..., размер которой для нижних чинов составлял от 30 до 216 рублей в год» (Merkulov et al., 2021: 394, 396). Но, по мнению этих авторов, закона 1912 г. было недостаточно: «На повестке дня стояло принятие закона, регламентирующего предоставление инвалидам *всех (выделено нами – авт.)* видов помощи», а земские деятели настаивали, что «помощь инвалидам войны должна быть организована “не на началах благотворительности, а как учреждение государственное – с определенным кругом прав и обязанностей и ответственностью за их исполнение”...» (Merkulov et al., 2021: 396).

Увы, но такой нужный акт так и не был принят, и благотворительная деятельность в государственную с «определенным кругом прав и обязанностей и ответственностью» не превратилась. В связи с этим вызывает недоумение вывод, к которому приходят указанные авторы: «В годы войны сложился определенный алгоритм выстраивания государственной социальной политики в отношении... инвалидов» (Merkulov et al., 2021: 399). О какой государственной социальной политике можно говорить, если общероссийский закон о социальной помощи принят не был, права инвалидов Первой мировой определены не были, обязанности и ответственность государства не установлены, а все учреждения, которые помогали инвалидам войны, были общественными или благотворительными, а помощь нередко шла от частных лиц?

П.П. Щербинин указывает: «...На совместном совещании врачей союза городов и земств, проходившем 14–15 июля 1916 г., было отмечено, что в отношении помощи увечным воинам за время войны было сделано очень мало» (Щербинин, 2005: 230-231), масштабы инвалидизации потребовали «нового уровня» решения проблемы оказания социальной помощи, и, «...по мнению земцев, помощь... должна была составлять обязанность государства» (Щербинин, 2005: 230-231), но «система государственной социальной политики по отношению к увечным защитникам Отечества серьезно отставала от требований времени» (Щербинин, 2005: 230-231).

Противоречивые суждения о государственной социальной политике в отношении инвалидов содержатся в исследовании С.В. Букаловой и П.П. Щербинина: они утверждают, что «участие Российской империи в Первой мировой войне стало значимым этапом становления государственной социальной политики», но в то же время пишут, что «инвалиды не могли довольствоваться благотворительной помощью и требовали систематической поддержки со стороны государства» (Букалова, Щербинин, 2020: 149).

Крайне спорным является следующее утверждение этих авторов: «Характерной чертой государственной политики... было то, что общественное призрение развивалось как организованная благотворительность “сверху”, филантропическая инициатива царской семьи. Финансовую основу деятельности... составляли... личные взносы членов царской семьи, частные пожертвования» (Букалова, Щербинин, 2020: 149).

Во-первых, общественное призрение – это модель социальной помощи, исторически предшествующая модели государственной социальной политики, которую прежде всего отличает то, что государство берет на себя все расходы по материальному обеспечению нуждающихся (Подробнее о разных моделях социальной помощи см., например, Фирсов, 2005). Во-вторых, авторы сами пишут о благотворительности как о филантропической инициативе царской семьи. Однако в этом случае речь должна идти не о том, что царская семья олицетворяет собой власть, в этой ситуации представители императорской фамилии выступают всего лишь как частные лица. В-третьих, в продолжение предыдущей мысли, частные пожертвования членов царской семьи, конечно же, не могут считаться государственным финансированием социальной помощи.

При этом в своем исследовании С.В. Букалова и П.П. Щербинин подтверждают, что на самом деле системы государственной социальной помощи инвалидам войны в стране не было: «Изначально государство не имело четкого представления о необходимых формах помощи военным инвалидам... Общеимперского плана помощи военным инвалидам разработано не было... Исполнение задач на местах предполагалось возложить на городские и земские управления..., эта сфера подлежала ведению земских и городских учреждений... По мере продолжения войны и умножения числа ее жертв все отчетливее стала ощущаться необходимость построения общегосударственной системы поддержки инвалидов войны, которая бы упорядочивала территориально и организационно все необходимые формы призрения» (Букалова, Щербинин, 2020: 151).

Таким образом, очевидно, что государство, вступая в тотальную войну, не озаботилось тем, что в ее ходе появятся инвалиды. К слову сказать, когда начнется Великая Отечественная война, у советского правительства руки до инвалидов тоже дойдут только к концу осени 1941 г., а планомерная помощь начнет оказываться лишь с 1942 г. Вероятно, у государства на первом этапе масштабной войны стоят совсем иные приоритеты, что, впрочем, не снимает с него ответственности за своих инвалидов.

Можно предположить, что государство, вступая в мировую войну, ориентировалось на уже существовавшие меры помощи нуждающимся, которые «работали» в схожих условиях и были вполне эффективными. В самом деле, не только уже упоминавшийся закон 1912 г., но и опыт призрения нижних чинов в период Русско-японской войны (пусть даже в 1904–1905 гг. государство разделило свою ответственность с обществом) доказывали, что нужные механизмы для обеспечения нуждающихся солдат, вернувшихся с фронта инвалидами, есть и они работают. И в этой связи снова уместно провести параллели с Великой Отечественной войной: в 1920–1930-х гг. был проведен целый комплекс мер, направленных на социальную защиту солдат Красной Армии, и уже в период начавшейся Второй мировой войны, летом 1940 г., был принят закон «О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям». Тем не менее около полугода потребовалось советской власти, чтобы понять, что требуется новый разворот в государственной социальной политике в отношении инвалидов войны. Впрочем, если бы большевики не отрицали так яростно опыт царской России и уделяли бы больше внимания истории Первой мировой войны, то сразу бы поняли, с какими проблемами столкнулись субъекты социальной помощи в 1915 г.

Далее речь как раз пойдет о деятельности прочих субъектов социальной политики в отношении инвалидов войны в 1915–1916 гг. Так, Земский и Городской союзы были готовы взять на себя все дело призрения жертв войны «при широком общественном содействии», однако только на государственные средства». Для этого была нужна четкая, работоспособная система координации деятельности и взаимодействия власти и органов самоуправления, сотрудничество благотворителей с государственными ведомствами, но дальше совещаний, составления планов, обсуждения законодательных инициатив дело не пошло.

Даже если где-то и было организовано результативное взаимодействие го-сударства, органов самоуправления и общественных организаций, например в европейской части России, стоит вспомнить, что не все города вошли в Союз городов, а в некоторых губерниях земств не было вовсе. К примеру, действие Положения о губернских и уездных земских учреждениях 1864 и 1890 гг. на Сибирь не распространялось вплоть до 1917 г. О какой государственной социальной политике в этом случае можно говорить?

Что касается городских союзов, то, как пишут С.В. Букалова и П.П. Щербинин, со временем Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, и вовсе предложил устранить их от развертывания системы помощи военно-увечным, оставив им лишь экспертные функции (Букалова, Щербинин, 2020: 152).

Что касается участковых попечительств, то, по мнению указанных авторов, создаваемые при уездных управах участковые попечительства должны были «обеспечить всесловное общественное участие в помощи обездоленным» (Букалова, Щербинин, 2020: 155). Но вряд ли можно говорить о возможности помощи такого рода в государстве, где сословность в принципе еще не была уничтожена.

Другой заслугой, которая приписывается «системе» государственной социальной политики 1914–1917 гг., традиционно считается взаимодействие государства и местного сообщества. В том, так ли это было на самом деле, поможет разобраться следующая ситуация.

В начале января 1917 г. директор Томского технологического института И. Бобарыков обратился с ходатайством к попечителю Западно-Сибирского учебного округа об организации при институте слесарных курсов для инвалидов войны, частично потерявших трудоспособность. Он и его коллега, профессор Т. Тихонов, решили организовать при мастерских Томского технологического института слесарные курсы для инвалидов. Они составили смету расходов, включив в нее содержание учащихся, оплату преподавателей, приобретение материалов и инструментов, необходимого инвентаря. Однако сумма оказалась значительной – 11 980 руб. в год, и тогда подвижники решили сократить расходы за счет переоборудования механических мастерских и лабораторий института,

а размещение и содержание учащихся-инвалидов предложили взять на себя Томскому отделу Сибирского общества помощи раненым воинам. Общество же ответило, что готово взять на себя размещение и содержание курсантов, если и ему будет сразу перечислена сумма 5 400 руб. независимо от числа обучающихся. Обо всем этом директор Томского технологического института сообщил в Петроград. Министр народного просвещения разрешил открыть слесарные курсы и даже распорядился выдать 17 380 руб., но поскольку случилось это перед самой Февральской революцией 1917 г., выдача средств вплоть до ноября того же года происходила со значительными перебоями, хотя официально заявлялось, что неоплаченных счетов по содержанию курсов не имеется ([Когда..., 2014: 266-270](#)).

О чем свидетельствует эта история? В самом деле, преподавательскую «инициативу снизу» поддержала благотворительная организация, что во многом говорит о наличии отдельных элементов гражданского общества. И когда благотворители обращаются в Министерство просвещения, оно находит возможным распорядиться об открытии курсов и выделить требуемую сумму для их обустройства. Тем самым действительно можно говорить о том, что между государственными органами, благотворительными организациями и частными лицами на местах существовало определенное взаимодействие. Однако, насколько оно было результативным, могло ли стать эффективным, к сожалению, по отдельному случаю сказать не получится, тем более что, когда курсы для инвалидов войны в Томске были открыты, страна стала совсем другой.

А.А. и М.А. Смирновы пишут о целой «системе» социальной помощи инвалидам, обосновывая свою позицию тем, что в период Первой мировой войны происходило «взаимодействие власти и общественности». По их мнению, о наличии планомерной государственной социальной политики в отношении инвалидов войны также говорит тот факт, что в стране «появляется множество общественных организаций (медицинские, благотворительные и спортивные общества), в которых одним из направлений деятельности было оказание помощи инвалидам», при этом они будто бы «осуществляли различные [государственные] законодательные акты» ([Смирнова, Смирнов, 2018: 628](#)).

Во-первых, это само по себе довольно сомнительное утверждение, поскольку с точки зрения теории государственного управления реализацией законодательных актов занимаются специально создаваемые для этого органы публичной власти, а никак не общественные организации. Во-вторых, к таким актам почему-то относятся, например, документы «О покровительстве Александровского комитета раненых», устав Чесменского и Измайловского инвалидных домов Императора Николая, Устав Общества попечения о раненых и увечных воинах. При этом в этих «законодательных» актах были якобы установлены «права, обязанности, ответственность субъектов и объектов взаимодействия, а также основания их деятельности» ([Смирнова, Смирнов, 2018: 628](#)). Хотя даже самый поверхностный анализ «Устава Чесменского и Измайловского инвалидных домов Императора Николая I» ([Устав..., 1996: 231-232](#)) позволяет сказать, что ничего подобного в нем не содержится. Да и сам Устав инвалидного дома – это, конечно же, свод правил, регулирующих организацию и порядок деятельности учреждения, но никак не государственный законодательный акт.

Также А.А. и М.А. Смирновы заявляют, что в Вятской губернии в период 1914 – начала 1917 гг. существовал не иначе как «комплекс социальных и экономических мер, направленных на реабилитацию и адаптацию инвалидов и на улучшение их благосостояния» ([Смирнова, Смирнов, 2018: 629](#)). Этот «комплекс», который явно должен свидетельствовать о том, что государство является одним из субъектов государственной социальной политики, называется авторами даже не общественным призрением, не социальной помощью, а ни больше ни меньше «социальной защитой инвалидов». Здесь стоит напомнить, что общепринятая трактовка социальной защиты ([Воронин, 2015: 755](#)) предполагает наличие прежде всего государственных мер, направленных на оказание помощи и поддержки гражданам, пострадавшим от социальных рисков. Предоставление социальной защиты должно регулироваться государственным законодательством, а основным его видом выступает социальное обеспечение. Прочие меры могут выступать лишь как дополнительные и предприниматься только на временной или разовой основе на уровне местных органов власти, а также общественными и благотворительными организациями. Социальная защита опирается на устанавливаемые государством обязательства минимальной материальной помощи и поддержки. Чаще всего это конституционные гарантии, и в этом случае мы обнаруживаем противоречие, поскольку основного закона в его истинном смысле в самодержавном государстве на тот момент не было. Поэтому иные меры, как, например, содержание в специализированных учреждениях или оказание благотворительной помощи, еще не говорят о наличии системы социальной защиты.

Почему-то отнесены к сфере «социального обеспечения» и мероприятия, направленные на сбор пожертвований для инвалидов войны ([Смирнова, Смирнов, 2018: 630](#)), в то время как таковой относится к благотворительности, но никак не может быть включен в систему «социальной защиты», отражающей принципы государственной социальной политики, если только он не инициирован самим государством. Так, например, будет обстоит вопрос с «советской благотворительностью» в 1920-х гг., когда большевистское государство управляло квазиобщественными организациями, привлекая «сознательное население» к решению проблем инвалидов.

По мнению А.А. и М.А. Смирновых, «объединенные усилия государства и общества позволили создать современную для того исторического периода инфраструктуру помощи инвалидам» (Смирнова, Смирнов, 2018: 631). Из самого исследования явно не следует, что подобная инфраструктура была создана, но даже если допустить, что она действительно появилась, почему в таком случае на нее в дальнейшем не стало опираться советское правительство? Конечно, всегда можно попенять последнему, что оно отказалось от всех достижений дореволюционной России, однако это далеко не так: практика социального обеспечения в первые годы после гражданской войны показывает, что большевики отчасти продолжили начавшуюся до них модернизацию социальной сферы (Kovalev, 2021).

Нередко авторы, характеризующие общественную инициативу в деле помощи инвалидам, преувеличивают реальную готовность представителей общественности. Вот простой пример: летом 1915 г. Томское горное управление запросило информацию с мест о возможности трудоустройства инвалидов войны, частично потерявших трудоспособность. Докладные записки окружных инженеров из Енисейской губернии (Когда..., 2014: 251-252) дают полное представление о том, кто и как помогал. Окружной инженер Красноярско-Ачинского горного округа сообщал, что рудники могут предоставить «некоторые должности в слесарном и электромеханическом цехах, но только специалистам, причем, если у просителя будет незначительная степень «увечности и поранения, а также специальность». Управления рудниками были готовы предоставить место смотрителя или караульщика, но в общем порядке, «если такое место окажется вакантным». Управление Солеваренным заводом – только в том случае, если вдруг кто-нибудь уволился из здоровых работников, для инвалидов войны «с ампутированной одной ногой или частью ноги» могло открыть «должности солевара и подварков, при условии знакомства с выработкой соли из соляных рассолов и при обязательном умении клепать, машинистов – при обязательном знакомстве с солеваренными и котельными работами и караульщиков». Но все эти должности были заняты, и в годы войны вряд ли кто-то собирался добровольно их оставить.

Докладная записка окружного инженера Енисейского горного округа о предоставлении вакансий инвалидам войны от 27 февраля 1916 г. сообщала: «[Золотопромышленники] ...проявляют весьма малую склонность пойти навстречу, опасаясь... возникновения новых обязательств, связанных с расходами... Наиболее значительные предприятия округа... отказались вовсе от приема увечных воинов». Только Общество Путиловских заводов нашло две вакансии сторожей и акционерное золотопромышленное общество «Драга» подыскало четыре вакансии на должности смотрителей, мастеровых на мелкие слесарные работы и караульных. Однако и они были рассчитаны на инвалидов «с потерей трудоспособности до 25 %» (Когда..., 2014: 251-252).

Следует вспомнить, что в обществе, где социальную политику действительно проводит государство, последнее следит за тем, чтобы за инвалидами закреплялись рабочие места: часть из них бронирует за свой счет, а также осуществляет надзорные функции в отношении предприятий, которые не выполняют предписаний в отношении занятости инвалидов. Конечно же, ничего подобного в годы Первой мировой войны не было.

5. Заключение

Таким образом, подводя итоги, следует сразу сказать, что как таковой государственной социальной политики в отношении инвалидов войны в 1914 – начале 1917 гг. не было. С.В. Букалова и П.П. Щербинин правы в том, что в годы Первой мировой войны «в Российской империи шел генезис системы помощи инвалидам войны» (Букалова, Щербинин, 2020: 157), но государственной социальной политики так и не появилось. Дальше определения «организационных основ этой системы, форм и видов необходимой помощи, механизмов финансирования» дело не сдвинулось, и «принять какой-либо законченный вид, выйти из состояния аморфных проектов и обеспечить надежной поддержкой жертв войны эта система не смогла». С.В. Букалова и П.П. Щербинин видят основную проблему в «неопределенности того, кто должен был стать основным партнером государства, «оператором» создания инфраструктуры помощи военно-увечным». Однако, как можно было увидеть, в представленных разными авторами исследованиях государство практически не появляется: все вопросы, связанные с помощью инвалидам войны, пытались решать органы самоуправления, общественные организации, частные лица. При этом сами авторы указывают, что это было связано с традиционной позицией монархического государства, боявшегося разделить свою власть с кем-то еще. Но если государство боится делегировать свои полномочия другим структурам, вряд ли оно способно организовывать, регулировать, координировать и контролировать какую-либо деятельность.

Следует также согласиться с С.В. Букаловой и П.П. Щербининым, что дело помощи инвалидам прежде всего следовало поставить «на твердую основу закона» (Букалова, Щербинин, 2020: 157), который бы установил права военных инвалидов и гарантии реализации этих прав со стороны государства. Именно отсутствие законотворчества, присущего государственной власти, свидетельствует о том, что государство старалось всячески избегать ответственности за решение социальных проблем инвалидов войны.

Проводимые мероприятия не ушли дальше планирования, совещаний по координации действий, разовых благотворительных акций. В то же время эта деятельность не соответствовала основным признакам, свидетельствующим о го-сударственном характере социальной политики. Инвалидам войны из числа нижних чинов не были предоставлены государственные гарантии, и основные заботы об инвалидах государство перекладывало на плечи общества, самоустраняясь от выполнения задач по общественному призрению. Реализация якобы «государственного» курса, предполагавшего подключение земств к решению проблем инвалидов, в отношении инвалидов не распространялась на всю территорию Российской империи – к 1914 г. земства существовали в 43 губерниях Европейской России.

Дело помощи инвалидам войны отличали крайняя бюрократизация и сложная схема финансирования наряду с бесконечными ходатайствами, отчетами, обязанностью подтверждать любые действия. Как показывает практика, когда существует подобная «система», до реальной помощи дело не доходит: все благие начинания «тонут» в ворохе бумаг, что во многом говорит о желании сделать все, чтобы выделяемые средства до получателя так и не дошли.

Фактически при анализе мер социальной помощи инвалидам в годы Первой мировой войны речь должна идти лишь о том, что в этот период в России была всего лишь предпринята попытка создать эффективную систему социальной помощи, которая по-прежнему не выходила за рамки общественного призрения и частной благотворительности. В то же время можно сказать, что это был первый шаг к оформлению классической модели социальной работы, похожей на ту, что уже делала первые шаги в Европе и США с конца XIX века, и основанной на взаимодействии разных общественных институтов в решении повседневных проблем нуждающегося населения. Для нее была характерна практическая помощь со стороны вчерашних благотворителей, постепенная профессионализация их деятельности, не просто случайная, хаотическая материальная или медицинская помощь, а содействие инвалиду в его адаптации к окружающей среде. В то же время ее концептуальные, идеологические, ценностные ориентиры так и не сформировались. Развитие этой модели было приостановлено революционными событиями, после которых основным и впоследствии, увы, фактически единственным субъектом помощи стало государство.

Литература

Букалова, Щербинин, 2020 – Букалова С.В., Щербинин П.П. «Хозяева увечного дела»: становление системы помощи военным инвалидам в Российской империи в годы Первой мировой войны // *Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки»*. 2020. Т. 25. № 187. С. 148-159.

Воронин, 2015 – Воронин Ю.В. Социальная защита / Большая российская энциклопедия. Т. 30. М., 2015. 767 с.

Еремин, 2006 – Еремин И.А. Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.): Автореф. дисс. ... д-ра истор. наук. Барнаул, 2006. 44 с.

Когда..., 2014 – Когда рушились государства: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны: Сб. документов и материалов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. Т. 1. 319 с.

Смирнова, Смирнов, 2018 – Смирнова А.А., Смирнов М.А. Оказание социальной помощи инвалидам в период Первой мировой войны (опыт взаимодействия власти и общественных организаций) // *Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология»*. 2018. Т. 28. Вып. 4. С. 628-633.

Тишкина, 2018 – Тишкина К.А. Деятельность сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой и гражданской войн. Барнаул, 2018. 296 с.

Устав..., 1996 – Устав Чесменского и Измайловского инвалидных домов Императора Николая I / Военное законодательство Российской Империи (кодекс русского военного права). М: Военный университет, 1996. Вып. 10. С. 231-232.

Фирсов, 2005 – Фирсов М.В. История становления социальной работы в России: тенденции становления // *Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.*: Сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга, 2005. С. 65-85.

Шиловский, 2015 – Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.

Щербинин, 2005 – Щербинин П.П. Особенности призрения военных инвалидов и членов их семей в России в XVIII – начале XX в. // *Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки»*. 2005. № 2. С. 230-231.

Kovalev, 2021 – Kovalev A.S. The Disabled and Elderly People in Prerevolutionary and Early Soviet Society: Formation of Disability Model in 1900–1938 // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2021. 14(8): 1239-1250.

Kovalev et al., 2022 – Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Rakhinsky D.V., Ravochkin N.N. On the Issue of State Social Policy for the Disabled People During the First World War in Russian Historiography: Problems of Population and Identification // *Bylye Gody*. 2022. 17 (2): 1033-1040.

Merkulov et al., 2021 – Merkulov P.A., Bukalova S.V., Leonova O.V. Development of the Social Assistance System in the Russian Empire During the World War I. // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 392-403.

References

- Bukalova, Shcherbinin, 2020 – Bukalova, S.V., Shcherbinin, P.P. (2020) «Khozyaeva uvechnogo dela»: stanovlenie sistemy pomoshchi voennym invalidam v Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny ["The masters of the mutilated case": the formation of a system of assistance to military invalids in the Russian Empire during the World War I]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 25(187): 148-159. [in Russian]
- Eremin, 2006 – Eremin, I.A. (2006). Zapadnosibirskij tyl Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (ijul' 1914 - mart 1918 gg.) [The West Siberian rear of Russia during the First World War (July 1914 – March 1918)]. Avtoref. diss. ... d-ra istor. nauk. Barnaul, 44 p. [in Russian]
- Firsov, 2005 – Firsov, M.V. (2005). Istorija stanovlenija social'noj raboty v Rossii: tendencii stanovlenija [History of the formation of social work in Russia: trends of formation]. Nuzhda i porjadok: istorija social'noj raboty v Rossii, XX vek [Need and order: history of social work in Russia, XX century.: collection of scientific articles]. Eds. P.V. Romanov, E.R. Yarskaya-Smirnova. Saratov: Nauchnaya kniga, pp. 65-85. [in Russian]
- Kogda..., 2014 – Kogda rushilis' gosudarstva: sud'ba sibirskoj provincii v kontekste Pervoj mirovoj vojny: Sb. Dokumentov i materialov [When states collapsed: the fate of the Siberian province in the context of the World War I: Collection of Documents and materials]. Tomsk, 2014. Vol. 1. 319 p. [in Russian]
- Kovalev, 2021 – Kovalev, A.S. (2021). The Disabled and Elderly People in Prerevolutionary and Early Soviet Society: Formation of Disability Model in 1900–1938. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 14(8): 1239-1250.
- Kovalev et al., 2022 – Kovalev, A.S., Novosel'tsev, N.R., Rakhinsky, D.V., Ravoch-kin, N.N. (2022). On the Issue of State Social Policy for the Disabled People During the First World War in Russian Historiography: Problems of Population and Identification. *Bylye Gody*. 17(2): 1033-1040.
- Merkulov et al., 2021 – Merkulov, P.A., Bukalova, S.V., Leonova, O.V. (2021). Development of the social assistance system in the Russian Empire during the World War I. *Bylye Gody*. 16(1): 392-403.
- Shcherbinin, 2005 – Shcherbinin, P.P. (2005). Osobennosti prizrenija voennyh invalidov i chlenov ih semej v Rossii v XVIII – nachale XX v. [Features of the charity of military invalids and their family members in Russia in the XVIII – early XX century]. *Vestnik VGU. Serija Gumanitarnye nauki*. 2: 230-231. [in Russian]
- Shilovskij, 2015 – Shilovskij, M.V. (2015). Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 go-dov i Sibir' [The World War I of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk, 330 p. [in Russian]
- Smirnova, Smirnov, 2018 – Smirnova, A.A., Smirnov, M.A. (2018) Okazanie social'noj pomoshhi invalidam v period Pervoj mirovoj vojny (opyt vzaimodejstvija vlasti i obshhestvennyh organizacij [Rendering social assistance to the disabled during the First World War (experience of interaction between the authorities and public organizations)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija «Istorija i Filologija»*. 28(4): 628-633. [in Russian]
- Tishkina, 2018 – Tishkina, K.A. (2018). Deyatel'nost' sibirskogo obshchestva podachi pomoshchi bol'nym i ranenym voenam v gody Pervoj mirovoj i grazhdanskoj vojn [Activities of the Siberian Society for providing assistance to sick and wounded soldiers during the World War I and the Civil War]. Barnaul, 296 p. [in Russian]
- Ustav..., 1996 – Ustav Chesmenskogo i Izmajlovskogo invalidnyh domov Imperatora Nikolaja I [The Charter of the Chesmensky and Izmailovsky invalid homes of Emperor Nicholas I. Voennoe zakonodatel'stvo Rossijskoj Imperii (kodeks russkogo voennogo prava) [Military legislation of the Russian Empire (Code of Russian Military Law)], Moscow, Is. 10, pp. 231–232. [in Russian]
- Voronin, 2015 – Voronin, Y.V. (2015). Social'naja zashhita [Social protection]. Bol'shaja rossijskaja Enciklopedija [Great Russian Encyclopedia]. Moscow, Vol. 30, 767 p. [in Russian]

К вопросу о государственной социальной политике в отношении инвалидов в годы Первой мировой войны в российской историографии: было ли государство реальным субъектом социальной помощи?

Александр Сергеевич Ковалев ^{a, *}, Николай Рзавич Новосельцев ^a,
Дмитрий Владимирович Рахинский ^{a, b, c}, Никита Николаевич Равочкин ^{d, e}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, Российская Федерация

^c Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

^d Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Российская Федерация

^e Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, Российская Федерация

Аннотация. Статья является продолжением исследования, посвященного проблемам становления социальной помощи инвалидам войны в 1914–1917 гг., рассматриваемым в современной отечественной историографии. Как показывает анализ большинства публикаций, их авторы утверждают, что в период Первой мировой войны в России сложилась полноценная государственная социальная политика в отношении нетрудоспособных солдат, получивших увечья на фронте. При этом за «государственные» действия выдаются отдельные благотворительные акции императорской семьи, частных лиц, органов самоуправления, общественных организаций в регионах. В то же время теоретические представления о социальной политике и социальной защите позволяют сделать вывод о том, что государство в 1914–1917 гг. еще не было готово стать полноценным субъектом социальной помощи инвалидизированному населению, поскольку в стране отсутствовало работающее социальное законодательство, не были установлены социальные гарантии военнослужащим из числа нижних чинов, взаимодействие государственных органов с земскими и городскими организациями, благотворительными обществами и учреждениями не предполагало наличия реальных механизмов сотрудничества, в первую очередь со стороны правительства. Поэтому, говоря о государственной социальной политике в период Первой мировой войны, можно констатировать ее отсутствие как таковой, но при этом обнаружить попытку создать новую, более эффективную систему социальной помощи, в которой принимали бы участие как государственные, так и негосударственные субъекты социальной помощи. Эту новую практику помощи уже отличала постепенная профессионализация деятельности благотворителей, содействие инвалиду в его адаптации вместо традиционной материальной помощи, однако ее идеологические и ценностные ориентиры в этот период не были сформированы, государство все еще не играло ключевую роль, а сама система социальной помощи не сумела преодолеть рамки общественного призрения и частной благотворительности.

Ключевые слова: история социальной помощи, благотворительность, Первая мировая война, государственная социальная политика, инвалидизация, инвалиды войны.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.П. Новосельцев), siridar@mail.ru (Д.В. Рахинский), nickravochkin@mail.ru (Н.Н. Равочкин)

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1461-1469
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1461

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Forced Migrants as a Political Actor in the Siberian Province during the World War I

Alexandra S. Kuzmenko ^{a,*}

^a Federal Research Center «Krasnoyarsk Science Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences», Russian Federation

Abstract

Forced migration during the First World War has become a powerful factor affecting both international relations and the situation within involved countries. In the Russian Empire this phenomenon appeared to be a new factor in the political space. Researchers believe that in the European part, the refugee component of this migration flow has had a noticeable impact on the collapse of state power in provinces. At the same time, there is a common opinion that the deported part of the immigrants, once in the Siberian provinces, joined the composition of organizations and movements dissatisfied with the authorities and, accordingly, contributed to the further shattering of state structures in these regions. The purpose of this article is to analyze the mentioned influence on the materials of the main recipient territory of all types of forced migrants – Siberia. The work is based on the historical-genetic method, the application of which made it possible to reconstruct the features of the interaction of various political actors within the region. The orientation of their political activity, its degree was determined on the basis of the historical-psychological method. As a result of the study, there was formulated the statement about the vector of the impact of forced migrants on the political forces of Siberian society, from the perspective of the actor-network theory of Bruno Latour, John Law and Michel Callon. This methodological approach refuted the classical historiographic position that there was no political influence on the part of the group of forced migrants, with the exception of the active position of the deported ones. Also, during the analysis, it was confirmed that the left political powers were not interested in migrants.

Keywords: Forced migrants, political system, political actor, Siberia, World War I.

1. Введение

Недобровольная миграция в годы Первой мировой войны превратилась в мощный фактор, воздействующий как на международные отношения, так и на ситуацию внутри государств-участниц. В Российской империи, как и в других странах с нестабильной политической ситуацией, данный феномен оказался новым фактором в политическом пространстве. Исследователи полагают, что в европейской части беженская составляющая этого миграционного потока оказала заметное влияние на крах государственной власти на местах. В то же время существует расхожее мнение (не подтвержденное пока эмпирически, но возникшее в советский период), что депортированная часть переселенцев, оказавшись в сибирских провинциях, вошла в составы организаций и движений, недовольных властью и, соответственно, способствовала дальнейшему расшатыванию государственных структур в этих регионах. Несмотря на то, что феномен политического влияния недобровольной миграции подвергся некоторому эпизодическому рассмотрению, участие недобровольных переселенцев в политической жизни общества, изменение системы взаимодействия различных акторов, которые произошли в российской политической сфере именно в результате появления нового игрока, остались пока не исследованными. Дополнительную значимость изучению этой проблемы придает последующее

* Corresponding author

E-mail addresses: edu.hi@mail.ru (A.S. Kuzmenko)

участие представителей недобровольной миграции (а именно категорий выселенцев и депортированных) в формировании кадрового потенциала региона-реципиента. Являясь выходцами из городских и мещанских кругов, по профессиональному признаку значительная часть их принадлежала к работникам интеллектуального труда (врачам, служащим, учителям и т.д.). Оказавшись в Сибири, они принесли с собой иные «школы» – педагогические, научные и т.п., повлияв, таким образом, на становление кадрового интеллектуального капитала региона.

2. Материалы и методы

Целью данной статьи является попытка проанализировать воздействие феномена недобровольной миграции на различные политические субъекты, действовавшие в российском политическом поле, на материалах основной территории-реципиента всех типов недобровольных мигрантов – Сибири.

Источниковой базой для выявления указанного воздействия стали неопубликованные материалы внутренней переписки различных органов исполнительной власти как всероссийского, так и регионального уровня. Архивные делопроизводственные документы по вопросу политического действия государства почерпнуты, главным образом, из двух фондов Государственного архива Российской Федерации – 1768 «Канцелярия петраковского губернатора» и 1769 «Коллекция документальных материалов центральных и местных административных, жандармских, полицейских, судебных учреждений и учебных заведений в Царстве Польском». Политическая активность местного чиновничества, равно как и недобровольных мигрантов, выявлялась на основе анализа материалов, представленных в архивах сибирских субъектов – Государственного архива Иркутской области и Государственного архива Красноярского края (фонды 25 «Канцелярия Иркутского генерал-губернатора» и 595 «Енисейское Губернское Управление»).

Определение политической позиции иных субъектов (общественных организаций и политических партий) стало возможным при исследовании материалов сибирской периодической печати («Сибирь», «Вестник Приенисейского Края», «Вестник Красноярского городского общественного управления»).

Основным подходом, с позиций которого осуществлялось изучение политического влияния, является акторно-сетевая теория (B. Latour, M. Callon, J. Law). Расширенный анализ взаимосвязи всех участников политической сферы в Сибири дал возможность увидеть эту сеть и характер воздействия каждого актора на иных игроков и всего поля действия в целом.

Применение данного подхода определило использование историко-генетического и историко-психологического методов как ведущих в данной работе. Их комбинация позволила установить политические позиции отдельных политических игроков – чиновничества и государства как отдельного актора. Также в целях выявления степени и направления политической активности негосударственных субъектов в работе был применен метод контент-анализа.

3. Обсуждение

Исследование политического влияния недобровольной миграции велось и прежде. Однако основной линией, интересовавшей ученых, была в первую очередь политика государства и общественных организаций по вопросу урегулирования, систематизации данного феномена. Среди первых трудов стоит назвать коллективную работу Т.И. Полнера, С.П. Турина и князей Г.Е. Львова и В.А. Оболенского, вышедшую в 1930 году в Йельском университете. В ней авторы сосредоточились на вкладе Всероссийского земского союза в работу с беженским потоком (Polner et al., 1930: 170).

Т.Е. Солодков также рассматривал попечительскую деятельность государства в отношении беженцев. При этом он особо подчеркивал неспособность Российской империи разрешить все те трудности, с которыми была связана миграционная политика данного периода (Солодков, 1967).

Вектор политики тотальной мобилизации раскрывает в своем труде П. Холквист (Холквист, 1999: 83-101). Так, депортации он рассматривает с точки зрения особой «политики населения», довольно распространенной в российских политических кругах рубежа XIX–XX веков.

В начале XXI века издано целостное исследование, посвященное миграционной политике в России изучаемого периода. В нем автор, И.П. Щеров, сосредотачивается на послевоенном времени (с марта 1918 по 1921 годы) (Щеров, 2000: 28). Ученый делает вывод о преемственности нечеткости советского миграционного законодательства, которому в наследство достались созданные имперским правительством проблемы (Щеров, 2000: 260).

В.Н. Савченко поднимает вопросы административно-территориального размежевания, связанные с феноменом недобровольной миграции (Савченко, 2005: 95). Изучаются особенности государственной политики на присоединенных в период Первой мировой войны землях (Бахтурина, 2000: 192).

Однако участие недобровольных переселенцев в политической жизни общества, изменение системы взаимодействия различных акторов, которые произошли в российской политической сфере именно в результате появления нового игрока, остались пока не изученными.

4. Результаты

В начале XX века в политической системе тыловых регионов возник феномен недобровольной миграции. Ранее политическая система провинциального сибирского города включала в себя ограниченное количество акторов. Первым из них, безусловно, являлось государство.

Данный субъект в политической жизни сибирского города занимал совершенно конкретное место. Купируя в течение длительного времени каналы самоуправленческой деятельности, государство, как институт, распространяло свое влияние на все сферы жизнедеятельности общества и полагало себя единственным игроком на провинциальном политическом олимпе. Неслучайно Д.Н. Гергилев называет генеральным вектором развития административно-территориального управления Сибирью принцип одновременной «централизации и локализации власти в регионе (укрупнение и разукрупнение) при построении унифицированной модели властных отношений, характерной для империи» (Гергилев, Дуреева, 2017: 103). Данная тенденция создавала совершенно конкретную форму взаимоотношений между центром и регионом, столичным правительством и его местным уровнем и своеобразным регентом – Главным управлением во главе с генерал-губернатором Сибири (после 1822 года – генерал-губернаторами Западной и Восточной Сибири).

Однако для местного сообщества государство, воплощением которого являлись имперские структуры и, конечно же, сам император, располагавшиеся за тысячи километров, выступало в качестве «олимпийца» – трансцендентного и не в полной мере осознанного. «Москвоцентричность», «петербургоцентричность», описываемые В.В. Трепавловым, безусловно, имели место, особенно для людей просвещенных, горожан, отсчитывавших свою «виртуальную» географию от столичных дел. Но повседневная политическая рутина демонстрировала отсутствие прямого влияния этого актора. Участники политической жизни сталкивались даже не с имперскими органами власти; здесь, в сибирском городе, они взаимодействовали с индивидуальными чиновниками, многие из которых (особенно низовой уровень чинов) были выходцами из местных сообществ, людьми, опутанными местными связями, местечковой патрон-клиентской сетью. Безусловно, за ними стоял мощный трансцендентный игрок, но региональные сетевые взаимодействия оказывались сильнее. Показателен случай, произошедший в Еланском городском попечительстве о бедных. Здесь заведующий беженским приютом, получив столичную директиву о принудительном переселении недобровольных мигрантов в сельскую местность, перекрыл в приюте водопроводные краны. Однако, когда об этом узнал городской голова П.Ф. Ломовицкий, он сейчас же распорядился открыть водопровод (Сибирь, 1916: 3).

Такие вольные и даже противоположные прямым государственным указам действия свидетельствовали о том, что как актор государство в политической системе провинциального сибирского города фактически отсутствовало. Оно не имело реальных связей, реального влияния и места. И чем отдаленнее было поселение, тем более эфемерную роль играл данный институт. Подтверждением этому может служить то, с какой легкостью население, даже осязаемо зависимое, отказывало в выполнении прямых директив. Так, к примеру, полностью провальной оказалась государственная инициатива по переселению недобровольных мигрантов из городов в сельскую местность. «На заседании распорядительной комиссии по устройству беженцев Иркутского комитета Союза городов выяснилось, – писал Вестник КГОУ в июне 1916 года, – что все беженцы поголовно не желают выезжать из города в села и что применявшиеся к тому расселению меры до сих пор ни к чему не привели... Беженцы говорят: «Мы не пойдем, лучше утопить нас в Ангаре!» (Вестник КГОУ, 1916: 45-46).

Появление недобровольных мигрантов активизировало деятельность государственного актора: интенсифицировались его административные и контрольно-надзорные функции. «Управляющий Министерства внутренних дел циркулярным распоряжением от 22 минувшего августа за № 35 поставил меня в известность, что усилившееся движение беженцев из местностей, охваченных войной или угрожаемых таковыми, вызвало напряженную работу центрального правительства... Усилия всех лиц и учреждений, занятых указанным делом [помощь беженцам], должны быть направлены на организацию передвижения выселяющихся... Гг. Крестьянским начальникам и Подрайонным Переселенческим Чиновникам надлежит быть осведомленными о движении беженцев в пределах вверенных участков и в случаях скопления беженцев в том или ином месте принять на себя личное руководство» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 169. Л. 1).

Как видим, процесс выдворения выселенцев с территорий, занимаемых неприятелем, депортационные мероприятия требовали непосредственного воздействия на политические права и свободы жителей империи. «31 июля за № 452 в Ломже получена телеграмма командующего армией следующего содержания: «Командующий армией приказал с получением сего, в течение 24 часов, выселить из губерний всех германских и австрийских подданных, причем с лицами мужского пола в возрасте от 19 до 45 лет поступить, как с военнопленными, и отправить их за Волгу, а остальным разрешить проезд в свое отечество через нейтральные страны; если же последние откажутся выехать, то высылать по этапу», – подписал генерал Филимонов» (ГАРФ. Ф. 1769. Оп. 1. Д. 19. Л. 78).

В результате такого вторжения в сферу индивидуальных прав деструктивный дискурс государственного актора усилился. Недавно назначенный варшавским генерал-губернатором князь

Н.П. Енгальчев телеграфировал петраковскому губернатору: «Согласно статье 415 и 507 положения о полевом управлении войск командующим армией командирам корпусов предоставлено право высылать из их войсковых районов всех лиц, пребывание которых признается вредным. Таковых по именным требованиям военных властей надлежит немедленно высылать вне театра военных действий без представления на мое рассмотрение» (ГАРФ. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 58. Л. 100).

Данная тенденция интересным образом сказалась на положении другого игрока провинциальной политической системы – государственных служащих – именно в Сибирском регионе оказавшегося отделенным от фигуры государства.

На первый взгляд сибирское чиновничество можно было бы принять за одну из заинтересованных групп. Однако при детальном анализе становится очевидным, насколько далек этот актер от указанного понятия. Во-первых, чиновничество было организованной группой с добровольным членством. Но подобная черта была присуща и обычному феномену корпоративной этики и не обязательно свидетельствовала о наличии группы давления. Во-вторых, как любая социальная группа бюрократия обладала конкретными сходными социальными интересами и стремилась их защищать. Но ресурсы, которые она потенциально могла направить на достижение своих целей, принадлежали ей лишь частично: они передавались чиновникам на правах временного пользования, пока длилась их государственная служба.

В итоге в начале XX столетия выступать в качестве единой сплоченной группы давления сибирское чиновничество не имело возможности. Способности к действию по защите своих интересов именно со стороны группы не наблюдалось. Данная ситуация прекрасно иллюстрируется историей становления областнического движения.

В то же время в региональной политической системе чиновничество воспринималось как полноценный актер, материальное воплощение трансцендентной фигуры государства. Оно говорило и действовало от его имени. Удаленность от центра позволяла усилить субъективное, местечковое начало. А дисперсность распределения по большой территории снижала возможность консолидации политического ресурса.

Такое двусмысленное положение приводило к своеобразной атомизации чиновничьего актора. В результате местная политическая система насыщалась большим числом микрогрупп, микроакторов, что делало ее невероятно дробной и довольно запутанной. Возникновение влиятельного центра притяжения, способного выступить самостоятельным сильным политическим прогосударственным игроком, не представлялось возможным. Эта характерная черта внесла свой вклад в провал попыток правого блока к объединению в сибирской провинции.

С появлением в регионе недобровольных мигрантов эта возможность стала еще более эфемернее. Все дело в том, что негативный дискурс от принудительного перемещения сибирскому чиновничеству довольно «удачно» удалось переложить на плечи государства. Центральное руководство издавало приказы и законы о принудительном перемещении населения. «...Предлагаю принять к руководству нижеследующее, – телеграфировал генерал-лейтенант князь П.Н. Енгальчев в январе 1915 г. – 1) подданным воюющих с Россией держав предоставляется возможность выехать за границу империи, причем все те, которые не воспользуются этим до 1 февраля сего года, должны быть выселены распоряжением полиции в губернии по указанию министра внутренних дел» (ГАРФ. Ф. 1768. Оп. 1. Д. 58. Л. 28). Таким образом, инициатором притока мигрантов, незапланированных и не особо ожидаемых в провинции, выступило столичное правительство. В то же время все бремя по содержанию таких переселенцев было передано местным сообществам. «Ближайшая забота о нуждах беженцев... возлагается на сельские общества», – писал управляющий Министерством внутренних дел в сентябре 1915 г. (ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 169. Л. 1). В условиях роста напряженности политической системы большинство губернаторов, крестьянских начальников, начальников переселенческих участков предпочло дистанцироваться от последствий этого довольно непопулярного решения: своей политической «смерти» никто из них не хотел.

Не складывалась группа влияния и с самостоятельной позицией. Местная сибирская бюрократия оказалась в ситуации лавирования: с одной стороны, на нее давило местное сообщество, с другой – точкой принуждения стали непосредственно мигранты. Губернские канцелярии были завалены прошениями от переселенцев и заинтересованных лиц с требованиями вернуть их если не в родные места, то хотя бы ближе, за Урал, в западные провинции. «Прошу разрешить возвратиться Слоним, – телеграфировал енисейскому губернатору главный начальник Минского военного округа, – высланному мною и проживающему Енисейске Валериану Казимировичу Стребейко» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 536. Л. 6).

Теоретически ситуацию разобщенности можно было переломить, кооптировав в ряды политических соратников третьего игрока политической системы – общественные организации региона.

В начале XX века значительная часть общественных организаций в Сибири имела благотворительный уклон. Однако с началом Первой мировой войны деятельность этих институтов в заметной мере политизировалась, в результате чего они начали встраиваться в политическую систему. Так, организованный Красноярским отделом Сибирского общества помощи раненым воинам

Комитет помощи беженцам выделился в 1915 году в самостоятельную организацию. А после опубликования закона о беженцах от 30 августа 1915 года даже перешел в ведение Городской управы ([Отчет Красноярского отдела..., 1915: 19](#)).

Наблюдая рост значимости общественных организаций в политической сфере, государственный актор попытался поставить его под свой контроль. Летом 1916 года газеты пестрели статьями о предстоящей реорганизации всего дела помощи беженцам. Национальные общества, Татъянинский и Ольгинский комитеты, а также иные учреждения, ведавшие в той или иной форме беженским движением, предполагалось подчинить Министерству внутренних дел Российской империи. При этом при министерстве планировали создать особую комиссию с широкими правами. Членство в ней должны были получить представители всех вышеназванных организаций, а также ряд специально назначенных государственных чиновников. Возглавил данную комиссию в результате вновь назначенный товарищ министра (заместитель) Энгельгардт ([Вестник КГОУ, 1916: 48](#)).

Показательным, на наш взгляд, фактом в этом мероприятии являлось распределение полномочий и автономии в рамках деятельности этой комиссии. Усиление правительственного контроля разворачивалось по линии делопроизводства национальных организаций и контроля за распределением финансов на нужды помощи беженцам. «По поводу предполагающейся ревизии всех организаций, оказывающих помощь беженцам, в министерстве внутренних дел сообщают следующее: в губернских комитетах все сметы согласуются и утверждаются. Теперь пришло время для разрешения второй задачи – установления постоянного наблюдения и контроля за деятельностью общественных организаций» ([Вестник КГОУ, 1916: 48](#)). Планировалось даже проведение глубокой проверки предшествующей деятельности каждого общества, его счетов, документов и т.д. Фактически речь шла о запуске постоянных ревизионных комиссий.

Примечательно, что такая тенденция встретила интересную форму пассивного, возможно не до конца осознанного, сопротивления со стороны этих организаций. Примером тому можно считать заявление упомянутого выше отдела: «Отдел стремится к объединению деятельности и всех организаций в г. Красноярске, а равно и на местах. В этих целях Отдел принял участие в местном съезде представителей городов Енисейской губернии и организовал соединенный Комитет помощи беженцам, и в последнее время приступил к изданию журнала «Вестник Приенисейского края» ([Вестник КГОУ, 1917: 40](#)).

Сам факт формирования собственного печатного органа уже свидетельствовал о становлении таких организаций в качестве политического актора. Заметим, что одновременно с «беженскими» обществами начали политизироваться и национальные объединения. На совещании, состоявшемся в Иркутске 24 ноября 1916 года, польское общество помощи жертвам войны, общество охранения здоровья евреев и уполномоченный латышского и литовского центрального комитетов выступили с заявлением об отказе действовать согласно государственным рекомендациям, которые предписывали лишение выселенцев права получения беженского пайка. «Перед общественными организациями встала дилемма: или выступить в несвойственной им роли послушного исполнителя явно неприемлемых для них циркуляров, навлекая на себя совершенно справедливые нарекания со стороны тех, кого они согласились призывать, или отказаться от всего этого дела» ([Вестник КГОУ, 1917: 40](#)). Интересно, что после продолжительных дебатов с доводами национальных обществ согласилось все губернское собрание.

Вообще разногласия между общественными организациями и городскими управлениями с течением времени только нарастали. Государственные учреждения старательно распространяли свое влияние на общественные организации и чаще всего открыто считали их всецело подчиненными. Те в свою очередь, признавая оправданность контроля финансовой отчетности, считали остальные сферы (внутренний распорядок по делопроизводству, саму структуру и условия деятельности) «делом исключительно своей компетенции» ([Вестник Приенисейского края, 1916: 7](#)).

Постепенно противостояние переходило в активную фазу: государственные органы все чаще прибегали к легальным способам затруднения работы таких организаций – от простого бюрократического филибастера до обвинений в растратах и привлечения полицмейстеров («Собрание это [Красноярского Комитета о беженцах] не состоялось распоряжением г. Полицмейстера, сославшегося на неразрешение такового г. Городским Головой» ([Вестник Приенисейского края, 1916: 8](#)).

В конце концов ряд городских общественных организаций был вынужден прекращать свою деятельность, а соответственно, сворачивались и политическая активность и потенциал. Те общества, которые смогли оказать сопротивление чиновничьему актору, должны были обладать либо узкой специализацией в плане социальной базы (например, национальные), либо соблюдать показательную аполитичность. Кооптация провалилась, а о кооперации не шло и речи.

Таким образом, политическая система провинции оказалась в состоянии дробления, в первую очередь в отношении акторов либерального и центристского политического уклона в целом. И, как видим, довольно заметную роль в этом дроблении сыграл феномен недобровольной миграции. Это выводило данную группу на политическую арену провинции и потенциально могло актуализировать и усилить разрозненный левоцентристский сектор, собрав под эгидой защиты прав насильственно

перемещенных и местные чины, и представителей общественности, и членов политических кружков, объединений, партий. Однако этого не случилось.

Сами недобровольные мигранты не стали ни центром притяжения, ни самостоятельным актором. К их характеристикам/параметрам, оказывающим влияние на данный феномен, именно как политический актор, относятся те, которые создают/формируют уровень политической культуры. В рамках качественного состава это: половозрастной, образовательный, профессиональный параметры, выталкивающие причины передвижения и причины выбора конкретной территории-реципиента. Количественные характеристики не создают конкретный тип политической культуры, а, следовательно, оказывают лишь опосредованное влияние на «недобровольных» мигрантов как политический актор. Однако весомость этого актора напрямую зависит именно от количественных характеристик.

Первой причиной их политического бессилия стоит считать структурное устройство потока. В недобровольном миграционном потоке прослеживались три составляющие: собственно (1) беженцы, самостоятельно принявшие решение о выезде под угрозой приближения фронта; так называемые (2) «выселенцы», выдворенные правительством в связи с военными мероприятиями по зачистке территории; (3) депортированные лица, высланные по обвинениям в пронеприятельских настроениях и деятельности под административный надзор.

Качественные характеристики этих составляющих (половозрастной, социальный состав) закономерно были различными, как и причины, вынудившие к передвижению. В результате уровень политической культуры также не отличался единообразием. Если беженское население обладало в основном традиционной политической ментальностью, две другие категории являлись носителями бюрократического типа легитимности власти, а соответственно, и такого вида политических воззрений. Находясь на различных уровнях развития политической культуры, данные группы в обычном состоянии не могли найти пересечений в своих устремлениях, а следовательно, и причин, пусть и ко временному, но объединению политической воли и усилий.

Таким внешним драйвером (аттрактором в рассматриваемой открытой системе) по нахождению точек соприкосновения могла стать война. Однако нормативная деятельность государства воспрепятствовала этому. Статус, присвоенный государством различным типам недобровольных переселенцев периода Первой мировой войны, еще больше отдалил их друг от друга и стал вторым фактором, препятствовавшим становлению данной группы в качестве самостоятельного политического субъекта.

Государство выделило и стигматизировало всех мигрантов в общественном сознании: беженцев со знаком «+», «выселенцев» и депортированных со знаком «-». В результате образ первых приобрел явные виктимные черты как в сознании сообщества-реципиента, так и в сознании самих переселенцев. Третья категория приобрела черты изгоев, париев (последнее происходило в силу осуществления за ними полицейского надзора, вплоть до помещения совместно с уголовными осужденными). Вторая же категория – «выселенцы» – словно зависла в своем статусе между указанными выше. При этом необходимо отметить дополнительный сомнительный факт, витавший в общественном сознании: «выселенцы» не имели за собой шлейфа антироссийских настроений и пронеприятельской деятельности, но факт их принудительной высылки заставлял местное население относиться к ним настороженно.

Обратной стороной образа жертвы стал закономерный рост иждивенческих настроений в беженской среде. «Ввиду выяснившегося [в] некоторых местностях отрицательного отношения [к] использованию беженцев [на] сельскохозяйственных работах, равно уклонения беженцев [от] этих работ, – писал весной 1916 г. сибирским губернаторам товарищ министра внутренних дел князь В.М. Волконский, – вновь подтверждаю Вашему Превосходительству настоятельную необходимость безусловного привлечения всех свободных [от] работ беженцев [к] сельскохозяйственному труду, приняв [в] сем отношении исчерпывающие меры» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 3435 картон к 332. Л. 98).

В политической жизни иждивенчество ожидаемо сформировало инертную позицию, а действия местных представителей политической элиты, защищавших такой виктимный статус, только усилили эффект.

Подобная политическая пассивность выработалась и у двух других категорий недобровольных переселенцев. Депортированные изначально приобретали статус преступников. «Выселенцы», перемещенные просто в силу военных зачисток отдаваемых противникам территорий, ощущали себя обманутыми. Государство, которое должно было защитить их быт и имущество, само стало источником разрушения привычной жизни. Более того, оно отнеслось к ним негативно: «если не бежали при приближении линии фронта, значит имели пронеприятельские настроения». Весной 1916 г. во время пребывания в г. Чите генерал-майор П.П. Мейер, главноуполномоченный по устройству беженцев в Сибири, обратил внимание на пребывание в убежище для евреев-беженцев двух «выселенцев». Тут же последовало предложение еврейскому национальному обществу, содержащему приют, немедленно выселить последних. «По получению предложения Вашего Высокопревосходительства от 10 июня с.г. за № 5520, – отчитывался иркутский генерал-губернатор, – мною вновь подтверждено Еврейскому обществу о недопустимости содержания выселенцев за счет беженских кредитов. Засим, 22 июня за № 1674 мною предложено Читинскому полицмейстеру

произвести проверку лиц, живущих в убежищах Еврейского комитета..., но и ни в коем случае не содержать выселенцев в одном помещении с беженцами [курсив наш]» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Д. 3427 картон 908. Л. 196).

5. Заключение

В результате недобровольные мигранты фактически стали бременем для политических сил либерального и в целом центристского толка. Потенциально данный актор мог сыграть роль балласта: правильно разыгранная политическая карта и кооптация различных групп могла бы сделать его тем грузом, который мог улучшить балансирующие качества региональной политической системы, особенно по линии самоуправленческой, автономной. Однако сложившаяся система взаимоотношений политических акторов и особенности самого миграционного потока отрезали данную альтернативу.

Примечательно, что левый край политических сил практически игнорировал недобровольных переселенцев. Безусловно, пропаганда велась и в беженской среде, и среди депортированных. Однако основной упор радикальные силы делали на контингент военнопленных. Неслучайно И.П. Щеров, исследуя миграционную политику империи в рассматриваемый период, писал о том, что недобровольные мигранты, с точки зрения социал-демократов и эсеров, представляли интерес прежде всего в решении национального вопроса, и, хотя часть беженцев восприняла эти идеи, но основная их масса осталась глуха (Щеров, 2000: 83).

Левый край политических акторов в Сибири, вовремя определив бесперспективность вовлечения мигрантов, не делал на них ставки. Это позволило им сосредоточить усилия на более политизированной части местного населения. В то же время последнее оказалось более радикально заряженным именно под влиянием обузы в лице переселенцев, предопределившим, таким образом, в регионе победу левых политических сил.

Данная ситуация прекрасно иллюстрирует действие акторно-сетевой теории. Классическая историческая парадигма, ожидая от политических субъектов инициативных действий в виде выступлений, митингов, институализации, наконец, насильственных форм политического участия, не учитывала то влияние, которое оказали недобровольные мигранты, с ее точки зрения пассивная единица (за исключением депортированных), на всю сеть политических взаимоотношений региона. При этом различные авторы либо напирали на актуальность и востребованность левых идей со стороны общества, нередко искусственно подтягивая факты под данное утверждение, либо напротив терялись в догадках о причинах победы, не видя нужной степени распространенности и востребованности этих идей. Учет же взаимного влияния всех акторов позволил выявить эти причины.

Литература

Бахтурина, 2000 – Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны / Серия «Первая монография» под ред. Г.А. Бордюгова. М.: «АИРО-XX», 2000. 264 с.

Вестник КГОУ, 1916 – Вестник Красноярского городского общественного управления (Вестник КГОУ). № 9–10. 1 июня 1916. С. 45-46.

Вестник КГОУ, 1916 – Вестник КГОУ. № 14–15. 17 августа 1916. С. 48.

Вестник КГОУ, 1917 – Вестник КГОУ. № 1–2. 17 января 1917. С. 40.

Вестник Приенисейского края, 1916 – Вестник Приенисейского края. № 7–4. 28 августа 1916. С. 7.

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гергилев, Дуреева, 2017 – Гергилев Д.Н., Дуреева Н.С. Сибирь как пример оптимальных государственных механизмов управления // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 103-108. DOI: 10.17223/15617793/421/15

Отчет Красноярского отдела..., 1915 – Отчет Красноярского отдела Сибирского общества помощи раненым воинам // Вестник Приенисейского края. № 3. 20 декабря 1915.

Савченко, 2005 – Савченко В.Н. Восточная Галиция: проблемы национально-территориального и политического размежевания (1914–1923 гг.) // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 95-107.

Сибирь, 1916 – Сибирь. 14 июня 1916.

Солодков, 1967 – Солодков Т.Е. Борьба трудящихся Белоруссии против царизма: 1907–1917 гг. / Минск: Наука и техника, 1967. 373 с.

Суржикова, 2021 – Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А. Российское беженство: центры и периферии, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.): Монография. Екатеринбург-Челябинск, 2021. 493 с.

Холквист, 1999 – Холквист П. Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» // Россия и Первая мировая война / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. С. 83-101.

Щеров, 2000 – Щеров И.П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск: СГПУ. 2000. 316 с.

Polner et al., 1930 – Polner T.J., Obolensky V.A., Turin S.P., Lvov G.E. Russian Local Government During the War and the Union of Zemstvos. New Haven: Yale University Press, 319 p.

References

Bakhturina, 2000 – Bakhturina, A.Yu. (2000). Politika Rossiiskoi imperii v Vostochnoi Galitsii v gody Pervoi mirovoi voyny [Policy of the Russian Empire in Eastern Galicia during the First World War]. Seriya "Pervaya monografiya" pod red. G.A. Bordyugova. Moscow, "AIRO-XX". 264 p. [in Russian]

GAIO – Gosydarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archive of the Irkutsk Region].

GAKK – Gosydarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State archive of the Krasnoyarsk Krai].

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].

Gergilev, Dureeva, 2017 – Gergilev, D.N., Dureeva, N.S. (2017). Sibir' kak primer optimal'nykh gosudarstvennykh mekhanizmov upravleniya [Siberia as an example of optimal government governance mechanisms]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 421: 103-108. DOI: 10.17223/15617793/421/15 [in Russian]

Kholkvist, 1999 – Kholkvist, P. (1999). Rossiiskaya katastrofa (1914 – 1921) v evropeiskom kontekste: total'naya mobilizatsiya i "politika naseleniya" [Russian catastrophe (1914 – 1921) in the European context: total mobilization and "politics of the population"]. In *Rossiia i Pervaya mirovaya voina*. Otv. red. N.N. Smirnov. Saint-Petersburg. Izd-vo "Dmitrii Bulanin". Pp. 83-101. [in Russian]

Otchet Krasnoyarskogo otdela..., 1915 – Otchet Krasnoyarskogo otdela Sibirskogo obshchestva pomoshchi ranenym voynam [Report of the Krasnoyarsk Department of the Siberian Society for Assistance to Wounded Soldiers]. *Vestnik' Prieniseiskago Kraia*. 1915. 3. [in Russian]

Polner et al., 1930 – Polner, T.J., Obolensky, V.A., Turin, S.P., Lvov, G.E. (1930). Russian Local Government During the War and the Union of Zemstvos. New Haven: Yale University Press, 319 p. [in Russian]

Savchenko, 2005 – Savchenko, V.N. (2005). Vostochnaya Galitsiya: problemy natsional'no-territorial'nogo i politicheskogo razmezhevaniya (1914–1923 gg.) [Eastern Galicia: problems of national-territorial and political disengagement (1914–1923)]. *Voprosy istorii*. 9: 95-107. [in Russian]

Shcherov, 2000 – Shcherov, I.P. (2000). Migratsionnaya politika v Rossii 1914 – 1922 gg. [Migration policy in Russia 1914 – 1922]. Smolensk, SGPU. 316 p. [in Russian]

Sibir', 1916 – Sibir'. 1916. 14 iyunya. [in Russian]

Solodkov, 1967 – Solodkov T. E. Bor'ba trudyashchikhsya Belorussii protiv tsarizma: 1907 – 1917 gg. [The struggle of the workers of Belarus against tsarism: 1907 – 1917] / 1967. Minsk, Nauka i tekhnika. 373 p. [in Russian]

Surzhikova, 2021 – Surzhikova, N.V., Mikhalev, N.A., Pyankov, S.A. (2021). Rossiiskoe beghenstvo: centry i periferii, process i struktury, individy i massy (1914–1922 gg.) [Russian refugeedom: centers and peripherals, processes and structures, individuals and masses (1914–1922)]: monograph. Yekaterinburg – Chelyabinsk, 493 p. [in Russian]

Vestnik KGOU, 1916 – Vestnik KGOU. 1916. 14-15: 48. [in Russian]

Vestnik KGOU, 1916 – Vestnik Krasnoyarskogo Gorodskogo Obshchestvennogo Upravleniya (Vestnik KGOU). 1916. 9-10: 45-46. [in Russian]

Vestnik KGOU, 1917 – Vestnik KGOU. 1917. 1-2: 40. [in Russian]

Vestnik' Prieniseiskago Kraia, 1916 – Vestnik' Prieniseiskago Kraia. 1916. 7-4: 7. [in Russian]

Недобровольные мигранты как политический актор в сибирской провинции в годы Первой мировой войны

Александра Сергеевна Кузьменко ^{a, *}

^a Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», Российская Федерация

Аннотация. Недобровольная миграция в годы Первой мировой войны превратилась в мощный фактор, воздействующий как на международные отношения, так и на ситуацию внутри государств-участниц. В Российской империи данный феномен оказался новым фактором в политическом пространстве. Исследователи полагают, что в европейской части беженская составляющая этого миграционного потока оказала заметное влияние на крах государственной власти на местах. В то же время существует мнение, что депортированная часть переселенцев,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: edu.hi@mail.ru (А.С. Кузьменко)

оказавшись в сибирских провинциях, влилась в состав организаций и движений, недовольных властью, и, соответственно, способствовала дальнейшему распатыванию государственных структур в этих регионах. Целью данной статьи является попытка проанализировать указанное влияние на материалах основной территории-реципиента всех типов недобровольных мигрантов – Сибири. Работа базируется на историко-генетическом методе, применение которого позволило реконструировать особенности взаимодействия различных политических акторов в рамках данного региона; направленность их политической активности, ее степень определялись на основе историко-психологического метода. В результате исследования было сформулировано утверждение о векторе воздействия недобровольных мигрантов на политические силы сибирского общества с позиций акторно-сетевой теории Бруно Латура, Джона Ло и Мишеля Каллона. Данный методологический подход опроверг классическую историографическую позицию об отсутствии какого-либо политического влияния со стороны рассматриваемой группы, за исключением активной позиции депортированной составляющей миграционного потока. Также в ходе проведенного анализа было выявлено отсутствие ставки на мигрантов со стороны левых сил.

Ключевые слова. Недобровольные мигранты, политическая система, политический актор, Сибирь, Первая мировая война.

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(3): 1470-1481
 DOI: 10.13187/bg.2022.3.1470

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Newspaper “Kazak” and its Opponents in the Kazakh Society during the First World War

Almasbek A. Absadyk ^{a,*}, Baktyly S. Boranbaeva ^b, Kabibek Mukhitov ^c, Dmitriy M. Legkiy ^a

^a A. Baitursynov Kostanay Regional University, Kostanay, Republic of Kazakhstan

^b M. Utemisov West Kazakhstan university, Uralsk, Republic of Kazakhstan

^c Atyrau state University named after H. Dosmukhamedov, Atyrau, Republic of Kazakhstan

Abstract

The objective circumstances associated with the outbreak of the First World War (including Turkey's intervention on the side of Germany) and the uprising of 1916 in the Kazakh steppe and Turkestan determined the steady distrust of the state bodies of the Russian Empire in the social activities of the Kazakh Intelligence, especially in the position of the newspaper “Kazak” (which was called only “Muslim”), which was accompanied by increased attention to it from the gendarme department. Corresponding was the reaction of local authorities and employees of the Orenburg provincial gendarmerie to the articles published in the newspaper “Kazak”, to its wide material support by the Kazakh population, including from abroad (Turkey, China). An analysis of archival documents about an organized campaign of denunciations to the editorial office of the Kazakh-language press, in order to discredit the activities of employees, which showed an increase in contradictions in the enlightened part of Kazakh society, leads the authors to the conclusion that the tsarist authorities did not fail to take advantage of this. Despite the fact that as a result of a thorough study by the police department of the content of denunciations against the Kazak newspaper, the biased, unjustified nature of the accusations by the steppe aristocracy against the editors of the press organ was revealed, state interests demanded the strengthening of protective measures. The use of previously unstudied source materials in the archives of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation (correspondence of the police department and the Orenburg governor, reports of the gendarmerie and police departments) made it possible to show the results of a political investigation of the editors of the Kazak newspaper, to highlight the details of the confrontation among the Kazakh political elite.

Keywords: Alash, Baitursynov, Bukeikhanov, Dulatov, Kazak newspaper, Naykap journal, gendarmerie, Orenburg, periodicals, Russian Empire.

1. Введение

В условиях пореформенной модернизации Российской империи просвещенные национальные элиты были вовлечены в единое имперское пространство. Вместе с тем интересы государства требовали усиления охранительных мер, что определяло пристальное внимание царских властей к присущим им подозрительным отношением к общественно-политической активности казахской национальной интеллигенции с определенным ограничением ее деятельности. Политические элиты казахского общества в условиях системного кризиса в стране в период Первой мировой войны предлагали альтернативные варианты модернизации казахского общества, особенно это касалось земельного вопроса, перехода к оседлой форме хозяйственной деятельности, реформы в сфере образования. Избирая при этом различную тактику действий, некоторые представители казахской аристократии не гнушались прибегать к таким методам дискредитации своих политических

* Corresponding author

E-mail addresses: absalmas@mail.ru (A.A. Absadyk), Bbaktyly@bk.ru (B.S. Boranbaeva), ocean_5@mail.ru (K. Mukhitov), Legk_d@mail.ru (D.M. Legkiy)

противников, как жалобы и так называемые «прошения» (представляющие собой в большей степени анонимные обращения) в государственные органы власти. Такие попытки предпринимались против редакции газеты «Казакъ» («Казак») и ее учредителей, что нашло отражение в архивных документах царских органов власти, в том числе жандармских и полицейских, в начале Первой мировой войны. Несмотря на то, что действия жандармских сотрудников позволили определить предвзятый, неоправданный характер ряда обвинений в адрес редакторов газеты «Казак», авторы обращений к властям верно уловили устремления национально ориентированной части казахской интеллигенции во главе с лидерами Алаш отстаивать интересы своего народа, что невольно приходило в противоречие с политикой царских властей, которые на национальных окраинах, в том числе в Степном крае, пытались решить эту проблему накануне Февральской революции в России, прибегая, в том числе, к установлению постоянного политического надзора за руководителями газеты «Казак».

2. Материалы и методы

В период подготовки исследования авторами использовались ранее не изученные источниковые материалы фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК, Алматы), Архива Казахского национального педагогического университета им. Абая (Архив КазНПУ), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва), Российского государственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург). Авторами вводятся в научный оборот документы МВД Российской империи, письма из канцелярии оренбургского губернатора, донесения жандармского и полицейского ведомств о результатах политического сыска над редакторами газеты «Казак». Кроме этого, привлечены данные из официальных статистических справочников, раритетных книг, сведения из периодической печати начала XX века. Источники, выявленные в ходе работы с архивными фондами Республики Казахстан и Российской Федерации, позволили авторам изучить детали противостояния в среде казахского общества, в том числе использования такого специфического средства борьбы, как жалобы (в форме прошения) на оппонентов, установление за А. Байтурсыновым и его ближайшими соратниками полицейского надзора. Авторы применяли методы комплексного анализа привлеченных источников с использованием междисциплинарных связей при освещении политической и общественной деятельности редакторов газеты «Казак» (за чем внимательно следили в Департаменте полиции Российской империи) через призму истории правоохранительной системы государства.

3. Обсуждение

Деятельность газеты «Казак», в том числе внимание к ней со стороны царских властей, в разное время привлекала внимание исследователей как исторического, так и филологического профиля. Советская историография не могла обойти вниманием деятельность казахоязычных периодических изданий, но за причастность издателей к движению Алаш их идейно-политические взгляды подвергались жесткой критике с идеологических позиций, поэтому в разоблачающем тоне было написано большинство трудов советских историков, как, например, в книге таких историков, как С. Брайнин, Ш. Шафира «Очерки по истории Алаш-Орды» (Брайнин, Шафира, 1937). Только в период «перестройки» в СССР и последующего приобретения Казахстаном независимости появились более взвешенные, объективные оценки общественно-политических взглядов. В настоящее время о газете «Казак» и его редакторе А. Байтурсынове исследователи У. Абдиманов «Газета «Казак» (Абдиманов, 1993), М. Койгелдиев «Движение Алаш» (Койгелдиев, 1995), Р. Имаханбет «Человек века: творческая биография А. Байтурсынова (Имаханбет, 2010), С. Аккулы «Алихан Букейхан» (Аккулы, 2016), В. Козодой «Алихан Букейханов: человек-эпоха» (Козодой, 2021) выпустили монографии и учебники.

В научных трудах значительное внимание стало уделяться изучению методов полицейского надзора в Туркестанском крае, форм и методов политического сыска в Российской империи органами жандармерии и полиции. Казахстанские ученые осветили причины установления за А. Байтурсыновым политического надзора после Первой русской революции 1905–1907 годов. Вместе с тем, несмотря на то, что отдельные факты репрессивных мер (штрафы, аресты, высылки) в отношении А. Байтурсынова, М. Дулатова, А. Букейханова приводятся во многих исследованиях, публикациях биографического жанра и энциклопедических изданиях (сведения, нередко повторяющие друг друга), непосредственно отражение истории деятельности газеты «Казак» в оценке царских губернаторов, руководителей Департамента полиции, осуществляющих политический надзор за членами редколлегий казахоязычных изданий, лидерами Алаш остается малоизученной. Авторы данного научного труда постарались восполнить этот пробел.

4. Результаты

Вопрос об издании газеты на казахском языке под названием «Казакъ» («Казак») рассматривался лидерами движения Алаш с 1905 г. (Аккулы, 2016: 464-464). Но в связи с тем, что руководители Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Миржакып Дулатов были заключены в тюрьму, подвергались различным преследованиям, эта идея не была реализована в то время. После

освобождения из Семипалатинской тюрьмы в 1908 г. А. Букейханов остался без работы и в начале 1909 г. при поддержке соратников из кадетской партии устроился оценщиком в Донский земельный банк в Самаре (Козодой, 2021: 118). В результате ареста в городе Каркаралинске в 1909 г. А. Байтурсинов был заключен в Семипалатинскую тюрьму до февраля 1910 года (Имаханбет, 2010: 41). В соответствии с постановлением МВД было принято решение выслать его в административном порядке за пределы Казахской степи с установлением полицейского надзора (Ибраев и др., 2022: 123-134). После отбывания с 10 марта 1910 г. срока административной ссылки в городе Оренбурге Байтурсинов остался там жить (Абсадык и др., 2022: 897-898), продолжая целенаправленно заниматься просветительской, общественной и политической деятельностью (Тугай, 2018: 123-125). Известный публицист, поэт М. Дулатов также подвергся уголовному преследованию за выпуск книги «Пробуждайся, Киргиз» (РГИА. Ф. 1363. Оп. 8. Д. 4. Л. 1-7). 7 июля 1911 г. он был арестован (Галиев, 2011: 401) и заключен в Семипалатинскую тюрьму сроком на один год «без зачета семи месяцев предварительного заключения» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 14. Л. 332). После освобождения из тюрьмы 12 декабря 1912 г. он перебрался в г. Оренбург (Койгелдиев, 1995: 145).

В итоге три видных лидера движения Алаш 2 февраля 1913 г. в Оренбурге начали выпускать газету «Казах». А. Байтурсинов был редактором, М. Дулатов работал в качестве секретаря, а опытный политик, публицист, бывший депутат Государственной Думы А. Букейханов «определил платформу и руководил этим изданием» (Газета «Казах», 1998: 6). Издание стало выдвигать идеи джадидизма (новаторства), основанного духовным лидером мусульманских народов в составе Российской империи И. Гаспринским (Камзабекулы, 2022: 63). Тираж газеты быстро вырос, и уже через год имелось свыше трех тысяч подписчиков (Абдиманов, 1993: 37), что в то время было большим достижением.

В газете в основном публиковались статьи прогрессивно-просветительского, культурного содержания, но иногда на страницах издания поднимались злободневные вопросы политического характера. В годы Первой мировой войны статьи, опубликованные на страницах газеты, привлекают внимание как местных властей, сотрудников Оренбургской губернской жандармерии, так и представителей казахской аристократии, которым не понравилась позиция издания об оседлости, земельном вопросе, учебной и алфавитной реформе казахской письменности. Публичная дискуссия об этих проблемах велась на страницах не только газеты «Казах», но и журнала «Айкап», выходявшего с 1911 года в г. Троицке (Айкап, 1995: 24-30). В конце августа и начале сентября 1914 г. на издание была организована кампания различных жалоб в форме прошений пятью неизвестными людьми.

По архивным данным видно, что наблюдение за организаторами газеты «Казах» осуществлялось Оренбургской губернской жандармерией до обращения «пятерки». Так, 1 февраля 1914 г. унтер-офицер губернской жандармерии Николаев доложил на имя ее главы – генерал-лейтенанта Г. Бабица секретную информацию (о семейном положении, адресе, паспортных данных) сотрудников А. Байтурсинова, М. Дулатова, А. Букейханова, Р. Марсекова (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 17-170б.). Со своей стороны начальник жандармерии 17 марта 1914 г. направил секретное письмо оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Сухомлинову с просьбой предоставить информацию о том, с какого времени А. Байтурсинов был утвержден редактором газеты «Казах» и кто курирует направление печатного издания (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 68). Отвечая на этот вопрос, оренбургский губернатор 23 марта 1914 г. пишет, что А. Байтурсинов с 5 января 1913 года является редактором еженедельной газеты «Казах», а контроль над изданием возложен на Мухамедияра Тунганшина, переводчика Тургайского областного управления (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 70).

Мухамедияр Хангиреевич Тунганшин был представителем образованного казахского населения, по социальному происхождению чингизид. Его родственники также служили в царской администрации. Например, султан Тунганшин, переводчик Тургайского уездного суда, находился в числе сотрудников административного аппарата во время досудебного следствия по делу обвиняемых по «Джингильдинскому событию», в котором Байтурсинов Чучаков (Шошакулы), отец Ахмета Байтурсинова, при стычке разбил голову начальнику Тургайского уезда Я.П. Яковлеву (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. Л. 700б.).

Собранную информацию о руководителях газеты «Казах» начальник жандармерии Г. Бабиц направляет в Департамент полиции Министерства внутренних дел, а копию – в отдел надзора полиции Туркестанского района. В письме он подробно рассказывает об истории выхода газеты, его редакторе А. Байтурсинове, а также сообщает о сотрудниках издания А. Букейханове, М. Дулатове и враче Троицкой больницы Аубакире Алдиярове. И делает следующие выводы об издании: «Еженедельная киргизская газета «Казах», которая является единственным краевым органом, освещающим различные стороны обширного киргизского края, распространяя среди населения полезные сведения из разных областей науки, искусства и техники, и знакомит вообще с культурой, со времени своего существования газета не уклонялась от принятой ею программы и особенно резких статей за ней замечено не было» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 71-710б.).

Вышеназванные заявления «пятерки», рассмотренные в различных инстанциях в августе и сентябре 1914 г., приводят к усилению надзора и контроля жандармерии над газетой «Казах», что было вызвано изменениями политической обстановки в Российской империи: в июле 1914 г. началась Первая мировая война. Россия активно участвовала в ней. В связи с тем, что империя, управляющая

разными народами, ощущает усложнение внутренней обстановки во время войны с внешним врагом, специальные органы контроля усиливают контроль за состоянием страны. Очевидно, что повышенная бдительность в деле внутренней политики империи формировалась в связи с извлечением уроков из событий Первой русской революции 1905 года. Оппоненты редакционной политики газеты «Казах», заметив, что во внутренней политике страны наступает благоприятный для них момент, стали предъявлять свои претензии и альтернативные пути решения назревших проблем.

Из архивных данных следует, что в конце августа и начале сентября 1914 г. в высшие органы власти поступило две жалобы. Первая – министру внутренних дел от 30 августа 1914 г. Это был не оригинал, а копия заявления, сделанная делопроизводителем Оренбургского губернского жандармского управления, заверенная подписью и печатью его главы (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 125об.-126об.). Другим документом стало прошение на имя оренбургского губернатора Н. Сухомлинова, время написания – 2 сентября 1914 г. Периодичность между двумя заявлениями всего три дня. В целом, судя по содержанию письма оренбургскому губернатору, заявители направили обращение еще в два учреждения – Министерство юстиции, а также Министерство земледелия и землеустройства. Получается, что одновременно было написано четыре заявления. Из этого следует, что все обращения были тщательно спланированы и организованы, что превратилось в кампанию с политической подоплекой. В нашем распоряжении оказались архивные копии только двух вышеуказанных заявлений – в МВД и в канцелярию оренбургского губернатора.

Обращение на имя губернатора Н. Сухомлинова написано чернилами весьма аккуратным каллиграфическим почерком. Среди заявителей значились пять человек – Кали Нурумов, Досым Жусупов, Ергали Балтабаев, Сагындык Бирманов, Жакен Сатыбалдин, Утеген Сырымов. Авторы письма начинают с указания на прежние дела редактора газеты «Казах» А. Байтурсынова и его помощника М. Дулатова. Их считают преступниками, которые в свое время по распоряжению губернатора Семипалатинской области были заключены в тюрьму, подвергнуты административной ссылке за пределы Казахской степи и находились под контролем полиции. Вердикт был однозначный: «Редактор киргизской газеты Казакъ, издаваемой в Оренбурге, А. Байтурсунов и его помощник Мир-Якуп Дулатов, несмотря на то, что они преступные люди, отбывшие тюремное заключение, надзор полиции и административную ссылку (по распоряжению Семипалатинского губернатора), призваны злой судьбой быть учителями киргиз» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 118).

После этого они перечисляют тех людей, в том числе чиновников, которые оказывают поддержку А. Байтурсынову и М. Дулатову в областном правлении. В их числе оказались переводчик Тургайского областного управления Тунганчин (*Тунганшин – авт.*), секретарь Казахского окружного суда Сейдазимов (*Кадырбек – авт.*) и переводчик того же суда Балгимбаев. Процитируем: «Байтурсунов и Дулатов крепко держат в своих руках цензора Тунганчина – переводчика Тургайского Областного Правления, незаконные действия которого они прикрывают через своих подписчиков, а взамен этого Тунганчин со своей стороны всё более и более увеличивает число подписчиков, делая давление на несчастных киргиз своим авторитетом, и не допускает никаких возражений против газеты. Помимо Тунганчина, еще в Окружном Суде есть киргизы, работающие совместно с Байтурсуновым и Дулатовым. Цель всех их – нажива. Достаточно на самое краткое время поставить караул из честных людей около квартир переводчика Тунганчина, секретаря Суда киргиза Кадырбаева и переводчика Балгимбаева, чтобы убедиться в том, что они нагло и негласно обирают киргиз» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 118-118об.). Далее они пишут, что указанные должностные лица помогают в распространении газеты «Казах», объединившись с ее редактором А. Байтурсыновым, утверждают, что в войне побеждают Россию немцы, потому что их союзник – непобедимая Турция. Если победят немцы, тогда незаконно отобранные казахские земли вернутся к казахам. В свое время казахские правители продали казахские земли русскому правительству, о чем боятся говорить простые казахи, потому что тех защищают должностные лица, имеющие служебное положение в Областном правлении: «Поэтому советуют (*Байтурсынов и Дулатов – авт.*) нам молиться за победу немцев, турок, так как при победе немцев и турок русское правительство вынуждено будет возвратить киргизам отобранную землю. Нам советуют также почаще сориться с переселенцами, живущими на киргизской земле. Такой совет дают и лично через подписчиков газеты. Киргизы боятся жаловаться» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 118).

В следующих строках указывается информация о том, кто стоит за обращением. В письме подробно описывается, что сначала редактором газеты «Казах» был А. Байтурсынов, но потом передал ее другому человеку. Это произошло после обращения какого-то казахского султана, выступившего против одной из статей Байтурсынова (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 118об.). Ключевый посыл состоял в следующем изложении авторов: «Мы убедились, что редактор вместе со своей шайкой ведёт нас к гибели. Покорнейше просим Ваше Превосходительство газету Казакъ закрыть, редактора Байтурсунова и помощника его Дулатова из Оренбурга выслать, так как они через своих подписчиков и чиновников-компаньонов хотят погубить нас, киргиз» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 119).

Одна из причин, почему авторы писем «бьют тревогу», заключалась в том, что в Оренбурге были сосредоточены учреждения, связанные с управлением Казахской степью. Учитывая этот факт, они одновременно направили жалобы в Министерство внутренних дел, Министерство юстиции,

Министерство земледелия и землеустройства. По утверждению жалобщиков, в данное время получившие высшее образование казахи, находящиеся на службе в российских учреждениях далеко от Родины, не будут прибегать к «такому нехорошему делу». В этой части жалобы намекается на отсутствие у А. Байтурсьнова и М. Дулатова высшего образования. Действительно, А. Байтурсьнов был выпускником Оренбургской учительской школы ([Архив КазНПУ им. Абая. Оп.-л. 1, связка 6 «Б». Д. 209](#)), а М. Дулатов окончил Кустанайский педагогический класс ([Галиев, 2011: 50-51](#)). Эти учебные заведения относились к низшей системе образования.

Судя по всему, заявители (или автор) являются лицами, имеющими отношение к высшему образованию. Цитируем: «Наша просьба понятна будет, если принять во внимание, что все учреждения, ведающие киргизскими делами, находятся в Оренбурге, а потому постоянно сталкиваются с киргизами. Одновременно с сим мы подаем жалобу Министрам Внутренних дел, Юстиции, Земледелия и Землеустройства. Киргизы с высшим образованием никогда не учили нас такому нехорошему делу, но, к несчастью нашему, они все находятся далеко от нас на службе в России, а потому некому открывать глаза темному народу, считающему названных людей за больших авторитетов, так как они служат в учреждениях, ведающих киргизскими аулами» ([ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 119](#)). В конце документа авторы письма заявляют, что открыто выступить против указанных лиц боятся, так как будут подвергнуты преследованию с их стороны: «Словом, мы, киргизы, боимся открыто протестовать против названных лиц, так как они могут устроить гонения на нас». В завершении документа стоят дата и подписи: «1914 год 2 сентября. Подписываемся по-киргизски» ([ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 119](#)).

Прошение зарегистрировано 6 сентября 1914 г. в канцелярии оренбургского губернатора Н. Сухомлинова, направившего этот документ 18 сентября 1914 г. главе жандармерии Оренбургской губернии Г. Бабищу и поручившего негласно проверить подозрения в антиправительственных делах редактора газеты «Казах» А. Байтурсьнова, его помощника М. Дулатова и сообщить о результатах ([ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 117](#)).

Теперь попытаемся ответить на вопрос, кто может быть организатором заявлений, где сообщается о некоем казахском султанине, выступившем против одной из статей Байтурсьнова, и «высокообразованных казахских граждан, несущих службу в стране». Можно заметить, что организатором заявления был человек, имеющий отношение к роду ханов-султанов, а также имеющий высшее образование, что среди них в то время было крайне редко. Кроме того, инициатор писем был потомком тех, кто оказался наделен властью. По предположению известного казахстанского ученого С. Аккулы, это мог быть известный политический деятель Бакытжан Каратаев, написавший статью против А. Байтурсьнова ([Аккулы, 2016: 472](#)).

Послужной список Б. Каратаева весьма внушительен. Он – потомок хана Младшего жуза Абулхаира. Окончив Оренбургскую гимназию, высшее образование получил на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Как депутат от Уральской области он был избран во II-ю Государственную Думу от казахского населения. Одновременно стал одним из организаторов газеты «Казахстан», выходившей в г. Уральске в 1911–1913 гг. ([Боранбаева, 2014: 85](#)). Как общественный деятель, желавший справедливого решения земельного вопроса, он выступал за переход казахов к оседлому образу жизни. Б. Каратаев опубликовал несколько статей в журнале «Айкап», агитируя казахов за оседлый образ жизни и призывая к нему на примере образованного в Уральской области поселения ([Айкап, 1995: 83](#)). Его идейными сторонниками были такие известные люди, как адвокат, султан Жаханша Сейдалин, редактор журнала «Айкап» Мухамеджан Сералин. В 1913 году Ж. Сейдалин пытался провести в г. Кустанае съезд по земельным вопросам ([Газета «Казах», 1913: 358](#)).

Газета «Казах» выступала против перехода казахского народа к оседлому быту без подготовки и предлагала остаться в кочевой форме, чтобы сохранить целостность земли, принадлежащей казахам. К тому же проведение общекзахского съезда в сложившихся условиях было невозможно. По данным вопросам в газете «Казах» публикуется несколько статей. Эта активность газеты, видимо, не понравилась Б. Каратаеву. Воспользовавшись состоянием страны, переживающей войну, он, как искусный, опытный политик, вполне мог организовать жалобу, чтобы помешать изданию газеты «Казах», потому что его позиция явно противоречила идеям, высказываемым на страницах газеты, возглавляемой А. Байтурсьновым.

Причастность Б. Каратаева к обращению явно видна в жалобе на имя министра внутренних дел. В документе высказывается мысль, что по совету бывшего члена Государственной Думы обсуждался вопрос о предоставлении казахам 15 десятин земли и что в прошлом правители казахов, ханы-султаны (чингизиды), поклялись быть верным царю. Безусловно, под этими мыслями скрываются деяния и образ Б. Каратаева. Чтобы разобраться в сущности вопроса, проанализируем содержание прошения на имя министра внутренних дел. Этот документ был составлен до написания обращения на имя оренбургского губернатора Н. Сухомлинова, 30 августа 1914 г., причем оба текста идентичны. Цель этих документов – осуждение редакционной политики газеты «Казах» А. Байтурсьнова и его секретаря М. Дулатова, а требование – закрытие газеты. Письмо подписали та же «пятерка»: Кали Нурымов, Досым Жусупов, Гали Балтабаев, Сагындык Бирманов, Жакен Сатыбалдин, Отеген Сырымов.

Преамбула жалобы состояла в следующем: «В гор. Оренбурге издается киргизская газета «Казакъ». Редактор этой газеты киргиз Ахмет Байтурсунов, а секретарь по газетному делу киргиз Мирь-Якуп Дулатов. Как Байтурсунов, так и Дулатов высланы были Семипалатинским Губернатором и оба отбыли тюремное заключение, административную ссылку, надзор полиции за какое то дело. Несмотря на такую порочность, им удалось получить разрешение издавать в Оренбурге названную газету» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 125об.).

Вводная часть жалобы начинается удивлением авторов, как эти «неблагонадежные люди» получили разрешение на издание газеты, и объясняет это тем, что в Тургайском областном управлении есть их доброжелатели, занимающие различные должности. Они оказывали своим служебным положением влияние на открытие газеты и рост рядов постоянных читателей. Цитируем: «Им помогли в этом деле компаньоны по изданию газеты и единомышленники – цензор мусульманских изданий переводчик Тургайского Областного Правления Мухамедьяр Тунганчин и секретарь Оренбургского Окружного Суда киргиз Сейдазым Кадырбаев, которые, служа в учреждениях, ведающих киргизскими делами, и постоянно сталкиваясь с последними, прямо-таки обязали их помочь открыть газету под редакторством Байтурсунова и многих киргиз заставили состоять постоянными подписчиками. При этом они /названные чиновники/ постарались скрыть преступное прошлое Байтурсунова и Дулатова. Затем поддержали последних своим влиянием на киргиз переводчик Оренбургского Окружного Суда Балгимбаев и секретарь Темирского Съезда Крестьянских Начальников Уральской области Батырша Исмаханов, которые пропитаны теми же идеями, какими Байтурсунов и Дулатов» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 125об.).

Мухамедьяр Тунганшин (Справочная книжка и Адрес календарь ТО, 1914: 39) и Сейдазым Кадырбаевы (Справочная книжка и Адрес календарь ТО, 1914: 55) были известные служащие, и сведения о том, что они тогда работали в названных учреждениях, сохранились в справочных книжках. Что же касается переводчика Оренбургского окружного суда Балгимбаева, упомянутого в анонимной жалобе, то в секретном докладе оренбургскому губернатору генерал-майора Г. Бабича, проводившего проверку по заявлению, сказано о том, что тот не работал в данном учреждении. Цитируем: «...Далее в прошении говорится, что газету поддерживали, пользуясь своим влиянием на киргиз, переводчик Оренбургского Округа Суда Балгимбаев и секретарь Темирского уездного съезда крестьянских начальников Батырша Исмаханов, но по поводу первого мне известно, что он должность переводчика при местном суде никогда не занимал, а был в мае с. г., когда из суда ушел присяжный переводчик Шуакаев в университет, а для выездной сессии суда в гор. Тургай переводчик был необходим, то суд временно пригласил в качестве переводчика писца Тургайского областного Правления Балгимбаева; он ездил с судом в Тургай и дней через 10 опять вернулся в Тургайское Правление. Откуда же киргизское население могло узнать, что Оренбургский Окружной Суд на такое короткое время приглашал к себе Балгимбаева, во всяком случае об этом могли знать только киргизы гор. Тургая, а не киргизы целых двух областей, которые могли бы указать своим доверенным на этот факт. Во всяком случае Балгимбаев не есть еще авторитетное лицо, которое могло бы оказать существенное влияние на киргиз в пользу Байтурсуновых...» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 128).

Следовательно, Балгимбаев был принят в окружной суд временным переводчиком. Информацию главы жандармерии подтверждают исторические источники. Так, в 1914 г. в данном учреждении работали два переводчика – Космухаммед Шуакаев и Шакирзян Нафиков (Справочная книжка и Адрес календарь ТО, 1914: 55). Но о каких Балгимбаевых идет речь в докладе Г. Бабича и письмах «пятерки», определить сложно. Это было связано с тем, что Балгимбаевы были известными людьми среди казахской интеллигенции. В исторических источниках имеются сведения о трех Балгимбаевых, получивших русское образование. Это Абдигали Балгимбаев – выпускник Орской учительской школы 1886 г. (Васильев, 1896: 122), Ахметбек Балгимбаев, окончивший в 1890 г. Оренбургскую учительскую школу (Васильев, 1896: 194) и Мухамедьяр Балгимбаев – выпускник Тургайской уездной школы.

В год обращения Абдигали Балгимбаев (средний брат Балгимбаевых) работал в сфере образования. В справочном отчете Тургайской области за 1914 г. зафиксировано, что он исполнял обязанности инспектора народных школ Тургайского уезда (Справочная книжка и Адрес-календарь ТО, 1914: 145). Старший из Балгимбаевых, Мухамедьяр, в 1914 г. преподавал «Магаметанский закон» в одноклассной русско-казахской школе в г. Тургай (Справочная книжка и Адрес-календарь ТО, 1914: 145), его младший брат, Ахметбек Балгимбаев, работал заведующим двухклассной русско-казахской школой в Карабутаке (Справочная книжка и Адрес-календарь ТО, 1914: 100).

По нашему мнению, обозначенный в жалобах и секретном докладе начальника жандармерии Г. Бабича переводчик Балгимбаев – это и есть Абдигали Балгимбаев, который долгое время жил в Оренбурге, являлся руководителем отдела газеты Тургайского областного управления в Оренбурге, редактором «Тургайской газеты» (около 1902–1907 гг.), с 1907 г. – инспектором казахских школ Тургайской области, затем в 1913–1915 гг. – инспектором народных школ Тургайского уезда.

Определив круг казахских чиновников, работающих в областном управлении, негласно поддерживающих газету «Казак», авторы (или автор) изложили идеи А. Байтурсунова и М. Дулатова. В первую очередь заявители указывают на «вред взглядов» А. Байтурсунова и М. Дулатова на

земельный вопрос – землеустройство. Авторы писем считают, что вопрос землеустройства не должен касаться казахов с точки зрения гражданско-имущественных отношений. Кроме того, по их мнению, «новые учителя» считают, что принятая в I-й Государственной Думе норма предоставления 15 десятин земли оседлым казахам – это решение, состоящее из обмана, не принадлежащее никакому делу разума. Кроме того, между казахами и переселенцами может вспыхнуть вражда, произойти конфликты, которые приведут к печальному концу. Прочититируем: «...При исполнении такого совета названных учителей переселенцы должны будут уйти и земля вновь останется самим киргизам. Получение по 15-десятинной норме землеустройства по совету бывших членов Государственной Думы, которые устроили много киргиз, они / новые учителя / считают позором и обманом. Такой совет темной киргизской массе понравился, но результаты получились печальные: на почве времени происходят убийства, драки и т. п., совершаемые переселенцами» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 125об.-126).

Далее в письме сообщается, что из-за скандала, возникшего между людьми, свою выгоду получают и чиновники, работающие в областном управлении, и создатели газеты «Казах». По мнению авторов обращения к властным органам, А. Байтурсиновым создана сильная организованная группа («шайка»). Прочитируем: «Жалобы на незаконные поборы и взятки кончаются плохо для жалобщиков, так как названные чиновники пускают в ход свое знакомство и свой авторитет, чтобы сделать давление, а при невозможности сделать это редактор Байтурсинов через влиятельных своих подписчиков принуждает жалобщиков отказаться от жалоб, как, например, это было с переводчиком Тургайского Областного Правления Тунганчиным. Словом, редактор Байтурсинов организовал сильную шайку для обирания нас, киргиз» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 126).

В следующей части жалобы прозвучала критика взглядов «неблагонадежных лиц» на историю управления казахскими землями (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 126). Следующий вопрос, который был поднят в содержании жалобы, направлен на «разоблачение» позиции газеты «Казах» по отношению к Первой мировой войне. Прочитируем: «По уверению Байтурсинова, Дулатова и компании настоящая война должна закончиться победой немцев, которых поддерживают непобедимые турки. Поэтому они советовали нам ничего не жертвовать в пользу русских воинов. Они уверяли, что, когда немцы и турки победят русских, Правительство вынуждено будет выгнать всех переселенцев из киргизской земли. Но такой совет не пришелся нам по душе, ибо мы присягнули русскому ЦАРИЮ (написано заглавными буквами – авт.), как верные подданные, и умрем за него. Мы решили также избавиться от опасных и непрошенных учителей, которые хотят нас вести к гибели» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 126об.).

Такие обвинения в адрес А. Байтурсинова и М. Дулатова были прямой подтасовкой, извращением позиции газеты «Казах» в отношении того же призыва казахов на тыловые работы, что хорошо было известно царским властям и подтверждалось агентурными данными. Тем не менее, исходя из своей позиции, авторы жалоб настаивали на изгнании из Казахской степи и Оренбургской губернии «Байтурсинова, Дулатова и всех причастных к газете и Байтурсинову лиц». Это прозвучало как настоятельный призыв к царским властям закрыть газету «Казах» и арестовать ее редакторов. Прочитируем: «Поэтому мы решили обратиться с почтительнейшею просьбою к Вашему Высокопревосходительству разбить всю названную шайку, уничтожить газету «Казах», издателем которой раньше состоял сам редактор Байтурсинов, а потом передал другому лицу, своему единомышленнику, из боязни, как говорят, пред одним киргизом – универсантом, возмущившемся поведением Байтурсинова. Всепокорнейше просим удалить из пределов Оренбурга, Тургайской и Уральской областей, где ложное учение пустило глубокие корни, Байтурсинова, Дулатова и всех причастных к газете и Байтурсинову лиц» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 126об.).

В заключительной части жалобы заявители объясняют, почему они не обратились с заявлением к губернатору Тургайской области, а непосредственно обратились к вышестоящим инстанциям: «Тургайскому Губернатору, потому что, как говорят, в Областном Правлении нашлись люди, считающие Байтурсинова за гения, а потому боимся гонений. А Оренбургскому Губернатору не обращаемся потому, что он не знает киргиз, хотя отовсюду слышим об его энергии и справедливой исполнительности. 30 Августа 1914 года. Росписуемся по-киргизски» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 126об.).

Начальник Оренбургского губернского управления жандармерии генерал-майор Бабич, подтверждая, что жалоба была напечатана с оригинала (который был написан от руки), лично подписал документ и поставил печать учреждения (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 125об.-126об.). В итоге кампания с нападками на газету «Казах» и соответствующими сопроводительными документами местных властей, направленными нескольким государственным учреждениям, дала свой «результат». 11 октября 1914 г. оренбургский губернатор Сухомлинов оценил статью-передовицу «Обсуждение законопроекта», опубликованную в газете «Казах» за номером 80 в 1914 г. (Газета «Казах», 1914: 347), в котором анализировался законопроект, касающийся земельного вопроса. Оренбургский губернатор определил эту публикацию как антиправительственную деятельность и постановлением № 6408 определил наказание в виде штрафа в 1500 руб. или 3 месяцев тюремного заключения (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 105-105об.).

На жалобы «пятерки» в первую очередь обращает внимание должностное лицо – военный губернатор Тургайской области, имеющий звание камергера¹ Императорского двора. Он сообщил 5 ноября 1914 г. главе Оренбургской губернской жандармерии о необходимости дать указание о тайном наблюдении за редактором газеты «Казах» и поддерживавшими ее лицами и информировать о результатах (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 124). То, что заявление дошло до центральных органов, стало известно оренбургскому губернатору Н. Сухомлинову, который, со своей стороны, обратился в жандармерию по заявлению «пятерки», поручив проведение надзорного контроля (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 117). Проверка по итогам выполнения поручения завершилась безрезультатно.

О том, что жалоба была написана не вполне обоснованно, можно судить по записке главы Оренбургской губернской жандармерии Г. Бабица генерал- губернатору Н. Сухомлинову от 23 ноября 1914 г. О версии его обращения в МВД Г. Бабиц говорит: «...Переходя к содержанию прошения, поданного на имя г. Мин. Вн. Дел, я должен сказать, что я сомневаюсь, чтобы это прошение было подано доверенными киргиз Тургайской и Уральской областей, т. к. означенные в прошения доверенные, очевидно, желая укрыть себя, не указывают своих адресов и не говорят, от какого они уезда, волости или аула, а также не представляют никакого документа, удостоверяющего их полномочия, фамилии же их ничего не говорят, т. к. они ни агентуре, ни кому-либо из местных обывателей не известны» (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 127об.). Он также утверждает, что оба письма – генерал-губернатору и министру внутренних дел – написаны одним и тем же автором, человеком с личной ненавистью к А. Байтурсынову (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 128об.).

Нападки на газету, организованные в 1914 г., продолжились и в 1916 г. В это время Первая мировая война затянулась и ресурсы царского правительства начали истощаться. С 1915 года, когда Россия вступила в войну и увеличила налоги на подконтрольные ей национальные окраины в Средней Азии и на Кавказе, начинает идти речь о призыве казахов на тыловые работы. Газета «Казах» под редакцией А. Байтурсынова публикует в те годы несколько статей, посвященных проблеме мобилизации на тыловые работы в разгар войны.

Наконец, 25 июня 1916 г. император Николай II издает указ «о реквизировании», т. е. о призыве инородцев на тыловые работы в фронтовой зоне. В знак протеста против июньского указа в казахских степях вспыхнули волнения, за которыми последовали вооруженные восстания. Газета «Казах» выступила «с воззванием к «гражданам Алаш», предлагая сохранить спокойствие и подчиниться призыву». За это деяние алашординцев в советское время обвинили в подлости и предательстве (Брайнин, Шафиро, 1937: 35-42).

Деятельность газеты в 1916 г. привлекает особое внимание правительственных органов. Например, 23 февраля 1916 г. из канцелярии оренбургского губернатора за подписью вице-губернатора Л.А. Пушкина поступает под грифом «Секретно» письмо оренбургскому полицмейстеру: «По сообщению газеты «Каспий» / № 5 от 8 минувшего января /, киргизское население различных местностей оказало в прошлом году материальную поддержку киргизской газете «Казакъ», собрав для этой цели в своей среде 1600 рублей. Сообщая об этом, предлагаю выяснить негласным путём, соответствует ли действительности приведённое газетное сообщение, и о последующем мне донести» (ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 10/17. Л. 53).

В марте 1916 г. начальник Оренбургской губернской жандармерии предоставил оренбургскому генерал-губернатору секретные сведения о состоянии газеты «Казах». В нем говорится, что в 1915 г. (номер № 151) в связи с уменьшением числа подписчиков на газету редактор А. Байтурсынов обратился за материальной помощью к читателям, в результате чего газета получила 1973 руб. спонсорской помощи со стороны казахской общественности (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 225-226).

Поддержка со стороны общественности газеты «Казах» не была единственным событием, имевшим место в 1916 г. С момента выхода газеты А. Байтурсынов неоднократно привлекался к судебной ответственности и был оштрафован местной администрацией. По его воспоминаниям, он был один раз осужден и четыре раза оштрафован (ЦА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1652. Л. 12). Об этих преследованиях газеты свидетельствовал А. Букейханов в 1933 году в письме руководителю организации «Помощь политическим заключенным» Е. Пешковой (ГА РФ. Ф. Р- 8409. Оп. 1. Д. 994. Л. 48-48об.).

Редактор газеты А. Байтурсынов был не единственным объектом внимания со стороны Департамента полиции. Так, 29 июля 1916 г. унтер-офицер Оренбургской губернской жандармерии Мещеряков составляет справку ее руководителю об А. Байтурсынове и М. Дулатове (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 324). В этот же день глава жандармерии выдает приставу № 2 г. Оренбурга ордер на проведение обыска по месту службы и адресу редактора газеты «Казах» М. Дулатова (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 124).

12 августа 1916 г. Оренбургская губернская жандармерия пишет ответ (под грифом «Совершенно секретно») на телеграмму губернатора Уральской области об уведомлении редактора и

¹ Служащий царского двора, уважаемый императором человек. Введен в царствование Петра I, упразднен в 1917 г. Такое звание имели оренбургский вице-губернатор Л.А. Пушкин и военный губернатор Тургайской области М. Эверсман.

сотрудников газеты «Казах» о противодействии приговору. В документе приводится подробный отчет об антиправительственной деятельности редактора А. Байтурсынова, секретаря М. Дулатова и сотрудника газеты А. Букейханова (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 331-332об.).

Сотрудники жандармерии не обошли вниманием не только издателей газеты, но и типографию, где она печаталась. Газета «Казах» издавалась в типографии «Каримов, Хусаинов и К» в г. Оренбурге. Редактор А. Байтурсынов имел хорошие отношения с владельцем типографии в Оренбурге и редактором газеты «Вақыт» («Время») Мухаметом Фатихом Каримовым. 3 января 1917 г. Оренбургская губернская жандармерия заполняет «Агентурную записку по мусульманскому движению». В ней содержится информация о М. Каримове, который со своими соратниками из татарских газет ездил в Петроград, чтобы добиться предоставления отсрочки от тыловых работ служащим редакций мусульманских газет и журналов (ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4. Л. 415).

Таким образом, в период Первой мировой войны, в ходе которой в Казахской степи и Туркестане разразилось восстание, несмотря на проявляемую лояльность казахской политической элиты к династии Романовых, царские власти продолжали настороженно относиться к деятельности казахских («мусульманских», по их мнению) периодических изданий, в том числе и к их руководителям – «прогрессивным мусульманам». Такая участь постигла и газету «Казах», к редакции которой оказались претензии не только официальной власти. К этому добавилось и яростное неприятие (с использованием анонимных жалоб) со стороны представителей казахской аристократии политических взглядов и личной позиции в вопросе возможного пути развития казахского народа лидеров движения Алаш А. Байтурсынова, М. Дулатова, А. Букейханова. Тем не менее, выдержав все тяготы Первой мировой войны, руководители газеты «Казах» всецело поддержали результаты Февральской буржуазной революции 1917 г. и так же отрицательно отнеслись к свершению Октябрьской социалистической революции 1917 г., проявив неприятие замыслов Советской власти, в результате чего казахоязычное издание в 1918 г. было закрыто.

5. Заключение

В период своей деятельности газета «Казакъ» («Казах») особое внимание уделяла вопросу модернизации казахского общества с политической и социальной точек зрения. С этой целью на ее страницах публиковались статьи, касающиеся политических, экономических и социальных проблем казахского общества. Большая часть деятельности газеты совпала с Первой мировой войной. Царское правительству в это время усилило контроль за внутривнутриполитической ситуацией и уделяло пристальное внимание публикуемым в газете статьям, а также деятельности сотрудников казахоязычного органа печати. Это было вызвано объективными обстоятельствами, так как интересы такого многонационального государства, как Российская империя, требовали усиления охранительных мер. Конечно, пристальное внимание органов политического сыска к общественно-политической активности казахской национальной интеллигенции характеризовалось подозрительным отношением к ее духовным лидерам, таким как редакторы газеты «Казах». В период осложнения внутривнутриполитической ситуации (восстания 1916 года в Казахской степи и Туркестане) и международной обстановки в начале Первой мировой войны (в связи с военными действиями мусульманской Турции против России) недоверие царских властей к деятельности казахоязычной (в то время «мусульманской») газеты сопровождалось определенным ограничением ее деятельности. Этому способствовал тот факт, что некоторые представители казахской аристократии прибегали к различным методам дискредитации своих политических противников, в данном случае редакторов газеты «Казах» – лидеров движения Алаш. В первую очередь использовалась подача различного рода жалоб в государственные органы власти в форме так называемых «прошений», представляющих собой в большей степени анонимные обращения.

Издание, являющееся своеобразным зеркалом казахского общества, беспокоило степную политическую элиту, не сумевшую вовремя определить ход событий нового времени. Целенаправленные действия с целью дискредитации характера публикаций в газете «Казах» предпринимались неоднократно, как это и произошло в 1914 г. Содержание архивных документов царских органов власти (в том числе жандармского ведомства) периода Первой мировой войны показало, что руководители Департамента полиции после тщательного, длительного изучения всех обстоятельств дела сумели определить причины кампании с жалобами представителям царских властей (от губернатора до министра внутренних дел), направленной против редакции газеты. Фактически различного рода жалобы (в том числе недостоверного характера) во властные структуры оказались нападками личного характера против редакторов газеты и ее учредителей. Вместе с тем характер ряда обвинений в адрес редакторов газеты «Казакъ» («Казах») показывал, что представители аристократической части казахского общества (авторы или один автор обращений) интуитивно, исходя из защиты своих сословных интересов, небезосновательно опасались последствий широкого распространения идей радикального характера лидеров Алаш, высказываемых на страницах газеты «Казах». Эти опасения совпадали с мнением руководителей Департамента полиции, что подвигнуло царские власти прибегнуть к ограничительным мерам в отношении

национально ориентированной части казахской интеллигенции в Степном крае в годы Первой мировой войны.

Хроника кампании написания анонимных писем с попытками дискредитации деятельности газеты «Казах», направленной в первую очередь против ее редакторов и учредителей, показала нарастание противоречий в просвещенной части казахского общества, чем не преминули воспользоваться царские власти.

Литература

[Абдиманов, 1993](#) – Абдиманов У. Газета «Казах». Алматы: Казахстан, 1993. 168 с. [на каз. языке].

[Айкап, 1995](#) – Энциклопедия «Айкап» / Глав. ред. Р. Нурғалиев. Алматы: Главная редакция «Казахской энциклопедии», 1995. 368 с. [на каз. языке].

[Аккулы, 2016](#) – Аккулы Аликхан Букейхан. Расследования, статьи, интервью. Алматы: Международный фонд «Ер Жанибека», 2016. 528 с.

[Архив КазПУ им. Абая](#) – Архив Казахского государственного педагогического университета.

[Боранбаева, 2014](#) – Боранбаева Б. Гумар Караш. Общественно-политическая деятельность. Монография. Алматы: Издательство «Арыс», 2014. 232 с. [на каз. языке].

[Брайнин, Шафино, 1937](#) – Брайнин С., Шафино Ш. Очерки по истории Алаш-Орды. Казахстанское краевое издательство, Алма-Ата-М., 1937.

[Васильев, 1896](#) – Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Издание Тургайского областного статистического комитета. Оренбург: Типолитография Н.Н. Жаринова, 1896.

[ГА РФ](#) – Государственный архив Российской Федерации.

[Газета «Казах», 1913](#) – Газета «Казах». 1913 год. 2-издание / Сост. С. Смагулова, Г. Анес, Т. Замзаева. Алматы: Издательство «Арыс», 2018. 480 с. [на каз. языке].

[Газета «Казах», 1914](#) – Газета «Казах». 1914 год. 2-издание / Сост. С. Смагулова, Г. Анес, Т. Замзаева. Алматы: Издательство «Арыс», 2018. 480 с. [на каз. языке].

[Газета «Казах», 1998](#) – Газета «Казах» / Гл. редактор А. Нысанбаев. Алматы: «Казахская энциклопедия». Гл. редакция, 1998. 560 с. [на каз. языке].

[Галиев, 2011](#) – Галиев В.З. Книга, разбудившая народ (Разыскания о Миржакыпе Дулатове и его сборнике «Проснись, Казах!»). Алматы: Мектеп, 2011. 528 с.

[ГАОО](#) – Государственный архив Оренбургской области.

[Ибраев и др., 2022](#) – Ибраев Е.Е., Легкий Д.М., Табулденов А.Н. «Дальнейшее наблюдение за ним установлено». Ахмет Байтурсынов под надзором царской охранки (1907–1910 годы). Отан тарихы. 2022. № 2. С. 123-134.

[Имаханбет, 2010](#) – Имаханбет Р. Человек века: творческая биография Ахмета Байтурсынова (по архивным данным). Монография. Астана: «Педагогика-ПРЕСС», 2010. 304 с. [на каз. языке].

[Камзабекулы, 2022](#) – Камзабекулы. Тюркский круг. Нур-Султан: «Общественный фонд «Алашорда», 2021. 392 с. [на каз. языке].

[Козодой, 2021](#) – Козодой В.И. Аликхан Букейханов: человек-эпоха. Алматы: ZhanDos, 2021. 312 с.

[Койгелдиев, 1995](#) – Койгелдиев М. Движение Алаш (Учебное пособие). Алматы: «Санат», 1995. 368 с. [на каз. языке].

[РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.

[Справочная книжка и Адрес календарь ТО, 1914](#) – Справочная книжка и Адрес календарь Тургайской области на 1914 год. Оренбург: Типография Тург. обл. правления, 1914.

[Тугай, 2018](#) – Тугай Т. Оренбургский путь А. Байтурсунова. Оренбург: ООО ИПК Университет, 2018. 253 с. Издание 2-е, доп.

[ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

[Absadyk et al., 2022](#) – Absadyk A.A, Issenov O.I., Mukhitov K., Boranbaeva B.S. The Path of the Teacher A. Baitursynov: from Bestamak to Karkaralinsk (1895–1910). *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 890-901.

References

[Abdimanov, 1993](#) – Abdimanov, U. (1993). Gazeta «Kazakh» [Newspaper «Kazakh»]. Almati: Kazakhstan, 168 p. [in Kazakh]

[Absadyk et al., 2022](#) – Absadyk, A.A, Issenov, O.I., Mukhitov, K., Boranbaeva, B.S. (2022). The Path of the Teacher A. Baitursynov: from Bestamak to Karkaralinsk (1895–1910). *Bylye Gody*. 17(2): 890-901.

[Aikap, 1995](#) – Enciklopediya «Aikap» [Encyclopaedia «Aikap»]. Glavnii redaktor R. Nurgaliev. Almati: Glavnaya redakciya «Kazahskoi enciklopedii», 368 p. [in Kazakh]

[Akkuli, 2016](#) – Akkuli (2016). Alihan Bukeihan [Alihan Bukeihan]. Rassledovaniya, stati, intervyu. Almati: Mejdunarodnii fond «Er Janibeka», 528 p. [in Russian]

[Arhiv KazNU im. Abaya](#) – Arhiv Kazahskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Archive of the Kazakh State Pedagogical University].

- Boranbaeva, 2014** – *Boranbaeva, B.* (2014). Gumar Karash [Gumar Karash]. Obschestvenno-politicheskaya deyatel'nost. Monografiya. Almati: «Aris», 232 p. [in Kazakh]
- Brainin, Shafiro, 1937** – *Brainin, S., Shafiro, Sh.* (1937). Ocherki po istorii Alash-Ordy [Essays on the history of Alash-Orda]. Kazakstanskoe kraevoe izdatel'stvo, Alma-Ata-Moskva. [in Russian]
- CGA RK** – Centralnii gosudarstvennii arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- GA RF** – Gosudarstvennii arhiv Rossiiskoi Federacii [State Archive of the Russian Federation].
- Galiev, 2011** – *Galiev, V.* (2011). Kniga_ razbudivshaya narod (Raziskaniya o Mirzhakyp Dulatove i ego sbornike «Prosnis Kazah» [The book that woke up the people (Examinations about Mirzhakyp Dulatov and his collection "Wake up Kazakh!"). Almati: Mektep, 528 p. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State archive of the Orenburg region].
- Gazeta Kazah, 1913** – Gazeta «Kazah» 1913 goda [Newspaper Kazakh 1913] 2-izdanie. Sost. S. Smagulova, G. Anes, T. Zamzaeva. Almati: «Aris», 480 p. [in Kazakh]
- Gazeta Kazah, 1914** – Gazeta «Kazah» 1914 goda [Newspaper Kazakh 1914]. 2-izdanie. Sost. S. Smagulova, G. Anes, T. Zamzaeva. Almati: «Aris», 480 p. [in Kazakh]
- Gazeta Kazah, 1998** – Gazeta «Kazah» (1998). [Newspaper Kazakh], Gl. redaktor A. Nisanbaev. Almati: «Kazahskaya enciklopediya» Gl. redakciya, 560 p. [in Kazakh]
- Ibrayev i dr., 2022** – *Ibrayev, Ye.Ye., Legkij, D.M., Tabuldenov, A.N.* (2022). «Dal'nejshee nabljudenie za nim ustanovleno». Ahmet Bajtursynov pod nadzorom carskoj ohranki (1907–1910 gody). [«Further surveillance of him established». Akhmet Baitursynov under the supervision of the tsarist secret police (1907–1910)]. *Otan tarihy*. 2: 123–134 p. [in Russian]
- Imahanbet, 2010** – *Imahanbet, R.* (2010). Chelovek veka: tvorcheskaya biografiya Ahmeta Bajtursynova (po arhivnym dannym) [Man of the century: Akhmet Baitursynov's creative biography (according to archival data)]. Monografiya. Astana: «Pedagogika-PRESS», 304 p. [in Kazakh]
- Kamzabekuli, 2022** – *Kamzabekuli, D.* (2022). Tyurkskii krug [Turk Circle]. Nur-Sultan: «Obschestvennii fond «Alashorda», 392 p. [in Kazakh]
- Koigeldiev, 1995** – *Koigeldiev, M.* (1995). Dvizhenie Alash [Alash movement]. Almaty, Sanat, 368 p. [in Kazakh]
- Kozodoi, 2021** – *Kozodoi, V.* (2021). Alihan Bukeyhanov, chelovek-epoha [Alihan Bukeykhanov: Man-Epoch]. Almati, ZhanDos, 312 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennii istoricheskii arhiv [Russian State Historical Archive].
- Spravochnaya knijka i Adres kalendar TO, 1914** – Spravochnaya knijka i Adres kalendar Turgaiskoj oblasti na 1914 god [Reference book and Address calendar of Turgai region for 1914]. Orenburg, Tipografiya Turg. Obl. Pravleniya. [in Russian]
- Tugaj, 2018** – Tugaj, T. (2018). Orenburgskij put A. Bajtursunova [Orenburg way A. Baitursunov]. Izdanie 2-e dop. Orenburg, 253 p. [in Russian]
- Vasilev 1896** – *Vasilev, A.* (1896). Istoricheskii ocherk russkogo obrazovaniya v Turgaiskoj oblasti i sovremennoe ego sostoyanie. [Historical sketch of Russian education in Turgai region and its present state]. Orenburg, Izdanie Turgaiskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta Tipo-litografiya N.N. Jarinova. [in Russian]

Газета «Казак» и ее оппоненты в казахском обществе в годы Первой мировой войны

Алмасбек Ахметулы Абсадык ^{a, *}, Бактылы Сансызбаевна Боранбаева ^b, Кабибек Мухитов ^c, Дмитрий Максимович Легкий ^a

^a Костанайский региональный университета им. Ахмета Байтурсынова, Костанай, Республика Казахстан

^b Западно-Казахстанский государственный университет им. М. Утемисова, Уральск, Республика Казахстан

^c Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова, Атырау, Республика Казахстан

Аннотация. Объективные обстоятельства, связанные с началом Первой мировой войны (в том числе выступлением Турции на стороне Германии) и восстанием 1916 г. в Казахской степи и Туркестане, определили устойчивое недоверие государственных органов Российской империи к общественной деятельности казахской интеллигенции, особенно к позиции газеты «Казак» (которую называли не иначе, как «мусульманской»), что сопровождалось усиленным вниманием к ней со стороны жандармского ведомства. Соответственной была реакция местных властей и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: absalmas@mail.ru (А.А. Абсадык), Baktyly@bk.ru (Б.С. Боранбаева), ocean_5@mail.ru (К. Мухитов), Legk_d@mail.ru (Д.М. Легкий)

сотрудников Оренбургской губернской жандармерии на статьи, опубликованные в газете «Казах», на ее широкую материальную поддержку казахским населением, в том числе из-за рубежа (Турция, Китай). Анализ архивных документов об организованной кампании ряда жалоб на редакцию казахоязычного органа печати с целью дискредитации деятельности сотрудников, что показало нарастание противоречий в просвещенной части казахского общества, приводит авторов к выводу, что этим не преминули воспользоваться царские власти. Несмотря на то, что в результате тщательного изучения сотрудниками Департамента полиции содержания выступлений против газеты «Казах» был выявлен предвзятый, неоправданный характер обвинений со стороны степной аристократии в адрес редакторов органа печати, государственные интересы требовали усиления охранительных мер. Использование ранее не изученных источниковых материалов в архивах Республики Казахстан и Российской Федерации (переписка Департамента полиции и оренбургского губернатора, донесения жандармского и полицейского ведомств) позволили показать результаты политического сыска за редакторами газеты «Казах», осветить детали противостояния в среде казахской политической элиты.

Ключевые слова: Алаш, Байтурсынов, Букейханов, Дулатов, газета «Казах», журнал «Айкап», жандармерия, Оренбург, периодическая печать, Российская империя.